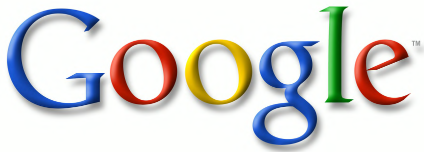

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

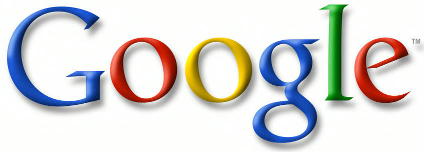
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 – 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and

First Director of This Library

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ТОМЪ XXXIII

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXIII

1888

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1888

PSlav 381.10
~~PSlav 381.10~~
~~Slav 25.15~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1, 1922

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ).

Графиня Екатерина Михайловна Румянцева.

Съ портрета, приложеннаго къ ея «Письмамъ», изданнымъ графомъ Д. А. Толстымъ.

Дозв. ценз. спб., 25 іюня 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ[1].

XXVII.

А СЛѢДУЮЩІЙ день Авдотья сумрачная и молчаливая собралась въ домъ Нейдшильда. У нея было письмо отъ Пашуты къ баронессѣ, въ которомъ дѣвушка заявляла, что внезапно выѣхала въ Грузино по своему дѣлу и пробудетъ тамъ около недѣли. Письмо конечно сочинилъ Шумскій, писарь переписалъ, а вмѣсто подписи былъ поставленъ простой крючекъ.

Шумскій и не подозрѣвалъ, что дѣлалъ наивный промахъ, ибо не зналъ, что за время своего пребыванія у Евы ея любимица выучилась изрядно писать порусски, а имя свое писала даже красиво и съ розчеркомъ. Авдотья вышла изъ дома предъ полуднемъ. Шумскій часа три проволновался, ожидая каждую минуту возвращенія женщины обратно въ квартиру и слѣдовательно отказа баронессы взять Авдотью на мѣсто любимицы... А это было равносильно полной неудачѣ въ его предпріятіи.

Но когда было уже часа четыре и на дворѣ стало темнѣть, Шумскій ободрился. Ввечеру онъ уже былъ веселъ, доволенъ и почти счастливъ. Авдотья была очевидно принята баронессой на мѣсто Пашуты.

Однако еще въ сумерки Шумскій былъ смущенъ неожиданнымъ посѣщеніемъ юнаго офицерика. Но смущеніе продолжалось не долго.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 513.

«Чортъ ихъ всѣхъ подери!» рѣшилъ мысленно молодой человѣкъ, узнавъ въ чемъ дѣло.

Къ Шумскому явился посланецъ отъ самого графа Аракчеева, юный прапорщикъ, состоявшій чѣмъ-то по военнымъ поселеньямъ. Онъ объяснилъ почтительно, что графъ «изволятъ» спрашивать, продолжаетъ ли все еще идти кровь носомъ у Михаила Андреевича.

Сначала Шумскій ничего не понялъ и глаза вытаращилъ, но затѣмъ смутился. Онъ забылъ и думать объ своемъ внезапномъ исчезновеніи изъ дворца, а главное забылъ не только извиниться предъ отцомъ, но даже ни разу не вспомнилъ о присутствіи отца въ Петербургѣ.

Подумавъ нѣсколько секундъ, Шумскій мысленно послалъ «всѣхъ» къ чорту и выговорилъ:

— Доложите его сіятельству, что идетъ...

Офицерикъ, конечно, понимавшій смыслъ даннаго ему графомъ порученія, теперь въ свой чередъ глаза вытаращилъ на дерзость отвѣта.

— Какъ то-ись... рѣшился онъ вымолвить.

— Да такъ... Идетъ и шабашъ! То нѣту, а то опять пойдетъ. Вотъ и сижу дома. Такъ и доложите!

Офицерикъ уѣхалъ, а Шумскій долго смѣялся...

Между тѣмъ въ квартирѣ, гдѣ было такъ весело ея владѣльцу, находилось, тоже почти забытое имъ, несчастное существо, которому было не до смѣху.

Первые часы проведенные Пашутой въ чуланѣ, гдѣ она была заперта, прошли для нея незамѣтно. Дѣвушка была въ какомъ-то тупомъ, почти безсознательномъ состояніи. Понемногу разсудокъ вернулся къ ней и прежде всего она стала обвинять себя въ легкомысленномъ шагѣ. Она не понимала, какъ могла на столько наивно и ребячески попасть въ ловушку.

Къ вечеру, много и много передумавъ, Пашута какъ-то успокоилась. Она разсудила, что рано или поздно все равно попала бы въ руки своихъ мучителей. Она ясно понимала, что если графъ Аракчеевъ прежде не соглашался, то и теперь не согласится продать ее, такъ какъ вѣроятно именно Шумскій воспрепятствовалъ этому черезъ Настасью.

Дѣвушка однако по характеру своему не могла относиться пассивно къ чему бы то ни было, до нея касающемуся, а тѣмъ паче къ теперешнему своему положенію. А было очевидно, что, продержавъ ее взаперти необходимое число дней, Шумскій отправитъ ее въ Грузино, гдѣ начнутся, конечно, всякія мытарства и Настасья Ѳедоровна щедро отплатитъ ей за все по наущенію своего сынка. Спасти себя отъ будущихъ мученій въ Грузинѣ было почти невозможно. Она могла только, какъ раза два предлагала ей баронесса, тайно бѣжать и на всю жизнь скрыться гдѣ-нибудь въ Фин-

ляндіи, гдѣ даже всесильный Аракчеевъ не могъ бы ее розыскать. Но это она могла бы сдѣлать только въ будущемъ. Теперь же нужно было бороться, спасти баронессу и отмстить за себя, воспользовавшись тѣмъ страшнымъ оружіемъ, которое необдуманно и неосторожно дала ей въ руки сама Авдотья.

И ввечеру Пашута почти совершенно успокоилась. Она поѣла хлѣба, выпила воды и невольно грустно улыбнулась. Смѣшно и дико показалось ей ея положеніе.

Чуланъ съ довольно чистыми стѣнами, свѣтлый, съ небольшимъ окошкомъ на дворъ, былъ сравнительно великъ, около квадратной сажени. Въ окошечко съ двумя рамами смотрѣлъ на нее новый двурогій мѣсяцъ. Въ чуланъ было натаскано братомъ очень много сѣна и Пашута разодѣтая и разфранченая сидѣла, поджавъ ноги, на полу. Ея щегольской костюмъ всего болѣе казался ей смѣшнымъ при этой обстановкѣ.

«Дворовая, крѣпостная дѣвка, разодѣтая барышней, думалось ей, сидитъ въ чуланѣ на сѣнѣ съ краюхой хлѣба и глинянымъ кувшиномъ воды!»

Пашута вздохнула, перекрестилась и, устроивъ свой теплый салопчикъ въ видѣ подушки, улеглась. Вскорѣ, не столько отъ усталости, сколько отъ волненія и всего пережитаго въ этотъ день, она уже крѣпко спала.

На утро рано она очнулась отъ легкаго стука въ дверь. Такъ какъ стукъ повторялся, то она, наконецъ, отозвалась.

— Я это, Василій,—послышался шопотъ брата за ея дверью.— Что какъ ты?—прибавилъ Копчикъ участливо.

— Ничего,—отозвалась дѣвушка.

— Ты не думай, Пашута, что я тебя тоже имъ предамъ.— Нѣту. Я надумалъ дѣло, только говорить теперь нельзя. По сю пору подойти къ двери не могъ. Авдотья тутъ была, теперь вышла, должно опять Богу молиться. Какъ только разойдутся всѣ изъ дома и баринъ уѣдетъ, мы на просторѣ побесѣдуемъ обо всемъ. А теперь покуда сиди, да не печалься. Мы ихъ перехитримъ. Спи себѣ, еще вѣдь рано.

Когда Авдотья ушла въ домъ Нейдшильда, Копчикъ сталъ нетерпѣливо дожидаться, чтобы баринъ тоже выѣхалъ со двора. Войдя раза два въ кабинетъ, малый догадался, что Шумскій очевидно чего-то ждетъ и никуда не собирается. Васька настолько изучилъ барина, что читалъ по его лицу, какъ по книжкѣ. Онъ понялъ теперь, что Шумскій сидитъ въ тревогѣ и ждетъ, конечно, результата отъ посылки Авдотьи.

«Пожалуй, весь вечеръ дома просидитъ, подумалось Васькѣ. А вернется коли Лукьяновна, мнѣ и совсѣмъ нельзя будетъ переговорить съ Пашутой».

Лакей рѣшился вдругъ, притворилъ всѣ двери между кабинетомъ и гардеробной, приблизился къ чулану и окликнулъ сестру.

Пашута тотчасъ же отозвалась болѣе свѣжимъ и бодрымъ голосомъ.

— Садись къ самой двери,—сказалъ Копчикъ,—какъ и я вотъ... И поговоримъ.

И усѣвшись на полу у самой двери чулана, Копчикъ почти прикладывая губы къ небольшому отверстію между дверью и притолкой, сталъ полушопотомъ разспрашивать сестру о всемъ, что случилось новаго за послѣднее время и какъ могла она такъ глупо попасть въ западню. Бесѣда брата съ сестрой затянулась. Изрѣдка Копчикъ вставалъ, проходилъ на цыпочкахъ къ кабинету барина и, убѣдившись, что тотъ продолжаетъ спокойно сидѣть у себя, снова возвращался и снова начиналъ прерванную бесѣду.

Прошло уже около часа, что братъ съ сестрой объяснялись, и объясненіе это было, вѣроятно, выходящее изъ ряда вонъ. Вѣроятно, Пашута передала брату что-либо чрезвычайно неожиданное и невѣроятное. Лицо Копчика измѣнилось, глаза раскрылись какъ-то шире и смотрѣли тревожнѣе. Онъ былъ настолько сильно взволнованъ, что боялся, какъ бы вдругъ баринъ не позвалъ его къ себѣ. Онъ чувствовалъ и понималъ, что съ такимъ лицомъ являться на глаза къ Шумскому было опасно. Баринъ могъ замѣтить перемѣну, которую самъ чувствовалъ въ себѣ Копчикъ.

Пришедшій по какому-то дѣлу кучеръ прервалъ бесѣду брата съ сестрой. На какіе-то незначущіе вопросы кучера, Копчикъ отвѣчалъ разсѣянно.

— Что? Аль недужится?—спросилъ тотъ, внимательно глядя въ лицо лакея.

— Нѣту, нѣту. Что ты!—поспѣшилъ вымолвить Копчикъ.—А, что? Почему спрашиваешь?

— Рыло-то у тебя такое, точно лихорадка трясетъ,—замѣтилъ кучеръ.

Копчикъ испугался мысли, что каждую минуту его можетъ позвать баринъ, а перемѣна въ лицѣ его была, очевидно, велика, если даже простой мужикъ замѣтилъ ее.

И было отчего крѣпостному холопу графа Аракчеева измѣниться въ лицѣ. Пашута передала брату подробно тѣ, что Авдотья называла своимъ «страшнымъ» словомъ и то, что называлъ Шумскій «чертовскимъ» словомъ. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ было многознаменательно и важно сообщенное Авдотьей своей пріемной дочери и переданное ею брату, если этотъ малый былъ теперь настолько пораженъ и взволнованъ. Вдобавокъ, въ концѣ бесѣды черезъ дверь, Пашута упросила брата помочь ей бѣжать какъ можно скорѣе, чтобы спасти баронессу и отмстить мучителямъ.

Копчикъ обѣщался, но при этомъ вздохнулъ и прибавилъ:

— Вѣстимо, надо тебѣ бѣжать и все поднять! Вѣстимо, надо перевернуть все верхъ дномъ. Оно имъ всѣмъ будетъ пуще и во-

стрѣе ножа. Но нехай, пущай, нечего ихъ злодѣевъ жалѣть, ни графа, ни Настасью, ни этого дьявола, ни Лукьяновну. Всѣ они дьявольское сѣмя. Но только надо подумать, Пашута, какъ помочь. Сама ты не захочешь бѣжать такъ, чтобы меня Михаилъ Андреичъ до смерти убилъ за это. Надо надумать такъ, чтобы мнѣ въ сторонѣ остаться. Похитрѣе надо. А то, ты освободишься, а меня онъ убьетъ до смерти. Не впервой ему убивать народъ.

— Но надо спѣшить, каждый день дорогъ,—отзывалась Пашута.

— Нынѣ ввечеру, божусь тебѣ, надумаю я тебя освободить,—рѣшилъ Васька.

Чтобы избавиться нѣсколько отъ той тревоги, которую произвела въ немъ бесѣда съ сестрой, успокоиться и придать лицу обыкновенное выраженіе, Копчикъ вышелъ во дворъ и побѣжалъ въ сосѣднюю лавку, куда часто бѣгалъ за разной мелочью. По дорогѣ онъ нѣсколько разъ украдкой перекрестился и проговорилъ:

— Ахъ, дай-то Господи, кабы все перевернулось верхъ дномъ. Вѣдь тогда и меня отъ него возьмутъ. Поѣду въ Грузино, а тамъ житье лучше будетъ. Настасья нашего брата не трогаетъ, у ней дѣвкамъ житья нѣтъ. Дай-то Господи! Но дѣло какое! Какое дѣло! Господи, какое дѣло!

Возвращаясь назадъ, Копчикъ остановился въ воротахъ и вдругъ вымолвилъ вслухъ.

— Нѣтъ, какова Лукьяновна-то! Ахъ дура, дура! Вотъ Дурафья-то Лукьяновна, какъ онъ сказываетъ. Эдакое слово, ужъ именно страшное, да выпустить какъ птицу. На, молъ, летай, гдѣ хочешь. Вѣдь не пройдетъ недѣли, по всему Питеру слово-то ея пробѣжитъ. Не мы одни, холопы, ахнемъ. Весь Питеръ ахнетъ. Вѣдь, пойди, пожалуй, до царя дойдетъ. Вотъ дѣло-то! Ахъ, ты, Господи!—уже улыбаясь, съ злорадствомъ шепталъ лакей.

Вернувшись въ квартиру, онъ хлопнулъ дверью слишкомъ громко и негаданно навлекъ на себя гнѣвъ барина. На стукъ двери Шумскій стремительно вышелъ изъ своего кабинета, быстрыми шагами прошелъ корридоръ и выговорилъ тревожнымъ голосомъ:

— Авдотья, ты?

— Никакъ нѣтъ-съ, она не ворочалась,—отозвался Копчикъ.

— Фу, дьяволы!—воскликнулъ Шумскій.—Кто же вошелъ?

— Это я-съ.

— Убью я тебя когда-нибудь,—закричалъ Шумскій, наступая на лакея, но тотчасъ же повернулся на каблукахъ и ушелъ къ себѣ, ворча что-то подъ носъ.

— И чего вдругъ озлился?—прошепталъ Копчикъ.—Чортъ его знаетъ, что съ нимъ дѣлается. Мало ли разъ приходилось эдакъ стукнуть. А теперь вскочилъ!

Разумѣется, Копчикъ не могъ знать, въ какомъ нравственномъ

состоянія сидѣлъ у себя Шумскій и какъ важно было для него предполагаемое появленіе Авдотьи. Услыхавъ звукъ захлопнутой двери, онъ почему-то вообразилъ себѣ, что это явилась его мамка, и пожалуй, такъ же, какъ тогда, послѣ объясненія съ Пашутой, ошпаренная и очумѣлая.

Когда совершенно стемнѣло и Копчикъ зажегъ огонь въ нѣсколькихъ горницахъ, а затѣмъ вышелъ въ прихожую, то остановился въ удивленіи: передъ нимъ стояла хорошенькая, молоденькая дѣвушка, незнакомая ему и никогда еще не бывавшая у нихъ въ квартирѣ. Дѣвушка смущенно оглядѣла лакея, видимо конфузясь.

«Это еще что за новая затѣя»,—подумалъ Копчикъ и сурово опросилъ незнакомку.

— Вы кто такіе? Зачѣмъ?

— Бѣлье починить позвали,—отозвалась дѣвушка.

— Кто позвалъ?

— Иванъ Андреевичъ. Они къ барину вашему прошли.

— Бѣлье чинить?—усмѣхнулся Копчикъ.—У насъ дранаго ничего нѣтъ. Все затѣйничество. Смотрите, какъ бы они васъ тутъ...

— Что то-ись?—слегка оробѣвъ вымолвила дѣвушка.

— Что? Вѣстимо что... Ну, да это ваше дѣло...

Копчикъ махнулъ рукой и вышелъ въ корридоръ.

XXVIII.

Въ эти самыя минуты Лепорелло-Шваньскій докладывалъ патрону своему о важномъ дѣлѣ.

Шумскій, сбывъ съ рукъ посланца отъ графа да еще съ дерзкимъ отвѣтомъ, проволновался еще не много относительно Авдотьи. Но полная темнота, вечеръ... успокоили его. Еслибъ баронесса отказала женщинѣ, то она была бы уже дома. Шумскій вполнѣ счастливый распѣвалъ и посвистывалъ, собираясь къ Квашнину, когда въ кабинетѣ его появился Шваньскій съ своей особенной обезьяниной усмѣшкой на лицѣ.

— А?—весело воскликнулъ Шумскій.—Иванъ Андреичъ—шпрехенъ зи деичъ! Откуда несетъ?

Доморощенному Лепорелло это восклицаніе доказывало, что патронъ Донъ-Жуанъ въ духѣ.. Что-нибудь новое и пріятное случилось.

— Дурафья Лукьяновна не вернулась! Понялъ ты, глиняная голова!—объяснился Шумскій.

— Ну и слава Богу и благодареніе...

— Должно быть...—разсмѣялся Шумскій, и презрительно и рѣзко.—Благодареніе и слава Господу... Дурень! Неужто же ты думаешь, что Господь помогаетъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ, хотя бы и въ самыхъ пакостныхъ. Въ это и турки, я чай, не вѣруютъ.

— Такъ сказывается, Михаилъ Андреевичъ,—тоже смѣясь отозвался Шваньскій.—А вѣстимо, что Господь...

— Вѣстимо... Ничего не вѣстимо людямъ. Самъ Господь-то не вѣстимъ. Слыхать-то слыхали, а видать никто не видалъ,—пробурчалъ Шумскій себѣ подъ носъ, но весело и хорохорясь какъ школьникъ, которому удалась шалость, и онъ ею самъ предъ собой похваляется.

— Верхомъ бы что ли покатался... Или бы выпилъ здорово съ пріятелями...— снова произнесъ Шумскій, какъ бы самъ себѣ.— Такъ бы выпилъ, что непремѣнно бы кончилъ фокусомъ на всю столицу. Давно я не безобразничалъ, засидѣлся, все тѣло какъ-то потягиваетъ. Хотѣлось бы косточки расправить.

— Чтожъ прикажите кличъ кликнуть. Къ полночи вся квартира полна будетъ народу. Только доложу, Михаилъ Андреевичъ, не время. Не въ пору. Надо бы нынѣ дѣломъ заняться намъ.

— Намъ? Дѣломъ? Тебѣ и мнѣ—вмѣстѣ? Скажите пожалуйста?!

— Намъ-съ. А желаете, можно и безъ меня, одни дѣйствовать.

— Что же это? Ну...

Шваньскій усмѣхнулся самодовольно.

— Мареуша здѣсь. Привелъ-съ.

— Какая Мареуша?—удивился Шумскій.

— А швейка-то... Забыли. Созданіе-то.

— Созданіе?.. Для пробованія питья?!—расхохотался молодой человѣкъ.—Ну, конечно, надо заняться дѣломъ, а не бездѣльемъ... Ты ей какъ же разъяснилъ-то... Боится небось?

— Никакъ-съ. Нешто можно говорить эдакое,—возразилъ Шваньскій важно.—Помилуйте. Она просто пришла ваше бѣлье перечинить. Вечеръ посидитъ; ночуетъ; а утромъ опять за работу... А ввечеру попозднѣе мы ее чайкомъ угостимъ, со сливочками и съ нашимъ новгородскимъ соусомъ. Вотъ и увидимъ какъ оно дѣйдѣйствуетъ.

Шумскій молчалъ и насупился.

— Жаль бѣдную.:. Молоденькая? Жаль. Кто его знаетъ, что потрафится отъ питья. А дѣлать нечего. Надо.

— Вѣстимо надо... Да и вѣрнаго человѣка. Чтобъ не проврались.

— Ладно... Ну, давай ее сюда... Поглядимъ.

— Ужъ лучше, Михаилъ Андреевичъ, вы выйдете къ ней. Она у меня боязная, пожалуй не пойдетъ сюда, да станетъ домой проситься. А то и убѣжитъ сама. Дѣвицы народъ опасливый.

— А она дѣвица?

— Да-съ.

— Тебѣ ктожъ это сказалъ?—разсмѣялся Шумскій.

— Видать-съ.

Шумскій расхохотался еще громче и прибавилъ безобразную

шутку. Шваньскій съёжился, кисло ухмыляясь, такъ какъ она касалась его личности и была хотя и очень остроумна, но до крайности груба и оскорбительна.

— Ну пустое! Разъ залучили твое созданіе, такъ не выпустимъ. Я выѣду не на долго. Пріѣду, посылай ко мнѣ; а самъ не приходи. Съ глазъ на глазъ вольготнѣе все. Хоть я и не такой дальнозоркій какъ ты, а все-таки сразу увижу годится ли она для пробы. А то можетъ солдата въ юбкѣ привелъ, котораго не то что питьемъ какимъ, а дубьемъ развѣ свалишь съ ногъ.

— Вотъ изволите увидѣть. Дѣвушка изъ себя совсѣмъ барышня нѣжная...

— Перелетнымъ вѣтеркомъ подбитая!..

— Нѣтъ-съ. Зачѣмъ! Не вѣтромъ, а...

— Кости да кожа. Одёръ. Ну вели чай подавать... Ее посади покуда за работу, а тамъ пріѣду посылай сюда. Я ее угощу. Принеси мнѣ сюда сейчасъ же сливки, надо оршадъ-то этотъ загодя приготовить. Какая дура ни будь, а налей ей бурдецы въ чай изъ пузырька, побоится пить... Ну пшёлъ! Дѣйствуй. Шпрехенъ зи дейчъ!—весело прибавилъ Шумскій.

Спустя около полутора часа, когда Шумскій, выѣзжавшій изъ дома, вернулся обратно, въ его спальнѣ былъ накрытъ столъ и поданъ самоваръ. Вслѣдъ за нимъ появилась въ горницѣ та же дѣвушка, слегка смущаясь и робко озираясь. Увидя себя въ спальнѣ барина, а его сидящаго на диванѣ, она опустила глаза и стала близь двери. Шумскій, слегка изумленный, молча глядѣлъ на дѣвушку. Его поразило сразу... Сходство!

— Что прикажете?—едва слышно выговорила, наконецъ, дѣвушка, чтобы прервать неловкое молчанье.

— А прикажу я... моя прелесть, меня не дичиться. Успокоиться... Быть веселой. Никакого худа я тебѣ не сдѣлаю, въ любви объясняться не стану. Ты для меня ни на какое дѣло—не пара. Я швеекъ, да кухарокъ, да поломоекъ—женщинами не почитаю. Пускай за такими, какъ ты, ухаживаютъ господа Иваны Андреичи. Стало быть, ты меня и не бойся. Ты мнѣ что кошка, что канарейка, что блоха... поняла?!..

Мареуша молчала и стояла опустя глаза. Она поняла все очень хорошо, но понятое было ей совсѣмъ обидно. Такіе же господа какъ и этотъ, офицеры и чиновники, случалось не разъ говорили съ ней совершенно иначе, бывали много ласковѣе и вѣжливѣе.

— Ну, поди сюда. Садись... Я тебя угощу чайкомъ. Выпьешь чашечку, двѣ и пойдешь опять работать... Ну, иди же... Садись. Не ломайся.

— Чтожъ? Я сяду... Только... Зачѣмъ?—произнесла Мареуша наивно просто и вдругъ впервые подымая большіе глаза на Шумскаго.

И при видѣ ея лица, оживившагося отъ красиваго синяго взора, молодой человѣкъ снова смолкъ на мгновенье.

— Удивительное сходство! — произнесъ, наконецъ, Шумскій вслухъ.—Чудно! Знаешь ли ты, Маруша. Ты вотъ дѣвочка, такъ себѣ. Ничего. Не уродъ. А похожа ты на первую въ столицѣ раскрасавицу... Только вотъ... То же, да не то! Ну, садись же?

Маруша, смущаясь немного, сѣла къ столу, гдѣ стоялъ самоваръ. Шумскій налилъ ей чаю, а затѣмъ сливокъ изъ молочника. Наливая, онъ думалъ: «Чортъ его знаетъ, что я дѣлаю... Ну вдругъ тутъ же у меня въ спальнѣ подохнетъ. Какая возня будетъ». Однако, подвинувъ чашку къ дѣвушкѣ, онъ произнесъ весело:

— Пей скорѣе. Еще налью...

Маруша принялась за чай... Шумскій глядѣлъ на нее во всѣ глаза, ожидая, что вкусъ чая ее остановитъ. Но дѣвушка, выливъ на блюдце, пила въ прикуску съ видимымъ удовольствіемъ и пощелкивая сахаромъ.

— Сливки-то хороши ли?—вымолвилъ Шумскій совершенно серьезно.

— Ничего-съ.

— Не испортились... Мнѣ показалось, что они малость попахиваютъ... Точно будто сапогами смазными. А? Что?

— Ничего-съ.

— Хороши?!.

— Хороши...

— Дайка-сь мнѣ понюхать.

Шумскій взялъ чашку дѣвушки и поднесъ ее къ носу. Чай ничѣмъ не пахнулъ... Онъ держалъ чашку и колебался.

«Хлебнуть малость, чтобы знать вкусъ или нѣтъ...»—думалось ему. «Отъ одного глотка ничего не приключится».

— Твои мысли хочу я знать!—выговорилъ онъ и тотчасъ хлебнулъ крошечный глотокъ.

Вкуса никакого не было. Онъ хлебнулъ еще глотокъ, подержалъ чай во рту и тоже проглотилъ.

«Какъ есть ничего! Будто малость воды мыльной подлили въ сливки»,—подумалъ онъ и воскликнулъ вслухъ:

— Нѣтъ, каковы мерзавцы!!

— Кто-съ?—удивилась Маруша.

— Ахъ, мерзавцы-каторжники!—качалъ Шумскій головой.—Что придумали. Каковы! Что стряпаютъ и людямъ продаютъ.

Дѣвушка съ удивленьемъ глядѣла на барина. Она поняла по своему его восклицаніе.

— Онѣ право же не кислыя,—возразила она.

Чрезъ минуту, однако, Шумскій снова наливалъ чай въ чашку дѣвушки и опорожнилъ затѣмъ туда же весь молочникъ до капли.

— Спасибо,—вымолвила Мареуша.—А себѣ-то вы... Безъ сливокъ стало быть кушаете?

— Нѣтъ, я люблю тоже со сливками! Только не съ эдакими!—звонко разсмѣялся Шумскій на всю горницу.

— Не съ эдакими?—повторила Мареуша.

— Нѣтъ не съ эдакими!—повторилъ и Шумскій, смѣясь снова чуть не до слезъ.

Мареуша принялась за чай. Шумскій вдругъ замолкъ сразу, лицо его сдѣлалось серьезно, онъ наклонилъ немного голову, и сталъ, искоса глядя на полъ, будто прислушиваться къ чему-то. Въ дѣйствительности онъ прислушивался не слухомъ, а внутреннимъ осязаніемъ къ тому, что почувствовалъ вдругъ въ желудкѣ и во всемъ тѣлѣ. Въ немъ разлилась легкая теплота какъ отъ стакана хорошего крѣпкаго коньяку или рому... Теплота эта ясно ощущаемая, казалось, волной разливалась по тѣлу, по спинѣ и въ особенности по рукамъ и ногамъ.

«Чудно! Вѣдь это отъ бурды!—подумалъ онъ.—Это она... Стало быть дѣйствуетъ. Даже малость, и та дѣйствуетъ... А ну, какъ и я съ ней вмѣстѣ свалюсь»!

И, разсмѣявшись, Шумскій прибавилъ вслухъ:

— Мареуша, ты не чуешь, какъ отъ этого чаю тепленько дѣлается во всемъ тѣлѣ?!.

— Да-съ,—кротко едва слышно отозвалась дѣвушка.

— Чувствуешь?..

— Да-съ...

— Да что? Что?

— Ничего-съ...

— Тьфу Господи!—воскликнулъ онъ.—Согрѣло тебя. По тѣлу пошло теплымъ, жаръ эдакій, какъ отъ вина.

— Да-съ,—тихо отозвалась Мареуша.

— Сильно... захватываетъ.

— Да-съ...—какъ бы чрезъ силу выговорила дѣвушка.

— Томитъ...

Дѣвушка допила чай съ блюдца, потянулась было за чашкой, чтобы по обычаю поставить ее верхъ дномъ на блюдце, но рука, не тронувъ чашки, соскользнула со стола на колѣни.

Она собралась что-то сказать, вѣроятно поблагодарить барина, но только разинула ротъ и не произнесла ни слова...

— Ты, глупая, не понимаешь. Мой чай заморскій, удивительный, какого ты никогда не пила. Вотъ я тебя и допрашиваю... Хорошо тебѣ отъ него? Тепло?!.

— Тепло...—произнесла дѣвушка лѣниво чрезъ силу и откачнулась на спинку кресла.—Позвольте... Я пойду...

— Обожди. Куда спѣшишь!—отозвался Шумскій еще ничего

не замѣчая, но затѣмъ онъ тотчасъ же, пристально приглядѣвшись къ дѣвушкѣ, все сообразилъ.

Голосъ ея совсѣмъ спалъ, взглядъ глазъ былъ тоже другой... мутный, потухающій...

— Иди! Ступай!—вдругъ произнесъ онъ, нагибаясь и внимательно разглядывая ея лицо, замѣтно поблѣднѣвшее, или, вѣрнѣе, вдругъ поблёкшее...

— Иди же... Чего сидишь. Уходи. Пора!—произнесъ Шумскій, возвышая голосъ и какъ бы приказывая.

Мареуша качнулась въ одну сторону, потомъ въ другую и шепнула тихо какъ бы себѣ самой:

— Ноги...

— Что ноги?..

Мареуша молчала, потомъ вдругъ сразу какъ-то вся осунулась, голова ея склонилась на грудь, и она, качнувшись въ бокъ, свисла чрезъ ручку кресла.

Шумскій быстро вскочилъ и, поддержавъ ее, прислонилъ плотнѣе туловище дѣвушки къ спинкѣ. Она была уже почти безъ сознанія и, пробормотавъ что-то безсвязное, начала тяжело сопѣть... Грудь вздымалась высоко, руки начало слегка подергивать. Наконецъ, дѣвушка вдругъ выпрямилась, тихо простонала или промычала протяжно и опять осунулась уже совсѣмъ безъ чувствъ какъ замертво.

— Дѣло-то дрянь!—выговорилъ Шумскій.—Стало много я ей сразу хватилъ. Эй, Шваньскій! Чортъ. Иди! — крикнулъ молодой человѣкъ, слегка смущаясь.

Но въ домѣ все было тихо, шаговъ не раздавалось...

Шумскій отворилъ дверь въ корридоръ и зычно крикнулъ на всю квартиру.

— Шваньскій! Гей, черти! Копчикъ!

И Лепорелло, и лакей, рысью бросились на этотъ голосъ барина. Шумскій впустилъ перваго и тотчасъ снова захлопнулъ дверь подъ носомъ Копчика.

— Готово?—произнесъ Шваньскій, удивляясь.

— Такъ готово, что и ты готовься въ Сибирь идти!—угрюмо отозвался Шумскій.

Копчикъ, съ своей стороны, очутившись предъ захлопнутой дверью, тотчасъ воспользовался отсутствіемъ Шваньскаго, чтобы снова успѣть переговорить черезъ дверку съ сестрой. Пашута долго не могла понять хорошо, что объяснялъ братъ, такъ какъ онъ старался говорить какъ можно тише. А между тѣмъ. обоимъ была дорога каждая минута. Шваньскій могъ ежеминутно прійти изъ кабинета барина.

— Ну, да нечего тебѣ понимать,—выговорилъ наконецъ Копчикъ громче.—Сказано, что тебѣ дѣлать, остальное я самъ сдѣлаю.

Только стучись и у Ивана Андреича всячески выпроси ножикъ для хлѣба. Дастъ онъ, все дѣло налажено, не дастъ, другое надумаемъ.

— Я не могу ножемъ эдакаго замка сломать,—отозвалась Пашута.

— Ахъ, глупая! Тебѣ говорятъ, все я сдѣлаю. Ты только достучись, да ножикъ выпроси, остальное не твое дѣло.

Едва Копчикъ успѣлъ произнести эти слова, какъ изъ комнаты Шумскаго вышелъ Шваньскій. Лакей тотчасъ же выбѣжалъ изъ дома и сталъ на дворѣ, а Пашута начала стучать въ дверь.

— Василій!—громко произнесъ Шваньскій.—Слышь, энта, твоя стучитъ. Сестричка-то...

Но отвѣта не было. Шваньскій осмотрѣлся и увидалъ, что прихожая пуста. Пашута продолжала стучать.

— Ну, чего барабанишь, барышня, — подошелъ Шваньскій къ двери чулана.

— Василій! это ты? — отозвалась Пашута, отлично узнавшая голосъ Шваньскаго.

— Нѣтъ, не Василій покуда. Чего тебѣ? Чего барабанишь? Думаешь, выпустятъ, что ли?

— Иванъ Андреичъ, будьте добры, дайте ножичекъ. Ѣсть хочется, не могу.

— Это почему?

— Не могу, краюха высохла, ни пальцами, ни зубами ничего не подѣлаешь. Одолжите ножичекъ, не могу же я съ голоду умирать.

— Эге,—разсмѣялся Шваньскій громко.—Какая прыткая! Дай ей ножикъ. Это, чтобы расковырять окно или дверь, да высвободиться.

— Господь съ вами! Что вы! Развѣ я могу ножикомъ эдакую дверищу съ эдакимъ замкомъ сломать? Да зачѣмъ мнѣ освобождаться? Чтобы еще хуже было. Какъ вамъ не смѣшно эдакое выдумывать. А еще умный человѣкъ. Тутъ ломомъ ничего не сдѣлаешь, такъ что же я могу ножикомъ сдѣлать. Мнѣ ѣсть хочется, а отрѣзать нечѣмъ, хлѣбъ одервѣнѣлъ совсѣмъ.

Шваньскій подумалъ мгновеніе и дѣйствительно ему показалось крайне нелѣпо его подозрѣніе. Можетъ ли дѣвушка простымъ столовымъ ножомъ выломать большой замокъ плотной двери. Если бы она и начала свою работу, у ней не хватитъ силы, а если бы и достало умѣнья и силы, то вѣдь въ прихожей и гардеробной постоянно кто-нибудь да находится. Наконецъ, если бы Пашута и освободилась изъ своего чулана, то ее схватятъ въ квартирѣ или во дворѣ и опять запрутъ.

— Будьте милостивы, Иванъ Андреичъ, — снова раздался голосъ дѣвушки.

— Какъ же я тебѣ ножикъ дамъ? сквозь стѣну?

— Подъ дверь просуньте. Тутъ рука проходитъ даже...

— Ладно, такъ ужъ и быть,—отозвался Шваньскій, и, доставъ изъ буфета столовый ножикъ, онъ просунулъ его между поломъ и дверью.

— Ну вотъ, спасибо вамъ. Хоть поѣсть можно теперь. А то вѣдь, что выдумали,—отозвалась Пашута, тихо смѣясь отъ невольной радости при видѣ ножа.

Но, взявъ его въ руки, Пашута снова задумалась.

«Что же, что ножикъ тутъ»,—подумала она. «Что Василій надумалъ? Я имъ сама, конечно, ничего подѣлать не могу. Будь окно больше, вырѣзала бы рамы и вылѣзла. Но въ это окошко младенецъ развѣ пролѣзетъ. А дверь и замокъ ломать эдакимъ ножомъ, тутъ на двѣ недѣли работы. Увидимъ, что надумалъ Василій. Давай Богъ! Пора бы, пора. Они, злодѣи, дѣйствуютъ».

Въ эту минуту за дверью раздался голосъ брата.

— Ну, что? Получила, аль нѣтъ?

— Ножикъ у меня,—отозвалась дѣвушка.

— Ну слава Богу. Готовься. Въ ночь и убѣжишь...

XXIX.

Около полуночи Копчикъ одинъ одинехонекъ бродилъ изъ комнаты въ комнату по полутемной квартирѣ. Огонь горѣлъ только въ спальнѣ барина и въ прихожей. Лакей двигался по всей квартирѣ, не находя себѣ мѣста, потому что волновался донельзя. Ему казалось, что онъ трусливо упускаетъ дорогое время. Баринъ выѣхалъ со двора, и Копчикъ слышалъ, какъ онъ собирался на радостяхъ кутнуть съ пріятелями, слѣдовательно, его можно было ожидать домой только на зарѣ. Шваньскій тоже куда-то исчезъ и объяснилъ, что ночью розыскивать «эдакое» мудрено и что, если онъ доищется, то, конечно, не ранѣе часовъ трехъ ночи. Другого лакея по обыкновенію не было дома, такъ какъ Шумскій услалъ его куда-то съ письмомъ. Васька былъ теперь въ квартирѣ полнымъ хозяиномъ, а Пашута сидѣла въ чуланѣ съ ножемъ, удачно вымaненнымъ у Шваньскаго. Казалось, что наступала вполнѣ удобная минута спасти сестру, а, между тѣмъ, нѣчто особенное въ квартирѣ останавливало Копчика, пугало. Привыкшій къ затѣямъ своего барина, онъ теперь все-таки не могъ понять произшедшаго въ квартирѣ.

— Что за притча,—восклицалъ онъ.—Чортъ ихъ знаетъ? Да и самъ чортъ не пойметъ! Больно ужъ диковинно.

Дѣло въ томъ, что въ спальнѣ Шумскаго на диванѣ лежала незнакомая дѣвушка, приведенная Шваньскимъ. Васька напрасно соображалъ и ничего сообразить не могъ. Дѣвушка эта сидѣла сначала въ гардеробной, перeглядывая и собираясь чинить бѣлье ба-

рина, но затѣмъ ее позвали въ спальню, чтобы угостить чаемъ. Побесѣдовавъ съ дѣвушкою довольно долго, баринъ позвалъ къ себѣ Шваньскаго... Но все стихло. Голосовъ не слышно было. Когда Копчикъ, заинтересованный въ высшей степени происходящимъ, рѣшился войти въ спальню, то сталъ какъ вкопаный. Его поразила неожиданная картина. Дѣвушка лежала на диванѣ, баринъ и Шваньскій сидѣли около нея, перешептываясь.

Копчикъ струсилъ и хотѣлъ выскочить, какъ ошпаренный, ожидая окрика и, пожалуй, даже чего-нибудь худшаго отъ тяжелой руки барина. Но Шумскій, увидя лакея, весело подозвалъ его и сказалъ:

— Глянь-ка, вишь, какъ сладко почиваетъ. Что, удивительно? На-ко погляди вотъ.

Шумскій взялъ руку дѣвушки, поднялъ ее и бросилъ. Рука упала и шлепнулась, какъ у трупа.

— Подними-ка ногу,—смѣясь приказалъ Шумскій своему Лепорелло.

Шваньскій сдѣлалъ тоже самое съ ногой дѣвушки.

— Мертвая какъ есть, — воскликнулъ Шумскій — Ну, братъ Васька, плохи наши дѣла. Обвинятъ меня въ убійствѣ пришлой дѣвицы. Я на себя не возьму. Скажу, ты убилъ. И пойдешь ты въ каторгу. И Иванъ Андреевичъ покажетъ тоже подъ присягой, что озлился, молъ, Васька, хватилъ ее полѣномъ по маковкѣ, она упала, да вотъ и лежитъ.

И оба, и баринъ, и его наперстникъ, громко расхохотались.

Лакей долго стоялъ молча и глупо, выпуча глаза и на нихъ, и на лежащую дѣвушку.

Теперь ни того, ни другого не было дома. Копчикъ же точно также, входя теперь въ спальню, глядѣлъ на незнакомую дѣвушку, уже раза два нагнулся близко надъ ея лицомъ, трогалъ ее за руку и за голову. Онъ понялъ теперь, что дѣвушка была жива, но однако въ какомъ-то странномъ состояніи, ему не понятномъ.

«Стало быть, опоили чѣмъ. Пьяна, что ли. Нѣтъ, эдакихъ пьяныхъ не случалось видать,—думалось Копчику.—Но зачѣмъ оно имъ понадобилось. Вотъ диковинно. Опоили и уѣхали». Сотвори они съ ней что-либо иное, Копчикъ еще понялъ бы дьявольскую затѣю барина. Но привезти дѣвушку незнакомую, опоить, бережно уложить на диванѣ, посмѣяться и разъѣхаться, казалось Копчику чѣмъ-то совершенно нелѣпымъ. Между тѣмъ, это приключеніе мѣшало ему исполнить свое предпріятіе. Будь онъ одинъ въ квартирѣ съ сестрой, онъ освободилъ бы ее тотчасъ же. Онъ могъ бы сказать, что отсутствовалъ изъ квартиры, а теперь это невозможно, такъ какъ уѣзжая, Шумскій строго приказалъ ему не отлучаться ни на минуту и ни на шагъ отъ спящей дѣвушки. А если она проснется, то не выпускать ее ни за что изъ квартиры до его возвращенія.

— Проснется!—вспомнилъ Копчикъ, тряся головой. — Гдѣ ей! Видать, что эдакъ сутки пролежитъ, коли совсѣмъ не помреть.

Проброднвъ еще около получаса по корридору, малый вдругъ схватилъ себя за голову и ахнулъ.

— Ахъ, ты дура, дура! Дурья ты голова! Да когда же и дѣло-то дѣлать, коли не теперь. Скажу: вы приказали не отлучаться. Она, молъ, руками двигала. Я побоялся, все и сидѣлъ. Слышалъ я шумъ, да отойти не смѣлъ.

И Копчикъ, потерявъ въ раздумьѣ и нерѣшимости около полутора часа, вдругъ съ лихорадкой во всемъ тѣлѣ, слегка пощелкивая зубами отъ боязни и трепета, принялся за дѣло. Онъ вдругъ бросился, какъ бы рванулся съ мѣста, прямо въ кабинетъ барина и взялъ ключъ отъ чулана; отперевъ дверку, онъ выпустилъ сестру. Пашута вышла, бросилась на шею брату, расцѣловала его и, задыхаясь отъ волненія, не вымолвивъ ни слова, махнула только отчаянно рукой и тотчасъ же вышла во дворъ. Ни слова не успѣлъ Копчикъ ни спросить, ни сказать сестрѣ. Не до того и было... Онъ взялъ топоръ, вошелъ въ чуланъ, перемѣстивъ ключъ, заперся извнутри и съ небольшимъ усиліемъ разломалъ и оторвалъ замокъ отъ двери. Замокъ вмѣстѣ съ ключомъ упалъ на землю, а дверь отворилась.

— Ладно, тамъ разнюхивай. Ножомъ ли, топоромъ ли! Я или Пашута!—нервно, судорожно шевеля губами, проговорилъ Копчикъ.

Вынувъ ключъ изъ замка, онъ бросилъ его въ самыхъ дверяхъ, а ключъ быстро отнесъ и положилъ на то же мѣсто письменнаго стола. Затѣмъ онъ снова быстро двинулся, спѣша сдѣлать еще что-то неотложное, поскорѣе, но вдругъ опомнился и произнесъ:

— Все! Что же больше-то? Все сдѣлано? Да, все. Только что мнѣ будетъ? Убить можетъ.

И малый опустился на ближайшій стулъ, такъ какъ ноги у него подкашивались. Однако, чрезъ нѣсколько минутъ, онъ вспомнилъ про опоенную швею и перешелъ въ спальню и снова сѣлъ на стулъ близъ самого дивана, гдѣ точно такъ же, какъ мертвая, лежала незнакомая дѣвушка. Копчикъ поглядѣлъ ей въ лицо. Она была блѣдна попрежнему, но дыханіе казалось свободнѣе и ровнѣе.

— Господи! Дѣла-то какія творятся тутъ,—произнесъ Копчикъ вслухъ.—Что это за проклятый домъ. Мало я какихъ мерзостей въ этомъ домѣ насмотрѣлся. Вотъ теперь сестра убѣжала и, пожалуй, черезъ часъ тутъ и смертоубійство будетъ. Я мертвый буду валяться. А эта вотъ уже лежитъ и можетъ помираетъ, къ утру на томъ свѣтѣ будетъ. Если Господь Богъ все это видитъ, то что же вамъ на страшномъ судѣ будетъ? Даже и не придумаешь, что съ вами быть можетъ. Черти на васъ кататься будутъ въ перегонки, какъ сказываетъ нашъ лавочникъ. Да этого мало. Жарить бы васъ вѣки вѣчные на сковородѣ, вотъ что нужно.

Копчикъ понурился, уперъ локти въ колѣни и опустилъ на руки голову. Долго ли онъ просидѣлъ тутъ, тяжело обдумывая все случившееся и все, что грозитъ ему каждую минуту по возвращеніи барина, онъ самъ не зналъ.

— Дрыхнешь, скотина!—раздался вдругъ надъ нимъ голосъ, грозный, но визгливый.

Копчикъ очнулся и всталъ. Передъ нимъ былъ Шваньскій, а за нимъ какая-то незнакомая личность со свѣтлыми пуговицами на кафтанѣ.

— Знаешь ли ты, пропащая твоя голова, что въ домѣ приключилось,—закричалъ Шваньскій внѣ себя.—Ты тутъ дрыхалъ, а тамъ знаешь ли что?

Копчикъ молчалъ и умышленно таращилъ глаза.

— Гдѣ Пашута?—прокричалъ Шваньскій.

Копчикъ молчалъ.

— Тебѣ говорятъ, проснись, чортово рыло. Гдѣ Пашута?

— Въ чуланѣ,—отозвался Копчикъ шопотомъ.

— Въ чуланѣ? На вотъ, пойди, гляди.

И Шваньскій въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что Копчикъ зналъ его, рѣшился на то, чего никогда не позволялъ себѣ. Онъ схватилъ Копчика за шиворотъ и, толкая передъ собой, пихнулъ въ корридоръ.

— Пошелъ, гляди.

Шваньскій нѣсколькими толчками довелъ Копчика до чулана и показалъ на дверь. Копчикъ стоялъ, не двигаясь, но тотчасъ сообразилъ, что онъ дѣйствуетъ неосторожно и глупо. Онъ всплеснулъ руками надъ головой, потомъ схватилъ себя за волосы и сталъ кричать на всю квартиру:

— Ахъ чортъ! Ахъ подлая! Какъ же это? Что же это?

Но голосъ Копчика былъ настолько неестественъ, малый такъ плохо сыгралъ отчаяніе, что только одинъ Шваньскій могъ попасться на удочку. Будь здѣсь самъ баринъ, онъ по этому одному голосу лакея догадался бы, что онъ играетъ комедію.

— Искать, искать надо!—закричалъ Копчикъ и стремглавъ выскочилъ на дворъ. Здѣсь онъ остановился, вздохнулъ и невольно усмѣхнулся.

— Вышло гладко, эдакъ я и надѣяться не могъ,—шепнулъ онъ.— Вышло отлично. Первый увидалъ, самъ меня нашелъ, якобы спящимъ. Очень гладко вышло. Давай, Господи! Помоги, Господи!

И Копчикъ среди темной ночи сталъ креститься, поднимая глаза на нѣсколько мигавшихъ на облачномъ небѣ звѣздочекъ.

Между тѣмъ, Шваньскій ушелъ снова въ спальню, гдѣ остался и теперь молча сидѣлъ около лежавшей на диванѣ дѣвушки, тотъ незнакомецъ, котораго онъ привезъ. Господинъ этотъ въ сюртукѣ

съ металлическими пуговицами былъ конечно докторъ, но не для людей.

Это обстоятельство не мало забавляло Шваньскаго, когда онъ ночью розыскалъ и повезъ въ квартиру незнакомаго ему человѣка, и вдобавокъ ветеринара.

«Для эдакой-то дѣвочки, да коновалъ. Подумаешь, что она лошадь или корова»,—думалось Шваньскому по дорогѣ.

Ветеринаръ, уже тщательно освидѣтельствовавшій лежавшую дѣвушку, объявилъ теперь, что положительно ничего сказать не можетъ.

— Бываютъ эдакіе припадки,—заговорилъ онъ.—Падучая, что ли. Сказываете, сидѣла, шила?

— Ну, да, да.

— И вдругъ повалилась и вотъ въ этомъ видѣ все?

— Ну, да, да,—повторялъ Шваньскій.

— А когда повалилась, било ее, ноги закручивало, пѣна изо рта шла?

— Не помню. Кажись, что нѣтъ.

Шваньскій не хотѣлъ лгать, такъ какъ это не входило въ его планъ. Онъ не хотѣлъ сбивать съ толку человѣка, котораго позвалъ для разъясненія опасности положенія и пожалуй для подачи необходимой помощи.

— Какое же ея состояніе? Спитъ она, что ли?—спросилъ онъ.

— Да чтожъ, почитай, спитъ. Видите, спитъ,—отозвался ветеринаръ.—Сердце стучитъ, какъ слѣдуетъ, дыханіе, видите, тоже какъ слѣдуетъ. Лицомъ бѣла, да, можетъ, она всегда такая блѣднокровная.

— Какъ же по вашему, проснется она?

— Надо думать, что проснется, а можетъ...

— Что?

— А можетъ, и не проснется...

— Да, это вѣрно,—невольно усмѣхнулся Шваньскій,—что коли проснется, то проснется, а коли не проснется, то не проснется. Да, это очень вѣрно сказано!—прибавилъ онъ, поддѣлываясь подъ тонъ голоса и манеру Шумскаго.

— Да вѣдь позвольте, господинъ, не знаю какъ ваше имя и отчество, позвольте вамъ доложить, что и мы тоже не Духомъ Святымъ пользуемся. Наука сама по себѣ существуетъ, а мы обработываемъ...

— Ну да,—прибавилъ Шваньскій, тѣмъ же рѣзкимъ тономъ,—свои дѣлишки обработываете. Не объ наукѣ дѣло, сударь, а вы извольте мнѣ сказать прямо и толкомъ, спитъ она и проснется, или съ ней что нехорошее и она не проснется. Помретъ, что-ли. Вотъ что мнѣ важно знать.

Ветеринаръ снова нагнулся, прислушался къ біенію сердца,

пощупалъ пульсъ, потрогалъ голову, присмотрѣлся къ дыханію дѣвушки и пожалъ плечами.

— Кажись, просто спитъ. Да вы пробовали будить?—выговорилъ онъ.

— Ахъ, Создатель мой,—воскликнулъ сердито Шваньскій.—Вѣдь вы мнѣ, сударь, этотъ вопросъ, пойди, разъ сто дѣлали. Ну, будите сами. Ну, что же? Будите!

Но ветеринаръ будить дѣвушку не сталъ.

— Давайте пробовать все, что можно...—сказалъ онъ.

XXX.

И тотчасъ же «звѣриный врачъ» — какъ мысленно окрестилъ коновала Шваньскій—потребовалъ себѣ горчицы, уксусу, кисейки, холодной и горячей воды, муки и перцу, льду и спирту, тряпокъ, миску, сито, ножъ, ложку и т. д., безчисленное множество всякой всячины. Спальня чуть не обратилась въ кухню. Началась возня и стряпня, дымъ коромысломъ. Разумѣется, пришедшій Копчикъ помогъ тоже чѣмъ и какъ только могъ.

Много всякихъ фокусовъ продѣлалъ коновалъ надъ дѣвушкой, но толку оказалось мало. Прошло около часа возни съ ней, а Мареуша попрежнему лежала на спинѣ безъ движенія и безъ сознанія какъ безжизненный трупъ.

Однако, Копчикъ первый замѣтилъ одно новое явленіе и передалъ свое наблюденіе господамъ. Ему показалось, что дѣвушка дышетъ легче, ровнѣе. Коновалъ и Шваньскій присмотрѣлись внимательнѣе и согласились съ замѣчаніемъ лакея. Дѣвушка дышала видимо лучше, грудь поднималась ровнѣе и выше, дыханіе стало спокойнѣе и свободнѣе.

— Вѣрно! Видать, что лучше!—воскликнулъ радостно Шваньскій.—Молодецъ Василій! Тебя за это замѣчаніе наградить слѣдъ. А то я было совсѣмъ и руки опустилъ. Доложу Михаилу Андреевичу, что ты первый меня успокоилъ. Онъ тебя за это... Эхъ, я и забылъ про Пашуту. Тебя вѣдь другая награда ждетъ... Да-а!—протянулъ Шваньскій. На-а-гра-а-дитъ онъ тебя за Пашуту. Будешь ли ты еще къ завтрему живъ-человѣкъ и на этомъ свѣтѣ.

И отъ этихъ словъ, сказанныхъ полушутя и равнодушно, у Копчика дрогнуло сердце. Онъ самъ тоже каждую минуту ожидалъ съ прибытіемъ барина такой расправы, отъ которой можно было внезапно очутиться мертвымъ. Копчикъ задумчиво вышелъ изъ спальни и усѣлся въ прихожей, стараясь надумать что-нибудь.

Шумскій въ пылу гнѣва, который вдругъ вспыхивалъ въ немъ и необузданно проявлялся въ первое же мгновенье — всегда схватывалъ и вооружался тѣмъ, что оказывалось на подачу руки... Если же не было ничего, онъ кидался на человѣка и, схвативъ за

волосы, встряхивалъ и тотчасъ же съ силой отбрасывалъ отъ себя. На этомъ все и прекращалось, гнѣвъ остывалъ такъ же быстро, какъ вскипалъ. Копчикъ зналъ все это по разсказамъ и отчасти по опыту. Рѣдко Шумскій билъ человѣка кулакомъ въ лицо, хотя именно это и производилось постоянно всѣми господами безъ исключенія.

Вся суть была теперь для лакея въ томъ, чтобы въ минуту гнѣва барина не нашлось бы ничего подъ рукой его. Въ противномъ случаѣ, конечно, онъ могъ легко и убить.

Копчикъ рѣшилъ поэтому объявить о побѣгѣ сестры тотчасъ же, какъ только Шумскій войдетъ въ прихожую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ нашелъ трость барина и положилъ ее на столѣ, въ прихожей, на виду.

— Непремѣнно за нее схватится...—рѣшилъ Копчикъ.—А ничего не окажись, пожалуй, бросится въ гостиную да схватится за шандалъ о семи рожкахъ. А въ немъ полпуда. Ну и убьетъ!

Шандалъ о семи рожкахъ, по названію лакея, былъ собственно большой бронзовый канделябръ, который, разсказалъ Копчику кучеръ, былъ уже разъ «въ дѣлѣ» и былъ въ починкѣ. А лакей, испробовавшій его на своей головѣ, былъ свезенъ въ больницу.

Тревожно и лихорадочно обдумывая все это, по мѣрѣ приближенія минуты возврата барина домой, Копчикъ охалъ и вздыхалъ, прибавляя вслухъ:

— Вотъ жисть-то пёсья. Почему есть на свѣтѣ мы — холопы крѣпостные. И лучше бы намъ совсѣмъ не родиться на свѣтъ, или бы родиться звѣрями, лошадьми да коровами. . .

Наконецъ, у подъѣзда раздался стукъ дрожекъ, баринъ подъѣхалъ... Лакей бросился отворять двери...

— Что дѣвчонка? Жива?—спросилъ Шумскій, войдя въ прихожую и сбрасывая шинель на руки лакея.

— Жива. Ей лучше.

— Спитъ все-таки?

— Спитъ, но вздыхаетъ хорошо... А у насъ Михаилъ Андреичъ бѣда стряслась. Я не виноватъ. И не знаю какъ. Сидѣлъ по вашему приказанію около швеи, не отлучаясь... А покуда вся бѣда и приключилась...

— Обокрали?

— Охъ, много хуже... Бѣда страшнѣющая...

— Говори что, дьяволъ!—разсердился Шумскій.

— Пашута убѣжала,—дрогнувшимъ голосомъ выговорилъ Копчикъ.

— Пашута!!—вскрикнулъ Шумскій и, схвативъ себя за голову рукой, замеръ на мѣстѣ.

— И не знаю-съ... Не понятно... Ножикъ добыла...

— Пашута!—повторилъ Шумскій тихо, не слушая лакея.—Все пропало! Все...

Копчикъ бормоталъ что-то уже совсѣмъ безсвязное и дрожалъ всѣми членами, ожидая сейчасъ взрыва гнѣва и расправы...

— Когда? Какъ?—выговорилъ Шумскій такимъ упавшимъ голосомъ, который поразилъ Копчика, не смотря на его собственное смущеніе.

— Въ ночь... Иванъ Андреевичъ... дали ей ножикъ. Я не давалъ. А больше некому... Извольте спросить Ивана Андреевича. Я не знаю-съ.

— Убѣжала!—выговорилъ Шумскій растерянно и какъ бы самъ себѣ. — Все прахомъ... Все разскажетъ... Все пропало. Всему конецъ! Что же это?

И не тронувъ лакея пальцемъ, Шумскій двинулся въ гостиную... Затѣмъ онъ остановился середи горницы и обернулся снова къ лакею...

— Если ты это... Если твоя работа, я тебя застрѣлю...—глухо выговорилъ онъ.—Бить не буду. Мало! Застрѣлю! Завтра же... Или сейчасъ. Зови Шваньскаго,—прибавилъ Шумскій, но тотчасъ же самъ крикнулъ на всю квартиру.

— Шваньскій!

Но его наперстникъ уже давно стоялъ въ дверяхъ и слышалъ весь разговоръ барина съ лакеемъ.

— Дѣйствительно, Михаилъ Андреевичъ, я виноватъ, далъ ей ножикъ ввечеру, — заговорилъ Шваньскій робко выступя... Но я такъ полагаю...

— Ты ножъ далъ? Зачѣмъ? А?!

— Я-съ. Она просила, чтобы хлѣбъ рѣзать... Но я...

— А ты гдѣ былъ... Ты не слыхалъ, какъ она дверь ломала,—обернулся Шумскій къ лакею.

— Я сидѣлъ около швеи. Вы приказали ни на шагъ...

— Ахъ, вы мерзавцы! Губители вы!—воскликнулъ Шумскій.—Вѣдь вы меня зарѣзали.

И молодой человѣкъ вдругъ опустился на первый попавшійся стулъ.

— Что же это?—тихо заговорилъ онъ снова какъ бы самъ съ собой.—За что же это судьба меня... Фу! Дай воды.

Копчикъ бросился въ буфетъ за водой. Шваньскій подступилъ ближе.

— Чего же это вы такъ разстраиваете себя. Плевать намъ на Пашутку. Пускай бѣгаетъ. Что же намъ.

— Дуракъ. Вѣдь она прямо къ барону побѣжала и все, все разскажетъ... Все...

— Ничего не разскажетъ! Было ей времени много для разсказовъ, а молчала же... Боялась. Ну, и теперь не посмѣетъ пикнуть...

Она и не туда убѣжала, не къ баронессѣ... Вы себя зря разстроиваете!...

И Шваньскій началъ краснорѣчиво, толково и дѣльно доказывать, что Пашута не могла, по его мнѣнію, бѣжать среди ночи въ домъ барона, для того чтобы завтра быть взятой ими вновь чрезъ полицію. Если она бѣжала, то ради боязни отправки въ Грузино. И будетъ она скрываться въ Петербургѣ, сколько возможно долѣе, если не скроется тотчасъ совсѣмъ, уйдя на край свѣта... въ Новороссію... на Волгу... въ Брянскіе или Муромскіе лѣса... къ раскольникамъ въ скиты...

— А что не къ баронессѣ она убѣжала,—прибавилъ Шваньскій,—за это я голову вамъ свою прозакладываю...

— Выискалъ сокровище въ закладъ!—спокойнѣе и уже полушутя произнесъ Шумскій, такъ какъ увѣренья Шваньскаго убѣдили его въ неосновательности опасеній.

— Ну... А ты гусь,—вымолвилъ Шумскій при видѣ вернувшагося со стаканомъ воды Копчика...—Маршъ въ сарай, въ конюшню что ль, въ подвалъ... Запри его, Иванъ Андреичъ, гдѣ-нибудь. Съ нимъ расправа впереди, если онъ сестру выпустилъ по уговору, я его застрѣлю какъ собаку. Запри его, покуда дѣло не разъяснилось совсѣмъ. Спать порà!..

Шумскій поднялся и двинулся, но Шваньскій однимъ словомъ остановилъ его снова, напомнивъ про швею, лежавшую въ спальнѣ на диванѣ.

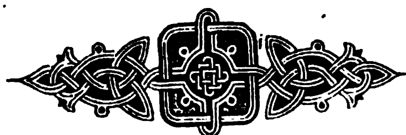
— Такъ чтожъ мнѣ, дежурить около нея что ли, какъ больничному лѣкарю. Гдѣ коновалъ твой?

— Все еще съ ней-съ... тамъ... у васъ.

— Такъ тащите ее сейчасъ вмѣстѣ въ гардеробную. Я усталъ какъ собака гончая... Спать хочу. А на утро, смотри, какъ только она проснется, такъ и меня разбуди. Проморгаешь, я тебя... ей-Богу, изувѣчу... Вы мои мучители! Вы меня до смертоубійства доведете!

Графъ Е. Саліасъ.

Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

XXIII.

«Бывало, бывало,
«Какъ сердце мечтало,
«Какъ сердце страдало,
«И какъ замирало,
«И какъ оживало...

«Но сколько не стало
«Того, что бывало!..
«Такъ сердце плѣняло,
«Такъ міръ оживляло,
«Такъ свѣтло сіяло,
«Бывало, бывало»...

Мятлевъ.

МОЯ МАТЬ, какъ я уже говорилъ, предчувствовала кончину Василія Львовича, а потому не особенно удивилась роковому извѣстію, сообщенному ей Прасковьей Александровной Осиповой, которой и отвѣчала, что она таинственнымъ образомъ была уже подготовлена къ постигшему ее тяжкому удару.

Объ усопшемъ мать говорила мнѣ слѣдующее:

«Дядя мой, Василій, былъ, могу сказать, ангеломъ-миротворцемъ между моими родителями, искреннимъ другомъ моимъ и моихъ братьевъ, готовымъ для насъ всѣмъ пожертвовать, и если бы онъ, силою судьбы, не былъ разлученъ съ нами въ тѣ именно минуты, когда его благодѣтельное слово могло послужить намъ спаситель-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 565.

нымъ предостереженіемъ, то многое было бы этимъ самымъ словомъ предупреждено и устранено, а главное, онъ съумѣлъ бы доказать Надеждѣ Осиповнѣ всю несправедливость ея поступковъ съ Николаемъ Ивановичемъ, и тѣмъ самымъ избавить меня отъ нравственныхъ страданій, которыя я такъ долго и такъ безвинно переносила».

До начала октября мать оставалась въ Михайловскомъ. Отецъ мой не выѣзжалъ изъ Петербурга. Будучи назначенъ начальникомъ библіотеки Азіатскаго департамента, онъ имѣлъ тогда полную возможность изучать греческій и восточные языки, все еще въ надеждѣ получить консульское мѣсто въ Аѳинахъ, или Константинополѣ, или же, по крайней мѣрѣ, въ Тегеранѣ; дальнѣйшее пребываніе его въ Петербургѣ становилось невозможнымъ, при ограниченномъ жалованьѣ и отсутствіи всякой матеріальной поддержки со стороны Сергѣя Львовича, а сотрудничество въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига и переводы иностранныхъ романовъ если и устраняли до нѣкоторой степени его денежныя затрудненія, но не представляли собою ничего прочнаго.

Въ концѣ концовъ, физическая натура отца, хотя и довольно крѣпкая, не выдержала: работая безъ устали по ночамъ, онъ въ половинѣ сентября заболѣлъ серьезно. Тутъ-то явились къ нему на выручку баронъ Дельвигъ и Петръ Александровичъ Плетневъ, неоднократно доказывавшіе ему на дѣлѣ свое особенное расположеніе. Дельвигъ привелъ къ нему доктора-спеціалиста, и снабдилъ отца заблаговременно значительнымъ гонораромъ за подготовленныя и предположенныя журнальныя статьи, а Петръ Александровичъ, принявъ также къ сердцу физическія страданія отца,—который, не желая тревожить жену, не писалъ ей о своей болѣзни ни полслова—счелъ необходимымъ, тайно отъ больного, увѣдомить по почтѣ отъ себя Ольгу Сергѣевну обо всемъ подробно, вслѣдствіе чего она выѣхала изъ Михайловскаго немедленно, и возвратясь къ мужу, окружила больного самыми нѣжными заботами.

Мѣсяца черезъ два отецъ поправился на столько, что могъ приняться за труды съ прежней энергіей.

Плетневъ, будучи семью годами старше дяди Александра—онъ родился 10 августа 1792 года—любилъ Пушкина всей силой своей возвышенной души.

«Такіе друзья»,—говаривала мнѣ моя мать,—«рождаются вѣками. Едва ли кто любилъ моего брата въ такой степени какъ Плетневъ, что̀ и доказывалъ, можно сказать, безпрестанно; за то и братъ платилъ Петру Александровичу такими же теплыми чувствами, дѣлясь съ нимъ задушевными тайнами, наравнѣ со мною, даже больше. Любя Александра, Плетневъ былъ также искренно расположенъ къ брату моему Льву, и ко мнѣ, показывалъ теплое свое сочувствіе Николаю Ивановичу, а Дельвигъ, въ особенности

Баратынскій, Жуковскій, князь Вяземскій и Карамзинъ, видѣли въ Плетневѣ образецъ всего высокаго».

По словамъ матери, Плетневъ былъ богатъ друзьями (il était riche en amis); благочестивый христіанинъ, примѣрный мужъ, отецъ, уважаемый всѣми воспитатель и наставникъ юношества, онъ не зналъ, въ теченіе всей своей жизни, не только ни одного врага, но и ни одного недоброжелателя. Петръ Александровичъ безусловно ни́ о комъ не отзывался рѣзко, и будучи снисходительнымъ къ человѣческимъ слабостямъ, всегда умѣлъ открывать въ каждомъ хорошія стороны.

Однажды, моя мать замѣтила Плетневу, что онъ, по всей вѣроятности, ради шутки изобразилъ себя въ одномъ изъ своихъ стихотвореній мрачнымъ мизантропомъ, такъ какъ никогда общества не избѣгалъ, а будучи пріятнымъ собесѣдникомъ, слишкомъ даже любилъ человѣчество. Эти стихи мать знала наизусть, никогда не могла вспоминать о нихъ безъ веселой улыбки, и выразила автору, что мысли имъ изложенныя вовсе не «Плетневскія», а скорѣе «Кюхельбекерскія». Плетневъ на замѣчаніе Ольги Сергѣевны самъ разсмѣялся.

Привожу кстати помянутые стихи, напечатанные въ подаренномъ Ольгѣ Сергѣевнѣ Дельвигомъ Альманахѣ его «Сѣверные Цвѣты» за 1826 годъ:

«Я мраченъ, дикъ, людей бѣгу,
«Хотѣлъ бы иногда ихъ видѣть;
«Но я не долженъ, не могу:
«Боюсь друзей возненавидѣть.

«Не смѣю никого обнять,
«На чьей-нибудь забыться груди;
«Мнѣ тяжело воспоминать,
«Мнѣ страшно думать: это люди»...
. . . .

Говоря о Петрѣ Александровичѣ Плетневѣ, не могу не сказать о немъ нѣсколько словъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній.

Петра Александровича я имѣлъ счастіе встрѣтить въ первый разъ въ 1849 году у моей тетки, вдовы поэта Натальи Николаевны,— тогда уже Ланской,—на дачѣ Строгонова, близь Черной рѣчки; будучи отвезенъ въ Петербургъ отцомъ, который меня опредѣлилъ въ закрытое учебное заведеніе, я провелъ въ домѣ тетки все лѣто. Въ то время, какъ извѣстно, происходила венгерская кампанія, почему второй мужъ Натальи Николаевны, генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Ланской, выступилъ въ походъ изъ Петербурга въ западныя губерніи съ ввѣреннымъ его командованію лейбъ-гвардіи Коннымъ полкомъ, а тетка, оказавшая мнѣ пріютъ, поселилась на Строгоновой дачѣ съ дѣтьми отъ перваго и второго брака и съ не-

замужней своей сестрой Александрой Николаевной Гончаровой [1]).

Хотя я былъ весьма обласканъ Натальей Николаевной, но отсутствіе родителей, тоска о мѣстѣ рожденія, гдѣ я провелъ все дѣтство, подѣйствовали на мой характеръ: я подвергся ностальгіи— въ полномъ смыслѣ слова ностальгіи,—которая промучила меня затѣмъ не одинъ годъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ я удалялся въ окружающій дачу небольшой садикъ мечтать о покинутомъ мною мѣстѣ родины, воображать себѣ знакомые мнѣ иные сады, иныя дачи, дома, улицы, иную рѣку, при чемъ нерѣдко давалъ волю самымъ горькимъ слезамъ.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ, когда я сидѣлъ на скамейкѣ подъ деревомъ, и мучительно рыдалъ, закрывъ лицо руками, меня потрепали по плечу, и спросили доходившимъ до души симпатичнымъ, тихимъ голосомъ:

— О чемъ плачешь, бѣдное дѣто?

Таковы были первыя услышанныя мною слова отъ пріѣхавшаго посѣтить тетку Петра Александровича Плетнева, въ то время ректора Петербургскаго университета.

Я взглянулъ на его добрѣйшее лицо, бросился въ объятія незнакомцу, и... пуще разревѣлся.

Петръ Александровичъ сѣлъ рядомъ со мной на скамейку, вы пыталъ отъ меня всю мою краткую біографію, и узнавъ, что я сынъ Ольги Сергѣевны, удвоилъ утѣшенія и отрадныя мнѣ ласки.

Плетневъ остался у тетки обѣдать, а потомъ попросилъ у нея разрѣшеніе похитить на нѣсколько часовъ четырнадцатилѣтняго меланхолика, чтобы разогнать его тоску на своей дачѣ, и возвратить мою личность назадъ подъ надежнымъ, какъ онъ выразился, конвоемъ.

Плетневъ нанималъ тогда лѣтомъ болѣе уже двадцати лѣтъ одну и ту же дачу Кушелева за Лѣснымъ институтомъ, у такъ называемой Беклешовки, въ деревянномъ, довольно невзрачномъ по наружности, домѣ; этой дачѣ онъ оставался вѣренъ, какъ помню, до 1855 года включительно.

Навсегда останется у меня въ памяти проведенный у Петра Александровича вечеръ, и оказанный мнѣ радушный пріемъ его второй супругой, Александрой Васильевной.

Съ Плетневымъ, его супругою и дочерью отъ перваго брака, вышедшею замужъ за г. Лакіера, встрѣчался я затѣмъ нерѣдко въ 1850 и 1851 годахъ въ домѣ Настасьи Львовны Баратынской, а послѣ переѣзда моей матери на жительство въ Петербургъ, поступилъ, въ 1852 году, въ число студентовъ здѣшняго университета, подъ начало незабвеннаго мнѣ человѣка.

---

[1]) А. Н. вышла впослѣдствіи замужъ за барона Фризенгофа.

Съ 1852 года до самаго своего отъѣзда за границу, Плетневъ видѣлся очень часто съ моей матерью, въ особенности же въ теченіи лѣтняго времени съ 1853 по 1855 годъ, когда Ольга Сергѣевна проживала тоже на дачахъ Лѣснаго института.

Плетневъ былъ, по отношенію къ моему дядѣ,—съ 1822 года до конца жизни поэта,—самымъ близкимъ лицомъ, и повторяю, самымъ искреннимъ другомъ. Принимая дѣятельное участіе въ изданіи безсмертныхъ твореній Пушкина, Плетневъ подвергся, вслѣдствіе этого, тайному надзору (что видно, между прочимъ, изъ напечатаннаго въ книгѣ Я. К. Грота письма Дибича къ петербургскому генералъ-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову отъ 23 апрѣля 1826 года), взялъ на себя посредничество въ дѣлѣ снятія съ нашего поэта опалы, издалъ въ 1826 году мелкія стихотворенія Пушкина, въ 1827 году—Евгенія Онѣгина, въ 1829 году не мало содѣйствовалъ разрѣшенію появленія въ свѣтъ «Бориса Годунова», и всегда неусыпно заботился объ улучшеніи матеріальныхъ средствъ нашего поэта. Дядя же сообщалъ Плетневу свои планы, и въ задушевныхъ съ нимъ разговорахъ, и въ чистосердечныхъ письмахъ, извѣщалъ его о ходѣ своихъ поэтическихъ занятій, не утаивая отъ этого преданнаго друга постигавшія поэта непріятности, а на сколько цѣнилъ дружбу и высокую личность Плетнева, можно какъ нельзя лучше убѣдиться изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкъ посвященія дяди Петру Александровичу въ 1828 году 4-й и 5-й главы Евгенія Онѣгина:

«Не мысля гордый свѣтъ забавить,
«Вниманье дружбы возлюбя,
«Хотѣлъ бы я тебѣ представить
«Залогъ достойнѣе тебя,
«Достойнѣе души прекрасной,
«Святой исполненной мечты,
«Поэзіи живой и ясной,
«Высокихъ думъ и простоты»...

Послѣ чрезвычайно жаркаго лѣта 1830 года, появилась страшная гостья—холера, которая шла съ береговъ Каспія въ двухъ направленіяхъ, а именно: съ одной стороны чрезъ приволжскія губерніи на Москву, а съ другой — по Тереку и Кубани—въ землю донскихъ казаковъ, Новороссійскій край, Подольскую губернію и Бессарабскую область. Появилась, наконецъ, она въ Москвѣ, и всякій, кто располагалъ какими-либо средствами, бѣжалъ оттуда. Въ числѣ спасавшихся въ деревню оказались и сестра дѣда Сергѣя Львовича, Елизавета Львовна Сонцева, съ мужемъ и обѣими дочерьми, пріѣзжавшіе въ Москву по случаю предсмертной болѣзни Василія Львовича. Незадолго до вторичнаго отъѣзда ихъ въ свою отчину — село Коровино (Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи),

Елизавета Львовна писала племянницѣ, Ольгѣ Сергѣевнѣ, объ угрожающемъ Москвѣ бѣдствіи слѣдующее [1]):

«Въ Москвѣ, на прошлой и на этой недѣлѣ, было очень много внезапныхъ заболѣваній холерой: умираютъ скоропостижно въ ужасныхъ судорогахъ. Изъ Москвы кто можетъ—бѣжитъ. Нашъ добрѣйшій (notre excellent) Голицынъ [2]), который поручилъ мнѣ очень тебѣ кланяться, я его видѣла въ прошлый понедѣльникъ, употребляетъ всѣ мѣры (il se met en quatre). Заводятся больницы, будутъ устроены заставы. Пріѣзжающіе подвергнутся двухнедѣльному карантину; сообщаться, какъ отъ многихъ слышала, съ подмосковными губерніями можно будетъ только чрезъ Коломну, Богородскъ и еще черезъ два или три мѣста—какія—не спросила. Скажу лучше: письма будутъ прокалывать и окуривать, а мосты скоро совсѣмъ снимутъ. Вообрази, что надняхъ пьяные мужикиприколотили чуть не до смерти двухъ (другіе говорятъ пять) докторовъ. Слышала еще, что на прошлой недѣлѣ полупьяный дьячекъ собралъ, будто бы, на улицѣ какихъ-то фабричныхъ, и кричалъ: «не лѣчитесь у нѣмцевъ лѣкарей. Они-то самая болѣзнь и есть» [3]). Дьячка арестовали, но нашлись и другіе подобные ему люди: народъ застращиваютъ вторымъ пришествіемъ, а за эти росказни съ дурачковъ еще деньги берутъ. Дай Богъ завтра же намъ выбраться, не то не выпустятъ».

Письмо это Ольга Сергѣевна сообщила дѣду и бабкѣ, которые стали сильно безпокоиться объ Александрѣ Сергѣевичѣ, такъ какъ изъ письма Елизаветы Львовны не знали, видѣлась ли она съ нимъ, и здоровъ ли онъ. Дядя же на ихъ письма и въ Москву и въ Болдино, не отвѣчалъ ни строчки. Конецъ тревогѣ положилъ Петръ Александровичъ Плетневъ: онъ написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, извѣстивъ ее, что получилъ отъ Пушкина письмо изъ Болдина, куда Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ изъ Москвы здравымъ и невредимымъ. Въ письмѣ къ Плетневу Пушкинъ подсмѣивается надъ холерой слѣдующимъ образомъ: «Около меня «колера морбусъ». Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ въ Болдино да всѣхъ насъ перекусаетъ, того и гляди, что къ дядѣ Василію отправлюсь, а ты и пиши мою біографію».

Въ подобномъ же шуточномъ тонѣ Александръ Сергѣевичъ писалъ впослѣдствіи изъ Болдина барону Дельвигу, посылая ему стихи для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». ...«Посылаю тебѣ, баронъ, — пишетъ дядя, — вассальскую мою подать, именуемую «цвѣточною» по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣто-

---

[1]) Письмо это, написанное пофранцузски, хранится у меня.

[2]) Бывшій въ то время московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

[3]) Фраза написана порусски.

родна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго, и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ—«Литературной газетѣ»,—пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ»[1]).

Письмо это Дельвигу изъ Болдина отъ 4-го ноября 1830 года оказалось послѣднимъ: черезъ два мѣсяца и десять дней Антона Антоновича не стало.

Неудовольствіе же свое по случаю холеры, разстроившей его планы свиданія съ невѣстой, дядя высказываетъ въ письмахъ къ ней[2]):

«... Въ окрестностяхъ у насъ cholera morbus (очень миленькая персона), и она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ...

«... Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это...

«... Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ[3]) нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ не доволенъ)...

«... Мы окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь...

«... Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ. Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!) Вотъ, по истинѣ плохія шутки. Je ris jaune[4]), какъ говорятъ пуасардки»...

Желая выѣхать изъ Болдина, дядя за два дня до предполагаемой, но несостоявшейся, поѣздки жаловался и Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, говоря, что «по случаю проклятой холеры онъ не можетъ добраться до Москвы, какъ желаетъ, такъ какъ его оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантины, и Богъ знаетъ сколько мѣсяцевъ употребитъ на проѣздъ 500 верстъ, которыя, въ обыкновенное время, проѣзжалъ въ сорокъ восемь часовъ».

Нашествіе холеры, разстроившее поѣздку Пушкина и прико-

---

[1]) См. т. VIII Сув. изд., стр. 167.

[2]) Тамъ же, стр. 379 и слѣдующія.

[3]) Левъ Александровичъ Пушкинъ (см. VI часть настоящей хроники).

[4]) Смѣюсь желто.

вавшее его къ Болдину до декабря, дало ему возможность проявить въ полномъ блескѣ свой геній, и подарить русскую литературу и общество многими замѣчательными произведеніями.

— «Братъ Александръ,—замѣтила мнѣ однажды мать,—будучи суевѣрнымъ, не лишенъ былъ и мнительности, а потому, въ сущности, совсѣмъ не легко относился къ эпидеміи, вызвавшей самыя строгія правительственныя мѣры. Напротивъ того, онъ обращалъ на нее серьезное вниманіе, стараясь избѣгать излишествъ въ пищѣ, о чемъ и говорилъ мнѣ при свиданіи въ слѣдующемъ году».

Здѣсь будетъ кстати сдѣлать, со словъ моей матери, небольшой коментарій къ «Лѣтописи села Горохина», написанной Пушкинымъ также во время его невольнаго заключенія въ Болдинѣ.

При свиданіи съ сестрою, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Александръ Сергѣевичъ сказалъ ей, что помѣщенное въ «Лѣтописи села Горохина» стихотвореніе миѳическаго лица Архипа Лысаго, идетъ какъ нельзя лучше къ безпечности и непрактичности въ сельскомъ хозяйствѣ Сергѣя Львовича.

Вотъ эти стихи:

«Ко боярскому двору
«Акимъ староста идетъ,
«Бирки въ пазухѣ несетъ,
«Боярину подаетъ.
«А бояринъ смотритъ,
«Ничего не смыслитъ.
«Ахъ ты, староста Акимъ!
«Обокралъ бояръ кругомъ,
«Село по міру пустилъ,
«Старостиху подарилъ»...

На вопросъ матери, почему дядя не хотѣлъ подписать своего настоящаго имени подъ прелестными повѣстями «Станціонный смотритель», «Метель» и «Гробовщикъ», а приписалъ ихъ небывалому «Бѣлкину», Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ такъ поступилъ, не желая подвергаться лаянью газетныхъ шавокъ, что̀ подтверждается и въ одномъ изъ писемъ его къ Плетневу.

Наконецъ, относительно сочиненной Пушкинымъ въ Болдинѣ же «Родословной», Ольга Сергѣевна замѣтила брату, что онъ напрасно потратилъ столько поэзіи, такъ какъ вызвавшая ее ничтожная статья редактора «Сѣверной Пчелы», напечатанная въ угоду личному недоброжелателю Пушкина (графу Уварову), не стоитъ торжественной выставки галлереи предковъ, а «Родословная» вооружитъ только противъ дяди семейства М—хъ, Р—хъ, С—хъ, К—хъ, и другихъ лицъ, родичей которыхъ Александръ Сергѣевичъ затронулъ.

Предсказаніе Ольги Сергѣевны сбылось, и какъ впослѣдствіи выразился князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, «распространеніе

этихъ стиховъ («Родословной») вооружило противъ Пушкина многихъ озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружало противъ поэта, незадолго до его кончины, цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ».

Задерживаемый обстоятельствами въ деревнѣ, Пушкинъ два раза пытался выѣхать оттуда, но принужденъ былъ, вслѣдствіе принятыхъ противъ распространенія эпидеміи мѣръ, всякій разъ возвращаться назадъ; въ ноябрѣ же былъ задержанъ въ Платовскомъ карантинѣ, почему пріѣхалъ въ Москву не раньше первыхъ чиселъ декабря.

XXIV.

Осенью того же 1830 года, отецъ мой, по выздоровленіи, вновь принялся за служебныя занятія и литературные труды, стараясь выйти, во что бы ни стало, изъ стѣснительнаго матеріальнаго положенія. Надежды его на скорое полученіе консульскаго мѣста въ Греціи не осуществились, вслѣдствіе неблаговоленія начальника Азіатскаго департамента Родофиникина, о чемъ я уже говорилъ въ первыхъ главахъ моей хроники. Не осуществилось и намѣреніе отца получить подобное же мѣсто въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и онъ продолжалъ биться какъ рыба объ ледъ.

17 (29) ноября 1830 года вспыхнуло польское возстаніе, начавшееся, какъ извѣстно, избіеніемъ многихъ русскихъ въ Варшавѣ. Подробныя свѣдѣнія о кровавыхъ событіяхъ этого дня дошли до Петербурга не скоро, за недостаткомъ удобныхъ средствъ сообщенія. Мои родители ничего еще не знали, когда ихъ неожиданно, поздно вечеромъ, посѣтилъ большой пріятель отца, Марковъ, товарищъ по службѣ и музыкальному искусству — гитаристъ. Явился Марковъ очень встревоженный, и показалъ полученное отъ знакомаго письмо, извѣщавшее о насильственной смерти общаго ихъ друга, генерала Жандра.

Отецъ и мать, знавшіе очень хорошо покойнаго Жандра, были поражены и его смертію, и всѣмъ происходившимъ въ Варшавѣ.

Прочитавъ письмо знакомаго, Марковъ сказалъ, что по всей вѣроятности мятежъ придется подавить силою, а затѣмъ завести въ царствѣ Польскомъ совершенно другой административный порядокъ, слѣдовательно потребуются уже не польскіе, а наши русскіе правительственные дѣятели.

— Вотъ, гдѣ бы тебѣ послужить не дурно, Николай Ивановичъ,— заключилъ Марковъ.

Эти слова Маркова отецъ принялъ къ свѣдѣнію, и воспользовался его дружескимъ совѣтомъ.

1831 годъ рѣшилъ участь и дяди моего, и отца: Александръ Сергѣевичъ, въ февралѣ, связалъ судьбу съ избранной имъ спутни-

цей недолговременнаго, но дорогого—для каждаго русскаго—земнаго бытія, а Николай Ивановичъ, въ томъ же февралѣ, выѣхалъ на новую для него дѣятельность въ Привислинскій край, гдѣ и остался, сверхъ ожиданія, на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ.

И для моего дяди, и для моихъ родителей, 1831 годъ начался какъ нельзя печальнѣе: 14-го января общій другъ ихъ, баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, перешелъ въ вѣчность, вслѣдствіе сильной простуды. Болѣзнь, въ скоромъ времени, приняла такой оборотъ, что не осталось никакого сомнѣнія въ злополучномъ ея исходѣ. Послѣднее время Антона Антоновича волновали непріятности съ цензурою, обратившею особенное вниманіе на его «Литературную газету», послѣ появленія статьи Александра Сергѣевича «О выходкахъ противъ литературной аристократіи»; въ особенности же непріятно подѣйствовалъ на Дельвига сдѣланный ему строгій выговоръ за четверостишіе Делявиня «на памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней»,—четверостишіе, о которомъ Пушкинъ въ письмѣ къ Плетневу, еще до кончины Дельвига, отозвался какъ о сущей бездѣлицѣ, называя ее «конфектнымъ билетцемъ».

Полагаютъ, что эти непріятности и были, отчасти, причиной болѣзни, но, по увѣренію моего отца, Дельвигъ обладалъ крѣпкими нервами, а передъ болѣзнью,—послѣдовавшей, какъ я сказалъ выше, отъ простуды,—онъ видѣлся очень часто съ моими родителями, всегда былъ веселъ, и шутилъ попрежнему.

Какъ бы ни было, болѣзнь Антона Антоновича пошла быстрыми шагами; отецъ ежедневно заѣзжалъ освѣдомляться о больномъ, и свѣдѣнія оказывались самыми неутѣшительными, о чемъ онъ и сообщалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, исподоволь подготовляя ее къ болѣе нежели прискорбному для нея и для ея брата событію.

Угасшій поэтъ былъ только годомъ старше Александра Сергѣевича, и почти годомъ моложе Ольги Сергѣевны, такъ какъ родился въ 1798 году—въ праздникъ Преображенія.

О кончинѣ Дельвига, въ среду 14-го числа, мать узнала на другой день, въ четвергъ, отъ своего мужа. Отецъ, возвращаясь домой наканунѣ изъ театра, зашелъ къ 11 часамъ вечера по пути на квартиру больного, и вызвалъ прислугу съ цѣлью узнать о положеніи страдальца. Оказалось, что за два или за три часа передъ приходомъ моего отца, Дельвигъ уже былъ бездыханенъ.

Придя домой, отецъ не рѣшился на ночь тревожить жену горестнымъ извѣстіемъ. Затѣмъ, подробности о несчастіи сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ въ четвергъ же и пользовавшій ее докторъ.

Кончина Антона Антоновича огорчила мою мать до глубины души, а отецъ, сотрудникъ покойнаго, лишился въ лицѣ Дельвига большого своего пріятеля. Ольга Сергѣевна, не желая быть первымъ вѣстникомъ горя, ничего не написала брату, который вовсе не зналъ о болѣзни друга, и еще за недѣлю передъ смертью Антона Анто-

новича выражалъ удивленіе въ письмѣ Плетневу въ шуточномъ тонѣ, почему Дельвигъ не помѣстилъ ни одной строчки отъ себя въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на наступившій годъ.

О кончинѣ Дельвига сообщилъ Александру Сергѣевичу Плетневъ; дядя отвѣчалъ ему, 21-го января, прочувствованнымъ письмомъ, говоря, что смерть Дельвига первая имъ оплаканная, и никто на свѣтѣ не былъ ему ближе покойнаго, который изъ всѣхъ связей дѣтства одинъ остался на виду. «Безъ него мы точно осиротѣли; считай по пальцамъ сколько насъ? ты, я, Баратынскій— вотъ и все»,—заключаетъ въ томъ же письмѣ Пушкинъ.

Дядя затѣмъ поручилъ Плетневу вручить вдовѣ 4,000 руб. изъ долга покойному Сергѣя Львовича, и предложить ей купить у нея свой портретъ, писанный Кипренскимъ по заказу Антона Антоновича, на что̀ Софья Михайловна и изъявила согласіе, продавъ его дядѣ за тысячу рублей. Съ этого портрета была, въ 1846 году, снята копія для моей матери, находящаяся у меня.

Ольга Сергѣевна, присутствовавшая на похоронахъ Дельвига, навѣщала вдову его ежедневно. Софья Михайловна, въ одну изъ печальныхъ бесѣдъ съ моей матерью, говорила, что со времени случившагося за годъ до смерти мужа страннаго приключенія въ домѣ Дмитріева (см. V главу «Семейной хроники»), она постоянно томилась относительно мужа недобрыми предчувствіями.

Послѣ смерти Дельвига обнаружилась непонятная пропажа цѣнныхъ бумагъ на весьма значительную сумму[1]).

Дядя Александръ, чтившій память друга, а потому сочувствовавшій всѣмъ, кто былъ къ нему близокъ, порѣшилъ, посовѣтовавшись съ П. А. Плетневымъ, взять на себя, въ пользу родныхъ умершаго, изданіе «Сѣверныхъ цвѣтовъ», что̀ и исполнилъ. Послѣдняя книжка альманаха, изданнаго дядей, вышла въ 1832 году.

Мать моя разсказывала, что братъ ея Александръ и Дельвигъ питали одинъ къ другому не только искреннюю дружбу и уваженіе, но какую-то особенную, прелестную дѣтскую нѣжность. Такъ, напримѣръ, при встрѣчѣ цѣловали другъ другу руки, о чемъ говорили мнѣ и покойные: лицейскій ихъ товарищъ Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій и Анна Петровна Виноградская (бывшая Кернъ), которая приводитъ это и въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1859 годъ.

---

[1]) Объ этомъ обстоятельствѣ П. А. Плетневъ пишетъ Пушкину отъ 22 февраля слѣдующее:

«Въ дѣлахъ ея (баронессы) вышла очень худая притча. Богъ знаетъ, кто и когда успѣлъ утянуть изъ ихъ портфеля ломбардныхъ билетовъ на пятьдесятъ четыре тысячи. Сколько ни старались открыть, даже и слѣдовъ не видно. Это тѣмъ непонятнѣе, что всѣ другія бумаги найдены по смерти Дельвига въ чрезвычайномъ порядкѣ, съ удивительною отчетливостью, а пропавшіе билеты находились между этими же бумагами».

XXV.

Я упомянулъ выше, что отецъ мой принялъ къ свѣдѣнію совѣтъ Маркова испытать счастье служебной карьеры въ царствѣ Польскомъ, гдѣ не сегодня—завтра потребуются не однѣ военныя, но и другія русскія силы, по всѣмъ отраслямъ административной дѣятельности. Къ тому же, отцу не былъ чуждъ и мѣстный языкъ: онъ выучился говорить, читать и писать попольски изъ любознательности еще въ 1820 году въ Тульчинѣ, состоя на службѣ при главнокомандовавшемъ второй арміей — своемъ крестномъ отцѣ, — фельдмаршалѣ П. Х. Витгенштейнѣ, а въ 1828 году воспользовался случаемъ примѣнить познанія къ дѣлу во время командировки министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ учрежденную при Сенатѣ слѣдственную комиссію, гдѣ занимался переводами французскихъ и польскихъ бумагъ на русскій языкъ.

Между тѣмъ, походъ противъ польскихъ мятежниковъ былъ объявленъ въ январѣ 1831 года, а по случаю вспыхнувшаго въ Привислинскомъ краѣ мятежа, Высочайше было учреждено временное Правленіе царства Польскаго, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Энгеля, хорошаго знакомаго, даже давнишняго пріятеля дѣда Сергѣя Львовича, а назначаемымъ въ составъ новаго учрежденія чиновникамъ присвоивалось весьма приличное содержаніе.

Мать моя, узнавъ объ этомъ у «стариковъ» Пушкиныхъ, посовѣтовала мужу воспользоваться удобнымъ случаемъ, и просить Сергѣя Львовича замолвить о себѣ доброе слово Энгелю. Старикъ Пушкинъ, хотя и не оказывалъ дочери и зятю никакой матеріальной помощи, но долженъ былъ постигнуть, въ концѣ концовъ, что проживаться Николаю Ивановичу въ столицѣ совершенно невозможно, при ничтожномъ жалованьѣ и непрочной литературной работѣ. Къ тому же эта послѣдняя статья дохода, съ кончиной барона Дельвига, почти изсякла, а въ перспективѣ оставались долги, пугавшіе моихъ родителей гораздо больше приближавшейся холеры.

Сергѣй Львовичъ разсудилъ и взвѣсилъ, что если посодѣйствуетъ зятю въ полученіи мѣста съ обезпечивающимъ его будущность постояннымъ и болѣе значительнымъ вознагражденіемъ, то совершенно успокоитъ совѣсть относительно дочери, въ пользу которой не выговорилъ у Александра Сергѣевича, при подаркѣ ему Болдина, ни гроша дохода. Поэтому дѣдъ, зайдя къ моей матери, выслушалъ очень благосклонно просьбу Николая Ивановича похлопотать у Энгеля, и мало того: предложилъ на другой же день заѣхать за отцомъ, и вмѣстѣ съ нимъ отправиться ко вновь назначенному предсѣдателю.

Свиданіе состоялось; Энгель, подробно освѣдомившись у отца о его прохожденіи службы и занятіяхъ, тотчасъ же изъявилъ готов-

ность удовлетворить желаніе Николая Ивановича, и не замедлилъ снестись съ Азіатскимъ департаментомъ о прикомандированіи коллежскаго ассесора Павлищева къ новому учрежденію.

Оффиціальное назначеніе отца на новую должность состоялось 24 февраля, а 5 марта онъ покинулъ сѣверную Пальмиру. Ольга же Сергѣевна осталась въ Петербургѣ до окончательнаго водворенія мужа въ Варшавѣ.

Александръ Сергѣевичъ, который тогда только-что обвѣнчался, и къ которому я вскорѣ возвращусь, предложилъ сестрѣ сдать квартиру и пріѣхать къ нему въ Москву провести съ нимъ и съ его молодой женой наступающую весну, а потомъ возвратиться съ ними въ Петербургъ вмѣстѣ. Ольга Сергѣевна отклонила предложеніе брата, считая совершенно излишнимъ присутствіе на квартирѣ новобрачныхъ третьяго лица.

Не склонилась она и на просьбы «стариковъ» переселиться къ нимъ.

XXVI.

18-го февраля состоялась, наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ, свадьба дяди Александра въ Москвѣ, и именно въ церкви Стараго Вознесенія, на Никитской.

— Родился я въ Вознесеніе, женился у Вознесенія, и увѣренъ, что мнѣ суждено умереть въ праздникъ Вознесенія,—говорилъ онъ неоднократно моей матери.

Подтвержденіемъ истины этихъ словъ служатъ напечатанныя П. В. Анненковымъ слѣдующія строки [1]):

«Важнѣйшія событія его (Пушкина) жизни, по собственному его признанію, всѣ совпадали съ днемъ Вознесенья. Незадолго до своей смерти, онъ задумчиво разсказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей, и передалъ ему твердое свое намѣреніе выстроить, со временемъ, въ селѣ Михайловскомъ, церковь во имя Вознесенія Господня. Упоминая о таинственной связи всей своей жизни съ этимъ великимъ днемъ духовнаго торжества, онъ прибавилъ: «Ты понимаешь, что все это произошло не даромъ, и не можетъ быть дѣломъ одного случая».

Александръ Сергѣевичъ вѣнчался, какъ сказано, 18-го числа, въ день, который считалъ неблагополучнымъ, что̀ и вспомнилъ, когда запѣли: «Исаія ликуй» (см. III главу «Семейной хроники»). Кромѣ того, мать мнѣ разсказывала, какъ ея братъ, во время обряда, непріятно былъ пораженъ, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на коверъ, и когда изъ свидѣтелей первый усталъ, какъ ему поспѣшили сообщить послѣ церемоніи, не шаферъ невѣсты, а его шаферъ, передавшій вѣнецъ слѣдующему по очереди. Але-

[1]) См. т. I Сочиненій Пушкина, изд. Анненковымъ, 1855 г., стр. 315.

ксандръ Сергѣевичъ счелъ и эти два обстоятельства недобрыми предвѣщаніями, и произнесъ выходя изъ церкви: tous les mauvais augures!

Сообщаемое я слышалъ не отъ одной моей матери. О случаѣ съ кольцомъ и шаферомъ говорили мнѣ и посаженый отецъ дяди, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, и супруга его, Вѣра Ѳедоровна, хотя и не присутствовавшая тогда на свадьбѣ, и наконецъ посаженая мать, тогда графиня Елизавета Петровна Потемкина (вышедшая вторично замужъ за сенатора Ипполита Ивановича Подчаскаго).

Иконофоромъ при обрядѣ былъ малолѣтній сынъ князя Вяземскаго, живой свидѣтель происходившаго, многоуважаемый князь Павелъ Петровичъ, а родитель его и другое близкое по чувствамъ къ Александру Сергѣевичу лицо — Павелъ Воиновичъ Нащокинъ,— уѣхавъ прежде новобрачныхъ, встрѣтили Пушкиныхъ съ образомъ на новой квартирѣ молодой четы.

Наталья Николаевна очаровала всѣхъ простотою обращенія, привѣтливостью и ровнымъ характеромъ, не говоря уже о рѣдкой наружной красотѣ. Въ Петербургѣ, куда новобрачные прибыли весной, всѣ отнеслись къ ней сочувственно, а воспѣтая слѣпцомъ-поэтомъ И. И. Козловымъ графиня Фикельмонъ [1],—встрѣтившая новобрачныхъ въ Царскомъ Селѣ,—описываетъ ихъ въ письмѣ отъ 25-го мая князю Петру Андреевичу Вяземскому слѣдующимъ образомъ:

«Жена Пушкина прекрасное созданіе, но это меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастія. Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ: у Пушкина видны всѣ порывы страстей, у жены вся меланхолія отреченія отъ себя».

По словамъ моей матери, графиня Фикельмонъ далека была отъ всякаго сочувствія къ Пушкину, чтò и доказала какъ нельзя лучше въ послѣдній годъ его жизни, о чемъ и скажу въ своемъ мѣстѣ.

Пушкинъ, за мѣсяцъ до отъѣзда съ женой изъ Москвы, просилъ П. А. Плетнева пріискать ему дачу въ Царскомъ Селѣ, куда и положилъ переселиться послѣ возвращенія въ Петербургъ и свиданія съ родными.

Въ первыхъ числахъ мая, Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ, и на другой день явился съ супругой къ своей, какъ онъ выражался, «старшей».

Свиданіе между братомъ и сестрой было, какъ мнѣ разсказала мать, самое трогательное; братъ въ подробности сообщилъ ей все съ нимъ случившееся въ теченіе отсутствія, во время котораго онъ писалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ не болѣе трехъ или четырехъ разъ,

---

[1]) Жена бывшаго австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ.

и то лишь нѣсколько строкъ. Мать, попрекнувъ его молчаніемъ, замѣтила, что ревнуетъ его сильно къ Плетневу.

— Если писалъ Плетневу, — отвѣчалъ дядя, — значитъ писалъ вмѣстѣ съ этимъ и тебѣ; вѣдь знаю, что Плетневъ посѣщалъ тебя часто и все разсказывалъ. Зачѣмъ же писать мнѣ было два раза одно и то же? Къ тому же Плетневъ мой первый другъ, отъ котораго ничего не скрываю; онъ занимается и моими дѣлами.

Тутъ дядя объявилъ сестрѣ, что онъ остановился попрежнему въ Демутовой гостинницѣ, но, не теряя времени, переѣзжаетъ на-дняхъ въ Царское, гдѣ будутъ жить и «старики». Александръ Сергѣевичъ убѣждалъ сестру къ нему переѣхать; къ его просьбамъ присоединилась и Наталья Николаевна, но Ольга Сергѣевна отвѣчала, что рѣшительно не хочетъ ихъ стѣснять.

Отъѣздъ молодыхъ въ Царское состоялся 25 мая. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна хотѣли въ іюнѣ перебраться туда же, а мать осталась въ городѣ.

Между тѣмъ, матеріальныя средства Ольги Сергѣевны находились въ состояніи весьма незавидномъ, что̀ можно видѣть изъ ея письма къ мужу. Перевожу его порусски:

«Мнѣ очень прискорбно, любезный и милый Николай, что тебѣ приходится ждать, какъ пишешь, еще цѣлыхъ четыре мѣсяца содержанія, какое тебѣ обѣщались. Я въ тонкихъ. Къ счастію, братъ Александръ меня выручилъ, самъ предложивъ тотчасъ послѣ пріѣзда свою помощь; я было отказалась, думая получить кое-что отъ продажи твоихъ романовъ, и согласно обѣщанію отца двѣ тысячи пятьсотъ рублей; но, вообрази, оба твои романа переводные «Патриціи» и «Богемская дѣвичья война» нейдутъ вовсе, а нейдутъ, кажется, потому, что Булгаринъ, въ пику Сомову, который расхвалилъ эти романы въ другой газетѣ, не сказалъ о нихъ въ своей ничего; печатаніе же на твой счетъ другого твоего перевода романа Манцони «I promessi sposi» — ничего не принесло, кромѣ заявленій отъ твоего переписчика, наборщика, разныхъ претензій, и вмѣсто дохода плачу имъ деньги. Избавь меня, ради Бога, отъ хлопотъ; въ нихъ ничего не смыслю. А Сергѣю Львовичу плутъ его управляющій догадался доложить, то есть выдумать, будто бы не можетъ выслать 4,000 рублей оброка, которые будто бы получилъ, и которые у него на другой день украли! Сергѣя Львовича можно, пожалуй, увѣрить, что и пузыри — фонари (on peut lui faire croire que des vessies sont des lanternes); а онъ обѣщался именно дать мнѣ 2,500 рублей изъ этихъ же денегъ...

«Александръ, — продолжаетъ Ольга Сергѣевна, — въ особенности же моя невѣстка, съ которой я совершенно подружилась, убѣдительно меня просятъ переѣхать къ нимъ. Но какъ же могу на это согласиться? Стѣснять ихъ, во-первыхъ, отнюдь не хочу; во-вторыхъ, образъ ихъ жизни совсѣмъ противуположенъ моему: Александръ будетъ и въ Царскомъ посѣщать большой свѣтъ, а она,

какъ я замѣтила, очень любитъ изысканные туалеты. Меня же большой свѣтъ не прельщаетъ, а рядиться въ мои года уже не пристало. А тутъ, поневолѣ, если переѣду къ нимъ, должна буду выѣзжать вмѣстѣ съ братомъ и невѣсткой, при чемъ и одѣваться не хуже ея. Говорю откровенно, могу ли я это дѣлать при твоемъ ограниченномъ жалованьѣ и твоихъ, правда, очень почтенныхъ, литературныхъ трудахъ, но, которыя, кромѣ изъяна, съ тѣхъ поръ какъ Дельвигъ на томъ свѣтѣ, не приносятъ ни гроша?»

Нравственное состояніе Ольги Сергѣевны тоже было очень печально.

«Не получая извѣстія, томлюсь и безпокоюсь: живъ ли ты? — пишетъ она пофранцузски, — не убитъ ли... все можетъ статься. Не добрый геній вдохновилъ тебя промѣнять спокойный семейный очагъ на проклятую Польшу. Отъ души ее ненавижу. Какъ же могу быть спокойной? Приглашаешь меня пріѣхать. Но куда же? Изъ Гродно, вѣроятно, васъ ушлютъ въ другое мѣсто, а тамъ въ третье и десятое. На поѣздку надо денегъ и денегъ, а откуда мнѣ ихъ взять, чтобы одной поѣхать тебя отыскивать въ непріязненномъ краѣ, гдѣ свирѣпствуетъ и холера, хотя въ глазахъ моихъ это, положимъ, ничего не значитъ. Но, главное, меня родители отсюда не выпустятъ амазонкой на польскую войну; слишкомъ отъ нихъ завишу; зимой собираются въ Москву да настаиваютъ, чтобы и я туда же съ ними поѣхала, коль скоро польская война затянется. То ли бы дѣло, если бы ты потерпѣлъ немного и выжидалъ мѣста консула? Переселились бы въ лучшій климатъ. А теперь? Богъ знаетъ, увижу ли тебя? Застрянешь въ дурацкой Польшѣ (avec votre sotte de Pologne!!) Да живъ ли ты? откликнись ради Бога.

«Вчера изъ Царскаго пріѣхалъ ко мнѣ Александръ. Говоритъ, что мои мысли о тебѣ пустяки, и что ты пороху не нюхаешь. Но этимъ меня не утѣшилъ. Мои старики тоже скоро уѣдутъ отсюда. Оба были у меня надняхъ вечеромъ, но удовольствія не доставили: хотѣлось быть одной, а мать была такъ весела и такъ подшучивала надъ моимъ одиночествомъ, что у меня раздиралось сердце, и я не могла удержаться отъ слезъ. Заходитъ ma très chère mère ко мнѣ часто; вчера провела весь вечеръ и играла въ вистъ, когда, сверхъ ожиданія, пожаловали и Марковъ, и Плетневъ, и Аничковъ; всѣ трое тебѣ кланяются. Вдова Дельвига, — она переѣхала на новую квартиру — въ отчаяніи. Иду сейчасъ къ ней, а завтра меня навѣститъ Александръ; пріѣхалъ вчера по дѣламъ изъ Царскаго, куда меня хочетъ увезти на цѣлыхъ три дня. Такъ присталъ, что не знаю какъ отдѣлаться...

«Братъ Леонъ,—какъ говоритъ Александръ,—желалъ остаться на Кавказѣ драться съ горцами, но Хитрово, во что бы ни стало, хочетъ, чтобы подрался съ поляками. Вѣроятно съ нимъ встрѣтишься»...

Между тѣмъ, отецъ мой, отправившійся на театръ военныхъ дѣйствій въ августѣ, вступилъ съ нашими побѣдоносными войсками въ Варшаву.

Прежде чѣмъ обратиться къ изложенію быта моей матери и ея родныхъ въ 1831 году, считаю болѣе для себя удобнымъ привести предварительно замѣтку моего отца, касающуюся пребыванія его въ томъ же году въ Варшавѣ, а затѣмъ сказать нѣсколько словъ о находившемся на театрѣ военныхъ дѣйствій дядѣ Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, и пріятелѣ его Сіяновѣ.

«Въѣзжая въ Варшаву,—пишетъ отецъ,—я прямо направился къ книжной лавкѣ, и тутъ же накупилъ книгъ, для пополненія моей небольшой библіотеки, которую оставилъ въ Петербургѣ. При выборѣ книгъ, обращалъ я вниманіе на край, куда судьба призывала меня на долгое время. Случай же захотѣлъ, чтобы мнѣ отвели квартиру у Кох—го, стараго воеводы-кастеляна, которому, не знаю почему, я очень понравился, и который потомъ снабжалъ меня историческими книгами, разсказывая красно про старину Польши, какъ свидѣтель трехъ ея раздѣловъ. Это разбудило во мнѣ страсть къ исторіи, заснувшую съ того времени, какъ я предался музыкѣ и литературѣ. Захотѣлось знать, чего не зналъ; но желаніе это должно было подчиниться требованіямъ службы, когда, съ окончательнымъ открытіемъ временнаго правленія, я туда явился.

«Предсѣдатель Ф. И. Энгель почтилъ меня довѣренностью принимать и докладывать просьбы, поступавшія къ нему сотнями отъ поляковъ,—просьбы и дѣльныя и вздорныя, какъ бываетъ въ такое смутное время. Я принималъ просьбы, разспрашивалъ просителей, нужнѣйшее отмѣчалъ карандашомъ на самой просьбѣ, и докладывалъ, исполняя немедленно его приказанія. Все это я дѣлалъ одинъ съ помощью писца: теперь занимается этимъ цѣлое отдѣленіе чиновниковъ. Кромѣ того, на дому, поправлялъ переводъ съ польскаго на русскій журналовъ временнаго правленія. Упоминаю объ этомъ какъ о предметѣ полу-литературномъ и въ послѣдствіяхъ своихъ для меня важномъ. Перемарывая почти до слова жалкій переводъ В—го, я выработывалъ, даже создавалъ языкъ, который, мало по малу, усвоили себѣ позднѣйшіе переводчики журнала, а изложеніе бюджета мнѣ стоило большого труда.

«Это послѣднее занятіе имѣло вліяніе на ходъ моей службы. Поправляя В—го, я неосторожно, однажды, пошутилъ насчетъ его работы: оказалось, что я поправлялъ не В—го, а самого Пр—го, директора канцеляріи. Пр—ій надулся, и, какъ послѣ я узналъ, нажаловался на меня, потому что предсѣдатель привязался однажды къ слову сотковеніе, употребленному въ бумагѣ вмѣсто столкновеніе, и далъ мнѣ чувствовать съ нѣкоторою важностью, «что и я могу ошибиться». Обнаружилось взаимное охлажденіе; вдобавокъ я занемогъ. Въ такомъ положеніи представилось мнѣ

вдругъ, чрезъ посредство Валеріана Өедоровича Ширкова, съ которымъ я жилъ на одной квартирѣ, предложеніе перейти къ генералъ-интенданту для занятій по иностранной перепискѣ, производившейся съ нашими консулами прусскимъ и австрійскимъ по предмету продовольственныхъ припасовъ, изъ коихъ одни, изъ Пруссіи, доставлены были поздно, когда въ нихъ уже надобность минула, а другіе, изъ Австріи, доставлены не сполна, и увлекли коммисіонера подъ судъ. Личное, дружеское ко мнѣ расположеніе генералъ-интенданта Погодина, блестящія обѣщанія, а съ другой стороны непріятныя отношенія съ начальствомъ временнаго правленія, наконецъ, приманка новизны (тогда двадцатидевятилѣтнему молодому человѣку), очень еще привлекательной, рѣшили мой выборъ: я простился съ администраціею края, на поприщѣ которой полагалъ быть полезнѣе другихъ, и, согласно моей запискѣ, поданной главнокомандующему дѣйствующею арміею, откомандированъ въ интендантство для сношеній на иностранныхъ языкахъ.

«Удаленіе мое отъ временнаго правленія, кажется, не понравилось предсѣдателю, судя потому, что онъ исходатайствовалъ награды всѣмъ, кромѣ меня.

«Сейчасъ же послѣ моего перевода, мнѣ поручили временно управлять канцеляріею генералъ-интенданта. Хотя я и сидѣлъ съ утра до вечера за бумагами иногда, самаго непріятнаго содержанія, но нѣтъ худа безъ добра: управляя канцеляріей, я сталъ изучать одну изъ важнѣйшихъ частей военной науки—способы и тайны продовольствія арміи; познакомился при этомъ съ краемъ, и съ того же времени началъ подготовлять матеріалы для статистики Польши...»

Съ дядей Львомъ Сергѣевичемъ отецъ мой встрѣтился въ Варшавѣ, вскорѣ послѣ вступленія туда нашихъ войскъ. Прибывъ съ Кавказа на театръ военныхъ дѣйствій въ свитѣ Паскевича, «Пушкинъ Левъ», по своему обыкновенію, явилъ чудеса храбрости, особенно на приступѣ Варшавы, 26-го августа.

Счастіе и здѣсь ему улыбнулось: какая-то невидимая рука его хранила. Находясь среди самого жестокаго огня и отчаянно работая саблей, дядя остался невредимъ; одна лишь лошадь подъ нимъ была убита.

Левъ Сергѣевичъ очень обрадовался встрѣчѣ съ зятемъ, и явился къ нему на слѣдующій же день съ своимъ пріятелемъ Сіяновымъ.

П. Г. Сіяновъ—воинъ и поэтъ—служилъ еще во время Отечественной войны въ сформированномъ тогда Мамоновымъ полку безсмертныхъ гусаръ. Особенно сблизившись со Львомъ Сергѣевичемъ во время персидскаго похода, онъ, подобно своему пріятелю, не прочь былъ кутнуть, но, какъ оба они выражались, «gardant toujours le calme du comme il faut».

— Знаете ли, любезнѣйшій другъ, Левъ Сергѣевичъ, какая между нами разница?—спросилъ онъ Пушкина.

— Не знаю.

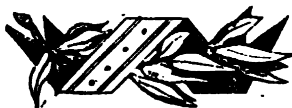
— А вотъ какая. Хотя мы оба, Боже сохрани, никогда во время пирушекъ не выходимъ изъ границъ приличія,—а выпить можемъ на славу,—но шампанское прекращаю тогда, когда начинаю разсказывать собутыльникамъ о французской кампаніи, а вы перестаете пить ромъ, когда поведете разсказъ о персидской.

Левъ Сергѣевичъ и Сіяновъ рѣшили поселиться на одной квартирѣ съ Николаемъ Ивановичемъ. Квартира эта состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ; одну занималъ отецъ, вмѣстѣ съ пріятелемъ и сотрудникомъ композитора Глинки Валеріаномъ Ѳедоровичемъ Ширковымъ, а другая пустовала.

Сдѣлавъ это отступленіе, я въ слѣдующей главѣ вернусь къ разсказу о случившемся въ тотъ же періодъ времени,—съ іюня по сентябрь 1831 года,—съ моей матерью, Александромъ Сергѣевичемъ и ихъ родителями.

Левъ Павлищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРУССІЯ ВЪ КРЫМСКУЮ ВОЙНУ [1].

VII.

«Отклоненіе» въ обѣ стороны.—Тайны Потсдама.

РЕДЪ НАСТУПЛЕНІЕМЪ новаго года, положеніе Россіи принимало тотъ отчаянный видъ, предъ которымъ склоняется воля даже такихъ непокорныхъ характеровъ, какъ Николай I. Разразился тяжкій, даже по нравственному впечатлѣнію, бой подъ Инкерманомъ. Двѣ недѣли спустя, царь писалъ Меншикову, отправляя резервы, въ отвѣтъ на его отчаянный крикъ о помощи: «замѣть, что больше уже нечего послать». А силы союзниковъ удвоивались по жестокому для насъ договору 2-го декабря. Изъ Берлина доносились звуки оружія, извлекаемаго изъ ноженъ для поддержки «отклоненія на западъ». Нашъ потсдамскій почитатель и родственникъ осоюзился съ ненавистнымъ ему Габсбургомъ, къ ногамъ котораго склонялся и весь «фатерландъ». Измѣняли и вѣковые союзники—балканскіе славяне, эта дипломатическая причина всей трагедіи: Александръ Карагеоргіевичъ сбросилъ маску, открыто сталъ за Австрію.

Нессельроде осмѣлился, наконецъ, выступить противъ гордости своего повелителя: въ откровенномъ меморандумѣ внушалъ онъ ему, что «честь не обязываетъ насъ бросаться въ бездонную пропасть».

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 585.

Онъ получилъ разрѣшеніе принять «четыре гарантіи», но въ нѣсколько ослабленной редакціи, и выдвинулъ своего любимаго ученика, князя Горчакова, который замѣнилъ Мейендорфа, но съ званіемъ лишь чрезвычайнаго посланника. По описанію Руссэ (II, 91), Горчаковъ принадлежалъ къ партіи староруссовъ (les vieux russes): «человѣкъ гибкаго ума, искусный собесѣдникъ, внимательный, предпріимчивый, Горчаковъ пріобрѣлъ гораздо больше вліянія въ Вюртембергѣ и репутаціи во всей Германіи, чѣмъ можно было ожидать при сравнительно скромныхъ должностяхъ, которыя занималъ онъ въ дипломатической іерархіи». Ротанъ дорисовываетъ портретъ впослѣдствіи маститаго канцлера: «По своему характеру Горчаковъ не былъ предназначенъ къ такому щекотливому дѣлу, хотя онъ и былъ посвященъ въ нашихъ классиковъ, которыхъ приводилъ на каждомъ шагу. Никогда ни одинъ дипломатъ не велъ своего дѣла съ такимъ жаромъ, изобрѣтательностью, тонкостью и упорствомъ. Онъ любилъ борьбу и былъ одержимъ запальчивымъ патріотизмомъ. Этотъ патріотизмъ и рѣзкость ума омрачали ясность его сужденій. Если слово неблагодарность не всегда было у него на языкѣ, чувствовалось, слышалось, что оно царствуетъ въ глубинѣ его души. Ему недоставало хладнокровія, этого орудія успѣха, какъ на войнѣ, такъ и за зеленымъ столомъ».

Положеніе Горчакова было самое мучительное: за утратой всего, ему оставалось только какъ-нибудь спасать внѣшніе признаки чести своей страны. Но это-то и было труднѣе всего среди ликующихъ побѣдителей. Буоль никогда еще не былъ такъ высокомѣренъ и властителенъ во дворцѣ. Надежды на молодого императора рухнули. «Труднѣе всего проникнуть къ Францу-Іосифу, доносилъ совсѣмъ стушевавшійся въ Вѣнѣ Горчаковъ: онъ совсѣмъ баррикадированъ; вотъ уже шесть мѣсяцевъ, а я имѣлъ только четыре ауедіенціи». Баррикады состояли изъ Буоля и его пріятеля, французскаго посланника, Буркенэ, человѣка живого, но умѣвшаго владѣть собой, способнаго, бойкаго на языкъ, привлекательнаго по своему открытому нраву: онъ много помогъ союзникамъ, увлекая Вѣну искренностью, съ которою онъ вѣрилъ въ безкорыстіе и правдивость Наполеона.

При такой обстановкѣ, идти на конференцію значило для Горчакова совать голову въ пасть льва. Ему хотѣлось видѣть среди своихъ палачей друга, хотя и отличавшагося «двойственностью чувствъ». Но Буоль исключилъ Пруссію въ наказаніе за то, что она не примкнула формально къ великимъ актамъ 8-го августа и 2-го декабря. Взбѣшенный Фридрихъ-Вильгельмъ, которому особенно хотѣлось, безъ всякихъ жертвъ, ворочать дѣломъ мира, послалъ въ Вѣну полковника Мантейфеля настаивать на изгнаніи самого Буоля; но тотъ только убѣдился, что между императоромъ и его министромъ господствуетъ полное согласіе. Какъ ни лавиро-

валъ Горчаковъ, какъ ни озадачивалъ онъ враговъ обычнымъ русскимъ «къ свѣдѣнію, до новыхъ инструкцій», ему пришлось принять предварительныя условія, немного смягченныя лишь во внѣшней формѣ, приличія ради.

Но прежде чѣмъ открылись конференціи, протекло почти три мѣсяца, въ которые Россіи пришлость испить до дна чашу испытаній. Новый годъ ознаменовался такимъ внезапнымъ присоединеніемъ Сардиніи къ союзникамъ, что оскорбился самъ Буоль, котораго, впрочемъ, тотчасъ усмирили вѣрнымъ замѣчаніемъ, что, вѣдь, Австрія помогаетъ только на бумагѣ, а требуется немедленное содѣйствіе оружіемъ. Горчаковъ былъ какъ громомъ пораженъ, по словамъ Буркенэ: «меня обошли, моя роль кончена, я долженъ потребовать паспорты!»—восклицалъ онъ.

Великая драма была въ томъ моментѣ, когда дѣйствующія лица собираютъ послѣднія силы и возвышаютъ голосъ до крайней нотки, а историческія силы, какъ прорвавшаяся плотина, все ломаютъ на своемъ пути и, какъ бы сами не зная, куда броситься, производятъ внезапныя превратности. На минуту, какъ больному передъ смертью, изнемогающей Россіи какъ будто полегчало. Союзники старались настойчивостью и высокомѣріемъ лишь прикрыть паденіе духа. Ихъ побѣды были такъ тяжелы и нерѣшительны, что чувство отчаянія закрадывалось и въ ихъ души. Во Франціи былъ поставленъ на карту послѣдній грошъ: арсеналы опустѣли, у страны были отняты лучшія дѣти, а подъ Севастополемъ едва держалась сотня тысячъ измученныхъ солдатъ. Наполеонъ уже задумывался надъ вопросомъ о собственной поѣздкѣ въ Крымъ; но Персиньи твердилъ друзьямъ: «во что бы ни стало нужно удержать его, не то будетъ революція». Во Франкфуртѣ самъ французскій дипломатъ, незлобивый, откровенный старикашка, Тальнэ, говорилъ очень мрачно насчетъ Крымской войны. Мутье писалъ изъ Берлина: «здѣшнія рѣчи о нашихъ арміяхъ походятъ на надгробныя слова; только и думаютъ, что про ожидаемыя наши пораженія».

Берлинъ опять становился рѣшителемъ судебъ, а также узломъ интригъ Запада и Востока. Его значеніе возросло и оттого, что Австрія, которая надѣялась, что живо раздѣлаются съ «червоточной» имперіей и даромъ дадутъ ей наживу на Дунаѣ и въ Балканахъ, теперь дрожала не только за свое вліяніе въ «фатерландѣ», но и за свою власть надъ Италіей, встряхнутой выступленіемъ Сардиніи. Буоль былъ какъ въ лихорадкѣ. Но чѣмъ больше онъ рвался въ бой, тѣмъ скорѣе нужно было ему обезоружить своего соперника въ тылу. Онъ усиленно насѣдалъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ, грубо, даже нелѣпо требуя немедленной мобилизаціи: фюрстамъ онъ забылъ даже пообѣщать вознагражденіе. Фридрихъ-Вильгельмъ, только-что обиженный исключеніемъ изъ конференціи, отвѣчалъ: «меня серьезно оскорбила мысль о наступательномъ по-

ложеніи относительно Россіи; Австрія всегда найдетъ меня готовымъ къ оборонѣ, но не къ нападенію». Когда морскія державы пристали къ нему съ требованіемъ хоть подписать отдѣльный договоръ съ ними въ смыслѣ акта 2-го декабря, онъ прибѣгнулъ къ обычному средству—послалъ Уседома въ Лондонъ и Ведедя въ Парижъ съ «необъяснимыми» предложеніями. Они затягивали дѣло: только-что, кажется, согласятся, какъ вдругъ подымаютъ новыя возраженія, требуютъ новыхъ обезпеченій. Наконецъ, они огорошили собесѣдниковъ заявленіемъ, что король готовъ на сдѣлку, но съ условіемъ, чтобы, въ случаѣ войны, иностранныя войска не проходили по Германіи и чтобы не было вопроса о возстановленіи Польши. Фридрихъ-Вильгельмъ вообразилъ даже, что ловко поссоритъ союзниковъ: Уседомъ внушалъ англичанамъ, что союзъ Австріи съ Франціей грозитъ погибелью протестантизму. Конечно, въ Лондонѣ только улыбнулись на такіе архаическіе взгляды. Россель, по пути въ Вѣну, заѣхалъ въ Потсдамъ и держалъ себя холодно; а король сказалъ ему, что никогда не пристанетъ къ оскорбляющимъ его шурина требованіямъ. Россель погрозилъ ему исключеніемъ даже изъ общаго протектората надъ княжествами. Фридрихъ-Вильгельмъ возразилъ: «и прекрасно; освобожусь и отъ вѣнскихъ протоколовъ, и отъ обязательствъ предъ Австріей».

Король орудовалъ противъ Вѣны и во Франкфуртѣ. Получившій волю Висмаркъ пустилъ въ ходъ все свое казарменное краснорѣчіе, которое необходимо смягчать въ печати, по требованію приличій. Онъ кричалъ: «Австрія подала руки двумъ пьяницамъ, которые тянутъ ее по произволу страстей... Конвенція 2-го декабря заставила Австрію испытать мученія крысы въ готовомъ развалиться домѣ». Несчастнымъ и премудрымъ фюрстамъ онъ несъ всякую ахинею: грозилъ даже тѣмъ, что его король спуститъ либераловъ, которые разрушатъ ихъ престолы, соединившись съ Наполеономъ. За исключеніемъ Ганновера и курфюршества Гессенъ, на сеймѣ всѣ отвергли потребованную Буолемъ мобилизацію.

Лучъ надежды лишь на мгновеніе утѣшилъ Россію: въ сущности онъ освѣтилъ пропасть, въ которую она низвергалась. Въ Англіи грозно заговорила совѣсть націи, взывавшая къ искупленію грѣховъ, разоблаченныхъ слѣдственною комиссіей. Здѣсь, какъ у всякаго здороваго и сознательнаго организма, вмѣсто унынія загорѣлись чувства гордости и мести, несокрушимой энергіи. Ихъ вѣрнымъ истолкователемъ могъ быть только Пальмерстонъ—и министерство безжизненнаго Абердина слетѣло. Пальмерстонъ объявилъ, что, еслибы даже Франція отстала, Англія одна будетъ драться, пока не свалитъ высокомѣрнаго врага. Со всѣхъ концовъ огромнаго колоніальнаго свѣта Великобританіи стекались разноцвѣтные солдаты. Откуда взялись провіантъ и одежда лучшаго сорта, и въ такомъ изобиліи, что англичане дѣлились съ французами. Послѣд-

ній, искусный планъ русскихъ отвлечь непріятеля рухнулъ подъ злополучною Евпаторіей. Пальмерстонъ боялся уже не войны, а мира, который могъ вырвать у него изъ рукъ вожделѣнный плодъ побѣдъ и долгихъ страданій. Подъ предлогомъ придать блеску конференціи, онъ послалъ въ Вѣну безсловеснаго Росселя (онъ зналъ только поанглійски), надѣясь, что тотъ надѣлаетъ ошибокъ, которыя послужатъ къ разрыву переговоровъ, въ чемъ и не ошибся.

Пальмерстонъ спѣшилъ недаромъ. 2-го марта скончался Николай I, этотъ исключительный защитникъ военной чести Россіи,— и въ воображеніи всѣхъ повѣяло миромъ. Дѣйствительно, не смотря на гордый манифестъ въ духѣ Николая I и «началъ священнаго союза», Александръ II принялъ «четыре гарантіи»—и 15-го марта въ Вѣнѣ открылись конференціи. Но до мира оставался еще добрый годъ: должны были произойти главныя кровопролитія подъ Севастополемъ, чтобы Западъ добился своей цѣли. Берлинъ опять пріобрѣлъ важное значеніе въ тяжбѣ почти равносильныхъ противниковъ. Передъ смертью Николая I, союзники поставили Фридриха-Вильгельма въ весьма стѣснительное положеніе: они соблазняли его допущеніемъ на конференцію, но съ условіемъ воевать съ Россіей, въ случаѣ неудачи переговоровъ. Трагическое событіе въ Петербургѣ вывело его изъ затрудненія. Онъ все писалъ письма, орошаемыя слезами, и восклицалъ министрамъ: «Какъ мнѣ заниматься дѣлами, особенно союзомъ съ западными державами? Еще не остыло тѣло императора Николая»!.. Король совсѣмъ разчувствовался въ письмѣ къ Бунзену. Оплакивая «великолѣпнѣйшее явленіе въ исторіи», онъ кстати сталъ усовѣщевать друга, предлагая ему, бросивши «сухотку спиннаго мозга», стать «славнымъ орудіемъ въ рукахъ Господа», съ помощью «адамантоваго правила»— посланія къ коринеянамъ.

Чѣмъ воинственнѣе становились Пальмерстонъ съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе Фридрихомъ-Вильгельмомъ овладѣвалъ знакомый припадокъ «отклоненія на Востокъ». Узедомъ казался уже «исчерпаннымъ» и собирался исчезнуть съ лондонскаго горизонта. Его король сосредоточилъ вниманіе на Вѣнѣ, о которой доносилъ Бисмаркъ: «Вуоль и его друзья черезчуръ предупредительны къ Горчакову и къ русскимъ». Фридрихъ-Вильгельмъ предложилъ даже матеріальную помощь Францу-Іосифу, если только Австрія разорветъ съ морскими державами. Онъ вездѣ расхваливалъ нашу умѣренность и увлекалъ союзный сеймъ, доказывая, что принятіемъ первыхъ гарантій мы уже соблюли «нѣмецкіе интересы». По наблюденіямъ Ротана, въ придворныхъ кружкахъ Берлина уже задавались мыслью сдѣлать демонстрацію на границахъ Франціи, въ надеждѣ освободить руки Россіи. Впрочемъ, король поспѣшилъ остановить пылъ далеко заходившихъ кружковъ. Ему претило выйти изъ своей «скорлупы» и броситься въ приключенія. На него угнетательно

дѣйствовали настойчивыя жалобы морскихъ державъ, подкрѣпляемыя шумомъ грозныхъ приготовленій. «Что мнѣ, наконецъ Россія! воскликнулъ онъ: чѣмъ больше солдатъ пошлетъ Франція въ Крымъ, тѣмъ мнѣ будетъ спокойнѣе». А руссофильствующимъ гвардейцамъ онъ сказалъ, намекая на руссофобію Австріи и Германіи: «успокойтесь, вамъ не придется извлекать мечъ противъ вашихъ товарищей».

Въ маѣ 1855 года въ Парижѣ уже отчаявались въ успѣхѣ, лишившись надежды на Австрію, и собирались снять осаду Севастополя. Наполеонъ готовъ былъ даже мириться, прислушиваясь къ словамъ Сеймура: «не предлагайте Россіи унизительнаго мира; я знаю эту страну; такой миръ былъ бы вѣчною войной». Какъ вдругъ все измѣнилось. Неудачный штурмъ передовыхъ укрѣпленій Севастополя выдвинулъ вопросъ о чести для французовъ и о престолѣ—для Наполеона: тотчасъ же слетѣлъ съ министерства трусливый, мирный Друэнъ де Люисъ. Но важнѣе всего было загадочное событіе, которое вполнѣ разъясняется въ любопытномъ разсказѣ Ротана. Въ «Монитерѣ» появилось для всѣхъ неожиданное, громкое объявленіе о скоромъ паденіи Севастополя, на основаніи «вѣрныхъ» извѣстій. Вотъ какъ Наполеонъ сталъ пророкомъ.

Однажды какой-то старикъ, съ величавою осанкой, по его словамъ бывшій офицеръ вестфальскаго короля, послѣ многихъ писемъ въ легацію, явился лично къ Мутье, «побуждаемый сочувствіемъ къ Франціи». Онъ заявилъ, что обладаетъ драгоцѣнными свѣдѣніями о военномъ положеніи Россіи. Онъ не говорилъ, откуда добылъ ихъ; но намекалъ на свою привязанность и близость къ барону Мантейфелю. Вообще онъ старался внушить, что желаютъ, чтобы въ легаціи знали то, чего нельзя высказать открыто. Мутье зналъ, что Мантейфель слѣдовалъ словамъ Кавура: «въ сторону мораль; займемся политикой». Онъ соображалъ, что Мантейфель терялъ свой портфель, а Пруссія подпадала опекѣ Петербурга, еслибы событія въ Крыму склонились къ невыгодѣ морскихъ державъ. Но опытный дипломатъ, знавшій свою область, гдѣ шпіоны шпіонятъ за шпіонами и обманщики обманываютъ обманщиковъ, Мутье усомнился и запросилъ Парижъ, а самъ наводилъ справки о таинственномъ посѣтителѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль выяснилось, что посѣтитель дѣйствительно уже много лѣтъ состоялъ на жалованьѣ у перваго министра, который содержалъ цѣлую дружину агентовъ, изъ часа въ часъ извѣщавшихъ его о дѣйствіяхъ и даже замыслахъ его враговъ. Мантейфель, въ соучастіи съ Гинкельдеемъ (начальникомъ полиціи) и Зейфертомъ (директоромъ контрольной палаты въ Потсдамѣ), получалъ списки съ частныхъ писемъ, которыми обмѣнивались между собой главы русской партіи при дворѣ и ихъ соумышленники въ Петербургѣ. Цѣлые годы совершалась эта подпольная ра-

бота, какъ вдругъ у Герлаха зародилось подозрѣніе: у него была своя тайная контр-полиція. Вышелъ громкій скандалъ, за который схватилась печать. Козломъ отпущенія сдѣлался Зейфертъ, отъ котораго отказались и Мантейфель, и Гинкельдей: его выгнали со службы.

Таинственный посѣтитель былъ схваченъ въ Потсдамѣ, когда выходилъ изъ квартиры Зейферта. При обыскѣ у него нашли даже письма неосторожнаго директора контроля. Оказалось, что лакей Герлаха давалъ агенту Мантейфеля списывать корреспонденцію своего барина. Зейфертъ горячо защищался. Онъ раскрылъ въ обстоятельной запискѣ всѣ ходы мрачной интриги. Онъ доказалъ, что уже за два года передъ тѣмъ одинъ изъ его агентовъ увѣдомилъ его, что Мантейфель поручилъ ему «надзирать за извѣстными личностями изъ окружающихъ короля», и что онъ получалъ за это мѣсячное жалованье. Зейфертъ посовѣтовался съ бывшимъ своимъ начальникомъ, министромъ Ладенбергомъ. Тотъ не удивился: онъ зналъ Мантейфеля. А затѣмъ Зейферту признались самъ Мантейфель и его казначей. Тутъ же открылось, что Герлахъ, съ своей стороны, надзиралъ за наслѣдникомъ престола. Однажды Зейферту доставили списокъ съ злословнаго доноса на кронпринца, изготовленный агентами генерала по его собственному приказанію. Зейфертъ предъявилъ его Борку, начальнику кабинета принца; но тотъ возвратилъ доносъ, сказавши, что онъ уже извѣстенъ ему.

Вотъ путь, которымъ дошли до Мутье частныя письма военнаго агента Пруссіи въ Петербургѣ, графа Мюнстера, къ генералу Герлаху. А въ нихъ точно обрисовывалось отчаянное положеніе Россіи и указывалось, что Севастополь падетъ, какъ только сосредоточатъ огонь противъ Малахова Кургана и баттареи Корнилова.

А въ Вѣнѣ все тянулись не разъ прерываемыя конференціи. Горчаковъ одинъ выдерживалъ ожесточенныя нападенія дружно напиравшихъ союзниковъ. По описанію Ротана, за неимѣніемъ другихъ средствъ, его тактика состояла въ поселеніи раздора между императоромъ и его министромъ. Онъ восхвалялъ Франца-Іосифа и чернилъ Буоля, какъ главное препятствіе къ искренности. Буоль только приводилъ въ свое оправданіе смягчающія обстоятельства: ему было неловко; быть можетъ, онъ не былъ свободенъ отъ угрызеній совѣсти за 1849-й годъ. Царскій посланникъ говорилъ ему покровительственнымъ тономъ: «для насъ это—дѣло жертвъ, для васъ—дѣло чести. Только-что вошелъ я въ залу совѣщаній, какъ замѣтилъ, что меня заманили въ ловушку» и т. п. Затѣмъ Горчаковъ схватывался съ Буркенэ, который всегда стоялъ у бреши, готовый отражать его тонкою и сжатой діалектикой, сохраняя вѣжливое спокойствіе, между тѣмъ какъ угрюмый лордъ Уэстморлендъ твердилъ съ несноснымъ однообразіемъ: «и такъ, Россія отказывается?» Горчаковъ съ презрѣніемъ называлъ Бур-

кенэ «журналистомъ» (Вуркенэ былъ однимъ изъ редакторовъ «Journal des Débats»), который вовсе не забылъ своего стараго ремесла—разжигать страсти. Буоль успокоивалъ его, обѣщалъ при первомъ случаѣ доказать ему старую дружбу. А Горчаковъ восклицалъ: «Вы стали на краю пропасти и скоро измѣрите ея глубину; вы пожертвовали вашими жизненными интересами, отказались отъ всякой воли; вы на буксирѣ, вы въ распоряженіи вашихъ союзниковъ». На аудіенціяхъ же у императора онъ прикидывался уступчивымъ, вкрадчивымъ и затрогивалъ самолюбіе юнаго монарха, внушая, что надъ нимъ господствуетъ воля Буоля. Онъ старался также посѣять раздоры въ министерствѣ: онъ льстилъ тщеславію Баха и Брука (министра финансовъ) насчетъ Буоля.

Одну минуту Горчаковъ могъ думать, что поле осталось за нимъ: Буоль совсѣмъ отказался отъ мысли о войнѣ, даже сокращалъ войска—и конференціи прервались къ нравственному ущербу морскихъ державъ. Горчаковъ приписывалъ себѣ заслугу разъединенія въ лагерѣ союзниковъ. Но вдругъ Буоль одумался. Онъ началъ изливаться передъ Буркенэ: «На кого намъ положиться, если не на васъ? Мы въ ссорѣ съ Россіей, холодны съ англичанами, покинуты нѣмцами и преданы пруссаками». И возобновились клятвы въ вѣрности договору 2-го декабря. Горчакову пришлось начинать съизнова. Вскорѣ, палъ Севастополь — и роль вѣнскихъ конференцій и Горчакова окончилась среди затаеннаго дыханія Европы, замершей въ ожиданіи слѣдствій великаго финала кровавой драмы.

Побѣжденные хранили грозное молчаніе отчаянія. Побѣдители трепетали отъ сознанія, что нечѣмъ нанести имъ послѣдняго удара. Наполеонъ бросался всюду за новыми союзниками, но нашелъ ихъ только въ шведахъ: Пальмерстонъ рѣшительно отказался возстановить Польшу; Фридрихъ-Вильгельмъ не только отвергъ предложенный ему Голштейнъ, но еще увѣдомилъ объ этомъ Данію.

Тогда-то начались тайныя сношенія Парижа съ Петербургомъ, которыя такъ долго носились въ воздухѣ и не сходили съ языка Бисмарка. Ихъ приписывали княгинѣ Ливенъ, которая проживала тогда въ столицѣ Франціи и зналась съ Морни, этимъ вождемъ партіи мира въ Тюльери.

У Петербурга былъ въ Тюльери болѣе надежный посредникъ—зять Нессельроде, саксонскій министръ, баронъ Зеебахъ, которому было ввѣрено, на время войны, попечительство надъ русскими подданными во Франціи. Онъ былъ скорѣе представителемъ своего тестя, чѣмъ Бейста. Онъ задался цѣлью примирить Францію съ Россіей и помогалъ дѣлу тайною перепиской, которую велъ съ Нессельроде и съ Валевскимъ, подъ личнымъ надзоромъ самого Наполеона. Ему мѣшали только страхъ императора передъ Лондономъ, а еще больше подозрительность англичанъ. Опасаясь, какъ бы Зеебахъ не увлекъ слабаго, перемѣнчиваго Наполеона въ

отдѣльную сдѣлку съ Петербургомъ, они внушали императору недовѣріе къ агентамъ фюрстовъ, какъ къ опаснымъ гостямъ, которые способны издѣваться надъ французами, ловить ихъ тайны и, для пущей важности, всегда готовы разглашать то, что имъ довѣряютъ по секрету. «Лордъ Влумфильдъ,—писалъ Мутье,—совѣтуетъ хорошенько хранить наши военныя тайны; онъ думаетъ, что все, что̀ дѣлается у насъ въ военномъ министерствѣ, тотчасъ передается русскимъ». Маршалъ Вальянъ телеграфировалъ: «попросите вашего товарища не скрыть отъ васъ, откуда исходятъ эти нескромности?» Мутье отвѣчалъ: «Влумфильдъ не говоритъ, но проситъ удвоить осторожность». Лишь при новыхъ приставаньяхъ англичанинъ сообщилъ, кто и какъ предавалъ французовъ: оказалось, что въ Лондонѣ больше самого Вальяна знали, что̀ дѣлается въ его вѣдомствѣ. Пока въ Лондонѣ только подозрѣвали опасность, въ Вѣнѣ узнали о работѣ Зеебаха: самъ Бейстъ проболтался. Буоль пожаловался Пальмерстону и объявилъ, что будетъ воевать, если только Россія отвергнетъ предварительныя условія. Разоблаченный Наполеонъ долженъ былъ прервать переговоры черезъ Зеебаха, обнадеживши его только, что будетъ поддерживать насъ противъ Англіи, которой хочется, чтобы мы отвергли условія.

VIII.

Пруссія въ дѣлѣ мира.—Предвѣстники бисмаркизма.

Опять наступала рѣшительная минута — и снова Берлинъ выступилъ впередъ. Съ открытія вѣнскихъ конференцій, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ самъ не свой. Онъ окаменѣлъ на мысли о даровомъ участіи въ международномъ спектаклѣ. Его измучило обидное изгнаніе изъ европейскаго ареопага. «Вѣдь, если меня не возьмутъ замужъ, останусь старою дѣвой!» — плакался онъ въ кругу друзей. Когда палъ Севастополь, король смекнулъ, что распорядители спектакля находятся на Западѣ. Онъ поспѣшилъ поздравить Наполеона, опередивъ Франца-Іосифа: впрочемъ, Австріи, по пословицѣ, суждено опаздывать на одинъ годъ, на одну армію и на одну идею; а Буоль велъ тогда, по словамъ Бисмарка, «дѣтскую политику». Затѣмъ, Гогенцоллернъ спѣшилъ безъ всякихъ издержекъ сыграть первую скрипку въ дѣлѣ мира, за которое теперь всякій хватался. Обрадовавшись, что уже въ октябрѣ французскій агентъ спрашивалъ у Мантейфеля, нѣтъ ли какихъ предложеній изъ Петербурга, онъ послалъ Гацфельда въ Парижъ вывѣдать условія и предлагалъ свои услуги въ Лондонѣ, а въ Вѣнѣ заговаривалъ даже о посредничествѣ на половинныхъ издержкахъ. Но его отстранили всюду—Валевскій любезно, Буоль презрительно, Паль-

мерстонъ грубо. Въ Англіи даже общество возмущалось: случившаяся тогда помолвка дочери Викторіи съ нынѣшнимъ нѣмецкимъ императоромъ, Фридрихомъ III, снова вызвала злые пасквили противъ Альберта, какъ бы склоняющагося къ Востоку.

Фридрихъ-Вильгельмъ былъ неутѣшенъ. Онъ срывалъ зло на тѣхъ, кто совѣтовалъ политику воздержанія. Его разочарованіе отражалось на присныхъ. Генералъ Герлахъ лишь изрѣдка появлялся въ С.-Суси и сказалъ пріятелю: «пора, братъ, подумать объ отставкѣ». Генералы, важно, по стратегіи, предвѣщавшіе пораженіе Запада, не смѣли проронить слова; а «Крестовая Газета» лишь исподтишка пускала свои ядовитыя стрѣлы. И въ «фатерландѣ» уже не существовало бамбергцевъ: многіе фюрсты, и во главѣ ихъ король баварскій, горячо кричали о наказаніи Россіи, если она не приметъ мира. Никакія внушенія изъ Петербурга не дѣйствовали: взоры всѣхъ обратились къ Парижу. Дипломаты фюрстовъ, съ Пфордтеномъ во главѣ, спѣшили туда... «осматривать выставку». Прежде чѣмъ явиться въ Тюльери, они показали свои оливковыя вѣтви на обѣдѣ у Валевской. Хозяйка сказала, когда гости откланялись ей: «Они пришли ломать открытую дверь. Наша военная честь спасена — и мы ничего больше не желаемъ, какъ мира. Впрочемъ, сначала нужно проучить русскихъ».

Пфордтена приняли съ особымъ почетомъ, какъ министра Баваріи, этого стараго друга, даже дѣтища Франціи. Восхищенный старикъ превозносилъ до небесъ Наполеона: нѣмецъ стараго закала, онъ льстилъ себя надеждой, что возвеличившійся Наполеонъ, уже въ силу французскихъ преданій, не дозволитъ ни Австріи, ни Пруссіи мучить фюрстовъ и, тѣмъ менѣе, посягать на ихъ независимость. Пфордтенъ услышалъ слова мира: отъ Россіи не желали ничего, кромѣ принятія «четырехъ гарантій», только прямо, безъ всякихъ посредничествъ. Онъ горячо совѣтовалъ Нессельроде согласиться, какъ вдругъ циркуляры изъ Берлина и Вѣны разрушили всю его работу: они требовали, чтобы онъ, лишь какъ одинъ изъ членовъ Нѣмецкаго Союза, присоединился къ посредничеству послѣдняго въ Петербургѣ.

Счастливѣе былъ Бейстъ, благодаря своему Зеебаху. Онъ позже явился въ Тюльери. По дорогѣ онъ узналъ, во Франкфуртѣ, отъ Бруннова, о мирныхъ намѣреніяхъ Александра II, о чемъ и заявилъ Наполеону, послѣ обѣда въ С.-Клу, за бильярдомъ. Возвратившись въ Дрезденъ, Бейстъ тотчасъ написалъ, конечно, длинное письмо Нессельроде, убѣждая его согласиться. Ему отвѣчали, что уже знаютъ условія изъ переписки съ Зеебахомъ. Вслѣдъ затѣмъ, по прямому желанію Наполеона, Зеебахъ поскакалъ въ Петербургъ. Такъ какъ Англія горячилась, желая доканать финансы и торговлю Россіи, а «Австрія спѣшила на помощь побѣдителю», по выраженію французскаго агента въ Вѣнѣ, то на берегахъ Невы

измѣнился тонъ. Горчаковъ замѣтилъ Буолю: «обстоятельства осудили насъ на нѣмоту, но не на глухоту». И въ таинственныхъ ночныхъ совѣщаніяхъ между Буолемъ и Буркенэ родился знаменитый ультиматумъ, который Эстергази повезъ въ Петербургъ 16-го декабря.

Передъ тѣмъ, Буоль боялся франко-русскаго соглашенія и славяно-итальянской революціи; теперь онъ трепеталъ передъ гнѣвомъ Александра II. Отсюда его стремленіе привлечь Пруссію и Германію къ ультиматуму. Анти-русское настроеніе союзнаго сейма было извѣстно; но оно не нравилось одному бѣшеному человѣку. Бисмарку представилась картина возвышенія Габсбурга и погибели его трехлѣтнихъ трудовъ — и онъ снова ринулся въ бой. Его видѣли при дворахъ Мюнхена и Штутгардта; поговаривали о новомъ Бамбергѣ, но уже во Франкфуртѣ. Блумфильдъ сдѣлалъ строгій запросъ Мантейфелю; Францъ-Іосифъ собственноручно писалъ королямъ Баваріи и Вюртемберга; Бейстъ и Пфордтенъ ополчились. Буоль не стѣснялся въ выраженіяхъ въ своихъ нотахъ Берлину. Онъ указывалъ на одиночество Пруссіи, грозилъ исключеніемъ ея изъ конгресса и даже англійскою блокадой. Флегматичный Мантейфель оставался невозмутимъ, а его помощникъ говорилъ: «все грозятъ одиночествомъ, а какъ только произойдетъ важное событіе, тотчасъ обращаются къ Пруссіи, взываютъ къ ея содѣйствію, предъявляютъ ей ноты и договоры для подписи; лучше бы оставили насъ въ покоѣ».

«Крестовики» твердили въ палатѣ господъ: «Говорятъ, Пруссія — не великая держава. Но если вся Европа хочетъ воевать съ Россіей, а Пруссія мѣшаетъ: это — не великое дѣло? Пруссія можетъ не быть на конференціи, а миръ все-таки будетъ ея дѣломъ». Не такъ думала партія кронпринца и Мантейфеля, къ которой присталъ король, не переваривавшій мысли объ устраненіи Пруссіи изъ конгресса. Ее поддержали слишкомъ серьезныя угрозы Англіи. Блумфильдъ оффиціально жаловался на явную военную контрабанду въ Мемелѣ, Данцигѣ, Штеттинѣ и по всей восточной границѣ. Заявивши, что весной послѣдуетъ блокада, онъ кончилъ сухо: «Политика, которая могла быть хороша въ 1855 году, негодится въ 1856-мъ». Англійская печать осыпала бранью самого короля. Въ «Morning Post» (органѣ Пальмерстона) писали: «Союзникамъ легче овладѣть Берлиномъ, чѣмъ Москвой. Дадимъ Пруссіи урокъ, котораго она не забудетъ. Второстепенное государство, которое не умѣетъ поддерживать своего званія, заслуживаетъ кары». А Мутье нашептывалъ Мантейфелю, что Пруссія, своимъ рѣшительнымъ шагомъ въ Петербургѣ, не только не прогнѣвитъ царя, но поможетъ ему замириться. Наконецъ, Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ Александру II убѣдительное письмо и велѣлъ объявить графу Нессельроде, что въ случаѣ отверженія ультиматума онъ будетъ при-

нужденъ отступиться отъ Россіи. «Король волновался, страдалъ нервами, говоритъ Ротанъ: его взоры были прикованы къ Петербургу. Его сильно тревожили и страхъ раздражить племянника, и мысль о грядущей необходимости отозвать своего посланника». Тѣмъ сильнѣе была его радость, когда Россія приняла ультиматумъ: онъ могъ думать, что его письмо сотворило чудо и что благодарная Европа распахнетъ передъ нимъ двери конгресса, чего добраго— даже посадитъ его подъ святые. Онъ тотчасъ же телеграфировалъ Викторіи о радостной новости, важно прибавивши: «прошу сохранить тайну».

Кронпринцъ раздѣлялъ радость брата. Но принцъ Карлъ былъ въ отчаяніи: онъ ничего не видѣлъ, кромѣ униженія Россіи и возвеличенія Франціи. «Крестовики» были не меньше озадачены развязкой. Столько мнившіе о себѣ «бамбергцы» были обойдены. Бисмаркъ съ горечью убѣдился, что событія выказали его недальновидность: его путь становился тернистымъ. Бейстъ горько жаловался на неблагодарность Потсдама, который яко бы похитилъ у него заслугу уступокъ, сдѣланныхъ Россіей: «Пруссія, говорилъ онъ, воровски проскочила въ проломъ, который я одинъ сдѣлалъ».

Но не меньше негодовали на Берлинъ враги Россіи: Фридрихъ-Вильгельмъ вполнѣ пожиналъ горькіе плоды «отклоненій» и «двойственности чувствъ». Австрія приписывала ему разрушеніе своей мечты о преобладаніи на Балканахъ и въ Германіи: «Княжества были у насъ въ карманѣ, но ихъ поспѣшили вытащить», ворчалъ Буоль. Особенно злились англичане, со свойственною имъ грубой откровенностью. Зная задушевную мысль Фридриха-Вильгельма насчетъ конгресса, Блумфильдъ зло говорилъ Мантейфелю: «Ваша политика доведетъ васъ до полнаго одиночества въ Европѣ». «Мы не такъ одиноки, какъ вы думаете», возразилъ прусскій министръ. «Да, я и забылъ, что вы—приспѣшники (satellites) русскихъ», поправился англичанинъ. «Times» доказывалъ, что Пруссія «сама лишила себя значенія», и что «на конференціяхъ нѣтъ мѣста для увертливыхъ». Принцъ Альбертъ изумлялся дерзости короля лѣзть къ пирогу, котораго онъ не пекъ. Викторія выразилась краснорѣчивѣе и благороднѣе всѣхъ: «Допустить Пруссію на конгрессъ значило бы унизить Англію и доказать, что она равнодушна къ политической безнравственности».

Австрія и Англія рѣшались допустить Пруссію на конгрессъ лишь съ условіемъ, что она подпишетъ договоръ о военной защитѣ ультиматума въ случаѣ, если прервутся переговоры. Конечно Фридрихъ-Вильгельмъ отказался. Онъ обратился къ «великодушію императора французовъ». Мантейфель сказалъ Мутье: «Король ни за что не явится на конгрессъ по милости и подъ покровительствомъ Буоля. Вы не будете сожалѣть объ оказанной намъ услугѣ: будете довольны нами. Мы разсчитываемъ только на васъ: Англія злится на насъ, Австрія ревнуетъ, а Россія не хочетъ видѣть насъ

въ Парижѣ. Россія надѣется, что мы склонимся къ ней, обиженные исключеніемъ изъ конгресса. Я хорошо замѣтилъ это изъ моихъ разговоровъ съ Орловымъ: предлагая мнѣ дружеское содѣйствіе, онъ твердилъ, что наше положеніе полно достоинства, и совѣтовалъ сохранять его, отстранять всякія заискиванія». Бисмаркъ точно также понималъ Петербургъ. Онъ писалъ Мантейфелю: «Я убѣжденъ, какъ и вы, что Россія не думаетъ серьезно о нашемъ допущеніи на конгрессъ. Изъ разговоровъ съ Врунновымъ вижу, что наше исключеніе выгоднѣе игрѣ русской дипломатіи, чѣмъ наше допущеніе. Я убѣжденъ, что мы не можемъ разсчитывать на признательность Россіи: мы попадемъ на конгрессъ, лишь благодаря французамъ, если только они заступятся за насъ». Но Бисмаркъ пришелъ къ мысли, что лучше всего спокойно, не сердясь, остаться внѣ когресса, чтобы сохранить свободныя руки. Онъ такъ уперся въ нее, что Мантейфелю пришлось сдѣлать ему строгій выговоръ за «крайнее руссофильство».

Тогда же Буоль ѣхалъ на конгрессъ, окруженный ореоломъ побѣдителя. Во Франкфуртѣ вокругъ него подобострастно толпились послы фюрстовъ. Бисмаркъ не былъ «въ федеральномъ стадѣ»: онъ «не могъ допустить, чтобы прусскаго полномочнаго смѣшивали съ массой deorum minorum gentium». Онъ даже не сдѣлалъ визита австріяку. Вѣнскій гран-сеньеръ великодушно завезъ ему свою карточку и колко сказалъ ему, встрѣтившись на нейтральной почвѣ: «можете разсчитывать, что въ Парижѣ я ничего не упущу, чтобы васъ допустили на конгрессъ».

25-го февраля 1856 года въ Парижѣ открылся конгрессъ, замѣнившій вѣнскія конференціи, эту жалкую каррикатуру на миръ. Европа дѣйствительно умиротворялась послѣ трехлѣтнихъ жестокихъ страданій. Только въ Пруссіи было непокойно: она расплачивалась за свою «политическую безнравственность». На конгрессѣ, передъ лицомъ міра, она испытывала невиданныя въ исторіи великихъ державъ униженія; у себя дома она, казалось, разлагалась. Вокругъ одного изъ самыхъ ничтожныхъ Гогенцоллерновъ кипѣла слѣпая, безтолковая борьба политическихъ страстей, въ пучинѣ которыхъ можно было найти все, кромѣ правды и нравственнаго достоинства. Мантейфеля и Гинкельдея преслѣдовали и «крестовики», и либералы. Крестовики особенно нападали на начальника полиціи за то, что онъ слишкомъ надзиралъ за ихъ продѣлками, требовалъ отъ нихъ отданія военной чести своимъ околоточнымъ и арестовалъ двухъ шулеровъ изъ ихъ среды, въ жокей-клубѣ, гдѣ офицеры продувались въ азартныя игры. Чѣмъ сильнѣе стоялъ король за Гинкельдея, считая его своимъ ангеломъ-хранителемъ, тѣмъ больше ожесточалось общество. Офицеры кидали жребій, кому вызвать на дуэль главу потсдамскихъ архаровцевъ. Гинкельдей палъ, пронзенный пулей въ сердце, на поединкѣ, въ Шарлоттенбургѣ, въ двухъ шагахъ отъ дворца. За этою смертью послѣдовало

загадочное самоубійство одного виднаго лица. На биржѣ открыли подписку въ пользу многочисленной семьи Гинкельдея. Газеты негодовали, и цензура свирѣпствовала противъ нихъ. Крестовики, вечеромъ, въ день шарлоттенбургской драмы, пили за здоровье убійцы. «Я потерялъ единственнаго слугу, который умѣлъ защищать меня»! воскликнулъ растерявшійся король. Среди всеобщаго негодованія, онъ отправился съ пышностью къ трупу своего охранителя. За нимъ слѣдовало восемь придворныхъ каретъ въ траурномъ парадѣ. Всѣ принцы блистали своимъ присутствіемъ на похоронахъ: только наслѣдникъ уѣхалъ къ себѣ, въ Кобленцъ.

Среди такихъ-то событій, въ Потсдамъ прибылъ курьеръ отъ Наполеона, приглашавшаго короля на конгрессъ, именемъ всѣхъ полномочныхъ. Завѣтная мечта Гогенцоллерна осуществилась, но въ такой формѣ, что это было новымъ ударомъ его вѣнчанному достоинству. Наполеонъ, съ помощью бельгійскаго короля, едва побѣдилъ всеобщее отвращеніе къ Берлину, доходившее у англичанъ и австрійцевъ до ненависти. Пруссію допустили на европейскій ареопагъ съ условіемъ, что она появится лишь къ концу, когда будетъ порѣшено съ главными условіями мира. Приглашеніе было крайне сухое, обидное: его не могла смягчить вѣжливая, но «конфиденціальная», препроводительная депеша Валевскаго. Мантейфель не зналъ, какъ благодарить Мутье за это утѣшеніе. Онъ собирался въ Парижъ, какъ вдругъ, въ самый день отъѣзда, либералы рѣшились воспользоваться описанною смутой для низверженія и этого столпа реакціи. Готовили запросы въ палатахъ, на основаніи тайно печатавшагося памфлета, который вновь подымалъ дѣло Зейферта, снабжая его добавочными разоблаченіями: его приписывали Узедому, желавшему занять мѣсто Мантейфеля. Мутье провѣдалъ объ ударѣ, занесенномъ надъ головой его пріятеля, и увѣдомилъ его. Экземпляры памфлета были захвачены: запросы въ парламентѣ пріостановились. Но авторы уже успѣли разослать брошюру членамъ палатъ и дипломатическому корпусу — и она пошла гулять по столицѣ Пруссіи. Мантейфель погибалъ? Нѣтъ, онъ получилъ Чернаго Орла. Мутье доносилъ въ Парижъ: «говорятъ, будто высокопоставленныя лица были подвергнуты надзору вовсе не противъ желанія короля и даже не безъ его вѣдома.»

Мантейфель прибылъ въ Парижъ лишь 15-го марта. Начало было для него не безъ горькихъ испытаній. Ему приходилось подолгу ждать, тереться въ пріемныхъ залахъ. Не разъ онъ готовъ былъ все бросить и уѣхать. Потребовалось вмѣшательство Наполеона и Валевскаго, чтобы сломить упорную злобу англичанъ, скрытно разжигаемую австрійцами. Мантейфель былъ вознагражденъ за свою терпѣливость и скромность. Товарищи, наконецъ, сошлись съ нимъ, въ особенности же Кавуръ, вызвавшій въ немъ благоговѣніе смѣлостью своихъ замысловъ. Императоръ осыпалъ его

знаками вниманія. Въ отсутствіе императрицы, отъ него не отставали и придворныя дамы.

30-го марта насталъ вожделѣнный миръ. Всѣ съ ума сходили отъ радости. «Я безумно люблю миръ!» восклицалъ Фридрихъ-Вильгельмъ и служилъ молебны, а французскую легацію осыпалъ милостями, благодарностями, любезностями.

Была омрачена только одна фигура прусскаго Мефистофеля, на черепѣ которой красовалось тогда болѣе трехъ волосковъ. Его грызло сознаніе грубой ошибки. Онъ не могъ выносить картины униженія своихъ петербургскихъ и берлинскихъ друзей и торжества ненавистнаго Габсбурга. Ему хотѣлось поскорѣе утолить жажду мести въ потокахъ хотя бы родной, нѣмецкой крови. На возвратномъ пути Мантейфель совѣщался съ Бисмаркомъ во Франкфуртѣ. Вождь «крестовиковъ» уже выставлялъ новую политику, о которой Мутье тотчасъ извѣстилъ Наполеона.

«Нужно перемѣнить шкуру»,—сказалъ Бисмаркъ, имѣя въ виду покинуть преданія Священнаго Союза. Онъ совѣтовалъ не высказываться, дружить со всѣми, приманивать и усыплять всѣхъ надеждой на прусскій союзъ. Въ виду доказанной негодности Нѣмецкаго Союза, который падетъ при первомъ толчкѣ, онъ намекалъ, что не мѣшало бы покуда поднять вопросъ объ Эльбскихъ герцогствахъ. Онъ видѣлъ, что въ Тюльери помогутъ: тамъ орудовали рутинеры противо-австрійской политики временъ Людовиковъ XV и XVI, печальный смыслъ которой разоблаченъ теперь наукой [1]). Наполеону III, который уже помышлялъ, подъ вліяніемъ герцога саксенъ-кобургскаго, объ освобожденіи Италіи, нужна была могущественная Пруссія. Упрямый въ своихъ фантазіяхъ, онъ такъ мечталъ вслухъ уже въ 1854 году, когда къ нему явился Антонъ Гогенцоллернъ, чтобъ оправдать двусмысленное поведеніе своего короля: «Хочу видѣть Пруссію сильною, съ хорошими географическими и военными границами; пусть она воспользуется случаемъ для своего округленія и утвержденія въ Германіи; Австрія же получитъ вознагражденіе въ Дунайскихъ княжествахъ, а выгнанные нѣмецкіе князья—въ Польшѣ» [1]). Какъ мало искусства и краснорѣчія понадобилось Бисмарку въ Біаррицѣ! Онъ проповѣдовалъ уже обращенному.

Бисмаркъ опасался только русско-французскаго союза, мысль о которомъ давила его кошмаромъ въ теченіе всей Крымской войны. Тогда же, въ апрѣлѣ 1856 года, развивая планъ новой политики въ обширной запискѣ королю, онъ говорилъ: «При всѣхъ усиліяхъ

---

[1]) Broglie: «Le secret du roi», 1878.—Tratchevski: «La France et l'Allemagne sous Louis XVI, въ «Revue historique» за 1880—1881. — Mémoires de Bernis.

[2]) Geffken: «Zur Geschichte des Orientalischen Kriegs» 1853—1856. Бывшій дипломатъ, сначала врагъ, потомъ приспѣшникъ Бисмарка, Гефкенъ былъ близокъ къ герцогу саксенъ-кобургскому и къ принцу Гогенцоллерну. Теперь онъ состоитъ въ редакціи журнала «Deutsche Rundschau».

Орлова, груша еще не упала съ дерева; она упадетъ сама, когда созрѣетъ, и русскіе какъ разъ во-время очутятся на мѣстѣ, чтобы подобрать ее въ свою шапку». Правда, Бисмаркъ надѣялся, съ ловкостью юнкера, «прыгнуть обѣими ногами» въ этотъ союзъ. Но зловѣщій призракъ не покидалъ его. Вотъ его раздумье у начала пути, который велъ къ Садовой и Седану: «Станутъ составляться политическія группы. Сближеніе между Франціей и Россіей такъ естественно. Въ силу ихъ географическаго положенія и политическихъ цѣлей, нѣтъ великихъ державъ, у которыхъ было бы меньше поводовъ къ враждѣ: у нихъ нѣтъ такихъ интересовъ, которые сталкивались бы неизбѣжно. До сихъ поръ обѣ страны чуждались другъ друга, вслѣдствіе непріязни императора Николая къ Орлеанамъ; но только-что конченная война велась безъ ненависти; она служила больше внутреннимъ, чѣмъ внѣшнимъ интересамъ Франціи. Орлеаны исчезли, императоръ Николай въ могилѣ, Священный Союзъ разорванъ: не вижу, что̀ бы могло ослабить силу, которая влечетъ два государства другъ къ другу; любезности, которыми они обмѣниваются,—скорѣе признакъ уже существующаго сочувствія, чѣмъ средство къ его порожденію... Случись франко-русскій союзъ съ завоевательными цѣлями—и мы не можемъ идти противъ него: мы погибнемъ, я убѣжденъ въ этомъ... На Германію нечего надѣяться. Могу утверждать, что, въ случаѣ опасности, ни одинъ фюрстъ не задумается измѣнить своимъ обязательствамъ. Министры Баваріи, Вюртемберга, Бадена, Дармштадта, Нассау ясно дали мнѣ замѣтить, что сочтутъ своимъ долгомъ разорвать узы Союза, если интересы или безопасность ихъ государей подвергнутся опасности. Они убѣждены, что императоры Наполеонъ и Александръ не покинутъ ихъ».

Впрочемъ, будь, что будетъ, а Пруссія должна думать только объ истребленіи ненавистнаго Габсбурга. «Германія слишкомъ тѣсна для насъ двоихъ,—рѣшилъ Бисмаркъ:—мы работаемъ на одномъ и томъ же спорномъ полѣ. Не въ нашей власти предупредить столкновеніе: ходъ дѣлъ въ Германіи не представляетъ другого исхода. Чтобы держать всѣ двери открытыми, покуда достаточно окружить Наполеона заискиваніями, которыя ни къ чему насъ не обязываютъ».

Въ настоящее время Бисмаркъ не боится «никого, кромѣ Бога», до котораго, какъ извѣстно, высоко. Въ Крымскую войну онъ боялся Россіи. То была вторая изъ его капитальныхъ ошибокъ. Такимъ образомъ, Бисмаркъ отлично видѣлъ то, что̀ всѣ видѣли и слышали, и впалъ въ грубыя ошибки тамъ, гдѣ нужно было предвидѣть. Но эти ошибки означали самыя благопріятныя условія для счастливца, для человѣка минуты. Fata trahunt... Судьба безстрастно совершаетъ свой ходъ, а мы носимся пылинками въ его вихрѣ, нерѣдко считая себя великими людьми.

А. Трачевскій.

ВОСПОМИНАНІЯ М. Д. ФРАНЦЕВОЙ [1].

VI.

Нашъ отъѣздъ изъ Тобольска.—Мое прощаніе съ отцомъ.—Наше путешествіе до Нижняго-Новгорода.—Неожиданныя крестины.—Пріѣздъ въ Москву.—Приказъ генералъ-губернатора, чтобы мы немедленно выѣхали въ Марьино.—Прощаніе съ жандармомъ.—Пріѣздъ въ Марьино.—Свиданіе съ Михаиломъ Александровичемъ Фонъ-Визинымъ.—Наша жизнь въ Марьинѣ.—Разсказы Михаила Александровича Фонъ-Визина.—Нарышкины.—Моя поѣздка въ Говорово на именины М. М. Нарышкина.—Семейство Репенкамфъ.—Кончина моего отца.—Предсмертная болѣзнь и кончина Михаила Александровича Фонъ-Визина.

4-го мая 1853 года, какъ только дороги стали возможными для проѣзда, мы двинулись въ далекій путь, тоже въ сопровожденіи жандарма, двухъ дѣтей-пріемышей, меня, старой няни, раздѣлявшей съ Фонъ-Визиными ихъ изгнанническую жизнь въ Сибири, и прислуги. Мы выѣхали изъ Тобольска утромъ въ трехъ тарантасахъ, нагруженныхъ до верха (сибирскіе тарантасы необыкновенно удобны и пріятны для путешествія); размѣстившись такимъ образомъ: Наталья Дмитріевна со мной и жандармомъ на козлахъ въ одномъ, въ другомъ няня съ дѣтьми, а въ третьемъ прислуга съ багажемъ.

Всѣ близкіе провожали насъ также до берега Иртыша, до мѣста Подъ-Чуваши, гдѣ, пока устанавливали наши экипажи на паромъ, мы простились со всѣми провожавшими насъ. Здѣсь же простилась я съ моею матерью, маленькими сестрами и братьями; не мало, конечно, было пролито горькихъ слезъ при этомъ. Отецъ же

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 610.

мой, Свистуновъ и Вобрищевъ-Пушкинъ, поѣхали провожать насъ дальше, до второй станціи, верстъ за 40.

Прощаніе мое съ отцемъ было самое тяжелое. Я была поражена его страшною грустью и необыкновенною нѣжностью, выразившейся при прощаніи со мной, тогда какъ обыкновенно, при всей его горячей любви ко мнѣ, онъ мало выражалъ это чувство внѣшнимъ образомъ; но при разставаньи оно проявилось въ неудержимомъ потокѣ нѣжныхъ задушевныхъ изліяній; онъ цѣловалъ мнѣ руки, глаза, благословляя меня. Его сердце точно предчувствовало, что наше съ нимъ свиданіе на землѣ не повторится болѣе. (Четыре мѣсяца спустя послѣ кончины Михаила Александровича Фонъ-Визина, отецъ мой скончался въ Тобольскѣ безъ меня).

Наше трехнедѣльное путешествіе изъ Сибири, хотя было далеко не легкое, по случаю сильнаго разлива рѣкъ, но тѣмъ не менѣе очень пріятное. Красота природы поражала насъ на каждомъ шагу своими величественными видами. Мы ѣхали день и ночь, дороги были хорошо устроены, гладкія какъ скатерть, вездѣ чрезъ рѣчки отличные, прочные, съ выкрашенными перилами мосты. На большихъ рѣкахъ вездѣ крѣпкіе, исправные паромы, такъ что нигдѣ не было никакой задержки. На станціяхъ мы выходили очень рѣдко, останавливались только для того, чтобы напиться чаю. Обѣдъ же нашъ состоялъ большею частью изъ холодныхъ блюдъ, и мы, сидя въ экипажахъ, закусывали, пока перепрягали лошадей на станціи. По переѣздѣ Уральскаго хребта, горы дѣлались все громаднѣе, подъемъ на нихъ становился очень затруднительнымъ; по бокамъ дороги лежали такіе громадные камни, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли видъ домовъ. Подъѣхавъ къ границѣ, раздѣляющей Азію отъ Европы, и гдѣ былъ поставленъ гранитный памятникъ въ память путешествія наслѣдника Александра Николаевича по Сибири, мы вышли всѣ изъ экипажей, чтобъ поклониться дорогой, оставляемой нами, Азіи. Здѣсь находилась самая вершина Урала, откуда послѣ постояннаго подъема въ гору, начинается спускъ съ нея; тутъ и рѣки измѣняютъ свое прежнее теченіе. Поразительная картина цѣпи горъ, утопающей въ синевѣ небосклона, приковывала насъ къ себѣ, и мы долго не могли оторваться отъ нея. Много думъ навѣяла эта живая картина на душу, какъ о прошедшемъ, такъ и о неизвѣстномъ будущемъ, ожидавшемъ насъ за предѣломъ этихъ величественныхъ чудныхъ горъ.

Въ большихъ городахъ мы останавливались отдыхать понѣскольку дней. Въ Екатеринбургѣ пробыли дня три, городъ, хотя и не большой, но намъ очень понравился, особенно поразилъ онъ насъ своею необычайною чистотою. Мы были встрѣчены тамъ очень радушно Одинцовымъ, женатымъ на племянницѣ покойнаго генерала Глинки, бывшаго главнымъ управляющимъ горныхъ заводовъ въ Екатеринбургѣ, и всегда очень расположеннаго къ декабристамъ.

Одинцовы, въ продолженіе всего нашего пребыванія, угощали насъ обѣдами, возили осматривать городъ и дома нѣкоторыхъ богатыхъ мѣстныхъ жителей съ ихъ садами и великолѣпными оранжереями, наполненными всевозможными тропическими растеніями. Наталья Дмитріевна, какъ страстная любительница цвѣтовъ, была просто очарована великолѣпіемъ и богатствомъ сортовъ растеній.

Пермь намъ мало понравилась; она показалась какою-то мрачною; даже Кама настолько была бурна и непривѣтлива, что мы не рѣшились плыть водою, а поѣхали опять въ экипажахъ.

До Казани, по быстротѣ ѣзды и по устройству дорогъ, все еще чувствовалось, что ѣдешь Сибирью; за Казанью же все это измѣнилось. Ѣзда была уже гораздо медленнѣе и дороги менѣе исправны; вмѣсто прекрасныхъ мостовъ, приходилось, большею частью, переѣзжать по полуразвалившимся и сгнившимъ доскамъ. Переправы были тоже далеко не въ исправности. Помню хорошо, какъ выѣхавъ изъ Казани рано утромъ, мы до самаго вечера могли сдѣлать только одну станцію, потому что разлитіе Волги было такъ велико, что затопляло луга и поля на нѣсколько верстъ въ окружности, и намъ приходилось переправляться, за неимѣніемъ хорошаго парома, на большой лодкѣ, на которую ставили сначала одинъ тарантасъ и плыли съ нимъ чрезъ все это пространство воды, потомъ возвращалась лодка за другимъ тарантасомъ, а такъ какъ у насъ ихъ было три, то мы и должны были провести на берегу весь день въ ожиданіи конца нашей переправы, которая была не безопасна. Лодка, съ натянутымъ изъ рогожи парусомъ и поставленнымъ тарантасомъ, качаемая вѣтромъ, рисковала ежеминутно опрокинуться, особенно пробираясь между затопленныхъ кустовъ, такъ что не мало натерпѣлись мы страха при въѣздѣ на милую родину. На наше счастье погода стояла теплая, ясная.

Михаилъ Александровичъ, проѣздомъ останавливаясь на почтовыхъ станціяхъ, съумѣлъ оставить по себѣ добрую память. Во многихъ мѣстахъ намъ оказывали особенную услужливость станціонные смотрителя, узнавъ, что нашъ кортежъ составлялъ семью того добраго и необыкновенно ласковаго господина, который говорилъ имъ, что скоро будетъ проѣзжать его семейство.

— Что за простой и ласковый въ обхожденіи баринъ! — говорили они про М. А., — рѣдко встрѣчали такихъ господъ, хоть и много проѣзжаетъ ихъ у насъ!

Нижній Новгородъ, раскинувшійся по высокимъ берегамъ Волги, показался намъ необыкновенно живописнымъ. Остановившись въ лучшей гостинницѣ на площади противъ церкви, я, на другой день нашего пріѣзда, пошла къ обѣдни. Подойдя къ церкви, я была очень удивлена, увидя около нея цѣлую вереницу повозокъ съ толкающимися вокругъ, плохо одѣтыми мущинами, женщинами и дѣтьми. Я спросила: «Что это за люди?» Мнѣ отвѣтили, что это переселенцы изъ Псковской губерніи въ Сибирь.

Въ церкви, по окончаніи литургіи, я замѣтила какого-то несчастнаго мужичка, обращающагося съ какою-то просьбою ко многимъ изъ присутствовавшихъ. Дѣло было въ томъ, что у него въ ночь родился ребенокъ на столько слабый, что онъ торопился его окрестить, но никакъ не могъ найти воспріемниковъ. Придя въ церковь въ страшномъ горѣ, онъ просто не зналъ, что дѣлать. Узнавъ это, я предложила быть крестной матерью, а какой-то господинъ, бывшій тоже въ церкви, не отказался быть воспріемникомъ. Я поскорѣе сходила домой въ гостинницу за необходимыми вещами для крестинъ и передала Нат. Дмитр. о положеніи бѣдныхъ людей; она собрала кое-что изъ бѣлья, платья и дала денегъ.

Окрестивъ ребенка, мы вмѣстѣ съ крестнымъ отцомъ и новорожденнымъ пошли къ кибиткѣ, гдѣ находилась несчастная мать ребенка. Бѣдность ихъ была поразительная; благодарность несчастныхъ родителей не имѣла границъ, когда мы дали имъ денегъ и разнаго тряпья на дорогу.

До Нижняго мы ѣхали въ убійственной неизвѣстности относительно Михаила Александровича; мы не знали, какъ онъ доѣхалъ и живъ ли? Пробывъ въ Нижнемъ дня три, наконецъ, получили извѣстіе, что онъ живъ и здоровъ, почему и поѣхали дальше покойно. Усталыя и разбитыя отъ продолжительнаго дальняго пути, мы были очень рады дотащиться, наконецъ, до Москвы, гдѣ надѣялись отдохнуть тоже нѣсколько дней; но, увы! намъ не дали даже вздохнуть спокойно, не только хорошо отдохнуть.

Рано утромъ, 25-го мая 1853 года, въѣхали мы въ бѣлокаменную чрезъ Владимірскую заставу; велика показалась мнѣ Москва, пока добрались мы до Малой Дмитровки, въ домъ покойнаго Ивана Александровича Фонъ-Визина. Грустно сжималось сердце въ этой обширной, но пустынной для насъ столицѣ. Въ осиротѣломъ домѣ насъ встрѣтила одна лишь оставшаяся тамъ прислуга. Пустота великолѣпнаго дома и его могильная тишина производили на насъ тягостное впечатлѣніе. Только-что успѣли мы нѣсколько оправиться съ дороги, какъ стали наѣзжать родные Натальи Дмитріевны: тетка ея, Александра Павловна Фонъ-Визина, и дядя ея, Сергѣй Павловичъ Фонъ-Визинъ, и другіе. Вслѣдъ за ними явился чиновникъ отъ генералъ-губернатора графа Закревскаго, прося насъ немедленно выѣхать изъ Москвы въ село Марьино. Наталья Дмитріевна настолько была утомлена далекимъ путешествіемъ, что просила позволить ей хоть переночевать въ Москвѣ. Пошли переговоры, ходатайства родныхъ; но ничто не помогло,— неумолимая власть не соглaсилась и на это, боясь, какъ мы узнали послѣ, чтобъ у Нат. Дмитр. не было такого же съѣзда, какъ при проѣздѣ Мих. Алекс. чрезъ Москву. И такъ, къ вечеру того же дня, мы выѣхали далѣе, въ сопровожденіи жандарма, но только уже не нашего сибиряка; неизвѣстно по какимъ соображеніямъ власти, вмѣсто него,

посадили къ намъ на козлы одѣтаго въ полную форму московскаго жандарма. Намъ было очень грустно разставаться съ жандармомъ-сибирякомъ, сдѣлавшимъ съ нами трехнедѣльное путешествіе, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ былъ прекрасный, и когда сталъ съ нами прощаться, то со слезами бросился къ ногамъ Натальи Дмитріевны и обнимался съ нами побратски.

Проѣхавъ всю ночь, мы на другой день утромъ остановились въ Бронницахъ, съ тѣмъ, чтобъ на могилѣ Ив. Алекс. отслужить панихиду, и отправили гонца въ село Марьино, отстоящее въ 2-хъ верстахъ отъ Бронницъ, предупредить Мих. Алекс. о нашемъ пріѣздѣ. Только-что мы успѣли свернуть съ шоссе на проселокъ, какъ увидѣли вдали быстро шедшаго къ намъ на встрѣчу Михаила Александровича. Радость свиданія нашего была безгранична. Онъ былъ крайне удивленъ, увидя меня вмѣстѣ съ Нат. Дмитр., такъ какъ отъѣздъ мой былъ рѣшенъ неожиданно не задолго до нашего выѣзда, то ему и не успѣли написать объ этомъ.

Марьинская усадьба, окруженная стариннымъ, тѣнистымъ, съ столѣтними липовыми аллеями садомъ, стояла на возвышенной мѣстности; хорошій барскій съ мезаниномъ и балконами домъ виднѣлся издали. Домъ былъ обширный, комнаты высокія, большія, увѣшанныя старинными портретами и картинами, работы покойной матери Натальи Дмитріевны, Маріи Павловны Апухтиной.

Мы размѣстились очень удобно; внизу были пріемныя и комнаты для пріѣзжающихъ, прекрасный кабинетъ Мих. Алекс. и помѣщеніе для прислуги. На верху же спальня и моя комната, изъ которой открывался великолѣпный видъ. Вдали виднѣлся городъ Бронницы, а за нимъ нескончаемая даль съ разбросанными селами, полями и лугами.

Наша жизнь въ Марьинѣ потекла очень однообразно и мало удовлетворяла М. А., ему пришлось болѣе вращаться съ людьми совершенно чуждыми ему по духу и по воспитанію, тѣмъ болѣе, что на лѣто съ нами поселилась родственница покойнаго Ивана Александровича, привыкшая къ роскоши и самовластному распоряженію въ домѣ Ив. Алекс., гдѣ она жила, окруженная постоянно разными бѣдными дворянками и приживалками, раболѣпно покланявшимися ей за ея щедрыя благодѣянія изъ чужого богатства. Она вздумала было перенести всѣ свои привычки и въ Марьино, окружила себя и тутъ поклонницами и поклонниками изъ представителей маленькаго уѣзднаго городка, которые иногда бывали на столько комичны, что напоминали собой типы Гоголя, и страшно стѣсняли нашу простую жизнь, наши простыя требованія. Раболѣпство крѣпостного права ея прислуги нисколько также не гармонировало съ добродушіемъ нашей незатѣйливой сибирской прислуги. Вообще, духъ подобострастія, господствовавшій, какъ намъ казалось, въ Россіи, производилъ на насъ удручающее впечатлѣніе.

Михаилъ Александровичъ прожилъ въ Марьинѣ ровно одиннадцать мѣсяцевъ. Отсутствіе товарищей и задушевныхъ умныхъ бесѣдъ съ ними видимо было тягостно для него. Наталья же Дмитріевна должна была большую часть времени посвящать приведенію въ порядокъ весьма разстроеннаго имѣнія, доставшагося ей по наслѣдству отъ брата ея мужа, Ивана Александровича Фонъ-Визина. Онъ, умирая, не могъ оставить его брату, которому не были возвращены права и званіе. Сосѣдей, подходящихъ для Мих. Алекс., почти никого не было, такъ что большую часть дня ему приходилось дѣлить со мной.

Радушная внимательность и сердечная признательность за малѣйшую услугу, были отличительными чертами его благороднаго характера; подъ его попеченіемъ жилось пріятно и отрадно. Онъ относился одинаково внимательно къ самымъ малѣйшимъ мелочамъ жизни. Бывало, обо всемъ подумаетъ, чтобъ было удобно и хорошо живущимъ у него. Помню, какъ велика была его заботливость, когда мнѣ случилось поѣхать въ первый разъ изъ Марьина осматривать Москву; заранѣе были посланы всѣ распоряженія управляющему домомъ Ив. Алекс. Фонъ-Визина, гдѣ я должна была остановиться, чтобъ по пріѣздѣ я не имѣла ни въ чемъ недостатка; кромѣ старой няни и человѣка, со мной былъ отправленъ изъ Марьина поваръ, которому даже заказаны были Михаиломъ Александровичемъ обѣды на всю недѣлю, которую я намѣревалась провести въ Москвѣ. Я описываю всѣ эти подробности съ тою именно цѣлью, чтобъ показать во всей полнотѣ, какъ велика была всегда заботливость о другихъ незабвеннаго Михаила Александровича.

Лѣтомъ мы съ нимъ часто ѣзжали по разнымъ селамъ къ обѣдни, много гуляли по любимымъ, роднымъ его полямъ. Ему доставляло особенное удовольствіе разсказывать мнѣ про былыя времена, напримѣръ, про нашествіе французовъ въ 1812 году, при чемъ онъ вспоминалъ разные эпизоды, касавшіеся лично его въ эту эпоху. Напримѣръ, какъ, однажды, будучи адъютантомъ Ермолова, онъ прискакалъ въ Марьино къ своему отцу, жившему тутъ съ семействомъ, сказать, что французы идутъ по этой дорогѣ, и чтобъ они уѣзжали, какъ можно скорѣе на Рязань, и какъ, проводивъ ихъ, онъ отправился самъ, не смотря на близость непріятеля, въ баню, которую любилъ, какъ русскій человѣкъ, страстно. Только-что успѣлъ онъ выйти изъ бани, ему докладываютъ, что непріятель близко; онъ вышелъ на балконъ дома и, увидѣвъ, дѣйствительно, вдали приближающихся французовъ, скрылся отъ непріятеля переодѣтый, съ помощью обожавшихъ его крестьянъ, въ мужицкое платье, и, встрѣтивъ нашу бригаду, шедшую къ Москвѣ, остановилъ ее, сказавъ, что Москва занята уже французами. Бригадный генералъ не повѣрилъ было его словамъ и не хотѣлъ измѣнить маршрута, даннаго ему начальствомъ. Тогда Мих. Алекс. энергично

возсталъ, взявъ всю отвѣтственность на себя, и далъ генералу письменный приказъ, какъ адъютантъ Ермолова, перемѣнить маршрутъ по случаю занятія столицы непріятелемъ, чѣмъ и спасъ цѣлую бригаду отъ неминуемаго плѣна. Всѣ эти разсказы развлекали его нѣсколько; но не на столько удовлетворяли, чтобъ онъ не чувствовалъ своего одиночества на родинѣ. Впрочемъ, пріѣзды нѣкоторыхъ старыхъ товарищей-декабристовъ, какъ, напримѣръ, Михаила Михаиловича Нарышкина съ женою, рожденной графиней Коновницыной, барона Тизенгаузена, возвращеннаго изъ Сибири по просьбѣ дѣтей, родныхъ П. С. Бобрищева-Пушкина и разныхъ родныхъ Фонъ-Визиныхъ, служили всякій разъ большимъ утѣшеніемъ для Михаила Александровича. Онъ точно перерождался и снова оживалъ въ бесѣдахъ съ людьми одного съ нимъ взгляда, образованія и понятій.

Нарышкины и прежде всегда были очень дружны съ Фонъ-Визиными, а такъ какъ они, какъ я говорила выше, были возвращены чрезъ Кавказъ гораздо раньше всѣхъ другихъ въ Россію, то много о чемъ пришлось поговорить имъ при свиданіи. Личность Мих. Мих. Нарышкина была необыкновенно симпатична. Въ его благообразной старческой фигурѣ (онъ былъ въ молодости очень красивъ собой) сіяло что-то дѣтское, мягкое. Привѣтливо-ласковое его обращеніе привлекало къ нему невольно всѣхъ. Жена его, Елисавета Петровна, имѣла самостоятельный характеръ: она хотя была и некрасива собой, но удивительно умное выраженіе лица заставляло не замѣчать этого; умъ у нея былъ въ высшей степени острый, игривый и восторженный; она все подмѣтитъ и ничего не пропуститъ безъ замѣчанія. Съ ней всегда было очень весело и пріятно. Она получила самое блестящее образованіе и была единственная дочь знаменитаго генерала графа Коновницына. Любимица отца, обожаемая мужемъ, она послѣдовала за нимъ въ Сибирь, на каторгу, гдѣ и подружилась съ Натальей Дмитріевной Фонъ-Визиной, передъ которой впослѣдствіи благоговѣла за ея глубокую религіозность и внутреннюю духовную жизнь. При свиданіи въ Марьинѣ онѣ вспоминали о жизни, проведенной на каторгѣ, но безъ малѣйшей горечи или грусти, напротивъ, много смѣялись, припоминая разные смѣшные эпизоды, случавшіеся тамъ съ ними.

Нарышкины, пріѣзжая нѣсколько разъ въ Марьино, всегда были очень внимательны и добры ко мнѣ. Пріѣхавъ однажды осенью и узнавъ, что я собиралась въ Москву, они упросили меня пріѣхать на имянины къ Михаилу Михаиловичу, 8-го ноября, въ Говорово, имѣніе его родной сестры княгини Евдокіи Михайловны Голицыной, въ 15-ти верстахъ отъ Москвы. Отправившись изъ Марьино въ одно время съ ними, я, пріѣхавъ въ Москву, остановилась у Е. Ѳ. Пущиной и, наканунѣ 8-го числа, отправилась съ дѣвушкой на своихъ лошадяхъ въ сопровожденіи присланнаго отъ Нарышки-

ныхъ человѣка. Меня просили не опаздывать къ обѣду, такъ какъ княгиня не любила этого, но дорога была на столько дурна и по замерзшей землѣ невозможно было скоро ѣхать. Я застала всѣхъ уже за столомъ. Михаилъ Михаиловичъ и Елисавета Петровна вышли меня встрѣтить въ переднюю и представили княгинѣ, которая обворожила меня своею любезностію. Высокая, худая, спокойная, она носила на себѣ отпечатокъ какой-то благородной величавости и невольно внушала къ себѣ уваженіе. Она меня очень обласкала, посадила около себя за столомъ, представила всѣмъ присутствующимъ у ней гостямъ, много разспрашивала о Сибири и о жизни тамъ. Говорово показалось мнѣ настоящимъ раемъ, такъ все въ немъ было устроено со вкусомъ и изяществомъ.

Пробывъ дня три въ Говоровѣ, я возвратилась въ Москву съ милымъ и добрымъ барономъ Рененкамфомъ и его женою, съ которыми я познакомилась у княгини и которые предложили мнѣ для бòльшаго удобства поѣхать съ ними вмѣстѣ въ каретѣ. Баронъ и баронесса приняли во мнѣ, какъ въ заѣзжей сибирячкѣ, большое участіе, старались показать достопримѣчательности Москвы, познакомили со многими своими знакомыми, возили въ оперу. Сама баронесса была довольно слабаго здоровья и мало выѣзжала, такъ что моимъ чичероне былъ самъ генералъ Рененкамфъ. Онъ былъ большой добрякъ, любезный и предупредительный. Благодаря всѣмъ этимъ развлеченіямъ, мнѣ пришлось прожить въ Москвѣ лишнее время; но я начала уже скучать и меня тянуло въ Марьино къ моимъ дорогимъ друзьямъ, зная хорошо, что и имъ безъ меня не весело въ деревнѣ. Подъ конецъ, Мих. Алек. уже началъ въ письмахъ ко мнѣ спрашивать: «скоро ли я пріѣду?» Я была счастлива вернуться въ Марьино, гдѣ мнѣ, окруженной любовію и постояннымъ въ высшей степени деликатнымъ вниманіемъ, такъ хорошо жилось; только тоска по отцѣ моемъ, о которомъ я не могла вспоминать безъ давящей грусти, нарушала мое счастіе. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что я его не увижу больше. Конечно, я старалась, сколько могла, скрывать тягостное чувство и боролась съ нимъ, чтобъ не огорчить Фонъ-Визиныхъ; но оно было вѣрнымъ предсказаніемъ души. Ровно чрезъ годъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отецъ мой лежалъ уже въ могилѣ одиноко на тобольскомъ кладбищѣ, такъ какъ мать моя съ осиротѣвшей семьей, вскорѣ послѣ его смерти, должна была переѣхать въ Россію.

Послѣ отъѣзда Ек. Ѳ. Пущиной изъ Марьина въ Москву на зимній сезонъ въ свой домъ на Малую Дмитровку, доставшійся ей по духовному завѣщанію отъ Ивана Алек. Фонъ-Визина, наша жизнь потекла гораздо пріятнѣе и свободнѣе, безъ нравственнаго стѣсненія, испытываемаго нами во все время лѣтняго ея присутствія въ Марьинѣ.

Мих. Алек. по своему живому характеру, и здѣсь велъ дѣя-

тельную жизнь и много читалъ, такъ какъ въ Марьинѣ сохранилась большая старинная библіотека; онъ велъ огромную переписку, любилъ очень бесѣдовать съ мужиками, вникалъ во всѣ ихъ нужды, помогалъ имъ и словомъ, и дѣломъ. Всѣ они имѣли къ нему свободный доступъ и большую довѣренность. Гуляя съ нимъ, мы часто заходили къ крестьянамъ въ избы, гдѣ всѣ встрѣчали его какъ родного отца; но не смотря на всю его доброту, онъ не потакалъ дурнымъ ихъ качествамъ и былъ неумолимъ, когда нужно было оказывать правосудіе, что хорошо знали крестьяне и чтили его за это. Вся хозяйственная часть въ Марьинѣ, такъ же какъ и въ Сибири, лежала на старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ; она много помогала Мих. Алек. своею чуткою правдивою натурою въ удовлетвореніи нуждъ крестьянскихъ. Маленькія пріемныя дѣти развлекали и утѣшали любящее его сердце. Старшую дѣвочку онъ помѣстилъ въ одинъ изъ московскихъ пансіоновъ, гдѣ она и кончила свое воспитаніе. Наши бесѣды съ Мих. Алек. были продолжительныя; воспоминанія о прошлой сибирской жизни и о всѣхъ, тамъ оставшихся, друзьяхъ, доставляли ему много удовольствія. Наталья Дмитріевна только къ вечеру освобождалась отъ своихъ занятій по приведенію въ порядокъ дѣлъ по имѣніямъ, и тогда наши общія бесѣды длились далеко за полночь.

Однако душевныя потрясенія и горести, вынесенныя съ удивительною покорностью, повліяли разрушительно на здоровье Михаила Александровича. Силы стали измѣнять ему, неизлѣчимая болѣзнь начала проявляться различными недугами, мучившими его не мало. Такъ прошли лѣто и зима; приближалась живительная весна, дававшая намъ большія надежды на обновленіе силъ больного и на успѣшную борьбу съ недугами; но неумолимая смерть подкараулила свою жертву какъ разъ въ то время, когда все въ природѣ возрождалось и давало всему жизнь и силу. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1854 года, у М. А. кромѣ другихъ недуговъ разболѣлась сначала раненая нога, а потомъ и въ другой ногѣ стала ощущаться боль, преимущественно въ пяткѣ. Ему дѣлали нѣсколько разъ ванну, которая немного успокоивала боли, затѣмъ вдругъ боли въ ногахъ прекратились, чему мы очень было порадовались; но чрезъ нѣсколько дней болѣзнь поднялась выше и сдѣлалась опухоль въ лицѣ. Погода всю весну стояла отвратительная; холодъ, сырость и слякоть не позволяли выходить на воздухъ. 20-го же апрѣля наконецъ порадовало насъ солнышко,—это былъ первый теплый, почти лѣтній день. Мих. Алек. не смотря на то, что наканунѣ бралъ ванну, упросилъ меня пойти съ нимъ гулять; хотя воздухъ былъ теплый и онъ былъ одѣтъ въ драповое пальто, но дулъ довольно пронзительный вѣтеръ; весенній воздухъ показался ему весьма пріятенъ, и онъ находилъ, что давно уже не чувствовалъ себя такъ хорошо, почему и не хотѣлъ вернуться назадъ. Послѣ двухчасовой прогулки,

у него явился хорошій аппетитъ, и онъ, забывъ о діетѣ, которую предъ тѣмъ соблюдалъ, покушалъ хорошо за обѣдомъ, былъ веселъ и доволенъ, много шутилъ, а послѣ обѣда, по обыкновенію, легъ въ своемъ кабинетѣ на полчаса отдохнуть; вставъ же, онъ почувствовалъ тошноту, сдѣлалась рвота, которая никого изъ насъ не испугала; мы отнесли это, конечно, къ простому разстройству желудка, уложили его въ спальнѣ уже наверху въ постель, дали коекакія домашнія средства противъ разстройства и, успокоившись, разошлись на ночь по своимъ комнатамъ. Ночью меня разбудилъ какой-то шумъ и небывалый топотъ шаговъ, раздававшійся въ корридорѣ. Я встала, чтобы узнать причину этого шума; мнѣ сказали, что у Мих. Алек. опять поднялась рвота, и онъ сошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Насъ всѣхъ это такъ встревожило, что мы уже не ложились больше спать, тѣмъ болѣе, что рвота у него не только не прекращалась, но къ утру еще усилилась и сдѣлалась совершенно черной.

Когда утромъ рано я пошла его навѣстить, то, войдя въ кабинетъ, была поражена перемѣной, происшедшей въ немъ за ночь; онъ былъ неузнаваемъ, лицо осунулось и потемнѣло. Послали въ г. Бронницы за докторомъ, который, пріѣхавъ, осмотрѣлъ больного, покачалъ головою и сказалъ, что болѣзнь очень трудная и опасная. Дѣлали все, что только могли для спасенія больного, но болѣзнь брала верхъ и шла быстро; сдѣлалось разложеніе желчи.

Страданія были жестокія. Томительная жажда изсушала всю внутренность больного; удовлетворять же ее не позволяла несносная рвота, начинавшаяся послѣ каждой ложки освѣжающей воды и доводившая его каждый разъ почти до обморока, такъ что страшно становилось за него. Докторъ, вслѣдствіе сильныхъ приступовъ, совѣтовалъ какъ можно рѣже и осторожнѣе давать ему пить, потому что могло захватить совсѣмъ дыханіе, что составляло для него невыносимую пытку. Томясь палящею жаждой, онъ умолялъ дать ему хоть глотокъ воды; при отказѣ же съ отчаяніемъ восклицалъ: «Что за мученіе такое! Самый послѣдній бѣднякъ на землѣ счастливѣе меня; онъ по крайней мѣрѣ не лишенъ той капли воды, которую я умоляю дать мнѣ!»

Невыносимыя мученія продолжались ровно десять дней; выписали было доктора изъ Москвы; но было уже поздно. Онъ нашелъ, что лѣченіе ведено было Бронницкимъ врачемъ правильно, какъ слѣдовало; но что спасти страдальца съ начала болѣзни не было никакой возможности.

Не довѣряя никому давать ему безъ себя лѣкарства, я не отходила ни днемъ, ни ночью отъ постели больного, который все время не терялъ памяти и сознанія; бодрость духа, остроуміе и какая-то дѣтская веселость, не смотря на страшныя страданія, не оставляли его. Онъ лежалъ въ кабинетѣ, увѣшанномъ портретами

предковъ своихъ; въ числѣ ихъ находился и портретъ его матери, смотря на который, онъ часто сталъ повторять, что скоро увидится со всѣми ими и умреть въ этомъ же кабинетѣ, гдѣ скончалась его матушка. Чтобъ разогнать мрачныя его мысли, мы рѣшились перевести его въ другую комнату. Онъ согласился и имѣлъ еще на столько силы, что самъ перешелъ нѣсколько комнатъ и шутя говорилъ, что «онъ теперь точно выходецъ съ того свѣта». Попросилъ подать ему зеркало, чтобъ, какъ говорилъ онъ,—«запомнить свой образъ при томъ исчезновеніи, въ которое вступаю я теперь».

Въ полумракѣ отъ теплившейся лампады передъ ликомъ Спасителя «Моленіе о чашѣ» и при царившей тишинѣ, мы просиживали ночи около него; бывало онъ выйдетъ изъ забытья и, видя меня постоянно возлѣ него, обернется ко мнѣ съ своими, всегда добрыми, нѣжными словами: «А вы все здѣсь еще, другъ мой? Измучилъ я васъ?»—Или, гладя меня по головѣ, скажетъ:—«Какъ вы похудѣли, ухаживая за мной! Не знаю какъ и благодарить васъ за ваше нѣжное хожденіе за больнымъ старикомъ. И какъ долженъ я благодарить Бога, что я заболѣлъ не тогда, когда пріѣхалъ сюда одинокимъ! Что сталъ бы дѣлать я тогда безъ нѣжныхъ друзей?» Положеніе больного ухудшалось съ каждымъ днемъ, но никому изъ окружавшихъ его не казалось, что онъ скоро насъ оставитъ. Я не допускала мысли, чтобъ это могло случиться, такъ она меня страшила. Хотя я и сознавала тяжелое и трудное состояніе его болѣзни, но все надѣялась, что Господь хоть чудомъ да оставитъ его еще намъ на землѣ. Чтобъ освѣжиться отъ томительной ночи, я утрами уходила на нѣсколько минутъ къ себѣ наверхъ въ комнату. Видъ великолѣпной картины восходящаго солнца, оживленія природы, чириканіе птичекъ, веселая пѣсня жаворонка, поднявшагося высоко, высоко надъ землею, все это не радовало меня, а еще болѣе придавало грусти, тоска еще сильнѣе сжимала мое сердце отъ поражающаго ужаснаго контраста, что въ то самое время, когда въ природѣ все дышало жизнію, въ только-что оставленной мною комнатѣ угасала жизнь любимаго человѣка. Онъ чувствовалъ и видѣлъ яснѣе насъ, что недугъ его смертельный. Слѣдующій разговоръ его со мною свидѣтельствуетъ, насколько душа его была приготовлена къ смерти и переходу въ вѣчность.

Однажды, не за долго до его кончины, поддавшись сильному горю при мысли о предстоящей скоро вѣчной разлукѣ съ нимъ, я смотрѣла на умирающаго старца, лежавшаго въ забытьи, и залилась горькими слезами. Точно ли онъ спалъ, или только лежалъ съ закрытыми глазами, но вдругъ онъ ласково обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ вы плачете, другъ мой?

Услыхавъ его вопросъ, я какъ бы очнулась и старалась поскорѣе скрыть слезы, чтобъ не испугать его; но онъ продолжалъ также тихо и кротко:

— Не плачьте, другъ мой, обо мнѣ; я готовъ предстать на судъ милосердаго Бога.—И, показывая рукою на стоящую предъ нимъ икону Спасителя, продолжалъ: — Я молю только Господа Бога, чтобъ онъ послалъ ангела своего отрѣшить мирно душу мою отъ тѣла. Васъ же прошу, другъ мой, когда меня не будетъ здѣсь на землѣ, помолитесь обо мнѣ. Ваша молитва чистая дойдетъ до Господа и будетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ дружбы вашей ко мнѣ на землѣ.

Тогда я ужъ не могла болѣе сдерживать себя и зарыдала, припавъ къ его исхудалымъ рукамъ и цѣлуя ихъ. Любящему его сердцу видимо стало жаль меня, и онъ началъ успокоивать меня, говоря: «Не плачьте, другъ мой, Господь можетъ дастъ, что мы опять будемъ гулять вмѣстѣ съ вами по любимымъ полямъ»! Но, конечно, я хорошо понимала, что это одно лишь утѣшеніе съ его стороны. Въ продолженіе всей болѣзни Михаила Александровича всѣ съ большою любовію ухаживали за нимъ; старая няня тоже почти не отходила отъ больного, никто не тяготился имъ, кажется, всякій былъ бы радъ цѣлый вѣкъ ходить за такимъ кроткимъ, признательнымъ больнымъ, какимъ былъ онъ. Натальѣ Дмитріевнѣ, женѣ его, конечно, тяжелѣе всѣхъ было видѣть угасающую, столь дорогую, жизнь, и она съ трудомъ могла сдерживать, въ присутствіи больного, свою скорбь. Мы раза два предлагали ему пріобщаться св. Таинъ, но онъ говорилъ:

— Подождите, я еще не готовъ къ этому великому таинству, скажу самъ, когда нужно будетъ.

За день до кончины, Михаилъ Александровичъ поутру попросилъ послать за священникомъ и Святыми Дарами, исповѣдывался, просилъ у всѣхъ прощенія и съ большимъ чувствомъ пріобщился Святыхъ Таинъ. Потомъ, часъ спустя, по желанію крестьянъ, которые въ продолженіе всей болѣзни постоянно толпились у дверей дома, узнавая объ его здоровьѣ, принесли ихъ чудотворную икону Скорбящей Божіей Матери, и въ комнатѣ больного отслуженъ былъ молебенъ объ его здоровьѣ. Трогательная была картина, когда комната наполнилась крестьянами, молящимися о дорогомъ отходящемъ. Михаилъ Александровичъ самъ молился съ чувствомъ и видимо былъ тронутъ молитвами крестьянъ, которыхъ онъ всегда очень любилъ. По окончаніи молебна, съ обычнымъ своимъ добродушіемъ онъ прощался съ каждымъ изъ нихъ, благодарилъ за участіе и любовь, выраженную ими. Отдохнувъ не много послѣ утомительнаго утра, онъ подозвалъ меня къ себѣ, посадилъ на кровать и спросилъ: «Какой завтра день, почтовый? Вы будете писать въ Тобольскъ?» и, не давъ мнѣ отвѣтить, продолжалъ: «Теперь выслушайте мою послѣднюю просьбу: напишите и передайте пожалуйста всѣмъ моимъ друзьямъ и товарищамъ, назвавъ каждаго по имени, послѣдній мой привѣтъ на землѣ. Вашему же отцу ска-

жите особенное отъ меня спасибо за его дружбу и жертву отпустить васъ ко мнѣ. Вѣдь я знаю, какъ это тяжело было ему, любящему васъ такъ горячо». Отдохнувъ немного, онъ продолжалъ: «Другу же моему Ивану Дмитріевичу Якушкину, кромѣ сердечнаго привѣта, передайте еще, что я сдержалъ данное ему слово при полученіи отъ него въ даръ, еще въ Тобольскѣ, этого одѣяла (онъ былъ покрытъ вязаннымъ одѣяломъ, подареннымъ ему Якушкинымъ), обѣщая не разставаться съ нимъ до смерти. А вы сами видите, какъ близокъ я теперь къ ней»!..

День прошелъ спокойно: больной жаловался только на боль въ раненой ногѣ. Къ вечеру боль усилилась, а потомъ появилось пораженіе всей правой стороны и частію языка. Докторъ велѣлъ поставить ногу въ горячую ванну, боль не унималась, а горячая ванна произвела только бредъ; вся кровь прилила къ головѣ; всю ночь онъ бредилъ и порывался встать, но парализованная нога мѣшала ему.

Къ утру 30-го апрѣля 1854 года сдѣлался сильнѣйшій упадокъ силъ съ выступившимъ холоднымъ потомъ; бредъ прошелъ, сознаніе вернулось, и больной видимо угасалъ; ему начали представляться какія-то видѣнія. Я принесла ему крестъ съ мощами и предложила читать за мною молитву «Да воскреснетъ Богъ». Онъ видимо обрадовался, приложился съ благовѣніемъ къ кресту, но едва могъ уже произносить за мной слова молитвы. Силы все слабѣли, языкъ плохо говорилъ. Послали за священникомъ, началось соборованіе; руки его были слабы и не могли держать свѣчу. Плачъ и рыданія огласили комнату умирающаго; всѣ домашніе собрались помолиться объ отходящемъ, всѣми горячо любимомъ, человѣкѣ. По окончаніи соборованія, священникъ предложилъ ему ёще разъ пріобщиться Св. Таинъ; онъ радостно выразилъ свое согласіе и съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія принялъ Господа. Священникъ началъ читать отходную, и во время чтенія ея Михаилъ Александровичъ отдалъ духъ свой въ руцѣ Божіи съ какою-то неземною радостною улыбкою, озарившею его уста.

Это было въ 4 часа пополудни 30-го апрѣля 1854 года.

Какъ только вѣсть о кончинѣ Михаила Александровича пронеслась на деревнѣ, такъ къ первой же панихидѣ собрались всѣ крестьяне. Трудно описать нелицемѣрную скорбь, охватившую всѣхъ присутствующихъ при первыхъ звукахъ заупокойнаго пѣнія, столь умилительно выражающагося въ молитвахъ объ усопшихъ. Во все время четырехдневнаго стоянія тѣла Михаила Александровича, панихиды отъ крестьянъ не прекращались. Они всѣ считали священнымъ долгомъ помолиться за искренно любившаго ихъ человѣка.

Въ первыя минуты я какъ будто не понимала, что происходило около меня, плакала и молилась, кажется, только потому, что видѣла,

какъ другіе это дѣлали; не могла даже проникнуться яснымъ сознаніемъ случившагося скорбнаго событія и ходила какъ тѣнь, не принимая ни въ чемъ участія. Но, однако, суетня и бѣготня, которая всегда бываетъ первое время по кончинѣ человѣка, и безсонныя ночи, проведенныя съ больнымъ, на столько меня утомили, что когда всѣ разошлись и все утихло, и мы, оставшись однѣ съ Натальей Дмитріевной, сѣли въ гостиной на диванъ рядомъ съ той комнатой, гдѣ стояло тѣло почившаго, я, положивъ голову къ ней на колѣни, забывъ все, заснула крѣпкимъ сномъ. Но! какое ужасное пробужденіе! До сихъ поръ не могу вспомнить о немъ безъ содроганія.

Я еще не успѣла открыть глазъ, какъ вдругъ слова чтеца, говорившаго медленнымъ, мѣрнымъ тономъ: «Упокой Господи душу новопреставленнаго раба твоего болярина Михаила»—поразили мой слухъ. Невозможно выразить того, что испытывала я въ эту минуту. «Да неужели же свершилось то, чего я никакъ не допускала»? отозвалось у меня глубоко въ разбитомъ сердцѣ. «Неужели же въ самомъ дѣлѣ то существо, которое было такъ недавно еще съ нами, раздѣлявшее вмѣстѣ всѣ наши радости и огорченія, находилось теперь недвижимо тамъ, въ той комнатѣ, откуда неслись эти ужасныя заупокойныя слова? Но гдѣ же онъ самъ? Вѣдь за нѣсколько минутъ онъ былъ тутъ? Теперь же чувствуете, что его нѣтъ уже съ нами? Что же это такое? Человѣкъ былъ, и нѣтъ его? Куда ушелъ?.. Что такое смерть? Что за таинственный, незримый ни для кого переходъ совершилъ онъ»?.. Всѣ эти вопросы одинъ за другимъ толпились въ больной головѣ моей и сжимали невыносимою болью сердце. Открывъ глаза, я увидѣла, что уже наступила ночь; тускло горѣвшая лампа на столѣ разливала полусвѣтъ въ обширной гостинной; луна, показавшись изъ-за тучъ, освѣщала мрачный, безмолвный садъ и ударяла прямо въ окна нашего осиротѣвшаго дома. Когда я поднялась, то Наталья Дмитріевна, взглянувъ на меня, невольно вскрикнула: «Посмотри, что это у тебя съ лицомъ, одна сторона темная, другая совершенно бѣлая»?

О кончинѣ Михаила Александровича послали тотчасъ извѣстіе въ Москву къ роднымъ; но такъ какъ тогда телеграфа еще не было, то родные не могли скоро пріѣхать, почему въ ожиданіи ихъ похороны пришлось отложить до 4-го мая. День былъ жаркій, вѣялъ благотворный вѣтерокъ, деревья распустились, даже черемуха была въ цвѣту. Съ ранняго утра несмѣтныя толпы крестьянъ изъ окружныхъ даже деревень собрались отдать послѣдній долгъ человѣку, страдавшему за идею объ ихъ освобожденіи. До самаго собора въ Бронницахъ гробъ несли на рукахъ своихъ крестьяне, вереница экипажей съ родными и знакомыми тянулась по проселочной дорогѣ. Мы же всѣ шли пѣшкомъ за гробомъ отлетѣвшаго нашего друга.

При торжественномъ богослуженіи совершилось погребеніе. Тѣло опустили, при громкихъ рыданіяхъ всѣхъ присутствующихъ, въ тотъ же склепъ, гдѣ погребенъ былъ и братъ его Иванъ Александровичъ при соборномъ храмѣ въ городѣ Бронницахъ.

По окончаніи церемоніи всѣ печально возвратились въ осиротѣвшее Марьино, гдѣ приготовлено было поминовеніе объ усопшемъ, для гостей въ домѣ, а для крестьянъ на разставленныхъ въ саду столахъ.

VII.

Жизнь наша въ Марьинѣ послѣ кончины Михаила Александровича Фонъ-Визина.—Моя болѣзнь.—Отъѣздъ Натальи Дмитріевны Фонъ-Визиной въ Кострому.—Извѣстіе о кончинѣ моего отца.—Печальное положеніе нашей семьи.—Мое душевное разстройство.—Поѣздка моя въ Кострому къ Натальѣ Дмитріевнѣ Фонъ-Визиной.—Пріѣздъ въ Марьино моей матери.—Мои заботы о семьѣ.—Первая, неудачная поѣздка въ Петербургъ.—Вторичная поѣздка въ Петербургъ.—Счастливая встрѣча въ вагонѣ.—Помѣщеніе двухъ моихъ братьевъ въ кадетскій корпусъ.—Третья поѣздка въ Петербургъ.—Хлопоты съ племянницами.—Поѣздка въ Царское Село для подачи просьбы императрицѣ.—Добрый офицеръ-нѣмецъ.—Моя оплошность.—Затруднительное положеніе.—Флигель-адъютантъ графъ Апраксинъ.—Подача моей просьбы императрицѣ.—Опредѣленіе одной изъ моихъ племянницъ въ Елисаветинскій институтъ.—Мое свиданіе съ Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ.—Его любезное участіе ко мнѣ.—Заключеніе.

Послѣ отъѣзда всѣхъ родныхъ въ Москву, мы остались съ Натальей Дмитріевной вдвоемъ. Дни нашей одинокой жизни потянулись, сопровождаемые мрачной тоской, которая точно камнемъ давила насъ своею тяжестью. Для меня все перемѣнилось въ домѣ, все обаяніе жизни исчезло съ смертію Михаила Александровича, поля и сады потеряли всю свою прелесть; привыкнувъ дѣлить постоянно почти все время съ нимъ, я чувствовала живо незамѣнимость его утраты. Явилась какая-то убійственная апатія ко всему и всѣмъ; единственное еще утѣшеніе я находила въ ежедневномъ посѣщеніи могилы и въ молитвенномъ единеніи съ усопшимъ. Здоровье мое не выдержало, и я заболѣла. Даже Наталья Дмитріевна, не смотря на твердость своего характера, не могла выносить убійственной тоски и рѣшилась проѣхаться въ свои родовыя Костромскія имѣнія, гдѣ она провела всю свою поэтичную юность, и гдѣ нуженъ былъ для обозрѣнія ея хозяйственный глазъ. Къ несчастью, я не могла, какъ предполагала прежде, сопутствовать ей; у меня такъ разболѣлась нога, что я пролежала нѣсколько недѣль въ постели. Оставшись послѣ отъѣзда Натальи Дмитріевны совершенно одной въ деревнѣ, я нисколько не тяготилась моимъ одиночествомъ, мнѣ сначала даже было пріятно имѣть возможность отдаваться все-

цѣло грусти и воспоминаніямъ о прошломъ. Апатія моя нарушалась лишь однимъ желаніемъ увидаться поскорѣе съ отцомъ, къ которому я стремилась всей душой, и я, не смотря на тайный какой-то страхъ не увидать его больше на землѣ, положила непремѣнно возвратиться къ зимѣ въ Сибирь; но, судьбы Божіи неисповѣдимы! Въ концѣ сентября я получила письмо отъ матери моей отъ 9-го сентября, гдѣ она писала, что отецъ захворалъ обычными своими спазмами и вспоминаетъ, что никто такъ не угождалъ ему въ болѣзни, какъ я. Странное впечатлѣніе произвели на меня эти малозначущія какъ будто слова. Мнѣ точно кто-то сказалъ, что все уже кончено и отца нѣтъ больше на этомъ свѣтѣ. Я мрачно передала свое впечатлѣніе старой нянѣ Матренѣ Петровнѣ и доктору, пріѣзжавшему ежедневно ко мнѣ изъ города. Они, конечно, стали меня уговаривать не придавать этому значенія, относя все къ разстройству нервъ. Я слушала ихъ, и сколько не старалась заглушить тайный голосъ разумными доводами, никакъ не могла; но чтобъ не спорить, я, взявъ на себя личину равнодушія, стала ждать второго письма, которое недѣлю спустя и было уже въ моихъ рукахъ. Долго не могла я рѣшиться открыть его, перечитала нарочно прежде всѣ другія незначущія отъ разныхъ управляющихъ письма, и когда няня, стоявшая около меня, сказала мнѣ:

— Да оставьте ужъ не интересныя письма, прочтите лучше, что пишутъ изъ Тобольска?

Тогда только рѣшилась я распечатать дрожащими отъ волненія руками письмо, хотя оно и не было запечатано черною печатью. Первыя строки письма меня не поразили; писалось о чемъ-то, не помню, незначущемъ. Въ половинѣ же письма вдругъ читаю, что мать «до сихъ поръ не можетъ привыкнуть къ ужасной мысли, что отца нѣтъ больше на свѣтѣ». Я точно окаменѣла, не могла понять: «что же это такое? развѣ въ самомъ дѣлѣ отецъ умеръ? такъ почему же такую ужасную истину сообщаютъ мнѣ слегка, какъ какую-то простую новость».

Чувство злой досады противъ матери за столь легкое сообщеніе охватило меня въ первую минуту. Подробностей никакихъ, кромѣ плача и сѣтованія о своемъ горѣ! но скоро объяснилось это странное увѣдомленіе. Въ тотъ же день, когда мать писала мнѣ отъ 9-го сентября, о легкой болѣзни отца, желая меня нѣсколько приготовить, его уже не было въ живыхъ. 4-го сентября съ нимъ сдѣлался ударъ, а 9-го его уже не стало. Мать моя и добрый нашъ другъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ написали мнѣ подробно, какъ объ его внезапной болѣзни, такъ и о кончинѣ, и послали все это къ одной нашей близкой сосѣдкѣ-помѣщицѣ, которой писали и прежде о безнадежномъ состояніи отца, прося ее, подготовивъ меня, передать потомъ ихъ письма. Она же поступила на столько неразумно, что, пріѣхавъ ко мнѣ ранѣе и найдя меня въ сильно нер-

вно-возбужденномъ состояніи отъ предчувствія, что отецъ скончался, испугалась и уѣхала, не рѣшившись даже намекнуть мнѣ о моемъ горѣ. Она только велѣла прислать за ней тотчасъ же, какъ я получу второе письмо отъ своихъ. Глупѣе ея распоряженій ничего не могло быть! Узнавъ о полученіи мною второго письма, она пріѣхала и только теперь прочла первое письмо, гдѣ находилось подробное описаніе христіанской и прекрасной кончины отца. Онъ нѣсколько разъ приходилъ въ себя, два раза пріобщался св. Таинъ, соборовался, благословилъ всѣхъ дѣтей, а меня заочно; потребовавъ мой портретъ, онъ благословилъ его и велѣлъ написать мнѣ, чтобъ я молилась за него. По прочтеніи отходной, духовнику захотѣлось, чтобъ была пропѣта любимая его пѣснь къ Богородицѣ: «Высшую небесъ», во время которой онъ и испустилъ мирно духъ свой, заповѣдавъ плачущей матери «возверзти печаль свою на Господа». Истерическое рыданіе вывело меня изъ того окаменѣнія, въ которое я впала по прочтеніи перваго мною полученнаго письма; потрясеніе и такъ уже разстроенныхъ моихъ нервъ было такъ сильно, и такъ неожиданъ былъ для меня, не смотря на предчувствіе, послѣдній жестокій ударъ, что я положительно боялась за свою голову, тѣмъ болѣе, что кромѣ жгучаго сердечнаго горя, я понимала, что осиротѣвшая семья наша изъ восьми дѣтей съ больною, слабою и волей, и физическими силами, матерью, осталась въ крайне тяжеломъ положеніи и вся забота о ней падала на меня одну. Я тутъ же рѣшила ѣхать какъ можно скорѣе на помощь къ матери; но мать не захотѣла оставаться безъ отца въ Сибири и предупредила меня, что она со всѣми дѣтьми переѣзжаетъ въ Россію. Наталья Дмитріевна, узнавъ объ этомъ, предложила въ наше распоряженіе флигель въ деревнѣ. Сколько ни боролась я съ удручающею меня скорбію, но она одолѣла меня и, постоянно усиливаясь, довела до такого нервнаго состоянія, что у меня явилась болѣзнь (столбнякъ), продолжавшаяся и мучившая меня болѣе восьми лѣтъ. Наталья Дмитріевна по своимъ дѣламъ не могла скоро возвратиться изъ Костромскихъ имѣній и писала мнѣ, что она окружена людьми недоброжелательными и боится, чтобъ они не надѣлали ей много зла. Получая такія тревожныя отъ нея письма, мнѣ, при моемъ разстройствѣ, вообразилось, что и она находится въ безпомощномъ положеніи, и я, не смотря на свою болѣзненность, взявъ дѣвушку, одна отправилась на помощь къ Натальѣ Дмитріевнѣ въ имѣніе, верстъ 200 за Кострому. До Троицы Сергія я доѣхала на своихъ лошадяхъ, а оттуда должна была уже ѣхать на передаточныхъ. До Ростова насъ везли въ порядочныхъ повозкахъ, дальше мы уже не имѣли этого удобства, а за Костромой пришлось, буквально, лежа въ узкой какъ гробъ повозочкѣ, запряженной парой лошадей, тащиться съ простымъ мужикомъ на козлахъ по дремучимъ Костромскимъ лѣсамъ. Бывало я подниму рогожу, покрывавшую

нашу гробницу, посмотрѣть гдѣ мы ѣдемъ? и кромѣ звѣзднаго небосклона, да дремучаго покрытаго снѣгомъ лѣса ничего не видно. Иногда становилось жутко, что мы двѣ беззащитныя женщины совершенно находимся въ рукахъ неизвѣстнаго намъ мужика. Но милость Божія покрывала насъ своею святою охраною, и мы доѣхали благополучно. Наталья Дмитріевна, непредупрежденная о моемъ пріѣздѣ, сколько обрадовалась, столько же и удивилась, увидивъ меня: «точно привидѣнье явилась ты», говорила она. Имѣньє ея «Давыдовка» расположено въ превосходной мѣстности, на крутой горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ, внизу же, его живописно огибала, извиваясь, рѣка Унжа, то ускользая отъ глазъ, то снова показываясь вдали лучезарнымъ изгибомъ.

Назадъ я возвращалась уже вмѣстѣ съ Натальей Дмитріевной на почтовыхъ.

По пріѣздѣ нашемъ обратно въ Марьино, чрезъ нѣсколько дней, въ концѣ декабря 1854 года, изъ Сибири пріѣхала мать моя съ семьею. Несказанно тяжело было мнѣ, увидѣвшись съ своею семьею, не найти посреди ея дорогого отца моего.

Послѣдующая моя жизнь въ Россіи потянулась для меня въ непрестанныхъ заботахъ и хлопотахъ объ осиротѣвшей семьѣ моей, оставшейся, за исключеніемъ небольшой, заслуженной отцомъ пенсіи, почти безъ всякихъ другихъ средствъ къ существованію. Прежде всего я устроила двухъ маленькихъ братьевъ въ пансіонъ, а потомъ стала хлопотать о помѣщеніи ихъ на казенный счетъ въ корпуса. Поэтому надо было самой ѣхать въ Петербургъ, куда я и отправилась въ маѣ мѣсяцѣ 1855 года. Для меня былъ трудный подвигъ рѣшиться совершенно одной ѣхать въ незнакомый городъ, гдѣ я не имѣла никого изъ близкихъ; но дѣлать было нечего; полная надеждой на успѣхъ, я все-таки довольно бодро отправилась туда.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановилась у однихъ моихъ знакомыхъ. На другой день, скрѣпя сердце, я отправилась въ Главный Штабъ, гдѣ начальникомъ въ то время былъ генералъ Путята. Спустя долгое время, вышелъ генералъ и обошелъ поочереди просителей. Личность и прекрасныя его манеры плѣнили меня сразу. Онъ учтиво спросилъ о моемъ дѣлѣ и, узнавъ въ чемъ оно состояло, сказалъ, разсмотрѣвъ бумаги, что братья мои имѣютъ полное право на поступленіе въ корпусъ, если только, прибавилъ онъ, попадутъ въ очередь; но что просьба должна быть подана въ сентябрѣ, а не въ маѣ, почему и не можетъ быть теперь принята. Такъ я и уѣхала изъ Петербурга съ подорванной уже надеждою на успѣхъ помѣстить братьевъ, тѣмъ болѣе, что познакомившись съ нѣкоторыми родственниками декабристовъ: братомъ П. С. Бобрищева-Пушкина, Михаиломъ Сергѣевичемъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ, и отыскавъ свою старую пріятельницу, дочь декабриста Анненкова, вышедшую

замужъ и поселившуюся въ Петербургѣ, я еще болѣе разочаровалась въ успѣхѣ моего предпріятія, такъ какъ они всѣ говорили, чтобъ я не разсчитывала много на любезныя обѣщанія высокопоставленныхъ лицъ: что они всѣ обѣщаютъ, да мало исполняютъ.

Возвратившись съ разбитымъ сердцемъ назадъ, я въ октябрѣ должна была опять ѣхать въ Петербургъ, но только съ меньшею надеждой на людей, а съ большимъ упованіемъ на помощь Божію, которая и выказалась вскорѣ чуднымъ образомъ. Надо сказать, что когда былъ назначенъ день моего отъѣзда изъ Москвы, одни мои знакомые очень упрашивали меня остаться до другого дня, чтобъ присутствовать у нихъ на маленькомъ вечерѣ. Конечно, такая отсрочка ровно ничего не значила, но какъ иногда бываетъ нужно слѣдовать внутреннему влеченію. Хотя меня очень привлекало быть на вечерѣ, но я не могла побороть внутренняго требованія ѣхать именно въ назначенный мною день; сколько я ни колебалась, но все-таки настояла и поѣхала въ тотъ же день. Въ вокзалѣ желѣзной дороги встрѣтила меня Марья Кириловна Нарышкина, которая, зная мою дикость, пріѣхала меня проводить. Вагонъ былъ полонъ, когда мы вошли въ него. Усѣвшись и оглядѣвшись вокругъ, я нѣсколько испугалась непривлекательнаго вида окружавшей меня компаніи; одно только мѣсто какъ разъ противъ меня, было свободное, я и молила Бога, чтобъ сѣлъ кто-нибудь изъ людей болѣе порядочныхъ; на мое счастіе входитъ военный очень приличный господинъ, садится, беретъ книжку и въ продолженіе всего дня читаетъ ее. Я совершенно успокоилась, но на одной станціи входитъ въ вагонъ какой-то старый, очень некрасивый господинъ, неряшливо одѣтый, подходитъ прямо къ моему vis-à-vis и дружески здоровается съ нимъ; меня испугала непріятная наружность вошедшаго, но, къ счастію, поѣздъ скоро двинулся, и онъ ушелъ, а мой vis-à-vis снова принялся за чтеніе. Приходитъ ночь, vis-à-vis, замѣтивъ, что я никуда ни на одной станціи не выходила, обратился ко мнѣ съ просьбою поберечь ему, пока онъ пьетъ чай, сосѣднее, опустѣвшее мѣсто, прибавивъ, что онъ ѣдетъ изъ Варшавы и четвертую ночь не спитъ. Я обѣщала. Вернувшись, онъ поблагодарилъ меня и обратился съ вопросомъ, куда я ѣду, и, узнавъ, что я хлопочу о помѣщеніи братьевъ въ корпусъ, сказалъ мнѣ:

— Позвольте записать фамилію вашихъ братьевъ; съ этимъ же поѣздомъ ѣдетъ тесть г. Путяты; на слѣдующей станціи я его увижу и попрошу замолвить словечко зятю о вашей просьбѣ.

Я поблагодарила его и, конечно, очень обрадовалась такому неожиданному случаю. На слѣдующей станціи почти весь вагонъ опустѣлъ; всѣ ушли ужинать. Оставшись почти одна, я чрезъ нѣсколько минутъ услышала позади меня шумъ, и, оглянувшись, съ испугомъ замѣтила того же непригляднаго старика. Мой vis-à-vis представилъ мнѣ его:

— Генералъ Пашковъ, тесть генерала Путяты.

Онъ очень добродушно и любезно отнесся ко мнѣ, обѣщался исполнить все, что только будетъ отъ него зависѣть, записалъ мой адресъ и просилъ прежде его не являться къ Путятѣ, сказавъ, что онъ самъ черезъ три дня пріѣдетъ сообщить мнѣ отвѣтъ г. Путяты. Я не знала какъ благодарить Бога за такую неожиданную помощь. Мой vis-à-vis былъ нѣкто Барановъ, котораго я тоже благодарила сердечно. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я разсказала знакомымъ о моей счастливой встрѣчѣ съ г. Пашковымъ; меня всячески старались разочаровать: «ждите его обѣщанія и пропускайте время», говорили мнѣ всѣ и опять смутили меня страшно; но торжество мое было полное, когда Пашковъ въ назначенный срокъ привезъ мнѣ отвѣтъ, чтобъ я представила всѣ бумаги г. Путятѣ, и просилъ передать ихъ ему, а онъ уже самъ отдастъ ихъ зятю. Такимъ образомъ, черезъ него Господь помогъ мнѣ помѣстить обоихъ братьевъ во 2-ой Московскій кадетскій корпусъ. Только-что я немного успокоилась отъ всѣхъ этихъ треволненій, какъ пріѣзжаетъ изъ Кіева моя старшая замужняя сестра съ тремя маленькими дочерьми, у которыхъ отецъ подполковникъ Ногà, вслѣдствіе разстройства своихъ дѣлъ, сошелъ съума. Онъ тоже служилъ при кн. Горчаковѣ въ Сибири въ Томскѣ и Омскѣ полиціймейстеромъ и, бывъ необыкновенно честнымъ человѣкомъ, отличался, особенно въ Томскѣ, необычайною распорядительностію, уничтожилъ почти всѣ грабежи, бывшіе до него и наводившіе паническій страхъ на жителей Томска; такъ что при ревизіи гр. Толстымъ Томской губерніи, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе гр. Толстого и получилъ орденъ за отличную и примѣрную распорядительность. Переведенный потомъ въ Омскъ, онъ не захотѣлъ подчиняться прихотямъ генеральши Шраммъ, имѣя поэтому поводу непріятности съ кн. Горчаковымъ, и вышелъ въ отставку; но, будучи всегда честнымъ труженикомъ, не нажилъ себѣ, конечно, состоянія, хотя и могъ бы обогатиться даже въ Томскѣ. Онъ переѣхалъ къ себѣ на родину въ Кіевъ, сталъ болѣть и, имѣя семью, не вынесъ лишеній и кончилъ сумасшествіемъ. Дѣти подростали и требовали воспитанія, сестра и привезла ихъ къ намъ. Мнѣ же опять пришлось хлопотать за нихъ. Настало время коронаціи императора Александра Николаевича и я надѣялась что-нибудь сдѣлать; прожила съ мѣсяцъ въ Москвѣ, но ничего не успѣла; трудно было въ такое суетливое время имѣть доступъ къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло дѣло. Подъ конецъ, уже когда дворъ уѣхалъ изъ Москвы, я случайно встрѣтилась у однихъ знакомыхъ опять съ генераломъ Пашковымъ. Обрадовавшись этой встрѣчѣ, я разсказала ему о своихъ новыхъ хлопотахъ и о совершенной своей неудачѣ. Онъ былъ на столько добръ, что снова предложилъ мнѣ свои услуги и сказалъ, что справится въ Петербургѣ и напишетъ мнѣ, что нужно будетъ

предпринять. Вскорѣ я получила отъ него извѣстіе, что мнѣ нужно самой опять пріѣхать въ Петербургъ, куда въ ноябрѣ я и отправилась. Однако, мнѣ съ дѣвочками было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ съ мальчиками, не смотря на дѣятельную помощь того же добраго г. Пашкова. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что не было нужныхъ бумагъ у дѣтей, а сумасшедшій отецъ не выдавалъ ихъ. Сколько разъ ни ѣздила я вмѣстѣ съ Пашковымъ въ канцелярію императрицы къ секретарю г. Морицу, человѣку произведшему на меня самое отрадное впечатлѣніе своею человѣчностью и деликатностью, но безъ бумагъ ничего не могла сдѣлать. Тогда я рѣшилась подать лично просьбу на высочайшее имя. Написала сама на имя императрицы Маріи Александровны просьбу и поѣхала въ Царское Село, гдѣ еще находилась царская фамилія и гдѣ, казалось мнѣ, было удобнѣе подавать просьбу. Рано утромъ, 21-го ноября я была уже въ Царскомъ. Взявъ извозчика, я велѣла везти себя въ ближайшую гостинницу къ дворцу, которая оказалась довольно грязною; но выбирать было некогда. Номеръ былъ очень плоховатъ. Извозчикъ дорогой разсказалъ мнѣ, что во дворцѣ по случаю праздника есть обѣдня, что туда всѣхъ пускаютъ и государыня вѣроятно будетъ тамъ. Я, оставивъ въ гостинницѣ свои вещи, прямо на томъ же извозчикѣ отправилась во дворецъ къ обѣднѣ; остановившись у подъѣзда, я робко, не зная куда идти, поднялась по лѣстницѣ на верхъ. Проходя залы, ведущія въ церковь, наполненныя придворными, я невольно смутилась, думая туда ли я иду, и не знала идти ли дальше; но они замѣтили мое смущеніе и учтиво указали дорогу въ церковь. Церковь поразила меня своей красотой, она была голубого цвѣта и покрыта золотыми звѣздочками, полъ устланный дорогими коврами, впереди стояли бархатныя кресла и мягкіе стулья. Я сначала все поджидала прихода императрицы, но она, какъ оказалось послѣ, не была у обѣдни по нездоровью. Тихое, стройное пѣніе придворныхъ пѣвчихъ невольно вызывало у меня слезы отъ страха, какъ я рѣшусь одна, безъ руководителя, подавать прошеніе. Помолясь усердно Господу, я предалась на Его святое милосердіе. Обѣдня кончилась, всѣ стали расходиться; я, смущенная, послѣдовала за другими и запуталась въ корридорахъ, не зная какъ и куда выйти; разспросивъ какъ пробраться въ колоннаду, о которой мнѣ прежде говорили, я только-что вошла въ нее, какъ вижу подаютъ одиночныя сани; спрашиваю у кого-то:

— Для кого эти сани?

— Государь сейчасъ ѣдетъ на парадъ въ Петербургъ,—отвѣтили мнѣ.

У меня сейчасъ мелькнула мысль не подать ли ему тутъ прошеніе? Я пошла дальше, вдали стояла группа офицеровъ; подойдя къ нимъ, я остановилась; нѣкоторые спросили меня, что мнѣ нужно?

Я отвѣтила, что я пріѣхала изъ Сибири и желала бы видѣть государя. Одинъ изъ офицеровъ нѣмецъ спросилъ меня, не хочу ли я подать просьбу государю,—я отвѣтила отрицательно, потому что Пашковъ и многіе другіе предупреждали меня, чтобъ я не всѣмъ разсказывала, что хочу подавать просьбу императору. Вдругъ всѣ зашевелились. — «Государь ѣдетъ!» пронеслось по саду; меня поставили ближе къ рѣшеткѣ. Государь выѣзжалъ шагомъ изъ-за рѣшетки въ колоннаду, всѣ обнажили головы; государь, проѣхавъ мимо меня, вдругъ остановился и громкимъ, строгимъ голосомъ, смотря впередъ, спросилъ:

— Кто вы такой?

Тихимъ, дребезжащимъ голосомъ отвѣчаетъ кто-то:

— Вашего императорскаго величества вѣрноподданный такой-то.

— А развѣ вы не знаете, что мои вѣрноподданные передо мной шапки снимаютъ?—также строго и громко замѣтилъ государь.

Мы всѣ невольно оглянулись и увидѣли стоявшую несчастную фигуру какого-то человѣчка, съ поднятою къ верху просьбою, забывшаго снять шапку.

— Отведите его къ дежурному флигель-адъютанту и скажите, чтобъ разсмотрѣлъ просьбу!—сказалъ гораздо уже мягче государь и поѣхалъ дальше.

Несчастнаго окружили офицеры и повели дальше; я же осталась какъ громомъ пораженная этою сценой; у меня сжалось сердце отъ предстоящаго и мнѣ самой подвига поданія прошенія и также полнаго незнанія правилъ для этого. Куда же, думаю, мнѣ идти? Офицеръ-нѣмецъ, уже не молодой и очень добрый на видъ, замѣтивъ мое смущенное состояніе, опять, когда всѣ разошлись, обратился ко мнѣ, повторяя вопросъ, не думаю ли я подать просьбу? Съ участіемъ сдѣланный имъ вопросъ внушилъ мнѣ къ нему довѣріе, и я рѣшилась ему сознаться. Онъ, узнавъ, что просьба у меня написана на имя императрицы, замѣтилъ мнѣ, что она только и можетъ быть подана императрицѣ, а не другому кому. Онъ принялъ живое участіе во мнѣ, разсказалъ подробно на мой вопросъ, гдѣ я могу увидать императрицу, объяснилъ, что она въ два часа всегда гуляетъ по саду, и тутъ я могу легко подать ей просьбу. Онъ повелъ меня по царскосельскому саду, показывалъ черныхъ лебедей и, разставаясь, пожелалъ полнаго успѣха. Оставшись совершенно одна въ неизвѣстномъ саду, я пошла бродить по расчищеннымъ и указаннымъ мнѣ офицеромъ дорожкамъ, гдѣ обыкновенно гуляетъ императрица, ожидая ея выхода. Долго бродила я въ тревожномъ ожиданіи; сначала много гуляющихъ встрѣчалось мнѣ, потомъ садъ началъ пустѣть; началъ перепадать маленькій снѣжокъ и сдѣлалось довольно сумрачно, а императрицы все нѣтъ, какъ нѣтъ. Страхъ запалъ у меня на сердцѣ; а что можетъ быть она по этой погодѣ совсѣмъ не пойдетъ, что мнѣ тогда дѣлать? силы

стали мнѣ измѣнять, такъ какъ я съ утра ничего не ѣла; отдохнувши немного на скамейкѣ и собравъ послѣднія силы, я поплелась опять по аллеѣ, ведущей ко дворцу. Вдали показалась какая-то группа, я направила къ ней свои шаги; подойдя ближе, я увидѣла очень быстро идущую, одѣтую въ черное, женщину, окруженную мальчиками и собачками, покрытыми красными попонами. Она такъ скоро шла, что я, принявъ ее за придворную даму съ дѣтьми, посторонилась, давъ имъ дорогу. Поднявшись выше, я встрѣтила нѣмца-офицера, который обратился ко мнѣ съ словами:

— Ну что подали императрицѣ просьбу?

— Какой императрицѣ, она еще не выходила!—растеряннымъ голосомъ отвѣчала я.

— Какъ не выходила, она вѣдь сейчасъ прошла мимо васъ, поспѣшите поскорѣе обогнуть эту аллею и дойти до той рѣшетки, за которую не пускаютъ уже постороннихъ, раньше ея прихода,— сказалъ онъ нѣсколько разсерженнымъ голосомъ на мою глупую оплошность. Какъ я ни спѣшила къ рѣшеткѣ, но, подойдя къ ней, увидала, что императрица, опередивъ меня, уже была за ней.

Положеніе мое было ужасное; я впала буквально въ отчаяніе; досада на себя, на свою глупость, терзала невыносимо мое сердце; я не знала, что мнѣ дѣлать; разбитая и усталая, я еле тащилась по дорожкѣ, какъ вдругъ слышу за собой шлепанье калошъ, чаще другихъ встрѣчавшагося мнѣ какого-то офицера. Онъ прошелъ мимо меня, оглянулся и, вернувшись, обратился съ вопросомъ:

— Видѣла ли я великихъ князей и съ кѣмъ они прошли?

Я отвѣчала очень сухо:

— Не знаю съ кѣмъ, кажется съ государыней.

— Какъ, кажется, вы развѣ не знаете ее?

— Не знала, но мнѣ сказали послѣ, что это она.

— Стало быть вы не здѣшняя?

— Нѣтъ.

— Откуда же вы, изъ Петербурга?

— Да, изъ Петербурга.

— Постоянно тамъ живете?

— Нѣтъ.

— Такъ вы московская?

— Нѣтъ, не московская.

— Такъ откуда же вы?—приставалъ онъ ко мнѣ съ своими докучливыми вопросами.

— Изъ Сибири,—угрюмо отвѣчала я ему.

— Есть ли у васъ знакомые въ Царскомъ?

— Никого нѣтъ.

— Съ кѣмъ же вы пріѣхали?

— Одна.

— Какъ одни, гдѣ же вы остановились?

— Сама не знаю, въ какой-то гостинницѣ, куда привезъ меня съ вокзала извозчикъ и теперь, не зная ея названія и мѣстности, я не знаю даже какъ и дойти до нея.

— Вы что же пріѣхали?—у васъ есть просьба?

— А вамъ что за дѣло? — отвѣтила я ему сурово, вспомнивъ, что мнѣ не совѣтывали говорить объ этомъ.

— Да можетъ быть я могу вамъ быть полезенъ?

— Вы! не думаю!

— Отчего же?—я дежурный флигель-адъютантъ.

Тогда взглянувъ на него пристальнѣе и замѣтивши на немъ аксельбанты, я, нисколько не растерявшись, спросила:

— А фамилія ваша?

— Графъ Апраксинъ.

— Ну, это другое дѣло.

— Я обязанъ даже, если вы имѣете просьбу къ императору, принять и передать ее.

— Моя просьба къ государынѣ.

— Жаль, тогда я не имѣю права принять ее; почему же вы пропустили удобный случай и не подали ей?

— Я не знала, что это императрица.

— Что же вы думаете дѣлать теперь?

— Остаться до завтра, хотя для меня это будетъ ужасно, мнѣ еще надо отыскать гостинницу, гдѣ я остановилась.

— Позвольте мнѣ васъ проводить.

— Я обрадовалась его предложенію.

Выйдя съ нимъ на площадь, я совсѣмъ не узнавала мѣстности и не знала, гдѣ была та гостинница, въ которой я остановилась; но къ моему счастію попался тотъ самый извозчикъ, который везъ меня съ вокзала; я тотчасъ его узнала и закричала ему, чтобъ онъ насъ довезъ.

— Хороша гостинница?—спрашиваетъ меня гр. Апраксинъ.

— Не очень.

— А можно мнѣ войти съ вами?

— Пожалуйста.

Взошли мы въ номеръ, который былъ довольно грязенъ и теменъ.

— Ахъ, какъ тутъ дурно!—воскликнулъ онъ.—Развѣ нѣтъ лучшихъ номеровъ? — обратился онъ къ стоявшему со свѣчой корридорному.

— Есть, но дороже, рубля на два.

— Это для меня слишкомъ дорого,—поспѣшила я сказать.

— Позвольте мнѣ вамъ нанять.

— Съ какой это стати? — гордо отвѣтила я, взглянувъ прямо ему въ глаза.

— Мнѣ вѣдь это ничего не стоитъ.

— Благодарю за вниманіе, но остаюсь тутъ же въ этомъ номерѣ.

— Такъ позвольте нѣсколько минутъ пробыть съ вами?

Я воспользовалась его присутствіемъ, чтобъ показать, по формѣ ли написана моя просьба. Оказалось, какъ слѣдуетъ; онъ, повертѣвшись, опять говоритъ:

— Какъ здѣсь холодно!—Вамъ не холодно?

— Нѣтъ, не холодно.

— Что же вы не обѣдаете?

— Не хочу.

— Какъ не хотите?—да вѣдь я все время въ саду слѣдилъ за вами, только боялся подойти къ вамъ, вы такъ сурово смотрѣли, и знаю, что вы еще не кушали. Позвольте мнѣ взять вамъ обѣдъ?

— Благодарю, я не хочу ѣсть.

— Какая вы гордая!

Посмотрѣвъ на часы, онъ воскликнулъ:

— Ужъ 5-ть часовъ, скоро пріѣдетъ государь изъ Петербурга, а мнѣ нужно еще пообѣдать; да какъ же вы-то останетесь безъ обѣда? — позвольте мнѣ хоть съ царскаго стола прислать обѣдъ, вѣдь это не мой, а царскій.

На мой рѣшительный отказъ онъ воскликнулъ:

— Видно, что вы сибирячка, гдѣ много гордости.

— То есть достоинства, хотите вы сказать,—замѣтила я ему.

— Однако, прощайте, мнѣ пора идти, да какъ же вы одна останетесь, можно мнѣ вечеромъ зайти къ вамъ?

Я молчала.

— Такъ вѣрно вамъ непріятно мое посѣщеніе?

Я опять молчу.

— Ну такъ прощайте, если случится когда вамъ въ Петербургѣ подавать просьбу императору, спросите въ дежурной комнатѣ флигель-адъютанта графа Апраксина, я всегда буду къ вашимъ услугамъ. Впрочемъ, если и здѣсь что нужно будетъ, то пришлите, я все доставлю вамъ.

Сказавъ это, онъ протянулъ мнѣ руку. Такъ мы простились, и я его больше никогда не видала. Нервы мои въ продолженіе всего дня были такъ натянуты, что, по его уходѣ, мнѣ сдѣлалось дурно. Я впала въ свое каталептическое состояніе, которое съ большимъ трудомъ сдерживала въ его присутствіи. Очнувшись часовъ въ 9-ть вечера и почувствовавъ холодъ, я закуталась въ шубу и заснула, не раздѣваясь. Проснувшись на другой день, хотя я и чувствовала большую слабость, но пошла въ соборъ къ обѣднѣ. Я насилу могла дойти назадъ; сильный вѣтеръ отнималъ у меня и физическія, и нравственныя силы; въ страхѣ я предполагала, что въ такой вѣтеръ императрица не пойдетъ гулять, а мнѣ за неимѣніемъ съ собой денегъ нельзя было уже оставаться дольше. Напившись чаю, чтобъ нѣсколько подкрѣпиться, я въ часъ дня снова пошла въ садъ, который на этотъ разъ былъ почти пустъ. Опять

долго бродила я по его аллеямъ, подъ конецъ, изнемогая совсѣмъ, стала ходить взадъ и впередъ по аллѣѣ, ведущей во дворецъ. Начало смеркаться, а императрицы все нѣтъ какъ нѣтъ. Я шла, опустивъ голову, и вдругъ услышала опять какой-то шумъ. Я присмотрѣлась и увидѣла вдали нѣсколькихъ офицеровъ въ красныхъ фуражкахъ, идущихъ мнѣ на встрѣчу. Мнѣ стало досадно на нихъ, что они могутъ быть свидѣтелями моего непріятнаго положенія при подачѣ просьбы; желая разсмотрѣть ихъ хорошенько, я взглянула въ лорнетъ и представьте мой ужасъ, когда въ этой группѣ я узнала государя подъ ручку съ государыней, а впереди ихъ великихъ князей въ красныхъ фуражкахъ. Всѣ они быстро приближались ко мнѣ на встрѣчу. Я пришла въ такое смущеніе, что кажется еслибъ была возможность, то куда-нибудь ускользнула бы. Однако, подавивъ смущеніе, внутренно перекрестившись и держа въ рукахъ просьбу, я пересѣкла имъ дорогу; великіе князья, какъ только замѣтили, что я хочу подойти, тотчасъ посторонились и дали мнѣ дорогу. Государь съ императрицей остановились; я поклонилась имъ, подошла прямо къ ней и съ волненіемъ сказала:

— Ваше величество, я имѣю къ вамъ просьбу.

— Что вамъ угодно?—спросила она тихимъ голосомъ, взглянувъ на меня своими кроткими глазами.

Я, вмѣсто отвѣта, подала ей свою просьбу; она приняла ее и, держа въ рукахъ, сказала:—«Хорошо». Государь же въ это время, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, спросилъ:—«Кто вы такая»? Я назвала себя, посмотрѣвъ прямо ему въ глаза. Онъ еще разъ повторилъ: — «Какъ фамилія?»—Я отвѣтила. Онъ, поклонившись, сказалъ: — «Хорошо». — Я то же поклонилась, и они пошли въ одну сторону, а я въ другую. Я спѣшила, чтобы не опоздать на поѣздъ, наскоро взяла въ гостинницѣ свои вещи и отправилась въ Петербургъ. На другой день, я вмѣстѣ съ Пашковымъ опять поѣхала въ канцелярію императрицы и горе мое было велико, когда тотъ же секретарь ея, г. Морицъ, отвѣтилъ мнѣ, что не смотря на то, что я лично подавала просьбу императрицѣ, безъ формулярнаго списка отца дѣвочекъ, невозможно ничего сдѣлать. Когда же на мое несмѣлое замѣчаніе, не можетъ ли онъ самъ, какъ секретарь императрицы, потребовать этихъ бумагъ? онъ, ухватившись за эту мысль, воскликнулъ:—«Какъ это мнѣ прежде въ голову не приходило, вѣдь это возможно и я непремѣнно это сдѣлаю; а вы теперь же можете спокойно отправляться домой».

Весной, къ моей великой радости, я получила отъ него формальное увѣдомленіе, что одна изъ племянницъ (а я хлопотала о двухъ) зачислена въ Московскій Елисаветинскій институтъ пансіонеркой императрицы. Я даже заплакала, получивъ такую неожиданную радость. Поблагодаривъ Господа за устройство дѣвочки, я начала хлопотать и о другой, съ которой тоже не мало было труда. Но

мнѣ въ этомъ очень помогъ генералъ-адъютантъ Ник. Ник. Анненковъ, котораго, какъ уже сказано мною раньше, въ бытность его на ревизіи въ Западной Сибири въ 1851 году, я знала въ Тобольскѣ. Мнѣ не приходилось еще обращаться къ нему въ Петербургѣ съ моими дѣлами, которыя, благодаря г. Пашкову, Богъ помогалъ мнѣ обдѣлывать; но, при помѣщеніи другой племянницы, статсъ-секретарь Гофманъ началъ дѣлать затрудненія, и нужно было имѣть рекомендацію отъ болѣе высокопоставленнаго лица, почему я и обратилась къ Н. Н. Анненкову, который въ то время былъ государственнымъ контролеромъ въ Петербургѣ. Я поѣхала къ нему съ его двоюродной племянницей генеральшей Ивановой, моей хорошей пріятельницей, (дочерью декабриста Анненкова). Ник. Ник. принялъ меня такъ любезно, какъ старую свою знакомую, наговорилъ кучу любезностей, какъ это бывало и въ Тобольскѣ, и даже упрекнулъ, когда узналъ, что я не въ первый уже разъ въ Петербургѣ по дѣламъ, что какъ же я, имѣя такого стараго друга, не обращалась къ нему. Я поблагодарила за его доброту и объяснила, что мнѣ теперь нужна для генерала Гофмана рекомендація о моемъ покойномъ отцѣ, котораго онъ хорошо зналъ въ Тобольскѣ. Анненковъ обѣщалъ вечеромъ же прислать мнѣ письмо къ Гофману. И въ самомъ дѣлѣ, часовъ въ 10 вечера вдругъ отыскиваетъ меня курьеръ съ пакетомъ на мое имя; распечатавъ его, я нашла копію съ письма Анненкова къ Гофману и записочку ко мнѣ, гдѣ онъ писалъ, чтобъ я прочитала эту копію и отвѣтила бы ему, довольна ли я ею. Письмо объ отцѣ было очень лестно написано, и я храню его у себя до сихъ поръ. На другой день, я передала уже настоящее его письмо Гофману; но онъ такъ медлилъ своимъ рѣшеніемъ, а время уходило, что я была принуждена снова обратиться къ Анненкову, который прямо уже самъ просилъ императора, и вскорѣ я получила бумагу, что по особому ходатайству генералъ-адъютанта Анненкова, помѣщена и другая моя племянница въ Московскій Екатерининской институтъ пансіонеркой императора. Такъ Господь помогъ мнѣ, не смотря на мою немощь, устроить осиротѣлыхъ дѣтей.

Въ коронацію покойнаго императора Александра Николаевича, въ 1856 году возвращены были всѣ декабристы изъ Сибири. Вѣстникомъ ихъ свободы былъ сынъ декабриста же, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, посланный въ Сибирь курьеромъ съ милостивымъ манифестомъ. Вскорѣ большая часть изъ нихъ перебралась на родину, а нѣкоторые предпочли остаться въ Сибири, гдѣ жизнь удобнѣе и дешевле для людей, не имѣющихъ большихъ средствъ. Мы были очень обрадованы пріѣздомъ къ намъ въ Марьино возвратившихся нашихъ дорогихъ друзей: Павла Сергѣевича Бобрищева-Пушкина, Свистунова, Пущина, Басаргина и многихъ другихъ, пространдавшихъ болѣе 30-ти лѣтъ въ изгнаніи.

М. Д. Францева.

„ПОКОРНАЯ И ВѢРНАЯ ЖЕНА“ [1]

(Одинъ изъ типовъ русской женщины XVIII вѣка).

ДИНЪ изъ важныхъ недостатковъ въ образованіи и развитіи русскаго человѣка—это, конечно, незнаніе русской исторіи. Этотъ недостатокъ прививается намъ въ классѣ, гдѣ исторія преподается по весьма плохимъ и совершенно безсодержательнымъ учебникамъ, и очень не многимъ изъ насъ удается пополнить этотъ пробѣлъ образованія впослѣдствіи, при помощи серьезнаго изученія или разумнаго чтенія. Для огромнаго большинства отечественная исторія остается какимъ-то темнымъ пятномъ въ памяти—какою-то путаницею отдѣльныхъ именъ и эпохъ, какою-то скучною вереницею годовъ и событій—которыя возникаютъ въ нашемъ представленіи одинокими, неосмысленными, несвязанными общею нитью народной жизни! Большинству и въ голову не приходитъ, что главную суть исторіи составляетъ именно эта живая, связующая нить, которая непрерывно тянется изъ глубокаго мрака вѣковъ и до нашего времени. Мы видимъ въ минувшемъ только громкія имена и громкія событія—и забываемъ о тысячахъ скромныхъ тружениковъ, которые скрывались за этими именами, и, безъ малѣйшаго притязанія на историческую извѣстность, совершали втихомолку тысячи скромныхъ подвиговъ, изъ которыхъ, собственно, и создалась вся ихъ будничная жизнь и будничная дѣятельность. Громкая и рѣзкая труба исторической славы трубитъ намъ только о выдающихся лицахъ и событіяхъ историческихъ — и обходитъ молчаніемъ скромныхъ тружениковъ...

---

[1] «Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцову-Задунайскому», Спб. 1888 г.

Вотъ почему мы всегда искренно радуемся появленію въ печати такихъ памятниковъ, которые, не касаясь ни громкихъ именъ, ни громкихъ событій, знакомятъ насъ съ жизнью и дѣятельностью людей, неизвѣстныхъ исторіи—знакомятъ насъ и съ тѣмъ значеніемъ, которое многіе изъ подобныхъ людей могутъ и должны имѣть въ жизни общества...

«Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу», знаменитому фельдмаршалу П. А. Румянцову-Задунайскому, недавно-напечатанныя графомъ Д. А. Толстымъ, представляются намъ памятникомъ, потому именно драгоцѣннымъ, что они вводятъ насъ въ будничную жизнь русскаго общества прошлаго вѣка и знакомятъ насъ съ прекраснымъ типомъ русской женщины, неблиставшей никакими выдающимися достоинствами, несовершившей ни одного громкаго подвига. Жена знаменитаго фельдмаршала является передъ нами, какъ живая въ этихъ простыхъ, непритязательныхъ письмахъ, нерасчитанныхъ ни на какой эффектъ, наполненныхъ подробностями обыденной жизни. Мы видимъ въ ней женщину глубоко-несчастную въ ея супружескомъ союзѣ, но проникнутую высокимъ сознаніемъ своихъ супружескихъ и материнскихъ обязанностей. Она сама постоянно и съ полнымъ сознаніемъ называетъ себя въ своихъ письмахъ «покорною и вѣрною женою»; но этимъ сознаніемъ не исчерпывается ея жизнь и дѣятельность, не удовлетворяется внутренняя потребность ея горячаго, любящаго сердца:—она не только «покорная и вѣрная жена», но и образцовая мать, ни на мгновеніе не забывающая о дѣтяхъ, покинутыхъ мужемъ на ея попеченіе. Не слѣдуетъ забывать, что ея попеченіямъ и заботливости мы обязаны воспитаніемъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ дѣятелей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія — графа Николая Петровича Румянцова, заслужившаго благодарность потомства многими учеными изданіями и пожертвованіями на пользу русскаго просвѣщенія, а также и учрежденіемъ Румянцовскаго Музея. Читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы ближе ознакомимъ ихъ съ содержаніемъ писемъ графини Е. М. Румянцовой и съ тѣмъ богатымъ запасомъ бытовыхъ подробностей о семейной и общественной жизни, которыми эти письма переполнены.

Графиня Екатерина Михайловна Румянцова была дочь извѣстнаго фельдмаршала князя Михаила Михаиловича Голицына, который прославился своими воинскими подвигами при Петрѣ Великомъ. Онъ былъ женатъ дважды. Отъ второго брака [1]) его съ княжною Татьяною Борисовною Куракиной и родилась графиня Екатерина Михайловна (25-го сентября 1714 г.).

---

[1]) Въ первомъ бракѣ онъ былъ женатъ на Евдокіи Ивановнѣ Бутурлиной, отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей. Отъ второго брака, кромѣ дочери, еще пятерыхъ сыновей.

Ничего не зная о дѣтствѣ и юности княжны Екатерины Михайловны, ни о ея жизни до замужества, мы не можемъ уяснить себѣ, почему именно она, умная и красивая, съ порядочнымъ состояніемъ, съ большими связями въ свѣтѣ,— засидѣлась въ дѣвицахъ и вышла замужъ уже очень поздно, на 34-мъ году... Не знаемъ также и чѣмъ вызванъ былъ ея неравный бракъ, и что побудило ее, дѣвицу въ весьма зрѣлыхъ лѣтахъ, выйти замужъ за 23-хъ-лѣтняго юношу, графа Петра Александровича Румянцова? Любовь ли руководила ея выборомъ, или въ основу брака былъ положенъ разсчетъ, на которомъ родители думали основать будущее счастье этого неравнаго супружества? Какъ бы то ни было — и чувство, и разсчеты, оказались одинаково безсильными для устроенія супружескаго счастія графини и графа Румянцовыхъ. Супруги прожили (и то, повидимому, несогласно) не болѣе шести лѣтъ вмѣстѣ: — затѣмъ они разъѣхались и до конца жизни продолжали жить въ разлукѣ, съѣзжались лишь изрѣдка на короткое время и, повидимому, только для того, чтобы еще разъ убѣдиться въ полной невозможности сожительства. Молодой графъ Румянцовъ, отчасти отвлекаемый военною службою, совсѣмъ махнулъ рукою на свою семейную жизнь — забылъ о женѣ и дѣтяхъ и предался тѣмъ свѣтскимъ удовольствіямъ, которыми такъ изобиловала жизнь нашихъ баръ въ прошломъ вѣкѣ. Зная, что у жены есть свои отдѣльныя, личныя средства, графъ очень мало заботился о ея нуждахъ и о нуждахъ дѣтей, и тщательно старался охранять свое спокойствіе и свободу.

По окончаніи Семилѣтней войны, въ которой графъ Румянцовъ участвовалъ со славою, онъ командовалъ нѣкоторое время корпусомъ войскъ, остававшихся въ Помераніи и предназначенныхъ императоромъ Петромъ III для войны съ Даніею. Но Екатерина, тотчасъ по вступленіи на престолъ, отмѣнила всѣ приготовленія къ этой войнѣ, и Румянцовъ былъ устраненъ ею отъ командованія корпусомъ. Румянцовъ, обиженный этимъ, поспѣшилъ подать въ отставку; но Екатерина знала его за отличнаго генерала, оцѣнивала по достоинствамъ его заслуги, и на прошеніе объ отставкѣ отвѣчала любезнымъ письмомъ, въ которомъ просила графа не оставлять службу. Вскорѣ послѣ того, уничтожено было гетманство, учреждена малороссійская комиссія, и предсѣдателемъ ея былъ назначенъ графъ Румянцовъ, какъ «главный командиръ», на правахъ генералъ-губернатора. Центръ управленія перенесенъ былъ въ Глуховъ, гдѣ надолго основалъ свою резиденцію и графъ Румянцовъ. Сначала и очень не надолго сюда пріѣхала и графиня Румянцова; но уже съ конца 1766 г. графъ пожелалъ еще разъ удалить отъ себя и дѣтей, и супругу, и они уже никогда потомъ не съѣзжались. Разладъ между супругами былъ на столько великъ, что даже пріѣзжая, по дѣ-

ламъ, въ Петербургъ, графъ не заглядывалъ къ семейству въ Москву, и ограничивался въ письмахъ только обѣщаніями заѣхать, которыя выполнялъ очень рѣдко. Впослѣдствіи, во времена наибольшей своей славы, послѣ громкихъ побѣдъ надъ турками, когда и графиня Румянцова была удостоена милостями императрицы Екатерины, графъ, во время своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, никогда не останавливался въ домѣ жены, а занималъ особое помѣщеніе, которое ему отводили отъ двора. Княгиня ѣздила къ нему въ гости, иногда у него обѣдала и пересылалась съ нимъ записками, когда онъ бывалъ нездоровъ или не желалъ ее принять.

Сообщаемъ всѣ эти подробности объ отношеніяхъ супруговъ потому, что безъ знанія ихъ многое въ письмахъ графини Е. М. Румянцовой было бы непонятно читателямъ; не вполнѣ яснымъ представился бы и нравственный образъ «покорной и вѣрной жены» и тотъ суровый подвигъ жизни, который она такъ терпѣливо и твердо несла на своихъ плечахъ. Покинутая мужемъ, который весело проводилъ время и тратилъ деньги на своихъ любовницъ и на разныя хозяйственныя и промышленныя затѣи, графиня приняла на себя двойной трудъ: — она посвятила себя заботамъ о дѣтяхъ, о ихъ воспитаніи и обученіи, и въ то же время задалась мыслью о необходимости поддержать живую связь отца съ дѣтьми, поддержать и въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ отцу, который забывалъ о ихъ существованіи.

Послѣ разрыва съ мужемъ, графиня долго еще не могла примириться съ своимъ положеніемъ, долго не могла совладать со своею страстною натурою и съ тѣмъ, что мужъ бросилъ ее на произволъ судьбы и людской молвы... Первыя письма ея къ мужу еще переполнены упреками, горемъ и сокрушеніями оскорбленной жены и женщины. Но она потомъ приходитъ къ убѣжденію, что всѣ эти упреки безполезны, что ей слѣдуетъ примириться со своимъ положеніемъ и создать себѣ свою, особую жизнь. И вотъ она вся уходитъ въ заботы о семьѣ, о дѣтяхъ, о ихъ настоящемъ и будущемъ, а потомъ и въ заботы о сохраненіи имъ состоянія, въ заботы о ихъ общественномъ положеніи и служебной карьерѣ. При этомъ она не забываетъ и о мужѣ, старается угодить ему во всѣхъ его слабостяхъ и прихотяхъ, не роняя своего достоинства жены и матери, заботится о его матеріальномъ состояніи и употребляетъ всѣ усилія ума и воли, чтобы вынудить его къ болѣе благоразумному обращенію съ деньгами, приливающими къ нему отовсюду широкимъ потокомъ. Въ каждомъ совѣтѣ, который она даетъ мужу, слышится умная женщина и радѣтельная, опытная, осторожная хозяйка и домоправительница. Это, повидимому, сознавалъ даже и графъ Румянцовъ, потому что, въ большей части случаевъ, видѣлъ себя почти вынужденнымъ слѣдовать совѣтамъ жены въ управленіи своими обширными имѣніями, въ выборѣ управляющихъ, въ тѣхъ подрядахъ и промышленныхъ пред-

пріятіяхъ, за которыя онъ любилъ приниматься. Настойчивость и выдержка, съ которою графиня Екатерина Михайловна, прекрасно изучившая характеръ своего супруга, вела противъ него постоянную и непрерывную борьбу, для его же пользы и для пользы дѣтей своихъ—по истинѣ изумительны. Сколько терпѣнія, сколько силы, сколько умѣнья и такта нужно было имѣть этой «покорной и вѣрной женѣ» для того, чтобы добиться вліянія на своего сурового и строптиваго супруга, предубѣжденнаго противъ жены и не очень расположеннаго внимать совѣтамъ своего благоразумнаго друга! И не смотря на это, путемъ самоотреченія отъ всѣхъ земныхъ благъ и соблазновъ, путемъ постояннаго самопожертвованія и строгаго соблюденія и выполненія всѣхъ обязанностей жены и матери, графиня Е. М. Румянцова успѣла добиться того, что единичными усиліями своими подняла всю семью, создала ей положеніе въ свѣтѣ, сохранила состояніе мужа отъ раззоренія и заслужила уваженіе современниковъ, которое выразилось въ отношеніяхъ къ ней императрицы Екатерины.

18-го августа 1773 г. графиня Румянцова была пожалована въ званіе статсъ-дамы и назначена гофмейстериной великой княгини Натальи Алексѣевны, первой супруги великаго князя Павла Петровича. Когда первая супруга великаго князя скончалась (1776 г.) и цесаревичъ вступилъ во второй бракъ съ принцессою Вюртембергскою, Софіею Доротеей—графиня Румянцова была отправлена со свитою на встрѣчу къ ожидавшейся великой княгинѣ, черезъ Ригу, въ Мемель. При самомъ отъѣздѣ, государыня надѣла на графиню орденъ св. Екатерины. Вскорѣ послѣ свадьбы великой княгини Маріи Ѳеодоровны, графиня Е. М. Румянцова переѣхала изъ С.-Петербурга на жительство въ Москву (въ маѣ 1779 г.) и скончалась тамъ, три мѣсяца спустя (22 августа). Она могла умереть спокойно, съ твердымъ сознаніемъ того, что свято исполнила свой долгъ и всю свою жизнь не переставала быть «покорною и вѣрною женою» и нѣжной матерью.

Переписка графини Румянцовой съ ея мужемъ фельдмаршаломъ обнимаетъ собою 17-тилѣтній періодъ времени (отъ 1762—1779 гг.) и заключаетъ въ себѣ 221 письмо. Изъ этого числа 75 писемъ отысканы были графомъ Д. А. Толстымъ въ государственномъ архивѣ, среди Румянцовскихъ бумагъ, принесенныхъ въ даръ княземъ Н. П. Голицынымъ, родственникомъ Румянцовыхъ; всѣ остальныя письма составляютъ собственность издателя и хранятся въ его деревенской Маковской библіотекѣ.

Первыя письма (1762—63 гг.) переполнены сердечными сокрушеніями и жалобами графини, только-что покинутой мужемъ. Упрекая мужа въ томъ, что онъ не пишетъ ей даже и съ «вѣрной оказіей», она говоритъ: «Несчастіе мое часъ отъ часу умно-

жается и въ горести уже безъ примѣру огорчена, а за что — то Богъ знаетъ — тобою забыта! Не для меня, сдѣлай милость, пока жива, хотя для бѣдныхъ дѣтей того удовольствія не отымай, что пиши»...

Но горе — горемъ, а заботы — заботами; и вотъ какъ между домашними хлопотами и тревогами за дѣтей течетъ жизнь бѣдной женщины: «Строюсь, садъ развожу»,—пишетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ,—«оранжерею сдѣлала на каменномъ фундаментѣ и галлерею, да временемъ такая грусть на все возьметъ, что, чаю, каждое бревно слезами оплакано; да знать Богъ опредѣлилъ такъ въ грусти вѣкъ свой кончить».

Но въ то время, какъ она собиралась «въ грусти вѣкъ кончать», судьба готовила ей новые удары. Графъ Румянцовъ и по окончаніи войны не собирался ѣхать домой, а задумывалъ путешествіе на воды съ особою, близкою его сердцу—и супруга, огорченная этимъ прямымъ нарушеніемъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, энергически протестовала противъ легкомысленной затѣи: «Буде дозволеніе получишь, такъ прошу, не мѣшкавъ, кого угодно прислать для управленія дому и дѣтей... Я такъ глупа не буду, какъ до сихъ поръ, что все въ своихъ рукахъ имѣючи, всѣ хлопоты и обузу деревенскія и домовыя имѣла, утѣшаяся, что конецъ войны и моимъ горестямъ, и буду жить попрежнему; а теперь вижу иное, что, когда неволя ведетъ со мною жить вмѣстѣ, такъ ты сыскиваешь новые способы и послѣ на меня сердиться... За долгъ нахожу послѣднее уже сказать: ...я клянусь, что ежели уѣдешь,... то, собравъ всѣ крѣпости, письма и все, что въ домѣ есть, съ описью отдамъ твоимъ близкимъ... не хочу этого на себѣ имѣть, что все твое въ моихъ рукахъ будетъ, а ты будешь ѣздить со своею полюбовницею да веселиться, а я здѣсь — плакать да крушиться, да въ долги входить. ...Видишь много примѣровъ: Апраксинъ ѣздилъ же съ б....., да теперь дошло, что ни ему, ни женѣ кушать нечего, а дѣтей по миру приходится пускать. ...Коротко скажу: что буде надобно и хочешь жить такъ, какъ живали прежде, а не титулярною женою, и пріѣдешь сюда, или мнѣ къ себѣ быть велишь,—все забываю,... и до конца пребуду непоколебима, и ниже прошедшее вспомню когда; а буде не любишь и видѣть уже болѣе меня въ жизни не захочешь, такъ исполняй свои желанія, поѣзжай къ водамъ, а на меня не считай инако, какъ удалясь свѣту, уѣду, въ деревню, только невинность свою [1]) къ ногамъ вашимъ подвергаю».

Графъ долго упорствовалъ на своемъ и требовалъ отъ жены денегъ, но та съумѣла отстоять свое мнѣніе, ссылаясь на то, что

---

[1]) «Невинность»—такъ, во всѣхъ своихъ письмахъ къ мужу, графиня Е. М. Румянцова называетъ своихъ дѣтей.

«онъ уже изъ человѣколюбія одного не захочетъ, чтобы она лишилась дневной пищи», и выслала ему деньги въ Гданскъ только тогда, когда убѣдилась, что онъ отложилъ свое намѣреніе о путешествіи «къ водамъ». Напоминая ему о дѣтяхъ, она съ горечью прибавляетъ въ одномъ изъ писемъ: «тяжело, любя, тебя лишаться и розно жить; а я по не счастію уже и привыкнуть бы могла въ шесть лѣтъ, да нѣтъ способу—отвязаться не могу отъ тебя. Безъ привычки, тяжело сдѣлать; жену бросить и сокрушить, это плюнуть, а матресу покинуть—жаль. Резонъ имѣешь, знавъ, что имѣешь такую жену, что хоть сама погибнетъ, а тебѣ, конечно, не досадитъ».

«Я знаю»,—пишетъ графиня въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ,—«что мнѣ уже не быть благополучной, да я ужъ изъ себя жертву готова сдѣлать для спасенія моихъ бѣдныхъ невинныхъ... Я уже начинаю думать, что всѣ умыслы противу меня нарочно, чтобы изъ терпѣнья меня вывесть; да ошибаетесь — погибну я и дѣти бѣдныя, нежели что-нибудь сдѣлаю противу пристойности. Не буду въ жизни имѣть никаковой укоризны, ни отъ тебя, ни отъ чужихъ... Всякій и теперь съ жалостью смотритъ на мое состояніе; да я не пеняю, когда столь несчастна на свѣтъ рождена... а больше (за) наказаніе почитаю, что дѣтьми я обязана такому человѣку, какъ ты».

Но никакія сѣтованія, никакія сокрушенія, не могли измѣнить отношеній графа къ супругѣ. Онъ отдавалъ ей въ письмахъ «справедливость, что она таковыя попеченія беретъ о дѣтяхъ», но въ то же время «всячески и ругательнымъ образомъ» доказывалъ ей, что видѣть ее не желаетъ и жить съ ней не будетъ. Дѣло доходило даже до того, что мужъ предлагалъ женѣ—уѣхать и съ дѣтьми за границу, и назначалъ на это довольно крупную сумму на содержаніе. Это предложеніе глубоко возмутило графиню, которая возстала противъ него и отвергла его самымъ энергичнымъ образомъ. Отказываясь отъ предлагаемой суммы, она пишетъ:

«Я рождена отъ таковыхъ родителей, что дай Боже вамъ въ вѣкъ свой то нажить, что отецъ покойникъ счастьемъ своимъ нажилъ; насъ, благодаря Бога, шесть человѣкъ, всѣ сыты живемъ, всякой по препорціи имѣетъ, тѣмъ и для себя фортуну большую ни въ какомъ градусѣ не могу почитать—я не сапожникова и не кузнецова дочь. Думала ли я въ жизни, чтобы вы когда-нибудь столько противу меня имѣли, что дѣлать препозицію, что поѣзжай я одна съ дѣтьми въ чужіе края; вѣдь, сударь, это разумѣется: хоть чортъ меня возьми, только я съ вами не будь. Пристойно ли это въ свѣтѣ и слыханныя ли дѣла, чтобы жена, оставя мужа, ѣздила по бѣлу свѣту!»

Такъ протекала жизнь графини—мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ—въ полной разлукѣ съ мужемъ, который «свою дѣвку, со всею фамиліею и съ матерью, и съ братьями» поселилъ въ одномъ

изъ лучшихъ своихъ имѣній (въ с. Буртники) и запретилъ женѣ въ это имѣнье вступаться. Наконецъ, несчастная жена мало-по-малу стала примиряться съ своимъ печальнымъ положеніемъ. «Ни одна жена въ свѣтѣ себѣ товарища не хочетъ: а я горесть свою осьмой годъ претерпѣваю», пишетъ она мужу; но, не вдаваясь въ упреки, добавляетъ: «(для дѣтей) Богъ, умилосердяся, сдѣлаетъ, что, можетъ быть, батюшка, и тебя когда-нибудь мое состояніе тронетъ. Буде же жалости никаковой не имѣешь, и я противна тебѣ,—и въ томъ не нудь себя, Бога ради. Лишь дѣтей помни. Я съ охотою жертвовать готова, лишь будь ты спокоенъ и дѣти бѣдныя благополучны».

И дѣйствительно, съ 1764 года графиня всю себѣ посвящаетъ дѣтямъ, о которыхъ старается напоминать графу въ каждомъ письмѣ. То она требуетъ, чтобы графъ прислалъ имъ книгъ изъ академической лавки, нужныхъ для ученія; то описываетъ, какъ они ходятъ въ садъ гулять и радуются на лебедей, плавающихъ въ прудѣ. «Боже мой, услышь меня!»—восклицаетъ она при этомъ,—«чтобы вы ихъ видѣли и узнали, что они есть; а то только развѣ въ лицо ихъ знаете... а каковъ который — то нельзя, не было время ихъ узнать».

Многія замѣчанія, высказываемыя графинею о дѣтяхъ, выказываютъ въ ней не только любящую мать, но и разумную женщину, прекрасно понимающую задачи правильнаго воспитанія. «Дѣтей препоручая въ милости»,—пишетъ она графу въ апрѣлѣ 1764 г.,—«пишешь, чтобы я Миколашкѣ дала что къ именинамъ отъ тебя,—воля твоя, этого не сдѣлаю, чтобы не сдѣлать промежду братьевъ завидости. Ты писалъ, Мишѣ пришлешь, а не прислалъ, а этому — дать. Такъ пускай всѣмъ ничего, а утѣшатся тѣмъ, что съ собою привезешь. Я же николи одному передъ другимъ ничего лишняго не давала, даже и въ одинаковомъ платьи вожу».

Заботясь обо всѣхъ мелочахъ для дѣтей, графиня часто проситъ мужа своего, въ письмахъ, чтобы онъ сдѣлалъ для сыновей тѣ или другія закупки и переслалъ ихъ по почтѣ; съ другой стороны, она внимательно слѣдитъ за ученьемъ и успѣхами дѣтей и постоянно старается знакомить графа съ ходомъ ихъ ученія. Посылая, при одномъ изъ своихъ писемъ, письмо старшаго сына, Михаила, графиня прибавляетъ: «нарочно велѣла ему самому о себѣ писать, черезъ что бы анбицію вкладывалъ въ голову, и стыжу его всячески, ...онъ конечно не меньше братьевъ выучилъ, да былъ неисправенъ, много фохтовъ (т. е. ошибокъ, fautes), сдѣлалъ». Въ другомъ письмѣ опять тѣ же заботы: «они (дѣти) къ вамъ хотѣли писать; я нарочно велѣла, черезъ что узнаете, какъ они въ годъ профитовали; я не велѣла ни въ штилѣ, ни въ ортографіи мѣнять».

Но дѣти далеко не всегда «профитовали». Учителя мѣнялись или были недобросовѣстны въ отправленіи своихъ обязанностей, и графиня писала къ мужу отчаянныя письма, требуя, чтобы онъ

приложилъ хоть сколько-нибудь заботы къ воспитанію и образованію своихъ дѣтей.

«Я хочу тебѣ, напомнить, — пишетъ она изъ Глухова въ Петербургъ, въ февралѣ 1766 года,— не можешь-ли новаго человѣка въ учители дѣтямъ найтить? ...Сдѣлай милость, поищи, нѣтъ ли такого человѣка, чтобы и французскій, и понѣмецки бы пора учить. Буде тутъ не можно (т. е. въ Петербургѣ), то хоть отпиши куда во Гданскъ или Варшаву, чтобы тамъ кого и сюда бы прямо черезъ Польшу прислали. У етмана [1]) всѣ лучшіе учителя были изъ Варшавы, потому что они тамъ такой платы не получаютъ въ лучшемъ домѣ, какъ у насъ въ Россіи послѣднему даютъ».

Сильно озабоченная тѣмъ, чтобы дѣти въ «праздности не пребывали», графиня пишетъ мужу, двѣ недѣли спустя, о томъ же предметѣ и уже указываетъ ему на учителя, котораго рекомендуетъ Бецкій. При этомъ узнаемъ, что и въ то время хорошій домашній учитель цѣнился очень дорого: графиня предполагаетъ платить рекомендуемому учителю весьма крупную, по тому времени, сумму, а именно 400 руб. въ годъ. Но и напоминанія графини не помогали: отецъ забывалъ о дѣтяхъ и не заботился о пріисканіи имъ надлежащаго наставника. По крайней мѣрѣ, изъ писемъ графини, писанныхъ полгода спустя, мы видимъ, что дѣти все еще оставались безъ учителя и безъ занятій. «Жаль, что время теряютъ безъ ученія всякаго; хотя бы кого къ нимъ взять, коли ихъ не посылать (за границу)», пишетъ графиня 1-го ноября 1766 года. Бѣдная мать, покинутая въ своемъ одиночествѣ и при томъ обладавшая лишь весьма незначительными средствами, которыхъ едва хватало на содержаніе дома, рѣшалась уже одно время даже на разлуку съ дѣтьми. Она думала ихъ отдать въ кадетскій корпусъ, на попеченіе знакомаго директора. «Это бы мнѣ дорого стоило,—пишетъ она,—какъ въ чужіе края, а дома мнѣ не можно столько учителей разныхъ держать, сколько тутъ будетъ... взять въ домъ учителя, который со всѣмъ стоить будетъ, ежели счесть, близь шести сотъ... а вѣдь одинъ всему не можетъ учить; особливо нѣмецкій языкъ весьма нуженъ... Въ чужіе бы края охотно желаю, да правда твоя, что и достатокъ надобенъ, да и съ кѣмъ послать, и то надо думать».

Матери, впрочемъ, приходилось думать не объ одномъ только обученіи дѣтей, а также и о физическомъ развитіи ихъ, потому что въ будущемъ предстояла имъ военная служба, къ которой они должны были дома получить нѣкоторую подготовку, а главное — выучиться верховой манежной ѣздѣ. Въ 1768 году, наконецъ, заботливая мать нѣсколько отдохнула отъ своихъ тревогъ. «Что касается до дѣтей, то я теперь спокойна,—пишетъ она своему мужу,—

---

[1]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

я нонеча взяла учителя въ домъ, который и въ математикѣ силенъ, они же ужъ фартификацію и тригонометрію кончили, а теперь планы станутъ чертить; а я ему даю по 400 руб. въ годъ». Такая подготовка въ математикѣ и въ военныхъ наукахъ была тѣмъ болѣе необходима молодымъ графамъ, что всѣ они, по наступленію 15-тилѣтняго возроста, уже получали патенты на первые офицерскіе чины и должны были, въ близкомъ будущемъ, поступить на дѣйствительную службу, хотя и могли еще нѣсколько лѣтъ числиться въ отпуску и оставаться при родителяхъ. И дѣйствительно, ужъ въ февралѣ 1768 года, графиня пишетъ мужу объ одномъ изъ слугъ: «Калмыка къ вамъ посылаю; а другого Ванюшку прикажите мнѣ у себя удержать; онъ около васъ ходить не проворенъ будетъ, а я его для сына прочу; мнѣ необходимо Мишу (старшаго сына) съ будущаго января въ полкъ отпустить, такъ ему и люди, и лошади, и кареты — все уже пріуготовлять».

И съ этой минуты заботы матери получаютъ новое направленіе. Не надѣясь на отца, она сама все начинаетъ подготовлять для сына, вступающаго въ жизнь. Она хлопочетъ о томъ, какъ бы получше устроить ему гнѣздо, подбираетъ ему людей понадежнѣе, подготовляетъ средства для жизни, связи, знакомства и отношенія. Въ этомъ смыслѣ, письма графини представляютъ много своеобразнаго интереса и знакомятъ насъ съ любопытными бытовыми подробностями жизни нашихъ баръ въ прошломъ вѣкѣ. Къ этому именно времени (къ началу 1768 г.) относится одно изъ наиболѣе характерныхъ писемъ графини Екатерины Михайловны, въ которомъ она отвлекается отъ своихъ обыденныхъ отчетовъ мужу о домѣ и дѣтяхъ и вскрываетъ передъ нимъ глубокія раны своего сердца. Напоминая ему о томъ, что для поправленія состоянія имъ бы слѣдовало жить вмѣстѣ и о томъ, что необходимо для ея отдѣльнаго житья съ дѣтьми построить въ Москвѣ новый домъ, вмѣсто стараго, графиня добавляетъ:

«Я нонече хочу образъ молчанія лучше и терпѣнія во всемъ взять, для того, что я вижу себя столь несчастну во всякомъ случаѣ, что знать вѣкъ все противу воли жить, и нашего состоянія нельзя поправить безъ большой перемѣны жизни, а жизнь перемѣнить трудно; со всѣми доходами сочтяся, мы не можемъ ни долгу заплатить, ни дому себѣ построить—и такъ знать вѣкъ доживать. Не осердися Бога ради, я право безъ упрековъ и намѣренія все пишу, подумай, не несчастіе ли всему этому мое причиною, что такую аверсію взялъ для меня, что все въ жизни сакрифируешь, только (бы) не жить со мною... часъ-отъ-часу меня отдаляешь, и наконецъ, будетъ, что и слышать не захочемъ другъ про друга... Черезъ нѣсколько лѣтъ невидавшися съѣхалися и тутъ сколько огорченій въ глазахъ своихъ видѣла!.. И за это благодарна, что

здѣсь опредѣляешь жить—пускай я не свидѣтель всему буду... Не считаю, какъ бы противна я тебѣ ни была, чтобы когда-нибудь ты не вздумалъ—въ какія лѣта я лишена всего удовольствія, не будучи причиною... Никто столько не огорченъ въ жизни, какъ я, безпримѣрная въ несчастіи... да какъ и не огорчаться? Кто спроситъ—для чего къ мужу не ѣду? Вѣдь сказать нельзя, а принуждена на себя сымать... Такъ не всякъ повѣритъ: еще скажетъ, что привязана къ кому, какъ и было со мною. Гудовичъ говоритъ; я ему дѣтей въ резонъ; онъ мнѣ вдругъ на это: для нихъ вамъ тамъ теперь и жить; нонѣшнее бы лѣто имъ практика»...

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, въ нѣсколькихъ письмахъ находимъ любопытныя указанія на домашніе расходы графини, которая перебивалась деньгами изъ копейки въ копейку и, не смотря на это, была вынуждена содержать огромную дворню, которая съѣдала по 40 четвертей хлѣба въ мѣсяцъ и по 10 четвертей издерживала на квасъ[1]. «Подумай, батюшка, что наѣхало людей (къ графинѣ въ деревню)»,—пишетъ мужу Е. М. Румянцова,—«166 человѣкъ на хлѣбѣ дворовыхъ—въ состояніи ли и не этакой сѣвъ прокормить? Нонеча съ хлѣба сбавила фабричныхъ 29 человѣкъ, которые на деньгахъ, да еще и излишнихъ десять убудетъ, а все-таки слишкомъ 100 человѣкъ на хлѣбѣ остается.»

Сборы сына къ отправкѣ въ Петербургъ на службу также всецѣло выпали на долю «покорной и вѣрной жены», которой приходилось безпрестанно напоминать мужу о нуждахъ юноши. «Пріѣхали въ Москву», — пишетъ она, — «денегъ ни копейки въ домѣ нѣтъ, принуждена на счетъ доходовъ занимать, чѣмъ жить, да и сына большого собирать, какъ зимой въ Петербургъ отпускать:—карету, коляску покоевую, ему дѣлать, только верховой лошади нѣтъ, пожалуй, батюшка, постарайся, какъ-нибудь смирную ему достать, нельзя ему безъ верховой лошади». Въ другомъ письмѣ, опять о томъ же: «О большомъ (сынѣ) и, батюшка, къ тебѣ писала, что въ январѣ уже отпускаю въ полкъ. И такъ прошу назначить, сколько ему въ годъ опредѣлить денегъ: я ему все изготовлю, что надобно, и карету уже заказала дѣлать. Четыре лошади, три коренныхъ, одну верховую — той-то у меня не достаетъ. Да пришли пожалуй пару пистолетъ, у него нѣту; есть очень дурные, а мнѣ помнится, у тебя много. Да пять человѣкъ людей, то есть камердинеръ его Кылмовъ, и два лакея, два конюха. Почитаю, довольно для него будетъ». Въ письмѣ отъ февраля 1769 г., графиня, пишетъ наконецъ, что она «сына отпускаетъ, ему все изготовила, теперь и платье ему дѣлаетъ, и съ проѣздомъ (въ Петербургъ) и на

---

[1]) Четверть хлѣба, какъ оказывается, обходилась тогда въ 3 р. сер. слѣдовательно 50 четвертей стоили 150 р.—Сумма очень крупная по тому времени и по цѣнѣ денегъ.

годъ чѣмъ жить 600 р. взяла для него» [1]. Графинѣ очень хотѣлось, чтобы отецъ взялъ къ себѣ сына на службу, но графъ не изъявилъ на это согласія, и вызвалъ этимъ довольно колкій укоръ со стороны жены. «Что принадлежитъ до сына, я вѣдь съ тѣмъ и писала, какъ ты разсудишь, а это напрасно сказать, что нѣтъ хуже, чтобы съ отцемъ служить. Когда бы ты не при отцѣ въ то время былъ, какъ миръ со шведами, такъ бы въ 17 лѣтъ не былъ полковникомъ...» [2] Графъ впрочемъ оставилъ, вѣроятно, и этотъ укоръ безъ вниманія; онъ не отозвался на него точно такъ же, какъ не отозвался и на просьбы жены о высылкѣ сыну верховой лошади и пистолетовъ, какъ мы это видимъ изъ ея письма отъ февраля 1769 г.: «Мишкинъ обозъ (пишетъ графиня) послѣ завтра въ Петербургъ отправляю, а его на первой недѣлѣ великаго поста отпущу. Обѣщалъ ему пару пистолетовъ прислать, пожалуй, буде есть лишніе; я уже и лошадь верховую нашла для него.» Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, графиня пишетъ къ мужу, что «Миша въ Петергофѣ наряженъ съ командою, только-что ночуетъ въ полку, а то у великаго князя и обѣдаетъ, и ужинаетъ.» Но это нахожденіе сына на дѣйствительной службѣ и это вниманіе къ нему великаго князя не могло еще успокоить нѣжную и заботливую мать, которая прекрасно сознавала всѣ недостатки воспитанія своего сына и всю неполноту его образованія. Въ августѣ того же года она пишетъ мужу: «Я писала къ сыну, чтобы онъ просился въ отпускъ до мая; мнѣ хочется, чтобы онъ еще зиму-то поучился для математеки и нѣмецкаго языка, а то онъ тамъ не имѣетъ времени, такъ жаль, что меньшіе здѣсь учатся, а онъ отстанетъ».

И не смотря на полнѣйшее невниманіе со стороны отца, не смотря на то, что большую часть совѣтовъ и предложеній графини онъ оставлялъ безъ всякаго отвѣта или встрѣчалъ съ холоднымъ равнодушіемъ—Екатерина Михайловна не унималась, и съ настойчивостью женщины и любящей матери продолжала свое дѣло... «И капля долбитъ камень», гласитъ пословица; и эта высокодобродѣтельная женщина также добивалась, въ концѣ-концовъ, своихъ цѣлей. «Еще хочу припомнить, только не осердися»,—приписываетъ она къ одному изъ своихъ писемъ,—«нѣту ли старыхъ мундировъ, галуновъ, или шитыхъ, навыжигу:—я бы (изъ) серебра, что сдѣлала. Мундиры очень выгодно выжигать, потому что все канитель, а носить же ихъ некому; только не выбрани меня, я, право, вздумала: чѣмъ имъ лежать, такъ меня теперь дѣти разоряютъ, имъ все собираю». Мы не видимъ изъ писемъ, пожаловалъ ли графъ гра-

[1] Итакъ, поручику конной гвардіи, въ то время, достаточно было 600 рублей, чтобы прожить годъ, содержа четверку коней и пять человѣкъ прислуги.

[2] Графъ П. А. Румянцовъ былъ присланъ своимъ отцомъ въ Петербургъ съ Абовскимъ мирнымъ договорамъ (1743).

финѣ мундиры «на выжигу» или отвѣчалъ ей на это «ругательски»; но черезъ нѣсколько писемъ видимъ опять просьбу со стороны графини. Она уговариваетъ мужа продать шпагу, осыпанную бриліантами, и прилагаетъ записку ювелира, который желаетъ выдать за нее 7,688 р.—«Мнѣ разсудилось»,—пишетъ графиня,—«не лучше ли, что это мертвый капиталъ лежитъ, такъ бы ее продать и эти деньги бы употребить, куда тебѣ угодно». И затѣмъ слѣдуютъ новыя жалобы на дороговизну, на нужду въ деньгахъ для достройки московскаго дома, на покрытія домашнихъ издержекъ и т. д. Изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что графъ далъ согласіе на продажу шпаги; но графиня не воспользовалась этимъ предложеніемъ и совсѣмъ иначе распорядилась шпагой. Пять лѣтъ спустя, въ періодъ наибольшей славы Румянцева, жена пишетъ ему: «Сказывали мнѣ, что при прощаньѣ тебѣ эполетъ бриліантовый пожалованъ. И такъ, батюшка, ты теперь совсѣмъ наряденъ, и я хочу у тебя просить вещь ту, которая у тебя безъ всякаго употребленія—портретъ короля прусскаго, который вѣдь тебѣ николи не носить, а я бы съ прибавкою своихъ (бриліатовъ) себѣ на шею сдѣлала что-нибудь. Да боюсь, что осердишься; знаю, что и заочно скажешь, кстати ли старухѣ наряжаться? Это правда, да когда въ обычаѣ, что и старыя носятъ алмазы, такъ мнѣ въ моихъ ходить стыдно, будучи твоею женою и въ постѣ этомъ; а шпагу ломать, та, которую ты давно мнѣ пожаловалъ, жаль для сыновей. А я прошу меня извинить, коли это тебѣ противно покажется, что я прошу». Изъ всего письма ясно, что графиня, выпрашивая себѣ алмазы на уборъ, менѣе всего заботится о своихъ нарядахъ; выставляя на видъ приличія и требованія свѣтской жизни, она, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду—отобрать отъ своего расточительнаго супруга излишніе алмазы и присоединить ихъ къ общей семейной сокровищницѣ. Ей не хочется видѣть ихъ на другой «особѣ», и она проситъ ихъ себѣ, потому что «дѣтямъ своимъ собираетъ».

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1774 г., когда второму сыну, Николаю, минуло 20 лѣтъ, а третьему, Сергѣю, 19 — графиня добилась выполненія своего давняго желанія: она могла отправить сыновей за границу и доставила имъ возможность путешествовать по Европѣ съ извѣстнымъ Гриммомъ, которому они и обязаны тѣмъ, что получили хорошее образованіе. Путешествіе ихъ продолжалось два года, и опять-таки было сопряжено для графини съ непрерывными хлопотами и заботами. Отецъ выдавалъ деньги на путешествіе такъ скупо, что матери безпрестанно приходилось напоминать отцу о нуждахъ дѣтей. Въ январѣ 1776 года она даже прямо пишетъ графу: «вижу изъ письма вашего, что отъ васъ имъ (дѣтямъ) помощи не будетъ; такъ не прикажете ли имъ уже изъ Италіи прямо сюда ѣхать, хотя Франціи, ни Англіи не видали. А я на весь свѣтъ

пошлюся, что этими деньгами, что вы имъ пожаловали, тремъ господинамъ (ихъ двое, да Гриммъ) и три слуги—нечѣмъ ѣздить».

И едва только графиня Румянцова успокоилась на счетъ своихъ путешественниковъ, какъ для нея настали и новыя хлопоты. Старшій сынъ уже нѣсколько лѣтъ былъ на службѣ и успѣлъ даже выказать, что онъ «страсть великую къ службѣ имѣетъ» [1])... Теперь матери хотѣлось окончательно успокоиться на его счетъ—хотѣлось пристроить сына... Во всѣхъ своихъ письмахъ къ мужу, графиня, въ числѣ прочихъ новостей, постоянно извѣщала его о свадьбахъ, которыя ожидались въ Москвѣ, о выгодныхъ партіяхъ, которыя дѣлалъ тотъ если другой изъ знакомыхъ графа. Когда же старшій сынъ подросъ и вступилъ въ службу, она, видимо, стала еще съ большимъ интересомъ слѣдить за этими партіями—но уже съ нѣсколько-эгоистическими цѣлями. Наконецъ, въ февралѣ 1775 года, она написала мужу слѣдующее, чрезвычайно любопытное письмо, прекрасно характеризующее и заботливость предусмотрительной матери, и современные взгляды на супружество:

«Я съ тѣмъ письмо сіе начинаю писать, что ты скажешь обо мнѣ: съ ума сошла. Вотъ яснѣе тебѣ скажу, что здѣсь теперь первая невѣста и по богатству, и по достоинству—графиня Головкина, дочь Гаврила Иваныча. Я же слышу съ ихъ стороны отзывы, что имъ хочется (отдать дочь) за сына нашего, и хотятъ, чтобы прежде его узнать, какъ сіе и натурально. Я же и вижу, что у него склонности къ женитьбѣ и нѣту, да и я, право, не пропозировала объ этой невѣстѣ; услыша все сіе, заставляетъ думать, что партія теперь первая, которая здѣсь почитается и многіе молодые уже и сватаются. Она воспитана по старинѣ, больше дома сидитъ. Мать безъ себя не пускаетъ, а сама за болѣзнью отцовскою рѣдко ѣздитъ. За нею даютъ 2,000 душъ навѣрно, а другіе увѣряютъ, что четыре; подмосковную по Троицкой дорогѣ очень хорошую; на 50 тысячъ приданаго и деньгами нѣсколько. Это все по сторонѣ слышу. А никогда не входила въ подробности, чтобы разспрашивать; а то скажу, что и ее хвалятъ. Да и мудрено ли ей быть богатой: у отца ихъ двое только, а богатство въ домъ со всѣхъ сторонъ придетъ—послѣ бабушки шуваловскія, послѣ Костуриныхъ; она же у всей семьи любимая. Такъ мнѣ хочется знать, что какъ твоя воля будетъ на это, согласишься ли его женить. Я, конечно, знаю, Михайла Петровичъ [2]) изъ воли нашей не выйдетъ; когда это намъ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 15 мая 1771 г., графиня проситъ мужа, чтобы онъ принялъ двухъ старшихъ сыновей къ себѣ волонтерами, или дозволилъ имъ волонтерами поступить во 2-ю армію, и добавляетъ: «Это вѣдь все отъ страсти большого сына; спитъ и во снѣ видитъ, и всѣмъ сказываетъ, что не хочетъ быть придворнымъ»...

[2]) Чрезвычайно любопытно то, что, въ данномъ случаѣ, мать называетъ сына «Михайла Петровичъ», а не Миша и не Мишка, какъ въ предшествующихъ письмахъ.

надобно, такъ онъ женится. Не думай обо мнѣ, чтобы я его принудила; нѣтъ, батюшка, я резонабельная мать: ежели онъ не захочетъ, ничто меня не прельститъ; а разсуждаю, что партія такая хорошая, на что бы упускать... И такъ прошу мнѣ отписать, какъ ты думаешь, потому я и мѣры буду свои брать;... а онъ (т. е. сынъ) хотя не говоритъ о женитьбѣ своей, а видно, что ему непротивно, что первую невѣсту препозируютъ. Я тѣмъ кончу, чѣмъ начала, что ты меня расхохочешь, что съума сошла сына женить; только прошу не сказывать, что пишу».

Письма графини Румянцовой выставляютъ ее въ весьма выгодномъ свѣтѣ не только какъ горячую и заботливую мать, не только какъ «покорную и вѣрную жену», но и какъ рачительную, бережливую хозяйку, которая, при самыхъ незначительныхъ средствахъ, умѣла изворачиваться среди множества расходовъ, среди заботъ о промышленныхъ затѣяхъ мужа, среди разнообразныхъ требованій, заявляемыхъ одновременно и со стороны приличій свѣта, и со стороны фабричныхъ производствъ, заведенныхъ въ различныхъ имѣніяхъ графа, и со стороны тѣхъ подрядовъ, которые онъ принялъ на себя передъ правительствомъ. Екатерина Михайловна, какъ умная и толковая женщина, всюду поспѣвала, и со всѣмъ умѣла управиться во-время. Никакія заботы ее не пугали, если сердце ея было спокойно на счетъ мужа и дѣтей. Хлопоты и расчеты по обширному городскому и деревенскому хозяйству ни мало не отклоняли ея мысли отъ различныхъ улучшеній, которыя, по ея мнѣнію, слѣдовало бы внести и въ скотоводство, и въ обработку земли, и въ управленіе имѣніями, и въ отчетность управляющихъ, и въ фабричныя производства, которыя она внимательно изучала на мѣстѣ. Не забывая при этомъ ни о свѣтскихъ приличіяхъ, ни объ отношеніяхъ къ «нужнымъ людямъ», графиня успѣвала и выѣзжать, и выполнять всѣ свѣтскія обязанности,—и въ то же время, ни на минуту, не упускала изъ виду даже мелочныя потребности своего прихотливаго мужа-щеголя, на котораго по ея собственному признанію, «не легко было угодить». Внимательно прослѣдивъ дѣятельность графини по ея письмамъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что именно ей слѣдуетъ приписать постепенное накопленіе и разумное охраненіе того огромнаго состоянія, которое, понемножку и съ теченіемъ времени, собралось въ рукахъ ея дѣтей. Не имѣя возможности ознакомить читателя съ хозяйственною и экономическою дѣятельностью домовитой и умной графини, мы позволяемъ себѣ указать только еще на одну, чрезвычайно любопытную сторону писемъ Е. М. Румянцовой: на собственно историческій интересъ ихъ: отзывы графини о современныхъ дѣятеляхъ, характеристики ихъ (мѣстами чрезвычайно тонкія и мѣткія) и, въ особенности, описанія нѣкоторыхъ историческихъ событій, происходившихъ въ Москвѣ и въ томъ слоѣ общества, который былъ доступенъ на-

блюденіемъ графини. Многія изъ этихъ описаній и характеристикъ вполнѣ заслуживаютъ упоминанія:

«Сегодняшній день», — пишетъ графиня отъ 18 октября 1768 года,—«публичная на площади экзекуція была Салтыковой [1]), Глѣба Алексѣевича женѣ, которая 8 лѣтъ подъ карауломъ содержалася по доносу людей ея на нее. Такову злость имѣла и тиранила, что 150 душъ умертвила, и, сказываютъ, въ 70 сама призналась; и попа деревенскаго и девять человѣкъ людей наказаны: попъ вѣдалъ, хоронилъ, а люди, для чего прежде не доносили на нее. И посадятъ ее въ Ивановскій монастырь, въ землянную тюрьму, гдѣ свѣту видѣть не будетъ, и пить, и ѣсть хлѣбъ да воду въ окошко опускать будутъ. Ее исключить изъ дворянства, ни Салтыковою не называть, ни Ивановою, что по отцѣ слыла. Злость ея столь далеко (шла), что меньшому сыну, прошлаго году, глаза хотѣла выколупать. Иванъ Алексѣичъ, такъ какъ дядя, взялъ къ себѣ и въ полкъ отправилъ».

Любопытныя подробности сообщаетъ графиня мужу о встрѣчѣ, приготовленной императрицѣ Екатеринѣ костромскимъ дворянствомъ. «Въ Костромѣ»,—пишетъ графиня,—«встрѣча была государынѣ съ манеру рижскаго: были выбраны изъ дворянокъ 20 дѣвочекъ наряжены пастушками, кои бросали цвѣты по дорогѣ; обѣдъ давало дворянство, кушанье на столъ ставили и носили дворяне, и за столомъ стояли у государыни двѣ дѣвушки изъ дворянокъ, и государыня изволила быть очень довольна, и чужестранные всѣ очень хвалятъ. Да еще новизну (сообщу) смѣшную изъ Казанской губерніи, а котораго города не упомню: выборъ дѣлалъ воевода, и выбрали барыню въ депутаты, и пишетъ рапортъ, что она въ силу указовъ и въ лѣтахъ тѣхъ, никакихъ продерзостей за ней, ни начетовъ не знаютъ, и всѣ сіи достойности описываетъ; однако, Сенатъ послалъ указъ, что и воеводу смѣнить за это».

Описывая сборы Петра Ивановича Панина на югъ Россіи, на мѣсто Румянцова, назначеннаго главнокомандующимъ арміею, выставленною противъ турокъ, графиня очень вѣрно судитъ и о современныхъ дѣлахъ, и о людяхъ, и о военныхъ дѣйствіяхъ. «Петру Ивановичу Панину,—пишетъ она,—пожалованы палатки и лошади верховыя съ уборами, на подъемъ также получилъ и столовыя деньги; Бибикова Александра Ильича съ собою беретъ; изъ первой арміи, чаю, Рѣпнина возьметъ; хорошо такъ воевать, что брать, кого гдѣ хочетъ... Когда работали, чтобы брата смѣнить, и вину причли что Хотинъ не взятъ—такъ безъ осадной артиллеріи, сказываютъ, нельзя было городъ взять; когда бы сикурсъ такой большой неподоспѣлъ, могли бы голодомъ принудить сдаться. Такъ, буде правда, такъ вина братнина не столько велика. И думалъ Петръ Ивано-

[1]) Извѣстной «Салтычихи».

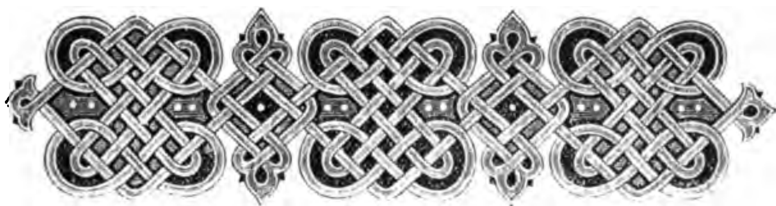
вичъ, что онъ поѣдетъ брата смѣнять, а какъ увидилъ, что на твое мѣсто, сказываютъ, весьма чувствительно стало, и сталъ собирать (людей) съ собою».

Отъ 20-го марта 1774 года графиня сообщаетъ графу изъ Петербурга, съ **вѣрнымъ человѣкомъ**, весьма важныя новости: «Сколько новаго перемѣнилося по пріѣздѣ Григорія Александровича (Потемкина)! Здѣся мнѣ писать тебѣ нечего, что онъ значитъ; только все странною манерою идетъ, — не такъ какъ прежде. Въ публикѣ содержана благопристойность, такъ что и отмѣны никакой нѣту, а больше все старыхъ менажируютъ. Подполковничество гвардіи ихъ съ ногъ срѣзало и доказываетъ, что онъ преодолѣлъ, потому что Алексѣй Григорьичъ (Орловъ) здѣся и въ бытность его, при немъ опредѣляется другой въ полкъ. Григорій Александрычъ теперь ту методу ведетъ, что оказываетъ, что во всѣхъ ищетъ дружбы... только я теперь считаю, ежели Потемкинъ не отбояритъ пяти братовъ (Орловыхъ), такъ опять имъ быть великимъ. Правда, что онъ уменъ, и можетъ взяться такою манерою, только для него одинъ пунктъ тяжелъ, что великій князь не очень любитъ, и по сю пору съ нимъ ничего не говорилъ»...

Затѣмъ, графиня совѣтуетъ мужу, сообразуясь съ обстоятельствами, обращаться теперь со всѣми дѣлами къ Потемкину, который «очень графу служилъ, и много ея (императрицы) мнѣніе (о Румянцовѣ) перемѣнилъ... Онъ, какъ бывъ въ арміи, все знаетъ, переговорить наединѣ все можетъ; а повидимому, хотя султанъ и новый, а къ миру дороги не видать. Здѣсь было заговорили о семъ, да нѣчто утихло, что на тебя эту комиссію положать».

Заканчивая этимъ занимательнымъ письмомъ наши выдержки изъ любопытной и весьма назидательной переписки графини Е. М. Румянцовой, мы полагаемъ, что всѣ интересующіеся нашей стариной, вмѣстѣ съ нами, порадуются появленію въ печати этихъ простыхъ, искреннихъ писемъ, важныхъ не только въ историческомъ и бытовомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ. На этихъ страницахъ передъ нами—цѣлая жизнь женщины, со всѣми ея страданіями, пожертвованіями, заботами, дрязгами, мелочами и разсчетами. Перечитывая эти письма, слѣдя внимательно за ихъ внутреннею связью, мы невольно олицетворяемъ передъ собою образъ той русской женщины, которая, пренебрегая всякими резонерствами, всякими побрякушками теорій, принциповъ и разглагольствованій о правахъ и свободѣ, всецѣло посвящала себя только одному святому дѣлу: — выполненію обязанностей жены и матери. И только сознаніе выполняемаго долга давало ей возможность забывать о ея тяжкихъ горяхъ и неудачно-сложившейся жизни, и въ минуты колебанія прибѣгать къ Тому, «чье иго не тяжко и бремя легко». Пожелаемъ же и нашему вѣку поболѣе такихъ матерей и женъ!

П. П.

МИѲОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЙ, СОВЕРШАЕМЫХЪ ПО СУЕВѢРІЮ[1].

ЛИЖАЙШЕЕ знакомство съ народнымъ бытомъ и успѣхи изученія обычнаго права раскрыли цѣлый рядъ чрезвычайно любопытныхъ явленій уголовнаго характера, удовлетворительное объясненіе которыхъ можетъ быть дано только при помощи археологіи, раскрывающей отдаленныя времена язычества. Я говорю о преступленіяхъ, совершаемыхъ по суевѣрію, которыя встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это можно было думать. Не смотря на то, что суевѣрію, какъ источнику преступленій, изслѣдователями народнаго быта было оказано сравнительно второстепенное вниманіе, помѣшавшее полнѣе и глубже раскрыть объемъ его вліянія, уже сдѣланное достаточно для заключенія, что названному обстоятельству принадлежитъ не маловажная роль въ области преступныхъ посягательствъ. Обычаи заворовыванія, опахиванія, преступная практика разрытія могилъ съ суевѣрными цѣлями и насилія надъ колдунами и вѣдьмами, служатъ достаточнымъ тому доказательствомъ. Наблюденія народнаго быта

---

[1]) Источники. Аѳанасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», 3 т. М. 1866—1869; Якушкинъ, «Обычное право», 1875 г.; Котляревскій, «Погребальные обычаи славянъ», М. 1868; Кирпичниковъ, «Далеко ли мы ушли отъ миѳическаго міросозерцанія», Новь, 1884 г. кн. 1-я; Бестужевъ-Рюминъ, «Русская Исторія», т. 1-й, Спб. 1872; Срезневскій, «О языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ», 1848 г.; Фаминцынъ, «Божества древнихъ славянъ»; Терещенко, «Бытъ русскаго народа», ч. IV, Спб. 1848; Снегиревъ, «Русскіе въ своихъ пословицахъ», 1831 г., ч. II-я; Буслаевъ, «Вліяніе христіанства на славянскій языкъ», М. 1848; Калинскій, «Церковный мѣсяцесловъ на Руси».

показываютъ, что въ формѣ этихъ обычаевъ скрываются довольно разнообразныя преступленія, какъ-то:—убійства, тѣлесныя поврежденія, истребленіе и поврежденіе чужого имущества, святотатство или церковная кража,—преступленія, изъ коихъ нѣкоторыя, особенно имущественныя, случаются довольно часто. По словамъ знатоковъ обычнаго права, противозаконное разрытіе могилъ большею частью совершается не съ цѣлью ограбленія мертвыхъ, а подъ вліяніемъ народнаго суевѣрія и часто считается не преступленіемъ, а гражданскимъ долгомъ. Далѣе, опахиваніе, весьма часто предпринимаемое крестьянами во время господства въ селахъ и деревняхъ повальныхъ болѣзней, рѣдко обходится безъ причиненія насилія лицамъ и особенно безъ истребленія животныхъ, встрѣчающихся на пути. Наконецъ, случаи жестокой расправы съ колдунами и вѣдьмами, заподозрѣнными въ причиненіи частныхъ и общественныхъ бѣдъ, расправы, иногда оканчивающейся убійствомъ, слишкомъ извѣстны по своей многократности изъ газетъ, чтобы объ этомъ слѣдовало много говорить. Рѣже повидимому практикуется обычай заворовыванія, но это можно сказать только вообще, а не объ отдаленныхъ губерніяхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ обычай сохраняетъ большую жизненную силу.

И такъ, важное значеніе суевѣрія, какъ одного изъ факторовъ преступности, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Отсюда сама собою вытекаетъ и важность вопроса о внутреннемъ смыслѣ этого суевѣрія, о его происхожденіи. Наука не можетъ ограничиться изученіемъ внѣшней стороны явленія, способовъ и формъ его обнаруженія; она стремится проникнуть въ его внутреній смыслъ, въ его глубину. Пытаясь посильно отвѣтить на постановленный вопросъ, мы изученію внутренняго смысла суевѣрія предпошлемъ изложеніе его формы, его содержанія.

1) Опахиваніе. Обрядъ этотъ совершается такимъ образомъ. Старуха-повѣщалка, большею частью вдова, выходитъ въ полночь въ одной рубахѣ на околицу и съ дикимъ воплемъ бьетъ въ сковороду; на ея призывъ сходятся бабы и дѣвки съ разными хозяйственными орудіями—сковородами, кочергами, ухватами, косами, серпами, дубинками, помялами, вѣниками и т. п. Собравшіяся женщины даютъ знать мужчинамъ, чтобы тѣ не смѣли показываться на улицу, послѣ чего ворота во всѣхъ домахъ запираются, скотъ загоняется въ хлѣва, собакъ привязываютъ. Тогда повѣщалка, сбросивъ съ себя рубаху, клянетъ смерть, другія же женщины привозятъ соху, въ которую обыкновенно запрягаютъ старуху-повѣщалку, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ—незазорныхъ дѣвъ или бабу-неродицу; на старуху же повѣщалку налагаютъ въ однихъ мѣстахъ и хомутъ, а въ другихъ—его кладутъ на обнаженную вдову. Затѣмъ открывается троекратное опахиваніе вокругъ села, т. е. обведеніе его замкнутою круговою чертою съ отваливаніемъ земли

въ противоположную отъ села сторону, при чемъ шествіе происходитъ въ такомъ порядкѣ: впереди несутъ образъ св. Власія, если бываетъ чума рогатаго скота, св. Флора и Лавра, если бываетъ падежъ лошадей, при этомъ курятъ ладономъ или цѣлебными травами; далѣе идутъ женщины съ зажженными пучками соломы, сѣна или лучины; за ними ѣдетъ на помелѣ въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами старуха, сопровождаемая сохой. Слѣдующая позади толпа при страшномъ трескѣ и звонѣ, производимомъ ударами въ заслонки, сковороды, тазы, чугуны, горшки и косы, а также ударами кнута, пляшетъ, вертится, кривляется и, останавливаясь предъ каждымъ дворомъ, бѣшенно кричитъ: «бей, сѣки, руби коровью смерть или холеру! згинь, пропади, черная немочь! запашу, заколю, загребу, засѣку, замету!» Если при этомъ попадется навстрѣчу какое-либо животное, то его немедленно убиваютъ въ полномъ убѣжденіи, что это смерть, принявшая видъ оборотня; то же повѣрье распространяется и на встрѣчныхъ мужчинъ, которыхъ бьютъ безъ жалости, чѣмъ попало, забивая иногда до смерти. По народному вѣрованію, кое-гдѣ доселѣ уцѣлѣвшему, самое рѣшительное средство для прекращенія повальной болѣзни — холеры, чумы—это зарытіе живого человѣка въ могилу; въ силу этого бывали примѣры самопожертвованія: бросали жребій и того, на кого онъ падалъ, живымъ зарывали въ землю съ пѣтухомъ, собакою и черною кошкою. Въ 40-хъ годахъ въ одномъ селеніи для прекращенія холеры столкнули въ приготовленную могилу старуху и живьемъ ее засыпали землей; а въ 61-мъ году въ Туруханскомъ краѣ одинъ крестьянинъ для прекращенія повальной болѣзни закопалъ въ землю дѣвочку, свою родственницу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на мѣстѣ падежа первой зачумленной скотины приготовляютъ яму и въ ней зарываютъ падаль вмѣстѣ съ собакой, кошкой и пѣтухомъ, привязанными къ хвосту падшей скотины; въ Нижегородской губ. для прекращенія сибирской язвы вбиваютъ на перекресткахъ осиновые колы и посыпаютъ улицы пепломъ нарочно-сожженной собаки. Иные еще дѣлаютъ такъ: вечеромъ сгоняютъ весь скотъ на одинъ дворъ, ворота котораго запираютъ и караулятъ до утра, а съ разсвѣтомъ разбираютъ весь скотъ, выпуская его осторожно поодиночкѣ; если останется хоть одна лишняя корова неизвѣстнаго хозяина, то ее принимаютъ за коровью смерть, взваливаютъ на полѣнницу и сожигаютъ живьемъ. По народному убѣжденію, всякое живое существо, первымъ заболѣвшее повальною больнью, есть супостатъ нечистой силы и проводникъ смерти; отъ него зараза быстро переходитъ на все окрестное населеніе[1]).

---

[1]) Терещенко, VI, 40—48; Аѳанасьевъ, ib, I, 565—568, III, 114—115, 523—524; Калинскій, тамъ же, 362—363; Котляревскій, ib, 33; Якушкинъ, ib, XXXV.

Такова форма обычая опахиванія. Но гдѣ же, спрашивается, скрывается его начало, его происхожденіе? Послѣднее слѣдуетъ искать въ тѣхъ миѳологическихъ вѣрованіяхъ, которыя соединялись въ фантазіи первобытнаго человѣка съ ежегодной смѣной зимы весной. Съ зимой онъ соединялъ представленіе о временномъ періодическомъ снѣ или смерти природы, которая съ наступленіемъ весны пробуждается къ жизни; это представленіе его богатая фантазія претворила въ живые образы, въ стихійныя существа смерти, синонимъ зимы и жизни, миѳической красавицы, синонимъ весны. Наступленіе весны у всѣхъ арійскихъ народовъ встрѣчалось торжественными обрядами, съ которыми соединялся и обрядъ изгнанія смерти; послѣдній былъ ничто иное, какъ эмблема небесной грозы, разбивающей огненными стрѣлами, ударами Перуна, нечистую силу, сковавшую облака на время зимы въ мрачныя тучи, подземелья, которыя вмѣстѣ съ небеснымъ золотомъ-молніей всецѣло подчинены ея власти; весеннія грозы—громы Перуна, освобождая молнію и разражаясь ею, освобождаютъ также небесныя стада—облака изъ-подъ власти нечистой силы и изливаютъ животворную влагу—дождь на поля. Этотъ обрядъ у насъ извѣстенъ подъ именемъ опахиванія, которое съ теченіемъ времени метафорически пріобрѣло то исключительное значеніе, которое оно имѣетъ теперь, а именно способа изгнанія повальной смерти живыхъ тварей. Какъ эмблема небесной грозы, побивающей нечистую силу, опахиваніе должно страхомъ Перуновыхъ ударовъ изгнать моровую язву, олицетворящую эту темную силу. Сообразно съ такимъ символическимъ значеніемъ даннаго обряда создана и вся обстановка его: дѣйствующія лица въ обрядѣ—бабы и дѣвки, большею частію совершенно нагія или въ однихъ бѣлыхъ рубахахъ съ распущенными волосами, совпадаютъ съ народнымъ представленіемъ о вѣдьмахъ, доящихъ весенія тучи и насылающихъ на землю дожди; ихъ, т. е. бабъ и дѣвокъ, дѣйствія сходны съ дѣйствіями въ небесныхъ пространствахъ облачныхъ женъ и дѣвъ: ихъ бѣшеная пляска—эмблема бурнаго полета тучъ, звонъ и стукъ—эмблема громовыхъ раскатовъ, а поѣздъ на помелѣ—стремительныхъ вихрей.

Что же касается истребленія животныхъ и насилій надъ людьми, совершаемыхъ во время обряда опахиванія, то это ничто иное, какъ остатокъ общественной умилостивительной жертвы, приносившейся, надо думать, Волосу, въ началѣ какъ солнечному божеству, подателю всѣхъ благъ, а затѣмъ какъ покровителю, главнымъ образомъ, скота, перешедшаго съ принятіемъ христіанства въ св. Власія. Въ жертву приносили какъ людей, такъ и животныхъ, и, вѣроятно, съ пріобрѣтеніемъ опахиваніемъ исключительнаго значенія способа изгнанія повальной смерти живыхъ тварей, главнымъ образомъ, тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались болѣзни, какъ супостатовъ и проводниковъ нечистой силы въ образѣ смерти. Закланіе ихъ

вмѣстѣ съ идей умилостивленія божества соединяло также и мысль объ очищеніи отъ скверны, грѣха, нечистой силы. Зарытіе въ землю зараженнаго повальной болѣзнью человѣка исторгаетъ изъ него злого демона, нечистую силу, которая уходитъ изъ царства жизни въ подземное царство смерти. Жертвы приносились не только въ формѣ закланія, зарытія въ землю, но и въ формѣ сожженія, на что указываетъ приведенный обычай посыпанія улицъ въ Нижегородской губ. пепломъ нарочно-сожженной собаки, а также сожиганія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на полѣнницѣ коровы неизвѣстнаго хозяина, оставшейся по разборкѣ скота, изъ одного двора каждымъ хозяиномъ по принадлежности. Въ частности, истребленіе животныхъ и избіеніе людей, встрѣчающихся на пути во время совершенія обряда опахиванія, находитъ свое объясненіе въ тѣхъ же жертвоприношеніяхъ, въ связи съ народнымъ повѣрьемъ въ оборотней, въ которые превращается смерть, принимающая видъ животныхъ или людей. Такъ какъ опахиваніе есть огражденіе села или деревни замкнутою чертою, за которую смерть не можетъ переступать, то понятно, что встрѣчающаяся на дорогѣ нечистая сила или смерть, превратившаяся въ оборотня, должна быть истреблена, дабы опахиваніе достигло своей цѣли, убіеніе ихъ также скрывало въ себѣ двѣ идеи—жертвы и очищенія [1]).

2) Заворовываніе. Оно состоитъ въ томъ, что въ ночь предъ Благовѣщеніемъ воры совершаютъ какую-либо кражу, поставляя себѣ цѣлью—не цѣнность вещи, а искусство, ловкость исполненія воровства; согласно съ этимъ, они нерѣдко вещь, похищенную въ эту ночь тайкомъ у сосѣда, возвращаютъ ему добровольно на слѣдующій день. Крестьяне вѣрятъ, что искусная, ловкая кража въ ночь предъ Благовѣщеніемъ обезпечиваетъ удачный и безопасный промыселъ воровства на цѣлый годъ [2]). Внутренній смыслъ этого обычая весьма теменъ; мы позволимъ себѣ предложить слѣдующую догадку. Въ старину, уходящую ко временамъ язычества, новый годъ считался съ марта мѣсяца, со дня установленія весны, когда лѣто, по народному убѣжденію, побѣждало зиму. Этотъ день съ принятіемъ христіанства совпалъ съ праздникомъ Благовѣщенія. Такимъ образомъ, по языческимъ вѣрованіямъ, наканунѣ нынѣшняго дня Благовѣщенія въ природѣ совершался чрезвычайно важный переворотъ; лѣто, вступивши съ начала марта въ борьбу съ зимой,

---

[1]) Фаминцынъ, ib, 58; Срезневскій, ib, 71—80; Аѳанасьевъ, ib; Бестужевъ-Рюминъ, ib, 14.

[2]) Якушкинъ, XXXIV, Калинскій, ib, 369—380. Въ прямой связи съ обычаемъ заворовыванія наканунѣ Благовѣщенія, надо думать, стоитъ и обычай ужельщиковъ похищать другъ у друга крючки для болѣе счастливой ловли наваги, а также обычай похищенія вещей съ св. мощей для улучшенія хозяйства. См. Кирпичниковъ, ib, 68; «Московскія Вѣдомости» 1884 года, № 354; сообщилъ Е. И. Якушкинъ.

въ это время довершало свою борьбу, испытывало самый рѣшительный ея актъ. Героями этой борьбы были, съ одной стороны, богъ-громовникъ и карлики-молніи, а съ другой — демоны и великаны тучъ. Наканунѣ Благовѣщенія богъ-громовникъ, являясь въ страну великановъ, въ ихъ темныя облачныя подземелья, старается какъ можно легче и хитрѣе похитить у нихъ свои грозные атрибуты—громъ и молнію, дабы успѣшнѣе одержать побѣду надъ демонами-великанами, и чѣмъ удачнѣе онъ выполнялъ свою задачу, чѣмъ грознѣе разражались его громоносные удары, тѣмъ побѣдоноснѣе вступало лѣто въ своя права, тѣмъ болѣе оно изливало золотыхъ лучей на землю, тѣмъ болѣе, наконецъ, изливалось на землю живой, благотворной воды-дождя. На эти мысли указываютъ и народныя примѣты, согласно которымъ если пойдетъ дождь на Благовѣщеніе, то родится рожь, а если разразится гроза, то будетъ теплое лѣто и много орѣховъ. Отсюда само собою возникло представленіе о богѣ-громовникѣ, какъ о хитромъ татѣ и покровителѣ воровства, представленіе, которое особенно перешло на его аттрибутъ—молнію, какъ на такое явленіе, которое какъ бы само собою подсказываетъ мысль о ловкости, изворотливости, проворствѣ, отличительныхъ чертахъ искуснаго вора. Вотъ почему въ сказкахъ карлики-молніи изображаются чрезвычайно изворотливыми и искусными ворами, смѣло проникающими въ демонскіе вертепы и ловко уносящими оттуда красавицъ, разное богатство и драгоцѣнности—олицетвореніе благотворныхъ силъ весенней природы; вотъ почему и самое слово воръ этимологически выражаетъ идею искуснаго, ловкаго хищника [1]). Послѣ сказаннаго, внутренній смыслъ обычая заворовыванія раскрывается въ такомъ видѣ: это ничто иное, какъ перенесеніе представленія о богѣ-громовникѣ и карликахъ-молніи, стремящихся искуснымъ похищеніемъ у демоновъ-великановъ благотворныхъ весеннихъ силъ природы наканунѣ установленія весны обезпечить изобиліе ихъ на все лѣто,—на людей, желающихъ удачной кражей наканунѣ новаго года обезпечить себѣ безопасное занятіе ею въ теченіе всего года. При такой метафорѣ необходимо предположить, что безопасность, безнаказанность кражи, въ отдаленныя времена язычества совпадали съ искуснымъ, ловкимъ ея совершеніемъ, и, дѣйствительно, мы знаемъ, что до сихъ поръ у нѣкоторыхъ народовъ преслѣдуется только неудачная, замѣченная кража; тайное же, ловкое воровство остается безнаказаннымъ.

3) Разрытіе могилъ. Оно совершается съ тремя цѣлями:

а) Крестьяне вѣрятъ, что если воръ запасается рукою мертвеца или его пальцемъ или свѣчей, приготовленной изъ жира покойника, особенно некрещеннаго младенца, или просто взятой изъ воскового крестика, полагаемаго въ руки покойника, то онъ съ пол-

---

[1]) Аѳанасьевъ, II, 764; III, 659, 691; Калинскій, ib, 378—380.

ной безопасностью можетъ совершить задуманную кражу, такъ какъ на хозяина нападаетъ глубокій непробудный сонъ. Особенно силенъ бываетъ этотъ сонъ тогда, когда преступникъ обведетъ мертвою рукою спящихъ, откуда и пословица: «обворожилъ, какъ мертвою рукою обвелъ» [1]). Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, мѣстахъ вѣрятъ, что для усыпленія жильцовъ, лучше всего положить мертвую руку на окно и зажечь восковую свѣчу изъ крестика [2]). Въ этомъ повѣрьѣ воры, думается намъ, олицетворяютъ собою облачныхъ демоновъ, жадныхъ хищниковъ молніи, небеснаго золота. Созерцая въ грозѣ торжественное явленіе бога-громовника, народная фантазія представляетъ себѣ молнію его рукой или пальцемъ на ней, которой онъ обыкновенно лишался въ побѣдоносной борьбѣ съ демонами тучъ; ниспровергая мрачнаго великана, засѣвшаго въ черныхъ тучахъ, освобождая облака изъ-подъ его власти посредствомъ ниспосланія при громовыхъ раскатахъ живой воды-дождя, Перунъ, по фантазіи первобытнаго человѣка, самъ лишался одного изъ своихъ членовъ — руки или пальца, т. е. молніи, уходившей при громовыхъ ударахъ въ землю. Облачные же демоны, стремясь сковать и запереть небесныя стада-облака, стараются похитить для того у бога-громовника молнію, безъ чего онъ какъ бы теряетъ свою грозную силу и впадаетъ во временное бездѣйствіе — засыпаетъ. Поэтому, надо думать, и воры стараются запастись рукою или пальцемъ мертвеца, дабы обезпечить себѣ посредствомъ усыпленія хозяина вещей безпрепятственное ихъ похищеніе. Мертвецы, членамъ которыхъ придается ворами такая чудодѣйственная сила, вѣроятно, означаютъ стихійныхъ обитателей подземнаго царства, метаморфозу небесныхъ явленій — молніи и дождя — по переходѣ ихъ въ землю. На это, между прочимъ, указываетъ и вѣрованіе въ особенную чудодѣйственную силу свѣчи, приготовленной изъ жира некрещеннаго младенца: дѣти умершіе безъ крещенія, по народному убѣжденію, превращаются въ русалокъ и мавокъ, т. е. въ подземныя божественныя существа. Что же касается свѣчи, замѣняющей палецъ мертвеца, свѣчи, приготовленной изъ его же жира, то это ничто иное какъ эмблема огня, свѣта, составляющихъ естественныя свойства молніи [3]).

b) Разрытіе могилъ далѣе предпринимается или для избавленія отъ волшебныхъ дѣйствій похороненныхъ колдуновъ и вѣдьмъ, самоубійцъ, некрещенныхъ дѣтей, или c) съ суевѣрными медицинскими цѣлями. Крестьяне вѣрятъ, что колдуны и вѣдьмы не только при жизни, но и послѣ смерти не оставляютъ людей въ покоѣ; иногда они выходятъ изъ могилъ, являются къ живымъ и нано-

---

[1]) Якушкинъ, ib, XXXIV; Снегиревъ, ib, 85; Аѳанасьевъ, II, 787.

[2]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1876 г. № 242; сообщилъ Якушкинъ.

[3]) Аѳанасьевъ, II, 690, 701, 785—787; III, 240—244; Фаминцынъ, ib, 281—286; Терещенко, ib, 119 и слѣд.

сятъ имъ тотъ или другой вредъ, напримѣръ, высасываютъ у нихъ кровь; для избавленія отъ такого вреда или порчи, причиняемыхъ умершими колдунами и вѣдьмами, необходимо осиновый колъ вбить въ сердце трупа или же еще лучше въ спину, перевернувъ предварительно мертвеца ницъ, или, наконецъ, отрубить у него голову и положить у его ногъ. Крестьяне также вѣрятъ, что изъ могилъ выходятъ и причиняютъ вредъ людямъ не только колдуны и вѣдьмы, но и самоубійцы, затѣмъ, что отъ почетнаго погребенія, т. е. такого, которое подобаетъ христіанину, самоубійцъ, и вообще лицъ, погибшихъ насильственною смертью, напримѣръ, утопшихъ, замерзшихъ и т. д., происходятъ разныя народныя бѣдствія, какъ-то—губительный градъ, безвременный морозъ, особенно бездождіе. Для прекращенія такого вредоноснаго вліянія самоубійцъ, необходимо въ первомъ случаѣ разрыть могилу послѣднихъ и забить въ трупъ осиновый колъ, а во-второмъ вырыть трупъ самоубійцъ и погибшихъ насильственною смертью изъ могилы и, перенеся его за предѣлы христіанскаго кладбища, похоронить на распутіяхъ, перекресткахъ полей и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ рядъ съ лицами, погибшими насильственною смертью, ставятся старообрядцы и инородцы, которымъ также приписываютъ разныя общественныя бѣдствія и вырываютъ ихъ изъ могилы, если они похоронены на общемъ съ православными кладбищѣ. Наконецъ, по народному повѣрью—нѣкоторыя части мертваго тѣла, напримѣръ, запекшаяся кровь некрещеннаго младенца, весьма спасительны въ извѣстныхъ болѣзняхъ; почему суевѣрные люди иногда разрываютъ могилы, дабы достать у трупа его цѣлебныя части [1]).

Дабы понять смыслъ приведеннаго вѣрованія о колдунахъ, замѣтимъ, что въ эпоху младенчества народы, не понимая внутренней связи между явленіями природы и тѣхъ законовъ, которые ими управляютъ, относили все это на счетъ живыхъ существъ, созданныхъ воображеніемъ. Наполняя природу разными сверхъестественными существами, олицетворяя ея силы, люди приписывали этимъ существамъ причину не только благодѣтельныхъ для человѣка явленій окружающаго міра, но и непріятныхъ, гибельныхъ. Такимъ образомъ, сверхъестественныя существа пріобрѣли значеніе причины, источника какъ добра, такъ и зла въ жизни человѣка, который раздѣлилъ ихъ на двѣ категоріи—свѣтлыхъ и темныхъ. При всей своей разобщенности съ человѣкомъ, эти божественныя существа не лишены связи съ нимъ; они снисходятъ какъ бы къ нему и оказываютъ ему свою помощь, содѣйствіе. Отъ нихъ, какъ отъ причины явленій, люди пріобрѣтаютъ знаніе, вѣдѣніе сверхъестествен-

---

[1]) Аѳанасьевъ, II, 306—307; Котляревскій, ib, 34—35; «Рязанскія Губернскія Вѣдомости», 1868 г., № 52; сообщилъ Якушкинъ; Кирпичниковъ, «Новь», 67—68; Якушкинъ, «Обыч. право», XXXIV—XXXV.

наго и способность такъ или иначе направлять силы природы; отсюда беретъ свое начало волшебство или вѣдовство — способность совершать сверхъестественныя дѣйствія, которое по различію самихъ источниковъ послѣднихъ распадается на доброе, бѣлое, такъ сказать, и злое, черное. На эту связь волшебства или вѣдовства съ сверхъестественными существами лучше всего указываетъ то, что чудесный даръ вѣдѣнія, тайна познанія непонятныхъ явленій въ старину приписывались одинаково, какъ божественнымъ или демоническимъ существамъ, управлявшимъ дождевыми тучами, вѣтрами и грозами, такъ и нѣкоторымъ людямъ, которыхъ считали близко стоящими къ богамъ или одаренными отъ нихъ особенными талантами, таковы—жрецы, гадатели или ворожеи, лѣкаря и пѣвцы или поэты. Поэтому совершенно понятна вѣра въ способность колдуновъ и вѣдьмъ, какъ пособниковъ или супостатовъ демоническихъ существъ, насылать общественныя бѣдствія, особенно засуху, голодъ. Подобно тому, какъ демоны тучъ высасываютъ молоко-дождь небесныхъ коровъ-облаковъ, колдуны и вѣдьмы скрадываютъ дождь и росу, доятъ и высасываютъ тѣхъ же коровъ; подобно тому какъ первые весною, пробуждаясь отъ смерти къ жизни, любятъ непомѣрно упиваться теплою кровью—безвременными гибельными дождями, сопровождающимися градомъ и опустошеніемъ, вторые, т. е. колдуны и вѣдьмы, послѣ смерти выходятъ изъ гробовъ и высасываютъ кровь у живыхъ людей. Выдаиваніе небесныхъ коровъ съ теченіемъ времени метафорически перешло въ выдаиваніе земныхъ домашнихъ коровъ, до сихъ поръ упорно приписываемое суевѣрнымъ народомъ вѣдьмамъ. Но вредоносныя дѣйствія демоническихъ силъ въ воображеніи первобытнаго человѣка не проявляются съ безграничной силой, не остаются безъ противовѣса; такимъ противовѣсомъ здѣсь являются грозные удары громовыхъ стрѣлъ Перуна, разящіе нерѣдко хищниковъ-демоновъ или колдуновъ и вѣдьмъ въ то время, когда они съ жадностью бросаются на любимый ими напитокъ живой воды. Отсюда само собою возникло представленіе о чудодѣйственномъ значеніи осиноваго кола, вбиваемаго въ спину или въ сердце умершаго колдуна или вѣдьмы; заостренный осиновый колъ въ народныхъ вѣрованіяхъ имѣетъ значеніе Перуновой палицы [1]). Что же касается другого способа прекращенія вредныхъ дѣйствій похороненнаго колдуна, а именно отсѣченія головы съ положеніемъ ея у ногъ, то это повѣрье для насъ темно; не стоитъ ли оно въ связи съ первобытнымъ вѣрованіемъ нашихъ предковъ въ загробную матеріальную жизнь мертвецовъ со всей обстановкой жизни земной [2]), вѣрованіемъ, при которомъ отсѣченіе

---

[1]) Аѳанасьевъ, II, ib; III, 426—427; Бѣлогрицъ-Котляревскій, «Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада», 1886 г., 93—94.
[2]) А. Котляревскій, ib, 179, 196 203.

головы отъ туловища съ положеніемъ ея у ногъ въ представленіи народа, очевидно, было равносильно полному лишенію возможности похороненныхъ колдуновъ выходить изъ могилъ? Такимъ образомъ, здѣсь возможно стеченіе двухъ миѳологическихъ воззрѣній: одного, исходящаго изъ олицетворенія стихійныхъ силъ природы, другого—изъ вѣрованія въ продолженіе человѣкомъ за гробомъ своей матеріальной жизни.

Вѣрованіе въ самоубійцъ, какъ причину частныхъ и общественныхъ бѣдъ, находитъ свое объясненіе въ томъ значеніи почетнаго погребенія, какое оно получило въ отдаленныя времена язычества. Совершеніе погребенія, отвѣчающаго земнымъ заслугамъ умершаго, признавалось почти у всѣхъ народовъ священною нравственною обязанностью живыхъ, особенно ближайшихъ родственниковъ; это было своего рода право мертвыхъ на честь и углугу, необходимыя для достойнаго перехода ихъ и водворенія въ вѣчномъ жилищѣ; отсюда лишеніе погребальной почести, по понятіямъ древности, было равносильно самому тяжкому наказанію, самому страшному проклятію; до сихъ поръ нѣтъ страшнѣе мысли для темнаго простолюдина, какъ та, что земля его не приметъ. Лишаясь погребальной почести, человѣкъ, по народному убѣжденію, какъ бы лишается будущей жизни; его душа обрекается на вѣчное безпріютное, мятежное блужданіе; какъ не воздавшая землѣ земнаго, она, по взглядамъ древнихъ, не могла войти въ жилище усопшихъ и пріобщиться къ сонму дорогихъ родственныхъ тѣней [1]). При такомъ священномъ значеніи подобающаго погребенія, понятно, оно не могло распространиться на всѣхъ умершихъ безъ различія; его лишались, во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ классическомъ мірѣ—тяжкіе преступники, какъ покрывшіе себя неизгладимымъ пятномъ безчестія, во-вторыхъ, всюду самоубійцы, какъ лица, которыя, насильственно порвавъ таинственный процессъ своей жизни, тѣмъ самымъ какъ бы прекратили возможность естественнаго продолженія его за гробомъ. Будучи же лишены погребальной почести, мятежныя души самоубійцъ, какъ проклятыя, подобно душамъ умершихъ колдуновъ и вѣдьмъ, вѣроятно сближались народной фантазіей съ темными существами—демонами, ставились съ ними въ родство, откуда и получили, какъ и души колдуновъ и вѣдьмъ—сверхъестественную способность выходить изъ могилъ и выпивать кровь изъ живыхъ, вообще вредить послѣднимъ. Прекращеніе такого вредоноснаго дѣйствія похожденій самоубійцъ, такъ же какъ и мертвыхъ колдуновъ, предполагаетъ вбитіе въ трупъ осиноваго кола, который здѣсь имѣетъ такое же значеніе.

Что же касается вредоноснаго характера почетнаго погребенія самоубійцъ, то это вѣрованіе, надо думать, стоитъ въ связи съ по-

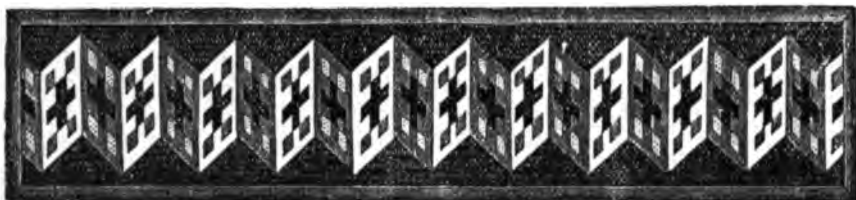
---

[1]) А. Котляревскій, ib., 6—7.

клоненіемъ тѣнямъ усопшихъ. Если мятежныя души самоубійцъ, какъ проклятые, обрекались на лишеніе погребальной почести, то понятно, что нарушеніе этого отрицательнаго долга не могло оставаться безнаказаннымъ; тѣни усопшихъ, пенаты, мстили за такое поведеніе живыхъ, которое было какъ бы кощунствомъ, надругательствомъ надъ ними, мстили, отвращая отъ живыхъ свое благоволеніе и раскрывая темнымъ силамъ, родственнымъ душамъ самоубійцъ,—возможности вредоноснаго дѣйствія; отсюда и появленіе природныхъ бѣдствій — бездожья, града и т. п. Для прекращенія этихъ бѣдствій, очевидно, ничего болѣе не оставалось, какъ вырыть самоубійцу изъ мѣста общаго покоя мертвыхъ и зарыть его на распутіяхъ, перекресткахъ полей, вообще, похоронить его безъ погребальной почести. Сопоставленіе же въ этомъ отношеніи съ самоубійцами и лицъ, погибшихъ стихійною насильственною смертью, вѣроятно, объясняется сближеніемъ сихъ послѣднихъ, какъ и самоубійцъ, съ темными силами, которымъ приписывалась ихъ смерть. По вѣрованіямъ народа, утопленники, удавленники, замерзшіе— суть жертвы темныхъ духовъ, такихъ какъ водяной, лѣсной и др., которые какъ бы поселяются въ ихъ тѣла и губятъ ихъ душу, жизнь. Изъ признанія же близости родства погибающихъ насильственною смертью съ темными силами совершенно естественно заключеніе народной фантазіи къ ихъ волшебнымъ дѣйствіямъ, для прекращенія которыхъ необходимо вырыть ихъ трупы изъ мѣста общаго покоя и похоронить на распутіяхъ, перекресткахъ и т. п. мѣстахъ. Въ связи съ приведенными соображеніями не трудно понять и смыслъ вѣрованія въ волшебную силу крови похороненнаго некрещеннаго младенца. Дѣти, умершія безъ крещенія, по фантазіи народной, превращаются въ мавокъ, въ русалокъ; ихъ мучаютъ злые духи, теряющіе свою власть только въ зеленые святки. Такимъ образомъ, дѣти, умершія безъ крещенія, въ воззрѣніяхъ народа, равнымъ образомъ сближаются съ темными демоническими существами, откуда и раскрывается сама собою цѣлебная сила ихъ крови.

Таковъ внутренній смыслъ, таковъ отдаленный источникъ, какъ мы полагаемъ, нѣкоторыхъ преступленій, создаваемыхъ суевѣріемъ. Можно думать, что и многія другія преступленія, совершаемыя нашимъ народомъ по суевѣрію, конечно, не всѣ, также скрываютъ свой первоначальный источникъ въ дебряхъ миѳологіи; но само собою разумѣется, что совершенно авторитетнаго рѣшенія этого вопроса можно ожидать только отъ будущаго, которое, вмѣстѣ съ болѣе богатымъ накопленіемъ обычно-правоваго матеріала, неминуемо вызоветъ и болѣе широкія научныя изслѣдованія.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ [1].

IV.

А ПЕРОВСКИМЪ природа нѣсколько измѣняется. По обѣ стороны избитой и ухабистой дороги начинаетъ мѣстами появляться своеобразный саксауловый лѣсъ. Уродливые, толстые стволы этого растенія покрыты пучками ярко-зеленыхъ вѣтокъ, которыя своимъ нѣжнымъ цвѣтомъ рѣзко выдѣляются на темно-сѣрой корѣ. Древесина необыкновенно крѣпка, такъ что никакой топоръ не въ состояніи перерубить даже неособенно толстый стебель; за то достаточно посильнѣе ударить обухомъ, чтобы весь онъ разсыпался въ щепки. Не смотря на такую хрупкость, тонкіе годичные слои древесины до такой степени плотны, что куски ея, брошенные въ воду—тотчасъ же тонутъ, падаютъ на дно.

Благодаря полному отсутствію листьевъ, къ которымъ мы такъ привыкли на нашей родинѣ, лѣсъ саксаула не имѣетъ ни малѣйшей тѣни. Лучи солнца жгутъ землю, песокъ заноситъ деревья, ломаетъ вѣтки... И при такой ужасной обстановкѣ саксаульныя деревья доживаютъ до глубокой старости: мнѣ удавалось насчитывать болѣе двухсотъ лѣтъ у нѣкоторыхъ, не особенно толстыхъ, экземпляровъ. Прибавлю еще, что благодаря тому обстоятельству, что эти сухіе невзрачные стволы, представляютъ собою превосходное топливо, скоро наступитъ время, когда своеобразныя растенія со-

---

[1]) Первыя три главы этой статьи были напечатаны въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1887 года.

вершенно исчезнуть изъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній,—до такой степени безпощадно истребляются они во всѣхъ мѣстахъ.

Не доѣзжая до маленькаго форта Джулека, влѣво отъ дороги, начинаютъ показываться на горизонтѣ синѣющія горы Кара-тау; то свѣтлѣе, то темнѣе идутъ онѣ почти до самаго Чимкента. По разсказамъ старожиловъ, весьма недавно горы эти изобиловали богатою дичью,—тутъ встрѣчались даже олени, кабаны и тигры.

Но вотъ вдали являются какіе-то сѣро-желтые холмы, полуразрушенныя башни, высокія стѣны. Это остатки города Саурана. Лѣтъ 15 тому назадъ можно было еще видѣть здѣсь оригинальныя сооруженія, въ видѣ гигантскихъ бутылокъ изъ-подъ рейнвейна. Говорятъ, что съ этихъ высокихъ минаретовъ когда-то сбрасывали преступниковъ.

По другой легендѣ, башни построены Тамерланомъ, въ угоду его любимой внучкѣ, нелюбившей сидѣть въ гаремѣ и большой охотницѣ любоваться окрестностями и видомъ громадной мечети Хазрета, которая построена въ городѣ Туркестанѣ [1]).

Какъ бы то ни было, но Сауранъ былъ большимъ городомъ, торговля процвѣтала, караваны тянулись къ нему со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что владыка этой мѣстности только зимовалъ здѣсь, держалъ войско, молился въ мечети, а лѣтомъ кочевалъ въ сосѣднихъ горахъ. Наконецъ, калмыки во второй половинѣ XVII вѣка будто бы напали на городъ и разрушили его. Теперь, только пыльные остатки указываютъ на мѣсто, гдѣ когда-то кипѣла жизнь...

Наконецъ, еще немного и на горизонтѣ начинаетъ обрисовываться Туркестанъ съ своей колоссальной и чудной развалиной мечети, которая и до сихъ поръ поражаетъ красотой, не смотря на обрушившіяся украшенія.

Глухою ночью въѣхали мы въ городъ. Все кругомъ спало. Пустыя, неособенно широкія улицы, обсаженныя стройными пирамидальными тополями и кудрявымъ тальникомъ, затянуло какъ дымкой, легкимъ туманомъ; въ двухъ-трехъ домикахъ только свѣтились огоньки.

Усталой рысью подкатили лошади нашъ запыленный тарантасъ къ подъѣзду почтовой станціи. Ямщикъ-киргизъ грузно спрыгнулъ съ козелъ и принялся стучать въ окно смотрителя.

Черезъ пять минутъ мы вошли въ чистую, просторную комнату, куда заспанная женщина внесла зажженную свѣчу.

Съ какимъ наслажденіемъ кинулся я на твердый кожаный диванъ и, не смотря на приглашеніе зоолога поужинать, не хотѣлъ двинуться съ мѣста...

---

[1]) Хорошхинъ. Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края 1876. стр. 10.

Бодрые и веселые шагали мы на другое утро къ крѣпости, взятой русскими въ 1864 году, гдѣ помѣщается мечеть.

На высокомъ холмѣ стоятъ сгруппированными казенныя зданія, стѣна съ воротами... Кругомъ расположился городъ съ тѣнистыми бульварами; вездѣ журчатъ арыки съ холодной свѣтлой водой...

Такъ какъ мы попали въ базарный день, то на улицахъ было довольно оживленно. Киргизы съ верблюдами, навьюченными всякимъ хламомъ, хивинцы въ громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ верхомъ на маленькихъ ослахъ, офицеры, солдаты, дамы... все это сновало, кричало, шумѣло. Протолкавшись сквозь пеструю толпу, мы, наконецъ, очутились передъ развалиной. Разноцвѣтные глазированные кирпичи ярко блестѣли на солнцѣ, но во многихъ мѣстахъ «полива» отскочила и видны широкіе и тонкіе кирпичи. По бокамъ главнаго входа (по угламъ) высятся круглыя башни. Надъ дверью замѣтно большое окно, съуживающееся кверху. Справа и лѣва торчатъ деревянные брусья неопредѣленнаго назначенія, на которыхъ поселились задумчивые аисты.

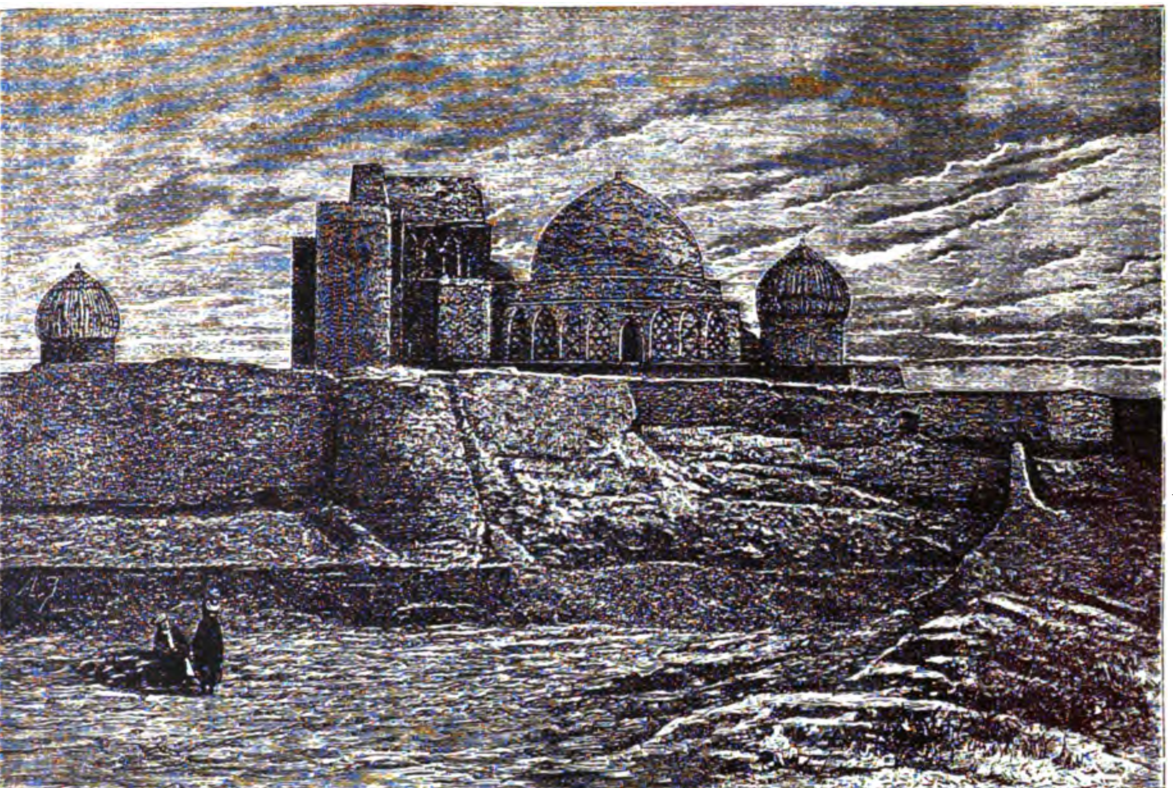
Сбоку видѣнъ главный куполъ, а сзади него—другой, сравнительно меньшихъ размѣровъ и необыкновенно красиваго очертанія. Вообще, надо сказать, что въ настоящее время видъ мечети съ боковъ представляется болѣе эффектнымъ: эти купола, пестрота окраски, рѣшетчатыя огромныя окна—все производитъ сильное впечатлѣніе.

Войдя въ зданіе, невольно останавливаешься передъ громаднымъ металлическимъ чаномъ изящной работы, который имѣетъ форму колоссальной вазы. Вокругъ него стоятъ бунчуки съ ветхими пучками конскихъ волосъ. У входа въ главный придѣлъ, гдѣ покоится прахъ пророка Хазрета, помѣщены большіе мѣдные, когда-то позолоченные, шандалы, а дверь, ведущая въ это святилище, поражаетъ прекрасной рѣзной работой.

Говорятъ, что описываемое зданіе построено Тамерланомъ 490 лѣтъ тому назадъ, на могилѣ сартовскаго святого, пророка султана Хаджи-Ахмета-Хазрета. По поводу этой постройки существуетъ слѣдующая легенда:

Однажды Магометъ училъ народъ и приводилъ его въ восторгъ силою своего ума и слова. Видя восхищеніе слушателей, пророкъ сказалъ:

— Черезъ 500 лѣтъ послѣ моей смерти явится на землѣ святой человѣкъ, который будетъ имѣть даръ пророчества не менѣе меня!.. Но,—прибавилъ Магометъ,—не скрою отъ васъ и того, что мнѣ необходимо передать этому будущему избраннику одинъ талисманъ. Кто изъ васъ согласится сохранить его и доставить по принадлежности?!.

Мечеть Хазрета въ Туркестанѣ.

Тогда изъ толпы вышелъ старецъ. Онъ былъ благочестивъ, прожилъ уже 500 лѣтъ и назывался Арслонъ-бобъ. Изъявивши готовность отыскать святого, старецъ спросилъ Магомета:

— Гдѣ же долженъ я найти избраннаго?

— Иди,—отвѣчалъ пророкъ,—въ городъ далекій, лежащій отсюда на сѣверо-восточной сторонѣ. Городъ этотъ называется Туркестанъ; тамъ находится медрессе, а въ числѣ учениковъ найдешь и новаго пророка.

— Но, какъ же я узнаю его? чѣмъ онъ отличается отъ обыкновенныхъ смертныхъ?—допытывалъ Арслонъ-бобъ.

— Когда всѣ ученики будутъ выходить изъ училища и радостно побѣгутъ домой, останется у дверей только одинъ; онъ набожно сложитъ руки и медленно пойдетъ спиной впередъ. Спроси его—какъ зовутъ? странный юноша отвѣтитъ—Хазретъ. Тогда передай ему вотъ эту ягоду, въ которой сокрытъ мой талисманъ, мое завѣщаніе. Но, помни, старецъ,—прибавилъ Магометъ,—что ягоду эту надобно сохранять осторожно во рту, за устами, въ теченіе 500 лѣтъ; ее нельзя ни помять, ни разгрызть, ни раздавить—иначе горе тебѣ и всему народу!

— Исполню свято твое завѣщаніе,—отвѣчалъ старецъ...—И если умру ранѣе указаннаго срока, то берусь найти человѣка, который возьмется за продолженіе начатаго мною дѣла.

Однако, благочестивому Арслонъ-бобу удалось самому исполнить волю пророка. Онъ прожилъ еще 500 лѣтъ, добрался до Туркестана и здѣсь нашелъ все такъ, какъ говорилъ и предсказывалъ Магометъ.

Когда молодой святой получилъ ягоду, то спросилъ у посланнаго:

— Что же ты высосалъ изъ нея весь жиръ, а отдаешь мнѣ кость?

Тѣмъ не менѣе принялъ даръ пророка, сталъ учить народъ, прославился добрыми дѣлами и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ славу самаго умнаго и благочестиваго человѣка. Само собою разумѣется—явились завистники, вздумавшіе погубить проповѣдника. Двое изъ старшинъ города велѣли украсть корову, убить ее, а кожу и голову подбросить въ домъ Хазрета. На другой день по городу забили тревогу, пустились розыскивать пропажу и къ удивленію всѣхъ нашли у святого окровавленные остатки украденнаго животнаго. Народъ былъ въ смущеніи, не зная какъ объяснить подобный фактъ, а старѣйшины обвинили уличеннаго въ воровствѣ.

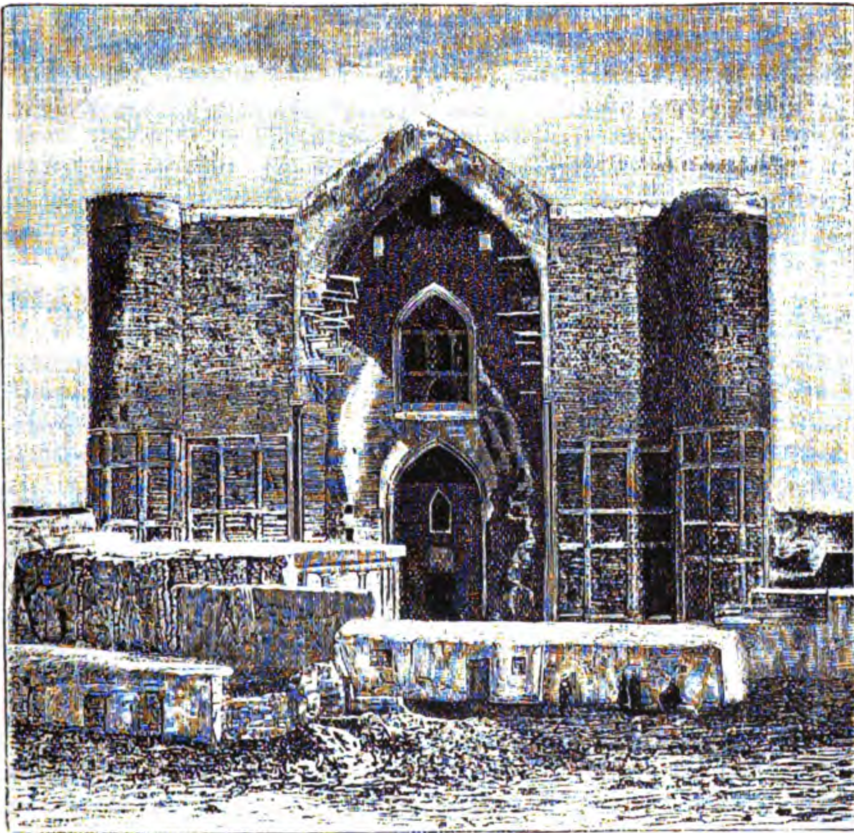
— Если я укралъ корову,—заявилъ тогда спокойно Хазретъ,—то пусть я превращусь въ собаку; если же это неправда, то пусть виновники этой исторіи сейчасъ сдѣлаются собаками.

Не успѣлъ святой докончить этихъ словъ, какъ въ ту же минуту оба старѣйшины превратились: одинъ—въ бѣлую, другой—

въ черную собакъ, которыя, поджавъ хвосты, стремительно выбѣжали изъ дома Хазрета.

Новое чудо еще болѣе привлекло къ святому сердца правовѣрныхъ, со всѣхъ сторонъ стали стекаться слушать его поученія.

Хазрету въ это время было 60 лѣтъ. Онъ вырылъ себѣ пещеру и молился въ ней еще 60 лѣтъ. Толпы народа стояли у пещеры и слушали.

Фасадъ мечети Хазрета въ Туркестанѣ.

Пророкъ приходилъ въ экстазъ и въ это время испускалъ изо рта пѣнистую слюну, которая попадая на кого-нибудь изъ слушающихъ, дѣлала его святымъ.

Въ мѣстѣ своего ученія Хазретъ и умеръ. Его похоронили тутъ же и насыпали надъ нимъ земляной курганъ.

Что касается до праведнаго старца Арслонъ-боба, то исполнивши обѣщаніе, данное Магомету, онъ удалился въ городъ Отроръ, лежа-

щій на Сыръ-Дарьѣ, въ 40 верстахъ южнѣе города Туркестана, и тамъ вскорѣ скончался.

Когда Тамерланъ во главѣ своего многочисленнаго войска шелъ изъ Самарканда на Россію, то остановился въ Туркестанѣ. Онъ слышалъ о святомъ, но не вполнѣ вѣрилъ въ его могущество. Тѣмъ не менѣе, однако, заявилъ, что если Хазретъ поможетъ ему завоевать Россію и взять Москву, то надъ простой могилой пророка онъ соорудитъ великолѣпную мечеть.

И приснился въ ту же ночь Тамерлану сонъ. Хазретъ явился къ нему и сказалъ: «Много ты русскихъ городовъ разоришь, но Москвы не возьмешь».

Предсказаніе сбылось. Однако, властитель Азіи велѣлъ строить мечеть.

Не смотря на громадное количество рабочихъ, не смотря на всѣ старанія мастеровъ—дѣло не шло; что сложено было днемъ, разваливалось ночью. Наконецъ, явился Тамерлану опять Хазретъ и сказалъ:

— Выстрой сначала мечеть надъ могилой святого, ранѣе меня жившаго и неменѣе меня славнаго. Святой этотъ Зимга-Ате (Зенготе) похороненъ въ 15 верстахъ отъ Ташкента, въ городѣ, названномъ въ честь его Зенготъ.

Желаніе пророка было исполнено, и только тогда въ Туркестанѣ явилась мечеть, удивлявшая своей красотой и роскошью всѣхъ богомольцевъ.

Такова легенда, которую мнѣ удалось записать на мѣстѣ. Она вся дышетъ восточной фантазіей и оригинальностью. При мечети когда-то находилось и медрессе, т. е. высшее училище. Маленькія кельи муллъ и учениковъ расположены въ два этажа. Изъ нихъ въ верхнемъ—обитаютъ въ настоящее время только стаи одичавшихъ кошекъ.

Въ особомъ помѣщеніи развалины, по пятницамъ, убиваютъ барановъ, приводимыхъ благочестивыми мусульманами въ даръ мулламъ, которые варятъ тутъ же эти добровольныя пожертвованія и поѣдаютъ вмѣстѣ съ прихожанами. Здѣсь же въ мечети имѣется и колодезь.

Такъ какъ, кромѣ развалины мечети, въ Туркестанѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, то мы въ тотъ же день двинулись дальше. Близость Ташкента и сознаніе того, что въ азіатскомъ Парижѣ можно будетъ отдохнуть послѣ безконечной дороги, бодрила насъ, и заставляла терпѣливо переносить всѣ невзгоды и непріятности. Не останавливаясь, почти не ѣвши, мчались мы все дальше и дальше...

Вотъ и маленькій Чимкентъ. Тѣ же глиняные домики, тѣ же хивинцы, бухарцы, солдатики... Красивые сарты обступили насъ

съ разными товарами: одинъ—предлагалъ урюки и яблоки, другой—дыни, черешни и огурцы, третій притащилъ сокола въ красной шапочкѣ и пріученнаго къ охотѣ за перепелами... Сѣдой, внушительнаго вида, старикъ развертывалъ передъ нашими глазами серебряныя запонки, пуговки и всякую мелочь, украшенную чернью и бирюзой. Однимъ словомъ, станція наполнилась всевозможными азіатами, отъ которыхъ трудно отдѣлаться.

— Лошади готовы!—пробасилъ высокій смотритель съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ.

Наскоро захвативши свой скудный завтракъ, бросились мы въ тарантасъ. Бойкая тройка не стояла. Киргизъ-ямщикъ заложилъ себѣ за губу порядочную порцію нюхательнаго табаку, расправилъ возжи и мы ринулись по мягкой пыльной дорогѣ. «Сухой» туманъ задернулъ всю даль, какъ кисеей; сквозь него темнѣли высокіе пирамидальные тополи, кишлаки, горы съ причудливыми очертаніями.

Когда жаръ свалилъ, когда повѣяло прохладой, мы добрались и до послѣдней станціи передъ Ташкентомъ.

Здѣсь стояло нѣсколько экипажей, въ открытыя окна слышалось пѣніе, хлопанье пробокъ, звонъ стакановъ, веселые голоса. Оказалось, что какое-то значительное лицо ѣдетъ въ Россію, и вотъ сослуживцы, по здѣшнему обыкновенію, пріѣхали проводить его и пожелать благополучнаго пути.

Все это было причиною того, что намъ лошадей не дали и предложили остаться до разсвѣта.

— Вы посудите сами,—говорилъ шопотомъ, подошедшій къ нашему тарантасу, смотритель,—развѣ я могу отпустить васъ сейчасъ? вѣдь достанется такъ, что вѣчно помнить будешь!.. засните у себя въ экипажѣ, а я распоряжусь, чтобъ все было, какъ слѣдуетъ... Вотъ черезъ часъ, черезъ два, ихъ превосходительство уѣдутъ,—ну, и всѣ разъѣдутся... тогда и вамъ лошадокъ дадимъ, а теперь — Боже сохрани!.. ужъ пожалуйста обождите!.. сдѣлайте божескую милость!

Дѣлать было нечего, улеглись въ тарантасъ, и долго слышались пьяные голоса. Какъ уѣхалъ генералъ, мы не слышали.

Н. Сорокинъ.

МЕЛОЧИ ИЗЪ МОЕЙ ПАМЯТИ.

АХОДЯСЬ въ той жизненной порѣ, когда воспоминанія о быломъ составляютъ единственное отрадное утѣшеніе, я съ особеннымъ чувствомъ переношусь мысленно въ періодъ первыхъ годовъ царствованія императора Николая Павловича, — ко времени моей молодости, и въ памяти моей воскресаютъ разнообразные случаи, при которыхъ я имѣлъ счастіе видѣть и слышать государя, оставившаго своимъ царствованіемъ крупный слѣдъ въ исторіи нашего отечества. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ я постараюсь передать здѣсь.

Въ началѣ 30-хъ годовъ я кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата правъ, и жилъ при отцѣ моемъ, который въ то время занималъ должность директора канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Должность эту отецъ мой неизмѣнно сохранялъ при министрахъ: князѣ Кочубеѣ, Ланскомъ и Закревскомъ. Зная основательно иностранные языки и зачисленный, съ 12-лѣтняго возраста, на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, я перешелъ вскорѣ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, чему способствовало также и дружеское знакомство отца моего съ директоромъ департамента внутреннихъ сношеній, тайнымъ совѣтникомъ Ползневымъ. Прослуживъ нѣкоторое время въ департаментѣ внутреннихъ сношеній, я вскорѣ получилъ повышеніе и былъ назначенъ, по высочайшему повѣленію, секретаремъ церемоніальнаго департамента.

Непосредственнымъ моимъ начальникомъ въ этомъ департаментѣ былъ оберъ-церемоніймейстеръ двора, графъ Иванъ Илларіоновичъ Воронцовъ-Дашковъ.

Съ особеннымъ чувствомъ вспоминаю о графѣ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно добрый. Супруга его, графиня Александра Кирилловна, была по моимъ понятіямъ дивная женщина; она соединяла въ себѣ красоту, умъ, доброе сердце и очаровательную манеру обращенія.

Изъ сослуживцевъ моихъ по церемоніальному департаменту въ особенности памятны мнѣ: Висконти, съ которымъ я впослѣдствіи вступилъ въ родственныя отношенія и правитель церемоніальныхъ дѣлъ Осипъ Ивановичъ Чиполло.

Я остановлюсь на личности Чиполло, потому что съ нимъ соединено одно изъ моихъ воспоминаній объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Осипъ Ивановичъ былъ, что называется, оригиналъ и чудакъ; способностями онъ не отличался и своимъ служебнымъ положеніемъ былъ обязанъ покровительству графа Литты, своего соотечественника. Странностями своими онъ давалъ иногда пищу остроумію своихъ подчиненныхъ; болѣе же всего ему надоѣдали мои шутки; однажды, выведенный изъ терпѣнія, онъ пожаловался на меня графу; послѣ чего когда я, по обыкновенію, пріѣхалъ на службу, Осипъ Ивановичъ, съ торжествующимъ лицомъ, объявилъ мнѣ, что графъ требуетъ меня къ себѣ.

Недоумѣвая о причинѣ вызова и догадываясь, что виновникомъ его былъ Чиполло, я входилъ въ кабинетъ графа съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Но, къ удивленію моему, графъ встрѣтилъ меня самымъ привѣтливымъ образомъ и на мое молчаливое выжиданіе спросилъ меня пофранцузски?

— Ah, c'est vous mon cher Michailoff. Que puis-je faire, pour vous être agréable? (Это вы, любезный Михайловъ! Что вамъ угодно?)

Я отвѣчалъ съ самымъ смиреннымъ видомъ:

— Monsieur le comte, j'ai reçu l'ordre de me presenter, pour reçevoir votre reprimende. — M-r Chipollo — vient me l'annoncer. (Ваше сіятельство, я получилъ приказаніе явиться, чтобы выслушать, по словамъ г. Чиполло—отъ васъ замѣчаніе).

— Ah, c'est vrais, сказалъ графъ, припоминая, m-r Chipollo vous en veux; il m'a dit des choses que je n'ai pas bien compris. Du reste je sais, que vous etes un jeune homme irreprochable et je n'ai rien contre vous. (Да, правда, г. Чиполло что-то противъ васъ имѣетъ; но я не совсѣмъ понимаю. Впрочемъ, я знаю, что вы отличный молодой человѣкъ и ничего противъ васъ не имѣю).

Въ такихъ почти выраженіяхъ было объясненіе мое съ графомъ. Я извинился, что былъ причиною его безпокойства, и онъ отпустилъ меня, прибавивъ:

— Dites pourtant à m-r Chipollo, que je vous ai fait une forte reprimende. (Скажите, однако же, Чиполло, что я вамъ сдѣлалъ строгій выговоръ).

Я коснулся характеристики Чиполло, потому что оригинальность его проявилась въ присутствіи императора Николая Павловича и вотъ по какому случаю:

Лордъ Кланрикардъ, англійскій чрезвычайный посолъ, представлялся государю, съ полнымъ составомъ своего посольства, при которомъ секретаремъ былъ памятный мнѣ г. Кинеръ. Этотъ Кинеръ страдалъ нервными припадками.

При представленіи посольства должны были находиться оберъ-церемоніймейстеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ, правитель церемоніальныхъ дѣлъ Чиполло, и я, какъ секретарь.

Масса придворныхъ и другихъ окружающихъ лицъ уже исчезла изъ моей памяти, такъ какъ прошло полстолѣтія, заслонивъ въ ней туманомъ подробности этой сцены, хотя при этомъ выдѣляется фигура графа Литты, замѣчательная по своему необыкновенно высокому росту.

Живо припоминается и величественная поза императора, стоявшаго близь трона, подъ руку съ императрицею, и тотъ моментъ, когда происходило представленіе несчастнаго Кинера.

Въ то время какъ государь сдѣлалъ ему вопросъ, съ Кинеромъ внезапно случился болѣзненный его припадокъ, и онъ вмѣсто отвѣта, зашатался и упалъ къ ногамъ императора.

Впечатлѣніе было потрясающее: государыня вскрикнула, а государь громко приказалъ позвать доктора.

Но всѣ присутствующіе до того были поражены происшедшимъ случаемъ, что стояли неподвижно.

Тогда государь возвысилъ свой голосъ и еще разъ повторилъ: «Доктора! я сказалъ доктора»!

При этихъ словахъ, стоявшій вблизи Чиполло, какъ будто наэлектризованный, бросился со всѣхъ ногъ къ выходу, чтобы исполнить приказаніе.

Но въ дверяхъ загородила ему дорогу колоссальная фигура графа Литты—Чиполло, разбѣжавшись, съ наклоненной головой, ударилъ его прямо въ животъ. Толчекъ былъ такъ силенъ, что, отпрыгнувъ, онъ потерялъ равновѣсіе и всѣмъ туловищемъ чрезвычайно смѣшно повалился на полъ.

Картина вышла комическая; государь едва сдерживалъ улыбку, государыня поднесла къ лицу платокъ.—Въ эту минуту изъ смежной залы показался быстро входившій военный докторъ.

Это было послѣднее впечатлѣніе памятной мнѣ сцены.

Разсказавъ объ этомъ происшествіи едва ли многимъ извѣстномъ, я переношусь въ минуту болѣе свѣтлую и для меня отрадную.

Я имѣлъ счастіе говорить съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и находился въ кабинетѣ его величества въ продолженіе получаса времени.

Этими счастливыми минутами я обязанъ графу Ивану Илла-

ріоновичу, и потому воспоминаніе это вызываетъ во мнѣ вновь чувства признательности къ незабвенному графу.

Поводомъ къ этому случаю послужило слѣдующее обстоятельство:

Посланникъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ мистеръ Гаррисонъ представлялся императору.

Государю угодно было принять посла въ своемъ кабинетѣ—и такъ какъ Гаррисонъ не зналъ другого языка, кромѣ англійскаго, то государь, желая говорить съ нимъ на этомъ языкѣ, но не имѣя частаго упражненія и привычки, спросилъ графа Воронцова—не находится ли въ числѣ его чиновниковъ, говорящій свободно по-англійски.

Графъ, всегда ко мнѣ благосклонный, выбралъ меня.

Сознавая всю важность возложенной на меня обязанности, я съ трудомъ преодолѣвалъ волненіе, входя съ Гаррисономъ въ кабинетъ императора.

Государь стоялъ посреди кабинета. На немъ былъ мундирный сюртукъ морской формы.

Окинувъ меня своимъ быстрымъ испытующимъ взглядомъ, и указавъ на Гаррисона, императоръ произнесъ:

«Скажи ему, что я говорилъ поанглійски съ своими нянькамн, а теперь духу не хватаетъ».

Я перевелъ такъ:

«His Magesty says that spok englich with his norces—but naw he is not bold enaugh».

Я стоялъ довольно близко отъ императора, и когда я кончилъ мою фразу, государь, взглянувъ на меня благосклонно, милостиво коснулся плеча моего, положивъ на него два пальца своей руки.

Ободренный такимъ благоволеніемъ, я почувствовалъ возвращающуюся ко мнѣ смѣлость.

Но это было мгновенно—государь сдѣлалъ тотчасъ вопросъ Гаррисону, поразившій меня новымъ страхомъ.

«Спроси его, сказалъ императоръ, видѣлъ ли онъ бригъ Камчатку, прибывшій на дняхъ въ Кронштадтъ изъ Соединенныхъ Штатовъ?»

Мнѣ представилось, что вотъ посыплются морскіе термины для меня непонятные—что и случилось. Но къ счастью моему, всѣ онѣ были знакомы государю, и онъ далъ мнѣ понять, что переводить выраженія Гаррисона излишне.

Такъ кончилась аудіенція, оставившая во мнѣ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе. Государь отпустилъ насъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.—Для меня же послѣдствіемъ этого случая было немедленное производство въ званіе камергера двора его величества, награда тѣмъ болѣе драгоцѣнная, что я не носилъ званія камеръ-юнкера.

Припоминая эти случаи изъ моихъ личныхъ впечатлѣній, не лишнимъ считаю привести нѣкоторыя черты величія незабвеннаго императора и по отношенію къ отцу моему.

Какъ я уже упомянулъ, отецъ мой управлялъ канцеляріею министра внутреннихъ дѣлъ.

Однажды, во время управленія министерствомъ Ланскаго, онъ представилъ отца моего къ ордену св. Анны 1-й степени.

Эта награда была занесена въ общій списокъ нѣсколькихъ лицъ при докладѣ, отправленномъ къ государю, въ бытность его въ Москвѣ.

По возвращеніи доклада оказалось, что всѣ награды были утверждены, имя же отца къ удивленію осталось съ пробѣломъ.

Такое исключеніе подѣйствовало на отца удручающимъ образомъ, онъ обратился за разъясненіемъ къ Закревскому, смѣнившему въ то время Ланскаго.

Но Закревскій недоумѣвалъ самъ и разрѣшилъ отцу обратиться съ просьбою къ самому государю.

Въ отчаяніи отецъ написалъ государю письмо, умоляя вразумить его, чѣмъ онъ могъ навлечь на себя монаршее не благоволеніе.

Черезъ три дня полученъ былъ отвѣтъ шефа-жандармовъ графа Бенкендорфа.

«На всеподданнѣйшее прошеніе ваше, государь императоръ соизволилъ повелѣть сообщить вашему превосходительству, что его величество ничего противъ васъ не имѣлъ и не имѣетъ и въ то же время находитъ съ вашей стороны излишнимъ утруждать особу его этимъ прошеніемъ».

По прошествіи нѣсколькихъ дней, отцу были присланы знаки ордена св. Анны 1-й степени.

Въ другой разъ государь безъ всякаго представленія назначилъ отца моего въ сенаторы, но при этомъ собственноручно подчеркнулъ: «спросить однако Закревскаго».

Я вспоминаю эти незначительныя обстоятельства, только потому, что и въ нихъ проявилось величіе государя Николая Павловича. Память моя уже слабѣетъ и воспоминанія эти кратки; но за то они правдивы.

М. М. Михайловъ.

И. Н. КРАМСКОЙ ВЪ ЕГО ВЗГЛЯДАХЪ НА ИСКУССТВО.

I.

РЕДИ художниковъ очень рѣдко встрѣчается счастливое сочетаніе творческаго дара съ даромъ проницательнаго критическаго анализа. Много ли найдется писателей-художниковъ, одаренныхъ талантомъ критика въ равной степени съ талантомъ творца художественнаго слова? Много ли музыкантовъ, скульпторовъ, живописцевъ, писавшихъ объ искусствѣ съ такимъ же глубокимъ и тонкимъ пониманіемъ общихъ условій его существованія, съ такимъ же пониманіемъ всѣхъ эстетическихъ и техническихъ частностей, съ какимъ они писали свои оперы и симфоніи, картины и портреты, съ какимъ ваяли свои статуи, одушевляя рѣзцомъ мраморъ? Въ психіатріи существуетъ даже мнѣніе, что художественныя способности часто сопутствуютъ умственному вырожденію, что онѣ могутъ сочетаться чуть ли не съ идіотизмомъ, что, наконецъ, у художниковъ почти всегда фантазія развивается на счетъ ума и, слѣдовательно, талантъ (по преимуществу живописный и музыкальный) можетъ уживаться съ весьма микроскопическимъ интеллектомъ. Конечно, психіатрія оговаривается, что ея наблюденія справедливы по отношенію къ талантамъ средней руки, третьестепеннымъ и десятистепеннымъ: великое художественное произведеніе не можетъ создать идіотъ; но можетъ, конечно, человѣкъ средняго ума и огромной фантазіи. Словомъ, такъ или иначе, въ художественномъ творчествѣ умъ играетъ роль подчиненную, второстепенную и зачастую даже враждуетъ съ тѣмъ, что мы привыкли называть та-

лантомъ, съ той прирожденной воспріимчивостью къ звукамъ, краскамъ и формамъ, съ прирожденной способностью думать звуками, образами, красками и формами. Исключенія бываютъ крайне рѣдки: гармоничныя сочетанія мыслителя и художника въ одномъ человѣкѣ извѣстны наперечетъ.

Крамской принадлежитъ къ такимъ именно счастливымъ и рѣдкимъ исключеніямъ, хотя съ нѣкоторой оговоркой, которую, вѣроятно, приметъ всякій, прочитавшій его недавно изданную переписку въ количествѣ около четырехсотъ писемъ къ разнымъ лицамъ и статьи его по вопросамъ искусства [1]). Эта оговорка заключается въ томъ, что въ Крамскомъ замѣтенъ перевѣсъ мыслителя-критика надъ художникомъ-творцомъ. Сложись жизненныя обстоятельства Крамского иначе, получи онъ систематическое образованіе, которое бы развязало ему руки и развило бы природныя критическія способности, мы имѣли бы въ немъ дѣйствительно великаго художественнаго критика. Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни Крамской, не создавая ничего особенно-крупнаго, становится въ своихъ письмахъ рѣшительно создателемъ художественной критики, является первымъ русскимъ настоящимъ художественнымъ критикомъ, ясно намѣтившимъ пути русской живописи, точно и добросовѣстно сдѣлавшимъ анализъ своихъ наблюденій надъ ея развитіемъ и давшимъ оцѣнку значительнѣйшихъ явленій живописи иностранной. Крамской самъ сознается, что онъ «самоучка во многомъ», что не занимался спеціально живописью и пасуетъ передъ многими «бронзовыми головами», которыя знакомы со всѣми теоріями и теченіями въ какой-либо спеціальности, при полномъ отсутствіи непосредственнаго чувства, художественнаго чутья. Но если Крамской не рѣшался выступать въ качествѣ критика публично, для чего у него не было апломба систематической образованности, то жившая въ немъ потребность высказываться находила исходъ въ письмахъ, зачастую переходящихъ размѣры печатнаго полулиста. Книга писемъ Крамского никогда не забудется въ исторіи нашего искусства, ибо въ ней читателю раскрывается содержаніе русской школы живописи и эта школа предстаетъ во всей своей яркой самобытности, обнажая свою душу, показывая свои стремленія и отношенія къ живописи другихъ странъ. Книга писемъ этого даровитаго самородка увлекаетъ постоянной и страстной возбужденностью мысли, неизмѣнной простотой тона, удивляетъ тонкой проницательностью и рѣдкой ясностью взглядовъ. Она проникнута огненной любовью къ искусству,—любовью тревожной за его судьбы, строгой и настойчивой въ его не-

---

[1]) Иванъ Николаевичъ Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837—1887. Издалъ Алексѣй Суворинъ. Съ факсимиле и двумя портретами. Спб. 1888.

устанномъ совершенствованіи,— любовью восторженной ко всякой выдающейся картинѣ, въ которую Крамской поистинѣ влюблялся, изучалъ ее въ подробностяхъ, пропагандировалъ ее, гдѣ только могъ, и успокоивался не раньше, чѣмъ бывъ убѣжденъ, что картина произвела впечатлѣніе и запомнилась. Право на историческое значеніе этой книги выстрадано Крамскимъ, ибо самъ онъ, кипѣвшій внутренней потребностью творчества, говоритъ: «страдалъ же и я также надъ искусствомъ, вопрошалъ и я боговъ—что̀ такое искусство?»—и съ этимъ, конечно, безпрекословно согласится всякій, читавшій его превосходную книгу, въ которой на каждой страницѣ видѣнъ независимый умъ, всему ищущій разрѣшенія и окончательной разгадки.

Упорно отстаивая права на полную самостоятельность, почитая искусство величиной необъятной, Крамской относился съ страстной нетерпимостью ко всякому принужденію въ дѣлѣ искусства, былъ неумолимо строгъ къ себѣ, умаляя предъ искусствомъ свое дарованіе и боясь до ужаса всякаго ложнаго шага; въ смѣломъ и напряженномъ исканіи истины онъ дѣйствовалъ съ рѣдкой страстностью увлеченія и суровой прямотой логики. Эта независимость характера, эта умственная самостоятельность выработалась въ Крамскомъ, благодаря тому, что, во-первыхъ, это былъ человѣкъ настойчивый, энергичный, по натурѣ цѣльный и крѣпкій, а, во-вторыхъ, жизнь заставила его проявить и развить эти качества: послѣ отказа отъ академическаго конкурса на большую золотую медаль, не усумнившись выйти на «страшную свободу», Крамской вмѣстѣ съ тринадцатью товарищами былъ предоставленъ собственной энергіи, наблюдательности и догадкѣ при полномъ отсутствіи руководства и какой бы то ни было поддержки. Скоро между молодыми художниками явилась нѣкоторая организація, благодаря Крамскому, въ которомъ съ страстнымъ художническимъ темпераментомъ уживалась серьезная и трезвая ясность ума, здравомысленность и практичная дѣловитость. У Крамского былъ несомнѣнный организаторскій тактъ, онъ былъ энергическимъ проповѣдникомъ всякаго предпріятія, обѣщавшаго помощь и поддержку художникамъ: по его идеѣ на первыхъ порахъ по выходѣ изъ академіи устроилась артель художниковъ, въ которую всякій художникъ долженъ былъ вносить 25% своего заработка, при помощи же Крамского создалось и нынѣшнее «Товарищество передвижныхъ выставокъ». Возникла новая молодая сила, соперница академіи, съумѣвшая оригинальнымъ направленіемъ художественныхъ идей обратить на себя вниманіе общества и доказавшая возможность признанія правъ за русскимъ искусствомъ и самостоятельности его задачъ. Благодаря Крамскому, русской живописи удалось доказать (это было кореннымъ убѣжденіемъ покойнаго художника), что русское искусство

имѣетъ свою почву, должно имѣть свои особенныя задачи и свою исторію.

Видя пагубность академическаго вліянія, тянувшаго молодое русское искусство на общіе пути сохраненія обветшалыхъ традицій, Крамской ненавидѣлъ за это академію и патетически замѣчалъ, что она «новорожденнаго младенца (русское искусство) пеленать не умѣетъ даже,—она его непремѣнно задушитъ» (стр. 369). Признавая самую незначительную пользу за академіей, Крамскій ненавидѣлъ ее за то, что она душила молодыя дарованія, онъ боялся за судьбу молодежи, находящуюся въ академическихъ рукахъ, стремясь еще при жизни обезпечить свободу роста новаго русскаго искусства, мечтая о школѣ живописи свободной и широко гуманной, ибо академія теперь—«сторожъ, дожившій до глубокой старости при пустомъ храмѣ, не имѣя къ тому же капитала на ремонтъ».

Новая школа живописи должна была помѣщаться въ большомъ зданіи, которое передвижники собирались построить для своихъ выставокъ и въ которомъ, кромѣ того, должны были находиться мастерскія для художниковъ. Это былъ грандіозный планъ новой академіи, учрежденіе которой сыграло бы громадную роль въ исторіи русской живописи. Но, къ сожалѣнію, этому замыслу не суждено было осуществиться, какъ и другому, не менѣе плодотворному, о которомъ Крамской такъ хлопоталъ въ послѣдніе годы,— замыслу объ устройствѣ художественнаго съѣзда.

Такимъ образомъ, книга писемъ Крамского рекомендуетъ его публикѣ съ совершенно новыхъ, интересныхъ и незабвенныхъ для исторіи искусства сторонъ. У Крамского въ этомъ отношеніи былъ лишь одинъ предшественникъ—творецъ картины «Явленіе Христа народу», нашъ Ивановъ, въ которомъ глубокій мыслитель въ дѣлѣ искусства сочетался съ крупнымъ художникомъ. Но если Ивановъ ограничивается въ своей перепискѣ только сферою своей спеціальности—искусствомъ религіознымъ, историческимъ, то Крамской глубоко понимаетъ и бытовое, національное и реальное искусство, которое развернулось пышнымъ цвѣтомъ лишь по смерти Иванова и не было ему знакомо, составляя между тѣмъ одну изъ главныхъ задачъ нашего времени. Крамской являетъ очень много сходныхъ и родственныхъ чертъ въ своей натурѣ при сравненіи его съ Ивановымъ, который былъ для недавно усопшаго художника дѣйствительно во многомъ учителемъ и предтечей. У обоихъ мы замѣчаемъ наклонность къ библейскимъ сюжетамъ, у обоихъ умъ перевѣшивалъ непосредственный талантъ, который они какъ будто хотѣли наверстать постояннымъ пристальнымъ вниманіемъ ко всѣмъ подробностямъ своего дѣла, оба страстно любили его, были глубокими, истинными художниками въ душѣ, страдая подчасъ отъ недостатка мѣткости въ выборѣ красокъ, не переносившихъ на по-

лотно то, что они видѣли въ природѣ и въ себѣ самихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сходствуя по характеру творчества съ Ивановымъ, Крамской, будучи, кромѣ того, портретистомъ, сильно превосходилъ послѣдняго разнообразіемъ и гибкостью своей натуры вообще и художественной критики въ частности. Объ этомъ мы говорили выше и будемъ еще говорить, приступая къ детальному анализу взглядовъ Крамского на искусство.

Крамской въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ (№ CCCLXIV, отъ 30-го января 1887 г.), чувствуя свою природную критическую силу, говоритъ о себѣ такъ: «я не то, чтобы былъ непогрѣшимый критикъ, но утверждаю о себѣ, что если мнѣ что понравится и засядетъ, въ томъ есть что-нибудь». Эти слова совершенно вѣрны; Крамской рѣдко ошибался въ оцѣнкѣ какъ общаго склада таланта художника, такъ и въ оцѣнкѣ его отдѣльныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о присяжныхъ газетныхъ и журнальныхъ quasi-художественныхъ цѣнителяхъ и судьяхъ, которые любятъ авторитетнымъ тономъ изрекать авторитетныя нелѣпости, пользуясь или невѣжествомъ публики или угождая ея фальшивымъ вкусамъ. Въ письмахъ Крамского мы читаемъ неоднократныя жалобы на отсутствіе у насъ критики, на трудность работы въ потьмахъ, ибо нѣтъ такого человѣка, который бы «какъ голосъ совѣсти или труба архангела» оповѣщалъ художнику—идетъ ли онъ по настоящей дорогѣ или заблуждается. «Вмѣсто этого среди публики полное равнодушіе къ цѣлямъ и задачамъ искусства; господствующіе взгляды и тенденціи, т. е. отсутствіе ихъ, возведено авторитетами въ принципъ, а въ средѣ художниковъ «повальное помѣшательство, нѣтъ голоса достаточно авторитетнаго, чтобы вывести изъ мрака всѣхъ потерявшихся и потерянныхъ. Съ одной стороны чиновникъ, напортившій и погубившій будущность искусства, съ другой алчность голодныхъ и слабыхъ натуръ дѣлаетъ и жизнь, и трудъ почти невозможными». Это дѣйствительно безотрадное положеніе заставляло чуткаго къ идеалу художника и отзывчиваго на высшую правду въ искусствѣ критика съ мрачнымъ сокрушеніемъ замѣчать: «Все такъ грубо кругомъ, такъ мало нужды въ интересахъ нѣсколько высшаго порядка, чѣмъ интересъ желудка, чина, улыбки особы, что бѣжалъ бы вонъ, далеко и безъ оглядки... Но куда? вотъ вопросъ». Въ самомъ дѣлѣ некуда было бѣжать, а приходилось уживаться съ тѣми «бронзовыми головами», которыми кишитъ общество, отъ которыхъ художнику даже страшно за человѣка становилось, которые оглушаютъ своимъ дикимъ ревомъ при появленіи выдающагося произведенія, восклицая: «Что это такое? Какъ можно это выставлять? Какъ позволяютъ»! и пр. и пр. Дѣйствовавшіе въ печати художественные критики по профессіи не удовлетворяли Крамского, и не

отъ нихъ онъ надѣялся услышать властный и авторитетный голосъ за настоящее искусство, который «раздавался бы такъ, чтобы мы, его слабые адепты, чувствовали, что горизонты говорящаго за насъ гораздо шире нашихъ собственныхъ, что сознаніе у нашего вожака и защитника зорко слѣдитъ и ничего не упуститъ безнаказанно, что должно быть наказано, что главныя положенія, служившія основаніемъ движенію, будутъ разъяснены съ должною полнотою, и споръ станетъ невозможнымъ». Конечно, Крамской не могъ дождаться такого времени, ибо не было силъ, которыя создали бы, удовлетворяя настоятельной потребности, такую истинно художественную критику, уничтоживъ водворившуюся въ ней «ликующую вакхалію». Истинный критикъ, по мнѣнію Крамского, долженъ имѣть идеалъ, захватывающій дальше всего, куда художникъ когда-либо достигалъ; онъ долженъ любить художника и понимать его, т. е. имѣть непосредственное художническое чутье; любовь смягчитъ суровость, оправдаетъ художника и найдетъ постоянную причину недочетовъ, а знаніе, пониманіе дѣла, не позволятъ вмѣстѣ съ тѣмъ спускать уровень требованій; онъ долженъ громко, какъ труба, провозглашать, что безъ идеи нѣтъ искусства, но въ то же время, и еще болѣе того, безъ живописи живой и разительной нѣтъ картинъ, а есть лишь благія намѣренія; критикъ долженъ помнить, что «идеи искренни», пока онѣ новы, но разъ имъ прошло одно-два поколѣнія, онѣ теряютъ остроту и интересъ, и если въ холстѣ, кромѣ идей, не окажется чисто живописныхъ качествъ, картина отправляется на чердакъ». Критикъ не долженъ: «выѣзжать на эстетикѣ», въ которой можно наговорить «съ три короба», не сказавъ ничего существеннаго, прочнаго; критикъ долженъ не гнушаться пріемомъ «разжевыванія», поступая какъ Бѣлинскій въ свое время, долженъ кропотливо, медленно, шагъ за шагомъ, выбивать старые предразсудки изъ ихъ позицій, для того, чтобы овладѣть прежде всего массой, а не аристократами мысли; для истиннаго критика мало сказать, а нужно доказать, нужно не бросать отрывочныя положенія на воздухъ, не оставлять ихъ висѣть въ пространствѣ изъ опасенія, что «ловкіе парни» все это потомъ нанижутъ на ниточку и высмѣютъ передъ публикой въ другихъ аудиторіяхъ. Отказываясь «убѣждать, убѣждать, разжевывать и вдалбливать», критикъ рискуетъ дождаться самыхъ неожиданныхъ результатовъ своей дѣятельности: онъ рискуетъ подвергнуться посмѣянію, не дождавшись торжества своихъ истинныхъ положеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обходя намѣченныя требованія отъ критики и расплываясь въ краснорѣчивомъ эстетическомъ туманѣ, критики будутъ только портить дѣло.

Таковъ былъ критическій идеалъ Крамского, для воплощенія котораго онъ носилъ въ своей богатоодаренной природѣ обильныя,

но, къ сожалѣнію, не развившіеся задатки. Всѣ же дѣйствовавшіе критики являлись воплощеніемъ какой-нибудь одной стороны, одной части истиннаго критика. Наиболѣе цѣнными качествами Крамской, конечно, считалъ въ критикѣ природныя чутье и любовь къ искусству, которыя онъ, напр., находилъ въ А. С. Суворинѣ. Съ истинно-дѣтскимъ восторгомъ Крамской привѣтствовалъ статьи Суворина о передвижной выставкѣ 1885 года, на которой между прочимъ была выставлена извѣстная картина Рѣпина: «Іоаннъ Грозный». Крамской беззавѣтно радовался, что нашелся человѣкъ, оцѣнившій съ точки зрѣнія общихъ положеній, одинаковыхъ для всѣхъ родовъ искусства, минуя все спеціальное,—оцѣнившій мѣтко главное произведеніе тогдашней выставки, разобравшій съ такимъ же чутьемъ и всѣ остальныя выдающіяся произведенія. «Еще ни разу, замѣчаетъ Крамской, съ художниками не говорили такимъ тономъ и съ такой точки зрѣнія. Вы признали за художникомъ права на творчество въ такой же мѣрѣ, какъ за писателемъ, и отсюда неисчислимыя послѣдствія. Художественные же критики критиковали самый холстъ, да еще высокомѣрно. Вы разбираете идеи художника, его голову — вотъ это важно и, повторяю, нужно». По этому-то Крамской и говорилъ, что статьи Суворина дѣйствуютъ «какъ хорошій освѣжающій душъ» и на публику, и на художниковъ. Не могъ, конечно, удовлетворить Крамского и В. В. Стасовъ, не смотря на свою любовь къ новой русской школѣ, не смотря на многія мѣткія замѣчанія объ ея значеніи и объ ея представителяхъ, — замѣчанія къ сожалѣнію, не достигшія значенія вполнѣ обоснованныхъ и вполнѣ доказанныхъ положеній, непреложныхъ для всѣхъ и каждаго. Неодобрительно отзывается Крамской и о Праховѣ, и о Чуйко, — особенно о послѣднемъ, совершенно отказывая ему въ главныхъ критическихъ дарахъ,—въ непосредственномъ чувствѣ, безъ котораго все написанное объ искусствѣ будетъ лишь мертвой, холодной и даже фальшивой теоріей. О Праховѣ же Крамской говорилъ, что это—«художественный бичъ», онъ распространяетъ «нездоровую атмосферу». Нездоровой атмосферой (можно, кромѣ того, прибавить гнилой и затхлой) Крамской по справедливости называлъ «это величіе Олимпа, эти непрерываемыя положенія, эти глубокомысленныя нѣмецкія мысли», отъ которыхъ у свѣжаго и чуткаго художника стыла кровь заранѣе.

II.

Самому Крамскому выступать въ роли критика мѣшало чувство приличія, или, лучше сказать, смущенія, боязнь быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, зависти и въ другихъ непохвальныхъ качествахъ. Къ этому, кромѣ того, присоединялась боязнь за отсутствіе

спеціальной теоретической подготовки для такой отвѣтственной роли. Печаталъ Крамской очень рѣдко и мало, большая часть статей его осталась неизвѣстной публикѣ при жизни ихъ автора. Въ этихъ статьяхъ, какъ и въ письмахъ, замѣчается при слабой теоретической обоснованности вся глубина, сила и тонкость художественнаго чутья Крамского, рѣдко подсказывавшаго критику ложныя мнѣнія. Для доказательства стоитъ лишь припомнить мастерскую оцѣнку картинъ В. В. Верещагина изъ ташкентской жизни, изъ индійской и изъ войны русско-турецкой 1877 года, стоитъ припомнить статью Крамского: «За отсутствіемъ критики», въ которой онъ безпощадно вѣрно анализировалъ фокусную картину «Христосъ» Габріэля Макса, письма по поводу картины Рѣпина «Іоаннъ Грозный», оцѣнки таланта Айвазовскаго, Шишкина, Куинджи, Перова, Иванова (которому Крамской посвятилъ цѣлую статью, но во многихъ отношеніяхъ не особенно удачную), отзывы о современныхъ художникахъ французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ (Матейко, Семирадскій), отзывы объ европейскомъ искусствѣ временъ Возрожденія и объ античныхъ твореніяхъ. Вообще, эти отзывы доказываютъ только одно: въ Крамскомъ сидѣлъ самородный крупный критическій талантъ, но теоретически не развившійся. Въ своихъ статьяхъ Крамской теоретическихъ положеній или избѣгаетъ, или говоритъ, сознаваясь въ этомъ, азбучныя истины, изъ прописей искусства. Вообще теорія, систематичность взглядовъ, стоящая въ уровень съ глубиной непосредственнаго пониманія, были слабыми сторонами Крамского. И въ этомъ, вѣроятно, была одна изъ главныхъ причинъ критической дѣятельности Крамского въ письмахъ, а не въ статьяхъ. Въ письмахъ Крамской тоже детально не развиваетъ своихъ взглядовъ: онъ говоритъ лишь о главныхъ, основныхъ положеніяхъ искусства живописи,—положеніяхъ, которыя въ литературѣ сдѣлались уже давно ходячей монетой, между тѣмъ какъ къ живописи ихъ еще и не примѣняли, а если и пытались это дѣлать, то неумѣло, односторонне, повинуясь отжившимъ традиціямъ.

Крамской былъ убѣжденъ, что искусство только тогда и сильно, когда оно національно, что общечеловѣческое пробивается въ немъ только сквозь національную форму; если же есть космополитическіе, международные мотивы, то всѣ они лежатъ далеко въ древности, отъ которой всѣ народы одинаково далеко отстоятъ. Онъ настаивалъ на необходимости серьезнаго идейнаго содержанія для живописи, гармонично соединеннаго съ формой, которая должна быть также значительна и выдержана, какъ и содержаніе. И то и другое находится въ тѣсной зависимости: «мысль, и одна мысль создаетъ технику и возвышаетъ ее». Если оскудѣваетъ содержаніе, то не понимается и достоинство исполненія. Къ сожалѣнію, это положеніе не доказалъ и не развилъ Крамской, находя даже, что на Западѣ

идетъ какъ будто на выворотъ. Если искусство начинаетъ преобладать въ жизни какого-либо народа,—это признакъ паденія, разложенія (Греція, Римъ, Италія временъ Возрожденія), ибо искусство въ общей экономіи общечеловѣческой и особенно въ государственной жизни народа не должно занимать очень виднаго мѣста. Въ современной Франціи Крамской видѣлъ подтвержденіе своему мнѣнію. Онъ замѣчалъ, что тамъ люди нарочно стараются не чувствовать глухихъ подземныхъ раскатовъ, что «искусство ушло въ блескъ, роскошь и ликованіе, стало подлымъ, замазываетъ щели, убаюкиваетъ стадо, отвращаетъ вниманіе и притупляетъ зоркость, присущую человѣку». Французское искусство сдѣлалось буржуазнымъ, ушло все въ исполненіе, утратило всякіе идеалы, ибо буржуазіи они и не нужны; той денежной буржуазіи, которая, награбивъ съ народа денегъ, хочетъ наслаждаться и требуетъ буржуазной, виртуозной музыки, искусства, политики, религіи, бросая баснословные деньги за картины. «Развѣ Патти—сердце?—замѣчаетъ Крамской.—Да и зачѣмъ ей это, когда искусство буржуазіи заключается именно въ отрицаніи этого комочка мяса: оно мѣшаетъ сколачивать деньгу; при немъ неудобно снимать рубашку съ бѣдняка, посредствомъ биржевыхъ сдѣлокъ». Относясь отрицательно къ современному западному искусству, Крамской всѣ свои упованія возлагалъ не безъ основанія на искусство русское, предрекая ему не въ далекомъ будущемъ выдающуюся общечеловѣческую роль. Въ русскихъ художникахъ Крамской видѣлъ живучесть «тѣхъ главныхъ положеній искусства», которыя обязательны для всѣхъ помимо личнаго вкуса и темперамента. На Западѣ отъ этого уклонились — и въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ паденія западнаго, почти исключительно виртуознаго, искусства. Крамской указывалъ на то, что теперь чрезвычайно трудно быть художникомъ, что теперь мало даже таланта, какъ бы онъ ни былъ великъ, и что ближайшая задача искусства, осуществляющаяся въ русской живописи и скульптурѣ,—это соединеніе таланта съ головой. «Если же этого химическаго соединенія не произойдетъ,—говорилъ Крамской,—искусство вредно и безполезно, пустая забава, и больше ничего». Онъ говорилъ, сознавая, что «думающіе и понимающіе художники рѣдкости», сознавая, что настоящее время—строгое время, въ которое съ одной стороны являются «коллективныя, колоссальныя подлости и разбой, разбой утонченный и цивилизованный, а съ другой—грандіозныя и величественныя, захватывающія духъ открытія науки, позволяющія уже почти построить философскую систему, обнимающую міръ внѣшній и внутренній».

Новая русская школа живописи потому поддерживала въ Крамскомъ надежды на будущность искусства, что въ ней за послѣднее двадцатипятилѣтіе появились существенные признаки самостоятельнаго отношенія русскихъ художниковъ, en masse, къ дѣйствитель-

ности, сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда движеніе это было только единичнымъ. Онъ говорилъ, что русское искусство несомнѣнно уже народилось, что оно уже вышло изъ младенчества, хворало, но при смерти не было, а теперь уже стало мальчикомъ, къ сожалѣнію, не имѣющимъ ни отца, ни матери. «Кое-что этотъ мальчикъ лепечетъ, — замѣчаетъ въ шутливо-ироническомъ тонѣ Крамской, — изрѣдка есть проблески оригинальныхъ идей; онъ учится самъ, то у дьячка, то у прохожаго солдатика, то такъ, шляясь по полямъ, у Господа Бога». Ближайшими задачами Крамской считалъ устройство школъ и мастерскихъ съ помощью государства и общества, отъ которыхъ, впрочемъ, онъ не надѣялся увидѣть помощи, ибо общества вообще въ Россіи нѣтъ, государство русскимъ не дѣлается. Школы и мастерскія нужны для того, чтобы продолжать традиціи народившагося русскаго искусства, поддерживать которыя академія рѣшительно не въ состояніи.

Крамской гордился русской школой, доказывая, что въ нынѣшней Европѣ не найдется художниковъ, равныхъ нашимъ, доказывая, что въ бытовомъ русскомъ искусствѣ заключена величайшая плодоносная сила. Русскіе художники, какъ и литераторы, тенденціозны, разумѣя слѣдующее отношеніе художника къ дѣйствительности. Художникъ, какъ гражданинъ и человѣкъ, принадлежа извѣстному времени, непремѣнно что-нибудь любитъ и что-нибудь ненавидитъ. Слѣдовательно, ему остается быть только искреннимъ, чтобы быть тенденціознымъ. Русскій художникъ не лжетъ на форму. Если же форма иногда и не удовлетворяетъ, то вовсе не изъ тенденціозности, а потому просто, что художникъ не сладилъ. По мнѣнію Крамского искусство грековъ тоже было тенденціозно, руководясь высокими мотивами религіи. Когда же оно забыло свои тенденціи, быстро выродилось въ забаву, роскошное украшеніе, а затѣмъ не замедлило сдѣлаться манернымъ и умереть. То же самое повторилось въ Италіи въ эпоху Возрожденія. Крамской былъ увѣренъ, что русское искусство завоюетъ уваженіе, и уваженіе широкое, начиная «съ правящихъ и направляющихъ его судьбами и кончая улицей».

Указывая на успѣхъ передвижныхъ выставокъ въ публикѣ, Крамской высказываетъ оригинальную мысль (во многихъ письмахъ) не желательное возникновеніе такой «безапелляціонной критики, которая бы сообщала художнику первичныя впечатлѣнія публики, прежде чѣмъ человѣкъ обмѣнялся съ кѣмъ-нибудь мыслями». Въ этомъ направленіи не положено еще ни одного камня, но это не должно смущать тѣхъ, кому это нужно, т. е. художниковъ. Крамской говорилъ, что онъ уже кое-что сдѣлалъ въ этомъ направленіи. Тогда бы не захватывали въ художественной критикѣ власти тѣ, кто громче кричитъ. Тогда критика была бы истиннымъ путеводителемъ русскаго искусства, въ которомъ оно такъ теперь

нуждается и съ помощію котораго она завоевала бы всеобщія симпатіи скорѣе и съ меньшимъ трудомъ.

Хотя Крамской и не былъ тѣмъ, что называютъ «классическій художникъ», увлеченный красотою формы, гармоничнымъ и симметричнымъ сочетаніемъ частей и фигуръ, влюбленный въ игру красокъ, но онъ глубоко понималъ классическое искусство, въ которомъ, кромѣ формы, поражаютъ «возвышенность мысли, сила, благородство, энергія, словомъ, тѣ высшія человѣческія свойства, которыми мы безъ святотатства надѣляемъ божественное». Такова голова Юпитера Олимпійскаго, такова Венера Милосская въ Луврѣ, которая, по мнѣнію художника, и настоящая богиня, и въ то же самое время реальнѣйшая женщина. Ея красота такъ сильно дѣйствовала на Крамского, что онъ начиналъ «опять юношески вѣрить въ счастливый исходъ судьбы человѣчества». Дѣйствительно, повторяемъ, художественное чутье у Крамского было исключительное. Какъ, напр., вѣрно онъ характеризовалъ талантъ Верещагина и разбиралъ его картины. Крамской замѣчалъ, что Верещагинъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые раскрываютъ глубокія драмы человѣческаго сердца. Онъ объективенъ гораздо болѣе, чѣмъ человѣку свойственно вообще. Онъ человѣкъ формальный, внѣшній, не смотря на свой громадный талантъ. Онъ великолѣпно пишетъ мертвую, неподвижную натуру и слабѣе все живое, предпочитая всегда при этомъ «перенести выраженіе съ головы на всю фигуру, а еще лучше на нѣсколько фигуръ, соединенныхъ вмѣстѣ, благодаря только какому-нибудь забористому событію». Глубоко вѣрно замѣчаніе, что у Верещагина замѣчается зачастую несоотвѣтствіе размѣровъ холста съ содержаніемъ картинъ, въ которыхъ, кромѣ того, сплошь и рядомъ не бываетъ ни начала, ни конца, нѣтъ исполненія характеровъ, стараясь замѣнить эту настоящую задачу художника — живописью, блескомъ, сюжетомъ. Въ его картинахъ замѣчается, по проницательному мнѣнію Крамского, «игра въ идейности», не выходящая изъ сострадающаго сердца. Подобныхъ отзывовъ и характеристикъ не мало разсыпано въ письмахъ и статьяхъ Крамского.

Глубоко любя русское искусство, ратуя за его преуспѣяніе, Крамской и самъ, какъ художникъ, былъ художникомъ чисто-русскимъ, глубокимъ и тонкимъ истолкователемъ библейскихъ сюжетовъ, или, вѣрнѣе, Евангельскихъ, раздѣляя въ данномъ случаѣ славу Иванова, являясь истиннымъ носителемъ тѣхъ высоко-гуманныхъ началъ, которыя Провидѣніемъ заложены въ русскую душу и выразителями которыхъ въ литературѣ нужно считать Достоевскаго и Толстого. Крамской не находилъ на Западѣ удовлетворительнаго изображенія «Христа, который помѣстилъ Бога въ самый центръ человѣческаго духа и идетъ спокойно умирать за это». Всѣ мысли о Христѣ въ письмахъ Крамского дышатъ возвышен-

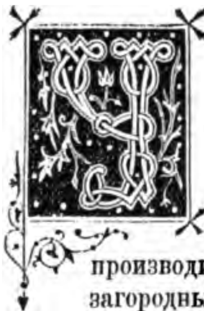
нымъ паѳосомъ, горячей любовью, искреннимъ увлеченіемъ. Христосъ былъ для Крамского средоточіемъ всѣхъ моральныхъ вопросовъ, какъ для Достоевскаго и Толстого. Поэтому-то, Крамской является истинно русскимъ художникомъ. Исторія будетъ всегда считаться съ его большими цивилизаторскими заслугами въ области живописи, въ области критики искусства и, вообще, въ сферѣ общественнаго самосознанія.

С. Тр—въ.

РАМАЗАНЪ ВЪ САМАРКАНДѢ И КУРБАНЪ-БАЙРАМЪ ВЪ БУХАРѢ.

МУСУЛЬМАНЪ Средней Азіи праздниковъ не много, но за то и справляются они основательно. Праздники эти: идъ-уль-фитръ—«розговѣнье», послѣ мусульманскаго поста, курбанъ-байрамъ—«праздникъ жертвоприношенія», и ноурузъ—«новый годъ», праздникъ весны. Послѣдній — установленіе гражданское, а не церковное, производитъ въ народѣ большое оживленіе и сопровождается загородными гуляньями, байгой (скачками), борьбой и тому подобной томашой. Увеселенія эти продолжаются иногда недѣли двѣ и въ разныхъ мѣстахъ бываютъ въ разное время; но обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ. Празднованіе «розговѣнья» и «жертвоприношенія» не отличается здѣсь, по бѣдности населенія, такою пышностію и торжественностію, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ, какъ въ Персіи и Турціи; но хлопотъ, заботъ и всякаго рода суеты, не мало и въ Туркестанѣ; а о тѣхъ безобразіяхъ, какимъ предаются, напримѣръ, шіиты-персіане въ праздникъ мухарремъ, нѣтъ у туркестанцевъ и помина.

Постъ установленъ Мухаммедомъ въ память ниспосланія корана въ рамазанъ—9-й мѣсяцъ года [1]). Постъ этотъ обязателенъ (фарзъ), какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Освобождаются отъ него

[1]) «Мѣсяцъ Рамазанъ есть тотъ мѣсяцъ, въ который ниспосланъ вамъ коранъ, въ руководство людямъ, въ объясненіе того руководства и различенія добра отъ зла. Кто изъ васъ въ этотъ мѣсяцъ находится дома, тотъ въ продолженіе его долженъ поститься; а кто будетъ боленъ, или въ путешествіи, тому такое же число дней поститься въ другой мѣсяцъ». Коранъ, переводъ Саблукова, гл. II, стихъ 181.

больные и путешественники (мусафиры), поэтому покойный эмиръ бухарскій всегда предпринималъ путешествія по ханству въ мѣсяцъ рамазанъ. Освобождается отъ поста и тотъ, кто удалился отъ своего мѣстопребыванія на три дня пути или остановился въ какой-либо мѣстности (хотя бы и въ родномъ городѣ) не болѣе какъ на 15 дней. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ требуется пеня въ пользу бѣдныхъ (черезъ муллу мечети въ своемъ кварталѣ)—3 нимча пшеницы за себя и по стольку же за своихъ членовъ семьи, хотя бы они и постились. Если жена у него беременна, то плата взимается и за будущаго младенца. По разсчету можно вносить пеню и деньгами.

Постъ мусульманскій (руза, или какъ произносятъ русскіе въ Туркестанѣ ураза) состоитъ, какъ извѣстно, въ полномъ воздержаніи отъ пищи, питья, куренія и т. д. въ теченіе всего дня, отъ зари до зари, и въ разрѣшеніи всѣхъ удовольствій ночью. Оттого мусульманскій постъ особенно тяжелъ, когда приходится лѣтомъ, и не только тяжелъ, а просто даже губителенъ: строгое воздержаніе днемъ и безобразное обжорство ночью производятъ усиленную смертность въ теченіе всего рамазана. Сарты, поступающіе въ услуженіе къ русскимъ, легче смотрятъ на свой постъ и въ одиночку почти не постятся, но если ихъ въ домѣ двое или больше, то постятся всѣ непремѣнно. «У русскихъ законъ не хорошъ,—говорилъ мнѣ одинъ сартъ,—имъ все равно постимся мы или нѣтъ; а въ Бухарѣ строго наблюдается за поведеніемъ народа: увидитъ реисъ, что ѣдятъ—сейчасъ плеть, курятъ—опять плеть». Хорошо благочестіе изъ-подъ плети!

Въ 1885 году, когда рамазанъ приходился на іюнь мѣсяцъ, довелось мнѣ быть въ Самаркандѣ и наблюдать мусульманскій постъ среди туземнаго населенія.

Не пользуясь календарями, въ которыхъ точно опредѣляется время появленія новой луны, туркестанцамъ приходится наблюдать это появленіе самымъ примитивнымъ способомъ: смотря на воду (въ прудъ или рѣку), или забравшись въ глубокій колодезь. Человѣкъ, который явится къ мѣстному казію съ заявленіемъ, что ему удалось увидѣть серпъ луны, получаетъ въ награду халатъ. Свидѣтельствовать можетъ всякій, кто представитъ двухъ поручителей, которые не откажутся, въ случаѣ надобности, присягнуть на коранѣ, что этому человѣку можно вѣрить. И въ такомъ случаѣ казій не имѣетъ права не вѣрить, хотя бы и былъ убѣжденъ въ противномъ. Желаніе получить награду отъ казія или бека возбуждаетъ соревнованіе наблюдателей, но богатымъ обыкновенно не удается первымъ увидать народившуюся луну: у бѣдняковъ глаза видятъ лучше. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бываютъ постоянные уже вѣстники рамазанскаго новолунія. Тамъ, гдѣ удалось раньше высмотрѣть народившуюся луну, и постъ начинается раньше; но

во всякомъ случаѣ разница бываетъ не болѣе, какъ на одинъ день. Оттого мусульманинъ въ Средней Азіи и не знаетъ: начнетъ ли онъ свой постъ сегодня или завтра. На этотъ случай арабы ввели даже особый терминъ въ свое законовѣдѣніе: яуму-ш-шакъ (день сомнѣнія). «Сомнѣніе» случилось и въ Самаркандѣ. Начала поста ожидали съ вечера пятницы 31 мая и приготовились уже начать постъ хорошимъ ужиномъ; но извѣщенія о наступленіи рамазана не послѣдовало, чему народъ былъ очень радъ. Въ Шехрисябзѣ, между тѣмъ, постъ былъ возвѣщенъ семикратными выстрѣлами изъ пушекъ и барабаннымъ боемъ въ пятницу, какъ сообщилъ мнѣ потомъ одинъ очевидецъ.

Въ субботу, 1-го іюня, наканунѣ перваго числа рамазана, въ 8 часовъ вечера, жители были возвѣщены о наступленіи поста особымъ сигналомъ, своего рода зорей, исполняемой на деревянныхъ трубахъ подъ акомпанементъ барабановъ (нагара). Музыканты, выводившіе своеобразныя мелодіи, помѣщались у мечети Ширъ-даръ. Масса народу собралась на площади (регистанъ), большинство составляли ребятишки, которые положительно бѣсновались и производили оглушительный вой. Взрослая молодежь тоже не оставалась спокойною: двое-трое молодыхъ парней схватывались руками и старались повалить одинъ другого. Только сѣдые старцы расхаживали чинно и какъ-то странно посматривали на толкавшагося среди ихъ русскаго; но ни отъ кого не слыхалъ я ни одного недоброжелательнаго выраженія. Изрѣдка приходили наши солдатики небольшими группами послушать туземной музыки. Женщинъ, конечно, не было ни одной. Болѣе часа продолжалась эта суматоха и прекратилась за совершенной темнотой.

Постъ начался. Воскресенье день базарный, но нѣтъ на базарѣ обычнаго оживленія и шума; всѣ ходятъ молча, какъ бы боясь утруждать себя не только работой, но даже разговоромъ; чайныя лавки пусты, и самоваровъ въ нихъ не видать. Къ 1 часу на базарѣ сдѣлалось совсѣмъ пусто: большинство предалось сну, гдѣ попало и какъ попало. Хотя коранъ и предписываетъ проводить время поста на молитвѣ въ мечетяхъ; но и спать не запрещается; сномъ и убиваютъ правовѣрные томительный день. Бодрствующіе же, истомленные жарой и воздержаніемъ, двигаются, какъ тѣни, возбуждая къ себѣ жалость въ постороннихъ наблюдателяхъ и придавая унылый видъ туземнымъ городамъ и селамъ. Рабочіе, принужденные добывать себѣ пропитаніе поденнымъ трудомъ, работаютъ только до полудня, но работаютъ вяло и болѣе мечтаютъ о снѣ, чѣмъ занимаются своимъ дѣломъ. Къ вечеру все оживаетъ. Лавки отпираются, зажигаются огни, и послѣ намаза пишинъ, «когда бѣлую нитку нельзя отличить отъ черной», начинается розговѣнье (ифтаръ). Въ Бухарѣ, гдѣ обыкновенно запрещается выходить на улицу, безъ крайней надобности, послѣ 8 часовъ вечера,

базаръ во время рамазана продолжается всю ночь (базари шабъ), и всю ночь народъ гуляетъ. Въ Самаркандѣ особенное оживленіе происходитъ за Пайкобакскими воротами и за городомъ, въ Календаръ-ханэ (дервишскій монастырь). Въ Календаръ-ханэ находится садъ, въ которомъ устроено множество чайныхъ лавокъ, съ огромными русскими самоварами, расположились продавцы фруктовъ, кумыса и кебаба, на мѣстѣ же, въ походныхъ очагахъ изготовляемаго. Тутъ же маскарабазы (актеры) потѣшаютъ публику своими представленіями, болѣе или менѣе скабрезнаго свойства: какъ дѣлятъ арыкъ, какъ мулла тащитъ въ школу ученика, и т. п.; тутъ и бачи, окруженныя толпой обожателей. Тутъ же пристроился французъ-фокусникъ, взимавшій съ посѣтителей по двугривенному за входъ въ свой балаганъ—цѣна для сартовъ очень большая. Въ обыкновенные дни Календаръ-ханэ открытъ до 9 часовъ вечера, а въ рамазанъ на всю ночь. За Пайкобакомъ происходятъ уже чистыя безобразія. Въ лунныя ночи сарты большими компаніями разъѣзжаютъ изъ Календаръ-ханэ къ Пайкобакскимъ воротамъ и обратно. Съ ущербомъ луны разгулъ нѣсколько ослабѣваетъ вслѣдствіе административнаго распоряженія русскихъ властей въ предупрежденіе несчастныхъ случаевъ, воровства и драки. И такъ, что̀ запрещается мусульманину днемъ, тѣмъ съ избыткомъ вознаграждаетъ онъ себя ночью. Конечно, не всѣ же безобразничаютъ. Очень многіе собираются въ компаніи, гдѣ муллы читаютъ книги религіознаго содержанія, и гдѣ развлекаются только чаемъ.

Часа въ 3 ночи, передъ разсвѣтомъ, раздается барабанный бой: это приглашаютъ правовѣрныхъ поѣсть, пока еще можно (сахàръ). И правовѣрные нагружаются пищей, сколько могутъ.

Въ кишлакахъ рамазанъ проводится гораздо скромнѣе, чѣмъ въ городахъ.

Жениться въ рамазанъ нельзя; свадьбы разрѣшены только въ послѣдніе три дня мѣсяца. Обрѣзаніе же можно совершать во весь постъ.

Какъ никто не знаетъ заранѣе, когда начнется постъ, такъ никто не знаетъ въ точности, когда онъ и кончится: для этого надо увидать народившуюся луну слѣдующаго мѣсяца шевваля. Но всѣ готовятся къ празднику (байрамъ, или идъ-уль-фитръ), и въ предполагаемый сочельникъ (рапа) закупаютъ провизію, заготовляютъ обновы домочадцамъ—семейный вопросъ великой важности. Подарки выражаютъ степень расположенія главы дома къ своимъ ближнимъ. Не съумѣетъ онъ удовлетворить ихъ сокровенныхъ желаній, эти ближніе отравятъ ему завтрашній праздникъ домашними сценами.

30 іюня барабанный бой въ 8 часовъ вечера возвѣстилъ окончаніе поста. Всѣ какъ-то оживились и повеселѣли. Хорошъ постъ, котораго ждутъ со страхомъ, исполняютъ со вздохами, а провожаютъ съ радостію!

1 іюля, послѣ намаза въ 10-мъ часу утра, открылось гулянье на регистанѣ. Лавки были отворены. Все почистилось; особенно замѣтно это на съѣстныхъ лавкахъ: ихъ побѣлили, печи завѣсили краснымъ кумачемъ. Народъ вырядился въ лучшіе халаты. На базарѣ и регистанѣ продается масса игрушекъ домашняго, самаго незатѣйливаго издѣлія: деревянныя лошадки, напоминающія жирафовъ, погремушки, глиняныя свистульки и т. д., и т. д. Люди достаточные разъѣзжаютъ на извозчикахъ - сартахъ: новый родъ развлеченій, явившійся при русскомъ владычествѣ. Въ гуляньѣ принимаютъ участіе и русскіе изъ простого народа.

Курбанъ-байрамъ бываетъ черезъ два мѣсяца и 10 дней послѣ рамазана, т. е. 10-го числа мѣсяца зиль-хидджe, служитъ воспоминаніемъ принесенія Авраамомъ въ жертву Богу сына своего Измаила [1]), (а не Исаака, такъ какъ Мухаммедъ измѣнилъ библейскій разсказъ). Празднество продолжается 4 дня. Въ первый день обязательно приносить жертвы, а мясо жертвенныхъ животныхъ раздавать бѣднымъ. Шаріатъ не расчитываетъ на великодушіе людей и состраданіе ихъ къ своимъ ближнимъ, а потому опредѣляетъ весьма точно, кто сколько обязанъ жертвовать, сообразно получаемому доходу или количеству свободныхъ денегъ въ это время. Кто имѣетъ 200 тенегъ (40 рублей), тотъ обязанъ заколоть одного барана. Сообразно увеличенію дохода увеличивается и жертва: дѣло доходитъ до коровы, лошади и, наконецъ, верблюда. Но такъ какъ исполненіе этого постановленія возлагается на совѣсть каждаго, то человѣкъ скупой и малосовѣстливый всегда съумѣетъ усчитать свой доходъ въ свою пользу. Бѣдняки приносятъ жертвы по усердію, кто чѣмъ можетъ.

Въ 1885 году мнѣ пришлось быть во время праздника курбанъ-байрама въ Бухарѣ, еще при прежнемъ эмирѣ Музаффарѣ, и я обратилъ особенное вниманіе на это торжество. Вотъ какъ оно происходило.

Наканунѣ праздника (это было 6 сентября), когда поминаютъ умершихъ родственниковъ [2]), отъ имени эмира раздавались по ме-

[1]) См. Коранъ, гл. 37, стр. 81—112. Разсказъ Корана о жертвоприношеніи довольно кратокъ, но преданія добавляютъ его. Въ Бухарѣ я слышалъ такую редакцію: Когда Авраамъ точилъ ножъ, въ то время Измаилъ обратился къ отцу съ такими словами: «зачѣмъ ты хочешь рѣзать меня этимъ ножемъ? быть можетъ онъ нечистый, и на мнѣ будетъ еще больше грѣха». Сталъ Авраамъ рѣзать сына, и ножъ не подѣйствовалъ. И вотъ явился Джебраилъ и приказалъ Аврааму оставить сына, а зарѣзать кушкара (баранъ-самецъ съ большими рогами). Авраамъ такъ и сдѣлалъ. Изъ крови кушкара выросъ бамбукъ, плодъ котораго имѣетъ форму бараньяго живота; оттого дервиши и употребляютъ для сбора подаяній чашки изъ скорлупы этого орѣха. Женщины вѣрятъ, что коралъ появился также изъ крови кушкара.

[2]) Поминаютъ талкан'омъ: поджариваютъ пшеницу, толкутъ ее и смѣшиваютъ, кто съ русскимъ медомъ (богатые), кто съ мѣстной патакой (бѣдные), и тѣсто это ѣдятъ. При поминкахъ соблюдаютъ нечетъ (тока): хлѣбъ, напримѣръ, подаютъ въ нечетномъ числѣ.

четямъ деньги бѣднымъ людямъ, которыхъ въ Бухарѣ очень и очень много. Говорили, что эмиръ отпускаетъ для этой цѣли два лака серебряныхъ монетъ, т. е. 200,000 тенегъ (нѣсколько болѣе 40,000 рублей). Сумма довольно значительная; но такъ какъ на Востокѣ любятъ все преувеличивать, то я думаю, что эту цифру мы смѣло можемъ сократить хотя бы только на одинъ ноль. Въ 4 часа пополудни пробилъ барабанъ; а въ 5 часовъ провозглашено съ мечетей, что завтра послѣдуетъ праздникъ курбанъ-байрамъ. Въ 7 часовъ воззваніе было повторено вновь и продолжалось съ $^1/_4$ часа.

7 сентября, въ день праздника, съ ранняго утра раздался рѣзкій и непріятный бой въ барабаны, сопровождаемый трубными звуками. Музыка эта, замѣняющая, какъ и обычный азанъ, нашъ колокольный звонъ, продолжалась до 8 часовъ и прекратилась предъ началомъ моленія (намаза).

Моленіе совершается за городомъ, въ намазга, отстоящемъ отъ города версты на двѣ. Это обширная площадь, десятинъ въ 15, обнесенная глинобитною стѣною. Внутри ограды находится мечеть съ большимъ куполомъ. При мечети выстроено нѣсколько, соединяющихся между собою, келій для дервишей. Сюда, въ намазга, народъ собрался спозаранку: каждый старается занять мѣсто поближе къ мечети. Оригинальную картину представляла эта масса людей въ бѣлыхъ и цвѣтныхъ чалмахъ, въ пестрыхъ новыхъ халатахъ. На всѣхъ подобныхъ торжествахъ женщины отсутствуютъ. Онѣ или выглядываютъ украдкой изъ какого-нибудь укромнаго уголка, или спѣшно пробираются по своимъ дѣламъ, прижимаясь къ заборамъ улицъ и стѣнамъ жилищъ. Въ мужскомъ обществѣ имъ нѣтъ мѣста. Вся площадь внутри ограды была устлана чистыми коврами, на которыхъ богомольцы расположились цѣлыми семьями.

Моленіе началось не въ 7 часовъ [1]), какъ бы слѣдовало, а въ 9 часовъ, такъ какъ къ этому только времени пріѣхалъ эмиръ. Сейчасъ же раздался призывъ къ порядку: сафонъ-сафонъ, т. е. «въ ряды (становитесь), въ ряды»! Азанъ этотъ повторялся нѣсколько разъ семью муэззинами одновременно. Затѣмъ, имамъ всталъ передъ михрабомъ (ниша въ мечети указывающая направленіе киблы), поднялись и всѣ присутствующіе и изготовились къ молитвѣ, отпустивъ назадъ конецъ чалмы (фачъ [2]) и выстроившись въ ряды (сафъ). Предварительно читается эктенья (хутба), а затѣмъ начинается моленіе, состоящее изъ двухъ ракятовъ, приступая къ совершенію которыхъ, молящійся говоритъ про себя: «вознамѣрившись совершить два ракята намаза праздника курбанъ, обращаюсь къ киблѣ, той киблѣ, что въ каабѣ, и подражаю здѣсь предстоящему имаму. Богъ Великъ»! Такъ какъ занимающій пло-

---

[1]) Молитву въ этотъ день надо начинать тогда, когда солнце поднимется надъ горизонтомъ на высоту ростущаго дерева или на два копья.

[2]) Простой народъ не наблюдаетъ строго длину фача, но у имама она должна быть не менѣе 7 кавзъ (мѣра соотвѣтствуетъ величинѣ кулака).

щадь народъ не можетъ ни видѣть, ни слышать имама, то въ разныхъ мѣстахъ намазга разставлены **такбирчи** (возглашатели), числомъ быть можетъ до сотни, которые и повторяютъ возгласы имама послѣдовательно другъ за другомъ; но и то далеко не всѣ слышали такбирчи, въ особенности тѣ которые находились на улицѣ.

Для эмира особаго мѣста въ мечети не полагается: первые ряды занимаютъ сейиды и ходжи (потомки Мухаммеда), а эмиру приходится становиться уже позади ихъ.

За намазомъ слѣдуетъ жертвоприношеніе, но предварительно имамъ читаетъ народу поученіе на тему о милостынѣ и дѣлаетъ наставленіе на счетъ обряда закланія жертвы. Эмиръ жертвуетъ верблюдомъ, но самъ, какъ мнѣ передавали, не закалываетъ его, такъ какъ шаріатъ допускаетъ совершеніе обряда по довѣренности: эмиръ беретъ въ руки одинъ конецъ чалмы или какой-либо ткани, а другой держитъ рѣзакъ, который и закалываетъ животное. Имамъ получаетъ отъ эмира халатъ.

По окончаніи церемоніи, часовъ около 10, возобновился барабанный бой, съ большею чѣмъ прежде силою. Народъ устремился вонъ и у воротъ произошла страшная давка, не всегда проходящая благополучно. Весь путь отъ города до намазга уставленъ лотками съ съѣстными припасами, фруктами, игрушками. Тутъ продается жареная рыба, баранина, лепешки, крашеныя куриныя яица, которыхъ навалены цѣлыя горы, виноградъ, арбузы, дыни и проч. При этомъ наблюдается извѣстный порядокъ: продукты разложены рядами, сообразно ихъ однородности. Муллы и дервиши раздаютъ народу несмѣтное количество молитвъ (**дуа**), написанныхъ на лоскуткахъ бумаги, въ предупрожденіе отъ разныхъ напастей, одолѣвающихъ человѣчество. Отплачиваютъ за эти молитвы, кто чѣмъ можетъ, обыкновенно даютъ по одной **чакà** (въ одной нашей копѣйкѣ 3 **чакà**).

Лавки запираются на два дня, и торговля въ это время принимаетъ своеобразный видъ, располагаясь на площадяхъ и большихъ улицахъ. Мужская половина населенія толпами шествуетъ по улицамъ и вполнѣ наслаждается уличною жизнію, столь любезною азіатцамъ. Каждый старается принять участіе во всеобщей **томашѣ**; но тѣхъ безобразій, которыя такъ неразлучны съ нашими народными гуляньями, здѣсь не бываетъ по отсутствію главной причины всѣхъ безобразій—спиртныхъ напитковъ. Народъ усердно тѣшится пляскою бачей, представленіями маскарабазовъ или наслаждается чаемъ въ чай-ханэ.

На слѣдующій день, 8-го сентября, эмиръ съ 7 часовъ утра принималъ отъ народа поздравленія съ праздникомъ. На третій день праздество замѣтно слабѣетъ, все мало-по-малу приходитъ въ обычную колею, и взбудораженное населеніе возвращается къ своимъ постояннымъ занятіямъ. **Н. И. В.**

СВѢДѢНІЯ ОБЪ АРХИМАНДРИТѢ ФОТІИ, СОБРАННЫЯ НА МѢСТѢ ЕГО РОЖДЕНІЯ, ВЪ СЕЛѢ ЯМЪ-ТЕСОВѢ, НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ И УѢЗДА.

РХИМАНДРИТЪ Фотій, по метрической записи, сынъ дьячка Спасскаго погоста Никиты Ѳедорова, родился 6-го іюня 1792 года и при крещеніи названъ Петромъ. Отецъ его по малочисленности прихода, собственной безпечности и пристрастію къ спиртнымъ напиткамъ, жилъ очень бѣдно. Впрочемъ, не смотря на его нравственные недостатки, онъ потомъ былъ посвященъ въ дьяконы къ той же церкви. Будучи дьякономъ, онъ овдовѣлъ и захотѣлъ вступить во второй бракъ, а такъ какъ дьякону это запрещается, то онъ снялъ съ себя дьяконскій санъ и женился вторично. Такимъ образомъ, Фотій родился и выросъ въ бѣдности, въ малолѣтствѣ лишился матери, а въ жизни отца не могъ видѣть примѣра достойнаго подражанія. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ была замѣтна наклонность къ уединенію и размышленію. Онъ чуждался своихъ сверстниковъ и не любилъ предаваться дѣтскимъ играмъ и развлеченіямъ. Когда онъ обучался въ семинаріи, то отецъ его отъ пожара лишился своего дома и долгое время не могъ обзавестись собственнымъ кровомъ, такъ что Фотій, приходя изъ семинаріи на родину, иногда не зналъ, гдѣ и ночь провести. Въ это время одинъ изъ ближайшихъ помѣщиковъ, предводитель дворянства Петръ Ивановичъ Балле, изъ состраданія пригласилъ Фотія въ свой домъ, гдѣ онъ и жилъ лѣтніе каникулы.

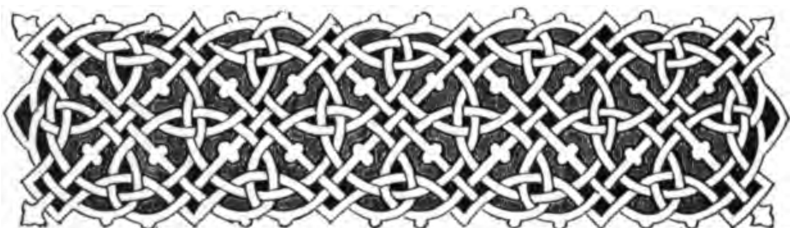
Здѣсь онъ обучалъ дѣтей помѣщика преимущественно Закону Божію и ни чуть не былъ похожъ на обыкновеннаго молодого человѣка: былъ крайне скроменъ, молчаливъ, никогда не входилъ въ

молодое общество, ѣлъ рѣдко, умѣренно и то только пищу постную. Любимое его блюдо было овсяный супъ, и тотъ безъ соли. Когда хозяинъ дома говорилъ Фотію, что у него супъ безъ соли, онъ отвѣчалъ: «Если посолить, то много съѣмъ». Въ свободное отъ занятій время, Фотій читалъ богослужебныя книги, не пропускалъ ни одной церковной службы и на клиросѣ помогалъ читать и пѣть. Когда обѣдня начиналась не сряду послѣ утрени, Фотій не выходилъ изъ церкви и иногда священникъ, приходя въ церковь, находилъ его спящимъ. Единственное развлеченіе Фотія состояло въ томъ, что въ протекающей мимо рѣчкѣ онъ удилъ рыбу. Впослѣдствіи, бывши архимандритомъ сначала въ Сковородскомъ монастырѣ, а потомъ въ Юрьевскомъ, Фотій повелъ жизнь пустынника: носилъ на голомъ тѣлѣ колючую волосяную рубашку и вериги. Хитонъ на немъ былъ изъ простой матеріи, пища самая простая и чрезвычайно умѣренная; вмѣсто чаю, онъ пилъ липовый цвѣтъ съ медомъ, а въ великій постъ обѣдалъ всего семь разъ и ѣлъ одинъ крупяный супъ; ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а если приходилось распорядиться по хозяйству, то онъ писалъ эти распоряженія на бумагѣ и, затѣмъ, передавалъ ихъ кому слѣдуетъ. Праздности не терпѣлъ и посылалъ на покосы не только монастырскихъ работниковъ и послушниковъ, но іеромонаховъ и іеродіаконовъ, а самъ наблюдалъ за ихъ работою. Пьянство тоже было для него невыносимо. По ночамъ онъ ходилъ по монастырю, заглядывалъ въ кельи монаховъ и если заставалъ ихъ за чтеніемъ книгъ, то оставался этимъ доволенъ, если же монахи пили чай, то разбивалъ всю посуду, а монаховъ наказывалъ. Послѣ осмотра келій, отправлялся нерѣдко за монастырскую ограду и тамъ блуждалъ всю ночь. Разъ, при такомъ осмотрѣ, онъ нашелъ монаха, который хотѣлъ перелѣзть черезъ стѣну по водосточной трубѣ, но труба обломилась и монахъ сломалъ себѣ ногу. Фотій сейчасъ же велѣлъ перенести больного въ сторожку, а на утро отправилъ его за ограду въ одну избушку, гдѣ за нимъ былъ назначенъ самый тщательный уходъ. «За монастыремъ я его нашелъ, за монастыремъ пусть же онъ поправляется»,—сказалъ Фотій. Монахъ поправился и былъ принятъ въ монастырь, но съ наложеніемъ на него строгой эпитиміи. Монахи въ Юрьевѣ монастырѣ до Фотія были очень распущены: ходили по ночамъ въ деревню, пьянствовали, пѣли пѣсни и, вообще, вели себя неприлично. Но со времени поступленія архимандритомъ Фотія, имъ уже не было прежней свободы. Фотій сажалъ пьяныхъ въ карцеръ, гдѣ приказывалъ ихъ наказывать метлами. Имѣя прекрасный теноръ, онъ завелъ у себя такой отличный хоръ, какого не было даже у архіерея. Мальчиковъ въ этотъ хоръ графиня Орлова присылала изъ своего имѣнія, гдѣ ихъ обучали пѣнію опытные регенты. Фотій служилъ часто въ соборѣ св. Георгія, чуть ли не каждый день и—съ царственною пышностью. Самъ посѣщалъ всѣ

службы и требовалъ того же отъ братіи. Однажды онъ пришелъ къ утрени и увидѣлъ въ церкви только однихъ служащихъ, изъ молящихся же не было никого, и на клиросѣ былъ только одинъ чтецъ. По окончаніи службы Фотій приказалъ въ трапезѣ на сей день ничего не готовить, а братію посылать на архимандритскую кухню. Братія отправляется послѣ обѣдни въ трапезу и находитъ двери ея запертыми. Ихъ посылаютъ къ архимандриту, и тамъ ничего нѣтъ; такъ цѣлый день имъ не давали ничего ѣсть, кромѣ тѣхъ, которые были на утренней службѣ. Фотій былъ и хорошимъ хозяиномъ. Такъ по его распоряженію насажена возлѣ Юрьевскаго монастыря роща и выкопанъ прудъ, которые до сихъ поръ служатъ его украшеніемъ. Фотій щедро надѣлялъ бѣдныхъ милостыней, особенно своихъ земляковъ. Этимъ пользовались корыстолюбцы и стали приходить къ нему за милостынею, называясь его земляками. Узнавши объ этомъ, онъ прекратилъ свои щедрыя подаянія. Келейникомъ у Фотія былъ старецъ Симеонъ, такой же молчаливый какъ и онъ самъ. Послѣ его смерти, Симеонъ далъ обѣтъ молчать три года. Разъ крестьяне деревни Яма, въ полночь, услышали колокольный звонъ, и когда они пошли въ церковь узнать причину такого необычайнаго звона, то увидѣли церковь освѣщенною, какъ въ Христову заутреню и изъ нея доносилось до нихъ прекрасное пѣніе. Оказалось, что это на свою родину пріѣхалъ Фотій съ братіею и своими пѣвчими. На утро крестьяне стали просить Фотія объ устройствѣ каменной церкви, такъ какъ до сего времени существовала деревянная, да и та уже ветхая. И, дѣйствительно, Фотій построилъ имъ на свои средства каменный храмъ, а для священника каменный домъ. Храмъ этотъ во имя Спасителя былъ освященъ самимъ Фотіемъ 1835 году. Здѣсь къ Фотію—между другими — подвели молодого парня, у котораго сильно болѣли глаза. Фотій благословилъ и спросилъ больного:—«Хочешь ли жить въ монастырѣ»? Тотъ изъявилъ свое согласіе.— «Ну, такъ приходи ко мнѣ», — сказалъ Фотій. Больной скоро поправился и прибылъ съ отцомъ своимъ въ Юрьевъ монастырь. Здѣсь въ кельѣ Фотій принялъ ихъ ласково и далъ парню большую просфору, приказывая отламывать по маленькому кусочку и при чтеніи «Богородице» съѣдать, а самъ вышелъ. Парень всталъ на колѣни и началъ ѣсть просвирку. «Мнѣ, разсказывалъ онъ, и надоѣло уже ѣсть по маленькому куску, я и давай уписывать просфору большими кусками; какъ вдругъ во рту что-то зазвенѣло, — гляжу — золотой». Фотій вошелъ, я и говорю ему: «Ваше высокопреподобіе! я въ просфорѣ нашелъ золотой.—«Это тебѣ Богородица дала»,—говоритъ Фотій,— «что же ты съ нимъ будешь дѣлать»?—«Да что прикажете ваше высокопреподобіе».—«Ну такъ отошли его матери. А съ кѣмъ же ты его пошлешь»?—«Да съ отцемъ, ваше высокопреподобіе, больше не съ кѣмъ, а впрочемъ, какъ прикажете».—«Нѣтъ, нѣтъ,—пошли

его съ отцомъ».—«На прощаніе Фотій далъ отцу еще золотой и просфору, которую велѣлъ передать матери. Я же остался при монастырѣ». Обстановка кельи Фотія была скромная, но нельзя сказать чтобы очень бѣдная. Онъ часто уединялся на молитву, но неизвѣсто куда и только послѣ его смерти нашли въ его кельѣ потайной ходъ, который велъ въ подземелье, гдѣ горѣла лампада передъ образомъ, и гдѣ Фотій завѣщалъ похоронить себя. Теперь на томъ мѣстѣ, по его же завѣщанію, устроена церковь. Родину свою Фотій никогда не забывалъ и, уже бывши архимандритомъ и имѣя большой вѣсъ въ обществѣ, много помогалъ и покровительствовалъ бывшему своему благодѣтелю, помѣщику Балле. Такъ какъ помѣщикъ этотъ былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, то Фотій обращалъ вниманіе и на его духовную сторону и обратилъ его въ православіе. Всѣ крестьяне-прихожане Спасскаго погоста, во всякое время находили у Фотія помощь и радушный пріютъ. Въ концѣ своей жизни, Фотій былъ принужденъ слечь въ постель. Болѣзнь его страшно изнурила. Графиня Орлова и генеральша Веригина почти день и ночь дежурили при одрѣ умирающаго. Въ средокрестную недѣлю Фотію было особенно тяжело. Увидѣвъ Веригину и Орлову, онъ спросилъ, что имъ здѣсь нужно?—«Мы хотимъ дождаться вашего послѣдняго часа». — «Не дождаться вамъ его», и затѣмъ, помолчавъ немного, прибавилъ: «я умру тогда, когда въ колоколъ мѣдь впустятъ». На той же недѣлѣ съ субботы на воскресенье въ полночь монахи, изготовлявшіе новый колоколъ, впустили растопленную мѣдь ровно въ 12 часовъ ночи и въ тотъ же мигъ раздался протяжный унылый звонъ самаго большого монастырскаго колокола. Братія тотчасъ же поняла, что архимандритъ Фотій отдалъ душу Богу. Когда хотѣли снять съ тѣла почившаго вериги, то это оказалось невозможнымъ, потому что они какъ бы вросли въ тѣло. Двѣ недѣли тѣло Фотія не предавалось погребенію, такъ какъ архіерей былъ въ отъѣздѣ и окружающіе гробъ почившаго дожидали прибытія владыки. Во все это время тѣло Фотія не издавало никакого запаха. По пріѣздѣ архіерея, Фотій былъ погребенъ съ подобающей торжественностью. Его три раза обносили вокругъ монастыря, останавливаясь у каждой стороны свѣта для совершенія литіи. На родинѣ о немъ сохранились самыя отрадныя воспоминанія. Имя Фотія произносится прихожанами Спасскаго погоста съ какимъ-то благоговѣніемъ. Во всемъ приходѣ нѣтъ ни одного поминанія, подаваемаго въ церковь, въ которомъ на первомъ мѣстѣ не былъ бы записанъ священно-архимандритъ Фотій.

И. Можайскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Томъ первый. Часть первая. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

ОЯВЛЕНІЕ русскаго перевода книги Гайма и радуетъ и печалитъ насъ одновременно; радуетъ потому, что это одна изъ самыхъ основательныхъ монографій по новой нѣмецкой литературѣ, которую, конечно, очень пріятно имѣть на русскомъ языкѣ въ хорошемъ переводѣ, а что переводъ г. Невѣдомскаго хорошъ, объ этомъ распространяться излишне; печалитъ по тому, что появленіе такого спеціальнаго, обширнаго и не отличающагося особенно блестящимъ изложеніемъ изслѣдованія не можетъ не напомнить намъ, сколько нѣмецкихъ книгъ потому же предмету болѣе необходимыхъ, и въ то же время болѣе пріятныхъ для чтенія, до сихъ поръ остаются у насъ безъ перевода. Мы имѣемъ только одну біографію Гете извѣстнаго Льюиса, біографію превосходную, но нѣсколько одностороннюю и теперь уже устарѣлую; мы не имѣемъ ни одной хорошей біографіи Лессинга (извѣстный рядъ статей въ «Современникѣ»—недоступная библіографическая рѣдкость); Дюнцеровы книги о Гете и о Лессингѣ нашли бы, безъ сомнѣнія, многихъ и многихъ читателей. Мы имѣемъ только одну біографію Шиллера извѣстнаго своею тенденціозностью Іог. Шерра, къ тому же, сколько помнится, въ плохомъ переводѣ. Съ 1885 года начала выходить въ Штутгартѣ біографія Шиллера, авторъ которой Рихардъ Вельтрихъ (Weltrich) равенъ съ Гаймомъ по основательности и усердію и далеко превосходитъ его по таланту изложенія, по умѣнью искусно группировать подробности въ живыя и блестящія картины нравовъ; а кто же не согласится, что біографія Шиллера для русскихъ несравненно

интереснѣе біографіи Гердера, изъ сочиненій котораго наша публика знаетъ только: «Мысли къ философіи исторіи человѣчества», да и то въ переводѣ 1829 года!

Соглашаемся, что можно взглянуть на дѣло и съ другой стороны: чѣмъ менѣе у насъ извѣстенъ Гердеръ, тѣмъ нужнѣе для насъ книга о немъ, которая могла бы заинтересовать русскихъ читателей къ изученію сочиненій знаменитаго учителя Гете и предшественника романтиковъ. Но для этой цѣли мы сочли бы болѣе подходящимъ переводъ лучше написанной книги Жоре (Charles Joret: «Herder et la renaissance littéraire ne Allemagne au XVIII siècle». Paris, 1875 года), нѣкоторыя неточности и слабыя мѣста которой переводчикъ могъ бы дополнить по тому же Гайму. Таймъ, пріобрѣтшій почетную извѣстность въ 1870 году своей книгой: «Die romantische Schule, ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Geistes», принадлежитъ къ числу тѣхъ солидныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей, труды которыхъ—находка для спеціалиста и тяжелая, неудобоваримая пища для обыкновеннаго читателя. Гердера Гаймъ знаетъ, какъ никто во всей Германіи (онъ редактировалъ единственное вполнѣ критическіе изданіе его сочиненій); для его біографіи онъ изучилъ до послѣдней черточки всѣ студенческія тетрадки Гердера, всѣ коллекціи писемъ его знакомыхъ; въ то же время онъ вовсе не ослѣпленъ своимъ героемъ и нескрываетъ его слабостей ни литературныхъ, ни человѣческихъ (см. напр. стр. 115 и 256 русскаго перевода); но читать ради удовольствія десятки страницъ, посвященныхъ детальному разбору вопросовъ, напримѣръ, объ отношеніи Гердера-студента къ Канту или сотни строкъ петиту о хронологіи юношескихъ статей его, можно было бы только при условіи блестящаго по логичности и силѣ изложенія aber das ist nicht der Fall, какъ говорятъ нѣмцы. Только до нѣкоторой степени скуку этихъ мѣстъ выкупаетъ хорошо составленное изложеніе сочиненій самого Гердера.

Опасаясь, что большинство читателей «Историческаго Вѣстника» не рѣшатся посвятить свободные часы 2-хъ 3-хъ недѣль на ознакомленіе съ первыми 32 годами жизни Гердера, считаемъ не лишнимъ познакомить ихъ вкратцѣ съ результатами многолѣтней работы Гайма.

Іоганнъ Готфридъ Гердеръ родился 25-го августа 1744 года въ маленькомъ городкѣ восточной Пруссіи Морунгенѣ, въ семействѣ пономаря, который былъ въ то же время и учителемъ элементарной школы; отецъ его человѣкъ серьезный и спокойный; мать (дочь мѣстнаго кузнеца и оружейника)—женщина кроткая, чувствительная и искренно-благочестивая. Грамотѣ выучился онъ дома, а потомъ поступилъ въ городскую школу, гдѣ попалъ въ руки стараго и больного педанта, вколачивавшаго въ учениковъ латинскую грамматику и на всю жизнь показавшаго ему, какъ не слѣдуетъ учить дѣтей. Мальчикъ усердный и благонравный, Гердеръ заслужилъ расположеніе Морунгенскаго Орбилія, и тотъ обучалъ его даромъ греческому, сколько зналъ—еврейскому, логикѣ и догматикѣ. Кромѣ того, маленькій Гердеръ съ усердіемъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку; но онъ вовсе не былъ изъ тѣхъ «образцовыхъ» дѣтей, которыя живутъ одними уроками и книгами; онъ очень любилъ гулять за городомъ, мечтать, учить наизусть подходившіе къ его настроенію стихи. Вполнѣ естественное при такихъ условіяхъ стремленіе мальчика къ карьерѣ пасторской нашло себѣ подкрѣпленіе въ той дружбѣ, которая связывала семейство Гердеровъ съ старымъ и добрымъ пасторомъ Виллямовіусомъ, который въ то по крайней мѣрѣ время представлялся Гер-

деру лучшимъ человѣкомъ на землѣ. Въ 1760 году въ Морунгенъ былъ назначенъ новый дьяконъ Трешо, человѣкъ несомнѣнно ученый и съ нѣкоторымъ литературнымъ именемъ, но сухой и не симпатичный. Онъ взялъ къ себѣ въ домъ молодого Гердера въ качествѣ секретаря или помощника, но не платилъ ему ни копѣйки и не училъ его ничему, только позволялъ ему въ свободное время пользоваться своей довольно богатой библіотекой; молодой человѣкъ и тѣмъ былъ доволенъ и извлекъ изъ постояннаго общенія съ литераторомъ больше, чѣмъ тотъ хотѣлъ ему дать: ему даже удалось выступить на литературное поприще, пославъ въ пакетѣ Трешо свое стихотвореніе, которое удостоилось печати и заинтересовало многихъ. Тѣмъ не менѣе его жизнь у Трешо была нелегкая, и надежда поступить когда-нибудь въ университетъ, повидимому, далека отъ осуществленія. Его выручилъ одинъ хирургъ русской службы, который былъ пораженъ его дарованіями и предложилъ отвезти его въ Кёнигсбергъ, гдѣ Гердеръ могъ на его счетъ заняться изученіемъ медицины и вмѣстѣ съ тѣмъ вылѣчить свой больной глазъ, онъ съ дѣтства страдалъ фистулою слезной железки. Но Гердеръ упалъ въ обморокъ при первомъ вскрытіи, на которомъ онъ присутствовалъ, и, не продолжая опытовъ, на свой страхъ и рискъ поступилъ 18-ти лѣтъ отъ роду студентомъ богословія. Случай, добрые люди и энергичная воля сразу поставили его на ноги: онъ былъ принятъ немедленно въ Фридрихову коллегію—среднее учебное заведеніе, гдѣ бѣдные студенты за квартиру и освѣщеніе (безъ стола) исполняли должность гувернеровъ и лучшіе изъ нихъ могли находить довольно выгодные частные уроки. Гердеръ заслужилъ вскорѣ настолько доброе мнѣніе начальства, что ему за небольшую плату поручили и преподаваніе въ классахъ школы, сперва въ низшихъ, а потомъ въ среднихъ и высшихъ; такимъ образомъ, уже во время студенчества ему удалось совершенно обезпечить себя постояннымъ заработкомъ, а его изумительное прилежаніе давало ему возможность широко пользоваться академической свободой для самообразованія. Кромѣ спеціально богословскихъ лекцій, онъ слушалъ множество другихъ предметовъ, но наибольшее вліяніе оказали на него лекціи, а потомъ знакомство и дружба приватъ-доцента Канта. Кантъ, котораго всѣ мы знаемъ, какъ основателя новой философіи, великаго, но нѣсколько суроваго профессора, въ біографіи Гердера является нѣсколько въ иномъ видѣ: это остроумный и живой человѣкъ, интересующійся всѣми науками и поэзіей, разнообразные по содержанію курсы котораго скорѣй походили на умную дружескую бесѣду. Его философскіе взгляды тогда еще только вырабатывались; студентъ Гердеръ, такъ сказать, ловилъ ихъ налету и вторилъ имъ своими стихотвореніями. Кантъ очень цѣнилъ сочувствіе Гердера и сообщалъ ему свои статьи въ рукописи. По убѣжденію Гайма, Гердеръ всю жизнь оставался ученикомъ Канта (даже и тогда, когда полемизировалъ съ нимъ) и только дальше развивалъ его идеи, иногда впрочемъ не въ прямомъ направленіи.

Гердеръ не имѣлъ ни времени, ни средствъ, чтобъ жить настоящей студенческой жизнью; но онъ не чуждался товарищей, охотно проводилъ съ ними время за чашкой чаю и, не смотря на свою молодость, игралъ между ними роль ходячей библіотеки и Ментора; но самъ онъ нашелъ себѣ Ментора въ лицѣ Гаманна, который былъ старше его на 14 лѣтъ. Гаманнъ—одна изъ самыхъ даровитыхъ, любопытныхъ и безобразныхъ фигуръ въ исторіи нѣмецкой литературы и мысли XVIII вѣка: человѣкъ съ огромными дарованіями,

чудовищнымъ прилежаніемъ, глубокимъ умомъ и горячей любовью къ истинѣ, и въ то же время человѣкъ съ безпутнѣйшимъ, до крайности слабымъ и несдержаннымъ характеромъ. Сынъ довольно состоятельныхъ родителей, въ ранней юности онъ учился много, но безпорядочно, въ университетѣ прожигалъ жизнь и не кончилъ курса, нѣсколько разъ брался за педагогію, потомъ вдругъ, бросивъ науку, пустился въ торговлю, промоталъ свои и чужія деньги и въ минуты полнаго отчаянія нашелъ себѣ утѣшеніе въ библіи, ради лучшаго пониманія которой выучился не только поеврейски, но и поарабски; въ это время онъ работалъ болѣе половины кёнигсбергскихъ профессоровъ, вмѣстѣ взятыхъ, но безъ всякой цѣли и плана. Наконецъ, по увѣщанію друзей, онъ выступилъ на литературное поприще съ цѣлымъ рядомъ безпорядочныхъ и неуклюжихъ трактатовъ съ дико-нелѣпыми заглавіями, въ которыхъ однако же было раскидано много оригинальныхъ и глубокомысленныхъ идей и больше чувствовалось, чѣмъ проявлялось единство міровоззрѣнія: въ вѣкъ безграничнаго господства разума и просвѣщенія онъ выступаетъ противъ разума на защиту вѣры, чувства и генія. Гердеръ началъ брать у него уроки англійскаго, а потомъ и итальянскаго языка, читалъ съ нимъ Мильтона и Шекспира, и потомъ всецѣло подчинился вліянію этого безсильномогучаго полуумнаго генія. Въ 1764 году Гаманнъ дѣлается редакторомъ одного журнала и съ удовольствіемъ помѣщаетъ въ немъ отчаянно глубокомысленныя и возвышенныя оды студента Гердера: Гаманнъ при всей своей огромной начитанности въ литературахъ всѣхъ странъ не имѣлъ вкуса и въ этихъ одахъ видѣлъ бездну достоинствъ; но самъ поэтъ скоро понялъ ихъ слабыя стороны и бросилъ это занятіе. Мягкосердечный при всемъ своемъ кажущемся эгоизмѣ, Гаманнъ очень привязался къ Гердеру и, если не съумѣлъ устроить сколько-нибудь сносно свою собственную жизнь, за то успѣлъ доставить своему Телемаку прочное мѣсто: благодаря его рекомендаціи на 20-мъ году жизни, не имѣя никакой ученой степени, Гердеръ поѣхалъ въ Ригу, чтобы занять тамъ должность помощника ректора въ церковной школѣ, съ чѣмъ скоро соединилась и должность проповѣдника.

Въ Ригѣ впервые развернулись общественныя наклонности и способности молодого богослова: ему хорошо жилось въ этомъ богатомъ купеческомъ городѣ, лучшіе граждане котораго, какъ бы изъ боязни слишкомъ вдаться въ матеріальные интересы жизни, старались поближе держаться къ литературѣ и искусству. Ректоръ школы отнесся къ своему молодому помощнику съ большой теплотой; богатые купцы и окрестные дворяне наперерывъ приглашали его къ себѣ; матеріальное его положеніе, по его лѣтамъ и привычкамъ, было очень хорошо. Гердеръ, ворчунъ отъ природы, и въ Ригѣ находилъ предлоги для ворчанья; но въ общемъ въ первые годы письма его дышатъ довольствомъ; вмѣсто высокопарныхъ одъ онъ пишетъ пѣсни; съ удовольствіемъ читаетъ вслухъ въ небольшихъ кружкахъ Мессіаду, Чувствительное путешествіе Іорика и пр. Тамъ впервые сердце его раскрылось для любви, впрочемъ вполнѣ платонической; тамъ развернулись его педагогическія, а потомъ и ораторскія способности и въ проявленіи ихъ онъ, естественно, находитъ высокое наслажденіе. Вначалѣ онъ жаловался на удаленіе отъ друзей, но уже въ 1765 году Гаманнъ беретъ мѣсто гувернера въ Митавѣ, и Телемакъ довольно часто видится съ Менторомъ. Однако, всѣ эти блага жизни скоро потеряли прелесть новизны, и хандра все чаще и чаще посѣщала Гердера, и все болѣе и болѣе усиливалось въ немъ стремленіе къ перемѣнѣ мѣ-

ста жительства и дѣятельности. Но когда ему предлагали мѣста въ другихъ бóльшихъ городахъ, въ Берлинѣ, въ Петербургѣ (въ Петербургъ 23-лѣтняго богослова приглашали на мѣсто инспектора въ лютеранскую школу), онъ находилъ основательные предлоги для отказа: нечувствительно для себя онъ привязывался къ Ригѣ и дѣлался русско-рижскимъ патріотомъ, видѣвшимъ въ гуманной философкѣ Екатеринѣ зарю счастія для половины Европы. Не удовлетворяясь своими педагогическими и пастырскими занятіями, Гердеръ теперь серьезно, съ цѣлымъ рядомъ томиковъ, выступаетъ на литературное поприще. Въ 1766—1767 гг. выходятъ его «Фрагменты о нѣмецкой литературѣ», рядъ замѣчательныхъ критическихъ статей, связанныхъ одной идеей; въ нихъ Гердеръ является продолжателемъ дѣла Лессинга и берлинцевъ, но продолжателемъ самостоятельнымъ, идущимъ по своей дорогѣ. Здѣсь много Гаманновскаго (Гаманнъ, по просьбѣ Гердера, долженъ былъ надписать на рукописи: печатать дозволяется), но гдѣ у Гаманна отрицаніе, здѣсь—положеніе, гдѣ у Гаманна парадоксъ, здѣсь—истина. Здѣсь впервые поднято значеніе народнаго языка и народной поэзіи; здѣсь развѣнчана масса нѣмецкихъ авторитетовъ и авторитеты этихъ авторитетовъ—французскіе псевдоклассики; но здѣсь же сведены съ пьедесталовъ и архинаціональные поэты въ родѣ Водмера и отчасти даже Клопштокъ. Книга (безъ имени Гердера) разошлась очень быстро и вызвала рядъ отзывовъ, самыхъ разнообразныхъ; рецензіи неблагопріятныя заставляли сильно страдать самолюбиваго автора, но не удержали его отъ продолженія. Въ 1769 году выходятъ «Критическіе Лѣса», въ которыхъ Гердеръ дополняетъ и поправляетъ Винкельмана и Лессинга, указывая на односторонность ихъ преклоненія передъ греками; онъ открываетъ новыя, пока еще облеченныя туманомъ области для эстетическаго обслѣдованія—въ европейской старинѣ и на азіатскомъ Востокѣ. И здѣсь Гердеръ игралъ въ прядки съ публикой: онъ не только не выставилъ на книгѣ своего имени, но даже не обозначилъ мѣста изданія; тѣмъ не менѣе его узнали сейчасъ же и въ рецензіяхъ называли по фамиліи, при чемъ иногда ехидно указывали на несоотвѣтствіе его революціонной критики и дерзкихъ пріемовъ съ пасторскимъ званіемъ. Гердеръ, наконецъ, рѣшилъ выйти въ отставку и уѣхать изъ Риги, чтобы скрыться на время отъ людей, одуматься и въ путешествіи набраться знаній и мыслей. Напрасно рижскіе друзья убѣждали его остаться, обѣщая скорое повышеніе: въ маѣ 1769 года онъ распродалъ мебель, заплатилъ долги и покинулъ Ригу, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ ней, постаравшись впрочемъ обезпечить себѣ возможность возвращенія.

Гердеру было все равно, куда ни ѣхать; ради общества пріятеля онъ, объѣхавъ все Нѣмецкое море, пріѣзжаетъ въ Нантъ и поселяется тамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ изучаетъ французскій языкъ и нравы, много читаетъ и думаетъ. Изъ его дневника узнаемъ мы, что уже въ то время онъ набрасывалъ планъ грандіозной работы: «всеобщей исторіи развитія міра».

Въ Нантѣ онъ стремится душою въ только-что покинутую Ригу, вырабатываетъ программу, по которой поведетъ рижскую дворянскую школу (въ основу образованія онъ кладетъ родной языкъ, потомъ естественныя науки, потомъ французскій и только послѣ него латинскій и греческій); онъ мечтаетъ преобразовать не только эту школу, но и всю Лифляндію, не только Лифляндію, но, при содѣйствіи Екатерины, и всю Россію, а черезъ нее и всю Европу, въ которую Россія вольетъ новые свѣжіе соки. Изъ Нанта Гердеръ

отправился въ Парижъ, обѣжалъ Лувръ, Пале-Рояль, Версаль, театры, сдѣлалъ визиты Дидро, д'Аламберу и др.; но въ противуположность другимъ нѣмецкимъ путешественникамъ онъ вовсе не былъ пораженъ величіемъ французской націи; напротивъ, теперь онъ былъ болѣе нѣмцемъ, чѣмъ когда-нибудь; онъ находитъ у французовъ вкусъ и роскошь, но вкусъ, по его убѣжденію, есть только самое поверхностное понятіе о красотѣ, а роскошь ея плохой суррогатъ. Но Гердеръ не сдѣлался и французоѣдомъ, какъ позднѣйшіе нѣмцы: онъ раздѣляетъ многія изъ идей Руссо, глубоко уважаетъ Монтескье и съ большой симпатіей относится къ Дидро, который, подобно ему, не любилъ отвлеченностей и системъ. Денежныя дѣла Гердера, который не могъ и въ Ригѣ обойтись безъ долговъ, конечно, не исправились вслѣдствіе путешествія, а разстроились еще болѣе: надо было подумать о какомъ-нибудь заработкѣ. Въ это время онъ получилъ предложеніе поступить на 3 года въ качествѣ компаньона путешествія къ 16-тилѣтнему принцу Эйтинскому на довольно выгодныхъ условіяхъ. Послѣ продолжительныхъ колебаній, Гердеръ принялъ мѣсто, и изъ Парижа черезъ Амстердамъ отправился въ сѣверную Германію, и въ Гамбургѣ имѣлъ счастіе провести 2 недѣли въ обществѣ единственнаго критика, передъ которымъ и онъ преклонялся,— Лессинга. Оттуда онъ проѣхалъ въ маленькую столицу своего новаго патрона Эйтинъ, гдѣ съумѣлъ своими проповѣдями снискать уваженіе всѣхъ (кромѣ слишкомъ ортодоксальнаго пастора Вольфа), и привязанность юнаго принца, который полюбилъ въ немъ гуманнаго педагога. 15-го іюля 1770 года Гердеръ съ принцемъ и его свитой двинулся въ путь; черезъ Кассель и Геттингенъ они направились въ Дармштадтъ. Тамъ Гердеръ пріобрѣлъ новаго друга въ лицѣ Мерка [1]) и своею проповѣдью плѣнилъ умъ и сердце одной 20-тилѣтней дѣвушки-сироты, которой плохо жилось у ея вспыльчиваго зятя; это была Каролина Флаксландъ, будущая вѣрная подруга Гердера. Молодые люди познакомились и понравились другъ другу. Необходимость скорой разлуки повела къ объясненію, правда, довольно сдержанному со стороны Гердера (избѣгая говорить о будущемъ, онъ предлагалъ Королинѣ раздѣлить его чувство «во имя невинности и добродѣтелей»), но Мерку, за ¼ часа до отъѣзда Гердера, удалось свести ихъ наединѣ, и это свиданіе закончилось, такъ сказать, молчаливой помолвкой посредствомъ горячаго поцѣлуя; Меркъ охотно вызвался быть посредникомъ въ перепискѣ Гердера съ его невѣстой. Изъ Дармштадта принцъ поѣхалъ въ Карльсруэ, гдѣ Гердеръ былъ очень любезно принятъ ландграфомъ, а оттуда въ Страсбургъ, гдѣ Гердеръ рѣшился разстаться съ принцемъ: онъ не сошелся съ главнымъ гувернеромъ и оказался неспособенъ ни на энергичную самозащиту, ни на дипломатическую осторожность. Его рѣшеніе укрѣпилось вслѣдствіе того, что графъ Липпе-Шаумбургскій (одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ XVIII столѣтія, исправленный экземпляръ воспитателя Шиллера пресловутаго Карла Евгенія; сперва онъ мечталъ сдѣлать новую Спарту изъ своего крошечнаго государства [2]), потомъ; побывавъ на службѣ въ Португаліи, армію которой онъ пре-

---

[1]) Меркъ, имѣвшій довольно сильное вліяніе и на Гете (который, говорятъ, отчасти съ него писалъ Мефистофеля), въ это время занимавшій въ Дармштадтѣ должность кригсрата, былъ большой знатокъ литературы, но его собственныя произведенія слишкомъ тощи и разсудочны, а въ его критикѣ нѣтъ энергіи.

[2]) Про которое Гейне говоритъ, что онъ унесъ половину его на своихъ подошвахъ.

образовалъ съ большимъ умѣньемъ и энергіей, онъ вернулся большимъ либераломъ по убѣжденіямъ, но съ замашками деспота) предложилъ ему мѣсто совѣтника консисторіи и оберъ-пастора въ своей столицѣ Бюкебургѣ. Гердеръ принялъ предложеніе, подалъ въ отставку въ Эйтинѣ, но прежде, чѣмъ ѣхать на новое мѣсто, рѣшился въ Страсбургѣ пріобрѣсти себѣ докторскій дипломъ и заняться окончательнымъ излѣченіемъ своего больного глаза. Онъ не достигъ ни той, ни другой цѣли (очень мучительная операція сверленія носовой кости не принесла ему никакой пользы, хотя онъ и промучился цѣлый рядъ мѣсяцевъ, а вслѣдствіе физическихъ страданій нечего было и думать о дипломѣ), но его пребываніе въ Страсбургѣ Гаймъ довольно справедливо считаетъ моментомъ истиннаго зарожденія нѣмецкой классической поэзіи: дѣло въ томъ, что въ это время въ Страсбургѣ оканчивалъ курсъ «бурный» студентъ Вольфгангъ Гете, который поспѣшилъ представиться пріѣзжему смѣлому критику. Гердеръ принялъ даровитаго юношу довольно благосклонно, и такъ какъ вскорѣ послѣ этого доктора запретили ему читать и выходить изъ комнаты, частыя посѣщенія Гете доставляли ему развлеченіе и удовольствіе: онъ былъ педагогъ по натурѣ, и въ лицѣ Гете нашелъ внимательнаго и послушнаго ученика. А Гете нуждался именно въ такомъ руководителѣ, строгомъ, рѣзкомъ и часто злобно-насмѣшливомъ: онъ былъ слишкомъ избалованъ жизнью и окружающими. Онъ до сихъ поръ любилъ поэзію, но какъ и всѣ въ то время, считалъ ее, такъ сказать, декоративнымъ искусствомъ; отъ Гердера узналъ онъ, что поэзія есть глубокая потребность, душа жизни народовъ; что его любовь къ природѣ и естественности не только не должна идти въ разрѣзъ съ любовью къ искусству, а напротивъ: должна составлять ея основу. Въ это время Гердеръ началъ заниматься собираніемъ народныхъ пѣсенъ, «бѣшено» увлекался Шекспиромъ и наслаждался Оссіаномъ; всѣ эти свои симпатіи онъ передалъ Гете; самыя желчныя выходки Гердера противъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ были очень полезны для Гете, который съ дѣтства привыкъ благоговѣть передъ многими именами, недостойными своей славы. Гердеръ въ это время обдумывалъ свою статью «о происхожденіи языка», приготовляемую имъ на премію, одинъ изъ самыхъ яркихъ продуктовъ своего свѣтлаго ума; онъ много разъ говорилъ съ Гете о ней и о планахъ другихъ своихъ работъ и болѣе расширилъ умственный кругозоръ страсбургскаго студента, нежели всѣ профессора университета, вмѣстѣ взятые.

Въ апрѣлѣ 1771 года Гердеръ прекратилъ свое неудачное лѣченіе и отправился на мѣсто службы въ Бюкебургъ. Первое свиданіе его съ его новымъ властелиномъ обѣщало ему въ будущемъ немного хорошаго; онъ не сошелся ни съ неразвитой своей паствой, ни съ сослуживцами и убѣдился, что дѣлать ему въ Бюкебургѣ нечего. Но первое время онъ много гулялъ и занимался легкой литературной работой (стихами, рецензіями); потомъ, осмотрѣвшись и оправившись, онъ принялся за одно изъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеній: «древнѣйшій документъ человѣческаго рода» (обслѣдованіе библіи); въ связи съ этой работой было его временное сближеніе съ мистиками и дружба съ Лафатеромъ. Тогда же онъ сошелся и съ молодой піэтистской графиней, которая сблизила его съ мужемъ.

Между тѣмъ, Каролинѣ жилось очень плохо въ семьѣ зятя, и Гердеръ не подавалъ ей надежды на освобожденіе и новую жизнь. Наконецъ, она ясно поставила вопросъ о бракѣ, и Гердеръ, только тогда уразумѣвшій ея

положеніе, искренно раскаялся въ эгоизмѣ и нерѣшительности и началъ дѣйствовать очень энергично. Денегъ на устройство ихъ дома онъ не съумѣлъ собрать, но ему помогли вѣрные друзья; 2-го мая 1773 года онъ пріѣхалъ въ Дармштадтъ, обвѣнчался и увезъ жену въ Бюкебургъ. Они зажили очень счастливо; Каролина оказалась во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной женой; Гердеръ теперь ближе сошелся съ обществомъ и бюкебургцы только въ это время оцѣнили его; графиня подружилась съ Каролиной. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Гердеръ энергично принялся за работу; все, что было имъ надумано и заготовлено раньше, теперь почти сразу вылилось изъ-подъ пера его. Появился «древнѣйшій документъ» развѣнчавшій волтеріанство въ Германіи; потомъ «Провинціальные листки для церковнаго проповѣдника» (противъ раціонализма берлинскихъ теологовъ); кромѣ того, рядъ мелкихъ сочиненій, все такого же вызывающаго характера. Снова запылалъ вокругъ Гердера полемическій пожаръ; на него нападали и Шлецеръ, и Николаи и многіе другіе. Гердеръ и теперь оказался также чувствителенъ къ неблагопріятной критикѣ; онъ изстрадался, надѣлалъ массу ошибокъ, и еслибъ не семья, онъ убѣжалъ бы изъ Бюкебурга, какъ прежде изъ Риги. Немного поуспокоившись, онъ снова взялся за перо: написалъ «объясненія къ Новому Завѣту», «Апокалипсисъ» и опять рядъ мелкихъ статей, но уже въ болѣе сдержанномъ тонѣ; изъ осторожности, которой научили его литературныя неудачи или то, что онъ считалъ таковыми, онъ оставилъ на время свое намѣреніе выступить съ сборникомъ народныхъ пѣсенъ, но въ статьяхъ не разъ заговаривалъ о красотѣ и силѣ ихъ.

Гердеръ уже давно хлопоталъ о каѳедрѣ въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ у него былъ пріятель—извѣстный филологъ Гейне; для этого онъ не одинъ разъ ѣздилъ въ Ганноверъ. Наконецъ, онъ получилъ оттуда предложеніе, но на унизительномъ для него условіи подвергнуться экзамену при геттингенскомъ факультетѣ (на степень доктора). Гердеръ торговался: онъ соглашался на экзаменъ письменный, но не на устный; наконецъ, его уломали; и онъ уже готовился къ этой непріятной процедурѣ, какъ получилъ новое и болѣе выгодное предложеніе—занять въ Веймарѣ, который уже въ то время сталъ дѣлаться столицей музъ, высшую церковную должность генералъ-суперъ-интендента. Это дѣло для него устроилъ старый его пріятель Гете, котораго онъ теперь, послѣ Геца ф. Берлихингена и Вертера, сталъ цѣнить по достоинству. Правовѣрные пасторы Веймара были въ ужасѣ отъ перспективы имѣть своимъ начальникомъ чуть не явнаго еретика, но Карлъ Августъ и его другъ Гете заставили замолчать недовольныхъ; и Гердеръ въ сентябрѣ 1776 года переѣзжаетъ въ Веймаръ. Въ это время уже была порвана его послѣдняя крѣпкая связь съ Бюкебургомъ, такъ какъ молодая графиня, одна умѣвшая мирить его съ странностями мужа, умерла два мѣсяца назадъ.

Веймарскій періодъ жизни Гердера составляетъ содержаніе 2-го тома книги Гайма, перевода котораго съ нетерпѣніемъ будутъ ждать всѣ тѣ, кто прочтетъ первый томъ, заинтересуется судьбою и дѣятельностью Гердера и попривыкнетъ къ тяжеловатому изложенію Гайма. Отъ всей души желаемъ, чтобы число таковыхъ было побольше. А. К.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы LIX, LXI, LXIII, LXIV и LXV. Спб. 1888.

Къ своему годичному собранію Императорское Русское Историческое Общество выпустило шесть томовъ своего «Сборника», заключающихъ весьма много цѣнныхъ матеріаловъ, какъ для внутренней, такъ особенно для внѣшней дипломатической исторіи нашего отечества. О томѣ LX «Историческій Вѣстникъ» далъ уже особый отзывъ, мы же остановимся на остальныхъ пяти томахъ и укажемъ наиболѣе важныя свѣдѣнія, въ нихъ находящіяся.

Въ томѣ LIX помѣщены «Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ за 1533—1560 годы», составляющіе непосредственное продолженіе «Памятниковъ», изданныхъ въ XXXV томѣ «Сборника». Обнимая эпоху малолѣтства великаго князя Ивана IV Васильевича, время принятія имъ царскаго титула, завоеванія царствъ Казанскаго и Астраханскаго и начало Ливонской войны,— эти дипломатическія сношенія Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ переговоры о перемиріяхъ: московское правительство ни при какихъ обстоятельствахъ не соглашалось возвратить Литвѣ Смоленскъ, завоеванный въ 1514 году; польско-литовское же правительство не хотѣло примириться съ мыслью объ уступкѣ этого города. Руководители московской политики въ первой половинѣ царствованія Ивана IV—Оболенскіе, Шуйскіе, Романовы и самъ Иванъ IV—являются даровитыми учениками дипломатовъ школы великаго князя Ивана III: они не только держались пріемовъ, но и ни въ чемъ не отступали отъ конечныхъ цѣлей политики, намѣченныхъ и точно опредѣленныхъ ихъ знаменитыми предшественниками. Представляя богатый матеріалъ для изученія тогдашнихъ дипломатическихъ формъ и обрядовъ и являясь, такъ сказать, политическимъ отчетомъ о внѣшнемъ положеніи Россіи за 1533 по 1560 годы, изданные въ настоящемъ томѣ документы даютъ сверхъ того довольно много историческихъ свѣдѣній для другихъ сторонъ русской исторіи того времени: такъ въ нихъ постоянно встрѣчаются драгоцѣнныя и разнообразныя извѣстія для исторіи правящаго сословія въ Россіи, во всякомъ случаѣ о тѣхъ лицахъ и фамиліяхъ, которыя принимали то или другое участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ правительствомъ; кромѣ того, переговоры о точномъ опредѣленіи государственныхъ границъ полны интересныхъ географическихъ данныхъ. Матеріаломъ для изданія этого тома «Памятниковъ» служили московскія посольскія книги архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Изданы документы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова.

Томъ LXI, содержащій въ себѣ донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1711 по 1719 г., изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Историческаго Общества А. А. Половцова и является продолженіемъ томовъ XXXIX и L. Документы, помѣщенные въ настоящемъ томѣ, извлечены изъ лондонскаго государственнаго архива (Public Record Office). Сообщая много интересныхъ данныхъ для исторіи великой Сѣверной войны, документы очень хорошо характеризуютъ отношеніе Англіи къ этой распрѣ и къ воюющимъ сторонамъ. Занятая сама большой войной за испанское наслѣдство, Англія сперва оставалась по отношенію къ Россіи въ качествѣ простой наблюдательницы. Она сознавала уже силу Россіи, объ этой силѣ ей говорили ея дипломаты, такъ, напримѣръ,

секретарь англійскаго посольства Вейсбродъ писалъ изъ Москвы: «Конечно нужно еще много времени, чтобы нація эта достигла высокаго образованія и хорошаго политическаго строя: ей не достаетъ надлежащаго пониманія и опытныхъ людей въ дѣлахъ государственныхъ и военныхъ; тѣмъ не менѣе ее уже и теперь совершенно презирать нельзя, такъ какъ не обладая ни знаніемъ, ни искусствомъ, она все-таки каждый день видимо умнѣетъ подъ вліяніемъ Франціи, представителей своихъ союзниковъ и собственныхъ представителей за границей, въ числѣ которыхъ много иностранцевъ; кромѣ того, царь—человѣкъ глубокаго ума, здраваго смысла, одаренный прирожденными дарованіями, вполнѣ способный судить, что соотвѣтствуетъ его цѣлямъ и его интересамъ». Сознавая значеніе Россіи и ея великаго преобразователя, англичане старались поддерживать съ нимъ дружественныя отношенія, но желали продолженія Сѣверной войны, опасаясь, какъ бы царь, освободившись отъ дѣлъ на сѣверѣ, не вступилъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Франціей чтобы отдалить его отъ Франціи, они заботились о примиреніи царя съ вѣнскимъ дворомъ. Уже въ это время, однако, высказывалось желаніе сохранить авторитетъ Швеціи. «Для насъ будутъ неблагопріятны, писалъ статсъ-секретарь Сенъ-Джонъ, успѣхи сѣверныхъ союзниковъ, если имъ удастся значительно унизить Швецію, слѣдовательно нарушить европейское равновѣсіе на сѣверѣ; но намъ ничего не остается, какъ тянуть переговоры съ сѣверными монархами; развѣ счастіе поможетъ намъ выпутаться изъ настоящей войны съ Франціей, и мы въ силахъ будемъ предписать свою волю и придать своимъ требованіямъ прежній вѣсъ». Но когда кончилась война за испанское наслѣдство, и лондонскій кабинетъ почувствовалъ себя свободнымъ, отношенія его къ Россіи мѣняются, и онъ стремится дать вѣсъ своему голосу. Англійскій представитель при царскомъ дворѣ получаетъ инструкцію всѣми мѣрами препятствовать соглашенію Россія съ Франціей и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается посредничество для заключенія мира съ Швеціей. Однако, при этомъ посредничествѣ Англія открыто выступила защитницей шведскихъ интересовъ. Начались такія дѣйствія, которыя клонились прямо къ ущербу ростущему русскому могуществу. Очень непріятнымъ казалось англичанамъ развитіе русскаго флота. Джемсъ Джефферисъ, посланникъ при царскомъ дворѣ, постоянно сообщаетъ о ходѣ кораблестроенія, о заботахъ царя о флотѣ, о передвиженіяхъ кораблей, указываетъ на будущее значеніе этого флота. «Еще недавно, пишетъ Джефферисъ 15 мая 1719 г., царь открыто въ обществѣ высказалъ, что его флотъ и флотъ Великобританіи—два лучшіе флота въ мірѣ. Если онъ теперь уже ставитъ свой флотъ выше флотовъ Франціи и Голландіи, отчего не предположить, что лѣтъ черезъ десять, онъ не признаетъ свой флотъ равнымъ нашему или даже лучшимъ, чѣмъ нашъ? Короче—корабли строятся здѣсь не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, и царь принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы пріучить своихъ подданныхъ къ морю, чтобы создать изъ нихъ моряковъ». Необходимо устранить грядущую опасность, и Джефферисъ предлагаетъ отнять у царя корабельныхъ мастеровъ, которые почти всѣ англичане; эти люди осыпаются царемъ всевозможными милостями и пользуются большимъ почетомъ,—надо ихъ переманить домой, на такое дѣло не слѣдуетъ жалѣть денегъ; вмѣстѣ съ этимъ надо издать строгій указъ противъ всѣхъ англійскихъ подданныхъ, которые не возвратятся, — безъ такого указа мастерамъ, въ виду всѣхъ милостей, которыми они осыпаны, трудно найти поводъ къ отъѣзду, какъ бы

они его не искали. Совѣту Джефферса въ Лондонѣ рѣшили послѣдовать, указъ былъ изданъ; въ то же время былъ обнародованъ парламентскій актъ, которымъ запрещалось англійскимъ мастерамъ держать у себя иностранныхъ учениковъ; этотъ актъ также направлялся противъ русскихъ, которыхъ въ Англіи училось довольно много. Интриги англичанъ въ пользу шведовъ велись усиленно. Лондонскій дворъ примирилъ съ Швеціей Пруссію, а когда русскія войска высадились въ Швеціи, англійская эскадра открыто соединилась съ шведскимъ флотомъ, вслѣдствіе чего въ 1719 г. послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей. Изъ исторіи этихъ англійскихъ интригъ не можемъ не привести такого эпизода. Въ мартѣ 1719 г. изъ Петербурга должны были выѣхать уполномоченные на Аландскій конгрессъ для переговоровъ со шведами. Англичанамъ такіе отдѣльные переговоры безъ ихъ участія очень не нравились, и чтобы имъ помѣшать Джефферсъ предложилъ слѣдующій проектъ: «Я предложилъ бы отправить къ Аланду фрегатъ или два и увезти оттуда шведскихъ уполномоченныхъ силою. Такъ какъ Данія состоитъ съ Швеціей въ открытой войнѣ, и шведскіе уполномоченные снабжены датскими паспортами, — исполненіе проекта, по моему мнѣнію, всего удобнѣе было бы поручить датчанамъ. При шведскихъ и русскихъ представителяхъ всего по сто гренадеръ, у прусскаго представителя (на сколько я слышалъ) никакой стражи нѣтъ, да если бы пятеро уполномоченныхъ охранялись и еще сотнею гренадеръ, — для выполненія предлагаемаго захвата все-таки вполнѣ достаточно пяти или шестисотъ рѣшительныхъ людей. Чтобы совершить это предпріятіе еще съ большею безопасностью, корабль, которому оно будетъ поручено, могъ бы прикрыться русскимъ флагомъ. Если его величество пожелаетъ прервать переговоры еще на болѣе продолжительное время, — можно захватить и русскихъ уполномоченныхъ, а затѣмъ высадить ихъ на берегъ въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ или Ригѣ. Въ извиненіе такого поступка передъ русскими можно придумать что-нибудь; извиняться же по поводу захвата шведскихъ уполномоченныхъ не вижу и основанія, особенно въ случаѣ если онъ будетъ произведенъ датчанами». Проектъ этотъ не осуществился, но онъ чрезвычайно характеренъ и совершенно въ духѣ англійской политики, не церемонящейся, когда дѣло касается ея интересовъ. Рисуя очень ярко внѣшнія политическія отношенія, донесенія англійскихъ пословъ представляютъ собой весьма важный источникъ для внутренней русской исторіи того времени: въ нихъ очень много данныхъ о состояніи войска, флота, финансовъ, управленія, о придворныхъ событіяхъ, много крайне любопытныхъ подробностей, характеризующихъ великаго царя и его ближайшихъ сподвижниковъ.

LXIII томъ, изданный подъ редакціей академика Н. Ѳ. Дубровина, представляетъ собою продолженіе томовъ LV и LVI, въ которыхъ помѣщены протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта; въ настоящемъ томѣ находятся документы съ января по іюнь 1727 г., извлеченные изъ архивовъ: государственнаго, сенатскаго и московскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Кругъ дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта былъ чрезвычайно широкій; онъ вѣдалъ и внѣшнія и внутреннія дѣла, и при томъ самаго разнообразнаго содержанія. Съ просьбами въ совѣтъ обращались со всѣхъ сторонъ, такъ что необходимо было ихъ сортировать и облегчать членовъ совѣта, и въ одномъ изъ его журналовъ мы находимъ такое постановленіе «Разсужденіе имѣлося, что умножилося челобитчиковъ при канцеляріи Верховнаго тайнаго совѣта; того для, буде станутъ впредь подавать челобитныя,

и оныя оберъ-секретарю Анисиму Маслову разсматривать, и прежде поданныя разсмотрѣть же, и ежели по онымъ будетъ что являться до рѣшенія Сената или которой коллегіи, отсылать туда со объявленіемъ указнаго рѣшенія безъ продолженія времени». Но и послѣ этого, просматривая журналы совѣта, мы замѣчаемъ не меньшее разнообразіе въ дѣлахъ,— понятно, что вслѣдствіе такого разнообразія, документы, напечатанные въ настоящемъ томѣ, имѣютъ тѣмъ большую важность. По нѣкоторымъ вопросамъ, издатель не ограничился однимъ помѣщеніемъ журналовъ и протоколовъ, но привелъ и все сохранившееся дѣлопроизводство, иногда чрезвычайно обширное, такъ, напр., по дѣламъ о строеніи Ладожскаго канала, о немирныхъ сибирскихъ иноземцахъ, о раздѣлѣ помѣстій князя Троекурова и др. Просматривая всѣ эти бумаги совѣта, мы можемъ видѣть, какую выдающуюся роль игралъ въ его постановленіяхъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ; онъ былъ душой совѣта за это время; особенно усилилось его значеніе послѣ восшествія на престолъ Петра II и обрученія этого императора съ дочерью князя, Марьей Александровной. Интересно, между прочимъ, рѣшеніе совѣта о штатахъ на домашнее содержаніе ихъ высочествъ: великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ назначено 32 т. р., обрученной Е. И. В. невѣстѣ, Ея Высочеству государынѣ Марьи Александровнѣ 34 т. р. и цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ 32 т. р.

LXIV томъ заключаетъ въ себѣ «донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, Кампредона и агента Маньяна, за 1725—1727 годы», и служитъ продолженіемъ дипломатической переписки, обнародованной въ томахъ XXXIV, XL, XLIX и L «Сборника». Томъ изданъ подъ наблюденіемъ секретаря Общества Г. Ѳ. Штендмана, документы извлечены изъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Французскій дворъ усиленно хлопоталъ о сближеніи съ русскимъ, но къ такому сближенію являлось множество всякихъ препятствій. Однимъ изъ существенныхъ препятствій были голштинскія дѣла; Россія и Швеція требовали возвращенія голштинскому герцогу Шлезвига, уступленнаго во время великой Сѣверной войны Даніи; Франція и Англія противились этому,—и всѣ дипломатическія сношенія Франціи съ русскимъ кабинетомъ за это время главнымъ образомъ сосредоточены около этого вопроса. Союзъ Франціи съ Англіей, съ которой не были у насъ еще возобновлены дипломатическія сношенія, прерванныя въ 1719 г., очень не нравился русскому двору, и для осуществленія своихъ требованій по голштинскому вопросу онъ вошелъ въ союзъ съ домомъ австрійскимъ, издавна враждебнымъ Франціи. Французы и англичане дѣйствовали очень энергично, англійская эскадра вошла въ Балтійское море и подъ конецъ англичанамъ удалось отвлечь шведовъ отъ союзныхъ дѣйствій съ русскими. Главнымъ въ сущности стимуломъ всѣхъ дѣйствій Франціи и Англіи, не смотря на обильно расточаемыя дружественныя увѣренія, было стремленіе унизить Россію. Въ этомъ смыслѣ Кампредонъ писалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, гр. де-Морвиллю: «Какъ вѣрный слуга короля и, будучи, съ одной стороны, страстно преданъ дѣлу сохраненія мира, который я считаю главнымъ предметомъ желаній его величества, съ другой — зная хорошо, на основаніи несомнѣннаго опыта, высокомѣріе, неблагодарность и недобросовѣстность русскихъ, я не могу не желать и желаю, чтобы этотъ народъ былъ униженъ и, если возможно, вдвинутъ снова въ свои прежнія границы. Безъ этого крайне трудно будетъ поддержать

миръ на сѣверѣ». Всѣ переговоры, однако, не вели ни къ чему и въ концѣ 1725 г. гр. Морвилль писалъ Кампредону: «Теперь почти несомнѣнно, что тѣ же лица, которыя прежде—впрочемъ, по внѣшности только—хлопотали объ успѣхѣ вашихъ переговоровъ, нынѣ весьма искренно стараются доставлять успѣхъ предложеніямъ вѣнскаго двора и вліянію его сторонниковъ въ Петербургѣ. Положеніе, кажется, таково даже, что вамъ рѣшительно нечего дѣлать болѣе при особѣ царицы, такъ какъ съ нашей стороны мѣра уступчивости достигла предѣла и вести ее дальше нельзя». Въ 1726 г. Кампредонъ былъ отозванъ, и въ Петербургѣ остался простой повѣренный въ дѣлахъ, Маньянъ. Переговоровъ уже болѣе не велось, и Маньянъ является въ качествѣ наблюдателя, доносящаго своему кабинету о всемъ происходящемъ при русскомъ дворѣ и о дипломатическихъ его сношеніяхъ съ Австріей, Пруссіей и Швеціей. Донесенія Кампредона и Маньяна очень хорошо рисуютъ тогдашнее состояніе русскаго двора и общества, смуту, господствовавшую въ царствованіе Екатерины I, олигархическія стремленія высшихъ сановниковъ, недовольство народа. Французы слѣдятъ за всѣмъ происходящимъ въ Россіи, ихъ донесенія очень интересны, хотя и уступаютъ по содержательности выше разсмотрѣннымъ донесеніямъ англійскихъ пословъ.

Наконецъ, въ LXV томѣ «Сборника» помѣщены «Дипломатическіе акты, относящіеся до Тешенскаго конгресса», извлеченные изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнина и изданные подъ наблюденіемъ профессора Ф. Ф. Мартенса. Лѣтомъ 1778 года, между Австріей и Пруссіей возникло недоразумѣніе по поводу «Баварскаго наслѣдства». Марія-Терезія стремилась захватить значительную часть Баваріи, но этому воспротивился Фридрихъ Великій. Въ Богеміи начались уже военныя дѣйствія, но обѣ державы желали предупредить кровопролитіе и обратились къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою взять на себя посредничество въ этомъ запутанномъ вопросѣ. Екатерина приняла сдѣланное ей предложеніе. На князя Н. В. Репнина императрица возложила порученіе отправиться въ Германію и стараться безпристрастнымъ посредничествомъ между Австріей и Пруссіей предупредить развитіе начавшейся войны. Кн. Репнинъ отправился черезъ Ригу и Варшаву въ Бреславль, а оттуда выѣхалъ въ Тешенъ, гдѣ послѣ весьма продолжительныхъ переговоровъ были, наконецъ, подписаны мирные трактаты между заинтересованными германскими государствами. Документы, относящіеся къ конгрессу, свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ государственномъ умѣ, терпѣніи и выносливости кн. Репнина. Мелкіе интересы маленькихъ германскихъ государей и мелочное самолюбіе ихъ представителей рѣдко выводили изъ терпѣнія посредника, хотя онъ не могъ не сказать, что «горько, грустно и стыдно видѣть, что дѣла важныя замедляются таковыми помѣшательствами». Но онъ постоянно имѣлъ въ виду назначенную ему цѣль: покончить миромъ возникшій вопросъ. «Я полагаю», писалъ онъ 12-го апрѣля 1779 г. графу Н. И. Панину, «что нашъ главнѣйшій интересъ, наша слава и наше достоинство требуютъ, чтобы скорѣе кончить дѣла, дабы желаемымъ рѣшеніемъ утвердилась при томъ инфлюенція нашего двора въ Германіи». Когда же трактатъ мирный между Австріей и Пруссіей былъ подписанъ, обѣ державы были искренно благодарны Россіи и ея представителю. «Вся Германія», писалъ Фридрихъ Екатеринѣ II, «обязана Вамъ миромъ, которымъ мы будемъ наслаждаться отнынѣ; нѣсколькихъ словъ, государыня, изъ Вашихъ устъ было достаточно для укращенія австрійскаго честолюбія».

А. В. —нинъ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотреннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ девятый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

Громадный трудъ Вебера какъ въ оригиналѣ, такъ и въ добросовѣстномъ русскомъ переводѣ, быстро подвигается къ завершенію. Въ этомъ 9-мъ томѣ заключается «Исторія народовъ и государствъ въ эпоху перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени», т. е. исторія западной и отчасти восточной Европы въ XIV и XV столѣтіяхъ; сюда же, стало быть, входитъ и исторія открытій и завоеваній въ Новомъ Свѣтѣ и начало умственнаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ Возрожденія. Кромѣ того, здѣсь же находится обширный экскурсъ (отъ 194 стр. до 260) о средневѣковой литературѣ въ послѣдній періодъ ея развитія. Достоинства и недостатки труда Георга Вебера въ общемъ остаются тѣ же: та же объективность, та же педагогичная ясность изложенія, та же подавляющая масса приведенныхъ во внѣшнюю систему, но не осмысленныхъ фактовъ, то же стремленіе держаться «золотой» середины въ случаѣ разногласія спеціалистовъ-изслѣдователей. Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ этотъ томъ возбуждаетъ опасеніе: не слабѣетъ ли энергія маститаго историка? не намѣренъ ли онъ въ новой исторіи во многихъ отдѣлахъ ограничиться перепечаткой 1-го изданія? Насъ не удивило, что въ «литературѣ» исторіи культуры (стр. 194) мы не встрѣтили для Франціи книги Обертэна (Aubertin: «Histoire de la langue et de la littérature fr.») и др. ей подобныхъ, или что тамъ же для извѣстнаго сборника Gesta Romanorum указаны только 2 старыя изданія Келлера и Грессе и не названо единственное критическое изданіе Öстерлея: въ качествѣ составителя общаго курса по исторіи, Георгъ Веберъ имѣетъ право пренебрегать такими литературными тонкостями, и взявъ для исторіи нѣмецкой литературы такого новатора, какъ Вильгельмъ Шереръ, онъ могъ быть вполнѣ увѣренъ, что его краткій обзоръ никакъ не отстанетъ отъ науки, если онъ даже и пренебрежетъ новѣйшими трудами по литературѣ Франціи или Италіи. Но насъ очень непріятно поразило, когда въ «литературѣ» эпохи гуманизма мы не увидали ни Фейгта (даже порусски имѣется полный переводъ второго изданія этой важной книги), ни Бурхарда, ни Гейгера, ни Кёртинга, и когда мы убѣдились, что весь этотъ важный отдѣлъ остался почти не тронутымъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, теперь далеко уже не удовлетворительномъ. Будемъ надѣяться, что это если не случайность, то, по крайней мѣрѣ, слѣдствіе довольно еще, къ сожалѣнію, распространеннаго пренебреженія историковъ къ явленіямъ литературной жизни народовъ, и что послѣдующіе отдѣлы политической исторіи Европы г. Веберъ подвергнетъ такой же серьезной переработкѣ, какой подвергъ древнюю и отчасти среднюю исторію.

Переводчикъ и этому тому предпослалъ очень интересную статью «о различіяхъ между народами по національному характеру». Въ началѣ ея онъ указываетъ на различіе, которое, въ отношеніи опредѣленія характера, замѣчается между отдѣльными людьми и цѣлыми народами: «качества первыхъ намъ извѣстны гораздо болѣе, нежели ихъ бытъ и крупные факты ихъ исторіи; качества же вторыхъ мы выводимъ именно изъ изученія ихъ быта и извѣстныхъ намъ фактовъ. Составляемыя такимъ путемъ характеристики обыкновенно выходятъ односторонни или даже тенденціозно-лживы». Авторъ очень

остроумно издѣвается надъ тѣмъ, какъ историки, взявшіе на прокатъ такія характеристики «великихъ» народовъ, играютъ теоріями наслѣдственности, вырожденія и возрожденія. Онъ самъ убѣжденъ, что такъ называемый характеръ народа всецѣло зависитъ отъ условій его жизни, что «умственныя качества» народа есть ничто иное, какъ степень его цивилизаціи, что во всей западной Европѣ есть только одинъ народъ, гораздо болѣе различающійся по сословіямъ, чѣмъ по національностямъ, что португальскій вельможа гораздо ближе по характеру къ шведскому аристократу, чѣмъ къ португальскому же земледѣльцу, который, такимъ образомъ, только по неразвитости можетъ не признать брата въ шведскомъ крестьянинѣ. «Мы знаемъ, говоритъ г. Андреевъ, не качества народовъ, а только состояніе этихъ качествъ въ данное время», и это состояніе «сильно видоизмѣняется вліяніемъ обстоятельствъ».

Вполнѣ раздѣляя пренебреженіе г. Андреева къ предвзятымъ характеристикамъ національностей и его убѣжденіе въ одинаковой способности всѣхъ людей къ цивилизаціи и къ альтруистическимъ или, какъ удачно выражается г. Андреевъ, къ доброжелательнымъ поступкамъ, рецензентъ считаетъ однако же нужнымъ замѣтить, что принять основныя положенія г. Андреева въ такой рѣзкой формѣ нѣтъ никакой возможности. Самъ же г. Андреевъ говоритъ, что все зависитъ отъ условій жизни; между условіями жизни португальскаго и шведскаго аристократовъ есть много общаго, но много и существенныхъ различій; хотя бы въ отношеніи того же приспособленія желудка, которому такое большое значеніе придаетъ г. Андреевъ: шведскій помѣщикъ во многихъ отношеніяхъ ближе къ шведскому крестьянину, нежели къ португальцу; шведу, будетъ ли онъ аристократъ или деревенскій батракъ, по климатическимъ условіямъ его страны, нужно много питательныхъ веществъ и нужны пособія для перевариванія ихъ; явятся ли эти пособія въ видѣ дорогого ликера или въ видѣ норвежскаго рому, это не важно, не говоря про религію, про историческія реминисценціи, южное солнце, которое жжетъ и разслабляетъ испанцевъ безъ различія сословій, настолько же сближаетъ гранда съ нищимъ, насколько политико-экономическія условія раздѣляютъ ихъ. Мы совершенно согласны въ томъ, что «состояніе качествъ» сильно, даже радикально, видоизмѣняется «вліяніемъ обстоятельствъ», но подъ обстоятельствами слѣдуетъ разумѣть не одни политическія и политико-экономическія условія жизни народа, а также и условія жизни духовной: религію, поэзію, нравственныя воззрѣнія, память о прошломъ и пр. и пр., не говоря уже про географическое положеніе страны и всѣ зависящія отъ него послѣдствія.

Впрочемъ, убѣдительно доказать, что національности вообще имѣютъ характеръ, также трудно, какъ и доказать, что онѣ не имѣютъ характера; по старымъ учебникамъ, первое положеніе есть общее мѣсто, а второе противуположное общее мѣсто, а споръ объ общихъ мѣстахъ называется логомахіей.

А. К.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ сорокъ-второй. Спб. 1888.

Этотъ томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ четыре монографіи, вышедшихъ ранѣе въ отдѣльномъ видѣ. Первая, подъ заглавіемъ «Къ библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій», принадлежитъ г. Э. Калужняц-

кому и представляетъ подробное библіографическое изслѣдованіе одной довольно рѣдкой и мало извѣстной книги «Богословія нравоучительная, Почаевъ 1751 г.», пользовавшейся въ свое время у исповѣдниковъ уніатской церкви въ Россіи большимъ уваженіемъ. Особенно любопытенъ приложенный къ книгѣ славяно-польскій лексиконъ, составленный, какъ доказываетъ г. Калужняцкій, главнымъ образомъ, на основаніи извѣстнаго лексикона Памвы Берынды 1627 г.

Вторая обширная работа въ «Сборникѣ» принадлежитъ акад. Ѳ. И. Буслаеву, подъ заглавіемъ «Народная поэзія». Это—собраніе статей, написанныхъ авторомъ преимущественно въ 60-хъ годахъ по разнымъ вопросамъ русской народной поэзіи и разбросанныхъ доселѣ въ періодическихъ изданіяхъ. Знаменитый авторъ скромно сознается, что многое въ этихъ работахъ слѣдовало бы передѣлать, что онѣ не вполнѣ отвѣчаютъ тому уровню требованій, которыя теперь предъявляетъ наука народной словесности, ушедшая за послѣднее время очень далеко впередъ; но, конечно, всякій согласится, что работы эти не только для своего времени были весьма замѣчательными, но и теперь являются далеко не лишними. Блестящій талантъ автора и любовь къ изслѣдуемому матерьялу будутъ всегда современны. Живое изложеніе и богатство мыслей общаго характера дѣлаютъ эту книгу привлекательной не только для ученыхъ спеціалистовъ, но и для обыкновеннаго образованнаго читателя. Вотъ перечень статей, вошедшихъ въ это собраніе: «Русскій богатырскій эпосъ» (1862), «Слѣды славянскихъ эпическихъ преданій въ нѣмецкой миѳологіи» (1862), «Бытовые слои русскаго эпоса» (1871), «Пѣсня о Роландѣ» (1864), «Испанскій народный эпосъ о Сидѣ» (1864) и «Русскіе духовные стихи» (1861).

Третья статья въ «Сборникѣ»—«Къ вопросу о Кириллахъ—авторахъ въ древней русской литературѣ» принадлежитъ г. Пѣтухову. Авторъ даетъ рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ о различныхъ древне-русскихъ памятникахъ поучительнаго содержанія, озаглавленныхъ именемъ «Кирилла», которое было весьма любимымъ у древне-русскихъ книжниковъ и прилагалось довольно произвольно. Читатель можетъ найти въ этихъ замѣткахъ нѣсколько древнихъ «поученій», извлеченныхъ изъ рукописей съ XIV по XVIII ст.

Послѣдняя статья «Сборника» представляетъ собраніе различныхъ работъ акад. Я. К. Грота, касающихся Пушкина и напечатанныхъ ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; теперь онѣ собраны подъ общимъ заглавіемъ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Самое заглавіе показываетъ, какого періода жизни великаго поэта касаются эти статьи; среди нихъ есть, впрочемъ, нѣсколько болѣе общаго содержанія («Очеркъ біографія Пушкина», «Личность Пушкина какъ человѣка») или относящихся къ позднѣйшимъ періодамъ жизни поэта («Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ», «Замѣтка о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ»). Кромѣ того, почтенный авторъ даетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ дополненій къ изданіямъ сочиненій Пушкина, явившимся ко дню 50-тилѣтія со времени его кончины; предлагаетъ «Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину» и, наконецъ, «Хронологическую канву для біографіи Пушкина». Послѣдняя въ особенности любопытна и принесетъ несомнѣнную пользу будущимъ біографамъ поэта; она начинается 1696 г., въ которомъ родился предокъ Пушкина, Абр. Петр. Ганнибалъ, идетъ по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ, подъ которыми отмѣчаются различныя событія изъ жизни Пуш-

кина и близкихъ ему людей, и кончается 28 февраля 1883 г., когда умеръ послѣдній лицеистъ 1-го курса князь А. М. Горчаковъ. Въ «приложеніяхъ» г. Гротъ сообщаетъ нѣсколько неизданныхъ матерьяловъ, касающихся жизни Пушкина въ лицеѣ, его связей съ Плетневымъ и, наконецъ, трагической смерти поэта. П.

Римская исторія Θ. Моммсена. Томъ второй и третій. Отъ битвы при Пиднѣ до битвы при Θапсѣ. Переводъ (съ седьмого изданія) II т. В. Н. Невѣдомскаго и III т. А. Н. Веселовскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

Эти такъ скромно озаглавленные два тома знаменитаго труда Теодора Моммсена, обнимающіе всего только 122 года исторіи римскаго государства, въ сущности есть базисъ всей славы своего автора, такъ же какъ эти 122 года есть единственное основаніе всей славы римскаго народа и его доминирующаго значенія во всемірной исторіи.

Римъ до эпохи Гракховъ — одна изъ грубыхъ италійскихъ республикъ, устроенная на принципахъ эгоизма и возвысившаяся только вслѣдствіе политическаго ничтожества другихъ державъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, и своей твердой, но совершенно безсовѣстной системы подсиживанья сосѣдей. Римъ послѣ Цезаря, Римъ императорскій—важная и продолжительная эпоха всеобщей исторіи, но такая эпоха, намять о которой человѣчество было бы не прочь вырвать изъ души своей, еслибъ это было возможно, подобно тому, какъ отдѣльный, вполнѣ сложившійся человѣкъ былъ бы не прочь истребить въ себѣ и другихъ намять о двухъ-трехъ годахъ своей молодости, въ продолженіе которыхъ онъ, разочаровавшись въ юношескихъ идеалахъ своихъ и подпавъ подъ вліяніе негодяевъ, кутилъ и безобразничалъ, какъ только могъ хуже, какъ бы усиленно стараясь убить въ себѣ все хорошее и доброе. Все, что мы находимъ величественнаго и плодотворнаго въ римской имперіи: міровое ея владычество, единство и энергія ея культуры, способствовавшія быстрому распространенію христіанства, все это обусловлено дѣятельностью римской республики. Еслибъ всѣ три страны свѣта не были запуганы орлами Суллъ, Помпеевъ и Цезарей, легіоны Клавдіевъ и Антониновъ не внушали бы имъ страха; еслибъ онѣ не преклонились передъ геніемъ администраторовъ и цивилизаторовъ республики, претензіи чиновниковъ имперіи были бы только смѣшны. Ясное, какъ день, доказательство у всѣхъ передъ глазами: имперія была сильна только до тѣхъ поръ, пока она старалась, въ чемъ можно, удержать формы республики: какъ только Константинъ задумалъ замѣнить ихъ формами, соотвѣтствующими дѣйствительному положенію вещей, она растаяла, какъ снѣжный сугробъ весною.

Второй томъ исторіи Моммсена начинается съ изображенія судебъ Испаніи за время отъ 206 до 123 года до Р. Х.; этотъ эпизодъ вовсе не интересенъ, какъ это прекрасно сознаетъ авторъ, съ первыхъ же строкъ заявляющій о своемъ правѣ требовать отъ серьезнаго читателя, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ «какъ въ счастливые дни, такъ и въ несчастные, какъ среди весеннихъ, такъ и среди зимнихъ ландшафтовъ»; съ страницы 21 начинается печальная драма третьей Пунической войны, тяжелая для нравственнаго чувства читателя

борьба самоувѣренныхъ побѣдителей съ безсильнымъ и отчаяннымъ врагомъ; затѣмъ, разрушеніе Коринеа и обозрѣніе другихъ сосѣднихъ государствъ; глава кончается нѣсколькими страницами общихъ выводовъ.

Уже изъ этой, наименѣе интересной, главы читатель получаетъ ясное представленіе о цѣли и методѣ Моммсена: онъ назначаетъ книгу свою не для спеціалистовъ, а для массы публики; онъ не полемизируетъ съ предшественниками, не взвѣшиваетъ ихъ выводовъ и заключеній, не указываетъ источниковъ, а просто разсказываетъ, настолько живо и интересно, насколько это допускаютъ имѣющіеся подъ его руками матеріалы. За разсказомъ слѣдуютъ (иногда, по мѣрѣ надобности, ему предшествуютъ) ясные и простые, какъ будто необходимо вытекающіе изъ дѣла, общіе выводы. Къ столь любимымъ нѣмецкими учеными примѣчаніямъ Моммсенъ прибѣгаетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ; но за то въ нихъ почти всегда находится какой-нибудь результатъ самостоятельныхъ работъ автора, несомнѣнный вкладъ въ науку.

Со 2-й главы начинается изложеніе самой Революціи (этимъ терминомъ авторъ озаглавилъ весь 2-й томъ своего труда) исторіей Тиберія Гракха 3-я глава посвящена Каю Гракху; разсказъ, разумѣется, становится все живѣй и драматичнѣй.

Моммсенъ симпатизируетъ Гракхамъ, въ особенности младшему, несравненно болѣе даровитому [1]; но, какъ юристъ по своему образованію и первоначальной дѣятельности, онъ началъ свою профессорскую карьеру, въ 1848 году, 31 года отъ роду, какъ профессоръ правовѣдѣнія въ Лейпцигѣ, потомъ читалъ римское право въ Цюрихѣ и Бреславлѣ, и только 40 лѣтъ отъ роду сталъ профессоромъ древней исторіи въ Берлинѣ,—онъ никакъ не можетъ примириться съ тѣми незаконными средствами, къ которымъ приходилось прибѣгать знаменитому демагогу, и едва ли съ достаточнымъ основаніемъ объясняетъ ихъ личной мстительностью Кая.

Далѣе слѣдуетъ живой и, если можно такъ выразиться, одухотворенный ненавистью къ правящимъ классамъ Рима разсказъ о Югуртинской войнѣ, съ событій которой онъ стираетъ тенденціозно-поэтическую окраску, приданную ей Саллюстіемъ, и о борьбѣ римлянъ съ предвозвѣстниками переселенія народовъ — кимврами и тевтонами. Историкъ къ этимъ главамъ уже такъ сжился съ своимъ народомъ, такъ огорченъ развращенностью римскихъ сенаторовъ и всадниковъ, что раздѣляетъ всѣ взгляды и предубѣжденія пессимистовъ того времени; а такъ какъ талантъ его подчиняетъ себѣ читателя, то послѣднему вполнѣ ясно, почему римляне при началѣ всякой войны должны терпѣть рядъ позорнѣйшихъ пораженій, но темно и непонятно, почему тѣ же римляне въ концѣ войны все же оказываются побѣдителями, и почему кутилы и развратники изъ золотой молодежи Рима, взобравшись на высоту и добившись важнаго отвѣтственнаго мѣста, вдругъ становились способными полководцами и администраторами, находили въ себѣ и тактъ, и чувство законности и энергичный патріотизмъ. Моммсенъ поступаетъ съ республиканскимъ Римомъ, какъ любящій, но требовательный отецъ съ сыномъ: онъ глубоко возмущенъ его недостатками и не хочетъ говорить о его достоинствахъ, хотя въ душѣ своей не можетъ не признать перевѣса послѣднихъ надъ первыми.

[1]) По его, можетъ быть, слишкомъ рѣзко выраженному мнѣнію, «въ римской монархіи едва ли найдется хоть одна плодотворная идея, которая не вела бы своего начала отъ Кая Гракха» (стр. 119).

Начинается борьба Марія и Суллы, и драматическій интересъ разсказа Моммсена и мастерство его характеристикъ еще болѣе возростаютъ. Можно, пожалуй, въ отдѣльныхъ случаяхъ придать большій вѣсъ тѣмъ фактамъ, которые не соотвѣтствуютъ заключеніямъ Моммсена, и посмотрѣть иными глазами на то или другое историческое лицо, о которомъ говоритъ онъ, можно отвергнуть историческую правду той или другой изъ его характеристикъ, но нельзя отвергнуть ихъ художественной правды; можетъ быть, Ливій Друзъ или Фимбрія были на самомъ дѣлѣ и не совсѣмъ таковы, какъ ихъ представляетъ Моммсенъ, но Друзъ и Фимбрія Моммсена совершенно живые люди, и если они дѣйствовали такъ, какъ разсказываетъ Моммсенъ, т. е. какъ ихъ знаетъ исторія нашего времени, они были именно таковы. Все это типы, созданные художникомъ. Какъ типиченъ, напримѣръ, недальняго ума служака Марій, сдѣлавшійся революціонеромъ по неволѣ [1])! Какъ типиченъ и величественъ, при всемъ своемъ легкомысліи, «политическій Донъ-Жуанъ», Сулла Счастливый, программѣ котораго авторъ вовсе не сочувствуетъ, но патріотизмъ и геніальную находчивость котораго онъ высоко цѣнитъ [2])! Какъ типиченъ восточный тиранъ Митридатъ своей азіатской изворотливостью и настойчивостью почти дослужившійся до чина великаго человѣка! Иногда, экономя временемъ читателя, Моммсенъ ограничивается тремя словами для характеристики второстепеннаго лица, но и въ этомъ случаѣ передъ нами живой образъ [3]). Но, что должно быть поставлено въ наибольшую заслугу— остроумная наблюдательность автора и живость его разсказа даетъ самому читателю возможность представлять себѣ съ полною ясностью всѣхъ безъ исключенія дѣятелей и общій ходъ дѣлъ, и почти заставляетъ его дѣлать обобщенія, поучительныя для всѣхъ временъ и народовъ.

Приведемъ хоть одинъ примѣръ. Моммсенъ только разсказываетъ о тѣхъ вспышкахъ террора, безумнаго преслѣдованія дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ государства, которыя происходили въ Римѣ при сильной неудачѣ въ опасной войнѣ (напр., при началѣ Союзнической войны, см. стр. 231); но всякій смыслящій читатель вспомнитъ при этомъ парижскій терроръ 1792 года, и самъ дойдетъ до обобщенія.

Послѣднія три главы II тома посвящены обзору внутренняго состоянія Римскаго государства въ эпоху первой гражданской войны. У насъ такъ немного сдѣлано для римской литературы и искусства, что характеристику Плавта и Теренція у Моммсена чуть ли не слѣдуетъ признать лучшимъ, что существуетъ на русскомъ языкѣ.

Третій томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе второй гражданской войны, судьбы Рима при Помпеѣ и Цезарѣ. Дѣйствующихъ лицъ здѣсь еще меньше, и они характеризованы еще нагляднѣе, еще энергичнѣе. Авторъ стоитъ всецѣло на сторонѣ Цезаря и какъ человѣка, и какъ государственнаго дѣятеля, хотя результаты его дѣятельности считаетъ гибельными для Рима и вредными для всей послѣдующей исторіи человѣчества [4]). Но эти результаты— необходимое, неизбѣжное слѣдствіе устройства римской республики и всего

---

[1]) См. стр. 191 и слѣд.

[2]) См. стр. 294, 374 и слѣд.

[3]) Про Фимбрію, напримѣръ, онъ говоритъ только: «Фимбрія былъ нахалъ, но вовсе не трусъ»; въ нѣмецкомъ оригиналѣ еще сильнѣй и нагляднѣй: «Fimbria war eine frevelhafte Natur, aber keine Memme».

[4]) См. стр. 414.

предшествующаго. Вотъ въ двухъ словахъ общій ходъ римской исторіи, какъ ее представляетъ Моммсенъ: міродержавство Рима должно было повлечь за собою полное переустройство республики; но свойственный человѣку тупой консерватизмъ дѣлалъ его невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ былъ необходимъ, и республика, попрежнему, осталась аристократической. Правящій классъ угнеталъ свободный народъ и разворялъ весь извѣстный тогда міръ. Была необходима революція; не удалась, болѣе или менѣе, мирная попытка Гракховъ, но побѣжденная демократическая партія не могла быть подавлена, потому что ей принадлежало будущее. Она соединилась на время съ анархистами (заговоръ Катилины), но здравый смыслъ народа помѣшалъ этой безумной вспышкѣ. А, между тѣмъ, положеніе дѣлъ становилось все болѣе и болѣе невыносимымъ; тогда демократія вступила въ отчаянную борьбу съ консервативнымъ сенатомъ и побѣдила его; но изъ этой побѣды, въ силу необходимости, вышла не демократическая республика, а военная монархія. Цезарь, глава демократіи, при всей своей геніальности и политической прозорливости, самъ не зналъ, куда идетъ онъ; онъ видѣлъ передъ собою только ближайшій поворотъ тропинки, а конечная цѣль была отъ него скрыта; но какъ человѣкъ съ трезвымъ и сильнымъ умомъ, онъ шелъ прямо впередъ, куда вела его судьба.

Цезарь, по убѣжденію Моммсена, единственный истинно-великій человѣкъ этой эпохи (см. его характеристику стр. 400 и слѣд.); въ его характерѣ всего симпатичнѣе соединеніе гуманности и благородства съ полной трезвостью мысли и чувства, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ «идеологіи»; въ этомъ отношеніи онъ несравненно выше Наполеона, въ которомъ трезвость и сила ума, необходимые для успѣха, соединялись съ черствостью сердца.

Относительно главныхъ противниковъ Цезаря, сужденія Моммсена слишкомъ уже неумолимы; характеристики ихъ геніально-смѣлы, но не свободны отъ односторонности. Помпей, по его словамъ (стр. 7 и слѣд.), мнимо-великій человѣкъ, котораго природа назначила быть «хорошимъ вахмистромъ», а обстоятельства сдѣлали государственнымъ дѣятелемъ и заставили бороться съ Цезаремъ.

Не всякій согласится принять на вѣру такое опредѣленіе Помпея, и какъ ни издѣвается, въ дальнѣйшемъ своемъ разсказѣ, Моммсенъ надъ Помпеемъ за его вѣчныя колебанія между стремленіемъ къ царской власти и нежеланіемъ протянуть руку къ вѣнцу, въ нихъ нельзя не видѣть трагической борьбы съ собственными принципами, борьбы, къ которой неспособны мелкія души и ординарные характеры. Но Моммсенъ правъ въ томъ отношеніи, что сравненіе Помпея съ Цезаремъ окажется, конечно, не въ пользу перваго, и что его, такъ поразительно ясно мотивированные, переходы отъ одной партіи къ другой, при чемъ не онъ руководилъ партіей, а она имъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что его политическая роль была ему не по силамъ. Крассъ (стр. 10 и слѣд.), по мнѣнію Моммсена, только «торгашъ», готовый съ помощью кредита и торговыхъ товариществъ спекулировать даже на корону. Но этотъ торгашъ во главѣ арміи умѣлъ биться и умирать истиннымъ римляниномъ. Порцій Катонъ, по словамъ Моммсена, едва годился въ сносные государственные контролеры (стр. 138 и слѣд.); историкъ зло издѣвается надъ формализмомъ этого «Донъ-Кихота аристократіи», который готовъ уступить начальство надъ войскомъ Цицерону, какъ старшему чиномъ (стр. 387); но читатель не въ правѣ забывать, что всякій римскій санов-

никъ былъ, въ то же время, и воиномъ, и въ этомъ уваженіи къ законамъ и установленному порядку, среди всеобщаго шатанія и полнаго разгара революціонныхъ страстей, нельзя не видѣть своего рода доблести, а смерть Катона, обстоятельства которой извѣстны каждому гимназисту, несомнѣнно, смерть героя. Цицеронъ, по убѣжденію Моммсена, политическій лицемѣръ, трусъ, боявшійся прослыть робкимъ человѣкомъ. Никто не станетъ отрицать, что себялюбіе есть одна изъ слабостей Цицерона и что въ немъ, какъ и во многихъ другихъ художникахъ слова, чувствуется недостатокъ характера; но вѣдь это только одна сторона знаменитаго оратора: его общепризнанная гуманность, широта его взглядовъ, тоже должны найти мѣсто въ его характеристикѣ. Моммсенъ справедливѣе тамъ, гдѣ ему не приходится имѣть дѣло съ заранѣе прославленными людьми, передъ которыми благоговѣютъ школьники: чрезвычайно тонка и остроумна характеристика Верцингеторикса, перваго французскаго рыцаря, который именно вслѣдствіе рыцарскихъ своихъ качествъ не могъ быть героемъ. У кого не вызоветъ она въ памяти параллелей? кому не дастъ политическаго урока? Но намъ пришлось бы выписать десятки страницъ, если бы мы вздумали перечислять всѣ подобныя мѣста или слѣдить за развитіемъ страшной Шекспировской трагедіи, составляющей предметъ этого тома. Въ изложеніи Моммсена она именно выходитъ Шекспировской, не только по своей жизненности и силѣ, но и по смѣшенію трагическаго съ комическимъ (какъ прекрасно, напримѣръ, изображена комическая борьба неповоротливаго Помпея съ ловкимъ демагогомъ Клодіемъ (стр. 264 и слѣд.). Но мы не можемъ не обратить вниманія читателей на крупный и, въ то же время, неизбѣжный недостатокъ высокоталантливой исторической книги, который въ ней выступаетъ съ особенной рельефностью, именно потому, что она очень умно написана: Моммсену, а по его волѣ читателю, представляется, что всѣ крупныя дѣйствія Цезаря были обусловлены разсчетомъ и яснымъ пониманіемъ той конечной цѣли, которая историку, post factum, кажется столь простой и опредѣленной. Знаменитый авторъ «Войны и Мира», мотивирующій всѣ дѣйствія такъ называемыхъ «великихъ людей» цѣлями ближайшими и мелкими, изображающій ихъ такими же близорукими и мелочными, какъ и всѣ мы грѣшные, представляетъ только другую крайность, которая во всякомъ случаѣ никакъ не хуже «провиденціальности» великихъ историковъ.

Моммсена нѣмецкая критика упрекала за перенесеніе современныхъ понятій въ римскую жизнь, за его «столичные клубы» Рима, «ратушу» и пр. Не видимъ въ этихъ смѣлыхъ выраженіяхъ никакого грѣха, а только удачное нововведеніе, способствующее оживленію разсказа: если въ Римѣ были своего рода политическіе клубы, отчего не назвать ихъ этимъ терминомъ, столь всѣмъ понятнымъ и опредѣленнымъ? Когда-то даже не позволяли римскихъ солдатъ называть солдатами, а непремѣнно воинами, генераловъ — военачальниками и т. д. Пора оставить этотъ псевдоклассицизмъ.

Исторія Моммсена, какъ замѣчательно умная книга, представляетъ интересъ и для такого читателя, которому до древняго Рима нѣтъ ровно никакого дѣла: столько мыслей и параллелей извлечетъ онъ изъ талантливаго изложенія давнопрошедшаго для пониманія настоящаго. Часто авторъ облегчаетъ и этотъ интересный трудъ читателя, давая выводы готовыми. Приведемъ хоть два-три примѣра. «Надежды обязываютъ того, на кого онѣ возла-

гаются», — говоритъ онъ по поводу затруднительнаго положенія Марія[1]) (II, 194).—«Выдающіяся личности уважаютъ законъ, какъ нравственную необходимость; дюжинные же — какъ рутинное обыденное правило; именно поэтому, военная дисциплина, въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, законъ является какъ бы привычкою, сковываетъ каждаго не очень твердаго человѣка точно какимъ-то волшебнымъ заклинаньемъ» (III, 171). — «Каждый революціонный побѣдитель узнаетъ на опытѣ, что если онъ не останется, подобно Циннѣ и Суллѣ, вождемъ партіи, но подобно Цезарю, Генриху IV и Вильгельму Оранскому, захочетъ на мѣсто односторонней программы партіи поставить общее благосостояніе, то тотчасъ обѣ партіи, и его собственная и побѣжденная, соединятся противъ него» (III, 412) и т. д., и т. д.

Переводъ обоихъ томовъ одинаково точенъ и хорошъ, какъ и всѣ переводы, издаваемые г. Солдатенковымъ. При слѣдующемъ изданіи, разумѣется, будутъ исправлены и тѣ немногія неточности или неловкости, которыя проскользнули въ настоящемъ, напримѣръ, Gährungsstoff (стр. 5) — причина броженія, переведено: поводъ къ сопротивленію; ein Mann des Volkes (стр. 190), слѣдуетъ перевести: человѣкъ изъ народа, а не «популярный человѣкъ», «Сципіонъ былъ тотъ, кто заявилъ о прекращеніи перемирія» (стр. 327)—есть явный германизмъ и т. д. Рѣшаемся также посовѣтовать гг. переводчикамъ латинскія цитаты переводить съ оригинала, а не съ нѣмецкихъ стихотворныхъ переводовъ, чтобы humilis, напримѣръ, не оказывалось не гладкимъ (стр. 441) и проч.

Желательно было бы и въ III томѣ видѣть на поляхъ хронологію по общепринятому счету (до Р. Х.).

Указатель—очень полезная вещь; но его слѣдуетъ пополнить: мы не нашли, напримѣръ, въ немъ имени Красса. А. К.

А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ. Книга V-я. Спб. 1888.

Смерть Богдана Хмельницкаго, послѣдовавшая въ августѣ 1657 г., привела, какъ извѣстно, къ смутамъ въ Малороссіи. Юрій Хмельницкій, которому его отецъ Богданъ передалъ гетманство за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, долженъ былъ уступить свое мѣсто хитроумному и пронырливому генеральному писарю Выговскому, котораго поддерживали значительная часть малорусской войсковой старшины и поляки. Московское правительство, оказывая покровительство Юрію Хмельницкому, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно было изъ политическихъ соображеній входить въ компромиссъ съ Выговскимъ, но тѣмъ не менѣе не могло предотвратить новой войны съ Польшей, такъ какъ поляки, весьма естественно, не въ состояніи были примириться съ Виленскимъ договоромъ 1656 г. Этотъ договоръ, которымъ закончилась первая побѣдоносная Польская война царя Алексѣя Михаиловича съ Яномъ Казиміромъ, война, въ которую войска русскаго царя заняли почти всю Литву, — какъ извѣстно, заключалъ въ себѣ еще въ то время разрѣшеніе Польскаго вопроса въ пользу Россіи, резюмируясь въ слѣдующихъ пяти главнѣйшихъ пунктахъ: 1) Признать царя Алексѣя Михаиловича королемъ поль-

---

[1]) Въ оригиналѣ это выражено значительно кратче и сильнѣе: «Hoffnungen binden».

скимъ при жизни Казиміра, а по смерти его царю московскому вступить на польскій престолъ. 2) Присоединить къ Московскому государству Бѣлоруссію и Малороссію. 3) Въ польскихъ областяхъ римскіе католики и православные пользуются одинаковой и полной свободой богослуженія. 4) Церковную унію прекратить. 5) Россіи и Польшѣ, до окончательнаго ихъ соединенія, не заключать мира и не начинать войны съ сосѣдними государствами, безъ обоюднаго ихъ согласія. Такимъ образомъ, повидимому, приближалось соединеніе подъ однимъ скипетромъ двухъ величайшихъ славянскихъ народностей—русской и польской. Но на дѣлѣ Виленскій договоръ повелъ къ результатамъ вовсе не мирнаго свойства, и явился однимъ изъ элементовъ дальнѣйшей распри между Россіей и Польшей. Царь Алексѣй Михайловичъ, считая Польшу уже частію своего государства, началъ войну съ Карломъ X, королемъ шведскимъ, который еще до Виленскаго договора покорилъ Варшаву, Краковъ и всѣ почти польскія земли на лѣвомъ берегу Вислы. Московскія войска перенесли театръ военныхъ дѣйствій изъ Литвы въ Ливонію, занятую шведами, и отнимали у шведовъ одинъ городъ за другимъ. Карлу X было плохо: его оставилъ его союзникъ курфюрстъ бранденбургскій, а король датскій объявилъ ему войну; но царь Алексѣй Михайловичъ, тревожимый дѣлами малороссійскими и польскими, заключилъ со Швеціей, въ декабрѣ 1658 года, перемиріе, удержавъ, впрочемъ, всѣ свои ливонскія завоеванія впредь до заключенія вѣчнаго мира. Этотъ вѣчный миръ послѣдовалъ въ Кардисѣ, въ 1661 г., и Швеція получила обратно всѣ завоеванные русскими города. Лѣтомъ 1659 г. Выговскій, не смотря на поддержку со стороны крымскаго хана, былъ разбитъ русскими войсками и бѣжалъ въ Польшу, и гетманомъ Малороссіи былъ признанъ Юрій Хмельницкій, при подданствѣ царю московскому, а осенью того же 1659 г. возгорѣлась вторая польская война, совершенно уничтожившая пункты Виленскаго договора. Неудачная для Россіи, она закончилась лишь черезъ 8 лѣтъ извѣстнымъ Андрусовскимъ договоромъ, по которому московскій царь не только отказывался отъ польскаго престола, но и отъ своихъ завоеваній въ Литвѣ и отъ всей правобережной Малороссіи, оставивъ за собой на правомъ берегу Днѣпра только Кіевъ, и то временно, на два года, а на западъ расширивъ предѣлы Московскаго государства лишь возвращеніемъ Смоленска, отнятаго поляками въ смутное время.

Указанныя политическія отношенія, сложившіяся во второй половинѣ XVII вѣка въ восточной Европѣ между государствами Московскимъ, Польскимъ и Шведскимъ, полны глубокаго историческаго интереса. Они надолго опредѣляютъ всѣ политическія осложненія на востокѣ Европы, таятъ въ себѣ зародышъ вопросовъ Польскаго и Восточнаго, служа прологомъ къ великой Сѣверной войнѣ Петра Великаго съ Карломъ XII и къ польскимъ раздѣламъ въ концѣ XVIII вѣка. Эти-то важныя отношенія послужили исторической канвой для изображенія плодотворной и почтенной административной и военной дѣятельности Василія Борисовича Шереметева въ V книгѣ «Рода Шереметевыхъ».

Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, назначенный воеводой въ Кіевъ 6 апрѣля 1658 г. вмѣсто окольничаго Андрея Васильевича Бутурлина «для успокоенія межеусобія и для государскихъ великихъ и войска запорожскаго потребныхъ и годныхъ дѣлъ»—попалъ въ самый разгаръ происходившихъ малороссійскихъ «нестроеній» и испилъ горькую чашу, благодаря этимъ нестроеніямъ съ одной стороны и неблагоустройству тогдашнихъ московскихъ

военныхъ распорядковъ съ другой. Съ честью отстаивая «великія государскія дѣла» и стойко борясь съ Польшей за русское дѣло, Василій Борисовичъ Шереметевъ палъ жертвою тогдашней неурядицы въ Малороссіи: преданный польскими военачальниками—Потоцкимъ и Любомирскимъ крымскому хану, онъ былъ отведенъ плѣнникомъ въ Крымъ и протомился въ этомъ плѣну цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Василій Борисовичъ Шереметевъ, сынъ боярина Бориса Петровича, родился около 1622 года и началъ службу стольникомъ еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Служебная дѣятельность его съ 1653 г., когда онъ, имѣя отъ роду немного болѣе 30 лѣтъ былъ уже пожалованъ бояриномъ, до назначенія воеводой въ Кіевъ, въ 1658 г., разсказана въ IV книгѣ «Рода Шереметевыхъ», вышедшей въ 1884 г. Настоящая V-я книга обнимаетъ собою съ небольшимъ лишь два года изъ жизни Василія Борисовича, будучи почти цѣликомъ посвящена ему. Эта V-я книга въ 469 стр. in 4° и раздѣленная на 28 главъ, отводитъ лишь одну, XV главу (стр. 226—244) краткому упоминанію о другихъ его сородичахъ, жившихъ съ нимъ одновременно, и о его сынѣ Иванѣ Васильевичѣ, пользовавшемся особеннымъ благоволеніемъ царя Алексѣя Михаиловича.

Малороссійскія смуты послѣ смерти Богдана Хмельницкаго изложены въ разсматриваемой книгѣ на столько, на сколько онѣ служатъ къ выясненію дѣятельности Василія Борисовича. Весьма естественно, что при подробной фактической передачѣ этой дѣятельности, слѣдя шагъ за шагомъ за Шереметевымъ со времени его выѣзда изъ Москвы, 5 мая 1658 года, до отведенія его въ плѣнъ къ крымцамъ, 25 октября 1661 года, А. П. Барсуковъ принужденъ останавливаться на детальныхъ эпизодахъ, касающихся Выговскаго, Мартина Пушкаря, Юрія Хмельницкаго и другихъ лицъ. Поэтому V-я книга «Рода Шереметевыхъ», кромѣ біографическихъ данныхъ и весьма интересныхъ подробностей, касающихся лично Василія Борисовича Шереметева, не только дополняетъ свѣдѣнія о малороссійскихъ смутахъ послѣ Хмельницкаго, извѣстныя изъ прежнихъ изслѣдованій о нихъ, но представляетъ въ иныхъ случаяхъ новое освѣщеніе многихъ эпизодовъ изъ указанныхъ историческихъ событій. Страницы, посвященныя времени, непосредственно слѣдовавшему за смертью Богдана Хмельницкаго, въ исторіяхъ Малороссіи Бантыша-Каменскаго и Маркевича не отличаются полнотой, изложеніе этихъ событій въ XI томѣ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, вышедшемъ въ 1861 г. и въ его же статьѣ: «Гетманъ Иванъ Выговскій» («Отеч. Зап.» 1859 г., № 11, стр. 43—64), представляя массу новыхъ архивныхъ данныхъ, посвящено главнымъ образомъ описанію военныхъ дѣйствій и международныхъ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Польшей. Что же касается до монографій Н. И. Костомарова: «Гетманство Выговскаго» («Основа», 1861 г., кн. IV и VII и II т. «Монографій», изд. 1863 г.) и «Гетманство Юрія Хмельницкаго» («Вѣстн. Евр.», 1868 г., кн. IV и V и XII т. «Монографій», изд. 1872 г.), то обѣ онѣ не отличаются безпристрастной передачей мѣропріятій тогдашняго Московскаго правительства.

Очень много подробностей въ V-й книгѣ «Рода Шереметевыхъ», касающихся собственно дѣятельности Василія Борисовича въ Малороссіи, тщательно собранныхъ и впервые обнародованныхъ А. П. Барсуковымъ, рисуютъ яркими чертами симпатіи массы малороссійскаго населенія къ «Бѣлому Московскому царю» и тогдашнее положеніе русскаго дѣла по отношенію къ Польшѣ. Къ такимъ подробностямъ относятся факты, переданные въ главахъ V, VI,

IX, XIII и XIV. Въ этихъ главахъ излагаются слѣдующія весьма интересныя историческія данныя: путь Шереметева отъ Москвы до Кіева, тогдашнее положеніе малороссійскаго народа и восторженная встрѣча имъ Шереметева, о чемъ тотъ не замедлилъ отписать царю Алексѣю Михаиловичу, который такъ любилъ своего «вѣрнаго и истиннаго послушника, храбраго и мужественнаго архистратига», какъ называлъ онъ Шереметева; вступленіе Шереметева въ Кіевѣ въ должность кіевскаго воеводы и пріемъ имъ казны, наряда и ратныхъ людей, отношенія Шереметева къ извѣстному кіевскому ученому XVII вѣка архимандриту Кіевопечерской Лавры Иннокентію Гизелю, нѣжинскому протопопу Максиму Филиновичу и полковнику Дворецкому, которые выказывали искреннюю преданность дальновидному, храброму и гуманному московскому воеводѣ; дѣятельность Шереметева послѣ Конотопскаго сраженія и награжденіе его царемъ «золотыми» и расширеніе власти, подчиненіемъ ему воеводъ и ратныхъ людей въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Бѣлой Церкви и Браславлѣ. Весьма важны также въ этихъ и другихъ главахъ указанія на неправильную тогдашнюю организацію войскъ и центральнаго военнаго управленія въ Московскомъ государствѣ и на мѣстническіе счеты, существовавшіе между царскими воеводами въ Малороссіи. Всѣми этими обстоятельствами обусловливаются неуспѣхи и невольныя ошибки въ военныхъ дѣйствіяхъ талантливаго полководца В. В. Шереметева, которому своевременно не давали помощи начальники отдѣльныхъ военныхъ отрядовъ: кн. Борятинскій, кн. Трубецкой, Чаадаевъ и кн. Ромодановскій. Въ этомъ отношеніи особенно строптивымъ оказывался кн. Юрій Никитичъ Борятинскій, который не желалъ подчиниться Чудновскому договору, заключенному Шереметевымъ съ польскими вождями. На письмо къ нему Шереметева о выводѣ царскихъ войскъ изъ Кіева, Чернигова, Переяславля и Нѣжина, кн. Борятинскій отвѣчалъ ему, что онъ сдѣлать этого не можетъ, не получивъ соотвѣтствующихъ приказаній изъ Москвы. «Я повинуюсь указамъ царскаго величества, а не Шереметева—много въ Москвѣ Шереметевыхъ»,—писалъ онъ. Централизація въ Москвѣ военныхъ распоряженій во время весьма серьезныхъ и сложныхъ военныхъ дѣйствій, бывшихъ одновременно въ Малороссіи, Литвѣ и Швеціи, напоминала австрійскіе военные порядки XVIII и XIX вѣковъ, ихъ канцелярски-чопорные «кригсъ-раты», которые приводили въ бѣшенство великаго Суворова; такая централизація затрудняла Московское правительство и, что называется, связывала по рукамъ и по ногамъ даже столь близкихъ къ царю людей, какимъ безспорно былъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. XXVIII-я заключительная глава разсматриваемой книги передаетъ весьма интересныя подробности о злосчастномъ предательскомъ плѣнѣ В. В. Шереметева, въ которомъ онъ былъ содержанъ первое время весьма жестоко: три мѣсяца провелъ «храбрый и мужественный архистратигъ» въ ханскомъ дворцѣ въ Бахчисараѣ, въ тяжелыхъ оковахъ и лишь переведенный послѣ того въ другое мѣсто заключенія, Шереметевъ былъ освобожденъ отъ оковъ и получилъ возможность писать изъ плѣна царю, раздѣляя неволю съ добровольными товарищами плѣна, не пожелавшими оставить своего любимаго начальника—священникомъ, переводчикомъ, нѣсколькими жильцами и подъячими, имена которыхъ перечисляются А. П. Барсуковымъ.

Какъ личность самого Василія Борисовича, такъ и разные слои малороссійскаго народа второй половины XVII вѣка и отдѣльные черкасы, съ ко-

торыми приходилъ въ сношеніе Шереметевъ, а равно и поляки, и польскіе порядки, или лучше сказать безпорядки, того времени—рельефно выступаютъ въ безпристрастномъ, совершенно объективномъ, изложеніи А. П. Барсукова. Подробныя свѣдѣнія о жизни Василія Борисовича Шереметева, по справедливости одного изъ выдающихся русскихъ государственныхъ и военныхъ людей XVII вѣка, ясно указываютъ на то, какихъ замѣчательныхъ сподвижниковъ имѣлъ «тишайшій» царь, и какъ глубоко понимали они тогдашніе русскіе интересы и честно служили царю и Россіи. «Смиренномудрствіе» и двоедушіе малорусской старшины (за малыми исключеніями), приниженность массы малорусскаго народа и вѣроломство поляковъ выражены также весьма наглядно въ біографіи В. В. Шереметева.

V-я книга «Рода Шереметевыхъ» читается съ большимъ интересомъ, заключая въ себѣ много назидательныхъ поученій изъ прошлаго и воспроизводя это прошлое въ ясномъ историческомъ изложеніи; а потому эта книга, кромѣ удовольствія, которое она несомнѣнно доставитъ всякому любителю русской исторіи, сообщитъ ученому историку Россіи большой запасъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ правительственныхъ и частнаго архива графа Шереметева. Въ виду такихъ достоинствъ новаго почтеннаго труда А. П. Барсукова нельзя не обратиться съ глубокой благодарностью, какъ къ нему за его продолженіе исторіи Шереметевыхъ, такъ и къ графу С. Д. Шереметеву за предпринятое имъ изданіе этой исторіи. Послѣдніе тома, по мѣрѣ приближенія историческихъ событій къ XVIII в., обѣщаютъ все болѣе и болѣе интереса, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ должно выступить на сцену изложеніе реформы Петра Великаго и славной дѣятельности одного изъ главнѣйшихъ его сподвижниковъ, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева.

Д. Корсаковъ.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Томъ второй (окончаніе). Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. XVIII-е столѣтіе. Выпускъ седьмой. Спб. 1888.

Настоящій выпускъ «Русской исторіи» покойнаго Н. И. Костомарова заключаетъ въ себѣ три біографіи: фельдмаршала Миниха и императрицъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Нови».

Самой удачной изъ этихъ біографій слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, признать біографію Миниха. Передъ нами, какъ живой выступаетъ этотъ «искусный водопроводитель, мудрый администраторъ, непобѣдимый полководецъ», одинъ изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ нѣмцевъ, вызванныхъ Петромъ Великимъ на службу Россіи. «По своей неутомимой дѣятельности, говоритъ Н. И. Костомаровъ, и по безпредѣльному трудолюбію Минихъ напоминалъ собою великаго государя, къ памяти котораго до гробовой доски сохранялъ благоговѣйное уваженіе. Будучи въ Россіи чужеземцемъ и въ русской службѣ наемникомъ, онъ по своему обширному уму не могъ послѣдовать общему предразсудку своихъ земляковъ-нѣмцевъ, которые, вступая въ Россію, считали ее варварскою страною, смотрѣли на русскій народъ, какъ на матеріалъ,

пригодный только для ихъ корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ плановъ; Минихъ не переставалъ принадлежать къ той народности, въ нѣдрѣ которой родился, но уразумѣлъ, какъ немногіе изъ русскихъ, всѣ достоинства русскаго народа и служилъ пользѣ и интересамъ Россіи честно, открыто и неутомимо». При Петрѣ дѣятельность Миниха ограничивалась инженерными, гидравлическими работами по строенію Ладожскаго канала, императоръ высоко цѣнилъ его «труды», говоря, «что они радуютъ его и подкрѣпляютъ его здоровье». «Еще въ службѣ у меня, объявилъ Петръ сенаторамъ, не было такого иностранца, который бы такъ умѣлъ приводить въ исполненіе великіе планы, какъ Минихъ!» Но Петръ скоро умеръ, при его преемникахъ кругъ дѣятельности Миниха значительно расширился, онъ стяжалъ себѣ славу полководца и правителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ нажилъ и враговъ, его не умѣли цѣнить, какъ слѣдуетъ, въ немъ видѣли только интригана и честолюбивца, забывая, что онъ прежде всего работникъ, и талантливый работникъ. Эта сторона характера Миниха, ненасытная жажда дѣятельности, прекрасно очерчена Костомаровымъ. «Натура Миниха въ силахъ нести непомѣрные для другихъ труды, претерпѣвать лишенія и оскорбленія, какъ никто иной не въ силахъ, но бездѣятельности вынести не можетъ». Даже въ ссылкѣ въ Сибири Минихъ не остается празднымъ: «онъ пишетъ и посылаетъ изъ своей грустной темницы проектъ за проектомъ въ видахъ то того, то другого предпріятія въ пользу Россіи, указываетъ на все, какъ на продолженіе того, что замышлялъ Петръ Великій, проситъ себѣ свободы настолько, чтобы могъ потрудиться для Россіи». Но въ судьбѣ Миниха есть много трагическаго: «въ своихъ широкихъ видахъ на пользу Россіи онъ постоянно встрѣчалъ препятствія отъ самой Россіи». Правительство не понимало его плановъ и часто не обращало на нихъ никакого вниманія. Трагизмъ никогда не покидалъ этой личности. «Казалось бы, говоритъ Костомаровъ, съ кѣмъ легче могъ сойтись Минихъ, какъ не съ Екатериной! И что же? Мы видимъ, что она предоставила ему строить гавани и каналы, окружила его внѣшнимъ почетомъ, цѣнила его личность, слушала со вниманіемъ, но тутъ же и скучала отъ его старческихъ предположеній и даже не содѣйствовала успѣшному окончанію его инженерныхъ и гидравлическихъ работъ въ такой степени, какъ онъ желалъ и требовалъ».

Обращаясь къ біографіямъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны, мы замѣчаемъ, что онѣ написаны гораздо слабѣе, чѣмъ жизнеописаніе Миниха. Въ нихъ есть главы чрезвычайно тяжелыя, скучныя, лишенныя художественности, составляющей обычное качество работъ Костомарова. По этому поводу позволимъ себѣ маленькое общее замѣчаніе: Костомаровъ—художникъ, когда онъ разсказываетъ о дѣйствіяхъ, когда занимается характеристикой лицъ, но у него нѣтъ художественности въ описаніяхъ быта; эти описанія положительно не удавались покойному историку, они составляютъ тяжелый баластъ даже въ его чисто беллетристическихъ произведеніяхъ, и такимъ баластомъ являются въ двухъ разсматриваемыхъ біографіяхъ тѣ главы, которыя посвящены описанію того, что принято обыкновенно относить въ рубрику: «внутреннее состояніе». Фактовъ чрезвычайно много, но картина выходитъ неясная, блѣдная. Взглядъ Костомарова на правленіе и личности двухъ императрицъ совершенно противоположенъ взгляду Соловьева. Костомаровъ старается оправдать Анну Ивановну и нѣмцевъ-правителей отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій. «Невозможно, говоритъ онъ, приписывать весь характеръ царствованія огуломъ нѣмцамъ уже потому, что стоявшіе

на челѣ правительства нѣмцы не составляли согласной корпораціи, и каждый изъ нихъ преслѣдовалъ свои личные интересы, одинъ другому завидывалъ, одинъ къ другому враждовалъ». «Мы не затруднимся сказать, продолжаетъ историкъ, что приписывать все, что насъ возмущаетъ въ царствованіи Анны Ивановны, слѣдуетъ не самой императрицѣ, не любимцу ея, герцогу курляндскому, а всему вѣку, въ которомъ происходили излагаемыя здѣсь событія». Но такой взглядъ не совсѣмъ вѣренъ, въ немъ есть односторонность: правда, вѣкъ былъ жестокій, правда, что нѣмцы не составляли согласной корпораціи, но въ чемъ нѣмцы были между собой солидарны—это въ презрѣніи ко всему русскому, и эта именно сторона ихъ правленія дѣлала ихъ ненавистными народу и была причиною многихъ безсмысленныхъ ихъ жестокостей.—Взглядъ на царствованіе Елисаветы у Костомарова, также въ противоположность Соловьеву, чисто отрицательный. «Обозрѣвая царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, говоритъ Костомаровъ, нельзя не отмѣтить двухъ важныхъ дѣлъ этого царствованія въ области внутренняго управленія-распространенія просвѣщенія, которому много содѣйствовало учрежденіе университета и гимназій, и уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, сильно парализовавшихъ русскую торговлю въ теченіе долгаго времени. И то и другое дѣло устраивалось представленіями и трудами Шуваловыхъ. Что касается до внѣшней политики, то вмѣшательство Россіи въ Семилѣтнюю войну ничего не принесло ей, кромѣ истощенія, и возбуждало всеобщее неудовольствіе даже въ войскѣ. Обыкновенно ставятъ въ заслугу Елисаветѣ Петровнѣ уничтоженіе смертной казни и нѣкоторое смягчающее движеніе въ законодательствѣ относительно употребленія пытокъ при разслѣдованіяхъ; но мы не видимъ тутъ смягченія нравовъ и проявленія человѣколюбія, потому что въ разсматриваемую эпоху продолжались страшныя пытки — рваніе ноздрей, битье кнутомъ, урѣзаніе языка и тяжелыя ссылки, часто даже людей невинныхъ». Но и этотъ взглядъ одностороненъ и несправедливъ. Если хорошія дѣла совершались не самой Елисаветой, а ея приближенными, то не слѣдуетъ забывать, что этихъ приближенныхъ выбирала все же она сама, а это весьма важно: достоинство правителей и состоитъ больше въ умѣніи окружать себя хорошими сотрудниками. Сужденіе объ отмѣнѣ смертной казни и смягченіи законодательства представляется уже совсѣмъ страннымъ: сколько бы ни оставалось жестокости въ нравахъ и законодательствѣ, отмѣна смертной казни такой большой шагъ впередъ и такое проявленіе человѣколюбія, что ее нельзя не ставить высоко, и отзывъ Костомарова объ этомъ фактѣ слишкомъ поверхностенъ.

А. Бороздинъ.

„Девятисотлѣтіе русской іерархіи. 988—1888. Епархіи и архіереи". Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. Н. Д. Москва. 1888.

Заглавіе этой книжки далеко не оправдывается содержаніемъ. Судя по заглавію, ожидаешь найти исторію происхожденія епархій и дѣятельность іерарховъ, хотя бы въ краткомъ, но связномъ очеркѣ. Между тѣмъ, въ книжкѣ находится только перечень именъ монашескихъ, если и съ фамиліями, то безъ обозначенія имени іерарховъ до пострйженія, и безъ датъ ихъ жизни.

Какъ перечень, «Девятисотлѣтіе» даетъ даже излишекъ, включая грузинскую іерархію, за настоящее столѣтіе, выдѣляя епархіи грузинскія изъ

состава русскихъ и внося «Управлявшихъ военнымъ духовенствомъ оберъ-священниковъ и главныхъ священниковъ арміи и флота», которые не должны имѣть мѣста въ перечнѣ іерарховъ. Въ такомъ случаѣ читатель въ правѣ требовать также и списка оберъ-іеромонаховъ флота и арміи съ Петра I, а при спискѣ грузинскихъ архіереевъ, указанія главныхъ священниковъ кавказской арміи.

Излишествомъ, ничѣмъ неоправдываемымъ, считаемъ мы включеніе на стр. 81 епархіи Мукачевской (Мункачской въ Венгріи), никогда незаключавшейся въ предѣлахъ россійской имперіи. Точно также и на стр. 92—93, неосновательно сообщеніе о грузинскихъ епархіяхъ съ 318 до 1422 года. Еще менѣе относятся до нашей іерархіи «настоятели патріаршихъ въ Москвѣ подворьевъ» (стр. 98—99), управляющіеся архимандритами, когда нашихъ архимандритовъ нѣтъ въ составѣ перечня. Въ концѣ алфавитнаго списка бывшихъ іерарховъ, (на стр. XVII) поставленъ еще алфавитный указатель (46) именъ архіереевъ (никогда несуществовавшихъ, но будто бы), упоминаемыхъ въ нѣкоторыхъ (?) спискахъ и синодикахъ. Мы просто скажемъ, что эти имена не только сомнительныя, но прямо фантастическія. Указавъ на излишества и отступленія отъ условій программы, по вопросамъ, возбуждаемымъ широтою заглавія брошюры, мы должны точно также выставить и достоинства выполненія задачи перечня именъ. Прежде всего скажемъ, что этотъ перечень доведенъ до дня выпуска брошюры въ свѣтъ. Включеніе фамилій іерарховъ, только-что рукоположонныхъ, даетъ очень важное преимущество перечню именъ, даже передъ «Спискомъ», изданнымъ на текущій годъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ. Относительно же прежнихъ списковъ іерарховъ, обращающихся въ публикѣ, трудъ покойнаго Юрія Васильевича Толстого уже представляетъ пробѣлъ на 13—12 лѣтъ, а по спискамъ Строева на 15 лѣтъ. Правда, въ спискахъ Толстого есть справки о прохожденіи службы іерарховъ и до рукоположенія епископскаго, есть и указаніе, хотя не вездѣ, именъ до постриженія. Снабженіе списка этими качествами, усилило бы цѣну брошюры г. Н. Д., хотя и въ настоящемъ видѣ, какъ справочный матеріалъ, «Девятисотлѣтіе», несомнѣнно занимаетъ видное мѣсто. Опечатокъ немного, но не всѣ они оговорены. Напримѣръ, преосвященный Виталій Борисовъ, напечатано Жигаевъ, вмѣсто Жегачевъ, а Кипріанъ первый архіепископъ Тобольскій названъ Старорусенниковъ, вмѣсто Старорушенинъ. Незамѣчены также и даты кончины іерарховъ «на покоѣ». Напримѣръ, сказано на 75 стр. въ епископствѣ Брестскомъ «Игнатій Желязовскій изъ архимандритовъ и инспекторовъ Литовской семинаріи, епископъ 20-го мая 1848 г., 1870 г. 27-го іюня уволенъ». По этой справкѣ всякій подумаетъ, что преосвященный еще живъ, но онъ уже скончался 31-го марта 1872 г. И при имени преосвященнаго Хрисанеа (Ретивцева) тоже подобной оговорки не сдѣлано, но онъ, какъ извѣстно, скончался почти пять лѣтъ (6-го ноября 1883 г.). Подобныя даты кончины были бы больше чѣмъ нелишнія въ голомъ спискѣ именъ, какова брошюра «Девятисотлѣтіе русской іерархіи». Пріобрѣтатели ея, заплативъ 2 р. 25 к. за списокъ въ 104 стр. и XX (рим. нумер.), въ правѣ ожидать встрѣтить такія необходимыя заключительныя черты справки о лицѣ іерарховъ. П. Пвъ.

Библіотека по русскому и церковно-славянскому языку и словесности русской и иностранной, съ приложеніемъ описанія книгъ по логикѣ. Составилъ Левъ Поливановъ. Москва. 1888.

Г. Поливанову было поручено сформировать для выставки Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ учительскую и ученическую библіотеки по русскому и церковно-славянскому языкамъ и по словесности, русской и иностранной. Каталогъ къ этому собранію книгъ онъ и представилъ теперь въ небольшой, компактно изданной книжкѣ. По собственному свидѣтельству автора, являющійся теперь печатный каталогъ пополненъ нѣкоторыми книгами, не бывшими на выставкѣ—въ виду того, что онъ предназначается теперь къ болѣе широкому употребленію, какъ справочное руководство по указаннымъ предметамъ для учителей и учениковъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не отнестись сочувственно къ такой мысли г. Поливанова, и предлагаемая книжка, какъ первый опытъ подобнаго рода, заслуживаетъ самаго живого вниманія.

«Библіотека» раздѣляется на двѣ части: учительскую (стр. 1—125) и ученическую (127—148); въ концѣ приложенъ общій указатель именъ (149—156). Что касается учительской библіотеки, то самъ г. Поливановъ хорошо понимаетъ, что это—«понятіе очень относительное, по самой сущности своей» и свою точку зрѣнія при выборѣ книгъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «вносить все, что заключаетъ въ себѣ самостоятельный трудъ и касается крупнѣйшихъ явленій литературы, т. е. такихъ, съ которыми приходится имѣть дѣло преподавателю; что касается книгъ—собственно учебныхъ, то авторъ вносилъ въ свой каталогъ «лишь труды самостоятельные, которые носятъ опредѣленный характеръ или представляютъ починъ среди другихъ книгъ того же рода, а также такія, которыя пріобрѣли общую извѣстность наибольшимъ распространеніемъ или же выдѣляются авторитетностію авторовъ» (предисл. II). Конечно, при такихъ рамкахъ автору, по самой сущности дѣла, былъ предоставленъ большой произволъ—особенно въ выборѣ книгъ для учительской библіотеки, и тутъ могутъ быть указаны въ его книгѣ не маловажные недочеты. Мы здѣсь не имѣемъ возможности указать ихъ всѣ (это, «впрочемъ, едва ли было бы и возможно при неопредѣленности той точки зрѣнія, на которую онъ сталъ, и которая была обусловлена самымъ характеромъ его задачи) и ограничимся только нѣкоторыми, бросающимися въ глаза съ перваго раза. По № 5 упомянуто нѣмецкое изданіе «Vergleichende Grammatik» Ф. Миклошича, но не указано на существованіе русскаго перевода морфологической части этого сочиненія (пять выпусковъ, М. 1884—87), который гораздо важнѣе соотвѣтствующей части нѣмецкаго подлинника, такъ какъ снабженъ обширными замѣчаніями и дополненіями редактора этого перевода проф. Р. Брандта; мы не говоримъ уже о томъ, что въ книгѣ г. Поливанова, сообразно ея цѣли, русскіе переводы такихъ сочиненій, какъ упомянутое Ф. Миклошича, должны быть указаны, какого бы достоинства эти переводы ни были. № 10: не указано 2-го изд. (Weimar, 1886) учебника A. Leskien'a «Handbuch der altbulgarischen Sprache», а оно значительно переработано и измѣнено, сравнительно съ первымъ. № 22: не указано второго изд. «Мыслей объ исторіи русскаго языка» Срезневскаго (Спб. 1887), расширеннаго сравнительно съ первымъ изданіемъ, которое къ тому же давно сдѣлалось библіографической рѣдкостью. № 72: не указано новаго изданія (Суворина,

Спб., 1885) первыхъ двухъ книгъ «Сказаній русскаго народа» И. Сахарова. № 136: нѣтъ указанія на второе изданіе «Домостроя» В. Яковлева (Одесса, 1887); первое уже давно вышло изъ продажи. № 415: указанъ 32-й томъ, «Сборника II отд. Имп. Акад. Наукъ»; но отчего именно этотъ томъ, а не все вообще изданіе (недавно вышелъ его 43-й томъ), весьма важное по множеству помѣщенныхъ въ немъ капитальнѣйшихъ работъ по русскому языку и словесности? № 431: не точно указано названіе такого сочиненія, какъ «Исторія Русской Словесности» С. Шевырева, и не упомянуто о новомъ его изданіи, явившемся въ самое послѣднее время (Спб., 1887). № 436: не указано третьяго изданія «Обзора русской духовной литературы» Филарета (Спб., 1884), весьма важнаго не только потому, что предшествующихъ изданій давно уже не существуетъ въ продажѣ, но и по своей полнотѣ. №№ 451 и 456 нужно было соединить подъ однимъ №, какъ части одного и того же сочиненія (О. Миллера, «Русскіе писатели послѣ Гоголя»). Кромѣ того, совершенно нельзя понять такихъ капитальныхъ пропусковъ, какъ «Словарь русскаго и церковно-славянскаго языка, составленный II отд. Ак. Наукъ», 4 тома (1-е изд. 1847, второе 1867) и сочиненія G. Krek'а «Einleitung in die slawische Litterärgeschichte» (1-е изд. Graz, 1874, 2-е весьма увеличенное 1887), въ высшей степени важнаго по своему энциклопедическому характеру.

Мы увѣрены, что подобныхъ указаній на неполноту «Библіотеки» г. Поливанова можно бы сдѣлать очень много, но они все-таки не лишили бы попытку дать такое руководство извѣстной цѣны. Будемъ признательны нашему дѣятельному педагогу за этотъ его новый трудъ и пожелаемъ, чтобы въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ вышелъ бы болѣе удовлетворяющимъ требованіямъ библіографической полноты. И. П.

Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXII. Спб. 1888.

Двадцать вторымъ выпускомъ оканчивается третій томъ изданія весьма полезнаго, составленнаго весьма добросовѣстно и отчетливо и, въ то же время — мы должны признать это — не достигающаго своей цѣли. Всеобщая исторія эта принадлежитъ очевидно къ числу тѣхъ предпріятій, о которыхъ еще недавно говорилось въ статьѣ «Наши энциклопедическіе словари». Задуманная въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ, исторія эта вмѣсто того, чтобы вмѣститься въ заранѣе опредѣленныхъ рамкахъ, расплылась до предѣловъ, о которыхъ не думали ни издатель, ни читатели, встрѣтившіе сочувственно ея первые выпуски, но поневолѣ охладѣвшіе къ ней, видя, что и черезъ девять лѣтъ послѣ своего начала она все еще далека отъ конца. Первый редакторъ ея, покойный Коршъ, принадлежалъ самъ къ числу лицъ, въ характерѣ которыхъ преобладаетъ свойство, присущее многимъ даровитымъ русскимъ людямъ, горячо приниматься за всякое дѣло и потомъ постепенно охладѣвать къ нему. Въ первый годъ своего редакторства (1880 г.) онъ составилъ семь выпусковъ, во второй — пять, въ третій — только три. Затѣмъ онъ умеръ и изданіе прекратилось на два года. Возобновленное въ 1885 году, оно вышло въ числѣ четырехъ выпусковъ, въ 1886 году вышелъ одинъ выпускъ, въ слѣдующемъ — также одинъ и, наконецъ, въ нынѣшнемъ еще одинъ. Итого, круглымъ числомъ по три выпуска въ годъ или по тридцати листовъ, — такъ какъ каждый выпускъ состоитъ изъ десяти листовъ. Но трид-

цать листовъ у насъ даютъ въ мѣсяцъ — наши толстые журналы. Конечно, исторія литературы не журналъ, но что она могла бы печататься гораздо скорѣе—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ двадцатомъ выпускѣ издатель объявилъ, что сочиненіе окончится въ 25-ти выпускахъ. Теперь вышелъ 22-й, гдѣ оканчивается исторія западно-европейской литературы въ эпоху Возрожденія и въ вѣкъ псевдоклассицизма. Едва ли справедливо называть эту эпоху «новой литературой», какъ дѣлаетъ редакторъ. Нельзя считать новыми писателями итальянскихъ гуманистовъ и поэтовъ XV вѣка или Эразма Роттердамскаго, Ульриха Гуттена и Лютера. Итальянская и англійская литература доведена до XIX столѣтія, нѣмецкая до Лессинга, французская до энциклопедистовъ и Вольтера. Мы имѣли уже случай замѣтить, что при этомъ значеніе многихъ писателей, какъ Рабле, Сервантеса, Шекспира, изложено въ слишкомъ сжатомъ видѣ. Неужели всѣхъ остальныхъ писателей конца прошлаго и всего нынѣшняго столѣтія можно втиснуть въ три послѣдніе выпуска? Лессингъ, Гете, Шиллеръ, Вольтеръ, Байронъ, Гюго, французскій революціонизмъ, затѣмъ романтизмъ и реализмъ, нѣмецкая философія, итальянская поэзія, соціальный и англійскій романъ, все движеніе современныхъ идей, съ каждымъ годомъ расширяющихъ область литературы и творческой фантазіи — развѣ есть возможность изложить и оцѣнить все это на тридцати листахъ? Поневолѣ придется скомкать или вовсе пропускать явленія, имѣющія неоспоримое значеніе въ культурной исторіи человѣчества. И такъ уже въ этой «всеобщей» исторіи слишкомъ много пробѣловъ въ то время, когда дано слишкомъ широкое мѣсто явленіямъ второстепеннымъ, какъ литературѣ еврейской, арабской, новогреческой. А, между тѣмъ, о литературѣ скандинавскихъ племенъ нѣтъ ни одной статьи; о сагахъ Скандинавіи упоминается только по поводу средневѣкового германскаго эпоса, а о шведскихъ, датскихъ, норвежскихъ писателяхъ нѣтъ ни слова; о нидерландской литературѣ говорится только въ эпоху среднихъ вѣковъ, о румынской — ни слова; французская исторіографія упоминается только въ средніе вѣка, а потомъ не цитируется ни одинъ историкъ. Можно было бы привести примѣры пропусковъ и въ статьяхъ, посвященныхъ обзору произведеній отдѣльныхъ націй и эпохъ, и эти пропуски превращаютъ «всеобщую» исторію литературы въ сборникъ статей, изслѣдующихъ, по спеціальности авторовъ, тотъ или другой періодъ литературной дѣятельности извѣстнаго народа. Нельзя будетъ не пожалѣть, если такое полезное изданіе, превосходно исполненное въ отдѣльныхъ частяхъ—въ цѣломъ окажется не достигающимъ своей цѣли.

В. З.

Сто лѣтъ австрійской политики въ Восточномъ вопросѣ. Составилъ Я. Н. Бутковскій. Спб. 1888.

«Благодаря вѣковому гнету, славянство осталось въ младенчествѣ и вотъ, съ возрожденіемъ его, у него оказались двѣ матери, предъявляющія на него свои права: Австрія и Россія. Обѣ считаются славянскими державами, обѣ манятъ къ себѣ ребенка; явится ли Соломонъ для рѣшенія ихъ спора?» Изобразивъ такъ фигурально положеніе Восточнаго вопроса, г. Бутковскій пытается и разрѣшить его, съ каковою цѣлью раскрываетъ передъ читателемъ столѣтнее прошлое этого вопроса и приподымаетъ даже завѣсу будущаго.

Матеріаломъ для его труда послужили «малоизвѣстныя въ Россіи компиляціи, составленныя по австрійскимъ архивнымъ документамъ», знакомство съ которыми, по словамъ автора, «даетъ возможность на основаніи прошедшаго судить о томъ, что на этомъ пути ожидаетъ насъ въ будущемъ». Современная историческая критика отучила насъ въ серьезныхъ вопросахъ витать въ области романтическихъ грезъ и пользоваться несовершенными и устарѣвшими методами, но г. Вутковскій, повидимому, не признаетъ научнаго прогресса и остается вѣренъ завѣтамъ стараго добраго времени. Онъ не желаетъ знать, что при разработкѣ такого сложнаго вопроса, какимъ онъ занятъ, нельзя пользоваться односторонними и несовершенными компиляціями, будутъ ли то австрійскія или русскія, все равно, хотя бы они и были мало извѣстны: это лишаетъ работу серьезности и обращаетъ ее въ фельетонъ; онъ не желаетъ даже обозначить въ своемъ сочиненіи, что это за компиляціи, такъ какъ почти нигдѣ не дѣлаетъ ссылокъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ; онъ не признаетъ мудраго правила не спѣшить съ историческими обобщеніями и заключеніями насчетъ будущихъ судебъ народовъ, такъ какъ говорить насчетъ историческаго будущаго вообще мудрено и опасно по неимѣнію строгихъ и математически точныхъ законовъ. Авторъ сочиненія возразитъ, что онъ имѣлъ только цѣлью «ознакомить русскихъ читателей со взглядами на Восточный вопросъ нашей соперницы», но въ такомъ случаѣ онъ не выполнилъ, да и не могъ выполнить своей задачи, такъ какъ, если въ изложеніи прошлаго этого вопроса онъ съ трудомъ выдерживаетъ тонъ австрійскаго взгляда на вещи, то въ вопросѣ настоящаго и будущаго онъ его совершенно теряетъ; кромѣ того сомнительно, чтобы о взглядѣ нашей соперницы можно было судить вполнѣ правильно по компиляціямъ. Историческая наука по Восточному вопросу имѣетъ даже у насъ цѣнное, если не по количеству, то по достоинству, число трудовъ, гдѣ авторы безпристрастно и въ достаточной полнотѣ рисуютъ намъ дѣянія и начинанія двухъ соперничающихъ сторонъ и подвергаютъ имѣющійся матеріалъ, почерпнутый изъ иностранныхъ и отечественныхъ архивныхъ источниковъ, научной критикѣ; назовемъ для примѣра труды В. Углицкаго «Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса», С. Соловьева «Императоръ Александръ I», Ф. Мартенса «Собраніе трактатовъ и конвенцій», С. Татищева недавно вышедшее прекрасное сочиненіе «Внѣшняя политика императора Николая I» и др. Во всѣхъ этихъ трудахъ г. Вутковскій найдетъ весь тотъ матеріалъ, который нуженъ былъ ему для его книги, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ анекдотическихъ сторонъ дѣла и изреченій великихъ мужей, которыя встрѣчаются у него и которыя въ сущности ничего не выясняютъ въ вопросѣ. Пользованіе же исключительно одними австрійскими источниками, и то изъ вторыхъ рукъ, вводитъ читателя въ заблужденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ пытается дѣлать обобщенія,—неизвѣстно, кто здѣсь говоритъ: г. Вутковскій или австрійскіе патріоты; главнымъ образомъ, недоумѣніе возникнетъ въ заключительной главѣ, гдѣ рисуется несостоятельность Австріи, какъ самостоятельнаго, органическаго государства и предсказывается торжество Россіи, напр. «Въ томъ и заключается фальшь Австріи, что она какъ бы обречена на неподвижность, которая есть синонимъ смерти» или «По составу своего населенія Австрія болѣе всего держава славянская; правительство ея сознаетъ (?!) это, но въ виду меньшей культурности славянъ совѣстится признаться въ этомъ передъ Европой». Неужели къ такимъ выводамъ привели

автора австрійскія компиляціи? сомнительно. Г. Бутковскій, какъ мы говорили выше, пытается явиться Соломономъ и разрѣшаетъ вопросы, что на пути прошедшаго, которое онъ нашелъ въ иностранныхъ источникахъ, «ожидаетъ насъ въ будущемъ»: «... роль Австріи опредѣляется сама собою: ея спасеніе заключается въ славянахъ... при тѣхъ условіяхъ (т. е. при равноправности политической и религіозной съ другими ея народами) Австрія перестанетъ изображать фикцію и сдѣлается въ союзѣ съ Россіей вполнѣ Восточной имперіей (Ostreich)». Но что, если «нѣмецкіе Габсбурги не захотятъ войти въ славянскую плоть?» спрашиваетъ авторъ. О, тогда, отвѣчаетъ онъ «произойдетъ столкновеніе съ Россіей: этого потрясенія не выдержитъ хрупкій организмъ Австріи и послѣдуетъ катастрофа... Вѣроятно тогда Тріестъ и Тироль перейдутъ къ Италіи; валашскія населенія примкнутъ къ Румыніи; Венгрія уединится, австрійское эрцгерцогство сольется съ Германіей, а всему великому славянству Россія должна помочь разобраться въ общей путаницѣ». Неправда ли, какъ все выяснено и всякому точно обозначено свое мѣсто и своя роль? но г. Бутковскій полагаетъ, что этого еще недостаточно, «прошедшее» исторіи на основаніи австрійскихъ компиляцій позволяетъ ему нарисовать передъ читателемъ романтическій апоѳеозъ: «Турецкая волна, хлынувшая на европейскій берегъ понемногу отступитъ въ Азію, осушивъ залитый ею край. Константинополь, такъ счастливо расположенный, сдѣлается сосредоточіемъ міровой торговли подъ охраной всѣхъ державъ, а о свободѣ Чернаго моря и говорить нечего: весь міръ идетъ по пути къ свободѣ и нѣтъ основанія предполагать, чтобы ее не допустили туда, гдѣ царствуетъ свободная стихія. Болѣе четырехъ сотъ лѣтъ южная красавица находится въ неволѣ у магометанскаго Черномора; неужели Русланъ не освободитъ?» Картина въ высшей степени эффектная! давно мы не читали ничего подобнаго въ отечественныхъ историческихъ сочиненіяхъ. **В. Г.**

Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій (выпускъ первый). Кіевъ. 1888.

Въ настоящемъ трудѣ г. Лазаревскаго заключается описаніе Малороссіи лѣваго берега Днѣпра (нынѣшнія губерніи Черниговская и Полтавская), за періодъ времени отъ 1654 г., т. е. отъ присоединенія Малороссіи къ русскому государству до 1782 г., времени открытія намѣстничествъ и введенія въ ней общерусскихъ формъ гражданскаго управленія. Собранный и приведенный въ систему многочисленный матеріалъ для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія, расположенъ потому административному дѣленію Малороссіи, которое въ ней существовало до открытія намѣстничества: по полкамъ. По плану сочиненія каждый полкъ долженъ быть описанъ отдѣльно и въ настоящій выпускъ вошло лишь описаніе части Стародубскаго полка; здѣсь послѣ историческаго очерка мѣстности, перечисляется въ хронологическомъ порядкѣ полковая старшина, отъ полковника до хорунжихъ включительно, съ сообщеніемъ о нихъ возможно подробныхъ свѣдѣній; затѣмъ слѣдуетъ описаніе полка по сотнямъ, которому предшествуетъ перечень сотниковъ и, наконецъ, перечень всѣхъ поселеній, составлявшихъ сотню. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ настоящее время чрезвычайно обстоятельныя біографи-

ческія свѣдѣнія о большинствѣ лицъ, игравшихъ въ административномъ строѣ ту или другую роль, а также свѣдѣнія о времени возникновенія почти всѣхъ поселеній лѣваго берега Днѣпра, о владѣльцахъ этихъ поселеній и о количествѣ жителей въ нихъ. Стараясь по возможности меньше касаться событій внѣшней исторіи, г. Лазаревскій чрезвычайно полно и рельефно рисуетъ передъ читателями истинную народную жизнь въ ея экономическомъ, бытовомъ и государственномъ развитіи, при чемъ повѣствованіе ведется авторомъ въ строгонаучномъ, объективномъ направленіи. Хотя почтенный ученый по скромности и заявляетъ, что его книга даетъ лишь «нѣкоторые матеріалы для изученія народной жизни», однако эти нѣкоторые матеріалы настолько многочисленны, настолько удачно сгруппированы и освѣщены, что стоятъ выше многихъ работъ, имѣющихъ претензію на полность изображенія народной жизни въ ея историческомъ развитіи. Наибольшей скудостью, какъ и слѣдовало полагать, отличаются свѣдѣнія о времени возникновенія описываемыхъ мѣстностей, особенно когда автору приходится углубляться въ глубь первой половины XVII вѣка, такъ какъ за неимѣніемъ точныхъ данныхъ приходится допускать много догадокъ и строить разныя гипотезы. Тѣмъ не менѣе, и поэтому вопросу въ настоящемъ трудѣ сдѣлано не мало цѣннаго для нашей исторической географіи. Главнымъ источникомъ, откуда авторъ черпалъ данныя для этого предмета, послужило «Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ 1729—1730 гг.». Что касается до статистическихъ свѣдѣній о количествѣ населенія, казачьяго и крестьянскаго, то таковыя вполнѣ удовлетворительны и указаны за два момента, за 1723 годъ, когда произведена была перепись Малороссіи и за 1781 годъ, когда по распоряженію гр. Румянцова было сдѣлано статистическое описаніе Малороссіи передъ открытіемъ намѣстничествъ. Особенною точностью и полнотою отличаются данныя по монастырскимъ имѣніямъ, которыя г. Лазаревскимъ найдены въ «поземельныхъ актахъ Черниговскихъ монастырей», хранящихся въ Черниговской казенной палатѣ. Эти «монастырскіе поземельные акты—свидѣтельствуетъ авторъ—заключаютъ въ себѣ готовый матеріалъ для исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи». Пользованіе архивнымъ матеріаломъ дало возможность г. Лазаревскому ознакомить читателей со многими чрезвычайно любопытными, доселѣ неизвѣстными документами, имѣющими значительную важность для характеристики того темнаго времени, времени безправія, корысти и своеволія. Каждая страница въ жизнеописаніяхъ, какъ мѣстныхъ дѣятелей, такъ и пришлыхъ чиновниковъ, раскрываетъ ужасы прошлаго и свидѣтельствуетъ, какъ трудно было центральному правительству установить какой-нибудь порядокъ въ новоприсоединенномъ краѣ и мало-мальски облегчить участь населенія угнетеннаго поборами и жестокостями мѣстной администраціи.

Большинство рукописнаго матеріала г. Лазаревскому удалось почерпнуть изъ архивовъ городовъ, Чернигова, Харькова, Кіева, а также пріобрѣсти отъ частныхъ лицъ. Помимо названныхъ нами выше трехъ источниковъ (Генеральнаго слѣдствія о мѣстностяхъ и поземельныхъ актовъ Черниговскихъ монастырей), авторъ пользовался еще: 1) архивомъ генеральной войсковой канцеляріи, 2) Румянцовскою описью Малороссіи, 3) ревизской книгой Стародубскаго полка 1723 г., 4) Описаніемъ Новгородсѣверскаго намѣстничества, 5) отдаточными книгами пожалованныхъ графу П. А. Румянцову волостей Топальской и Чолховской. Въ распоряженіи г. Лазаревскаго были

и многочисленныя бумаги изъ семейныхъ архивовъ Миклашевскихъ, Скорупъ, Есимонтовскихъ, Бороздинъ, Велисскихъ, Покорскихъ, Губчицовъ и др., большая часть которыхъ хранится въ настоящее время въ его обширной библіотекѣ. Указывая на рукописные источники для своего сочиненія, авторъ дѣлаетъ и чрезвычайно интересныя указанія на историческую судьбу нѣкоторыхъ архивовъ, а также на мѣсто нахожденія многихъ документовъ. Нечего и говорить, конечно, что въ настоящемъ трудѣ исчерпаны и всѣ печатныя пособія для исторіи Малороссіи, какъ русскія, такъ и польскія, при чемъ отмѣчены промахи нѣкоторыхъ прежнихъ историографовъ (Бантышъ-Каменскаго, пресв. Филарета, Костомарова и др.). Если настоящій трудъ во всемъ его объемѣ будетъ доведенъ до конца въ такомъ же стройномъ изложеніи и съ такою же добросовѣстностью, каковыми качествами отличается настоящій выпускъ, то г. Лазаревскій сдѣлаетъ богатѣйшій вкладъ въ нашу историческую науку. Наша областная исторія въ высшей степени нуждается въ свѣдующихъ и талантливыхъ изслѣдованіяхъ, пока еще не всѣ драгоцѣнные матеріалы погибли въ кладовыхъ и подвалахъ казенныхъ учрежденій и на чердакахъ частныхъ лицъ. В. Г.

Харьковскій сборникъ. Литературно-научное прибавленіе къ Харьковскому календарю на 1888-й годъ, подъ редакціей В. И. Касперова.

Харьковъ принадлежитъ къ небольшому числу нашихъ губернскихъ городовъ, гдѣ процвѣтаютъ — относительно — мѣстная литература и наука. Своею общественно-культурною дѣятельностью городъ, конечно, обязанъ университету, но въ немъ работаютъ на пользу общую и другія учрежденія, какъ напр.: статистическій комитетъ, не только «сочиняющій» статистику, но и дѣйствительно изслѣдующій явленія областной жизни, въ ея настоящемъ и прошедшемъ. Комитетъ издаетъ одинъ изъ лучшихъ провинціальныхъ календарей, гдѣ помѣщается не мало статей, относящихся къ изученію края. Теперь онъ издалъ, какъ приложеніе къ этому календарю, объемистый сборникъ въ 570 страницъ съ статьями, посвященными исторіи литературы, этнографіи, статистики, сельскому хозяйству, географіи края. Въ сборникѣ два отдѣла—статистико-экономическій и литературно-научный. Половину перваго отдѣла занимаетъ всестороннее описаніе сельско-хозяйственной выставки, бывшей въ Харьковѣ въ прошломъ году. 12 сотрудниковъ доставили разнаго рода статьи по коневодству, овцеводству, свиноводству, садоводству, земледѣльческимъ и техническимъ производствамъ, образцы которыхъ были на выставкѣ. Далѣе, въ этомъ отдѣлѣ помѣщено еще семь статей объ урожаѣ хлѣбовъ въ губерніи, скотоводствѣ, торговлѣ, земскомъ ежегодникѣ, сельской общинѣ и кустарныхъ промыслахъ. Второй, литературно-научный отдѣлъ сборника еще богаче статьями и свѣдѣніями. Здѣсь перепечатано, съ примѣчаніями и введеніемъ любопытное «Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества», появившееся въ Москвѣ ровно сто лѣтъ назадъ (въ 1788 году). Въ этомъ описаніи важны цифры и данныя, относящіяся къ первымъ годамъ учрежденія намѣстничества, и очень слаба историческая часть, трактующая «о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ», хотя свѣдѣнія по этому предмету взяты изъ Абульгази, кн. Щербатова, Ахенваля и Пуфендорфа. Во введеніи разсматривается вопросъ: кѣмъ

составлено это описаніе: начальникомъ ли харьковскихъ училищъ Н. Переверзевымъ, какъ упоминаетъ митрополитъ Евгеній и ректоръ университета Рославскій-Петровскій, или какимъ-то капитаномъ арміи Н. Загоровскимъ, какъ свидѣтельствуетъ цензоръ. Авторъ введенія, Д. И. Багалѣй, чтобы помирить два эти оффиціальныя извѣстія, говоритъ, что вѣроятно «Загоровскій принялъ на себя авторство передъ цензоромъ, и придалъ только литературную форму фактическому матеріалу, доставленному Переверзевымъ». Нельзя сказать, чтобы это объясненіе было удачно. Начальникъ училищъ, прибѣгающій къ литературной помощи армейскаго капитана, представлялъ бы странное явленіе даже въ Екатерининское время.

Изъ другихъ статей литературно-научнаго сборника любопытны «Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру». Авторъ приводитъ нѣсколько характеристическихъ примѣровъ крестьянскаго міросозерцанія, хотя и ограничиваетъ свои наблюденія слишкомъ узкимъ райономъ—однимъ Купянскимъ уѣздомъ. Несомнѣнно, воззрѣнія эти раздѣляются и всѣмъ краемъ, если не всѣмъ южно-русскимъ населеніемъ. Дѣйствительно, въ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и др. встрѣчаются такія же легенды и повѣрья, какъ и въ статьѣ П. И. Чисто мѣстныхъ преданій въ ней не много. Къ нимъ можно отнести развѣ разсказъ о томъ, что мѣсяцъ — царь Папарымъ: «Когда Іисусъ Христосъ родился, то царь Иродъ, желая погубить его, началъ гоняться за дѣвой Маріей. Однажды, преслѣдуемая Иродомъ, вбѣжала она въ хату женщины, у которой въ колыбели лежалъ младенецъ того же возроста какъ и Христосъ. Богородица бросила его въ топившуюся печь, на его мѣсто положила своего сына, а сама спряталась. Иродъ, войдя въ избу спросилъ, не была ли тутъ женщина съ груднымъ ребенкомъ? Хозяйка отвѣчала, что не была, и что въ колыбели ея сынъ. Когда Иродъ ушелъ, Богородица вынула изъ печи брошеннаго ею туда младенца: онъ не получилъ ни малѣйшаго обжога и когда выросъ, его назвали—царемъ Папарымомъ». Интересно было бы прослѣдить эту легенду и по другимъ источникамъ, но авторъ статьи, приводя народныя повѣрья, не дѣлаетъ сравнительныхъ выводовъ. Въ статьѣ «Культурный уголокъ Харьковской губерніи» приводятся любопытныя свѣдѣнія о нѣсколькихъ интеллигентныхъ лицахъ, группировавшихся вокругъ писателя М. Палицына, помѣщика села Поповки, жившаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія, о его дочери и друзьяхъ: Ярославскомъ, Алферовѣ, Станевичѣ, Каразинѣ и др. Вообще о мѣстныхъ дѣятеляхъ редакторъ Харьковскаго сборника тщательно собираетъ всѣ свѣдѣнія, помѣщаетъ некрологи профессора Ценковскаго и даже скромныхъ труженниковъ, какъ садовникъ Поликарповъ и педагогъ Лачинскій. Въ предисловіи къ сборнику г. Каспровъ весьма сочувственно отзывается о своемъ предшественникѣ въ званіи члена-секретаря статистическаго комитета и составителя календарей П. С. Ефименко. На труды и заслуги его указывается весьма подробно, что весьма пріятно, такъ какъ у насъ, большею частію, всякій преемникъ начинаетъ, если не съ отрицанія, то съ игнорированія трудовъ своего предмѣстника на какомъ бы то ни было поприщѣ.

Нельзя не остановиться также на статьѣ Н. Л—скаго «Народныя колыбельныя пѣсни». Авторъ ея — не спеціалистъ, а студентъ, «не побоявшійся лѣтомъ заработывать мужицкимъ земледѣльческимъ трудомъ средства для прохожденія зимою университетскаго курса». Къ интересной статьѣ И. Зарѣцкаго «Замѣтка о древностяхъ Харьковской губерніи, слободы Лихачевки

Богодуховскаго уѣзда», приложены рисунки замѣчательныхъ вещей, найденныхъ при раскопкахъ въ этой слободѣ. Сборникъ оканчивается обширнымъ отдѣломъ библіографіи, дающей отзывъ о книгахъ, вышедшихъ въ Харьковѣ, или написанныхъ мѣстными дѣятелями. Вообще, нашимъ университетскимъ и губернскимъ городамъ не мѣшало бы, хоть изрѣдка, издавать сборники въ родѣ составленнаго харьковскимъ статистическимъ комитетомъ. Сильно могло бы подвинуться тогда впередъ изученіе областей и провинцій нашего обширнаго отечества. В. З.

Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. Древняя Русь. Составилъ К. Елпатьевскій. Спб. 1888.

Учебникъ г. Елпатьевскаго излагаетъ событія русской исторіи съ основанія Руси до конца XVII столѣтія, т. е. до царствованія Ѳеодора Алексѣевича включительно. Г. Елпатьевскій начинаетъ свое руководство указаніемъ на источники для изученія русской исторіи и перечисляетъ главнѣйшіе изъ нихъ, а затѣмъ указываетъ и на важнѣйшіе научные труды по русской исторіи. Обозрѣніе источниковъ сдѣлано въ книгѣ ясно и сжато (всего 4 стр.). Далѣе курсъ русской исторіи ведется такъ же, какъ и въ другихъ руководствахъ; говорится о вліяніи природы Восточной Европы на русскую исторію, о древнѣйшихъ жителяхъ Восточной Европы, о славянахъ, ихъ бытѣ и разселеніи племенъ и, наконецъ, объ инородцахъ, жившихъ въ Восточной Европѣ въ IX вѣкѣ. Потомъ излагаются самыя событія русской исторіи, начиная съ призванія князей. Къ достоинствамъ учебника нужно отнести строгій выборъ фактовъ; въ немъ приводятся только тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ крупное значеніе, а мелкія подробности, только затемняющія для учащихся суть дѣла и не мало не характеристичныя, благоразумно пропускаются. Этотъ пріемъ много облегчаетъ дѣло прохожденія исторіи въ классѣ, а чтобы судить, насколько онъ труденъ для составителя и какого педагогическаго такта и опытности требуетъ отъ него, стоитъ только сравнить съ руководствомъ г. Елпатьевскаго нѣкоторыя мѣста такого распространеннаго учебника, какъ курсъ русской исторіи г. Иловайскаго. Сравненіе будетъ не къ выгодѣ послѣдняго [1]). Кромѣ того, въ учебникѣ г. Елпатьевскаго нужно отмѣтить старательное, подробное и большею частью удачное освѣщеніе выдающихся событій нашей исторіи, чѣмъ учебникъ Иловайскаго, при всѣхъ его достоинствахъ, похвалиться не можетъ. Такъ при изложеніи событій удѣльнаго періода, наитруднѣйшаго при прохожденіи въ школѣ, г. Елпатьевскій помѣщаетъ статью объ основаніяхъ удѣльной системы и о причинахъ княжескихъ усобицъ, составленную по Соловьеву. Исторія удѣльнаго періода излагается сжато, но очень ясно; тутъ опять учебникъ г. Елпатьевскаго имѣетъ преимущество предъ руководствомъ Иловайскаго. Причины возвышенія Московскаго княжества и потери самостоятельности Юго-Запада Русью выяснены подробно и очень удачно. Прикрѣпленіе крестьянъ, учрежденіе патріарше-

---

[1]) Напримѣръ приводятся г. Иловайскимъ и пропускаются г. Елпатьевскимъ: мелкія подробности борьбы Святослава съ Цимисхіемъ, разсказъ объ ослѣпленіи Василька, лѣтописныя подробности борьбы Изяслава II съ Юріемъ Долгорукимъ довольно запутанныя и мало характерныя, и т. д.

ства, событія смутнаго времени, сношенія съ иностранцами при Михаилѣ Θеодоровичѣ и подготовка къ преобразованію московскаго государства при Алексѣѣ Михайловичѣ изложены также очень обстоятельно. Наконецъ, гораздо подробнѣе и многостороннѣе, чѣмъ въ другихъ учебникахъ, въ руководствѣ г. Елпатьевскаго излагаются событія внутренней жизни русскаго народа.

Изложеніе г. Елпатьевскаго вообще удовлетворительно, хотя мѣстами слогъ его нѣсколько шероховатъ. Есть въ учебникѣ и недосмотры, которые, впрочемъ, легко исправить при слѣдующихъ изданіяхъ. Такъ въ разсказѣ о призваніи князей говорится, что они были призваны «по предложенію новгородскаго старѣйшины Гостомысла»: пора бы дѣдушку Гостомысла оставить въ покоѣ, какъ лицо совсѣмъ не историческое. Племя Русь, согласно принятому теперь въ наукѣ мнѣнію, не варяжское, а славянское. Въ описаніи внутренняго состоянія Руси до татарщины напрасно вездѣ выдвигать норманское вліяніе: разъ призванные варяги—сбродная дружина, вліяніе ихъ не могло быть замѣтно. Ледовое побоище было 1-го апрѣля 1242 года, а не въ 1241 году. Юрій Даниловичъ московскій княжилъ не до 1326, а до 1324 года. Дѣленіе русской исторіи на періоды, какъ совершенно не нужное и отчасти произвольное, можно было бы совсѣмъ выпустить. При разсказѣ о принятіи христіанства недостаточно выяснены причины его введенія, хотя хорошо указано на значеніе принятія его именно изъ Византіи, а не изъ Рима; также не указанъ путь, по которому распространялось христіанство. Далѣе, по нашему мнѣнію, слишкомъ сжато изложены усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава Мудраго, и о половцахъ умѣстнѣе было бы сообщить бытовыя подробности при появленіи этого народа въ исторіи, а не при описаніи Черниговскаго и сѣверскаго княжествъ. Характеристики московскихъ государей и указанія на значеніе ихъ дѣятельности, прямо заимствованныя изъ Соловьева, у г. Елпатьевскаго напечатаны мелкимъ шрифтомъ, а по нашему мнѣнію, ихъ можно бы и совсѣмъ пропустить, такъ какъ ихъ прямое мѣсто—въ хрестоматіи по русской исторіи, здѣсь же они только увеличиваютъ объемъ книги. Но главнѣйшимъ недостаткомъ руководства г. Елпатьевскаго служитъ то, что оно не представляетъ изъ себя законченнаго курса по русской исторіи, а доведено только до конца XVII вѣка. Вслѣдствіе этого преподаватель, вздумавшій проходить курсъ по этому руководству, былъ бы поставленъ въ необходимость заставить учениковъ покупать учебникъ два раза и, такимъ образомъ, платить вмѣсто одного рубля (стоимость книги гг. Иловайскаго и Елпатьевскаго) два рубля. Кто знакомъ съ положеніемъ нашей средней семьи, гдѣ нерѣдко нѣсколько дѣтей учатся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, тотъ пойметъ, что каждый новый рубль, который должны родители истратить на книги для ихъ дѣтей, ложится тяжкимъ бременемъ на ихъ бюджетъ.

И. В.

Русская исторія въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. Составилъ Петръ Вейнбергъ. Спб. 1888.

Мысль издать сборникъ стихотвореній, относящихся къ лицамъ и событіямъ нашей исторіи, очень хорошая, хотя и не совсѣмъ новая: у г. Вейнберга были нѣкоторые предшественники, но это, впрочемъ, нисколько не умаляетъ достоинства его книжки. Значеніе сборника преимущественно педагогическое, и потому весьма важенъ выборъ для него матеріала. Первое мѣсто должно въ немъ принадлежать народнымъ историческимъ пѣснямъ,—эти пѣсни являются большею частью современнымъ отголоскомъ той эпохи,

къ которой относятся по содержанію, онѣ характеризуютъ народныя стремленія, и въ нихъ сказывается народный судъ, къ рѣшеніямъ котораго необходимо прислушиваться,—и мы должны отдать справедливость г. Вейнбергу, что онъ не поскупился включить ихъ въ свой сборникъ: начиная со стараго эпическаго творенія «Слова о полку Игоря», которое онъ помѣстилъ въ трехъ переводахъ: Майкова, Гербеля и Мея, г. Вейнбергъ приводитъ пѣсни о Щелканѣ Дудентьевичѣ, Ермакѣ, покореніи Казани, убійствѣ Грознымъ сына, убіеніи царевича Димитрія, Гришкѣ Отрепьевѣ, Михаилѣ Скопинѣ, Мининѣ и Пожарскомъ и др. Изъ произведеній нашихъ поэтовъ г. Вейнбергомъ помѣщены въ сборникѣ цѣлыя стихотворенія и большіе отрывки Державина, Ломоносова, Озерова, Дмитріева, Рылѣева, Пушкина, Жуковскаго, гр. А. Толстого, А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, Некрасова и Мея. Выборъ стихотвореній и отрывковъ сдѣланъ по большей части весьма удовлетворительно, хотя нельзя не замѣтить, что новому времени нашей исторіи отведено сравнительно мало мѣста, и въ этомъ отдѣлѣ желательны нѣкоторыя измѣненія, наприм., сократить заимствованія изъ Державина (оду «На Шведскій міръ» можно бы совсѣмъ выкинуть), ввести нѣкоторыя стихотворенія славянофильскихъ поэтовъ по поводу освобожденія крестьянъ, а теперь для этого великаго событія въ сборникѣ помѣщены только «Картинка» А. Н. Майкова и одно довольно блѣдное и риторичное стихотвореніе самого г. Вейнберга. Этого нѣсколько мало, но мы надѣемся, что при слѣдующемъ изданіи своей книжки г. Вейнбергъ самъ ее дополнитъ. В.

Лекціи по исторіи русскаго языка, А. И. Соболевскаго. Кіевъ. 1888.

Спеціальная критика, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ этотъ новый трудъ автора, извѣстнаго своими основательными изслѣдованіями въ области древняго русскаго языка. Этотъ трудъ является первымъ, болѣе или менѣе полнымъ, сводомъ всѣхъ данныхъ по фонетикѣ и морфологіи древняго русскаго языка, которыя до сихъ поръ даны спеціальными изысканіями; значительная часть послѣднихъ принадлежитъ и самому г. Соболевскому. Вооруженный знаніемъ существующей литературы предмета и самъ отлично начитанный въ памятникахъ древняго русскаго языка, г. Соболевскій пользуется въ своемъ сочиненіи и историческимъ, и сравнительнымъ методомъ. Вопросъ о говорахъ древне-русскаго языка занимаетъ въ «Лекціяхъ» весьма видное мѣсто, и данныя этого рода даютъ автору богатыя средства для многихъ весьма важныхъ и крайне любопытныхъ соображеній и сопоставленій. Г. Соболевскій разсматриваетъ историческое развитіе фонетическихъ и морфологическихъ особенностей русскаго языка на пространствѣ съ XI по XVI ст., когда приблизительно закончилось сложеніе этихъ его сторонъ. «Лекціи» г. Соболевскаго есть трудъ истинно научный, основанный на самостоятельномъ изученіи источниковъ, о послѣднихъ даны краткія свѣдѣнія во «введеніи», гдѣ представленъ также перечень рукописныхъ собраній, съ указаніемъ существующихъ имъ описаній. Послѣ каждаго отдѣла книги обстоятельно указана литература предмета; въ концѣ приложены образцы древне-русскаго склоненія и спряженія XI вѣка и три указателя: звуковъ, формъ и словъ. Остается желать теперь, чтобы синтаксическая и лексическая стороны нашего древняго языка дождались для себя подобнаго же изслѣдованія; впрочемъ, этому послѣднему должны еще предшествовать многія спеціальныя подготовительныя работы. Е. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣмецкій критикъ—бывшій русскій книгопродавецъ.—Оцѣнка имъ современной русской литературы.—Характеристика Всеволода Гаршина.—Словарь русскихъ писателей г. Венгерова въ оцѣнкѣ нѣмецкаго историка русской литературы.—Французскій критикъ о драмѣ Л. Н. Толстого.—Конференція о Л. Толстомъ, какъ объ историкѣ.—Двадцать четыре милліона войска.—Письма Эмина-паши.—Венеціанскіе дѣятели.—Эскимосы.—Католическая цензура, очищающая классическія сочиненія.—Исторія восточнаго авантюриста.

СЪ ДАВНИХЪ ПОРЪ привыкли мы къ неблагодарности иностранцевъ, въ особенности нѣмцевъ, подолгу живущихъ въ Россіи, эксплуатирующихъ ее и потомъ, по возвращеніи на родину, осыпающихъ ее всевозможными клеветами. Презрительными отзывами о нашемъ отечествѣ отличается не только промышленный и торговый классъ, не имѣющій ни о чемъ понятія, кромѣ наживы, но и интеллигенція, пользующаяся возможностью ближе ознакомиться съ нами. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтиться съ исключеніями между лицами, имѣющими даже нѣкоторое основаніе жаловаться на Россію и, между тѣмъ, сохраняющими къ ней теплую симпатію. Намъ и въ прежнее время приходилось говорить въ «Историческомъ Вѣстникѣ» о бывшемъ русскомъ книгопродавцѣ-издателѣ Василіи Егоровичѣ Генкелѣ, имѣвшемъ въ Петербургѣ книжный магазинъ, гдѣ торговля велась честно и издававшемъ критико-беллетристическій журналъ «Сѣверное Сіяніе» съ прекрасными гравюрами на стали изъ русской исторіи, жизни и литературы, «Библіотеку для дачъ» и разные сборники. Торговля его не пошла, изданія не имѣли успѣха, журналъ не просуществовалъ и трехъ лѣтъ, Генкель долженъ былъ ликвидировать свои дѣла и оставилъ Россію. Но и въ Германіи онъ сохранилъ къ намъ прежнія теплыя отношенія; зная основательно русскій языкъ, онъ занялся переводами на нѣмецкій нашихъ писателей—Тургенева, Достоевскаго и др. Теперь, поселившись въ Мюнхенѣ, онъ сотрудничаетъ въ серьезномъ критическомъ журналѣ «Magazin für die Litteratur des In-und Auslandes» и пишетъ статьи о Россіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ помѣщена его статья «Современная русская литература» (Die heutige russische Litteratur). Лучшимъ свойствомъ отдѣльнагѣ лица, какъ и цѣлой націи, авторъ считаетъ самопознаніе (Selbsterkentniss) и въ этомъ отношеніи русскіе стоятъ выше другихъ

народовъ. Особенно въ русской журналистикѣ, какъ настоящей, такъ и прошлаго времени, видно постоянное стремленіе улучшить нравы общества строгимъ обличеніемъ недостатковъ, злою сатирою общественныхъ пороковъ, безпощадною критикою народныхъ слабостей. Въ Россіи очень мало приверженцевъ теоріи «искусства для искусства» (Kunst au und für sich). Отъ него требуютъ служенія гуманнымъ цѣлямъ. То, что считаютъ тенденціею у русскихъ писателей, составляетъ этическую основу всей русской литературы. Девизъ ея — стремленіе къ улучшенію не только въ искусствѣ, но въ соціальной и политической жизни. Это не холодная дидактика, а живое увлеченіе, и именно это свойство заставило, въ послѣднее время, всѣ націи обратить вниманіе на русскую литературу и заняться ея изученіемъ. Этотъ жизненный принципъ, высказывающійся и въ современныхъ русскихъ романахъ, поборолъ скептицизмъ западной Европы и заставилъ ея критиковъ признать серьезное и универсальное значеніе русскихъ романовъ. Флоберъ и Зола открыто признали это прежде другихъ. Много оригинальныхъ силъ самобытнаго дарованія долженъ имѣть народъ, возбудившій своими произведеніями интересъ въ такой классическо-цивилизованной странѣ какъ Франція. «Мы, однако, лучше иностранцевъ можемъ знать и оцѣнить своихъ писателей»,—говоритъ г. Генкель, называющій себя въ своихъ статьяхъ русскимъ человѣкомъ, не смотря на то, что пишетъ понѣмецки. — «Западная литература знаетъ только нашихъ классическихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Тургенева. Но мы не должны забывать и гг. Ясинскаго и Альбова». Изъ современныхъ писателей г. Генкель могъ бы привести и болѣе талантливыхъ беллетристовъ и самъ же, вслѣдъ затѣмъ, называетъ гг. Чехова, Гаршина, Короленко, хотя сознается, что произведенія ихъ не производятъ сильнаго впечатлѣнія на публику. Не потому ли, что лица эти еще молоды? Но Лермонтовъ написалъ «Героя нашего времени», когда ему было 25 лѣтъ, Тургеневу не было 30-ти, когда онъ писалъ «Записки Охотника». Или равнодушіе читателей происходитъ оттого, что они устарѣли и утомились (gealtert und ermüdet), потеряли юношескую впечатлительность? Но вѣдь названныхъ выше писателей перечитываютъ съ прежнимъ увлеченіемъ; стало быть виновата не публика, а молодые таланты. Авторъ видитъ въ нихъ отсутствіе индивидуальности и широкаго міросозерцанія: «они не принадлежатъ ни къ какой философской школѣ и не исповѣдуютъ никакого этическаго принципа. Преобладающее свойство ихъ дарованія—индиферентная виртуозность». Не смотря на такое строгое осужденіе г. Генкель съ большимъ сочувствіемъ относится къ представителямъ новѣйшей русской литературы.

— Въ отдѣльной статьѣ послѣдняго нумера нѣмецкаго журнала г. Генкель представляетъ характеристику недавно умершаго талантливаго беллетриста Вс. Гаршина. Еще въ прошломъ году вышли въ переводѣ г. Генкеля «Пессимистскіе разсказы» (Wsewolod Garschin. Pessimistische Erzählungen. Aus dem Russischen übersetzt von Wilhelm Henckel). Едва ли, впрочемъ, главное свойство разсказовъ Гаршина—пессимизмъ. Не одинъ пессимизмъ довелъ даровитаго писателя до сумасшествія и до самоубійства. Генкель довольно подробно разсказываетъ жизнь бѣднаго молодого человѣка, нѣсколько разъ испытывавшаго припадки душевной болѣзни, упорно боровшагося съ своимъ страшнымъ недугомъ и рѣшившагося покончить съ собою, въ виду невозможности исцѣленія. Напрасно также нѣмецкій переводчикъ считаетъ Достоевскаго прототипомъ (Vorbild) Гаршина. Мягкая, впечатлительная, глу-

боко любившая все человѣчество натура 33-хлѣтняго самоубійцы діаметрально противоположна самолюбивой натурѣ автора «Карамазовыхъ», считавшаго себя не только писателемъ, но и пророкомъ. Безвременную кончину Гаршина переводчикъ приписываетъ отчасти современному положенію русскаго общества, но надѣется, что народъ, столько перенесшій въ теченіе своей тысячелѣтней исторіи, побѣдитъ и настоящія ретроградныя тенденціи (Rückwärts-regieren).

— Другой знатокъ русской литературы, составившій лучшую исторію ея на нѣмецкомъ языкѣ, Александръ Рейнгольдтъ разбираетъ, въ томъ же журналѣ «Словарь русскихъ писателей и ученыхъ» г. Венгерова (Ein russisches Schriftsteller-und Gelehrten-Lexicon). Отдавая полную справедливость этому дѣйствительно замѣчательному и серьезному труду, критикъ совершенно сходится въ его оцѣнкѣ съ сужденіемъ, высказаннымъ нашимъ журналомъ въ статьѣ «Наши энциклопедическіе словари». Упомянувъ о томъ, что г. Венгеровъ обѣщалъ кончить свой словарь въ теченіе десяти лѣтъ, Рейнгольдтъ доказываетъ невозможность этого предположенія. Съ первыхъ же выпусковъ словарь вышелъ изъ рамокъ, которыя поставилъ себѣ авторъ, съ первыхъ же шаговъ измѣнившій своему плану, заявленному въ тѣхъ же выпускахъ. Обѣщавъ дать не болѣе 25-ти страницъ такимъ писателямъ какъ Ломоносовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Л. Толстой и неболѣе 45 такимъ какъ Пушкинъ и Гоголь (почему же и не Лермонтовъ? спрашиваетъ нѣмецкій критикъ), г. Венгеровъ, вмѣсто этой разумной экономіи, посвящаетъ 51 страницу Сергѣю Аксакову, 26 Ивану Аксакову—безъ критической оцѣнки, которая войдетъ въ дополненіе к 117 страницъ (5, 6, и 7-й выпуски) Константину Аксакову! При такихъ условіяхъ словарь не умѣстится не только въ 200-хъ выпускахъ, но и въ 600-хъ. Мы знаемъ, къ тому же, что авторъ, занятый частной службою, не можетъ посвятить словарю всей своей дѣятельности, заслуживающей полнаго уваженія, и это еще болѣе заставляетъ сожалѣть о томъ, что въ стомильонномъ населеніи Россіи не найдется и двухъ тысячъ лицъ, интересующихся исторіей своей литературы, которые, даже не подписываясь на словарь, пожертвовали бы четвертакъ за каждый выпускъ. А это дало бы возможность г. Венгерову бросить всѣ постороннія занятія и отдаться всецѣло своему полезному и добросовѣстному труду.

— О Л. Н. Толстомъ, вышли двѣ замѣчательныя статьи. Одна принадлежитъ Мельхіору Вогюэ и относится къ «Власти тьмы». Мы говорили уже объ исполненіи этой драмы, игранной въ Парижѣ не для публики, а для избранныхъ писателей и лицъ изъ высшей интеллигенціи. Драму попробовали потомъ дать въ Брюсселѣ и, наконецъ, для парижанъ. Успѣхъ былъ огромный и, по поводу его, поклонникъ Л. Толстого, французскій критикъ напечаталъ въ «Revue des deux mondes» свои выводы. Прежде всего онъ сознается, что ждалъ неуспѣха. Не только многія характерныя выраженія, но и вообще многія русскія понятія и черты народнаго быта совершенно непонятны для французовъ. Такъ появленіе пьянаго въ русской пьесѣ производитъ печальное впечатлѣніе, а на французской сценѣ смѣхъ, и французскіе критики ставили даже въ особую заслугу автору—умѣнье ввести комическій элементъ въ трагическое положеніе. По поводу замѣчанія, что «Власть тьмы» не болѣе какъ обыкновенная грубая мелодрама, въ которой нѣтъ ничего новаго, Вогюэ возражалъ, что новаго ничего нѣтъ на сценѣ да оно и не нужно. Все дѣло въ выраженіи, въ олицетвореніи мысли и чувства, въ силѣ творчества. Вѣдь и Гамлетъ и Отелло, по содержанію такія же мелодрамы. Реаль-

ность ужасныхъ картинъ не мѣшаетъ геніальности произведенія. Еще Эсхилъ' Софоклъ, Еврипидъ не щадили нервовъ зрителей, желая именно возбудить чувство ужаса. Въ греческихъ драмахъ участвовали цари и герои, но культурный и нравственный уровень какого-нибудь Агамемнона, по мнѣнію Вогюэ, едва ли многимъ разнился отъ уровня Никиты или Акима. Этотъ выводъ французскаго критика, конечно, слишкомъ парадоксаленъ; но Вогюэ, сознаваясь, что лица драмы не типы, а исключеніе, допускаетъ умѣстность появленія ихъ на сценѣ, потому что театръ живетъ именно исключеніями и публика «уходитъ въ него отъ обыденной жизни». «Власть тьмы» сравнивали съ «Землею», Зола, но Вогюэ не находитъ между ними ничего общаго. Зола прежде всего—реалистъ, Толстой—моралистъ и реализмъ для него не цѣль, а средство. Вогюэ называетъ даже русскаго драматурга прямымъ преемникомъ Эсхила, конечно, не по языку, а по глубокому пониманію человѣческаго сердца. Французскій критикъ забываетъ только, что въ «Орестіи» главная роль принадлежитъ роковому предопредѣленію, фатализму, изъ котораго вытекаютъ всѣ преступленія трилогіи, а въ драмѣ гр. Толстого убійство мужа нисколько не связано съ убійствомъ ребенка и приводимая авторомъ мысль, что женщина—первый источникъ грѣха, хотя и вѣрна стариннымъ вѣрованіямъ, но антипатична современнымъ понятіямъ. Общій выводъ Вогюэ тотъ, что «Власть тьмы»—произведеніе, не выходящее изъ уровня посредственности. Это пожалуй и вѣрно, но для чего же тогда сравненіе съ Эсхиломъ? Вообще, на приговоры французскаго критика о русскихъ произведеніяхъ полагаться нельзя. Не смотря на то, что онъ имѣлъ возможность видѣть въ Петербургѣ пьесы Островскаго, онъ высказываетъ объ нихъ очень нелестное сужденіе, сравнивая ихъ съ грубыми пьесами стараго французскаго репертуара, что не дѣлаетъ чести критическому чутью Вогюэ.

— Въ «школѣ политическихъ наукъ» Альбертъ Сорель читалъ лекцію о Толстомъ какъ объ историкѣ; она напечатана въ «Revue politique et littéraire», подъ заглавіемъ «Tolstoi historien». У русскаго историка своя философія и свой методъ при изложеніи событій. Въ «Войнѣ и Мирѣ» разсказана исторія Россіи отъ 1804 по 1812 годъ. Настоящій герой этой колосальной эпопеи— русскій народъ въ борьбѣ съ вооруженнымъ западомъ, вторгнувшимся въ Россію. Первообразъ мыслей Л. Толстого о войнѣ Сорель находитъ въ книгѣ Жозефа де Местра: «Les soirées de St-Petersburg», появившейся въ 1809 году, не смотря на то, что Местръ былъ теократъ, а Л. Толстой, по мнѣнію французскаго критика—нигилистъ (!), но оба они какъ мистики, сходятся въ ученіи о предопредѣленіи, о томъ, что человѣкъ не имѣетъ своей воли и только слѣпое орудіе, дѣйствующее по предначертаніямъ провидѣнія. Русскій историкъ не признаетъ ни случайностей въ событіяхъ, ни рѣшительной роли въ нихъ, принадлежащей великимъ людямъ. Геніальныхъ людей онъ вообще не признаетъ ни въ Россіи, ни въ цѣломъ свѣтѣ, особенно на войнѣ, особенно между дипломатами, надъ которыми зло подсмѣивается. Сраженіе выигрывается тѣмъ, кто сильно желаетъ выиграть его. Русскіе одержали побѣду потому, что желали пламеннѣе своего спасенія, чѣмъ французы ихъ погибели. Сравнивая описаніе бородинской битвы у Толстого и Мериме, ватерлооской у Стендаля и аутстерлицкой у нашего романиста, Сорель отдаетъ преимущество Л. Толстому. Русскій историкъ очень строгъ въ отношеніи къ французамъ, но онъ еще болѣе строгъ къ нѣмцамъ, къ которымъ относится съ колосальнымъ презрѣніемъ. Сорель возстаетъ противъ мнѣнія Толстого о ничтоже-

ствѣ Наполеона, не съумѣвшаго даже въ агоніи сохранить свое человѣческое достоинство. И между тѣмъ, въ утро Аустерлица, на полѣ Бородина историкъ рисуетъ императора симпатичными красками: факты остаются всегда фактами и говорятъ сами за себя. Монтескье говорилъ не даромъ: «если бы не было Цезаря, его роль въ исторіи исполнилъ бы другой полководецъ». Общій выводъ Сореля тотъ, что если Толстой и не историкъ, то все-таки великій писатель.

— Разсужденія о вооруженныхъ силахъ разныхъ державъ Европы, выходящія во множествѣ на всѣхъ языкахъ, сводятся въ одинъ итогъ въ брошюрѣ «Двадцать четыре милліона бойцовъ» (24,000,000 de combattants). Цифру эту о численности современныхъ армій поручикъ Фроманъ выводитъ изъ оффиціальныхъ документовъ сообщая также свѣдѣнія объ устройствѣ, составѣ, даже о военномъ духѣ разныхъ націй. И еще эти милліонныя цифры только приблизительныя, такъ какъ теперь происходятъ постоянныя измѣненія въ организаціи арміи даже маленькихъ державъ. Что касается до характеристики этихъ армій, Фроманъ рѣшительно обо всѣхъ отзывается съ похвалою, неисключая австрійской, состоящей, въ равныхъ частяхъ, изъ славянъ, нѣмцевъ и венгровъ. Болѣе всего авторъ говоритъ о германской арміи, гдѣ офицеры пользуются почетомъ во всѣхъ слояхъ общества и сами о себѣ очень высокаго мнѣнія, и это убѣжденіе переходитъ къ солдатамъ. Безъ начальника нѣмецкіе солдаты теряютъ, впрочемъ, очень скоро свои хорошія боевыя качества. Мундиръ въ Германіи вообще въ большомъ уваженіи. О русской арміи авторъ самаго лестнаго мнѣнія и отдаетъ ей даже предпочтеніе передъ французской, потому, что «неудача не обезкураживаетъ русскаго солдата, поддерживаемаго фатализмомъ, и увлекаемаго впередъ дисциплиною». Не разъ отбитые, русскіе отряды упорно возобновляютъ атаку, отчего несутъ бо́льшія потери при равной численности силъ. Въ европейскихъ государствахъ военный и морской бюджетъ на 1888 годъ превосходитъ 4 мильярда франковъ, кромѣ единовременныхъ затратъ на перевооруженіе, организацію резервовъ и ландверовъ, сооруженіе крѣпостей и стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ. Во Франціи, съ 1871 года истрачено 2 мильярда 300 милліоновъ на возобновленіе военныхъ силъ, кромѣ обыкновеннаго военнаго бюджета, поглотившаго въ 17 лѣтъ 14 мильярдовъ. А сколько же теряютъ государства въ живой рабочей силѣ народонаселенія, держа подъ ружьемъ 24,000,000 здоровыхъ, молодыхъ людей, тоесть одну седьмую часть всего мужского населенія Европы. И это въ то время, когда при 52-хъ милліонномъ населеніи Сѣвероамериканскіе штаты содержатъ всего тридцатитысячную армію! И нѣтъ никакой надежды на уменьшеніе этихъ безумныхъ тратъ людей и мильярдовъ. По примѣру Германіи и подъ ея угрозами, вся Европа обращается въ вооруженный лагерь и, при страшномъ столкновеніи націй, неминуемомъ при этомъ неестественномъ напряженіи боевыхъ силъ, никакія контрибуціи не вознаградятъ громадныхъ военныхъ издержекъ настоящаго времени. Если еще не начинаютъ борьбы, то потому, что предвидятъ всѣ ея ужасы. Франція, помня урокъ 1870 года, хотя и готова къ войнѣ, но конечно не начнетъ ее, если не будетъ вынуждена. Германію же можетъ принудить подняться—чрезмѣрность ея вооруженій.

— На англійскомъ языкѣ переведены письма и дневники Эмина-паши, губернатора отдаленнѣйшей провинціи Египта—верхняго Нила. (Emin-pasha in Central Africa, beeing a collection of his letters and journals). Этотъ смѣлый изслѣдователь внутренней Африки, бывшій лѣкарь въ войскѣ

генерала Гордона, былъ давно уже извѣстенъ своими научными изслѣдованіями, когда Гордонъ, цѣня его энергію и административныя способности, назначилъ его губернаторомъ. Возстаніе Махди въ Суданѣ, возвратившее независимость этой области, отдѣлило ее отъ нижняго Египта и прервало съ нимъ всѣ сообщенія земель, лежащихъ въ верховьяхъ Нила, и долгое время въ Европѣ не получалось никакихъ свѣдѣній о судьбѣ губернатора, окруженнаго возмутившимися племенами. Опасались, что онъ подвергся печальной участи Гордона, погибшаго въ Хартумѣ. Но потомъ, были получены извѣстія, что онъ держится въ своей провинціи съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему людей. Чтобы помочь ему и войти съ нимъ въ сношенія, англичане отправили къ нему извѣстнаго Стенлея, открывшаго нѣкогда слѣды Ливингстона въ африканскихъ пустыняхъ и управлявшаго, въ послѣднее время, областью Конго. Отважный изслѣдователь Африки отправился на розыски Эмина-паши съ многочисленнымъ отрядомъ и не разъ приходили вѣсти, что онъ погибъ въ далекомъ и опасномъ пути. И теперь еще нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній, нашелъ ли Стенлей Эмина-пашу и въ какомъ положеніи. Письма и замѣтки его, изданныя его соотечественниками (Эминъ-паша—нѣмецъ по происхожденію) относятся къ первымъ годамъ его дѣятельности, какъ натуралиста и собирателя антропологическихъ и естественнонаучныхъ колекцій, обогатившихъ музеи Европы рѣдкими и цѣнными предметами. Въ то же время читатель этихъ записокъ знакомится и съ дѣйствіями Эминапаши, какъ администратора. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ управленія своею провинціею, онъ изслѣдовалъ ее нѣсколько разъ, былъ въ Угандѣ и на озерѣ Альбертъ-Ніанза, вездѣ болѣе всего заботясь объ уничтоженіи торга невольниками. Услуги его, оказанныя въ этомъ отношеніи, чрезвычайно важны. Онъ положилъ конецъ разбойничьимъ набѣгамъ дикихъ племенъ и во многихъ мѣстностяхъ прекратилъ гнусную торговлю женщинами и дѣтьми. Эминъ-паша положительно убѣжденъ, что негритянскимъ племенамъ нельзя предоставить свободу въ ихъ международныхъ и даже внутреннихъ сношеніяхъ. Эти дикари постоянно будутъ нападать на своихъ сосѣдей, грабить ихъ, истреблять и продавать въ неволю. Безъ вмѣшательства европейцевъ невозможно водворить порядокъ между этими дѣтьми природы, непонимающими часто самыхъ простыхъ законовъ справедливости. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, отъ 17-го апрѣля прошлаго года, Эминъ-паша, замѣчая, что онъ остался послѣднимъ представителемъ штаба Гордона въ Африкѣ, обѣщаетъ твердо слѣдовать указаніямъ своего генерала въ управленіи племенами, хотя и возставшими теперь противъ власти Египта.

— Мистрисъ Олифантъ издала любопытные историческіе очерки, подъ названіемъ «Дѣятели Венеціи» (The makers of Venice). Книга составлена въ такомъ же родѣ какъ «Дѣятели Флоренціи», того же автора, появившіеся два года назадъ. Блестящимъ характеристикамъ Гвичардини и Виллани этого послѣдняго сочиненія вполнѣ отвѣчаютъ портреты Орсо, Николо Джустиніани, Тиціана, Тинторета, Піетро Орсеоло, Карло Зено и другихъ выдающихся фигуръ XVI столѣтія. Одна изъ самыхъ трагическихъ фигуръ этой эпохи, извѣстный дожъ Марино Фальеро, обрисованъ авторомъ особенно рельефно. Не смотря на то, что множество историковъ и поэтовъ изображали эту замѣчательную личность, многое въ немъ остается еще неразгаданнымъ и неяснымъ. Мистрисъ Олифантъ отвергаетъ, чтобы онъ имѣлъ какіе-нибудь личные виды или расчеты, составляя съ народными вождями заговоръ противъ венеціанской олигархіи и совѣта десяти, лишавшаго дожа всякой

возможности сдѣлать что-нибудь хорошее для своей родины. Дѣйствительно, стараясь низвергнуть власть тайнаго совѣта, 77-милѣтній дожъ не могъ увлекаться личнымъ властолюбіемъ. Неменѣе удачны въ книгѣ англійской писательницы характеристики Дандоло, Сабелико и другихъ венеціанцевъ.

— Датчанинъ докторъ Ринкъ посвятилъ болѣе сорока лѣтъ своей жизни изученію эскимосовъ. Онъ издалъ уже объ нихъ два сочиненія, на англійскомъ языкѣ, такъ какъ датскій языкъ мало извѣстенъ въ Европѣ. Въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ Ринкъ описывалъ нравы, преданія, обычаи этого племени; въ вышедшемъ нынѣ томѣ онъ изучаетъ ихъ преимущественно съ лингвистической и этнографической стороны. Новый трудъ ученаго, жившаго 22 весны и 16 зимъ въ Гренландіи, носитъ названіе «Племена эскимосовъ, ихъ распредѣленіе и характеристики, спеціально по отношенію къ языку» (The Eskimo tribes, their distribution and characteristics, especially in regard to language). Авторъ признаетъ ихъ не выходцами изъ Азіи, а американскими аборигенами. Эскимосовъ нѣтъ ни на Шпицбергенѣ, ни на Новой землѣ. Племена, живущія по берегамъ европейскаго арктическаго моря: лапландцы, самоѣды, чукчи и др., не имѣютъ сношеній съ эскимосами, которыхъ только небольшое число живетъ на азіатскомъ берегу Берингова пролива и доходитъ до Ялуторска. Далѣе ихъ вытѣснили чукчи, такъ же какъ на Колымѣ якуты вытѣснили омоковъ, шелаховъ, тунгусовъ и юкагировъ, нѣкогда населявшихъ эти страны. Но хотя чукчи, нравами близкіе къ корякамъ, по одеждѣ похожи на эскимосовъ и также придерживаются шаманства, азіатскія племена эскимосовъ никогда не переселяются въ Америку, тогда какъ американскіе эскимосы охотно ѣздятъ по ту сторону Берингова пролива и даже устраиваютъ на одномъ островѣ посреди пролива постоянную ярмарку, на которой производятъ мѣновую торговлю. Алеуты, по мнѣнію д-ра Ринка—отрасль эскимосовъ, смѣшавшихся съ чукчами и камчадалами. Авторъ описываетъ постепенное разселеніе эскимосовъ отъ запада къ востоку, а не наоборотъ. Большое сходство встрѣчается между жителями острова Ванкувера и эскимосами; но ни изъ языка, ни изъ обычаевъ племенъ, нельзя выводить положительныхъ заключеній о ихъ происхожденіи. Въ языкѣ эскимосовъ много словъ съ Гавайскихъ островомъ, но слова эти очевидно занесены въ Беринговъ проливъ китобойцами изъ южныхъ морей. Многія преданія индійцевъ Британской Колумбіи напоминаютъ обычаи болѣе холодныхъ странъ, сходные съ эскимоскими. Племя это никогда не было европейскимъ, а тѣмъ болѣе не происходитъ отъ народа, занимавшаго въ палеолитическую эпоху сѣверъ Европы съ своими безчисленными стадами сѣверныхъ оленей. Извѣстно, что въ этомъ народѣ хотятъ видѣть родоначальниковъ европейскаго населенія—арійцевъ.

— Великіе писатели эпохи Возрожденія въ Италіи пользуются заслуженнымъ почетомъ, но не слѣдуетъ забывать, что сочиненія ихъ надо читать не въ итальянскихъ изданіяхъ, искаженныхъ папскою цензурою. Въ Миланѣ вышла брошюра Витторіо Чіана «Эпизодъ изъ исторіи цензуры въ Италіи въ XVI столѣтіи: очищенное изданіе «Царедворца» (Un episodio della storia della censura in Italia nel secolo XVI. L'edizione spurgata del «Cortegiano»). Авторъ говоритъ, что клерикальная реакція, послѣдовавшая за Тридентскимъ соборомъ, была такъ сильна, что папская конгрегація потребовала «очищенія» всѣхъ распространенныхъ въ Италіи книгъ. Самое знаменитое «очищеніе» этого рода произошло съ Декамерономъ Бокачіо, не говоря уже объ искаженіи древнихъ классиковъ, въ духѣ требованій като-

лицизма. Чіанъ нашелъ и издалъ первоначальную рукопись «Царедворца» Бальтазара Кастильоне. Сборникъ этого друга Рафаэля заключаетъ въ себѣ любопытные разсказы, наблюденія, анекдоты, рисующіе дѣятелей эпохи Возрожденія. Многіе изъ этихъ разсказовъ, судя по рукописи, принадлежащей теперь лаврентинской библіотекѣ, выброшены или искажены цензурою; Чіанъ, авторъ біографіи кардинала Бембо и вышедшаго недавно этюда «Galanterie italiane del secolo XVI», доказываетъ, что искаженіемъ «Царедворца» занимался богословъ Чикарелли при Сикстѣ V. Всѣ скабрезные и даже явно непристойные анекдоты, цитируемые Кастильоне, сохранены и оставлены безъ измѣненія въ печати, но вездѣ, гдѣ говорится о духовенствѣ текстъ значительно «очищенъ». Выброшены не только непочтительные отзывы о патерахъ, но даже невинныя насмѣшки надъ простыми монахами. Въ разсказахъ прелаты замѣнены вездѣ свѣтскими людьми. Такъ Кастильоне приводитъ слѣдующій отвѣтъ Рафаэля двумъ кардиналамъ, замѣтившимъ, что на одной картинѣ художника апостолы Петръ и Павелъ изображены съ красными слишкомъ лицами: «я сдѣлалъ это нарочно, чтобы показать, какъ должны краснѣть святые, видя съ высотъ небесъ, что церковь управляется такими людьми какъ вы». Въ изданіи «очищенномъ» католическимъ прелатомъ, Рафаэль замѣненъ—древнимъ живописцемъ, кардиналы—римскими сенаторами, а апостолы—Ромуломъ и Ремомъ. Эта находчивость цензуры, работавшей три вѣка тому назадъ, не должна, впрочемъ, удивлять современниковъ, помнящихъ, какъ перекрестили Моисея въ Зорѝ, гугенотовъ въ гибеллиновъ и Вильгельма Телля въ Карла Смѣлаго.

— Эдуардъ Локруа разсказываетъ любопытную біографію восточнаго авантюриста «Ахмеда-мясника» (Ahmed le boucher, la Syrie et l'Egypte au XIX siècle). Этотъ Ахмедъ родился въ Босніи и былъ христіаниномъ. Совершивъ на родинѣ преступленіе, онъ бѣжалъ въ Стамбулъ, гдѣ былъ носильщикомъ, потомъ юнгою на каботажномъ суднѣ. Умирая съ голода, онъ продался жиду, перепродавшему его Али-бею, каирскому пашѣ. Ахметъ 17-ти лѣтъ перешелъ въ мусульманство. Онъ былъ красивъ и силенъ, Али-бей поручилъ ему—убивать тѣхъ, отъ кого паша желалъ избавиться. Ахмедъ подстерегалъ на улицѣ намѣченную ему жертву и убивалъ ее ударомъ ножа въ сердце. Его прозвали «мясникомъ» (эль джецаръ) и стали бояться и уважать но ремесло палача надоѣло ему, онъ сталъ не исполнять приказанія паши и тотъ велѣлъ убить его. Ахмеду съ трудомъ удалось бѣжать, переодѣвшись женщиной. Потомъ онъ является въ Сиріи, гдѣ 86-тилѣтній паша Сен-Жан-д'Акра Дагерсъ задумалъ отложиться отъ Порты. Его примѣру сбирался послѣдовать эмиръ друзовъ Юсуфъ, у котораго Ахмедъ служилъ въ качествѣ шута. Эмиръ далъ въ управленіе своему любимцу Бейрутъ, и Ахмедъ вскорѣ же завладѣлъ городомъ, который Юсуфу пришлось осаждать. Ахмедъ неистовствовалъ въ захваченномъ имъ Бейрутѣ, жегъ церкви, истреблялъ жителей, бросалъ своихъ женъ въ воду, зашитыхъ въ мѣшки, замуравалъ въ стѣны воздвигнутаго имъ укрѣпленія двадцать христіанъ, «чтобы стѣны были крѣпче». Потомъ онъ принималъ участіе въ осадѣ Сен-Жан-д'Акра генераломъ Бонапарте и здѣсь авторъ выводитъ на сцену Мюрата, Ланна, Клебера, англійскаго адмирала Сиднея Смита, Османа, пашу Дамаска, фабрикующаго подложные фирманы отъ имени султана, въ то время, когда Ахмедъ убиваетъ татаръ, посланныхъ султаномъ, съ шнуркомъ къ непокорному вассалу. Вся эта исторія, полная крови, измѣнъ и убійствъ, похожа на романъ, не смотря на свою историческую дѣйствительность.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Святое письмо.

Не смотря на то, что русскій народъ отличается религіозностію, онъ имѣетъ очень смутныя понятія о главнѣйшихъ догматахъ вѣры и часто простодушно вѣритъ самымъ нелѣпымъ сказаніямъ, если они только носятъ на себѣ религіозный характеръ. Незнакомый ни съ каноническими, ни съ апокрифическими книгами Православной Церкви, онъ не въ состояніи критически отнестись къ такимъ сказаніямъ и опредѣлить ихъ истинный характеръ. Вслѣдствіе этого онъ нерѣдко становится жертвой или чрезчуръ экзальтированныхъ лицъ, или, негнушающихся обманомъ, разныхъ странниковъ и странницъ. Въ крестьянскомъ быту можно услышать цѣлый рядъ разсказовъ о разныхъ явленіяхъ, голосахъ съ неба, путешествіяхъ по небесному царству и т. п. и, что особенно замѣчательно, все это пріурочивается къ простой обыденной жизни. Въ явленіяхъ, голосахъ съ неба и пр. часто предсказывается какое-нибудь наказаніе за неисполненіе заповѣдей Божіихъ, пророчества о будущихъ бѣдствіяхъ и проч. Такія явленія и голоса чаще всего исходятъ отъ экзальтированныхъ людей, которыхъ гнететъ жизнь, идущая слишкомъ въ разрѣзъ съ религіозными требованіями, почему они и стараются найти исходъ своему душевному состоянію. Въ этихъ пророчествахъ и предсказаніяхъ они и находятъ свою миссію, становятся спокойными:—они удовлетворяются найденнымъ равновѣсіемъ—наказаніемъ за грѣхи. Народъ же, тоже смущаемый укорами совѣсти, въ простотѣ душевной, принимаетъ все это на вѣру и разноситъ по городамъ и весямъ. Съ другой стороны такимъ легковѣріемъ народа могутъ воспользоваться и разнаго рода пройдохи, чтобы поживиться на счетъ добродушнаго поселя-

нина. Они уже являются разносчиками и комментаторами разносимыхъ чудесъ и нерѣдко дополняютъ ихъ своими измышленіями, чтобы еще больше поразить крестьянъ. Часто въ такихъ сказаніяхъ можно въ концѣ встрѣтить и высказанную награду тѣмъ, кто будетъ вѣрить въ такія сказанія и письма; или кто ихъ будетъ пріобрѣтать въ собственность. Такихъ лицъ, говорится тамъ обыкновенно, или минуютъ предполагаемыя для міра наказанія, или они получатъ особое благоволеніе и наслѣдуютъ жизнь вѣчную. Къ такого рода сомнительнымъ произведеніямъ принадлежитъ и слѣдующее любопытное «Святое письмо», разсчитанное на легковѣріе народа. Оно было найдено гдѣ-то «около Лондона», какъ говорится въ предисловіи, и, вѣроятно, уже во многихъ спискахъ разошлось по святой Руси. Вотъ его полный заголовокъ: «Святое письмо, посланное чуднымъ образомъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и писанное собственною его рукою златыми литерами на еврейскомъ языкѣ. Оно было найдено въ 12 верстахъ отъ Сѳмборта въ Лондонѣ съ изображеніемъ креста и истолковано семилѣтнимъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ». Содержаніе «письма» слѣдующее: «Я предписываю вамъ, говоритъ Господь: чтите святый день воскресеніе, будьте благочестивы; ежели не будете исполнять это, то не избѣгните моего проклятія; ибо я вамъ далъ шесть дней въ недѣлѣ для занятія вашего, а седьмый для отдохновенія и для присутствія при службѣ Божіей, праздничные и воскресные дни для вспомоществованія прощенія грѣховъ и спасенія вашего; если же будете наблюдать это правило, то ваши поля и домы наполнены будутъ благословенія, ежели напротивъ, то вы будете имѣть язву, голодъ и жестокія душевныя страданія въ ознаменованіе моего гнѣва,—и вы должны почтить пять пятницъ и читать пять разъ «Отче нашъ» и «Богородицу» въ воспоминаніе Моихъ страданій и того, что Я претерпѣлъ на древѣ Креста для спасенія вашего. Вы должны носить сіе письмо на себѣ и давать всякому, кто будетъ просить; тѣ, которые усомнятся, или будутъ отвергать истину святаго письма, написаннаго моими устами, тѣ будутъ прокляты въ день суда, а которые будутъ объявлять о немъ и давать съ него всѣмъ тѣмъ копіи, кто будетъ просить, тѣ благословлены мною; если они сдѣлали столько грѣховъ, сколько на небѣ звѣздъ, грѣхи сіи имъ будутъ прощены, когда, сдѣлавши ихъ, раскаются въ оскорбленіи столь милостиваго Бога и исповѣдуютъ оные священнику. Очень счасливы тѣ, которые возьмутъ копіи съ сего письма и будутъ хранить на себѣ, или въ своихъ домахъ, съ большимъ благочестіемъ и вѣрою: никогда злой духъ, ни градъ, ни огнь, ни язва, ни другое бѣдствіе, коснуться ихъ не можетъ».

Сообщено **Е. Н. Опочининымъ.**

Къ исторіи чумы.

Въ 1770 и 1771 годахъ, во многихъ городахъ и въ особенности въ Москвѣ свирѣпствовала чума, похищая ежедневно сотни новыхъ и новыхъ жертвъ, наводя панику на населеніе и лишая его необходимой бодрости духа. Требовались чрезвычайныя мѣры какъ санитарныя, чтобы оздоровить города и, по возможности, прекратить распространеніе «черной смерти», такъ и полицейскія, чтобы подавлять вспыхивавшія по мѣстамъ возмущенія и не дозволять народу скопляться въ толпы. Самая жестокая борьба съ «моровой язвой»

шла въ Москвѣ и тамъ рельефнѣе всего выражались какъ мѣропріятія начальства, такъ и состояніе духа народныхъ массъ. Самой большой заботой начальства было какъ можно болѣе изолировать районъ дѣйствія моровой язвы и не дать ей возможности распространяться по другимъ городамъ: Вслѣдствіе этого, напр., Москва была окружена цѣлымъ кордономъ войскъ, задерживавшимъ и никого непропускавшимъ безъ нѣсколькихъ дней карантина. На большихъ трактахъ, ведущихъ отъ Москвы къ Тулѣ, Ярославлю, Смоленску и Петербургу, были устроены заставы, имѣвшія цѣлью воспрепятствовать свободному сообщенію зараженнаго города съ другими, гдѣ еще чума не появлялась. Въ самой Москвѣ эпидемія была до того сильна, что часто вымирали цѣлые дома и даже кварталы; почти на каждой улицѣ можно было встрѣтить домъ, мрачный и безлюдный, гдѣ не виднѣлось ни обычной жизни, ни одного человѣческаго существа, развѣ только раздавался стонъ послѣдняго умирающаго, совершенно уже безнадежнаго и покинутаго всѣми. Какъ это ни жестоко казалось, но настоятельная необходимость и общественная безопасность требовали, чтобы больные и дома, гдѣ проявлялась эпидемія, были тщательно изолированы, и ихъ дѣйствительно изолировали. Полицейскія власти принимали также строгія мѣры къ тому, чтобы прекратить народныя скопища и тѣмъ воспрепятствовать эпидеміи. Между тѣмъ, простой народъ, не понимая всей важности изоляціи больныхъ, не признавая, что въ одномъ прикосновеніи къ чумному больному можетъ заключаться смерть, былъ недоволенъ и возмущался всѣми распоряженіями высшей полицейской власти. Всѣмъ извѣстенъ эпизодъ изъ этого времени, страшный эпизодъ, закончившійся смертію московскаго архипастыря. Когда въ избѣжаніе народныхъ скопищъ было приказано перенести икону Иверской Божіей Матери, предъ которой ежедневно собирались тысячи народа какъ здороваго, такъ и больного, и гдѣ легко могла быть, да несомнѣнно и была, самая дѣйствительная передача эпидеміи, то народъ, думая, что у него отнимали святыню и, не понявъ всей важности такого распоряженія, взбунтовался и закончилъ свою ярость убійствомъ архипастыря. Нѣтъ сомнѣнія, что для православнаго народонаселенія было важно прибѣгать къ заступничеству Бога и его святыхъ, но это можно было дѣлать не приходя въ соприкосновеніе съ людьми сомнительнаго здоровья. Такъ думало, вѣроятно, и московское высшее начальство и духовенство. Но вотъ передъ нами историческій документъ — указъ изъ костромской духовной консисторіи, — который показываетъ, что не вездѣ такъ думали представители духовенства и, въ своемъ похвальномъ усердіи заставить народонаселеніе обратиться къ покровительству Божію, зашли слишкомъ далеко. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ прекращенію многолюдныхъ народныхъ собраній, они предписывали совершать крестные ходы вокругъ городовъ и селеній, даже тамъ, гдѣ уже была эпидемія. Конечно, тамъ, гдѣ не было заразы — это нисколько не вредило, а напротивъ помогало, поднимая упавшій народный духъ и давая ему необходимую нравственную стойкость; но тамъ, гдѣ эпидемія уже свирѣпствовала, это, понятно, приводило къ весьма плачевнымъ результатамъ. Очень любопытно познакомиться съ этимъ документомъ отчасти и потому, что изъ него видно, что уже въ ноябрѣ 1771 г. въ костромской эпархіи начали появляться случаи чумнаго заболѣванія, хотя только въ немногихъ мѣстахъ. «Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія, изъ Костромской Преосвященного Сімона, Епископа Костромскаго и Галицкаго, Духовной

Консисторіи, Богородицкаго Игрицкаго монастыря игумену Іероѳею збратіею. Сего ноября 5 дня вданномъ отъ Его Преосвященства консисторіи приказаніи написано: Его Преосвященство, разсуждая по обстоятельствамъ, что хотя милосердіемъ Божіимъ здѣшній архіереопрестольный городъ и сохраняется отъ заразительной болѣзни, но по нѣкоторымъ мѣстамъ паствы Его Преосвященства оная входитъ и отъѣмлетъ нещадно чадъ Его Преосвященства и братію о Господѣ, то и предпріялъ Его Преосвященство всѣхъ здѣшнихъ обывателей вторительно побудить къ особливому покаянію и молитвѣ, купно и къ благодаренію за оказанныя по сіе время божескія щедроты, и въ силу другихъ церковныхъ узаконеній, такъ и состоявшагося 1730 году марта 17 дня имяннаго указа опредѣлилъ: быть посту на нѣкоторые дни и крестному хожденію, что и здѣсь исполняться имѣетъ; а какъ въ епархіи Его Преосвященства имѣется и протчихъ городовъ, монастырей и селеній немалое число, то и во оныхъ всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ежели благостію и милосердіемъ Божіимъ чада Его Преосвященства и братія о Господѣ отъ сей заразительной и опасной болѣзни сохраняеми суть, тѣмъ для благодаренія Вышнему и для предосторожности отъ оной болѣзни, а гдѣ оная по Его, Творца нашего, праведному Суду оказалась, то для покаянія и исправленія нравовъ и дабы преклонить Отца Небеснаго на милость,—опредѣляетъ Его Преосвященство быть слѣдующему: 1-е имѣть крестной ходъ, продолжая оной генерально отъ всего священства и народа въ Воскресный день, а естьли гдѣ обширной городъ, то и на другой и на третій день сряду, когда ненастливая погода не воспрепятствуетъ, что и чинить какъ по разсужденію первенствующаго священства и градоначальника,—а въ монастыряхъ и селеніяхъ, такъ же и гдѣ городъ не такъ пространный и обширный и можно обойти безъ дальняго труда въ одинъ день, тамо и исправлять то крестохожденіе вкругъ всего города, монастыря и селенія. 2-е. Предъ тѣми крестохожденія днями заповѣдать всему народу тридневной постъ со особливымъ прилежаніемъ и молитвой, чего ради и ходить ко всякой церковной службѣ усердно, а постъ совершенной разумѣется сухояденіе и ввечеру несовершенной же—имѣть и вареніе; но въ мясоястные дни, ежели гдѣ оные прилучатся, то безъ мяса и рыбы, а буде въ постъ, то безъ рыбы; хмѣльнаго же ничего не пить во время поста, а во дни крестохожденія хотя по трудахъ и можно отъ вина и отъ пищи подкрѣпиться, но надлежитъ наблюдать, чтобы излишества, наипаче же пьянства не оказалося, да тако совершая трудолюбно усердіе въ покаяніи и молитвѣ возможомъ достойными оказаться получить милость Божію. 3-е. Какъ по всѣмъ церквамъ въ городѣхъ, такъ и монастыряхъ и селеніяхъ въ тѣ крестохожденія дни исправлять всенощныя бдѣніи дневнымъ святымъ съ приложеніемъ покаяннаго и святѣй Троицѣ канона въ требникѣ напечатаннаго, и эктеніи съ молитвою на литургіи,—а послѣ литургіи градскимъ священно-церковно-служителямъ собираться туда, откуда крестной ходъ имѣетъ быть; а гдѣ въ селахъ не можно быть крестному ходу около селенія, тамо молебствіе совершать въ церкви послѣ литургіи, поя изъ требника показанные каноны и читая молитвы, приличныя къ сему богомолію. Есть ли же обывателямъ разсудится и до трехъ разъ повторять сіе богомоліе, то Его Преосвященство благословляетъ и духомъ своимъ соприсутствовать ихъ усердію будетъ. О чемъ изъ консисторіи Галицкія въ провинціальные канцелярію и магистратъ сообщить промеморіи, и куда надлежитъ послать указы. И по Ея Императорскаго Величества Указу, консисторіею опредѣлено: въ силу

онаго Его Преосвященства приказанія о достодолжномъ и непремѣнномъ всего вышеписаннаго исполненія въ галицкія провинціальныя канцелярію и магистратъ сообщить промеморіи, съ тѣмъ чтобы оныя по всѣмъ городамъ всей своей провинціи къ непремѣнному того Его Преосвященства приказанія исполненію подтвердили указами, а во всѣ монастыри и духовныя правленія послать указы съ такимъ предписаніемъ, чтобъ объ ономъ тѣ правленія (кромѣ галицкой провинціи и костромскаго правленія) дали знать во всѣ, по тѣмъ правленіямъ, присутственныя мѣста, а священно и церковно-служителямъ объявляли чрезъ десятоначальниковъ съ подписками, и когда сперва въ градѣхъ и монастыряхъ таковое молебствіе отправлено будетъ,—а потомъ и въ селахъ,—въ консисторію репортовать. О чемъ сей Указъ къ вамъ и посылается Богородицкаго игрицкаго монастыря игумену Іероѳею съ братіею. Учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества Указу. А въ протчія монастыри и правленія Указы и въ Галицкія провинціальныя канцелярію и магистратъ промеморіи посланы. Ноября 7 дня 1771 года. Іоаннъ Протопресвитеръ Успенскій».

Въ томъ же самомъ документѣ находится и небольшой перечень крестныхъ ходовъ, которые были сдѣланы въ эту достопамятную эпоху монастырскимъ духовенствомъ. Здѣсь перечислены только четыре крестныхъ хода—одинъ около монастыря подъ монастырскую слободу и три—въ сосѣднія деревни. Именно:

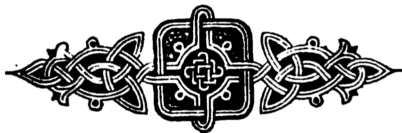
«1771 году мѣсяца ноября 19 дня первой ходъ былъ по чиноположенію вкругъ монастыря и въ подмонастырскую слободу.

«Второй былъ ходъ ноября 20 въ деревню Василево.

«Третій ходъ былъ ноября 21 въ деревню Терентіево.

«Четвертый ходъ былъ ноября 27 въ деревню Злобино».

Сообщено Е. Н. Овочининымъ.

СМѢСЬ.

ВУХСОТЛѢТІЕ „Дѣдушки русскаго флота“. Въ маѣ 1688 года, Петръ I, какъ извѣстно, нашелъ въ амбарѣ села Измайлова англійскій ботъ, привезенный по Бѣлому морю черезъ Архангельскъ въ Москву, для Никиты Ивановича Романова, двоюроднаго брата царя Михаила Ѳеодоровича. На этомъ ботѣ, починенномъ Карстеномъ Брантомъ, служившемъ помощникомъ пушкаря на кораблѣ «Орелъ», построенномъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и сожженномъ Стенькою Разинымъ — Петръ I ѣздилъ по Яузѣ, учась управлять паруснымъ судномъ; потомъ ботъ былъ перевезенъ на Плещеево озеро, въ Переяславль, гдѣ молодой монархъ продолжалъ заниматься мореходствомъ, пока не положилъ начало русскому военному флоту. Послѣ Ништадтскаго мира, Петръ вспомнилъ объ этомъ ботѣ и съ торжествомъ привезъ его въ свою столицу изъ Шлиссельбурга, куда онъ былъ доставленъ по именному приказанію изъ Москвы. Впослѣдствіи церемонія встрѣчи ботика судами балтійскаго флота повторялась нѣсколько разъ до 1750 года, возобновлялась въ 1803, 1836 и 1872 годахъ. Теперь, историкъ нашего флота Ѳ. Ѳ. Веселаго издалъ свѣдѣнія о ботикѣ за 200 лѣтъ и приложилъ рисунокъ его, снятый съ гравюры 1722 года. Величиною «ботикъ» не превосходитъ среднихъ размѣровъ шлюпки и вѣситъ нѣсколько менѣе 80 пудовъ. Длина его 19 футъ 9 дюймовъ, высота отъ киля до верха 2 фута 8 дюймовъ, ширина 6 футъ 5 дюймовъ и высота мачты 21 футъ; вооруженъ онъ четырьмя маленькими пушками и выкрашенъ красною краскою съ полосою вдоль борта, состоящею изъ бѣлыхъ, красныхъ и зеленыхъ треугольниковъ. Надъ этой полосою въ кормовой половинѣ, на нѣсколько возвышенной части борта, по черному полю нарисована желтою краскою гирлянда. На кормѣ, съ наружной стороны, представленъ старецъ съ посохомъ, въ бѣлой одеждѣ и красной шапкѣ съ крестомъ. Съ лѣвой стороны старца домъ, а съ правой стороны судно, идущее подъ парусами. Все это рѣзано изъ дерева, какъ и двѣ головы, напоминающія львиныя и находящіяся подъ первою картиною. Съ внутренней стороны кормы, въ черномъ полѣ, на бѣломъ щитѣ изображенъ русскій гербъ. Артиллерія ботика состояла изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ пушекъ. Теперь онъ хранится близъ могилы основателя флота.

Открытіе бюста Екатерины II передъ Обуховской больницей. 29-го мая состоялось торжественное открытіе бюста Екатерины II, сооруженнаго городскимъ самоуправленіемъ передъ главнымъ фасадомъ Обуховской мужской больницы, основательницей которой была покойная императрица. Густыя массы народа,

задолго до начала торжества, покрывали обѣ стороны набережной Фонтанки, между Обуховскимъ и Семеновскимъ мостами. Зданіе больницы было украшено группами флаговъ и декорировано цвѣтною матеріею. Литургію совершалъ главный священникъ арміи и флота. По окончаніи ея, изъ больничной церкви былъ совершенъ крестный ходъ къ иконѣ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, помѣщающейся съ правой стороны вновь сооруженнаго бюста. По окончаніи молебствія полотно, скрывавшее изваяніе, было снято, и явился бюстъ императрицы, изображающій ее въ самую цвѣтущую эпоху ея дѣятельности. Голова императрицы украшена императорскою короною; плечи и грудь покрыты порфирой и императорскими регаліями. Бронзовый бюстъ поставленъ на черный гранитный пьедесталъ, на четырехъ сторонахъ котораго золотыми буквами сдѣланы слѣдующія надписи: 1) «Императрица Екатерина II — основательница Обуховской больницы». 2) «Больница основана въ 1784 г.». 3) «Сооруженъ с.-петербургскимъ городскимъ самоуправленіемъ въ 1888 г.». 4) «... Рѣкой благодѣяній покрылась вся страна!» (Стихи изъ «Фелицы» — Державина). Бюстъ работы скульптора А. Л. Обера (отлитъ на заводѣ А. Морана), обошелся городу въ 7,200 рублей вмѣстѣ съ громаднымъ пьедесталомъ работы г. Ботта.

Пятисотлѣтіе Борисо-Глѣбскаго монастыря. Въ г. Дмитровѣ, Московской губерніи, находится Борисо-Глѣбскій монастырь, торжественно праздновавшій, 2-го мая, свой пятисотлѣтній юбилей. Наканунѣ этого торжества, Мисаилъ, епископъ дмитровскій, совершилъ всенощное бдѣніе, а въ самый день торжества литургія была совершена соборне съ игуменами и духовенствомъ окрестныхъ монастырей. Все населеніе Дмитрова, чтущаго свою древнюю святыню, а также жители окружныхъ селеній наполнили храмъ, монастырскій дворъ и его окрестности. По окончаніи богослуженія, въ помѣщеніи настоятеля монастыря, состоялось собраніе, на которомъ присутствовалъ Мисаилъ, сказавшій рѣчь, законченную обращеніемъ къ благотворителямъ объ увѣковѣченіи этого достопамятнаго дня учрежденіемъ ремесленной школы при монастырѣ, о чемъ уже давно хлопочетъ настоятель о. Сергій. Въ собраніи было прочитано историческое изслѣдованіе Борисо-Глѣбскаго монастыря, составленное г. П. Быловымъ по рукописямъ, хранящимся въ монастырскомъ архивѣ. За обѣдомъ была получена телеграмма московскаго генералъ-губернатора, упоминавшая о заслугахъ монастыря: «Бесспорно существующій пятьсотъ лѣтъ Борисо-Глѣбскій монастырь, по преданію, уходитъ еще болѣе въ глубь вѣковъ, являясь свидѣтельствомъ благочестія князя Юрія Владиміровича Долгорукова. Зародившись такимъ образомъ почти одновременно съ Москвой. Борисо-Глѣбскій монастырь въ теченіе своей многовѣковой, подвижнической жизни былъ постояннымъ очевидцемъ и участникомъ долгаго періода собиранія и укрѣпленія русскаго царства. Это даетъ ему двойное право на народную признательность и уваженіе: онъ составляетъ драгоцѣнное достояніе отечественной церкви».

Борисо-Глѣбскій монастырь существуетъ болѣе 500 лѣтъ; подлинныя свѣдѣнія о времени его основанія, какъ и первоначальныя жалованныя ему грамоты, сгорѣли въ Москвѣ во время разоренія ея поляками. Историки предполагаютъ, что начало монастыря относится ко второй половинѣ XII вѣка, ко времени построенія города Дмитрова, княземъ Ростовскимъ и Суздальскимъ, Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. По преданію, вошедшему въ «Историческое описаніе уѣздныхъ городовъ Московской губерніи», изданное при Екатеринѣ II, возникновеніе города Дмитрова объясняется слѣдующимъ образомъ: великій князь Юрій Долгоруковъ, въ 1154 г. возвращался изъ Кіева со всѣмъ дворомъ и войскомъ домой, въ свое Ростовское княжество. При переправѣ чрезъ рѣку Яхрому, гдѣ было селеніе «Великое Полюдье», супруга князя княгиня Ольга, бывшая греческая царевна, разрѣшилась отъ бремени сыномъ, названнымъ при крещеніи Дмитріемъ. Обрадованный такимъ событіемъ, Юрій Владиміровичъ велѣлъ основать въ Великомъ Полюдьѣ городъ и пере-

именовать его въ Дмитровъ, въ честь своего сына Димитрія. Во время своего существованія въ продолженіе пяти вѣковъ, Борисо-Глѣбскій монастырь неоднократно былъ разоряемъ непріятелями. Во время татарскаго ига его разоряли полчища Батыя; позднѣе, въ началѣ XVII вѣка, монастырь былъ разграбленъ Сапѣгою, на возвратномъ пути изъ-подъ стѣнъ Троицко-Сергіевской лавры. Лишь подъ конецъ 1620 г., уже въ царствованіе Михаила Өеодоровича монастырь былъ возобновленъ и 31-го декабря 1620 г. совершено освященіе алтаря въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Борисо-Глѣбскій монастырь первоначально находился подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ новгородскаго митрополита. Въ 1652 г. онъ приписанъ былъ къ новгородскому архіерейскому дому: затѣмъ состоялъ въ сvнодальномъ вѣдомствѣ, послѣ чего причисленъ къ переяславской епархіи. Въ то время за нимъ числилось 1214 душъ крестьянъ. Съ учрежденіемъ губерній при Екатеринѣ II, монастырь перечисленъ въ московскую епархію.

Археологическое Общество. Въ послѣднемъ засѣданіи этого Общества В. В. Латышевъ, авторъ капитальнаго эпиграфическаго труда «Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini», изданнаго русскимъ археологическимъ Обществомъ въ 1885 г., представилъ на разсмотрѣніе и утвержденіе собранія планъ приготовленнаго ученымъ авторомъ къ печати второго тома того же труда, въ который войдетъ еще около 300 надписей сѣвернаго берега Чернаго моря, найденныхъ въ предѣлахъ былого Восфорскаго царства, т. е. въ Пантикапеѣ (Керчь), Фанагоріи (Тамань) и т. д. Среди этихъ надписей преобладаютъ надгробныя (240), заключающія въ себѣ имена, какъ пантикапейскихъ гражданъ, такъ и проживавшихъ здѣсь иностранцевъ, пріѣзжавшихъ сюда съ разныхъ концовъ античнаго міра. Но сохранились также въ видѣ эпиграфическихъ обломковъ постановленія босфорскихъ архонтовъ и царей, надписи къ статуямъ въ честь римскихъ императоровъ и, между прочимъ, къ статуѣ въ честь Каракалы, воздвигнутой царемъ савроматовъ. По плану изслѣдователя, труды котораго полны фактическаго матеріала, онъ намѣренъ предпослать обстоятельное историческое введеніе, освѣщающее всю эпоху, къ которой относятся данные памятники. Въ особомъ приложеніи къ этому замѣчательному труду дается сводъ всякаго рода историческихъ и эпиграфическихъ упоминаній о босфорцахъ, какія только дошли до насъ. Туземцами долины Сунджи (Терской области), до которыхъ не скоро еще, вѣроятно, дойдетъ запрещеніе археологической комиссіи не касаться безъ ея вѣдома до кургановъ, при раскопкахъ близъ аула Куллары, найденъ человѣческій остовъ, на головѣ котораго надѣтъ былъ мѣдный шлемъ, украшенный золотымъ вѣнцомъ или короной, со множествомъ золотыхъ же привѣсокъ. Занимаясь археологическими изслѣдованіями и раскопками въ той же мѣстности, гр. А. А. Бобринскій имѣлъ случай быть въ Кулларахъ именно въ то время, когда эта корона была только-что отправлена въ Москву. Съ цѣлью сохранить для науки описаніе всѣхъ данныхъ, представляемыхъ раскопкой кургана, въ которомъ сдѣлана эта драгоцѣнная находка, гр. Бобринскій произвелъ систематическое его обслѣдованіе. Въ курганѣ сверху до низу оказалось нѣсколько рядовъ погребеній. Всего встрѣтилось болѣе 15 человѣческихъ остововъ въ различныхъ положеніяхъ, также остовы лошадей, вмѣстѣ съ различными предметами, всегда находимыми при раскопкѣ древнихъ могилъ. Наконецъ, нѣсколько ниже грунта, т. е. на глубинѣ 6—7 аршинъ отъ вершины кургана оказались костяки, погребенные въ узкихъ, продолговатыхъ канавахъ, заваленныхъ со всѣхъ сторонъ камнями и покрытыхъ глинобитнымъ сводомъ. Въ сторонѣ же отъ этихъ могилъ, расположенныхъ въ восточной и западной частяхъ кургана, въ сѣверной его части была найдена вышеуказанная корона, вовсе не на головѣ человѣческаго остова, а въ особомъ деревянномъ ковчежцѣ, въ которомъ и лежалъ золотой вѣнецъ и 110 бусъ. Вѣнецъ былъ немедленно разбитъ нашедшими на нѣсколько частей, изъ которыхъ одну такъ и не удалось отыскать. Вышесказанная обстановка могильника была,

конечно, оставлена безъ вниманія туземцами, которые, въ числѣ 11 человѣкъ, 15 дней копали съ вершины кургана воронкообразную яму и, такимъ образомъ попали прямо на драгоцѣнную находку и извлекли ее, не заботясь объ интересахъ науки. Опираясь на вышеизложенный фактъ, безусловно вредный для научной эксплуатаціи курганныхъ богатствъ, гр. Бобринскій указалъ на необходимость примѣненія административныхъ мѣръ къ огражденію древностей отъ нераціональнаго извлеченія ихъ изъ нѣдръ земли невѣжественными туземцами, причемъ желательно со стороны ученыхъ обществъ возможное содѣйствіе усиліямъ археологической коммиссіи, направленнымъ въ эту сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Бобринскій сообщилъ, что такія мѣры уже приняты кавказскими властями, которыя весьма сочувственно отнеслись къ начинаніямъ коммиссіи въ этомъ направленіи.

Ботикъ Петра Великаго. На торжественномъ празднествѣ 200-лѣтія основанія русскаго флота, конечно, будетъ отведено почетное мѣсто такъ называемому «Дѣдушкѣ русскаго флота». Не вспомнятъ ли въ это время и другого истиннаго, несомнѣннаго дѣдушку русскаго флота—ботикъ Петра Великаго, «Фортуну», приведенный имъ съ узкой Яузы на широкій просторъ Переяславскаго (Плещеева) озера и нынѣ, въ заброшенномъ видѣ, догнивающій свои послѣдніе дни? Въ Переяславлѣ сохранился въ подлинникѣ своеручный указъ великаго преобразователя, которымъ онъ вмѣняетъ въ обязанность переяславскимъ воеводамъ, подъ страхомъ кары имъ и потомкамъ ихъ за неисполненіе, хранить находящіеся въ Переяславлѣ фрегаты, яхты, галеры и ботики; но ни фрегатовъ, ни другихъ судовъ не сохранилось; сохранился лишь, и то въ полусгнившемъ видѣ, любимый ботикъ Петра «Фортуна», или «Ѳортуна», какъ вырѣзано на носовой его части, и его-то, а также и еще кое-какіе предметы, принадлежавшіе Петру или оставшіеся отъ него, взялось охранять владимірское дворянство. Правда, въ свои счастливыя времена, оно устроило нѣсколько зданій близь села Веськова, въ 2—3 верстахъ отъ Переяславля, помѣстило въ одномъ изъ нихъ этотъ ботикъ и Петровскій музей; но теперь зданія эти безъ ремонта валятся, нѣкоторыхъ вещей уже не видно, охрана и уходъ за музеемъ Богъ-вѣсть какіе, и ходятъ уже упорные слухи, что одно изъ зданій продается на сломъ, потому что ни поправить, ни содержать его нечѣмъ. Казалось бы, не частной корпораціи дѣло оберегать храненіе предметовъ, дорогихъ не одной ей, а всему русскому народу, иначе, при отсутствіи у оберегателей средствъ, драгоцѣннѣйшій для всей Руси памятникъ перваго хожденія Петра по водамъ разсыплется въ прахъ и безслѣдно исчезнетъ для потомства. Кажется, что при празднованіи 200-лѣтія основанія флота, морскому вѣдомству не грѣхъ будетъ вспомнить заброшеннаго своего дѣда и принять мѣры къ сбереженію его остатковъ, а средствъ для этого потребуется не много.

Какъ у насъ жертвуютъ на памятники великимъ людямъ. Раскапывая волостные архивы Нолинскаго уѣзда, «археологъ» «Волжскаго Вѣстника» встрѣтилъ цѣлый рядъ любопытныхъ данныхъ о томъ, какъ собирались съ крестьянъ пожертвованія на памятники: Ломоносову, Карамзину, Державину и на стипендію имени Крылова. «Жители г. Архангельска, — читаемъ въ губернаторскомъ предписаніи,—сохраняя уваженіе къ памяти единоземца своего, статскаго совѣтника М. В. Ломоносова, изъявили желаніе воздвигнуть въ своемъ городѣ приличный памятникъ сему незабвенному въ лѣтописяхъ отечественной словесности мужу». Въ концѣ 1825 г. вятскій губернаторъ поручилъ уѣздной администраціи собирать добровольныя пожертвованія. Нолинскій городничій разослалъ «жителямъ г. Нолинска разнаго сословія приглашенія», а волостнымъ правленіямъ—«строгіе приказы». Изъ приводимыхъ «рапортовъ» волостныхъ старшинъ видно, что волостное начальство поусердствовало повсемѣстно собирать волостныя сходки, на которыхъ «съ прочетомъ» и «растолкованіемъ» объявлялись приказы городничаго. Получались курьезные отвѣты, напримѣръ, Архангельское волостное начальство категорически за-

явило, «что на памятникъ событія статскому совѣтнику Ломоносову никого желающихъ не оказалось». Юртинское правленіе «съ покорностью» рапортовало, что «на послѣдовавшій памятникъ по разнымъ строгимъ предписаніямъ ко взысканію государственныхъ податей на предметъ сей денегъ собрать—остались въ прежней скудости и впередъ не желаютъ». На приглашеніе о подпискѣ на «монументъ россійскаго исторіографа Карамзина» въ 1833 г. рапортовало Пильянское волостное правленіе: «Въ исполненіе приказа вашего в—дія отъ 10 минувшаго сентября за № 643, съ приложеніемъ подписнаго листка, правленіе сіе честь имѣетъ представить отъ доброхотно-дателей пожертвованныхъ памятнику въ г. Симбирскѣ на сооруженіе исторіи графу Карамзину съ имянныимъ регистромъ собранныхъ съ поселянъ денегъ 5 р. 54 к.». Нѣкоторыя волостныя правленія, какъ напримѣръ, Никольское величало Карамзина—«незабвеннымъ графомъ Каменскимъ». Юртинское волостное правленіе эпитетъ — «незабвенный исторіографъ» — превратило въ «незабвенный старый графъ». Вознесенское правленіе сообщало исправнику, что «за всѣмъ стараніемъ къ пожертвованію памятника исконорю (?) графу Карамзину въ гор. Симбирскѣ поселянъ склонить не могло, отзываясь якобы по неурожаю въ нынѣшнемъ году хлѣба». Вотылинское правленіе «убѣдительнымъ образомъ приглашало и употребляло къ оному дѣятельнѣйшія мѣры, но поселяне, по бѣдному своему состоянію, пожертвованія не учинили». Кырчанское волостное правленіе пожертвовало на «содержаніе» памятника, архіерейское — на сообраҗеніе (?) и т. д. Пѣвецъ «Фелицы» въ глазахъ жертвователей представлялся «титулярнымъ совѣтникомъ Державинымъ». Впрочемъ, одно правленіе жертвовало въ 1832 году. «Почетному члену, дѣйствительному тайному совѣтнику Державину, стяжавшему безсмертную славу на поприщѣ поэзіи». А далѣе слѣдовало: «по безграмотству» волостной голова приложилъ волостную печать».Въ 1838 году собиралась подписка на составленіе крыловской стипендіи. И вотъ во что превратилась «стипендія» въ подписныхъ листахъ. Крестьяне Лобанской и Архангольской волостей жертвовали «на составленіе крыловской станціи!» Подписной листъ Лобанскаго волостного правленія носитъ слѣдующій заголовокъ: «Списокъ Нолинскаго уѣзда, Лобанскаго волостного правленія, о пожертвованіи поселянами денегъ на составленіе крыловской станціи»...

Императоръ Николай и бѣлокриницкіе раскольники. Въ № 7-мъ «Трудовъ» рязанской архивной комиссіи помѣщенъ безъ пропусковъ любопытный документъ для исторіи раскола и также международныхъ отношеній Россіи, сообщенный г. Яхонтовымъ. Это — проектъ меморіи русскаго правительства австрійскому, отъ 10-го ноября 1848 года, печатавшійся уже въ сборникѣ Кельсіева, но съ пропусками и невѣроятностями. Меморія касается Бѣлой Криницы, какъ «гнѣзда раскольничьихъ интригъ, устремленныхъ на Россію, при слишкомъ явномъ снисхожденіи австрійскаго правительства». Вообще, тонъ меморіи по отношенію къ Австріи — энергическій и даже властный, а резолюція императора Николая, требующая, чтобы «мнимый монастырь былъ немедля закрытъ, а самозванецъ епископъ высланъ, какъ бродяга», заканчивается категорическимъ объявленіемъ австрійскому правительству, что «ежели я не получу скораго удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, то вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ, крайне мнѣ прискорбнымъ, мѣрамъ». Вотъ какъ писали къ Австріи 40 лѣтъ назадъ, что объясняется, конечно, разгоравшимся тогда венгерскимъ возстаніемъ. Строгая вообще политика императора Николая противъ раскола съ особенною характерностью выражалась относительно возникшей въ 1846 году бѣлокриницкой лжеіерархіи, основателемъ которой былъ, какъ извѣстно, съ большими хлопотами добытый тамошними раскольниками епископъ, бѣглый греческій митрополитъ Амвросій, ставившій поповъ не только для заграничныхъ раскольниковъ, но и для русскихъ, къ которымъ стали являться изъ-за границы попы и сборщики по-

данія. Русское правительство, особенно въ виду тогдашняго смутнаго положенія европейскихъ дѣлъ, преслѣдовало подобныя сношенія, считая ихъ «противозаконными связями за предѣлами отечества». Пользы отъ этого, впрочемъ, было мало, такъ какъ Бѣлокриницкій монастырь уцѣлѣлъ и даже въ Россію продолжали прорываться изъ-за границы раскольническіе агенты. Это и вызвало строгую меморію, напоминающую, какъ предупредительно, даже прежде требованія австрійскихъ властей, отнеслось русское правительство къ подавленію въ своихъ предѣлахъ ученія ново-католиковъ, «которое есть не что иное, какъ расколъ въ нѣдрахъ католической церкви». Какъ видно, и тогда Австрія плохо соблюдала требованія взаимности по отношенію къ Россіи. Не лишнее напоминать объ этомъ при случаѣ.

Музей г. Поля. Землевладѣлецъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда г. Поль открылъ въ Екатеринославлѣ археологическо-историческій музей. Музей этотъ представляетъ не просто случайное собраніе старинныхъ вещей, принадлежащихъ антикварію-любителю, а строго систематизированныя археологическія и историческія коллекціи изъ вещей, найденныхъ вообще на югѣ Россіи и преимущественно въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи. Музей г. Поля занимаетъ 4 большихъ комнаты; при музеѣ имѣется особый консерваторъ-археологъ, дающій публикѣ объясненія. Содержимое музея можетъ быть раздѣлено на 7 слѣдующихъ отдѣловъ: I-й, каменный вѣкъ; II-й, бронзовый вѣкъ; III-й, желѣзный (скиѳскаго древне-русскаго періода); IV-й, казацко-запорожскій періодъ; V-й, автогравюры и портреты наиболѣе выдающихся дѣятелей Новороссіи и VII-й, общій, въ которомъ собраны вещи, не принадлежащія ни къ одному изъ предыдущихъ отдѣловъ.

Отчетъ Александровской публичной библіотеки и «Зала императора Александра II», за 1887 годъ. Библіотека управлялась попечительнымъ комитетомъ изъ 4-хъ членовъ подъ предсѣдательствомъ городского головы, завѣдывали ею: Ю. Д. Богомолова и помощница ея А. Ѳ. Никольская. Библіотека и «Залъ императора Александра II», а также начатый формированіемъ публичный музей, помѣщались въ прежнемъ наемномъ домѣ. Къ 1-му января 1887 года библіотека имѣла въ остаткѣ, залоговыхъ суммъ 2,415 р. Въ отчетномъ 1887 году поступило и записано на приходъ: залоговыхъ суммъ 2,470 р., ассигнованныхъ городскою думою на содержаніе библіотеки 1,466 р., процентовъ и другихъ доходовъ—всего, съ остаткомъ отъ предыдущаго года, 9,507 р. 23 к.; изъ нихъ: принадлежащихъ собственно библіотекѣ 4,622 р. 23 к., израсходовано въ отчетномъ году 6,677 р. 28 к., затѣмъ къ 1 января 1888 года въ остаткѣ: залоговыхъ суммъ 2,595 р., принадлежащихъ библіотекѣ 234 р. 96 к. Кромѣ того, городская дума выплачивала изъ городскихъ средствъ за наемъ помѣщенія для библіотеки и «Зала» 1,500 руб. въ годъ и на отопленіе помѣщенія сторожей и кухни отпускала 12 саженъ дровъ. Изданіе плановъ города Самары стоило библіотекѣ 136 р. 20 к., отъ этого изданія библіотека получила чистой прибыли 85 руб. и осталось еще не проданныхъ 210 экземпляровъ плана. На напечатаніе каталога и 2-хъ къ нему прибавленій израсходовано 1,478 р. 73 к., каталоговъ продано 151 экз. и прибавленій 9 экз., за все выручено 194 р. 95 к. Слѣдовательно числится затраченными библіотекой и еще не возвращенными отъ напечатанія каталога 1,283 р. 78 к. и каталоговъ имѣется на лицо 1,002 экземпляра. А) Разными учеными обществами, учрежденіями, правительственными мѣстами и частными лицами въ 1887 году пожертвовано въ библіотеку: 810 сочиненій въ 1,338-ми томахъ. Изъ періодическихъ изданій безплатно высылались въ библіотеку 24 изданія. Пріобрѣтено покупкою: русскихъ книгъ—364 наименованія, 662 тома, иностранныхъ—91 наименованіе, 97 томовъ, газетъ и журналовъ русскихъ и иностранныхъ 76 наименованій. Къ 1 января 1888 года по инвентарю библіотеки состоитъ книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій русскихъ и иностранныхъ 13,293 наименованія въ 23,231 переплетѣ и дублетовъ 452 наименованія въ 679 переплетахъ, а всего 13,745 наименованій въ 23,910 переплетахъ. Читательный

залъ библіотеки былъ открытъ для публики въ тѣ же дни и часы, что и въ прошломъ отчетномъ году. Посѣтителей въ немъ бывало ежедневно отъ 75 до 195 человѣкъ. Большее число посѣщеній приходилось на праздничные дни; въ зимніе мѣсяцы было болѣе посѣтителей, чѣмъ въ лѣтніе. Посѣщали залъ преимущественно чиновники, мѣщане и крестьяне. Посѣтители читали газеты, иллюстрированныя изданія и журналы, выложенные на столахъ зала, а также справочныя изданія, находящіяся въ залѣ въ особо устроенныхъ стойкахъ. Требованіе книгъ изъ библіотеки въ читальный залъ было очень ограниченное. Въ отчетномъ году брали книги и періодическія изданія для чтенія на домъ 1,129 человѣкъ, болѣе всего мѣщане, воспитанники учебныхъ заведеній и чиновники. Изъ русскихъ писателей требовались чаще всего въ библіотекѣ: Толстой (Л. Н.) 1,053, Достоевскій 968 и Писемскій 856 разъ; изъ иностранныхъ: Дюма 492, Эмаръ 475 и Понсонъ дю-Террайль 466 разъ. Требовались чаще журналы: «Вѣстникъ Европы» 1,391 разъ «Русская Мысль» 1,346, «Русскій Вѣстникъ» 1,217, «Наблюдатель» 1,184 раза. Въ «Залъ императора Александра II» поступило отъ великаго князя Георгія Михайловича изданіе его высочества «Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія». Спб. 1886, и передано изъ публичной библіотеки книгъ и брошюръ 38 наименованій и три альбома рисунковъ, относящихся до обмундированія войскъ. Частными лицами пожертвовано 12 различныхъ предметовъ. Въ формируемый публичный музей поступило также нѣсколько цѣнныхъ пожертвованій.

† Въ концѣ февраля въ Москвѣ **Александръ Ѳедоровичъ Малининъ**, извѣстный московскій педагогъ и авторъ цѣлой серіи руководствъ по математикѣ и физикѣ, написанныхъ имъ однимъ или въ сотрудничествѣ съ другими лицами, главнымъ образомъ съ покойнымъ К. П. Буренинымъ. Учебный отдѣлъ Общества распространенія техническихъ занятій, гдѣ А. Ѳ. Малининъ состоялъ членомъ и былъ предсѣдателемъ коммиссіи по устройству чтеній для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, почтилъ память покойнаго особымъ засѣданіемъ 21-го марта. А. Ѳ. Малининъ былъ сынъ штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, который всѣ свои усилія и средства употребилъ на то, чтобы доставить дѣтямъ высшее образованіе. А. Ѳ. отличался и тогда уже значительными способностями и получилъ, какъ въ гимназіи, такъ и въ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ еще очень молодымъ, по золотой медали. Въ гимназіи онъ особенно интересовался классическими языками, но, кончивъ курсъ по физико-математическому факультету, началъ свою педагогическую дѣятельность въ тверской гимназіи, откуда вскорѣ перешелъ въ 4-ю московскую. Затѣмъ былъ назначенъ директоромъ тульской гимназіи, а начиная съ 1872 г., съ основанія московскаго учительскаго института и до самой смерти состоялъ его директоромъ. Покойный былъ всесторонне образованъ, постоянно слѣдилъ за литературой, интересовался не только своей спеціальностью, но и другими отраслями науки, напримѣръ исторіей, даже грамматическія тонкости русскаго языка не были ему чужды. Онъ принялъ весьма дѣятельное участіе въ томъ переворотѣ въ педагогіи, который совершился у насъ въ 60 годахъ. Въ его учебникахъ впервые было устранено формальное, сухое, догматическое отношеніе къ наукѣ, господствовавшее до тѣхъ поръ, и замѣнено яснымъ, живымъ изложеніемъ. Отсюда и та популярность, которую пріобрѣли эти учебники. Его руководства, по которымъ учится теперь вся грамотная Россія, распространились въ огромныхъ количествахъ экземпляровъ: такъ, напримѣръ, «Собраніе ариѳметическихъ задачъ» въ количествѣ, превышающемъ 600,000 экземпляровъ, ариѳметика—въ 400,000 экз., остальные учебники хотя и въ меньшемъ числѣ, благодаря главнымъ образомъ тому, что А. Ѳ. почти для каждаго учебнаго заведенія писалъ отдѣльные учебники, но все же не менѣе, чѣмъ въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ каждый. И тиражъ этихъ руководствъ, съ каждымъ новымъ изданіемъ, уве-

личивался все болѣе. Такой успѣхъ объясняется, кромѣ системы и ясности изложенія, еще и тѣмъ, что А. Ѳ. Малининъ постоянно слѣдилъ за развитіемъ знаній и вводилъ въ учебникъ все то новое, что имѣло существенное научное значеніе и цѣнность. Съ основаніемъ учительскаго института его педагогическому таланту открылось новое поприще. Дѣло было совершенно новое, нужно было его организовать и поставить на правильныя основы, и А. Ѳ. выполнилъ эту задачу превосходно. Онъ не только самъ работалъ, но научалъ работать и всѣхъ окружающихъ его. Но этотъ обширный и постоянный трудъ не удовлетворялъ его отзывчивую на всякое общественное дѣло натуру, и онъ примкнулъ къ обществу распространенія техническихъ знаній, гдѣ организаціей чтеній воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній оставилъ прочный слѣдъ и живую по себѣ память. Онъ умѣлъ также завести и дѣятельно поддержать связь между учительскимъ институтомъ и уѣздными городскими училищами, куда поступали учителями его воспитанники. Какъ директоръ института, А. Ѳ. соединилъ всѣхъ его преподавателей въ одну тѣсную и работящую семью, гдѣ царствовала полная коллективность въ дѣйствіяхъ.

† 26-го марта, одинъ изъ симпатичныхъ педагоговъ — полковникъ **Андрей Ивановичъ Ивановъ**. Онъ родился въ 1823 г., воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и числился на службѣ съ 1842 г. по инженернымъ войскамъ. Послѣдніе двадцать лѣтъ покойный былъ въ чинѣ полковника. Много разъ ему предлагали производство въ генералы, но онъ такъ свыкся съ своимъ положеніемъ, такъ сжился съ инженерной академіей и училищемъ, что систематически отказывался отъ всякаго повышенія по службѣ. Его награждали орденами, деньгами, знаками отличія, но онъ оставался среди молодого поколѣнія инженеровъ, которое беззавѣтно любилъ и которое ему было предано всею душой. Всѣ, кому случалось приходить въ соприкосновеніе съ покойнымъ, относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, съ такой искренней симпатіей, какая рѣдко выпадаетъ на долю человѣка. Онъ интересовался вопросами политики, науки и искусства, его постоянно окружали литераторы, художники, артисты. Всѣ цѣнили его оригинальные, подчасъ рѣзкіе, но всегда честные и прямые взгляды. Никогда никому покойный не льстилъ, никому не старался угодить, всегда и каждому говорилъ правду.

† Въ психіатрической больницѣ д-ра Фрея на 53-мъ году писатель **Левъ Осиповичъ Леванда**. Покойный помѣщалъ свои статьи, преимущественно беллетристическія изъ польскаго и еврейскаго быта, въ различныхъ журналахъ. Нѣкоторое время онъ состоялъ редакторомъ «Виленскаго Вѣстника». Изъ большихъ произведеній Леванды лучшіе романы: «Депо бакалейныхъ товаровъ», «Исповѣдь дѣльца», «Горячее сердце».

† 1-го мая, въ Вильнѣ, на 74-мъ году русско-галицкій общественный дѣятель **Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій**. Онъ родился въ Галиціи и, по окончаніи курса наукъ въ Пештскомъ и Львовскомъ университетахъ по философскому и богословскому факультетамъ, рукоположенъ въ 1843 г. викарнымъ священникомъ Пастынскаго прихода, съ назначеніемъ законоучителемъ въ мѣстной школѣ. Въ 1847 г. получилъ самостоятельный приходъ въ Хмелевѣ, а въ 1848 г. приглашенъ Львовскимъ университетомъ на каѳедру галицко-русскаго языка и литературы. Начиная съ этого времени Я. Ѳ. былъ ревностнымъ, самостоятельнымъ дѣятелемъ и членомъ разныхъ комиссій для развитія русскаго языка и правильной постановки преподаванія его въ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи. Такъ, въ 1849 г. онъ состоялъ членомъ комиссіи по устройству народныхъ училищъ, комиссіи для перевода гражданскихъ законовъ на русскій языкъ, разсматривалъ различныя русскія книги и учебники, предназначенные для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Одновременно Я. Ѳ. состоялъ преподавателемъ русской словесности въ старшихъ классахъ львовскихъ академической и второй гимназій. Въ 1850 г. онъ получилъ за свои ученые труды дипломъ члена-корреспондента чешскаго

Общества наукъ въ Прагѣ. Затѣмъ званіе почетнаго члена Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ (1866 года), члена географическаго Общества въ Петербургѣ, золотой медали географическаго Общества, большой серебряной медали этнографическаго Общества въ Москвѣ, дѣйствительнаго члена Московскаго Археологическаго Общества, степени доктора Новороссійскаго университета, члена Общества любителей россійской словесности въ Москвѣ, непремѣннаго члена Общества естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ, золотой Уваровской медали за разборъ книги М. Де-Пуле: «Станиславъ-Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литвѣ 1794—1797 гг.», Уваровской преміи въ 500 руб. за сочиненіе «Народныя пѣсни галицко-русскаго народа». За свое сочиненіе: «Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ съ картою» получилъ золотой перстень съ рубинами и бриллiантами. Кромѣ того, Я. Ѳ. составлена была славяно-русская хрестоматія для высшихъ классовъ галицкихъ гимназій и русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь; имъ же выработана галицко-русская терминологія для учебника геометріи. Состоя профессоромъ Львовскаго университета, Я. Ѳ. неоднократно избираемъ былъ въ должность декана и ректора этого университета, а именно деканомъ филологическаго факультета избранъ на 1857 и 1858 гг., и ректоромъ на 1863—1864 годъ. Съ 1867 г. Яковъ Ѳедоровичъ перенесъ свою дѣятельность въ Вильну. 22-го декабря опредѣленъ предсѣдателемъ виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ и въ этой должности оставался по день смерти; сверхъ того, съ 1871 г. состоялъ предсѣдателемъ временной коммиссіи по устройству виленской публичной библіотеки и музея, членомъ распорядительнаго комитета западнаго отдѣла русскаго географическаго Общества въ Вильнѣ и членомъ попечительнаго совѣта при учебномъ округѣ.

† 7-го мая, въ городской богадѣльнѣ, послѣ продолжительной болѣзни одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ актеровъ, **Александръ Павловичъ Толченовъ.** Выйдя въ 1845 г. изъ петербургскаго театральнаго училища, Толченовъ поступилъ въ русскую драматическую труппу и дебютировалъ на сценѣ Александринскаго театра въ водевилѣ «Подставной женихъ». Затѣмъ былъ дублеромъ покойнаго А. М. Максимова, выступая въ нѣкоторыхъ роляхъ его репертуара. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Толченовъ перешелъ на одесскую сцену, гдѣ въ то время была блестящая труппа,—въ составѣ ея находился С. В. Шумскій, П. И. Орловъ, Воробьевъ, А. И. Шубертъ и др. Покойный не безъ успѣха занималъ амплуа перваго любовника. Въ 1856 г. А. П. Толченовъ, за неявку въ срокъ изъ отпуска, былъ исключенъ изъ состава императорской русской драматической труппы и съ этого времени посвятилъ всю свою дѣятельность провинціи; долгое время игралъ въ Орлѣ. Въ 1875 г. прибылъ въ Петербургъ и до самой болѣзни игралъ на клубныхъ сценахъ. Три года тому назадъ, вслѣдствіе паралича, Толченовъ лишился возможности продолжать сценическую карьеру. Покойный написалъ и перевелъ нѣсколько пьесъ. Изъ оригинальныхъ пьесъ лучшія: комедія «Губернскія сплетни», водевиль «Кутерьма 1-го апрѣля» и др. Изъ переводныхъ особенно долго держался на репертуарѣ провинціальныхъ сценъ — водевиль «Рай Магомета». Кромѣ того, А. П. Толченовъ помѣщалъ въ журналахъ воспоминанія изъ театральной жизни. Часть ихъ была напечатана въ еженедѣльномъ «Новомъ Времени». Александръ Павловичъ былъ послѣдній сынъ трагическаго актера Павла Ивановича Толченова, игравшаго еще при Каратыгинѣ роли злодѣевъ въ мелодрамахъ, но въ концѣ своего артистическаго поприща, возбуждавшаго смѣхъ, а не ужасъ. Два старшіе брата Александра Павловича, Алексѣй и Яковъ также умершіе, не отличались сценическимъ дарованіемъ и рано оставили службу при театрѣ. Сестра покойнаго Екатерина также сошла со сцены послѣ неудачнаго дебюта.

† **Алексѣй Владиміровичъ Вышеславцевъ,** родился въ Кирсановскомъ уѣздѣ, въ с. Караулѣ, 20-го мая 1831 г. Поступивъ 10 лѣтъ въ московскій дворян-

скій институтъ, онъ окончилъ тамъ курсъ и въ 1848 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Окончивъ курсъ, онъ во время начавшейся Крымской кампаніи поступилъ лѣкаремъ въ полтавскій пѣхотный полкъ и съ 30-го апрѣля по 30-е августа находился съ полкомъ въ Севастополѣ, на Малаховомъ курганѣ. По окончаніи войны, онъ поступилъ лѣкаремъ на клиперъ «Пластунъ», который въ составѣ эскадры адмирала Попова сдѣлалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ (1857—1859 гг.) кругосвѣтное плаваніе. Во время освобожденія крестьянъ Вышеславцевъ былъ въ маѣ 1861 г. мировымъ посредникомъ въ 5-мъ участкѣ Тамбовскаго уѣзда и въ этой должности прослужилъ 3 года. Въ 1865 г. онъ перешелъ въ государственный контроль и состоялъ управляющимъ контрольныхъ палатъ: черниговской 2 года, одесской—5 лѣтъ и варшавской—4 года. Въ 1876 г. по болѣзни вышелъ въ отставку и большею частью жилъ въ своемъ имѣніи въ селѣ Волховщинѣ, Тамбовскаго уѣзда. Но государственною службою дѣятельность его не ограничивалась: нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Италію, посѣтилъ Грецію и Константинополь; кромѣ того, постоянно занимался исторіею живописи, много писалъ по этому предмету и издавалъ свои книги объ искусствѣ, за что Академія Художествъ дала ему званіе почетнаго вольнаго общника. Изъ напечатанныхъ его сочиненій лучшія: 1) «6-е іюня въ Севастополѣ»; 2) «30-е августа въ Севастополѣ»; 3) «Сутки на Малаховомъ курганѣ»; 4) «Очерки перомъ и карандашемъ изъ кругосвѣтнаго плаванія» (изданіе иллюстрировано по его рисункамъ); 5) «Богоматерь съ младенцемъ, Донателло»; 6) «Между храмовъ и развалинъ» (напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ»); 7) «Джіото и Джіотисты»; 8) «Искусство Италіи въ XV вѣкѣ» (Флоренція); 9) «Умбріо и школы сѣверной Италіи» и 10) «Полная біографія Рафаэля» (первыя двѣ части этого сочиненія были напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; все же сочиненіе готовится къ изданію въ нынѣшнемъ году). Занятіямъ живописью онъ также не мало посвящалъ своего труда, а въ послѣднее время исключительно предался писанію образовъ для иконостаса въ церковь строющагося въ Тамбовѣ пріюта св. Елисаветы. Въ день смерти еще не покидала его эта забота, и за нѣсколько часовъ до послѣдняго вздоха онъ написалъ и отправилъ письмо петербургскому рѣзчику, которому заказанъ иконостасъ. Всей живописной работы по иконостасу онъ окончить не успѣлъ и вполнѣ исполнены только царскія врата, т. е. 4 евангелиста и Благовѣщеніе, которое было послѣднимъ его произведеніемъ. Всѣ труды его по исторіи искусствъ сосредоточивались на изученіи Рафаэля. При своей извѣстности въ литературѣ и наукѣ, онъ всѣмъ былъ дорогъ, какъ человѣкъ съ самыми симпатичными чертами.

† На Гардскомъ озерѣ, въ городкѣ Рива, Карлъ Карловичъ Нейманъ. Странна была судьба этого даровитаго человѣка. Сынъ рижскаго бургомистра, К. К. блестяще окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и, послѣ недолгаго подготовленія въ Пулковской обсерваторіи, былъ посланъ, въ пятидесятыхъ годахъ, въ Пекинъ, начальникомъ пекинской обсерваторіи. Доѣхавъ благополучно до Красноярска, онъ нашелъ тамъ нѣсколькихъ земляковъ въ числѣ мѣстныхъ аптекарскихъ служащихъ и—застрялъ здѣсь на цѣлые годы. Увлеченный въ кутежи, К. К. забылъ и о своемъ назначеніи и о ввѣренномъ ему транспортѣ инструментовъ. Всѣ считали его человѣкомъ навсегда потеряннымъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ кое-какъ добрался до Иркутска и—опять пристроился къ аптекѣ. Но тутъ на него обратили вниманіе нѣкоторые изъ членовъ сибирскаго отдѣла и онъ привлеченъ былъ къ занятіямъ въ отдѣлѣ. Въ 1868 г. онъ избранъ въ члены отдѣла и въ члены распорядительнаго комитета, а въ 1869 г. посланъ былъ въ чукотскую экспедицію, съ чиновникомъ, барономъ Майделемъ. Плодами послѣдней экспедиціи были, кромѣ отчетовъ, богатая этнографическая коллекція, которая сгорѣла въ пожаръ 1879 г. Отчеты по экспедиціи помѣщены въ «Извѣстіяхъ» отдѣла. Въ 1871 г. К. К. совершена экспедиція въ Тункинскій край и на оз. Косоголъ. Вскорѣ

онъ избранъ былъ въ правители дѣлъ отдѣла и въ этой должности пробылъ 3 года, читая лекціи на общихъ собраніяхъ. Карлъ Карловичъ не былъ только ученымъ спеціалистомъ,—это былъ человѣкъ вполнѣ общественный.— При учрежденіи въ Иркутскѣ общественной прогимназіи, онъ приглашенъ былъ въ нее преподавателемъ математическихъ наукъ, потомъ избранъ въ инспекторы этого заведенія. Любопытная черта изъ жизни покойнаго: отправляясь па десятокъ лѣтъ изъ Дерпта въ Китай, онъ оставилъ на родинѣ невѣсту. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ ждала невѣста своего жениха. И вотъ, по возвращеніи его изъ Сибири, въ 70-хъ годахъ, они женились и, счастливые и обезпеченные, провели нѣсколько лѣтъ на Барромейскихъ островахъ...

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» я съ особеннымъ удовольствіемъ прочиталъ «Воспоминанія М. Д. Францевой». Эта статья представляла для меня особенный интересъ уже потому, что почти всѣ описанныя въ ней лица, начиная съ почтеннаго отца М. Д., были мнѣ хорошо извѣстны; у декабристовъ же, проживавшихъ въ городѣ Ялуторовскѣ, я, по прибытіи моемъ на службу въ этотъ городъ, въ 1839 году, будучи всего 17-ти лѣтъ, былъ принятъ, какъ родной; а черезъ нихъ, уѣзжая почти каждогодно на каникулярное время въ городъ Тобольскъ [1]), познакомился здѣсь и съ товарищами ихъ по ссылкѣ.

Еще за два или за три мѣсяца до смерти глубокоуважаемаго Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола я имѣлъ честь получить отъ него фотографическую карточку его, при письмѣ воспитанницы Августы Матвѣевны, урожденной Совоновичъ, такъ какъ Матвѣй Ивановичъ по преклонности лѣтъ и за слабостію зрѣнія—самъ писать уже не могъ.

Все это я пишу съ тою цѣлію, чтобы, указавъ на довольно близкое знакомство мое со многими изъ лицъ, описываемыхъ почтенною Марьею Дмитріевною, имѣть поводъ и основаніе указать на нѣкоторыя неточности, вкравшіяся, къ сожалѣнію, въ весьма интересную статью ея. Вотъ напримѣръ:

Стр. 390. «Между ними (сосланными въ Тобольскъ по политическимъ дѣламъ поляками) особенно отличался нѣкто графъ Мархидскій». Такого графа ни въ Тобольскѣ, ни даже въ Сибири, не бывало; а жилъ въ Тобольскѣ нѣкто графъ Маркотскій, который дѣйствительно хорошо былъ знакомъ съ декабристами и вообще считался прекраснымъ пьянистомъ.

Тамъ же. «Фонъ-Визины вели жизнь хотя скромную . . . . . а также по родству съ генералъ-губернаторомъ княземъ Горчаковымъ, который бывалъ у нихъ запросто, какъ близкій родственникъ». Не совсѣмъ вѣрно: Горчаковъ, державшій себя недоступнымъ вельможею и отличавшійся особеннымъ деспотизмомъ въ сферѣ ввѣреннаго ему управленія, мало придавалъ цѣны своему знакомству съ Фонъ-Визиными; было ли это слѣдствіемъ его характера, или же изъ опасенія доносовъ на близкія сношенія свои съ декабристами,—уже не знаю. Только знаю, что у Фонъ-Визиныхъ онъ не только бывалъ рѣдко, но иногда не дѣлалъ для нихъ даже и того, чего они въ правѣ были ожидать отъ него. Это подтверждаютъ и сами Фонъ-Визины въ запискахъ своихъ, помѣщенныхъ—если не ошибаюсь—въ «Русской Старинѣ».

Стр. 391. «Народъ на куски разорвалъ несчастныхъ исправника и засѣдателя (Курганскихъ)». Ничего подобнаго не было. Во время крестьянскихъ волненій въ Курганскомъ округѣ должность исправника отправлялъ засѣдатель А. Н. Никитинъ, а участковымъ засѣдателемъ, командированнымъ для усмиренія крестьянъ, былъ нѣкто молодой человѣкъ Долговъ. Оба они не потерпѣли ни малѣйшей непріятности отъ крестьянъ и вышли изъ тогдашнихъ смутъ, не сопровождавшихся особыми насиліями въ Курганскомъ округѣ, цѣлы и невредимы. Долговъ впослѣдствіи возвратился въ Россію, на родину,

[1]) Я былъ тогда учителемъ русскаго языка въ Ялуторовскомъ уѣздномъ училищѣ.

а Никитинъ спокойно умеръ въ Курганѣ. Обоихъ ихъ я зналъ хорошо; а съ Никитинымъ былъ даже въ дружбѣ и свойствѣ. Безспорнымъ доказательствомъ словъ моихъ въ этомъ отношеніи можетъ служить подлинное дѣло «О крестьянскихъ волненіяхъ въ Ялуторовскомъ и Курганскомъ округахъ въ 1843 году», хранящееся подъ № 3661 въ архивѣ бывшаго Главнаго Управленія З. Сибири, въ г. Омскѣ. Составленная изъ этого дѣла выписка помѣщена была извѣстнымъ любителемъ сибирской старины А. Ф. Денисовымъ въ неоффиціальномъ отдѣлѣ «Тобольскихъ Губ. Вѣдомостей», въ началѣ настоящаго 1888 года.

Стр. 407. «Тамъ онъ (т. е. въ Курганѣ—П. Н. Свистуновъ) женился на дочери исправника».

Опять не вѣрно. Петръ Николаевичъ Свистуновъ женился на дочери не исправника, а квартальнаго надзирателя Степана Неугодникова, Татьянѣ Степановнѣ, Александровной же величали ее почему-то въ честь крестнаго отца ея, бывшаго курганскаго исправника А. И. Дуранова, не имѣвшаго дѣтей. Съ братомъ Татьяны Степановны, или Александровны, я воспитывался вмѣстѣ въ пансіонѣ при Тобольской гимназіи; впослѣдствіи онъ былъ смотрителемъ Тюменскихъ училищъ и умеръ лѣтъ 8 тому назадъ въ отставкѣ въ г. Туринскѣ. **Капитонъ Михайловъ Голодниковъ.**

II.

Въ 6-й книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1888 годъ, въ статьѣ «Первенецъ богемы», составителемъ статьи или вѣрнѣе автобіографіи В. П. Бурнашевымъ сдѣланъ довольно рѣзкій отзывъ о духовенствѣ Подольской епархіи, Летичевскаго и Балтскаго уѣздовъ, въ 60-хъ годахъ.

Въ теченіе 11-ти лѣтъ управляя Подольскою епархіею въ описываемое Бурнашевымъ время, изучивши достаточно мѣстное духовенство, нравственную его сторону, частную и общественную жизнь, я рѣшительно отрицаю возможность существованія въ средѣ подольскаго духовенства личностей, подобныхъ указываемымъ Бурнашевымъ, и долгомъ чести считаю протестовать противъ его отзывовъ, оскорбительныхъ для всего духовенства Подольской епархіи.

Бурнашевъ, состоя на службѣ въ Подоліи, извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ крайне односторонній, легкомысленный не по лѣтамъ, изумлявшій меня непостоянствомъ въ сужденіяхъ и неустойчивостію въ мнѣніяхъ о лицахъ и событіяхъ. Извѣстны многимъ въ Подоліи его желчныя нападки на подольскую администрацію всѣхъ вѣдомствъ, начиная съ достоуважаемаго генералъ-губернатора Безака, потрудившагося съ великою пользою въ Юго-Западномъ краѣ для Руси. Мнѣ не разъ приходилось имѣть съ Бурнашевымъ споры по разнымъ мѣстнымъ вопросамъ, интересовавшимъ подольское общество. Но страстность Бурнашева въ этихъ случаяхъ, его нетерпимость къ мнѣніямъ, имъ не раздѣляемымъ, доводили его нерѣдко до противорѣчія очевидной истинѣ.

Говоря въ своей автобіографіи о подольскомъ духовенствѣ, онъ намѣренно или безъ намѣренія забываетъ и тотъ историческій фактъ, что все подольское духовенство еще въ прошломъ столѣтіи, а именно въ 1795 году, возсоединилось съ православіемъ, значитъ много болѣе чѣмъ за полстолѣтіе до прибытія Бурнашева на службу въ Подольскую губернію. Два или три конфиденціальныя письма Бурнашева о предосудительныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ лицъ изъ подольскаго духовенства дѣйствительно мною были получены. Письма по повѣркѣ оказались несправедливыми и, конечно, оставлены безъ послѣдствій. Очень удивили меня и слова Бурнашева, что мною, будто бы, сдѣлано было распоряженіе о поминовеніи его имени въ церквахъ на эктеніяхъ. Это уже очевидная ложь. Не думаю, чтобы Бурнашеву было неизвѣстно, что на эктеніяхъ поминаются только имена Высочайшихъ особъ и мѣстнаго архіерея, и незаконное распоряженіе мною уже ни въ какомъ случаѣ не могло быть сдѣлано. Быть можетъ его имя и внесено было въ какой-либо церкви въ церковный помянникъ (диптихи); но это имѣетъ совершенно другое значеніе. Помнится мнѣ, что за труды Бурнашева по сбору пожертвованій для церквей письмомъ выражена была ему моя благодарность—и только.

Если впечатлѣнія, вынесенныя Бурнашевымъ изъ времени его служебной дѣятельности въ Подольской губерніи, не имѣли для него пріятныхъ сторонъ, то вина въ этомъ падаетъ на личный характеръ самого Бурнашева.

А. Л.

— Вотъ, вотъ онъ! Вонъ, гдѣ убійца! — закричало разомъ нѣсколько голосовъ, когда толпа увидѣла Реймара, быстро взбиравшагося въ сторонѣ по узкой лѣстницѣ, которая съ церковныхъ хоръ вела въ одинъ изъ верхнихъ монастырскихъ тайниковъ.

— Бери его, лови его!—заревѣла толпа, волнуясь и порываясь впередъ. Но, въ то же мгновеніе, и Реймаръ, и лѣстница, по которой онъ карабкался, исчезла изъ глазъ изумленной толпы, которая даже и представить себѣ не могла, что незначительнаго прикосновенія къ тайной пружинѣ было достаточно, чтобы задвинуть стѣною всякій доступъ къ тайникамъ. И въ то же самое мгновеніе, близь алтаря св. Франциска явился самъ отецъ настоятель, съ крестомъ въ рукахъ. Онъ высоко поднялъ его надъ толпою и произнесъ:

— Удалитесь изъ монастырской ограды, которая самимъ Богомъ предназначена служить убѣжищемъ для всѣхъ несчастныхъ и всѣхъ нуждающихся въ помощи!

Толпа не смѣла ему противорѣчить; однако же не спѣшила исполнять его приказаніе.

Но вотъ она быстро раздалась на обѣ стороны: въ церковь вошелъ шерифъ со своею стражею.

— Прошу васъ защитить насъ отъ буйствъ толпы,—обратился къ нему настоятель.

— А гдѣ же убійца?—спросилъ въ свою очередь шерифъ.

— Я далъ ему воспользоваться въ нашей обители правомъ убѣжища, — отвѣчалъ настоятель,—такъ какъ я успѣлъ убѣдиться, что его проступокъ менѣе важенъ, нежели вина пораненнаго имъ датчанина.

— А, въ такомъ случаѣ, это другое дѣло! Къ тому же, ваше преподобіе, имѣете право самосуда въ предѣлахъ ограды вашей обители.—Затѣмъ онъ обратился къ толпѣ, поднялъ вверхъ свой жезлъ и повелительно крикнулъ ей:

— «Всѣ отсюда прочь!»

Въ то же время и стража шерифа стала напирать на толпу, и народъ, съ ворчаньемъ и ропотомъ, очистилъ церковь, очень недовольный тѣмъ, что его лишили возможности присутствовать при поимкѣ преступника и расправѣ съ нимъ. Затѣмъ и дворъ обители былъ, точно такъ же, какъ и церковь, очищенъ шерифомъ и его стражей, и, четверть часа спустя, толпа опять уже очутилась на улицѣ, и могла утѣшать себя только тѣмъ, что въ безсильной злобѣ стучалась въ наглухо-запертыя крѣпкія монастырскія ворота.

XXX.

Судъ совѣсти.

А монахи, между тѣмъ, перенесли Торсена, все еще неприходившаго въ чувство, въ больницу, гдѣ тотчасъ же ему была подана

необходимая помощь. Но вскорѣ оказалось, что помощь добрыхъ братьевъ, въ такой же степени, необходима и для Реймара, такъ какъ у него, послѣ страшнаго напряженія, наступилъ періодъ сильнѣйшаго упадка энергіи,—почти полнаго истощенія силъ.

Онъ лежалъ въ кельѣ своего дяди, который просилъ настоятеля, чтобы тотъ разрѣшилъ ему ухаживать за племянникомъ. Въ продолженіе всей ночи вѣрный Ансельмъ не сомкнулъ надъ Реймаромъ глазъ и былъ отъ души радъ, когда, подъ утро, племянникъ очнулся, обвелъ келью смутнымъ взоромъ, и спросилъ, какъ онъ сюда попалъ?

Отецъ Ансельмъ поспѣшилъ удовлетворить его любопытству, и Реймаръ медленно опять сомкнулъ глаза, спросивъ:

— Ну, а мой врагъ Торсенъ?—Каково ему?

— Онъ еще живъ!—отвѣчалъ дядя со вздохомъ.

— Моли Бога, чтобы онъ не сразу отправилъ его душу въ преисподнюю,—добавилъ Реймаръ Стеенъ едва слышнымъ голосомъ,— потому что я, въ такомъ случаѣ, могу быть навѣки несчастнымъ человѣкомъ!

И, минуту спустя, молодой человѣкъ опять задремалъ.

Много дней протекло прежде, нежели Реймаръ настолько окрѣпъ, что могъ подолѣе сохранять полное сознаніе. Прекрасное монастырское вино, въ значительной степени способствовало подкрѣпленію его силъ, но здоровье его окончательно поправилось только тогда, когда Реймару донесли, что Кнутъ Торсенъ не умретъ отъ нанесенной ему раны.

Это извѣстіе удивительно благотворно на него подѣйствовало. Тогда онъ почасту сталъ бесѣдовать съ настоятелемъ, который принялъ живѣйшее участіе въ его судьбѣ и даже убѣдилъ его до тѣхъ поръ остаться въ обители, пока можно будетъ вступить въ объясненіе съ датчаниномъ. Но выздоровленіе его врага шло очень медленно, и въ Лондонъ уже дошли новыя вѣсти о томъ, что ганзейскій военный флотъ направляется въ Норезундъ, когда, наконецъ, Реймару было дозволено посѣтить больного.

Кнутъ Торсенъ ужасно перепугался, увидавъ молодого любечанина. Боязливо ухватилъ онъ за руку того брата-монаха, который за нимъ ухаживалъ и шепнулъ ему:

— Ради всего святого, не покидайте меня!

— Вамъ нечего меня бояться,—сказалъ ему Реймаръ спокойно,— ваша кровь, пролитая мною, меня охладила. И я сегодня прихожу, чтобы доставить вамъ полную возможность загладить ту тяжкую вину, которую вы совершили по отношенію ко мнѣ и къ моему отцу!

Лицо датчанина выразило сильнѣйшее волненіе.

— Чего же вамъ отъ меня нужно?—спросилъ онъ мрачно и рѣзко.

— Прежде всего желаю, чтобы вы отказались отъ клеветы, позорящей мою честь!—отвѣчалъ Реймаръ.—Вы сообщили моему отцу, въ совершенно превратномъ видѣ, о томъ несчастіи, которое по-

стигло нашъ Бойскій флотъ въ Каттегатѣ. Благодаря этой вашей клеветѣ, я выставленъ былъ въ глазахъ моего отца подлымъ трусомъ и родной отецъ отъ меня отказался!

— Я повторилъ только то, что мнѣ передавали другіе,—уклончиво отвѣчалъ Торсенъ.

— Этого я не могу допустить, тѣмъ болѣе, что вы отца моего увѣрили, будто бы вы были очевидцомъ моего бѣгства отъ нападавшихъ морскихъ разбойниковъ. При этомъ, вы даже стращали его тѣмъ, что можете представить и другихъ свидѣтелей, которые готовы будто бы поддержать ваше показаніе. Зачѣмъ вы этой угрозы не выполнили?

Торсенъ помолчалъ, и потомъ отвѣтилъ:

— Я и самъ потомъ не могъ отыскать этихъ свидѣтелей.

— Но скажите, по крайней мѣрѣ, кто же это были?

— Они принадлежали къ экипажу Бойскаго флота.

— А!—съ усмѣшкою сказалъ Реймаръ,—ужъ не тѣ ли самые, которые лежатъ на днѣ морскомъ, потопленные пиратами, нанятыми королемъ аттердагомъ?!

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на Торсена. Онъ сталъ тревожно озираться и напрасно старался казаться спокойнымъ.

— Кто могъ вамъ это сообщить?—спросилъ онъ, едва слышно.

— Да вашъ же другъ и пріятель!

— Нильсъ!—вскричалъ Кнутъ Торсенъ, позабывшись.

— Нѣтъ — другой, Петеръ Скитте! — главный начальникъ этихъ разбойниковъ. Я встрѣтился съ нимъ, въ нашей ганзейской конторѣ въ Новгородѣ, и вынудилъ его дать мнѣ правдивый отчетъ обо всѣхъ вашихъ темныхъ дѣлахъ.

Эти слова привели датчанина въ еще большее смущеніе.

— Замыселъ, который вы придумали, при помощи вашихъ сообщниковъ и пособниковъ, былъ, по истинѣ, мастерски затѣянъ и ловко приведенъ въ исполненіе. Я попался въ вашу западню, потому что увлекся преслѣдованіемъ быстроходнаго судна, на которомъ находился Скитте. Но вамъ недостаточно было этого, чтобы отмстить мнѣ за урокъ, который я вамъ далъ мечемъ моимъ, во время вашего нападенія на Стальной дворъ! И вотъ, вы постарались передъ отцомъ моимъ—выставить меня трусомъ, будто бы обратившимся въ бѣгство при самомъ приближеніи разбойничьяго корабля! Вы увѣрили его, что я предоставилъ весь нашъ Бойскій флотъ на произволъ судьбы... И эта ложь, эта клевета была тѣмъ болѣе отвратительна, что соединялась съ насиліемъ и вымогательствомъ отъ него денегъ на возстановленіе вашихъ разстроенныхъ дѣлъ. Не говорю уже о томъ, сколько горя вы принесли, разорвавъ тѣсную связь между отцомъ и нѣжно-любившимъ его сыномъ... Вамъ этого не понять!

Торсенъ пристыженно опустилъ глаза.

— Я требую отъ васъ, прежде всего, возстановленія чести и

добраго имени моего,—требую письменнаго заявленія при свидѣтеляхъ о томъ, что вы преднамѣренно меня оклеветали, исказивъ истинное происшествіе вашимъ вымысломъ.

— Этого я ни за что не сдѣлаю!—воскликнулъ Торсенъ, приподымаясь на постели.

— Прекрасно! — отвѣчалъ ему съ величайшимъ спокойствіемъ Реймаръ, — въ такомъ случаѣ, я передамъ васъ въ руки правосудія, какъ клеветника, обманщика, какъ неисправнаго должника и нарушителя общественнаго спокойствія, руководившаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ открытымъ нападеніемъ на Стальной Дворъ. Вы, кажется, слишкомъ опытны въ разныхъ темныхъ дѣлахъ, чтобы не знать, какой отвѣтственности вы должны подвергнуться по обвиненію въ такихъ тяжкихъ преступленіяхъ?

Кнутъ Торсенъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову.

Настоятель обители, вошедшій въ комнату больного, вмѣстѣ съ отцомъ Ансельмомъ, вслѣдъ за Реймаромъ, подтвердилъ слова молодого человѣка, заявивъ датчанину, что если онъ не согласится на всѣ справедливыя требованія Реймара, то будетъ неминуемо переданъ въ руки надлежащей власти.

И такъ Кнуту Торсену осталось только одно: — подписаться подъ свидѣтельствомъ, которое возлагало на него весь позоръ, запятнавшій имя Реймара.

Реймаръ прижалъ къ сердцу этотъ листокъ, на которымъ подпись Торсена была скрѣплена подписями настоятеля и отца Ансельма. Глаза юноши наполнились слезами, и онъ воскликнулъ:

— Теперь я вновь могу переступить порогъ родного дома и взглянуть прямо въ глаза моему отцу, и обнять мою мать и сестру!

Датчанинъ мрачно и упорно смотрѣлъ въ сторону.

— Теперь еще есть у меня до васъ другое дѣло,—началъ опять Реймаръ, послѣ нѣкотораго молчанія. — Мой отецъ далъ вамъ извѣстную сумму денегъ въ долгъ, на срокъ, который вы давно уже пропустили, такъ какъ видимо желаете уклониться отъ исполненія вашихъ обязательствъ. Вы для этой цѣли переселились въ Данію, сообразивъ, что васъ невозможно будетъ преслѣдовать тамъ за долги, при нынѣшнихъ безпрестанныхъ войнахъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ съ аттердагомъ. Такъ вотъ и это дѣло тоже должно быть теперь же улажено.

Кнутъ Торсенъ, однако же, сталъ оспаривать размѣры выданной ему суммы и, наконецъ, уличаемый Реймаромъ, насмѣшливо воскликнулъ:

— Что же вы со мной спорите? Не хотите ли заглянуть въ мое долговое обязательство въ городской книгѣ, что въ Любекѣ?

— Кнутъ Торсенъ! — сказалъ Реймаръ совершенно измѣнившимся голосомъ, — до сихъ поръ я считалъ васъ только злымъ и

мстительнымъ человѣкомъ, который не разбираетъ средствъ для удовлетворенія своей страсти. Но ваше теперешнее насмѣшливое замѣчаніе выказываетъ мнѣ въ васъ просто негодяя!

Торсенъ закричалъ отъ злобы и сжалъ кулаки.

Молодой любечанинъ безстрашно подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я знаю, что это вы **приказали выкрасть** ваше обязательство изъ городской книги?

Торсенъ содрогнулся и его взоръ ясно изобразилъ полное сознаніе виновности.

— Я, право, ничего объ этомъ не знаю,—поспѣшилъ онъ пробормотать.—Если этотъ документъ и пропалъ, то я въ этомъ нисколько не виноватъ. Могу присягнуть въ томъ, что съ того дня, какъ я въ послѣдній разъ посѣтилъ вашего отца въ его конторѣ, я ни разу не бывалъ въ Любекѣ!

— Вы приводите ребяческіе доводы, — сказалъ Реймаръ съ величайшимъ пренебреженіемъ.—Само собою разумѣется, что не вы сами, а только по вашему порученію, другое лицо похитило этотъ документъ, точно такъ же, какъ по вашему наущенію произведено было нападеніе и на Бойскую флотилію, хотя вы самъ при этомъ и не были. Нѣтъ, нѣтъ, Торсенъ, поступайте, какъ подобаетъ зрѣлому и разумному мужчинѣ. Намъ же съ вами ни о чемъ болѣе и говорить не прійдется, и я оставлю васъ въ покоѣ, какъ только вы исполните ваши обязательства по отношенію къ моему отцу.

— Да какъ же я ихъ исполню!—насмѣшливо отозвался датчанинъ.—У меня ничего нѣтъ! Вонъ, пойдите, обыщите у меня всѣ карманы!

— Вы можете написать вашему торговому дому въ Копенгагенъ, чтобы вамъ сюда была выслана соотвѣтствующая вашему обязательству сумма. Знайте, что ранѣе ея полученія, вы не выйдете отсюда.

Торсенъ былъ внѣ себя отъ ярости.

— Опомнитесь,—сказалъ ему подъ конецъ объясненія Реймаръ,—и подумайте о томъ, что вы, неисполненіемъ вашего обязательства, можете довести старую, почтенную фирму до полной гибели. Не берите еще и этого укора себѣ на совѣсть—сжальтесь надъ самимъ собою! Вѣдь было же время, когда и вы, Кнутъ Торсенъ, пользовались общимъ уваженіемъ. Постарайтесь возвратить себѣ это уваженіе—и прощайте!..

И Реймаръ удалился, оставивъ датчанина въ сильномъ волненіи и въ тяжкой борьбѣ съ самимъ собою.

XXXI.

Настойчивый другъ.

Въ опредѣленное договоромъ время, приморскіе города выпустили изъ своихъ гаваней суда, снаряженныя къ плаванію и къ военнымъ потребностямъ, и флоты ихъ покрыли собою все море на сѣверъ и югъ отъ Норезунда, сбираясь на великую борьбу съ соединенными силами Даніи и Норвегіи.

Войну начали вестерлинги, набросившись съ страшною яростію на южныя берега Норвегіи, гдѣ они стали огнемъ и мечемъ опустошать города Ганона, сожгли до тла около двухъ сотъ деревень и увели въ плѣнъ всѣ непріятельскіе корабли.

Перепуганный король сталъ молить о перемиріи, которое ему тотчасъ и было дано, такъ какъ онъ добровольно отказался отъ всякихъ притязаній па шведскую корону и призналъ шведскимъ королемъ Альберта Мекленбургскаго.

Такими же успѣхами и побѣдами могли похвалиться и остерлинги, которые начали войну съ нападенія на Данію. Ихъ военный флотъ не только опустошилъ часть датскихъ прибрежій, но и захватилъ врасплохъ копенгагенскій замокъ и самую столицу ограбилъ дочиста. На югѣ Даніи ганзейцы овладѣли Никьобингомъ, крѣпкимъ городомъ на островѣ Фальстерѣ, а на сѣверѣ— Эльсиноромъ, ключемъ Норезунда. Въ то же время и новый шведскій король, ревностный союзникъ ганзейцевъ, помогъ имъ въ окончательномъ завоеваніи Шонена, гдѣ побѣдители были съ распростертыми объятіями приняты нѣмецкими общинами. Не дремала и ютландская знать; соединившись съ голштинцами, они захватили весь Западъ Даніи. Изъ всѣхъ датскихъ твердынь держалась только крѣпость Гельсингборгъ, какъ послѣдній оплотъ нѣкогда славнаго могущества аттердага.

Немногихъ недѣль было достаточно для ганзейцевъ, чтобы одержать такую полную побѣду, которая превосходила всѣ самыя смѣлыя ихъ надежды, такъ какъ они оказались теперь полными хозяевами Норезунда и важнѣйшихъ пунктовъ на полуостровѣ Шоненѣ, т. е. такихъ владѣній, которыя были всего важнѣе для ихъ промысловъ и торговли на сѣверѣ.

Всѣ извѣстія объ этихъ блестящихъ успѣхахъ любечане принимали радостно, но избѣгали всякаго торжества и всякой похвальбы. Проученные тяжелыми ударами судьбы, они научились быть скромными и были особенно довольны тѣмъ, что, не смотря на войну, торговля ихъ не только не ослабѣвала, но, вслѣдствіе извѣстій о побѣдахъ, все болѣе и болѣе расширялась и возростала.

Этотъ благопріятный оборотъ дѣлъ отозвался и на почтенномъ, старинномъ торговомъ домѣ Госвина Стеена и Сына, который не

только не оказался несостоятельнымъ (какъ говорили о немъ какіе-то неблагонамѣренные люди), но продолжалъ процвѣтать и пользоваться прежнимъ почетомъ.

Распространитель ложной вѣсти о банкротствѣ этой почтенной фирмы пріобрѣлъ себѣ непримиримыхъ враговъ въ тѣхъ именно людяхъ, которые слишкомъ поспѣшили ему повѣрить. Беера всѣ стали считать лжецомъ, и былъ даже такой слухъ, что бюргермейстеръ Варендорпъ, по возвращеніи изъ похода, думаетъ поднять въ совѣтѣ вопросъ объ увольненіи Беера отъ его служебныхъ обязанностей.

Но слухи о банкротствѣ фирмы, однакожъ, ни мало не повредили Госвину Стеену. Владѣльцы богатѣйшихъ торговыхъ домовъ, въ былое время относившіеся къ нему весьма холодно, теперь изъ всѣхъ силъ, наперерывъ, старались выказать ему свое участіе. Его чуть было не забытое имя разомъ пріобрѣло очень большое значеніе, и какъ совѣтъ, такъ и все бюргерство обратились къ нему съ неотступными просьбами, чтобы онъ, въ отсутствіи Варендорпа, принялъ на себя предсѣдательство въ общихъ засѣданіяхъ совѣта.

Теперь, когда Госвинъ Стеенъ выходилъ изъ своего дома, то онъ часто искоса поглядывалъ на полустертую надпись у входной двери, гласившую: «Живъ еще старый Богъ!» И онъ, читая ее, уже не усмѣхался желчно и злобно; напротивъ, его губы тихо и спокойно шептали это древнее изреченіе, какъ бы стараясь закрѣпить его въ своей памяти.

И дѣйствительно, онъ имѣлъ полное основаніе за многое и многое благодарить Бога, и мрачное настроеніе его, видимо, стало нѣсколько смягчаться и разсѣяваться, къ великой радости его жены и дочери. Его взоръ опять нѣсколько просвѣтлѣлъ; изрѣдка, на его устахъ стала даже появляться улыбка. Но и взоръ, и улыбка его выражали ту же, неопредѣленную тоску. Фрау Мехтильда отлично понимала, что его сердце еще не вполнѣ исцѣлилось, что въ немъ еще есть незажившее, наболѣвшее мѣсто.

И вотъ опять какъ-то разъ солнце весело свѣтило въ конторѣ Госвина Стеена; но на этотъ разъ оно не стѣсняло его, не докучало ему,—онъ охотно видѣлъ около себя лучи небеснаго свѣта, послѣ того, какъ онъ такъ долго бродилъ среди непривѣтной ночи своего глубокаго душевнаго недуга.

И вотъ вошелъ въ контору старикъ Даніэль, чтобы возвѣстить о приходѣ человѣка, котораго имя вдругъ заставило стараго купца нахмуриться.

Молча далъ онъ знакъ слугѣ, чтобы тотъ попросилъ къ нему гостя, и вскорѣ послѣ того Тидеманъ фонъ Лимбергъ вошелъ въ контору.

Онъ попріятельски кивнулъ головою въ сторону хозяина дома и сказалъ громко:

— Прихожу поздравить васъ, старый другъ.

— Съ чѣмъ же это?—спросилъ Госвинъ Стеенъ, довольно холодно отвѣчая на его поклонъ.

— Какъ съ чѣмъ? Когда я здѣсь былъ послѣдній разъ, дѣла вашей фирмы были не блестящи; вы были этимъ крайне озабочены и даже близки къ отчаянію. А вѣдь теперь, какъ кажется, вы благополучно избѣгли той пропасти, которая васъ такъ пугала.

— Да, благодареніе Богу! — отвѣчалъ Стеенъ.—Онъ послалъ мнѣ въ помощь добрыхъ, сострадательныхъ людей, которые спасли меня отъ гибели.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ Тидеманъ, не обращая вниманія на легкій укоръ, заключавшійся въ словахъ Стеена,—это ясно доказываетъ, что не надо спѣшить отчаяваться. Кто же это вамъ помогъ?

— Я не спрашивалъ объ именахъ...—рѣзко отвѣчалъ Стеенъ.

— Это, пожалуй, даже и очень умно съ вашей стороны, потому что иначе, вы, можетъ быть, даже и не приняли бы помощи.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Да такъ, вѣдь у каждаго свои взгляды.

— Въ данномъ случаѣ, ваши—ошибочны!—съ досадою воскликнулъ Стеенъ.

Тидеманъ пожалъ плечами и усмѣхнулся; помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Я узналъ, что вы теперь—предсѣдатель совѣта, и это тоже очень меня радуетъ; это должно придавать вамъ много энергіи. Ну, что же? какъ? Теперь вы чувствуете себя вполнѣ счастливымъ?

И онъ какъ-то особенно проницательно посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы выказали себя по отношенію ко мнѣ не на столько хорошимъ пріятелемъ, чтобы у меня была охота отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ!—возразилъ Тидеману Госвинъ Стеенъ.

— Да мнѣ вашъ отвѣтъ и не нуженъ!—мягко замѣтилъ Тидеманъ. — Выраженіе вашего лица и вашихъ глазъ выясняетъ мнѣ все, лучше всякихъ словъ.

Хозяинъ дома нахмурился.

— Да, да,—продолжалъ настаивать Тидеманъ,—вы только тогда могли бы быть теперь счастливы, если бы къ вамъ вернулся вашъРеймаръ!

Госвинъ Стеенъ топнулъ ногою.

— Не гнѣвайтесь, старый другъ,—продолжалъ Тидеманъ, касаясь рукою руки Стеена,—вѣдь этимъ вы мнѣ ничего не докажете, потому что все, происходящее тамъ (и онъ при этомъ указалъ на сердце), отражается и на лицѣ; а я на вашемъ лицѣ читаю ясно вопль вашего сердца, которое говоритъ вамъ: «о, если

бы я могъ еще разъ прижать Реймара къ моему сердцу! Какой бы я былъ счастливый человѣкъ!»

Госвинъ Стеенъ отвернулся въ сторону.

— Зачѣмъ отвращаете вы отъ меня ваши взоры, старый другъ?— допрашивалъ Тидеманъ Стеена (и у него самого голосъ дрожалъ!).— Да, я увѣренъ, что у васъ до тѣхъ поръ камень будетъ лежать на сердцѣ, пока онъ опять къ вамъ не вернется.

Госвинъ Стеенъ поднялся съ своего мѣста.

— Скажите пожалуйста,—воскликнулъ онъ гнѣвно,—вы, должно быть, пришли ко мнѣ, чтобы надо мною издѣваться?!

— Видитъ Богъ, что мнѣ это и въ мысль не приходило! Это могло бы случиться лишь тогда, если бы я васъ не любилъ и не считалъ бы себя вашимъ другомъ...

— Вы все толкуете мнѣ о своей дружбѣ,—перебилъ гостя хозяинъ,—но вы мнѣ не доказали ея на дѣлѣ.

Гость отвѣчалъ только грустною улыбкою. Затѣмъ, немного помолчавъ, спросилъ:

— А вы ничего не знаете о Реймарѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, тревожно поглядывая на гостя, и тотчасъ добавилъ:—Вы ко мнѣ приходите точно филинъ—предвѣстникъ бѣдъ и несчастій! Говорите, если вамъ что-нибудь о немъ извѣстно!

— Даю вамъ слово, что ничего не знаю о немъ; не знаю даже, гдѣ онъ въ настоящее время находится. Я, напротивъ, думалъ отъ васъ что-нибудь узнать, и долженъ сознаться, что я нѣсколько тревожусь на счетъ Реймара.

Еще болѣе безпокойства явилось на лицѣ Стеена...

— Прошло ужъ довольно много времени, — продолжалъ Тидеманъ,—съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ отъ него послѣднее извѣстіе изъ Копенгагена. О мужественномъ подвигѣ освобожденія плѣнныхъ узналъ я позже, и не отъ него. Надѣюсь, что онъ самъ не попался въ руки враговъ, но рѣшительно не могу себѣ уяснить его слишкомъ продолжительнаго молчанія.

— Нѣтъ, онъ избѣгнулъ плѣна,—отвѣчалъ Стеенъ,—и остался на свободѣ.

— Откуда вы это знаете?—поспѣшно спросилъ Тидеманъ.

— Отъ одного изъ возвратившихся сюда плѣнниковъ. Я, впрочемъ, знаю это черезъ Даніэля, такъ какъ я не допустилъ этого человѣка до свиданія со мною.

— Какъ! онъ принесъ вамъ извѣстіе о томъ, что сынъ вашъ живъ, — воскликнулъ Тидеманъ, — а вы даже и принять его не захотѣли?

— Дѣло требуетъ нѣкотораго поясненія, — сказалъ Стеенъ. — Возвратившійся изъ плѣна принадлежалъ прежде къ числу моихъ

служащихъ. Я оказывалъ ему большое довѣріе, и онъ это довѣріе нарушилъ самымъ недостойнымъ образомъ.

— Если вы хотите оказать мнѣ дѣйствительную услугу,—сказалъ Тидеманъ, — то прикажите позвать этого человѣка; я хотѣлъ бы изъ его собственныхъ устъ услышать то, что ему извѣстно о Реймарѣ.

Стеенъ выразилъ неудовольствіе на лицѣ, однако же призвалъ Даніэля и приказалъ ему немедленно отыскать и представить къ нему Ганнеке.

XXXII.

Правда и кривда.

Прошло не мало времени, пока Даніэлю удалось отыскать Ганнеке. Рыбакъ былъ крайне удивленъ, узнавъ, что его такъ спѣшно зоветъ къ себѣ его старый хозяинъ, къ которому онъ нѣсколько разъ приходилъ и каждый разъ не бывалъ допущенъ. Но онъ попрежнему былъ къ нему привязанъ, а потому и весьма охотно послѣдовалъ за старикомъ Даніэлемъ и, наконецъ, явился въ конторѣ.

Госвинъ Стеенъ встрѣтилъ его довольно сурово.

— Я призвалъ васъ только затѣмъ,—сказалъ онъ,—чтобы вы могли этому господину передать, что поручалъ вамъ мой сынъ въ ту ночь, когда освободилъ васъ изъ плѣна.

Ганнеке удовлетворилъ желанію хозяина, но при этомъ очень печально посмотрѣлъ на своего хозяина.

— Не знали ли вы,—спросилъ Тидеманъ,—объ этомъ Торсенѣ? Былъ ли онъ въ ту пору въ Копенгагенѣ?

— Да, онъ былъ тамъ,—подтвердилъ Ганнеке, — я это узналъ отъ моего шурина Шрёдера, который былъ съ нами на одномъ кораблѣ. Онъ же сказалъ мнѣ, что господинъ Реймаръ не засталъ датчанина дома, такъ какъ тотъ былъ предупрежденъ о его приходѣ шпіономъ Нильсомъ. Господинъ Реймаръ даже опасался, что Торсенъ опять отъ него улизнетъ, а потому и сторожилъ его въ ту ночь въ гавани.

— Легко можетъ быть,—сказалъ Тидеманъ Госвину Стеену,— что Реймаръ погнался за этимъ негодяемъ по горячему слѣду, а потому и не имѣетъ возможности дать о себѣ вѣсточку. Во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ за ваше сообщеніе, — добавилъ Тидеманъ, обращаясь къ Ганнеке и суя ему въ руку золотой.

— Сударь, я бы отъ васъ этого не принялъ,—сказалъ чистосердечно рыбакъ, — если бы ужъ дома-то у меня не было большой нужды. Вѣдь вотъ: и сынъ, и я — мы оба бьемся, ищемъ работы, и никакъ сыскать не можемъ. Перебиваемся кое-какъ, а постояннаго дѣла все нѣтъ, какъ нѣтъ. Очень это чудно̀, а кажется какъ будто всѣ любекскіе хозяева къ намъ относятся съ недовѣріемъ.

— Вѣрно у нихъ на это есть свои причины, — отозвался Госвинъ Стеенъ, равнодушно слушавшій разговоръ.

— Изволите говорить: «есть причины»? Да развѣ же я или мой Янъ не всегда служили вамъ вѣрой и правдой? Знаю, вы Яна потому отъ себя такъ вдругъ отпустили, что вамъ на него секретарь Бееръ что-то наговорилъ!

— Ну, а развѣ же то, что сообщилъ мнѣ Бееръ, было несправедливо?—горячо обратился къ нему Госвинъ.

— То есть, какъ вамъ сказать,—и справедливо, и нѣтъ, смотря потому, какъ на это взглянете.

— Вполнѣ справедливо, потому что вы не съумѣли удержать языка за зубами!

— Я?!—съ изумленіемъ спросилъ Ганнеке.—Помилуйте, г. Стеенъ, да я объ этой самой исторіи-то только тогда и узналъ, когда изъ плѣна вернулся!

— Какъ!—гнѣвно вскричалъ Стеенъ,—такъ вы хотите отрицать, что вы объ этомъ знали отъ меня самого, потому что я вамъ довѣрился? И знали прежде, нежели отправились въ походъ противъ Аттердага?

— Ей же, ей, г. Стеенъ, — отвѣчалъ Ганнеке, совершенно сбитый съ толку,—я какъ есть объ этомъ ничего не зналъ! Такъ неужели же это у нихъ еще съ тѣхъ поръ повелось? Да вѣдь тогда Янъ еще почти не зналъ фрейлейнъ Елисаветы?

— Чего вы тамъ путаете имена, которыя вовсе не идутъ къ дѣлу!—крикнулъ Госвинъ Стеенъ.

— Какъ не идутъ къ дѣлу! Вѣдь вы же потому расчитали Яна, что онъ хвасталъ, будто женится на Елисаветѣ; но это все секретарь, повѣрьте, выдумалъ, и ничего подобнаго нѣтъ. Хоть Яну дѣвушка и точно нравится, но до свадьбы—помилуйте!—далеко; а онъ бы даже очень спокойно могъ у васъ оставаться на службѣ.

Стеенъ рѣшительно ничего не могъ понять въ томъ, что говорилъ ему Ганнеке. Тогда онъ рѣшилъ разомъ разрубить Гордіевъ узелъ и сказалъ:

— Я отпустилъ вашего сына потому, что онъ разболталъ всѣмъ ту тайну, которую я вамъ когда-то довѣрилъ, призвавъ васъ въ свидѣтели при подписаніи одного долгового обязательства!

Ганнеке не могъ въ себя прійти отъ изумленія.

— Янъ могъ это разболтать!?—воскликнулъ онъ.—Господи, да откуда же онъ это узналъ?

— Откуда, какъ не отъ васъ?—строго замѣтилъ хозяинъ.

— Добрый господинъ Стеенъ! — взмолился Ганнеке со слезами на глазахъ,—разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ, если я хоть когда-нибудь кому-бы-то ни было сказалъ объ этомъ хоть слово! Ваше довѣріе ко мнѣ было для меня такимъ сокровищемъ, которое я

хранилъ глубоко въ сердцѣ своемъ и даже Марикѣ объ этомъ ни полслова не сказалъ... А ужъ это не шутка!

Слова честнаго рыбака носили на себѣ такой отпечатокъ истины, что Стеенъ не могъ въ нихъ усомниться.

— Ну, такъ значитъ секретарь мнѣ на васъ налгалъ!—прямо высказалъ онъ рыбаку и тотчасъ подробно сообщилъ ему обо всѣхъ плутняхъ секретаря. Ганнеке отъ изумленія всплеснулъ руками.

— Вѣдь вотъ подите же! вѣдь этакій негодяй! — воскликнулъ Ганнеке.—Право, такого человѣка стоитъ живого за ноги повѣсить! Такъ вотъ изъ-за чего былъ отъ васъ прогнанъ мой бѣдный Янъ; вотъ изъ-за чего вы и меня къ себѣ на глаза не пускали! А этотъ негодяй еще вездѣ разславлялъ, будто бы мой сынъ хвасталъ, что на Елисаветѣ женится! Нѣтъ, ужъ... нѣтъ, ужъ!..

И онъ искалъ подходящаго слова, и не могъ его найти, и продолжалъ все понижать голосъ, почти до рыданій:

— Я человѣкъ бѣдный, г. Стеенъ, но я горжусь своею честностью и своею правотою, и Янъ у меня ни дать, ни взять такой же, какъ я, и какъ жена моя, и хоть у насъ ничего за душей нѣтъ, однако же мы бьемся и пробиваемся въ жизни честнымъ путемъ; а вотъ этакій негодяй секретарь осмѣливается насъ чернить!.. И хоть я не буянъ какой-нибудь, но я бы его готовъ отодрать, и драть его до тѣхъ поръ, пока... Нѣтъ! подумайте, каковъ негодяй!

И Стеену, и Тидеману было очень не легко успокоить бѣднаго Ганнеке, который нѣсколько разъ принимался причитать и плакать, и наконецъ, не слушая никакихъ уговоровъ, стремглавъ выбѣжалъ изъ конторы и пустился бѣжать къ ратушѣ, чтобы тотчасъ же привлечь Беера къ отвѣтственности.

Но Бееръ былъ въ это время у Детмаровъ, и долженъ былъ выдерживать въ тотъ вечеръ не совсѣмъ пріятный разговоръ, такъ какъ супругъ не сходился во мнѣніи съ супругою, которая все старалась оправдать секретаря въ тѣхъ небылицахъ, которыя онъ взвелъ на Яна.

Елисавета, какъ оказывается, воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы очень горячо высказать въ глаза клеветнику горькую правду.

Онъ скроилъ очень кислую рожу; но сталъ говорить себѣ въ оправданіе какія-то весьма сладкія и жалкія слова.

— Э-э, помилуйте, да если бы мы всѣ, изъ-за каждаго слова, сказаннаго не впопадъ, или даже на вѣтеръ, на основаніи слуховъ, должны были нести на себѣ отвѣтственность, такъ вѣдь это, пожалуй и жизнь не мила бы намъ стала.

— Это все такъ г. секретарь, — сталъ выговаривать мейстеръ Детмаръ, не смотря на внушительные взгляды своей супруги,—но

дѣло въ томъ, что ужъ вы слишкомъ много лишняго говорите о добрыхъ людяхъ...

— Другъ мой!—вступилась фрау Детмаръ въ видѣ напоминанія мужу.

— И лучшимъ доказательствомъ моихъ словъ, — продолжалъ мейстеръ Детмаръ, ничѣмъ не смущаясь,—должно служить то, что и самъ г. бюргермейстеръ порядочный носъ наклеилъ вамъ за вашу излишнюю болтливость...

— Детмаръ!—попыталась было еще разъ вступиться супруга.

— Ну, что тамъ стѣсняться! Правда — всегда правда, а клевета — позорное дѣло, и я признаюсь господину секретарю, что я потерялъ къ нему всякое уваженіе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился набросить такую неблаговидную тѣнь на старую и почтенную фирму Госвинъ и Сынъ...

— Да полно же, въ самомъ дѣлѣ, — перебила Детмара его супруга,—ты забываешь о томъ уваженіи, которое слѣдуетъ питать къ гостю...

— Ну, да! Еще вопросъ въ томъ, каковъ этотъ гость? — проворчалъ про себя мейстеръ.

— Я бы легко могъ доказать вамъ, дорогой мой другъ, — съ улыбочкой отвѣчалъ секретарь, хотя лицо его, во время всей рѣчи Детмара становилось все блѣднѣе и блѣднѣе—ясно могъ бы доказать вамъ, что вы ко мнѣ очень несправедливы, что я заявилъ вамъ о фирмѣ Госвинъ Стеенъ сущую правду. И если я дѣйствительно получилъ выговоръ отъ моего начальника, то исключительно за то, что нарушилъ служебную тайну. Это, конечно, было съ моей стороны не разумно; но вѣдь я же, довѣряя эту тайну вамъ, предполагалъ, что вы никому ее не выдадите, а потому только вамъ одному рѣшился сообщить ее.

Этотъ неожиданный оборотъ рѣчи вынудилъ мейстера Детмара замолчать.

— Вотъ это тебѣ по-дѣломъ,—замѣтила супруга.—Что правда—то правда.

— Ну, да мы все это оставимъ, — вкрадчиво сказалъ секретарь, — вѣдь всѣ мы люди, «человѣки, а не ангелы»; а потому и должны обоюдно прощать другъ-другу.

— Истинно такъ, г. Бееръ!—подтвердила фрау Детмаръ, тронутая христіанскою моралью лицемѣра.

— А потому не лучше ли будетъ намъ обратиться къ болѣе пріятнымъ предметамъ,—продолжалъ Бееръ съ сладенькой улыбочкой.—Военные корабли ганзейскихъ городовъ скоро вернутся изъ своего побѣдоноснаго похода, и улицы Любека облекутся въ свою праздничную одежду. Не дурно было бы, знаете ли, если бы колокола нашей Маріинской церкви въ ту пору стали звонить не только

по поводу торжества заключенія міра, но и по поводу нѣкоего другого празднества?...

Онъ пріумолкъ въ ожиданіи отвѣта.

Мейстеръ Детмаръ, однако же, весьма равнодушно посматривалъ въ потолокъ, а Елисавета быстро вскочила со своего мѣста и выбѣжала изъ комнаты.

— По моему, это было бы прекрасно — замѣтила фрау Детмаръ.—А ты какъ объ этомъ думаешь, мой другъ?

Мейстеръ Детмаръ обратился къ гостю и спросилъ:

— А васъ, должно быть, уволятъ тотчасъ послѣ заключенія мира?

Вопросъ очевидно очень смутилъ секретаря.

— Такъ вотъ видите ли,—преспокойно продолжалъ Детмаръ,—намъ обо всемъ объ этомъ слѣдуетъ потолковать заранѣе. Съ тѣмъ ничтожнымъ содержаніемъ, какое получаетъ отчисленный отъ службы секретарь, далеко не уѣдешь. Да и на тѣ двѣ тысячи марокъ, которыя при жизни нашей будетъ получать Елисавета, тоже настоящаго гнѣзда не совьешь. Татъ вотъ, господинъ секретарь, какъ вы предполагаете на счетъ презрѣннаго металла?

— Ахъ, какъ ты это неделикатно обернулъ, другъ мой!—замѣтила ему супруга.

— Я, матушка, такъ говорю, какъ долженъ говорить честный отецъ семейства, не желающій ставить дочь свою въ стѣсненное положеніе. А потому я и полагалъ, что если у господина секретаря нѣтъ собственнаго, хорошаго состоянія, то и женитьба его состояться не можетъ.

Изъ всей этой рѣчи одно было ясно секретарю, что мейстеръ Детмаръ, очевидно, весьма желалъ его бракъ разстроить... Онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что этимъ требованьемъ отдалитъ отъ дочери непріятнаго ей жениха. Тѣмъ непріятнѣе было отцу услышать, когда секретарь отвѣтилъ ему:

— По счастію, я имѣю возможность удовлетворить вашему желанію; я обладаю достаточнымъ состояніемъ, которое даетъ мнѣ возможность завести домокъ не хуже другихъ и прожить безбѣдно даже и въ томъ случаѣ, если бы у меня было отнято мое секретарское жалованье.

Мейстеръ Детмаръ едва могъ подавить въ себѣ досаду, однако же добавилъ:

— Нынче, знаете ли, такія времена, что приходится быть со всѣми осторожнымъ; а потому, я желалъ бы сначала собственными глазами видѣть, что у васъ есть, и тогда уже окончательно дать свое согласіе на бракъ дочери.

— Извольте,—сказалъ секретарь,—я и на это согласенъ. Сегодня же отпрошусь въ отпускъ у г. Стеена, какъ исправляющаго должность бургмейстера, такъ какъ все, что я имѣю, хранится у меня не здѣсь.

— Хорошо, такъ и поступайте,—отвѣчалъ мейстеръ Детмаръ, которому слова секретаря не внушали особеннаго довѣрія. На томъ онъ и распрощался съ будущимъ зятемъ.

XXXIII.

Въ западнѣ.

Но мудрено было сказать—удастся ли этимъ путемъ мейстеру Детмару отдѣлаться отъ непріятнаго ему претендента? Секретарь дѣйствительно взялъ краткосрочный отпускъ, ссылаясь на то, что ему нужно было побывать въ Фальстербо. Госвинъ Стеенъ разрѣшилъ ему отпускъ, но при этомъ не упустилъ случая поставить ему на видъ его клеветническія продѣлки по отношенію къ Яну и Ганнеке. Бееръ старался всѣми способами себя извинить и оправдать, но при этомъ путался въ такихъ противорѣчіяхъ, что Стеенъ пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію: «этотъ плутъ долженъ былъ знать о существованіи документа въ книгѣ!» Однако же, онъ скрылъ это подозрѣніе въ душѣ своей, и Бееръ, воображая себѣ, что старый купецъ повѣрилъ его оправданіямъ, направился къ гавани.

Тамъ кипѣла такая дѣятельность, такое оживленіе, какихъ и прежде не видано было. Сверхъ множества купеческихъ судовъ, которые безпрестанно приходили и уходили, то нагружаясь, то выгружаясь въ гавани, туда прибывали почти ежедневно различныя суда, захваченныя ганзейцами у непріятеля. Они не только прибывали съ богатою добычею, но и съ множествомъ плѣнныхъ. Сверхъ всего этого, готовилось къ отплытію множество рыболовныхъ судовъ, спѣшившихъ къ Шоненскимъ берегамъ на ловъ сельдей, такъ какъ сношенія съ Шоненомъ были снова возстановлены и новый шведскій король Альбрехтъ щедрою рукою подтвердилъ и даже расширилъ для своихъ союзниковъ ганзейцевъ всѣ ихъ привилегіи, которыя были такъ недобросовѣстно нарушены хищническими захватами аттердага. Могущество Даніи было не только тамъ, но и всюду поколеблено, и оставалось только вопросомъ времени, когда удастся ганзейцамъ пожать плоды своихъ побѣдъ, заключивъ прочный и выгодный для нихъ миръ.

Большія и малыя суда почти ежечасно отбывали въ Шоненъ; на одномъ изъ этихъ судовъ отправился туда секретарь Бееръ, а на другомъ отплыли наши пріятели—Ганнеке и Янъ. Оба отправлялись на Шоненъ, вновь принятые на службу фирмою Госвинъ Стеенъ и Сынъ, щедро награжденные хозяиномъ и поставленные въ очень выгодное положеніе на время шоненской сельдяной ярмарки, которая въ нынѣшнемъ году, впервые, послѣ значительнаго

перерыва, должна была открыться въ обычное время и обѣщала быть необычайно оживленною. При этомъ, Ганнеке и Яну дано было хозяиномъ и тайное порученіе: зорко наблюдать за секретаремъ, и неотступно слѣдить за каждымъ его шагомъ.

При помощи шурина Шрёдера, который опять занялъ на Шоненѣ свое прежнее положеніе, они, всѣ трое, принялись за самое точное выполненіе даннаго имъ тайнаго порученія. Днемъ слѣдилъ за Вееромъ береговой сторожъ, а ночью—отецъ и сынъ Ганнеке, между тѣмъ какъ почтенный секретарь даже и не подозрѣвалъ о назначеніи за нимъ такого бдительнаго дозора.

Чудесный іюльскій вечеръ, удивительно теплый и тихій, опустился надъ Шоненомъ. По ту сторону замка Фольстербо простирался обширный лѣсъ, манившій въ прохладу своей темной зелени, которая очень красиво перемежалась съ большими сѣрыми валунами, поросшими вѣковымъ мохомъ. Подъ тѣнью этого лѣса, въ сторонѣ отъ шума и движенія, оживлявшаго Шоненъ во время ярмарки, пріютился какой-то одинокій и невзрачный домикъ. Туда, подъ покровомъ вечерней мглы, и направился секретарь Вееръ. Около изгороди, окружавшей домъ, его уже ожидала какая-то женская фигура, и когда онъ тихонько шепнулъ ей на ухо свое имя, она сказала:

— Отецъ пріѣхалъ. Ступайте въ горницу.

Вееръ послѣдовалъ ея указаніямъ. Нѣсколько мгновеній спустя, онъ былъ уже въ горницѣ и бесѣдовалъ съ Нильсомъ.

— Вы ужъ лучше и не оглядывайте моего здѣшняго помѣщенія, — сказалъ шпіонъ Вееру, который съ нѣкоторымъ любопытствомъ оглядывалъ голыя стѣны комнаты. — Здѣсь всюду такая бѣднота, что мнѣ, право, даже совѣстно васъ такъ принимать. Но мнѣ только и осталось, что укрыться сюда, потому что ваши земляки всюду гнались за мною по-пятамъ. Они заставили меня бѣжать и изъ Зеландіи, и я только какимъ-то чудомъ спасся отъ плѣна.

— Ну, а что же аттердагъ?—спросилъ секретарь.—Развѣ у васъ нѣтъ никакихъ о немъ извѣстій?

— Сколько мнѣ извѣстно, онъ изъ Пруссіи, отправился въ Прагу, — мрачно отвѣчалъ Нильсъ.—Императоръ Карлъ вернулся туда изъ Италіи, и Вольдемаръ возлагаетъ надежды на его помощь именно теперь.

Секретарь пожалъ плечами и взглянулъ на Кристину, дочь Нильса, которая занята была въ сторонѣ надъ ткацкимъ станкомъ.

— Ну, а Торсенъ?—спросилъ Вееръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Съ той самой ночи, когда онъ такъ необъяснимо исчезъ, я объ немъ и не слыхивалъ.

— Это весьма непріятно слышать,—отвѣчалъ Вееръ, — потому что мнѣ необходимы обѣщанныя деньги.

Нильсъ, въ отвѣтъ на это, только плечами пожалъ.

— Надо же что-нибудь предпринять, — продолжалъ секретарь съ досадой,—благодаря тѣмъ любезностямъ, которыя я вамъ оказывалъ, я, кажется, долженъ буду лишиться моей должности.

— А что? Развѣ премудрый любекскій городской совѣтъ, наконецъ, добрался и до вашей продѣлки?

— Не то, чтобы добрался, а такъ имѣетъ на меня нѣкоторыя подозрѣнія, — отозвался Бееръ, придавая чертамъ лица своего выраженіе весьма хмурое и суровое.

— Да, да! Такъ-то вотъ и все на свѣтѣ!—замѣтилъ мимоходомъ Нильсъ.—Вѣдь если бы, напримѣръ, все исполнилось по моему желанію, то я бы теперь былъ просто богачемъ. И вѣдь сколько я рисковалъ—а вотъ приходится и мнѣ себя стѣснять, какъ и всѣмъ другимъ.

Глаза Беера загорались ненавистью.

— Если вы полагаете, — началъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ,—что вамъ будетъ легко отъ меня отдѣлаться, то, могу васъ увѣрить, что вы очень ошибаетесь. Когда вы тогда пріѣхали во время майскаго праздника въ Любекъ и, по порученію вашего сотоварища Торсена, предложили мнѣ извѣстный вамъ документъ выкрасть изъ книги и уничтожить, то...

— То я,—перебилъ его Нильсъ,—вручилъ вамъ двѣсти марокъ...

— И обязались,—продолжалъ Бееръ, возвышая голосъ,—выдать мнѣ еще три тысячи марокъ, когда дѣло будетъ сдѣлано. Я сдержалъ свое обѣщаніе, и для того, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, уничтожилъ еще и другой документъ, неимѣвшій въ данномъ случаѣ никакого значенія. Этимъ-то и ввелъ я своего начальника въ заблужденіе. Однимъ словомъ, я все то сдѣлалъ, что мнѣ представлялось полезнымъ для Торсена; а потому, прошу и васъ, наконецъ, сдержать ваше слово, потому что мнѣ теперь существенно необходима эта сумма, заслуженная мною не малымъ трудомъ.

Нильсъ протянулъ ему руку съ грубымъ хохотомъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—возьмите ножъ, да взрѣжьте мнѣ кожу, такъ авось изъ-за нея посыплются три тысячи марокъ!

— Да вы что же это! Смѣяться, что ли, надо мной затѣяли?— вскричалъ Бееръ.

— А я такъ думаю, что это вы надо мною вздумали смѣяться,— возразилъ Нильсъ,—потому что вы, кажется, считаете меня за колдуна. Что же я то могу сдѣлать, коли этотъ Торсенъ исчезъ безслѣдно!

— Вы обязались мнѣ вашимъ словомъ за него!

— Ха! ха! ха! — продолжалъ смѣяться Нильсъ. — Вонъ, спросите-ка вы у Кристины, куда я подѣвалъ свои сокровища! Я же вамъ не на шутку говорю, что иногда въ домѣ корки хлѣба нѣтъ.

Собачья жизнь—да и только! Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ аттердагъ уѣхалъ изъ Копенгагена, я не получаю отъ него ни шелинга. Если мнѣ не будетъ, въ скоромъ времени, оказано хоть какая-нибудь помощь, то мнѣ просто съ голоду придется съ дочкой помирать; а вы вздумали, въ этакую-то пору, требовать отъ меня тысячной уплаты!

Бееру все еще не вѣрилось, чтобы Нильсъ могъ говорить правду; а потому онъ и рѣшился на послѣднее средство, и сказалъ:

— Вы окружены теперь врагами, которые отлично знакомы со всѣми вашими увертками и плутнями. Мнѣ стоитъ сказать слово, вы будете схвачены. И вы, я полагаю, сами понимаете, что можетъ васъ ожидать въ подобномъ случаѣ?

— Полагаю, что меня ожидаетъ тоже, что и васъ!—совершенно спокойно отвѣчалъ Нильсъ. — Вѣдь если совѣтъ узнаетъ, что вы выкрали изъ книги документы, то, я полагаю, васъ не похвалитъ!

— Такъ проваливай же ты къ дьяволу, негодяй! — закричалъ Беeръ, бросаясь на шпіона съ обнаженнымъ мечемъ.

Въ то самое мгновеніе, когда Кристина бросилась на помощь къ отцу своему, дверь распахнулась и въ комнату разомъ ворвались Ганнеке, Янъ и еще нѣсколько рыбаковъ.

— Хватайте вора-секретаря! — кричалъ Ганнеке во все горло.

Быстро обернувшись къ нападающимъ, Бееръ вздумалъ было отъ нихъ отбиваться мечемъ и даже тяжело ранилъ одного изъ рыбаковъ въ плечо. Но видъ крови только привелъ Ганнеке и его товарищей въ еще большую ярость, и, нѣсколько минутъ спустя, Бееръ лежалъ уже на полу, крѣпко скрученный по рукамъ и по ногамъ.

Нильсъ и дочь его, воспользовавшись общей суматохой, исчезли безслѣдно.

XXXIV.

«Живъ еще старый Богъ!»

Немаловажныя вѣсти пришли въ Любекъ изъ Шонена. Всѣ вдругъ прослышали, что секретарь Бееръ, обвиняемый въ весьма тяжкихъ преступленіяхъ, схваченъ на Шоненѣ и привезенъ въ Любекъ скованный и подъ стражею. При этомъ случаѣ оказалось, какъ мало было у Беера въ городѣ друзей. Каждый спѣшилъ, наперерывъ, заявить, что уже изстари питалъ къ «этому Бееру» нѣкоторое недовѣріе. Разсказывались про него и были, и небылицы, и всѣ любечане пришли наконецъ къ тому убѣжденію, что даже, молъ, странно, какъ этакого негодяя могли такъ долго терпѣть на службѣ.

Напротивъ того, къ Яну и Ганнеке, недавнимъ страдальцамъ, относились всѣ съ величайшею похвалою и ставили имъ въ за-

Беера везли на казнь...

слугу то, что они сорвали личину съ наглаго обманщика. Но особенно радовались мейстеръ Детмаръ и дочь его Елисавета, между тѣмъ, какъ ея мать ужасно досадовала на себя, что могла довѣриться такому недостойному плуту, какъ «этотъ секретарь Бееръ». Но, впрочемъ, фрау Детмаръ была такая честная и правдивая женщина, что она тотчасъ же сознала всю степень несправедливости, оказанной Яну, и постаралась ее загладить: сама пошла къ Марикѣ и пригласила ее, ея мужа и сына къ обѣду въ ближайшее воскресенье.

Въ то самое время, когда оба, снова примирившіяся и сблизившіяся семейства весьма дружелюбно усѣлись за однимъ столомъ и предались воспоминаніямъ и разсказамъ о томъ, что такъ недавно всѣми ими было пережито, — по городу Любеку, направляясь къ торговой площади тянулась довольно курьезная процессія, сопровождаемая криками и насмѣшками толпы. По улицѣ двигалась кучка помощниковъ палача, сопровождавшая секретаря Беера, посаженнаго верхомъ на осла, лицомъ къ хвосту его... Его везли на площадь, чтобы привязать къ позорному столбу и бѣжавшая за нимъ толпа, со свойственною ей жестокостью, издѣвалась и глумилась безпощадно надъ бывшимъ «господиномъ секретаремъ». На другой день предположено было совершить надъ нимъ публично смертную казнь. Но онъ избѣгъ ея, наложивъ на себя руки: онъ удавился въ тюрьмѣ...

Елисавета затрепетала отъ ужаса, когда отецъ сообщилъ ей эту страшную новость. А мейстеръ Детмаръ глубокомысленно добавилъ:

— Такъ-то лучше и для него, и для всего города Любека, потому что черный помостъ и палачъ съ помощниками не подходили бы къ тѣмъ праздничнымъ и торжественнымъ днямъ, которые предстоятъ теперь нашему городу. Должно быть, теперь ужъ и до заключенія мира не далеко, судя по тому, что нашъ бургмейстеръ Варендорпъ, вмѣстѣ съ другими выборными ганзейскихъ городовъ, засѣдаетъ теперь на съѣздѣ въ Стральзундѣ, гдѣ они совѣщаются относительно условій мира, предложенныхъ имъ со стороны датскаго государственнаго совѣта.

Эта новость не только въ домѣ Детмаровъ, но и во всемъ городѣ вызвала живѣйшую радость. Этотъ съѣздъ представлялъ уже много ручательствъ въ пользу того, что заключенъ будетъ почетный миръ, и что слѣдствіемъ его будетъ увеличеніе и упроченіе могущества Ганзы, для которой уже принесено было союзными городами такъ много жертъ.

Датскій рейхсъ-маршалъ фонъ-Падебускъ выказалъ себя гораздо болѣе разумнымъ, нежели скитавшійся по европейскимъ дворамъ король Вольдемаръ, который нигдѣ не могъ найти поддержки и помощи своему сокрушенному могуществу. Рейхсъ-маршалъ очень хорошо понялъ, что слѣдовало какъ можно скорѣе заключить миръ

съ ганзейцами, такъ какъ въ противномъ случаѣ и будущность, и самостоятельное существованіе Даніи подвергались большой опасности. Онъ началъ мало-по-малу вести переговоры съ побѣдителями, а такъ какъ, постепенно, весь датскій рейхсратъ сошелся съ нимъ во взглядахъ на положеніе Даніи, то онъ наконецъ и рѣшился отправиться въ Стральзундъ, въ сопровожденіи архіепископа Лундскаго, датскихъ епископовъ и бароновъ, засѣдавшихъ въ совѣтѣ короля Вольдемара. И тяжело было этимъ гордымъ сановникамъ, представителямъ Даніи, всегда попиравшей права Ганзы и съ презрѣніемъ относившейся къ ея интересамъ и преимуществамъ—тяжело было имъ теперь явиться въ Стральзундскую ратушу, гдѣ засѣдали представители ганзейскихъ городовъ, къ которымъ приходилось обращаться съ униженною просьбою о мирѣ и обсуждать его очень тягостныя для Даніи условія.

Переговоры привели, однако же, къ благопріятному результату, и заключенъ былъ миръ, которымъ ганзейцы могли гордиться по праву. Данія не только предложила вознаградить Ганзу за весь тотъ ущербъ, который былъ ей нанесенъ происками и произволомъ аттердага, но даже обязалась отнынѣ защищать ганзейцевъ отъ всякаго внѣшняго врага. Сверхъ того, союзныя ганзейскіе города получали, на основаніи мирнаго договора, множество разныхъ торговыхъ привиллегій въ датскихъ провинціяхъ. Болѣе выгодныхъ условій мира не возможно было себѣ и представить. Побѣдители могли смѣло радоваться своимъ лаврамъ, которые доставили имъ преобладаніе на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ, такъ какъ и король Ганонъ Норвежскій долженъ былъ также подписать унизительный для себя миръ съ ганзейцами. Густавъ Ваза былъ правъ, когда онъ впослѣдствіи говаривалъ о Даніи, Норвегіи и Швеціи, что эти три королевства Стральзундскимъ миромъ подрядились служить Ганзѣ товарными складами.

И когда насталъ, послѣ заключенія этого мира, тотъ день, когда бюргермейстеръ Варендорпъ возвратился въ Любекъ съ побѣдоносными войсками и экипажами ганзейскихъ кораблей—для Любека, дѣйствительно, настало такое торжество, какого городъ еще никогда не видывалъ. Праздники смѣнялись праздниками, дома обвѣшаны были коврами, флагами и гирляндами живыхъ цвѣтовъ и растеній. Вездѣ на улицахъ воздвигнуты были тріумфальныя арки,—все дышало радостью и весельемъ. Среди торжествъ и веселій, благородный Варендорпъ не забылъ на городскомъ кладбищѣ скромную могилу Іоганна Виттенборга, своего предшественника и собрата: онъ возложилъ вѣнокъ на надгробную плиту этого несчастнаго, такъ несправедливо искупившаго смертію на эшафотѣ свои увлеченія и ошибки.

На обратномъ пути съ кладбища, Варендорпъ остановился въ Гольстенской улицѣ противъ дома съ извѣстнымъ уже намъ древ-

нимъ изреченіемъ около входной двери. Тихонько поднялся онъ на верхъ по лѣстницѣ, сопровождаемый старымъ Даніэлемъ въ покои фрау Мехтильды.

Въ старомъ домѣ Госвиновъ сегодня вообще что-то такое подготовлялось, и при томъ подъ покровомъ величайшей тайны. На лѣстницѣ и по корридорамъ слышно было движеніе взадъ и впередъ, всѣ о чемъ-то шептались и совѣщались, всюду мелькали знакомыя намъ лица, и на всѣхъ написано было какое-то волненіе и сосредоточенная озабоченность.

Госвинъ Стеенъ въ этотъ день былъ уже не въ конторѣ своей, а въ уютной комнаткѣ верхняго этажа. Празднество и торжество послѣднихъ дней сильно его поутомили. Онъ отъ души былъ радъ успѣхамъ ганзейцевъ; но на сердцѣ его все же было не весело,— тамъ все ныла старая, незажившая рана, и онъ не могъ спокойно видѣть людей, наслаждавшихся семейнымъ счастіемъ и согласіемъ у своего домашняго очага. Онъ много думалъ теперь о прошедшемъ. Особенно живо представлялся въ его памяти тотъ день, когда Мехтильда подарила его мальчикомъ, и онъ, счастливый отецъ, при видѣ этого ребенка и смѣялся, и плакалъ. Ему вспоминалось какъ онъ впервые прижалъ малютку къ своему отеческому сердцу, и какъ оно тогда радостно билось. Вспомнились ему потомъ и всякія причуды подростающаго ребенка, и онъ, при этихъ воспоминаніяхъ, улыбался сквозь слезы. А тамъ и годы ученія, въ теченіе которыхъ онъ частенько забѣгалъ къ отцу въ контору для рѣшенія какой-нибудь мудреной задачи. И все милѣе, все прекраснѣе выросталъ и развивался мальчикъ, и сталъ юношей, съ которымъ отецъ тѣсно сдружился, потому что гордился имъ, и говорилъ себѣ, что этотъ юноша будетъ современемъ достойнымъ его преемникомъ и владѣльцемъ старой фирмы. И Госвинъ Стеенъ вспоминалъ, какъ онъ былъ счастливъ этою любовью къ сыну, и какъ ежедневно и ежечасно благодарилъ Бога за то, что ему данъ былъ такой сынъ. Тревожно слѣдилъ онъ затѣмъ, чтобы Реймаръ не зналъ никакихъ лишеній, и каждое маленькое нездоровье ребенка уже причиняло ему безпокойство. Добрые, честные глаза его сына были ему краше солнца и кроткіе лучи ихъ проникали въ самый тайникъ его души. Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что можетъ потерять Реймара, и вотъ, каждый вечеръ, отходя ко сну, и каждое утро, едва открывъ глаза, онъ, становясь на молитву, обращался къ Богу только съ одною мольбою: «Боже, Царь небесный, сохрани мнѣ сына»! И что же?..

Изъ-за юношеской необдуманности, за которую нельзя было даже привлечь Реймара ни къ какой отвѣтственности, изъ-за того, что у него еще не хватало воинской опытности, онъ вдругъ порвалъ всѣ связи съ нѣжно-любимымъ сыномъ и безжалости оттолкнулъ его отъ себя!

Гдѣ же была его отеческая любовь? О! Святая искра ея все еще продолжала горѣть въ его сердцѣ, хотя его уста и произносили брань и хуленія противъ сына. И эта искра не могла вполнѣ потухнуть, потому что она была частицею вѣчной, непреходящей любви. И по временамъ она такимъ огнемъ палила его сердце, что онъ способенъ былъ утолить сердечную боль только слезами...

А съ надворья доносились крики веселой толпы; эти люди могли радоваться наступленію счастливаго времени, потому что всѣ они снова свидѣлись теперь со своими родными и близкими, между тѣмъ, какъ онъ,—владѣлецъ старой и богатой фирмы, устоявшій противъ всѣхъ бурь и невзгодъ—сидѣлъ въ своей комнатѣ одинокій, грустно опустивъ голову на руки...

И вдругъ кто-то постучалъ въ его дверь, такъ нѣжно и тихо, словно не человѣкъ хотѣлъ войти въ комнату, а мирный ангелъ. Госвинъ Стеенъ поспѣшилъ сказать: «войдите», — и въ комнату вошла прекрасная дѣвушка съ такими добрыми, ласковыми глазами и такою чудною улыбкою, что старый купецъ невольно поднялся ей на встрѣчу.

Она не смѣло подошла къ нему, взяла его за руку и сказала:

— Я—дочь вашего стараго друга Тидемана. Онъ, вѣроятно, не разъ говорилъ вамъ о своей Росвинтѣ?

Госвинъ Стеенъ поклонился—и глазъ не могъ оторвать отъ милаго образа.

— Я приношу вамъ отъ него поклонъ,—продолжала Росвинта,— и вотъ должна передать вамъ этотъ листокъ.

Госвинъ взялъ листокъ изъ ея рукъ. Это была дѣловая бумага съ датскою печатью. Съ величайшимъ изумленіемъ, онъ прочелъ тѣ немногія латинскія строки документа, въ которой значилось, что «уроженецъ города Копенгагена, нѣкто Кнутъ Торсенъ, уступаетъ фирмѣ Госвинъ Стеенъ и Сынъ въ Любекѣ всѣ находящіеся у него на складѣ въ Лондонѣ товары, въ уплату долга оной фирмѣ, почему лордъ мэръ города Лондона и проситъ для полученія вышеозначенныхъ товаровъ прислать довѣренное и уполномоченное лицо».

Госвинъ Стеенъ могъ только, послѣ прочтенія документа, вопросительно взглянуть на Росвинту.

— Какъ!?—сказалъ онъ наконецъ,—неужели Кнутъ Торсенъ самъ, по собственному почину и доброй волѣ рѣшился на такую сдѣлку?

— Онъ рѣшился на нее послѣ того, какъ, на его совѣсть и сознаніе подѣйствовалъ человѣкъ, котораго я считаю лучшимъ изъ людей! — произнесла съ необыкновеннымъ одушевлёніемъ Росвинта. — А вотъ вамъ и еще два документа, которыми съ чести и добраго имени этого человѣка стирается и послѣднее пятно!

И она передала Стеену сознаніе Торсена въ оклеветаніи Рей-

И Реймаръ устремился въ объятія отца.

мара и заявленіе пирата Петера Скитте, скрѣпленное подписью новгородскаго посадника и старшинъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ; въ этомъ заявленіи вполнѣ выяснился весь эпизодъ разграбленія Бойской флотиліи и доказывалась полная невиновность Реймара.

Тутъ ужъ Госвинъ Стеенъ едва могъ дочитать это заявленіе до конца, потому что горячія слезы туманили ему глаза... Наконецъ, съ глухими рыданіями, онъ опустился на стулъ, едва будучи въ состояніи произнести:

— И я осмѣлился называть своего Реймара трусомъ, я заставилъ его такъ страшно страдать — о, Господи, я не стою этого сына; но умилосердись, Господи, не дай мнѣ впасть въ бездну отчаянія, возврати мнѣ сына въ мои объятія!

И онъ, говоря это, поднялся со своего мѣста и поднялъ съ мольбою руки къ небу.

Въ эту минуту дверь, уже заранѣе нѣсколько пріотворенная, распахнулась настежь и Реймаръ бросился въ объятія отца!

Произошла сцена неописуемая... И отецъ, и сынъ кричали, смѣялись и плакали одновременно, и обнимались, и называли другъ друга нѣжнѣйшими именами... Два любящихъ сердца слились въ одномъ потокѣ словъ, восклицаній, радости и восторга!..

И миръ воцарился въ старомъ домѣ Госвина Стеена, и онъ засіялъ свѣтомъ давно-покинувшей его благодати.

XXXV.

И порокъ наказанъ.

Госвинъ Стеенъ все еще обнималъ своего дорогого Реймара лѣвою рукою, все еще не могъ выпустить его изъ своихъ объятій, а правою пожималъ протянутыя къ нему руки тѣхъ лицъ, которые переступили порогъ его комнаты, вслѣдъ за Реймаромъ. То были — счастливая мать и дочь, старый Даніэль, бюргермейстеръ Варендорпъ, и старый, добрый Тидеманъ. Позади всѣхъ вошелъ и Ганнеке, тоже обнявшись со своимъ Яномъ, какъ Госвинъ Стеенъ со своимъ, возвращеннымъ ему сыномъ. И во всѣхъ глазахъ видны были слезы, а среди общаго молчанія, отъ времени до времени, слышались и сдерживаемыя рыданія... Всѣ понимали какъ торжественна и радостна была переживаемая минута.

Когда, наконецъ, Госвинъ Стеенъ почувствовалъ себя въ состояніи говорить, онъ обратился къ Тидеману и сказалъ:

— Спасибо, старый другъ! Этимъ всѣмъ я тебѣ обязанъ! Да вознаградитъ тебя за это Богъ!

И оба старика обнялись крѣпко и радостно. А затѣмъ Тидеманъ сказалъ сухимъ, дѣловымъ тономъ:

— Теперь я просилъ бы всѣхъ васъ пожаловать вмѣстѣ со мною въ залу, гдѣ намъ прійдется присутствовать при обрученіи, если только, конечно, хозяинъ дома ничего не будетъ противъ этого имѣть.

— При обрученіи?—тревожно переспросилъ Госвинъ Стеенъ.

Тидеманъ кивнулъ ему въ отвѣтъ, а затѣмъ взялъ за руки Реймара и Росвинту, которые опустились на колѣни передъ Госвиномъ Стееномъ и просили благословить ихъ.

Госвинъ Стеенъ положилъ имъ руки на головы, и невольно проговорилъ:

— Видно, я для того только и обрѣлъ своего сына, чтобы вновь и навсегда его утратить!

— Ничуть не бывало!—замѣтилъ весело Тидеманъ.—Если это вамъ будетъ угодно, то мы всѣ станемъ жить вмѣстѣ, неразлучаясь. Я учредилъ въ Визби особое отдѣленіе своей торговой фирмы, которое, при нынѣшнемъ оборотѣ политическихъ обстоятельствъ, обѣщаетъ принести большія выгоды. А потому не лучше ли будетъ намъ соединить наши обѣ фирмы въ одну общую? Тогда мы могли бы и поселиться въ Любекѣ, и...

— И тогда не нужно было бы фирмѣ Госвина Стеена возвращать вамъ тѣ капиталы, которыми вы ссудили ее въ трудное время!—замѣтилъ Варендорпъ.

Можно себѣ представить изумленіе стараго Госвина Стеена при этихъ словахъ бюргермейстера! Только тутъ сообразилъ онъ и понялъ вполнѣ все дивное благородство своего друга. Въ сильнѣйшемъ волненіи онъ прижалъ руку Тидемана къ своему сердцу и, поднявъ очи къ небу, воскликнулъ:

— Молю Бога, чтобы Онъ даровалъ намъ еще хоть нѣсколько лѣтъ невозмутимаго счастья, дабы мы еще разъ могли пережить всю прелесть юности въ нашихъ дѣтяхъ! И Онъ, Всеблагій и Милосердый, услышитъ молитву мою!

— Онъ услышитъ и внемлетъ ей!—добавилъ Тидеманъ взволнованнымъ голосомъ.

А фрау Мехтильда ласково наклонилась къ уху своего супруга и шепнула ему:

— Ну, что же! Вѣдь «живъ еще старый-то Богъ». Не такъ ли?

. . . .

По странной игрѣ случайностей, которую нерѣдко допускаетъ судьба, въ тотъ самый день, когда эта трогательная сцена происходила въ Любекѣ, въ домѣ Госвина Стеена, иная, страшная трагическая сцена разыгрывалась въ Шоненѣ, близь Фальстербо, въ томъ лѣсу, который служилъ убѣжищемъ Нильсу.

Всѣми оставленный и забытый, отъ всѣхъ вынужденный скрываться, Нильсъ вдругъ, во время одной изъ своихъ вечернихъ прогулокъ, лицомъ къ лицу столкнулся съ Петеромъ Скитте...

Прежній пиратъ, обратившійся, благодаря щедрости Реймара, въ достаточнаго и мирнаго землевладѣльца, могъ, конечно, съ полною безопасностью являться въ Шоненѣ. Прослышавъ о томъ, что его злѣйшій врагъ, Нильсъ, скрывается гдѣ-то около Фальстербо, Петеръ Скитте не вытерпѣлъ, и отправился выслѣживать шпіона. Онъ не нуждался въ тѣхъ деньгахъ, которыхъ такъ коварно лишилъ его Нильсъ, онъ вовсе и не думалъ требовать отъ него обѣщанной ему награды,—онъ просто не могъ совладать съ тою жаждою мести, которую питалъ въ душѣ своей, онъ не могъ примириться съ мыслью о томъ, что Нильсъ, такъ ловко его обманувшій, остался безнаказаннымъ—что онъ живетъ, существуетъ!

Какъ только Нильсъ взглянулъ въ лицо Петера Скитте, словно изъ земли выросшаго передъ нимъ, такъ онъ прочелъ въ его глазахъ свою смерть и гибель, и пустился бѣжать... Скитте—за нимъ, неотступно, почти по пятамъ. Такъ добѣжали оба врага до края скалы, угрюмо нависшей надъ моремъ. Не видя людей, Нильсъ рѣшился на послѣднюю, отчаянную борьбу, и бросился на Петера Скитте. Они схватились, сплелись руками и ногами, слились въ одну неразрывную массу, то изгибаясь, то колеблясь; они падали на землю, катались по ней въ судорожныхъ усиліяхъ, напрягаясь и истощая послѣднія силы, хрипя и проклиная другъ друга. Такъ докатились они до края утеса... Еще одно безнадежное усиліе, еще одинъ порывъ и напряженіе—страшный, раздирающій крикъ, нарушившій вечернюю тишь, раздался и замеръ!.. Два тѣла, неразрывно-сплетенныя судорожно-замершими руками и ногами, грузно рухнули съ утеса въ воду, и несытая морская пучина прикрыла своими волнами влажную могилу двухъ непримиримыхъ враговъ...

Иная, лучшая доля постигла Кнута Торсена. Долгое, вынужденное пребываніе въ обители Сѣрыхъ братьевъ, тяжкая болѣзнь, при которой онъ постоянно былъ окруженъ ихъ уходомъ и нѣжными заботами, полная тишина и спокойствіе, до тѣхъ поръ недоступныя его тревожному, безпокойному духу,—все это сильно подѣйствовало на ожесточенное, закоренѣлое сердце датчанина. Онъ вдругъ со страхомъ сталъ думать о томъ, что ему опять прійдется выйти изъ-подъ мирнаго крова и вновь окунуться въ житейскій омутъ!

Долго боролся онъ съ самимъ собою,—и, наконецъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ можетъ еще найти себѣ утѣшеніе въ полномъ раскаяніи и въ умиротвореніи своей совѣсти. Онъ отказался отъ своего неправедно-нажитаго имущества, уплатилъ свой

долгъ Госвину Стеену, чистосердечно раскаялся во всѣхъ своихъ дурныхъ дѣяніяхъ, и молилъ настоятеля о томъ, чтобы онъ дозволилъ ему остаться въ обители, наложивъ на него строгій искусъ. Выдержавъ тяжелое испытаніе, Кнутъ Торсенъ былъ постриженъ и со временемъ заслужилъ общее уваженіе братіи, какъ одинъ изъ усерднѣйшихъ въ средѣ ея.

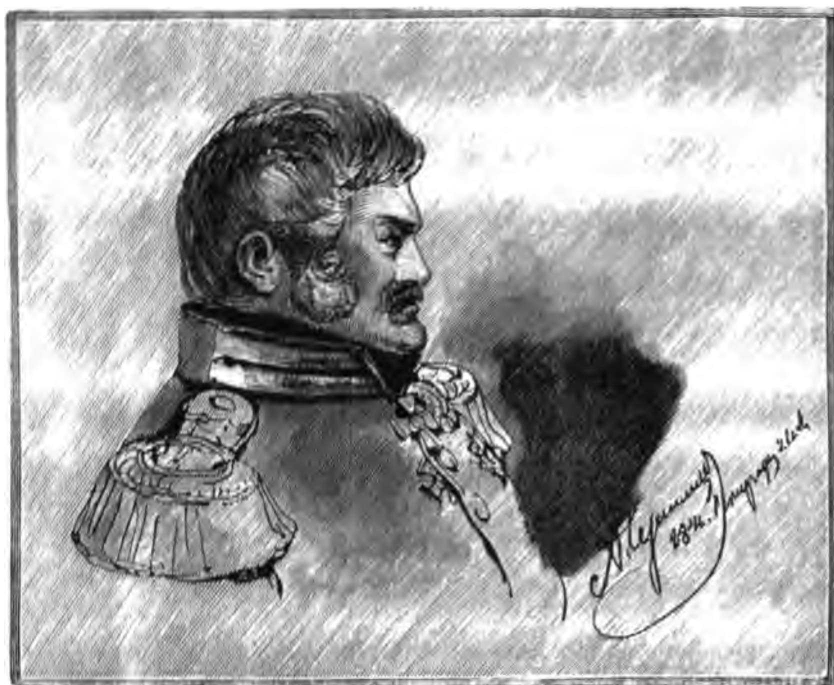
Само собою разумѣется, что Янъ вскорѣ послѣ вышеописанныхъ торжествъ, происходившихъ въ Любекѣ, былъ объявленъ формальнымъ женихомъ Елисаветы. Онъ теперь занималъ хорошее мѣсто, стоялъ на хорошей дорогѣ, но благоразумные родители все же рѣшили, что слѣдуетъ молодымъ людямъ подождать еще два-три года, позапастись житейскою мудростью и поприкопить деньжонокъ...

Впрочемъ, и Янъ, и Елисавета, и Марика, и Ганнеке—отчасти предвкушали свое будущее счастіе, присутствуя на великолѣпной, шумной и радостной свадьбѣ Реймара и Росвинты, на которую созванъ былъ чуть не весь Любекъ, гдѣ за вечернимъ, блестящимъ пиріпествомъ рѣкою лилось дорогое старое вино, и тяжелые серебряные кубки звонко чокались при звукахъ музыки, при общихъ кликахъ, пожеланіяхъ и поздравленіяхъ.

Пили на этомъ пиршествѣ, и за молодыхъ, и за старыхъ, пили за дружбу и согласіе, пили за славу и процвѣтаніе могущественнаго Ганзейскаго союза!

Да,—могущественнаго въ то время, и долго еще сохранявшаго свою силу и значеніе, до того историческаго момента, когда открытіе Америки и морской путь въ Индію совершенно видоизмѣнили всѣ пути и обороты всемірной торговли. Но и отживши свой вѣкъ, и распавшись окончательно, и утративъ всякое значеніе, Ганзейскій союзъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ исторіи сѣверноевропейской культуры, въ исторіи общенія народовъ и установленія между ними правильныхъ отношеній. «Рѣка временъ», которая такъ безжалостно уноситъ «въ пропасть забвенія», такъ много всякихъ громкихъ именъ и дѣлъ, не стерла и до сихъ поръ со скрижалей исторіи воспоминанія о мирной, полезной и плодотворной дѣятельности Ганзейскаго союза!

КОНЕЦЪ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

Съ портрета, сдѣланнаго съ натуры карандашомъ художникомъ Чернышевымъ въ 1864 году.
(Подлинникъ принадлежитъ П. Я. Дашкову).

Дозв. ценз. спб., 27 іюля 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ[1].

XXXI.

А УТРО, однако, никто не приходилъ будить Шумскаго. Когда онъ проснулся самъ и взглянулъ на часы, было около полудня. Онъ готовъ былъ разсердиться, но тотчасъ же сообразилъ, что его ослушаться не посмѣли бы и, слѣдовательно, дѣвушка еще не просыпалась.

— Дрянь дѣло,—смутился Шумскій.—Больше двѣнадцати часовъ спитъ.

Его смутило не столько то, что̀ могло случиться съ швейкой, сколько мысль, что̀ можетъ произойти отъ этого питья въ иномъ случаѣ. На его зычный крикъ тотчасъ появился въ спальнѣ Шваньскій.

— Ну!—вымолвилъ офицеръ.

— Что прикажете?

— Да, дубина эдакая, что я могу приказать? Понятно, о чемъ спрашиваю. Что она?

— Не просыпалась. Шевелилась, а проснуться, не проснулась. Я не смѣлъ трогать, а полагаю, что если потормошить, проснется. Извольте посмотрѣть сами.

Шумскій быстро поднялся, надѣлъ халатъ и вышелъ въ гардеробную. Дѣвушка лежала на боку, лицомъ къ стѣнѣ, и спокойно-ровно дышала.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 5.

— Буди,—вымолвилъ онъ, обра[illegible]лсь къ Шваньскому.

Шваньскій началъ тормошить дѣвушку за руку, и кликать. Она нѣсколько разъ глубоко вздохнула и, наконецъ, открыла глаза.

— Вставать пора, заспалась. Знаешь ли, который часъ?—говорилъ Шваньскій.—Нешто эдакъ работаютъ.

Дѣвушка безсмысленно смотрѣла въ лицо Шваньскому, какъ бы спросонья, потомъ, ничего не говоря, приподнялась, сѣла, но тотчасъ же взялась за голову.

— Чего? Аль голова болитъ?—спросилъ Шваньскій.

— Болитъ,—тихо произнесла Мареуша.

— Сильно? Стучитъ, что ли?

— Тяжела,—отозвалась дѣвушка.

— Ну, ничего, пройдетъ. Вставай, да выйди прогуляться по двору. Вольно ужъ заспалась. Вставай, что ли. Вѣдь ужъ двѣнадцать часовъ. Обѣдать людямъ пора, а ты спишь.

— Двѣнадцать!—воскликнула, оживясь Мареуша.—О Господи!

И это простое обстоятельство, повидимому, всего сильнѣе подѣйствовало на дѣвушку, которая, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни проснулась въ такой часъ. Она поднялась на ноги, хотѣла шагнуть, но покачнулась. Шваньскій поддержалъ ее. Шумскій приблизился тоже и выговорилъ:

— Аль на ногахъ не стоишь?

Мареуша взглянула на молодого человѣка, котораго сначала не замѣтила, и тотчасъ же смутилась.

— Говори,—вымолвилъ Шваньскій.—Ноги, что ли, слабы?

— Да. Чудно. Отлежала, что ли. Совсѣмъ, какъ чужія?!.

— Ну, это пройдетъ.

— Чудно. Никогда эдакого со мной не бывало.

— Выйди во дворъ, живо все пройдетъ. На, вотъ, надѣвай.

Шваньскій живо надѣлъ на Мареушу лежавшій по близости салопчикъ ея, накинулъ ей платокъ на голову и повелъ къ входной двери. Дѣвушка шла не ровной походкой, слегка какъ бы пошатываясь. Шваньскій бережно свелъ ее по лѣсенкѣ и, выведя на воздухъ, продолжалъ поддерживать. Но черезъ минуту Мареуша уже твердо и свободно стояла на ногахъ и съ наслажденіемъ вдыхала свѣжій воздухъ.

— Что?—спросилъ Шваньскій.

— Ничего. Эдакъ лучше. Угорѣла я у васъ.

— Вотъ! Вотъ! Именно и есть!—воскликнулъ Шваньскій.—Всѣ угорѣли, а ты пуще всѣхъ.

— Ничего, пройдетъ,—отозвалась Мареуша.—Я разъ не такъ-то угорѣла, сутки безъ памяти была. А это что! Вотъ ужъ теперь совсѣмъ хорошо.

И Мареуша вдругъ задумалась. На два или на три вопроса,

предложенныхъ Шваньскимъ, она не отвѣчала ни слова и, наконецъ, онъ тронулъ ее за руку.

— О чемъ задумалась-то?

— Да такъ. Не знаю. Такъ. Чудно. Ничего что-то не помню.

— Чего, не помнишь?

— Да ничего не помню. Помню, послѣ шитья пила чай у барина; про сливки онъ все говорилъ... А какъ я пришла и легла, ну, вотъ ничего не помню, точно какъ отшибло память.

— Ну, это пустое, не стоитъ и вспоминать. Угорѣла и шабашъ. Тошнитъ, что ли?

— Нѣту.

— Голова-то болитъ?

— Ничего.

— А ноги? Стоять твердо? Ходить можешь?

— Могу.

— Ну, вотъ и погуляй по двору, а потомъ приходи въ домъ.

Шваньскій, довольный, почти сіяющій, вернулся въ квартиру и нашелъ Шумскаго внимательно осматривающимъ чуланную дверь и замокъ.

— Не понимаю,—сказалъ онъ при видѣ Шваньскаго,—совсѣмъ не понимаю. Эдакій замчище отодрать ножомъ совсѣмъ невозможно. Тутъ дѣло не чисто. Говори правду, кромѣ ножа, ты ей ничего не давалъ?

— Ей-Богу, ничего-съ. Что же мнѣ лгать. Да что же я за дуракъ такой. Я и столоваго ножа-то не хотѣлъ давать.

— Чортъ ее знаетъ! Проклятая дѣвка,—злобно произнесъ Шумскій.—Что теперь будетъ и ума не приложу. А Авдотья не идетъ. Не могли же ее заарестовать тамъ. Ей первое дѣло уходить, если Пашутка опять явилась къ барону.

— А я, Михаилъ Андреичъ, все-таки свое вамъ докладываю, не пойдетъ она туда. Просто убѣжала, и въ городѣ гдѣ скрываться будетъ и мѣшать вамъ не станетъ.

Шумскій не отвѣтилъ ничего и прошелъ къ себѣ. Шваньскій молча послѣдовалъ за нимъ и очевидно собирался начать разговоръ о чемъ-то особенномъ, такъ какъ онъ улыбался своей обезьяньей улыбкой, «во всю рожу», по выраженію Шумскаго.

— Михаилъ Андреичъ, позвольте вамъ доложить, — началъ Шваньскій, — о таковомъ моемъ намѣреніи, которое васъ можетъ очень удивить. Но вы меня не осудите, дѣло благое, хорошее.

— Ну, какое такое дѣло?

— А насчетъ именно вотъ этой дѣвицы-швеи. Насчетъ этого, какъ вы изволили ее обозвать, созданія.

— Ну,—нетерпѣливо отозвался Шумскій.

— Вотъ я и хочу вамъ доложить, что Мареуша эта дѣвушка

тихая, кроткая, доброты безконечной, характера совсѣмъ овечьяго,— тонкимъ и ласковымъ голосомъ началъ Шваньскій.

— Глупа, какъ пень, остолопъ съ головы до пятъ,—тѣмъ же голосомъ продолжалъ Шумскій, какъ бы поддѣлываясь.—Ну дальше-то что же?—прибавилъ онъ.

— Вотъ я все, Михаилъ Андреичъ, обсудивъ и рѣшился на благое дѣло.

— Жениться, что ли на ней?—усмѣхнулся Шумскій.

— А хоть бы и такъ.

Шумскій громко расхохотался и, наконецъ, вымолвилъ:

— Ахъ, ты дура, дура! Право, дура!

— Почему же-съ?

— Почему? Ну, это, братъ, въ три дня не разскажешь. Во всякомъ случаѣ...

И Шумскій, глядѣвшій въ это время въ окно на улицу, вскрикнулъ такъ, какъ если бы его ударили ножомъ. Шваньскій вздрогнулъ отъ этого крика и остолбенѣлъ.

— Авдотья! Авдотья! — прокричалъ Шумскій, бросившись къ окну.

Дѣйствительно, къ крыльцу дома подъѣхала на извозчикѣ его мамка.

— Ну, вотъ! Гдѣ Пашута? — грозно обернулся Шумскій, подставляя кулакъ къ самому лицу своего Лепорелло.—Гдѣ Пашута? Въ городѣ?! скотина эдакая? Иди, бѣги, тащи ее сюда. Она, чортъ, цѣлый часъ расплачиваться будетъ съ извозчикомъ. Тащи!

Но послѣднее слово Шумскій уже крикнулъ въ догонку, такъ какъ Шваньскій рысью пустился къ парадной двери. Шумскій стоялъ въ халатѣ въ дверяхъ гостиной и, понуривъ голову, тихо шепталъ себѣ подъ носъ:

— Все пропало! Прибѣжала Пашута, все разсказала, а эту прогнали...

Но въ то же мгновенье Шваньскій опрометью вбѣжалъ изъ передней въ гостиную и воскликнулъ:

— А вотъ нѣтъ же. Не было ее тамъ. Не приходила туда. Авдотья къ вамъ сама явилась.

Шумскій встрепенулся.

— Она не приходила! Не была!—кричалъ Шваньскій, чуть не прыгая отъ радости. — А коли за всю ночь не пришла и до сихъ поръ ее не было, то и не будетъ, по моему. Побѣжала просто куда въ городъ, а не къ барону.

При видѣ Авдотьи, тихо шагающей изъ передней, Шумскій вскрикнулъ:

— Да иди же! Иди! Что у тебя ноги-то отнялись, что ли?

И онъ тотчасъ же закидалъ женщину вопросами. Она объ Пашутѣ ничего не знала и только широко раскрывала глаза.

— Да нешто она у васъ ушла? — выговорила, наконецъ, Авдотья.—Какимъ же это способомъ? Какже это вы не доглядѣли?

— Ну, ладно,—махнулъ рукой Шумскій.—Ты тутъ будешь еще другихъ учить. Иди, разсказывай.

И приведя Авдотью къ себѣ въ спальню, Шумскій началъ подробно разспрашивать мамку обо всемъ, что есть новаго. Вѣсти были самыя лучшія. Баронесса очень жалѣла свою любимицу, но вполнѣ вѣрила во все и ожидала возвращенія Пашуты черезъ два или три дня. Авдотью она согласилась оставить тотчасъ же, обращалась съ ней ласково и, вообще, ничего не подозрѣвала.

— Ну, слава Богу!—нѣсколько разъ повторилъ Шумскій и, произнеся эти слова въ десятый разъ, прибавилъ:

— Тьфу, прости Господи! И я тоже, какъ Шваньскій, за всякую гадость славословлю Творца Небеснаго.

И Шумскій расхохотался.

— Ну, Дотюшка, теперь коли все обстоитъ благополучно, то принимайся за главное дѣло, для котораго я тебя изъ Грузина выписалъ. Время терять нечего. Вотъ тебѣ прежде всего пузырекъ, береги его яко зеницу ока. Помни одно, что эта скляница съ бурдецой сто рублей стоитъ.

— О-охъ!—вздохнула Авдотья.

— То-то, охъ! Тебѣ это главное. Оттого я и говорю. Есть ли у тебя красный платокъ, хоть маленькій что ли?

— Нѣту, родной мой. Откуда же ему быть?!..

— Ну, сейчасъ купить пошлю. Ну, слушай, теперь.

— Вотъ что, родной мой,—перебила Авдотья.—У меня съ утра маковой росинки во рту не было. Позволь мнѣ чаю напиться. Я живо въ одну минутую; а тамъ и разсказывай.

— Ну, ладно.

Шумскій отпустилъ мамку и совершенно довольный, насвитывая какую-то цыганскую пѣсню, началъ шагать изъ угла въ уголъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вышелъ въ корридоръ и увидалъ вдали за чайнымъ столомъ три весело бесѣдовавшихъ фигуры — мамку, Шваньскаго и швейку.

— Женихъ съ невѣстой,—выговорилъ Шумскій и разсмѣялся.— Эка дура! Во всемъ-то Питерѣ лучше не розыскалъ, — прибавилъ онъ, глядя издали на Мареушу.

Но, затѣмъ, помолчавъ съ минуту и пристальнѣе приглядѣвшись къ дѣвушкѣ, онъ задумался.

— Нѣтъ,—произнесъ онъ,—я вру, а не онъ вретъ. Издали она еще пуще смахиваетъ на Еву. Только волосы обыкновенные, бѣлокурые, а будь они свѣтлѣе, совсѣмъ бы на нее смахивала. Вѣстимо вдурнѣ. Такъ если Ева для меня пара, то Мареуша для Шваньскаго и совсѣмъ пара. Даже, пожалуй, Шваньскій ей не пара.

Стало, Иванъ Андреичъ мой,—губа не дура. А что швея она, такъ вѣдь и онъ не генералъ-фельдмаршалъ.

Шумскій вернулся къ себѣ, одѣлся въ мундиръ и, выйдя въ кабинетъ, крикнулъ Копчика.

«Тьфу забылъ, что запертъ—подумалъ онъ.—Но за что же я его посадилъ? Вѣдь все-таки же виноватъ Шваньскій. А, можетъ, и онъ. Дѣло не чисто. А выпустить все-таки надо, безъ него какъ безъ рукъ. Все въ квартирѣ вверхъ дномъ станетъ».

Шумскій вышелъ снова въ корридоръ, кликнулъ своего Лепорелло и приказалъ немедленно выпустить заключеннаго. Черезъ минуту Васька, смущенный, появился на глаза барина. Онъ очевидно ожидалъ побоевъ. Лакей испуганно и робко переступилъ порогъ, готовый каждую минуту броситься на колѣни и, повидимому, то, что онъ намѣревался сказать, было уже у него приготовлено заранѣе.

— Слушай ты. Если ты тутъ не при чемъ, ничего не будетъ тебѣ, но мнѣ сдается, дѣло не чисто, замо́къ не ножемъ оторванъ.

— Помилуйте, Михаилъ Андреичъ,—началъ Копчикъ слезливымъ голосомъ.—Вѣрьте Богу, что я...

— Молчи. Я не изъ тѣхъ, что вѣрятъ всему, что съ языка сброситъ всякій болтунъ. Языкъ безъ костей. Я знаю не то, что мнѣ говорятъ, а знаю то, что знаю. Если это дѣло твоихъ рукъ, то оно окажется послѣ. И когда окажется, быть тебѣ въ Сибири. И это еще славу Богу. А то похуже приключится. Быть тебѣ запоротымъ на̀-смерть въ конюшнѣ Гру̀зинской. Ну, пошелъ и покуда дѣлай свое дѣло. Зови сюда Авдотью.

Черезъ минуту женщина нѣсколько болѣе въ духѣ, такъ какъ успѣла выпить нѣсколько чашекъ чаю, который она обожала, явилась къ своему питомцу.

— Ну, садись, Дотюшка, и слушай въ оба. Самая теперь суть пошла у насъ, самое что ни на есть свѣтопреставленіе начинается.

— Охъ, типунъ вамъ! Что это ты, родной мой,—перекрестилась Авдотья.

— Ну, ладно. Слушай.

— Грѣхъ эдакія шутки шутить.

— Слушай, тебѣ говорятъ,—перебилъ Шумскій серьезнѣе.

Собравшись съ мыслями, молодой человѣкъ подробнѣе чѣмъ когда-либо повторилъ три раза сподрядъ то, что должна была мамка сдѣлать въ тотъ же вечеръ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, доброе расположеніе духа мамки исчезло. Она снова понурилась и снова лицо ея было печально и тревожно.

— Ну, пугайся сколько хочешь, — прибавилъ Шумскій. — Это твое дѣло. А все-таки все, какъ я приказываю, должно быть слѣлано нынѣ ввечеру. А что изъ сего свѣтопреставленія выйдетъ, это не твоя забота. Въ сотый разъ тебѣ говорю, я въ отвѣтѣ, а не

ты. Ты была здѣсь, и нѣту. Что ни случись, уѣдешь въ Грузино, и никакими собаками тамъ тебя никто не достанетъ. Настасья Ѳедоровна не выдастъ. Да и кто посмѣетъ хвататься за человѣка графа Аракчеева. Да и мнѣ-то, что ни случись, ничего не будетъ. Неушто ты по сю пору не понимаешь, что мы съ тобой, чего ни захотимъ, то все въ столицѣ и сдѣлаемъ. Хоть народъ вотъ станемъ грабить на Невскомъ проспектѣ, и намъ никто ничего не сдѣлаетъ. Пойми ты, что я, сынъ царскаго друга, графа Аракчеева. Значу въ Питерѣ больше, чѣмъ онъ самъ. Онъ ради срама дряннаго дѣла не затѣетъ, а я все могу и никто тронуть меня не смѣетъ. Мало ли какіе я тутъ фокусы продѣлывалъ, еще когда былъ въ Пажескомъ корпусѣ. Все съ рукъ сходило. Теперь говори, поняла ли ты, что тебѣ дѣлать.

— Вѣстимо, поняла,—глухо отозвалась Авдотья.

— Говори, главная въ чемъ суть? Повтори.

— Что же повторять-то?

— Повтори, тебѣ говорятъ.

— Ну, значитъ, дать испить этихъ сливочекъ въ чаю или въ питьѣ какомъ вечернемъ.

— Предпочтительно — въ чаю, помни это. — Не захочетъ чаю, отложи до другого дня. А затянется дѣло, тогда ужъ въ питьѣ.

— Понятно, знаю.

— Ну, потомъ? Повтори.

— Ну, красный платокъ, стало быть, на окошко повѣсить, какъ заснетъ, и дверь изъ дома во дворъ оставить не запертую.

— Ну, вотъ умница!—усмѣхнулся Шумскій.—Не забудь ничего и не перепутай. А теперь собирайся...

Авдотья поднялась, но при этомъ вздохнула глубоко.

— Что, изъ всего этого будетъ вамъ?—пробурчала она вдругъ.

— Сегодня же ввечеру, т. е. около полуночи, я навѣдуюсь, — произнесъ Шумскій, какъ бы не слыхавъ словъ мамки.

— Бѣда изъ всего этого будетъ! — Твоя погибель, — сказала Авдотья.

— Ну, это не твоя забота: Ты не разсуждай, а дѣйствуй! — рѣзко и грубо отозвался Шумскій.—Твоихъ совѣтовъ мнѣ не надо. И не твое это дѣло. Ты за себя боишься... не финти!..

— За васъ... а не за себя. Богъ съ вами!..

— Ну, вотъ что, Авдотья, — медленно вымолвилъ Шумскій. — Будетъ тебѣ, положимъ, хоть распросибирь, хоть распрокаторга и распродьявольщина всякая, хоть подохнуть тебѣ придется черезъ день послѣ содѣяннаго... а все-таки ты все по моему приказу исполнишь.

Слова эти были произнесены такимъ голосомъ, что мамка, привыкшая все слышать отъ своего питомца за двадцать пять лѣтъ, все-таки невольно почувствовала теперь въ его голосѣ грубое оскор-

бленіе. Въ звукѣ его голоса и равно въ каждомъ словѣ звучало насиліе. Шумскій пристально взглянулъ на женщину, прошелся по комнатѣ, и, затѣмъ, остановясь передъ своей мамкой, выговорилъ мягче:

— Я тебя заставить, собственно говоря, не могу насильно. Хочешь ты это сдѣлать, сдѣлай, не хочешь, не дѣлай. Но вотъ тебѣ крестъ,—Шумскій перекрестился,—что если ты не сдѣлаешь этого нынче ввечеру или завтра ввечеру, какъ будетъ удобно по обстоятельствамъ, то знай... Я тебя позову сюда, притворю вотъ эту дверь и тутъ же на твоихъ глазахъ прострѣлю себѣ башку изъ этого вотъ пистолета. Въ этомъ даю тебѣ священную клятву передъ Господомъ Богомъ.

— Ахъ, что ты, что ты!—завопила вдругъ Авдотья и замахала руками.

— Будь я проклятъ на томъ и на этомъ свѣтѣ, если я не застрѣлюсь передъ тобой. Ты дура баба. Ты не понимаешь, что когда человѣкъ влюбится въ дѣвушку, какъ я, въ первый разъ отъ роду, то ему или добиться своего, или не жить.

— Господи помилуй, да развѣ инако нельзя!—воскликнула Авдотья.—Такъ женись на ней!

— Жениться! Нѣтъ, мамушка, дудки. Я не сдѣлаю того, что всякій дуракъ умѣетъ сдѣлать. Ну, а теперь намъ съ тобой толковать не о чѣмъ больше. Сейчасъ принесутъ красный платокъ, бери его и маршъ восвояси, служить и услуживать вѣрой и правдой, и баронессѣ, и мнѣ. Прощай. Въ добрый часъ! Ввечеру часовъ въ одиннадцать или около полуночи я буду у дома. Коли нѣтъ платка на окошкѣ вернусь. Коли есть платокъ, въ домъ шагну.

Авдотья тихо пошла изъ горницы, держа пузырекъ съ жидкостью.

— Помни. Дай меньше половины,—весело прибавилъ Шумскій ей вслѣдъ,—а остальное сохрани какъ зеницу ока. На другой разъ можетъ пригодиться.

И, оставшись одинъ, онъ подумалъ:

«Не люби меня эта дурафья, ничего бы не подѣлать съ ней. Бѣда—бабы»!..

XXXII.

Въ одиннадцать часовъ вечера Шумскій выѣхалъ изъ дома. Не смотря на полную тьму въ улицахъ, онъ ѣхалъ довольно быстро по направленію къ Васильевскому острову. Молодой человѣкъ волновался чрезвычайно и часто жадно вдыхалъ свѣжій ночной воздухъ, какъ если бы у него были припадки удушья. Происходило это отъ тѣхъ мыслей, что роились въ его разгоряченной головѣ, заставляя нервно-порывисто стучать сердце.

— «Наконецъ-то!»

Вотъ слово, которое не сходило съ его языка, не выходило изъ головы и сердца.

Да, наконецъ, послѣ многихъ дней, онъ былъ на шагъ отъ достиженія завѣтной, преступной, но тайно взлелѣянной цѣли.

Тому назадъ часа два Шумскій посылалъ Ваську въ домъ барона Нейдшильда за вѣстями, и Авдотья дала знать барину, что надѣется почти навѣрное исполнить всѣ его приказанья, иначе говоря, предать ему, хотя и въ собственномъ ея домѣ, но совершенно беззащитную дѣвушку.

«А вѣдь, ей-Богу, я молодецъ!» — самодовольно думалъ теперь Шумскій, обсуждая свой дикій замыселъ, который удавался.

А затѣянное имъ дѣло было и мудрено, и просто. Мудрено, повидимому, потому что Ева была у себя, въ своихъ горницахъ, за шагъ отъ своего отца, но просто—вслѣдствіе чрезвычайной дерзости двухъ преступныхъ людей, дѣйствующихъ при помощи дурмана.

Дверь задняго крыльца на дворъ бывала всегда расперта, калитка воротъ и подавно оставалась настежь по ночамъ. Встрѣтить на крыльцѣ или въ прихожей кого-либо изъ людей было, конечно, возможно... Но это было бы случайностью, о которой Шумскій не думалъ, ибо заранѣе рѣшилъ дерзко вывернуться и все-таки войти въ домъ. Лѣнь и тупость людей барона были за него...

Разумѣется, въ иныя мгновенья Шумскій сомнѣвался въ успѣхѣ своего дерзкаго предпріятія. Мало ли какая мелочь можетъ вдругъ нежданно явиться помѣхой. Но затѣмъ тотчасъ же, ему снова казалось, что никакая преграда его остановить не можетъ. Все въ дерзости!

«Найдусь какъ-нибудь,—думалъ онъ.—Даже выйду изъ дома и отъѣду. И опять вернусь... И все-таки пройду и буду у нея... Не сейчасъ, то позднѣе среди ночи, наконецъ, на зарѣ... Вздоръ! Все на свѣтѣ вздоръ, для того, кто смѣлъ и презираетъ весь этотъ міръ. Что̀ онъ? Людская комедія въ мишурныхъ костюмахъ при размалеванныхъ декораціяхъ. И чего не выдумали эти актеры, живущіе ужъ сколько тысячъ лѣтъ на этой планетѣ. Добродѣтель, долгъ, нравственность, совѣсть, честность и всякая такая абракадабра, чтобы сдѣлать жизнь тяжелой и невыносимой, чтобы только дуракъ былъ счастливъ; а умный, смѣлый, предпріимчивый, желающій жить истинной жизнью, сиди какъ скованный въ кандалахъ, именуемыхъ законами. И того нельзя и этого нельзя. Чортъ знаетъ, что за чепуха. Ну, да я спасибо не изъ тѣхъ, что вѣрятъ въ святость всѣхъ этихъ кандаловъ человѣческихъ. Подавай мнѣ то, чего я захотѣлъ! А хорошо ли, дурно ли—это ужъ философія. Стало быть хорошо, коли мнѣ хорошо! А коли вамъ отъ него же дурно приходится, такъ это не мое дѣло. Пожалуй даже оно тѣмъ мнѣ и лучше, что отъ него вамъ, человѣкамъ, плохо».

Шумскій, мечтая и раздумывая, не смотря на быструю ѣзду, самодовольно ухмылялся, иногда ворчалъ вслухъ и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Изрѣдка, при мысли, что чрезъ нѣсколько мгновеній онъ очутится близь существа, которое онъ страстно обожаетъ, и при томъ это существо будетъ беззащитно, въ его полной власти, — заставляло странно замирать его сердце, перерывало дыханіе, и онъ глубоко-жадно вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ.

Наконецъ, Шумскій былъ уже за нѣсколько домовъ отъ квартиры барона. Онъ остановилъ кучера и, приказавъ ему дожидаться себя, пошелъ пѣшкомъ. Среди полной темноты ночи дома барона было не видно, но Шумскій зналъ, что домъ находится отъ него въ сотнѣ шаговъ. Онъ шелъ быстро, нервно, и, по мѣрѣ приближенія къ дому, волненіе все болѣе овладѣвало имъ.

— Даже не вѣрится! — прошепталъ онъ. — А какъ давно!.. Съ какими усиліями! Сколько хлопотъ, стараній...

Миновавъ лавочку, которую онъ хорошо зналъ, Шумскій вдругъ замедлилъ шагъ и пристально впился глазами въ то мѣсто, гдѣ приблизительно должны были находиться ворота дома барона...

— Что это? Что такое?—чуть не вслухъ произнесъ онъ.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ... Нѣтъ онъ не ошибся, это не обманъ зрѣнія. Около сáмаго дома стоитъ карета.

Шумскій пріостановился и глядѣлъ.

«Что это. Зачѣмъ она тутъ»? подумалъ онъ и странное, ни на чемъ не основанное, подозрѣніе, нѣчто въ родѣ предчувствія, сказалось въ немъ.

Онъ зналъ хорошо, что у барона гостей почти никогда не бывало, а если кто изъ пріятелей его пріѣзжалъ къ нему вечеромъ, то никогда не засиживался позже десяти часовъ, время въ которое баронъ аккуратно всю жизнь ложился спать.

Постоявъ минуту, Шумскій смѣло двинулся впередъ, поровнялся съ каретой и воротами дома, и уже хотѣлъ пройти мимо, чтобы взглянуть на второе отъ угла окно... Здѣсь виднѣлся свѣтъ и долженъ былъ висѣть красный платокъ...

Но въ то самое мгновенье, когда Шумскій, проходя глядѣлъ на кучера, дверка кареты не слышно отворилась и изъ нея вышелъ человѣкъ. Не смотря на темноту, Шумскій сразу разглядѣлъ фигуру въ военной формѣ и въ киверѣ.

Онъ пріостановился и невольно, безсознательнымъ движеніемъ, быстро обернулся лицомъ къ этому военному.

— Прошу васъ дальше не идти!—раздался тихій и твердый голосъ.

Шумскій вздрогнулъ и застылъ на мѣстѣ какъ пораженный громомъ. Это былъ голосъ фонъ-Энзе.

Наступила пауза. Шумскій превратился въ истукана, но только руки его дрожали, и онъ медленно поднималъ стиснутые яростью

кулаки. Еще нѣсколько мгновеній и онъ, казалось, бросится на врага, какъ разъяренный звѣрь.

— Совѣтую вамъ послушаться меня. Я не одинъ здѣсь,—снова тихо и какъ-то просто, или робячески простодушно, заговорилъ фонъ-Энзе.—Вотъ здѣсь, за заборомъ, на сосѣднемъ дворѣ, дежурятъ двое моихъ друзей-уланъ. Въ случаѣ вашего упрямства они перемахнутъ сюда и съ вами будетъ нехорошо поступлено.

— Даже очень не хорошо,—раздался голосъ за заборомъ и, затѣмъ, двойной сдержанный смѣхъ.

Отъ этого смѣха Шумскій какъ бы вышелъ изъ своего столбняка и, быстро отбросивъ шинель, выхватилъ шпагу изъ ноженъ.

— Я васъ всѣхъ тутъ... Негодяи!..—задыхаясь, вскрикнулъ Шумскій, наступая съ обнаженной шпагой на фонъ-Энзе. Тотъ сдѣлалъ движеніе и вытянулъ на Шумскаго руку, въ которой былъ пистолетъ.

— Прострѣлю голову, положу тѣло въ карету и отвезя брошу въ Неву! — тихо, просто, точно будто нѣчто ласковое проговорилъ фонъ-Энзе.

И оба, молча, замерли такъ, другъ противъ друга, не шевелясь. Шумскій первый опустилъ шпагу, за нимъ и фонъ-Энзе принялъ руку съ пистолетомъ.

— Я требую у васъ удовлетворенья за эту комедію,—выговорилъ Шумскій сдавленнымъ отъ гнѣва голосомъ.—Завтра же утромъ мы должны драться на̀-смерть.

— Ни завтра, ни когда-либо,—вымолвилъ фонъ-Энзе спокойно.— Съ такими людьми какъ вы, честные люди не выходятъ на поединокъ.

— Какъ вы смѣете?—вскрикнулъ Шумскій.—Вы подлый трусъ и прикрываетесь...

— Не кричите, перебудите мирныхъ обывателей и срамъ будетъ... Драться я съ вами, даю честное слово, никогда не стану. Буду только постоянно до извѣстнаго срока оберегать этотъ домъ отъ васъ.

— Такъ я васъ завтра же просто застрѣлю при встрѣчѣ!—внѣ себя едва выговорилъ Шумскій.

— Можете... и пойдете въ Сибирь, или въ солдаты. Если же Аракчеевъ васъ защититъ, то вашъ адскій планъ все-таки не удастся, ибо товарищи передадутъ барону объяснительное письмо отъ меня. Если же вы уступите, удалитесь отсюда и, вообще, бросите вашу подлую и преступную затѣю, то ни баронъ, ни «она» никогда не узнаютъ ничего... Теперь же, въ случаѣ вашего упорства, повторяю, мы васъ не пустимъ въ домъ. Убить себя здѣсь ночью я вамъ не дамъ, а убью васъ и тотчасъ же увезу въ каретѣ, чтобы избѣжать соблазна около дома барона... Удалитесь!..

— Хорошо... Но завтра я заставлю васъ драться со мной за-

конным образомъ,—вымолвилъ Шумскій глухимъ голосомъ и двинулся отъ дома.

Только пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вспомнилъ о шпагѣ, которую все еще держалъ обнаженною въ рукѣ.

Онъ всунулъ ее въ ножны и провелъ рукой по горѣвшему лицу... Бѣшеная злоба душила его, глаза застилало туманомъ, и онъ слегка пошатывался какъ пьяный. Тяжело ступая, нѣсколько разъ останавливался Шумскій и стоялъ середи панели, бормоча что-то безсвязное.

Когда шаги и звукъ шпоръ замолкли, фонъ-Энзе произнесъ нѣсколько громче, обернувшись къ забору.

— Ну, побѣдили!.. Выходите... Онъ далеко...

Чрезъ минуту двое уланъ явились изъ калитки сосѣдняго двора. Какой-то мѣщанинъ въ длиннополомъ кафтанѣ провожалъ ихъ.

— Можетъ быть, завтра опять придемъ на дежурство,—сказалъ одинъ изъ уланъ, обращаясь къ нему.

— Пожалуйте. Рады служить, хотя и не знаемъ въ чемъ.

— И знать вамъ не полагается...

Уланы сошлись съ фонъ-Энзе и переговорили шопотомъ.

— А если опять вернется,—сказалъ одинъ изъ нихъ, по имени Мартенсъ.

— Никогда!—отозвался фонъ-Энзе.—Это было бы уже безуміемъ. Но еслибъ онъ оказался безумцемъ, то я, мой милый другъ, и одинъ съ нимъ справлюсь.

Фонъ-Энзе сѣлъ снова въ карету, тихо затворивъ дверцу. Карета не двинулась... Уланы, переговариваясь и смѣясь, зашагали по направленью къ Невѣ...

— Если онъ пѣшкомъ и мы его догонимъ,—сказалъ Мартенсъ,—то я его назову мерзавцемъ.

— Зачѣмъ?

— Ужъ очень хочется.

Впереди раздался грохотъ двинувшагося экипажа.

— Удралъ, проклятый!—произнесъ Мартенсъ.

XXXIII.

Когда Шумскій вернулся домой, то гнѣвъ его прошелъ, яростнаго озлобленія не было и слѣда. Онъ впалъ въ какое-то странное, ему самому непонятное состояніе. Онъ уже не думалъ о неудачѣ, не вспоминалъ о томъ, что даже забылъ поглядѣть на окно, чтобы убѣдиться, виситъ ли красный платокъ въ видѣ условнаго знака. Равно не думалъ онъ о виновницѣ его безумной страсти. Всѣ мысли сосредоточивались на одномъ, на страстномъ желаніи мести, даже на нравственной необходимости отмщенія. Помѣха или преграда въ

достиженія твердо намѣченной цѣли явилась неожиданно въ лицѣ совершенно посторонняго человѣка, о существованіи котораго онъ и думать забылъ. Чужой человѣкъ сталъ на дорогѣ, какъ какое-то дьявольское навожденіе, хотя было понятно, что главной пособницей его была Пашута.

Теперь все сводилось къ одному,—стереть съ лица земли, уничтожить фонъ-Энзе. Какъ? Всячески.

И въ разгоряченной, а отчасти и какъ-то отуманенной головѣ Шумскаго возникъ вопросъ: драться съ нимъ на поединкѣ, рисковать собой или просто убить, хоть бы изъ-за угла? На томъ скользкомъ пути, на который вступилъ теперь молодой малый, подобные вопросы имѣли логическую возможность возникать.

Войдя въ свою квартиру, Шумскій черезъ нѣсколько мгновеній поневолѣ самъ себѣ удивился. Онъ удивился своему спокойствію. Дѣйствительно, онъ вошелъ въ свой кабинетъ тихо и молча, раздѣлся, надѣлъ халатъ, затѣмъ раскурилъ трубку, позвалъ Копчика и, спокойно приказавъ подать себѣ чаю, даже перекинулся двумя-тремя фразами съ явившимся Шваньскимъ. Онъ былъ совершенно спокоенъ и чувствовалъ, что не способенъ разсердиться ни на что. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ же, какая мелочь, могла бы разсердить его и взволновать послѣ такого страшнаго удара, вынесеннаго сейчасъ сердцемъ и мозгомъ.

Однако, приглядѣвшись мысленно къ себѣ самому, Шумскій сознался или догадался, что состояніе его не есть спокойствіе; онъ не спокоенъ, а просто раздавленъ. Онъ ясно ощущалъ на себѣ гнетъ чего-то громаднаго, упавшаго вдругъ, и навалившагося на все его существо. И въ отвѣтъ на этотъ гнетъ явилась одна мысль—освободиться... такъ или иначе, во чтобы то ни стало, какимъ бы то ни было образомъ.

— Надо его убить!—мысленно, а затѣмъ и бормоча вслухъ, себѣ подъ носъ, повторялъ Шумскій.

И вся ночь вплоть до восьми часовъ утра прошла въ томъ, что молодой человѣкъ, просидѣвъ молча полчаса, иногда и часъ, или пройдясь нѣсколько разъ по горницѣ взадъ и впередъ, снова повторялъ на безчисленные лады все ту же фразу:

— Надо его убить!

Дѣйствительно, другого исхода для него не было. Или отказаться отъ всего, или уничтожить фонъ-Энзе, какъ сильную преграду на пути.

Среди ночи Шумскій рѣшилъ безповоротно просто застрѣлить фонъ-Энзе какимъ-нибудь предательскимъ образомъ. Подлымъ, мошенническимъ образомъ заманить куда-нибудь, отравить, задушить и въ крайнемъ случаѣ застрѣлить. Не черезъ недѣлю, такъ черезъ мѣсяцъ, наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Весь вопросъ заключался не во времени, а въ томъ, чтобы преступленіе было

совершено умно, тонко, талантливо, безъ слѣдовъ и, стало быть, безнаказанно. А если дѣйствовать такъ, чтобы попасться, то ужъ гораздо проще: приставить ему ко лбу пистолетъ, да при всемъ честномъ народѣ и повалить замертво.

Но тотчасъ же Шумскій испыталъ на себѣ самомъ, что изъ всѣхъ преступленій убійство, лишеніе человѣка жизни, есть самое трудное дѣло. Онъ, легко рѣшившійся на позорно-преступный поступокъ съ обожаемой имъ женщиной, теперь чувствовалъ, что у него не хватитъ духу на подлое, предательское убійство.

Къ утру Шумскій рѣшилъ, что надо поневолѣ рисковать своей жизнью и драться съ фонъ-Энзе на поединкѣ. И рѣшивъ равный бой, а не предательское убійство, онъ какъ-то успокоился. На улицѣ уже брезжилъ свѣтъ, когда онъ взялъ съ постели подушку, бросилъ ее себѣ подъ голову и, не раздѣваясь, въ халатѣ, улегся на узенькомъ и неудобномъ диванѣ, и тотчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ, какъ человѣкъ истомленный физически и нравственно.

Около полудня Шумскій открылъ глаза, пришелъ въ себя и вновь вспомнилъ все происшедшее. Прежде по поводу иного чего, онъ тотчасъ же взбѣсился бы, вскочилъ и сталъ бы придираться къ Копчику или къ Шваньскому, или злиться на самого себя. Теперь же онъ поднялся, сѣлъ на диванѣ и тяжело вздохнулъ. Тотъ же гнетъ, то же чувство пришибленности сказалось снова. Онъ былъ попрежнему ошеломленъ и раздавленъ всѣмъ случившимся наканунѣ.

И съ тѣмъ же внѣшнимъ спокойствіемъ, съ тѣмъ же хладнокровіемъ, которое равно замѣтили и Шваньскій, и Копчикъ, и которое не мало поразило ихъ обоихъ, Шумскій началъ одѣваться, собираясь со двора. Не смотря, однако, на это наружное спокойствіе, на лицѣ его, вѣроятно, было что-нибудь особенное, потому что Копчикъ по малѣйшему приказанію или движенію руки его швырялся какъ угорѣлый, а Шваньскій, нѣсколько разъ заглянувъ въ лицо своего патрона, отводилъ глаза въ сторону и не заговаривалъ ни о чемъ. На лицѣ Шумскаго было слишкомъ ясно написано, что съ нимъ случилось нѣчто чрезвычайное. Обращаясь съ своимъ патрономъ все-таки довольно храбро, Шваньскій видѣлъ и чувствовалъ, что теперь было опасно рисковать самымъ пустымъ вопросомъ.

«Убьетъ еще!» думалось ему.

Однако, Лепорелло и лакей ломали себѣ голову, придумывая и стараясь отгадать, что̀ могло случиться. Когда баринъ отъѣхалъ отъ квартиры, Шваньскій встрѣтился въ столовой съ Копчикомъ и оба молча поглядѣли другъ другу въ лицо нѣсколько мгновеній. Копчикъ первый опустилъ глаза. Онъ подумалъ:

«Говори ты, а я словечка первый не пророню».

Шваньскій будто понялъ мысль лакея.

— Что же это, Василій?—выговорилъ онъ.

— Чего-съ?—простодушно отозвался Копчикъ.

— Будто не понимаешь? Полно хвостомъ-то вилять. Я тебя спрашиваю, потому что самъ ума не приложу. Вѣдь что-то на него стряслось, братецъ ты мой, да такое, какого никогда не бывало. Ты не лукавь, я, вишь, прямо сказываю. Да и бѣды намъ объ этомъ толковать нѣтъ никакой. Мы же не виноваты. Неушто ты ничего не видишь?

— Вѣстимо,—отозвался Копчикъ,—есть что-то.

— Да что̀ по твоему.

Копчикъ тряхнулъ плечами.

— Кто же его знаетъ. Прибить его тамъ не могли, то-ись исколотить. Были бы синяки, что ли, на лицѣ. Или поймали въ чемъ, выпустили на время, а нонче посадятъ въ крѣпость.

— Нѣтъ, Василій, не то. Не таковъ онъ, чтобы бояться того, что будетъ. Приди къ нему въ горницу смерть сама, онъ до тѣхъ поръ будетъ фыркать на нее, покуда она не схватитъ, прости Господи, за воротъ, да подъ себя не подомнетъ. Онъ не боится того, что можетъ случиться. Онъ спасуетъ только предъ тѣмъ, что было, вотъ сейчасъ было. Если бы ему пригрозили крѣпостью, онъ бы, все-таки, фыркалъ или говорилъ: ладно, тамъ еще видно будетъ. Что-нибудь ужъ приключилось не поправимое.

И Шваньскій вдругъ раскрылъ широко глаза, раскрылъ ротъ и выговорилъ:

— Знаешь, что?

При видѣ лица Шваньскаго, Копчикъ тоже невольно встрепенулся.

— Не померла ли она въ эту ночь,—выговорилъ Шваньскій.

И наступило молчаніе. Оба стояли разиня ротъ.

— Отъ питья не померла ли она, Василій? Съ Мареушей ничего не было, а вѣдь та, все-таки, баронесса. Ну, вдругъ лежитъ мертвая... Вотъ онъ и сталъ эдакій.

Догадка Шваньскаго показалась и Копчику самой подходящей.

— Стало, все-таки, въ отвѣтѣ будетъ,—прибавилъ Копчикъ послѣ небольшой паузы.—Да и вамъ не хорошо будетъ!

— Я тутъ при чемъ? Какимъ это способомъ? Въ отвѣтѣ Авдотья, а, можетъ, и она отвертится. Кому на умъ эдакая пакость придетъ. Вонъ Мареуша сама говорила, что угорѣла. И тамъ скажутъ доктора, угорѣла или лопнуло что-нибудь внутри и померла. Нешто люди такъ не мрутъ? Кому же эдакая дьвольская затѣя на умъ придетъ.

Наступило снова молчаніе и, наконецъ, Шваньскій выговорилъ:

— Намъ-то что же дѣлать?

Копчикъ усмѣхнулся злобно.

— Мнѣ-то что же, Иванъ Андреичъ? Вы по своимъ разнымъ дѣламъ ступайте, а я сяду чайку напьюсь. Я-то ужъ совсѣмъ въ

сторонѣ. Непто я въ участіи. Жалѣть его, прямо вамъ скажу, въ первый, да можетъ и въ послѣдній разъ, жалѣть мнѣ его не рука. Онъ злодѣй. Какъ его ни поворачивай, со всѣхъ сторонъ онъ злодѣй. И былъ, и есть, и будетъ завсегда. Такъ нехай его хоть въ Сибирь, хоть въ преисподнюю! Вы еще этого отъ меня не слыхали? Ну, такъ вотъ вамъ!...—И лакей быстро вышелъ изъ горницы.

Между тѣмъ, Шумскій былъ уже на другомъ краю города и подъѣзжалъ къ квартирѣ Квашнина. Нетерпѣніе повидаться съ другомъ было такъ сильно, что Шумскій въ эту минуту боялся только одного—не застать Квашнина дома. По счастію, на вопросъ о баринѣ лохматая и чумазая кухарка отвѣтила:

— Пожалуйте, собираются выходить.

Когда Шумскій вошелъ къ пріятелю, тотъ, не подавая руки, вытаращилъ глаза и выговорилъ:

— Аль приключилось что-нибудь?

Квашнина тоже поразило лицо Шумскаго.

— Да, приключилось,—глухо отозвался Шумскій.—Къ тебѣ за помощью. Сядемъ-ка.

Пріятели молча сѣли. Квашнинъ ждалъ, глядя на друга. Шумскій молчалъ, тяжело переводя дыханіе, затѣмъ глубоко вздохнулъ и выговорилъ:

— Дай мнѣ чаю... Чего-нибудь... Внутри горитъ какъ отъ перепоя. Ну, чаю, что ли.

— Да ты скажи, въ чемъ дѣло?

— Нѣтъ, обожди. Сразу не могу. Да и дѣло короткое, простое. Прикажи дать чаю.

Квашнинъ распорядился и снова подсѣлъ къ Шумскому, уже съ участіемъ глядя ему въ лицо.

— Нарвался на бѣду,—выговорилъ онъ.—Поймали на мѣстѣ. Теперь судить будутъ, въ солдаты разжалуютъ. Я и такъ все понимаю.

— Ничего ты не понимаешь.

— Догадался, тебѣ говорятъ. Что же другое-то можетъ быть.

— Никакого чорта ты не догадался. Совсѣмъ не то. Кабы я добился своего, да поймали бы, такъ не обидно и было бы. Въ эдакомъ случаѣ я бы ходилъ гоголемъ. Что мнѣ твое солдатство!.. Невидаль какая! Нѣтъ, хуже. Меня раздавили.

— Кто? Какъ? Каретой?

Шумскій махнулъ рукой.

— Каретой бы ничего. Синякомъ отдѣлался бы, либо на мѣстѣ остался.

Понемногу, какъ бы собравшись съ духомъ, Шумскій заговорилъ и передалъ пріятелю все подробно. Наступило молчаніе.

— Ну, что же?—нетерпѣливо вымолвилъ Шумскій.

— Что? Ничего,—развелъ руками Квашнинъ.—Что же я скажу?

По моему разсужденію... Ты-вѣдь вотъ обозлишься сейчасъ... По моему разсужденію—все слава Богу. Помѣшали тебѣ загубить невинную дѣвушку и помѣшали тебѣ преступникомъ содѣяться. Ну, слава тебѣ Господи, лучшаго желать нельзя было.

— Ахъ, Квашнинъ,—выговорилъ Шумскій съ страннымъ чувствомъ.—За что я тебя люблю? Что̀ я въ тебѣ нашелъ? Непонятно. Хуже ты всякаго хама судишь.

— Спасибо.

— Такъ ты низко берешь иныя вещи на свѣтѣ, такъ глупо разсуждаешь. Ну, прямо хамъ, животное безразсудное.

— Спасибо,—снова выговорилъ Квашнинъ шутливымъ тономъ.—За что жалуешь. Право не сто̀ю...

Шумскій махнулъ рукой и отвернулся.

— Что же, я одинъ что ли такой уродился?—вдругъ, будто самъ себѣ, произнесъ онъ.—Что же, во мнѣ одномъ, что ли, такой огонь горитъ, о которомъ вы и во снѣ не знавали? Отчего же мнѣ весь міръ такая дрянь, что если бы я могъ, я бы раздавилъ его пятой, какъ козявку. Только потому и не трогаю, что не подъ силу. А то бы все, и людей всѣхъ, и все живущее, и всю эту нашу планету треклятую и дурашную, со всѣми звѣздами, да и съ солнцемъ, все бы это обратилъ въ прахъ.

— Ну, опять дымить началъ,—проговорилъ Квашнинъ.—Это уже совсѣмъ глупо. Вѣдь эдакъ и собака ночью на дворѣ по цѣлымъ часамъ на луну лаетъ. Что же, вѣдь ты просто лаешься на планету да на все живущее на землѣ. Тьфу, глупость какая! Можетъ же человѣкъ умный дойти до эдакаго озорства, чтобы начать злиться на весь міръ Божій, на солнце и на луну. Вѣдь ты, Михаилъ Андреевичъ, сталъ будто прихварывать. Опомнись.

Квашнинъ сказалъ все это съ чувствомъ, съ дрожаніемъ въ голосѣ.

Шумскій опустилъ голову и произнесъ тихо:

— Да, пожалуй, можетъ и въ самомъ дѣлѣ хворость какая. Раздавленъ я, братъ. Прямо-таки чувствую, что раздавленъ, во прахъ меня обратили. И вотъ потому-то и я долженъ его обратить во прахъ, да только въ настоящій прахъ, въ то, что за ноги берутъ, да въ гробъ кладутъ и въ землю зарываютъ. Вотъ за этимъ-то я къ тебѣ и пріѣхалъ.

— Драться съ нимъ? Ну, ужъ придумалъ...

Квашнинъ пожалъ плечами.

— Зачѣмъ? Не вижу я никакого резона. Убьешь ты его, отъ этого толку мало будетъ; а онъ тебя убьетъ, и совсѣмъ глупо.

— Иначе нельзя. Ты прямо говори, отказываешься быть мнѣ въ помощь.

Квашнинъ молчалъ.

— Если откажешься, я къ другому поѣду. Найдется же въ Пи-

теръ порядочный товарищъ, который согласится для меня пострадать.

— Нѣтъ, отказываться я не стану,—отозвался Квашнинъ.—Да и что же! Секунданты почти и въ отвѣтъ не идутъ, посадятъ на полгода въ крѣпость. — Я для тебя готовъ и больше высидѣть, только дѣло-то мнѣ сдается глупымъ.

— Ну, глупо или нѣтъ, то другое дѣло, а надо намъ обсудить, какъ заставить его драться.

— Заставить немудрено.

— Нѣтъ, Петя, мудрено. Онъ, мерзавецъ, сказалъ мнѣ: «даю честное слово, что съ вами драться не стану».

— Вотъ какъ?!. Трусишка да еще честное слово даетъ!..

— Нѣтъ, Петя, онъ хитритъ, хотя и на труса не похожъ. Онъ сказалъ: «стрѣляйте въ меня на улицѣ или въ домѣ, гдѣ меня встрѣтите, на то ваша воля. Можете, конечно, убить, но за то пойдете въ Сибирь или въ солдаты, а на честный поединокъ я съ вами не пойду». И сказалъ онъ все это холодно и крѣпко.

— Это что же такое? Я ужъ что-то не пойму.

— Нѣмецкая штука.

— Какъ, то есть?

— Да такъ, нѣмецкая штука. Драться онъ со мною боится и увѣренъ, что я не рѣшусь просто въ него палить, чтобы въ солдаты идти. Вотъ дѣло-то и уладится. Это по его! А по моему, онъ вретъ, собака! Онъ нѣмецъ, гоноръ у нихъ, надо правду сказать, сильнѣе, чѣмъ въ насъ. Коли здорово обидѣть его, при всѣхъ оскорбить, онъ полѣзетъ, станетъ драться. Вотъ на это у меня весь разсчетъ. Одного боюсь, что онъ честное слово далъ.

— Какъ же, то есть?—спросилъ Квашнинъ.

— Пойми, я его доведу не мытьемъ, такъ катаньемъ, до того, что онъ будетъ желать драться. Но его остановитъ его же честное слово. Нѣмецъ тоже на это смотритъ по своему. Далъ честное слово, измѣнить нельзя. Какъ мы изъ этого всего выдеремся, я теперь и ума приложить не могу.

— А я, братецъ мой, ничего и теперь въ толкъ не возьму.

— Фу, Господи! Чего проще. Послѣ здороваго тумака онъ бы радъ душей драться. И радъ бы да нельзя, потому что далъ, молъ, честное слово, что не буду. И не могу, молъ. Вотъ ты тутъ и вертись съ нимъ.

— Да, понялъ теперь,—произнесъ Квашнинъ.—Это вѣрно. Я этихъ нѣмцевъ тоже малость знаю. Это точно. Но что же теперь дѣлать?!.

— А теперь одѣвайся и поѣдемъ его искать по городу.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы пробовать... Надо мнѣ ему побольше лю-

безностей наговорить. Такъ усахарить, чтобы онъ на меня, какъ бѣшенная собака полѣзъ. Авось мы его въ Питерѣ разыщемъ.

— Почему же сейчасъ?

— Нѣтъ, ужъ, братецъ мой, извини. Если я его до вечера нигдѣ не найду и не изувѣчу, то, кажется, у меня сердце лопнетъ отъ натуги и самъ къ вечеру издохну. Живѣй собирайся. Онъ въ эту пору всегда бываетъ въ трактирѣ на углу Конюшенной. Быть не можетъ, чтобы на мое несчастіе сегодня его теперь тамъ не нашлось. Нѣтъ, сердце во мнѣ радуется, вѣрно чуетъ, что онъ тамъ.

И Шумскій, поднявшись съ мѣста, въ первый разъ улыбнулся, а затѣмъ, хотя и злобно, но разсмѣялся.

— Авось, Богъ дастъ,—весело выговорилъ онъ, потирая руки,—черезъ какихъ-нибудь полчасика, я изъ него того понатворю, что и самъ не знаю, и никто не знаетъ, самъ Господь Богъ не знаетъ. А ужъ отвѣчаю головой, что завтра въ эту пору мы съ нимъ другъ въ дружку палить будемъ. Отвѣчаю тоже, что въ тотъ же вечеръ будетъ панихида. Только по комъ, вотъ, братецъ ты мой, загадка.

И послѣ небольшой паузы Шумскій прибавилъ:

— И чудится мнѣ, что по немъ!

— У тебя глазъ скверный,—сказалъ Квашнинъ, улыбаясь.— Не надо никогда идти на поединокъ въ убѣжденіи, что убьешь. Лучше бояться за себя и ждать... смерти... Тогда выгоритъ.

— Ну, а если, не смотря ни на что,—воскликнулъ вдругъ Шумскій,—онъ не станетъ драться... откажется наотрѣзъ!..

— Тогда брось... Свое сорвалъ!..

— Ни за что... Тогда, тогда... я его застрѣлю просто...

— И въ солдаты! А то и въ каторгу?..

— Да.

— Ужъ очень это глупо, братецъ мой.

— Чтожъ дѣлать! Другого никакого исхода нѣтъ!..

Графъ Е. А. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

XXVII.

«... Знакомы мнѣ и радость и печаль,
«И дней моихъ уже лампада догораетъ,
«Но часто прежняго мнѣ жаль:
«О немъ въ раздумін душа моя мечтаетъ...»

Мятлевъ.

ЛѢТО 1831 года моя мать оставалась бо̀льшею частію въ Петербургѣ, не имѣя возможности слѣдовать за своимъ мужемъ; провела она все это время въ постоянныхъ безпокойствахъ и душевныхъ волненіяхъ. Не зная съ точностью мѣстопребываніе Николая Ивановича и получая отъ него извѣстія крайне неисправно, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, Ольга Сергѣевна предавалась самымъ чернымъ мыслямъ, и писала отцу наугадъ въ Минскъ, Брестъ, Бѣлостокъ, Пултускъ, Плоцкъ, смотря по доходившимъ до нея слухамъ о движеніяхъ арміи.

Къ душевнымъ безпокойствамъ Ольги Сергѣевны присоединялись и вещественныя заботы, при совершенной неизвѣстности, что̀ будетъ дальше.

Дѣдъ и бабка наняли въ половинѣ іюня дачу въ Павловскѣ, по близости къ Александру Сергѣевичу, переѣхавшему съ молодой женой въ Царское; въ деревню же порѣшили лѣтомъ 1831 года не заглядывать, и держаться вдали отъ разныхъ заботъ о сельскомъ хо-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 26.

зяйствѣ, на которое Сергѣй Львовичъ, чтò называется, тогда и рукой махнулъ.

Привожу за это время нѣсколько выдержекъ изъ подлинныхъ французскихъ писемъ, на сколько они касаются быта моей матери и ея родныхъ.

«Никогда мнѣ такъ не было грустно, какъ въ настоящую минуту»,—пишетъ Ольга Сергѣевна мужу въ концѣ мая,—«воображаю тебя среди неустранимыхъ опасностей, въ краѣ враждебномъ, зараженномъ холерой, представляя тебя то больнымъ, то убитымъ злодѣями-мятежниками. Не повѣришь, въ какомъ я отчаяніи, что ты уѣхалъ въ Польшу, а какъ нарочно—черезъ недѣлю послѣ твоего отъѣзда въ этотъ глупѣйшій край,—открылась вакансія консула въ Смирнѣ. Вакансію предложили твоему же бывшему товарищу въ азіатскомъ департаментѣ Габбе; но по болѣзни жены, которая не могла за нимъ слѣдовать, онъ отказался и подыскалъ, взамѣнъ себя, другаго сослуживца. Очень, очень жаль. Служилъ бы ты не въ Польшѣ, рискуя жизнью, а жилъ бы со мной неразлучно въ прекрасномъ климатѣ, при весьма порядочномъ — можно сказать—завидномъ всякому жалованьѣ, а теперь Богъ вѣсть, какая будущность насъ ожидаетъ.

«Александръ въ Царскомъ; не знаю куда уѣдутъ **дражайшіе**[1]) родители. Ничего не рѣшили: въ деревню, или въ Павловскъ».

«Братъ Александръ занимаетъ прелестную дачу въ Царскомъ. Чего хочешь, того просишь; прогостила я у новобрачныхъ три дня, а новобрачные кажется другъ другомъ очень довольны. Моя невѣстка (Наталья Николаевна) очаровательна во всѣхъ отношеніяхъ. (ma belle soeur est charmante sous tous les rapports). О ея наружности скажу, что она изъ такихъ красавицъ, какихъ встрѣтишь рѣдко не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и Александръ совершенно правъ, называя ее Мадонной; въ самомъ дѣлѣ: греческій, вполнѣ правильный профиль, ростъ, гораздо выше средняго, стройный станъ, при нѣкоторой худощавости, безукоризненныя черты лица—все это, привлекая общее вниманіе, придаетъ внѣшности его жены какое-то величіе а главное, она предоброе дитя (tout à fait bonne enfant), и кажется далеко не глупа (bien loin d'être sotte). Правда, еще застѣнчива, но и этотъ милый порокъ съ лѣтами пройдетъ. Дай Боже, чтобы она сдѣлала брата счастливымъ, и успокоила бы его. Между тѣмъ, онъ и она—двѣ противуположности, — Вулканъ и Венера, Кирикъ и Улита. Ей недоступны ни безпокойства, ни гнѣвъ, а братъ иногда становится капризенъ, какъ беременная женщина, и ворчливъ какъ шестидесятилѣтній старецъ (mon frère devient quelquefois capricieux comme une femme enceinte, et grognon comme un barbon de soixante ans), чтò впрочемъ ему,

---

[1]) Слово написано порусски и подчеркнуто.

при тѣхъ непріятностяхъ, какими его безпрестанно угощаютъ «добрые люди», извинительно. Надѣюсь, жена будетъ его утѣшеніемъ, если не ангеломъ хранителемъ»...

... «Холера появилась въ Петербургѣ»—сообщаетъ моя мать Николаю Ивановичу отъ 18 іюня,—«и сдѣлала намъ визитъ изъ Нарвы, гдѣ очень напроказила. Холеры я хотя ни мало не боюсь, но должна выѣхать отсюда, и поселиться на нѣкоторое время въ Царскомъ у брата. Меня къ этому принуждаютъ и онъ, и дражайшіе. Всѣ они вообразили, что мнѣ въ Петербургѣ холеры не миновать. Мама̀ вчера пристала съ криками, папа̀ со слезами, а тутъ и братъ пріѣхалъ ко мнѣ изъ Царскаго родителямъ на подмогу; Александръ сталъ меня бранить, зачѣмъ не переѣзжаю къ нему съ «дражайшими» немедленно спасаться отъ болѣзни; укорялъ онъ меня въ упрямствѣ, не понимая, что въ полчаса нельзя мнѣ уложить вещи, расчитаться съ кѣмъ слѣдуетъ, да сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія по оставляемому хозяйству. Насилу доказала брату, что мнѣ раньше трехъ дней переѣхать къ нему невозможно.—«Если черезъ три дня не увижу тебя у меня въ Царскомъ, то самъ заѣду за тобой, да увезу къ себѣ насильно; вотъ мои послѣднія слова»...

«Что же мнѣ дѣлать? Приходится уступить, чтобы успокоить и брата, и дражайшихъ. Собираюсь и укладываюсь, но этимъ уступки мои кончатся, и я изъ Царскаго далѣе ни шагу. Ни за что̀ на свѣтѣ не поѣду съ «дражайшими» въ Михайловское, если паче чаянья имъ вздумается туда явиться; иначе не выпустятъ»...

... «Я еще въ Петербургѣ», — пишетъ Ольга Сергѣевна моему отцу отъ 22-го іюня. — «Родители, испугавшись холеры, уложились на скорую руку, и бѣжали къ Александру въ Царское безъ оглядки на другой же день послѣ того, какъ меня посѣтили съ братомъ, т. е. въ прошлый четвергъ (когда тебѣ писала),—18-го іюня. Подражать имъ физически — въ быстротѣ передвиженія—и нравственно—въ ихъ трусости—никакъ не могла, а по уговору съ Александромъ, располагала непремѣнно выѣхать отсюда въ субботу, 20-го іюня; но въ пятницу—19-го—мнѣ сказали, что городъ окруженъ какимъ-то кордономъ, а въ Пулковѣ устроили карантинъ, гдѣ останавливаютъ проѣзжихъ далеко не на сутки, да окуриваютъ удушливымъ хлоромъ, что̀ страшнѣе, по моему, всякой холеры. У насъ же въ городѣ отъ холеры—хочу тебя попугать такъ же, какъ и меня пугаешь Польшей—большая смертность; развозятъ по кладбищамъ въ сутки болѣе 250 человѣкъ, а въ домѣ, въ которомъ ты меня оставилъ, сію минуту скончался жилецъ верхняго этажа, старикъ Ростъ; за полчаса до смерти онъ былъ веселъ и отобѣдалъ съ большимъ аппетитомъ; вчера тоже внезапно отправилась на тотъ свѣтъ прислуга нижнихъ жильцовъ — молодая, здоровая дѣвушка,—за четверть часа передъ смертью стиравшая бѣлье. Зна-

чить, Александръ былъ правъ, совѣтуя бѣжать, но что же дѣлать?.. опоздала. Народъ въ отчаяніи, а фабричные, и мастеровые безчинствуютъ на улицѣ; страшно мнѣ изъ дома выходить, но и въ бѣдныхъ людей грѣшно бросать камень; они отчасти невиноваты: полиція никуда не годится, забираетъ въ лазареты пьяныхъ, принимая ихъ за больныхъ; а доктора — безпримѣрные невѣжды (qui sont d'une ignorance sans exemple) — понимающіе въ болѣзни и лѣкарствахъ еще меньше нежели мы съ тобой, душатъ этихъ несчастныхъ пьяныхъ такими микстурами, отъ которыхъ безхолерные превращаются въ холерныхъ [1]). Не можешь себѣ представить, что тутъ за содомъ! Легковѣріемъ народа пользуются мерзавцы, разсказывая ему ужасы разнаго рода; волосы становятся дыбомъ...

«... Съ часу на часъ ждутъ Государя [2]), какъ слышала сегодня отъ моего кузена, графа Константина Николаевича Толстаго, и твоего товарища Бухольца. Оба они только-что ушли. Что будетъ дальше—неизвѣстно.

«... Ходятъ вотъ еще какіе слухи, но на сколько вѣрны, сказать не могу: будто бы надняхъ обнаружили гнусный заговоръ, и посадили въ Петропавловскую крѣпость пятьсотъ человѣкъ, подкупленныхъ врагами Россіи. Говорятъ, эти чудовища (ces monstres) дѣйствовали на счетъ холеры, которая не совершила и четвертой части приписываемыхъ ей опустошеній.

«Какъ бы ни было, я въ ужасномъ положеніи, не будучи увѣрена въ завтрашнемъ днѣ, а отсюда теперь двинуться къ Александру не могу. Развѣ рѣшусь на рискъ.

«Всѣ разъѣхались заблаговременно, кто могъ. Жуковскій въ Царскомъ, Плетневъ въ Ораніенбаумѣ, Марковъ выѣхалъ въ Кронштадтъ, Нодены въ Ревель, а вдова Дельвигъ въ Москву...»

Ольга Сергѣевна дѣйствительно рѣшилась ѣхать въ Царское на рискъ, и вынуждена была возвратиться назадъ. Александръ Сергѣевичъ, называя попытку сестры въ своемъ письмѣ къ Прасковьѣ Александровнѣ «шалостью» [3]), остался этой попыткой очень недоволенъ, вслѣдствіе чего и черкнулъ сестрѣ довольно рѣзкое посланіе. О случившемся моя мать разсказываетъ Николаю Ивановичу отъ 7-го іюля слѣдующимъ образомъ:

«... Путешествіе мое въ Царское совершенно не удалось. Желая избѣгнуть карантина, я рѣшилась сдѣлать крюкъ, и пріѣхала на мѣсто благополучно, хотя и поздно вечеромъ, но позвонила по ошибкѣ не къ брату, у котораго остановились отецъ и мать до

---

[1]) Эта фраза написана порусски.

[2]) Императоръ Николай I дѣйствительно былъ въ Петербургѣ на другой день, 23-го іюня, и усмирилъ бунтъ на Сѣнной площади. Л. П.

[3]) См. Письма Пушкина въ VIII томѣ Суворинскаго изданія.

переѣзда ихъ въ Павловское, а къ его сосѣдкѣ—нашей доброй старушкѣ Архаровой. Вообразивъ, что это не я, а сама петербургская холера въ моемъ образѣ пожаловала къ ней въ гости, Архарова закричала отъ испуга, указала на дачу Пушкиныхъ, и крикомъ своимъ произвела суматоху всеобщую. Я къ дражайшимъ; мать, въ особенности же отецъ—Александръ и жена его были въ гостяхъ—перепугались еще хуже Архаровой; не холера, а страхъ заразителенъ, и вотъ не прошло получаса, какъ меня отвозятъ съ «тріумфомъ» въ каретѣ, въ сопровожденіи госпожи полиціи, и отвозятъ будто бы для того, чтобы выдержать карантинъ, но на повѣрку моимъ глазамъ представился не карантинъ, а кордонъ, откуда мнѣ безъ дальнихъ разговоровъ указали обратную дорогу—въ сѣверную столицу. Александръ, узнавъ о моемъ походѣ, тоже встревожился, и на меня разсердился жестокимъ образомъ. Написалъ онъ мнѣ такое дерзкое и неумное письмо, что готова быть погребенной заживо, если только оно когда-либо дойдетъ до потомства, а судя по стараніямъ брата мнѣ его отправить, кажется, Богъ меня прости, онъ на это и расчитывалъ. (Alexandre m'a écrit une lettre si impertinente et sotte, que je veux être enterrée toute vive, si jamais elle sera vouée à la postérité; vu la peine qu'il s'est donnée à me l'envoyer, il paraît, Dieu me pardonne, qu'il en avait l'espoir). Между прочимъ, братъ меня очень энергически укоряетъ въ томъ, что я не исполнила его приказанія (?) ѣхать къ нему въ Царское заблаговременно, до холеры, когда за мной заѣзжалъ. А письмо кончаетъ фразой: «чортъ знаетъ что такое», которую написалъ огромными буквами...»

Впрочемъ, гнѣвъ дяди Александра на сестру былъ весьма непродолжителенъ. Онъ очень хотѣлъ ее видѣть, однако подъ условіемъ, чтобы она выдержала карантинъ, что̀ и доказывается слѣдующей его французской припиской къ письму Сергѣя Львовича отъ 12-го іюля:

«Милая Ольга! Сію минуту получилъ записку отъ Жуковскаго. Онъ сообщаетъ, что выхлопоталъ для тебя позволеніе у князя Волконскаго пріѣхать къ намъ, выдержавъ предварительно карантинъ въ Каменкѣ,—единственный остающійся въ Царскомъ Селѣ; во всей же имперіи карантины сняты. Посылаю тебѣ письмо Жуковскаго въ подлинникѣ, которое онъ мнѣ писалъ, и тебѣ остается только пойти къ Булгакову. Булгаковъ вручитъ тебѣ билетъ Волконскаго. Да приведетъ тебя Богъ къ намъ; скоро соединимся и будемъ въ состояніи гулять вездѣ, гдѣ намъ угодно. Прости за рѣзкость прошедшаго письма, и не сердись».

(Chère Olga! A l'instant je viens de recevoir un billet de Joukofsky; il m'apprend, qu'il a obtenu pour vous une permission du prince Wolkonsky de venir chez nous, en subissant préalablement la quarantaine à Kamienka. C'est la seule instituée à Царское Село, quoique les autres

dans tout l'empire sont abolis. Je vous envoie la lettre de Joukofsky en original, qu'il m'ecrit. Vous n'avez qu' à faire une petite visite à Boulgakoff; il vous remettra le billet de Wolkonsky. Que le bon Dieu vous ramène auprés de nous. Bientôt nous serons réunis et libres de nous promener, où bon nous semble. Excusez moi de vous avoir ecrit une lettre aussi brusque la fois passée, et ne vous fâchez plus contre moi).

Не желая подчиняться стѣснительнымъ формальностямъ, Ольга Сергѣевна разсудила, помимо полученнаго разрѣшенія, посѣтить брата въ Царскомъ и родителей въ Павловскѣ не иначе, какъ при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ, что̀ и исполнила въ половинѣ августа.

О своемъ пребываніи у брата она пишетъ Николаю Ивановичу отъ 19-го августа слѣдующее:

«Александръ въ восторгѣ: прогуливаясь съ Наташей въ Царскосельскомъ паркѣ, онъ встрѣтилъ императора и императрицу. Ихъ величества остановились, чтобы говорить съ ними, а государыня заявила моей невѣсткѣ, что очень рада съ ней познакомиться, и сказала ей много другихъ милостивыхъ и ласковыхъ словъ (l'Impératrice a dit à Nathalie, qu'elle était charmée de faire sa connaissance, et mille autres choses très gracieuses et très aimables). И вотъ Наташа волей неволей должна явиться ко двору. Она очень застѣнчива, а потому въ отчаяніи; за то Александръ на седьмомъ небѣ, и когда воротился домой, не зналъ отъ радости куда дѣвать свою особу, приговаривая: «Сестра! Теперь не только я, какъ поэтъ, знаменитость, но и Наташа будетъ знаменитостью; чѣмъ же она хуже хваленыхъ красавицъ: Фикельмонши, графини Мусиной-Пушкиной,—Пушкиной не простой,—да Зубовой?»

«Братъ, конечно, порѣшилъ, послѣ этого, бывать съ женой въ большомъ свѣтѣ, и принимать у себя высшее общество, которое меня ничуть не забавляетъ, а мои друзья поэтому не могутъ быть ихъ друзьями. (Ils se propose d'aller dans le grand monde, et de recevoir du monde, qui ne m'amuse guère, et par conséquent mes amis à moi ne seront pas les leurs)».

«Братъ очень обрадованъ и другой милостью»,—продолжаетъ Ольга Сергѣевна.—«Ему удались хлопоты у Бенкендорфа позволить ему описывать подвиги Петра Перваго, Екатерины II-й и заниматься для этого въ архивахъ, на что̀ Александръ получилъ разрѣшеніе. Кстати о Бенкендорфѣ: намедни, гуляя съ братомъ, я встрѣтила этого господина. Наружность его очень мало привлекательна, а улыбка какая-то кислосладкая: точно въ лимонъ укусилъ, какъ выражается братъ Леонъ [1]).

«Александръ, точно такъ же какъ я, очень сквернаго мнѣнія о Польшѣ; называетъ и онъ ее краемъ сумасшедшихъ; надѣется

[1]) Послѣдняя фраза порусски.

что мятежниковъ скоро усмирять, но совѣтуетъ мнѣ пока туда ноги не ставить, даже въ томъ случаѣ, если бы ты и болѣе года сюда не являлся. «Въ твои лѣта, Ольга,—говорить онъ мнѣ,—не легко тебѣ разстаться съ мѣстомъ, гдѣ провела пору цвѣтущей молодости, и пріобрѣла незамѣнимыхъ друзей; не говорю уже о твоихъ естественныхъ друзьяхъ. Пусть твой мужъ рисуетъ тебѣ сколько ему угодно счастіе проживать въ Польшѣ—вдали отъ родины; не вѣрь заманчивымъ картинамъ, самъ не знаетъ, что говоритъ. Уѣхать на время изъ Петербурга, гдѣ климатъ, правда, никуда не годится—другое дѣло, но разстаться съ Россіей навсегда—не допускаю и повторяю правило Вольтера: «le mieux est l'ennemi du bien».

«Дай Богъ»,—продолжаетъ Ольга Сергѣевна,—«чтобы кампанія съ «польскими шутами» кончилась скорѣе; затѣмъ въ Польшѣ пробудешь не долго, такъ какъ правленіе Энгеля временное: онъ воротится, и можетъ тебя въ Петербургѣ какъ-нибудь пристроить.

«Александру я говорила, что до сихъ поръ не могу получить изъ коммисаріата высланныя мнѣ тобою деньги еще въ апрѣлѣ. Братъ хочетъ на это жаловаться власть имущимъ (aux autorités), и войдя въ мое положеніе, снабдилъ меня средствами на цѣлый мѣсяцъ, но пока я останусь у него, тоесть еще недѣльку, онъ запретилъ мнѣ ихъ трогать, а объ отцѣ сказалъ: «на дражайшаго не расчитывай: никогда не получишь, что̀ должна получить отъ него: оброкъ пропалъ, а Михайловское родители рискуютъ видѣть проданнымъ съ аукціона; отецъ не можетъ выплатить казнѣ процентовъ, и сидитъ теперь безъ копѣйки (il n'a pas le sou vaillant). Постараюсь, какъ можно скорѣе, выручить его изъ этой бѣды, когда напечатаю мои повѣсти [1]), но теперь не могу этого сдѣлать изъ назначеннаго мнѣ Государемъ жалованья, а мои «Годуновскія» деньги на исходѣ».

«Александръ и я очень тебя просимъ написать, гдѣ стоитъ Финляндскій драгунскій полкъ, куда поступилъ нашъ храбрый Левъ. Если по близости отъ тебя, то постарайся его увидѣть. Братъ и я очень о немъ безпокоимся, я же особенно.

«... Два послѣднія твои письма дошли до меня распечатанными, и я разсказала вчера объ этомъ Александру, въ присутствіи Жуковскаго и Россети. Всѣ нашли любопытство почтамтскихъ чиновниковъ неприличнымъ, а братъ замѣтилъ: «Да развѣ въ патріотическомъ образѣ мыслей и безукоризненной службѣ Николая Ивановича царю и отечеству можно сомнѣваться?»,—и тутъ же примѣнилъ къ усердному почтамтскому чиновнику поговорку: «Заставь дурака Богу молиться—лобъ расшибетъ».

«Сегодня Александръ подарилъ мнѣ вышедшій недавно романъ

---

[1]) Кажется, повѣсти Бѣлкина. Л. П.

Виктора Гюго «Notre Dame de Paris». Объ этой книгѣ мнѣ трубили съ такимъ рвеніемъ вездѣ, куда бы ни заходила, что отбили у меня охоту не только прочесть, но и взглянуть даже на нее. Братъ сказалъ, что подноситъ мнѣ новое твореніе Гюго, именно, чтобы меня подразнить и разбѣсить.

«... Надняхъ я была въ Павловскѣ у дражайшихъ. Просятъ меня помочь отыскать для нихъ какъ можно скорѣе городскую квартиру, и завтра мамà уѣзжаетъ со мной для этого въ Петербургъ; проживетъ у меня съ недѣлю, можетъ быть и больше, пока не отыщемъ...

«... Переслала ли я тебѣ оду Александра «Клеветникамъ Россіи»? [1]). Не можешь себѣ вообразить, какой она здѣсь производитъ эффектъ, а Жуковскій отъ нея въ восторгѣ. Постарайся-ка распространить ее въ дурацкой твоей Польшѣ (dans votre sotte de Pologne). Александръ говоритъ, что онъ хотѣлъ заклеймить не столько «безмозглыхъ» мятежниковъ, сколько иностранныхъ недоброжелателей нашихъ. Толкуютъ они о Россіи всякій вздоръ и въ газетахъ и во французской палатѣ депутатовъ, а въ Лондонѣ какой-то шляхтичъ сочинилъ преглупую записку съ тѣмъ, чтобы о ней болтали въ парламентѣ. Братъ мнѣ объ этомъ разсказывалъ [2]), и непремѣнно хочетъ отыскать между истыми русскими патріотами такого знатока французской поэзіи, который могъ бы перевести «Клеветникамъ Россіи»; иначе, дальше Россіи обличеніе это не пойдетъ, что̀ и будетъ даромъ потраченной для господъ иностранцевъ риторикой (et cela sera une rhétorique en pure perte pour messieurs les étrangers)».

Извѣстіе о взятіи штурмомъ Варшавы такъ обрадовало дядю, какъ увѣряла Ольга Сергѣевна, что онъ прослезился отъ взволновавшихъ его чувствъ, которыя и не замедлилъ выразить въ своей знаменитой «Бородинской годовщинѣ», не уступившей по силѣ и достоинству предшествовавшей ей одѣ. Оба стихотворенія тогда же были напечатаны отдѣльной книжкой, вмѣстѣ съ «**Русской славой**» Василія Андреевича Жуковскаго,—одой, начинающейся словами:

«Святая Русь, славянъ могучій родъ,
«Сколь велика, сильна твоя держава» [3]).

---

[1]) Дядя написалъ эту оду въ Царскомъ же Селѣ 5-го августа того же 1831 года. Л. П.

[2]) Вѣроятно, Ольга Сергѣевна подразумѣеваетъ записку не «неизвѣстнаго», какъ она полагаетъ, шляхтича, а ноту, поданную въ мартѣ 1831 года лорду Пальмерстону польскимъ депутатомъ маркизомъ Велепольскимъ. Записка Велепольскаго напечатана была тогда и въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ въ видѣ брошюры, составляющей теперь библіографическую рѣдкость, которую подарилъ мнѣ мой покойный отецъ, въ числѣ другихъ курьезовъ. Л. П.

[3]) См. т. III, Стихотвореній Жуковскаго, изд. пятое, стр. 825.

Объ этомъ Ольга Сергѣевна пишетъ отцу изъ Петербурга 10-го сентября 1831 года, между прочимъ:

«Варшава взята, стрѣляютъ изъ пушекъ, городъ залитъ иллюминаціей. Назначено благодарственное молебствіе, и торжественный парадъ въ высочайшемъ присутствіи. Стихи Александра и Жуковскаго на взятіе Варшавы приводятъ всѣхъ въ восторгъ необычайный. Говорятъ, очень понравились государю; ихъ читаютъ вездѣ, разучиваютъ наизусть; нашлось много охотниковъ переводить ихъ и пофранцузски, и понѣмецки (было бы забавно перевести попольски!), и коверкать ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Въ числѣ такихъ переводчиковъ или исказителей (au nombre de ces auteurs ou estropieurs) нашелся, къ своему несчастію, бывшій мой почитатель (mon ex-adorateur) Бакунинъ; говорю «къ своему несчастію», такъ какъ не щадилъ ни силъ, ни трудовъ, стряпая наше русское кушанье на французскій ладъ; даже похудѣлъ, бѣдняга, но изъ его стряпни вышелъ такой соусъ, который и въ ротъ не возьмешь. Пришелъ ко мнѣ и сталъ читать. Я должна была волей неволей отпустить ему дипломатическій комплиментъ; Бакунинъ обрадовался, да и пригрозилъ дать попробовать свой соусъ Александру, но я отсовѣтывала, сообразивъ, что братъ можетъ этому труженнику намылить голову по своему. Явился и нѣмецкій исказитель «Бородинской годовщины», какой-то учитель (Schulmeister). Этотъ ужъ изъ рукъ вонъ: переводъ вчетверо хуже бакунинскаго.

«Братъ вручилъ мнѣ свои стихи, писанныя собственной рукой, съ тѣмъ, чтобы я переслала ихъ черезъ тебя бѣднягѣ Александру Языкову—преображенскому капитану, ради утѣшенія: но Языковъ, какъ должно быть тебѣ извѣстно, такъ страдаетъ отъ тяжкой раны, полученной при взятіи непріятельской батареи, что ему не до стиховъ; посылаю на всякій случай. Передай ему ихъ, да отпиши Александру Сергѣевичу, какъ ты его нашелъ? Другой экземпляръ Александръ хочетъ послать своему пріятелю Саломірскому; этотъ тоже, говорятъ, сильно раненъ; разсказывали даже, что ему оторвало челюсть, но слухъ, къ счастію, оказался невѣрнымъ.

«Показала я брату присланныя тобою патріотическія солдатскія пѣсни Ширкова и Сіянова на знаменитый штурмъ; стихи, не въ обиду будь этимъ храбрымъ двумъ воинамъ сказано, незавидны. Братъ прочелъ, разсмѣялся и сказалъ: «изящнаго тутъ мало, но все же стихи остроумны, а главное въ «нихъ русскій духъ и Русью пахнетъ», кто во что гораздъ». Посылаетъ онъ этимъ піитамъ сердечный поклонъ, и очень радъ, что Левъ остановился вмѣстѣ съ Сіяновымъ у тебя. Не вдохновился ли и онъ музой своего пріятеля?

«Кстати или некстати: Александръ пріѣхалъ ко мнѣ вчера, въ среду, изъ Царскаго; долженъ былъ явиться въ иностранную коллегію, куда поступаетъ на службу; веселъ какъ мѣдный грошъ, забавлялъ меня остротами, уморительно передразнивалъ Архарову,

Ноденовъ, при чемъ не забылъ представить и «дражайшаго»[1]). Разсмѣшилъ онъ меня и фразой, пущенной по адресу твоей возлюбленной «Сѣверной Пчелы», изъ которой ровно ничего хорошенько узнать нельзя—ни о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, ни о томъ, когда послѣдуетъ возвращеніе гвардіи, ни о Модлинѣ, ни о Замостьѣ и проч., не говорю уже о политикѣ иностранной. «Ради Бога,—сказалъ Александръ,—читай что-нибудь подѣльнѣе «Сѣверной Пчелы»: эта драгоцѣнная газета сдѣлалась глупѣе тридцати шести пустыхъ горшковъ. (Au nom du ciel lisez quelque chose de plus sérieux que la «Сѣверная Пчела»: ce très cher journal est devenu plus bête que trente six pots vides)». Наконецъ, братъ сталъ немножко и надо мной подсмѣиваться, когда я ему сказала, что очень безпокоилась о тебѣ послѣднее время, воображая тебя убитымъ. Александръ на это покатился со смѣху, и отвѣчалъ: «Твой мужъ не въ строю, а въ чиновничьемъ полку Энгеля: не штыкомъ, а перомъ работаетъ, и вѣрь мнѣ, онъ обожаетъ тебя гораздо больше, нежели Донъ-Кихотъ обожалъ Дульцинею. Рыцарь печальнаго образа ломалъ копье въ честь своей дамы, между тѣмъ, какъ Николай Ивановичъ, заботясь о твоемъ спокойствіи и будущности, этого не сдѣластъ; твое предположеніе, будто бы твой рыцарь пошелъ добровольцемъ на штурмъ — не отъ міра сего. (Crois bien, que l'adoration de ton mari pour toi dépasse de beaucoup celle de Don-Quichotte pour sa Dulcinée. Le chevalier de la triste figure rompait sa lance en faveur de sa dame, tandis que Николай Ивановичъ, rien qu'en songeant à ta tranquillité et à ton avenir ne le fera pas, et ton idée comme si ton chevalier s'est présenté en volontaire à l'assaut est une idée de l'autre monde).

«Прочитавъ это нравоученіе и продолжая смѣяться, Александръ довольно сильно ущипнулъ меня за щеку, и проговорилъ: «Recevez cette caresse fraternelle! Vous n'êtes qu'une **Маремьяна старица, что обо всемъ на свѣтѣ печалится**». Но братская ласка-лаской, а его просьба при прощаньѣ, отыскивать ему такъ же, какъ для родителей, квартиру — мнѣ совсѣмъ не по нутру. Найдешь — не понравится, и на меня же посѣтуетъ: хочетъ непремѣнно поселиться, если не на англійской набережной, то по близости. Впрочемъ, переѣдетъ не раньше половины октября.

«Смѣется Александръ и надъ тобой, въ особенности же надъ твоимъ другомъ—барономъ Бухольцомъ, потому что вы оба «Орестъ и Пиладъ», какъ онъ выражается, сами не знаете, что дѣлаете.

«Александръ говоритъ справедливо. Зная мою городскую квартиру, ты пишешь мнѣ письма на имя твоего «Пилада», а «Пиладъ», не освѣдомясь, гдѣ живу, занимается ихъ отправкой въ Царское къ Александру. Братъ же, пересылавшій мнѣ твои письма неакку-

---

[1]) Сергѣя Львовича.

ратно,—а два письма не переслалъ вовсе,—сказалъ вчера въ оправданіе: «Не отправлялъ тебѣ писемъ твоего мужа изъ-за моего добраго сердца: я ихъ пожалѣлъ, и хотѣлъ, чтобы они у меня отдохнули; не то—устали бы бѣдняжки отъ длиннаго путешествія».

«Какъ видишь, расположеніе духа Александра великолѣпно. Онъ какъ нельзя болѣе обрадованъ и успѣхами въ большомъ свѣтѣ своей жены, и успѣхами на Руси второй, какъ онъ выразился, своей жены—музы, и оказанными ему царскими милостями, а, наконецъ,—сказалъ мнѣ по секрету,—осчастливленъ надеждой назвать себя будущей весной (1832 года) отцомъ семейства: Наташа, какъ онъ полагаетъ, беременна [1]).

«За то папа и мама въ отчаяніи; впрочемъ, сами кругомъ виноваты, что дѣла запутали. Въ практической жизни оба совершенные дѣти—и мало того: избалованные дѣти: не могутъ ни съ чѣмъ справиться, и только кричать: «вынь да положь!» Отыскала имъ квартиру у Синяго моста, но переѣдутъ изъ Павловска тоже не раньше октября. Я же, все тебя поджидая, и узнавъ, что Энгель мѣтитъ на мѣсто Закревскаго, разсчитываю, что и ты не застрянешь въ Польшѣ; поэтому и не трогаюсь изъ дома Дмитріева, гдѣ все тебя мнѣ напоминаетъ, и ни за что не соглашаюсь ни на какія просьбы брата Александра переѣхать къ нему; у него уже и безъ того гоститъ одна изъ его свояченицъ; ожидаетъ еще другую и безъ того заводитъ, значитъ, цѣлый гаремъ; выходитъ смѣшно: il sera le coq du village, а еще пристягнетъ и меня... этого только не доставало. Я ему высказала мои мысли въ шуточномъ тонѣ, и высказала такъ забавно, что братъ расхохотался; отвѣчалъ мнѣ на шутку шуткой: зная, что и ты, милый Николай, иногда не прочь посмѣяться, понимаешь невинныя шутки, а потому на него не обидишься, братъ попросилъ меня тебѣ написать, что сравниваетъ меня съ неутѣшной Пенелопой, ожидающей въ Итаку (въ домъ Дмитріева) своего Улиса (тебя), который послѣ взятія Трои (Варшавы), совершитъ въ Итаку окольный или лучше сказать школьный путь (il prendra le chemin de l'école), а лавируя теперь между Сциллой (предсѣдателемъ временнаго правленія Энгелемъ), да Харибдой (интендантомъ Погодинымъ [2]), попадетъ въ лапы на годъ къ Цирцеѣ какой-нибудь, а на семь лѣтъ къ Калипсо — тоже какой-нибудь; но тутъ сравненіе брату не удалось (Ici la comparaison lui a fait défaut)». . . . .

Хлопоты Ольги Сергѣевны отыскать для дяди городскую квартиру по его вкусу не увѣнчались, какъ она и предвидѣла, успѣ-

[1]) Надежды дядю не обманули: старшая дочь его, Марья Александровна, родилась 19 мая 1832 года.

[2]) Еще до своего прикомандированія къ генералъ-интенданту Погодину, (о чемъ ниже), отецъ, по его просьбѣ, писалъ для него изрѣдка бумаги на иностранныхъ языкахъ, въ которыхъ Погодинъ не былъ особенно силенъ.

хомъ. Нанятая квартира ему не понравилась, и онъ послѣ своего пріѣзда изъ Царскаго, не остался въ ней и на недѣлю; нашелъ другую, какъ пишетъ мать отъ 2-го ноября Николаю Ивановичу, за 2,500 рублей годовой платы, по Галерной улицѣ, въ домѣ Брискорна. Старики же остались выборомъ квартиры для нихъ Ольги Сергѣевны у Синяго моста очень довольны.

Веселое настроеніе не покинуло Пушкина съ его возвращеніемъ изъ Царскаго,—настроеніе, которое его тамъ вдохновило, какъ дядя сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, написать смѣшную сказку «О попѣ-осиновомъ лбѣ[1]) и работникѣ его Балдѣ».

При свиданіи съ сестрой, послѣ пріѣзда, первыя слова дяди были:

— «Поздравь меня, Оля! У меня еще гора съ плечъ свалилась: Онѣгина, Онѣгина, я кончилъ: понимаешь, Онѣгина! Правда, жаль было разлучиться съ такимъ хорошимъ десятилѣтнимъ знакомымъ[2]), «mais pas de bonne compagnie qu'on ne quitte», по французской пословицѣ: остается залить вѣчную горькую разлуку шампанскимъ»,— прибавилъ весело Пушкинъ, обращаясь къ сидѣвшимъ у Ольги Сергѣевны Мятлеву, и своему лицейскому товарищу Комовскому,— «право не худо...»

Послѣдніе три мѣсяца 1831 года Ольга Сергѣевна ограничивалась небольшимъ кружкомъ своихъ подругъ—Трубецкихъ, Анны Петровны Кернъ, Голицыныхъ, Талызиныхъ, г-жи Вейдемейеръ и дѣвицъ Шевичъ—съ которыми отводила душу. Изъ этого дружескаго кружка выбыла вдова поэта Дельвига: она еще въ іюнѣ,— слѣдовательно пять мѣсяцевъ спустя послѣ кончины мужа,—обвѣнчалась съ братомъ другого поэта—Сергѣемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ, но свадьбу объявила только въ октябрѣ, и выѣхала въ Москву.

Посѣщая и принимая своихъ подругъ, исполняя порученія родителей, наблюдая за сбытомъ литературныхъ трудовъ отсутствовавшаго Николая Ивановича, моя мать посвящала остальное время любимому своему занятію—акварельнымъ портретамъ—и, слѣдуя совѣту брата, продолжала свои «воспоминанія» на французскомъ языкѣ (mes souvenirs), въ которыхъ излагала весьма интересно—въ историческомъ порядкѣ—происшествія, случившіяся какъ въ домѣ ея родителей, такъ и въ домахъ родственныхъ ей семействъ—Ганибаловыхъ, Ржевскихъ, Бутурлиныхъ, Овцыныхъ и т. д., при чемъ характеризовала дѣйствовавшихъ лицъ, можно сказать, неподражаемо. Вскорѣ послѣ сказаннаго мною выше свиданія съ братомъ, она прочитала ему нѣсколько главъ, написанныхъ ею во время его отсутствія.

---

[1]) Впослѣдствіи попъ, какъ извѣстно, преобразился въ купца Остолопа. Л. П.

[2]) Дядя писалъ Онѣгина слишкомъ девять лѣтъ. Л. П.

Дядя Александръ, никогда не сврывавшій передъ сестрою то, что чувствовалъ, и никогда не льстившій ни своимъ, ни чужимъ, выслушавъ эти главы съ особеннымъ вниманіемъ, бросился ее обнимать, и сказалъ:

— «Ты ли это писала? Да это образецъ искусства: (Mais c'est un chef d'oeuvre!) Ради Бога, пиши, пиши и пиши! Глава твоя о семействѣ Овцыныхъ стоитъ цѣлой поэмы, а нашего предка Юрія Ржевскаго радъ бы самъ такъ прелестно нарисовать въ стихахъ, какъ ты нарисовала его въ прозѣ. Вижу въ этихъ главахъ и конецъ моей недодѣланной повѣсти о нашемъ прадѣдѣ Абрамѣ Петровичѣ [1]) и конецъ моего послѣдняго отрывка [2])! Жаль только, и какъ нельзя болѣе жаль, что пишешь не порусски, моя безцѣнная мадамъ Кампанъ»,—заключилъ дядя, подчуя сестру даннымъ ей прозвищемъ.

Ольга Сергѣевна отвѣчала брату, что если ея воспоминанія дѣйствительно кажутся ему сюжетомъ достойнымъ поэмы, то пусть онъ этимъ сюжетомъ и воспользуется, при чемъ поставила, однако, брату условіемъ не называть дѣйствующихъ лицъ по фамиліямъ, если задумаетъ написать поэму въ стихахъ. Если же захочетъ перевести эти главы на русскій языкъ, и изложить ихъ прозою, передѣлавъ ихъ по своему усмотрѣнію—дѣло другое.

Дядя отвѣчалъ, что надняхъ онъ возьметъ у сестры тѣ главы, которыя послужили бы дополненіемъ напечатанныхъ имъ отрывковъ, касающихся біографіи предковъ Ганнибаловъ, но будучи въ восторгѣ отъ прочитаннаго, умоляетъ «мадамъ Кампанъ» прочесть послѣднія главы тѣмъ слушателямъ, которыхъ онъ приведетъ къ ней на другой же день.

Ольга Сергѣевна согласилась на предложеніе брата, и дѣйствительно, на другой день явились къ ней съ Александромъ Сергѣевичемъ другъ его Плетневъ, пріѣхавшій изъ Москвы князь Вяземскій, Соболевскій, Илличевскій и еще кое-кто. Господа эти заняли мѣста за круглымъ столомъ, почему Ольга Сергѣевна, и начала чтеніе шуткой:—«Prêtez attention chevaliers de la table ronde!»

Мастерскимъ чтеніемъ и интересомъ изложеннаго моя мать доставила слушателямъ большое удовольствіе.

Александръ Сергѣевичъ затѣмъ взялъ воспоминанія для просмотра, и черезъ нѣсколько времени возвратилъ ихъ сестрѣ, говоря, что извлекъ изъ нихъ все, что ему можетъ пригодиться.

Но намѣреніе Пушкина облечь написанное сестрой въ поэтическую форму не осуществилось,—при другихъ принятыхъ имъ на себя работахъ.

---

[1]) Арапъ Петра Великаго, написанный въ 1827 году.

[2]) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ (1830—1831 г.).

Затѣмъ, о злополучной ... ьбѣ «воспоминаній» покойной моей матери я уже вкратцѣ сообщалъ въ первой главѣ настоящей «Семейной хроники», но возвращусь къ этому предмету при изложеніи послѣдующихъ событій.

XXVIII.

Дядя Александръ, вращаясь въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ, пытался неоднократно втянуть туда и сестру, увѣряя ее, что ей еще не подобаетъ по лѣтамъ превратиться въ отшельницу, а знакомство съ аристократическими салонами ей необходимо. По мнѣнію Александра Сергѣевича, сестра его, «познакомясь съ вліятельными при дворѣ дамами и другими особами, расположитъ ихъ сейчасъ же,—при умѣньи говорить,—въ свою пользу, а потомъ,—даже очень скоро—вытащитъ, при ихъ помощи, Николая Ивановича, который получитъ мѣсто въ Петербургѣ уже не съ такимъ несчастнымъ жалованьемъ, какимъ пользуется, и не «пропадетъ, а скорѣе въ камеръ-юнкеры попадетъ».

Ольга Сергѣевна, не раздѣляя мнѣнія брата, нерѣдко сердила его—Пушкинъ не особенно жаловалъ противурѣчій, высказываемыхъ ему безъ обиняковъ—когда заявляла дядѣ, что посѣщенія, а слѣдовательно волей-неволей и пріемъ на скромной квартирѣ великосвѣтскихъ барынь—поведутъ лишь и къ убытку матеріальному, т.-е. къ опростанью и безъ того тощаго ея кармана, и къ убытку нравственному—весьма тяжелому сознанію, что эти госпожи и господа сочтутъ себя въ правѣ давать ей чувствовать разницу между ея домашней обстановкой и той, къ которой они привыкли. Заискиванья же ея Николая Ивановича ради,—которыя едва ли могутъ повести къ предполагаемой цѣли—она считаетъ дѣломъ несовмѣстнымъ съ ея достоинствомъ, и даже прямо для себя оскорбительнымъ.

— «Я самъ гордъ,—отвѣчалъ моей матери однажды Александръ Сергѣевичъ на ея доводы,—но, какъ вижу, ты меня и въ этомъ миломъ качествѣ перещеголяла: ты уже не горда, а высокомѣрна (tu n'es pas seulement fière, mais altière). Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь, но мой совѣтъ непремѣнно являться изрѣдка туда, куда, по моему, должны ходить люди, не обиженные судьбою своимъ происхожденіемъ...

— «Но куда не должны ходить люди, обиженные карманомъ»,—докончила Ольга Сергѣевна.

Дядя не сдался, и повторяя, что даетъ ей совѣты изъ желанія всевозможнаго добра и благополучія, склонилъ сестру познакомиться, хоть изъ любви къ нему, и черезъ него же, съ двумя-тремя великосвѣтскими семействами, у которыхъ бывать съ нимъ и Натальей Николаевной изрѣдка, и весьма обрадовался одержанной надъ сестрой побѣдой, выраженной ею въ словахъ: «для тебя, такъ и быть».

Ольга Сергѣевна исполнила то, ч брать считалъ для нея необходимымъ, а именно сопровождала его съ женою—весьма, впрочемъ, не часто—въ петербургскій мондъ.

О посѣщеніи одного изъ великосвѣтскихъ собраній Ольга Сергѣевна, между прочимъ, писала мужу 15-го ноября 1831 года:

«Вчера я была съ братомъ и его женой на раутѣ у графини Р—й. Сама не рада: кромѣ сплетень high-life'а, ничего путнаго оттуда не вынесла. Ничего еще, если бы отъ пустыхъ разговоровъ поглупѣла на нѣсколько часовъ: на другой же день дурь бы прошла, но одна изъ слышанныхъ мною сплетень меня взбудоражила [1]. На раутѣ очутился какой-то прискакавшій изъ Варшавы польскій камергеръ, знакомый брату. Узнавъ отъ Nathalie, что я ея невѣстка, онъ брякнулъ [2]) ей—затѣмъ—по секрету: «мужъ вашей belle soeur имѣлъ съ Энгелемъ большую ссору, изъ-за какого-то дѣла по службѣ, наговорилъ ему рѣзкостей, и принужденъ возвратиться въ Петербургъ разжалованнымъ, т. е. безъ мѣста, а мѣсто его предлагаютъ вашему брату Гончарову». Сообщивъ такую «прелестную» новость, «панъ вельможный» счелъ долгомъ отвѣсить belle soeur'ѣ низкій поклонъ à la Louis treize, и поздравить ее съ назначеніемъ братца на твое мѣсто, а невѣстка, по своей разсѣянности (par ètourderie)—свойственной, впрочемъ, ея молодости—препроводила мнѣ секретъ «вельможнаго» цѣликомъ, (d'un bout à l'autre) вмѣсто того, чтобы спросить прежде брата письмомъ, точно ли такъ. Разумѣется, я пустила всю эту штуку (j'ai lancé toute cette pièce) Александру. Онъ пожурилъ Наташу за несоблюденіе секрета, и утѣшилъ меня тѣмъ, что хотя у тебя и могли быть недоразумѣнія по службѣ и щекотливыя объясненія, но дѣлать изъза этого тебѣ сцену начальнику,—котораго уважаешь и цѣнишь—на это ты слишкомъ уменъ и благовоспитанъ, а Гончаровъ, если бы и предложили ему мѣсто какое-нибудь, не молчалъ бы. Все-таки Александръ не могъ меня успокоить; всю ночь не смыкала глазъ и только сегодня разсудила, что разсказъ «вельможнаго» неловко придуманная сплетня. Отъ службы тебя не отставятъ, а скорѣе—какъ сострилъ мнѣ братъ—сдѣлаютъ тебя если не консуломъ или вице-губернаторомъ, то по крайней мѣрѣ частнымъ, а на худой конецъ соляннымъ приставомъ. [3]. Не явись я вчера въ большой свѣтъ да сиди себѣ дома на здоровье—провела бы вечеръ въ тысячу разъ пріятнѣе».

«Говоря о большомъ свѣтѣ»,—заканчиваетъ письмо Ольга Сергѣевна,—«скажу тебѣ, что большой свѣтъ также не былъ избавленъ отъ холеры, и Александръ очень ошибался, когда увѣрялъ, что поря-

---

[1]) Въ подлинникѣ подчеркнутая фраза написана порусски.

[2]) Это слово тоже написано порусски.

[3]) Послѣднія фразы письма порусски. Л. П.

дочныхъ (?), по его мнѣнію, людей холера не тронетъ: моя подруга и кузина Окунева,—ее я видѣла за нѣсколько дней передъ смертью—разсталась съ недолговременной жизнью въ ужасныхъ мученіяхъ; въ такихъ же мученіяхъ закончилъ тоже отъ холеры короткій жизненный путь баронъ Корфъ—родственникъ и зять (cousin et beau frère) Модеста—саперный полковникъ. Пригласили меня на похороны, откуда вынесла самое тяжелое впечатлѣніе: въ церкви, во время отпѣванія тѣла, съ Модестомъ (Андреевичемъ) случился припадокъ, какъ у самой слабонервной женщины: рыдалъ, хохоталъ, и лишился, наконецъ, сознанія! Можешь себѣ представить суматоху! Его вынесли изъ церкви безъ чувствъ. Жена покойнаго въ отчаяніи. Ожидаю мама и Александра съ женой поѣхать съ ними къ Корфамъ вмѣстѣ. Попотчивала холера (lè cholèra a régalé) и твоего пріятеля Маркова: на силу поправился, но ты бы его не узналъ. Ругаетъ не столько холеру сколько докторовъ, а докторъ Р., уморившій пьяныхъ, принимая ихъ за больныхъ, самъ на тотъ свѣтъ отправился, въ качествѣ уже настоящаго холернаго. Булгаринъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ», въ память этого господина, трогательный панегирикъ, какъ о спасителѣ человѣчества, которое, однако, послѣ смерти Р. почувствуетъ себя гораздо лучше,—какъ всѣ предсказываютъ, кромѣ Булгарина».

Услышанная Ольгой Сергѣевной отъ своей невѣстки новость о небывалой ссорѣ Николая Ивановича съ Энгелемъ, и о замѣнѣ моего отца шуриномъ Александра Сергѣевича не имѣла ни малѣйшаго основанія: никакой ссоры съ Энгелемъ не было, отставки же подавно.

Напротивъ того: Энгель, оцѣнившій службу моего отца, остался очень недоволенъ окончательнымъ его прикомандированіемъ въ 1832 году къ генералъ-интенданту дѣйствующей арміи Погодину. Считать же громкой ссорой отнюдь было нельзя случайное охлажденіе Энгеля къ Николаю Ивановичу, вызванное жалобой директора канцеляріи Пр—го на отца за насмѣшливый его отзывъ о чиновничьей музѣ этого послѣдняго дѣятеля.

Какъ бы ни было, Надежда Осиповна, воспользовавшись дошедшей до нея—изъ того же источника—сплетней на счетъ зятя, стала съ злорадствомъ попрекать дочь бракомъ съ человѣкомъ неугомоннымъ, не изучившимъ яко бы азбуки уживаться съ людьми, а когда нелѣпость пущеной сплетни была опровергнута недѣли черезъ двѣ отвѣтомъ Николая Ивановича женѣ, въ которомъ отецъ извѣщалъ, что онъ дѣйствительно хочетъ пріѣхать въ Петербургъ весною, но единственно съ цѣлію увезти въ Варшаву Ольгу Сергѣевну—бабка выразила дочери уже чистосердечно, что отставка Николая Ивановича пришлась бы ей гораздо больше по вкусу, чѣмъ разлука съ Ольгой Сергѣевной.

Мать видѣлась часто съ дѣдомъ и бабкой, выслушивая ихъ безконечныя сѣтованія на плутни управляющихъ, въ силу чего въ родительской кассѣ царила пустота. Ольга Сергѣевна, сама ожидавшая отъ своего отца помощи, согласно его обѣщанію, могла изъявлять родителямъ только соболѣзнованіе, а дядя Александръ, выручая ихъ по мѣрѣ силъ, и выплативъ только-что долгъ храбраго воина Льва, — кутнувшаго, во славу русскаго оружія, порядкомъ въ покоренной Варшавѣ — не могъ, въ концѣ концовъ, сдѣлаться для стариковъ и брата неиссякаемымъ источникомъ карманныхъ благъ. Доходы Александра Сергѣевича оказались значительно меньше расходовъ, при частыхъ выѣздахъ въ свѣтъ съ Натальей Николаевной и неизбѣжныхъ отъ этого послѣдствій, а именно далеко не дешевыхъ пріемовъ у себя дорогихъ гостей. По словамъ моей матери — опять-таки говорю не отъ себя — Александръ Сергѣевичъ ей жаловался, что у него постоянныя недохватки и перехватки, и хотя надѣется получать за стихъ даже по червонцу, заработать Евгеніемъ Онѣгинымъ и повѣстями Бѣлкина не мало, а доходы отъ изданія задуманной дядей ежедневной газеты, при назначенныхъ ему 5,000 рубляхъ жалованья за «ничего не дѣланье въ иностранной коллегіи» совсѣмъ не бездѣлица, но все это впереди, и было бы хорошо, если бы «свѣтъ» не ставилъ его въ стѣснительныя рамки. Сестра совѣтывала ему уменьшить путешествія по великосвѣтскимъ салонамъ, и, взявъ мѣсяца на два отпускъ, предпринять, экономія ради, другое путешествіе лѣтомъ въ деревню, пребываніе въ которой—вдали отъ свѣтской суеты—можетъ обогатить не только его, но и отечество новыми его твореніями; но Александръ Сергѣевичъ замѣтилъ, что такая поѣздка невозможна, когда онъ именно долженъ вмѣстѣ съ женою стоять ближе къ солнцу.

Заключаю описаніе семейныхъ происшествій 1831 года выдержками изъ письма Ольги Сергѣевны къ моему отцу въ концѣ декабря, относительно своего брата.

«Александръ — сообщаетъ мать — ускакалъ въ Москву еще передъ Николинымъ днемъ, и по своему обыкновенію, совершенно нечаянно—sans tambour ni trompête; предупредилъ только Наташу, объявивъ, что ему необходимо видѣться съ Нащокинымъ и совсѣмъ не по дѣламъ поэтическимъ, а по дѣламъ гораздо болѣе существеннымъ—прозаическимъ. Задумалъ онъ издавать и газету въ свою пользу, и «Сѣверные цвѣты» въ пользу семейства нашего покойнаго пріятеля [1]),—лучше сказать его братьевъ—и въ архивахъ копаться не хуже тебя, но какія именно у него дѣла денежныя, по которымъ улепетнулъ отсюда—узнать отъ него не могла, а жену не спрашиваю. Ждутъ брата, однако, весьма скоро назадъ. Очень

[1]) Разумѣется тутъ баронъ Дельвигъ.

часто вижусь съ его женой; то я захожу къ ней, то она ко мнѣ заходитъ, но наши свиданія всегда случаются среди бѣлаго дня. Заставать ее по вечерамъ и думать нечего: ее забрасываютъ приглашеніями то на балъ, то на раутъ. Тамъ отъ нея всѣ въ восторгѣ, и прозвали ее Психеею, съ легкой руки госпожи Фикельмонъ, которая не терпитъ, однако, моего брата—одинъ Богъ знаетъ почему.»...

. . . .

XXIX.

Дядя Александръ возвратился изъ Москвы къ новому году.

Этотъ новый (1832) годъ, Ольга Сергѣевна встрѣтила въ послѣдній разъ въ кругу родныхъ—въ домѣ моего дѣда и бабки—съ братомъ и его женой.

«Никогда еще мнѣ не было такъ грустно какъ въ прошлую пятницу, 1-го января»,—пишетъ она отцу (во вторникъ 5 января),—«когда обѣдала съ братомъ и Наташей у стариковъ. Папа и мама, хотя и не совсѣмъ передо мною правы, но все же любятъ меня по своему; меня томили недобрыя предчувствія, что въ день новаго года обѣдаю у нихъ послѣдній разъ. Александръ и Наташа оставались у нихъ—какъ и я—весь вечеръ. Родные, когда я заговорила имъ о вѣроятной разлукѣ, и слышать не хотятъ, чтобы я промѣняла Петербургъ на Варшаву, а Соболевскій, который тоже былъ тамъ (онъ ѣдетъ скоро за границу, и будетъ у тебя въ твоемъ возлюбленномъ городѣ) увѣрялъ меня, что твое пребываніе въ Польшѣ временное, и если только искренно захочешь, можешь возвратиться въ иностранную коллегію, тѣмъ болѣе, что тебя еще не вычеркнули изъ списка ея чиновниковъ, точно также какъ и еще двухъ или трехъ господъ, отправившихся съ Энгелемъ. Соболевскій правъ, и послушай меня: брось чужой тебѣ край, и возвращайся на твою родину, святую Русь, ко мнѣ. Чѣмъ тебѣ опротивѣла наша — хоть и бѣдненькая, но все же миленькая—квартирка въ домѣ Дмитріева? Чѣмъ тебѣ стали немилы твои лицейскіе товарищи, твои добрые петербургскіе сослуживцы-друзья, которые тебя такъ любятъ, и такъ жалѣютъ о твоемъ отсутствіи? Съ кѣмъ, не говоря уже обо мнѣ, обмѣняешься по душѣ роднымъ русскимъ словомъ? Братъ Леонъ пишетъ Александру, что онъ ни за что̀ не останется въ Варшавѣ: война давно кончена, и ему тамъ ровно нечего дѣлать, а Ширковъ и Сіяновъ тоже уѣдутъ. Съ кѣмъ же останешься изъ близкихъ тебѣ? Въ твоей варшавской службѣ счастія не вижу, и вотъ мой совѣтъ: братъ Александръ еще въ ноябрѣ поступилъ на службу съ прекраснымъ жалованьемъ туда, гдѣ и ты еще считаешься—въ иностранную коллегію—заниматься въ архивѣ историческими работами; эти работы и ты любишь. Хотя Александръ и моложе тебя

чинами, но извѣстенъ всей Россіи; слово его вѣско, и онъ будетъ очень радъ случаю тебя толкнуть впередъ (de te pousser aussi en avant) какъ своего зятя, выхлопочетъ тебѣ такое же занятіе себѣ въ помощь, и пристроитъ тебя, увѣряю, въ коллегію; сдѣлать это брату будетъ тѣмъ легче, что ты въ коллегію не вновь долженъ опредѣлиться, а только возвратиться. Выхлопочетъ Александръ тебѣ и занятія по литературѣ; не одни же недоброжелатели журналисты его окружаютъ, а твое перо многимъ уже извѣстно. Обо всемъ этомъ онъ, при Соболевскомъ, мнѣ намекалъ, слѣдовательно и пишу тебѣ en connaissance de cause».

Предположеніямъ матери не суждено было, однако, осуществиться. Отецъ не изъявилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ — за которой рѣшилъ пріѣхать—желанія вновь поселиться въ Петербургѣ. Возобновить службу въ иностранной коллегіи онъ не находилъ цѣлесообразнымъ, полагая, что не можетъ на этомъ поприщѣ принести столько пользы, сколько своей русскою дѣятельностью въ краѣ, заинтересовавшемъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

«Временное правленіе царства Польскаго,—сообщаетъ Николай Ивановичъ, своей матери Луизѣ Матвѣевнѣ отъ 12-го марта 1832 года,—закрыто; но еще до закрытія Богъ мнѣ послалъ благодѣтеля въ генералъ-интендантѣ арміи Погодинѣ. По его ходатайству фельдмаршалъ прикомандировалъ меня къ нему для иностранной корреспонденціи. Жалованья получаю 2,500 руб. въ годъ по грузинскому — какъ объявилъ мнѣ Погодинъ — положенію, съ оставленіемъ по министерству иностранныхъ дѣлъ. Правда, съ выступленіемъ бо́льшей части войскъ изъ царства Польскаго—ибо въ сентябрѣ останется одинъ только второй пѣхотный корпусъ,—главный штабъ арміи долженъ сократиться, а со временемъ и вовсе уничтожиться, но я уже обезпеченъ жалованьемъ, и мнѣ не трудно будетъ поступить въ штатъ намѣстника или военнаго губернатора.

«Въ маѣ отправлюсь въ Кіевъ по дѣламъ службы, оттуда въ Петербургъ, на два дня, за женою, и въ концѣ іюня ворочусь съ нею въ Варшаву. Грустно ей будетъ разставаться съ родиной, но жребій брошенъ. Проклинаетъ Варшаву, хочетъ чтобы я опять попалъ въ Петербургъ, куда меня и калачемъ не заманишь. Драка съ поляками для меня гораздо любопытнѣе, чѣмъ междоусобная брань съ тещей. Можетъ быть и совсѣмъ Петербургъ меня не увидитъ, а съ женою встрѣчусь въ Кіевѣ. Все зависитъ отъ ея здоровья, и успѣха, съ какимъ она устроитъ дѣла. Словомъ я предполагаю, а Богъ расположитъ».

XXX.

Подробное изложеніе дѣятельности покойнаго отца послѣ 1837 года,—года сразившаго дядю,—составляетъ особый отдѣлъ моихъ

воспоминаній, не вошедшій въ составъ настоящей «Семейной хроники», и который я имѣю въ виду напечатать особо. Здѣсь же, прежде нежели говорить о дальнѣйшихъ семейныхъ событіяхъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, считаю для себя удобнѣе сказать нѣсколько словъ о дѣятельности моего отца за періодъ времени съ 1832 по 1834 годъ, когда я появился на свѣтъ Божій.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со времени прикомандированія отца къ генералъ-интенданту дѣйствующей арміи Погодину, для сношеній на иностранныхъ языкахъ съ нашими консулами, какъ Николай Ивановичъ былъ назначенъ въ составъ учрежденнаго тогда (въ 1832 г.) комитета для повѣрки счетовъ тайнаго совѣтника Пейкера по ликвидаціи съ Пруссіей относительно доставки въ русскую армію продовольственныхъ припасовъ въ теченіе польской кампаніи. Кампанія эта доставила Николаю Ивановичу и денежную награду въ размѣрѣ годового жалованья двухъ тысячъ пяти сотъ рублей ассигнаціями, и знакъ военнаго достоинства (Virtuti militari) третьей степени, а талантливое исполненіе возложенныхъ на него трудовъ въ названномъ комитетѣ обратило на себя особенное вниманіе свѣтлѣйшаго, вслѣдствіе чего не достигнувъ и тридцатилѣтняго возроста, бывшій питомецъ царскосельскаго лицейскаго пансіона получилъ лестное назначеніе управлять, въ чинѣ коллежскаго ассесора, канцеляріей генералъ-интенданта дѣйствующей арміи.

Пользуясь не только расположеніемъ, но и дружбой сего послѣдняго, Николай Ивановичъ, не имѣвшій отъ него секретовъ, въ одной изъ нерѣдкихъ съ нимъ откровенныхъ бесѣдъ, показалъ ему и предпринятый имъ трудъ по составленію статистики царства Польскаго. Погодинъ, разсмотрѣвъ работу, нашелъ ее дѣломъ громадной важности, что̀ и доказалъ вскорѣ на дѣлѣ.

Въ 1833 году открылась вакансія помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта царства Польскаго. Выборъ Паскевича, пожелавшаго замѣстить эту вакансію не иначе какъ природнымъ русскимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательно изучившимъ край — палъ на моего отца, именно во вниманіе къ лестнымъ о немъ отзывамъ генералъ-интенданта, который и высказалъ свѣтлѣйшему, что управляющій его канцеляріей «коллежскій ассесоръ Павлищевъ, обладая надлежащимъ запасомъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о ввѣренной его свѣтлости странѣ, знакомый съ ея прошедшимъ и настоящимъ, можетъ занимать предлагаемую должность съ честію и пользою».

Потребовавъ къ себѣ Николая Ивановича, Паскевичъ, какъ пишетъ отецъ, очень обласкалъ его, и приказалъ ему вступить немедленно въ исправленіе возлагаемыхъ на него новыхъ обязанностей.

Занявъ, такимъ образомъ, новый, важный постъ, отецъ мой принялся за тщательное изученіе польскихъ законовъ, сдѣлавшихся

предметомъ его службы, и вскорѣ ему представился какъ нельзя болѣе удобный случай примѣнить познанія къ дѣлу.

Дѣйствія совѣта начались проектомъ новаго закона о дворянствѣ для польской шляхты, и Николай Ивановичъ составилъ проектъ названнаго закона, изданнаго впослѣдствіи своимъ порядкомъ. Этотъ проектъ послужилъ отцу первымъ докладомъ князю Варшавскому, и вмѣстѣ приступомъ къ дальнѣйшимъ историко-юридическимъ трудамъ.

Отецъ взялся сперва за прошедшее, и написалъ «Историческое обозрѣніе правъ и преимуществъ польскаго дворянства», а потомъ обратился къ настоящему, и узнавъ, что число шляхты чрезвычайно велико, подалъ Паскевичу записку, въ которой представилъ свѣтлѣйшему необходимость потребовать строгихъ доказательствъ на «шляхетство»—по прежнимъ законамъ. Съ перваго чтенія все важнѣйшее было обсуждено и рѣшено фельдмаршаломъ; работать съ намѣстникомъ было, какъ выражается отецъ въ сохранившихся у меня замѣткахъ, «наслажденіемъ, которое, по его словамъ, бывало тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ больше намѣстникъ сосредоточивалъ вниманіе на предметъ, а это для человѣка, озабоченнаго иногда вдругъ нѣсколькими дѣлами равной важности, не всегда бываетъ возможно». Записка направила дѣло къ законной цѣли. Хотя мой отецъ, въ качествѣ помощника статсъ-секретаря, и не имѣлъ по настоящему права докладывать дѣла совѣта, однако, докладывалъ, и не потому, что статсъ-секретарь былъ неспособенъ къ дѣламъ, а по той именно причинѣ, что этотъ сановникъ былъ полякъ; взглядъ же на дѣла нуженъ былъ чисто русскій.

«Во всякомъ случаѣ,—замѣчаетъ Николай Ивановичъ,—положеніе мое сдѣлалось страннымъ, щекотливымъ, непріятнымъ. Удивляюсь, какъ я могъ сохранить въ немъ счастливую середину, ибо я прямодушенъ и слѣдственно неловокъ. Думаю, что прямодушіе-то и спасало меня; чего лучше, какъ идти прямою дорогой, слѣдуя поговоркѣ моей родительницы Луизы Матвѣевны: «Der grade Weg ist am besten»? Замѣчу ли что-нибудь неладное, пишу записку, и иду къ фельдмаршалу. Долженъ сказать и то, что князь понималъ мое положеніе, и былъ ко мнѣ внимателенъ, а я старался угадывать его мысли, не стѣсняясь, однако, высказывать ему мои правдивые взгляды съ откровенностью, чѣмъ и вызвалъ разъ шутливую фразу Паскевича:

— «Я тебя всегда уважаю (Паскевичъ тыкалъ только тѣхъ, къ которымъ чувствовалъ особенное расположеніе), но за сегодняшнюю горькую правду терпѣть не могу».

«Привѣтливая улыбка противурѣчила его словамъ, и съ изложеннымъ мною въ докладѣ мнѣніемъ онъ совершенно, въ концѣ концовъ, согласился».

Такимъ образомъ, проходили черезъ руки отца проекты нѣсколькихъ законовъ, большею частію утверждаемые, и только весьма немногіе не получили дальнѣйшаго хода, впрочемъ, отнюдь не по винѣ

Николая Ивановича, какъ, напримѣръ, о знакѣ отличія безпорочной службы, и о спорныхъ дѣлахъ управленія (le contentieux de l'administration). Послѣдній проектъ стоилъ отцу неимовѣрныхъ трудовъ.

Любя всякое дѣло брать не съ верхушки, а съ корня, Николай Ивановичъ изучилъ основательно французскій уставъ гражданскаго судопроизводства (Le code Napoléon), и перечиталъ всѣ томы Полнаго собранія законовъ, съ цѣлію изложить какъ слѣдуетъ на русскомъ языкѣ проектъ постановленія о правительственномъ судопроизводствѣ. Фельдмаршалъ оцѣнилъ этотъ трудъ по достоинству въ административномъ отношеніи, а, впослѣдствіи, близкій отцу знакомый, (о которомъ я упоминалъ уже во 2-й части настоящей «Семейной хроники»), покойный членъ здѣшней академіи наукъ Петръ Павловичъ Дубровскій—авторъ польско-русскаго словаря, административнаго и судебнаго,—нашелъ въ переводѣ отцомъ проекта разрѣшеніе многихъ важныхъ лексикографическихъ вопросовъ.

Николай Ивановичъ долго хранилъ у себя черновую своего перевода, какъ трудъ, о которомъ онъ вспоминалъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, и какъ памятникъ новаго судебнаго русскаго языка. Показывалъ онъ мнѣ черновую, но куда она дѣлась—мнѣ неизвѣстно; въ подаренныхъ мнѣ отцомъ книгахъ и картонахъ съ его рукописями я ее не нашелъ.

Кромѣ безчисленныхъ проектовъ по законодательной части, черезъ руки покойнаго отца проходили, въ бытность его помощникомъ статсъ-секретаря мѣстнаго государственнаго совѣта, и отчеты по управленію царствомъ Польскимъ, и бюджеты края; обращалъ онъ на нихъ особенное вниманіе, какъ на драгоцѣнные матеріалы для статистики Привислянской окраины.

Когда представили отца къ утвержденію въ должности помощника статсъ-секретаря, Николай Ивановичъ, все еще считая себя въ гостяхъ, на чужбинѣ, просилъ объ оставленіи его числящимся по министерству иностранныхъ дѣлъ, но на это не послѣдовало высочайшей воли. Тѣмъ не менѣе, министръ статсъ-секретарь объявилъ всемилостивѣйшее соизволеніе на полученіе Павлищевымъ чиновъ, буде пожелаетъ. Эту привиллегію отецъ считалъ для себя необходимой, будучи первымъ русскимъ, очутившимся въ польской службѣ, на которой не было тогда чиновъ. Даннымъ отцу разрѣшеніемъ воспользовались впослѣдствіи и другіе русскіе чиновники.

Закончивъ краткій разсказъ объ административной дѣятельности моего отца по 1834 годъ, приступаю къ изложенію событій въ семействѣ моей матери съ 1832 года, въ которомъ Ольга Сергѣевна принуждена была разстаться съ горячо любимымъ мѣстомъ своей родины, стариками Пушкиными, и братомъ.

Левъ Павлищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОКОНСУЛЪ КАВКАЗА.

«И испытанный трудами
«Бури боевой,
«Ихъ ведетъ, грозя очами,
«Генералъ сѣдой—
«. . . . .
«Прямо на Востокъ».
М. Ю. Лермонтовъ.

I.

СТИХІЙНОЕ движеніе на Востокъ наложило отпечатокъ на все прошлое Россіи. Поэтъ и воинъ, каторжникъ и колонистъ, опричники и земство, удалой новгородецъ и осторожный государственный дѣятель... тянутъ одну и ту же русскую государственную лямку: «Прямо на Востокъ».

Каждый чувствуетъ что, рано или поздно, для Россіи, «не будетъ Гималаевъ». Такая перестановка фактовъ природы совершится собственной тяжестью элементовъ, внѣ чьего бы то ни было личнаго авторитета. Она явится неизбѣжнымъ концомъ, вытекающимъ изъ симетріи русской исторіи.

Наши достоинства и недостатки одинаково приспособлены къ движенію на Востокъ. Ему служатъ войска и чиновники, бездарности и таланты, геройская стойкость русскаго народа и безпорядочная разбросанность его «широкой натуры». Движеніе на Востокъ совершается независимо отъ военныхъ побѣдъ и дипломатическихъ ошибокъ, въ минуты слабости Россіи и въ періоды ея могущества, наперекоръ желаніямъ податнаго и правящаго классовъ, вопреки

всѣмъ разсчетамъ комерціи и всѣмъ требованіямъ здраваго смысла, въ эпохи подъема народнаго духа и не взирая на обычную у насъ бюрократическую безтолковщину.

Иногда трудно разобрать, что болѣе способствуетъ этому колоссальному движенію: пороки русскаго народа, или его добродѣтели?—«пушечное мясо», которое мы никогда не умѣли беречь или «государственные умы», по отношенію къ которымъ мы часто выказывали излишнюю бережливость?—мертвое повиновеніе «совершавшее чудеса», или организаторскіе таланты, дозволяющіе государству обходиться безъ чудесъ?.. Беззаботность характера, равнодушіе къ удобствамъ и безшабашное «авось» иногда болѣе дѣлали для этого движенія, чѣмъ дальновидная проницательность и умная бережливость.

Въ своемъ движеніи на Востокъ, русскій народъ отличается, въ одно и то же время, свойствами орла, саранчи и лисицы. Онъ беретъ по праву сильнаго; гдѣ нельзя взять силой, онъ беретъ умомъ; гдѣ не беретъ ни то, ни другое — онъ одолѣваетъ пассивнымъ сопротивленіемъ. «Московскіе люди»,—разсуждаютъ послы Ивана Грознаго про свой народъ,—«къ чему приступятся, отъ того не отступятся». Крымскіе мурзы, не хуже русскихъ пословъ, знали цѣпкость нашей народной руки. «Теперь»—наставляли они своего хана—«московскій царь тебѣ поминки шлетъ, чтобы короля извоевать; а когда короля извоюетъ, то нашему юрту отъ него не пробыть; онъ и казанцамъ шубы давалъ, да послѣ того и Казань взялъ».

Съ очевидностью прописной морали можно бы доказать, что, вмѣсто стремленія на Востокъ, намъ слѣдовало бы устроиться дома, сосредоточиться на своихъ дѣлахъ, исключительно заняться разработкой внутреннихъ вопросовъ. Тогда мы могли бы выгоднѣй реализировать свой нравственный и матеріальный капиталъ и немедленно создать болѣе интенсивную цивилизацію. Какъ Леонора Фіэско (Шиллеръ) русскій человѣкъ хотѣлъ бы сказать своему народу: «бросимъ во прахъ эту блестящую мишуру, поселимся гдѣ-нибудь въ пустынѣ и будетъ жить для одной любви; и наши души чистыя какъ лазурь небесъ перестанутъ заражаться дыханіемъ горя, и наша жизнь, въ мелодическомъ согласіи, потечетъ на лоно Творца».

Неумолимый законъ исторіи душитъ идиллію и требуетъ жертвы. Вопросъ не только въ томъ, что для насъ «выгоднѣй», но и въ томъ, что для всѣхъ «необходимо». Распространеніе Россіи на Востокъ для насъ также неизбѣжно, какъ нѣкогда было неизбѣжно для Рима распространеніе почти на весь тогдашній міръ. Кавказская война, безъ сомнѣнія, столь же убыточна для насъ, какъ германская для Рима; но, какъ посылка легіоновъ въ Германію, во имя интересовъ человѣчества, въ свое время, была обязательна для римскаго форума, такъ точно, для представителя русской государственной идеи, обязательно стремленіе опереться на Тянъ-Шанъ

и Казбекъ; та же роковая сила, которая заставляла римлянина, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, на остріѣ меча, вопреки всѣмъ личнымъ разсчетамъ, нести сѣмена цивилизаціи къ дикимъ бритамъ и кочевымъ пареянамъ, теперь заставляетъ насъ, вопреки собственнымъ выгодамъ, идти къ номадамъ Средней Азіи и въ пустыни Арменіи.

Англичанамъ, прикрывшись десятью морями, легко разсуждать о нашихъ завоевательныхъ планахъ, но, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ стихійными силами Азіи, завоеванія вытекаютъ изъ положенія вещей и совершаются вопреки самыхъ благоразумныхъ плановъ.

Да не подумаетъ читатель, что пишущій эти строки увлекается нашей ролью въ Восточномъ вопросѣ. Въ чемъ другомъ,—но авторъ неповиненъ въ квасномъ патріотизмѣ. Да и чѣмъ тутъ увлекаться. Въ нашемъ восточномъ движеніи столько ошибокъ и фальшивыхъ нотъ, что едва ли остается мѣсто для увлеченій. Мы только констатируемъ фактъ необходимости нашего восточнаго движенія. Непринадлежа къ его поклонникамъ, мы вѣримъ въ его неизбѣжность.

Просто, наше сопротивленіе было бы безполезно. Волею-неволею мы должны примириться съ восточнымъ движеніемъ и искать въ немъ не одну личную пользу, но и высшую историческую задачу. Оно выражаетъ своего рода справедливость. Только «народы — коптители неба» могутъ брать, ничего не отдавая. Русскій же народъ, принявъ сѣмена цивилизаціи отъ старшихъ членовъ человѣческой семьи, какъ народъ историческій, долженъ принятое съ лихвой возвратить человѣчеству. Мы идемъ въ горы и пустыни дальняго Востока, потому что намъ нельзя не идти, потому что, кромѣ насъ, некому идти, потому, наконецъ, что это наша историческая повинность, отъ которой мы и физически «не можемъ», и нравственно «не въ правѣ» отказаться.

Если, передъ судомъ исторіи, движеніе на Востокъ до сихъ поръ едва ли не единственный нашъ патентъ на историческую знаменитость, то мы имѣемъ полное право сказать, что свою восточную миссію мы проходимъ далеко не безуспѣшно. Можно бы сдѣлать больше, но, во всякомъ случаѣ, сдѣлано много. Только слѣпое предубѣжденіе можетъ отрицать этотъ фактъ въ Польшѣ, Туркестанѣ и на Кавказѣ. Замѣчательно, что сами мы—какъ народъ—не отличаемся и никогда не отличались любовью къ порядку; но вездѣ, куда бы мы ни появились, мы водворяемъ порядокъ и неразлучный съ нимъ прогрессъ.

Но здѣсь же, по поводу этого рокового движенія на Востокъ, напрашивается и другая мысль. Если это движеніе—неизбѣжный шахматный ходъ, отъ котораго мы не можемъ отказаться, если «судьбой намъ суждено» разбудить дремлющія на Востокѣ силы,

то желательно совершить эту миссію съ наименьшей потерей собственныхъ силъ и наибольшей пользой для той нравственной и физической пустыни, которая, фатальнымъ образомъ, входитъ въ сферу нашего государственнаго призванія. Не уклоняясь отъ выполненія нашей исторической повинности, мы имѣемъ однако право, отправляя свою службу, стараться о наименьшей потерѣ своихъ и чужихъ силъ. Если движеніе неизбѣжно, то лучше двигаться, соблюдая всѣ требованія здраваго смысла и правильнаго разсчета, чѣмъ ощупью, рискуя на каждомъ шагу. Если до сихъ поръ русская исторія была средствомъ — путемъ великихъ жертвъ, цѣною громадной затраты времени, труда, жизни и денегъ, попраніемъ личности, кровавымъ напряженіемъ всѣхъ силъ страны— достигнуть безспорно великихъ результатовъ, то было бы желательно, чтобы въ будущемъ историческомъ движеніи очистилось болѣе мѣста таланту и менѣе оставлялось на долю русской выносливости; если прежде, для нашей широкой государственной натуры, бросить 100,000 жизней состовляло «мелочь», то желательно, чтобы добросовѣстно-скупое отношеніе къ каждой каплѣ русскаго пота и крови вошло основнымъ пріемомъ будущей политики. Хорошо понимаемъ, что тамъ «гдѣ рубятъ—щепки летятъ», но если нельзя обойтись безъ траты человѣческаго матеріала, то, по крайней мѣрѣ, можно пожелать, чтобы онъ тратился съ наибольшей умѣренностью.

Страстное, сознательное стремленіе на Востокъ, соединенное съ экономіей нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ — особенность личнаго характера и историческаго значенія Ермолова. Велика слава его, какъ одного изъ паладиновъ Александра I въ Отечественную войну; но Россія имѣла много защитниковъ въ 1812 году; свою славу, въ этомъ случаѣ, Ермоловъ раздѣляетъ съ цѣлой толпой замѣчательныхъ русскихъ людей. Кавказскими лаврами Ермолову не съ кѣмъ дѣтиться. (Не касаемся современныхъ дѣятелей). Никто отчетливѣй Ермолова не смотрѣлъ на задачу Россіи на Востокѣ и никто не превзошелъ его въ умѣньи беречь русскую силу въ ея роковомъ стремленіи къ завѣтной исторической цѣли.

II.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ родился въ 1777 году. По отцу, онъ принадлежалъ къ небогатымъ, но стариннымъ дворянамъ Орловской губерніи; по матери, находился въ родствѣ съ Потемкиными, Раевскими, Самойловыми и Орловыми. Его старшій братъ имѣлъ шансы выдвинуться при дворѣ Екатерины. Партизанъ Давыдовъ — его двоюродный братъ.

Отецъ Ермолова, при генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ, занималъ должность правителя канцеляріи. Но сельцо Лукьянчи-

ково — вотъ все, что приближенный и родственникъ одного изъ временщиковъ XVIII вѣка оставилъ своему сыну.

Бываютъ слова характеризующіе не только человѣка, но цѣлый кружокъ. Такое слово встрѣчаемъ въ перепискѣ Ермолова-отца. «Твердилъ я своему сыну, что, когда требуетъ государь и отечество службы, служить не щадя ничего, не ожидая награды, ибо наша обязанность только служить» [1]).

Короче, задушевная любовь къ государю, безграничная преданность отечеству и готовность всего себя отдать общему дѣлу, были въ характерѣ отца и въ преданіяхъ семьи [2]).

Первымъ учителемъ Ермолова былъ крѣпостной дворовый; нѣсколько времени жилъ онъ потомъ у дальней родственницы, чтобы пользоваться уроками вмѣстѣ съ ея племянникомъ. Оффиціальное образованіе закончено университетскомъ благороднымъ пансіономъ въ Москвѣ, откуда, капитаномъ гвардіи (людей со связями тогда записывали на службу очень рано) въ 1792 году, то есть пятнадцати лѣтъ, привезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ адъютантомъ къ графу Самойлову. Въ 1794 году видимъ его при штурмѣ Праги, за который, 17-ти лѣтъ, по назначенію самого Суворова, получаетъ Георгія 4 степени. Вслѣдъ за этимъ, благодаря рекомендательнымъ письмамъ Самойлова и Безбородка, Ермоловъ нѣсколько времени состоялъ при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ «питавшемъ къ русскимъ величайшее уваженіе» [3]) и вызванный изъ Италіи, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, зачисляется въ каспійскій корпусъ графа Зубова.

Среди лицъ, выдвинутыхъ благосклонностью Екатерины, были Зубовы. Старшій Николай, зять Суворова, не отличался способностями. Платону Зубову да простится его высокомѣріе. (Вѣкъ выскочекъ не бываетъ вѣкомъ джентльменовъ. Только Разумовскій былъ невысокомѣренъ). Во всякомъ случаѣ, Платонъ Зубовъ человѣкъ замѣчательнаго ума и возвышеннаго честолюбія. Его отношеніе къ расколу [4]) и записка объ освобожденіи крестьянъ, переданная Александромъ I на разсмотрѣніе негласнаго комитета

---

[1]) Дубровинъ, «А. П. Ермоловъ при назначеніи на Кавказъ». («Воен. Сб.» 1869, XI, 22).

[2]) Волотовъ называетъ Ермолова-отца «всей Россіи, по великой своей силѣ, по безмѣрной горделивости и по безпредѣльному грабительству извѣстнымъ». («Русскій Архивъ», 1864 г., стр. 768). Въ подтвержденіе разсказывается только о томъ, что высочайшее повелѣніе объ освобожденіи какихъ-то «содержащихся подъ стражей преступниковъ» пролежало у Ермолова 8 дней безъ исполненія. Довольно принять во вниманіе скромную жизнь Петра Алексѣевича и скромныя средства, оставленныя дѣтямъ, чтобы дать надлежащую цѣну отзыву Волотова. Очевидно Волотовъ пишетъ по слухамъ и при томъ въ началѣ царствованія, когда все обратилось въ сторону новыхъ надеждъ и кончало со старыми.

[3]) Погодинъ, «А. П. Ермоловъ», 13.

[4]) «Русскій Архивъ», 1864 г., стр. 115.

первыхъ лѣтъ его царствованія [1]), указываютъ наклонность брать широкія задачи и идти за вѣкомъ. Но, это—художникъ слишкомъ долго работавшій подъ рукой учителя и слишкомъ скоро послѣ него удалившійся со сцены, чтобы вполнѣ опредѣлиться. Изъ Зубовыхъ вполнѣ высказался только графъ Валеріанъ—начальникъ каспійской экспедиціи.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, отправляя Валеріана Зубова на Кавказъ, императрица знала, что ему предстоитъ совершить не одну только военную прогулку. Не прошло пяти лѣтъ послѣ несчастной экспедиціи Бибикова—достаточный поводъ для осмотрительности въ выборѣ главнокомандующаго.

Зубовъ оправдалъ довѣріе императрицы. Свое незнакомство съ Кавказомъ онъ восполнялъ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, знаніемъ людей, осторожностью и организаторскимъ талантомъ. Только благодаря своимъ государственнымъ способностямъ, этотъ кутила и блестящій придворный съ образованіемъ французскаго petit maitr'a, экспромтомъ перенесенный въ новую страну съ дикимъ населеніемъ и восточной дипломатіей, не потерялся и не надѣлалъ ошибокъ. Привлекая, то страхомъ оружія, то щедростью екатерининскаго вельможи, Зубовъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ незначительными силами, завладѣваетъ Тарками, Дербентомъ, Кубой, Баку, Шемахой и Ганжей (Елисаветполь) и, что гораздо важнѣй, выказываетъ намѣреніе заняться прочнымъ гражданскимъ устройствомъ покоренной страны.

Среди похода, Зубова занимаетъ мысль строить городъ при сліяніи Куры съ Араксомъ, при чемъ, для первоначальнаго поселенія, предположено оставить здѣсь 2,000 молодыхъ солдатъ [2]). Можно не согласиться съ подробностями нѣкоторыхъ плановъ Зубова, но уже одного того, что, вкусивъ побѣдныхъ фиміамовъ, онъ ими не увлекается, и обращаетъ вниманіе на прочность водворенія въ завоеванной странѣ, достаточно характеризуетъ царедворца Екатерины.

Замѣчательно вниманіе, съ которымъ относился Зубовъ къ санитарному положенію арміи,—черта, которую впослѣдствіи видимъ у Ермолова.

Къ сожалѣнію Зубову не дали окончить экспедицію. 6 ноября 1796 года умерла Екатерина, а 7 отправлено высочайшее повелѣніе о пріостановленіи военныхъ дѣйствій и возвращеніи войскъ въ предѣлы имперіи, при чемъ, по мѣрѣ прибытія полковъ на линію, они должны были поступать въ распоряженіе графа Гудовича. Исполняя въ точности приказъ, полки должны были бы отступать каждый отдѣльно, безъ всякаго общаго плана, подъ выстрѣлами

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 1675.

[2]) Зиссерманъ, «Исторія 80-го пѣхотнаго, Кабардинскаго полка» I, 236, 251.

враждебно настроеннаго населенія. Къ счастію, военный совѣтъ рѣшился распорядиться сообразнѣе съ мѣстными обстоятельствами. Корпусъ Зубова отступилъ въ полномъ составѣ до Терека и здѣсь былъ сданъ графу Гудовичу. Отсюда гнѣвъ Гудовича. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе, въ томъ числѣ Ермоловъ, пробрались степью въ Астрахань, а оттуда въ полки внутренней Россіи.

Императоръ Павелъ могъ удивить Европу и Азію отозваніемъ побѣдоноснаго войска и уничтоженіемъ плодовъ побѣды, но остановить самую войну не могъ. Всякій разъ, когда мы не умѣли внушить страхъ горцамъ и персіянамъ, они заставляли насъ бояться за собственную безопасность. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Тотчасъ по уходѣ русскихъ изъ Закавказья, Ага-Магометъ-Ханъ двинулъ въ Грузію персидскія полчища. Грузинскій царь Ираклій просилъ защиты и, по договору 1783 года, имѣлъ на нее право. Въ отмѣну повелѣнія 7 ноября, императоръ не только былъ вынужденъ оставить въ Тифлисѣ два баталіона, находившіеся тамъ при объявленіи приказа объ отступленіи, но прислать туда два новые полка. Эта небольшая армія имѣла блистательное дѣло со скопищами Омеръ-хана и тотъ же государь, который, при вступленіи на престолъ, отказался отъ результатовъ похода 1796 года, въ годъ смерти, за побѣду при Іорѣ, награждалъ полки деньгами, крестами и знаменами [1]).

По прибытіи въ Россію, Ермоловъ былъ арестованъ; его бумаги доставлены въ Петербургъ; государь, найдя между ними описаніе похода 1794 года и планы сраженій, «простилъ его». Прощеніе ли было неумѣло передано генераломъ Линденеромъ или природная строптивость толкала Ермолова,—онъ имъ не удовольствовался и спросилъ генерала: «За что былъ арестованъ и за что теперь прощенъ»? Съ фельдъегеремъ его привезли въ Петербургъ и посадили въ крѣпость. Секретарь судной комиссіи, «человѣкъ добрый», по выраженію Погодина, продиктовалъ ему просьбу, но, переписывая ее, Ермоловъ вставилъ какія-то выраженія, которыя не понравились и, вмѣсто новаго прощенія, онъ былъ сосланъ на житье въ Кострому. Ермоловъ могъ бы освободиться и изъ костромскаго ареста; стоило написать частное просительное письмо къ всемогущему тогда Кутайсову. Онъ отказался, потому что, не чувствуя себя виноватымъ, не хотѣлъ быть обязаннымъ своимъ освобожденіемъ фавориту.

Будь эти подробности біографіи Ермолова простое фрондерство, свойственное молодымъ людямъ, или не почтительность къ несправедливому начальству свойственная Ермолову, на нихъ можно бы не останавливаться. Но въ поведеніи Ермолова подъ арестомъ заключается нѣчто общерусское той эпохи. Онъ является здѣсь болѣе сыномъ своего вѣка, чѣмъ кажется съ перваго взгляда.

---

[1]) Зиссерманъ, I, 268.

Дѣло не въ личной строптивости, а въ духѣ екатерининскаго царствованія. То былъ вѣкъ гордаго патріотизма и сознательнаго стремленія каждаго выдающагося русскаго къ общегосударственной цѣли. Деспотическое правительство игнорировало народъ, но, нельзя отрицать, оно имѣло твердую нравственную опору въ массѣ интеллигенціи. Просвѣщенные люди эпохи не только повиновались, но глубоко и искренно сознавали себя слугами Россіи, орудіями ея величія и славы. И вдругъ, послѣ ослѣпительнаго блеска екатерининскаго царствованія, мрачная смѣна декорацій. Сѣдые вольтерьянцы, гордые тѣмъ, что, вмѣстѣ «съ Великой Екатериной», они кое-что сдѣлали для Россіи, люди выше всего ставившіе честь «быть русскимъ», люди привыкшіе къ желѣзной рукѣ, но въ бархатной перчаткѣ, — привыкшіе служить солнцу, но съ тѣмъ, что благотворное свѣтило все озаряло своими лучами, вѣрноподданные вездѣ дѣйствовавшіе на свой рискъ и страхъ,—вдругъ очутились въ хаосѣ противурѣчащихъ распоряженій, обожанія прусскихъ порядковъ, несправедливыхъ жестокостей и столько же неправедливыхъ наградъ. При Екатеринѣ всѣ они научились мыслить; при Павлѣ еще не всѣ научились молчать. Лучшіе русскіе люди этой переходной эпохи, вмѣстѣ съ Ричардомъ II Шекспировской драмы, могли бы сказать:

«О, для чего меня призвали вы?
«...Вѣдь я не могъ такъ скоро
«Стряхнуть съ себя остатокъ царскихъ мыслей!
«Я въ нихъ еще король: я не умѣю
«Пока еще ни льстить, ни притворяться,—
«Дождитеся, чтобъ горе научило
«Меня такой покорности»...

Отсюда, не смотря на крайнія строгости, случаи полной свободы выраженія. Генералиссимусъ Суворовъ, адмиралъ Чичаговъ и капитанъ Ермоловъ, возбудивъ гнѣвъ, по ихъ мнѣнію, не справедливый, ведутъ себя одинаково. Вмѣсто приниженности человѣка «безъ вины виноватаго», отъ нихъ слышимъ вопросъ: «за что взятъ и почему прощенъ»? Это не та пошлая строптивость, которая сама ищетъ предлога для оппозиціи, а чувство гражданскаго достоинства, которое не волнуется безъ достаточнаго повода, но и не замолкаетъ по первому капризу.

Императоръ Александръ, въ первый день по восшествіи на престолъ, приказалъ освободить множество сосланныхъ и арестованныхъ, въ томъ числѣ и Ермолова. Чувство личной благодарности смѣшивалось въ немъ съ обожаніемъ Александра I, охватившимъ въ это время Россію. Онъ весь отдался мысли посвятить жизнь на службу государю. Но и хорошія намѣренія не всегда исполнимы. За время удаленія со службы выдвинулась масса новыхъ лицъ. О

Ермоловѣ забыли. Когда онъ сталъ напоминать, къ нему отнеслись съ предубѣжденіемъ. Одни, принимая его за брата, считали неудавшимся фаворитомъ [1]), другіе, припоминая знатное родство Ермолова, относили его къ категоріи тѣхъ лицъ, которыя, держась протекціями, отнимаютъ хлѣбъ у настоящаго работника. Съ трудомъ дали Ермолову роту конной артиллеріи. Изъ провинціальной глуши, онъ принужденъ былъ смотрѣть на далеко опередившихъ сверстниковъ. Его письма этой эпохи отзываются неудовлетвореннымъ честолюбіемъ, молодой жаждой дѣла, стараніемъ наверстать потерянное.

Такъ служилъ Ермоловъ до 1805 года. Отправляясь къ арміи, Кутузовъ нагналъ его роту въ походѣ и нашелъ блестящей. Внѣшность молодого командира обратила его вниманіе. Наружность Ахиллеса; два знака временъ Екатерины; разсказы—какъ участника походовъ Суворова и Зубова. Кутузовъ удивился, что въ теченіе почти девяти лѣтъ (царствованіе Павла и первые годы Александра) Ермоловъ почти оставался безъ производства и рѣшилъ не терять его изъ виду.

Въ характерѣ Кутузова много загадочнаго. Къ нему, можетъ быть, въ такой же степени, какъ къ Суворову, приложимъ эпитетъ: «непрочтенный іероглифъ».

Трудно отыскать человѣка, который, въ равной степени съ Кутузовымъ, соединялъ талантъ полководца съ уступчивостью апатичнѣйшаго изъ русскихъ помѣщиковъ. Вся армія, до послѣдняго солдата, знала, что Кутузовъ не считалъ возможнымъ дать сраженіе подъ Аустерлицомъ [2]). Тѣмъ не менѣе, уступая желанію неопытнаго государя, онъ не только начинаетъ дѣло, въ которое не вѣритъ, но ведетъ его по диспозиціи австрійскаго генеральнаго штаба «болѣе похожей на топографическое описаніе Брюннскаго округа, нежели на начертаніе порядка пріуготовляющаго цѣлую армію къ бою». Когда на другой день, еще до разсвѣта, войска должны были занимать назначенныя для нихъ мѣста, произошелъ невообразимый хаосъ. «Колонны,—говоритъ Ермоловъ,—начали встрѣчаться между собой и проходить одна сквозь другую; войска разорвались, смѣшались и, конечно, не въ темнотѣ удобно имъ было отыскивать мѣста свои. Колонны пѣхоты, состоящія изъ большого числа полковъ не имѣли при себѣ ни человѣка конницы, такъ что не кѣмъ было открыть, что происходитъ впереди или узнать, что дѣлаютъ и гдѣ находятся ближайшія войска, назначенныя къ содѣйствію. Генералъ Милорадовичъ, въ моихъ глазахъ, выпросилъ по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаръ для необхо-

---

[1]) Филипповъ, «Эпизодъ изъ жизни генерала Ермолова». («Новое Время» 1885 г., № 3357).

[2]) «Общая молва была». Записки А. П. Ермолова, I, 32.

димыхъ посылокъ... Я не описалъ аустерлицкаго сраженія,—продолжаетъ Ермоловъ,—съ бо̀льшею подробностью, ибо сопровождали его обстоятельства столь странныя, что я не умѣю дать ни малѣйшей связи происшествіямъ. Случалось мнѣ слышать разсужденія о семъ сраженіи многихъ достойныхъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ яснаго о немъ понятія и только согласовались въ томъ, что никогда не были свидѣтелями подобнаго событія. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи составятся описанія, но трудно будетъ дать имъ полную достовѣрность и скорѣе могутъ быть опредѣлены частныя дѣйствія, нежели соотношеніе ихъ между собой и согласованіе дѣйствій со временемъ. О сраженіи аустерлицкомъ можно, кажется, сказать, что каждой части войскъ предоставлено было дѣйствовать отдѣльно съ условіемъ при томъ, ни себѣ не ожидать, ни другимъ не давать вспомоществованія и, для лучшаго успѣха, полезно было бы даже забыть, что на томъ же самомъ полѣ и въ то же самое время, были другія русскія войска».

Самъ Ермоловъ попался въ плѣнъ, но благодаря случайно подоспѣвшей гусарской колонѣ, «черезъ самое короткое время», но уже вблизи французской линіи, получилъ свободу [1]).

Вообще, дисциплина не процвѣтала при Кутузовѣ. Если партизанская война развилась при немъ, то это произошло не отъ одного только феноменальнаго, напоминающаго Библію, саморазстройства арміи Наполеона. Личный характеръ главнокомандующаго способствовалъ развитію партизанской войны. Начальники частей всегда пользовались у Кутузова большой свободой дѣйствій, а подчиненные можетъ быть слишкомъ много разсуждали. «Голубчикъ, объясняетъ онъ впослѣдствіи Ермолову, не все можно писать въ рапортахъ, извѣщай меня о важнѣйшемъ записками» [2]). Въ кампанію 12 года будучи начальникомъ штаба Кутузова, Ермоловъ не только распечатываетъ депеши Витгенштейна [3]), но именемъ главнокомандующаго объявляетъ выговоръ принцу Виртембергскому [4]), отдаетъ приказы по отряду [5]) и даже направляетъ войска [6]).

Даже отлично зная положеніе дѣла, Кутузовъ не любитъ идти въ разрѣзъ, ни съ мнѣніемъ толпы, ни съ желаніями сильныхъ лицъ и очень радъ если истину можно высказать чужими устами. Эта черта въ характерѣ знаменитаго полководца, между прочимъ, съ поразительной ясностью, обрисовалась на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, когда главнокомандующій старался маскировать свое рѣшеніе оставить Москву авторитетомъ второстепенныхъ лицъ. Благо-

---

[1]) Записки Ермолова, I, 33—40.
[2]) Погодинъ, 160; Записки Ермолова, I, 237.
[3]) Записки Ермолова, I, 258.
[4]) Записки Ермолова, I, 239; Погодинъ, 162.
[5]) Погодинъ, 149.
[6]) Записки Ермолова, I, 198, 231, 256, 258; Погодинъ, 129, 144, 163, 164.

разумно разсчитывая на содѣйствіе мороза и изнурительнаго похода и давно рѣшивъ не рисковать ни однимъ солдатомъ своей арміи и ни однимъ лавромъ въ своемъ вѣнкѣ, Кутузовъ однако не говоритъ, что ему нужно, а косвенными мѣрами удерживаетъ рвеніе подчиненныхъ. Отсюда репутація «старой лисицы» прочно утвердившаяся за Кутузовымъ.

И тѣмъ не менѣе, лѣнивый, на взглядъ безпечный, какъ будто бы весь отданный мелкимъ страстямъ, — Кутузовъ неизмѣнно побѣждаетъ вездѣ, гдѣ можетъ дѣйствовать самостоятельно, предусмотрителенъ, гдѣ это необходимо и радикально чуждъ всѣхъ признаковъ непотизма. Князь Кудашевъ, мужъ его любимой дочери, едва ли не потерялъ болѣе, чѣмъ выигралъ отъ этого родства [1]). Со стороны кажется, будто побѣды Кутузова приходятъ сами собой, будто въ нихъ нѣтъ ни напряженія, ни умственной работы. Такъ мало въ немъ суеты и движенія. Такъ все свободно и «безъ хлопотъ»...

Именно въ томъ, что составляетъ слабую сторону въ характерѣ Кутузова, онъ нашелъ средство для успѣховъ на военномъ поприщѣ. Предоставляя своимъ генераламъ нѣсколько рискованную свободу дѣйствій, Кутузовъ понималъ, что можно ожидать отъ каждаго изъ нихъ. Умѣнье похвалить и умѣнье каждаго поставить тамъ, гдѣ онъ всего болѣе полезенъ—геній Кутузова. Были частныя ошибки, но общіе результаты его оправдали. Въ противуположность Суворову, не терпѣвшему при себѣ людей способныхъ [2]), Кутузовъ любилъ окружать себя талантами, выдвигалъ ихъ и создалъ на нихъ свою репутацію.

Во имя справедливости слѣдуетъ однако прибавить, что нѣкоторый безпорядокъ въ арміи Кутузова былъ только частью общей безпорядочности военнаго дѣла Россіи въ началѣ этого столѣтія. Говорили, что, послѣ сраженія при Пултускѣ, графъ Буксгевденъ, желая повредить Бенингсену, нарочно пошелъ не такъ, какъ бы слѣдовало, чтобы воспользоваться побѣдой надъ войсками находившимися подъ начальствомъ самаго Наполеона [3]), что баронъ Сакенъ то же сдѣлалъ при Альткирхенѣ [4]). Платовъ выражается такимъ образомъ: «Служу сорокъ второй годъ, а такого коловратства, которое я вижу, не видывалъ и не ожидалъ» [5]).

Это было время, когда фельдмаршалъ Каменскій самовольно оставляетъ командованіе арміей; Багратіонъ въ открытой враждѣ съ Барклаемъ-де-Толи; интендантство воюетъ съ дѣйствующею

---

[1]) Шишковъ, «Воспоминанія о кн. Смоленскомъ» («Рус. Архивъ», 1866 г., № 3, стр. 462); Записки Ермолова, I, 205.

[2]) Погодинъ, А. П. Ермоловъ, 423.

[3]) Записки Ермолова, I, 50.

[4]) Ibid. 85.

[5]) Записки Ермолова, I, Матеріалы, 163.

арміею; одни изъ начальниковъ заводятъ ланкастерскія школы, другіе расширяютъ «палочную академію» [1]). Вездѣ недостатокъ выдержаннаго плана и дисциплины... и отдѣльныя блестящія дѣла.

Остается прибавить, что нѣсколько излишняя самостоятельность вѣроятно была въ духѣ времени, если даже Аракчеевъ, во время финляндской войны, писалъ графу Барклай-де-Толи: «Генералъ съ вашими достоинствами въ наставленіяхъ главнокомандующаго не нуждается» [2]).

Возвращаемся къ Ермолову. Слишкомъ близко отъ него проходили корифеи нашей арміи: Кутузовъ, Милорадовичъ, Прозоровскій, Бенингсенъ, Зубовъ, Каменскій, Буксгевденъ и другіе, чтобы въ немъ не зародилось нѣсколько свободное отношеніе къ тогдашнимъ военнымъ авторитетамъ. Это ясно видно изъ его «Записокъ». Но, рядомъ съ этимъ, въ кампанію 1805 — 1807 года, Ермоловъ воспиталъ привычку дѣйствовать самостоятельно, соображаться съ обстоятельствами, брать все на себя, смѣло распорядиться тамъ, гдѣ соответствующее распоряженіе кѣмъ слѣдуетъ не сдѣлано. Подъ Фридландомъ, случайно проѣзжая мимо орудій растратившихъ свои снаряды, онъ приказываетъ командиру батареи остаться на мѣстѣ, чтобы не образовать интервала. «Если ваше начальство будетъ недовольно, скажите, что сдѣлали на основаніи приказанія полковника Ермолова; а я, между тѣмъ, доставлю вамъ зарядные ящики». Въ томъ же родѣ при Амштетенѣ, Аустерлицѣ и т. д.

Но, уже въ это время, въ душѣ будущаго «проконсула» звучать грозныя ноты. «Два раза, пишетъ онъ, подходили непріятельскія войска и осматривали броды; но бо̀льшая часть сорока орудій, которыми я командовалъ употреблены были на защиту оныхъ и трудно было успѣть въ томъ. Потеря отъ канонады должна была быть значительною, и мы успѣли разрушить часть моста. Мнѣ грозили наказаніемъ за произведенный пожаръ; въ главной квартирѣ много о томъ разсуждали и находили мѣру жестокой. Я разумѣлъ, что послѣ хорошаго обѣда, на досугѣ, а особливо въ 20 верстахъ отъ опасности, не трудно щеголять великодушіемъ. Вняли однако же моимъ оправданіямъ» [3]).

«Не прежде отошелъ я отъ города (Гутштадта), какъ загорѣлся онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я платилъ негоднымъ жителямъ приверженнымъ къ французамъ за то, что въ февралѣ, когда 5-й егер-

---

[1]) Въ 1801 году наши солдаты, отъ жестокихъ наказаній при ученіяхъ, дезертируютъ въ Пруссію. Изъ архангелогородскаго полка бѣжала цѣлая рота. Многіе на границѣ кончали самоубійствомъ. Какъ бы въ вознагражденіе, изъ Пруссіи и Австріи дезертировали къ намъ. (Записки генерала Отрощенко «Русскій Вѣстникъ» 1877 г., сентябрь, 150).

[2]) «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 1039.

[3]) Записки Ермолова, I, 52.

скій полкъ былъ вытѣсненъ изъ города, они изъявили радость рукоплесканіемъ и дѣлали насмѣшки» [1]).

Въ эту же кампанію было положено начало популярности Ермолова въ войскахъ. «Когда солдаты наши, говоритъ Давыдовъ, замѣчали роту Ермолова выѣзжавшую на позицію и, въ особенности его самого, они громко кричали: «Напрасно французъ горячку поретъ; Ермоловъ за себя постоитъ...» Слава пріобрѣтенная имъ въ теченіе этой войны была такова, что одного удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ св. Георгія» [2]). Подчиненные между прочимъ уважали Ермолова за справедливость.

Неизвѣстный офицеръ, на походѣ представлявшійся Кутузову въ 1805 году, Ермоловъ въ 1807 возвращался въ Россію, уже какъ одна изъ восходящихъ звѣздъ русской арміи, на хорошемъ счету у государя, пользуясь капризной благосклонностью цесаревича, лично извѣстнымъ прусскому королю. Замѣчательно, что Багратіонъ, два раза, безуспѣшно, представлялъ Ермолова въ генералъ-маіоры. Отказано, вѣроятно благодаря Аракчееву. Ермоловъ уже имѣлъ враговъ, но были и поклонники.

III.

Жизнь Ермолова, по возвращеніи въ Россію, представляетъ мало выдающагося до самаго 12-го года.

Измѣнились отношенія къ Аракчееву. Давыдовъ объясняетъ преслѣдованія Аракчеева тѣмъ, что карьеру Ермолова онъ считалъ результатомъ фаворитизма. Убѣдившись, благодаря генералу Бухмееру въ противномъ, онъ рѣшился вознаградить Ермолова за все прошлое. Не знаемъ на сколько такая щепетильность и такіе порывы великодушія въ характерѣ Аракчеева. Не вѣроятнѣе ли другое объясненіе? Арекчеевъ тѣснилъ Ермолова, какъ тѣснилъ все, что ему подчинялось; но увидѣвъ потомъ невозможность поколебать расположеніе къ нему государя, счелъ благоразумнымъ не имѣть его своимъ противникомъ.

Первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ Аракчеевымъ въ декабрѣ 1807 года. Препровождая Ермолову рескриптъ государя съ тысячью рублей для раздачи, по его усмотрѣнію, отличившимся фейерверкерамъ и рядовымъ, графъ Аракчеевъ, съ своей стороны, написалъ любезное письмо, главный мотивъ котораго заключается, однако, въ томъ, что это онъ, Аракчеевъ, исходатайствовалъ рескриптъ.

Когда, вслѣдъ за этимъ, Ермоловъ представлялся Аракчееву, какъ военному министру, послѣдній встрѣтилъ его фразой: «вы одѣты не по формѣ».—«Позвольте усумниться ваше сіятельство»,—

[1]) Записки Ермолова, I, 90.

[2]) Погодинъ, 63.

отвѣтилъ Ермоловъ. Оказалось, что бригадѣ Ермолова, за отличіе, были пожалованы петлицы, и что Аракчеевъ еще ничего не зналъ о новомъ знакѣ расположенія государя [1]).

Вскорѣ послѣ рескрипта, Ермоловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и, во время фиктивной войны съ Австріей, назначенъ начальникомъ резервнаго отряда, расположеннаго въ Волынской и Подольской губерніи. Между прочимъ, на него было возложено наблюденіе за тѣмъ, чтобы русскіе поляки не перебѣгали въ армію Понятовскаго и дано право виновныхъ, «не взирая на лица», отсылать въ Кіевъ для препровожденія далѣе въ Оренбургъ и Сибирь. Вѣрный принципу, какъ можно болѣе брать на свою отвѣтственность и, гдѣ надо, дѣйствовать рѣшительно, Ермоловъ нѣсколько превзошелъ свои полномочія, приказавъ «тѣхъ изъ переходящихъ за границу, которые будутъ вооружены и въ большихъ партіяхъ, наказывать оружіемъ. Начальство,— прибавляетъ Ермоловъ, — довольно было рѣшительностью. Я употребилъ строгія весьма мѣры, но не было сосланныхъ» [2]).

Къ этому же времени относится столкновеніе Ермолова съ знаменитымъ въ исторіи польской культуры на русской землѣ попечителемъ кременецкаго лицея графомъ Чапскимъ. Графъ держалъ въ этомъ городѣ непозволительныя рѣчи и Ермоловъ, услышавъ объ этомъ, нарочно пріѣхалъ изъ Житоміра въ Кременецъ и, при свидѣтеляхъ, сдѣлалъ выговоръ въ такихъ выраженіяхъ. «Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; вы повидимому убѣждены, что я не захочу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ; но я обязанъ предупредить васъ, что впредь, малѣйшее неосторожное слово ваше будетъ имѣть самыя печальныя для васъ послѣдствія». «Это краткое, но ясное увѣщаніе,— прибавляетъ Давыдовъ,—не осталось безъ желанныхъ послѣдствій» [3]).

Очевидно, государь имѣлъ въ виду Ермолова и, можетъ быть, уже въ это время рѣшилъ его приблизить. Только этимъ можно объяснить, почему, не смотря на собственное желаніе и ходатайство Кутузова, Багратіона и Каменскаго, Ермоловъ, во время турецкой войны 1810 года, не попалъ въ дѣйствующую армію, а приказомъ государя переведенъ въ гвардію начальникомъ артилерійской бригады. Когда и послѣ этого Ермоловъ продолжалъ хлопотать о назначеніи въ молдавскую армію, бригаднымъ командиромъ на Кавказъ, наконецъ, о командированіи для осмотра крѣпостей, государь принялъ все это за интриги и приказалъ сказать ему, что впредь самъ будетъ давать ему назначенія по службѣ [4]).

---

[1]) Погодинъ, 65, 66.
[2]) Записки Ермолова, I, 109.
[3]) Сочиненія Давыдова, II, 79.
[4]) Записки Ермолова, I, 110—113.

IV.

«Насталъ 12-й годъ! Годъ памятный каждому россіянину тяжкими несчастіями, знаменитый блистательной славой въ роды родовъ»... Такъ, съ весьма понятнымъ благоговѣніемъ, подходитъ Ермоловъ въ своихъ воспоминаніяхъ, къ этому юбилейному году русской славы.

Сказаннаго выше объ отношеніяхъ государя къ Ермолову достаточно, чтобы понять, почему, при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, Ермоловъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Онъ старался отклонить эту должность, но государь, лично, приказалъ. Ермоловъ просилъ «не лишить его надежды возвратиться къ командованію гвардейской дивизіей». Государь согласился [1]).

Къ невыгодамъ новой службы Ермолова надо отнести двусмысленное положеніе главнокомандующихъ. Государь любилъ неопредѣленность и, по странному капризу, вопреки всѣмъ правиламъ войны, въ самую критическую минуту, допустилъ ее въ отношеніяхъ графа Барклай-де-Толли начальника 1-й арміи и князя Багратіона начальника 2-й. Въ военной іерархіи первый стоялъ выше, какъ военный министръ, второй—какъ старшій въ чинѣ. Законъ не разъяснялъ, кто изъ нихъ подчиняется. Высочайшаго повелѣнія на этотъ предметъ издано не было. Вся армія принимала живое участіе въ этомъ недоразумѣніи.

Вѣчно ровный, одинаковый при дворѣ и въ своемъ кабинетѣ, «ледовитый нѣмецъ», по выраженію Ермолова [2]), графъ Барклай-де-Толли былъ понятъ весьма не многими и никого не привязалъ къ себѣ. Солдаты изумлялись его храбрости («глядя на Барклая, и страхъ не беретъ» [3]). Но этотъ холодный героизмъ, въ соединеніи съ большимъ военнымъ талантомъ, не искупалъ, въ глазахъ русскаго войска, того полнаго отсутствія экспансивности, которая сообщаетъ задушевный отпечатокъ и простому обращенію ежедневной жизни, и великому подвигу. Къ этому надо прибавить, что графъ Барклай дурно, до трудности понимать, говорилъ порусски, что на его долю пришлось вести армію по дорогѣ отступленій, что онъ не имѣлъ связей при дворѣ и не нашелъ ихъ въ составѣ скуднаго наслѣдства полученнаго отъ отца.

Князя Багратіона почему-то считаютъ у насъ человѣкомъ ограниченнымъ, способнымъ только ударить въ штыки и разнести все предстоящее. Вѣрнѣе судитъ Ермоловъ, называя его человѣкомъ «ума тонкаго и гибкаго... утонченной ловкости передъ государемъ,

[1]) Записки Ермолова, I, 129.
[2]) Ibid., 113.
[3]) Сочиненія Давыдова, II, 81.

увлекательно лестнаго обращенія съ приближенными» [1]). Обходясь безъ вывѣски ума, запросто со всѣми, Багратіонъ тѣмъ сильнѣй сходился съ каждымъ, тѣмъ глубже проникалъ въ душу подчиненныхъ. Въ то время, когда армія Барклай-де-Толли «отступала» передъ Наполеономъ, всѣмъ казалось, что Багратіонъ «идетъ впередъ, на соединеніе». Въ 1-й арміи слышался ропотъ, замѣчались признаки унынія и упадка дисциплины. Для 2-й арміи, какъ будто не было Наполеона; музыка, пѣсни, «гордость преодолѣнныхъ опасностей, готовность къ превозможенію новыхъ» [2]). Недостатокъ научной подготовки Багратіонъ вполнѣ замѣнялъ военнымъ глазомѣромъ и опытностью. Въ рѣшительную минуту Багратіонъ требовалъ полнаго напряженія силъ. «Прикажутъ, такъ пойдемъ»,—лаконически отвѣтилъ онъ на приказаніе переходить по льду черезъ Аландъ (финляндская война) [3]). Военные подвиги Барклая знали только архивъ и спеціалисты; Багратіонъ былъ ученикъ Суворова и старая слава русской арміи.

Императоръ Александръ, великій гуманистъ и хорошій администраторъ, но человѣкъ совершенно чуждый талантовъ военачальника, въ военномъ дѣлѣ слишкомъ цѣнилъ le latin de son curè. Отсюда его предубѣжденіе въ пользу ученыхъ нѣмцевъ Пфуля и Фока; отсюда же его довѣріе къ Барклай-де-Толли и не довѣріе къ Багратіону, какъ самоучкѣ. Но всякая толпа, хотя бы и организованная въ армію, чужда педантизма, увлекается только видимымъ, предпочитаетъ бьющіе въ глаза факты. Войска довѣряли Багратіону и подозрѣвали Барклая въ измѣнѣ. Къ этому времени относятся каламбуры на фамиліи главнокомандующихъ: «Богъ-ратіонъ», «Болтай-да-и-Только».

Отношенія между самими главнокомандующими были натянуты до послѣдней степени. Когда соединеніе армій было близко къ осуществленію, Барклай-де-Толли, чтобы не имѣть около себя Багратіона, колебался не дать ли его арміи попрежнему отдѣльное направленіе на Москву [4]). Багратіонъ въ каждомъ письмѣ къ Ермолову грозилъ отставкой и безъ всякихъ церемоній называлъ Барклая измѣнникомъ. «Голова его на плахѣ... Мало повѣсить... Не могу служить никакъ... Прощайте... Мы проданы... Служить подъ игомъ иновѣрцевъ-мошенниковъ! Никогда!.. Прощайте, я уже не слуга» [5])...

Въ данномъ случаѣ, на вѣсы человѣческой совѣсти надо положить не одни только оффиціальныя отношенія Ермолова, но и его

[1]) Записки Ермолова, I, 152—155.
[2]) Ibid., 155.
[3]) Липранди, «Рус. Архивъ», 1865 г., стр. 1038.
[4]) Записки Ермолова, I. 150.
[5]) Ibid., 169—178.

личныя симпатіи. Судьбѣ было угодно, чтобы Ермоловъ, не сходясь въ характерѣ и связанный только службой съ Барклай-де-Толли, считалъ Багратіона своимъ другомъ и благодѣтелемъ и чтобы сангвиническій темпераментъ и суворовская тактика второго болѣе совпадали съ его собственными наклонностями, чѣмъ холодная разсудительность перваго.

Итакъ, надо было желать и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій государя въ смыслѣ установленія единоначалія въ арміи, а пока устроить какой-нибудь modus vivendi между главнокомандующими. Ермоловъ такъ изображаетъ свою роль въ примиреніи начальниковъ:

«За что терпѣлъ я отъ тебя упреки Багратіонъ, благодѣтель мой!... Я всѣ средства употреблялъ удерживать между вами яко главными начальниками доброе согласіе... Скажу и то, что, въ сношеніяхъ вашихъ, въ объясненіяхъ одного съ другимъ черезъ меня происходившихъ, я холодность, грубость Барклая представлялъ передъ тебя во всѣхъ тѣхъ видахъ, какіе могли тебѣ казаться пріятными. Твои отзывы дерзкіе и колкіе передавалъ ему въ выраженіяхъ самыхъ обязательныхъ. Ты часто говаривалъ мнѣ, что не ожидалъ найти въ Барклаѣ столько хорошаго, какъ нашелъ въ немъ. Не разъ онъ мнѣ повторялъ, что онъ не думалъ, чтобы можно было служить вмѣстѣ съ тобою съ такою пріятностію. Благодаря довѣренности обоихъ васъ ко мнѣ, я долго бы удерживалъ васъ въ семъ мнѣніи, но причиной вражды между вами помощникъ твой графъ Сенъ-При... Онъ пользу общую заставилъ молчать передъ собственною» [1]).

Короче, въ докладахъ начальника штаба, начальники армій, до извѣстной степени, не узнавали другъ друга. Въ этомъ лагерѣ рыцарей и патріотовъ нашлось мѣсто для водевиля!

Со всей энергіей очевидной опасности и искренняго убѣжденія Ермоловъ, угадавшій истинныя причины нежеланія Барклая соединиться съ Багратіономъ, воспротивился его намѣренію дать отдѣльное направленіе арміи Багратіона. «Вы не смѣете сего сдѣлать; должны соединиться съ княземъ Багратіономъ, составить общій планъ дѣйствій и тѣмъ исполнить волю государя. Россія не будетъ имѣть права упрекать васъ, и вы успокоите ее на счетъ участи армій» [2]).

Къ этому же періоду войны относится письмо Ермолова къ Багратіону (2 августа), которое мы желали бы встрѣтить въ каждой русской хрестоматіи, среди образцовыхъ произведеній русскаго чувства и литературы.

[1]) Погодинъ, 94; Записки Ермолова, I, 162. Мы часто будемъ пользоваться воспоминаніями Ермолова въ редакціи Погодина, какъ отличающейся большей непосредственностью.

[2]) Погодинъ, 90; Записки Ермолова, I, 150.

«Несправедливо вините вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю, какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго не безъ основанія Отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы соглашаетесь на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ! Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣняхъ умоляю васъ, ради Бога, ради Отечества, писать государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно его величества и оправдаете себя передъ Россіей».

«Я молодъ; мнѣ не станутъ вѣрить; если же буду писать—не заслужу вниманія; буду говорить—почтутъ недовольнымъ и охуждающимъ все; повѣрьте, ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда Отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгодъ личныхъ. Я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ; но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служитъ уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодого человѣка [1]). Однако я не робѣю; буду еще писать; изображу все, что вы сдѣлали и въ чемъ встрѣчены вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо; вы всегда благодѣтельствовали мнѣ; а потому я спрошу у его величества писали ли вы къ нему или хранили виновное молчаніе? Въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты».

«Если вы уже не хотите, какъ человѣкъ постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміей, я при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ».

«Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему Отечеству нашему; уступите другому и ожидайте, пока не назначится человѣкъ, какого требуютъ обстоятельства».

«Пишите, ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять васъ» [2]).

Переходимъ къ второстепеннымъ лицамъ. Многихъ изъ нихъ, въ кампанію 12-го года Ермоловъ старался одушевить болѣе горячимъ стремленіемъ къ общей пользѣ. При этомъ, его средства также разнообразны, какъ характеръ и положеніе этихъ лицъ.

Письмо къ Милорадовичу онъ заключаетъ такимъ образомъ. «Здѣсь нѣтъ почти полка, который бы не служилъ подъ началь-

---

[1]) Въ смыслѣ чина, конечно, потому что Ермолову, въ это время, было 35 лѣтъ.

[2]) Погодинъ, 115; Записки Ермолова, I, Матеріалы, 180.

ствомъ вашимъ. Впереди васъ никто не бываетъ; покажитесь—и все противустоящее намъ останется истребленнымъ» [1]).

(О способностяхъ Милорадовича онъ былъ не высокаго мнѣнія; разсказывая о его ошибкѣ, которая могла окончиться «потерею многихъ головъ», добавляетъ, что «непріятель не засталъ бы головы у Милорадовича, ибо, не взирая на безстрашіе, она была въ величайшемъ замѣшательствѣ» [2]). Но на войнѣ бываютъ минуты, когда безстрашіе нужнѣе «головы». Отсюда нѣсколько льстящее письмо Милорадовичу).

Въ другомъ родѣ переписка съ Платовымъ. Атаманъ—еще по Костромѣ большой пріятель Ермолова—по поводу назначенія генерала Краснова въ легкій отрядъ Шевича, написалъ оффиціальную бумагу, въ которой спрашиваетъ: давно ли старшаго отдаютъ подъ команду младшаго? Ермоловъ, также оффиціально отвѣтилъ, что о старшинствѣ Краснова имъ обоимъ ничего неизвѣстно, потому что до сихъ поръ не доставленъ его формулярный списокъ, «вмѣстѣ съ тѣмъ, я вынужденъ заключить изъ словъ вашихъ, что вы (донскіе казаки) почитаете себя лишь союзниками русскаго государя, но никакъ не подданными его». Правитель дѣлъ атамана предлагалъ возразить Ермолову.—«Оставь Ермолова въ покоѣ, отвѣтилъ Платовъ; ты его не знаешь; онъ въ состояніи сдѣлать съ нами то, что приведетъ нашихъ казаковъ въ сокрушеніе, а меня въ размышленіе» [3]).

Полковникъ Кикинъ отказывался отъ должности дежурнаго генерала. Между тѣмъ, свойственная ему склонность къ порядку и дѣятельность заставляли удерживать именно на этомъ посту.

«Помню даже,—пишетъ Ермоловъ,—разъ упрекнулъ ему... Нечувствительностью къ общей пользѣ. Я ничѣмъ не тронулъ его; сыскалъ его дружбу, и онъ согласился!»

«Ты преупрямѣйшее существо, Кикинъ, котораго впослѣдствіи любилъ я какъ брата, котораго почитаю честность правилъ и прекрасное свойство души! Поздно началъ ты смѣяться надъ моимъ обращеніемъ; поздно странными нашелъ употребляемые мной въ обхожденіи способы, сколько по наружности одинаковые, столько разнообразные по дѣйствію. Они и надъ тобою самимъ имѣли дѣйствіе, ты не примѣтилъ, что впечатлѣніе ихъ зависитъ отъ различнаго образа чувствъ, и если можно мнѣ доказать, что ты и Ставраковъ [4]) одинаково понимаете вещи, то соглашусь я, что любезный другъ, старый товарищъ и почтенный сослуживецъ одинаково

---

[1]) Погодинъ, 88.

[2]) Записки Ермолова, I, 20.

[3]) Погодинъ, 124.

[4]) Одинъ изъ помощниковъ Ермолова, отъ котораго онъ не зналъ какъ отдѣлаться.

всѣми принимаемы и одинаковую цѣну въ чувствахъ каждаго имѣютъ. Чѣмъ сблизилъ я тебя съ собою? Обыкновеннымъ умомъ не привлекаютъ! Конечно, не очаровалъ пріятностью: взгляни мнѣ на рожу, или, послѣ собственной твоей, кажусь я еще хорошимъ? И такъ, успѣлъ я моимъ обращеніемъ, обыкновенными моими средствами. И Кикинъ мнѣ братъ, а Ставраковъ сослуживецъ!» [1])

Надо принять во вниманіе, что все это дѣлалось и писалось не въ кабинетѣ; а послѣ одного сраженія и въ виду другого, среди безчисленныхъ занятій по штабу, между случаями личнаго предводительства значительными колоннами, при постоянно мѣняющемся положеніи армій.

Стараніе Ермолова сгруппировать всѣхъ у общей цѣли тогдашняго русскаго патріотизма составляетъ только незначительную часть сдѣланнаго имъ въ кампанію 12-го года и, при томъ, часть превышающую его обязанности какъ военнаго. Прямыя заслуги Ермолова занимаютъ еще болѣе почетное мѣсто въ военной исторіи того времени. Спасеніе русской арміи подъ Витебскомъ, возвращеніе «редута Раевскаго» подъ Бородиномъ, направленіе арміи подъ Малоярославцемъ, побѣда при Кульмѣ и т. д., все это—подвиги выдающіеся даже въ ту эпоху, когда на страницы русской лѣтописи занесено такъ много подвиговъ храбрости, рыцарства, гражданскаго и военнаго генія и беззавѣтнаго патріотизма. Но все это оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ наша задача не исторія Отечественной войны, но очеркъ жизни знаменитаго генерала, принимавшаго въ ней дѣятельное участіе.

Единственно для того, чтобы судить, чѣмъ были въ частныхъ отношеніяхъ люди этого героическаго кружка, позволимъ себѣ привести слѣдующій эпизодъ.

Подъ конецъ сраженія при Кульмѣ, прибылъ князь Голицынъ, впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ. Ермоловъ, еще при началѣ сраженія принявшій команду отъ раненаго графа Остерманъ-Толстого, тотчасъ является къ Голицыну, какъ къ старшему въ чинѣ, рискуя этой формальностью передать другому славу побѣдителя. Князь Голицынъ благородно отказался отъ командованія. «Побѣда за вами; довершайте ее; если вамъ нужна будетъ кавалерія, я охотно и немедленно вышлю ее по первому вашему требованію» [2]).

Въ реляціи объ этомъ сраженіи Ермоловъ почти умалчалъ о себѣ, приписывая весь успѣхъ непоколебимому мужеству войскъ и распоряженіямъ графа Остермана. Жестоко страдая отъ раны, Остерманъ пишетъ ему слѣдующую записку: «Довольно возблаго-

---

[1]) Погодинъ, 76, 95; Записки Ермолова, I, 180.

[2]) Погодинъ, 178.

дарить не могу ваше превосходительство, находя лишь только-что (въ реляціи о кульмскомъ сраженіи) вы мало упомянули о генералѣ Ермоловѣ, которому я всю истинную справедливость отдавать привыченъ» [1]).

Присвоеніе чужихъ заслугъ, въ то время и въ томъ кругу, до извѣстной степени было небезопасно. Послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, Ермоловъ, независимо распоряжавшійся отдѣльной частью, имѣлъ полное основаніе отъ себя представить генералу Рѣзвому о наградахъ отличившимся. Но генералъ, желая выставить своего родственника графа Кутайсова, потребовалъ списки черезъ него, отнимая такимъ маневромъ у Ермолова заслуженную награду. «Благодарю, ваше сіятельство, иронически рапортовалъ Ермоловъ, представляя списки, что вамъ угодно было извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время битвы» [2]).

Всѣ несправедливо обойденные имѣли въ Ермоловѣ ревностнаго ходатая. «Ты не худо дѣлаешь, что иногда пишешь мнѣ,—отвѣчаетъ онъ Давыдову,—ибо я о заслугахъ другихъ кричать умѣю» [3]).

Какъ бы то ни было, не смотря на популярность въ войскахъ, собственныя отношенія Ермолова по службѣ, въ концѣ Отечественной войны, были далеко не изъ самыхъ удовлетворительныхъ. Это видно между прочимъ изъ отвѣта другу, А. В. Казадаеву, на вопросъ: почему имени Ермолова нѣтъ въ реляціяхъ?

«Письмо твое раздирало сердце мое, ибо я полагалъ, что ты заключилъ обо мнѣ, какъ о человѣкѣ уклонявшемся отъ опасностей. Нѣтъ, другъ любезнѣйшій, я не избѣгалъ ихъ, но я боролся и съ самимъ непріятелемъ и съ злодѣями моими главной квартиры. И сіи послѣдніе суть самые опаснѣйшіе...» Далѣе, изложивъ все сдѣланное имъ въ послѣднюю войну, заключаетъ: «служить не хочу и заставить меня нѣтъ власти... Поцѣлуй сыновей и научи ихъ мерзить военной службой для ихъ счастія» [4]).

Конечно, это была только минутная вспышка, вызванная неудовольствіемъ съ Барклай де-Толли. Благоволеніе императора Александра не позволило бы Ермолову сдѣлать этотъ ложный шагъ.

V.

Хотя Ермолову еще не было сорока лѣтъ, но сдѣланнаго имъ было достаточно, чтобы на вѣки записать его имя на страницахъ русской исторіи. Послѣ 1815 года, все гарантировало ему одну изъ тѣхъ блестящихъ, но часто безполезныхъ карьеръ, которыми на-

---

[1]) Погодинъ, 179.
[2]) Погодинъ, 49. Записки Ермолова, I, 81.
[3]) Погодинъ, 160.
[4]) Дубровинъ, «А. П. Ермоловъ при назначеніи его на Кавказъ» («Воен. Сб.» 1869, XI, 42—44.

граждають отживающіе таланты и назойливую бездарность. Если бы онъ не хотѣлъ безгрѣшно почить на лаврахъ Бородина, Кульма и Парижа и, подобно многимъ своимъ современникамъ, жить на проценты добытой славы,—за нимъ было обезпечено командованіе гвардіей [1]) и имѣлось основаніе разсчитывать на нѣчто бо́льшее. Самъ Аракчеевъ поддается, наконецъ, обаянію талантовъ Ермолова и указываетъ на него государю, какъ на единственнаго человѣка способнаго, въ данную минуту быть военнымъ министромъ и привести въ порядокъ разстроенную продолжительными войнами армію [2]).

Вмѣсто всего этого Ермоловъ ѣдетъ въ отдаленный полудикій край, едва замѣтный въ это время изъ Петербурга, будущее котораго только начало обрисовываться на политическомъ горизонтѣ, гдѣ жизнь была лишена всѣхъ удобствъ цивилизаціи и сопряжена со всѣми опасностями для жизни и военной славы.

Назначеніе Ермолова главнокомандующимъ на Кавказъ представляется въ такомъ видѣ. Вскорѣ по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, когда лихорадочная дѣятельность замѣнилась перспективой всеобщаго мира, разговаривая съ графомъ Аракчеевымъ и княземъ Волконскимъ, Ермоловъ высказалъ, что онъ былъ бы очень доволенъ, если бы ему поручили главное начальство на Кавказѣ. Государь удивился. Кавказу не придавали особеннаго значенія въ Петербургѣ; сюда назначали второстепенныхъ генераловъ; этотъ постъ, на петербургскій аршинъ, не соотвѣтствовалъ заслугамъ и служебному положенію Ермолова.

Однако было очевидно, что именно такой человѣкъ какъ Ермоловъ необходимъ для Кавказа. Эта мысль, разъ запавши государю, не переставала его занимать. Такимъ образомъ состоялось назначеніе Ермолова. При представленіи, государь высказался съ полной откровенностью. «Я никакъ не думалъ, что ты можешь желать сего назначенія, но такимъ свидѣтелямъ, какъ графъ Алексѣй Андреевичъ и князь Петръ Михайловичъ (Аракчеевъ и Волконскій) я долженъ повѣрить» [3]).

«Объясненіемъ симъ,—разсуждаетъ Ермоловъ,—государь истолковалъ мнѣ какого онъ о Грузіи мнѣнія. Сего достаточно было, чтобы на моемъ мѣстѣ устрашить многихъ; но я рѣшился повѣрить себя моему счастію» [4]).

Грузію называли тогда «теплой Сибирью», то есть мѣстомъ ссылки провинившихся офицеровъ и говорили, что это названіе было дано самимъ императоромъ [5]).

---

[1]) Погодинъ, 179.
[2]) Давыдовъ, II, 88.
[3]) Погодинъ, 186, 191.
[4]) Записки Ермолова, II, 8.
[5]) Записки Ванъ-Галена («Истор. Вѣстникъ», 1884, іюнь, 657).

И такъ, идея главнаго начальства на Кавказѣ принадлежитъ самому Ермолову и никому болѣе.

Въ предисловіи къ настоящему очерку было указано на отношеніе цивилизованныхъ народовъ къ нецивилизованнымъ. Особенности въ управленіи нецивилизованными народами неизбѣжны. Чрезвычайныя полномочія здѣсь необходимы.

Тѣхъ людей, которые, вооружившись полномочіями римскаго народа, несли въ дальніе края римскую и человѣческую идею называли «проконсулами». Эти вожди гуманизма давно владѣли мыслью Ермолова. Отсюда желаніе главнаго начальства на Кавказѣ.

«Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
«Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
«А онъ, мятежный, проситъ бури,
«Какъ будто въ буряхъ есть покой»!
(Лермонтовъ).

Кстати, приведемъ здѣсь оцѣнку русской политики, сдѣланную Ермоловымъ въ позднѣйшіе годы, въ Москвѣ, но выражавшую то, что онъ думалъ ранѣе назначенія на Кавказъ.

«Нашу прошедшую европейскую политику», — говоритъ Погодинъ, — «онъ осуждалъ и повторялъ часто, что намъ предлежитъ Азія, и когда я напомнилъ ему, однажды, что это политика очень древняя, что Добрыня, дядя Володимера Святаго, совѣтовалъ ему искать лапотниковъ, а сапожники будутъ неохотно платить дань, тогда онъ расхохотался и воскликнулъ: «Такъ, такъ, именно такъ. Въ Европѣ не дадутъ намъ ни шагу безъ боя, въ Азіи цѣлыя царства къ нашимъ услугамъ» [1]).

VI.

Только двумя поколѣніями отдѣляется современный Кавказъ отъ того, который былъ подчиненъ Ермолову; однако, въ современномъ трудно узнать до-Ермоловскій. Нѣтъ старыхъ чувствъ и отношеній; въ корнѣ перемѣнились общественныя силы. Надѣемся, — все стало лучше.

«Теперь», въ тифлисской классической гимназіи обучается болѣе 700 учениковъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ Кавказа. «Тогда», князь Циціановъ, посѣтивъ въ 1803 году «тифлисское благородное училище для грузинскаго благороднаго юношества», не нашелъ учениковъ. Разбѣжались въ горы.

«Теперь» имеретинскій крестьянинъ, поторговавъ выгодно на базарѣ, зайдетъ въ казначейство за гербовой маркой. «Хорошая

---

[1]) Погодинъ, 446.

вещь; можно родственнику въ праздникъ подарить; да и самъ думаю подать прошеніе на сосѣда». «Тогда» имеретинскій царь Соломонъ словесно отвѣтилъ на письмо князя Циціанова, потому что его канцлеръ куда-то уѣхалъ; самъ же царь и его сановники безграмотны. Рубилъ онъ головы своихъ вѣрноподданныхъ и жаловалъ дворянствомъ, не прибѣгая къ письменному дѣлопроизводству.

«Теперь» утонченность тифлисскаго бала не позволяетъ мечтать о чемъ-нибудь лучшемъ. «Тогда» имеретинскій царь питался, переѣзжая отъ одного своего подданнаго къ другому (какъ пастухи и иногда сельскіе учителя въ коренной Россіи). Въ Лемчугѣ онъ кушалъ пшеничный хлѣбъ; въ Одиши, гдѣ пшеницу не сѣятъ, хотянѐхотя долженъ былъ ѣсть просяную кашу. Тѣмъ же способомъ кормилось и дворянство. «Пока царь и окружающіе его находятъ пищу, жителями съ великимъ стараніемъ скрываемую, до тѣхъ поръ онъ съ того мѣста не выѣзжаетъ. Голодъ и жалобы народа въ насильствѣ и грабежѣ возвѣщаютъ царю о необходимости выѣхать; простота сей жизни сливаетъ самовластіе съ рабствомъ... Общій столъ и общая постель со всѣми. Разность состоитъ только въ томъ, что мужикъ прислуживаетъ дворянину, дворянинъ—князю, а князь—царю» [1]).

«Теперь» грузинскій патріотизмъ ограничивается убѣжденіемъ, что не кто другой, а настоящій грузинъ, укралъ сандаліи у апостола Андрея Первозваннаго. «Тогда» почти не было княжеской фамиліи безъ нѣсколькихъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ въ Персію и Турцію. Бывшій царскій домъ не составлялъ исключенія. Царевичъ Александръ, то скрывался въ горахъ, то уходилъ въ Персію; вообще, не безъ успѣха бунтовалъ магометанскіе народцы и имѣлъ много сообщниковъ среди населенія Грузіи. Почти каждое распоряженіе правительства встрѣчалось тогдашнимъ грузинскимъ дворянствомъ съ явнымъ недоброжелательствомъ [2]).

«Теперь» уроженецъ Востока исправно занимается концессіями на ту или другую желѣзную дорогу. «Тогда» часто не было даже простыхъ путей сообщенія. Самъ «проконсулъ» (онъ же чрезвычайный русскій посолъ въ Персіи), проѣзжая черезъ Область Войска Донского, однажды, чтобы добыть лошадей, сѣлъ верхомъ и при себѣ приказалъ отогнать ихъ изъ ближайшаго табуна. Казаки удивились, видя хищника въ орденахъ и генеральскомъ мундирѣ [3]).

«Теперь» Кавказъ—одинъ изъ европейскихъ Cur-Ort'овъ. «Тогда» онъ только-что пересталъ быть разсадникомъ чумной заразы. Въ 1816 году чума находилась въ донскихъ полкахъ конвоя Ермо-

[1]) Дубровинъ, 259.

[2]) Записки Ермолова, II, 38, 39. Записки Муравьева, «Рус. Арх.» 1886, № 5, 27.

[3]) Записки Муравьева, «Рус. Арх.» 1886, № 4, 453. Погодинъ, 193.

лова. Чтобы менѣе рисковать заразой, было оффиціально запрещено преслѣдовать хищниковъ за линію. Черкесы знали объ этомъ и часто, перейдя на свою сторону, дразнили показывая добычу [1]). Пріѣзжавшіе пользоваться Нарзаномъ, занимали тогда долину подлѣ источника, оплетеннаго полусгнившимъ плетнемъ, а купались въ выкопанной ямѣ; жили же, кто въ своемъ экипажѣ, кто въ сдѣланномъ наскоро шалашѣ [2]).

«Теперь» вся страна на дорогѣ превращенія въ «Русскую Швейцарію»—мѣсто свиданія европейскихъ туристовъ. «Тогда», въ исторіи одного Кабардинскаго полка, за одинъ только 1801 годъ, отмѣчены крупныя нападенія лезгинъ 6 и 8 іюля и 24 ноября [3]). Всего за десять лѣтъ до Ермолова, князь Циціановъ былъ измѣннически убитъ въ присутствіи бакинскаго хана и нѣсколько случаевъ въ томъ же родѣ—при самомъ Ермоловѣ. Нашимъ войскамъ строго запрещено въ малыхъ силахъ переходить черезъ Кубань. На выкупъ плѣнныхъ военнымъ министерствомъ назначалась особая сумма.

Общій выводъ. Отъ Зубова до Ермолова едва ли что существенно измѣнилось на Кавказѣ. Князь Циціановъ, грузинъ по происхожденію, благодаря таланту и связямъ съ грузинскимъ царскимъ домомъ, имѣлъ большой, но не прочный успѣхъ. Непосредственный предшественникъ Ермолова, Ртищевъ, какъ видно изъ его послѣдняго донесенія императору [4]),- смотрѣлъ на дѣло крайне оптимистически. Онъ или не зналъ Кавказъ, или считалъ шаткость населенія, хроническую чуму, вездѣ таящуюся измѣну, тиранію высшаго сословія, полное отсутствіе промышленности и безопасности—нормальными для Кавказа явленіями.

Первое распоряженіе Ермолова характерно для него и для императора Александра.

Поводомъ служитъ конвой линейныхъ казаковъ, высланный на встрѣчу главнокомандующаго. Всегда отличаясь ловкостью, исправностью оружія и лошадей (Ермоловъ зналъ ихъ еще по экспедиціи Зубова), на этотъ разъ, казаки почти на половину представляютъ нигдѣ не служившую молодежь. Оказалось, что по настоянію графа Платова и съ разрѣшенія государя, Ртищевъ отпустилъ на родину шесть донскихъ полковъ, вслѣдствіе чего вся тяжесть службы упала на линейныхъ. Должны были выйти всѣ шестнадцатилѣтніе, отцы съ двумя и тремя сыновьями, даже находившіеся въ отставкѣ. Дома остались жены, дѣти и старики неспособные къ работѣ. Ермо-

---

[1]) Записки Ермолова, II, 43, 44.

[2]) Погодинъ, 438.

[3]) Зиссерманъ, Ист. Каб. полка, I, 270.

[4]) Акты собранные Кавказской археологической коммиссіей, V, № 325.

ловъ, еще не въѣзжая въ Тифлисъ, донесъ государю: «На смѣну донскихъ полковъ есть воля вашего императорскаго величества, но никакъ не смѣю допустить исполненіе оной подобнымъ образомъ». Отпустивъ одинъ или два долѣе служившихъ на Кавказѣ донскихъ полка, Ермоловъ остальные удержалъ. Государь утвердилъ распоряженіе [1]).

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Тифлисъ, Ермоловъ обратился къ мѣстной администраціи съ приказомъ, заключавшимъ такую фразу: «въ правилахъ моихъ нѣтъ снисхожденія къ нерадивымъ» [2]).

Съ пріѣздомъ Ермолова измѣнился языкъ, на которомъ мы разговаривали съ непокорными горцами. «Плѣнные и бѣглые... или мщеніе ужасное!... Бойтесь быть непокорными сефи-беку, потому что онъ будетъ исполнять мои собственныя приказанія; каждый сопротивляющійся будетъ наказанъ свыше ожиданія... если кто ослушается приказаній, то представить мнѣ неповинующагося князя или узденя и это будетъ послѣднее въ жизни таковаго неповиновеніе» [3]).

По поводу измѣнническаго убійства полковника Пузыревскаго, въ дневникѣ Ермолова записано: «Вотъ мои слова при первомъ о семъ извѣстіи: «Не при мнѣ умирать достойному офицеру безъ отмщенія» [4]). «Бунтующія селенія были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня и черезъ многіе годы не придутъ измѣнники въ первобытное состояніе. Нищета крайняя будетъ ихъ казнью» [5]).

Названіе «мошенникъ», въ это время почти сдѣлалось оффиціальнымъ титуломъ горца въ перепискѣ Ермолова. «Извольте, ваше превосходительство,—пишетъ Ермоловъ генералъ-маіору Дельпоццо, — отъ мирныхъ называющихся мошенниковъ взять аманатовъ... Извольте объявить мирнымъ мошенникамъ... Внушите имъ, что намъ не нужны мирные мошенники» [6]).

Въ дневникѣ Ермолова часто встрѣчаются отмѣтки въ такомъ родѣ: «Лагерь на Сунжѣ. Заложена крѣпость, которая названа Грозной. Безпрестанныя стычки съ чеченцами... Началось построеніе крѣпости Внезапной. Жители Андрея (аулъ) разбѣжались и городъ остался пустой... Окончена крѣпость Бурная... Со мной случилось смѣшное происшествіе: квартира моя была на самомъ концѣ се-

---

[1]) Записки Ермолова, II, 4, Матеріалы, 29. Погодинъ, 194.

[2]) Погодинъ, 256.

[3]) Акты, VI, ч. I, № 875, 945.... Дубровинъ, «Воен. Сборн.» 1869, III, 7, 8 и 9.

[4]) Погодинъ, 241.

[5]) Записки Ермолова, II, 112.

[6]) Погодинъ, 256.

ленія и когда начали пули достигать оной, поваръ мой отказался готовить обѣдъ, говоря, что онъ не созданъ быть на пуляхъ чеченскихъ. Кажется, онъ желалъ заставить думать, что онъ менѣе гнушается пуль народа просвѣщеннѣйшаго... Далѣе уже нѣтъ пути и стоятъ громады горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами»...[1]).

За то, что горцы измѣннически осадили Вашлы (и едва не вырѣзали русскій отрядъ) въ 1818 году, по приказанію Ермолова, въ Дербентѣ, повѣшены 17 аманатовъ[2]). «Извольте объявить мирнымъ мошенникамъ, что есть мое повелѣніе наказывать смертью аманатовъ»[3]). «Въ разсужденіи плѣнныхъ, — пишетъ Ермоловъ князю Мадатову, — предлагаю вашему сіятельству къ соблюденію впредь слѣдующія замѣчанія: внушить войскамъ, чтобы незащищающагося или паче бросающаго оружіе, щадить непремѣнно; при малѣйшей защитѣ истреблять необходимо и, тѣмъ пользуясь, не обременять себя излишнимъ и тягостнымъ числомъ плѣнныхъ[4]).

Полковникъ Швецовъ взятъ въ плѣнъ еще до прибытія Ермолова; но въ связи съ этимъ плѣномъ такой приказъ Ермолова: «владѣльцамъ селеній на берегу Терека лежащимъ». «... По открытіи, гдѣ прошла партія, изслѣдуется: точно ли защищались жители, или они пропустили мошенниковъ; въ семъ послѣднемъ случаѣ деревня истребляется, жены и дѣти вырѣзываются»[5]).

Слѣдующій за этимъ № «Актовъ» заключаетъ въ себѣ ходатайство Ермолова о присылкѣ миссіонеровъ къ ингушамъ[6]). Иронія случая, археологической комиссіи, или регистратуры временъ «проконсула»?

«Кахетія забунтовала!.. обратился онъ къ грузинскому дворянству. При мнѣ можетъ быть здѣсь только послѣдній бунтъ, а потомъ на сто лѣтъ тишины»[7]).

Мы были бы несправедливы къ Ермолову и не въ истинномъ свѣтѣ представили бы его дѣло передъ читателемъ, если бы забыли сказать, что суровый проконсулъ, «начальникъ извѣстный строгостью», какъ самъ о себѣ отзывался Ермоловъ, обращается къ милосердію всякій разъ, когда считалъ его не выходящимъ изъ предѣловъ своей политической системы.

«Одобряю весьма, пишетъ онъ князю Мадатову, что возвратили захваченныхъ женщинъ, не говорю ничего и противъ освобожденія плѣнныхъ, ибо полезно вразумить, что русскіе великодушно даруютъ

---

[1]) Погодинъ, 236, 237, 238, 239, 245 и 247.
[2]) Дубровинъ, «Воен. Сборн.» 1869, III, 20.
[3]) Погодинъ, 256.
[4]) Погодинъ, 287.
[5]) Акты, VI, ч. II, № 879.
[6]) Акты, VI, гл. II, № 880.
[7]) Записки Муравьева, «Рус. Архивъ» 1886 г., № 5, стр. 27.

и самую жизнь, когда не дѣлаютъ упрямой и безразсудной защиты» [1]).

«Наказаны смертью, — отмѣчаетъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ—главнѣйшіе изъ виновниковъ мятежа и убійцы пристава Батырева въ страхъ прочимъ измѣнникамъ. Народъ принялъ съ признательностью наказаніе только трехъ человѣкъ, когда самъ указывалъ гораздо большее число» [2]).

«Селеніе Казахъ Кечу выслало старшинъ съ хлѣбомъ и солью, которые, раскаяваясь въ сдѣланныхъ ими преступленіяхъ, ввѣрили себя великодушію войскъ. Не приличествовало наказывать таковыхъ и имъ прощено».

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Ермолова при вступленіи въ управленіе Кавказомъ было ходатайство объ освобожденіи нѣсколькихъ десятковъ грузинскихъ дворянъ, сосланныхъ въ Сибирь за участіе въ возмущеніи [3]).

Кстати замѣтимъ, что Ермоловъ не разъ ходатайствовалъ передъ высшей властью за опальныхъ людей, при чемъ не всегда принималъ во вниманіе насколько такое ходатайство безопасно для него самого.

Однажды на смотру, во время пребыванія русской арміи въ Парижѣ, три взвода сбились съ ноги отъ неправильности музыки. «Государь—записано въ дневникѣ Ермолова —приказалъ арестовать трехъ полковыхъ командировъ и они посажены подъ иностранный караулъ. Я просилъ о прощеніи отличныхъ офицеровъ; мнѣ отвѣтствовано съ гнѣвомъ. Я вспомнилъ объ иностранномъ караулѣ. Подтверждено о исполненіи повелѣнія». На другой день объ арестованныхъ полковникахъ Ермоловъ имѣлъ горячій разговоръ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ [4]).

Донеся государю, что разжалованные рядовыми на Кавказъ полковникъ Ермолаевъ и маіоръ князь Щербатовъ отличились въ дѣлѣ противъ чеченцевъ, Ермоловъ заключаетъ: «ничего не дерзаю испрашивать для нихъ; но столько же, какъ и я, знаютъ они, что не безконеченъ гнѣвъ великаго государя».

«Дерзаю думать—въ другой разъ представляетъ Ермоловъ—что государь, въ великодушіи своемъ проститъ прежнее преступленіе (разжалованнаго Литинскаго бывшаго во всѣхъ сраженіяхъ впереди съ храбрѣйшими): служить долѣе, по дряхлости, не способенъ. Не смѣю испрашивать ему при увольненіи прежняго 8 класса, но столь же не смѣю полагать предѣла милосердію императора» [5]).

---

[1]) Погодинъ, 287.
[2]) Погодинъ, 251.
[3]) Записки Ермолова, II, приложеніе, 84.
[4]) Погодинъ, 188, 183.
[5]) Ibid., 321.

Впослѣдствіи, при Николаѣ Павловичѣ, самъ опальный, Ермоловъ въ такой формѣ выразилъ свое заступничество за польскихъ генераловъ, участвовавшихъ въ мятежѣ 1830 года. «Никто ихъ конечно не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ [1]).

Обращеніе къ великодушію — въ характерѣ заступничества Ермолова.

Возвращаясь къ системѣ ермоловскаго управленія Кавказомъ, замѣтимъ, что каждое поколѣніе можетъ воспринимать порокъ и добродѣтель только въ извѣстной формѣ. Офелія на престолѣ Семирамиды была бы также неумѣстна, какъ Мессалина въ лагерѣ пуританъ.

Разъ членами управленія является малочисленность русскаго войска на Кавказѣ, разъ слабость окупаціи является основной формой общественной жизни завоеванной страны—крутыя мѣры неизбѣжны.

Былъ ли Ермоловъ причиной малочисленности русскаго войска на Кавказѣ и, косвенно, причиной жестокости русскаго владычества, вытекающей изъ этой малочисленности—вопросъ котораго мы коснемся впослѣдствіи. А пока скажемъ, что при данныхъ условіяхъ Ермоловъ не могъ быть кроткомъ, потому что у него было мало войска.

Слѣдовательно, все сомнѣніе о характерѣ ермоловскаго управленія Кавказомъ сводится къ тому: былъ ли онъ неумолимъ именно на столько, на сколько это необходимо, чтобы поразить воображеніе горца и, приведя въ трепетъ непокорныя племена, смирить Кавказъ, или, въ этомъ случаѣ, перешелъ предѣлы человѣчности и благоразумія?

Чтобы быть справедливымъ къ Ермолову необходимо признать и ту печальную истину, что если необходимо сдѣлать сильную операцію, то надо умѣть сдѣлать ее однимъ ударомъ («пріятный ножъ» говорятъ хирурги)! Если для пользы человѣчества, Россіи и самаго Кавказа, необходимо его покореніе,—надо совершить это покореніе безъ лишнихъ жертвъ и продолжительной агоніи неразлучной съ колебаніями въ политикѣ завоеванія.

Въ сердечной нѣжности къ «мошенникамъ», конечно, нельзя упрекнуть Ермолова. Да и, вообще, нельзя требовать отъ человѣка—совершившаго полжизни въ обстановкѣ анатомомическаго театра, воспитаннаго въ атмосферѣ наполеоновскихъ вивисекцій, многолѣтней практикой усвоившаго охотничій инстинктъ «пользованія минутой» — философскаго расположенія къ медленному процессу вещей [2]). Но нельзя отрицать и того, что бываютъ ступени въ раз-

---

[1]) Погодинъ, 397.

[2]) Ермоловъ—о пожарѣ Смоленска. «Въ первый разъ въ жизни коснулся ушей моихъ стонъ соотечественниковъ, въ первый разъ раскрылись глаза на ужасъ бѣдственнаго ихъ положенія. Великодушіе почитаю я даромъ Божества но едва ли бы далъ я ему мѣсто прежде отмщенія». (Записки, I, 172).

витіи патріархальныхъ обществъ и такія минуты въ исторіи сношеній съ этими обществами, когда языкъ фактовъ надо предпочесть длиннымъ разсужденіямъ.

За Ермолова, хотя отчасти, говорятъ результаты. Джамалъ-бекъ, знатный горецъ, блаженствовалъ въ своемъ аулѣ.—«Смотри Джамалъ, — объявляетъ Ермоловъ — ты богатъ, имѣешь связи, всѣми уважаемъ... Когда будемъ подходить къ аулу, чтобы не было ни одного выстрѣла; въ противномъ случаѣ, не останется слѣда твоего аула». Джамалъ вѣрилъ въ силу русскаго оружія; нашъ отрядъ проходилъ спокойно; аулъ оставался невредимъ. Впослѣдствіи, при преемникахъ Ермолова—когда въ умѣ горца надо было возстановлять страхъ русскаго оружія—аулъ былъ взятъ штурмомъ, разоренъ, сожженъ, огромнѣйшіе сады его истреблены, а жители — въ числѣ ихъ Джамалъ-бекъ—сосланы въ Сибирь. По просьбѣ Ермолова, проживавшаго отставнымъ въ Москвѣ, Джамалъ-беку возвратили свободу; но лишенный имущества и семьи, старый черкесъ принужденъ былъ скитаться по роднымъ и знакомымъ [1]).

Обвинители Ермолова обыкновенно забываютъ, что Востокъ «имѣетъ свои права». Снисхожденіе часто принимается здѣсь за слабость; показаться же слабымъ—при дѣйствительно слабомъ положеніи русской стороны на Кавказѣ — было всего опаснѣй для Ермолова. Далѣе, — забываютъ, что представитель русской власти (при крайне ограниченныхъ средствахъ) былъ обязянъ прежде всего защищать интересы Россіи и тѣхъ русскихъ людей, которые или уже находились въ плѣну, или ежеминутно подвергались опасности, въ качествѣ невольниковъ, появиться на рынкахъ дальняго Востока.

«Недавно еще,—доноситъ Ермоловъ 7 іюля 1819 г.,—строгимъ настояніемъ моимъ и усердіемъ старшаго владѣльца, прекращенъ (въ аулѣ Андрей) торгъ невольниками, которые свозились изъ горъ и дорогою весьма цѣной продавались въ Константинополь. Большая часть таковыхъ были жители Грузіи, похищаемые лезгинами и не мало солдатъ нашихъ» [2]).

Мы еще далеко не окончили анализъ внутренней и внѣшней политики Ермолова.

Надежнѣйшимъ средствомъ къ покоренію Кавказа Ермоловъ справедливо считалъ перенесеніе линіи нашихъ укрѣпленій къ самой подошвѣ кавказскихъ горъ. Такимъ образомъ, у чеченцевъ и кабардинцевъ отнималось все пространство лучшихъ земель между рѣками и горной цѣпью; стѣсненное населеніе бросалось въ горы; здѣсь оно встрѣчалось съ недостаткомъ продовольствія; надо было покориться. Ермоловъ принималъ подданство, но съ условіемъ пе-

[1]) Погодинъ, 428. Зиссерманъ, II, 188.
[2]) Акты, VI, ч. II, № 17; Записки Ермолова, II, приложеніе, стр. 102.

реселенія въ долины, подъ надзоръ русскихъ укрѣпленій, составлявшихъ непрерывную строго обдуманную цѣпь. Необходимымъ дополненіемъ системы является устройство путей сообщенія, прорѣзывавшихъ территоріи непокорныхъ племенъ.

Только кратковременность управленія Кавказомъ помѣшала Ермолову, желѣзнымъ кольцомъ крѣпостей, дорогъ и пикетовъ, охватить враждебное пространство и вездѣ водворить общественную безопасность и знамя русской государственности.

Такова внѣшняя сторона завоеванія. Но Ермоловъ, съ свойственною ему проницательностью, стремился произвести перемѣну въ соціальныхъ отношеніяхъ покоряемаго пространства.

Если удалая кавказская вольница сопротивлялась намъ, то, предоставленное себѣ, это было порывистое разрозненное сопротивленіе. Каждаго абрека, при случаѣ, можно было испытать въ роли шпіона. Деспотическое управленіе хановъ и князей, напротивъ, было силой, которая, хотя и торговала собой, но, въ то же время, объединяла духъ сопротивленія и охраняла старый бытъ. Масса горцовъ увлекалась какимъ-нибудь фанатикомъ и только. Аристократія обыкновенно дѣлала покорный видъ, но, при первомъ случаѣ, давала народному энтузіазму организацію и цѣлесообразное направленіе. Маленькіе люди обыкновенно только по недоразумѣнію и неразвитости стояли противъ вліянія Россіи; они сопротивлялись настолько, насколько новые порядки стѣсняли ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Кавказская аристократія сопротивлялась потому, что старые порядки давали ей единственное средство сохранить прежнее положеніе. Ханы, князья и хаджи боролись за старый порядокъ потому что только при немъ могли удержать за собой деспотическое вліяніе на полудикія племена. По этой причинѣ, какъ сказано выше, ко времени Ермолова, не только магометанскія фамиліи, но даже большинство членовъ грузинскаго царскаго семейства и весьма многіе изъ грузинскаго дворянства, въ душѣ были нашими противниками.

Итакъ, соединенное съ справедливостью ослабленіе мѣстной аристократіи и освобожденіе народныхъ массъ изъ-подъ ея вліянія было, какъ нельзя болѣе, въ видахъ Россіи.

«Вникая въ способы введенія въ здѣшнемъ краю устройства,— писалъ Ермоловъ государю черезъ три мѣсяца по прибытіи на Кавказъ,—хотя вижу я большія затрудненія, надѣюсь, однако же, современемъ и терпѣніемъ въ свойствѣ грузинъ ослабить закоренѣлую наклонность къ безпорядкамъ; но области, ханами управляемыя, долго противустанутъ всякому устройству, ибо данные имъ трактаты, предоставляютъ имъ прежнюю власть... Управленіе ханствами даровано имъ наслѣдственно. Благодѣтельные россійскіе законы не иначе могутъ распространяться на богатыя и изобильныя области сіи, какъ въ случаѣ прекращенія наслѣдственной линіи

или измѣны хановъ. Покойный генералъ князь Циціановъ, при недостаткѣ средствъ со стороны нашей... присоединилъ ханства къ Россіи. Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ трактаты снисходительные. Впослѣдствіи ощутительно было сколько они противны пользамъ нашимъ, отяготительны для народа и сколько потому съ намѣреніемъ вашего императорскаго величества не согласуются. Никто, однако же, не воспользовался возможностью перемѣнить ихъ. Измѣна хана шекинскаго вручила намъ богатыя его владѣнія; главный городъ взятъ былъ нашими войсками; ханъ бѣжалъ въ Персію и введено было россійское управленіе. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ безъ всякой нужды вызвалъ на ханство одного изъ бѣжавшихъ хановъ изъ Персіи, и нынѣ сынъ его, генералъ-маіоръ Измаилъ-ханъ, имъ управляетъ. Такимъ же образомъ измѣнилъ и ханъ карабахскій... По немъ наслѣдникъ, племянникъ его, полковникъ Джафаръ-Кули-ага, который, въ 1812 году, измѣнилъ намъ, бѣжалъ въ Персію, вводилъ персидскія войска въ свое отечество неоднократно, съ ними вмѣстѣ, но одинъ батальонъ нашъ, слабый числомъ, напалъ и истребилъ его. Предмѣстникъ мой, генералъ Ртищевъ... призналъ его прежнимъ полковникомъ и ввелъ въ прежнія права наслѣдника ханства. Оба сіи ханства положеніемъ своимъ важныя... должны непремѣнно быть управляемы россійскими законами... Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, всеподданѣйше прошу полковника Джафаръ-Кули-агу не утверждать наслѣдникомъ ханства карабахскаго; и хотя генералъ Ртищевъ (предусмотрительно добавляетъ Ермоловъ), именемъ вашего величества, призналъ его въ семъ достоинствѣ, я найду благовидныя причины не допускать его управлять ханствомъ.

«Хана шекинскаго, озлобившаго управленіемъ народъ его ненавидящій, жестокаго свойствами и преступающаго дарованныя ему трактатомъ права, я началъ уже усмирять весьма строгими мѣрами и даю направленіе общему мнѣнію, что онъ ханомъ быть недостоинъ.

«Я не испрашиваю вашего императорскаго величества на сей предметъ повелѣнія; обязанности мои истолкуютъ мнѣ попеченіе вашего величества о благѣ народовъ покорствующихъ высокой державѣ вашей; правила мои — не призывать власти государя моего тамъ, гдѣ она благотворить не можетъ; необходимость же наказанія предоставляю я законамъ. По возвращеніи изъ Персіи, согласуясь съ обстоятельствами, приступлю я къ нѣкоторымъ необходимымъ преобразованіямъ» [1]).

Письмо Ермолова къ хану шекинскому, упоминаемому въ предыдущемъ донесеніи:

---

[1]) «Записки Ермолова», II, прилож. 27.

«Едва я пріѣхалъ сюда, какъ уже закиданъ просьбами на васъ. Не хочу я вѣрить имъ безъ изслѣдованія, ибо въ каждомъ изъ нихъ описаны дѣйствія одному злонравному и жестокому человѣку приличныя. Я поручилъ удостовѣриться о всемъ томъ чиновнику заслуживающему вѣры. Если точно откроетъ онъ тѣ жестокости, которыя дѣланы по вашей волѣ, что могутъ доказать оторванныя щипцами носы и уши, то я приказалъ всѣхъ таковыхъ несчастныхъ помѣстить въ домѣ вашемъ, до тѣхъ поръ пока вы ихъ не удовлетворите. Чиновника вашего, который билъ одного жителя палкой до того, что̂ онъ умеръ и тѣло его было брошено въ ровъ, я приказалъ взять и, по учиненіи надъ нимъ суда, будетъ лишенъ жизни. Совѣтую вамъ г. генералъ-маіоръ ханъ шекинскій быть осмотрительнѣй въ выборѣ чиновниковъ назначаемыхъ для приведенія въ исполненіе вашей воли; паче совѣтую вамъ, чтобы воля ваша не была противна милосердію и великодушію государя, который управленіе ханствомъ ввѣрилъ вамъ совсѣмъ не въ томъ намѣреніи, чтобы народъ его населяющій, страдалъ въ дни славнаго его царствованія и ручаюсь вамъ, что если найду жалобы основательными, я научу васъ лучше исполнять намѣренія всемилостивѣйшаго вашего государя. Знайте, что я ни шутить, ни повторять своихъ приказаній не люблю» [1]).

Чтобы судить насколько политика Ермолова противорѣчила бывшимъ до него административнымъ теченіямъ, довольно сказать, что при Ртищевѣ, на хана шекинскаго вообще не было управы въ Тифлисѣ. Говорили о взяткахъ. Однажды, изъ двухсотъ жалобщиковъ, болѣе двадцати сослали въ Сибирь, остальныхъ наказали тѣлесно. Ермоловъ «съ негодованіемъ» упоминаетъ объ этомъ «постыдномъ начальства поступкѣ» [2]).

Новая администрація систематически становилась на сторону народа всякій разъ, когда мѣстная аристократія противудѣйствовала политическому объединенію съ Россіей.

«Не защитятъ васъ мошенники—сказано въ воззваніи Ермолова къ кабардинскому народу — незнающіе ничего, кромѣ подлаго воровства и разбоевъ. Я не мщу простому народу; и, наконецъ, еще таки обѣщаю вамъ покой, счастье и свободу; послѣ поздно будетъ просить о пощадѣ [3]).

«Я приказалъ истребить часть города прилежащую къ лѣсному ущелью... Князьямъ непріятна сія перемѣна, ибо въ новомъ положеніи города, лишились они (возможности) продолжать дружественныя связи съ мошенниками и уклоняться отъ повиновенія начальству. Простой народъ весьма былъ доволенъ, ибо вблизи отъ наз-

---

[1]) Погодинъ, 234.
[2]) Записки Ермолова, II, 10.
[3]) Погодинъ, 316.

наченнаго мѣста находится ихъ хлѣбопашество и обширныя пастбища для скотоводства» [1]).

Управленіе Ермолова можно разсматривать какъ попытку, въ самомъ населеніи, найти элементы порядка и сближенія съ Россіей. Онъ учредилъ народные суды, подъ предсѣдательствомъ комендантовъ и ихъ адъютантовъ изъ представителей всѣхъ народностей и сословій Кавказа и приказалъ составить уставъ для кабардинцевъ [2]).

Вообще, склонный къ чувству дружбы, Ермоловъ любилъ иногда съ пріятелями показаться на роспашку. Къ этой категоріи относится его письмо къ барону Мелеръ-Закомельскому. Строго говоря, мы встрѣчаемъ здѣсь обстоятельное изложеніе кавказской политики Ермолова, при чемъ, съ цинизмомъ военнаго лагеря, шутя говорятся ужасныя вещи.

«Мнѣ кажется, пишетъ Ермоловъ, все вниманіе ваше обращено было на Ахенъ и вы сторону Кавказа не удостоиваете минутой воспоминанія. Теперь отдохнули вы, ибо судить повидимому возможно, что судьба позволила царямъ наслаждаться миромъ; даже самые нѣмецкіе редакторы, все обыкновенно предузнающіе, не грозятъ намъ бурею несогласія и вражды. Спокойно стаканъ пива наливаетъ мирный гражданинъ; къ роскошному дыму кнастера не примѣшивается дымъ пороха и картофель ростетъ не для реквизицій. Одинъ я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказъ звуками оружія. Съ чеченцами употреблялъ я кротость ангельскую шесть мѣсяцевъ, плѣнялъ ихъ простотою и невинностью лагерной жизни, но ни какъ не могъ внушить равнодушія къ охраненію ихъ жилищъ, когда приходилось превращать ихъ въ бивуакъ, столь удобно уравнивающій всѣ состоянія. Только успѣлъ пріучить ихъ къ нѣкоторой умѣренности, отнявъ лучшую половину хлѣба родной земли, которую они уже не будутъ имѣть труда воздѣлывать. Они даже не постигаютъ самаго удобопонятнаго права—права сильнаго! Они противятся. Съ ними опредѣлилъ я систему медленія и, какъ римскій императоръ Августъ, могу сказать: «я медленно спѣшу». Здѣсь мало истребилъ я пороху, почтеннѣйшій начальникъ; но одинъ изъ вѣрноподданныхъ слугъ нашего государя вырвалъ меня изъ этого бездѣйствія; онъ мучился совѣстью, что безъ всякихъ заслугъ возведенъ въ достоинство хана, получилъ чинъ генералъ-маіора и 5,000 р. въ годъ жалованья [3]). Собравъ войска, онъ напалъ на одинъ изъ нашихъ отрядовъ, успѣха не имѣлъ, былъ отраженъ, но отрядъ нашъ не былъ довольно силенъ, чтобы его наказать. Я выступилъ и когда нельзя было ожидать,

---

[1]) Погодинъ, 253.
[2]) Сочиненія Давыдова, II, 96.
[3]) Рѣчь идетъ объ Ахметъ-Ханѣ-Аварскомъ.

чтобы я въ глубокую осень, появился въ горы, я прошелъ довольно далеко, прямо къ владѣніямъ измѣнника, разбилъ, разсѣялъ лезгинъ и землю «важно обработалъ». Вотъ что значитъ «отложиться!» Сдѣлалъ честно и роптать на меня нельзя; вѣдь я не шелъ на задоръ и даже князь П. М. Волконскій придраться не можетъ: неужели потерпѣть дерзость лезгинъ? Однако, поговорите съ нимъ, почему я слыву несовсѣмъ покойнымъ человѣкомъ? По справедливости надлежитъ спросить предмѣстниковъ моихъ, почему они, со всею ихъ патріаршею кротостью, не умѣли внушить горцамъ благочестія и миролюбія? Меня, по крайней мѣрѣ, упрекнуть нельзя, чтобы я металъ бисеръ передъ свиньями; я уже не берусь дѣйствовать на нихъ силою Евангелія, да и самой Библіи жаль для сихъ омраченныхъ невѣжествомъ. И такъ, 30-го ноября я возвратился на Линію и собираюсь теперь въ Грузію, можетъ быть пѣшкомъ, какъ въ апрѣлѣ переходилъ горы. Проклятая гора Казбекъ не уважаетъ проконсула Кавказа. Вотъ, батюшка Петръ Ивановичъ, какую здѣсь должно жизнь вести; тому кто хочетъ служить усердно, не много случится сидѣть на мѣстѣ; за то въ Тифлисъ возвращусь какъ въ роскошную столицу; а чтобы таковой показалась она, стоитъ прожить семь мѣсяцевъ, не видавши крыши. Но должно спросить, чего добиваюсь я такими мученіями? Станешь въ пень съ отвѣтомъ. Я думаю, что лучшая причина тому та, что терпѣть не могу безпорядковъ, а паче не люблю, что и самая каналья, каковы здѣшніе городскіе народы, смѣютъ противиться власти государя. Здѣсь нѣтъ такого общества разбойниковъ, которое не думало бы быть союзникомъ Россіи. Я того и смотрю, что отправятъ депутацію въ Петербургъ съ мирными трактатами. Никто не повѣритъ, что многіе подобные тому депутаты бывали принимаемы...» [1]).

Сейчасъ увидимъ, что Ермоловъ клеветалъ на себя, притворяясь, будто не знаетъ для чего надѣлъ кровавые доспѣхи проконсула. Никто не имѣлъ болѣе опредѣленныхъ цѣлей.

Русской политикѣ на Кавказѣ (да и на одномъ ли Кавказѣ?) до Ермолова, въ высшей степени не доставало того, что даетъ средневѣковымъ городамъ возможность, столѣтіями, по одному плану, строить готическіе соборы, того что заставило либерала Гладстона идти по дорогѣ своихъ консервативныхъ предшественниковъ, того что посылаетъ англійскихъ консерваторовъ на тропинку проложенную либераломъ Гладстономъ... Короче,—не было на Кавказѣ единства и преемственности во внутренней и внѣшней политикѣ, не было того что составляетъ особенность исторіи Рима, Венеціи, Англіи и древней Москвы.

При вступленіи на престолъ императрицы Анны, мы сами

---

[1]) Погодинъ, 280.

искали случая возвратить Персіи сдѣланныя на Кавказѣ современъ Петра завоеванія и, съ большими усиліями, достигли этого только въ 1735 году... для того чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ «повторять зады», снова брать Дербентъ, Баку и т. д. Можно ли далѣе простирать безсистемность въ политикѣ!

«Всякій командовавшій на Кавказѣ,—говоритъ одинъ изъ знатоковъ этого края,—да и мѣстные частные начальники, дѣйствовали преимущественно по собственному усмотрѣнію; никакой системы, ни какой руководящей идеи не существовало; никто какъ бы и не подумалъ задаться вопросомъ: какія наши цѣли? Къ чему мы стремимся? Оставаться ли на линіи рѣкъ Кубани, Терека, Алазани, защищая въ тылу лежащій край отъ вторженій черкесъ, чеченцевъ, лезгинъ, или же дѣйствовать въ смыслѣ усмиренія этихъ воинственно-хищныхъ народцевъ, или, просто, покорить ихъ совсѣмъ, овладѣть всею занятою ими по обѣимъ сторонамъ хребта обширною частью кавказскаго перешейка» [1]).

Непослѣдовательность и противорѣчіе нашихъ взглядовъ на Востокъ низвели, наконецъ, дѣятельность русскаго войска на Кавказѣ до мелкаго набѣга, который самъ себя имѣетъ цѣлью. Вмѣсто широкихъ плановъ Екатерины и Зубова, мы встрѣчаемъ здѣсь политику безцѣльной борьбы, столько же удалой, сколько и безполезной, одинаково утомительной и раздражающей для обѣихъ сторонъ, вредной для непріятеля, но крайне рискованной и мало достойной Россіи—представителемъ которой въ позднѣйшей исторіи Кавказа является генералъ Засъ.

Самое замѣчательное въ дѣятельности Ермолова на Кавказѣ, не его побѣды надъ горцами, не его стратегическій талантъ и даже не его гражданское управленіе... Этого было достаточно и прежде и послѣ него. Зубовъ, Паулучи, Кнорингъ, Циціановъ... Можно ли желать лучшихъ военачальниковъ, администраторовъ и исполнителей? Заслуживаетъ наибольшаго вниманія попытка Ермолова разъ навсегда покончить съ безсистемностью въ политикѣ, неопредѣленностью желаній и вѣчнымъ передѣлываніемъ и недодѣлываніемъ.

Говоримъ это по поводу его представленія о перенесеніи линіи укрѣпленій съ Терека на Сунжу. «Если Вашему Величеству благоугодно будетъ планъ сей утвердить — доноситъ Ермоловъ — то нужно на имя мое высочайшій указъ, въ руководство и непремѣнную цѣль преемникамъ моимъ. Въ предложеніи моемъ нѣтъ собственной моей пользы; не могу я имѣть въ предметѣ составлять военную репутацію мою насчетъ разбойниковъ и потому въ мой разсчетъ входятъ не однѣ средства оружія. Не у всякаго же, однако, на моемъ мѣстѣ могутъ быть одинаковые виды». Государь утвердилъ предположенія Ермолова и, въ особомъ указѣ, по-

[1]) Зиссерманъ, I, 330.

велѣлъ, какъ ему такъ и всѣмъ могущимъ заступить его мѣсто, покорять горскіе народы постепенно, но настоятельно, занимать лишь то, что можно за собой удержать, распространяться не иначе, какъ утвердившись на предыдущемъ пунктѣ и, съ помощью колонизаціи, обезпечивать занятое пространство [1].

Во имя той же послѣдовательности русской политики, Ермоловъ не допускалъ мысли о поземельныхъ уступкахъ на Востокѣ.

Александръ I считалъ свое царство слишкомъ обширнымъ, чтобы быть благоустроеннымъ, былъ утомленъ продолжительными войнами и миролюбивъ по принципу. Искреннее желаніе жить въ добромъ ладу съ сосѣдями и даже, въ случаѣ надобности, безкорыстно помогать имъ, отличали его всегда, а въ послѣдніе годы въ особенности. Отсюда понятно, почему онъ не слишкомъ дорожилъ територіальными пріобрѣтеніями по Гюлистанскому миру 1813 года и почему, въ видахъ сохраненія мира, онъ согласился бы возвратить кое-что Персіи изъ недавнихъ завоеваній. Ермоловъ стоялъ ближе къ дѣлу, лучше зналъ Востокъ и опытомъ понялъ, что уступленное, рано или поздно, придется завоевывать. Онъ видѣлъ, по меньшей мѣрѣ, нелогичность уступокъ.

Въ 1816 году персидскій посолъ въ Россіи привезъ на родину не совсѣмъ безосновательную увѣренность въ томъ, что главнокомандующему Кавказа, ради сохраненія дружбы тегеранскаго двора, приказано сдѣлать весьма значительныя поземельныя уступки. Но, прибывъ русскимъ посломъ въ Персію, Ермоловъ поставилъ переговоры на иную почву. «Я пріѣхалъ не съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти дружбу шаха пожертвованіемъ областей, жители которыхъ прибѣгли подъ покровительство Россіи; есть много выгодъ—помимо поземельныхъ уступокъ — которыя Персія можетъ извлечь изъ дружбы Россіи... Если бы я во снѣ увидѣлъ, что персіянамъ отдаютъ русскія земли, то, конечно, не проснулся бы во вѣки» [2].

Давыдовъ разсказываетъ, что, получивъ однажды запросъ объ уступкѣ Турціи части восточнаго берега Чернаго моря, Ермоловъ такимъ образомъ закончилъ всеподданнѣйшее письмо государю: «Если воля Вашего Величества (въ пользу уступки) неотвратима, то прошу прислать мнѣ преемника для приведенія ея въ исполненіе» [3]. Государь внялъ голосу патріота и государственнаго человѣка и отмѣнилъ уже сдѣланное распоряженіе.

Вѣря въ неизбѣжность русскаго вліянія на Востокѣ и далеко простирая свои виды въ этомъ направленіи, Ермоловъ не только не допускалъ здѣсь поземельныхъ уступокъ, но, будучи убѣжденъ въ близости войны съ Персіей и Турціей, заранѣе изучалъ край и

---

[1]) Зиссерманъ, I, 330, 333.

[2]) «Записка Ермолова о посольствѣ въ Персію», 32, 42.

[3]) Сочиненія Давыдова, II, 94. Записки Ермолова, II, 122; прилож. 118.

гдѣ только можно пріобрѣталъ союзниковъ. Государь предоставилъ на его волю самому ѣхать въ Персію или послать другого. Считая личное знакомство съ краемъ и его государственными людьми необходимымъ въ виду будущихъ отношеній, Ермоловъ, при первой возможности, самъ поѣхалъ въ Персію.

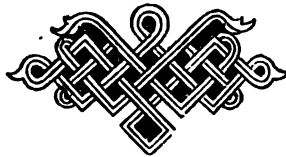
По возвращеніи изъ посольства, Ермолова занимаетъ мысль, для начала сношеній съ среднеазіатскими народами, послать туда «человѣкъ двухъ-трехъ отчаянныхъ». Вызвался Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи намѣстникъ Кавказа, а въ то время молодой гвардейскій офицеръ, горячій поклонникъ Ермолова, прикомандированный къ его штабу [1]).

Не лишнее прибавить что, какъ Талейрану, при заключеніи какого-нибудь трактата отъ имени Франціи, труднѣй всего было вести переговоры съ Наполеономъ, такъ и Ермолову, въ его рекогносцировкахъ въ Средней Азіи, всего труднѣй было успокоить подозрительность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Его депеши графу Нессельроде полны увѣреній въ миролюбіи; почти извиняясь въ своей дальнозоркости, онъ указываетъ на то, что при предстоящихъ волненіяхъ въ Персіи, военно-торговый постъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря «доставитъ величайшія выгоды» и въ заключеніе поясняетъ, что если правительству угодно съ нимъ согласиться «то нужно скорое разрѣшеніе, благонадежнаго чиновника, тысячу человѣкъ пѣхоты (!) и сильную крѣпостную артиллерію» [2]).

И такъ, основывая черты ермоловской политики на Кавказѣ: вѣрная постановка вопроса, холодный разсчетъ, стремительное исполненіе, неотступное преслѣдованіе намѣченной цѣли.

Ѳ. М. Уманецъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) Записки Муравьева, «Русскій Архивъ», 1886, V, 20, 26.
[2]) Записки Ермолова, II, прилож. 121, 123.

ЗАПИСКИ ПОКОЙНАГО УЧИТЕЛЯ.

Ъ РАСПОРЯЖЕНІЕ редакціи «Историческаго Вѣстника» поступила рукопись записокъ одного учителя, заключающихъ въ себѣ много любопытныхъ и характерныхъ фактовъ изъ жизни начальныхъ школъ сороковыхъ годовъ, нѣсколько удачно и живо нарисованныхъ портретовъ ученыхъ начальниковъ, какъ высшихъ, въ родѣ министра и попечителя, такъ и низшихъ—директоровъ и смотрителей николаевской эпохи, нѣсколько типичныхъ эпизодовъ изъ жизни приходскихъ училищъ—эпизодовъ, въ которыхъ учебное начальство вмѣстѣ съ авторомъ записокъ является интересными дѣйствующими лицами. Послѣднія главы записокъ гораздо содержательнѣе и интереснѣе первыхъ, ибо въ нихъ авторъ говоритъ о смотрителяхъ приходскихъ училищъ въ сороковыхъ годахъ, о тогдашнемъ попечителѣ спб. учебнаго округа Мусинѣ-Пушкинѣ, о министрѣ народнаго просвѣщенія кн. Ширинскомъ-Шахматовѣ. Особенно, какъ увидятъ читатели, автору удались портреты Мусина-Пушкина и смотрителя того самаго училища, въ которомъ авторъ записокъ началъ свою педагогическую карьеру въ качествѣ приходскаго учителя. Эта часть записокъ написана живо и наблюдательно, не безъ юмора, и имѣетъ несомнѣнную цѣнность, какъ любопытная страница изъ исторіи просвѣщенія въ Россіи. Эту часть мы беремъ почти цѣликомъ и безъ измѣненій, лишь группируя въ болѣе удобномъ и литературномъ видѣ воспоминанія покойнаго учителя. Наоборотъ, вступительныя главы мы почти совсѣмъ опустили, воспользовавшись только немногими свѣдѣніями о бытѣ учителей приходскихъ до-реформенныхъ училищъ и свѣдѣніями автобіографическими о симпатичной

личности автора записокъ. Немногіе факты о печальномъ положеніи приходскихъ учителей въ николаевское время мы дополнили бѣглымъ очеркомъ общаго состоянія народнаго образованія въ эту эпоху, сказавъ при этомъ нѣсколько словъ о народномъ образованіи въ въ предыдущія царствованія.

Объ образованіи простого народа въ Россіи, въ строгомъ смыслѣ слова, можно говорить только съ освобожденія крестьянъ: до этого времени мы видимъ лишь слабыя попытки, благія намѣренія и нѣкоторыя мѣры, оказывавшіяся или вовсе безуспѣшными или не приносившими предполагаемыхъ результатовъ. Со временъ Екатерины II начинается попытка создать народную школу на началахъ западно-европейскихъ; но эта попытка остановилась на составленіи проектовъ и произведеніи опытовъ, не давшихъ никакихъ солидныхъ результатовъ. При Александрѣ I, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія (1802), открылся періодъ административно-организаціонный, также не принесшій начальной школѣ никакихъ положительныхъ результатовъ. Съ 1825 года, при Николаѣ I, вступила въ силу административная опека надъ школами, и съ особенной энергіей открылось дѣйствіе разныхъ стѣснительныхъ мѣръ по начальному образованію. Этотъ періодъ времени можетъ быть названъ административно-ограничительнымъ. Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія образованіе въ Россіи получаетъ административную организацію сверху до низу. Именно, во главѣ стало министерство, за нимъ слѣдовали попечители округовъ, далѣе университеты, съ значеніемъ центровъ, къ которымъ относились всѣ другія училища въ учебно-административномъ отношеніи; при университетахъ еще состояли училищные комитеты; затѣмъ, шли директоры гимназій, непосредственно завѣдывавшіе училищами; еще ниже смотрители училищъ, учители— и приходскія училища. Вся эта сложная администрація въ конечномъ результатѣ сводилась къ сельской школѣ,—но ея на дѣлѣ не было. Правительство почти исключительно обратило свое вниманіе на устройство учебныхъ заведеній для высшихъ классовъ общества,—оно выработало проекты пяти университетовъ, гимназій, городскихъ училищъ; но относительно сельскихъ держалось системы безразличія или безучастія. — Новый учебный уставъ, появившійся въ началѣ николаевскаго царствованія, еще болѣе развилъ централизацію училищной системы, и правительство, повторяемъ, весьма осязательно усилило ограничительное вліяніе на училища. Въ основу раздѣленія училищъ на различные ихъ виды (сельскія, городскія-уѣздныя, гимназіи) было положено раздѣленіе народа на состоянія, при чемъ задача университета была ограничена образованіемъ лицъ только свободныхъ состояній. Для приготовленія учи-

телей въ низшія училища не признавалось нужды въ особой спеціальной подготовкѣ и въ особыхъ для этой цѣли учрежденіяхъ. Поэтому ряды жалкой арміи голодныхъ народныхъ педагоговъ заполнялись всякимъ отребьемъ: въ народные учителя шли всѣ, желавшіе преподавать ради куска хлѣба и пріюта,—изгнанные изъ службы чиновники, недоучки разныхъ учебныхъ заведеній, отставные солдаты, писаря и т. п. Конечно, сомнительно, чтобы подобные педагоги могли чему-нибудь научить своихъ учениковъ: учителя голодали; мизерное жалованье ихъ задерживалось, школы приходили въ упадокъ, между тѣмъ, съ народа собирали на нихъ деньги. Школъ же было мало и тѣ стояли пусты,—многія числились лишь на бумагѣ.

Наблюдателями являлись лица ни мало съ школьнымъ дѣломъ не знакомыя и нисколько имъ не заинтересованныя. «Окружные» и разныхъ видовъ чиновники, преимущественно изъ отставныхъ военныхъ, заботились болѣе о томъ, чтобы въ школахъ была субординація; они наблюдали, чтобъ вывѣска на школѣ съ орломъ была надлежащаго рисунка и блистала свѣжестью,—чтобы школа на случай пріѣзда высшаго начальства, бѣлилась, чтобы книги были цѣлы, хотя бы лежали неразрѣзанными,—чтобы на стѣнахъ развѣшивались разныя правила, инструкціи, росписанія. Постороннія лица школъ не посѣщали; пріѣздъ же «особы» составлялъ эпоху. Обозрѣніе школы, конечно, было чисто показнымъ. Ученики выдалбливали особые уроки для отвѣта, заучивали привѣтствія и даже стихи. Ученикамъ строжайше предписывалось явиться въ лучшихъ праздничныхъ одѣяніяхъ, при чемъ обучали «вѣжеству»: какъ при особѣ встать, какъ держать руки, въ какихъ случаяхъ потупить скромно очи, въ какихъ съ привѣтливою улыбкою и радостнымъ взоромъ смотрѣть на особу и т. д. Ублаженный посѣтитель, предложивъ нѣсколько вопросовъ ученикамъ, полюбовавшись видомъ училища, выражалъ удовольствіе о благосостояніи его. Отсюда объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что по отчетамъ училищъ числилось много, и всѣ они считались благоустроенными,—на самомъ же дѣлѣ многихъ школъ совсѣмъ не было, а существовавшія были крайне плохи и дезорганизованы. Среди народа зародилось недовѣріе къ школѣ, если не сказать прямо, недоброжелательство. Народъ отвернулся отъ чуждой ему «казенной учебы», которая имѣла цѣлію готовить волостныхъ и сельскихъ писарей, столь ненавидимыхъ народомъ, фельдшеровъ и землемѣрскихъ помощниковъ. Видя повсюдныя ограниченія и стѣсненія въ школьномъ дѣлѣ, но въ то же время не видя никакого толку отъ ученья, направляемаго и руководимаго лицами невѣжественными, ни мало имъ не заинтересованными, народъ сталъ смотрѣть на школу, какъ на какую-то повинность, установленную въ неизвѣстныхъ и непонятныхъ ему видахъ, отъ начальства, для народа совершенно без-

полезную. Съ общества взыскивались только деньги на содержаніе учителей и училищъ, но само общество отъ участія въ училищномъ дѣлѣ было совершенно устранено. Отъ того общество всячески старалось обойти эту повинность—и сборы на школы приходилось взимать силою. Обученія дѣвочекъ совершенно почти не существовало; женщины не только коснѣли въ поголовномъ невѣжествѣ, но грамотность въ глазахъ народа стала казаться для нихъ чѣмъ-то чуждымъ, почти непристойнымъ!

Въ общемъ результатѣ — положеніе начальнаго образованія въ николаевское время не представлялось отраднымъ. Правительство задавалось цѣлью, чтобы предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображены съ будущимъ вѣроятнымъ назначеніемъ учащихся, и согласно съ этимъ въ сельскихъ училищахъ могли обучаться поселяне, помѣщичьи и государственные крестьяне,—въ уѣздныхъ училищахъ—дѣти купцовъ, ремесленниковъ и городскихъ обывателей; въ гимназіяхъ—дѣти дворянъ и чиновниковъ, — дѣти духовенства попрежнему только въ семинаріяхъ. Результаты этой ограничительной системы, царившей цѣлыхъ тридцать лѣтъ (1826—1856), были крайне печальны и на столько убѣдительны въ отрицательномъ смыслѣ, что съ вступленіемъ на престолъ императора Александра II начался пересмотръ училищныхъ уставовъ, — пересмотръ, служившій переходнымъ и подготовительнымъ временемъ къ великой эпохѣ реформъ, начавшейся съ 19-го февраля 1861 года. Правительство вступаетъ на путь свободы и поощренія въ народномъ образованіи, давая полный просторъ и всѣ способы пріобрѣсти образованіе каждому путемъ свободнаго желанія. Народное образованіе становится предметомъ теоретическаго и практическаго общественнаго интереса, пріобрѣтаетъ значеніе государственное. Мѣры, принятыя правительствомъ съ одной, а обществомъ съ другой стороны, дали могущественный толчекъ народному образованію въ Россіи, хотя не успѣли еще создать стройнаго, цѣльнаго организма. Много сдѣлано въ этомъ отношеніи въ царствованіе царя-освободителя, но еще болѣе остается сдѣлать для будущаго времени.—Если въ николаевское время было безотрадно положеніе сельскихъ учителей, влачившихъ свое горемычное существованіе и едва не умиравшихъ съ голоду на нищенскихъ окладахъ (50—70 р. въ годъ),—то не лучше было въ дореформенной школѣ и положеніе учителей приходскихъ. По горькому сознанію автора предлагаемыхъ ниже записокъ, въ народные учителя загоняла нужда, да нужда и выгоняла. Приходскому учителю изъ податнаго состоянія слѣдовало прослужить 12 лѣтъ до коллежскаго регистратора и 10 лѣтъ еще за то, чтобы его сдѣлали **благороднымъ**. Когда же послѣ 25-тилѣтней службы оставался одинъ живой скелетъ учителя, то ему назначалась пенсія 90 руб. въ годъ. При томъ, при переходѣ въ другое вѣдомство, служба въ

министерствѣ народнаго просвѣщенія не считалась: «Никто изъ законовѣдовъ,—съ горькой ироніей говоритъ авторъ записокъ,—не обратилъ вниманія, что приходскіе учителя при самомъ поступленіи уже наказывались тѣмъ, что служба ихъ по другимъ министерствамъ не будетъ считаться на пенсію!.. Спрашивается, зачѣмъ же законовѣды признали за благо причислить эту службу къ государственной съ такими странными правами и дать по прослуженіи извѣстнаго срока только два чина? Можетъ быть, давая два чина, думали мудрецы, что учитель будетъ болѣе благонамѣренъ, ни о чемъ не возмечтаетъ, а пенсія въ семь рублей въ мѣсяцъ совершенно достаточна для приходскаго учителя!..» По справедливому замѣчанію автора, могли назначить хорошее жалованье, права по службѣ и пенсію,—«тогда пошли бы въ учителя образованные, даровитые и добросовѣстные люди, а не какія-нибудь бездарныя личности, съ которыми мнѣ пришлось служить».—«Конечно, продолжаетъ авторъ записокъ, голодный учитель такъ прекрасно читаетъ науки своимъ юнымъ слушателямъ, какъ читальщикъ псалтирь по покойникѣ! Правда, многіе занимались со всею энергіею съ дѣтками, но въ результатѣ все-таки оставались голодъ, нищета и безотрадное положеніе!—Хорошо, если учитель былъ одинокій, то одна голова не бѣдна и гдѣ-нибудь у родителей или родственниковъ учениковъ накормятъ и напоятъ чайкомъ или кофейкомъ; а будь женатъ, да имѣй дѣтей, то хоть въ петлю полѣзай!.. Во время оно я и самъ мѣсяца по три не ѣдалъ горячаго, а питался все сухоядѣніемъ, даже міръ кормилъ меня, т. е. родители или родственники моихъ учениковъ». Годами безпросвѣтной голодной доли охлаждалась и забивалась энергія въ приходскихъ учителяхъ, постоянныя житейскія невзгоды пріучали ихъ недовѣрчиво смотрѣть на возможность выбиться изъ этой Богомъ и людьми забытой службы, они дѣлались не только голодными эгоистами, но и идіотами. Молодой идеализмъ новичка-учителя лѣтъ черезъ пять проходилъ безвозвратно, онъ начиналъ проникаться апатіей къ своему дѣлу и мечталъ о другомъ мѣстѣ, какъ о маннѣ небесной. Попадались, по замѣчанію автора, и такіе, которыхъ прельщала фуражка съ кокардою, вицмундиръ и золотое руно — чинъ коллежскаго регистратора; но для большинства педагоговъ этотъ заманчивый чинъ становился миражемъ и иллюзіею! Мечтавшіе о «золотомъ рунѣ» дѣлались по полученіи его удивительными фанфаронами, если имъ удавалось выйти изъ податнаго сословія и сдѣлаться благородными. «Это были просто мандарины и громовержцы съ Олимпа, а не сыновья плебеевъ. Къ своимъ бывшимъ родственникамъ, товарищамъ-крестьянамъ, мѣщанамъ и солдатамъ, они питали какое-то особенное презрѣніе, даже не хотѣли поздороваться почеловѣчески и прятали правую руку или нарочно держали въ ней фуражку съ кокардою». Приходскіе учителя, какъ и всѣ другіе

педагоги низшихъ школъ, были дѣйствительными мучениками просвѣщенія.

Выше мы говорили о низкомъ уровнѣ развитія учениковъ сельскихъ школъ. Теперь это печальное, но правдивое замѣчаніе приходится распространить и на приходскія училища, въ которыхъ, по откровенному признанію автора записокъ, нельзя было научиться «въ сущности ничему». Умственное развитіе учащихся находилось въ пеленкахъ, хотя по программамъ всѣ науки проходились прекрасно—отъ переплета до переплета. Авторъ замѣчаетъ, что какъ скоро все проходилось, такъ скоро и забывалось, улетучиваясь изъ головъ, что ученики выходили изъ училищъ «съ запасомъ какой-то каши, которую они не могли положить ни въ какія житейскія кострюли».

«Не говоря уже о томъ, повѣтствуетъ далѣе нашъ авторъ, что ни одинъ ученикъ не умѣлъ написать не только прошенія, квитанціи или другой бумаги, но даже аттестата на адресномъ билетѣ, который нужно было выдать дворнику, кухаркѣ и прочей прислугѣ! Что же изъ того, что ученикъ научался читать, какъ попугай,—писалъ кое-какъ и съ цѣлою серіею ошибокъ, рѣшалъ задачу (по Буссе) на сложеніе, — такъ на сложеніе, — на дѣленіе— такъ на дѣленіе, но больше отъ него ничего не требуйте, ибо такъ гласятъ программы приходскихъ училищъ... Всѣ учебники заучивались почти наизусть. Боже сохрани, если бы какой-нибудь ученикъ, особенно по русской исторіи Устрялова, осмѣлился сказать нѣсколько словъ изъ другихъ источниковъ! Впрочемъ, такихъ смѣльчаковъ не существовало, и всѣ ученики жаждали за безсмысленную болтовню получить на публичныхъ экзаменахъ пятерочки, а тамъ хоть трава не рости!»

Если большинство шло въ приходскіе и сельскіе педагоги только изъ-за нужды, изъ-за куска хлѣба, на первыхъ же порахъ теряло энергію, охладѣвало къ преподаванію и, сѣтуя на свою безталанную долю, мечтало вырваться изъ каторжнаго ярма народнаго учителя, то авторъ записокъ представляетъ рѣдкое и счастливое исключеніе изъ этой арміи педагогическихъ невольниковъ, вѣчно-ропщущихъ рабовъ гнетущей нужды и мачихи-судьбы. Вотъ что говоритъ о себѣ авторъ записокъ: «Я пошелъ въ учителя по призванію; бывъ уже въ отставкѣ, не смотря на старческіе годы, живши лѣтомъ въ деревнѣ, любилъ съ дѣтьми бесѣдовать о разныхъ предметахъ, занимался съ ними нагляднымъ обученіемъ, ходилъ съ цѣлымъ эскадрономъ дѣтей въ лѣсъ за грибами, ягодами, ловить рыбу, купаться въ быстрой и неглубокой рѣчкѣ, которая протекала верстахъ въ двухъ отъ деревни. Утромъ, бывало, дѣтки уже поджидаютъ у калитки моего домика, гдѣ я нанималъ дачу съ однимъ окномъ въ огородъ; только выйду на дорогу, какъ они изъявляли свою радость, здоровались, ластились ко мнѣ и спрашивали: «куда

я пойду съ ними?» Крестьяне и крестьянки, завидя меня съ дѣтьми, говорили: «вонъ учитель-забавникъ опять уведетъ до заката солнца парнишекъ на бесѣду въ лѣсъ, да поди, какъ они любятъ его! Вишь ты, какъ забавника теребятъ, а онъ смѣется и пряники раздаетъ имъ! Да вонъ у забавника въ корзинѣ лежатъ хлѣбъ, булки и масло!» Я очень хорошо слышалъ о себѣ такіе пріятные отзывы, и еще болѣе радовался съ дѣтьми, и бѣгалъ на перегонку, а потомъ нарочно ложился на траву. Это очень веселило ихъ, они были въ восторгѣ, что я игралъ съ ними! Я былъ бѣднякъ, но любя дѣтей покупалъ на послѣдніе гроши разныя учебныя пособія и гостинцы. Вся деревня любила и уважала меня. Все прошло, все миновалось! Теперь я въ богадѣльнѣ, а, кажется, давно ли и у меня была розовая юность, надежды,—но все исчезло, какъ сонъ, и мнѣ остается умереть! Учащіеся любили меня и уважали; бывало, я ходилъ къ нѣкоторымъ бывшимъ моимъ ученикамъ, которые приглашали меня съ ласкою къ себѣ, вспоминали, что я училъ и обращался съ ними, какъ рѣдкій отецъ. Вотъ, юные учителя, что значитъ обращаться съ дѣтьми ласково, быть добрымъ, справедливымъ, взыскательнымъ, а иногда и строгимъ. Спустя слишкомъ 30 лѣтъ, бывшіе мои воспитанники, учившіеся у меня въ пансіонахъ, въ низшихъ, среднихъ гражданскихъ и военныхъ заведеніяхъ, съ радостію встрѣчали меня на дорогѣ и говорили: «правда, вы постарѣли и посѣдѣли, но такой же веселый и говорунъ! Вы старѣетесь тѣломъ, а ваша душа такая же юная, какъ и была»! Святая истина, думалъ, я и какъ отецъ на любящаго сына смотрѣлъ на бывшаго своего ученика!

«Педагогическая дѣятельность, не смотря на тернія, привлекала меня и пробуждала къ себѣ чувство святого почтенія. Распространеніе грамотности казалось мнѣ дѣломъ, стоющимъ того, чтобы положить на него всѣ свои силы, лечь костьми! Я знаю, что многіе подумаютъ: работать цѣлую жизнь и нищимъ умереть; но не надо при этомъ забывать, что suum cuique. Я старался стоять въ ряду лучшихъ изъ нашей братіи. Мы не обращали никакого вниманія, что были изолированы, что иногда подъ сурдинку подсмѣивались надъ нами откормленные педагоги, что мы тратили молодыя силы даромъ и наши служебныя права не стоили грязной тряпки, пора бы намъ одуматься и бросить неблагодарную службу, правда, безотрадно намъ было служить, но мы утѣшали себя тѣмъ, что работали для народа. Многіе учителя не теряли надежды до могилы, что, можетъ быть, солнышко взойдетъ и броситъ лучъ состраданія на забытыхъ тружениковъ...

«Я много работалъ, читалъ педагогическія сочиненія, даже самъ пробовалъ кое-что создать и читалъ свои рефераты въ педагогическомъ собраніи, которые хитрецамъ-учителямъ не нравились, начальство косилось, а большинство одобряло. Сослуживцы любили

меня, начальство уважало, какъ дѣльнаго и полезнаго дѣятеля, но я не умѣлъ подличать и тѣмъ вредилъ себѣ по службѣ. Я не унывалъ и мнѣ послѣ долгаго тяжкаго прозябанія повезло въ жизни. Я имѣлъ практику въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частныхъ домахъ и пансіонахъ. Наконецъ, пріобрѣлъ репутацію человѣка, фактически преданнаго дѣлу, и эту репутацію свято несу, пока смерть не прекратитъ мою неудавшуюся жизнь»!

Многострадальный идеалистъ учитель умеръ въ богадѣльнѣ, куда его опредѣлилъ бывшій ученикъ и тѣмъ спасъ отъ угрожавшей опасности—замерзнуть въ сыромъ и холодномъ углу, нанимаемомъ за рубль пятьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ у вдовы-солдатки, послѣ долгихъ обѣщаній сердобольныхъ начальниковъ. Авторъ записокъ, съ этимъ, вѣроятно, всякій согласится, въ приведенныхъ выше словахъ обрисовывается съ самой симпатичной стороны, какъ человѣкъ беззавѣтно и страстно преданный своему дѣлу, безкорыстно и самоотверженно любящій его, работавшій ради пользы народа и въ этомъ находившій утѣшеніе среди, вѣроятно, часто посѣщавшихъ его минутъ безотраднаго и горькаго раздумья надъ своей тяжелой, одинокой долей. По вступительнымъ главамъ записокъ, въ которыхъ авторъ предается многословнымъ печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ народныхъ учителей, видно, что свои воспоминанія онъ писалъ послѣ долгаго тяжкаго страданія, что ему не хотѣлось воскрешать «далеко неотрадные дни своей жизни, въ которыхъ, по словамъ автора, только изрѣдка мелькаетъ минутное счастіе, какъ отблескъ вечерней зарницы». Мы разсказали здѣсь все существенное и интересное въ томъ или другомъ отношеніи изъ вступительныхъ лирическихъ главъ, и теперь приводимъ почти цѣликомъ послѣднія, наиболѣе содержательныя главы записокъ.

I.

Судя, конечно, относительно, на свѣтѣ нѣтъ болѣе спокойнаго служебнаго мѣста, чѣмъ мѣсто штатнаго смотрителя. Въ мѣсяцъ разъ написать двѣ-три бумаженки въ дирекцію училищъ, выдать жалованье учителямъ и сторожамъ, настрочить съ грѣхомъ пополамъ ежемѣсячную вѣдомость о приходѣ и расходѣ училищной суммы, переписать къ концу учебнаго года годичный отчетъ о ввѣренномъ его надзору училищѣ съ древней копіи, перемѣнивъ только фамиліи учителей, количество учащихся, число, мѣсяцъ и годъ. Нерѣдко подобною перепиской занимались если не учитель, какой-нибудь смотрительскій наперсникъ, то ученикъ III уѣзднаго класса подъ руководствомъ трудолюбиваго штатнаго смотрителя. Вотъ и вся его тяжелая ученая дѣятельность. Больше отъ нѣкоторыхъ штатныхъ смотрителей ничего не ожидайте. Не думайте (я пишу

о штатныхъ смотрителяхъ давно умершихъ, которыхъ я зналъ хорошо, даже нѣкоторые изъ нихъ были моими ближайшими начальниками), чтобы они постоянно посѣщали ввѣренныя имъ училища, строго слѣдили за успѣхами и нравственностью ихъ, присутствовали на урокахъ учителей; однимъ словомъ, старались бы о процвѣтаніи просвѣщенія. Казалось, что имъ до этого не было никакого дѣла. Большею частію сами учителя были единственными наставниками и наблюдателями педагогическаго дѣла, стараясь сохранять въ немъ порядокъ, строй и единство.

Смотритель же, любопытный субъектъ изъ недоучившихся семинаристовъ, нѣкто N, любилъ только пороть учениковъ десятками, приговаривая: «ну, ложись,—кто скорѣе—тому меньше!» При этомъ онъ наступалъ въ промежность между брюкъ ногою, а сторожъ Юрка отлично зналъ свое дѣло—жарилъ на славу до тѣхъ поръ, пока смотритель не изрыгалъ: «довольно!» и неизвѣстно почему улыбался. Экзекуція производилась на грязномъ полу въ классѣ или корридорѣ при всѣхъ ученикахъ класса и учителѣ. Лупка носила совершенно семейный характеръ, и всѣ, какъ казалось, были довольны—ученики, учителя, а штатный смотритель N былъ просто въ восхищеніи. Послѣ экзекуціи онъ любилъ хвастаться и говаривалъ: «ничего, не рѣпу сѣять, пороли меня въ бурсѣ нещадно, да вотъ видите ли начальникомъ вашимъ сталъ и васъ учу уму-разуму!» При этомъ, неизвѣстно отчего смѣялись учитель и ученики, смѣялся самъ N, раскрывши свой ротъ съ однимъ зубомъ, хихикалъ въ полусолдатской шинели мейстеръ Юрка. Послѣдній получалъ даже взятку отъ учениковъ, чтобы поролъ милосерднѣе. Ученики говорили, что у Юрки рука очень тяжелая, и долго поэтому не заживали запятыя на извѣстныхъ авалахъ. «Вотъ, бывало, сторожъ Андрюша, разсказывали мнѣ ученики, не сѣчетъ, а какъ-то пріятно щекотитъ, какъ будто мурашки бѣгаютъ по тѣлу!» — Этотъ Андрей ростомъ былъ почти въ сажень, служилъ въ гвардіи, былъ на Кавказѣ, получилъ тамъ георгіевскій крестъ за то, что убилъ пять черкесовъ, но былъ слабъ характеромъ, бралъ взятки съ учениковъ, что будетъ пороть ихъ легонько,—и былъ замѣченъ пучеглазымъ смотрителемъ, который упрекнулъ кавалера Андрея въ потворствѣ по службѣ, въ измѣнѣ присягѣ, за что и лишилъ его навсегда права пороть мальчугановъ; смотритель даже назвалъ этотъ поступокъ почему-то «вредными и заразительными пакостями» для училища.—Андрей расплакался, какъ пьяная баба на кладбищѣ, даже сталъ голосить, просилъ явить Божескую милость и простить; но смотритель былъ неумолимъ, даже хотѣлъ выгнать вонъ изъ училища, но все-таки простилъ безъ права порки, благодаря заступничеству смотрительской калмычкѣ-кухаркѣ.

Сторожъ Юрка прежде служилъ гдѣ-то въ интенданствѣ, бывалъ битъ и много разъ жестоко сѣченъ за несоблюденіе восьмой заповѣди.

Въ отставкѣ старался отличиться передъ начальствомъ честностью и язычкомъ, но нахально бралъ взятки съ учениковъ и поинтендантски надувалъ ихъ. Смотритель зналъ, что Юрка бралъ взятки, но и поролъ на славу; «да, такого молодца для порки не скоро сыщешь, говаривалъ смотритель, пусть его беретъ взятки съ мальчишекъ,—только помнилъ бы присягу!»

Смотритель изъ кутейниковъ въ карты не игралъ, не курилъ, табаку не нюхалъ, не пилъ, но не брезгалъ никакими приношеніями отъ родителей и родственниковъ учащихся, казеннымъ пирогомъ былъ не обиженъ и ѣлъ его всегда съ усмѣшкою, обладалъ такими маклаческими наклонностями, что всѣми правдами и неправдами успѣлъ накопить въ теченіе своей 50-тилѣтней службы болѣе 20 тысячъ рублей. Семейство его состояло изъ забитой и загнанной жены (окончившей курсъ въ Смольномъ институтѣ), дочери и сына. Часто смотритель любилъ намъ разсказывать, какъ онъ бѣгалъ нѣсколько разъ изъ семинаріи, за что былъ нещадно сѣченъ розгами, исключенъ, наконецъ, съ позоромъ, какъ записной бѣгунъ и лѣнтяй, былъ совершенно погибшій человѣкъ; но судьбы Божіи неисповѣдимы. Онъ какъ-то опредѣлился въ N дирекцію училищъ писаремъ, служилъ усердно (больше языкомъ и подслуживаньемъ), былъ сперва, благодаря протекціи директора, опредѣленъ учителемъ, а потомъ и штатнымъ смотрителемъ. Всѣ мы знали и были увѣрены, что ни одна наука не далась ему, да онъ и самъ не скрывалъ этого, а милое начальство за ветхостью и бездарностью не хотѣло почему-то уволить негоднаго старикашку, отчаяннаго сплетника и хапуна.—Впрочемъ, на экзаменѣ закона Божія смотритель любилъ спрашивать учениковъ: «что прежде сотворено—видимое или невидимое?» Если же ученикъ говорилъ видимое, то нерѣдко подвергался поркѣ послѣ экзамена, когда у ученика были плохіе баллы и по другимъ предметамъ. При этомъ смотритель любилъ приговаривать: «мерзавецъ, ты долженъ всегда помнить, что ангелы Божіи прежде человѣка были сотворены Всевышнимъ Творцомъ! Вотъ и Юрка это знаетъ!»—«Точно такъ, ваше высокоблагородіе», отвѣчалъ, усмѣхаясь, училищный мейстеръ-инквизиторъ, державшій въ правой рукѣ отличный букетъ изъ длинныхъ березовыхъ прутьевъ.

Разумѣется, были добросовѣстные штатные смотрителя, но они были рѣдки. Большинство этихъ замаскированныхъ дармоѣдовъ получало высшее домашнее образованіе или, недоучившись, убоясь бездны премудрости, сначала выдерживало экзамены при помощи сильныхъ міра сего, а то и вовсе не выдерживало (встарину все бывало возможно), и дѣлалось никуда негодными учителями. Сознавая въ душѣ, что избраннаго предмета они не знаютъ, боясь на службѣ, въ случаѣ пріѣзда страшнаго ученаго ревизора (а такія таинственныя посѣщенія случались) выдержать начальническій

штормъ и быть выброшенными девятымъ валомъ на берегъ житейскаго моря, эти недоучки поскорѣе пристраивались на должности смотрителей; принявъ бразды правленія, они дѣлались сонями и лежебоками. Лежа на боку, они воображали, что приносятъ великую пользу отечеству, старались внушить это учителямъ, давъ, кромѣ того, понять, что они люди съ большимъ вѣсомъ, съ протекціею (большая часть ихъ хотя и считалась плебейскаго происхожденія, но на самомъ дѣлѣ была дѣтьми любви привилегированнаго сословія) и поэтому могутъ своимъ подчиненнымъ учителямъ во всякое время напакостить самымъ мерзѣйшимъ образомъ. Впрочемъ, такія недоучки съ хлестаковскими манерами заслуживали еще маленькое снисхожденіе. Но мнѣ случалось видѣть ученыхъ людей, которые признавали своими сослуживцами только тѣхъ, которые получили высшее образованіе (а такихъ въ то время служило въ дирекціи немного), а на прочихъ учителей они смотрѣли, какъ на негодную ветошь. Съ учеными штатными смотрителями я не служилъ, а мнѣ иногда случалось видѣть ихъ на совѣтахъ.—Нѣкоторые просвѣщенные начальники къ вящшему прискорбію общества чрезвычайно любили ябедниковъ-смотрителей; не разобравъ защиты бѣдныхъ учителей,—правы ли они или виноваты,—подобные начальники дѣлали строжайшіе выговоры, или просто поручали ябеднику-смотрителю, чтобы такой-то учитель подалъ въ отставку, а то будетъ уволенъ безъ прошенія. Да если бы несчастный учитель вздумалъ обратиться съ жалобой къ знаменитому попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа Мусину-Пушкину, то еще болѣе повредилъ бы себѣ.

Конечно, не всѣмъ учителямъ подобные начальники могли дѣлать такіе подарки. Всегда была такая горсточка учителей, которыхъ трусило ближайшее начальство. Я помню такой фактъ. Начальникъ пригласилъ учителя къ себѣ на квартиру для объясненія по дѣламъ службы и вслѣдствіе наговоровъ предложилъ ему по нерадѣнію къ занятіямъ подать въ отставку. Учитель замѣтилъ: прежде чѣмъ подать въ отставку, я долженъ буду сказать отцу!

— А кто вашъ отецъ?—спросилъ начальникъ. Вѣроятно, онъ думалъ, что отецъ учителя какой-нибудь мѣщанинъ или ремесленникъ.

— Такой-то! отчеканилъ учитель.

Начальникъ вдругъ поблѣднѣлъ, протянулъ руку (а прежде не хотѣлъ дать и пальца), сталъ умолять и просить, чтобы учитель не говорилъ отцу. Тѣмъ дѣло и кончилось. Этотъ привилегированный учитель полубѣлой кости былъ моимъ однокашникомъ и школьнымъ товарищемъ. Онъ былъ человѣкъ образованный, хорошій товарищъ, говорилъ на четырехъ языкахъ и проводилъ все свободное время у своего отца, который занималъ тогда одно изъ видныхъ мѣстъ въ государствѣ.

Нашъ смотритель N, о которомъ я еще буду говорить ниже, былъ страшнымъ фанфарономъ и любилъ въ разговорѣ обдуманно и тонко прорѣзывать собесѣдника-учителя, желая показать, что онъ личность незаурядная, а принадлежитъ къ привилегированному сословію и ведетъ знакомство со сливками общества, а не такъ какъ мы—со всякою голью и нолью.

Вѣнцомъ его службы было подслушиванье въ корридорахъ у учительскихъ дверей; со всѣми учительскими кухарками онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, даже дѣлалъ имъ подарочки къ праздникамъ, чтобы они луше шпіонили про семейную жизнь своихъ господъ, и нерѣдко совалъ въ руки ихъ двугривенные за какое-нибудь сказанное лишнее слово учителемъ или пикантное происшествіе въ квартирѣ особенно холостого учителя, которому вздумалось бы въ святилище наукъ пригласить даму своего сердца. Смотритель берегъ цѣломудріе холостыхъ учителей, горѣлъ желаніемъ, чтобы всѣ они брали примѣръ съ Іосифа Прекраснаго и бѣгали отъ блудныхъ женъ Пентефрія. Смотритель любилъ молодымъ учителямъ читать душеспасительныя назиданія, но самъ, какъ разсказывали намъ земляки его, въ своей молодости былъ отчаянный поклонникъ Бахуса и Венеры, которая оставила ему, вмѣсто сувенира, какіе-то знаки отличія, отъ которыхъ онъ постоянно пилъ какой-то жизненный декоктъ собственнаго издѣлія. Пристрастіе въ поклоненіи Бахусу и Венерѣ смотритель, вѣроятно, наслѣдовалъ отъ своей родительницы. Какъ мы сейчасъ увидимъ, смотритель совершенно напрасно гордился своимъ аристократизмомъ, ибо этотъ аристократизмъ былъ совершенно случайный, и то только со стороны отца. Въ дѣйствительности же, онъ былъ сынъ какой-то чухонки, которая долго служила вѣрой и правдой старому штатскому генералу. Отъ этого сожительства чудомъ родился будущій смотритель; но чтобы прикрыть старческій грѣхъ и обезпечить до гроба вѣрную Пенелопу, чтобы пенсія не досталась казнѣ,—старикашка женился незадолго до смерти на Іоганнѣ Мартыновнѣ. Оставшись вдовою, она стала получать очень хорошую пенсію и прислугѣ строго было приказано, чтобы величать хозяйку «ваше превосходительство».— Она не знала грамоты; была очень толста, маленькаго роста, курносая, беззубая, съ громаднымъ ртомъ, длинными ушами, на которыхъ какъ и на носу, росъ какой-то рыжій мохъ; любила попивать водочку и дрей-мадеру; не смотря на старческіе годы, держала на содержаніи со стипендіею какого-то красавчика отставного гусарскаго юнкера, который подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и воинственнаго азарта нерѣдко бивалъ ее и ставилъ подъ ея косыми глазами бутонъ-д'амуры. Вся плѣшивая, она носила рыжій шиньонъ, бѣлилась, румянилась и красила брови, какъ зоологическій клоунъ.—Скрывая свою безграмотность, она отговаривалась тѣмъ, что худо видитъ, просила своихъ знакомыхъ прочитать письмо или

присланную бумагу и расписаться за нее; даже за пенсіей ѣздила въ коляскѣ на своихъ рыженькихъ лошадкахъ съ какою-то красноносою салопницею, которая совершала въ казначействѣ всѣ операціи не хуже ученаго секретаря.—Всѣ ея знакомые, которыхъ она любила очень часто угощать, нарочно безпрестанно называли ее: «ваше превосходительство»; а были и такіе, которые въ пьяномъ видѣ поднимали выше и голосили: «ваше высокопревосходительство, ты наша мать и благодѣтельница!». Генеральша любила всѣхъ тыкать, она кричала, бранила горничную, кухарку, кучера и дворника, даже своихъ гостей, какихъ-то разношерстныхъ дармоѣдовъ и дармоѣдокъ, поднимала на нихъ кулаки, но ударить боялась—какъ бы кто изъ пьяной компаніи сдачи не далъ и тѣмъ на вѣки вѣковъ не обезчестилъ наштукатуренныя ланиты ея превосходительства.—Всѣ лавочники на рынкѣ знали, что она генеральша; даже сосѣди-будочники любили козырять ей, а нѣкоторые изъ шутниковъ становились передъ нею во фронтъ, надѣясь въ праздникъ получить отъ нея на табакъ. Генеральшѣ это очень нравилось, и она дѣйствительно щедро награждала будочниковъ, однакожъ, не было также ни отъ кого въ секретѣ, что покойный ея папа былъ истый чухонецъ, пріѣзжавшій каждое лѣто на лайбѣ изъ Финляндіи и продававшій у Никольскаго моста салаку и дрова.

Приходскіе учителя въ мнѣніи всемогущихъ смотрителей ничего не значили: послѣдніе считали себя въ дѣлѣ образованія головами, а учителей безсловесными животными. Одинъ косой взглядъ штатнаго смотрителя могъ угнать хотя и не въ нѣдра Сибири для изученія полярной географіи, а въ такой забытый городъ, тоже приходскимъ учителемъ, что долго будешь раскаяваться въ своей горячности и необдуманности. Если бы грубіянъ вздумалъ противорѣчить, его уволили бы въ отставку.—Кто же не зналъ, что начальство наѣзжало только для того, чтобы не стали громко говорить: училища совсѣмъ заброшены и никто носа туда не показываетъ. Такимъ образомъ, вся жизнь приходскихъ учителей зависѣла отъ каприза смотрителя, не говоря уже о другихъ начальникахъ, которые въ старое время увольняли учителей по наговору негодныхъ личностей или просто такъ. Педагоги-начальники относились къ намъ, паріямъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ, считая приходскаго учителя, повидимому шушерой, дрянью, ветошью и пр.— У такихъ ли начальниковъ можно было искать защиты, вниманія, заботливости?

Мудрено ли поэтому, что встарину учителя болѣе служили изъ-за чести, какъ офицеры въ гвардіи (все народъ былъ богатѣющій, у нѣкоторыхъ учителей даже подошвы на сапогахъ, по мѣткому выраженію какого-то остряка, были на камнеходѣ, платье плохое и засаленое!) Большая часть учителей строго придерживалась, какъ прославленные анахореты, знаменитаго устава св. Антонія, всѣ

были награждены прелестями петербургскаго климата, страдая всевозможными болѣзнями. Видъ они имѣли представительный только для кладбища, всѣ на подборъ были красавцы: блѣдные, зеленые, худые, съ провалившеюся грудью, беззубые, плѣшивые, нѣкоторые напропалую кашляли и имѣли на щекахъ цвѣтущій чахоточный румянецъ.

II.

Теперь всѣ служащіе чиновники-педагоги носятъ усы и бороды, никто слова не смѣетъ сказать; въ сороковыхъ же годахъ было совсѣмъ не то. Попробуй-ка въ то время кто-нибудь изъ педагоговъ отростить усы, бороду или длинные волосы, да и натолкнись на историческаго попечителя Мусина-Пушкина, такъ онъ такъ, бывало, распечетъ, что долго будешь помнить! Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ у военныхъ былъ грозою великій князь Михаилъ Павловичъ; по петербургскому же учебному округу гремѣлъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ. На мою долю пришлись отъ попечителя четыре словесные выговора за ношеніе усовъ и длинныхъ волосъ.

До сихъ поръ я живо помню эту грозную фигуру съ Бѣлымъ Орломъ на шеѣ, со звѣздами на обѣихъ сторонахъ синяго, застегнутаго на всѣ шесть пуговицъ вицмундира, въ синихъ брюкахъ, въ высокостоящемъ черномъ атласномъ галстухѣ (извѣстные высокіе галстухи на щетинѣ, изобрѣтенные въ царствованіе Александра I первымъ военнымъ франтомъ Горголи) безъ признаковъ бѣлья, съ рѣдкими, гладкоподстриженными почти сѣдыми волосами на почти лысой головѣ, за исключеніемъ тщательно прилизанныхъ височковъ, начесанныхъ à la фельдфебель. «Стригись подъ гребенку, а франтить тебѣ, братецъ мой, нечего, бери примѣръ съ меня», такъ говаривалъ нерѣдко попечитель учителямъ. Густыя нависшія брови, черныя съ просѣдью, проницательные каріе глаза, орлиный носъ съ горбомъ, отвислыя щеки и заостренный подбородокъ, являли въ немъ сходство съ старымъ коршуномъ. Лобъ и щеки были изборождены глубокими морщинами, голову держалъ онъ высоко, откинувъ назадъ, старался ходить величественно, какъ короли въ театрѣ, опираясь на свой знаменитый костыль. Брился онъ такъ что былъ виденъ млечный путь съ какимъ-то синеватымъ оттѣнкомъ на верхней губѣ, щекахъ и подбородкѣ. Вотъ портретъ моего бывшаго эксцентричнаго, очень вспыльчиваго, но иногда добрѣйшаго начальника.

Намъ еще въ гимназіи учитель географіи разсказывалъ, что художникъ Дьяконовъ, впослѣдствіи мой сослуживецъ, желая снять портретъ съ Мусина-Пушкина, какъ-то сговорился съ попечительскимъ лакеемъ, чтобы онъ пустилъ его въ какую-то комнату, гдѣ

и ухитрился снять карандашомъ портретъ попечителя, да такъ удачно, что потомъ, послѣ отдѣлки, осмѣлился поднести ему свое произведеніе.

Попечитель былъ удивленъ, хотѣлъ было жестоко распечь дерзкаго художника, но мастерски-нарисованный портретъ понравился ему. Онъ промѣнялъ гнѣвъ на милость и, улыбаясь, долго распрашивалъ о смѣлой продѣлкѣ художника.

— Счастливъ ты, что я не замѣтилъ тогда,—сказалъ онъ художнику,—а то я принялъ бы тебя за мошенника, да и своего лакея не пощадилъ бы. Вѣдь ты знаешь, что за такую дерзость я могъ бы уволить тебя въ 24 часа, даже сдѣлать тебя несчастнымъ, а лакея—просто приказалъ бы высѣчь на съѣзжей!

Художникъ зналъ, что гроза прошла, кланялся и извинялся.

— Ты мастеръ рисовать, я прощаю тебя, но смотри, чтобы впередъ этого не было. Я оставляю портретъ у себя!

Конечно, художникъ получилъ хорошее вознагражденіе. Много лѣтъ спустя этотъ портретъ былъ отпечатанъ и разосланъ во ввѣренныя попечителю учебныя заведенія.

Никогда я не видалъ, чтобы попечитель протянулъ кому-нибудь руку изъ служившихъ подъ его начальствомъ. Какъ предсѣдатель цензурнаго комитета—и тамъ давалъ себя чувствовать, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, если невнимательный цензоръ пропускалъ что-нибудь въ вольномъ духѣ или рѣзкое выраженіе. Въ старое педагогическое время и то нужно было почесть за великое счастіе, если попечитель поговоритъ съ тобою ласково, да кивнетъ еще при встрѣчѣ головою, а про руку и говорить нечего; да никто изъ подчиненныхъ не смѣлъ и думать о такой неслыханной жертвѣ со стороны потомка бѣлой аристократической кости.

Первые три словесные выговора, сдѣланные мнѣ попечителемъ въ классѣ, какъ-то стушевались изъ моей памяти и прошли удачно. Я удивлялся, какъ онъ не уволилъ меня, только, помнится, сказалъ:

— Усы сбрей и не завивайся! Слышишь ли ты?

— Слышу и все будетъ исполнено, ваше превосходительство, что вы изволили приказать мнѣ.

— Ну, теперь прощай, да смотри у меня, не играй службою!—и вышелъ изъ класса.

Еще помнится, что послѣ третьяго словеснаго выговора, сдѣланнаго мнѣ попечителемъ, пришелъ ко мнѣ въ классъ послѣ роспуска воспитанниковъ знаменитый сплетникъ-смотритель N и сказалъ съ злорадствомъ:

— Что опять попались, и по дѣломъ, а вотъ я пойду къ директору, доложу, что г. попечитель удостоилъ своимъ посѣщеніемъ уѣздное училище и распекъ васъ!

— Да онъ вовсе и не распекъ, а только сказалъ, чтобы я сбрилъ усы!

— И это скажу, что вы осмѣлились сказать мнѣ, что не распекъ, а сказалъ!

— Ступайте, жалуйтесь, еще что-нибудь прибавьте, вы вѣдь на это великій чревовѣщатель!.. Я не испугался, а вы такъ себя прекрасно поставили, что вашему наговору директоръ не повѣритъ!

— Вы еще вздумали мнѣ дерзости говорить! Нѣтъ, я не могу простить вамъ! Я имѣю знакъ отличія за XXX лѣтъ, а у васъ еще молочко на губахъ не обсохло! Погодите, будете помнить меня!— горячился и брызгалъ слюною во всѣ стороны ветхій старикашка-смотритель.

Отправляясь съ доносомъ, жалобою или свѣженькою сплетнею на учителей, въ ненастное время года онъ бралъ съ собою древній красный зонтикъ, доставшійся ему отъ какого-то старца-протоіерея и маршировалъ къ Аларчину мосту, гдѣ жила особа на радость или несчастіе для всѣхъ служащихъ въ с. петербургской дирекціи училищъ; но начальство не обращало вниманія на эти доносы, извиняло старца, только удивлялось его безтактнымъ выходкамъ и кутсйнической бравадѣ. Въ теченіе своей 72-тилѣтней жизни онъ ни разу не нанялъ извозчика и совершалъ знаменитые походы къ директору по образу пѣшаго хожденія: очень жалко было тратить на извозчиковъ деньги, какъ онъ признавался самъ.

Директоръ, пріѣзжая въ училище, нерѣдко говаривалъ намъ:

— Вы, господа, только сердите старика-смотрителя, живите съ нимъ въ мирѣ.

Серьезныя жалобы на учителей директоръ разбиралъ самъ, творя судъ и расправу, или доносилъ о виновномъ учителѣ попечителю.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда я получилъ третій словесный выговоръ отъ попечителя, и послѣ доноса на меня директору смотрителемъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру училищный сторожъ Юрка съ разсыльной книжкою и вручилъ мнѣ пакетъ. Я росписался въ полученіи, распечаталъ пакетъ и прочелъ давно знакомое всѣмъ: «такой-то учитель приглашается явиться къ г. директору въ такое-то число, мѣсяцъ и часъ для объясненій по дѣламъ службы». Часто подобныя посланія бывали роковыми.

Въ означенный день и часъ пришелъ я къ директору, по обыкновенію, долго дожидался въ пріемной, наконецъ, вышелъ вѣчно-улыбающійся толстякъ директоръ, протянулъ правую руку и сказалъ:

— Что, вы опять получили распеканку за усы отъ Михаила Николаевича?

— Виноватъ, Семенъ Семеновичъ, не успѣлъ побриться, а онъ, какъ на грѣхъ, и пріѣхалъ!

— Преподаваніемъ остался ли доволенъ?

— Похвалилъ, Семенъ Семеновичъ!

— Если за преподаваніе похвалилъ, то прощайте; пожалуйста, я прошу васъ, брейтесь! И что за охота вамъ школьничать съ попечителемъ? Вы знаете, что все это можетъ очень скверно кончиться для васъ, да и меня вы поставите въ неловкое положеніе!

Я извинялся, кланялся, уходилъ, тѣмъ исторія и кончалась. На другой день мы встрѣчались въ училищѣ съ смотрителемъ какъ ни въ чемъ не бывало. Проходили мѣсяцы, распеканка позабывалась, и я опять щеголялъ въ усахъ и съ длинными волосами. Смотритель нарочно не дѣлалъ мнѣ замѣчанія, даже не доносилъ на меня директору. При случаѣ онъ всегда могъ вывернуться и сказать, что не только его, но и директора я не слушаюсь. Конечно, кутейникъ-смотритель все это дѣлалъ съ цѣлію, и душевно былъ бы радъ, если бы я опять попался въ усахъ попечителю, который выгналъ бы меня изъ службы.

Четвертый словесный выговоръ едва не кончился для меня несчастіемъ; но Богъ, директоръ и чтеніе «Клеветникамъ Россіи» спасли меня. Дѣло было въ глубокую осень. Сторожъ Юрка полуотворилъ дверь въ классъ и сказалъ тихо:

— Попечитель съ директоромъ пріѣхали.

Я струхнулъ порядкомъ, зачесалъ волоса за уши, но такъ какъ они вились у меня отъ природы, то и не слушались гребенки; а усы, какъ два доносчика картинно лежали на верхней губѣ и подсмѣивались надъ моимъ страхомъ.

«Мать Пресвятая Богородица,—подумалъ я,—спаси меня отъ приближающагося урагана!»

Я подошелъ къ шкафу и мнѣ какъ будто кто-то шепнулъ: возьми хрестоматію и прочитай: «Клеветникамъ Россіи»...

Вдругъ отворилась дверь въ классъ и вошелъ, сильно опираясь на костыль, попечитель, а за нимъ директоръ училищъ.

— Здравствуйте, дѣти!—громко сказалъ попечитель, покосился на меня и гроза блеснула на глазахъ его.

Моментально всѣ ученики встали и дружно гаркнули:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Раньше я застегнулъ вицмундиръ на всѣ шесть пуговицъ, держалъ въ лѣвой рукѣ хрестоматію, отвѣсилъ низкій поклонъ попечителю и директору.

— Здорово, ты что тутъ дѣлаешь? спросилъ попечитель.

— Читаю стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», ваше превосходительство!

— Читай!

Попечитель пошелъ, опираясь на костыль, и сѣлъ съ директоромъ на незанятую заднюю скамейку.

Время прошлое, я грѣшенъ, каюсь, что любилъ изучать слабыя струнки своихъ начальниковъ и отлично зналъ, что высокоуважаемый Михаилъ Николаевичъ любилъ слушать, когда кто хорошо

читалъ изъ учителей: Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго, Крылова и другихъ классиковъ.

Безъ фанфаронства, но я читалъ мастерски, нерѣдко получалъ личныя благодарности отъ начальства, а въ среднихъ, низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пансіонахъ ученики и ученицы называли меня отличнымъ декламаторомъ. Я учился декламаціи у знаменитаго въ свое время артиста Максимова 1-го, который по рекомендаціи и просьбѣ извѣстнаго табачника Жукова училъ меня даромъ. Максимовъ всегда оставался моимъ чтеніемъ доволенъ, хваля, какъ я читалъ извѣстныя стихотворенія, монологи изъ драмъ и комедій.

Мое сердце сильно билось, я зналъ, что моя служба виситъ на волоскѣ.

«Можетъ быть,—думалъ я,—Пушкинъ выручитъ»; я не ошибся въ немъ и прочелъ мастерски.

Попечитель и директоръ остались очень довольны моимъ чтеніемъ, директоръ даже не вытерпѣлъ и позволилъ себѣ что-то тихо сказать попечителю, на что тотъ, вѣроятно, въ знакъ удовольствія кивнулъ головою и, посмотрѣвъ на меня, улыбнулся.

Я, раскраснѣвшись, смѣло смотрѣлъ на попечителя, ожидалъ своего приговора и думалъ: «погибать, такъ погибать!»

Попечитель громко сказалъ мнѣ:

— Спасибо, благодарю, точно актеръ, даже рукою куда-то указывалъ! Превосходно сказалъ:

«Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
«Среди не чуждыхъ имъ гробовъ!»

Я поклонился.

— Я служилъ офицеромъ въ Отечественную войну и отлично помню нашествіе французовъ на Россію,—сказалъ попечитель и всталъ.

Директоръ послѣдовалъ его примѣру.

Директоръ, стоя сзади попечителя, привѣтливо улыбался мнѣ, качалъ головою и показывалъ на усы. Я думалъ: «и ты, Брутъ, противъ меня».

— Что ты теперь будешь дѣлать?—спросилъ попечитель.

— Буду разсказывать ученикамъ, ваше превосходительство, по какому случаю было написано это стихотвореніе безсмертнымъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ, а потомъ буду объяснять всѣ непонятныя слова, встрѣчающіяся въ этомъ прекрасномъ произведеніи.

Я ждалъ, что скоро приблизится гроза, потому что предатели-усы не исчезли чудомъ, но картинно лежали на старомъ мѣстѣ. «Эхъ, думалъ я, была не была, не попросить ли позволенія у его превосходительства прочитать еще монологъ изъ Гамлета или не хватить ли еще изъ Пушкина:

«Румяны щечки пожелтѣютъ,
«И черны кудри побѣлѣютъ,
«И старость выщиплетъ усы!»

Да вдругъ вспомнилъ, а что если попечитель разсердится, то и «Клеветникамъ Россіи» не спасутъ отъ увольненія.

— Хорошо, разсказывай! — И попечитель сталъ слушать стоя.

Я разсказывалъ до тѣхъ поръ, пока не раздался колокольчикъ въ корридорѣ, давая знать, что наступила перемѣна.

— Довольно, благодарю, хорошо! Дѣти, идите на перемѣну! — сказалъ попечитель.

Когда всѣ ученики ушли, попечитель подошелъ съ директоромъ къ окну и подозвалъ меня къ себѣ.

Я приблизился къ нему, замѣтилъ, что онъ нахмурилъ и сдвинулъ брови, что предвѣщало грозу. «Да будетъ во всемъ воля Господня», подумалъ я.

— Ты кто такой?—грозно спросилъ попечитель.

Я былъ убитъ горемъ и молчалъ.

— Я спрашиваю тебя: ты кто такой?

— Учитель, ваше превосходительство!

— Учитель, а развѣ учитель имѣетъ право носить усы и длинные волосы въ завиткахъ? Ты вѣдь знаешь, что я былъ офицеромъ, да и то не имѣю права носить усовъ! Но, что ты на это скажешь, усачъ?

— Виноватъ, ваше превосходительство, едва сегодня не проспалъ на урокъ, не успѣлъ побриться и подстричь волосы.

— А зачѣмъ ты завиваешься,—вѣрно у тебя много денегъ?

— Я не завиваюсь, ваше превосходительство, они вьются у меня отъ природы; что же касается до денегъ, то осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что скоро наступитъ зима, а у меня нѣтъ зимняго пальто!

Я былъ чувствителенъ и слезы невольно показались на глазахъ, но я поспѣшно ихъ вытеръ.

— Да ты дѣлалъ ли ему выговоры, чтобы онъ не носилъ усовъ и длинныхъ волосъ? — обратился попечитель къ директору, — ты вѣдь знаешь, что я терпѣть не могу, кто у меня изъ подчиненныхъ отступаетъ отъ высочайше утвержденнаго правила! А хорошъ ли онъ по службѣ?

— Прошедшій разъ я сдѣлалъ выговоръ ему, ваше превосходительство, но онъ, вѣроятно, по молодости лѣтъ и разсѣянности забылъ побриться и постричь волосы, но что же касается до службы, то вы, ваше превосходительство, изволили остаться чтеніемъ его довольны, а я осмѣливаюсь доложить, что считаю его однимъ изъ лучшихъ и опытныхъ учителей; душевно сожалѣю, что онъ живетъ въ крайней бѣдности и содержитъ больную мать,—сказалъ директоръ.

— Слышишь, любезный, какая тебѣ прекрасная похвала, а ты еще вздумалъ модничать—носить усы и длинные волосы!

Гроза уже проходила и изъ-за тучъ проглядывало солнышко.

— Какъ же ты думаешь о зимнемъ пальто?—спросилъ попечитель.

— Какъ-нибудь, ваше превосходительство, прохожу зиму. Никто какъ Богъ!

На сердитомъ и суровомъ лицѣ попечителя блеснула улыбка, онъ ласково взглянулъ на меня, видимо, ему стало жаль восемнадцатилѣтняго учителя, и онъ пожелалъ спасти меня отъ простуды, а, можетъ быть, и отъ смерти. Попечитель сказалъ:

— Я подумаю о твоемъ зимнемъ пальто! Смотри же, сбрей усы, а не то я велю ихъ сбрить на барабанѣ! Слышишь?! Понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство!

— За чтеніе спасибо, усовъ и длинныхъ волосъ смотри не носи,— и, выходя изъ класса, попечитель сталъ декламировать:

«Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
«Отъ потрясеннаго Кремля
«До стѣнъ недвижнаго Китая,
«Стальной щетиною сверкая,
«Не встанетъ русская земля?»...
. . . .

Черезъ нѣсколько времени я былъ обрадованъ приглашеніемъ явиться къ директору и получилъ отъ него 75 рублей, которые были переданы ему попечителемъ, чтобы я купилъ не только зимнее пальто, но и заказалъ бы вицмундиръ, брюки и сапоги, потому что мои доспѣхи были плохи, а на нихъ, какъ сказалъ директоръ, его превосходительство обратилъ вниманіе.

Къ зимѣ я купилъ пальто съ отличнымъ чернымъ собачьимъ воротникомъ, даже немножко напомадилъ его; сдѣлалъ новую синюю тройку, купилъ на Толкучкѣ сапоги съ галошами и лѣтъ на пять съ матерью былъ обезпеченъ въ платьѣ и во всякой всячинѣ. Благодаря поддержкѣ человѣколюбиваго начальника, въ хозяйствѣ прибавилось много посуды, даже былъ купленъ новый самоваръ; но на карманные часы не достало денегъ, и я щеголялъ съ отлично вычищенною мѣдною цѣпочкою, на которой былъ привѣшенъ ключъ отъ пустого письменнаго ящика. Я былъ бѣденъ, но молодъ, исправенъ, трудолюбивъ,—и попечитель наградилъ меня изъ своихъ собственныхъ средствъ (онъ былъ не богатъ), выдалъ мнѣ пособіе съ условіемъ, какъ мнѣ наказывалъ директоръ, чтобъ я никому не болталъ.

Многіе изъ моихъ сослуживцевъ при одномъ имени попечителя приходили въ ужасъ, но я нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ безъ всякаго страха. Правда, за усы и длинные волосы мнѣ доставалось

порядкомъ, но я любилъ эту свѣтлую и безъ всякой фальши личность. Я не обращалъ вниманія на фельдфебельское его тыканье, а иногда и грубыя выраженія. Я зналъ, что онъ вслѣдствіе своего вспыльчиваго характера оборветъ, обидитъ жестоко, но никогда не уволитъ безъ причины. Боже сохрани, еслибы кто изъ подчиненныхъ вздумалъ возражать ему, тогда не жди пощады. Попечитель дѣлалъ и такъ: позоветъ жалующагося и обвиняемаго, разспроситъ въ подробностяхъ о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла и, если увидитъ, что это интрига и наглая ложь начальника на подчиненнаго, то такого язычника, по выраженію попечителя, онъ увольнялъ въ 24 часа.

Побольше бы такихъ добросовѣстныхъ и справедливыхъ начальниковъ, а то большая часть изъ нихъ живетъ и служитъ только для себя и своихъ любимчиковъ. . . . .

Случалось, что попечитель пріѣзжалъ и на публичные экзамены въ наше училище. Такъ, однажды случилось, что Мусинъ-Пушкинъ нагрянулъ какъ снѣгъ на голову на экзаменъ исторіи. Все присутствующее ученое начальство перепугалось, а у учителя историческихъ наукъ душа ушла въ пятки.

Вызвали ученика III уѣзднаго класса, и учитель предложилъ взять билетъ. Ученикъ взялъ и прочиталъ: «Междуцарствіе».

— Ну, говори,—громко сказалъ попечитель.

Заиграли куранты и пошелъ ученикъ валять по Устрялову.

— Довольно! скажи ты мнѣ—какое правленіе въ Россіи?

Ученикъ не растерялся, но невнятно и тихо сказалъ «неограниченное».

— Врешь ты, правленіе въ Россіи всегда было неограниченное!—сказалъ попечитель.

Учитель былъ блѣденъ, но не сробѣлъ и громко сказалъ:

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что ученикъ такъ и отвѣтилъ, какъ вы изволили сказать.

— Если такъ, то пусть по твоему!

Будь попечитель не въ духѣ, ураганъ разразился бы надъ бѣднымъ учителемъ, но Богъ спасъ.

— Когда Рюрикъ вступилъ на престолъ и сколько лѣтъ княжилъ?—спросилъ попечитель того же ученика.

Всѣ ученики знали хронологію по Явнинскому хорошо и ученикъ громко, даже речитативомъ пробарабанилъ:

— Рюрикъ вступилъ на престолъ въ 862 г. и княжилъ 17 лѣтъ!

— Хорошо, иди на мѣсто!

И попечитель велѣлъ поставить ученику пять.

Учителя держали ухо востро, знали всѣ любимые вопросы попечителя и изучили ихъ отъ доски до доски.

Былъ и другой случай на публичномъ экзаменѣ, гдѣ отъ попечителя порядкомъ досталось на орѣхи учителю историческихъ

наукъ; даже лежащій на столѣ въ числѣ вещественныхъ документовъ Устряловъ не могъ выручить учителя.

— Ты, братъ, меня не учи,—говорилъ попечитель,—не указывай на Устрялова: я самъ изучалъ исторію, лично участвовалъ въ Отечественной войнѣ, а ты тогда еще и не родился!

Учитель стоялъ какъ приговоренный къ смерти и думалъ: «ты прости-прощай училище и вмѣстѣ съ нимъ не село родное, а моя служба!» Попечитель строго посмотрѣлъ на учителя, который былъ взволнованъ, спросилъ фамилію, — тѣмъ дебаты и кончились, но будь онъ не въ духѣ — не сдобровать бы учителю.

Всѣ знали, что болѣе всего попечитель любилъ спрашивать учениковъ про царствованіе Александра Благословеннаго. Учителя даже приносили въ классъ знаменитаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, раскладывалась карта Бородинской битвы и изучались мѣста со всѣми деталями. Конечно, не были забыты Тарутино, Малый Ярославецъ и другія замѣчательныя битвы россійскихъ войскъ. Ученики заучивали всѣхъ отличившихся генераловъ въ этой битвѣ, даже знали полкового командира, гдѣ служилъ попечитель и былъ раненъ. Былъ даже такой историческій учитель, который просилъ директора училищъ, чтобы онъ позволилъ ему обратиться къ попечителю съ такимъ привѣтствіемъ, отвѣчая на вопросъ — какой подвигъ совершилъ его превосходительство въ Бородинской битвѣ: бывъ раненъ въ кровавой сѣчѣ, оросивъ священное поле своею благородною кровью, вынесенъ съ поля битвы вѣрными усачами-воинами, которые, видѣвъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ жестоко раненымъ, истекающимъ кровью, проливали горючія слезы, капавшія на сѣдые усы...

— Витіевато вы говорите, — сказалъ директоръ, — но все это пустяки, и я совѣтую вамъ лучше не выходить изъ рамокъ преподаванія и не ѣсть всякой дряни, особенно луку, когда идете въ классъ! Извините, мнѣ даже противно съ вами разговаривать и нюхать трущобный букетъ Сѣнной площади, а пріѣдетъ попечитель, тогда не только-что удалитъ изъ службы за такой специфическій запахъ отъ васъ, но и я получу выговоръ, какъ виновникъ распространенія зловонія. Бросьте эту дурь, полощите ротъ фіалковымъ корнемъ и чаще ходите въ баню!

Послѣ учитель разсказывалъ намъ, что директоръ обидѣлъ его, коснулся тайныхъ струнъ его сердца, даже будто хотѣлъ заглянуть въ тайникъ души его; «но я, — говорилъ онъ намъ,—рѣшительно не виноватъ въ томъ, что люблю натощакъ отъ юности моей ѣсть разные злаки, отъ которыхъ при разложеніи изо рта попахиваетъ природными газами!» Всѣ мы подсмѣивались надъ нимъ, въ глаза называли его хорькомъ, но онъ и не думалъ сердиться! Впослѣдствіи онъ сталъ сильно попивать, былъ уволенъ и умеръ гдѣ-то подъ заборомъ. . . . .

Много улетучилось изъ головы, но помню, что на публичномъ экзаменѣ со слезами на глазахъ, послѣ разсказа ученика объ Отечественной войнѣ, попечитель всталъ съ креселъ и началъ самъ повѣствовать, какъ былъ раненъ князь Багратіонъ, какъ не нашли послѣ сраженія трупа графа Кутайсова, а только лошадь его съ окровавленнымъ сѣдломъ прибѣжала въ станъ. Долго и много говорилъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ о герояхъ двѣнадцатаго года и закончилъ словами: «въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Благословенный спасъ всю Европу отъ ига Наполеона»!

Все ученое начальство, учителя, учащіеся, родители, родственники ихъ и всѣ присутствующіе на публичномъ экзаменѣ, стояли опустивъ глаза долу и съ замираніемъ сердца слушали медорѣчивое, трогательное повѣствованіе старца-инвалида. Было много и плакавшихъ. На публичныхъ экзаменахъ попечитель постоянно сидѣлъ долго, любилъ публично похвалить, но и на выговоры не скупился.

Изъ задачъ онъ болѣе любилъ военныя, въ которыхъ осаждались крѣпости и при этомъ сколько во время осады или битвы было убито генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, солдатъ, сколько было ранено; не забывались даже и лошади, сколько было израсходовано пороху, ядеръ и прочей военной закуски, сколько осталось въ строю. По рѣшенію всегда выходило такъ, что убитыхъ непріятелей было больше, чѣмъ россіянъ. Попечитель не любилъ, чтобы убитые были представлены въ десятичныхъ дробяхъ.

— Ты выведи мнѣ рѣшеніе въ простыхъ числахъ, — говорилъ попечитель учителю, — вѣдь изъ присутствующихъ на экзаменѣ многіе не изучали десятичныхъ дробей, они и знать поэтому не будутъ сколько въ битвѣ убито русскихъ и сколько враговъ!

Приказаніе въ точности исполнялось.

Попечитель и всѣ присутствовавшіе на экзаменѣ оставались довольны, что малютки-ученики рѣшали такія головоломныя задачи, и главное, что даже въ задачахъ наша армія одерживала побѣды, убитыхъ и раненыхъ была бездѣлица, за то съ непріятельской стороны все бранное поле было усѣяно убитыми и ранеными!..

III.

Много лѣтъ прошло съ того времени, какъ я видѣлъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова; но эта симпатичная личность произвела на меня такое глубокое впечатлѣніе, что я до сихъ поръ не могу забыть этой встрѣчи.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ я служилъ въ N уѣздномъ училищѣ; во время большой перемѣны моя обязанность была разъ въ недѣлю дежурить и смотрѣть за учениками. Дежурство продолжа-

лось около часа. Въ корридорѣ, ниже часовъ и рядомъ съ росписаніемъ уроковъ, было вывѣшено объявленіе, что «никто не имѣетъ права безъ позволенія начальства посѣщать и осматривать уѣздное училище». Осенью, года не помню, я былъ дежурнымъ, разгуливалъ по корридору, заглядывалъ въ классы, чтобы ученики шумѣли потише: шелъ дождь, и они не были отпущены играть на дворъ. Въ нашемъ училищѣ было много учащихся и оно ставилось какъ образцовое. Шуму и крику было вдоволь, приходилось смотрѣть въ оба, чтобы ученики не сочинили мамаево побоище и не пошли бы въ походъ классъ на классъ, чтобы потомъ устроить соборную свалку со всѣми запасными резервами. Впрочемъ, у насъ вмѣсто осадной артиллеріи противъ полководцевъ и храбрыхъ джигитовъ было страшное 1½ аршинное орудіе — розги, такъ долго повелѣвавшія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не только на страхъ лѣнтяямъ и шалунамъ, но и на страхъ тѣмъ, которые осмѣливались быть дерзкими, непослушными, неблагонамѣренными, неоднократно замѣченными въ куреніи Жукова табаку изъ своихъ маленькихъ трубочекъ.

Внизу у парадной лѣстницы училища былъ дежурный сторожъ. Смотрю, кто-то въ черномъ пальто, съ зонтикомъ и цилиндромъ въ рукѣ поднимается по лѣстницѣ, а сзади его сторожъ Юрка. Вошедшій на площадку корридора не представлялъ ничего начальническаго и походилъ на многихъ изъ тѣхъ посѣтителей, которыхъ мы привыкли встрѣчать почти ежедневно, т. е. родителей или родственниковъ учащихся въ уѣздномъ училищѣ.

Посѣтитель былъ небольшого роста, не худъ, волоса съ просѣдью, рѣдкіе и гладко причесаные, глаза онъ имѣлъ каріе и говорилъ тихо. Пальто его было застегнуто на всѣ пуговицы.

Я подошелъ къ вошедшему, который стоялъ на площадкѣ корридора и пристально смотрѣлъ на меня.

На поклонъ его я поклонился и спросилъ:

— Что вамъ угодно и съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я желалъ бы осмотрѣть училище и послушать преподаваніе,—сказалъ незнакомецъ.

— Безъ позволенія начальства осматривать училище и слушать преподаваніе никто не имѣетъ права: неугодно ли вамъ прочесть объявленіе, которое въ трехъ шагахъ висѣло отъ насъ.

— Зачѣмъ читать, я вѣрю; а развѣ вы не знаете меня молодой человѣкъ?

— Не имѣю чести знать!

— А гдѣ я могу снять пальто?

— Всѣ мы служащіе и посѣтители снимаютъ пальто въ этомъ корридорѣ и кладутъ на перила лѣстницы.

— Такъ позвольте снять пальто?

Я поклонился и сказалъ сторожу:

— Сними пальто!

Юрка сталъ снимать пальто, а я съ удивленіемъ смотрѣлъ на незнакомца. Юрка снялъ пальто, положилъ его на перила, а зонтикъ на лавочку, которая помѣщалась около перилъ. Я увидѣлъ, что незнакомецъ былъ въ синемъ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и съ двумя звѣздами!..

Въ это время во II уѣздномъ классѣ стали кричать и кто-то заплакалъ.

Я извинился передъ незнакомцемъ, побѣжалъ въ классъ творить судъ. Записавъ подсудимыхъ, я, возвратясь, сказалъ:

— Позвольте узнать съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Я министръ народнаго просвѣщенія и послѣ обѣдни зашелъ, чтобы осмотрѣть и послушать преподаваніе въ училищѣ!

Я не испугался, какъ гоголевскій городничій, и не сталъ произносить: ва... ва... ва... а предложилъ:

— Не угодно ли вашему сіятельству, такъ какъ до начала уроковъ осталось три четверти часа, осмотрѣть классы и библіотеку?

— Хорошо, идите и показывайте,—сказалъ министръ.

Вмигъ всѣ воспитанники узнали, черезъ другого сторожа Андрея (нѣкоторые же сами замѣтили, что какой-то важный начальникъ со звѣздами разговариваетъ со мной), что пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Ученики быстро разбѣжались по классамъ, съ любопытствомъ стали разсматривать министра и кланяться ему, а онъ привѣтливо отвѣчалъ имъ и говорилъ:

— Здравствуйте, дѣти, здравствуйте!

Моментально онъ произвелъ на всѣхъ учениковъ симпатичное впечатлѣніе, и на него уже съ любовью смотрѣли, какъ дѣти на добраго отца. Да онъ и всегда былъ такимъ для ближнихъ.

Министръ былъ удивленъ, что ученики перестали шумѣть, возиться, кричать, и спросилъ меня:

— Развѣ перемѣна кончилась?

— Нѣтъ еще, но изъ глубочайшаго уваженія къ вашему сіятельству они сами не желаютъ своимъ крикомъ безпокоить васъ— и притихли.

— Похвально, похвально, что ваши ученики ведутъ себя такъ примѣрно.

Я поклонился. Мы обошли всѣ классы, нѣкоторыхъ учениковъ министръ спрашивалъ,—давно ли они учатся, сколько имъ лѣтъ и кто ихъ родители.

Министръ осмотрѣлъ библіотеку и спросилъ сколько въ ней названій и книгъ, на сколько выписывается и кто завѣдуетъ библіотекой?

Я доложилъ министру, что завѣдую я и разсказалъ ему со всѣми деталями все то, о чемъ было угодно министру спросить меня.

Министръ остался доволенъ моими отвѣтами и благодарилъ за отличный порядокъ въ библіотекѣ. Министръ, увидѣвъ учителей въ коррвдорѣ, которые кланялись ему, поклонился имъ и каждаго спросилъ, что онъ преподаетъ.

Смотритель отсутствовалъ и, вѣроятно, собиралъ сплетни во ввѣренныхъ ему другихъ училищахъ.

Министръ посмотрѣлъ на часы, велѣлъ подать пальто и сказалъ:

— Жаль, что я не имѣю болѣе времени быть въ училищѣ, но благодарю васъ, господа, что я нашелъ N уѣздное училище въ отличномъ порядкѣ и вамъ, обращаясь ко мнѣ, приношу мою личную благодарность за отличный порядокъ въ библіотекѣ и за то, что вы буквально исполняете предписаніе начальства, не смотря на ваши очень молодые годы, такъ энергично относитесь къ обязанностямъ службы!

Я низко поклонился.

Министръ удостоилъ дать мнѣ руку.

— Прощайте, гг. учителя,—сказалъ министръ, поклонился имъ, учителя сдѣлали тоже, и сталъ спускаться съ лѣстницы.

Какъ дежурный, я проводилъ министра до парадныхъ дверей, которыя были отворены настежь, и двое сторожей стояли по обѣимъ сторонамъ ихъ.

При прощаніи министръ еще разъ удостоилъ дать мнѣ руку и сказалъ:

— Прощайте, молодой человѣкъ, я не забуду васъ!

Часа черезъ полтора пришелъ въ училище смотритель, узналъ, что я занимаюсь въ библіотекѣ, прибѣжалъ туда и сталъ кричать:

— Да какъ вы смѣли не знать министра народнаго просвѣщенія Платона Александровича князя Ширинскаго-Шихматова, теперь ужъ вамъ не сдобровать и г. попечитель непремѣнно уволитъ васъ въ отставку. Я побѣгу сейчасъ къ г. директору и разскажу все! Не ожидалъ отъ васъ такого пассажа!—горячился смотритель и брызгалъ слюною.

Я смотрѣлъ съ презрѣніемъ на эту педагогическую сороконожку, улыбался и сказалъ ему:

— Вы кричали на меня, говорили чепуху, я прощаю вамъ потому, что вы невѣжа, извѣстный сплетникъ и давно страдаете разжиженіемъ мозга! Идите жаловаться хотя къ самому багдадскому халифу и не мѣшайте мнѣ работать!

— Я донесу на васъ рапортомъ, милостивый государь, что вы обидѣли меня, посылали жаловаться къ какому-то багдадскому пирожнику, разговаривали со мною сидя, когда я ближайшій вашъ начальникъ, штатный смотритель и коллежскій ассесоръ стоялъ предъ вами! Я буду искать защиты у правосудія! — кричалъ на меня смотритель.

— Вы еще не заслужили, чтобъ я предъ вами стоялъ,—идите и жалуйтесь кому вамъ будетъ угодно!—сказалъ я.

Смотритель побѣжалъ въ другія училища къ своимъ знакомымъ и забилъ тревогу, что будто бы я нарочно не хотѣлъ пустить министра въ училище, обидѣлъ штатнаго смотрителя, назвавъ его багдадскимъ пирожникомъ, даже хотѣлъ нанести оскорбленіе дѣйствіемъ и осмѣлился сидѣть передъ своимъ ближайшимъ начальствомъ!

Никто не вѣрилъ его редакціи, и только удивлялись, что онъ лжетъ хуже Ноздрева, а занимаетъ ученый постъ!

У смотрителя вышло изъ памяти висѣвшее на стѣнѣ правило, что никто не имѣетъ права посѣщать и осматривать училище, на которое и указывали всѣ учителя, «а не видавши отъ роду, — говорили они, — министра, невозможно въ каждомъ пришедшемъ въ училище видѣть высокопоставленное лицо!» Вразумить обезумѣвшаго смотрителя было невозможно. Онъ твердилъ всѣмъ и каждому, что «я долженъ былъ знать министра» (вѣроятно, по откровенію свыше) и что онъ не багдадскій пирожникъ, а государю своему коллежскій ассесоръ!

Пріѣзжали ко мнѣ учителя нарочно узнать, что сія опера-буффъ сплетника смотрителя значитъ?!

— Будьте терпѣливы,—говорилъ я любопытнымъ,—время покажетъ виноватъ ли я или нѣтъ!

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ на квартиру сторожъ Андрей съ разсыльною книгою, въ которой лежалъ пакетъ на мое имя. Я росписался, распечаталъ пакетъ и прочиталъ: «завтра, въ 8 часовъ утра, явиться по дѣламъ службы къ г. директору, съ которымъ я долженъ буду ѣхать къ его превосходительству г. попечителю с.-петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мусину-Пушкину».

Ну, думалъ я, быть худу, быть бѣдѣ, сокрушайся сердце, когда языкъ не смѣетъ говорить!

На другой день, еще не было 8 часовъ утра, какъ я уже пришелъ къ директору, который ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, отворилъ мнѣ самъ парадную дверь, повелъ въ кабинетъ, просилъ сѣсть и разсказать со всѣми деталями посѣщеніе училища министромъ народнаго просвѣщенія.

«Эхъ, думалъ я, глядя на блѣдное лицо директора, какого онъ страха и на тебя бѣднаго нагналъ, а все виноватъ изъ ума выжившій смотритель!»

Я разсказалъ. Директоръ попотчивалъ меня папироскою и сказалъ:

— Все это прекрасно, но развѣ вы прежде никогда не видали министра народнаго просвѣщенія?

— Нѣтъ, не видѣлъ!

— Очень жаль,—сказалъ директоръ.

«Чтожъ онъ жалѣетъ? Эдипъ, разрѣши!» подумалъ я.

— Впрочемъ, пора, поѣдемте къ попечителю, я не знаю, какъ онъ на это даже взглянетъ! Ахъ, Боже мой, Боже мой!—проговорилъ печально директоръ.

— Мнѣ бояться нечего, Семенъ Семеновичъ,—сказалъ я директору,—тѣмъ болѣе, что министръ остался мною доволенъ!

— Дай Богъ, чтобы все окончилось къ лучшему, я буду очень радъ, поѣдемте,—сказалъ директоръ.

Мы вышли на улицу, наняли извозчика и поѣхали къ грозному судьѣ.

Надобно замѣтить, что въ то время фотографіи еще не существовало, а изъ литографированныхъ портретовъ былъ одинъ — бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, да и тотъ уже не красовался на стѣнѣ въ библіотекѣ, не приводилъ никого изъ учителей въ страхъ и трепетъ, а, какъ отставной, мирно покоился въ библіотечномъ шкафу и дожидался съ сокрушеннымъ сердцемъ, что вотъ скоро наступитъ то время, когда изображеніе его вынется изъ золоченой рамки и будетъ переплетчикомъ вставленъ литографированный портретъ новаго министра...

Наконецъ, мы пріѣхали, вошли въ квартиру попечителя и стали дожидаться въ пріемной.

Сейчасъ доложили о насъ, потому что попечитель ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ. По уходѣ очереднаго просителя, вышелъ лакей и попросилъ директора къ его превосходительству. Я остался и слышалъ, какъ попечитель кричалъ на кого-то и хотѣлъ выгнать вонъ.

Вѣроятно, меня, подумалъ я.

— А учитель здѣсь?—громко спросилъ онъ у директора.

— Въ пріемной, ваше превосходительство!

— Позвать его!

Отворились двери, и лакей сказалъ мнѣ.

— Пожалуйте къ его превосходительству!

Оставшіеся въ пріемной педагогическіе калѣки, убогіе просители и просительницы съ жалостію посмотрѣли на меня, а какая-то ветхая и убитая горемъ старушка со слезами на глазахъ проговорила вслѣдъ мнѣ:

— Бѣдный молодой человѣкъ!

«Да, подумалъ я, плачь и молись, горемычная старушка, можетъ быть, твоя молитва обо мнѣ дойдетъ до Бога!..»

Я перекрестился и подумалъ: «да будетъ во всемъ Твоя святая воля!»

Я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ за длиннымъ письменнымъ столомъ сидѣлъ грозный и лютый попечитель, въ застегнутомъ вицмундирѣ, со звѣздами, съ Бѣлымъ Орломъ на шеѣ, который, какъ и хозяинъ его, свирѣпо смотрѣлъ на меня, а звѣзды на вицмундирѣ какъ будто мигали и ласково шептали мнѣ: «не бойся, голубчикъ!»

Директоръ стоялъ у стола въ застегнутомъ вицмундирѣ и былъ очень блѣденъ.

Я поклонился.

— Здорово, и какъ ты смѣлъ не пустить министра въ училище, отвѣчай!—грозно сказалъ попечитель, нахмуривъ брови и свирѣпо посмотрѣвъ на меня.

— Я не зналъ, что этотъ посѣтитель былъ министръ народнаго просвѣщенія, а потому не могъ позволить осмотрѣть училище согласно циркуляру вашего превосходительства, въ которомъ объявлено, что никто не имѣетъ права безъ дозволенія начальства посѣщать и осматривать училища,—отчеканилъ я, нисколько не оробѣвъ и смѣло глядя въ глаза вспыльчивому, но добрѣйшему начальнику.

— За кого же ты принялъ министра?

— Я принялъ его, ваше превосходительство, за обыкновеннаго посѣтителя и думалъ, что онъ пришелъ въ училище для того, чтобы отдать сына или справиться, какъ учатся дѣти его!

— Ну, вѣдь ты могъ узнать по костюму и звѣздамъ, что это государственная особа?

— Пальто было застегнуто, одѣтъ былъ очень просто, ваше превосходительство, а потому я и не подозрѣвалъ, что это государственная особа!

— Постой, постой, а какъ же ты послѣ узналъ, что посѣтитель былъ министръ?

— Когда посѣтитель, ваше превосходительство, снялъ пальто, я увидѣлъ, что на немъ былъ надѣтъ синій вицмундиръ съ двумя звѣздами, и онъ сказалъ мнѣ:—Я министръ народнаго просвѣщенія и послѣ обѣдни зашелъ, чтобы осмотрѣть училище.

— А портретъ министра есть въ училищѣ?

И попечитель, видимо, сталъ дѣлаться веселѣе.

— Нѣтъ, ваше превосходительство!

— Чтожъ, министръ остался доволенъ осмотромъ училища? Вѣдь я знаю тебя, что ты большой мастеръ говорить!—и ласково посмотрѣлъ на меня.

Я улыбнулся и разсказалъ подробно пріѣздъ министра въ училище и заключилъ, что министръ поблагодарилъ всѣхъ учителей за отличный порядокъ въ училищѣ и что я удостоился получить отъ него личную благодарность за библіотеку и за то, что буквально исполнилъ предписаніе начальства; «и не смотря на ваши молодые годы», сказалъ мнѣ министръ, «вы такъ энергично относитесь къ обязанностямъ службы», и на прощаніи удостоилъ еще подать мнѣ руку и сказалъ, что «не забудетъ меня!»

— Смотри, сегодня я буду у министра и все узнаю!

— Тѣмъ лучше будетъ для васъ, ваше превосходительство, что вы имѣете подъ своимъ начальствомъ такого исправнаго учителя.

— Да, ты правъ! Я сознаюсь, что разсердился понапрасну на тебя; душевно благодарю, что министръ остался доволенъ училищемъ и радуюсь, что онъ далъ тебѣ руку! Это, братъ, такая великая честь для учителя, которой не всякій удостоится!

Я поклонился.

— Прощай! иди,—нѣтъ, постой! А ты въ усахъ встрѣтилъ министра?

Я замѣтилъ, что попечитель очень развеселился (что было съ нимъ рѣдко), да и у директора пропала блѣдность.

Онъ сталъ весело смотрѣть на меня и улыбаться.

— Послѣ выговора вашего превосходительства усы перестали рости у меня!

— Отчего же они перестали рости?—спросилъ, смѣясь, веселый начальникъ.

— Отъ страха, который угодно было сдѣлать вашему превосходительству моимъ усамъ, чтобы они болѣе не смѣли рости.

Онъ такъ громко сталъ смѣяться, какъ гоголевскій генералъ Бетрищевъ, а директоръ хихикалъ тихонько, какъ подобаетъ подчиненному, закрывая ротъ платкомъ. Я же по чину могъ только улыбаться, и душевно былъ радъ, что удалось мнѣ развеселить почти постоянно угрюмаго начальника.

— Иди, прощай, еще разъ благодарю тебя!—сказалъ попечитель и всталъ съ креселъ.

Я зналъ, что ураганъ разнесся, солнышко бросило свѣтлый лучъ на меня, природа освѣжилась, директоръ, какъ тюльпанъ, привѣтливо кивалъ мнѣ головой, и я даже почувствовалъ, что въ кабинетѣ запахло фіалками, а не прежнимъ специфическимъ запахомъ: «выгоню вонъ»!

«Надобно, думалъ я, воспользоваться геніальнѣйшею мыслью—попросить пособіе! Можетъ быть, клюнетъ: тѣмъ болѣе, что попечитель былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и не откажетъ».

Я стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Ты чего дожидаешься?—И онъ подошелъ ко мнѣ.

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что крайняя нужда заставляетъ меня обратиться съ покорнѣйшей просьбой о выдачѣ мнѣ единовременнаго пособія. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я подавалъ просьбу г. директору, но мнѣ было отказано за неимѣніемъ денегъ.

Вообще, этотъ директоръ имѣлъ заячій характеръ, заботился только о себѣ и о своихъ любимчикахъ, а представлять другихъ къ наградамъ какъ-то позабывалъ.

— Скажите, пожалуйста, какая смѣлость?—обратился попечитель къ директору.

Директоръ ничего не могъ отвѣтить, а только опять поблѣднѣлъ и сталъ пристально смотрѣть на меня.

— Вы мой отецъ и начальникъ, а потому я и осмѣлился обратиться къ вамъ, ваше превосходительство, что я съ больною матерью положительно нахожусь въ самомъ крайнемъ и безотрадномъ положеніи! Одна надежда на ваше человѣколюбивое вниманіе!

Мои слова опять тронули попечителя и онъ сказалъ:

— Вѣрю, и мнѣ жаль тебя, но въ министерствѣ, любезный, денегъ нѣтъ; а, впрочемъ,—весело посмотрѣлъ и взялъ меня за подбородокъ,—если я найду возможность, то такому хорошему учителю не откажу, и ты получишь отъ директора. Прощай!

Я поклонился и вышелъ.

Въ пріемной радостно встрѣтили меня просители и просительницы, увидѣвъ, что я возвратился веселымъ.

Ветхая старушка спросила меня:

— Ну, что, родимый, спасла ли тебя Царица Небесная отъ напраслины злыхъ людей?

— Не только спасла, милая старушка, но еще большую радость удостоился получить!

Я раскланялся со всѣми чающими, алчущими и жаждущими, и весело пошелъ домой.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени я былъ призванъ къ директору, получилъ 90 р., которые были присланы мнѣ отъ добрѣйшаго попечителя и опять съ условіемъ, какъ передалъ мнѣ директоръ, чтобъ я ни кому не болталъ.

Во всѣ учебныя заведенія мѣсяца черезъ три были разосланы литографироварные портреты министра народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи были присланы въ училища также портреты попечителя и директора училищъ.

Портретъ бывшаго министра графа Уварова остался въ библіотечномъ шкафу, а въ золоченую рамку былъ вставленъ портретъ новаго министра, который отъ нечего дѣлать смотрѣлъ со стѣны, что подѣлываютъ уѣздные учителя въ библіотекѣ и какіе они ведутъ ученые дебаты. Скоро пріѣхалъ директоръ, спросилъ виситъ ли портретъ и долго смотрѣлъ на симпатичное лицо министра.

IV.

Носились слухи, что императоръ Николай I удостоилъ своимъ посѣщеніемъ во время второй недѣли Великаго поста какую-то гимназію и остался недоволенъ преподаваніемъ закона Божія.

Полетѣли циркуляры въ низшія училища на счетъ преподаванія закона Божія, порядкомъ налегли на всѣхъ законоучителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній,—ибо законоучители, во время оно, не въ укоръ будетъ имъ сказано, очень манкировали уроками, отговариваясь требами и различными недугами.

Прежде нежели я разскажу о вторичномъ и третьемъ, послѣд-

немъ, посѣщеніяхъ попечителемъ N уѣзднаго училища, сообщу одинъ анекдотъ о томъ, какъ онъ посѣтилъ гимназію и какія чрезъ это были послѣдствія.

Попечитель и законоучитель давно умерли, но анекдотъ такъ хорошъ, что я не желалъ бы, чтобы онъ съ моею смертью канулъ въ Лету.

Мусинъ-Пушкинъ зачастилъ ѣздить на уроки закона Божія въ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Пріѣхавъ въ гимназію, онъ спросилъ директора—въ которомъ классѣ законоучитель. Директоръ сказалъ и отправился, кажется, въ IV классъ. Вдругъ отворилась дверь, и попечитель безъ свиты вошелъ въ классъ.

Моментально законоучитель и ученики встали и поклонились.— Поклонившись всѣмъ, попечитель приказалъ ученикамъ сѣсть, а законоучителю продолжать урокъ.

Попечитель сѣлъ на единственный стулъ, находившійся у учительскаго стола, а законоучитель сталъ стоя объяснять—«о надеждѣ христіанской».

Спустя нѣсколько времени, попечитель обратился къ законоучителю, выразивъ желаніе самому спросить учениковъ.

Законоучитель прерываетъ бесѣду, и попечитель, обращаясь къ крайнему ученику, сидѣвшему на первой скамейкѣ, спрашиваетъ:

— Что такое Богъ?

— Богъ есть духъ,—отвѣчаетъ испугавшійся ученикъ.

— Ну;—и продолжай далѣе!

Ученикъ молчалъ.

— Отвѣчай слѣдующій!

Слѣдующій всталъ и тоже молчалъ.

Однимъ словомъ, попечитель переспросилъ всѣхъ учениковъ,— и всѣ только молчали и блѣднѣли.

Надобно сказать, что на заднихъ скамейкахъ помѣщались иновѣрцы. Попечитель добрался и до нихъ; какъ видно было, очень разсердился и закричалъ:—«Отвѣчай, ты!»

Ученикъ всталъ, какъ-то странно перегнулся черезъ столъ, поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «нѣмецъ»...

Попечитель вскочилъ со стула, захохоталъ, какъ генералъ Бетрищевъ, и потомъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: — «вотъ тебѣ-на, Богъ-то нѣмецъ! Что ты съума сошелъ, что ли?!»

Законоучитель стоялъ блѣдный и такъ оробѣлъ, что едва могъ проговорить:

—На заднихъ скамейкахъ, ваше превосходительство, сидятъ иновѣрцы, а этотъ ученикъ лютеранскаго исповѣданія!

— Нѣтъ, ты слышалъ, какъ онъ сказалъ, — Богъ-то нѣмецъ! Какой онъ лютеранинъ, просто дуракъ, а ты, какъ я вижу, ничѣмъ не занимаешься!

И, застучавъ костылемъ, попечитель вышелъ изъ класса.

Придя въ рекреаціонное зало, онъ велѣлъ всѣмъ ученикамъ

поставить изъ закона Божія по единицѣ, а законоучитель въ скоромъ времени былъ уволенъ въ отставку.

Правда, что законоучитель по болѣзни или по другой причинѣ любилъ только разсказывать по программѣ далѣе, а спрашивалъ урокъ очень рѣдко; былъ добръ; ставилъ, по большей части, хорошія отмѣтки даже тѣмъ ученикамъ, которые были записными лѣнтяями, въ той надеждѣ, что, можетъ быть, они исправятся. — Попечитель раньше въ другихъ классахъ неоднократно благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ ученаго законоучителя; но въ этотъ разъ послѣдній попался подъ горячую руку начальнику,—и всѣ прежнія благодарности были забыты, законоучитель же лишился мѣста. . .

. . . .

Наконецъ, попечитель налетѣлъ на наше уѣздное училище и какъ на грѣхъ, въ мое дежурство! Я былъ въ классѣ и дожидался законоучителя, который любилъ опаздывать на урокъ, очень часто манкировалъ даже, отговариваясь душевными и тѣлесными недугами. Сторожъ Юрка полуотворилъ дверь и шопотомъ сказалъ: «Попечитель пріѣхалъ и пошелъ въ III классъ!» — Ну, подумалъ я, быть грозѣ. Я не боялся за себя, потому что усы, борода, бакенбарды были выбриты, а волосы подстрижены.

Въ училищѣ воцарилась мертвая тишина, и я слышалъ, какъ попечитель въ классѣ что-то кричалъ и кого-то назвалъ «дуракъ»!

Я застегнулъ вицмундиръ на всѣ пуговицы и сталъ спрашивать учениковъ молитвы.

Вдругъ отворилась дверь, величественно вошелъ въ классъ, опираясь на костыль, попечитель, и громко сказалъ:—«здравствуйте, дѣти!»

Моментально ученики вскочили съ мѣстъ и дружно гаркнули:— «Здравія желаемъ вашему превосходительству».

— Садитесь,—и покосился на меня.

Я замѣтилъ, что онъ былъ сильно наэлектризованъ и только ожидалъ малѣйшаго толчка, чтобы произвести взрывъ.

Ученики сѣли и боязливо стали смотрѣть на грознаго начальника.

Насчетъ выправки и привѣтствій въ училищѣ было строго.

Мы обучали учениковъ, какъ нужно съ начальствующими лицами здороваться, стоять при нихъ, отвѣчать и прощаться!

Ученики буквально исполняли наши наставленія и всегда насъ радовали, когда говорили съ начальниками.

Я стоялъ у учительскаго стола, отвѣсилъ учительской грозѣ низкій поклонъ нѣсколько на бокъ, даже шаркнулъ, какъ Чичиковъ, ногою, и услышалъ звукъ собственныхъ каблуковъ.

Я подошелъ къ нему; конечно, руки были по швамъ.

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что въ

этомъ классѣ долженъ быть законоучитель, и что я, по обязанности дежурнаго, дожидаюсь его.

— Зачѣмъ же онъ опаздываетъ на урокъ?

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, можетъ быть, внезапная церковная треба или болѣзнь задержали его!

Попечитель улыбнулся и сказалъ:

— У нихъ, братъ, все однѣ пустыя отговорки, то церковныя требы, да болѣзни, а сами лѣнятся! Добросовѣстныхъ служакъ не много, я знаю ихъ очень хорошо!—Чѣмъ же ты занимаешься?

— Спрашиваю молитвы, ваше превосходительство.

— Какія?

— «Ангелу Хранителю», «Спаси Господи», «Царю Небесный» и другія.

— А, хорошо! Онъ подошелъ къ первой скамейкѣ и, указывая на одного ученика, сказалъ:

— Ну, ты отвѣчай мнѣ молитву «Ангелу Хранителю»!

Ученикъ всталъ и началъ отвѣчать довольно тихо.

— Говори громче,—сказалъ попечитель.

Ученикъ прибавилъ голоса и когда прочиталъ молитву, то Мусинъ-Пушкинъ спросилъ его:

— А какъ твоего Ангела Хранителя зовутъ?

Ученикъ молчалъ.

— Я спрашиваю тебя, какъ твоего Ангела Хранителя зовутъ? Чтожъ ты, дуракъ, не знаешь? Отвѣчай.

Я замѣтилъ, что начальникъ очень разсердился, сдвинулъ брови и молнія блеснула въ глазахъ его.

Товарищи этого ученика перепугались и у всѣхъ у нихъ ушла душа въ пятки!

— Отвѣчай же, каналья!—И попечитель толкнулъ воспитанника...

Бѣдный мальчикъ поблѣднѣлъ и совсѣмъ растерялся.

Я стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и эта сцена поразила меня. Онъ взглянулъ на меня и сказалъ:—Поди сюда!

Я подошелъ, такъ какъ находился прежде на нѣкоторомъ разстояніи отъ грознаго начальника.

— Ты слышалъ, что этотъ дуракъ выучилъ молитву Ангелу Хранителю, а не знаетъ, какъ зовутъ ангела его!

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что ученикъ, вѣроятно, оробѣлъ и испугался!

— Чего оробѣлъ и испугался, онъ вѣдь не въ сраженіи, гдѣ летятъ пули и ядра, да и тамъ не робѣли, не боялись, а напротивъ, шли впередъ! Что я медвѣдь, что мальчишка испугался меня! Съ малолѣтства должно пріучать, любезный, чтобы дѣти не были зайцами. Да и какъ ты смѣлъ защищать эту каналью?!

— Я не осмѣлюсь и думать, ваше превосходительство, защи-

щать ученика, но знаю по опыту, что одни изъ нихъ бываютъ робки, другіе смѣлы.

Грозовая туча, налетѣвшая на меня и могшая кончиться несчастіемъ, миновала, благодаря удачному отвѣту, который понравился ему, и я былъ спасенъ.

— Ты знаешь, по моему мнѣнію, кто робокъ, тотъ заяцъ, а кто смѣлъ, тотъ храбръ! Знаешь ли ты, что я люблю тебя за то, что ты смѣлъ, не хитришь передо мною, энергиченъ и трудолюбивъ!

Я низко поклонился и много передумалъ въ то тяжелое для меня время.

— Вотъ скоро, я думаю, урокъ кончится, а твоего хваленаго законоучителя нѣтъ. Хорошъ, нечего сказать, законоучитель!—иронически сказалъ попечитель.

Я удивился и думалъ: съ чего онъ взялъ, что я защищаю добраго пастыря.

Наконецъ, раздался веселый звонокъ, этотъ столь радостный, а иногда и столь печальный вѣстникъ для учащихъ и учащихся; онъ весело пробилъ тревогу, никого не боясь, и наша школьная армія зашумѣла, забѣгала въ корридорахъ, классахъ, а въ особенности въ «мѣстахъ задумчивости», гдѣ можно всласть покурить и вдоволь подраться...

Попечитель сказалъ дѣтямъ: «идите всѣ на перемѣну!» и они вмигъ выбѣжали изъ класса; потомъ строго посмотрѣлъ на меня и громко сказалъ:

— Смотри, ты передай законоучителю, что если онъ будетъ такъ манкировать уроками и худо заниматься,—я уволю его!

— Будетъ передано законоучителю приказаніе вашего превосходительства буквально.

— Какъ же ты передашь, повтори,—сказалъ смѣясь, онъ.

Я нарочно возвысилъ голосъ и повторилъ его слова.

— Смотри, такъ и передай! А гдѣ твои усы?

— Совсѣмъ перестали рости, ваше превосходительство.

— Прощай!—застучалъ костылемъ и вышелъ изъ класса.

Я поклонился.

Послѣ ухода его, ко мнѣ прибѣжалъ въ классъ нашъ смотритель, учителя, стали спрашивать: «что и какъ?»—Я разсказалъ.

Говорить много было нельзя, потому что смотритель внимательно приготовился слушать, даже морской канатъ вынулъ изъ ушей, но мы вели казенный разговоръ, изъ котораго смотрителю невозможно было сдѣлать никакого доноса на васъ, покурили, тайно возмутились поступкомъ начальника и съ сокрушеннымъ сердцемъ разошлись по своимъ убогимъ кельямъ.

Законоучителю былъ сдѣланъ выговоръ директоромъ, который пригрозилъ ему увольненіемъ въ случаѣ манкировки занятіями,

но румяный и дебелый законоучитель не исправился, отговариваясь постоянно то церковными требами, то тяжкими недугами.

Послѣдній пріѣздъ попечителя въ наше училище былъ самымъ грознымъ, бурнымъ и роковымъ для нѣкоторыхъ служащихъ и, между прочимъ, для нашего знаменитаго смотрителя. Неоднократно начальство предостерегало насъ, чтобы мы не встрѣчались безъ нужды съ его превосходительствомъ во избѣжаніе попечительскаго шторма и девятаго вала, а я, напротивъ, любилъ встрѣчаться и говорить съ такою историческою личностью.

Однажды, во время большой перемѣны я былъ въ библіотекѣ и выдавалъ книги. Вдругъ сторожъ Андрей прибѣжалъ, какъ угорѣлый, и сказалъ:

— Попечитель пріѣхалъ!

Мы застегнули вицъ-мундиры на всѣ шесть пуговицъ, дежурный учитель ушелъ сказать, чтобы потише шумѣли ученики въ классахъ и корридорѣ, а учитель, которому я выдавалъ книги, сталъ завязывать ихъ, потомъ выждалъ, чтобы не попасться на глаза грозному начальнику и улизнулъ домой.

Я же заперъ библіотечный шкапъ и вышелъ нарочно въ корридоръ, чтобы встрѣтиться съ попечителемъ, а два учителя отправились почему-то въ классы, хотя еще до начала уроковъ оставалось минутъ пятнадцать.

Я увидѣлъ въ корридорѣ учительскую грозу, съ которой сторожъ Юрка снималъ пальто. Я подошелъ къ нему и поклонился.

— А, здорово, ты здѣсь? Подержи-ка стариковскій костыль!

Я взялъ темно-желтый костыль изъ испанскаго камыша съ перекладиной изъ чернаго дерева въ видѣ буквы С—вмѣсто набалдашника.

Нерѣдко эта невинная натуральная трость употреблялась въ видѣ исправительной мѣры, выдѣлывая вензеля на спинахъ провинившихся солдатъ на вахтпарадахъ и въ казармахъ. Снявши пальто и отдавши цилиндръ Юркѣ, попечитель взялъ отъ меня костыль, сказавъ: «спасибо, что помогъ старику раздѣться»! — Я поклонился.

— Что ты дѣлаешь въ училищѣ?

— Теперь большая перемѣна, ваше превосходительство, я былъ въ библіотекѣ и выдавалъ книги учителямъ.

— Когда же уроки начнутся?

Я посмотрѣлъ на стѣнные часы и сказалъ:

— Черезъ десять минутъ, ваше превосходительство!

Вижу, бѣжитъ смотритель по парадной лѣстницѣ, вступилъ на площадку корридора, подошелъ къ попечителю, не поклонился, а почти согнулся въ дугу и, заикаясь, дрожащимъ голосомъ прошамкалъ: «имѣю честь доложить вашему превосходительству, что

посѣщалъ ввѣренныя моему надзору училища», и раскрылъ ротъ отъ старческой немощи.

Мнѣ было мерзко смотрѣть на эту низкую и подлую тварь, которая въ теченіе своей долговременной безполезной службы такъ много сдѣлала зла умнымъ и достойнымъ педагогамъ.

— А это что у тебя?—спросилъ грозно попечитель, взявъ смотрителя за пеструю косынку.—Зачѣмъ пестрая, а не черная, старый хрѣнъ?

«Вотъ, думалъ я, и ты старая безхвостая крыса, наконецъ-то, попался въ мышеловку! Давно пора бы!»

— Не успѣлъ побриться, ваше превосходительство,—прошамкалъ смотритель, у котораго въ роту какимъ-то чудомъ сохранился одинъ только передній зубъ на верхней челюсти. Онъ стоялъ съ открытымъ ртомъ и мутными глазами, изъ которыхъ самовольно сочились слезы, смотрѣлъ на попечителя, ожидая приговора.

Вся физіономія его и фигура въ синихъ доспѣхахъ походила на высохшую мумію, но онъ брился превосходно, на головѣ красовалась огромная лысина, а около висковъ и на затылкѣ росла вмѣсто волосъ какая-то желто-бѣлая пакля; изъ ушей постоянно торчалъ морской канатъ, приносившійся ему знакомымъ матросомъ. Смотритель увѣрялъ насъ, что этотъ канатъ имѣетъ чудодѣйственную силу потому, что не разъ спускался на страшную глубину близь мыса Доброй Надежды, и берегъ его, какъ святыню! Мы подсмѣивались надъ этой чудодѣйственной силой.

Носъ у смотрителя былъ въ видѣ переспѣлой груши съ какими-то синими, фіолетовыми красными жилками; на немъ росъ какой-то еще неизвѣстный ботаникамъ сѣдой мохъ.

Смотритель молчалъ. Тогда попечитель обратился ко мнѣ:

— Ну, отвѣчай ты за него, если на этого старикашку нашелъ столбнякъ!

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, не разслышалъ, что вы изволили сказать!

— Значитъ, онъ глухой, а хочетъ еще франтить и носить пестрыя косынки! Какой же тутъ можетъ быть примѣръ для подчиненныхъ отъ стараго дурака и модника!

Я замѣтилъ, что попечитель разсердился, повернулся отъ насъ и пошелъ по корридору, въ которомъ у стѣны были поставлены другъ на дружку нѣсколько лишнихъ классныхъ столовъ. Мы пошли за нимъ.

— Зачѣмъ столы стоятъ не на мѣстѣ?—оборотился къ намъ и строго спросилъ попечитель у смотрителя.

Смотритель молчалъ.

— Чтожъ ты молчишь,—отвѣчай!

— Мела маста, ваше превосходительство!—прошамкалъ смотритель.

— Что-о-ð такое? — спросилъ сильно удивленный начальникъ.

— Маста мела, ваше превосходительство! — почти шопотомъ прошамкалъ растерявшійся и оробѣвшій смотритель.

— Что такое онъ мелетъ, помѣшался, что ли?!. Отвѣчай ты, что онъ вздумалъ со мною разыгрывать комедію,—такъ завтра же я уволю его въ отставку!

— Имѣю честь доложить вашему превосходительству, что штатный смотритель хотѣлъ доложить самъ, что за неимѣніемъ мѣста столы поставлены въ корридоръ.

— Теперь я понялъ, а ты слышалъ какую онъ дичь поролъ?— И попечитель громко сталъ смѣятся.

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, такъ перепугался, что сказалъ абсурдъ.

— Я понимаю, что ты заступаешься за своего начальника, и это дѣлаетъ тебѣ честь; но я, братецъ мой, не волкъ, что смотритель испугался меня, да и лишніе столы должны стоять въ сараѣ, а не въ корридорѣ, гдѣ мальчишки могутъ въ шалостяхъ уронить ихъ на себя, тогда этотъ старый дуракъ и ты пошли бы подъ судъ! Я не сталъ бы шутить съ вами! Резонно ли я говорю,—отвѣчай! и, улыбнувшись, посмотрѣлъ на меня.

Я подумалъ: слава Богу, гроза миновалась, а то принимай въ чужомъ пиру похмѣлье,—но ошибся.

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что я не помощникъ штатнаго смотрителя и по закону за распоряженія его не отвѣчаю.

— Постой, постой, — не горячись, молодъ еще, — ласково сказалъ мнѣ попечитель: слушай и запомни хорошенько: если онъ по своей старости, что дѣлаетъ не такъ, то ты долженъ остановить его, доложить директору, — а кто этого не исполняетъ, тотъ предается суду,—тутъ твой законъ не при чемъ. Вотъ тебѣ мое приказаніе! Слышалъ?!

— Слышалъ, ваше превосходительство.

Попечитель опять вышелъ на площадку корридора и увидѣлъ учителя, у котораго вслѣдствіе зубной боли щека была подвязана не первой молодости бѣлымъ платкомъ.

Учитель какъ-то странно взглянулъ на проницательнаго начальника, поклонился ему и остановился близь дверей класса.

— Ты куда идешь?—спросилъ попечитель и наклонилъ голову къ лицу его.

— На урокъ, ваше превосходительство!

— Да отъ тебя водкой пахнетъ?!.

— У меня, ваше превосходительство, зубы болятъ и я не пилъ, а только полоскалъ ротъ, чтобы унялась зубная боль.

— Ты еще смѣлъ передо мной оправдываться! Развѣ я не слышу, что отъ тебя разитъ водкою, а еще вздумалъ меня обманывать!

Хорошъ, учитель, — пьяница! — закричалъ на него разгнѣванный попечитель.

Бѣдный и несчастный учитель сталъ блѣденъ и предчувствовалъ, что будетъ уволенъ.

Рядомъ со мною стоялъ смотритель, который бормоталъ что-то, вѣроятно, читалъ молитву, и трясся! Картина.

— Вотъ, дуракъ, вздумалъ еще выпивши давать уроки! Какой можетъ быть примѣръ для мальчишекъ! Давно онъ служитъ?—спросилъ попечитель у смотрителя.

Но на того нашелъ столбнякъ, онъ только дрожалъ, нижняя челюсть прыгала, поминутно открывалъ ротъ, мигалъ, смотрѣлъ апатично на всѣхъ, — и, кажется, никого не видѣлъ.

— Чтожъ онъ молчитъ? Ну, ты, заступникъ и покровитель, отвѣчай за нихъ! Постой, я и съ тобою раздѣлаюсь! — грозно сказалъ мнѣ попечитель.

«Мать Пресвятая Богородица, заступись за меня, вѣдь Ты видишь, что я безвинно страдаю»,—подумалъ я,—даже ругнулъ себя, зачѣмъ я добровольно подвергъ свою персону опасной исторіи,—и мнѣ тоже, значитъ, вылетѣть фуксомъ.... Значитъ, былъ молодъ и неопытенъ, и по своей глупости захотѣлъ поиграть съ огнемъ...

— Осмѣливаюсь доложить вашему превосходительству, что напрасно вы изволите гнѣваться на меня! Я не нахожу никакой вины за собою въ погрѣшностяхъ смотрителя и учителя!...

— Какъ не виноватъ?! Я приказываю говорить тебѣ: отчего смотритель молчитъ и трясется? Посмотри, что сталось съ ними, да и учитель совсѣмъ раскисъ, стоя у стѣны, а ты молчишь? Говори!..

— Штатный смотритель, ваше превосходительство, такъ растерялся, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ, что же касается до учителя, который содержитъ престарѣлыхъ родителей и убогую сестру, на службѣ же онъ третій годъ, то простите его, ваше превосходительство,—и у меня на глазахъ навернулись слезы.

— Я вижу, что ты имѣешь доброе сердце, но просишь невозможнаго!

Попечитель велѣлъ сторожу подать пальто, кивнулъ мнѣ головою и ушелъ. Я поклонился. Послѣ ухода его смотритель такъ разревѣлся, что я едва могъ уговорить его идти домой и успокоиться.

— Простите меня,—говорилъ мнѣ, плача, смотритель, — что я обижалъ васъ, но вы хотѣли оправдать меня передъ попечителемъ. Никогда я не забуду вашего великодушія, за которое чуть и вы не пострадали!..

Учитель, придя домой, съ горя напился пьянъ, говоря мнѣ: «Эхъ, милый! попался я этому десятиглазому, какъ куръ во щи!»

Впослѣдствіи онъ пересталъ пить и занималъ хорошую должность.

На другой день пріѣхалъ директоръ, которому я разсказалъ эту плачевную исторію; долго онъ распекалъ несчастнаго учителя (мать котораго когда-то жила въ услуженіи у директора, досталось порядкомъ и смотрителю, а мнѣ было сказано: «спасибо вамъ, что вы подвернулись еще и могли нѣсколько поуспокоить разгнѣваннаго начальника»).

— Никогда я, Семенъ Семеновичъ, не прощу себѣ этого «подвернулись»; и угораздила же меня не легкая выскочить изъ библіотеки, быть свидѣтелемъ небывалой исторіи изъ педагогическаго міра и едва не лишиться мѣста!..

Директоръ мило улыбнулся, простился только со мною, а на «подсудимыхъ» даже не посмотрѣлъ и уѣхалъ на дачу мечтать, среди древесъ и злаковъ сельскихъ, о суетѣ міра сего, а можетъ быть, думалъ о чемъ-нибудь пикантномъ, или какое сегодня кухарка приготовитъ меню по указанію сдобной и крупичатой супруги его высокородія...

Носились слухи, что директоръ ходатайствовалъ у попечителя, въ виду молодости учителя и чистосердечнаго раскаянія, ограничиться только выговоромъ и не увольнять бѣдняка въ отставку. Но попечитель былъ неумолимъ.

Чрезъ нѣсколько времени учителю было предложено подать въ отставку, а ветхаго смотрителя N, за выслугу лѣтъ, уволили съ мундиромъ, полною пенсіею и съ пряжкою за XXX-тилѣтнюю безпорочную службу на поприщѣ народнаго образованія.

Давно умеръ князь Ширинскій-Шихматовъ, давно покоится его прахъ въ Сергіевской пустыни, что на 18 верстѣ по Петергофской желѣзной дорогѣ. Вся жизнь его была посвящена на пользу трудящихся и обремененныхъ, которымъ онъ помогалъ и словомъ и дѣломъ. Лѣтомъ я бывалъ въ Пустынѣ, приходилъ къ могилѣ, чтобъ помолиться объ успокоеніи души его.

Заходилъ также на кладбище Александро-Невской Лавры, гдѣ похороненъ бывшій попечитель Мусинъ-Пушкинъ, чтобы помолиться на могилѣ его.

Мнѣ вспоминалось старое время, когда весь округъ трепеталъ предъ грознымъ попечителемъ. Въ дѣйствительности же онъ былъ не грозенъ, а только очень вспыльчивъ, упрямъ, и не любилъ, чтобъ ему возражали, но имѣлъ предобрѣйшее сердце и отдавалъ послѣдній грошъ многострадальнымъ и достойнымъ бѣднякамъ съ условіемъ—«никому не болтать».

Конечно, было много недовольныхъ и ненавидящихъ его за дерзости и солдатское обращеніе. Пожалуй, они были и правы, но односторонне правы. Я никогда не слышалъ, чтобы попечитель называлъ кого-нибудь изъ учителей по фамиліи; онъ считалъ это

лишнимъ, довольствуясь обращеніями въ родѣ: а, ты, что, молчать, дуракъ, вонъ и др. ласкательными словами изъ собственнаго лексикона. Онъ любилъ, чтобы кадили ему, чтобы встрѣчали его со страхомъ и трепетомъ. Онъ, повидимому, не хотѣлъ и думать, что, выражаясь вульгарно, роняетъ авторитетъ учителя въ мнѣніи учениковъ, что и самъ теряетъ уваженіе, какъ попечитель, долженствующій служить примѣромъ для учащихъ и для учащихся. Бывшій военный начальникъ, распекавшій въ казармахъ и на ученьѣ офицеровъ и солдатъ, попечитель не хотѣлъ стѣсняться и во ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, ибо никто и не могъ ему возразить, что школа — не казарма и не военное поселеніе. Всѣмъ извѣстно, какъ гуманный Аракчеевъ обращался съ учителями въ военныхъ поселеніяхъ. Попечитель былъ современникомъ его, видѣлъ достохвальныя дѣянія самодура Аракчеева и слышалъ про нихъ. Всѣмъ также извѣстно, что въ николаевское время всякій начальникъ своихъ подчиненныхъ считалъ и называлъ: «мальчишками, дураками, дрянью, милюзгой, дермомъ, ветошью, старымъ хрѣномъ» и пр., которыхъ за лишнія выраженія ссылали изучать полярную географію или отдавали подъ надзоръ полиціи для изученія флоры и фауны въ Сѣверномъ краѣ. Попечитель былъ сыномъ николаевскаго времени и современникомъ Аракчеева. Въ немъ, такимъ образомъ, соединялись черты того и другого.

Попечитель былъ на виду у императора Николая I и повышенія по службѣ бралъ гражданскою доблестію, а не такъ какъ другіе, сгибая предъ начальствомъ спину, доползали ужомъ до обѣтованнаго мѣста. Онъ былъ заслуженный ветеранъ, одинъ изъ героевъ двѣнадцатаго года, поработалъ на военномъ и гражданскихъ поприщахъ, по привычкѣ, дѣйствительно, любилъ тыкать, обращаясь подчасъ не такъ какъ слѣдовало бы ученому мужу. Онъ обращался такъ же, какъ съ нимъ обращались во время его боевой и гражданской службы. Вся сила въ обращеніи съ нимъ, повторяю, заключалась въ томъ, что когда онъ дѣлалъ замѣчанія или выговоры—молчать, не возражать, стоять почтительно и титуловать его, иначе попечитель выходилъ изъ себя и подчиненный погибалъ.

Въ нынѣшнее время начальство образованное, гуманное, деликатное, замѣчательно вѣжливое, даже съ прислугою разговариваетъ на вы, но только и подчиненнымъ надобно быть въ высшей степени дипломатами и смотрѣть на эту фата-моргану въ оба. Мнѣ разсказывали, что недавно гуманный начальникъ не хотѣлъ разговаривать съ увольняемымъ, встрѣтилъ его нарочно въ передней, загородилъ ему дорогу, отговариваясь и извиняясь тѣмъ, что ему некогда принять его въ кабинетѣ, что онъ сейчасъ уѣзжаетъ по дѣламъ службы.

Отъ начальника вѣяло дорогими духами, и онъ сладко говорилъ:

«очень жаль, что я не могу ничего сдѣлать для васъ» и при этомъ крѣпко жалъ руку.

. . . .

Долго я сидѣлъ на скамейкѣ близь могилы попечителя, и одно воспоминаніе смѣнялось другимъ; наконецъ, я вставалъ, опять молился объ успокоеніи души раба Божія Михаила и просилъ Всевышняго Творца, чтобы Онъ простилъ ему всѣ согрѣшенія вольныя и невольныя и упокоилъ въ селеніи праведныхъ.

Я былъ на похоронахъ министра и на похоронахъ попечителя и видѣлъ многихъ, которыхъ печаль и невозвратная потеря были непритворны. На тѣхъ и другихъ похоронахъ можно было слышать: «лишились мы своихъ благодѣтелей и покровителей», говорили, плача, безъутѣшные труженики и убогія старушки; «много они помогали намъ тайно, но Господь воздастъ имъ явно!»

Я былъ изъ числа этихъ несчастныхъ горемыкъ, я плакалъ и зналъ, что терялъ въ нихъ очень близкое сердцу, которое никогда не повторится. Предчувствіе не обмануло меня: я сталъ вянуть и засыхать отъ вѣчныхъ недостатковъ и горькой моей доли. Теперь я доживаю въ богадѣльнѣ остатокъ дней моихъ, дожидаясь смерти,— этой вѣчной успокоительницы и избавительницы отъ всѣхъ золъ и страданій, отъ «роковыхъ когтей» которой, по словамъ Державина, «ни кая тварь не убѣгаетъ: монархъ и узникъ—снѣдь червей.»

ПОСЛѢДНІЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОЙ САТИРЫ ПРОШЛАГО ВѢКА.

ХАРАКТЕРНОЙ чертой русской литературы прошлаго вѣка является, какъ я прежде сказалъ [1]), ея сатирическій оттѣнокъ: даже серьезные люди не прочь осмѣять общественныя язвы и возгласить о нихъ при случаѣ «въ забавномъ слогѣ». Другой характерной чертой, уже относящейся къ представителямъ литературы, является отсутствіе спеціальности въ ихъ занятіяхъ, какая-то быстрая, лихорадочная перебѣжка изъ одной литературной сферы въ другую, отъ совершенно серьезной, приправленной подчасъ философіей, темы къ совершенно шутливой, граничащей съ гаерствомъ и не всегда удачнымъ остроуміемъ. Переводчикъ Гольдсмитовскаго «Вексфильдскаго священника» въ то же время сочиняетъ «Разговоръ модъ и нарядовъ», осмѣивая пагубную страсть къ внѣшнему блеску, унаслѣдованную русскими людьми у западныхъ петиметровъ и «модныхъ вѣтрениц». Наблюдая эту пеструю смѣсь симпатій и наклонностей, думается, что, съ легкой руки Новикова, каждый благомыслящій интеллигентъ прошлаго вѣка считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ обличать недостатки толпы, хотя бы для того, чтобы, видя измѣненіе къ лучшему нравовъ, имѣть право сказать: «и моего тутъ меду капля есть». Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить появленія въ концѣ XVIII вѣка на ряду съ сочиненіями, полными дидактической тенденціи, цѣлой серіи книжекъ и нѣсколькихъ жур-

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1887 года, сентябрь. «Образцы журнальной полемики прошлаго вѣка».

наловъ, значительно спавшихъ съ голоса сравнительно съ сатирой первой, Новиковской формаціи, высказывающихъ насмѣшливыя замѣчанія въ строго «улыбательномъ духѣ» и почти исключительно направленныхъ противъ внѣшнихъ безобразій неперебродившаго еще общества. Только сильнымъ развитіемъ и подъемомъ гражданскаго мужества можно объяснить появленіе такого, напримѣръ, изданія, какъ «Сатирическій Вѣстникъ», издававшійся уже подъ цензурой (1792 и 1795 гг.) и, вѣроятно, въ силу этого обстоятельства, съузившій до нѣкоторой степени рамки своихъ инвектовъ.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою незначительность сравнительно съ предшественниками, журналъ интересенъ не только какъ послѣдній, умирающій отзвукъ когда-то громогласной сатиры, но и какъ характерный показатель (допустимъ даже отрицательный) общественнаго развитія наканунѣ нашего столѣтія. Съ другой стороны этотъ журналъ издавался человѣкомъ, не занимавшимъ никакого общественнаго положенія, Николаемъ Ивановичемъ Страховымъ, напоминающимъ своего знаменитаго тезку тѣмъ, что тотъ и другой по оффиціальному выраженію находились «не у дѣлъ», и дѣятельность Страхова была, какъ надо полагать, исключительно литературнаго свойства. Подобно Карамзину, издатель «Сатирическаго Вѣстника» является однимъ изъ первыхъ литераторовъ въ европейскомъ смыслѣ слова, если судить по перечню его трудовъ, изданныхъ отдѣльными книгами. Можно думать также, что Страховъ принадлежалъ къ благородной группѣ гуманистовъ прошлаго вѣка съ Новиковымъ во главѣ, такъ какъ нѣкоторыя изъ его произведеній изданы типографической компаніей, иниціатива которой принадлежала всецѣло Новикову. И что особенно дорого въ Н. И. Страховѣ, это его неуклонное шествіе по пути обличенія общественныхъ недостатковъ. Это не Рубанъ, случайно попавшій въ сочинители и издатели, не Тузовъ эфемерно блеснувшій и исчезнувшій съ своимъ изданіемъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ проводится сатирическій взглядъ на общество и выражается негодованіе нравственно чистого человѣка на безнравственность обезличившихся людей XVIII вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это человѣкъ, стоящій au courant западно-европейской литературы, чутко прислушивающійся къ ея настроенію. Онъ переводитъ для русскихъ читателей «изъ Монтескюи» восточную повѣсть: «Арсасъ и Исменія» (1787 г.) и Гольдсмитовскаго «Вексфильдскаго священника» (1786 г.), надѣлавшаго въ свое время не мало шума въ Англіи. И «Сатирическому Вѣстнику» предшествовала работа подготовительная, однороднаго характера. Въ 1791 году вышла: «Переписка моды, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ нарядовъ, разговоры безсловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебелей, каретъ, записныхъ книжекъ», и т. д. Въ 1791 же году «Карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву

старичковъ и старушекъ, невѣстъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ (sic), волокитъ, игроковъ и проч.». И въ томъ же 1791 году выступаетъ Страховъ съ строго-сатирическимъ изданіемъ [1]), которое пришлось повторить въ 1795 году. Уже изъ полнаго заглавія вышеприведенныхъ произведеній видно, что Страховъ возмущался главнымъ образомъ внѣшнимъ лоскомъ, который его сограждане очень ловко и легко перенимали у «господъ французовъ». Въ остроумно придуманной формѣ переписки неодушевленныхъ предметовъ, онъ глубоко скорбитъ надъ безолаберной тратой денегъ, уходящихъ исключительно на удовлетвореніе нелѣпыхъ прихотей, жалуется на «тупоуміе, праздность и скуку» господъ, усвоившихъ въ совершенствѣ одну «волосоподвивательную» науку,—эти нападки на русскихъ петиметровъ, на ихъ цинизмъ и безнравственность, напоминаютъ лучшія страницы Новиковскихъ изданій. Возьмемъ на выдержку 2—3 примѣра, тѣмъ болѣе необходимые, что «Переписка моды» и «Карманная книжка» составили извѣстное реномэ автору «Сатирическаго Вѣстника». Вотъ что говорилъ самъ авторъ въ «Предобъясненіи» къ «Перепискѣ». «Сочиненія моего «Карманная книжка» имѣла счастіе понравиться публикѣ. Цѣль изданія «Переписки» та, чтобы изложенныя здѣсь истины могли принести хотя малѣйшую пользу». Здѣсь же авторъ объясняетъ и иносказательную форму своего произведенія. «Правда, съ тѣхъ поръ, какъ стала для глазъ непріятнѣе дыма, должна уже являться въ свѣтъ не иначе, какъ инкогнито, или, по просту сказать, въ платьѣ навыворотъ.» Причины этого «инкогнито» заключались несомнѣнно въ цензурныхъ условіяхъ, на что указываютъ дальнѣйшія слова автора. «По причинѣ встрѣчавшихся неудобствъ» онъ не могъ всегда ясно проводить свою мысль, высказывать горькую истину, но онъ желалъ бы, чтобы юношество, видя прикрытую аллегорической одеждой истину, полюбило послѣднюю «въ собственномъ ея видѣ». «Желаю, чтобы безпристрастное сіе начертаніе могло удостовѣрить о вредѣ, причиняемомъ модою, роскошью, вертопрашествомъ и прочими пороками, которые являются повсюду и во многихъ сценахъ нынѣшней жизни». Въ описаніи Петербурга и Москвы сказывается вполнѣ сатирическій, недюжинный талантъ Страхова. «Здѣсь достоинство носятъ на плечахъ, знаніе имѣютъ въ ногахъ, а премудрость шутѣ» [2]); здѣсь «почитается наиважнѣйшей наукой передѣлываться изъ людей въ обезьянъ». «Три части дня проходятъ въ бездѣйственномъ существованіи, а одна, составляющая жизнь, протекаетъ въ дѣятельныхъ порокахъ и заблужденіяхъ» [3]). Здѣсь

---

[1]) 9-я и послѣдняя часть вышла въ 1792 году, что доказываетъ основательность работы.

[2]) «Переписка Моды», стр. 9.

[3]) Ibid., стр. 10.

«кто пріѣхалъ на 4-хъ колесахъ, того голова почитается превосходнѣе головы, прибывшей на двухъ собственныхъ ногахъ». Представители этой quasi-европейской жизни не лишены и нѣкоторыхъ положительныхъ знаній: они знаютъ, напримѣръ, 29 сортовъ карточныхъ игръ и посвящаютъ изученію ихъ весь свой досугъ. Это черта историческая, постоянно повторяющаяся въ мемуарахъ прошлаго вѣка. Въ параллель изысканнымъ людямъ XVIII вѣка, щеголямъ и вѣтреницамъ, съ ихъ исковерканнымъ языкомъ, авторъ выводитъ и людей, не тронутыхъ реформой, съ ихъ безцеремонно-грубыми выраженіями, сдѣлавшимися въ наше время достояніемъ улицы и неудобными въ нашей печати. Я не остановлюсь на подробномъ описаніи жизни и времяпровожденіи «петиметровъ», потому что мы съ этимъ еще встрѣтимся, и эта сторона общества осмѣивалась еще Новиковымъ, укажу на новый порокъ щеголей—это сутенёрство. У щеголя въ приходорасходной книжкѣ записано: «получено отъ разныхъ старушекъ разными оборотами (?) 5,000 р. въ годъ». Въ этомъ же произведеніи мы встрѣчаемся съ фактомъ литературной кражи (контрфакціи), нерѣдкой и въ наше время, но тогда бывшей новостью. Таковъ «писецъ или писатель, плагіаторъ, выкрадывающій мнѣнія изъ Расина, Мольера и выдающій ихъ за свои» [1]) Сюда же относится и новый въ сатирѣ XVIII вѣка типъ: «чудесная тварь; ремесло ея состояло въ прекрасномъ личикѣ, на которое право смотрѣть и пользоваться имъ уступала она кому бы то ни было, но только бы за деньги» [2]). Здѣсь мы встрѣчаемъ судью, изобрѣвшаго способъ продавать правосудіе; золотой дождь предохраняетъ его отъ «небесной молніи», а подарки подобно вѣтру «разгоняютъ находящія на него грозовыя тучи» [3]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что нравы портятся отъ присутствія въ обществѣ массы безнравственныхъ людей,—и добрая нравственность встрѣчается очень рѣдко. Великими людей дѣлаютъ не науки, не мудрые мужи, просвѣщенные учители,—«нынѣ одни портные выкроиваютъ и сшиваютъ достойныхъ и именитыхъ людей» [4]).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобная сатира, не лишенная, какъ видитъ читатель, остроумія, создала репутацію Страхову, не смотря на то, что въ его книжкѣ говорятъ ботинки, пуговицы, корсажи даже комоды. Наоборотъ, этотъ пріемъ, зависѣвшій отъ «встрѣчавшихся неудобствъ», послужилъ еще въ пользу автора. По крайней мѣрѣ, «Московскія Вѣдомости» встрѣтили появленіе 1-й части «Сатирическаго Вѣстника» слѣдующей замѣткой: «Въ Университетской книжной лавкѣ, что на Тверской, въ продажу вступила слѣдующая вновь изъ печати вышедшая книжка: «Сатириче-

---

[1]) «Переписка Моды», стр. 80.
[2]) Ibidem, стр. 81.
[3]) Ibid., стр. 88.
[4]) Ibid., стр. 94.

скій Вѣстникъ», удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ. Часть I». Сочиненіе сіе, какъ изъ титула онаго видѣть можно, содержитъ въ себѣ замѣчаніе о разныхъ модныхъ предразсудкахъ, въ нынѣшнемъ образѣ жизни существующихъ, заключающія соль благоразумной и не выступающей однакожъ никогда изъ должныхъ предѣловъ (?) критики и тѣмъ сами(ы)мъ, а не менѣе и пріятностію слога, основательностью разбросанныхъ въ пристойныхъ мѣстахъ разсужденій, удовлетворяетъ любопытство читающаго». «Сочинитель—добавляетъ рецензія—предоставилъ себѣ, ежели опытъ сей принятъ будетъ благосклонно Почтенною Публикою, выдать со временемъ и продолженіе сего сочиненія... Цѣна сей книжкѣ, напечатанной на бѣлой бумагѣ и въ приличномъ форматѣ, 50 к. въ бумажномъ переплетѣ» [1]).

При выходѣ 2-й части было въ той же газетѣ сказано: «Сія вторая часть ни въ чемъ не уступаетъ предыдущей части веселымъ и забавнымъ повѣствованіемъ, остротою критики и пріятностію слога, а потому и можетъ принести удовольствіе всѣмъ находящимъ вкусъ въ сочиненіяхъ сего рода». «Московскія Вѣдомости» рекламировали появленіе и 3-й части «Сатирическаго Вѣстника». «По языку, которымъ написанъ «Сатирическій Вѣстникъ»,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей русской журналистики—«по увлекательной его сатирѣ читается съ удовольствіемъ даже и теперь, и въ свое время публикою былъ принятъ очень хорошо, чему служитъ доказательствомъ и то, что въ скорости, а именно въ 1795 году, онъ напечатанъ былъ вторымъ изданіемъ» [2]).

Форма статей, помѣщенныхъ въ журналѣ Страхова—корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ, обозначаемыхъ иниціалами. Выходилъ журналъ не въ опредѣленные сроки, такъ что, начавшись съ 1790 года (вышла съ I—VI части) онъ дотянулся до 1792 года, когда явилась IX и послѣдняя часть. Первое изданіе быстро разошлось, и теперь извѣстно болѣе 2-е изданіе, 2-е же изданіе извѣстно было и Анастасевичу, автору извѣстной Смирдинской «Росписи Россійскимъ книгамъ». Первыя восемь частей вышли подъ цензурою, «краснорѣчія профессора», Антона Барсова, и 9-я подъ цензурой «логики и метафизики» профессора Андрея Брянцева. У меня подъ руками при составленіи очерка находилось 1-е изданіе.

Первое мѣсто въ своемъ изданіи Страховъ отводитъ «щеголямъ», которые за 20 лѣтъ мало въ чемъ измѣнились — сравнительно съ своими собратьями, воспѣтыми въ Новиковскихъ журналахъ. Изъ

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1790 года, № 36, мая 4-го.

[2]) А. Н. Неустроевъ. «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.». Спб., 1875 годъ.

«Сатирическаго Вѣстника» оказывается, что роскошь и мотовство до извѣстной степени усилились. Если по словамъ «Трутня» были такіе щеголи, которые держали по 6 каретъ и по 6 цуговъ лошадей, кромѣ верховыхъ и санныхъ [1]); если были такіе франты во времена «Смѣси», которые на одинъ столъ издерживали ежегодно до 14 тыс. рублей [2]); то и щеголи временъ Страхова не знали, или вѣрнѣй не хотѣли знать счета деньгамъ. Они «настроили себѣ богатыя кареты», понашили множество кафтановъ, навѣшали на себя множество цѣпочекъ, наполнили карманы табакерками, сувенирами; грудь у нихъ испещрена модными пуговицами [3]); шеи увязали въ жабо; руки изукрасили бриллiантными перстнями; на ноги надѣли продолговатыя пряжки; «головы преобратили въ ранжереи, волосы и пукли въ висящіе Вавилонскіе сады». Такіе-то господа, заботящіеся о «наружности достоинствъ своихъ», не получали никакого воспитанія,—не ставили никакихъ цѣлей жизни и рѣдко бывали честными людьми, добрыми гражданами и «содругами ближнихъ». Не имѣя опредѣленныхъ занятій, они всю силу полагали въ изученіи «науки страсти нѣжной», и, благодаря легкости нравовъ («по удивительной силѣ страстей и развратности нравовъ»), успѣхи въ этой наукѣ «вмѣняемы стали за блистательныя достоинства». Эти господа «отважились явно выдавать себя такъ называемыми волокитами». Чтобы удобнѣе приводить въ исполненіе свои цѣли, эти «растлители честныхъ нравовъ», прикрываются личиной добродѣтели, «безнаказанно втираются въ дома, гдѣ есть молодыя дамы и дѣвицы, которыя охотно дѣлятъ время съ этими «великими въ порокахъ и безчестіи людьми». Да и сами дѣвицы не получали никакого воспитанія,—все ограничивалось заботами о внѣшности. Ихъ наряжали, учили танцовать, выпрямляли станъ, заставляли держать голову извѣстнымъ образомъ и поворачиваться по циркулю подъ опасеніемъ никогда не выйти замужъ, если онѣ не овладѣютъ тонкостями этихъ наукъ [4]).

«Воспитаніе дочерей своихъ начинаютъ здѣсь не съ головы, а ногъ»—говоритъ «Сатирическій Вѣстникъ». Понятное дѣло, что у такой молодежи не было мѣста истинному чувству,—любовь замѣнялась разсчетомъ, на основаніи котораго вступали въ бракъ. Эти дѣвицы «назначили и положили, какого достоинства и чина долженъ неотмѣнно быть тотъ, кто хочетъ искать чести сдѣлаться ихъ супругомъ». Многія отказывали своимъ претендентамъ лишь потому, что они не имѣли возможности «возить свою повозку че-

---

[1]) Стр. 219.

[2]) «Смѣсь», стр. 185, 210.

[3]) Какую цѣну въ прошломъ вѣкѣ придавали пуговицамъ, видно изъ того, что Страховъ въ «Перепискѣ Моды» помѣстилъ шутливое прошеніе купцовъ пуговичнаго ряда.

[4]) «Всякая Всячина», стр. 124, 325—6.

тырьмя или шестью лошадьми» [1]. Нравственныя достоинства въ этомъ обществѣ ставятся не во что, и родословная, модный кафтанъ, свѣтское приличіе, всецѣло замѣняли «высокую цѣну души, сердца и просвѣщенія». Родители стараются объ одномъ—поскорѣй пристроить дочерей замужъ и обыкновенно начинають вывозить «сей товаръ» съ 18 лѣтъ по зимамъ въ большіе города [2]). Нѣтъ ничего удивительнаго, если эти «щеголи» и «вертопрашки» не далеки въ научныхъ познаніяхъ: «они увѣряютъ, что Сибирь есть городъ Костромского намѣстничества, а Камчатка—большое село въ Кашинскомъ уѣздѣ, что торгъ лѣсомъ производится изъ степныхъ мѣстъ, соболей ловятъ близь Москвы, а икру и рыбу получаемъ мы изъ Украйны». «Мода есть ихъ тиранъ; разныя рѣшетки, цвѣточки, узоры составляютъ всѣ цѣли ихъ жизни». Другую отрасль знанія составляла попрежнему картежная игра. «Единственное упражненіе здѣшнихъ дворянъ состоитъ въ безпрестанномъ занятіи себя игрою». Игры эти имѣли исключительно азартный характеръ,— «дурачки, а особливо марьяжъ, почитаются уже нынѣ подлыми играми, потому наиболѣе, что въ сіи игры въ деньги не играютъ». И здѣсь мы видимъ, что за 20 лѣтъ (съ изданія первыхъ журналовъ) общество не далеко ушло. Въ 1763 году Екатерина писала московскому главнокомандующему Салтыкову: «Вы знаете, что неумѣренныя игры ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію дворянскихъ фамилій». Страховъ категорически замѣчаетъ: «не проходитъ собранія, чтобы игра не разорила двухъ или трехъ человѣкъ, весьма непріятнымъ образомъ». Мало того, «не упражняющіеся въ картежной игрѣ почитаются дураками или худо воспитанными людьми, и въ обществѣ появляется новый типъ—благовоспитаннаго шулера, котораго ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ», какъ позднѣе Загорѣцкаго.

Не разъ выводились «на всенародныя очи» эти моты-картежники, начиная со временъ Кантемира и кончая сатирой Новикова, но исправленія не замѣчалось. Шулерство развилось до того, что шайки мастеровъ этого цеха «ѣздятъ весь годъ и обыгрываютъ дворянъ по ярмонкамъ, деревнямъ и городамъ».

Иногда эти щеголи обращаются въ меломановъ—новая черта въ русской сатирической литературѣ—покровителей театральнаго искусства. Такого меломана ничѣмъ нельзя унять, если онъ увлечется, войдетъ въ ражъ. «Въ случаѣ, если устанетъ онъ отъ пѣнія (онъ всегда напѣваетъ аріи), то, не внимая и не слушая, кто бы что ни говорилъ, или о чемъ бы его ни спрашивалъ, вдругъ съ жаромъ произноситъ разные монологи изъ трагедій». Этотъ

---

[1]) Всѣ цитаты я привожу по находящемуся въ моей библіотекѣ 1-му изданію «Сатирическаго Вѣстника».

[2]) Часть I, стр. 18.

юноша въ концѣ концовъ «много пропѣлъ отцовскихъ денежекъ». Даже искусство служило предлогомъ къ мотовству, разумѣется, потому, что деньги при даровомъ крѣпостномъ трудѣ были дешевы. Грибовскій говоритъ, что статсъ-секретарь Поповъ часто выносилъ на игру изъ своего кабинета полную шляпу червонцевъ, которые никогда, однако, назадъ не возвращались [1]). Страховъ ясно намекаетъ, что доходы его современниковъ не покрывали расходовъ. Многіе люди тѣмъ и знамениты были, что имѣли «многія тысячи долгу». Жизнь не по средствамъ сдѣлалась общимъ правиломъ. «Нѣкто изъ разумнѣйшихъ граждань сдѣлалъ исчисленіе, что на 5000 дворянъ число перукмахеровъ, поваровъ, камердинеровъ, слугъ и служанокъ простирается здѣсь болѣе, нежели до 100,000 человѣкъ». Здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія, если вспомнить факты роскоши и великолѣпія XVIII вѣка, обильно разсѣянные и въ монографіи проф. Незеленова, и въ книгѣ Аѳанасьева о русскихъ сатирическихъ журналахъ, и въ различныхъ журнальныхъ статьяхъ, воспроизводившихъ бытовую сторону прошлаго вѣка. Само собой разумѣется, что для удовлетворенія прихотей являлись на помощь ростовщики, которыхъ отмѣтили предшественники Страхова [2]).

Страховъ обрисовываетъ займъ новой чертой—лицемѣріемъ, которое развилось у людей его времени до высшей степени. Щеголь его времени не просто занимаетъ, а льститъ ростовщику, хвалитъ его и не скоро объявляетъ причину своего «подлипательства» [3]). Лесть и низкопоклонство замѣчаемъ мы не относительно только ростовщиковъ; не одни обладатели пустыхъ кошельковъ и головъ прибѣгаютъ къ этому средству, къ нему, что особенно возмутительно, прибѣгали даже и литераторы. Страховъ говоритъ о нѣкоемъ Бѣдняковѣ (вѣроятно намекъ на извѣстную личность, но мы не можемъ опредѣлить ее), который, вынужденный бѣдностью, поднесъ свое сочиненіе «человѣку весьма богатому, но ни мало не свѣдущему». Затѣмъ, «чувствуя толь предосудительный поступокъ», онъ въ свое оправданіе написалъ цѣлыхъ три тома и посвятилъ ихъ другому лицу, еще болѣе богатому, но еще менѣе знающему. Что это личный намекъ, видно изъ заключительныхъ словъ Страхова по поводу этого факта: «прибыточный способъ оправдывать себя таковымъ образомъ въ безбристрастіи и твердости!» [4]).

Чтобы покончить съ modus vivendi щеголей, замѣчу, что Страховъ даетъ образчикъ щегольскаго нарѣчія и отличается отъ Новикова тѣмъ, что обращаетъ вниманіе читателя на полную безгра-

---

[1]) Записки Грибовскаго, стр. 82.

[2]) «Трутень», стр. 48, «И то и сьо», нед. 34, «Парнасск. Щепетильникъ», стр. 8—9, «Живописецъ», ч. I, «Вечера», ч. II, стр. 93 и т. д.

[3]) «Сат. В.», стр. 12, ч. II.

[4]) «Сатир. В.», ч. I, стр. 54 и 55.

мотность свѣтскихъ людей въ языкѣ русскомъ. Вотъ коротенькій отрывокъ изъ дневника («журнала») «нынѣшняго вѣка дѣвушекъ»: «ВпаНеделникъ наВечеру Была pour faire visite Госпожѣ Д. Все катоРыя ни находились Уней были étrangement stupides. Mr. Ч. тама не былъ Perdu пятьдесятъ рублiофъ. Прiѣхала дамой de fort mauvaise humeur» и т. д. [1]).

Начиная съ Петра въ нашей литературѣ постоянно раздаются голоса противъ взяточничества и лихоимства подъячихъ. Сатира Новикова не обошла этого вопроса; не обходитъ его и Страховъ. Онъ называетъ склонность къ взяткамъ «опаснѣйшей болѣзнью», присущей большею частью приказнымъ. «У писарей она начинается такъ называемою попрошайностью, а у судей судорогою, корчащею обѣ руки всегда на ту сторону, съ которой подаютъ имъ взятки» [2]).

Взятки сдѣлались до того необходимымъ аргументомъ на судѣ, что нѣкоторые судьи безъ церемонiи, «публично» «облагали тягостнымъ оброкомъ всѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ», и у послѣднихъ «отъ ядовитаго прикосновенiя «перстовъ» первыхъ кошельки совсѣмъ изсыхали [3]). Старинный прiемъ—брать взятки не прямо, а подъ какимъ-либо предлогомъ, дожившiй до временъ Гоголевскаго «Ревизора» извѣстенъ и «Сатирическому Вѣстнику». «Г. Взяткинъ изобрѣлъ новѣйшее средство драть взятки безхлопотнымъ образомъ, т. е. у просильщиковъ не прямо брать деньги изъ кармана, но подъ предлогомъ, яко бы проигрыша по игрѣ брать оныя у нихъ со стола» [4]). Въ сатирическихъ публикацiяхъ, печатавшихся въ приложенiи къ журналу, мы находимъ слѣдующую: «Въ улицѣ бездѣльничества подъ 12 номеромъ плутовства жительство имѣетъ стряпчiй, умѣющiй праваго дѣлать неправымъ, а неправаго правымъ, защищать обидчика противу обиженнаго, въ гибель ввергать бѣдныхъ и безпомощныхъ людей и коего ремесло состоитъ вообще во лжи и всякихъ каверсахъ» [5]).

«Сатирическiй Вѣстникъ», правда довольно витiевато, изображаетъ намъ новый типъ взяточника, созданнаго рекрутскимъ наборомъ. «Главнѣйшiй образъ мыслей» г. Обдиралова состоитъ въ томъ, что низкорослые и какимъ-либо членомъ не владѣющiе могутъ быть толь же исправные солдаты, какъ и прочiе. Помощiю таковыхъ непривязокъ къ росту и снисхожденiя къ страждущимъ людямъ, кошелекъ его знатно прiумножился, и изъ всѣхъ вершковъ не достающихъ къ росту рекрутовъ, вышло у него полнаго росту 100 крестьянъ» [6]).

---

[1]) «Сатир. Вѣстн.», ч. II, стр. 75.
[2]) Ibidem, стр. 100.
[3]) Ibibem, ч. VII, стр. 20 и 21.
[4]) Ibidem, ч. V, стр. 29, 30.
[5]) Ibidem, ч. V, стр. 101.
[6]) Ibidem, ч. VI, стр. 69.

Особенно выдающуюся черту журнала составляетъ характеристика деревенской жизни дворянъ, ихъ грубости, необразованности, отсутствія всѣхъ интересовъ, кромѣ чувственныхъ. При этомъ дается обстоятельный очеркъ народныхъ забавъ и увеселеній, поражающихъ своей грубостью и составляющихъ рѣзкій контрастъ съ щегольской внѣшностью и изысканными удовольствіями «новоманерныхъ людей». Эта характеристика ясно указываетъ, что обществу не доставало науки и твердыхъ нравственныхъ основъ жизни; что полуазіатскій дикарь ни мало не измѣнялся во внутреннемъ складѣ, если даже и наряжался въ заморскій кафтанъ и получалъ возможность щегольнуть французскимъ bon mot. Если забаву «вертопраховъ» и «щеголей» составляетъ «театръ и маскарадъ», то деревенскіе жители, слѣдуя дѣдовскому обычаю «набираютъ себѣ полки» шутовъ и шутихъ. Какъ состоятельность «щеголя» измѣряется количествомъ нарядовъ и драгоцѣнностей, такъ средства деревенскаго жителя оцѣниваются количествомъ шутовъ въ его передней. «Помѣщикъ, за которымъ нѣсколько сотъ душъ, за непремѣнное почитаетъ имѣть у себя таковыхъ по два и по три». Журналъ указываетъ читателямъ всю непристойность и безнравственность подобнаго издѣвательства надъ человѣческой личностью. «Отъ скуки дѣлаютъ ихъ во весь вѣкъ нещастливыми, а для препровожденія времени распредѣляютъ ихъ умомъ и повелѣваютъ имъ дѣйствовать всегда вопреки онаго; съ утра до вечера болтать вздоръ, кричать что есть силы, пѣть разныя пѣсни, плясать, прыгать, коверкаться, отъ всѣхъ быть безпрестанно битыми—составляетъ должности цѣлаго ихъ вѣка». Этихъ людей производятъ въ шуты изъ страсти къ грубой и безтолковой забавѣ. «Изъ неглупаго и добраго крестьянина или простой крестьянки простое средство вдругъ сдѣлать дурака или дуру, шута или шутиху состоитъ только въ слѣдующемъ обрядѣ: посадить на стулъ, остричь голову до гола, надѣть шахматное платье и привѣсить колокольчики» [1]).

Другое, не менѣе любимое развлеченіе, воспѣтое Державинымъ и Крыловымъ, доставляла псовая охота, истреблявшая «годовой доходъ» и съ своихъ, и съ чужихъ полей и въ конецъ разорявшая крестьянъ [2]). «Дворяне претворились здѣсь въ саранчу, поядающую другъ у друга всѣ плоды ежегодныхъ трудовъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что подобные господа такъ же суевѣрны, какъ ихъ подданные—крестьяне. И вотъ «Сатирическій Вѣстникъ» даетъ подробное описаніе суевѣрій и разныхъ обрядовъ, проявляющихся, напримѣръ, во время Святокъ. Это описаніе интересно и тѣмъ, что оно почти не встрѣчалось у предшествен-

---

[1]) «Сат. В.», ч. V, стр. 60—62.

[2]) Ibidem, ч. VI, стр. 45.

никовъ Страхова, и тѣмъ, что написано довольно гладкими стихами. Интересно и то, что гадаютъ всѣ отъ мала до велика, особенно хозяева-помѣщики. «Угрюмый земледѣлецъ» гадаетъ на улицѣ, очертясь въ кругѣ, и, лежа дожидается, пока услышитъ шумъ, «что будто на току молотятъ хлѣбъ цѣпами»,—тогда, успокоенный, онъ возвращается домой, радуясь за будущій урожай. Другой, опять-таки въ кругѣ, лежитъ на перекресткѣ двухъ дорогъ и тоже гадаетъ объ урожаѣ. Не менѣе, если не болѣе ретиво бросается на гаданье и «вѣтреная младость». Дѣвушки смотрятъ въ зеркало, на луну, ходятъ къ банному окну и, оборотившись къ нему спиной, ждутъ: погладитъ ихъ суженый-ряженый или ударитъ, и отсюда дѣлаютъ выводъ объ его характерѣ. Нѣкоторыя гаданья оканчиваются несчастьемъ. Такой исходъ имѣетъ ловля чужого коня, который долженъ отвезти вскочившую на него дѣвушку во дворъ ея суженаго. Дѣвушка, сѣвши лицомъ къ хвосту коня, у котораго глаза завязаны, часто «углы считаетъ лбомъ; упадши иногда на острое ребромъ, стенаетъ на снѣгу; здоровье потерявъ, гадаетъ только то, что замужъ не возьметъ увѣчную никто» [1]. Дѣвушки льютъ олово, воскъ, ходятъ на прорубь, возлѣ которой, сидя на кожѣ, прислушиваются къ голосу будущаго мужа; ходятъ на церковную паперть, не услышать ли «надгробнаго рыданья», спрашиваютъ у чужихъ воротъ имя, чтобъ узнать имя суженаго и т. д. Эти суевѣрные обычаи практикуются не въ одной деревнѣ,

«Но многихъ и въ городахъ въ такихъ мы зримъ сѣтяхъ» [2].

Выводъ изъ этихъ суевѣрій для просвѣщеннаго издателя «Сатирическаго Вѣстника» очевиденъ. Всѣ эти суевѣрія будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока невѣжество будетъ «ослѣплять умъ», и пока не явится знаніе, которое одно можетъ разсѣять этотъ мракъ. Добрая нравственность лучше всѣхъ «бѣсовъ» подскажетъ дѣвушкѣ, можетъ ли она ожидать замужества, такъ какъ «благую жизнь даритъ одна лишь добродѣтель; и за добромъ всегда грядетъ во слѣдъ добро, а за худымъ спѣшитъ съ нещастіями зло» [3].

Не трудно догадаться, какъ эти огрубѣлые «умомъ и сердечкомъ» люди проводятъ «гульливую» масляницу. Характерной чертой этого національнаго праздника являются кулачные бои. Объѣвшись блинами «добрые мòлодцы—идутъ «поразмять бока», въ которыхъ ощущаютъ колики, и бьются до полусмерти «стѣнка на стѣнку». Чтобы оцѣнить значеніе этой стороны Страховской сатиры, слѣдуетъ вспомнить, что даже вельможи, какъ напримѣръ извѣстный А. Г. Орловъ, покровительствовали подобнымъ боямъ и даже принимали въ нихъ непосредственное участіе. Масляничное

[1]) «Сатир. В.», ч. V, стр. 73—79.
[2]) Ibidem, стр. 79.
[3]) Ibidem, стр. 80.

объѣденіе, безобразная трата денегъ и, затѣмъ, переходъ къ «пищѣ св. Антонія» даютъ возможность сатирику послать упрекъ по адресу «ханжества». Люди, отказывающіеся отъ рыбы, «набиваютъ брюхо до полна капустой» и

«Думаютъ тогда со хрѣномъ безъ помѣхъ,
«На пищѣ что иной большой написанъ грѣхъ» [1]).

Что касается до «галантомовъ» и «щеголихъ», то они, воспитанные въ древнерусскихъ суевѣріяхъ, тщетно силятся освободиться отъ нихъ. Изъ всѣхъ видовъ гаданья они оставили одинъ: глядѣть въ зеркало на луну,—иные виды они не практикуютъ, но лишь потому—удачно остритъ Страховъ—что знаютъ, что «для рандеву съ чертями потребно болѣе смѣлости, нежели сколько надобно для рандеву съ щеголями и вертопрахами» [2]). Тѣмъ не менѣе подблюдныя пѣсни и гаданье при посредствѣ ихъ практикуется и въ высшихъ кругахъ общества. «Однимъ словомъ, въ сіе время сколько о томъ ни стараются свѣтскіе люди, дабы не подпасть суевѣрію, однакожъ тѣ веселости, которыми думаютъ они себя выгородить изъ числа послѣдующихъ оному, малымъ чѣмъ лучше забавъ простонародныхъ».

Посмотримъ же теперь поближе со словъ достовѣрнаго свидѣтеля, котораго можно развѣ упрекнуть въ излишней скромности, какъ жило современное ему «наше будто богатое барство». Подобно гоголевскимъ помѣщикамъ, одинъ хвалился «великимъ и безпрестаннымъ къ себѣ пріѣздомъ», другой своей охотой, третій разоряющими его строеніями и заводами. Но всѣ непремѣнно имѣли свой, такъ сказать, придворный штатъ, который составляли, кромѣ шутовъ, слѣдующія лица [3]):

1) Учитель-французъ, которому платили отъ 250—1,000 рублей, и котораго брали «на удачу», такъ какъ онъ нуженъ былъ не для воспитанія дѣтей, а «для того, что мода и обычай требуютъ, дабы безотмѣнно дворянину, который имѣетъ отъ 500 душъ до 1,000 и далѣе, держать у себя въ штатѣ учителя».

2) Бѣдный дворянинъ-прихлебатель, обязанности котораго состояли въ томъ, чтобы всюду сопровождать своего патрона, для скуки умѣлъ бы играть въ вистъ и шашки, раскуривалъ и подавалъ трубку и «выходилъ бы сказывать (приказывать) о подведеніи къ крыльцу кареты».

3) «Попъ», съ которымъ поступаютъ безъ должнаго къ священному сану уваженія; произносятъ его имя всегда «съ кислымъ видомъ» и всячески надъ нимъ издѣваются: «стараются преклонять его къ поступкамъ, которые всегда кончаются смѣхомъ на счетъ его».

---

[1]) «Сатир. В.», ч. VI, стр. 70—79.
[2]) Ibid., ч. VII, стр. 48 и 49.
[3]) Ibid., ч. III, стр., 34—43.

4) Управитель, должность котораго состоитъ «въ безпрестанномъ упражненіи въ бракѣ и разореніи крестьянъ».

5) Секретарь, пишущій за барина письма, списывающій новые рецепты для наливокъ и пѣсни для барышенъ-дочерей патрона. Онъ также крадетъ барскія деньги вмѣстѣ съ управляющимъ.

6) Дядька за дѣтьми, оберегающій ихъ отъ ушибовъ и увѣчій.

За симъ слѣдуютъ садовникъ, конюшій, поваръ и разные слуги, «изъ коихъ одни должны вѣкъ свой сидѣть въ передней; иные держать на своемъ отчетѣ карты, столы и мѣлъ; нѣкоторые переносить вѣсти; самые же нещастные съ обритою головой и въ шутовскомъ платьѣ отправлять вѣчно ролю шутовъ и дураковъ». За ними слѣдуетъ рядъ приказчиковъ, бурмистровъ, старостъ, земскихъ, выборныхъ. Вся эта голодная челядь, обладающая волчьимъ аппетитомъ и крайне растяжимой совѣстью, вѣчно обманываетъ господъ, вѣчно отписывается и оправдывается въ недоимкахъ неурожаемъ, вѣчно предлагаетъ сдать въ рекруты тѣхъ, «которые или навлекли на себя гнѣвъ ихъ, или по бѣдности—не въ силахъ ихъ дарить». Широкое поприще для хищеній даютъ сами дворяне, съ сентября по май живущіе въ столицѣ или вообще въ городѣ, куда ѣдутъ или повеселиться, или везутъ туда дочерей, «на ярмарку невѣстъ». Въ концѣ августа, собираясь въ городъ и собирая для поѣздки средства, они, правда, обращаютъ вниманіе на хозяйство, при чемъ заботы ихъ ограничиваются лишь тѣмъ, «чтобы, нѣкоторыхъ пересѣчь, выдать замужъ дѣвокъ, смѣнить старостъ, выбрать для продажи годныхъ въ рекруты и собрать запасъ, оброкъ и деньги».

Яркая картина полнаго произвола и обезличенія человѣчества возстаетъ передъ нами при чтеніи этихъ преисполненныхъ горечи строкъ, посвященныхъ иллюстраціи крѣпостного права. Образы до того ярки, картина до того типична, что забываешь, что она нарисована 100 лѣтъ назадъ, а думаешь, что она выхвачена изъ 40-хъ, 50-хъ годовъ текущаго столѣтія.

Добавимъ ее одной чертой, отмѣченной позднѣе безсмертной комедіей Грибоѣдова. Это—страсть помѣщиковъ къ собственнымъ, доморощеннымъ театрамъ. «Нѣкоторые слабоумные дворяне, заслыша издалека о гремящей славѣ театра», побывавъ въ столицѣ, накопляютъ долги, проматываютъ состояніе, «въ замѣну же всего этого возвращаются въ уголокъ свой съ великою толпою музыкантовъ и актеровъ и съ великимъ числомъ повозокъ, напичканныхъ декораціями и музыкальными инструментами» [1].

Финалъ подобныхъ затѣй, засвидѣтельствованныхъ исторіей, очень вѣрно высказанъ Грибоѣдовымъ:

---

[1]) «Сатирическій Вѣстникъ», ч. III, стр. 10.

«Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
«Амуры и зефиры всѣ
«Распроданы поодиночкѣ».

Страховъ не разъ указываетъ подобный конецъ барскихъ затѣй его времени. Въ «Журналѣ нѣкоторыхъ великихъ людей въ большомъ свѣтѣ» ярко изображена судьба мота:

«Я продалъ первое удачно мужика,
«Хотя работника, не дурака.
«Второе, за пять лѣтъ впередъ, оброкъ весь сбралъ,
«А третье за большимъ расходомъ
«Деревню за безцѣнокъ заложилъ».

Въ концѣ концовъ разряженнаго на добытое подобнымъ путемъ дворянина схватываетъ «заимодавецъ кропотливый» прямо на улицѣ:

«Караулъ!—онъ закричалъ... меня и потащили» [1]).

Не трудно догадаться, каково жилось при такомъ режимѣ крестьянамъ. Страховъ, не смотря на стѣсненное положеніе своего журнала даетъ намъ, помимо вышеприведеннаго, образцы помѣщичьяго управленія; и неприглядное положеніе русскаго bête de sommes, какъ мѣтко окрестили въ прошломъ вѣкѣ во Франціи крестьянина, возстаетъ во всей наготѣ. Этимъ Страховъ напоминаетъ удачнѣйшія страницы своего знаменитаго предшественника.

Основной взглядъ Страхова на крѣпостное право тотъ, что оно унижало человѣческое достоинство и разоряло сотни людей по прихоти одного какого-нибудь «галантома». Въ отдѣлѣ публикацій находимъ слѣдующую: «Для проданія мужиковъ въ рекруты и разоренія оныхъ отбылъ въ деревню г. Моторыгинъ» [2]).

Характеризуя способности и ловкость опытнаго управителя, журналъ говоритъ слѣдующее: «при всемъ томъ онъ и въ домоводствѣ весьма искусенъ; знаетъ, по какой цѣнѣ продавать хлѣбъ; какъ воздерживаться не давать онаго крестьянамъ; какая цѣна, естьли ставить крестьянъ оныхъ въ рекруты; какимъ образомъ побоями можно ихъ довести до того, что они, не смотря на всѣ его притѣсненія, только-что будутъ отзываться однимъ словомъ: много довольны и пожалованы». «Не рѣдкой ли это воспитатель и смотритель?» съ нескрываемой ироніей спрашиваетъ авторъ [3]).

Есть еще болѣе опредѣленное мѣсто въ журналѣ, выражающее ясно воззрѣнія автора (издателя) на крѣпостное право. Возмущаясь роскошью и мотовствомъ дворянъ, онъ указываетъ на одно изъ проявленій послѣдняго: дворяне, собирая вокругъ себя толпу прихлебателей, шутовъ и слугъ, содержатъ и одѣваютъ ихъ на счетъ «глада и наготы нещастныхъ и грабимыхъ ими земледѣльцевъ».

---

[1]) «Сатирическій Вѣстникъ», ч. VIII, стр. 70—72.
[2]) Ibid., ч. II, стр. 114.
[3]) Ibid., стр. 24.

Эти слуги опустошаютъ села и деревни, отнимаютъ изобиліе у хлѣбопашцевъ, лишаютъ ихъ нужныхъ помощниковъ, «для возращенія которыхъ родители проливали потъ, лишались сна и утѣхъ», а въ концѣ видятъ, что изъ ихъ дѣтей понадѣлали шутовъ и холоповъ, праздныхъ тунеядцевъ, созданныхъ «алчными руками тщеславія, роскоши и прихотей. Выводъ изъ такого status quo вполнѣ очевиденъ: «отъ сего самаго государства и цѣлыя гражданскія общества лишаются такихъ людей, коихъ ремесло состоитъ въ обработаніи той земли, произведенія которой питаютъ ихъ, поддерживаютъ ихъ дѣятельность, споспѣшествуютъ ихъ изобилію, спокойствію, порядку, тишинѣ и цѣлому благосостоянію» [1].

Лучшія страницы Новиковскихъ изданій отходятъ на второе мѣсто сравнительно съ приведеннымъ отрывкомъ «Сатирическаго Вѣстника», такъ какъ послѣдній строго опредѣленно и не въ объективной уже формѣ выражаетъ свою «гражданскую скорбь» по поводу безспорно возмутительныхъ проявленій крѣпостничества. Изъ всей массы русскихъ сатирическихъ изданій прошлаго вѣка только въ одномъ «Покоящемся Трудолюбцѣ» я нашелъ подобную, такъ сказать, принципіальную характеристику положенія рабовъ подъ тяжелой рукой рабовладѣльцевъ [2]...

Чтобы покончить съ разборомъ этого превосходнаго изданія, непосредственно примыкающаго къ циклу Новиковскихъ, слѣдуетъ сказать, что въ немъ нашла себѣ мѣсто и критика. Здѣсь мы находимъ вполнѣ основательную оцѣнку игры трагическихъ актеровъ, поставленныхъ ходульными піесами въ необходимость становиться и самимъ на ходули.

«По мнѣнію сихъ актеровъ, ноги и руки могутъ изъяснять болѣе, чѣмъ лицо. Для сего самаго обычайно относятъ они одну руку вверхъ, а другую столь сильно прижимаютъ къ тѣлу, что въ продолженіе всей піесы представляютъ изъ себя статую въ древнемъ вкусѣ или такого стариннаго бойца, которой нажидаетъ на себя соперника. Они также почитаютъ великою красой выпяливать глаза, а пальцы той руки, которою дѣйствуютъ, такъ притягивать, дабы казалось, что никакая сила не можетъ опять согнуть. Въ разсужденіи голоса они также весьма знающи. Нѣкоторые изъ актеровъ кричатъ, что есть силы, другіе же произносятъ слова на распѣвъ, такъ что отъ сего почти всегда комедія кажется оперою» [3].

Подобный протестъ на неестественную игру актеровъ коми-классическихъ традицій былъ высказанъ затѣмъ лишь спустя лѣтъ

---

[1]) «Сатир. В.», ч. I, стр. 96—98.

[2]) «Покоящійся Трудолюбецъ», ч. IV, стр. 224—230; 1784—1785 г. «Письмо къ другу», принадлежащее перу женщины, что особенно замѣчательно.

[3]) «Сатирическій Вѣстникъ», ч. VII, стр. 42—45.

50 Бѣлинскимъ, по поводу игры супруговъ Каратыгиныхъ и высказанъ въ болѣе сдержанной формѣ.

Наконецъ, совершенной новинкой является въ «Сатирическомъ Вѣстникѣ» разсужденіе объ общественномъ мнѣніи и его нелѣпыхъ прерогативахъ надъ легкомысленной толпой. И опять этотъ вопросъ повторился въ нашей литературѣ лишь черезъ 30 лѣтъ въ безсмертной комедіи «Горе отъ ума».—Страховъ и здѣсь опередилъ свой вѣкъ и современныя ему требованія духа времени. Вотъ эта статья.

«Что скажутъ другіе? Сіе краткое словцо столь примѣтнымъ образомъ дѣйствуетъ надъ умами здѣшнихъ жителей, что нѣтъ почти ни одного худого дѣла, или приключенія, которое бы послѣдовало не отъ словца: что скажутъ другіе?» «Что скажутъ другіе? многихъ заставляетъ пренебрегать къ самому себѣ собственное сказаніе совѣсти. Что скажутъ другіе? — судью заставляетъ брать взятки, дворянина—разорить своихъ мужиковъ, дѣвушекъ не по склонности жертвовать своимъ сердцемъ, мужчинѣ жениться вопреки своей волѣ. Что скажутъ другіе?—заставляетъ многихъ лишаться послѣдняго имѣнія. Что скажутъ другіе?—заставляетъ жить не такъ, какъ хочется, и думать не такъ, какъ надобно... Вотъ сколь важно словцо: что скажутъ другіе? Или лучше сказать, сколь вредно излишнее уваженіе людскихъ мнѣній, изъ коихъ для души составляется самопроизвольная цѣпь невольничества, цѣпь, которая творитъ сердце робкимъ къ добру и содержитъ въ недѣйствіи разсудокъ, великость духа и истинныя чувствованія» [1]).

Подводя итогъ всему нами сказанному, мы должны признать въ «Сатирическомъ Вѣстникѣ» и его издателѣ достойныхъ представителей русскаго печатнаго слова, которое не смотря на кажущееся благоденствіе далеко «не въ авантажѣ обрѣталось» въ прошломъ вѣкѣ. Изданію Страхова принадлежитъ тѣмъ большая честь въ дѣлѣ проведенія гуманитарныхъ идей, что его положеніе, какъ литератора, было весьма затруднительное. Въ памяти читателя еще свѣжи были жгучія страницы Новиковскихъ изданій, съ юношескимъ пыломъ бичевавшихъ въ конецъ опустившееся общество, потерявшее жизненную нить, лишенное разумныхъ стремленій и чуждое всякихъ иныхъ, кромѣ эгоистическихъ, стремленій. Новиковъ сдѣлалъ, что могъ, и всякій неумѣлый работникъ на журнальномъ поприщѣ явился бы или жалкимъ плагіаторомъ или скучнымъ болтуномъ, переливающимъ «на тысячу ладовъ» тысячу разъ говоренное. Талантливый человѣкъ счастливо избѣгъ этихъ крайностей и, удержавъ основные взгляды своего предшественника, нашелъ возможнымъ внести въ свой журналъ и нѣчто новое, чего по обстоятельствамъ не пришлось досказать Новикову. За то стрем-

---

[1]) «Сатирическій Вѣстникъ», ч. IX, стр. 3—5.

ленія его и идеалы остались тѣми же, что были и у послѣдняго, такъ какъ это идеалы общечеловѣческіе, руководящіе проповѣдью свѣта и знанія и ведущіе общество на новый путь личнаго труда на почвѣ гражданскаго самосознанія. И общество откликнулось на призывъ лучшаго изъ своихъ членовъ: черезъ три года изданіе пришлось повторить—очевидно общество начало созрѣвать,—благородныя идеи русскихъ гуманистовъ въ него значительно глубоко запали, и для гуманныхъ мѣръ Александра I выдвинулись проводники изъ «новой породы людей», созданныхъ уже общими усиліями науки и родной литературы и потому всѣми силами души чурающихся своихъ предшественниковъ, во вкусѣ Екатерининскаго времени.

Сергѣй Тимоѳеевъ.

АТАМАНЪ ИЛЮШКА ПОНОМАРЕВЪ[1].

Въ ПОСЛѢДНИХЪ числахъ сентября мѣсяца 1670 года, въ городъ Козьмодемьянскъ явился воровской казакъ Илюшка Пономаревъ, называвшій себя атаманомъ Разина, и сталъ возмущать народъ, склоняя его пристать къ Стенькѣ. Не прошло нѣсколько дней, какъ весь Козьмодемьянскъ и окрестныя села и деревни взбунтовались. Заворовала черемиса луговая и нагорная, возмутилось крестьянство и посадскіе люди. Въ первыхъ числахъ октября, Козьмодемьянскъ представлялъ обширный воровской лагерь: лавки были заперты, царевы кабаки разбиты, дворы и дома начальныхъ людей разорены, церкви Божіи стояли безъ пѣнія. Буйныя толпы ватажились на базарной площади, по улицамъ и пустырямъ. Дикій и зловѣщій шумъ и днемъ и ночью висѣлъ надъ городомъ. Надъ этой буйной толпой стали атаманы и начальные люди. Первый атаманъ былъ донской казакъ Ивашко Васильевъ симбирецъ, другой—Сѣрикъ черкашенинъ, третій Миронко Ѳедоровъ Мумаринъ козьмодемьянецъ, черемисскій приставъ, и четвертый Илюшка Пономаревъ, а подъ ними начальные люди были—черемисяне Шабайко да сотникъ Овдуйка Алпарусъ и четверо изъ русскихъ людей. «Главной старшиной»

---

[1]) Свѣдѣній о томъ, какъ распространился и угасъ бунтъ Разина на луговой сторонѣ Волги, въ нынѣшней Костромской губерніи, нѣтъ ни въ исторіи С. М. Соловьева, ни въ монографіяхъ гг. Попова и Костомарова. Матеріаломъ для настоящаго очерка послужилъ столбецъ, заключающій въ себѣ «Списокъ съ отписки» Тотемскаго воеводы Максима Ртищева, предоставленный въ наше пользованіе Н. С. Кашкинымъ, у котораго онъ сохранился въ домашней библіотекѣ.

надъ всѣми сталъ Ивашко Васильевъ, отличавшійся дикой отвагой и жестокостью. Всякаго сброду набралось подъ командой Ивашки до 15-ти тысячъ. Илюшкѣ Пономареву, очевидно, не захотѣлось быть подъ началомъ Ивашки и бездѣятельно стоять подъ Козьмодемьянскимъ, и онъ умыслилъ «отстать отъ войска и старшины», чтобы въ иныхъ мѣстахъ и на свой страхъ начать «дѣйство». Онъ сталъ собирать свою ватагу. На его сторону перешелъ атаманъ Миронко Мумаринъ, два есаула — Митька Куварка и Ондрюшка Скукорокъ, да пятнадцать человѣкъ мелкихъ начальныхъ людей, пять человѣкъ козьмодемьянскихъ ямщиковъ, два кузнеца, нѣсколько человѣкъ черемисы луговой. И стало ихъ всего «съ тридцать душъ». «Прибрався тѣми небольшими людьми, Илюшка отъ атамановъ въ Кузьмодемьянску отсталъ», и ночью, захвативъ нѣсколько лодокъ, «равшитыхъ на семеры веслы», ушелъ съ своей ватагой на Ветлугу. Эта кучка отчаянныхъ удальцовъ, одержимыхъ духомъ корысти и буйнаго своеволія, три дня шла въ верхъ по Ветлугѣ, среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ дебрей. На четвертый день ватага пристала къ селу Николаевскому, вотчинѣ боярина и царскаго оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, бросилась на боярскій дворъ, пограбила все, что попалось, взяла много оброчныхъ денегъ, а человѣка его, который сидѣлъ въ вотчинѣ на приказѣ, хотѣла убить, но крестьянство за него заступилось, одобривъ «его обхожденіе». Воры убили только десяцкаго «по мірской сказкѣ». Село взбунтовалось. Отсюда воры разослали прелестныя письма по окрестнымъ селамъ и деревнямъ. Заволновалось крестьянство и пристало къ ворамъ изъ крестьянъ селъ Воскресенскаго, Баковъ, Дмитровска, да съ Лапшанги рѣки изъ разныхъ приходовъ «съ триста семьдесятъ человѣкъ, а всѣхъ въ сборѣ теперь стало съ четыреста человѣкъ». Воры сдѣлали пять знаменъ пестрядинныхъ красныхъ и распредѣлились по сотнямъ и десяткамъ. Старшиною въ этомъ «войску» сталъ черемисской приставъ Миронко Ѳедоровъ Мумаринъ, а подъ нимъ атаманомъ Илюшка; Митька Куварка и Ондрюшка Скукорокъ выбраны есаулами. Съ этой толпой Илюшка пошелъ на рѣку Унжу, подымая къ бунту крестьянство. Страшное опустошеніе представлялъ его воровской слѣдъ. Боярскіе дворы были опустошены и сожжены, много побито было бояръ, дѣтей боярскихъ, приказныхъ людей и крестьянъ, все «по мірской сказкѣ». Илюшкино «войско» все увеличивалось: подъ его пестрядинными знаменами насчитывалось четыреста человѣкъ конныхъ и болѣе трехъ сотъ пѣшихъ. Илюшка шелъ съ Ветлуги двумя ватагами: одна отъ рѣки Лапшанги «лапшангскою дорогой», а другая проселочными и лѣсными дорогами, направляясь къ Макарьеву, на Унжѣ, монастырю. Впереди воровскихъ ватагъ шли разные заводчики къ бунту съ прелестными письмами.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Унжинской городокъ пришелъ крестья-

нинъ княгини Лыковой, Микитка Тонконоговъ, и, явившись на дворъ унжинскаго цѣловальника Гурки Семенова, попросился говорить съ нимъ съ очей на очи. Гурко вышелъ на дворъ, гдѣ Микитка подалъ ему письмо.

— Отъ кого?—спросилъ Гурко.

— Вычти, самъ увѣдаешь,—отвѣтилъ Тонконоговъ.

Гурко Семеновъ прочиталъ письмо.

— Къ атаману Илюшкѣ я не пойду, а ты скажи ему, дабы онъ на насъ не находилъ, шелъ бы мимо нашей осады,—отвѣтилъ Гурко.

— А ты кличъ кликни на посадѣ и ту память Илейкину міру вычти. Что міръ скажетъ,—возразилъ Тонконоговъ.

— И читать не стану, а ты бѣги отсель, покуда душа въ тебѣ держится.

— Не путевое затѣваешь. Я уйду и атаману стану сказывать про твое злыдарство... придетъ сюда, на Унженскую осаду, самъ Илюшка и тебя срубитъ,—замѣтилъ съ угрозой Тонконоговъ.

— Не боюсь я твоего атамана вора.

— Оглядывайся теперь, послѣ поздно будетъ,—опять погрозилъ Тонконоговъ.—Придетъ атаманъ, всѣмъ начальнымъ людемъ лихо станетъ, коль вы сами противу него идете.

Въ эту пору на дворѣ цѣловальника случился земскій староста Тараска Григорьевъ, который попросилъ Гурку воровскую память ему вычесть.

— Бѣда пришла,—проговорилъ онъ, выслушавъ память,—не знай, въ кою сторону и кидаться.

— Куда намъ кидаться? На своей сторонѣ и стоять надо,—твердо высказался Гурко.

— А мой обычай—атамана послушаться. Видно, Стенька верхъ взялъ, коль атаманъ его до насъ дошелъ. Видно, все ему покорилось, и намъ проти его идти не гоже. Не причлось бы намъ какого дурна отъ атамана за нашу противность.

— Худыя рѣчи ты выговариваешь. Помнить бы тебѣ государеву присягу.

— Присягу я помню не хуже тебя,—запальчиво высказался староста.—А тебѣ безъ міру рѣшенья класть не доводится. Надо міръ скликать, какъ онъ велитъ: по мірской сказкѣ и поступать надо.

— Это дѣло не мірское.

— Врешь, мірское.

Староста съ цѣловальникомъ заспорили.

— Эй, цѣловальникъ, атаманьей волѣ не противься. Кликни кличъ!—уговаривалъ Тонконоговъ.

— Не кликну, а тебя велю въ тюрьму бросить.

— Я отъ атамана пришелъ... меня коль тронешь, головы своей не сносишь,—отвѣтилъ Тонконоговъ и пошелъ со двора.

А за нимъ отправился и староста Тараска Григорьевъ. Догнавъ Тонконогова, онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ и на базарной площади училъ кличъ кликать, «самъ вмѣсто бирюча». На кличъ сбѣжались на площадь посадскіе люди и нѣсколько крестьянъ изъ села Покровскаго. Тараска Григорьевъ объявилъ народу про воровскую Илюшкину память и пересказалъ ея содержаніе.

— А гдѣ та память?—спрашивали старосту.

— У цѣловальника, у Гурки Семенова,—отвѣтилъ Тараска.— И онъ ту память объявлять міру не хочетъ.

— Взять ее у цѣловальника,—заголосила толпа.

А въ это время пришелъ на площадь самъ цѣловальникъ съ подьячимъ Галицкой площади Григорьемъ Васильевымъ и воровскую память народу показалъ.

— Вычти!—кричала толпа.

Но цѣловальникъ читать отказался. Взялъ у него бумагу унжинскій попъ Тимоѳей Андрониковъ и прочиталъ ее на всю площадь. Толпа нѣсколько минутъ молчала.

— Атаманъ Илюшка идетъ вездѣ съ милостью да со слободой. Бьетъ и вѣшаетъ бояръ лихихъ и худыхъ начальныхъ людей,— крикнулъ Тонконоговъ молчаливой толпѣ.

— Перекинемся къ атаману, жить намъ лучше станетъ, вольготнѣй. А то отъ поборовъ-де, утѣсненій всякихъ въ конецъ обнищали,—заговорилъ попъ.

— Прямая рѣчь! Правое слово!—выкрикнуло нѣсколько голосовъ.

— Доподлинно... пойдемъ съ атаманомъ,—отозвались другіе голоса.

И толпа сразу зашумѣла, заволновалась. Бунтъ вспыхнулъ и разгорѣлся. Цѣловальникъ съ подьячимъ поторопились уйти съ площади.

— Ты теперь поспѣшай на Галичъ и объяви воеводѣ про здѣшній бунтъ,—наказалъ Гурко подьячему.— А мнѣ теперь довелось себя и животы свои хоронить. Лихо на нашъ городокъ набрело.

Въ эту же ночь подьячій уѣхалъ въ Галичъ, а цѣловальникъ съ семьей и пожитками ушелъ невѣдомо куда. На другой день и село Покровское забунтовало, гдѣ «бунтъ завелъ того села попъ Климъ да дьячокъ Ѳедотка Ѳедоровъ». Въ это время въ Унжинской городокъ пришелъ сотникъ московскихъ стрѣльцовъ Ѳедоръ Поливкинъ съ нѣсколькими стрѣльцами, чтобы собрать подводы подъ ратныхъ людей. Буйная толпа попыталась не давать подводъ, и Поливкину пришлось собрать ихъ силой.

3-го декабря «о половинѣ дня, пришелъ на Унжу на посадъ» атаманъ Илюшка съ большой ратью: конныхъ четыреста человѣкъ

и пѣшихъ съ триста по санямъ. Воры кинулись къ тюрьмѣ, отворили ее и выпустили тюремныхъ сидѣльцевъ, которые всѣ пристали къ мятежникамъ, а затѣмъ на таможенный и кружечный дворы и пограбили таможенную и кружечную казну, а также у головы взяли денежную государеву казну. Сотникъ Ѳедоръ Поливкинъ и пять человѣкъ стрѣльцовъ попались въ руки воровъ. Старшина Миронко Мумаринъ сталъ допрашивать сотника: «кто онъ? и зачѣмъ въ Унжинскую осаду пришелъ?»

— Я сотникъ московскихъ стрѣльцовъ прибору стольника и воеводы Василья Нарбекова,—отвѣчалъ Поливкинъ.—А въ Унжинской городокъ пришелъ для наряду подводъ подъ ратныхъ людей.

— А гдѣ тотъ воевода?

— Недалече отсель. Идетъ онъ за мной со многою ратью промышлять воровскихъ казаковъ, атамана и клятвопреступника Илюшку Пономарева съ его воришками и бунтовщиками.

— Когда онъ обѣщался быть на Унжѣ?

— Нонѣшній день въ ночи.

— Пускай приходитъ,—отвѣтилъ Миронко и велѣлъ «своему войску» рубить головы Поливкину и стрѣльцамъ.

Воры тотчасъ исполнили приказаніе своего старшины и «посѣкли стрѣлецкія головы».

Илюшка, услыхавъ отъ Поливкина «про сыскъ его», скликнулъ къ себѣ есауловъ, Митьку Куварку да Ондрюшку Скукорока, чтобы обдумать какъ имъ отъ сыска уберечься.

— Проти московскихъ стрѣльцовъ биться намъ съ нашимъ войскомъ немочно, для того что изоружены мы бѣдно и пушекъ у насъ нѣтъ, а стрѣльцы, знатно, идутъ съ пушками и съ пищалью. Какъ намъ быть?—говорилъ Илюшка своимъ близкимъ товарищамъ.

— Ты думай,—отвѣтили ему тѣ.

— Зима теперь и въ лѣсу намъ схорониться нельзя: слѣдъ не скрадешь, сыскъ по слѣду до насъ дойдетъ и насъ изымаетъ. Одинъ способъ намъ есть: уйти отсюда въ верхніе городы и зиму хорониться по уѣздамъ. А весна придетъ, проняться бы намъ опять на Волгу да опять къ старшинѣ атаману Стенькѣ пристать. Теперь идти на Волгу опасливо: вездѣ по дорогамъ, по заставамъ и по околицамъ деревенскимъ сыскъ стоитъ, коего миновать будетъ немочно. Изоймутъ насъ.

Есаулы одобрили рѣчь атамана и согласились слѣдовать за нимъ.

— Мѣшкать намъ теперь одного часу нельзя. Скоряй подводы изготовляйте!—заключилъ Илюшка.

Свечерѣло. Воровское Илюшкино войско собралось на базарной площади, шумѣло и неистовствовало. Старшина Мумаринъ послалъ искать Илюшку «для совѣту», но его уже не нашли: онъ самъ-пять

бѣжалъ изъ городка на двухъ подводахъ, взявъ себѣ «въ вожи дѣтину тотьмянина». «Для проходу», чтобы не возбуждать подозрѣнія, Илюшка надѣлъ чернеческое платье-манатью и клобукъ, а вожу приказалъ вести себя «уходомъ», лѣсными дорогами.

Въ этой же ночи и Миронко Мумаринъ ушелъ съ войскомъ изъ Унжинскаго городка, убоявшись воеводы Нарбекова.

11-го декабря прибѣжалъ на Тотьму съ Усолья Леденскаго работный человѣкъ Панка Замятнинъ и объявилъ воеводѣ Максиму Ртищеву, что «сего-де числа ѣхали мимо ихъ Усолья Леденскаго въ саняхъ на пяти лошадяхъ незнаемые люди, сидятъ по два человѣка въ саняхъ, да передъ ними лошадь простая заводная бѣжитъ, а сказываются казанцами». Такъ какъ про появленіе на Ветлугѣ и на Ужѣ воровскаго атамана Илюшки Пономарева разосланы были вѣсти по всѣмъ воеводамъ, то Ртищевъ серьезно принялъ вѣсть Панки Замятнина.

— А куда они путь держали?—спросилъ его Ртищевъ.

— Знатно, на Тотьму,—отвѣтилъ тотъ.—Я бѣжалъ къ тебѣ лѣсною дорогой, а не ѣзжей, по коей тѣ незнаемые люди ѣхали.

Воевода тотчасъ собралъ своихъ людей и тотьмянъ посадскихъ жилецкихъ людей со сто человѣкъ и послалъ ихъ «въ подъѣздъ», въ сопровожденіи Панки Замятнина. Эти люди пошли ѣзжею дорогой къ Усолью Леденскому. Верстъ за пять отъ Тотьмы они замѣтили слѣдъ въ сторону отъ дороги, въ лѣсъ. По примѣткамъ, слѣдъ этотъ былъ тѣхъ самыхъ незнаемыхъ людей, которые, по словамъ Замятнина, ѣхали на пяти лошадяхъ; тотьмяне свернули съ дороги и пошли по свѣжему слѣду. Недалеко, на болотѣ, за Сухоною рѣкой, нашли они на незнаемыхъ людей, которые, знатно, пристали «нощевать». Всѣхъ ихъ было одиннадцать человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ богатой одеждѣ: «кафтанъ камчатной жолтой, а у него девять пуговицъ серебряныхъ съ финифтомъ, подкладка—тафта дымчатая, шапка вершокъ червчатой бархатной, околъ соболей, тулейка выбойчатая; за кушакомъ пистоль оправная серебромъ, а на боку сабля—полоса булатная, черенъ кость рыбья, ножны хозъ черной, оправа мѣдная почеркаски». Незнаемые люди сказались казанцами торговыми людьми. Подъѣзчики взяли ихъ, и съ подводами, и привели на Тотьму въ съѣзжую избу. По спросу воеводы, они опять назвались торговыми людьми, но Ртищевъ не повѣрилъ ихъ рѣчамъ и на ночь посадилъ ихъ въ тюрьму подъ крѣпкій караулъ. На утро воевода учинилъ имъ допросъ съ розыску, въ застѣнкѣ. Незнаемые люди повинились. Первый человѣкъ сказалъ:

— Илюшкой меня зовутъ, Ивановъ сынъ, Пономаревъ и Поповъ тоже, родомъ черкашенинъ, Кадома города, допрежъ бывалъ дворовой человѣкъ боярина князь Юрья Петровича Буйносова-Ростовскаго и женатъ тутъ же во дворѣ, а жену зовутъ Грунькой,

Иванова дочь. Казачій я атаманъ войску [и прибору атамана и старшины казачья Стеньки Разина.

Затѣмъ, Илюшка разсказалъ «про свои воровскіе походы» отъ Козьмодемьянска по Ветлугѣ и Унжѣ. Тѣ же рѣчи сказали и есаулы—Куварка и Скукорокъ.

— Зачѣмъ ты на Тотьму шелъ?—спросилъ Илюшку воевода.

— Шелъ я сюда для подзору и провѣдыванія про ратныхъ людей и ружья, напередъ старшины,—отвѣтилъ Илюшка.—А старшина Мумаринъ Миронко съ войскомъ остался у Судая и хотѣлъ быть за нами на Тотьму вскорѣ, съ понедѣльника на овторникъ, или кончае на среду, декабря 14-го числа, черезъ Судай.

Услыхавъ такія вѣсти, воевода поторопился «вершить вора Илюшку съ его товарищи». Въ этотъ же день всѣ они были повѣшены на берегу рѣки Сухоны. У Илюшки съ товарищами «вынято изъ черезовъ денегъ сто шестьдесятъ рублевъ и одиннадцать алтынъ, да много всякого воровскаго скарбу».

По Илюшкиной сказкѣ, воевода Ртищевъ, «опасаясь отъ старшины отъ Миронки Мумарина съ товарищи на Тотьму приходу ихъ воровскаго съ боемъ и Божьимъ церквамъ и градскимъ людемъ разоренія и тѣмъ ворамъ на Тотьмѣ для отбою» поспѣшилъ принять мѣры къ оборонѣ: «велѣлъ собрать изъ всякихъ чиновъ съ ружьемъ маломочныхъ людей и поставилъ сотни сторожею, а по дорогамъ заказъ учинилъ крѣпкой, и заставы поставить и засѣки велѣлъ засѣчь, чтобъ тѣ воры на Тотьму не прокрались, а въ понизовые городы, на Устюгъ Великій и на Вагу—въ государевы дворцовыя села о тѣхъ ворахъ, также къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ тотчасъ отписалъ, чтобъ они въ тѣхъ городахъ жили со всякимъ опасеніемъ». Вмѣстѣ съ этимъ воевода роздалъ маломочнымъ людямъ изъ воровскихъ денегъ, отобранныхъ у Илюшки съ товарищами, подможныхъ и жалованныхъ денегъ до восьмидесяти рублей, по словесной просьбѣ тѣхъ людей, сказанной въ съѣзжей избѣ «чтобы имъ было изъ-за чего государю работать, покамѣстъ воровскіе казаки, Миронко Мумаринъ, нынѣ на слуху». Эти ратные люди, набранные изъ разныхъ чиновъ, долго стояли сторожею, напрасно ожидая на Тотьму воровскихъ казаковъ. Илюшка обманулъ Ртищева, разсчитывая, можетъ быть, этимъ обманомъ застращать воеводу и хоть на нѣсколько дней отсрочить свою казнь, а тѣмъ временемъ поискать случая къ утечкѣ изъ воеводскихъ рукъ и спасти свой животъ.

А Миронко Мумаринъ, опасаясь близкой погони отъ воеводы Нарбекова, пошелъ изъ Унжинскаго городка «на спѣхъ». Онъ раздѣлилъ свою нестройную и своевольную толпу поватажно, поручивъ каждую ватагу особому, вновь выбранному, есаулу, и велѣлъ идти разными дорогами, чтобы спутать свой слѣдъ, чтобы и Нарбековъ, «примѣтя воровскіе слѣды», раздѣлилъ свою рать на мел-

кіе отряды, съ которыми Миронко надѣялся расправиться по одиночкѣ. Толпы мятежниковъ двинулись по направленію къ сѣверо-востоку и шли большею частію лѣсными дорогами, а метели и вьюги заметали ихъ воровской слѣдъ. Воевода Нарбековъ въ ту же ночь пришелъ въ Унжинскій городокъ и, не заставъ тамъ мятежниковъ, не пошелъ за ними въ погоню, а остался въ городкѣ, чтобы дать отдыхъ своей утомленной большимъ переходомъ рати. А Миронко ушелъ на Меринскую дорогу и расположился въ Богородскомъ стану, на верху рѣки Шанги. Нѣсколько человѣкъ изъ мятежниковъ отъ него отстали и разошлись по своимъ домамъ. Съ недѣлю стоялъ здѣсь Мумаринъ спокойно, никакихъ вѣстей про погоню до него не доходило. Онъ сталъ думать, что воевода Нарбековъ стерялъ его воровской слѣдъ. Но однажды есаулъ Микерка привелъ къ Мумарину какого-то крестьянина, который извѣщалъ, что недалеко идетъ Нарбеково войско, и что онъ бѣжалъ впередъ его съ этими вѣстями.

— А велико ли войско?—спросилъ Мумаринъ.

— Немноголюдно,—отвѣтилъ вѣстовщикъ.

Мумаринъ рѣшился вступить въ бой съ воеводой, «попытать свое воровское счастье». Онъ велѣлъ своей «артели» изготовляться къ бою, а самъ въ то же время принялъ всѣ мѣры къ утечкѣ въ случаѣ если счастье будетъ не на его сторонѣ. 13-го декабря, передъ вечеромъ, воевода Нарбековъ показался въ виду воровского стана съ небольшой дружиной московскихъ стрѣльцовъ и тотчасъ ударилъ на мятежныхъ. Въ первую минуту воры смѣло приняли бой, но не устояли. Ихъ нестройная масса скоро смѣшалась и пустилась на утекъ въ разсыпную, кто куда зналъ. Нарбековъ «побилъ и посѣкъ» въ этотъ день больше двухсотъ мятежниковъ и взялъ семьдесятъ человѣкъ плѣнныхъ, остальные воры разбѣжались «по разнымъ дорогамъ». Самъ старшина Мумаринъ съ крестьянскою женкой молодухой, да съ есауломъ Ѳедькой Дуракомъ и съ устюжаниномъ швецомъ Ганькой, всего въ семи человѣкахъ, бѣжалъ въ самомъ началѣ боя, «тремя саньми и нарядясь всѣ въ богатые кафтаны». Нарбековъ сталъ пытать у плѣнныхъ — куда бѣжалъ Мумаринъ, но точныхъ указаній не получилъ: одни говорили, что бѣжалъ онъ на Галичъ, другіе указывали на Ветлугу, третьи на Парѳеньевскую осаду. Въ числѣ плѣнныхъ оказался попъ села Покровскаго Климъ, который «близко ходилъ къ старшинѣ». Воевода сталъ его спрашивать—куда бѣжалъ Мумаринъ.

— Передъ твоимъ приходомъ говорилъ онъ: уйти бы къ Ветлужскому пригороду Кологриву, а туда ль онъ бѣжалъ и которой дорогой—про то я не свѣдомъ,—отвѣтилъ Климъ.

Воевода послалъ нѣсколько человѣкъ конныхъ по дорогѣ къ Кологриву, которые воротились только на другой день и сказали, что и слѣда воровскаго по той дорогѣ не пало.

— У насъ была дорога одна, а у воровъ ихъ много,—замѣтилъ при этомъ стрѣлецкій сотникъ.

Воевода больше не сталъ искать Мумарина и занялся казнью плѣнныхъ мятежниковъ: онъ всѣхъ ихъ перевѣшалъ, въ томъ числѣ и попа Клима, какъ заводчика къ бунту покровскихъ крестьянъ.

Въ этотъ же день воевода разослалъ отряды по разнымъ дорогамъ провѣдывать и ловить мятежниковъ. Одинъ отрядъ стрѣльцовъ настигъ «большое собраніе изъ воровской артели» въ селѣ Рожествинѣ. Толпа мало сопротивлялась государеву войску и бросилась бѣжать: здѣсь стрѣльцы посѣкли «съ восемьдесятъ человѣкъ». Воровское «войско» все разсѣялось. Воевода Нарбековъ возвратился въ Унжинской городокъ.

Въ это время привезли туда тѣло Илюшки Пономарева «для опоѣванія и дабы люди его не боялись». Воевода Нарбековъ разослалъ отписки по всѣмъ окрестнымъ воеводствамъ, которыми извѣщалъ, что онъ «на воровъ и мятежниковъ ходилъ и помощію Всеблагаго Бога и общія нашея заступницы Пресвятой Богородицы и великаго государя счастіемъ, тѣхъ воровъ побилъ, посѣкъ и перевѣшалъ съ пятьсотъ въ разныхъ мѣстахъ».

Бунтъ затихъ.

Но воровской старшина Миронко Мумаринъ какъ будто пропалъ безъ вѣсти: и слуху объ немъ не стало, хотя приняты были мѣры къ его сыску.

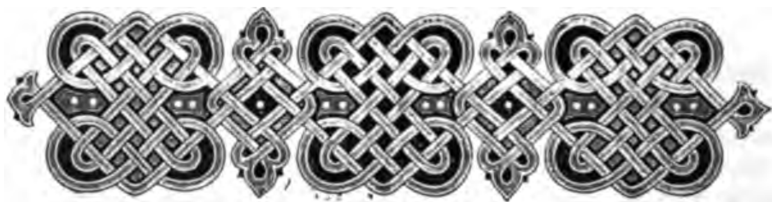
Въ январѣ мѣсяцѣ 1671 года появился на Устюгѣ Великомъ заѣзжій человѣкъ и съ нимъ товарищей четыре человѣка. Жилъ тотъ человѣкъ въ куренѣ и деньги серебряной монеты харчилъ на пропой необычно, а сказывался, что онъ-де съ Соли Камской посадскій человѣкъ и торгуетъ-де всякой звѣриной, а, между тѣмъ, на Устюгѣ у него торгу никакого не было. Устюжскій воевода сталъ присматривать за незнаемымъ человѣкомъ и дознался, кто привелъ его на Устюгъ Великій. Сысканъ былъ швецъ Ганька, оказавшійся бѣглымъ стрѣльцомъ, и на допросѣ сказалъ, что онъ привелъ тѣхъ людей на Устюгъ съ Унжи. Это показаніе усилило подозрѣніе воеводы на счетъ заѣзжаго человѣка, и онъ тотчасъ взялъ его и съ товарищами подъ караулъ. На допросѣ заѣзжій человѣкъ назвался посадскимъ съ Соли Камской, а про товарищей сказалъ, что они-де его работные люди. Воевода осмотрѣлъ его скарбъ и тотъ скарбъ былъ, знатно, весь воровской. Невѣдомый человѣкъ приведенъ былъ въ застѣнокъ, гдѣ онъ перемѣнилъ прежнія рѣчи и сознался.

Это былъ Миронко Мумаринъ.

По его сказкѣ, онъ намѣревался пройти на Пермь, а оттуда Камой рѣкой сплыть на Волгу, въ «свои родные городы».

Воевода отправилъ Мумарина и Ѳедьку Дурака, какъ главныхъ къ бунту заводчиковъ, на Москву на судъ самого государя.

А. Голубевъ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ А. Д. БАЛАШЕВА, БЫВШІЙ ВЪ РЯЗАНИ 13-ГО ІЮЛЯ 1823 ГОДА.

ВЪ БУМАГАХЪ моего дѣда Дмитрія Александровича Кавелина находится, между прочимъ, тетрадь изъ шести листовъ почтовой бумаги большого формата, съ золотымъ обрѣзомъ, подъ заглавіемъ: «Описаніе праздника 13-го іюля 1823 года». Праздникъ этотъ происходилъ въ Рязани въ день рожденія извѣстнаго дѣятеля царствованія императора Александра Перваго, А. Д. Балашева, въ то время Рязанскаго, Тамбовскаго, Воронежскаго, Орловскаго и Тульскаго генералъ-губернатора, описанъ, по всей вѣроятности, кѣмъ-нибудь изъ чиновниковъ его канцеляріи и переписанъ красивымъ писарскимъ почеркомъ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, для раздачи лицамъ, занимавшимъ въ Рязани болѣе или менѣе выдающееся служебное положеніе. Въ числѣ ихъ получилъ одинъ экземпляръ и мой дѣдъ. Къ тетради пришиты: 1) печатная афишка съ поименованіемъ лицъ, участвовавшихъ въ комедіяхъ и танцахъ, 2) пѣснь на голосъ «Пріими побѣдъ вѣнецъ», 3) стихи, сочиненные по всей вѣроятности кн. Шаховской, 4) объявленіе о времени пріѣзда приглашенныхъ особъ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ, какъ объ А. Д. Балашевѣ, такъ и о Д. А. Кавелинѣ, для уясненія помѣщаемаго ниже «Описанія».

Александръ Дмитріевичъ Балашевъ (р. въ Москвѣ 13-го іюля 1770 г., † въ Кронштадтѣ 8 мая 1837 г.) происходилъ изъ небогатыхъ саратовскихъ дворянъ, хотя впослѣдствіи, когда онъ возвысился при императорѣ Александрѣ I, сталъ производить свой родъ отъ какого-то князя, утратившаго княжескій титулъ вслѣд-

ствіе истребленія фамильныхъ документовъ во время пожара въ одной изъ деревень Балашевыхъ въ 1790 г. Одинъ изъ Балашевыхъ,—Козьма,—служилъ рядовымъ въ гренадерской ротѣ Преображенскаго полка, возведшей на престолъ императрицу Елисавету Петровну, и сталъ въ привилегированное положеніе вмѣстѣ съ остальными рядовыми этой роты, переименованной въ лейбъ-компанію, а отецъ Александра Дмитріевича, Дмитрій Ивановичъ былъ при Екатеринѣ II тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, записанный пятилѣтнимъ ребенкомъ въ военную службу въ Преображенскій полкъ фурьеромъ, одиннадцати лѣтъ поступилъ для ученья въ Пажескій корпусъ, а въ 1791 году выпущенъ оттуда поручикомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Перешедъ черезъ четыре года въ армію подполковникомъ, онъ при императорѣ Павлѣ находился на службѣ въ Казани и въ Омскѣ командиромъ, а затѣмъ шефомъ мѣстныхъ гарнизонныхъ полковъ и генералъ-майоромъ, послѣ чего подпалъ опалѣ императора и былъ уволенъ въ отставку; но вскорѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ревель. При императорѣ Александрѣ, А. Д. Балашевъ былъ послѣдовательно: Московскимъ оберъ-полицiймейстеромъ, генералъ-кригсъ-комиссаромъ, С.-Петербургскимъ оберъ-полицiймейстеромъ, министромъ полиціи и, наконецъ, генералъ-губернаторомъ пяти названныхъ выше губерній (1819—1828 гг.). При нечаянномъ нападеніи Наполеона I на предѣлы Россіи въ 1812 г Балашевъ былъ избранъ императоромъ Александромъ для дипломатическихъ переговоровъ, которые впрочемъ не увѣнчались успѣхомъ, и Наполеонъ быстро занялъ Вильну, чѣмъ и началась достопамятная въ лѣтописяхъ новѣйшей европейской исторіи война 1812 года. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ, который не долюбливалъ Балашева, онъ былъ не у дѣлъ, состоя лишь членомъ государственнаго и военнаго совѣта, и въ 1834 г. былъ уволенъ въ отставку. А. Д. Балашевъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Натальѣ Антипатровнѣ Коновницыной, вторымъ (съ 1808 г.) на Еленѣ Петровнѣ Бекетовой († 1823 г.), сестрѣ извѣстнаго археолога, перваго предсѣдателя Общества Ист. и Древн. Росс. при Московскомъ университетѣ. Случайный сановникъ, не получившій къ серьезнымъ государственнымъ дѣламъ должной подготовки, Балашевъ не ознаменовалъ ничѣмъ выдающимся свое долговременное служеніе. Не обладая широкимъ политическимъ умомъ, онъ отличался той изворотливостью и сметкой, которыя ведутъ къ быстрой карьерѣ, но не оставляютъ въ исторіи прочныхъ слѣдовъ. Хитрый и пронырливый царедворецъ, Балашевъ умѣлъ создать себѣ кратковременный блескъ, который быстро погасъ вмѣстѣ съ нимъ [1]).

---

[1]) О Балашевыхъ подробности см. родословная ихъ, Родословная кн., изд. «Рус. Ст.», т. I, стр. 126.—О лейбъ-компанцахъ «Русскій Архивъ», 1880 г., т, II, осо-

Дмитрій Александровичъ Кавелинъ (р. 28 апрѣля 1778 г., † 14 марта 1851 г.) былъ назначенъ въ Рязань въ 1823 году старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при Балашевѣ. Не въ первый разъ приходилось моему дѣду служить подъ его начальствомъ: въ 1812 году, когда Балашевъ былъ министромъ полиціи, Кавелинъ занималъ должность директора медицинскаго департамента, а съ 1817 г., кромѣ того, принялъ мѣсто директора главнаго педагогическаго института и благороднаго при немъ пансіона, а затѣмъ и Петербургскаго университета. Когда, по случаю извѣстной исторіи профессоровъ Германа, Арсеньева, Галича и Раупаха, Д. А. Кавелинъ долженъ былъ оставить университетъ, его назначили губернаторомъ во Владиміръ, но онъ отказался и предпочелъ снова служить подъ начальствомъ Балашева, къ которому былъ лично расположенъ [1]).

Въ 1823 году А. Д. Балашевъ отправился обозрѣвать ввѣренныя ему губерніи и долженъ былъ возвратиться въ Рязань къ 13-му іюля, т. е. ко дню своего рожденія. Его жена приготовила къ этому времени сюрпризъ на дачѣ Пустынкѣ, въ 4 верстахъ отъ Рязани, состоявшій въ праздникѣ, въ которомъ приняло дѣятельное участіе все лучшее тогдашнее рязанское общество и объ описаніи котораго идетъ рѣчь въ настоящей замѣткѣ. Это описаніе весьма интересно въ историческомъ отношеніи. Оно даетъ понятіе о житьѣ-бытьѣ и забавахъ русскаго провинціальнаго дворянства первой четверти XIX вѣка и указываетъ на степень культуры этого дворянства, а также на то положеніе, какое занимали тогда среди него мѣстные правители, облеченные особымъ довѣріемъ государя. Весьма характеристично, что тогдашнее рязанское дворянство сочувственно отнеслось къ подобной затѣѣ и, принявъ участіе въ чисто-семейномъ празднествѣ, тѣмъ самымъ придало ему видъ оффиціальнаго чествованія генералъ-губернатора. Во всѣхъ торжествахъ 13 іюля 1823 г. нельзя не видѣть подражанія тѣмъ великолѣпнымъ празднованіямъ, которыя устраивались въ Петербургѣ и сосѣднихъ съ нимъ загородныхъ дворцахъ (Царскомъ Селѣ и Петергофѣ) въ блестящій вѣкъ Екатерины II, а также и въ провинціяхъ въ честь «величайшей изъ женъ», во время путешествій «Сѣверной Семирамиды» въ Москву и отдаленныя области ея государства—Казань, Тавриду и Бѣлоруссію. Но подражаніе это, какъ всегда, является блѣдной копіей съ оригинала, становясь, кромѣ того, анахронизмомъ и незаслуженнымъ чествованіемъ такого лица, какъ Балашевъ.

бое приложеніе.—Віографія А. Д. Балашева, составленная подъ редакціей А. В. Висковатова, см. въ VI-мъ томѣ изданія «Императоръ Александръ I и его сподвижники».

[1]) Подробности о Д. А. Кавелинѣ см. въ моихъ «Матеріалахъ для біографіи К. Д. Кавелина», «Вѣстн. Евр.» 1886 г., май, стр. 8—14.

Не рѣшаясь утомлять читателей подробностями, а тѣмъ болѣе тяжелымъ слогомъ неизвѣстнаго автора «Описанія», передамъ сущность разсказа, сохранивъ впрочемъ стихи, которыми онъ пересыпалъ свое повѣствованіе.

«Коль сердце умъ нашъ направляетъ,
«Онъ можетъ, говорятъ, и чудеса творить;
«По празднику сему намъ можно утвердить,
«Что истинно оно бываетъ».

Такъ начинается это льстивое литературное произведеніе Рязанскаго Тредьяковскаго двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Не болѣе, какъ въ десять дней, выстроенъ былъ на генералъ-губернаторской дачѣ Пустынкѣ новый театръ, одинаковой величины съ публичнымъ театромъ города Рязани того времени.

«Для Таліи и Терпсихоры,
«Гдѣ проходилъ недавно плугъ,
«Громада очутилась вдругъ,
«Чтобъ удивить и умъ, и взоры!»

«Воздвигнулся памятникъ! украсилась дача, и сердца привлекли многочисленное дворянство къ участію сего праздника, который начался хороводомъ». Въ 5 часовъ пополудни участвовавшіе въ хороводѣ (около 50 лицъ), съ хозяйкой во главѣ, собрались у ближняго дома, съ правой стороны средняго павильона [1]).

«Когда бывалъ ли хороводъ
«Столь многочисленна дворянства?
«Блистали въ коемъ знатный родъ,
«Прелестны лица и убранства!»

При пѣніи соотвѣтствующихъ пѣсень, хороводъ обогнулъ павильонъ и направился на лужокъ близь оранжереи, гдѣ въ кругу хоровода проплясали порусски: племянница Балашева—С. П. Папкова и сынъ его Иванъ Александровичъ. Самъ виновникъ торжества и гости, увидавъ изъ павильона хороводъ, пошли вслѣдъ за нимъ на лужокъ и любовались танцами.

«Сколь можно въ плавной пляскѣ сей
«Дивить насъ грасами своими,
«Столь много въ ловкости своей
«Папкова всѣхъ плѣняла ими».

По окончаніи хороводныхъ и русскихъ плясокъ, всѣ участвовавшіе, продолжая держать другъ друга за руки, поздравляли А. Д. Балашева, проходя мимо него къ пруду, гдѣ изъ-за острова показалась мачтовая шлюпка, украшенная разными флагами. Рулёмъ правилъ князь А. Ф. Шаховской; гребцами были: братья Рюмины (Н. Г., И. Г., К. Г.), П. Г. Озерской, П. К. Крюковской и

---

[1]) Подробности см. въ приложеніи № 8.

И. Ф. Титаревъ. «Пассажирки» — Н. Н. Князева, В. А. и Е. А. Наумова, В. С. Мосолова. И гребцы, и дамы, были въ англійскихъ костюмахъ и пѣли въ честь генералъ-губернатора куплеты на голосъ народной англійской пѣсни. Когда шлюпка стала подплывать къ берегу, раздались крики ура, сопровождаемые пушечной пальбой. Сойдя на берегъ, всѣ шли попарно до мѣста, назначеннаго для «матлоцкаго танца», который и протанцовали вышепоименованныя «пассажирки» и А. А. Балашевъ.

«Съ обрядомъ англійскимъ во всемъ,
«Былъ сходенъ танецъ и наряды:
«Ухватки, пѣнье, даже взгляды,
«Никакъ не розпили ни въ чемъ.
«Чтò показалось намъ, столь много мы дивились,
«Что будто въ Англіи мы съ дачи очутились».

За павильономъ была раскинута большая палатка, а вокругъ нея разставлены между деревьями скамейки. По окончаніи танца загремѣлъ хоръ пѣсенниковъ, гости расположились въ палаткѣ и на скамьяхъ и были угощаемы чаемъ. Нѣкоторыя дамы были въ сарафанахъ и повойникахъ, унизанныхъ бриліантами и жемчугомъ, чтò дало поводъ автору «Описанія» воскликнуть:

«Съ одеждой сельской простоты,
«На мѣстѣ съ простотою сходнымъ
«Мѣшались моды пестроты
«Съ богатства блескомъ превосходнымъ».

Послѣ чая пошли къ лужку, вокругъ котораго были устроены разныя увеселенія, какъ, напр., качели, бильбокэ, кегли, а среди лужка возвышалась колонна, украшенная медальонами и фамильными вензелями; посрединѣ—вензель А. Д. Балашева, между вензелями его жены и тещи, а прочіе 39 медальоновъ съ вензелями дѣтей и ближнихъ родственниковъ окружали колонну и были соединены гирляндами изъ цвѣтовъ. На пьедесталѣ была слѣдующая надпись, сдѣланная самой хозяйкой: «Нѣжная привязанность супруги твоей внушила ей желаніе припомнить тебѣ симъ изображеніемъ ту картину, которую ты рисовалъ для матери своей, посвящая ей минуты отъ службы тебѣ свободныя» [1]).

На дощатой площадкѣ, съ трехъ сторонъ уставленной лимонными деревьями и другими оранжерейными растеніями и цвѣтами, былъ «групъ изъ дѣтей».

«Такъ тронуло его супруги столько нѣжной
«Ему желанье угодить,

[1]) По словамъ автора «Описанія», А. Д. Балашевъ, будучи 23 года передъ тѣмъ Ревельскимъ губернаторомъ, рисовалъ такую колонну съ медальонами для своей матери.

«Что чувства онъ свои старался изъяснить,
«Къ ней обратя свой взоръ прилежной,
«Души признательность тогда въ чертахъ явилась,
«И радости слеза изъ глазъ его пролилась:
«Спасибо русское сказалъ онъ съ русскимъ чувствомъ,
«Нельзя что изъяснить ничьимъ пера искусствомъ».

Изъ-за колонны вышли въ венгерскихъ костюмахъ княгиня А. Г. Лобанова-Ростовская и нѣкоторыя другія, раздалась музыка и начался венгерскій танецъ.

«Венгерокъ легкость и искусство,
«Венгерца ловкость,—ихъ нарядъ,
«На нихъ лишь устремили взглядъ,
«Пріятное вселили чувство,
«И всѣ тутъ искренно жалѣли,
«Что танецъ повторить еще просить не смѣли».

Послѣ венгерскаго танца, въ ново-построенномъ театрѣ, скрытомъ отъ взоровъ зрителей деревьями, загремѣлъ оркестръ. Всѣ поспѣшили туда и заняли мѣста. Шла комедія въ одномъ дѣйствіи «Два слова, или ночь въ лѣсу», передѣланная изъ французскаго водевиля, а потомъ опера-водевиль «Ренодастъ» въ двухъ дѣйствіяхъ, на французскомъ языкѣ; музыка была составлена нѣкоторыми изъ дѣйствующихъ лицъ [1]).

За этими пьесами слѣдовалъ дивертисментъ въ трехъ отдѣленіяхъ подъ названіемъ «Домашній праздникъ», состоявшій изъ разныхъ танцевъ. Первое отдѣленіе заключалось въ слѣдующемъ: сыновья А. Д. Балашева, одѣтые пастушками, исполнили па-де-труа. Затѣмъ были исполнены: па-де-шаль, па-де-де—съ тамбуринами, гавотъ, въ которомъ участвовали три пастушки и три пастушка; одинъ изъ нихъ поднесъ своей дамѣ розанъ и танцовалъ съ ней особо. По восемь человѣкъ танцовали кадриль съ гирляндами и кадриль «гулетонъ» и столько же малолѣтнихъ дѣтей, «къ удивленію всѣхъ, съ ловкостью и безъ малѣйшей ошибки танцовали съ вѣнками». Далѣе слѣдовали: танецъ съ птичкой въ клѣточкѣ, «вилажоазъ», тарантелла (соло съ кастаньетами), «тріангль» и, наконецъ, «групъ изъ 30-ти персонъ съ гулетками и гирляндами».

Второе отдѣленіе начиналось гавотомъ съ гирляндами, подражаніе Вестрисъ. Два генія приносятъ жертвенникъ, вокругъ кото-

---

[1]) Въ комедіи «Два слова, или ночь въ лѣсу» роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Вольбель, проѣзжій офицеръ—кн. А. Ф. Шаховской; Лафрансъ, слуга его — П. Г. Оверскій; трактирщица — А. Д. Денисьева; Рова — кн. А. Г. Лобанова-Ростовская; разбойники — Г. П. Ржевскій, В. М. Загряжскій, И. П. Пелуза и Ф. Ф. Керцели.—Въ «Ренодастѣ»: комендантъ—Ф. Ф. Керцели; Ренодастъ—Б. М. Загряжскій; Сефиза—кн. А. Г. Лобанова-Ростовская; Мартонъ — кн. Н. А. Шаховская; Алинъ садовникъ — Г. П. Ржевскій.

раго сыновья Балашева становятся на колѣна съ шалями и вѣнками. Минерва приказываетъ генію соединять ихъ гирляндами изъ цвѣтовъ, что̀ геній и исполняетъ. С. П. Папкова поетъ куплеты своего сочиненія [1]) и танцуетъ па-де-труа съ двумя Балашевыми; Минерва велитъ имъ стать къ жертвеннику, они становятся,—вдругъ показываются на транспарантѣ слова: «Amour filial». Минерва держитъ надъ жертвенникомъ вѣнокъ.

Въ третьемъ отдѣленіи кн. Н. А. Шаховская поетъ стихи своего сочиненія въ честь А. Д. Балашева [2]), а послѣ танцуетъ соло. Изъ-за деревьевъ, которыя исчезаютъ, являются два купидона и танцуютъ съ С. П. Папковой па-де-труа. По знаку Минервы задняя занавѣсь поднимается и, къ удивленію всѣхъ, представляется сквозь крепъ «групъ» изъ 50 человѣкъ, среди которыхъ помѣщается вензель Балашева; Минерва держитъ надъ нимъ лавровый вѣнокъ, а нимфы и геніи разныя гирлянды. Этимъ заканчивается дивертисментъ [3]).

По мнѣнію автора «Описанія», сами стихіи какъ бы способствовали пріятности праздника. Десять дней кряду,—замѣчаетъ онъ,—передъ праздникомъ стояли такіе жары, что на солнцѣ было не менѣе 30 градусовъ, и почти невозможно было дѣлать репетиціи танцевъ на предназначенныхъ мѣстахъ. Въ самый день праздника до пяти часовъ пополудни попрежнему было жарко, но вотъ солнце заслонилось тонкимъ облакомъ и оставалось такъ до начала представленія въ театрѣ. Тогда пошелъ дождь, прибилъ пыль и прохладилъ воздухъ даже въ театрѣ, а передъ выходомъ оттуда—прекратился.

По окончаніи спектакля, собрались въ среднемъ павильонѣ, гдѣ начался балъ, а затѣмъ былъ ужинъ. Вечеръ былъ тихій и пріятный, на деревьяхъ виднѣлись разноцвѣтные огни, и мѣсяцъ освѣщалъ полнымъ свѣтомъ возвращавшихся въ городъ гостей.

«Описаніе» праздника заканчивается слѣдующимъ болѣе или менѣе патетическимъ эпилогомъ.

«Казалось, какъ-будто ночь соревновала въ семъ пособіямъ дня, для успѣха праздника и пріятности посѣтителей; если бы не было сему болѣе 200 свидѣтелей, не упомянулъ бы я объ этомъ удиви-

---

[1]) См. приложеніе № 1.

[2]) См. приложеніе № 2.

[3]) Въ «Домашнемъ праздникѣ» принимали участіе слѣдующія лица: кн. А. Г. Лобанова-Ростовская, кн. Н. А. Шаховская, С. П. Папкова, А. С. и В. С. Мосоловы, Варв. Ал. Ел. Ал., Ек. Ал., Евг. Ал. Наумовы, М. Н. Макарова, Н. А. Вердеревская, баронесса В. А. Губертъ, Н. И. Князева, С. Г. Кирьякова, баронесса К. К. Фитингофъ; дѣти: княж. Над. Ал., Ек. Ал., Люб. Ал. Лобановы-Ростовскія, княж. Ек. Ал. Шаховская, Лид. Ив., Ел. Ив. Пейкеръ, П. П. и А. П. Семеновы и А. Д. Щербачева.—Н. А., А. А., И. А. Балашевы, Ник. Гавр., Ив. Гавр., Конст. Гв. Рюмины, Дм. Ив. Князевъ, кн. Григ. Ник. Чагодаевъ, Вл. Ст. Мосоловъ.

тельномъ приключеніи, дабы истина не могла имѣть видъ вымышленія.

«Какого здѣсь ума найду соображенье,
«Что могъ бы объяснить, что трудно мнѣ понять.
«Кто умствуетъ, скажи! къ чему намъ приписать
«Такое къ празднику стихій принаровленье?
«Не сердцѣ ли съ умомъ должны мы съединить,
«Чтобъ всѣмъ намъ Вышняго понять—благодарить—
«Когда въ желаньяхъ намъ мы видимъ исполненья?
«Возможно ль къ случаю всѣ дѣлать отношенья?..
«Удачныхъ случаевъ тутъ было не одинъ:
«Закрылось солнце вдругъ, когда желали тѣни,
«И вѣтровъ буйный властелинъ,
«Казалось, угождалъ, принявши самъ видъ лѣни;
«Дождь долженъ былъ итти, однако напередъ
«Дождался танцевъ всѣхъ на воздухѣ кончанье,
«Какъ-будто исполнялъ хозяйки приказанье—
«И шелъ лишь празднику онъ въ пользу, не во вредъ.
«Ужасно пыль прибилъ, пока въ театрѣ были;
«А пересталъ итти тогда, какъ выходили,
«И разнымъ далъ огнямъ гулянье украшать;
«Луна во весь свой блескъ насъ стала освѣщать
«Тогда, какъ ужинъ, балъ и праздникъ сей кончался,
«Что каждый будто днемъ весеннимъ возвращался!
«Къ печальности ль все это приписать?
«Ко благости Творца!—котораго вниманье,
«Коль чуть достойны мы, свершаетъ намъ желанье;
«То какъ на случай сей намъ мысль не обратить!
«Себя разительнымъ примѣромъ не клеймить?—
«Кто праздновалъ сей день, ее мы знаемъ свойства,
«И тайны милости, и чувства благородства,
«Семейны качества: то пусть ея успѣхъ
«Къ нравоученію послужитъ здѣсь для всѣхъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Пѣснь.

На голосъ: «Пріими побѣдъ вѣнецъ».

«Въ сей небомъ данный часъ
«Пріими любови гласъ
«Отъ всѣхъ сердецъ.
«Тебя любовь зоветъ,
«Тебѣ вѣнки плететъ,
«Тебѣ приноситъ даръ
«Отъ всѣхъ сердецъ.

«Среди благихъ трудовъ
«Покой тебѣ готовъ
«Въ кругу родномъ.
«Среди семьи твоей,
«Среди твоихъ дѣтей
«Блаженствомъ насладись
«Въ кругу родномъ.
«Дорога намъ одна
«Ко счастію дана:
«Благотворить.
«Кто ближнимъ далъ покой,
«Тотъ счастливъ самъ душой;
«Онъ жизнь всю посвятилъ—
«Благотворить.
«Кто жизнь отдалъ Царю,
«А сердце Олтарю,
«Съ тѣмъ вѣчно Богъ.
«Съ тѣмъ радостно всѣмъ жить,
«Отечеству служить,
«Съ тѣмъ легки всѣмъ труды,
«Съ тѣмъ вѣчно Богъ.
«Для счастья нашихъ дней
«Отъ всѣхъ тебя скорбей
«Богъ да хранитъ!
«Твои безцѣнны дни
«Въ благой своей сѣни,
«Мы просимъ всей душей,
«Богъ да хранитъ!»

№ 2.

«День милой твоего рожденья
«Есть праздникъ радости для всѣхъ,
«Въ тебѣ послало провидѣнье
«Источникъ счастья и утѣхъ.
«Желала бъ выразить тѣ чувства,
«Которы ты умѣлъ внушить;
«Но слабымъ можно ли искусствомъ
«Всѣ чувства сердца замѣнить.
«Семьи ты другъ и покровитель,
«Ты всѣмъ отрада и покой:
«Роднымъ и близкимъ благодѣтель,
«Ты Ангелъ сердцемъ и душой,
«Стократъ тотъ день благословляемъ,
«Въ которой ты на свѣтъ рожденъ
«И къ Богу всей душой взываемъ:
«Да будешь Имъ ты награжденъ».

№ 3.

«Въ половинѣ 5-го часа пріѣзжающія кареты напередъ останавливаются у перваго дому, куда входятъ дамы въ костюмахъ одѣты, и останавливаются въ биліардной комнатѣ, потомъ уже кареты подъѣзжаютъ къ большому дому, куда входятъ протчіе особы, передъ тѣмъ времянемъ, когда хороводу выходитъ изъ перваго дому, чтобъ идти садомъ, то въ это же время тѣ, которые должны быть на шлюпкахъ, садятся въ кареты и проѣзжаютъ къ дорожкѣ, вѣдущей очень близко къ пруду. Тѣ, которые должны быть въ венгерскомъ танцѣ, могутъ также поѣхать и, закрывшись, стоять на лугу, куда придетъ хороводъ и будутъ имѣть время, при концѣ матлоцкаго танца сѣсть на приготовленную линейку и отъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ имъ должно быть. По окончаніи матлоцкаго танца всѣ идутъ къ рощѣ, и останавливаются въ палаткѣ пить чай; этимъ времянемъ маленькіе, находящіеся въ хороводѣ и назначенные быть при хорѣ, имѣютъ время переодѣться и быть помѣщены на свои мѣста».

Д. Корсаковъ.

КАКЪ ВЪ СТАРИНУ ПЕРЕДѢЛЫВАЛИ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ МОЛОДЫЕ.

(Народное преданіе).

СЕНЬЮ, 1885 года, послѣ продолжительныхъ и трудныхъ раскопокъ кургановъ въ одномъ изъ мѣстъ бывшихъ вольностей запорожскихъ казаковъ, близъ теперешней деревни Вороной, имѣнія владѣльца А. М. Миклашевскаго, пониже г. Екатеринослава, медленно тащился я на парѣ захудалыхъ лошаденокъ, запряженныхъ въ огромную нѣмецкую бричку, имѣющую видъ длиннаго ящика, съ придѣланнымъ къ нему дышломъ. Мой путь лежалъ отъ села Славгорода, Павлоградскаго уѣзда, къ селу Покровскому, Александровскаго уѣзда. День былъ превосходный; на небѣ ни облачка; солнце хотя и припекало, но не жгло и не палило такъ, какъ оно жжетъ и палитъ въ лѣтніе мѣсяцы; въ степи было такъ тихо, точно природа погрузилась на время въ сладкую дремоту, въ легкій полусонъ, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Я сидѣлъ на такъ называемомъ креслѣ, попросту сказать, люлькѣ, навѣшенномъ при помощи толстыхъ ремней на поперечныя стѣнки брички, и слегка покачивался, то нависая всѣмъ тѣломъ напередъ, то наклоняясь правымъ или лѣвымъ бокомъ на ту или на другую сторону брички; покойное сидѣніе и тихая ѣзда убаюкивали меня. Передо мною на передней дощечкѣ сидѣлъ кучеръ, типичный новороссійскій хохолъ, бѣлокурый, съ длинными русыми усами, съ короткой черной, давно небритой бородой, съ остриженной вплотную круглой головой, въ широкихъ темнаго цвѣта шароварахъ, надѣтыхъ поверхъ бѣлой съ мережками сорочки и опоясанныхъ суконнымъ, зеленаго цвѣта, поясомъ. И выраженіе лица, и отрывочныя, бросаемыя какъ бы на

ходу и вскользь, замѣчанія моимъ возницей, сразу дали мнѣ понять, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ не безъ юмора.

— Пане!

— А что?

— Я хотѣлъ спросить васъ о чемъ-то, да и самъ не знаю, какъ оно вамъ покажется.

— Спроси, можетъ быть и хорошо покажется.

— Вы подчасъ не изъ тѣхъ, что курганы копаютъ?

— Нѣтъ, братецъ, не изъ тѣхъ; цуръ имъ совсѣмъ! Я съ тѣми и знаться не знаюсь и вѣдаться не вѣдаюсь. А что, развѣ ты знаешь кого-нибудь изъ нихъ?

— Самъ-то ничего не знаю, а вотъ слышать—слышалъ.

— А что же именно ты слышалъ?

— Да слышалъ, будто они много золота выкапываютъ въ курганахъ. Вотъ тамъ, надъ Днѣпромъ, близко Лоханскаго порога, стоитъ деревня пана Миклашевскаго, и близъ той деревни Богъ насѣялъ страшное множество кургановъ. Такъ вотъ до этихъ-то кургановъ выѣхалъ изъ Петербурга панъ; говорятъ, и молодой еще, а бѣдовый каторжный человѣкъ... Ну, такъ этотъ панъ и выѣхалъ до кургановъ, выѣхалъ онъ до кургановъ и давай ихъ копать. И что бы вы думали, что онъ выкопалъ? Что онъ выкопалъ? Выкопалъ сорокъ пудовъ золота! Выкопалъ да какъ навалилъ на воловъ да й «посунулъ» въ губернію. Кожа на волахъ трещитъ, а онъ «сунетъ»; а изъ губерніи прямо къ царю повезъ. Вотъ оно что! И какъ вы думаете, спрошу я васъ, своею то онъ силою выкопалъ тѣ деньги? Думаю, что не своею. Потому, видите ли, прежде чѣмъ копать курганъ, онъ всходитъ на самую вершину его, вынимаетъ изъ кармана какую-то стрѣлочку и на нее смотритъ, а она уже ему и показываетъ, гдѣ и клады лежатъ, гдѣ и что другое [1]). Она такъ и «тіпается» у него въ рукахъ; онъ говоритъ: «тутъ кладъ!» А она показуетъ: «нѣтъ, вотъ тутъ!»

— Нѣтъ, братику, я не изъ такихъ. И неужелижъ-таки правда, что въ тѣхъ курганахъ богатство зарыто?

— Вѣроятно, что правда, коли у насъ всѣ такъ говорятъ; сорока—сорокѣ, ворона—воронѣ, а за ними уже и народъ.

— Да кто же зарывалъ его тамъ?

— Гм! Кто зарывалъ? Куцые черти да чубатые запорожцы!

— Какъ такъ?

— А вы не знаете, какъ? Дивно мнѣ; вы, кажется, и грамотный человѣкъ, а той притчи, какъ чортъ, да запорожскій кузнецъ зарывали въ курганы деньги, и не знаете.

— И слыхомъ не слыхалъ.

---

[1]) Разсказчикъ разумѣетъ магнитную стрѣлку, которую я всегда употребляю при раскопкахъ кургановъ для опредѣленія точекъ ихъ положеній.

— Э, такъ вы, значитъ, не знаете и того, какъ старыхъ людей передѣлываютъ на молодыхъ?

— Ну, ужъ этого, братику, я и понять-то не могу, не то что не знаю.

— А коли не знаете, такъ послушайте. Вотъ какъ оно было:

...Жилъ когда-то между запорожцами одинъ кузнецъ, да не такой кузнецъ, какіе теперь повелись,—пьянюги да мошенники,—а кузнецъ настоящій, честный, трезвый человѣкъ, еще стариннаго завѣту. И ковалъ онъ коней чуть ли не на всю Сѣчь. Чуть свѣтъ, а онъ уже и въ кузницѣ, уже й «гукаетъ» молотомъ. Только сколько онъ ни дѣлалъ, сколько ни годилъ себѣ и казакамъ, а все бѣднякомъ былъ: ни на немъ, ни подъ нимъ. Вотъ какъ-то разъ приходитъ онъ къ своей кузницѣ «у-досвита», а на дворѣ было еще такъ темно, что хочь въ глазъ коли, то ничего не видно. Отомкнулъ дверь; вошелъ въ средину. А тамъ, у него, видите ли, всегда висѣло двѣ картины: на одной срисованъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, а на другой намалеванъ чортяка съ рогами; первая картина прибита была на стѣнѣ, что прямо противъ дверей, а вторая на стѣнѣ, что надъ дверьми. Такъ вотъ какъ бывало войдетъ кузнецъ въ кузницу, то сейчасъ же станетъ лицомъ къ иконѣ и помолится Богу, а потомъ обернется назадъ и плюнетъ чорту, да и плюнетъ какъ разъ въ самую рожу. Вотъ такъ онъ и дѣлалъ каждый день; Богу помолится, а чорту плюнетъ; такъ сдѣлалъ онъ и на этотъ разъ; потомъ взялъ въ руки молотокъ и началъ «гукать». Ударилъ тамъ два или три раза, коли гулькъ, а передъ нимъ стоитъ парняга, здоровый, красовитый, съ такими черными усами, что они такъ и «вылискуются» у него; а на видъ нѣсколько смугловатый. «Здоровъ, дядько!»—«Здоровъ, парняга!» «Часъ добрый тебѣ ковать и не перековать, брать денегъ и не перебрать!» —«Хорошо говоришь, да не ладно выходитъ». «А что такъ?»—«А то, что сколько я ни работаю, а нѣтъ ни на мнѣ, ни подо мною». «Жалко мнѣ тебя, дядько, но что же дѣлать, коли у тебя такая скверная наука? Вотъ если бы ты зналъ той науки, которую я знаю, то тогда бы ты и горемъ объ землю покатилъ».—«А какая же твоя наука?» «Моя такая наука, что по ней я могу старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ».—«Неужели можешь»? «Могу!» —«Научи меня, спасибо тебѣ!» «Э, не хотѣлось бы мнѣ, но жаль ужъ очень тебя. Такъ вотъ же что: пойдемъ вмѣстѣ по свѣту, посмотришь ты, какъ я дѣло дѣлаю, то и себѣ научишься».—«Пойдемъ». Вотъ и пошли они. Идутъ-идутъ; приходятъ въ одну слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?»—«Панская». «А есть тутъ панъ?»—«Есть!» «А что онъ старый или молодой?»—«Да лѣтъ съ девяносто будетъ». «Ну, вотъ это и нашъ; идемъ къ нему». Пришли, доложились объ себѣ. Вотъ и вылазитъ панъ, старый-престарый, сморщенный, насилу волочитъ ноги. «А

что вы скажете, мужички?»—«Да мы пришли, пане, называться вамъ работою». «А какую же вы работу можете исполнять?»—«Мы можемъ, пане, старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ».—«Неужели можете?» — «Можемъ». — «Сдѣлайте милость, передѣлайте меня». «А что дадите?»—«А что возьмете?»—«Да съ васъ тысячу рублей надо, потому что вы ужъ больно стары».—«Нельзя ли взять восемьсотъ?»—«Нѣтъ, пане, струментъ дорого стоитъ». Сюды-туды: сторговались за тысячу. Тогда тотъ молодой парняга взялъ долбню «ошелешилъ» пана по лбу, изрѣзалъ его на куски, повкидалъ тѣ куски въ бочку, налилъ туда воды, насыпалъ золы, взялъ весилку да и давай все это мѣшать весилкою. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ плюнулъ-дунулъ, да какъ крикнетъ: «стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» Тутъ по этому слову изъ бочки выскочилъ такой молодецъ, что ажъ любо на него посмотрѣть, молоденькій-молоденькій, какъ будто ему лѣтъ семнадцать. Получилъ парняга тотъ деньги, часть далъ кузнецу, а часть зарылъ зачѣмъ-то въ курганъ. Пошли дальше. Идутъ-идутъ; приходятъ въ другую слободу и сейчасъ же спрашиваютъ: «А что это панская слобода?» «Панская». «А кто тутъ живетъ—панъ или паня?» «Паня». «А стара она?» «Да лѣтъ сто, а то и больше». «Вотъ это и наша. Идемъ». Приходятъ, докладаются объ себѣ. Вотъ и выносятъ имъ барыню на подушкахъ. Такая страшная, такая страшная, что смотрѣть даже страшно. «Что вы скажете мужички?» «Да мы пришли называться работою». «А что вы можете работать?» «Можемъ старыхъ людей передѣлывать на молодыхъ». «Можете?» «Можемъ!» «Сдѣлайте божескую милость, передѣлайте меня!» «А чтожъ можно! Только дадите вы намъ двѣ тысячи рублей?» «Нельзя ли полторы?» «Никакъ нельзя, намъ стоитъ струментъ дорого». Ну, вотъ, такъ-сякъ, за двѣ тысячи договорились. Вотъ тотъ парняга вновь взялъ свою долбню, хватилъ ею по лбу паню, порѣзалъ тѣло на куски, укинулъ ихъ въ бочку, налилъ воды, насыпалъ золы, взялъ весилку и началъ ею мѣшать. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ плюнулъ-дунулъ да какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» а оттуда и вышла такая красавица, такая красавица, что ажъ сіяетъ: точно ей годовъ шестнадцать. Получили деньги, подѣлили, опять часть ихъ парняга зарылъ въ курганъ, и, пошли въ третью слободу. Тутъ они тоже нашли какого-то пана и передѣлали его изъ стараго на молодого. Вотъ кузнецъ видитъ, что наука того парня не особенно мудра, и говоритъ самъ себѣ: «Э, катъ тебѣ бери! Я и самъ теперь могу то же самое сдѣлать!» Положились спать. Вотъ только-что нашъ парняга заснулъ, а кузнецъ поднялся да и ушелъ. Приходитъ въ слободу и сейчасъ же спрашиваетъ: «А есть ли тутъ панъ?» «Есть»,—отвѣчаютъ. «А старъ онъ?» «Да, годовъ семьдесятъ будетъ». «Вотъ это и мой». Приходитъ; доложился объ себѣ. Выходитъ панъ—хилый-прехилый, да

еще и сгорбленный. «А что скажешь, мужичекъ?» «Да пришелъ работою называться». «А какую же ты работу можешь дѣлать?» «Могу изъ старыхъ людей дѣлать молодыхъ». «Можешь?» «Могу!» «А что ты возьмешь передѣлать меня?» «Тысячу рублей!» «О, какъ дорого! возьми восемьсотъ». «Никакъ нельзя, потому что струментъ дорого стоитъ». Такъ-сякъ, за тысячу согласились. Вотъ тотъ кузнецъ взялъ долбню, убилъ ею пана, изрѣзалъ его на кусочки, побросалъ тѣ кусочки въ бочку, налилъ туда воды, насыпалъ золы, взялъ веселку и давай мѣшать. Мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ, а потомъ какъ свиснетъ, какъ крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» А оно ничего и не выходитъ. Онъ вновь мѣшать; мѣшалъ-мѣшалъ, мѣшалъ-мѣшалъ,—потъ бѣднягу прошибъ и снова крикнетъ: «Стань передо мною, какъ листъ передъ травою!» и снова ничего не выходитъ. Онъ и въ третій разъ, и въ третій не выходитъ. Что тутъ дѣлать? А дѣти убитаго пана пристаютъ, чтобы кузнецъ воротилъ имъ отца, а не воротитъ, то въ Сибирь зададутъ. «Погодите, — говоритъ кузнецъ, — старъ онъ черезчуръ: не вкипѣлъ!» Да снова мѣшать. Вотъ уже и ночь обняла его; усталъ бѣдный кузнецъ, сѣлъ и задумался. Коли кто-то торкъ его за руку! Оглянулся кузнецъ, а это парняга тотъ съ блескучими глазами и черными усиками. «Чего это ты, дядько, такъ зажурился?» «Э, голубчикъ мой сивый, выручь изъ бѣды! Покарала меня нечистая гадина: я думалъ, что уже научился твоей наукѣ, взялъ ушелъ отъ тебя да и давай передѣлывать старыхъ людей на молодыхъ, а вотъ оно вышло такъ, что я ничего не умѣю: убилъ человѣка, а теперь и не воскрешу. Сдѣлай милость, помоги въ бѣдѣ! До вѣку не забуду!» Задумался парняга, а кузнецъ все проситъ. «Ну, вотъ что: я тебѣ помогу, только дай мнѣ одинъ зарокъ». «Какой твоей душѣ угодно, такой и дамъ; что же именно тебѣ нужно?» «Да что? Не будешь ты плевать вотъ на ту картину, которая виситъ у тебя въ кузницѣ надъ дверьми?» «Да это та, что чортъ на ней намалеванъ?» «Та самая!...» Понялъ тогда кузнецъ, что у него за товарищъ и какая его наука... Ну, что же было дѣлать? «Не буду, до вѣку не буду!» Съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать чорту въ рожу, съ тѣхъ же поръ люди и пословицу сложили: «Бога не забывай да и чорта не обижай». Это сдѣлалось между запорожцами, а отъ нихъ уже и къ намъ перешло... А что хороша моя баечка?.

— Хороша-то хороша, но я не понимаю, зачѣмъ же чортъ зарывалъ заработанныя имъ деньги въ курганы?

— А за тѣмъ, что то христіанскія деньги,—они бы его спалили.

Тутъ бричка наша поднялась на небольшой пригорокъ, потомъ скатилась внизъ, и черезъ десять-пятнадцать минутъ мы очутились въ селѣ Николаевкѣ. Передъ нами потянулись вереницы чистенькихъ, выбѣленныхъ хатъ съ ихъ зеленѣющими садиками и

высокими стройными тополями, то тамъ, то сямъ пирамидально поднимающимися кверху. А вотъ, среди села, у самой дороги, показалась и корчма, съ большой бутылкой, привязанной къ палкѣ, воткнутой подъ стрѣху хаты, и съ желѣзной вывѣской, стоящей на соломенной крышѣ, съ изображеніемъ бочки и ухаживающаго возлѣ нея полупьянаго хохла съ огромнымъ рожкомъ для табаку въ лѣвой рукѣ.

— Пане, а пане! что я вамъ скажу?

— Говори, если что есть.

— Вы не знаете, какъ я страдаю животомъ?

— Нѣтъ, не знаю; но если ты страдаешь животомъ, то ты бы побывалъ у доктора.

— Я былъ у доктора.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Да что онъ мнѣ сказалъ? Ты, говорить, хлопче, ничѣмъ другимъ не можешь вылѣчиться, какъ горилкою: какъ будешь ѣхать мимо корчмы, такъ и не минай.

— Ну, коли тебѣ такъ докторъ сказалъ, то подвертывай къ корчмѣ.

... Уже солнце совсѣмъ склонялось къ горизонту, когда мы оставили корчму и потянулись дальше по направленію къ востоку отъ Николаевки. Лошаденки наши, переступая съ ноги на ногу, едва-едва тащили тяжелую бричку.

— Эхъ, пане, пристануть наши кони!

— Такъ что же дѣлать?

— Что дѣлать? Съѣдимъ вотъ въ ту балку, что впереди насъ, отпряжемъ коней да и заночуемъ въ ней.

— И то дѣло.

Скоро мы сползли въ балку, отъѣхали немного въ сторону съ дороги, распрягли коней, пустили ихъ въ степь, а сами расположились подъ бричкой, между колесами, на голой землѣ, подмостивъ лишь подъ головы по клочку душистой степной травы. Ночь была тихая-тихая; изъ-за горизонта выплывала полная и чистая луна, на небѣ мигали и переливались миріады звѣздъ, дикіе степные цвѣты отдѣляли отъ себя пахучіе ароматы и напояли ими прозрачный воздухъ. Вдоль всей балки тянула пріятная, послѣ жаркаго дня, прохлада. Среди ночной тишины только и слышно было, какъ фыркали да пощипывали траву наши лошади. Я долго прислушивался къ этому звуку, потомъ мало-по-малу сталъ забываться и, наконецъ, заснулъ мирнымъ и безмятежнымъ сномъ...

Д. И. Эварницкій.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВОТЧИННО-МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ ПРОШЛАГО ВѢКА.

ЧЕРЕЗЪ ВСЮ нашу исторію, за весь крѣпостной ея періодъ, проходятъ весьма не рѣдкіе эпизоды крестьянскихъ волненій. Эти волненія вызывались и крестьянскою бѣдою, и административно-вотчинною неправдою, и нерѣдко исконнымъ крестьянскимъ неразуміемъ... Къ подобнымъ фактамъ принадлежитъ и слѣдующій случай, заимствованный мною изъ подлиннаго архивнаго дѣла о безпорядкахъ происходившихъ въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, въ вотчинахъ Московскаго Новоспасскаго монастыря.

25-го августа 1756 года, новоспасскій келарь Сильвестръ получилъ отъ монаха Тимоѳея, проживавшаго въ селѣ Спасскомъ, рапортъ съ сообщеніями совершенно неожиданными. Конечно, іеромонахъ Сильвестръ давно зналъ, что спасскіе монастырскіе крестьяне были крайне недовольны монастырскою барщиною и оброками, и вслѣдствіе этого бѣжали изъ вотчины вонъ, куда глаза глядятъ, цѣлыми семьями. Но онъ слишкомъ расчитывалъ на мужицкое долготерпѣніе. Случилось же вотъ что.

Спасскіе крестьяне обнаружили полное неповиновеніе своимъ монастырскимъ властямъ. Тогда московская сѵнодальная контора снеслась съ воронежскою губернскою канцеляріею и въ Спасскія дебри, для усмиренія бунта, двинулся отрядъ подъ начальствомъ капитана Сѣверцова. Въ отрядѣ Сѣверцова было два офицера: Касаткинъ и Медвѣдевъ и многое число конныхъ и пѣшихъ солдатъ воронежскаго гарнизона и Ямбургскаго драгунскаго полка.

Солдаты вооружены были ружьями, пистолетами, палашами, ручною картечью. Вся эта грозная сила вступила въ село Спасское вечеромъ 22-го августа 1756 года и разбрелась по крестьянскимъ дворамъ. Въ лучшей избѣ остановился самъ Сѣверцовъ съ офицерами. Немедленно къ нему явился съ обыкновеннымъ поклономъ сельскій староста и спросилъ:

— По какому дѣлу, ваше благородіе, пожаловали къ намъ съ командою?

Сѣверцовъ промолчалъ и выслалъ старосту вонъ, а, между тѣмъ, отдалъ приказъ: взять у крестьянъ безденежно сѣна, овса и изъ одоней всякаго хлѣба. Приказъ былъ исполненъ немедленно. Солдаты разбрелись по задворкамъ и озорнически начали травить хлѣбъ.

На утро 23-го августа весь отрядъ вооружился, выровнялся и двинулся на сельскую торговую площадь для экзекуціи. Солдаты шли съ примкнутыми штыками, съ обнаженными палашами и съ барабаннымъ боемъ, яко непріятели на приступъ,—жаловались впослѣдствіи спасскіе крестьяне. За солдатами молча и сурово двигалась крестьянская толпа, въ которой между прочимъ мелькали и ярко-красные бабьи платки, и свѣтло-русыя дѣтскія головы. И вотъ, по командѣ Сѣверцова, солдаты выстрѣлили въ толпу. Крестьяне всполошились и бросились врассыпную. Тогда Сѣверцовъ съ офицерами верхами устремились за крестьянами и начали бить ихъ палашами. Во время этой суматохи убиты были крестьяне Алексѣй Өедоровъ, Родіонъ Аөанасьевъ и Дмитрій Ильинъ. Кромѣ того, было много раненныхъ. А Сѣверцовъ побѣдоносно разъѣзжалъ по площади и грозилъ всѣхъ крестьянъ побить до смерти, а дворы ихъ выжечь и разорить безъ остатка. Однако, понемногу крестьяне опомнились. Злоба взяла ихъ на незванныхъ,—какъ они говорили,—непрошенныхъ гостей, и они плотной стѣной ринулись на команду съ кольями и дубьемъ. Солдаты начали поспѣшно отступать и укрылись на монастырскомъ дворѣ, между тѣмъ какъ офицеры спрятались въ своей квартирѣ. Въ это время по селу гудѣлъ набатъ. По дорогамъ бѣжали въ Спасское окрестные крестьяне. Такимъ образомъ, составилась огромная, болѣе 1,000 человѣкъ, крестьянская вооруженная толпа и подъ руководствомъ крестьянина Михайла Мирзина, перваго къ противности заводчика, открыла противъ команды самыя рѣшительныя дѣйствія. Солдаты, всѣ до одного, были обезоружены и нещадно избиты. У многихъ были переломаны руки и ноги и пробиты головы. Солдатское оружіе было испорчено и приведено въ негодность... Дошла очередь и до офицеровъ. Они было заперлись въ своей избѣ, но ея двери и окна немедленно были выломаны, офицеры схвачены и подвергнуты тяжкимъ истязаніямъ, биты они были смертными побои. Капитана Сѣверцова приковали къ ногѣ трупа Алексѣя Өедорова, а осталь-

ныхъ офицеровъ ножными желѣзами сковали другъ съ другомъ и всѣхъ ихъ вытащили, раздѣтыхъ и избитыхъ, на торговую площадь. Тамъ ихъ и бросили вмѣстѣ съ тѣломъ... Такъ какъ стояла теплая погода, то тѣла убитыхъ спасскихъ крестьянъ быстро начали разлагаться. Въ особенности скоро разложилось мертвое тѣло Дмитрія Ильина и былъ отъ него въ избѣ нестерпимый смрадъ, отъ котораго убѣжали на дворъ даже родственники покойника. Въ эту-то смрадную избу озлобленные крестьяне и привели съ площади своихъ несчастныхъ плѣнниковъ, кинули на лавки соломы, а на солому бросили офицеровъ. Въ ужасномъ сосѣдствѣ съ разложившимся тѣломъ, у котораго уже и руки сами собой отвалились, Сѣверцовъ и его товарищи пробыли 3 дня!

Во все это время въ зловонную избу наскоро вбѣгали крестьянскія спасскія женки, били беззащитныхъ узниковъ по щекамъ и смѣялись надъ ихъ плачемъ и стонами...

А солдатъ въ то же время содержали на монастырскомъ дворѣ. Тамъ ихъ морили голодною смертію, смѣялись надъ ними и похвалялись: «Хотя бы и два полка вашихъ супротивъ насъ прислали, въ обиду себя не дадимъ». Кругомъ связанныхъ солдатъ, брошенныхъ на голую землю, въ безпорядкѣ валялось сломанное солдатское оружіе: ружья съ оторванными замками, исковерканные палаши и штыки.

Черезъ недѣлю послѣ этого, когда спасскіе крестьяне нѣсколько поунялись и поуспокоились, новоспасскій келарь Сильвестръ, бывшій въ то время въ городѣ Керенскѣ, обратился въ керенскую воеводскую канцелярію съ просьбою о командированіи въ возмутившуюся вотчину надежнаго лица для выручки плѣнниковъ и, вообще, для надлежащаго ознакомленія съ совершившимися фактами. Воеводская канцелярія, по этой просьбѣ, командировала въ село Спасское отставного капитана Карякина и прапорщика Сакаева съ небольшимъ числомъ солдатъ и съ понятыми окрестными крестьянами.

29-го августа, утромъ, капитанъ Карякинъ выѣхалъ къ мѣсту назначенія. Между Керенскимъ и Спасскимъ разстояніе только 30 верстъ, тѣмъ не менѣе осторожный капитанъ подъѣхалъ къ возмутившемуся селу передъ вечеромъ. Всѣхъ встрѣчныхъ путешественниковъ онъ разспрашивалъ о томъ, что дѣлается въ Спасскомъ и что слышно про дальнѣйшія намѣренія обывателей. Въ отвѣтъ онъ получалъ одно и то же: «въ томъ селѣ обывателей во улицахъ находится въ великомъ собраніи и ѣхать къ нимъ не безъ опасности». Изъ деревни Лопуховки Карякинъ послалъ въ Спасское гонца Давыда Исаева.

Исаевъ подъѣхалъ къ околицѣ, которую охраняла многолюдная вооруженная толпа, и вызвалъ къ себѣ спасскаго выборнаго Степана Караушева. Исаевъ сообщилъ Караушеву:

— Посланъ изъ Керенска капитанъ для осмотра вашего села и не будетъ ли ему отъ васъ какого озлобленія?

— Ежели капитанъ ѣдетъ съ честію,—отвѣчалъ Караушевъ,— пускай пріѣзжаетъ.

Утромъ 30-го августа Карякинъ въѣхалъ въ Спасское. Такъ какъ сельскія улицы были переполнены народомъ, при чемъ многіе обыватели, за тѣснотою, глядѣли на керенскій поѣздъ съ крышъ и съ колокольни, то керенскій капитанъ смутился и послалъ солдата Малина вѣжливо справиться у сельскихъ властей: гдѣ велятъ ему остановиться... Мѣсто было указано.

Когда Карякинъ шелъ затѣмъ осматривать плѣнную команду, его сопровождало множество народа съ дреколіемъ. Составленъ былъ актъ осмотра, а въ немъ значилось:

«На капитанѣ Григоріи Сѣверцовѣ явилось: хребетъ и лѣвый бокъ опухъ, правая рука значитъ синя и багрова, на головѣ волосы выдраны, лѣвый високъ и лѣвое ухо оцарапаны, да на лѣвой рукѣ указательный палецъ расшибенъ и штаны изодраны».

Подобные же знаки явились и на остальныхъ чинахъ команды. У кого была кисть руки перебита или голова проломлена, или вся одежда уничтожена, и у всѣхъ были синебагровыя пятна...

Во время осмотра, когда происходило подробное описаніе боевыхъ знаковъ изувѣченныхъ воинскихъ чиновъ, спасскіе крестьяне все подшучивали. Опухшія мѣста они называли жиромъ, а про сине-багровые знаки отзывались такъ:

— Это у нихъ, у вашихъ солдатъ, отъ лежанія, да блохи наѣли.

Когда же керенскіе слѣдователи вошли на монастырскій дворъ, гдѣ въ безпорядкѣ свалены были оружіе и аммуниція, то шутники и тутъ не унялись и съ притворнымъ страхомъ говорили:

— Не подходите къ ружью близко, оно все заряжено и какъ бы всѣхъ васъ не побило...

Въ ночь 30-го августа Карякинъ возвратился въ Керенскъ. Команда Сѣверцова осталась въ плѣну. А спасскіе обыватели, подъ руководствомъ какого-то Шацкаго подканцеляриста Валуева, принялись сочинять жалобу на Сѣверцова съ командой. На сходѣ они выбрали Степана Акимова и Семена Дмитріева и на мірской подводѣ отправили ихъ въ Шацкъ, въ провинціальную канцелярію. Шацкій воевода Ниротворцевъ принялъ ходоковъ весьма грозно и немедленно приказалъ: «подателей написать въ колодничій реестръ и отдать подъ крѣпчайшій караулъ». Засѣли эти горемычные податели навѣкъ въ сырую и грязную тюрьму. Изъвѣдали они всю муку пристрастныхъ допросовъ. Пошла о нихъ въ разныхъ мѣстахъ переписка, ничего хорошаго имъ не обѣщавшая, а наивные земляки ихъ, собираясь на шумные деревенскіе сходы, или же посиживая на заваленкахъ и у царевыхъ кабаковъ, все

ждали ихъ съ часа на часъ съ добрыми вѣстями и съ грозною карою для монастырскихъ властей и воинскихъ командъ.

Наступила осень 1756 года. Переписка о спасскихъ возмутителяхъ кончилась. Сенатъ (съ Сvнодомъ) и Военная Коллегія рѣшились приступить къ рѣшительнымъ и усиленнымъ дѣйствіямъ. Противъ вотчины Новоспасскаго монастыря, именно противъ селъ Спасскаго, Введенскаго и Козмодемьянскаго, виновныхъ въ неповиновеніи монастырю и въ возмущеніи и прочихъ непорядочныхъ поступкахъ, наряжена была команда Тенгинскаго пѣхотнаго полка, въ трехъ ротахъ, подъ начальствомъ секундъ-маіора Маркова. Команду везли изъ Тамбова на перемѣнныхъ обывательскихъ подводахъ. 28-го ноября роты остановились передъ селомъ Введенскимъ. Начальникъ отряда по реестру потребовалъ отъ сельскихъ властей выдачи зачинщиковъ. Но крестьяне въ томъ учинились противны и не токмо никого не дали, но его маіора съ командою въ то село не пустили. Лишь только передовой взводъ приближался къ околицѣ, какъ всѣ обыватели, старые и малые, точно по командѣ, произвели чрезвычайный крикъ. Всѣ взрослые мужики вооружились чѣмъ попало и съ азартностію стали бить солдатъ дубьемъ и всякимъ дреколіемъ, и кололи рогатинами смертельно, и палили изъ ружей и прострѣлили шедшему при первомъ взводѣ поручику Журавлеву шляпу навылетъ и копьемъ ногу покололи и лобъ оцарапали, а у самаго маіора отбили собственную его лошадь.

Маіоръ Марковъ не рѣшился приступать къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Повидимому, это былъ человѣкъ осторожный и вдумчивый. Онъ вернулся въ мирныя деревни и сталъ ожидать начальственныхъ распоряженій. Скоро послѣдовалъ указъ: всѣхъ противниковъ стараться окружить и, не упуская ни единаго, ловить и сажать подъ крѣпкій караулъ. А ежели тѣхъ деревень крестьяне будутъ паки чинить противности, то въ такомъ случаѣ съ ними поступать, какъ съ злодѣями, военною рукою.

Команда Маркова была усилена отрядомъ Ярославскаго полка въ 700 человѣкъ подъ начальствомъ Хатунскаго. На помощь къ конницѣ и пѣхотѣ явилась еще одна пушка и мортиры съ принадлежащими къ нимъ припасы. Тогда произошло то, что сотни разъ бывало на Руси. Неразумные возмутители были схвачены, связаны и скованы и препровождены въ тюрьмы. Спаслись лишь тѣ, которые во время скрылись съ женами и дѣтьми въ дремучихъ лѣсахъ.

На этотъ разъ окончательный судъ надъ возмутителями былъ въ Рязани, такъ какъ Шацкая провинціальная канцелярія явилась подозрительна.

На судѣ, между прочимъ, выяснились, что новоспаскіе старцы въ качествѣ вотчинныхъ управителей были далеко не на высотѣ своего призванія. Они издавна чинили крестьянамъ многія обиды и взятки. На этомъ печальномъ поприщѣ больше всѣхъ старцевъ прославился іеромонахъ Евстафій. Все это и было причиною того, что Спасскіе, Введенскіе и Козмодемьянскіе крестьяне перестали платить монастырю оброкъ и прочіе сборы. Недоразумѣнія между монастыремъ и крестьянами обострились еще въ 1754 году и только крайняя монастырская безпечность довела дѣло до открытаго крестьянскаго возмущенія и до кровавой правительственной расправы. Еще тогда, по монастырскому ходатайству, въ Новоспаскія вотчины пріѣзжали особо командированные офицеры и брали съ старость и выборныхъ подписки относительно безусловнаго повиновенія. Но уже и въ то время по монастырскимъ вотчинамъ ходили упорные слухи, что офицеры подкуплены монастырскими властями за 200 рублей и что ихъ грамотки—воровскія и непотребныя. Эту мысль съ особенною энергіею распространялъ по селамъ уже упомянутый нами крестьянинъ Михайла Мирзинъ, грамотѣй и начетчикъ.

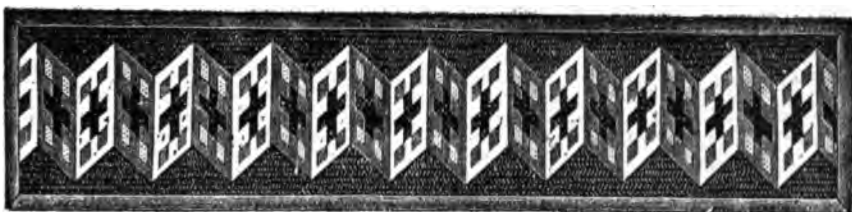
«Оный Михайла Мирзинъ,—писала Московская сvнодальная контора,—вотчинныхъ крестьянъ ухищренно научаетъ и въ дѣлахъ приказываетъ». И его хотѣли было арестовать присланные изъ Воронежа солдаты еще въ 1755 году, но вынуждены были вернуться домой ни съ чѣмъ, такъ какъ изба Мирзина была охраняема днемъ и ночью вооруженными крестьянами. У воротъ его избы попеременно стояло по 20 человѣкъ и приблизительно такое же число дежурило на дворѣ, на огородѣ и вокругъ усадьбы. Ясно, вотчинный міръ берегъ Мирзина, какъ человѣка своего, мірского. Посланные изъ Воронежа солдаты такъ испугались толпы, грозно оберегавшей мірского любимца, что отреклись даже отъ своего посланничества и на вопросъ о томъ, что они за люди, отвѣчали: «мы люди проѣзжіе, по своимъ дѣламъ ѣдемъ изъ Воронежа въ Астрахань». Вслѣдъ за воронежскими солдатами въ томъ же 1755 году пріѣзжали въ село Спасское съ уговорными грамотами прапорщикъ Щекутинъ съ монахомъ Наумомъ, и также неудачно. На сходкѣ крестьяне окружили ихъ и звѣрообразно и весьма необыкновенно закричали: «вокругъ насъ съ своими грамотами вы не лебезите, у насъ свои есть, получше вашихъ, а теперь поѣзжайте-ка отъ насъ честію, покуда цѣлы, напрасно не натруждайтесь, а то и зубъ не досчитаетесь и пожалуй разорвемъ мы васъ на клочки». Конечно, о. Наумъ и прапорщикъ Щекутинъ послѣ этого уже не дожидались дальнѣйшихъ внушеній и благополучно прослѣдовали въ городъ Шацкъ.

Кромѣ того, на томъ же судѣ вполнѣ объявились вины крестьянскія. Съ начала возмущенія крестьяне перестали пла-

тить монастырю деньги и доставлять хлѣбъ. Они отказались отъ полевыхъ работъ и отъ всякихъ издѣлій и стали жить праздно и самовольно. И при этомъ были вполнѣ увѣрены въ совершенной правдивости своихъ дѣйствій. Въ особенности эту мысль усвоили именно тѣ крестьяне, числомъ 25 человѣкъ, которые наиболѣе волновали міръ и за это впослѣдствіи больше всѣхъ поплатились...

И. Д.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать четвертая. Москва. 1888.

Въ НАСТОЯЩЕМЪ томѣ «Архива кн. Воронцова» помѣщены бумаги разнаго содержанія трехъ царствованій, Елисаветы, Петра III и Екатерины II. Документы касаются вопросовъ внѣшней и внутренней политики, частныхъ дѣлъ Воронцовыхъ, дѣлъ администраціи и др. Далеко не всѣ бумаги имѣютъ важность въ историческомъ отношеніи, о нѣкоторыхъ положительно мы не можемъ сказать, почему они попали въ этотъ весьма богатый содержаніемъ сборникъ, хотя почтенный редакторъ и называетъ ихъ «любопытными»: таково, напримѣръ, «письмо отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному», почему-то относимое редакторомъ къ началу Александровскаго царствованія, а въ сущности трактующее о никому неизвѣстныхъ и ни для кого не важныхъ дѣлахъ; таковы же докладъ о награжденіи Острогожскаго полковника Ивана Тевяшева, письмо г. Ивинскаго и нѣкоторыя другія бумаги. Такое нагроможденіе никому ненужнаго матеріала совершенно напрасно увеличиваетъ объемъ сборника, и вмѣсто него, намъ кажется, было бы гораздо полезнѣе расширить коментаріи, на которые редакторъ чрезвычайно скупъ.

Обратимся, однако, къ документамъ и постараемся отмѣтить наиболѣе существенные факты, которые они намъ даютъ. Изъ бумагъ Елисаветинскаго времени наиболѣе интереса представляютъ относящіяся къ Семилѣтней войнѣ. Мы прежде всего остановимся на секретной запискѣ о союзѣ противъ Англіи, представленной нашему кабинету маркизомъ Лопиталемъ. Проектъ Лопиталя очень широкъ, онъ хочетъ уничтожить морское владычество Англіи; «всѣ купечествующія державы и города, говорится въ запискѣ, долженствовали спознать существительные свои интересы и соединить всѣ силы для преду-

прежденія неограниченнаго самовластія, которое Англія на всѣхъ моряхъ получитъ, ежели только единодушно не положатся предѣлы жадности къ несправедливымъ ея воспріятіямъ. Причиною соединенія всѣхъ почти Европейскихъ державъ противъ Франціи было черезъ цѣлый вѣкъ сохраненіе равновѣсія на твердой землѣ: англичане старались увѣрить, что Людовикъ XIV намѣреніе имѣлъ основать универсальную монархію. Но между тѣмъ какъ они сію мечту представляли, чтобъ общее легковѣріе прельстить, непрестанно устремлялись они (въ чемъ по несчастію весьма и предуспѣли) уничтожить равновѣсіе силъ на морѣ, безъ котораго, однакожъ, невозможно равновѣсію быть на твердой землѣ». Мысль очень интересная, но для ея осуществленія ничего не было тогда предпринято. Далѣе мы отмѣтимъ довольно обширную переписку по поводу контрибуціи, наложенной на жителей Кенигсберга и провинціи Пруссіи: изъ нея видно, какъ была разорена эта страна военными дѣйствіями. Особенный интересъ представляютъ экстракты и переводы писемъ Фридриха Великаго, взятыхъ у генерала Фуке. Положеніе Фридриха было очень тяжелое, онъ неоднократно жалуется въ своихъ письмахъ на разныя трудности. «Во всю жизнь мою, пишетъ онъ маркизу Даржансу, я не бывалъ еще въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ въ нынѣшнюю кампанію, и вѣрьте мнѣ, что надобно еще чудесамъ быть, чтобы преодолѣть намъ всѣ предусматриваемыя мною трудности. Я, конечно, при случаѣ сдѣлаю мою должность: но памятуйте всегда, любезный маркизъ, что счастіе не состоитъ въ моей власти и что я принужденъ въ моихъ проектахъ много на удачу отваживать, за неимѣніемъ способовъ составлять совсѣмъ надежные. Геркулесовы труды довершать мнѣ надлежитъ въ такія лѣта, гдѣ силы мои слабѣютъ, а немощи умножаются, и когда, правду сказать, надежда, единое несчастныхъ утѣшеніе, не доставать начинаетъ. Вы не столько о дѣлахъ свѣдомы, чтобы могли точно себѣ воображеніе сдѣлать о всѣхъ опасностяхъ, кои моему государству угрожаютъ». Въ письмѣ къ Фуке отъ 5-го января 1760 года Фридрихъ пишетъ: «Мы окончили злополучный годъ, да и наступившій не лучшую намъ подаетъ надежду». Въ другомъ письмѣ Фридрихъ жалуется на своихъ помощниковъ: «мои генералы причиняютъ мнѣ больше вреда, нежели непріятель, потому что они всегда вопреки моимъ намѣреніямъ поступаютъ». Но вмѣстѣ съ жалобами на свое положеніе Фридрихъ неоднократно высказываетъ сильнѣйшую рѣшимость продолжать борьбу и увѣренность въ успѣхѣ: «я еще весьма слабъ, но должность моя и ревность къ отечеству придаютъ мнѣ крылья и везутъ меня въ Саксонію, такъ сказать, какъ мумію, а не солдата, который умѣетъ воевать. Состояніе мое весьма худо, однако, надлежитъ исправлять свою должность, и если уже необходимо надобно будетъ погибнуть, то не инако погибнемъ, какъ со шпагою въ рукахъ, принеся въ жертву мщенію нашему столько непріятелей, сколько намъ возможно будетъ. Я уже къ худому моему счастію начинаю привыкать, и обнадеживаю васъ, что непріятели нескоро меня склонять къ такому соглашенію, какого они желали бы и разорять мои области развѣ только по отнятіи моей жизни». Фридрихъ старался отвлечь союзниковъ въ другую сторону, противъ какихъ-нибудь новыхъ ихъ враговъ, для этого онъ усиленно возбуждалъ Турцію противъ Россіи и Австріи. «Турки находятся въ движеніи, писалъ Фридрихъ къ Фуке отъ 9-го января 1759 г., и весною не будутъ стоять, руки поджавши. Король Гишпанской при смерти, а сіе довольно сдѣлаетъ труда симъ робкимъ злоумышленникамъ, которые

старались о моей погибели. Если сей народъ, которой не носитъ шляпъ (т. е. турки), обратится противъ варваровъ (т. е. русскихъ), то вся сія орда исчезнетъ, и слѣдовательно Швеція оставитъ ихъ партію; еслижъ обратятся они противъ дерзкихъ нашихъ сосѣдовъ, то сіи не могутъ супротивляться въ одно время противъ меня и обрѣзанцовъ; если же сверхъ того всего умретъ король Гишпанской, то тотчасъ возгорится война въ Италіи, и глупые ваши и безразсудные земляки (т. е. французы) принуждены будутъ воевать съ дерзкими и гордыми германскими тиранами». Къ русскимъ Фридрихъ относится съ сильнымъ презрѣніемъ, называетъ ихъ «варварами», медвѣдями, «урсоманами», хотя и сильно ихъ побаивается: «силезская армія», пишетъ онъ, «должна пользоваться наималѣйшими погрѣшностями россіянъ и напасть имъ, если можно, какой-нибудь ударъ, прежде нежели главная армія начнетъ свои операціи, занимать трудныя мѣста и оставлять чистыя поля, ибо россіяне имѣютъ такое правило, чтобъ самимъ не атаковать и маршировать лѣсами, а не полями, если же случится имъ идти черезъ поле, то, можетъ быть, и удастся ихъ побить. Главное примѣчаніе противъ нихъ должно быть сіе, чтобъ препятствовать имъ, дабы они не могли брать крѣпостей и въ оныхъ утвердиться».

Изъ другихъ бумагъ Елисаветинскаго времени отмѣтимъ «предложеніе гр. М. Ил. Воронцова о формѣ суда», въ этомъ предложеніи любопытна мысль о «публичныхъ стряпчихъ», проектъ учрежденія присяжной адвокатуры, при чемъ каждый стряпчій долженъ былъ давать присягу, «дабы онъ ни по чьему дѣлу ни за какую плату въ судъ не вступалъ, ежели не усмотритъ, что искъ праведной и сумнѣнію не подверженъ: ибо когда по окончаніи дѣла явится, что неправое челобитье было, за которымъ онъ ходилъ, ему достойное наказаніе учинено будетъ». Очень курьезнымъ документомъ представляется всеподданнѣйшій докладъ о флотѣ: адмираловъ по штату полагалось двое, а было 4, но каковы они были? «1) Мишуковъ въ такой глубокой старости, что невозможно и требовать, чтобъ онъ еще флотомъ командовалъ, или, въ коллегіи присутствуя, отправлялъ безостановочно множество трудныхъ дѣлъ; 2) Головинъ по слабому состоянію здоровья уже давное время не выѣзжаетъ и теперь подалъ прошеніе объ отставкѣ; 3) Талызинъ хотя нестолько боленъ, однакожъ на морѣ не бывалъ и также старъ; 4) Мятлевъ такъ слабъ, что когда и выѣзжаетъ, то для безпрестанныхъ гипохондрическихъ припадковъ не можетъ однакожъ не токмо въ морѣ командовать флотомъ, но ниже въ коллегіи здѣсь съ пользою присутствовать». Всѣ они были уволены, но и вице-адмиралы были не совсѣмъ удовлетворительны: Лювисъ «устарѣлъ», «во флотѣ отрекся быть» и «россійскаго языка не знаетъ», Кейзеръ «старъ и неспособенъ въ адмиралы».

Бумаги Екатерининскаго царствованія, помѣщенныя въ настоящей книгѣ «Архива», имѣютъ преимущественно частный характеръ. Много документовъ касается развода дочери гр. М. И. Воронцова, Анны Михайловны, съ мужемъ ея гр. А. С. Строгоновымъ. Объ этомъ вопросѣ говорится много въ письмахъ къ ней П. В. Бакунина. Письма эти писаны пофранцузски, и ничего особенно важнаго въ себѣ не заключаютъ, но характерны въ нихъ два курьеза: во-первыхъ, Бакунинъ объясняетъ, почему онъ пишетъ пофранцузски: «я хотѣлъ писать вамъ порусски, но я сразу увидѣлъ, что мои каракули на родномъ языкѣ походятъ немного на условные знаки или на еврейскую азбуку (mon griffonage dans la langue maternelle ressemble un peu

aux chiffres ou bien à l'hebreux)»;—второй курьезъ относительно общественныхъ увеселеній: на одномъ маскарадѣ: «1) человѣкъ съ десять въ галереѣ переблевались; 2) маски покрали нѣсколько серебряныхъ кувертовъ; 3) у одной маски нашли въ карманѣ жареную утку». Въ числѣ этихъ бумагъ интересны нѣкоторые документы о дипломатической службѣ гр. С. Р. Воронцова, письма Екатерины II по поводу второго брака вел. кн. Павла Петровича, рѣшеніе совѣстнаго суда по извѣстному бракоразводному дѣлу Н. А. Демидова и многія другія. Изъ бумагъ политическаго содержанія заслуживаетъ вниманія всеподданнѣйшій докладъ секретной экспедиціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи. А. В—инъ.

Проф. М. Н. Петровъ († 23 января 1887 г.). Лекціи по всемірной исторіи. Т. II. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная проф. В. К. Надлеромъ. Харьковъ. 1888.

Референтъ лично зналъ покойнаго профессора М. Н. Петрова, одного изъ самыхъ даровитыхъ и опытныхъ университетскихъ преподавателей исторіи. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка очень талантливаго, съ тонко-развитымъ умомъ и эстетическимъ чувствомъ, съ замѣчательнымъ даромъ слова. Хотя въ послѣдніе годы своей дѣятельности онъ, по болѣзни глазъ, не могъ слѣдить за наукой и подновлять своего курса, лекціи его производили на студентовъ Харьковскаго университета сильное и благотворное вліяніе. Непосредственно для науки покойный, по разнымъ причинамъ, сдѣлалъ очень немного, но рядъ его блестящихъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ и потомъ собранныхъ въ одну книгу, теперь уже выдержавшую два изданія, указываютъ ему видное мѣсто между вполнѣ подготовленными популяризаторами науки, дѣятельность которыхъ въ нашемъ молодомъ обществѣ столько же почтенна и полезна, какъ и дѣятельность записныхъ ученыхъ.

Нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ мысли учениковъ покойнаго издать лекціи даровитаго профессора, представляющія именно тотъ общій курсъ, въ которомъ такъ нуждаются наши студенты и наши преподаватели исторіи. Въ Германіи такія opera posthuma извѣстныхъ преподавателей появляются очень часто и иногда выдерживаютъ цѣлый рядъ изданій; само собою разумѣется, что на издателяхъ такихъ курсовъ лежитъ нравственный долгъ не только внимательно проредактировать бумаги покойнаго и записки его слушателей, но и дополнить ихъ примѣчаніями и вставками, которыя должны поставить книгу безусловно въ уровень съ современнымъ изданію состояніемъ науки. Эту нелегкую задачу относительно курсовъ покойнаго Петрова принялъ на себя его наслѣдникъ по каѳедрѣ проф. Надлеръ.

Г. Надлеръ заявляетъ въ предисловіи, что въ этомъ томѣ «такихъ поправокъ и добавленій накопилось довольно много», потому что лекціи Петрова по средней исторіи остались въ менѣе обработанномъ и законченномъ видѣ, нежели, напримѣръ, его чтенія по древней исторіи, такъ какъ курсъ свой по этому отдѣлу покойный профессоръ читалъ не болѣе двухъ разъ и за послѣдніе десять лѣтъ не повторялъ и не передѣлывалъ его». Перечисливъ наиболѣе существенныя свои добавленія въ самомъ текстѣ курса, г. Над-

леръ (съ большей откровенностью, нежели скромностью) указываетъ на самую важную свою заслугу; «въ цѣломъ рядѣ очерковъ и отдѣльныхъ подстрочныхъ примѣчаній, говоритъ онъ, я не только указалъ на важнѣйшихъ средневѣковыхъ авторовъ, но и далъ краткую характеристику какъ средневѣковой исторіографіи вообще, такъ и выдающихся ея произведеній въ частности». Что касается позднѣйшей литературы, то г. Надлеръ берется привести лишь выдающіеся ученые труды, и только сочиненія русскихъ ученыхъ перечислить «съ возможно большею подробностью».

Курсъ покойнаго Петрова въ общемъ отличается замѣчательною стройностью, ясностью и изяществомъ изложенія, въ частности можно не соглашаться со многими изъ его положеній, но заявленіе издателя, что онъ не передѣлывался цѣлые десять лѣтъ, закрываетъ ротъ самому придирчивому рецензенту. Единственный его общій недостатокъ, лежащій, впрочемъ, болѣе на отвѣтственности редакціи, нѣсколько странная терминологія, напримѣръ, цирцейскія партіи (вмѣсто партіи цирка, стр. 72), вѣкъ Медичеевъ (вмѣсто Медичисовъ), Ѳома Аквино (вмѣсто Аквинскій) и т. п.; мы убѣждены, что если покойный не исправлялъ подобныхъ необычныхъ выраженій въ студенческихъ тетрадкахъ, онъ непремѣнно исправилъ бы ихъ въ виду печати. Что касается до добавленій, сдѣланныхъ г. Надлеромъ въ самомъ текстѣ, въ виду того, что курсъ предназначается не для среднихъ учебныхъ заведеній, а для людей, которымъ главные факты средневѣковой исторіи извѣстны, большинство ихъ мы должны признать излишними. Покойный Петровъ говоритъ, напримѣръ, что «новое человѣчество отличается отъ древняго новыми религіями, измѣнившими его нравственныя понятія» (стр. 3). Проф. Надлеръ дѣлаетъ при этомъ довольно большую вставку, гдѣ объясняетъ, что такими религіями являются христіанство и исламъ, разъясняетъ сущность политеизма (по его убѣжденію всѣ политеистическіе культы обоготворяли природу) и пр. Петровъ говоритъ (стр. 23), что въ учрежденіи маіордомата обнаруживается реакція германизма, а г. Надлеръ въ скобкахъ разсказываетъ о Пипинѣ Ланденскомъ, о Карлѣ Мартелѣ и пр. Ужели такими вставками онъ думаетъ поставить книгу «на уровень современнаго историческаго знанія» (см. Предисловіе)? Университетскій учебникъ или долженъ вмѣщать въ себѣ и повтореніе гимназическаго, но въ такомъ случаѣ книгу проф. Петрова понадобится передѣлать отъ начала до конца и втрое увеличить ее въ объемѣ, или предполагаетъ извѣстнымъ хотя бы краткій курсъ Иловайскаго. Вообще, къ г. Надлеру нельзя примѣнить того, за что онъ справедливо хвалитъ покойнаго своего учителя, который «господствуетъ надъ фактами и подробностями, но не подчиняется имъ».

Что касается до исторіографіи г. Надлера, то она гораздо лучше въ идеѣ, нежели въ исполненіи. Во-первыхъ она испещрена недосмотрами и неисправленными опечатками, которыя непріятны вездѣ, а особенно въ библіографіи. Откуда, напримѣръ, г. Надлеръ взялъ Волуспу-сагу (стр. 63 прим.)? Ужели ему неизвѣстно, что Волу-спа, или вѣрнѣе: Вёлю-спо значитъ пѣснь Вёлы и что слово сага въ видѣ приложенія къ ней не имѣетъ смысла? Или что̀ за писатель Сродневскій, сочинившій изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи славянъ (стр. 87), будто бы отличный отъ Срезневскаго, упомянутаго строкою выше? Или: какъ читатель выпутается изъ того, что на стр. 6, г. Надлеръ «Histoire littéraire de France» ограничиваетъ 24 томами, а на стр. 146 «Литературная исторія Франціи», оказывается доведенной до

38 тома? Или: какое жалкое понятіе получитъ читатель о древненѣмецкой литературѣ, когда г. Надлеръ заявитъ ему, что «спорадическіе памятники письменности на народномъ языкѣ въ Германіи встрѣчаются и ранѣе крестовыхъ походовъ» (стр. 159) и т. д.

Экскурсы г. Надлера о средневѣковыхъ историкахъ отличаются поразительною краткостью: даже въ новомъ изданіи Вебера, читатель найдетъ несравненно больше полезнаго, не говоря уже объ извѣстномъ изданіи Стасюлевича. «Позднѣйшая литература» указана довольно безсистемно и при томъ, то въ оригиналѣ, то порусски; послѣднее до крайности неудобно; если г. Надлеръ имѣлъ въ виду дѣйствительную пользу читателя, что онъ надѣялся дать ему хоть напр., такимъ указаніемъ: Шульцъ «Придворная жизнь»? Кому неизвѣстно, какое множество Шульцевъ въ Германіи и кто, кромѣ читавшаго книгу Альвина Шульца: «Hofisches Leben im Zeitalter der Minnesinger», найдетъ по такому указанію нужное ему сочиненіе?

Что касается до сочиненій русскихъ ученыхъ, то нѣкоторую полноту указаній читатель найдетъ только относительно ученыхъ харьковскихъ; относительно петербургскихъ и московскихъ легко исписать страницу именами книгъ, не упомянутыхъ г. Надлеромъ.

Намѣреніе г. Надлера—почтить память учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ дать русской публикѣ хорошую книгу—прекрасное, но исполненіе, какъ говорится, оставляетъ желать многаго. Надѣемся, что при второмъ изданіи, котораго отъ души желаемъ книгѣ проф. Петрова, г. Надлеръ отнесется къ дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ. А. К.

Ѳ. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго славянскаго благотворительнаго Общества, въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Одесса. 1888.

Юбилей крещенія Руси естественно долженъ былъ обратить вниманіе нашихъ ученыхъ къ отдаленнымъ временамъ X столѣтія, въ которыхъ для насъ такъ много еще смутнаго и запутаннаго. Тутъ, что ни событіе, то вопросъ, сомнѣніе, подчасъ неразрѣшимое: прежде всего на сцену выступаетъ знаменитый варяжскій вопросъ, изъ-за котораго было поломано столько копей на ученыхъ турнирахъ. Этого-то вопроса, какъ онъ ни кажется истрепаннымъ, касается въ своей рѣчи профессоръ Одесскаго университета Ѳ. И. Успенскій и, не смотря на эту кажущуюся истрепанность предмета, сообщаетъ нѣкоторыя новыя данныя для его рѣшенія и даетъ весьма интересное новое освѣщеніе событіямъ X столѣтія нашей исторіи. Новыя данныя, сообщаемыя г. Успенскимъ, взяты изъ византійскихъ источниковъ;—это, между прочимъ, загадки на слово Ρῶς: 1) «Имя мое мученикъ и въ то же время птица. По отнятіи трехъ первыхъ буквъ, ты увидишь гордое надменное языческое племя. Загадка дана на слово Φλῶρος—и относится къ языческой эпохѣ Руси. 2) Меня производитъ сладко-рождающее животное, одаренное способностью летать. Я часто нахожусь въ храмахъ и пользуюсь вниманіемъ молящихся. Если отнимешь двѣ первыя буквы, то три остальныя будутъ обозначать надменной гордости варвара скиѳа. Эта загадка дана на слово Κηρός—воскъ, она снабжена при томъ разгадкой, въ которой прямо обо-

значено, что по отнятіи первыхъ двухъ буквъ данное слово значитъ русскій народъ». Изъ этого весьма естественъ выводъ, дѣлаемый авторомъ, что «варваръ скиѳъ и русскій народъ въ представленіи византійцевъ X в. суть равнозначащіе термины». Вопросъ о происхожденіи Руси ставится, такимъ образомъ, въ связь съ вопросомъ скиѳскимъ. Самъ для себя авторъ покуда рѣшаетъ его такъ: «я бы присоединился къ норманской школѣ, хотя не безъ сожалѣнія. На сторону норманской школы обязываетъ стать разсудокъ и логика сохранившихся текстовъ, но къ противоположной школѣ влечетъ чувство и опасеніе пожертвовать живой дѣйствительностью, наблюдаемой въ жизни и дѣятельности Руси X вѣка». Но какова же была эта живая дѣйствительность? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, г. Успенскій разбираетъ исторію Руси въ X столѣтіи, говоритъ о походахъ русскихъ на Царьградъ, объ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей, о государственномъ устройствѣ Руси въ это время, о путешествіяхъ Ольги, политическихъ стремленіяхъ Святослава. Тонкіе и остроумные критическіе пріемы автора даютъ ему возможность высказать довольно много новыхъ и справедливыхъ мыслей, хотя бы, напримѣръ, о силѣ русскаго флота, который далеко не состоялъ изъ лодокъ однодеревокъ, какъ мы это привыкли себѣ представлять,— къ сожалѣнію мѣсто не позволяетъ намъ распространиться подробнѣе о выводахъ автора. Скандинавское вліяніе г. Успенскій подвергаетъ сильнѣйшему сомнѣнію; если всѣмъ своимъ развитіемъ гражданскимъ, культурнымъ и государственнымъ Русь обязана норманскимъ князьямъ съ ихъ дружиною, то «эти князья», какъ говоритъ г. Успенскій, «похожи на чародѣевъ, о которыхъ разсказывается въ сказкахъ, и отсюда прямо вытекаетъ то заключеніе, что, гражданственность на Руси должна была начаться раньше 862 г. и, слѣдовательно, не варяги-Русь основали государство, а туземная Русь». Событія русской исторіи X вѣка невольно приводятъ автора къ вопросу о культурномъ значеніи Византіи. Неоспоримо, что заслуги Византіи въ дѣлѣ просвѣщенія варварскихъ народовъ очень велики, и мы вполнѣ согласны съ авторомъ въ его неодобреніи тѣхъ писателей, которые относятся къ Византіи съ огульнымъ порицаніемъ; мы такъ же, какъ и авторъ, находимъ необходимымъ, прежде чѣмъ произносить суровый приговоръ, изучить вліяніе Византіи въ разныхъ сферахъ русской жизни, но мы въ то же время полагаемъ, что авторъ впалъ въ противоположную крайность: онъ слишкомъ уже вознесъ Византію. Онъ говоритъ, что «греческіе проповѣдники не подчиняютъ новопросвѣщенныхъ византійскому царю, а служатъ религіозной идеѣ»,—этому противопоставляется «шумъ оружія тамъ, гдѣ господствуетъ латинская церковь». Мы никакъ не можемъ согласиться съ такимъ противопоставленіемъ, въ немъ, кажется намъ, заключается очень крупная ошибка, присущая всѣмъ нашимъ поклонникамъ Византіи. Говоря о шумѣ оружія на Западѣ и мирномъ распространеніи христіанства Византіей,—не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, забывать, въ какомъ положеніи находилась въ это время Византія. Могла ли она распространять христіанство огнемъ и мечемъ, когда эти огонь и мечь нужны ей были, чтобы охранять себя отъ варваровъ, обезпечивать себѣ возможность существованія? Вѣдь нельзя же ставить въ заслугу человѣку, что онъ не дѣлаетъ извѣстныхъ худыхъ поступковъ, если онъ лишенъ возможности ихъ совершать. Тоже и съ Византіей. Мы не можемъ здѣсь видѣть какихъ-либо «народныхъ и психологическихъ чертъ», отличающихъ Византію отъ Рима. Вопросъ сводится къ тому, было ли въ Ви-

зантія стремленіе къ политическимъ цѣлямъ при помощи религіозныхъ средствъ. Оно несомнѣнно было, какъ видно, напримѣръ, изъ грамоты цареградскаго патріарха къ великому князю московскому Василію Дмитріевичу о поминаніи въ эктеніяхъ византійскаго императора. Въ Византіи была постоянно мечта о гегемоніи на Востокѣ: за неимѣніемъ политической силы, Византія старалась удержать за собой гегемонію церковную, при чемъ къ мысли о первенствѣ въ церкви всегда примѣшивалась идея политическая. На «религіозной идеѣ» отразился византійскій цезаропапизмъ. Если Риму можно ставить въ упрекъ, что онъ земными путями стремился къ небеснымъ цѣлямъ, то относительно Византіи надо сказать, что она нерѣдко небесными путями добивалась цѣлей чисто земныхъ. А. В—инъ.

Вступленіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Н. Н. Ѳирсова. Казань 1888.

Авторъ настоящей книжки поставилъ себѣ задачей изслѣдовать два вопроса: 1) почему пало то правительство, которое правило Россіею до воцаренія императрицы Елисаветы? и 2) почему императрица Елисавета, занявши силой престолъ, могла удержаться на немъ въ теченіе всей остальной ея жизни? Оба эти вопроса далеко не новы, много разъ ставились различными учеными, и большинствомъ изслѣдователей они рѣшались одинаково: главною причиною паденія иноземнаго правительства было недовольство, возбужденное имъ противъ себя во всѣхъ слояхъ русскаго народа; источникомъ недовольства было иноземное происхожденіе правителей и ихъ презрѣніе ко всему русскому; Елисавета удержалась на тронѣ потому, что была русская и по крови и по духу, народъ въ ней одной видѣлъ законную наслѣдницу великаго преобразователя Россіи и ждалъ отъ нея облегченія ярма, наложеннаго на него иноземцами. Такое же точно рѣшеніе указанныхъ вопросовъ даетъ и г. Ѳирсовъ, такъ что основная его мысль оказывается столь же не новою, какъ и предметъ изслѣдованія.

Но высказавъ такое общее мнѣніе о трудѣ г. Ѳирсова, мы все же не можемъ не признать за нимъ многихъ выдающихся достоинствъ. Авторъ даетъ намъ весьма полную картину состоянія русскаго общества и народа за время бироновщины; онъ сводитъ всѣ отрывочныя и противорѣчивыя извѣстія о характерѣ и дѣятельности главныхъ правителей: Бирона, Миниха и Остермана, и въ общемъ эти характеристики вѣрны и даютъ ясное представленіе о личностяхъ, хотя подчасъ въ нѣкоторыхъ штрихахъ нѣтъ достаточной силы и опредѣленности. Очень яркими чертами описывается положеніе крестьянъ, угнетенныхъ непомѣрными поборами, взысканіемъ недоимокъ, (вопросу о недоимкахъ г. Ѳирсовъ отвелъ довольно большое мѣсто въ своемъ сочиненіи, и это, по нашему мнѣнію, составляетъ одно изъ крупныхъ его достоинствъ), злоупотребленіями властей и помѣщиковъ и т. д. Во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ крестьяне по старой традиціи винили окружавшихъ престолъ бояръ, а эти послѣдніе вдобавокъ были иноземцы, что еще болѣе усиливало недовольство противъ нихъ. Недовольно было и дворянство, но особенно велико было раздраженіе противъ иноземнаго правительства въ средѣ духовенства и въ старыхъ двухъ гвардейскихъ полкахъ: Преображенскомъ и Семеновскомъ. Г. Ѳирсовъ весьма вѣрно опредѣляетъ разницу въ отношеніяхъ къ духовенству Петра Великаго и иноземцевъ-правителей. «И Петръ Великій,

говоритъ авторъ, относился къ духовенству далеко не такъ, какъ его предшественники; но ему, рускому человѣку, было ясно, какую силу заключаетъ въ себѣ этотъ классъ, и поэтому его мѣропріятія по отношенію къ нему отличаются значительною умѣренностью сравнительно съ тѣми, которыя были сдѣланы иноземнымъ правительствомъ. Послѣднее во многихъ случаяхъ опиралось на идеи, наблюдаемыя въ указахъ Петра В.; но будучи не русскаго происхожденія, оно слишкомъ преувеличивало для себя опасность со стороны духовенства, почему и предпринимало въ отношеніи его черезчуръ радикальныя мѣры». Гвардія была обижена Бирономъ, который обвинялся даже въ желаніи «раскассовать» Преображенскій полкъ, и не могла полюбить Браунвейскую принцессу, не смотря даже на заискиванія ея мужа. Почва для переворота была очень благопріятная. Изобразивъ положеніе русскаго общества въ эту эпоху, г. Ѳирсовъ обращается къ характиристикѣ Елисаветы и ея приближенныхъ: Лестока, Воронцова, Разумовскаго, Шуваловыхъ. Здѣсь авторъ пользуется, главнымъ образомъ, извѣстной книгой Пекарскаго: «Маркизъ дела-Шетарди». Самому описанію переворота г. Ѳирсовъ посвящаетъ сравнительно мало мѣста и заключаетъ свой трудъ разсказомъ о радостномъ впечатлѣніи, произведенномъ на всѣ общественные слои восшествіемъ на престолъ Елисаветы.

Намъ остается сдѣлать еще нѣсколько частныхъ замѣчаній о книгѣ г. Ѳирсова. Первая ея глава посвящена разбору литературы вопроса, — этотъ разборъ не совсѣмъ полонъ: пропущено русское сочиненіе Вейдемейера, весьма важная книга Вандаля: «Louis XV et Elisabeith de Russie» совсѣмъ, какъ видно, неизвѣстна автору, наконецъ, по взгляду на бироновщину довольно интересна книга фонъ-Брюгена «Wie Russland europäisch wurde». Въ изложеніи у г. Ѳирсова есть крупный недостатокъ, свойственный, правда, многимъ молодымъ ученымъ, а именно привычка обо всякой мелочи говорить, начиная съ Адама, отчего книга страшно и безполезно растягивается. Другой недостатокъ изложенія — любовь къ общимъ сентенціямъ, иногда чрезвычайно наивнымъ: напр., Анна Ивановна скучала, по этому поводу г. Ѳирсовъ замѣчаетъ: «Констатировавъ явленіе скуки, нетрудно рѣшить вопросъ о причинѣ ея. Всѣмъ извѣстно, что скука обыкновенно является отъ праздной, бездѣятельной жизни».

Однако, въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что очень строго судить г. Ѳирсова нельзя, такъ какъ его работа есть собственно студенческое сочиненіе на медаль и, какъ мы выше показали, все же имѣетъ довольно много достоинствъ.

А. В—инъ.

И. М. Павловъ. „Наше переходное время“ (сборникъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ газетахъ: „День“, „Москва“ и „Русь“). Приложеніе къ „Русскому Архиву“ 1888 года.

Въ настоящемъ году почтенному редактору «Русскаго Архива» вздумалось «изложить свой образъ мыслей», сказать свое слово о минувшихъ событіяхъ послѣдняго 25-тилѣтія и онъ, пользуясь «добрымъ согласіемъ въ историческихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ» съ г. Павловымъ, издалъ въ видѣ отдѣльнаго сборника, печатавшіяся послѣднимъ статьи разнаго содержанія и представилъ этотъ сборникъ въ качествѣ «передовой статьи ко всѣмъ двадцати пяти годамъ «Русскаго Архива». Нельзя не сознаться, что этотъ способъ

излагать свой образъ мыслей совершенно новый и для такого литературнаго дѣятеля, какъ г. Бартеневъ, довольно курьезный. Не вдаваясь, однако, въ подробности столь трогательнаго единомыслія редактора «Русскаго Архива» съ г. Павловымъ, остановимся на самомъ сборникѣ, такъ какъ онъ представляетъ для исторіи нашей литературы не малый интересъ. «Для реформенной эпохи 60-хъ и 70-хъ годовъ настаетъ потомство — такъ начинаетъ свой сборникъ г. Павловъ. Старое сошло, новое не наступило — такова минута, переживаемая русскимъ самосознаніемъ... Въ такую минуту какъ не оглянуться на пройденный путь... Можетъ быть послѣ той пресловутой поры выглянутъ они (сочиненія) на свѣтъ болѣе современными чѣмъ тогда, какъ въ самый ея разгаръ писались, и во всякомъ случаѣ дадутъ для ея характеристики не лишній матеріалъ». Дѣйствительно, съ точки зрѣнія «матеріала» для исторіи русскаго самосознанія, книга г. Павлова имѣетъ цѣну, такъ какъ дѣятельность его по сотрудничеству связана съ такими крупными именами, каковы покойные Катковъ и Аксаковъ, послѣдній по преимуществу, ибо большая часть статей г. Павлова помѣщалась въ изданіяхъ этого представителя славянофильской партіи и писана въ тонѣ «Дня», «Москвы» и «Руси». Есть, однако, въ сборникѣ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Письма къ публикѣ», которыя въ теченіе 1873 и 74 гг. печатались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; это обстоятельство даетъ поводъ автору сборника опасаться, чтобы его не заподозрили въ «балансированіи» между направленіями «антиподовъ нашей литературы», однако, этотъ страхъ совершенно напрасный, такъ какъ всякій внимательный читатель будетъ имѣть въ виду, что эти «Письма» были печатаемы въ тѣ годы, когда на дѣятельности Аксакова на поприщѣ литературы лежалъ запретъ молчанія, а «Московскія Вѣдомости» по вопросамъ о земствѣ не получили того крайняго. специфическаго характера, какимъ отличались въ 80-хъ годахъ. Отъ этого «Письма къ публикѣ» служатъ ни болѣе ни менѣе, какъ началомъ къ «Современному фельетону», печатавшемуся въ «Руси» въ 1880—81 гг. Эти статьи наиболѣе капитальные изъ всего писаннаго г. Павловымъ и въ нихъ заключается его profession de foi. Темою здѣсь служитъ вопросъ о нашемъ мѣстномъ самоуправленіи, вопросъ, столь сильно выдвинутый событіями настоящаго времени, обсуждаемый столь подробно текущей журналистикой и ждущій своего разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Авторъ сборника признаетъ состояніе нашего самоуправленія не выдерживающимъ критики и требующимъ кореннаго переустройства. Въ «Письмахъ къ публикѣ» онъ даетъ яркую и хорошо нарисованную картину сельской безурядицы и общаго шатанія, дѣлаетъ чрезвычайно интересный анализъ института мировыхъ посредниковъ и значенія для деревни сельскаго мирового участка, при чемъ всѣ симпатіи автора лежатъ на сторонѣ мирового института, въ упраздненіи котораго онъ видитъ весь корень зла. Значеніе этого института, не замкнутаго сословно и основаннаго на высокомъ образовательномъ цензѣ въ томъ и заключается, по мнѣнію автора, «что оно предоставляло живымъ внутреннимъ силамъ Россіи дѣйствительную самостоятельность ко благу всего государства; оно создавало въ самомъ обществѣ здоровый политическій элементъ и при томъ съ несомнѣнными залогами органическаго развитія. А когда нѣтъ этого — нѣтъ и земства» (стр, 334). Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ взглядъ чрезвычайно характеренъ собственно для «Московскихъ Вѣдомостей» и любопытенъ для сравненія съ тѣмъ, что писалось на страницахъ этой газеты въ 80-хъ годахъ, когда вы-

двигался образъ земскаго начальника, не имѣющаго въ основаніи ни отсутствія сословной замкнутости, ни высокаго образовательнаго ценза. Эти цитированныя выше статьи заключаются во второй части сборника, посвященной публицистикѣ; первая же часть имѣетъ предметомъ критику словесности 60-хъ—70-хъ гг. Какъ критикъ, г. Павловъ обнаруживаетъ большой эстетическій вкусъ, тонкое пониманіе задачъ искусства и глубокое знаніе русской жизни. Особенно хороши его разборы произведеній Островскаго, Чаева, Писемскаго и повѣсти Кохановской «Рой Ѳеодосій Саввичъ на спокоѣ». Авторъ критическихъ очерковъ вездѣ жалуется на упадокъ художественности въ нашей словесности, которая, по его мнѣнію, «сошла на романъ-фельетонъ или даже просто на фельетонъ», гдѣ царитъ вмѣсто мысли и содержанія, такъ называемый, интересъ современности; въ этомъ отношеніи особенно достается отъ него Писемскому за воспроизведеніе или, правильнѣе, фотографированье тогдашней дѣйствительности и погоню за реализмомъ въ романѣ «Взбаломученное море». Не лишены также интереса въ книгѣ г. Павлова очерки, посвященные характеристики тогдашней петербургской журналистикѣ, въ лицѣ «Современника» и «Русскаго Слова». Понятно, что отношеніе къ нимъ автора недоброжелательное и ироническое.

Сборникъ г. Павлова (извѣстнаго болѣе подъ псевдонимомъ Вицинъ) представляетъ собою главнымъ образомъ значеніе для будущаго историографа литературныхъ направленій 60-хъ—70-хъ годовъ и въ особенности для характеристики московской журналистики того времени, а славянофильской по преимуществу.

В. Г.

Wisla, miesięcznik geograficzno-etnograficzny. Tom. I, Warszawa, 1887; tom. II: styczen, luty, marzec, Warszawa, 1888.

Новое періодическое изданіе, названіе котораго значится выше, начало выходить въ Варшавѣ съ апрѣля прошедшаго года подъ редакціею г. Грушецкаго. Томъ I-й составился изъ 9 выпусковъ (zeszytów); начало II-го тома состоитъ изъ книжки почти въ 250 страницъ и представляетъ собою, повидимому, четвертую часть годичнаго изданія. Главная задача новаго журнала — польская географія и этнографія, но редакція обѣщаетъ слѣдить за успѣхами этихъ наукъ въ Западной Европѣ. Важнѣйшія статьи I-го тома «Вислы» слѣдующія.

«Этнографическо-статистическій обзоръ численности и разселенія польскаго племени», Э. Чинскаго. Этотъ статистическій этюдъ, кажется, не особенно точный, — вышелъ также отдѣльнымъ оттискомъ и уже обратилъ на себя вниманіе нашей періодической печати. Между прочимъ, онъ прекрасно рисуетъ отчаянное положеніе польскаго дѣла въ Силезіи и, вообще, въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи...

«Чары и вѣдьмы въ Польшѣ», Яна Карловича. Авторъ сообщаетъ рядъ данныхъ о вѣрованіяхъ поляковъ въ чародѣйство, какъ въ настоящее время, такъ и въ старину. Оказывается, что польскія вѣдьмы—родныя сестры нашихъ вѣдьмъ.

«Польская сельская драма», К. Матіаса. Г. Матіасъ записалъ подъ Краковомъ текстъ, такъ называемой «коляды», т. е. драматическаго дѣйствія, имѣющаго сюжетомъ Рождество Христово и исполняемаго на святкахъ сель-

скими парнями. Его статья заключаетъ въ себѣ, кромѣ текста, рядъ свѣдѣній объ обстановкѣ, исполненіи и исполнителяхъ «коляды».

«Среди краковскаго люда», Стефаніи Уляновской. Авторъ описываетъ бытъ поляковъ, живущихъ въ одной изъ большихъ деревень недалеко отъ Кракова, и сообщаетъ свѣдѣнія объ ихъ языкѣ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ. Данныя г-жи Уляновской показываютъ, что эта польская деревня мало чѣмъ отличается отъ русскихъ захолустныхъ деревень: та же бѣдность, та же скудная пища, состоящая у поляковъ круглый годъ изъ одного картофеля, то же обиліе всякаго рода суевѣрій, та же наивность населенія.

«Изъ Зеленой Пущи», А. Закржевскаго. Этотъ этнографическій этюдъ посвященъ такъ называемымъ курпямъ, живущимъ въ Ломжинской и Плоцкой губерніяхъ царства Польскаго.

«Образцы литовскихъ пѣсенъ». Неизвѣстный авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о содержаніи и музыкѣ литовскихъ пѣсенъ, при чемъ предлагаетъ нѣкоторыя изъ нихъ въ польскомъ переводѣ.

«Какіе народы обитали при устьѣ Вислы въ древнѣйшую эпоху», Ш. Матусяка. Эта статья молодого автора, совершенно не подготовленнаго къ изслѣдованіямъ въ области до-исторической этнографіи,—одна изъ самыхъ слабыхъ въ I-мъ томѣ «Вислы». Выводъ ея: устье Вислы съ незапамятныхъ временъ было заселено поляками, которые называли себя Вѣлыми.

«Знахари на Украйнѣ». Здѣсь неизвѣстный авторъ сообщаетъ много любопытнаго, но мало новаго для русскихъ читателей.

Во II-мъ томѣ «Вислы» мы находимъ, между прочимъ:

«Разсказы бескидскихъ горцевъ», Завилинскаго. «Поѣздка по Нѣману», Глёгера. «Рождество Христово у горцевъ», Уляновской. «Матеріалы для этнографіи народа около Прясныша», Хелховскаго.

Сверхъ статей, II-й томъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ мелкихъ критико-библіографическихъ замѣтокъ о книгахъ и статьяхъ по польской и, вообще, славянской этнографіи, въ томъ числѣ о «Вѣлорусскомъ Сборникѣ» Романова, о «Матеріалахъ» Шейна, о «Вѣлорусской этнографіи» Пыпина и друг. **А. С—скій.**

Н. Н. Любовичъ. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI вѣкѣ. Варшава. 1888.

Чтобы внушить довѣріе къ своимъ способностямъ и умѣнію дѣйствовать на пользу вѣры, іезуиты постоянно въ своихъ сочиненіяхъ преувеличивали свои заслуги въ распространеніи католицизма и приписывали себѣ такіе успѣхи, которые имъ не принадлежали. Такое преувеличеніе отозвалось и на серьезныхъ историческихъ трудахъ, вышедшихъ даже изъ-подъ пера писателей, враждебныхъ іезуитамъ. Столь же неправильный взглядъ установился и относительно роли іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ въ XVI вѣкѣ: почти единственнымъ источникомъ по этому вопросу являлось сочиненіе іезуита Ростовскаго, который изобразилъ положеніе католицизма въ Польшѣ въ эту эпоху чрезвычайно мрачными красками, и протестантизму приписалъ слишкомъ много успѣховъ. Благодаря этому сочиненію, невольно возникло мнѣніе, что вся польская контръ-реформація была дѣломъ іезуитовъ. Г. Любовичъ въ разбираемой книжкѣ доказываетъ всю ошибочность приведеннаго мнѣнія; на основаніи документовъ Ватиканскаго архива, онъ выясняетъ, что

главная роль въ борьбѣ съ протестантизмомъ и въ пропагандѣ католицизма въ православныхъ литовско-русскихъ земляхъ принадлежала папскимъ нунціямъ и другимъ органамъ римской церкви, а не іезуитамъ, которые появились въ этихъ земляхъ уже тогда, когда протестантизмъ по разнымъ обстоятельствамъ былъ значительно ослабленъ, и имъ, такимъ образомъ, приходилось только довершать дѣло, начатое и прочно поставленное другими лицами. Выводы г. Любовича очень интересны и подтверждаются имъ при помощи многихъ документальныхъ данныхъ,—между прочимъ, въ приложеніи помѣщено шесть писемъ іезуитскихъ, хранящихся въ Ватиканѣ. Считаемъ въ заключеніе нелишнимъ отмѣтить сообщеніе г. Любовича о томъ, что «ходятъ слухи, будто со смертью папы Льва XIII, архивъ Ватиканскій будетъ или совершенно закрытъ, или историкамъ будутъ выдаваться только документы до XVI вѣка». Понятно, что терять времени не слѣдуетъ и надо скорѣе приступать къ разработкѣ ватиканскихъ сокровищъ. **А. В.**

Лекціи по новой исторіи проф. В. В. Бауера, читанныя въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Подготовленныя къ печати, редактированныя и изданныя гр. А. А. Мусинымъ-Пушкинымъ. Т. II. Спб. 1888.

Два года тому назадъ вышелъ первый томъ лекцій по новой исторіи покойнаго профессора В. В. Бауера, изданный его ученикомъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ. Издатель, по его собственнымъ словамъ, не счелъ себя въ правѣ измѣнять записки своего учителя и дополнять встрѣчавшіеся въ нихъ существенные пробѣлы, а ограничился лишь приведеніемъ въ порядокъ и подготовкою къ печати матеріала, находившагося въ его распоряженіи. Результатъ получился далеко не блестящій. Изданныя только по конспектамъ покойнаго и студенческимъ запискамъ, лекціи Бауера («Исторія Западной Европы въ эпоху реформаціи») оказались очень неудовлетворительными, а небрежность издателя, допустившаго массу ошибокъ, неточностей и опечатокъ, окончательно дискредитировала это изданіе. Мы думали, что г. Мусинъ-Пушкинъ ограничится своимъ неудачнымъ дебютомъ и продолженія изданія не послѣдуетъ; вышло иначе: черезъ два года является второй томъ лекцій В. В. Бауера, изданный и редактированный тѣмъ же лицомъ. Этотъ второй томъ заключаетъ въ себѣ два курса покойнаго профессора: «Вѣкъ Людовика XIV» (стр. 1—60) и «Исторію Зап. Европы въ XVIII столѣтіи до французской революціи» (стр. 61—438); кромѣ того, въ этомъ томѣ перепечатаны три статьи Бауера, помѣщенныя раньше въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія». Во второмъ томѣ лекцій г. Мусинъ-Пушкинъ расширилъ свою задачу: онъ самъ заявляетъ въ предисловіи, что значительно пополнялъ и видоизмѣнялъ конспектъ Бауера, для того, чтобы воспроизвести живую рѣчь покойнаго профессора. Такимъ образомъ, въ этомъ томѣ являются два автора; однако, что принадлежитъ покойному Бауеру и какія дополненія сдѣланы издателемъ, изъ книги понять нельзя, такъ какъ послѣдній нигдѣ не обозначалъ сдѣланныхъ имъ дополненій какими-либо знаками. Не смотря на дополненія и поправки г. Мусина-Пушкина, второй томъ его изданія оказался еще менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ первый. То подробное, то совершенно отрывочное изложеніе исторіи XVIII столѣтія, иногда съ весьма су-

щественными пробѣлами; постоянныя повторенія на всѣ лады одной и той же высказанной мысли и пересказъ ея другими словами; неточности, а часто и грубыя ошибки, встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ, и, наконецъ, масса опечатокъ: вотъ характерныя особенности этого тома. По словамъ г. Мусина-Пушкина, онъ хотѣлъ своимъ изданіемъ лекцій Вауера принести дань уваженія и благодарности памяти своего учителя, а также и посильную помощь студентамъ и вообще всѣмъ, занимающимся новою исторіею. Цѣль эта не только не можетъ оправдаться, но г. Мусинъ-Пушкинъ могъ бы даже подорвать научный авторитетъ своего учителя такимъ изданіемъ его лекцій, если бы покойный профессоръ не оставилъ по себѣ прочную память, какъ прекрасный лекторъ и вполнѣ серьезный ученый. И. В.

Историческій обзоръ правительственныхъ мѣропріятій къ развитію сельскаго хозяйства въ Россіи отъ начала государства до настоящаго времени. Н. В. Пономарева. Спб. 1888.

Авторъ вышеозначеннаго изслѣдованія задался чрезвычайно полезною цѣлью представить «Компендіумъ всѣхъ мѣръ, направлявшихся въ теченіе болѣе чѣмъ тысячилѣтняго существованія государства, къ развитію сельскаго хозяйства Россіи», съ каковою цѣлью имъ собранъ громадный матеріалъ правительственныхъ постановленій и административныхъ распоряженій, разсѣянныхъ въ сотняхъ томовъ Полнаго Собранія Законовъ, оффиціальныхъ журналовъ, сборниковъ и т. п. и приведенъ въ стройную систему но историко-монографическому методу. Такимъ образомъ, историческій ходъ мѣропріятій прослѣженъ отдѣльно, при чемъ эти мѣропріятія въ отдѣльныхъ главахъ раздѣлены на общія, касающіяся всего сельскаго хозяйства, и частныя, касающіяся отдѣльныхъ отраслей его. Г. Пономаревъ не претендуетъ въ своей книгѣ сказать какое-нибудь новое слово, онъ даже не пытается выдвинуть какую-нибудь теорію и втиснуть въ ея рамки имѣющійся подъ рукою матеріалъ, онъ просто группируетъ факты по мѣрѣ ихъ историческаго накопленія, стараясь придать своему труду справочный характеръ. Въ виду этого онъ не считаетъ себя въ правѣ скрыть отъ пользующихся его книгою источниковъ своей работы и помимо частыхъ ссылокъ въ текстѣ, на матеріалъ второстепенной важности, даетъ отдѣльныя приложенія «главнѣйшихъ источниковъ и сочиненій, послужившихъ основаніемъ для написанія книги» и «списка книгъ сельско-хозяйственнаго содержанія, изданныхъ различными правительственными учрежденіями въ Россіи» въ хронологическомъ порядкѣ. Съ точки зрѣнія спеціалиста по этому предмету, каждая вообще страничка труда г. Пономарева представляетъ собою большую цѣнность, съ обще-исторической же точки, особенный интересъ имѣетъ отдѣлъ первый, гдѣ изложены мѣропріятія по развитію сельскаго хозяйства на Руси до Петра Великаго и тѣ части каждой главы второго отдѣла, гдѣ изложены мѣропріятія до начала нынѣшняго столѣтія, такъ какъ все касающееся нашего вѣка гораздо болѣе извѣстно и доступно, нежели предшествующая эпоха, хотя послѣдняя и обнимаетъ собою меньшій матеріалъ и скуднѣе данными. Г.

И. Поддубный. Учебный атласъ древней исторіи. Спб. 1888.

Русская учебная литература не богата историческими атласами. Еще для русской исторіи мы имѣемъ прекрасный, вполнѣ отвѣчающій научнымъ требованіямъ, атласъ проф. Замысловскаго, а для школы вполнѣ удовлетворительный атласъ г. Добрякова; для всеобщей же исторіи единственнымъ мало-мальски годнымъ школьнымъ пособіемъ является историческій атласъ, составленный гг. Сидонскимъ и Іорданомъ. Поэтому атласъ г. Поддубнаго является далеко не лишнимъ; жаль только, что онъ касается одной древней исторіи и стоитъ нѣсколько дорого. Составленъ и редактированъ атласъ тщательно; ошибокъ и опечатокъ почти не встрѣчается. Лучшими вышли карты древняго Востока, гдѣ каждое государство, въ эпоху его наибольшаго могущества, изображено отдѣльно; но общія карты Греціи и Италіи напечатаны недостаточно ясно, особенно трудна для чтенія карта Италіи. Планы главныхъ городовъ древняго міра и мѣстностей, гдѣ происходили важнѣйшія событія, также помѣщены въ атласѣ г. Поддубнаго. Для справокъ приложенъ алфавитный указатель всѣхъ собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ атласѣ, но пользоваться имъ для ученика будетъ довольно трудно, такъ какъ г. Поддубный вводитъ массу совсѣмъ ненужныхъ знаковъ для отысканія того или другого требуемаго мѣста. Нѣкоторыя карты въ атласѣ являются совершенно излишними и только увеличиваютъ объемъ его; таковы, напримѣръ, карты: распространенія народовъ послѣ потопа, финикійскихъ колоній, царствъ діадоховъ, земель по Гомеру, Геродоту и Птоломею, раздѣленія римской имперіи при Өеодосіи Великомъ. Конечно, эти ненужныя карты не вредятъ атласу, но, держась правила «non multa, sed multum», мы скажемъ, что желали бы въ слѣдующихъ изданіяхъ атласа видѣть лучше только необходимыя карты, но за то отпечатанныя съ большею наглядностью.

И. В.

Систематическій каталогъ дѣламъ комиссіи о коммерціи и о пошлинахъ, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Составилъ начальникъ архива департамента таможенныхъ сборовъ Н. Кайдановъ.

Его же. Систематическій каталогъ дѣламъ сибирскаго приказа, московскаго коммисарства и другихъ бывшихъ учрежденій по части промышленности и торговли, хранящимся въ архивѣ департамента таможенныхъ сборовъ. Спб. 1888.

Начальникъ архива департамента таможенныхъ сборовъ, г. Кайдановъ, составившій уже нѣсколько описаній дѣламъ различныхъ учрежденій, хранящимся въ этомъ архивѣ, въ настоящее время напечаталъ еще два тома «Систематическаго каталога», въ которомъ описалъ дѣла комиссій о коммерціи и пошлинахъ, сибирскаго приказа, московскаго коммисарства коммерцъ-коллегіи, ликвидаціонныхъ и неутральныхъ конторъ, поташной конторы, и помѣстилъ добавленіе къ описанію дѣлъ департамента внѣшней торговли. Наибольшую историческую важность изъ всего этого матеріала имѣютъ дѣла комиссій о коммерціи и о пошлинахъ и дѣла департамента внѣшней торговли. Комиссій о коммерціи было двѣ: одна существовала съ 1720 по 1749 г., другая—съ 1760 по 1796 г.; комиссія о пошлинахъ была учреждена въ 1753 г. и закрылась въ 1760 г. Кругъ занятій для комиссіи о коммерціи былъ на-

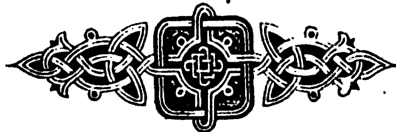
значенъ весьма обширный, такъ какъ ей вмѣнено было въ обязанность разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ торговлю и промышленность Россіи и изыскать способы къ развитію ихъ. Согласно инструкціи, сочиненной для комиссіи, она должна была стараться о размноженіи внутри Россіи фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, о расширеніи внѣшней торговли, объ учрежденіи торговаго флота, о составленіи выгодныхъ для Россіи коммерческихъ трактатовъ, объ искорененіи злоупотребленій по торговлѣ, объ образованіи купеческихъ дѣтей, по примѣру иностранныхъ государствъ, объ учрежденіи заемныхъ банковъ для расширенія оборотовъ купечества и, вообще, объ изысканіи новыхъ путей къ умноженію благосостоянія государства и умноженію доходовъ казны безъ отягощенія народа. Вмѣстѣ съ этимъ, предположено было учредить при комиссіи о коммерціи особый финансовый департаментъ, который долженъ былъ сочинить планъ и проектъ къ устройству казны государства, установить порядокъ отчетности и собрать свѣдѣнія о всѣхъ получаемыхъ государствомъ доходахъ, отдѣливъ доходы постоянные отъ случайныхъ. Понятно, что такой широтѣ и разносторонности задачъ дѣятельность комиссіи о коммерціи имѣла весьма большое значеніе, и дѣла ея представляютъ весьма любопытныя свѣдѣнія о промышленности и торговлѣ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Всего дѣлъ этой комиссіи въ «Каталогѣ» г. Кайданова указано 735, не считая журналовъ и протоколовъ. Изъ бумагъ департамента внѣшней торговли описаны въ разбираемыхъ «Каталогахъ» высочайшіе именные указы, рескрипты и повелѣнія, высочайше утвержденныя докладныя записки министровъ коммерціи и финансовъ и выписки изъ журналовъ государственнаго совѣта, а также изъ журналовъ комитетовъ: министровъ, кавказскаго и сибирскаго. Содержаніе этихъ бумагъ очень разнообразно: тутъ есть инструкціи коммерцъ-коллегіи, консуламъ, разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, проекты о борьбѣ съ контрабандой и разными злоупотребленіями по торговлѣ, о заведеніи фабрикъ и мануфактурѣ и т. п. На многихъ изъ документовъ этихъ находятся собственноручныя подписи и резолюціи государей. Въ «Каталогахъ» г. Кайданова дѣла систематизированы по предметамъ и расположены въ хронологическомъ порядкѣ; при каждомъ дѣлѣ указанъ архивный номеръ связки, въ которой оно хранится. Съ внѣшней стороны «Каталоги» изданы прекрасно; и бумага и шрифтъ очень хороши. Въ концѣ «Каталоговъ» помѣщены указатели. В.

Опытъ исторіи с.-петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Выпускъ первый. Петербургъ до его основанія. Очеркъ исторіи р. Невы и мѣстности нынѣшняго Петербурга до 1703 года. Г. А. Немирова, секретаря С.-Петербургскаго биржевого комитета. Спб. 1888.

Это мало толковое заглавіе брошюры въ 56 страницъ способно привести въ недоумѣніе всякаго читателя. Какую исторію хочетъ разсказывать секретарь петербургскаго биржевого комитета? Исторію биржи, Петербурга, рѣки Невы или мѣстности, на которой выстроенъ Петербургъ? Все это обѣщаетъ заглавіе обложки, раздѣляющееся собствено на два заглавія, отдѣленныя одно отъ другого чертою, при чемъ верхнее заглавіе набрано шрифтомъ помельче, нижнее—покрупнѣе. Стало быть главный предметъ брошюры — исторія Пе-

тербурга до основанія Петербурга. Это повидимому подтверждается тѣмъ, что на той же первой страницѣ обложки приведены краткіе заголовки содержанія: предмѣстники Петербурга, исторія происхожденія Невы, древнѣйшая исторія Невской дельты, поселенія на устьѣ въ 1496—1500 гг., а на второй страницѣ обертки эти же заголовки являются уже съ подраздѣленіями по параграфамъ и съ претензіями на юморъ. Такъ встрѣчаются тутъ заголовки: «Не Петръ задумалъ Петербургъ» (основать?) «Красавица Нева не дѣвой оставалась» (?!) Но дѣло идетъ все еще о Невѣ и Петербургѣ. На оберткѣ напечатана, впрочемъ, еще одна фраза «иждивеніемъ лицъ с.-петербургскаго биржевого комитета». Отчего же купечеству не пожертвовать извѣстную сумму, чтобы г. Немировъ описалъ «Петербургъ до его основанія?» Но съ слѣдующей же первой страницы брошюры является уже главная цѣль купеческаго пожертвованія: страница эта носитъ уже совершенно другое заглавіе: «Петербургская биржа при Петрѣ Великомъ. Хронологическое изложеніе историческихъ матеріаловъ, сохранившихся въ дѣлахъ бывшей государственной комерцъ-коллегіи, съ дополненіемъ по другимъ преимущественно документальнымъ источникамъ». Затѣмъ, послѣ эпиграфа изъ Пушкина, приводящаго слова Екатерины о томъ, что Петръ положилъ начало всѣмъ преобразовательнымъ установленіямъ въ Россіи — слѣдуетъ «вмѣсто предисловія» благодарность разнымъ лицамъ, «оказавшимъ содѣйствіе по составленію настоящей книги» и всѣмъ лицамъ, «принявшимъ участіе въ подпискѣ». Далѣе идетъ списокъ этихъ лицъ и фирмъ биржевого купечества. Такихъ лицъ, внесшихъ отъ 250 до 10 рублей, оказалось 75 и сумма ихъ взноса составила 5,220 руб. Во всякомъ случаѣ написать и издать исторію петербургской биржи, въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это задумалъ г. Немировъ, врядъ ли можно на пожертвованные пять тысячъ, а на читателей не изъ биржевиковъ — расчитывать трудно. Кромѣ пяти «вступительныхъ очерковъ» (теперь вышелъ только первый выпускъ) г. Немировъ предполагаетъ издать — самъ не знаетъ сколько выпусковъ, изложивъ въ нихъ одиннадцать періодовъ биржевой исторіи. Подписка въ 25 рублей сер. принимается на первую серію, въ которую войдетъ десять выпусковъ, если подписчиковъ будетъ 300, 14 выпусковъ при четырехстахъ подписчикахъ, увеличивая число выпусковъ по четыре на каждую новую сотню подписчиковъ, такъ что при восьмистахъ, авторъ дастъ 30 выпусковъ, каждый отъ 2 до 4 листовъ. Такихъ странныхъ условій подписки намъ не приходилось встрѣчать въ нашемъ книжномъ дѣлѣ. Чѣмъ больше будетъ подписчиковъ, тѣмъ больше будетъ писать г. Немировъ. Оригинальное объявленіе! Правда, желанія автора не велики и ограничиваются восемьюстами подписчиками, но между биржевиками не нашлось и восьмидесяти, а кому же изъ обыкновенныхъ читателей нужна исторія петербургской биржи, не сдѣлавшей ничего особеннаго ни для Петербурга, ни для русской торговли? И еще неизвѣстно, во сколькихъ серіяхъ выйдетъ эта исторія въ одиннадцати періодахъ, раздѣляющихся каждый на три отдѣла: на хронику, то есть подробное изложеніе событій и документовъ, на изложеніе дѣлъ и другихъ матеріаловъ и на общій обзоръ положенія биржевой торговли и биржевого управленія. Кому нужна и кого можетъ интересовать такая пространная исторія, которую для чего-то понадобилось начать съ ледниковаго періода, за 60,000 лѣтъ до образованія Скандинавскаго полуострова и Балтійскаго моря? И авторъ подробно описываетъ всѣ послѣдующія видоизмѣненія Бал-

тійскаго побережья, первыя поселенія на немъ отъ Ладожскаго озера до Невской дельты, заселеніе береговъ Невы въ концѣ XV вѣка, измѣненіе формы невскихъ островов и русла самой рѣки. Все это извѣстно изъ прежнихъ изслѣдованій этой мѣстности и не имѣетъ никакого отношенія къ биржѣ. Авторъ недоволенъ извѣстными стихами Пушкина «На берегу пустынных волнъ» и пр. и говоритъ, что воды эти не были вовсе пустынны, что на нихъ жилъ не одинъ финскій рыболовъ и Петербургъ основанъ не на болотѣ. «Для насъ,—говоритъ онъ, разумѣя вѣроятно биржевиковъ,—Петербургъ прежде всего не столица, а купеческій приморскій городъ, пристань Балтійскаго моря» и въ настоящее время Петръ Великій самъ перенесъ бы столицу въ иное мѣсто «чтобы военные парады и разныя формальности столичной жизни не мѣшали мирному отправленію купечества». Эта претензія—воображать, что столица существуетъ только для купечества и что главное учрежденіе въ ней — биржа, до того странно, что невольно бросается въ глаза. И какому «мирному отправленію» мѣшаютъ «военные парады и разныя формальности?» Вѣдь, кажется, никакія формальности не мѣшаютъ нашей биржѣ устраивать свои личныя дѣлишки, хотя бы для этого надо было заодно съ берлинскими жидами, ронять нашъ курсъ до послѣдней степени возможности. Для чего же ей понадобилось еще воздвигать себѣ памятникъ нерукотворный, въ видѣ исторіи г. Немирова, которая, конечно, не замедлитъ обратиться въ панегирикъ биржевому купечеству, если только авторъ дотянетъ свой трудъ до нашего времени, что, однако, подвержено сильному сомнѣнію. В—ъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Возможенъ ли тройственный союзъ Россіи, Франціи и Англіи? Рѣшеніе этого вопроса французскимъ публицистомъ.—Новая франко-русская газета.—Военныя карты русской и австрійской арміи. — Три книги по русской исторіи: русскаго эмигранта, нѣмецкаго ученаго и дерптскаго профессора.—Характеристика Надсона въ нѣмецкомъ журналѣ. — Сатиры Салтыкова въ нѣмецкомъ переводѣ.— Англичане, знакомящіеся съ русскими крестьянами. — Три книги объ императорѣ Фридрихѣ III.—Стодневное междуцарствіе.—Физическія страданія и борьба съ нравственными, происходящими отъ невозможности осуществить свои планы.

СОЮЗЪ Германіи съ Австріею и Италіею торжественно подтвержденъ съ высоты трона новымъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II, при открытіи имъ германскаго парламента, хотя условія этого союза до сихъ поръ остаются тайною для народовъ Европы. Въ главныхъ основаніяхъ своихъ онъ, впрочемъ, извѣстенъ, и хотя явная цѣль его—по словамъ правящихъ лицъ— оборонительная, но онъ долженъ былъ неминуемо возбудить опасенія въ остальныхъ державахъ, какъ бы эта оборона не превратилась, при удобныхъ обстоятельствахъ, въ нападеніе. Для устраненія всѣхъ опасеній, самымъ естественнымъ являлся союзъ остальныхъ трехъ великихъ державъ—Россіи, Франціи и Англіи, но въ политикѣ далеко не всегда принимаются мѣры, которыя и естественны и необходимы, а очень часто заключаются международныя сношенія, прямо противорѣчащія симпатіямъ странъ сосѣднихъ между собою. Дипломатія и публицистика давно уже разработываютъ на всѣ лады основанія тройственнаго союза, который представилъ бы надежный оплотъ противъ «лиги мира», но всѣ попытки въ этомъ направленіи до сихъ поръ не имѣли никакихъ шансовъ къ осуществленію. Извѣстный публицистъ, хорошо знакомый съ Россіею, Леруа-Болье разсматриваетъ причины этого, въ «Revue politique et littéraire», въ статьѣ озаглавленной «Англія, Россія и Франція» (L'Angleterre, la Russie et la France) и, прежде всего, изслѣдуетъ вопросъ: возможенъ ли союзъ между Россіею и Англіей.

Какіе могутъ быть мотивы и цѣли этого союза? Какія выгоды можетъ извлечь изъ него каждая изъ этихъ державъ? Полное согласіе между «слономъ и китомъ» было бы естественно, если бы у Россіи были интересы только на суши, а у Англіи на морѣ. Каждая изъ этихъ державъ оставалась бы въ своей стихіи и дружба между ними ничѣмъ бы не нарушалась. Но Англія, захвативъ Индію, сдѣлалась державою континентальною, а Россія не можетъ не обладать Чернымъ моремъ и выходомъ изъ него, для чего ей необходимъ сильный флотъ, не говоря уже о его необходимости на берегахъ Балтійскаго моря, Сѣвернаго океана или русскихъ окраинъ, лежащихъ по Восточному океану. Что можетъ предложить Россія Англіи въ замѣнъ своего законнаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ? Гарантію Англіи ея индійскихъ владѣній? Но Англія не довольствуется этимъ: она хочетъ быть вполнѣ обезпечена на Гиндукушѣ и Парапомизѣ и въ то же время не пустить русскихъ на Балканы. Логично ли это? «Лучшее средство сохранить Индію—пожертвовать Турціею», говоритъ Леруа-Болье, а на это Англія не согласится, хотя за господство на Босфорѣ Россія могла бы сверхъ того предоставить Англіи господство на Нилѣ. Но на это не согласится Франція, да и вообще раздѣлъ Турціи не такъ легко устроить, какъ раздѣлъ Польши, и онъ неминуемо возбудитъ аппетиты и притязанія другихъ державъ. Чарльсъ Дильке, въ своей книгѣ «Европа въ 1877 году», говоритъ прямо: «Занятіе русскими Босфора и Дарданелъ будетъ вѣчною угрозою англичанъ въ Египтѣ и ихъ сообщеніямъ съ Индіею черезъ Суэзскій каналъ. Обладаніе Константинополемъ повлечетъ за собою неизбѣжно обладаніе Малою Азіею, а затѣмъ и Сиріею». Къ тому же у Англіи 50 миліоновъ подданныхъ мусульманъ въ Индіи и власть надъ ними поколеблется съ паденіемъ власти падишаха. Въ виду неминуемаго разложенія Турціи, либеральная партія въ Англіи хочетъ создать оплотъ отъ стремленія Россіи къ Босфору въ федераціи балканскихъ племенъ: грековъ, сербовъ, румынъ, болгаръ, но силы ихъ еще слишкомъ ничтожны въ настоящее время. И потомъ покровительственная таможенная система Россіи будетъ препятствовать свободѣ англійской торговли вездѣ, гдѣ русскіе пріобрѣтутъ вліяніе. Англичане до сихъ поръ еще не перестаютъ кричать о вѣроломномъ уничтоженіи порто-франко въ Батумѣ, черезъ восемь лѣтъ послѣ его открытія, а торговые интересы для нихъ гораздо важнѣе политическихъ. Изъ-за нихъ Англія, конечно, никогда не объявитъ войны Россіи, не имѣя сухопутной арміи, но флотъ ея будетъ непремѣнно помогать врагамъ Россіи, если противъ нея поднимется «лига мира». Стало быть тутъ нечего и думать о союзѣ. Если объ немъ и мечтаютъ увлекающіеся дипломаты въ Петербургѣ и Лондонѣ, то однимъ парижанамъ могла прійти въ голову возможность русско-англо-французскаго союза. Англійская парламентская трибуна и журналистика только и твердятъ о томъ, что у нихъ только два врага въ Европѣ — Россія и Франція. Народная антипатія Великобританіи еще сильнѣе къ французамъ, чѣмъ къ русскимъ. Русскихъ Англія боится только въ Индіи; французы — вѣчные соперники англичанъ въ ихъ морскомъ и колоніальномъ владычествѣ. Самый свѣтлый умъ Англіи—Гладстонъ, бывши министромъ, первый возсталъ противъ проекта ламаншскаго тоннеля. Теперь, какъ глава оппозиціи, онъ ратуетъ за устройство тоннеля— и совершенно напрасно: англичане никогда не согласятся на него. При Луи-Филиппѣ и Наполеонѣ III Франція приносила значительныя жертвы въ пользу союза съ Англіей, но ничѣмъ не могла пріобрѣсти ея довѣрія. Если онѣ всту-

пали въ союзъ, то только противъ Россіи, точно такъ же какъ при Наполеонѣ I Англія соединялась съ Россіей только противъ Франціи. Англія отняла у нея обширныя колоніи въ Азіи, Америкѣ, Австраліи и все-таки жалуется, что вездѣ встрѣчаетъ ее какъ соперницу: въ Египтѣ, въ Тихомъ океанѣ, на Мадагаскарѣ, въ Индо-Китаѣ. Къ тремъ державамъ, въ союзъ противъ которыхъ думаютъ вовлечь Англію, она питаетъ гораздо больше симпатій. Съ Германіей ее соединяетъ единство расы, религіи, темперамента. Англо-саксъ гордится побѣдами и гегемоніей тевтона. Пруссія можетъ овладѣть Голландіей, даже Бельгіей, Англія не помѣшаетъ этому: лишь бы онѣ не достались французамъ. Къ Италіи она расположена потому, что эта держава—соперница Франціи въ Средиземномъ морѣ, Австріи симпатизируетъ потому, что это—оплотъ противъ Россіи. Эгоистическая политика Англіи не позволяетъ ей вступить въ «лигу мира», но тѣмъ невозможнѣе для англичанина союзъ съ страной, гдѣ такъ непрочны политическія и соціальныя учрежденія и которая постоянно угрожаетъ революціею, не говоря уже объ упадкѣ въ ней семейныхъ и нравственныхъ началъ—такъ строго соблюдаемыхъ Великобританіею,—по крайней мѣрѣ, по наружности. «Надо радоваться, если Англія останется нейтральной, когда во Франціи вспыхнетъ война». Этими словами французскій публицистъ заключаетъ свою статью.

— О сближеніи съ Россіей продолжаетъ попрежнему толковать французская журналистика. Мы говорили уже о спеціальныхъ періодическихъ органахъ, основанныхъ съ этой цѣлью, но далеко не достигающихъ ея. Одинъ изъ этихъ органовъ—плодъ прямой спекуляціи и смѣлой бездарности.—«La vie franco-russe» уже прекратился, такъ какъ даже непритязательные французы увидали всю пустоту и совершенное незнакомство съ Россіею этого «органа народныхъ симпатій». Къ сожалѣнію, скончавшуюся газету замѣнила другая, такая же плохая, съ такою же спекулятивною цѣлью и такимъ же полнымъ незнаніемъ нашего отечества... Франко-русская газета «(La gazette franco-russe) отличается даже еще большими пошлостями и нелѣпостями въ статьяхъ о Россіи, хотя насъ расхваливаютъ безъ мѣры. Русскіе—и «гиганты сѣвера» и «одерживаютъ величайшую мирную побѣду цивилизаціи» и «идутъ по пути прогресса исполинскими шагами». Но когда, послѣ комплиментовъ, редакція начинаетъ въ первой же руководящей статьѣ знакомить французовъ съ Россіей, въ ней являются губерніи: Tchemidoff, Poltowa, Rodan и Jaroslow. Далѣе авторъ статьи, какой-то Феликсъ Рока, говоритъ, что въ «Новой Россіи», со времени ея завоеванія, населеніе значительно увеличилось, послѣ паденія имперіи Монгко (Mongko) и занятія Корона (Coron) и Астрахани». За такими блестящими историческими и географическими свѣдѣніями тотъ же Рока сообщаетъ и промышленныя извѣстія, заключающіяся въ томъ, что «промышленность центральныхъ губерній не склонна соединять жителей въ большія поселенія, такъ какъ она распространена и разсѣяна въ деревняхъ, гдѣ фабрики любятъ уединяться». Послѣ такого изумительнаго, всесторонняго знанія русской жизни, газета считаетъ нужнымъ перечислить русскихъ туристовъ, живущихъ теперь на водахъ во Франціи. И тутъ являются знаменитыя имена: madame Berdiof, Nicolas de Pitoeff, m. Egloff, Wladimir Plotovsky, m-r Tarmouski и проч. Особенно отличается знаніемъ путей сообщенія вторая статья, серьезно трактующая о проведеніи желѣзной дороги de Korlof à Karam и о необходимости основать на берегахъ Аму-Дарьи города Annenkwa. На послѣдней страницѣ газета увѣряетъ, что она разсылается всѣмъ членамъ ари-

стократіи и de la grande bourgeoisie, и требуетъ за свои рекламы по 12-ти франковъ за строчку и по 2 фр. за простыя объявленія. Неужели французы думаютъ, что подобные органы могутъ содѣйствовать знакомству ихъ соотечественниковъ съ Россіей?

— Надо сознаться, что нѣмцы знакомятся съ нами гораздо серьезнѣе и всестороннѣе. Въ Вѣнѣ вышла превосходная карта расположенія русской арміи («Dislocationskarte der russischen Armee») въ европейской части нашихъ владѣній. Къ картѣ приложено въ таблицахъ—обозрѣніе ордр-де-баталія, положеніе арміи въ мирное время, при мобилизаціи и во время войны,—все это, по словамъ составителя карты, на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній о расположеніи русскихъ войскъ («Rosspissanie», какъ говоритъ авторъ). «Многое открываютъ наблюдателю эти синіе, красные и черные значки на картѣ, говоритъ нѣмецкая критика: Польша кишитъ оружіемъ. Вся страна — настоящая мышеловка, для всякаго войска, которое вздумаетъ въ нее вторгнуться. Не извѣстно только, не назначается ли это скопленіе войскъ больше для Германіи, чѣмъ для Австріи». Критикъ сравниваетъ эту карту съ вышедшею также «всеобщею административною картою австрійско-венгерской арміи» (Universal-administrativ-Karte der österreichisch-ungarischen Armee). Страннымъ кажется критикѣ то, что верхняя Австрія съ Зальцкаммерными владѣніями совершенно обнажена отъ войскъ, густо расположенныхъ въ Богеміи, даже больше чѣмъ въ Галиціи. «Неужели не довѣряютъ чехамъ», спрашиваетъ критикъ и находитъ также, что австрійская карта не даетъ все-таки полнаго понятія о точномъ числѣ войскъ, расположенныхъ въ имперіи. Но изъ сравненій русской и австрійской картъ можно сдѣлать поучительный выводъ и ихъ необходимо тщательно изучать.

— По русской исторіи «Вестермановъ ежемѣсячникъ» (Westerman's Monatshefte) отмѣчаетъ три сочиненія: «Историческое развитіе русскаго народа» (Die geschichtliche Entwickelung des russischen Volkes) стараго эмигранта Ивана Головина, еще прежде Герцена оставившаго свое отечество. Критика находитъ много вѣрныхъ данныхъ въ этой книгѣ, но онѣ перемѣшаны, къ сожалѣнію, со множествомъ ложныхъ свѣдѣній, ошибочныхъ цифръ и вдобавокъ все изложено невозможнымъ нѣмецкимъ языкомъ, доказывающимъ иноземное происхожденіе автора. Гораздо серьезнѣе книга Визнера «Дополненіе къ исторіи Россіи» (Beiträge zur geschichte Russlands). Книга основа на новѣйшихъ источникахъ и свѣдѣніяхъ перечисляемыхъ авторомъ въ предисловіи. Оба сочиненія написаны не въ особенно благосклонномъ тонѣ. Совершенно объективны за то «Дополненія къ культурной исторіи Россіи въ XVII вѣкѣ» (Beiträge zur Kulturgeschichte Russlands im siebzehnten Jahrhundert) профессора Брюкнера. Содержаніе статей, составляющихъ эту книгу, весьма разнообразно: тутъ говорится и объ отношеніи внутренней русской жизни и о международныхъ сношеніяхъ посредствомъ пословъ, отправляемыхъ въ Италію и Францію и объ иностранцахъ, пріѣхавшихъ въ Россію изъ западной Европы, какъ Лаврентій Рингуберъ и Патрикъ Гордонъ, наконецъ, о попыткахъ реформъ до Петра I и въ его эпоху. Тутъ особенно замѣчательна біографія В. В. Голицына. Вообще книга дерптскаго профессора читается въ Германіи съ большимъ интересомъ.

— Въ то же время нѣмцы занимаются и русской литературой. Журналъ «Die Gesellschaft» далъ обширную характеристику Надсона, съ переводомъ

его стихотвореній. Авторъ Артуръ Лейстъ придаетъ однако уже слишкомъ много значенія поэту даровитому, но неуспѣвшему развить свой талантъ и оставившему только нѣсколько хорошихъ стихотвореній. А нѣмецкій критикъ считаетъ его лучшимъ поэтомъ послѣ Пушкина и Лермонтова, забывая о Некрасовѣ, Полонскомъ, А. Толстомъ и другихъ поэтахъ, которые выше Надсона. Самъ же Лейстъ, говоритъ, что господствующее направленіе стихотвореній Надсона грусть и отчаяніе, что даже въ этомъ направленіи онъ поэтъ только субъективной, а не міровой скорби. Уже одно это, совершенно вѣрное замѣчаніе, доказываетъ, что круговоръ поэта былъ весьма ограниченъ. Личныя страданія, какъ бы сильны и несправедливы они ни были, не имѣютъ общечеловѣческаго интереса и значенія.

— Гораздо важнѣе, что нѣмцы ознакомились съ М. Е. Салтыковымъ, въ переводѣ его «Мелочей жизни» (Des Lebens Kleinigkeiten). Переводъ сдѣланъ Эккардтомъ, не Юліемъ, біографомъ Герцена, Тургенева и др., авторомъ хорошихъ этюдовъ исторіи русскаго общества, а какимъ-то Іоганномъ Эккардтомъ. Онъ перевелъ не всю книгу, появившуюся подъ этимъ названіемъ, выпустивъ типы русскаго читателя и другіе очерки. Любопытно, какъ встрѣтятъ нѣмцы труды русскаго сатирика. «Мелочи жизни» написаны не такимъ своеобразнымъ языкомъ какъ другія произведенія Салтыкова и переводъ ихъ вообще очень хорошъ, хотя Эккардтъ оставляетъ безъ объясненія такія слова, какъ дьячекъ, десятникъ, батюшка (священникъ), а слова nitschewo и won! такъ и не переводитъ вовсе. Если первое изъ этихъ словъ знакомо нѣмцамъ, такъ какъ его очень любитъ Бисмаркъ, то замѣна нѣмецкаго heraus русскимъ—вонъ! уже совершенно напрасна. Въ предисловіи Эккардтъ совершенно основательно замѣчаетъ, что Салтыкова читали бы за границей съ такимъ же увлеченіемъ какъ Тургенева, Толстого, Гончарова, Достоевскаго, еслибы слогъ Салтыкова, исполненный намеками и разными алегоріями, хотя и остроумными, не былъ часто теменъ и непонятенъ для иностранцевъ.

— Англичане знакомятся съ Россіей по сочиненіямъ «Степняка». Вышедшее недавно двухтомное сочиненіе его: «Русское крестьянство, его земельное положеніе, общественная жизнь и религія» (The russian peasantry: their agrarian condition, social life and religion) критикъ «Атенеума» причисляетъ къ серьезнымъ произведеніямъ, а не къ памфлетамъ. Содержаніе книги очень важное и изложено спокойно, безъ преувеличеній, хотя и не безъ тенденціи. Степнякъ, говоря о печальной участи своихъ соотечественниковъ изъ низшихъ сословій, не предлагаетъ средствъ улучшить ихъ положеніе, но отсутствіе всякихъ крайнихъ и утопическихъ мѣръ не уменьшаетъ значенія приводимыхъ имъ фактовъ. По признанію самого автора, земельное богатство Россіи такъ велико, что вполнѣ возможно превратить бѣдняковъ-крестьянъ въ зажиточное сословіе. Онъ подтверждаетъ это словами Реклю, пришедшаго къ выводу, что поля Россіи, хорошо воздѣланныя, могутъ прокормить 500 милліоновъ, тогда какъ жителей въ ней съ небольшимъ сто милліоновъ. Теперь Степнякъ насчитываетъ между ними 20 милліоновъ безземельныхъ пролетаріевъ, обѣднѣвшихъ съ 1861 года. Критикъ «Атенеума» находитъ такой расчетъ преувеличеннымъ, а взглядъ автора пессимистскимъ. Разумѣется, всю вину авторъ взваливаетъ на администрацію, находя существующіе налоги чрезмѣрными и принуждающими крестьянъ прибѣгать къ помощи ростовщиковъ-міроѣдовъ (koulak and mir-eaters). Поло-

вина книги Степняка посвящена религіознымъ воззрѣніямъ русскаго народа, придающимъ ему увѣренность въ лучшей жизни—на томъ свѣтѣ и помогающимъ переносить всѣ тяготы въ настоящемъ. Терпѣніе и спокойствіе—отличительныя качества славянскихъ расъ дѣлаютъ ихъ также неспособными къ восстаніямъ и къ принятію революціонныхъ идей, въ чемъ давно уже убѣдились бунтари-пропагандисты. Авторъ сообщаетъ много новыхъ фактовъ о расколѣ, съ которымъ мало знакома Европа. Онъ кончаетъ убѣжденіемъ, что «народъ-земледѣлецъ» выработаетъ новыя, благопріятныя условія безбѣднаго существованія и подастъ примѣръ обветшалой Европѣ, какъ измѣнить для общаго благополучія условія соціальной жизни народовъ.

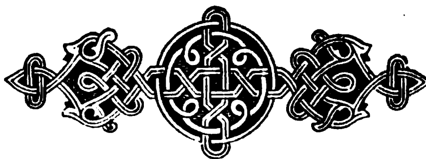
— Быстрыя перемѣны въ управленіи Германіею, на тронѣ которой, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, смѣнилось три императора, послужили, конечно, поводомъ къ появленію брошюръ и серьезныхъ сочиненій объ этихъ вѣнценосцахъ. Особенно возбуждаетъ участіе судьба Фридриха III, біографіи котораго посвящены три книги: одна на французскомъ языкѣ Эдуарда Симона, автора обширной монографіи «L'Empereur Guillaume» и двѣ нѣмецкихъ: извѣстнаго публициста Шмидта Вейсенфельда «Friedrich, deutscher Kaiser» и Вирмана—«Friedrich III». Книга публициста лучше всего характеризуетъ царствованіе, не продолжавшееся и ста дней, возбуждавшее въ европейской политикѣ столько ожиданій, тревогъ, опасеній, разочарованій, волненій всякаго рода, и названное прусскими консерваторами—междуцарствіемъ. Среди тяжелыхъ, почти безпрерывныхъ страданій, царственный больной удивлялъ міръ своимъ терпѣніемъ, своею кротостью и твердостью въ перенесеніи такихъ мукъ, какія давно сломили бы болѣе слабый организмъ. Едва ли когда-либо всемірная исторія представляла примѣръ монарха, вступившаго на престолъ умирающимъ, три мѣсяца боровшагося со смертью, но продолжавшаго править страною въ краткія минуты облегченія отъ приступовъ страшной болѣзни. Есть что-то высоко-трагическое въ судьбѣ этого Гогенцоллерна, жизнь котораго искуственно поддерживалась наукою, давно уже признавшею положеніе Фридриха безнадежнымъ, но не высказывавшею этого прямо изъ политическихъ соображеній. Безсильная оказать дѣйствительную помощь, врачебная наука употребила однако всѣ усилія для продленія угасающей жизни императора и, въ этомъ отношеніи, старанія врачей заслуживали бы глубокую благодарность, если бы къ заботамъ о больномъ не примѣшивался тотъ антагонизмъ, который съ первыхъ дней новаго царствованія тормозилъ, и въ политикѣ и въ семейной жизни императора, всѣ его благія начинанія. Лѣченіемъ больного руководили врачи двухъ національностей германской и англійской: они, по временамъ не сходились между собою въ опредѣленіи мѣръ, какія слѣдуетъ принять противъ того или другого симптома болѣзни, и это возбуждало не только тревожныя опасенія въ подданныхъ Фридриха III, но даже прямыя обвиненія въ небрежности надзора, въ ошибочной системѣ лѣченія. Нѣмецкая публика, увлекаемая впечатлѣніями минуты, волнуемая понятными опасеніями, не разъ высказывала недовѣріе и нерасположеніе къ иностраннымъ врачамъ. Въ карету доктора Мекензи бросали въ Берлинѣ грязью, а нѣкоторыя газеты распространяли слухи, что больной едва не умеръ въ Сан-Ремо отъ дурного ухода за нимъ англійскихъ врачей. Тотъ же припадокъ удушья повторялся и въ Шарлотенбургѣ, и докторъ Гоуэлль не могъ понять нѣмецкаго фельдшера, толковавшаго о томъ, что сдвинулась съ мѣста трубочка, посредствомъ которой дышалъ больной. Обвиненія врачей

были такъ настойчивы въ печати, что Мекензи и Гоуэлль обратились къ суду, чтобы онъ положилъ конецъ газетнымъ клеветамъ и оскорбленіямъ. Но общественное мнѣніе, однажды встревоженное, успокоить нелегко, тѣмъ болѣе что въ пристрастіи къ Англіи обвиняли и самого императора. Этимъ отличались нѣкоторыя мѣстныя, ультраконсервативныя газеты. «Hartungsche Zeitung» приводитъ весьма непочтительные отзывы Кенигсбергской газеты «о высокопоставленныхъ дамахъ, болѣе сентиментальныхъ, чѣмъ понимающихъ толкъ, ведущихъ бабью или юбочную политику, подчиняющихся чуждому вліянію и неспособныхъ постичь и усвоить себѣ германскія чувства». И безъ того уже, продолжала газета, весь образъ жизни нашего императора настоящій англійскій. У себя въ семьѣ онъ говоритъ поанглійски, вся обстановка его англійская, служители, состоящіе при немъ, англичане, лѣченіемъ его руководитъ англійскій врачъ. Все это, впрочемъ, можетъ считаться личнымъ, домашнимъ дѣломъ императора, некасающимся германскаго народа. Но совершенно иной характеръ имѣетъ удаленіе изъ Шарлотенбургскаго дворца реликвій, напоминающихъ лучшую эпоху». Какія же это реликвіи? Не болѣе какъ пустыя аптечныя склянки и пузырьки, хранившіеся въ Шарлотенбургѣ со времени Фридриха II и которые императрица, наконецъ, приказала убрать, находя совершенно основательно, что уваженіе къ усопшему не должно простираться до уваженія къ его посудѣ и старымъ черепкамъ. Но прусская газета видитъ въ этомъ «желаніе перестроить все въ историческомъ дворцѣ на англійскій образецъ», и прибавляетъ, что «ради удовольствія двухъ лицъ ставятъ, по внушенію Англіи, на карту сохраненіе европейскаго мира». Мудрено ли, что и на пріѣздъ англійской королевы въ Берлинъ ультраконсерваторы смотрѣли съ большимъ неудовольствіемъ и, въ то время, когда однѣ газеты находили вполнѣ естественнымъ посѣщеніе больного его тещею, другія упрекали ее за то, что она встревожила больного, которому было вредно малѣйшее волненіе. Да еще, кромѣ того, привезла она съ собой своего Батенберга, конечно, не жениха, а его брата, но и этотъ господинъ былъ вовсе не желаннымъ гостемъ у одра императора, только-что выдержавшаго тяжелую борьбу изъ-за сватовства его братца. Во всякомъ случаѣ пріѣздъ такихъ гостей взволновалъ больного, который самъ распоряжался всѣми подробностями ихъ пріема, не расчитывая на особенный энтузіазмъ къ нимъ ни придворныхъ, ни народа. И пріемъ, сдѣланный пруссаками королевѣ Викторіи, былъ далеко несочувственный и весьма холодный. Еще въ Берлинѣ легко было набрать нѣсколько десятковъ зѣвакъ и крикуновъ, оравшихъ при проѣздѣ гостьи въ открытомъ экипажѣ, но въ Шарлотенбургѣ ее встрѣчали положительно гробовымъ молчаніемъ. Большое неудовольствіе и даже прямое негодованіе во всѣхъ слояхъ общества возбудило назначеніе королевѣ тѣхъ комнатъ, въ Шарлотенбургскомъ дворцѣ, гдѣ жила мать Вильгельма I, королева Луиза. Послѣ смерти этой женщины, вынесшей столько горя и почитаемой святою всѣми пруссаками, комнаты ея остались въ томъ видѣ, какъ были при ея смерти, а ихъ начали убирать и реставрировать для жилья англійской королевы. Это до того возмутило придворные кружки, что пришлось сдѣлать измѣненіе въ первоначальномъ распоряженіи, и Викторіи отвели комнаты, сосѣднія съ апартаментами королевы Луизы. Гостью пріѣхалъ встрѣтить въ вокзалѣ кронпринцъ, но не въ парадной формѣ, такъ какъ характеръ встрѣчи былъ чисто семейный и королева пріѣхала инкогнито. За нимъ пріѣхала кронпринцеса, принцъ Генрихъ, императрица съ тремя

дочерьми, принцъ Саксен-Мейнингенскій и Гессенскій, какъ близкіе члены императорской семьи и англійскаго дома. Изъ другихъ принцевъ и принцесъ никто не явился. Съ императоромъ Викторія видѣлась нѣсколько разъ и окружающіе его только удивлялись силѣ характера, съ какою онъ, подавивъ страданія, умѣлъ быть любезнымъ съ своею гостьею. А еще незадолго передъ тѣмъ, онъ писалъ своему любимцу, фельдмаршалу Блументалю, пожелавшему скорѣйшаго выздоровленія монарху: «у меня почти нѣтъ болѣе силъ выносить эти страданія». Сыну своему онъ писалъ въ то же время: «учись страдать, не жалуясь, вотъ все, чему я могу тебя научить». Своему старому, оглохшему служителю онъ написалъ: «ты счастливѣе меня—ты не можешь слышать, а я не могу говорить и при томъ еще такъ страдаю». Наконецъ, придворному проповѣднику онъ написалъ: «молитесь не о моемъ выздоровленіи, а о томъ, чтобы скорѣе прекратились мои страданія». Послѣднія слова опровергала, впрочемъ, «Norddeutsche Zeitung», но «Kölnische Zeitung» настаивала на ихъ подлинности, такъ же какъ «Kreuz Zeitung» и «Nazional Zeitung». Что императоръ самъ сознавалъ всю безнадежность своего положенія—было очевидно; раковый характеръ горловой опухоли не оставлялъ надеждъ. Были дни, когда каждую минуту ожидали роковой развязки. Крѣпкій организмъ Фридриха III только отсрочивалъ неизбѣжный исходъ. Нашли какого-то вѣнца, вынесшаго такую же операцію и уже семь лѣтъ живущаго съ трубочкой, вставленной въ горло. Но одинъ исключительный примѣръ ничего не доказываетъ, а императоръ замѣтно терялъ силы. Въ послѣднее время онъ писалъ такъ неразборчиво, что съ трудомъ понимали его распоряженія.

— Книга Симона, озаглавленная «L'Empereur Frédéric» написана въ панегирическомъ тонѣ, занимается больше политическими соображеніями и доводитъ біографію императора до половины апрѣля. Мудрено ли, что при трагическомъ положеніи одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ европейской политики, она не предпринимала никакихъ рѣшительныхъ мѣръ и выжидала исхода безпримѣрной въ исторіи шарлотенбургской драмы. Даже дипломатія пріостановила на время обычное теченіе своихъ нотъ и переговоровъ. Указывается на то, что вслѣдствіе свиданія королевы Викторіи съ Францемъ-Іосифомъ въ Инспрукѣ, продолжавшагося полтора часа, и съ Фридрихомъ III, Англія приметъ болѣе дѣятельное участіе въ лигѣ средней Европы противъ Россіи. Но для насъ, въ усиленіи непріязненнаго расположенія къ намъ европейскихъ державъ, нѣтъ ничего новаго, и ничего иного мы не можемъ ждать отъ всѣхъ родственныхъ и политическихъ союзовъ, устраиваемыхъ давно уже противъ Россіи. Если бы дипломатія наша не была заражена какимъ-то эпидемическимъ оптимизмомъ, она давно могла бы убѣдиться въ томъ, что у насъ нѣтъ друзей въ Европѣ, кромѣ славянскихъ народовъ—въ силу племенного родства, кромѣ Франціи—въ силу историческихъ обстоятельствъ, да развѣ еще Даніи—въ силу родственныхъ сношеній. Даже единовѣрная Греція недовольна нами за то, что мы не помогаемъ ей бунтовать критянъ, не поддерживаемъ ея претензій на Македонію. Въ послѣднее время греки, правда, заговорили опять о своихъ симпатіяхъ къ Россіи, но стôитъ Англіи или Германіи пообѣщать имъ клочокъ Θессаліи или Македоніи—и они трижды отрекутся отъ всякихъ единовѣрческихъ симпатій. Но никакія новыя дипломатическія комбинаціи не мыслимы до разрѣшенія вопроса: какъ будетъ дѣйствовать новый императоръ Вильгельмъ II, одаренный твердою волею, тогда какъ Фридриха III упрекали въ слабомъ характерѣ. Въ то время когда, по-

увѣренію англійскихъ газетъ, теща подчинила совершенно своему вліянію зятя, нѣмецкія газеты сообщали, что кронпринцъ запретилъ своей бригадѣ, которую онъ ежедневно упражнялъ въ шагистикѣ, носить даже ботинки англійскаго фасона. Особенно недовольны были ультраконсервативные кружки императрицею. Но приписывая ей всѣ непопулярныя распоряженія: неизданіе особаго приказа по арміи о восшествіи на престолъ, отмѣну эполетъ, пожалованіе чинами и назначеніе на важныя должности ничѣмъ не выдающихся лицъ, нѣкоторые прусскіе органы общественнаго мнѣнія дѣлали намеки на то, что недовольствуясь 126 милліонами марокъ, назначенными ей пожизненно императоромъ, императрица мечтала и о сохраненіи власти, даже въ случаѣ несчастнаго исхода болѣзни. Ходили слухи—конечно нелѣпые, но характеризующіе настроеніе извѣстной части общества, что императрицѣ даетъ на это право какой-то документъ. Но если бы онъ даже и былъ подписанъ покойнымъ императоромъ, то не имѣлъ бы никакого практическаго значенія, въ виду прусской конституціи и существующихъ въ странѣ законовъ. Самое завѣщаніе императора можетъ имѣть силу, только когда оно согласуется съ этими законами. Нарушеніе законовъ берлинская оффиціальная печать видитъ и въ газетныхъ толкахъ о сватовствѣ Ватенберга за дочь императора. Дѣло это, касавшееся царствующаго дома и не предназначавшееся для парламентскаго или иного публичнаго обсужденія, по мнѣнію оффиціозовъ составляло государственную тайну, обнародованіе которой «могло возбудить неудовольствіе державы, дружественное расположеніе которой имѣлось въ виду сохранить» (тоесть желалось провести ее—и объявить уже потомъ о совершившемся фактѣ). При этомъ дѣлалась даже ссылка на 92-й параграфъ уголовнаго кодекса германской имперіи, говорящій, что «за обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе государственной тайны виновный подвергается тюремному заключенію не менѣе какъ на двухгодичный срокъ». Но вѣдь первыя свѣдѣнія о предполагавшемся бракѣ сообщены органомъ германскаго канцлера, отчего же газеты придворной партіи не требовали привлечь его къ суду?—О брошюрахъ, касающихся Вильгельма II—до слѣдующей книжки.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ исторіи Пугачевщины.

Ъ ПОИМКѢ самозванца Емельяна Иванова Пугачова и къ подавленію волненія, произведеннаго имъ въ населеніи по всему среднему и южному Поволжью, на верховьяхъ рѣки Дона и на окраинахъ съ Сибирью, правительствомъ въ 1773 и 1774 годахъ, кромѣ воинскихъ командъ, были употребляемы мѣры вразумленія и разъясненія, что Пугачевъ есть не Петръ III, а бѣглый донской казакъ, принявшій на себя имя императора. Архіепископу казанскому Веніамину предложено было, при помощи подчиненнаго ему духовенства, употребить всѣ мѣры къ отклоненію народа отъ содѣйствія самозванцу. Веніаминъ 5 октября 1773 года назначилъ торжественное богослуженіе въ соборѣ. Послѣ литургіи высокопреосвященный вышелъ къ народу, публично проклялъ Пугачева и предалъ его анаѳемѣ, а 15 числа того же мѣсяца изданъ былъ въ 200 экземплярахъ высочайшій манифестъ, для распространенія на мѣстѣ возникшаго волненія, о томъ, что называющій себя императоромъ Петромъ III есть каторжникъ, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. Тогда же императрица Екатерина просила письмомъ архіепископа казанскаго Веніамина, чтобы онъ отправилъ отъ себя «священникамъ наставленіе, кое бы они своимъ прихожанамъ съ увѣщаніемъ читать и тѣмъ удерживать ихъ могли отъ присоединенія къ самозванцу, толкуя имъ, сколь страшно преступленіе предъ Богомъ и предъ свѣтомъ нарушеніе учиненной государю своему присяги, и что таковыхъ преступниковъ святая наша церковь предавала и предаетъ всегда вѣчному проклятію». Къ своей просьбѣ объ увѣщаніи Екатерина присовокупила, что «если не вся Оренбургская епархія состоитъ въ его вѣдѣніи, то ея письмо онъ сообщилъ бы и тѣмъ архіереямъ, подъ вѣдомствомъ коихъ тѣ мѣста состоятъ, дабы они по сему исполненіе чинили» [1]).

---

[1]) «Правосл. Собесѣд.» 1859 года, кн. II, стр. 203.

Вслѣдствіе сдѣланныхъ распоряженій, архіепископъ Веніаминъ приказалъ отъ всѣхъ священниковъ отобрать подписки въ томъ, что они постараются своихъ прихожанъ «отъ помянутаго противнаго и опаснаго всему обществу случая отвратить». Изъ консисторіи и духовныхъ правленій писались къ закащикамъ и священникамъ приходскимъ по этому поводу къ исполненію указы и подтвержденія.

Одинъ изъ такихъ указовъ казанской духовной консисторіи, случайно сохранившійся подлинникомъ въ бумагахъ послѣ умершаго въ 1885 году священника с. Высокаго, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, Михаила Предтеченскаго, помѣщается ниже, съ сохраненіемъ ореографіи. Указъ этотъ написанъ на полулистѣ сѣрой бумаги, безъ сгиба; съ правой и лѣвой сторонъ полулиста проведены, въ видѣ рамокъ, чернилами графы, съ лѣвой же стороны проставленъ номеръ указа. Текстъ указа написанъ довольно четко, по кудреватою вязью; чернила значительно выцвѣли и пожелтѣли; наверху указа помѣчено: «№ 41. Полученъ декабря 19 ч. 1773 года». Изъ вставокъ въ двухъ пробѣлахъ текста адресата слѣдуетъ заключить, что указъ этотъ посланъ былъ многимъ лицамъ изъ духовенства къ исполненію; настоящій же экземпляръ адресованъ на имя «закащика Маликовскаго» [1].

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія із казанской духовной консисторіи Маликовскому закащику протопопу Николаю Кирилову. Поноже неоднократно посланными сего года въ октябре и ноябре мцахъ Ея Императорскаго Величества ізъ духовной консисторіи в состоящія в казанской епархіи духовныя правленія и к закащикамъ указами велѣно: всѣмъ сщеннослужителямъ что не происходит ли в которомъ приходе о извѣстномъ злодѣе воре бунтовщике и самозванце донскомъ казаке и расколщике Емельяне Пугачеве и его злодѣйской толпе какого от кого по легкомыслію и
№ 3223. безумію разглашенія и не явится ль гдѣ при подтвержденіяхъ от нихъ сщенникомъ и всѣмъ прихожанамъ что бъ никто ни в чемъ оному злодею не вѣрили і къ его злодѣйской стороне отнюдь не предавались от кого в томъ противности или смятенія и о протчемъ объявлять письменно в тѣ духовные правленія а от оныхъ по воинскимъ командамъ кому куда способнѣе и да в консисторію давать о томъ знать без упущенія по вся недели с нарочными но толко весма реткіе да и не изо всѣхъ мѣстъ извѣстія о томъ здѣсь имѣются а из нѣкіихъ духовныхъ правленій что все ль в вѣдомствахъ их обстоитъ благополучно или какой гдѣ раздоръ происходитъ и по днесь не репортовано. Того ради Его Преосщенство приказалъ: О непремѣнномъ по вышеозначеннымъ прежде разосланнымъ из духовной консисторіи указамъ исполненіи во всѣ духовныя правленія и к закащикамъ подтвердить еще указами с тѣмъ есть ли іс котораго правленія по содержанию силы тѣхъ указовъ в показанный оными срокъ а в случае каковаго гдѣ нестроенія и предупредительныхъ репортовъ доставляемо сюда не будетъ то тѣ правленіи за таковое ненаблюдательство подвержены будутъ немалому штрафу безъ всякой пощады ібо должны силу тѣхъ

---

[1]) Маликовка или Малыковка—дворцовое село, до 1775 года находилось въ Симбирской провинціи, нынѣ городъ Вольскъ, Саратовской губерніи.

Авт.

указовъ яко особливо самонужнейшихъ содержать и священноцерковнослужителей к тому побуждать не ослабно со всякимъ тщаніемъ и предосторожнымъ успѣхомъ без наималѣйшаго отлагательства. И Маликовскому закащику протопопу Николаю Кирилову чинить о томъ по сему Ея Імператорскаго Величества указу. А о полученіи сего того жъ числа в консисторію отрепортовать. Ноября 30 дня 1773 года. Димитрій протопопъ Благовѣщенскій. Секретарь Василій Аристовъ. Канцеляристъ Петръ Васильевъ».

Самара. Сообщено В. И. Калатузовымъ.

Какъ березовцы икону выручали.

Въ Приволжскомъ и Прикамскомъ краѣ до сихъ поръ сохранилось много преданій о темной и грозной эпохѣ Пугачевщины. Нѣкоторые изъ этихъ преданій и разсказовъ были уже сообщены нами въ XII кн. «Историческаго Вѣстника» 1884 года. Въ настоящее время намъ удалось записать въ Прикамскомъ краѣ еще одно любопытное преданіе, касающееся той же эпохи, интересное, однако, не по своему отношенію къ Пугачевщинѣ, а скорѣе съ бытовой стороны. Вотъ это преданіе.

Въ Уфимской губерніи, почти на границѣ ея съ Вятской, есть село Березовка, отстоящее отъ г. Сарапула, Вятской губ., въ 40 верстахъ, внизъ по теченію р. Камы. Въ церкви этого села съ давнихъ, незапамятныхъ временъ находится образъ св. Николая чудотворца, по преданію — явленный и чудотворный, высоко чтимый, какъ святыня, во всемъ окрестномъ краѣ, на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ. Когда въ здѣшней мѣстности разнесся слухъ о приближеніи Пугачева, мѣстное духовенство, чтобы сохранить свою святыню, отправило икону, съ согласія міранъ, въ г. Сарапулъ, какъ мѣсто сравнительно укрѣпленное и болѣе безопасное. Здѣсь, въ соборной церкви, икона и простояла до конца Пугачевскаго погрома.

Когда пронеслась гроза и спокойствіе водворилось въ краѣ, жители гор. Березовки вспомнили о своемъ «угодникѣ» и стали просить у сарапульцевъ икону обратно. Послѣдніе отказали имъ въ просьбѣ, приводя въ резонъ то обстоятельство, что они, какъ спасители иконы, имѣютъ право быть ея постоянными владѣтелями. Березовцы настаивали на своей просьбѣ, посылали для этого въ г. Сарапулъ нѣсколько депутацій, но сарапульцы не сдавались и стояли на своемъ.

— Нашъ, де, угодничекъ теперича. Мы его, батюшку, изъ бѣды вызволили, отъ Пугача спасли, а теперь онъ насъ за это покрывать будетъ своей милостью...

Бились, бились березовцы — ничто не помогаетъ, не удается уладить съ сарапульцами, да и на поди!

Надумались, наконецъ, предложить имъ выкупъ за чудотворца. Предложили: «что хотите, берите съ насъ, только отдайте намъ святителя».

Но сарапульцы возмутились этимъ.

— Что мы, говорятъ, нехристи что ли какіе, али жиды, чтобы продавать за деньги святой образъ? За кого вы насъ считаете? Чай, тамъ попъ-отъ, когда крестилъ насъ, молитвы читалъ надъ нами, а не пѣсни сатанинскія пѣлъ... Нѣтъ ужъ вы это оставьте.

— Ну, ладно,—говорятъ депутаты березовскіе,—мы это оставимъ. А можетъ, вамъ такъ любѣе будетъ: вы намъ чудотворцевъ образъ отдадите, а мы вамъ... ведро водки выставимъ.

Сарапульцамъ больше по мысли пришлось это предложеніе.

— Это, отвѣчаютъ, можно. За деньги продать образъ грѣшно, а выпить за труды во имя Божіе и въ честь народа православнаго — это можно, это не грѣхъ. Только... вы мало ставите. Ведро—что же... Вы посмотрите, вѣдь насъ вона сколько, а какъ вино будетъ, сойдется еще больше.

Потолковали такъ немного съ березовскими депутатами и порѣшили на трехъ ведрахъ водки. Березовцы тутъ же выставили водку и съ торжествомъ взяли икону изъ собора и понесли въ свое село, гдѣ она находится и нынѣ.

Этотъ разсказъ съ различными варіантами мы слышали отъ нѣсколькихъ человѣкъ въ самомъ г. Сарапулѣ.

Сообщено **Н. А. Добротворскимъ**.

Рашель и императоръ Николай.

Это было, кажется, въ первый пріѣздъ Рашели въ Петербургъ. Публика, желая видѣть игру славной артистки, валомъ валила въ театръ и переполняла ложи до такой тѣсноты, что, какъ говорится, негдѣ было яблоку упасть. Артисткѣ льстило такое вниманіе публики, но она тотчасъ же смекнула, что такой наплывъ въ ложахъ можетъ при послѣслѣдующихъ дебютахъ невыгодно отозваться на ея сборахъ, а потому и потребовала отъ дирекціи, чтобы билеты на ложи выдавались не болѣе какъ на четыре лица.

Императоръ Николай, какъ любитель сценическаго искусства, всегда интересовался театромъ, поэтому до него не могъ не дойти слухъ о предложеніи Рашели. Однажды, когда онъ разговаривалъ съ нею послѣ одного представленія, она въ глубоко-почтительныхъ выраженіяхъ высказала государю сожалѣніе, что такъ рѣдко имѣетъ счастіе видѣть его величество на своихъ представленіяхъ. «Ma famille est trôp grande et je crain d'être le cinqieme dans la loge» (моя семья слишкомъ велика и я боюсь, чтобъ не быть пятымъ въ ложѣ),—отвѣчалъ ей Николай.

Сообщено **А. Н. Корсаковымъ**.

СМѢСЬ.

ЕЧЕНГСКІЙ МОНАСТЫРЬ. Передъ каникулярнымъ временемъ въ квартирѣ оберъ-прокурора св. Сѵнода, русскій консулъ въ Норвегіи г. Островскій читалъ лекцію о Печенгскомъ монастырѣ св. Трифона и значеніи этой обители для нашего сѣвера. Лекторъ началъ съ краткаго историческаго очерка древняго Печенгскаго монастыря. Еще при Иванѣ Грозномъ пришли въ дикую Лопь сперва Трифонъ, сынъ священника, а черезъ 5 лѣтъ, инокъ Соловецкаго монастыря Ѳеодоритъ. 20 лѣтъ они трудились вмѣстѣ надъ просвѣщеніемъ лопарей, дикихъ жителей холоднаго сѣвера; на р. Печенгѣ, у самаго «Студенаго моря» они основали обитель. Лопари нерѣдко ихъ мучили, били, грозились совсѣмъ убить, но они съ смиреніемъ и кротостью переносили все и любовью христіанской не только побѣдили ненависть дикихъ людей, но она замѣнилась глубокимъ и всеобщимъ уваженіемъ къ монахамъ. Сначала, не имѣя священнаго сана, они не могли крестить обращенныхъ,—тогда они предприняли путешествіе въ Новгородъ, гдѣ архіепископъ посвятилъ Ѳеодорита въ іеромонахи, и благословилъ Трифона на основаніе монастыря. Вернувшись, они въ одинъ день крестили нѣсколько тысячъ лопарей. Вскорѣ, по основаніи Печенгскаго монастыря, Ѳеодоритъ опять ѣздилъ уже въ Москву, откуда Иванъ Грозный послалъ его въ Константинополь за уставомъ византійскимъ вѣнчанія на царство. Исполнивъ порученіе, Ѳеодоритъ снова вернулся въ Лапландію. Царь слушалъ отъ него о своихъ невѣдомыхъ владѣніяхъ, гдѣ живутъ дикіе люди, гдѣ лѣтомъ, въ полночь ярко свѣтитъ солнце, гдѣ въ Студеномъ морѣ плаваютъ льды, водятся необыкновенныя животныя и рыбы. Рѣчи Ѳеодорита произвели такое сильное впечатлѣніе, что царевичъ Ѳеодоръ снялъ съ себя свою богатую одежду и отдалъ ее въ пользу монастыря. Бояре слѣдовали примѣру царевича. Богато-одаренный и снабженный царскимъ жалованьемъ, по которому всѣ угодья рыбнаго промысла пожалованы монастырю, возвратился Ѳеодоритъ въ обитель, и она стала рости и крѣпнуть, просвѣщать лопарей и закрѣплять русское вліяніе въ этомъ отдаленномъ краѣ. Въ 1572 г. въ обители

было уже 40 братій и много послушниковъ; купцы стекались сюда за рыбой; здѣсь росла русская торговля; здѣсь, наконецъ, встрѣтились лицомъ къ лицу русскіе и англичане, завязалась торговля съ ними и голландцами. Монастырь обратилъ вниманіе московскаго правительства на этотъ край и не далъ его отторгнуть датчанамъ и шведамъ. Описавъ далѣе пожаръ, грабежъ и гибель монастыря при набѣгѣ шведскихъ разбойниковъ, причемъ убитъ былъ іеромонахъ Іона, совершавшій всенощную и другіе, лекторъ перешелъ къ возникновенію современной мысли о возрожденіи Печенгскаго монастыря, теперь уже осуществившейся. Государь Императоръ послалъ въ монастырь утварь, облаченія. На собранныя пожертвованія и пособіе выстроили для братіи двухъэтажный корпусъ, соорудили кузницу, скотный дворъ, службы, развели огороды; стали проводить дороги по этой мѣстности, никогда ихъ незнавшей, устроили кирпичный заводъ и при 2 колоніяхъ открыли школы. Значеніе возобновленія монастыря для всей обширной Лапландіи можетъ быть громадно уже и потому, что это населенный пунктъ среди лапландскихъ пустынь. Практическое значеніе сказывается и въ томъ, что лопари въ работахъ монастырскихъ учатся владѣть топоромъ, учатся ремесламъ, чѣмъ улучшаютъ свою дикую, скудную жизнь, свои невозможныя жилища. Въ прошломъ году монастырь спасъ нѣсколько сотъ лопарей отъ голода. Религіозное значеніе монастыря особенно велико. Лопари доселѣ глубоко чтутъ память св. Трифона, а монастырь такъ полюбили, что составили актъ, можетъ быть юридически неправильный, но за то искренній по чувству, что они дарятъ монастырю всю р. Печенгу. Монастырь укрѣпляетъ, такимъ образомъ, русское вліяніе и вѣру православную, а это не лишнее, особенно теперь, когда римско-католическая церковь уже помышляла о завоеваніи края; здѣсь есть уже 3 костела; католическіе миссіонеры богаты денежными средствами и личною энергіей. Еще немного запоздали бы мы, и лопари, сами того не зная, очутились бы католиками. Печенгскій монастырь памятникъ великаго русскаго дѣла, онъ сослужилъ службу нашему сѣверу и водворилъ православный крестъ въ полночной окраинѣ русской земли.

Открытіе древняго города на Волгѣ. Саратовская ученая архивная комиссія получила сообщеніе правителя дѣлъ Н. С. Соколова о томъ, что жители посада Дубовки, Царицынскаго уѣзда, часто находятъ въ окрестностяхъ посада древнія монеты, осколки какой-то посуды и т. п. Получивъ это свѣдѣніе и сопоставивъ его съ указаніемъ древнихъ арабскихъ географовъ на существованіе въ 12—15 дней пути отъ Астрахани какого-то большого города, предсѣдатель комиссіи А. А. Тилло и нѣкоторые члены рѣшили предпринять поѣздку въ посадъ Дубовку. Поѣздка предпринята 14-го іюня и дала блистательные результаты. На основаніи указаній мѣстныхъ жителей, комиссія отправилась на ватагу Часюкановыхъ, отстоящую отъ Дубовки въ 2—3 верстахъ по Волгѣ. Производя обзоръ мѣстности, убѣдились, что здѣсь, на протяженіи почти 2½ верстъ въ длину и около 1 вер. въ ширину, было когда-то раскинуто поселеніе. Немедленно было приступлено къ снятію астролябическаго плана и производству раскопокъ. Первую находку сдѣлала супруга А. А. Тилло, найдя въ слоѣ намытыхъ водотекомъ галекъ на берегу Волги древнюю, прекрасно сохранившуюся, серебряную монету. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи были открыты ясные слѣды нѣсколькихъ сотенъ домовъ, фундаменты большихъ зданій, вѣроятно, дворцовъ и храмовъ, большой водопроводъ, много серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, остатки домашней утвари, оружіе, много костей человѣческихъ и животныхъ, орнаменты и масса другихъ вещей. Несомнѣнно, что въ этомъ мѣстѣ былъ когда-то большой хозарскій или татарскій городъ. Повсемѣстное присутствіе углей, покрытыхъ землей на разной глубинѣ, и отсутствіе сохранившихся въ цѣлости домашнихъ вещей привели комиссію къ убѣжденію, что городъ этотъ былъ разграбленъ и сожженъ. Между прочимъ, возникаетъ вопросъ: не есть ли это слѣды хозарскаго го-

рода Сумкеркента, мѣстоположеніе котораго наука указываетъ на протяженіи Волги отъ устьевъ ея до отдѣленія Ахтубы? Всѣ цѣнные въ научномъ отношеніи экземпляры отправлены въ Петербургъ для научнаго опредѣленія.

Бюстъ, найденный въ Іерусалимѣ. Извѣстный археологъ г. Кибальчичъ сообщаетъ свѣдѣнія о важной находкѣ, обогатившей недавно коллекцію начальника нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ, о. архимандрита Антонина. Находка эта—бюстъ, изваянный изъ мрамора въ обыкновенную величину размѣра головы человѣка, найденный близъ стѣнъ Іерусалима, со стороны, такъ называемыхъ, европейскихъ кварталовъ. Этотъ бюстъ носитъ всѣ слѣды древняго происхожденія: полувывѣтрившійся и, по характернымъ особенностямъ рисунка и рѣзца, онъ относится къ III или IV вѣку упадка эллинскаго искусства или къ такъ называемому эллинско-римскому періоду, что соотвѣтствуетъ приблизительно времени римскаго императора Августа, а въ Палестинѣ—времени Ирода, прозваннаго Великимъ. Этотъ мраморный бюстъ представляетъ мужскую голову съ круглою, подстриженною и вьющеюся бородою и усами, съ такими же подстриженными вокругъ головы волосами и увѣнчанную лавровымъ вѣнкомъ (безсмертія), соединеннымъ спереди медальономъ, на которомъ (вывѣтрившееся) изображеніе императора римскаго съ подписью вокругъ. Архимандритъ думаетъ, что хранящееся нынѣ у него изображеніе представляетъ Ирода Великаго, который, быть можетъ, самъ себѣ воздвигъ памятникъ еще при жизни. Это мнѣніе находитъ подтвержденіе въ безграничномъ честолюбіи Ирода и въ его заискиваніяхъ у римлянъ, увѣнчавшихъ его, какъ царя Іудейскаго, и вѣнкомъ безсмертія; а, можетъ быть, это даръ римскаго императора народу, провозгласившему Ирода своимъ царемъ. Увѣковѣчиваніе себя при жизни монументами производилось у древнихъ народовъ часто.

Археологическое Общество. Въ послѣднемъ засѣданіи классическаго отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества, было доложено сообщеніе А. Н. Щукарева «о византійскихъ мозаикахъ двухъ сицилійскихъ церквей XII в.». Командированный за границу Петербургскимъ университетомъ для научныхъ занятій по древней исторіи, г. Щукаревъ, во время своего пребыванія въ Сициліи, обратилъ вниманіе на мозаичныя изображенія въ церквахъ Чефалу и Марторака, вполнѣ сходныя съ соотвѣтственными иконографическими образцами древняго византійскаго типа; имѣя въ виду чрезвычайное значеніе византійскихъ мозаикъ для древней исторіи русскаго искусства, г. Щукаревъ представилъ обществу подробное описаніе вышесказанныхъ мозаикъ. Собранію было доложено также сообщеніе иностраннаго члена-сотрудника г. Паппадопуло-Керамевсъ «о неизданныхъ хіосскихъ надписяхъ», изъ которыхъ одна относится, по опредѣленію докладчика, къ срединѣ VI в. до Р. Х., другая къ V в. до Р. Х. и третья къ началу II в. до Р. Х. Всѣ эти надписи весьма любопытны какъ въ палеографическомъ, такъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Въ томъ же засѣданіи профессоръ В. Г. Васильевскій прочиталъ рефератъ «о торговыхъ сношеніяхъ Кіева съ придунайскими землями». Имѣя въ виду преимущественно прибережья средняго теченія Дуная, занятаго теперь австрійскими землями и извѣстнаго въ Х в. подъ именемъ Восточной Парки, докладчикъ обратилъ вниманіе на иностранныя свидѣтельства о торговыхъ сношеніяхъ Кіева съ этими землями. Такъ, регенсбургскій гражданинъ Гартвигъ, проживая по торговымъ дѣламъ въ Кіевѣ, пожертвовалъ въ одинъ изъ монастырей своего родного города 18 фунтовъ серебра; житіе св. Маріана разсказываетъ, что регенсбургскій монахъ, братъ Маврикій, отправившись въ Кіевъ, получилъ для своей обители большіе дары мѣхами отъ кіевскаго князя (одного изъ сыновей Изяслава) и возвратился назадъ съ купеческимъ караваномъ; наконецъ, сохранилось извѣстіе, что императоръ Конрадъ III жаловался византійскому императору Іоанну Комнену (1142 г.) на обиды, причиненныя русскими нѣмецкимъ купцамъ.

Крестный ходъ на рѣку Витку, Никольской волости, Новгородскаго уѣзда. Въ 11-ти верстахъ, по узкоколейной желѣзной дорогѣ отъ Новгорода къ Чудову, находится желѣзнодорожная будка, лежащая на проселочной дорогѣ, ведущей въ Витку. Въ названной деревнѣ, лѣтъ 15 тому назадъ, милостію покойнаго государя и иждивеніемъ доброхотныхъ дателей, построена на возвышенномъ мѣстѣ каменная церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Ежегодно, въ день св. Нила Столбенскаго, 27-го мая, совершается изъ нея крестный ходъ. Церковное шествіе, по окончаніи поздней обѣдни, направляется по Новгородскому шоссе, поворачиваетъ затѣмъ на проселочную дорогу, пересѣкаетъ желѣзнодорожный путь и, проходя мимо древней, деревянной, построенной лѣтъ слишкомъ за 200, церкви, спускается къ рѣкѣ Виткѣ. По совершеніи молебствія и погруженіи креста въ воду, многіе изъ богомольцевъ, нѣсколько ниже мѣста водоосвященія, омываются въ струяхъ рѣки. Купанье замѣчательное тѣмъ, что совершается при большомъ стеченіи народа и безъ рѣзкаго разграниченія мѣстъ для пола и возроста. По существующему народному повѣрью, больной, выкупавшійся въ этотъ день въ Виткѣ, исцѣляется отъ одержимаго недуга. Принадлежности платья и одежды, покрывающія больныя мѣста, бросаются при этомъ въ воду и несутся въ Пидьбу и далѣе въ мутный Волховъ. Мѣсто около котораго совершается водосвятіе, помимо древности деревянной церкви, построенной нѣкіимъ Боровдинымъ, замѣчательно еще въ другомъ историческомъ отношеніи. На окружающемъ ея кладбищѣ похоронены офицеры его величества короля Прусскаго полка, стоявшаго здѣсь до Севастопольской кампаніи, а у самаго мѣста молебствія, на берегу Витки, стоятъ два гранитныхъ памятника въ формѣ небольшихъ колоннъ дорическаго ордера съ отломанными верхами. Одинъ изъ нихъ, обнесенный желѣзною рѣшеткою не сохранилъ на себѣ никакихъ письменныхъ знаковъ, на другомъ же, съ значительнымъ трудомъ, можно разобрать слѣдующія надписи. Приводимъ ихъ съ соблюденіемъ ороографіи и расположенія строкъ.

На лѣвой сторонѣ верхняго постамента, если стоять лицомъ къ Виткѣ:

«Здѣсь прахъ лѣжитъ сраженный
«Злодѣйскою рукой
«Несчастный... палъ безвинный
«Подъ черной клевѣтой».

На той же сторонѣ нижняго постамента:

«Здѣсь покоится незабвенный супругъ мой Яковъ Ивановичъ Султановъ, бывшій маіоромъ Его Величества Императора Австрійскаго полка. Служилъ Отечеству 35 лѣтъ, отъ роду имѣлъ 46 и въ 1831 году 16 числа Іюля принялъ мученическую смерть отъ рукъ мятежниковъ».

На сторонѣ, обращенной къ Виткѣ, на плоскости верхняго постамента:

«Покойся милый прахъ
«Подъ сенью безопасной
«Ты на землѣ въ юдолѣ
«Вѣдъ и слезъ страданья
«Крестъ тяжелый несъ
«И кончилъ жизнь свою
«Какъ мученикъ несчастный»...

На той же сторонѣ нижняго постамента:

«Подполковникъ Бутовичъ принялъ смерть отъ рукъ мятежниковъ 16 Іюля 1831 года жизни его было 38 лѣтъ».

На той же сторонѣ нижняго постамента:

«Памятникъ сей посвященъ несчастными супругами, оплакивающими преждевременную смерть безъценныхъ друзей своихъ: А. Бутовичевой и А. Султановой.

«Вмѣстѣ съ друзьями нашими покоются тѣла такихъ же несчастныхъ штабъ-лѣкаря Алѣксѣя Андрѣевича Богоявленскаго и фельдшера Ивана Безымяннаго».

По окончаніи молебствія церковное шествіе, сопутствуемое уже меньшимъ числомъ народа, возвращается тѣмъ же путемъ обратно въ деревню Витку.

Отчетъ ростовскаго музея церковныхъ древностей за 1885—1887 года. Правленіе ростовскаго музея церковныхъ древностей, находящагося въ кремлѣ города Ростова-Великаго, представило краткій отчетъ о своей дѣятельности за 3, 4 и 5-й годы своего существованія. Независимо отъ управленія музеемъ, на членовъ комитета, какъ на членовъ московскаго Археологическаго Общества, возложено и завѣдываніе древними кремлевскими зданіями, а также и реставрація послѣднихъ. Ростовскій музей въ 1885 году посѣтилъ великій князь Владиміръ Александровичъ и, при осмотрѣ древняго пещернаго соборнаго храма св. Леонтія Ростовскаго, реставрировавшагося въ то время подъ наблюденіемъ музея, замѣтилъ, что у насъ «мало такихъ древнихъ памятниковъ на Руси». Членъ комитета музея показывалъ затѣмъ и остальныя работы комиссіи по возобновленію древнихъ памятниковъ—«Княжіи Терема», церковь Григорія Богослова (возстановленные въ 1884 году) и открытую, въ 1885 году, древнюю фресковую живопись въ церкви Іоанна Богослова — бывшаго монастыря, упоминаемаго въ актахъ XIII вѣка. Въ 1886 году наслѣдникъ цесаревичъ пожаловалъ въ пособіе музею изъ собственныхъ суммъ 1,000 руб. съ тѣмъ, чтобы деньги эти составляли неприкосновенный капиталъ, а проценты съ нихъ были обращаемы на нужды музея. Избранная московскимъ Археологическимъ Обществомъ комиссія, возстановивъ, въ 1883 году, Бѣлую палату и переходы въ такъ называемые княжія терема, въ 1884 году возобновила самые терема, церковь бывшаго Григорьевскаго монастыря—затвора съ переходами и башнею. Въ 1885 г. комиссія открыла и реставрировала древній, XIII вѣка, придѣлъ св. Леонтія въ Успенскомъ соборѣ. Въ соборѣ же въ куполѣ ризницы и подъ плитами чугуннаго пола въ самомъ соборѣ комиссіею были отысканы древнѣйшія фрески (къ сожалѣнію, и до нынѣ невозстановленныя). Въ томъ же году были возобновлены Садовая башня и переходы. Въ 1886 г. комиссіей, на средства почетнаго члена музея А. Л. Кекина, произведена капитальная работа—реставрирована часть развалившейся стѣны, примыкающей къ теремамъ и возстановлена упавшая башня. Въ этой башнѣ въ настоящее время устроена городская читальня. Изъ числа работъ по реставраціи кремлевскихъ зданій, намѣчены въ настоящее время комиссіею, слѣдующія: 1) Реставрація кремлевской церкви Іоанна Богослова, пришедшей въ страшную ветхость, въ особенности паперть, которая угрожаетъ паденіемъ. Возобновленіе этой церкви будетъ произведено на средства А. Л. Кекина, отъ котораго уже получено заявленіе объ его согласіи,—и 2) Реставрація Воскресенской церкви и въ особенности, тоже угрожающей паденіемъ, такъ называемой водяной башни, въ которой была устроена церковь Всѣхъ Святыхъ бывшимъ ростовскимъ епископомъ Досиѳеемъ. Отъ Академіи Наукъ принесено въ даръ музею до 60 томовъ академическихъ изданій; отъ археографической комиссіи—ея изданія; отъ московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ—отчеты и изданія по исторіи и археологіи; отъ совѣта казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи—изданія о дѣятельности Общества; товарищъ предсѣдателя музея Д. А. Вулатовъ принесъ въ даръ музею всю свою библіотеку, до 700 том., состоящую изъ книгъ богословскаго, философскаго и историческаго содержанія; кромѣ того, имъ пожертвованы: коллекція древнихъ иконъ, доставшихся ему по наслѣдству изъ рода князей Голицыныхъ; коллекція древнихъ складней и мѣдныхъ крестовъ; богатая коллекція древнихъ римскихъ и восточныхъ монетъ (до 400 штукъ); коллекція автографовъ государей и раз-

ныхъ замѣчательныхъ лицъ. Всѣ эти вещи пожертвованы Д. А. Булатовымъ на особыхъ условіяхъ, заключающихся въ томъ, что, если бы музей перешелъ исключительно въ духовное управленіе, то жертвователь имѣетъ право всѣ принесенныя имъ въ даръ музею вещи взять обратно, какъ свою собственность. Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, Д. А. Ровинскій, М. В. Толстой, В. В. Стасовъ, Я. Ѳ. Головацкій и другія лица принесли также цѣнные вклады музею книгами и древними вещами. Кромѣ того, еще поступили пожертвованія какъ древними иконами, облаченіями, такъ и по отдѣлу этнографіи, нумизматики, рукописями и книгами. Къ 1-му января 1888 г. въ ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей находилось: въ собраніи иконъ, крестовъ, царскихъ вратъ и хоругвей 590 предметовъ. Въ собраніи церковной утвари, богослужебныхъ предметовъ, антиминсовъ, плащаницъ, покрововъ и священнослужительскихъ облаченій 254 предмета. Въ собраніи портретовъ, картинъ, гравюръ и фотографическихъ снимковъ 234 предмета. Въ собраніи рукописей и книгъ 2,611 предметовъ. Въ собраніи монетъ и медалей 1,581 предметъ. Въ собраніи древнебытовыхъ и этнографическихъ предметовъ 405. Къ 1-му января 1887 г. неприкосновенныхъ капиталовъ музея состояло всего 2,391 руб. 90 коп. Кромѣ того, къ 1-му января 1887 г. находилось въ распоряженіи комитета пожертвованныхъ суммъ на содержаніе музея 1,626 руб. 92 коп. Изъ этой суммы на хозяйственные расходы вышло 295 руб. 96 коп. На содержаніе же письмоводителя музея отъ трехъ членовъ комитета пожертвовано было по 113 руб. 35 коп., всего 340 руб. Затѣмъ къ 1-му января текущаго года осталось неизрасходованными 1,001 руб. 71 коп. Неприкосновенные капиталы ростовскаго музея остались къ 1-му января 1888 года въ прежней суммѣ—2,400 руб., лишь съ нѣкоторыми видоизмѣненіями ихъ храненія.

† 13-го мая, 57 лѣтъ, въ Москвѣ, послѣ тяжкихъ страданій отъ паралича мозга, **Дмитрій Петровичъ Родіоновъ**. По окончаніи курса въ училищѣ правовѣдѣнія, покойный, прослуживъ установленный срокъ на государственной службѣ, переѣхалъ въ свое имѣніе с. Вишкаиму, Симбирской губерніи. Къ этому времени относится начало общественной дѣятельности Д. П., когда, назначенный на должность мирового посредника, онъ всецѣло посвятилъ себя примѣненію къ жизни началъ реформы 19-го февраля. Въ дѣятельности земской Д. П. оставилъ за собой крупный слѣдъ труда и самаго участнаго отношенія къ интересамъ общественнымъ. Онъ не мало времени удѣлялъ научной разработкѣ вопросовъ по сельскому хозяйству и неоднократно помѣщалъ популярныя статьи по садоводству и огородничеству. Его «Основы сельскаго хозяйства» весьма полезное руководство, гдѣ въ сжатомъ, но ясномъ изложеніи собрано много данныхъ, необходимыхъ сельскому хозяину. По личнымъ свойствамъ покойный принадлежалъ къ типу людей симпатичныхъ, доступныхъ всякому и готовыхъ подѣлиться съ каждымъ совѣтомъ или услугой.

† 15-го іюня талантливый композиторъ **Григорій Андреевичъ Лишинъ**, послѣ тяжкой и мучительной болѣзни, едва достигнувъ 34-хъ лѣтъ. Болѣзнь его длилась около четырехъ мѣсяцевъ, но ранняя смерть поразила всѣхъ знавшихъ покойнаго, а нашъ музыкальный міръ понесъ значительную утрату, потерявъ въ немъ одного изъ даровитыхъ дѣятелей. Талантливость Лишина, сказавшаяся какъ на литературномъ, такъ и на композиторскомъ поприщахъ, признавалась всѣми. Онъ родился въ Петербургѣ, 23-го апрѣля 1854 г. Первоначальное образованіе получилъ дома, а музыкальное—подъ руководствомъ матери, ученицы Шопена. На 13 году онъ поступилъ въ училище правовѣдѣнія, которое и окончилъ въ 1875 г. однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Дальнѣйшее музыкальное образованіе продолжалъ онъ у Гензельта, а по теоріи композиціи у профессора консерваторіи Н. Ѳ. Соловьева. Два года прослужилъ Лишинъ въ иностранной цензурѣ. Одаренный отъ природы разносторонними талантами, Г. А. успѣлъ много сдѣлать и въ литературной, и въ

музыкальной сферахъ. Лишинъ отлично владѣлъ стихомъ и писалъ много юмористическихъ и сатирическихъ пьесъ. Прекрасно зная музыку, чуткій ко всевозможнымъ вѣяніямъ, Г. А. отзывался въ легкой, остроумной формѣ на разныя явленія нашей музыкальной жизни и охотно помѣщалъ свои замѣтки и статьи въ періодическихъ изданіяхъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Онъ работалъ въ «Петербургской Газетѣ», «Свѣтѣ», «Звѣздѣ», «Гражданинѣ», «Еженедѣльномъ Обозрѣніи» и др. Имъ написано болѣе двухсотъ стихотвореній, въ томъ числѣ баллады, между которыми особенное вниманіе заслуживаетъ «Княжна Зося». Много поработалъ также покойный и для опернаго театра; имъ приспособленъ былъ русскій текстъ множества иностранныхъ оперъ для пѣнія; онъ перевелъ либрето «Африканки», «Жанъ де Нивеля», «Джіоконды», «Карменъ», «Мефистофеля», «Сен-Марса», «Ріенци», «Бѣлой дамы», «Чернаго Домино» и др.; всѣхъ около 40. Кромѣ того, имъ составлено либретто для оперы «Страшная месть». Но главное значеніе Лишина заключается въ его композиторской дѣятельности, выразившейся въ романсахъ, инструментальныхъ произведеніяхъ и операхъ. Онъ много писалъ и почти все, имъ написанное, отличается главнѣйшимъ качествомъ хорошей музыки—мелодичностью; какой бы родъ изъ его сочиненій мы ни взяли, вездѣ находимъ мелодію, этотъ главнѣйшій нервъ музыкальнаго творчества,—мелодію не вымученную и не высиженную, а свободно льющуюся и свидѣтельствующую о несомнѣнномъ дарованіи композитора и о его непосредственномъ вдохновеніи. Многіе изъ его романсовъ,—всѣхъ написано болѣе 100,—пользуются большою популярностью и часто исполняются пѣвцами на сценахъ и эстрадахъ; большую извѣстность пріобрѣли его баллады: «Она хохотала», «Колодники» и романсы: «Нельзя повѣрить», «У ногъ твоихъ», «Дождя отшумѣвшаго капли», новогреческія пѣсни и др. Изъ оркестровыхъ его вещей лучшія: «Торжественный маршъ», исполняемый ежегодно на актѣ въ училищѣ правовѣдѣнія, и «сюиту» для оркестра, составленную изъ мотивовъ его же оперы «Дон-Цезаръ де Базанъ». Оперы, написанныя Лишинымъ, слѣдующія: лирическія—«Графъ Нулинъ» и «Цыгане» на текстъ Пушкина, комическая «Дон-Цезарь де Базанъ», шедшая съ большимъ успѣхомъ истекшей зимой въ Кіевѣ, гдѣ авторъ, лично ставившій ее, служилъ предметомъ восторженныхъ овацій, и неконченная «Бахчисарайскій фонтанъ». Изъ этихъ оперъ «Дон-Цезарь» переведенъ поитальянски и пойдетъ зимой въ Одессѣ, а «Цыгане» будутъ поставлены на кіевской сценѣ. Къ этому циклу произведеній долженъ быть отнесенъ и «Прологъ», написанный для солистовъ, хора и оркестра и поставленный подъ управленіемъ автора съ громаднымъ успѣхомъ въ Одессѣ при открытіи городского театра 1-го октября 1887 г. Въ жанрѣ комической оперы Г. А. обнаружилъ большой талантъ и, быть можетъ, ему суждено было положить прочную основу у насъ этому роду композиціи; но молодой композиторъ умеръ, далеко не исполнивъ всего намѣченнаго имъ. Всѣмъ извѣстенъ прекрасный талантъ его акомпанировать; рѣдкій концертъ и рѣдкая афиша обходились безъ его имени. Г. А. весьма успѣшно попробовалъ свои силы и на дирижерскомъ поприщѣ. Оперой онъ дирижировалъ въ Харьковѣ и въ Астрахани и вывезъ массу цѣнныхъ подарковъ изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ, гдѣ ему приходилось концертировать, отъ цѣнившей его публики.

† Русская журналистика понесла утрату въ лицѣ скончавшагося 17-го іюня присяжнаго повѣреннаго Михаила Григорьевича Гребенщикова. Полный силъ и здоровья М. Г. нашелъ трагическую смерть на взморьѣ. Онъ предпринялъ вмѣстѣ съ товарищами, въ числѣ которыхъ были и журнальные труженики, экскурсію на лодкѣ изъ Новой Деревни на Лахту. На обратномъ пути подулъ сильный вѣтеръ. Около 4-хъ часовъ утра [одна изъ волнъ ударила въ бортъ шлюпки, на которой находился М. Г. и опрокинула ее. Подоспѣвшіе товарищи стали спасать тонувшихъ; троихъ имъ удалось вытащить изъ воды,

а четвертый, М. Г., погрузился на дно и болѣе не показывался на поверхность. Не смотря на тщательные розыски, тѣло его найдено было только черезъ три недѣли. Окончивъ петербургскій университетъ съ степенью кандидата правъ, Гребенщиковъ началъ службу въ Пріамурскомъ краѣ и, возвратившись оттуда, поступилъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты. Адвокатская дѣятельность, однако, не удовлетворяла подвижной, требовавшей постояннаго умственнаго напряженія, натуры Михаила Григорьевича. Призваніемъ его—была журналистика. М. Г. сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ газетъ и журналовъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Читателямъ «Наблюдателя», «Дѣла», «Страны» (во время редактированія ея Л. Полонскимъ), «Журнала гражданскаго и уголовнаго права», «Новаго Времени» и «Петербургскаго Листка», (гдѣ онъ еще въ прошломъ году велъ особый отдѣлъ, подъ рубрикой «Текущіе мысли и факты»), онъ былъ извѣстенъ, какъ талантливый публицистъ, обладающій легкостью изложенія и ясностью мысли. Послѣднее время Михаилъ Григорьевичъ усердно приводилъ въ порядокъ матеріалы, собранные имъ во время путешествія, и недавно издалъ въ свѣтъ книгу «По дальнему Востоку». Знатокъ и любитель Сибири, М. Г. не разъ дѣлалъ доклады въ ученыхъ обществахъ по вопросамъ, касающимся этой далекой окраины Россіи. Прекратилась жизнь Михаила Григорьевича такъ неожиданно въ разцвѣтѣ физическихъ и умственныхъ силъ,—ему было всего 34 года.

† Въ своемъ имѣніи Дойлиды, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, на 81-мъ году, сенаторъ, **Александръ Ивановичъ Крузенштернъ**. Покойный былъ сыномъ извѣстнаго не только въ Россіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ перваго русскаго плавателя вокругъ свѣта, адмирала Ивана Ѳедоровича Крузенштерна. Общественная дѣятельность покойнаго начинается съ 1832 г. въ Варшавѣ, въ дипломатической канцеляріи генералъ-фельдмаршала. Въ 1837 г., онъ былъ назначенъ членомъ совѣта народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ, въ 1840 г. предсѣдателемъ генеральной консисторіи евангелическихъ исповѣданій царства, въ 1858 г. сенаторомъ въ варшавскихъ департаментахъ сената, въ 1861 г. членомъ государственнаго совѣта царства. Въ 1863 г. покойный былъ перемѣщенъ на службу въ имперію, въ 1-е отдѣленіе 3-го департамента сената. Въ 1882 году вышелъ въ отставку. А. И. оставилъ послѣ себя значительное число рукописей. Одно его сочиненіе напечатано (въ 1837 г. въ Варшавѣ): «Précis du système de progrès et de l'étât de l'instruction publique en Russie». Изъ рукописей, написанныхъ частью на французскомъ, частью на русскомъ языкахъ, заслуживаютъ вниманія: «Воспоминанія о хивинской экспедиціи», «О видахъ на торговлю съ Персіею», «О переселеніи крестьянъ въ Сибирь», «Описаніе системъ золотопромышленности въ Восточной Сибири», «Воспоминанія о севастопольскихъ героахъ», «Объ образованіи юношества въ царствѣ Польскомъ», «О первобытной народности въ западныхъ губерніяхъ», и др. Значительный интересъ представляютъ также воспоминанія покойнаго о путешествіи его по Италіи, Франціи и Германіи, разговоръ его съ Наполеономъ III, переписка съ Гумбольдтомъ, Тьеромъ, Гизо и другими выдающимися личностями.

† 29-го іюня, въ Петербургѣ гофмейстеръ, сенаторъ князь **Павелъ Петровичъ Вяземскій**. Покойный вступилъ на службу въ 1840 г. въ министерство иностранныхъ дѣлъ, а черезъ шесть лѣтъ былъ назначенъ помощникомъ секретаря миссіи въ Константинополѣ. Въ 1850 г. онъ занималъ мѣсто младшаго секретаря миссіи въ Гагѣ. Въ 1852 году былъ старшимъ секретаремъ миссіи въ Карлсруэ; затѣмъ назначенъ старшимъ секретаремъ въ Вѣну. Съ этого времени дѣятельность князя П. П. измѣняется: онъ переходитъ въ министерство народнаго просвѣщенія помощникомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа. Чрезъ три года онъ переводится на такую же должность попечителя казанскаго учебнаго округа; въ 1869 г. утвержденъ чле-

номъ археографической коммиссіи, затѣмъ командированъ для занятій въ главное управленіе по дѣламъ печати и въ томъ же году назначенъ предсѣдателемъ петербургскаго комитета цензуры иностранной. Съ 1881 г. ему поручено исполненіе обязанностей начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, а въ слѣдующемъ году онъ утвержденъ въ этой должности. 1-го января 1883 г. Павелъ Петровичъ назначенъ присутствовать въ сенатѣ. Покойный былъ знатокъ и любитель древностей; онъ основалъ въ Петербургѣ Общество любителей древней письменности и искусствъ и немало напечаталъ ученыхъ изслѣдованій, изъ которыхъ главныя: «Замѣчанія на слово о полку Игоревѣ», «Политика Фридриха II», «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива» и проч. Князь П. П. Вяземскій скончался на 68 году.

† Въ Петербургѣ, скоропостижно, сидя въ гостяхъ, **Леонидъ Петровичъ Блюммеръ.** Окончивъ курсъ гимназіи воронежской, онъ, со второго курса, вышелъ изъ университета и затѣмъ блестяще держалъ экзаменъ сразу на кандидата. Получивъ дипломъ, Блюммеръ увлекся моднымъ въ ту пору потокомъ и эмигрировалъ за границу, гдѣ былъ въ рядахъ нелегальной оппозиціи, издавая въ Берлинѣ нецензурный журналъ «Свободное Слово», вмѣстѣ съ кн. Долгорукимъ. Съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ Блюммеръ не ладилъ и не былъ врагомъ Россіи. Познакомившись съ покойнымъ кн. Орловымъ, бывшимъ то время посланникомъ въ Парижѣ, Леонидъ Петровичъ, по его совѣту, рѣшился добровольно явиться въ отечество, что ему было зачтено при обсужденіи въ сенатѣ его дѣла. Блюммеръ былъ сосланъ въ Сибирь, но черезъ три года пребыванія тамъ помилованъ и возвратился на родину, въ Воронежъ. За время пребыванія въ Сибири, Блюммеръ пристроился къ управленію частныхъ золотыхъ пріисковъ и занималъ тамъ довольно значительное мѣсто, а плодомъ наблюденія тамошней жизни явился его извѣстный романъ, печатавшійся въ «Зарѣ» Каширева «Около золота». Въ Воронежѣ Блюммеръ принималъ участіе въ газетѣ «Донъ», въ которой помѣстилъ массу публицистическихъ статей, всякаго рода замѣтокъ и рецензій. По пріѣздѣ въ семидесятыхъ годахъ въ Саратовъ, Леонидъ Петровичъ и здѣсь первымъ дѣломъ пустился въ литературную работу: жилка журналиста въ немъ билась всегда и симпатіи его всецѣло лежали къ типографскому станку. Въ послѣднее время Блюммеръ превратился въ «дѣльца» и «проводилъ дѣла» съ большимъ успѣхомъ. Онъ началъ сотрудничествомъ съ кн. Долгоруковымъ, продолжалъ публицистическую работу, издавая брошюры «Папство и Россія», писалъ романы, началъ издавать газету «Волга», сотрудничалъ въ одесскихъ и саратовскихъ газетахъ, бросаясь въ то же время, отъ золотопромышленности къ адвокатурѣ, отъ адвокатуры къ промышленному предпринимательству и т. д. Все это онъ мѣнялъ, но перо писателя держалъ въ своихъ рукахъ неизмѣнно до самой смерти. Она застала его наканунѣ изданія большой газеты въ Петербургѣ, задуманной по мысли Блюммера, компаніей товарищей (газета должна была выходить съ конца текущаго года). Это была обширная мысль. Газета предполагалась въ двухъ изданіяхъ—утреннемъ и вечернемъ, по типу новыхъ американскихъ газетъ—на черной бумагѣ бѣлымъ шрифтомъ. Ассигновалось на изданіе до 90 тыс. въ годъ... Не было простора этому человѣку, чтобы развернуться. При иныхъ обстоятельствахъ изъ Блюммера вышелъ бы, человѣкъ не только общественнаго, но общегосударственнаго значенія, а у насъ изъ него не вышло ничего цѣльнаго—ни журналиста, ни адвоката, ни просто крупнаго промышленника. Была только личность, полная ума и способности, которой могло бы хватить на какое угодно дѣло. Не могли пройти ему даромъ безсонныя ночи и работа, которой онъ предавался иногда недѣлями, не давая себѣ отдыха. Въ редакціи «Волги» онъ выказывалъ почти невѣроятную энергію, приходилъ въ редакцію въ 10 час. утра, и писалъ статьи для слѣдующаго № газеты,

писалъ и возвратившись откуда-нибудь въ 2—3 часа ночи. Иногда утомленіе отъ такихъ усилій бывало у него настолько велико, что онъ засыпалъ въ своемъ креслѣ за письменнымъ столомъ и, отдохнувъ полчаса, продолжалъ начатую статью, которая выходила блестящей, умной, увлекательной. Не обходилось, конечно, безъ возбудительныхъ средствъ. На дѣлѣ саратовско-симбирскаго банка, слушавшемся въ прошломъ году въ Тамбовѣ, съ Влюммеромъ нѣсколько разъ дѣлалось дурно. Его защитительная рѣчь (онъ защищалъ Алфимова) прерывалась раза три или четыре. Въ отдѣльной комнатѣ онъ долженъ былъ нюхать спиртъ, смачивать холодной водой голову. Конечно, ему было не до защиты, и рѣчь его вышла слабой, хотя начало ея замѣчательно. Сердце давало себя знать и мучила одышка. А онъ скакалъ за границу, организовывалъ компаніи для постройки конно-желѣзныхъ дорогъ, для устройства канализаціи, для заведенія правильнаго пароходства по Дону!.. Силы въ немъ было много, но она была подорвана, а онъ напрягалъ ее безъ всякой пощады—и, не въ мѣру натянутая струна лопнула...

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Поправка къ статьѣ г. Павлищева.

Прошу редакцію напечатать слѣдующую поправку къ «Семейной хроникѣ» г. Павлищева, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

1) На стр. 358-й сказано: «Эти послѣдніе стансы дядя посвятилъ Александрѣ Алексѣевнѣ Олениной двоюродной сестрѣ Анны Петровны Кернъ». Тутъ двѣ невѣрности, а именно: а) Александры Алексѣевны Олениной никогда не было, а была Анна Алексѣевна Оленина (дочь Алексѣя Николаевича Оленина, извѣстнаго президента Академіи Художествъ), живущая, если не ошибаюсь, и нынѣ въ Петербургѣ и которой теперь 80 лѣтъ. б) Анна Петровна Кернъ не была двоюродной сестрой Анны Алексѣевны Олениной, а только родственницей.

2) Мужъ Анны Алексѣевны назывался Ѳедоръ Александровичъ.

За точность этой поправки ручаюсь, ибо съ юныхъ лѣтъ и до кончины стариковъ Олениныхъ (въ 1838 и 1840 годахъ) былъ почти ежедневнымъ посѣтителемъ ихъ гостепріимнаго дома, такъ какъ мой двоюродный братъ Г. Н. Оленинъ былъ мужемъ Варвары Алексѣевны Олениной, старшей сестры Анны Алексѣевны.

В. Савельевъ.

ДЕВЯТИСОТЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА КРЕЩЕНІЯ РУСИ.

ЯТНАДЦАТАГО іюля вся вѣрующая православная Русь праздновала годовщину принятія христіанства. Это великое историческое событіе совершилось девять вѣковъ тому назадъ. Съ той эпохи какъ славянскія племена сплотились въ одно государство, подъ управленіемъ варяжскихъ князей, Русь оставалась въ язычествѣ всего столѣтіе съ четвертью, да и то языческимъ было только правительство, а въ народѣ давно встрѣчались многочисленные приверженцы Христова ученія. Были они и въ княжеской семьѣ, а въ правленіе Владиміра, въ его стольномъ городѣ, были и христіанскія церкви задолго до крещенія князя съ его дружиною. Этимъ и объясняется то, что народъ охотно послѣдовалъ примѣру своего владыки и безъ сопротивленія крестился въ струяхъ Почайны, Волхова и рѣкахъ Червонной Руси, куда князь перенесъ вскорѣ свою апостольскую дѣятельность. Въ то время, какъ западные миссіонеры съ огнемъ и мечомъ вносили ученіе любви и смиренія въ земли языческія, а Карлъ Великій гораздо больше истребилъ, чѣмъ окрестилъ саксонцевъ, Владиміръ объявилъ, что ему «будетъ противенъ» тотъ, кто не захочетъ креститься—и вся Русь сдѣлалась христіанскою. Послѣднее проявленіе нехристіанской гордости войнолюбиваго князя состояло въ томъ, что онъ захотѣлъ завоевать себѣ истинную вѣру и, взявъ у грековъ Корсунь, потребовалъ вмѣстѣ съ присылкою священниковъ въ жены себѣ и сестру византійскихъ императоровъ. Принятіе христіанства съ Востока, а не съ Запада, было, въ то же время, актомъ политической мудрости. Вступая въ близкія и родственныя сношенія съ имперіей, начинавшей терять свое государственное могущество, Русь дѣлалась поддержкою и преемницею византійскихъ преданій. Усобицы удѣльнаго періода, затѣмъ татарское иго и тяжелая эпоха собиранія русской земли

Москвою, надолго помѣшали Руси сдѣлаться прямою наслѣдницею Византіи, когда она подпала подъ владычество турокъ, но это наслѣдство, по неизбѣжному ходу историческихъ событій, все-таки принадлежитъ ей въ будущемъ. Объ этомъ говорятъ не только внутреннее убѣжденіе каждаго истинно-русскаго человѣка, но даже преданія самихъ мусульманъ. Храня въ чистотѣ догматы и обряды восточнаго христіанства, искаженные западною римскою церковью, Русь, не жалѣя крови своихъ дѣтей, содѣйствовала къ водворенію государственной самостоятельности своихъ единовѣрцевъ: грековъ, сербовъ, румынъ, черногорцевъ, болгаръ, въ то время, когда славянскія племена, принявшіе католичество, не пользуются политическою свободою, какъ чехи, словаки, хорваты, словенцы.

Это различіе невольно бросается въ глаза, и на него прежде всего обратила вниманіе иностранная публицистика, получивъ свѣдѣнія, что, вступая въ десятый вѣкъ своего присоединенія къ христіанскимъ державамъ, Россія празднуетъ эту годовщину. Напрасно было объявлено, что праздникъ этотъ— какъ оно было и на самомъ дѣлѣ — не имѣетъ никакого политическаго значенія, а чисто религіозный, церковный праздникъ, что на немъ будутъ только гости, а не представители чужихъ племенъ и народностей. Западная Европа подозрительно отнеслась къ этому празднику, что, конечно, нисколько не помѣшало его торжественности. Начался онъ еще съ празднованія дня св. Ольги, за три дня до тезоименитства св. Владиміра. Къ 15-му іюля пріуроченъ былъ и день крещенія кіевлянъ, не указанный лѣтописями. Въ Ольгинъ день открытъ былъ памятникъ, увѣковѣчивающій и другое знаменательное событіе: возсоединенія южной Руси съ сѣверною. Возсоединеніе это совершилось, какъ извѣстно, при малороссійскомъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, конная статуя котораго воздвиглась теперь на Софійской площади Кіева. Хмельницкій изображенъ въ полномъ гетманскомъ нарядѣ, лѣвою рукою сдерживаетъ онъ коня, въѣхавшаго на курганъ, а булавою правой руки указываетъ на сѣверо-востокъ по направленію къ Москвѣ. На сторонахъ кургана надписи: «Единая, недѣлимая Россія Богдану Хмельницкому 1654—1888» и «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго» — слова народа на переяславской радѣ. Извѣстно также, что чрезъ 32 года послѣ принесенія малороссами присяги Россіи, ей былъ возвращенъ отъ Польши и Кіевъ, 366 лѣтъ находившійся во власти сначала Литвы, потомъ Польши.

Празднованіе крещенія Руси въ этомъ городѣ, пережившемъ столько тяжелыхъ эпохъ со времени разрушенія его монголами въ XIII вѣкѣ, продолжалось три дня. Кромѣ обычныхъ молебствій, крестнаго хода, парада, иллюминаціи, обѣда пріѣзжимъ гостямъ и депутаціямъ, городъ показывалъ имъ достопримѣчательности древней столицы и ея окрестностей. А гостей было не мало. Однихъ болгаръ прибыло девять человѣкъ: бывшій министръ-президентъ княжества Драганъ Цанковъ съ братомъ, Маджаровъ, министръ финансовъ въ Румеліи, Вобчевъ—бывшій министръ финансовъ, Людскановъ, управлявшій иностранными дѣлами, Вазовъ, поэтъ и публицистъ, Мыларовъ, редакторъ газеты «19 февруарій», Брычковъ и Вагчевановъ — депутаты народнаго собранія. Изъ Сербіи прибыли вожаки радикальной партіи — Пашичъ и Леотичъ; словацкій поэтъ Святозаръ Гурбанъ-Воянскій; изъ Румыніи—члены славянскаго общества въ Бухарестѣ—Губмайеръ, Новакъ и Красильниковъ, черногорскій митрополитъ Митрофанъ, докторъ Барвичъ, глава моравянъ, рѣшившихся вернуться въ православіе, Амбро Шотеръ, редакторъ словацкой газеты

«Народныя Новины», патріотъ Павелъ Мудронъ и др. На торжественномъ актѣ въ Кіевской духовной академіи оберъ-прокуроръ Синода прочиталъ привѣтственный адресъ, присланный изъ Лондона отъ архіепископа Кентерберійскаго. Верховный глава англиканской церкви извиняется, что не могъ послать на празднество епископа, такъ какъ теперь въ Лондонѣ созвана конференція изъ 140 епископовъ, бывающая одинъ разъ въ десять лѣтъ. Архіепископъ говоритъ, что русскимъ, какъ и англичанамъ, опаснымъ врагомъ является папа, который всѣми силами старается вредить православію— и съ этимъ врагомъ бороться необходимо.

Празднику въ Петербургѣ не помѣшалъ и проливной дождь, встрѣтившій крестный ходъ всего петербургскаго духовенства на пути его отъ церкви князя Владиміра у Тучкова моста къ Исаакіевскому собору, Дворцовой площади и іорданѣ, устроенной на Невѣ для водосвятія. Картина этого крестнаго хода была грандіозна, особенно на Дворцовой площади, гдѣ при богослуженіи присутствовали Высочайшія Особы, войско и стотысячная масса народа, которому раздавали безплатно брошюры съ описаніемъ жизни и изображеніемъ князя Владиміра. Такихъ брошюръ вышло не мало къ этому дню, хотя всѣ онѣ не отличаются ни историческими, ни литературными достоинствами. Вечеромъ было торжественное засѣданіе славянскаго общества, на которомъ было немного публики, зато говорилось очень много рѣчей. Лучшею была рѣчь редактора австрійской газеты «Парламентеръ» Живнаго, котораго австрійскіе суды еще недавно, хотя и безуспѣшно, пытались осудить за славянскія тенденціи. Г. Живный высказалъ мысль, что славянскій народъ пришелъ уже къ убѣжденію, что духовная просвѣтительная жизнь народа, основанная на истинной почвѣ народности, составляетъ идеалъ патріотовъ—идеалъ, котораго славянскій народъ никогда не промѣняетъ на политическія стремленія съ государственными цѣлями. За тысячу лѣтъ передъ нами славянскій народъ былъ единымъ: онъ былъ объединенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, какъ въ церкви, такъ и въ отношеніи къ письменности и литературному языку и это единство утверждено на Востокѣ княземъ Владиміромъ. Всегда и вездѣ, гдѣ оно было нарушено, славянство стремилось возстановить его и при томъ не для политическихъ и государственныхъ цѣлей, но для мирнаго просвѣтительнаго труда въ духѣ народномъ. На этотъ народъ поднимаются противники, прибѣгающіе къ такъ называемому «панславизму», чтобы набросить подозрѣнія на законныя его стремленія къ объединенію. Это объединеніе славянъ можетъ быть достигаемо въ различныхъ направленіяхъ и для разныхъ цѣлей, и, такимъ образомъ, панславизмъ можетъ проявляться въ различныхъ видахъ: 1) политическій панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ одномъ государствѣ; 2) литературный панславизмъ — соединеніе всѣхъ славянъ въ области письменнаго языка для достиженія общей литературы; 3) религіозный панславизмъ — соединеніе всѣхъ славянъ въ одной православной церкви; 4) культурный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянъ въ области языка и церкви, этихъ двухъ условій общей культуры; 5) народный или національный панславизмъ—соединеніе всѣхъ славянскихъ народовъ въ одинъ народъ подъ названіемъ славянскаго.

Политическое соединеніе славянъ было бы безцѣльно, такъ какъ политическій долгъ каждаго гражданина, т. е. военная служба и денежныя подати вездѣ одинаковы; оно было бы и недостижимо, ибо славяне никогда не были соединены политически и потому у нихъ нѣтъ общаго историко-поли-

тическаго сознанія; напротивъ того, у каждаго славянскаго племени политическая исторія протекала особнякомъ и нерѣдко даже между разными племенами возникали несогласія и раздоры. И въ дѣйствительности славянскій народъ ни въ цѣломъ, ни въ какой-либо части, или партіи его, не стремится къ политическому соединенію; ни въ Австріи, ни на Балканскомъ полуостровѣ, ни въ Россіи не существуетъ политико-панславистской партіи. Но славяне должны стремиться и дѣйствительно стремятся къ другого рода единенію, къ другому виду панславизма: къ историческому панславизму славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, къ историческому панславизму ихъ достойнаго преемника св. Владиміра, то есть къ возстановленію Кирилло-Меѳодіевскаго просвѣтительнаго подвига, къ возстановленію народнаго и культурнаго единства. Благодаря подвигамъ св. Владиміра, русское племя осталось вѣрно этому преданію, этимъ основамъ народнаго и культурнаго единства славянскаго народа; оно осталось вѣрнымъ православной церкви, кириллицѣ и древнеславянскому языку, изъ котораго развился міровой и литературный языкъ русскій. Сербамъ и болгарамъ также удалось сохранить православную церковь, одну изъ основъ славянскаго культурнаго единства, а потому имъ не можетъ быть затруднительно принять міровой языкъ русскій, какъ литературный для высшей науки. Западные славяне: чехи, словаки, словенцы и хорваты должны возвратиться къ богослуженію на родномъ и искони присущемъ церкви древне-славянскомъ языкѣ, и они на самомъ дѣлѣ стремятся къ этому народному культурному единству всего славянскаго народа и предпочитаютъ поэтому языкъ русскій, единственный литературный языкъ славянскій, чтобы воспользоваться русской литературой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поддержать свое племенное нарѣчіе. Русскій же языкъ одинъ только можетъ стать общеславянскимъ потому, что онъ развился изъ старославянскаго церковнаго, литературнаго языка, что онъ употребляется большимъ по численности славянскимъ племенемъ, признается міровымъ языкомъ и имѣетъ большую литературу.

Все это достижимо, и даже австрійскій основной государственный законъ предоставляетъ славянамъ право осуществлять народное и культурное единство безъ нарушенія вѣрноподданической преданности.

И славяне, подобно нѣмцамъ, должны быть однимъ народомъ, ибо отъ національнаго и культурнаго единства зависитъ могущество и сила народа, слѣдовательно культурное развитіе и міровое значеніе.

Славяне не только образуютъ одинный историческій организмъ по физическому типу, но проявляютъ еще большее единство со стороны духовной, какъ наприм., въ нарѣчіяхъ, въ области поэзіи, искусства музыки, народныхъ пѣсень и т. д.

По закону въ Австріи всѣ племена въ государствѣ пользуются одинаковыми правами и изъ этой равноправности славянъ съ нѣмцами вытекаетъ и возможность для славянъ въ нынѣшній торжественный день основать славянское школьное общество св. Владиміра по примѣру нѣмецкаго въ Берлинѣ или итальянскаго въ Римѣ. Что же касается народнаго и культурнаго единства славянскаго народа, то оно необходимо, возможно и законно, а стремленіе къ этому единству—къ народному и культурному панславизму—честно, ибо оно идетъ историческимъ путемъ, предначертаннымъ такими дѣятелями, которые причислены къ лику святыхъ, какъ кн. Владиміръ, и оба исполина славянской исторіи, первоучители Кириллъ и Меѳодій. Русскій на-

родъ можетъ гордиться тѣмъ, что въ царствованіе государя императора Александра Александровича состоялись торжества 900-лѣтія памяти св. Владиміра и 1,000-лѣтіе памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія.

Рѣчь доктора Живнаго была встрѣчена единодушными и долгими рукоплесканіями. Затѣмъ, прочтенъ былъ гимнъ св. Владиміру, написанный К. К. Случевскимъ и положенный на музыку В. И. Главачемъ. Гимнъ этотъ былъ исполненъ хоромъ и по желанію присутствовавшихъ повторенъ. Затѣмъ, слово было предоставлено О. Ѳ. Миллеру, очертившему историческі вліяніе христіанской религіи на народныя міровоззрѣнія. При Владимірѣ новая вѣра сразу переродила язычниковъ и сдѣлала ихъ нравственнѣе и добрѣе. Объ этомъ говорятъ лѣтописи и законодательства тогдашнихъ временъ, отрицающія убійства, милующія виновныхъ и основанныя на христіанской любви. Новая вѣра была принята добровольно, безъ принудительныхъ мѣръ и въ то время, когда въ Европѣ господствовала инквизиція, на Руси не было иного меча, кромѣ духовнаго. Такъ было до XVII и XVIII вѣка; приближаясь къ этому времени законодательство дѣлается строже, введеніе цивилизаціи сопровождается кровавыми мѣрами и, затѣмъ, въ самый разгаръ «просвѣтительнаго» періода, въ разгаръ философствованій о гуманности, милліоны крестьянъ закрѣпощаются и получаютъ свободу только при гуманнѣйшемъ и полномъ чистой христіанской любви царствованіи императора Александра II. На этомъ мѣстѣ ораторъ былъ прерванъ сочувственными аплодисментами и въ дальнѣйшей рѣчи высказалъ надежду, что мы, такъ называемые интеллигенты, не сдѣлавшіе до сихъ поръ для простого народа ничего, проникнемся духомъ христіанской любви, принесенной намъ съ крещеніемъ, и пополнимъ этотъ пробѣлъ, и тогда всѣ Юліаны отступники должны будутъ преклониться предъ нами и воскликнуть: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!»

Какіе существенные слѣды оставитъ послѣ себя это беспримѣрное въ лѣтописяхъ исторіи русское празднованіе годовщины христіанской Руси — покажетъ ближайшее будущее. Но если и не осуществится мысль Живнаго — объ учрежденіи славянскаго школьнаго общества, то, во всякомъ случаѣ, русское общество обѣихъ столицъ озаботится возведеніемъ въ нихъ, какъ и въ древнемъ стольномъ Кіевѣ, храма, достойнаго памяти великаго просвѣтителя Руси. Нынѣшнія церкви во имя князя Владиміра въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ и въ Москвѣ — на Кулишкахъ замѣчательны одною своею древностью. Жаль также, что къ празднованію 15-го іюля не успѣли отстроить церковь древняго Херсонеса, гдѣ русскій князь просвѣтился свѣтомъ христіанскаго ученія.

ЛѢТОПИСЬ

ПЕТЕРБУРГСКИХЪ НАВОДНЕНІЙ

1703—1879 гг.

П. П. КАРАТЫГИНА

ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ
„ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11—2
1888

ЛѢТОПИСЬ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ НАВОДНЕНІЙ.

АВОДНЕНІЯ для Петербурга то же, что изверженія Везувія для Неаполя. Одно стòитъ другого: тамъ — огонь, здѣсь — вода; но, нельзя не сознаться, что на долю Петербурга выпало изъ двухъ золъ меньшее. «Вода — воръ, огонь — разбойникъ», говорятъ у насъ въ простонародьи: у первой все же что-нибудь да отнимешь; но второй — пожираетъ все, безвозвратно. Если жители Портичи и Соренто спокойно живутъ у подножія Везувія, то въ Петербургѣ, въ Галерной гавани, задолго до теперешняго укрѣпленія ея береговъ, жили и прожили цѣлыя поколѣнія, борясь, чуть не каждую осень, съ наводненіями и не соглашаясь переселиться изъ низменнаго родимаго уголка въ болѣе высокія и безопасныя части города. Привычка — вторая натура.

Несомнѣнно, что острова и прибережья Невы подвергались опустошительнымъ наводненіямъ въ глубочайшей древности. Первое сказаніе лѣтописей о наводненіи въ Ижорскомъ краѣ находимъ подъ 6569—6572 годами (1061—1064 гг.). Это было въ несчастное княженіе Изяслава (Димитрія) Ярославовича. Повѣствуя о злодѣйскихъ набѣгахъ половцевъ и усобицахъ удѣльныхъ князей, лѣтописецъ говоритъ, что всѣмъ этимъ бѣдствіямъ были «знаменія»: «рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на Западѣ [1]); солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу»... Слѣдовательно,

---

¹) Пенгре (Pingré) въ своей «Кометографіи» говоритъ, что кометы являлись въ Европѣ повсемѣстно съ 1060 по 1065 г. съ 29 августа до половины мая.

(замѣчаетъ В. Н. Берхъ [1]), надобно заключить, что Балтійское море, поднявшись въ то время до большой высоты, удержало воды Ладожскаго озера и заставило всѣ впадающія въ него рѣки принять противное направленіе.

Василій Никитичъ Татищевъ [2]) замѣчаетъ, что это могло быть отъ причины весьма естественной, а именно, весною, отъ скопленія льдовъ выше пороговъ. Н. М. Карамзинъ говоритъ: «Волховъ, дѣйствительно, течетъ иногда обратно въ озеро Ильмень». Съ этимъ мнѣніемъ можно бы согласиться, ежели бы обратное теченіе Волхова продолжалось не пять сутокъ, а нѣсколько часовъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ о рѣкѣ Волховѣ, извѣстно, что весною, когда ледъ, покрывающій рѣку, вдругъ взломаетъ, то въ узкихъ мѣстахъ образуются изъ него плотины, препятствующія настоящему теченію рѣки. Такъ какъ вода, прибывающая изъ Волховца съ быстротою, находитъ преграду, то и заставляетъ рѣку Волховъ течь въ озеро Ильмень, на нѣсколько часовъ, пока скопившійся ледъ промоетъ [3]).

Авторъ интересной книги: «Преобразованная (или Пересозданная) Россія», современникъ Петра Великаго—брауншвейгъ-люнебургскій резидентъ Фридрихъ-Христіанъ Веберъ [4]) сообщаетъ о наводненіи случившемся на берегахъ Невы до построенія С.-Петербурга. «Въ 1691 году»,—говоритъ онъ,—«было здѣсь наводненіе и простиралось до шведской крѣпости Ніэншанца, находившейся на рѣкѣ Охтѣ, разстояніемъ отъ нынѣшней Петропавловской крѣпости въ 5 верстахъ». Рыбаки, (обитавшіе въ нынѣшней петербургской части), разсказывали ему, что черезъ каждыя пять лѣтъ случались здѣсь наводненія, отъ которыхъ они обыкновенно убѣгали на Дудергофскую гору. «Судя по разсказамъ ихъ, надобно полагать»,—продолжаетъ Веберъ,—«что вода поднималась на 25 футовъ выше ординара».

Хотя Веберъ не прилагаетъ доказательствъ, но зная, насколько было низменно тогда положеніе береговъ Невы и многихъ частей нынѣшняго Петербурга, съ нимъ легко можно согласиться, убѣждаясь еще болѣе тѣмъ, что ежели бы рыбаки знали поближе какое-нибудь мѣсто, не затопляемое водой, то не имѣли бы надобности ѣхать, или бѣжать для спасенія за 25 верстъ.

Затѣмъ, съ перваго же года основанія Петербурга, Нева, какъ бы вызывая Петра Великаго на борьбу съ собою, хлынула на созидаемый имъ городъ.

---

[1]) Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ бывшихъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1826 г., 86 стр. въ 8 д. л.

[2]) Род. въ 1686, † 1750 г. См. Карамзина, томъ II, примѣч. 113.

[3]) Щекатовъ, Географическій Словарь, томъ I, стр. 1025.

[4]) «Das Veränderte Russland», томъ III, стр. 19.

1703.

Со дня заложенія Петербурга прошло лишь два мѣсяца; работы по возведенію бастіоновъ Петропавловской крѣпости, по плану начертанному Петромъ, были въ полномъ разгарѣ, но 19-го августа внезапно были прерваны наводненіемъ; оно разнесло часть лѣса и строительныхъ матеріаловъ и превратило лагерь нашихъ войскъ, на рубежѣ нынѣшней Петербургской и Выборгской сторонъ, въ непроходимое болото. На другой же день начальствовавшій войсками, князь Аникита Ивановичъ Репнинъ [1]), писалъ государю, находившемуся тогда въ Лодейномъ Полѣ:

«Зѣло, государь, у насъ жестока погода с' моря и набиваетъ въ нашемъ мѣстѣ, гдѣ я стою съ полками, воды аж до моего станишки; ночесь въ Преображенскомъ полку в' полночь у харчевниковъ многихъ сонныхъ людей и рухлядь ихъ помочило, а жители здѣшнія, государь, сказываютъ, что во нынѣшнемъ времени всегда то мѣсто заливаетъ».

1705.

Съ вечера, съ 4 на 5 октября, вода въ Невѣ поднялась на столько, что подмочила припасы, сложенные въ новыхъ амбарахъ, на адмиралтейскомъ дворѣ, уже обнесенномъ валомъ. Въ «Юрналѣ» Петра I говорится даже о потопленіи многихъ домовъ, однако же наводненіе, продолжавшееся лишь четыре часа, особенно сильныхъ повреждeній или убытковъ не причинило.

1706.

Объ этомъ наводненіи государь писалъ А. Д. Меншикову:

«Третьяго дня (9-го сентября) вѣтромъ вестъ-зюйдъ такую воду нагнало, какой, сказываютъ, не бывало. У меня въ хоромахъ было сверху пола 21 дюймъ и по городу и на другой сторонѣ по улицѣ свободно ѣздили на лодкахъ. Однакожъ не долго держалась: менѣе трехъ часовъ. И зѣло было утѣшно смотрѣть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, будто во время потопа сидѣли — не точію мужики, но и бабы. Вода хотя и зѣло велика была, бѣды большой не сдѣлала. — Изъ Парадиза».

Парадизомъ, т. е. «раемъ», Петръ Великій называлъ свой возлюбленный Петербургъ. Съ этимъ прозвищемъ плохо ладится разсказъ о наводненіи и его сравненіе съ потопомъ: послѣдній, какъ извѣстно, случился послѣ изгнанія нашихъ прародителей изъ рая.

---

[1]) Родился въ 1668, умеръ въ Ригѣ 3 іюля 1726 года.

Резидентъ Веберъ говоритъ въ своей книгѣ о двухъ наводненіяхъ, бывшихъ въ 1713 году, при которыхъ всѣ острова были покрыты водою. Первое случилось ночью и жители, почти сонные, спасались въ уносимыхъ постройкахъ. За отсутствіемъ свидѣтельства русскихъ современниковъ можно заключить безошибочно, что онъ говоритъ объ одномъ изъ двухъ предъидущихъ. В. Н. Верхъ, почерпавшій извѣстія о наводненіяхъ при Петрѣ I изъ книги Вебера, не обошелъ бы молчаніемъ этого сообщенія иностраннаго писателя.

1707.

На другой день отъѣзда Петра I изъ Петербурга (2-го декабря) въ ночи съ 3-го на 4-е декабря была жестокая «буря съ моря», непродолжительная, которая однако же «наведеннымъ страхомъ дѣло у всѣхъ отъ рукъ отбила».

1710.

Въ «Юрналѣ» 1710 года записано: «Противъ 10-го дня декабря, въ ночи, на рѣкѣ Невѣ прибыла великая вода и той же ночи сошла вся; а на другой день, противъ 11-го числа въ ночь, также прибывала противъ прежней въ полы. И въ тотъ день былъ зѣло великой вѣтръ съ моря».

По поводу этого наводненія баронъ Генрихъ Гюйсенъ говоритъ въ своемъ описаніи Петербурга: «надо замѣтить, что при низменности мѣста, на которомъ построенъ С.-Петербургъ, каждый сильный вѣтеръ съ моря угрожаетъ большою опасностью и несчастіями. Въ мою бытность такая морская погода случалась два раза и какъ въ подобныхъ случаяхъ всѣ острова покрываются водою и часто приходится спасаться на шлюпкахъ, то покойному герцогу Курляндскому, [1]) жившему у самой рѣки едва удалось сберечь свою жизнь. Особенно опасны и причиняютъ много вреда эти бури въ ночное время, какъ тоже однажды при мнѣ случилось, когда людей, еще не опомнившихся отъ сна, вдругъ понесетъ быстрина съ ихъ домами и скотомъ».

1715.

Этого наводненія, 5-го ноября, Веберъ былъ очевидцемъ. Вода возвысилась на 7 футовъ 4 дюйма. [2]) Вода, говоритъ онъ, снесла всѣ мосты и деревянныя укрѣпленія береговъ рѣки Невы. По описанію сему, замѣчаетъ В. Н. Берхъ (стр. 5), нельзя опредѣлить вы-

[1]) Мужъ цесаревны Анны Іоанновны, умершій на станціи Кипѣнь 9-го января 1711 года.

[2]) Веберъ, т. I, стр. 469.

соту оной; но надобно замѣтить, что Исаакіевскаго моста чрезъ Неву тогда еще не было: первый мостъ поставленъ въ 1728 году. По мостамъ же, чрезъ малыя рѣчки наведеннымъ, нельзя сдѣлать заключенія, ибо берега оныхъ были тогда низки.

1716.

Наводненіе при жестокомъ штормѣ. Адмиралъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ: «что отъ нея (т. е. отъ воды) вреда было въ С.-Петербургѣ, того я, пріѣхавъ туда въ октябрѣ, ни отъ кого не слыхалъ и самъ не видалъ. Въ Ревелѣ же военную шведскую гавань разорило и три корабля на берегъ выкинуло». О штормѣ въ Ревелѣ капитанъ-командоръ и начальникъ тамошняго порта Сиверсъ писалъ генералъ-адмиралу графу Ѳ. М. Апраксину [1]) слѣдующее:

«Сіятельнѣйшій графъ генералъ-адмиралъ, мой милостивый государь Ѳеодоръ Матвѣевичъ! Писанія вашего высоко-графскаго сіятельства, ноября 5-го до 6-го чиселъ изъ Абова, сейчасъ получилъ, которыя меня въ такой великой печали еще обрадовали. Съ великою смертельною печалію принужденъ доносить вашему высокому графскому сіятельству, какая Божія воля, здѣсь, при Ревелѣ, чинилась причина.

«Сего ноября 10-го числа по утру, до свѣту, стала погода великая нордъ норд-вестъ и нордъ; отчего одинъ ящикъ изъ новой гавани изломался весь; къ ночи утихла погода. Ноября 12-го числа тише была и четыре корабля изъ новой гавани въ старую перевели.

«Сегожъ ноября 13-го числа въ 6 часу по полуночи, погода изъ моря зѣло сильна стала съ помянутымъ вѣтромъ; а въ 7 часу другой ящикъ изломался, и понесло опрокинувши его вверхъ, по первую рѣшетку съ камнями и съ пушками въ гавань, какъ первой ящикъ; а потому и фланка (флангъ) крайняя. А въ 3 часу по полудни тогожъ числа, два ящика изъ другой гавани, какъ въ чертежу нумерами показано; а въ 4 часу пополудни послѣдній ящикъ изъ новой гавани понесло.

«Когда фланку крайнюю понесло, корабль «Антоній», который за оными ящики стоялъ, поворотился и сталъ на якорѣ; но понеже онѣ отъ мели недалеча, отъ великихъ валовъ стукнулъ на мель. И потомъ больно течь сталъ и потонулъ; а разбился меньше часа.

«Когда послѣдній ящикъ изъ первой гавани понесло и разломался, тогда корабль «Фортуна» сталъ на якорѣ; а отъ лѣсовъ понесло его близко мели; а какъ якорь сталъ держать, а онъ стукнулъ на мель, отчего онъ потонулъ. Однакожъ выше «Антонія» и не такъ разбитъ.

---

[1]) Род. въ 1661 † 1728.

«Я не могу вашему высоко-графскому сіятельству писать всѣ страхи и бѣды, которые терпѣли; а буду посылать завтра чрезъ Финляндію нарочнаго офицера до вашего сіятельства съ рапортомъ и вѣдомостьми объ корабляхъ, что на нихъ повредилось.

«Какъ вчерась къ ночи утихло, начали достальные корабли изъ новой гавани въ старую выводить; и сегодни всѣ сколько могли трудились ихъ перевесть въ старую гавань, въ которую, умѣстятся; дабы ежели достальная гавань испортится (отъ чего Богъ сохрани) большой бѣды не достались; а тогда и андабры попадутъ.

«Могу донесть вашему высоко-графскому сіятельству, что подъ страхомъ не много людей у насъ пропало. Вашего сіятельства и проч. Петръ Сиверсъ. Ноября 15-го дня 1716 года въ Ревелѣ».

1720—1721.

Раскольники, ненавистники Петра, заклятые враги его преобразованій и нововведеній, всячески мутили народъ, во все продолженіе его царствованія, ложными чудесами и всякими нелѣпыми пророчествами. Такъ было, между прочимъ, въ 1720 г. Явился какой-то пророкъ-пустосвятъ, предсказывавшій, что ко дню зачатія Предтечи, 23-го сентября, съ моря нахлынетъ вода на городъ, выше всѣхъ прежнихъ водъ. Она затопитъ Петербургъ и изведетъ весь народъ за отступленіе отъ православія. На Петербургскомъ островѣ у Троицкой пристани, неподалеку отъ крѣпости, стояла древняя сосна, или ольха. Чухны, жившіе здѣсь еще до основанія Петербурга, разсказывали объ этомъ деревѣ чудеса. Ночью въ Рождественскій сочельникъ 1701 года надъ деревомъ явилось внезапное зарево отъ множества восковыхъ свѣчъ на немъ зажженныхъ. Чухны, надѣвъ топоръ на жердь, стали рубить сукъ на деревѣ, думая, что свѣчи спадутъ съ него. Свѣтъ, послѣ нѣсколькихъ ударовъ исчезъ, а отъ топора остался на деревѣ рубецъ, пальца въ два, на двѣ сажени отъ земли. Пророкъ говорилъ, что 23-го сентября вода покроетъ берегъ на высоту именно этой самой зарубки. И чухны и русскіе вѣрили этому вранью и жители Петербурга пріуныли и стали переселяться съ низменныхъ прибережьевъ Невы на мѣста болѣе высокія. Воздержимся отъ упрековъ нашихъ предковъ въ суевѣріи: Петербургъ повѣрилъ предсказанію о наводненія въ 1852 году; вѣрилъ въ возможность столкновенія кометы съ землею—въ 1859, а лѣтъ пять тому назадъ—въ близкое свѣтопреставленіе. Чтобы образумить суевѣровъ, Петръ Великій, призвавъ на берегъ Невы роту преображенцевъ, приказалъ имъ срубить чудесное дерево въ своемъ присутствіи: оно рухнуло, но пень остался и еще въ 1725 году его ходили смотрѣть какъ рѣдкость. У этого самаго пня пророка наказали кну-

томъ, надѣлавъ ему насѣчекъ много пониже намѣченной высоты наводненія, а народу внушили, чтобы онъ баснямъ не вѣрилъ. Однако же, говорятъ, будто наводненіе дѣйствительно случилось въ 1720 году, но только не въ то число, которое предсказывалъ пророкъ.

Но слово «говорятъ»—не авторитетъ: весьма часто самая наглая ложь пускается въ ходъ подъ этою эгидою, напоминающею фальшивое клеймо золотой пробы на мѣдномъ издѣліи. О наводненіи въ 1720 году не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ, кромѣ слова: «говорятъ». Всего вѣрнѣе, что пророчество сбылось въ слѣдующемъ 1721 году, о которомъ сохранились свидѣтельства несомнѣнныя. Веберъ говоритъ: [1]) «ноября 5-го по старому стилю, выступила Нева съ жестокостью изъ береговъ своихъ; ибо 9 дней сряду продолжался жестокій вѣтръ отъ юго-запада. Крѣпость, которую начали строить въ 1706 году и Ладожскій каналъ, начатый въ 1718 году, были повреждены и занесены во многихъ мѣстахъ пескомъ».

Бергхольцъ оберъ-каммергеръ герцога Голштинскаго [2]) описываетъ несчастіе это слѣдующимъ образомъ: «Ноября 5-го 1721 года пошелъ я въ 11 часовъ до полудни во дворецъ (къ герцогу) слушать проповѣдь; но служба уже кончилась, ибо его высочество спѣшилъ ѣхать къ графу Кинскому. Около сего времени вошелъ кто-то въ залъ и сказалъ: вода прибываетъ. Я вышелъ немедленно на улицу и увидѣлъ съ удивленіемъ, что она уже выступила изъ канала при коемъ стоялъ домъ нашъ. [3]) Испытавшіе несчастіе сіе прежде весьма перепугались, а особливо генералъ-маіоръ Штейнфлихтъ и полковникъ Бонде, жившіе въ нижнемъ этажѣ. Сосѣдъ нашъ посланникъ Стамке пришелъ также въ страхъ, ибо ему случалось нерѣдко видѣть у себя во дворѣ воду и кушанье возили ему въ то время на лодкѣ, потому что кухня его была черезъ дворъ, въ значительномъ отдаленіи отъ занимаемыхъ имъ покоевъ».

«Помянутые господа, желая побывать дома, пошли вмѣстѣ со мною; но мы не могли попасть чрезъ мостъ, ибо онъ покрытъ былъ водою и возвратились назадъ. Вскорѣ послѣ сего пошелъ я опять, изъ любопытства, къ ближнимъ каналамъ, и увидѣлъ въ маломъ каналѣ, находившемся между почтовымъ дворомъ и домомъ нашего герцога, огромную барку. На той сторонѣ (на Васильевскомъ островѣ) было еще ужаснѣе: вода дошла до оконъ кофейнаго дома и по всему пространству носилось множество разныхъ судовъ. Вода

---

[1]) Веберъ: томъ II, стр. 10.

[2]) Супругъ цесаревны Анны Петровны—отецъ императора Петра III—Карлъ Фридрихъ Гольштейнъ-Готторпскій.

[3]) Вѣроятно на Крюковомъ каналѣ.

преслѣдовала меня такъ сильно, что я убрался опять въ домъ нашего герцога, гдѣ нашелъ всѣхъ въ великой тревогѣ; ибо погреба и кладовыя наши затопило. Не взирая на таковое положеніе воды, приказалъ герцогъ закладывать карету дабы ѣхать къ графу Кинскому. Мы представляли его высочеству, что это почти невозможно, ибо предлежащій ему путь не удобенъ для ѣзды большимъ экипажемъ и въ сухое время. Не взирая на многія убѣжденія наши, сѣлъ герцогъ въ свою карету, запряженную 6-ю лошадьми и взялъ съ собою тайнаго совѣтника Гипена и подполковниковъ Лорха и Салдерна».

«Карета отправилась въ путь; но выѣхавъ на площадь и усмотря, что всѣ маленькіе мосточки (krüppel Brücken) снесены были уже водою, заѣхалъ герцогъ къ тайному совѣтнику Бассевичу[1]) и рѣшился ждать тамъ пониженія воды. По отбытіи герцога занялись мы домашними работами, и, поелику вода шла еще на прибыль, перевели съ большимъ трудомъ лошадей нашихъ во второй этажъ. На улицу въ сіе время было страшно выглянуть: вода мчала съ неимовѣрною быстротою разныя суда и такое множество лѣсу, что мы не могли понять откуда оный берется».

«У насъ на дворѣ во время самой большой высоты воды доходила оная лошадямъ до брюха; но, по всѣмъ улицамъ можно было свободно ѣздить въ лодкахъ. Вѣтеръ былъ такъ жестокъ, что срывалъ черепицы съ кровель. Въ половинѣ второго часа пополудни начала вода сбывать; а въ 7 часовъ вечера не было уже оной совсѣмъ на улицахъ».

«Ноября 10-го 1721 года начала послѣ обѣда опять прибывать вода и въ 6 часовъ получено было извѣстіе отъ посланника Стамке, у котораго его высочество хотѣлъ ужинать, что каналъ, передъ домомъ его находящійся, наполнился уже водою. При семъ вторичномъ случаѣ приняли с.-петербургскіе жители всевозможную предосторожность, ибо сверхъ выше приведеннаго несчастія, напугалъ ихъ еще крестьянинъ, пророчившій, что весьма скоро будетъ опять вода на три локтя выше прежней. Не взирая на сіе извѣстіе, отправился герцогъ къ г. Стамке и, прибывъ туда, отослалъ карету домой, а приказалъ прислать себѣ баржу, ибо вода выступила уже на улицы. Посланникъ убѣждалъ герцога возвратиться домой, сказывая, что 5-го ноября подняла у него вода полы; что, вѣроятно, и теперь случиться можетъ. Но его высочество, не уваживъ сихъ представленій, сказалъ рѣшительно, что онъ хочетъ здѣсь ужинать. Поелику кухня была чрезъ дворъ, то люди шли съ кушаньемъ по колѣно въ водѣ. За столъ сѣли мы очень хорошо и были вскорѣ

[1]) Графъ Геннингъ Фридрихъ фонъ-Бассевичъ (род. въ 1680 † 1749). Авторъ любопытныхъ записокъ о послѣднихъ годахъ императора Петра Великаго и о царствованіи Екатерины I.

обрадованы извѣстіемъ, что вода сбываетъ. Въ 11 часовъ вечера возвратились мы домой въ баржѣ».

«Послѣ воды, случившейся 5-го ноября читанъ былъ на всѣхъ перекресткахъ при барабанномъ боѣ имянной указъ: какъ вода начнетъ прибывать, то весь рогатый скотъ и лошадей отсылать въ лѣсъ. Въ сей вечеръ были туда отосланы всѣ придворные лошади, какъ равно и наши; въ 9 часовъ утра привели ихъ обратно».

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ говоритъ: «въ 1721 году, въ октябрѣ и ноябрѣ была въ С.-Петербургѣ и въ Кронштадтѣ большая вода. Самъ я оной не видалъ; ибо командированъ былъ на Черную рѣчку рубить дрова для казармъ. Послѣ извѣстился я, что его императорское величество, во время той высокой воды и шторма, выѣхавъ на буерѣ изъ Зимняго дворца на лугъ, окружающій Адмиралтейство, изволилъ тѣшиться лавированіемъ между церковью св. Исаакія и греческою, что нынѣ . . . . . . (?) улица».

Вотъ что говоритъ Бергхольцъ о государѣ: «когда мы прибыли на свою квартиру (5-го ноября), то послали меня во дворецъ узнать, возвратился ли его величество домой, или есть ли о его величествѣ какое извѣстіе. Поутру, еще до воды, отправился царь къ графу Кинскому и государыня не имѣла о немъ извѣстія цѣлый день, хотя и отправляла трехъ курьеровъ, изъ коихъ, говорятъ, одинъ потонулъ. Сей несчастный, прибывъ къ мосточку, и не зная, что оный уже унесенъ былъ водою, оступился и погрязъ въ водѣ. Прибывъ во дворецъ, поймалъ я насилу одного нѣмца, которому пересказавъ мое порученіе, получилъ чрезъ него слѣдующій отвѣтъ: «его величество уже часъ какъ пріѣхалъ отъ графа Кинскаго и изволитъ лежать въ постели».

Основываясь на словахъ графа Сапѣги, [1]) Берхгольцъ говоритъ, что отъ этого наводненія князь Меншиковъ потерпѣлъ убытку на 20,000 рублей.

1723.

Въ этомъ году были два наводненія: въ октябрѣ и въ ноябрѣ мѣсяцахъ.

Во второмъ томѣ Академическихъ актовъ профессоръ Крафтъ напечаталъ: «октября 2-го числа 1723 года, была опять большая вода, выше воды 1721 года на три дюйма». Но Крафтъ не упоминаетъ изъ какого источника почерпнулъ онъ это извѣстіе. Бергхольцъ, въ это же время бывшій въ Петербургѣ, объ этомъ наводненіи не упоминаетъ ни слова, а говоритъ только, что «2-го октября въ 5 часовъ послѣ обѣда отправился государь со своею флотиліею въ Кронштадтъ». Слѣдовательно въ это число не было большой воды.

---

[1]) Временщикъ кратковременнаго царствованія Екатерины I,—фельдмаршалъ † въ февралѣ 1730 года.

«Октября 6-го числа,—продолжаетъ Бергхольцъ,—былъ государь съ государынею и всѣми знатными въ большой церкви. По окончаніи литургіи, дано было всѣмъ знать, чтобъ явиться въ два часа въ домъ къ князю Меншикову, дабы оттуда слѣдовать вмѣстѣ къ закладкѣ новаго Кронштадтскаго канала и доковъ. Хотя всѣ въ назначенное время собрались, но, поелику шелъ дождь, жестокій вѣтеръ еще продолжался и мѣсто, гдѣ намѣрены были дѣлать закладку, покрыто было водою, то процессію сію и отложили до другого времени». По этому разсказу можно принять, что 6-го октября была вода, но не очень высокая. Заключеніе это подтверждается нижеприведенными словами Бергхольца:

Ноября 8-го, 1723 года. «Въ сію ночь дулъ вѣтръ со всею жестокостію, и вода поднялась въ три часа такъ высоко, что выступила изъ всѣхъ каналовъ, и превзошла ту высокую воду, которая случилась въ тотъ день, какъ мы въ Кронштадтѣ были, на одинъ футъ». Происшествіе это нанесло множество безпокойства и причинило значительные убытки. Вѣроятно, покрыты уже были всѣ каналы и Нева до 8-го ноября льдомъ; ибо Бергхольцъ продолжаетъ: «ноября 9-го не было уже на рѣкѣ и каналахъ льда, и капитанъ Венсъ отправился до обѣда на шлюпкѣ въ Кронштадтъ». Въ календарѣ сказано: «1723 года, покрылась Нева льдомъ 16-го ноября». Вѣроятно, не упомянуто о томъ, что она прежде была покрыта льдомъ, потому, что оный разнесло.

1724—1725.

Опять обращаемся къ повѣствованіямъ Бергхольца.

«Ноября 1-го числа, въ 10 часовъ утра, была очень высокая вода во всемъ городѣ и жестокій морской вѣтръ. Во время возвышенія воды, когда вѣтръ дулъ со всею свирѣпостью, ѣхала государыня въ шлюпкѣ изъ Лѣтняго дворца, гдѣ она еще до сихъ поръ жила, на другую сторону, дабы помолиться въ церкви Живоначальныя Троицы. Но когда ея величество прибыла къ «четыремъ фрегатамъ» [1]) на С. Петербургскую сторону, то вода была уже такъ высока, что нельзя было дойдти до кареты».

«И такъ государыня отправилась въ обратный путь, но уже не въ свой Лѣтній дворецъ, а въ государевъ Зимній съ намѣреніемъ остаться тамъ жить. Ея величество, проѣзжая мимо крѣпости, салютовала оной тремя выстрѣлами и получила столько же въ отвѣтъ».

«Послѣ обѣда, ноября 2-го числа, возвратился государь въ

---

[1]) Такъ, по украшавшимъ его ворота моделямъ фрегатовъ, назывался кофейный домъ на Петербургской сторонѣ близь деревянной пирамиды въ память морской битвы при Гангутѣ (27-го Іюля 1714), при которой взято было четыре шведскіе фрегата.

С.-Петербургъ. Во время вчерашняго шторма испыталъ его величество много опасностей на пути отъ Дубковъ. Одно изъ слѣдовавшихъ за нимъ судовъ погибло и два только человѣка спаслись съ онаго. Государь поставилъ яхту свою на два якоря и такъ провелъ всю ночь. Всѣ бывшіе на оной очень трусили».

Эта самая буря была отчасти причиною смерти Петра Великаго, въ январѣ слѣдующаго 1725 года. Онъ, уже больной, спасалъ утопавшихъ у береговъ Лахты; эта простуда ожесточила недугъ государя.

Профессоръ Крафтъ подъ 5 числомъ ноября 1725 года отмѣтилъ наводненіе: «жестокій вѣтръ отъ юго-запада,—говоритъ онъ,—продолжался съ 9 часовъ до полуночи». Но,—замѣчаетъ В. Н. Берхъ,—Крафтъ умалчиваетъ опять откуда почерпнулъ сіе свѣдѣніе (стр. 19—21) и въ опроверженіе авторъ «Историческаго извѣстія о новодненіяхъ» приводитъ выписку изъ Бергхольца о 1724 годѣ, относя его къ 1725. Промахъ тѣмъ болѣе грубый, что о Петрѣ говорится какъ еще о живомъ лицѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ фельетонныхъ историковъ очень наивно повторили ту же ошибку.

1726.

Наводненій, въ этомъ году было три: 18-го сентября, въ октябрѣ и 1-го ноября.

О первомъ упоминаетъ Крафтъ, не показывая точной мѣры высоты воды.

О второмъ, свирѣпствовавшемъ въ Кронштадтѣ, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» адмиралъ Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ: «Въ октябрѣ 1726 года была большая вода отъ шторма съ моря, отчего весь Кронштадтъ потопленъ былъ, кромѣ высокаго мѣста, гдѣ нынѣ церковь Богоявленія, и Екатерининской улицы».

Крафтъ по поводу наводненія 1-го ноября говоритъ, что профессоръ Лейтманъ опредѣлилъ возвышеніе воды сверхъ Невскаго ординара на 8 футовъ и 2 дюйма съ дробями, т. е., что она была на 8 дюймовъ выше воды 1721 года. Изъ сего вывода, продожаетъ Крафтъ, можно опредѣлить высоту водъ 1721, 1723 и 1725 гг. Вѣроятно, Крафтъ имѣлъ еще нѣсколько данныхъ, о коихъ умолчалъ.

Въ семь часовъ поутру 1-го ноября 1726 года, насталъ жестокій вѣтръ отъ юго-запада, продолжался въ одной силѣ шесть часовъ.

Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ говоритъ объ этомъ наводненіи: «1726 года была въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ высокая вода; мнѣ случилось въ то время быть въ караулѣ въ кронштадтской цитадели. Вода выгнала насъ вечеромъ изъ каральунаго дома, врѣзаннаго во внутренность вала, и потомъ, прибывая постепенно, сго-

няла насъ съ банкета на банкетъ, потомъ и всю пушечную платформу покрыло, а по сему и должны мы были отсиживаться на цитадельскихъ пушкахъ, и были окачиваемы морскими валами, перекатывавшимися чрезъ цитадельскій брустверъ. До полуночи пребывали мы въ отчаяніи живота; однако, Богъ спасъ всѣхъ насъ безъ упаду».

По случаю этого наводненія состоялся слѣдующій именной указъ: «Понеже въ прошломъ 1721, ноября 5 и въ нынѣшнемъ 1726 ноября 1-го чиселъ, отъ прибылой, нечаянной воды, за низостью здѣсь въ строеніяхъ, обывателямъ есть не безъ раззоренія; того ради, сожалѣя о нихъ, ея императорское величество указала: для опасности отъ такой же воды, всякое строеніе впредь кому гдѣ надлежитъ строить, выше нынѣшней бывшей воды на футъ, и для того вездѣ на строеніяхъ поставить знаки; о чемъ въ народъ и архитекторамъ объявить. Екатерина. Ноября 21-го дня 1726 года».

Чулковъ говоритъ, что послѣ этого наводненія образовался на Малой рѣкѣ Невѣ небольшой новый островъ, который, отъ пустоты, названъ островъ Буянъ. На семъ островѣ, продолжаетъ онъ, по близости онаго отъ биржи и купеческой корабельной пристани, построены пеньковые и масляные амбары [1]).

1729.

Октября 12, отъ жестокаго юго-западнаго шторма вода поднялась до 7 футовъ 1 дюйма и затопила всѣ острова. Людей погибшихъ отъ наводненія не было; но истреблено много скота и домашней птицы. Изъ низменныхъ частей города наиболѣе пострадали Васильевскій островъ и Коломна. Охотники до таинственныхъ сближеній событій историческихъ съ явленіями естественными говорили впослѣдствіи, что это наводненіе было предвѣстникомъ смерти князя Меншикова: черезъ десять дней, именно 22 октября, онъ тихо угасъ въ далекомъ, пустынномъ Березовѣ.

1732.

Крафтъ упоминаетъ, что 15 сентября была высокая вода; но, вѣроятно, онъ не имѣлъ случая собрать объ ней свѣдѣнія, ибо не показалъ высоты. По рапорту вице-адмирала Сандерса, исправлявшаго должность главнаго командира въ кронштадскомъ портѣ, видно, что въ эту воду попортило въ Кронштадтѣ много зданій, а особенно новый каменный каналъ (Берхъ, стр. 25).

---

[1]) «Историческое описаніе Россійской коммерціи», т. VIII, стр. 737.

П. Н. Петровъ въ своей «Исторіи Петербурга» говоритъ, что наводненіе было 19-го сентября, кончилось оно скоро безъ большого вреда, хотя вода и выходила на берегъ во всѣхъ сколько-нибудь низменныхъ мѣстахъ (стр. 276).

1736.

Годъ достопамятный двумя противуположными бѣдствіями, постигнувшими Петербургъ: пожаромъ и наводненіемъ. Первый—11 августа начался въ самый полдень въ домѣ, занятомъ персидскимъ посломъ, Ахметъ-ханомъ, на Мойкѣ у Зеленаго (нынѣшняго Полицейскаго) моста. Быстро распространявшееся пламя охватило многія зданія по набережной, Гостинный дворъ (нынѣшній домъ Елисѣева) и въ теченіе восьми часовъ испепелило часть города отъ Зеленаго моста до церкви Вознесенія.

О наводненіи Крафъ говоритъ: 10-го сентября были почти всѣ части города затоплены. Вѣтеръ дулъ отъ запада съ такою жестокостію, что, по наблюденію, оказалось, что онъ пробѣгалъ въ одну секунду 123 фута.

1744.

Два наводненія: 17-го августа и 9-го сентября. При первомъ жестокій, сѣверо-западный вѣтеръ поднялъ воду на высоту 7 футовъ. Сентября 9 задулъ поутру сильный вѣтръ отъ востока, выгнавшій почти всю воду изъ каналовъ. Послѣ обѣда вѣтеръ началъ отходить и, установясь отъ юго-запада, дулъ съ неимовѣрною жестокостью всю ночь. Крафтъ говоритъ, что наводненіе было очень велико, но высоты воды не означаетъ (Берхъ, стр. 26).

1752.

По свидѣтельству Крафта, 22 октября, поднялась вода при западномъ вѣтрѣ до высоты 8 футовъ 5 дюймовъ, что означено и на крѣпостныхъ воротахъ. Октября 25 вода поднялась до высоты 6 футовъ; 26 числа до 7 футовъ; а 28 числа достигла опять до 6 футовъ и хотя отъ запада дулъ очень умѣренный вѣтеръ, но она простояла въ такомъ положеніи цѣлыя сутки. Впослѣдствіи получено было свѣдѣніе, что въ Балтійскомъ морѣ былъ жестокій юго-западный вѣтеръ. Декабря 11 дулъ западный вѣтеръ и вода поднялась опять до высоты 7 футовъ; но неизвѣстно долго ли оставалась въ такомъ положеніи.

Другой исторіографъ наводненій, Тукъ, говоритъ: «Октября 22-го числа, въ 10 часовъ вечера, насталъ жестокій штормъ отъ юго-запада, причинившій мгновенное наводненіе. Вода поднялась до высоты 9½ футовъ сверхъ ординара; всѣ острова и части города,

исключая Литейную и мѣста около Невскаго монастыря лежащія, покрыты были водою. Вскорѣ послѣ полуночи сбыла вода съ тою же быстротою. Замѣчательно, что 25 и 27 чиселъ поднималась вода до 7 футовъ, а 28 октября, не взирая на безвѣтріе, стояла она цѣлыя сутки и причинила много вреда жителямъ Васильевскаго острова».

А. И. Нагаевъ пишетъ: «1752 года въ октябрѣ, была здѣсь въ С.-Петербургѣ вода больше всѣхъ прежнихъ большихъ водъ. Передъ бывшею на Васильевскомъ островѣ Морскою академіею, что нынѣ Академія Художествъ, была она выше ординарной въ Невѣ воды $9^1/_2$ футами англійскими. Покойный генералъ баронъ фонъ-Люберасъ сообщалъ мнѣ тогда, что въ Кронштадтѣ тажъ вода была выше ординарной кронштадской воды 7 футами».

С. И. Мордвиновъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ»: «въ исходѣ октября, ночью, была вода чрезвычайно великая; весь С.-Петербургъ былъ въ водѣ. Въ то же самое время былъ въ Матисовой слободѣ пожаръ».

1754.

7-го и 8-го мая вода достигала высоты болѣе 5 футовъ.

1756.

Изъ реестровъ Крафта видно, что 29-го сентября, этого года, вода поднималась до высоты 7 футовъ 3 дюймовъ; но показаніе это несогласно съ нижеприводимымъ рапортомъ контръ-адмирала Полянскаго, который говоритъ, что высота воды въ Кронштадтѣ была, при жестокомъ вѣтрѣ отъ запада, 5 футовъ 4 дюйма; то соображая оную съ прочими наводненіями, надобно заключить, что въ С.-Петербургѣ была высота воды по самой малой мѣрѣ 8 футовъ.

Рапортъ. «Сентября 29-го числа при жестокомъ вѣтрѣ отъ W, прибыло воды сверхъ ординара 5 футовъ 4 дюйма, отъ котораго шторма два галіота бросило на военную гавань, изъ которыхъ одинъ, пришедшій изъ Риги съ алебастромъ, у самой военной гавани потонулъ; а другой наливщись водою. Впрочемъ, отъ сего шторма никакого вреда не учинилось, кромѣ, что стоящій въ Купеческой гавани на мели пловучій докъ поломалъ нѣсколько свай. Октября 2-го дня 1756 года. Контръ-адмиралъ Андрей Полянскій».

1757.

Надобно полагать, что въ 1757 году была очень жестокая буря, чему нижеслѣдующій сенатскій указъ служитъ доказательствомъ. У Крафта показана высота воды въ С.-Петербургѣ, октября 16-го

числа—6 футовъ; слѣдовательно была она по этому размѣру менѣе 4 футовъ въ Кронштадтѣ. Впрочемъ, можетъ быть Крафту доставлено невѣрное свѣдѣніе. Въ сенатскомъ указѣ сказано, что льдами повредило крѣпость и цитадель; но по календарю видно, что въ 1757 году стала Нева съ 19-го на 20-е число ноября; а потому и надобно заключить, что послѣ сихъ чиселъ была опять буря и высокая вода, взломавшая ледъ.

Указъ. «Состоящія въ Кронштадтѣ—кронштадтскую и цитательскую крѣпости, кои пришли уже въ ветхость, къ тому же и въ прошедшую осень отъ бывшихъ льдовъ съ большими водами учинилось онымъ великое поврежденіе, такъ, что и пушечныхъ выстрѣловъ вытерпѣть не могутъ, и, мѣстами, каменья высыпаются, исправить и возобновить отъ конторы кронштадтскихъ строеній. Іюля 6-го числа 1758 года».

Въ 1759 году октября 6-го—вода достигала высоты болѣе шести футовъ.

Въ 1760 году октября 8-го—высота воды достигала до 5 футовъ. Наводненіе повторилось въ тѣхъ же размѣрахъ 10-го декабря того же года [1]).

1762.

Годъ воцаренія Екатерины II былъ ознаменованъ бурями и наводненіемъ. О послѣднемъ В. Н. Берхъ (стр. 13), пишетъ:

«Въ 1762 году, въ августѣ, была очень жестокая буря отъ SW (юго-запада). По рапорту секундъ-интенданта кронштадтскаго порта, Ивана Тимоѳеевича Голенищева-Кутузова, видно, что стоявшіе въ гавани корабли сорвало со швартововъ и весьма сильно повредило. Нѣкоторые изъ нихъ, говоритъ онъ, толкаясь другъ о друга, переломали мачты, и бугшприты; не взирая на сію жестокую бурю отъ SW, не встрѣтилъ я никакихъ свѣдѣній о наводненіи. У Крафта показано: 9-го августа при SW вѣтрѣ высота воды сверхъ ординара 3 фута. Сильная буря разразилась надъ Петербургомъ 25-го августа того же 1762 года».

Въ 1763 году были два наводненія: 8-го октября и 18-го ноября—вода въ обоихъ случаяхъ превышала 5 футовъ [2]).

1764—1775.

Съ 18-го по 22-го ноября воды Невы, при совершенномъ безвѣтріи, стояли отъ 7 до 8 футовъ выше ординара.

Въ 1765 году 24-го и 25-го ноября вода достигала высоты 5 футовъ.

---

[1]) И. Пушкаревъ «Описаніе С.Петербурга», изд. 1838 г., стр. 32.

[2]) И. Пушкаревъ, стр. 32.

Въ 1767 году два наводненія: 10-го іюня и 26-го сентября—свыше 5 футовъ.

Въ 1772 году 31-го декабря наводненіе при той же высотѣ воды.

Въ 1773 году 14-го декабря—та же высота.

Въ 1775 году подобные же два наводненія: 15-го іюня и 16-го августа [1]).

1777.

Объ этомъ, страшномъ, по своимъ размѣрамъ и опустошеніямъ, наводненіи сохранились разсказы четырехъ очевидцевъ: Тука, Крафта, Георги и императрицы Екатерины II.

Тукъ, писавшій въ 1799 году, говоритъ: «Послѣднее и самое разрушительное наводненіе случилось 10-го сентября 1777 года, три дня послѣ новолунія и во время самого низкаго стоянія барометра. Почти весь Петербургъ былъ на два локтя подъ водою, а Васильевскій островъ и Петербургская сторона претерпѣли весьма много: малые домы, мосты и деревья сдѣлались жертвою сего наводненія. Галіоты, боты и большія барки причинили также неимовѣрный вредъ, ибо плавали по улицамъ. Ежели бы Балтійское море имѣло приливы и отливы, то не мудрено, что въ Петербургѣ поднялась бы вода въ сіе время, подобно какъ въ Бристолѣ, до 50 и 60 футовъ».

Академикъ Крафтъ сообщаетъ слѣдующія подробности:

«Сентября 9-го числа было небо облачное, склонное къ дождю, сильный вѣтръ отъ SW (Ю. З.) и барометръ началъ опускаться примѣтно, такъ, что къ полуночи упалъ онъ до 27 дюймовъ 5 линій. Не взирая на сіи явные признаки, непримѣтно еще было повышенія воды. Послѣ полуночи началъ вѣтръ свѣжѣть и отходить къ западу, бывъ сопровождаемъ порывами до 7 часовъ утра (10-го числа). Въ продолженіе сего жестокаго вѣтра, выступила Нева, въ 5 часовъ утра, изъ береговъ и наводнила мгновенно низменныя части города. Въ 6 часовъ утра было самое высокое возвышеніе воды: 10 футовъ и 7 дюймовъ, сверхъ ординара. Вскорѣ послѣ того отошелъ вѣтръ къ NW и вода начала сбывать съ такою скоростію, что къ 7 часамъ утра понизилась она на одинъ футъ, а въ полдень вступила въ берега. Во время сего наводненія замѣчено, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Васильевскаго острова били подземные ключи.

«Въ Кронштадтѣ начала выступать вода изъ береговъ, между 4 и 5 часами утра. Самая большая высота оной была 7 футовъ 6 дюймовъ. Слѣдовательно была вода сія ниже петербургской 3 фут. 1 дюймомъ. Замѣчательно, что въ наводненіе 1752 года была вода

[1]) И. Пушкаревъ, стр. 82.

въ Кронштадтѣ высотою 6 ф. 6 дюйм., а въ С.-Петербургѣ 8 ф. 5 дюйм. т. е. разность между сими двумя водами простиралась только до 1 фут. 11 дюймовъ.

«Во время сего наводненія замѣтили въ Шлюссельбургѣ необыкновенное положеніе воды: 10-го сентября въ 5 часовъ утра сбыла тамъ вода до того, что всѣ суда обмѣлѣли. Причиною сему было то, что сильный юго-западный вѣтръ отогналъ всю воду отъ Шлюссельбурга къ берегамъ Ладожскаго озера.

«По разсказамъ корабельщиковъ была въ Балтійскомъ морѣ 9-го сентября жестокая буря отъ SW. (юго-запада)».

Георги въ своемъ описаніи Петербурга говоритъ (стр. 41): «передъ наводненіемъ, бывшимъ 10-го сентября 1777 года, продолжалась буря уже два дня сряду, при западномъ и юго-западномъ вѣтрѣ; возвышеніе воды продолжалось до 9 часовъ утра, доколѣ вѣтръ началъ утихать; вода потомъ стекла столь скоро, что въ 12 часовъ, т. е. въ самый полдень, уже берега не были болѣе объемлемы водою. Отъ сего наводненія освобождены были токмо Литейная и Выборгская части города; въ частяхъ же, понятыхъ водою, оно и въ маловременномъ своемъ продолженіи причинило весьма великій вредъ. Суда были занесены на берегъ. Небольшой купеческій корабль переплылъ мимо Зимняго дворца чрезъ каменную набережную; Любской, яблоками нагруженный корабль, занесенъ былъ вѣтромъ на 10 сажень отъ берега въ лѣсъ, находящійся на Васильевскомъ островѣ, въ коемъ большая часть наилучшихъ и наивеличайшихъ деревъ отъ сея бури пропала. По всѣмъ почти улицамъ, даже и по Невской перспективѣ, ѣздили на маленькихъ шлюпкахъ. Множество оградъ и заборовъ опрокинуто было; малые деревянные домы искривились отъ жестокаго сотрясенія ими претерпѣннаго; даже нѣкоторыя самыя маленькія хижинки неслись по водѣ и одна изба переплыла на противулежащій берегъ рѣки. Буря не токмо препятствовала истеченію рѣчной воды въ море, но и самая морская вода стремилась въ устья рѣки, какъ то и особливо примѣчено было при устьѣ Малой Невы. Сіе наводненіе случилось во время ночи: почему множество людей и скотовъ пропало».

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ прибавимъ еще слѣдующія: Буря нанесла огромный вредъ садамъ и рощамъ Петербурга. Богачъ Яковлевъ, владѣлецъ дачи на Петергофской дорогѣ, публиковалъ въ вѣдомостяхъ о продажѣ двухъ тысячъ мачтовыхъ деревьевъ, вырванныхъ этою бурею съ корнемъ. Въ Лѣтнемъ саду она поломала и повредила множество липъ изъ которыхъ нѣкоторые инвалиды до нынѣ скрѣплены желѣзными скобками и подперты костылями [1]); та же буря разрушила въ Лѣтнемъ саду и фонтаны

---

[1]) Такъ говоритъ г. Пыляевъ («Старый Петербургъ» стр. 109—110), но едва ли эти скобки и костыли могли сохраниться въ теченіе 110 лѣтъ, послѣ многихъ бурь и наводненій 1824 и 1879 годовъ.

послѣ того уничтоженные. Повалено повсемѣстно множество оградъ, заборовъ, палисадниковъ. На Смоленскомъ кладбищѣ повреждена церковь (нынѣшняя малая св. Троицы), размыты окружавшіе его валы, многія могилы. Лавки въ Андреевскомъ рынкѣ, на Петербургской, и повсемѣстно, кромѣ Гостиннаго двора (каменныя) были уничтожены съ товарами. Въ обѣихъ Коломнахъ, на Мѣщанской, болѣе ста домовъ со всѣми строеніями и людьми разнесло; на взморьѣ смыло острогъ съ находившимися въ немъ арестантами въ числѣ трехсотъ человѣкъ. Разливъ захватилъ окрестности столицы на одиннадцать верстъ и когда сбыла вода—трупы людей и животныхъ валялись по полямъ и по дорогамъ.

Гибель цѣлаго острога съ арестантами послужила поводомъ къ городскому слуху о потопленіи многихъ арестантовъ въ Петропавловской крѣпости и въ числѣ ихъ, содержавшейся въ Алексѣевскомъ равелинѣ, княжны Таракановой—выдававшей себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны отъ брака ея съ Алексѣемъ Разумовскимъ. Это преданіе послужило сюжетомъ для множества романическихъ сказокъ иностраннымъ писателямъ—и для прекрасной картины покойному Флавицкому. Сказочники и художники, какъ и поэты вольны въ своемъ творчествѣ, но исторія требуетъ правды и гнушается вымыслами. По поводу картины «Княжна Тараканова» покойный М. Н. Лонгиновъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г. стр. 651—656) слѣдующую любопытную замѣтку:

«Дочь Елисаветы, или самозванка-авантюристка, Тараканова, арестованная Алексѣемъ Орловымъ въ Ливорнской гавани (12-го февраля 1765 года) была привезена, въ началѣ мая, Грейгомъ, въ Петербургъ и заключена въ казаматѣ Алексѣевскаго равелина.

«У ней уже тогда была чахотка въ довольно сильной степени, а къ зимѣ конецъ ея видимо приближался. Тараканова слѣдовала всегда обрядамъ римско-католической церкви и была даже въ Италіи въ связяхъ съ іезуитами, надѣясь на ихъ помощь. Но передъ смертью она захотѣла непремѣнно исповѣдаться и причаститься у православнаго священника. Вѣроятно, что такая странность происходила отъ непреодолимаго желанія убѣдить другихъ въ истинѣ происхожденія, которое она себѣ приписывала и показать, что она исполняла будто бы чуждые ей католическіе обряды только потому, что жила на чужбинѣ, гдѣ не было служителей церкви православной, въ лонѣ которой она, будто бы, родилась и была воспитана въ дѣтствѣ. Дѣло было затруднительное. Тараканова не знала русскаго языка, который также будто бы забыла, будучи увезена въ дѣтствѣ за границу. Она знала по-французски и по-нѣмецки. Послѣ разныхъ поисковъ нашли священника (имя его я забылъ и не записалъ) церкви на Невскомъ проспектѣ (на мѣстѣ, гдѣ теперь Казанскій соборъ) знавшаго нѣмецкій языкъ. На немъ исповѣдалъ онъ Тараканову, 30-го ноября 1775 года, и донесъ о томъ, что слышалъ

отъ нея, начальству. Она каялась во многихъ грѣхахъ, преимущественно любовныхъ; но твердо и постоянно стояла на томъ, что ея происхожденіе именно то, которое она себѣ всегда приписывала. Съ этимъ она умерла 4-го декабря 1775 года, то есть слишкомъ за два года до наводненія, во время котораго она будто бы погибла. Этимъ оканчивается разсказъ графа Блудова о заточеніи и смерти Таракановой.

«Впрочемъ, мнѣ (Лонгинову) достовѣрно извѣстно, что преданіе о гибели Таракановой во время наводненія существовало издавна: извѣстный авантюристъ Винскій, котораго любопытныя записки были въ рукахъ покойнаго А. И. Тургенева, разсказываетъ въ нихъ, что вскорѣ послѣ наводненія 1777 года его посадили въ крѣпость за какія-то продѣлки, что онъ увидѣлъ на стѣнѣ своего каземата слова: «o, dio!..» и что сторожъ разсказалъ ему о заточеніи Таракановой, бывшей будто бы беременною, въ этомъ же казаматѣ и о гибели ея во время наводненія. Хотя разсказъ этотъ и близокъ къ событію, но неопровержимые документы доказываютъ, что или сторожъ ошибся или солгалъ, или же что самъ Винскій выдумалъ для чего либо небывалый случай.

«Г. З., хорошо знакомый съ мѣстностію, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что въ 1826 году, на небольшой площадкѣ, обращенной въ садикъ, близь Алексѣевскаго равелина, находилась насыпь, и старожилы крѣпости говорили ему, что это могила Таракановой».

Всѣ эти свѣдѣнія были сообщены М. Н. Лонгинову въ 1860 году графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ, читавшимъ всѣ подлинныя современныя бумаги, касающіяся поимки Таракановой въ Италіи, пребыванія ея въ крѣпости и ея кончины и докладывавшій это дѣло, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, покойному государю (Николаю Павловичу) въ 1828 году. «Такимъ образомъ», говоритъ Лонгиновъ—«я могу сообщить публикѣ истину, которую она услышитъ еще въ первый разъ, не будучи принуждена сомнѣваться въ чемъ-либо: я тогда же записалъ разсказъ графа, который и передаю теперь читателямъ».

Императрица Екатерина II—очевидица наводненія 1777 года писала о немъ Гримму:

«Я очень рада, что вчера въ полдень, возвратилась въ городъ изъ Царскаго. Была отличная погода; но я говорила: «посмотрите, будетъ гроза» потому, что наканунѣ мы, съ княземъ Потемкинымъ, воображали себѣ, что беремъ крѣпость штурмомъ. Дѣйствительно, въ девять часовъ пополудни, поднялся вѣтеръ, который началъ съ того, что порывисто ворвался въ окно моей комнаты. Дождикъ шелъ небольшой; но, съ той минуты, понеслось въ воздухѣ все, что угодно: черепицы, желѣзные листы, стекла, вода, градъ, снѣгъ. Я очень крѣпко спала. Порывъ вѣтра разбудилъ меня въ пять часовъ. Я позвонила и мнѣ доложили, что вода у моего

крыльца и готова залить его. Я сказала: «если такъ, то отпустить часовыхъ съ внутреннихъ дворовъ; а то, пожалуй, они вздумаютъ бороться съ напоромъ воды и погубять себя»; сказано, сдѣлано; желая узнать поближе, въ чемъ дѣло, я пошла въ Эрмитажъ. Нева представляла зрѣлище разрушенія Іерусалима. По набережной, которая еще неокончена, громоздились трехмачтовые, купеческіе корабли. Я сказала: «Боже мой?—Биржа перемѣнила мѣсто, графу Михаилу прійдется устроить таможню тамъ, гдѣ былъ эрмитажный театръ». Сколько разбитыхъ стеколъ! Сколько опрокинутыхъ горшковъ съ цвѣтами! И какъ будто подстать цвѣточнымъ горшкамъ, на полу и на диванахъ лежали фарфоровые горшки съ каминовъ. Нечего сказать, тутъ-таки похозяйничали! И къ чему это? Но, объ этомъ нечего и спрашивать. Нынче утромъ ни къ одной дамѣ не прійдетъ ее парикмахеръ, не для кого служить обѣдню и на куртагѣ будетъ пусто. Кстати, дессертъ Бретёйля [1]) (который давно прибылъ и опочилъ послѣ трудовъ и опасностей, весь цѣлый, не надтреснутый и не разбитый въ послѣдней комнатѣ Эрмитажа) нынѣшнею ночью едва не сдѣлался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подлѣ самого стола, весьма прочнаго, на которомъ дессертъ разставленъ, вѣтромъ сорвало съ него тафтяную покрышку, но дессертъ остался цѣлехонекъ.—Обѣдаю дома, вода сбыла и, какъ вамъ извѣстно, я не потонула. Но еще немногіе показываются изъ своихъ берлогъ. Я видѣла, какъ одинъ изъ моихъ лакеевъ подъѣхалъ въ англійской коляскѣ; вода была выше задней оси, и, лакей, стоявшій на запяткахъ, замочилъ себѣ ноги. Но довольно о водѣ, поговоримъ о винѣ: погреба мои залиты водою, и Богъ вѣсть, что съ ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводненья, которое съ каждымъ часомъ уменьшается».

Вѣрная себѣ самой, императрица писала Гримму о страшномъ наводненіи тѣмъ же шутливымъ тономъ, какимъ, три года тому назадъ писала Вольтеру о Пугачевщинѣ. Но и здѣсь, какъ тогда, она бодрилась, не желая обнаружить душевной тревоги и обращенія къ Божіей помощи предъ философомъ и безбожникомъ. Въ разгаръ наводненія она приказала дворцовому священнику служить молебенъ, при чемъ сама усердно молилась съ колѣнопреклоненіемъ. По миновапіи опасности, она призвала къ себѣ во дворецъ оберъ-полиціймейстера Николая Ивановича Чичерина и вотъ, что по этому поводу разсказываетъ маститый г. Кичеевъ («Русскій Архивъ» 1866 г. изд. второе, стр. 981).

«. . . Когда онъ явился, то императрица дала себѣ трудъ встать, поклониться въ поясъ и изволила сказать:

---

[1]) Род. въ 1733 † 1807. Министръ внутреннихъ дѣлъ во Франціи послѣ Неккера въ 1789. Деженe (déjeuner) сервизъ для завтрака.

— Благодарствуй, Николай Ивановичъ! По милости твоей погибло нѣсколько тысячъ (?!) моихъ добрыхъ подданныхъ!

«Этотъ неожиданный и ироническій выговоръ отъ великой государыни до того тронулъ генерала Чичерина, что съ нимъ тутъ же во дворцѣ сдѣлался ударъ. Его чуть живого отвезли домой и онъ вскорѣ умеръ.

«Маркова [1]) велѣно было отставить отъ службы, впредь не опредѣлять ни къ какимъ должностямъ и выслать изъ Петербурга въ 24 часа, что въ точности и исполнено.

«Конечно (восклицаетъ г. Кичеевъ) можетъ показаться неправдоподобнымъ, какимъ образомъ великая и премудрая государыня, даже вопреки правдивой пословицѣ, что и царь воды не удержитъ, такъ легко повѣрила явной и наглой клеветѣ на Чичерина и Маркова? Но все это будетъ понятно, когда вспомнимъ, что сердце Царево въ руцѣ Божіей».

Будетъ еще понятнѣе, если мы скажемъ, по свидѣтельству того же г. Кичеева, что Чичеринъ былъ большой руки взяточникъ, а Марковъ—его правою рукою. Хотя оба были обвинены въ томъ, что наводненіе постигло столицу, вслѣдствіе безпорядочнаго содержанія городскихъ сточныхъ трубъ—но это было только предлогомъ къ ихъ увольненію за взяточничество, доходившее чуть не до грабежа. Нѣтъ худа безъ добра! Вода смываетъ грязь, а наводненіе смыло двухъ грязныхъ людей.

В. Н. Берхъ, авторъ книги: «Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ бывшихъ въ С.-Петербургѣ» (Спб. 1826 г. 86 стр. въ 8 д. л.) приводитъ слѣдующіе документы, относящіеся до наводненія 1777 года [2]).

Нѣкоторыя общія замѣчанія о разлитіяхъ.

Три обстоятельства въ семъ случаѣ заслуживаютъ вниманія:

1) Состояніе луны.

2) Годовое время.

3) Вѣтръ.

По большой части наводненія случались около полной луны.

Наводненіе 1721 года было въ день полной луны, а въ 1826 году, одинъ день спустя. Въ разсужденіи же годового времени, наводненія въ Невѣ бывали всегда осенью. Опытомъ извѣстно, что осенью вода бываетъ въ морѣ выше, и отъ поверхности земной она не столь глубока, въ сіе время года, какъ весною. Что принадлежитъ до вѣтра, то предлежитъ разсмотрѣнію:

---

[1]) Взяточникъ, казнокрадъ, развратникъ, тиранъ своихъ дѣтей и крѣпостныхъ. Онъ былъ послѣдними убитъ въ своемъ имѣньи подъ Москвою, 14-го сентября 1812 года.

[2]) В. Н. Берхъ, стр. 37—59.

1) Съ которой стороны его стремленіе.

2) Положеніе Балтійскаго моря.

3) Паденіе въ него Невы.

4) Ладожское озеро.

Вода воздымается въ Невѣ обыкновенно съ зюдъ-вестовымъ (юго-западнымъ) вѣтромъ, ибо Финскій заливъ лежитъ отъ него на сей румбъ, и такъ сей вѣтръ SW гонитъ прямо въ него изъ Балтійскаго моря воду.

Ботническій заливъ, хотя также истекаетъ изъ Балтійскаго моря, избавленъ отъ наводненія, по той причинѣ, что имѣетъ многія изъ себя теченія, коими онъ отъ излишней воды освобождается.

Ладожское озеро лежитъ гораздо выше поверхности Балтійскаго моря; и такъ, съ одной стороны теченіе рѣки, съ другой, напротивъ, гонимая вода изъ моря сугубо Неву надуваютъ; сіе умножаютъ еще находящіеся въ ней пороги,

Мѣсто сей рѣки, наиболѣе подверженное сему приключенію, находится между С.-Петербургомъ и Кронштадтомъ, гдѣ она течетъ съ бо̀льшею быстриною.

Сверхъ того, положеніе устья ея къ тому способствуетъ, ибо она у Кронштадта дѣлается у̀же, а выше Кронштадта расширяется такъ, что при противномъ вѣтрѣ, вода изъ нея изливается въ море съ трудомъ. И если сей противный вѣтеръ продолжится, то симъ принуждена она разливаться по сторонамъ. Надобно, чтобъ вѣтеръ Z (южный) дулъ нѣсколько дней сряду и поворотилъ бы къ ZW (юго-западу), чтобъ произвесть великое наводненіе; ибо первую оному причину должно полагать въ Зундѣ, гдѣ сей вѣтеръ, умножая приливъ, препятствуетъ отливу. И такъ, дуя нѣсколько дней, столько накопитъ воды, что она, наконецъ, выходитъ изъ береговъ своихъ; причина же, отчего вѣтры отъ ZW вѣютъ чаще осенью, нежели въ другое время, можетъ быть та, что стужа по NO (сѣверо-восточный вѣтеръ) начинается ранѣе; и такъ, воздухъ, соблюдая свое равновѣсіе, будучи теплѣе на сторонѣ ZW (юго-запада), стремившійся оттоль къ NO (сѣверо-востоку), что причиняетъ и продолжаетъ сей опасный вѣтеръ.

Съ 9 на 10-е число вода была въ Адмиралтействѣ сверхъ ординарной на 9 футовъ 3 дюйма. Въ Галерной гавани до 12 футовъ, противъ бывшей въ 1752 году больше на 1 футъ 1 дюймъ. Приключенные этою водою убытки сколько извѣстій собрать было можно, слѣдующіе:

Изъ адмиралтейскихъ судовъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ на мель занесено:

Большой пропорціи 4, на Матисовомъ островѣ.

Плашхоутъ 1, у Галерной гавани.

Трембакулъ 1, за Литейнымъ дворомъ.

Яхта, прибывшая изъ Кронштадта 1, между Калинкинской и Екатерингофомъ.

Водовикъ 1, у кирпичныхъ заводовъ.

Отправлены были въ Кронштадтъ съ мундирными и съ аммуничными вещами:

Галіотъ 1, у провіантскихъ магазиновъ.

Бота (боты):

Одинъ у тѣхъ же магазиновъ на сваяхъ.

Два у Муханова острова.

Стоящую на невскомъ большомъ фарватерѣ брандвахту совсѣмъ унесло, и о людяхъ, спаслись ли, извѣстія нѣтъ.

Въ Новой Голландіи на конусахъ и на провіантскихъ магазинахъ, во многихъ мѣстахъ, кровлю сорвало.

Въ Кронверкской верфи элинги поломало; стоящіе въ оной на элингахъ два бота снесло, изъ коихъ одинъ потонулъ, а другой у С.-Петербургской крѣпости сталъ на сваяхъ.

У Подзорнаго дома вновь сдѣланная нынѣ стѣна вывалилась.

Въ Кронштадтъ отправлены были мастеровые на двухъ судахъ, изъ коихъ одно, на которомъ 174 человѣка, занесло на мель и люди всѣ спаслись.

А о другомъ, на которомъ людей 79 человѣкъ съ корабельнымъ подмастерьемъ, извѣстія нѣтъ.

Какая утрата въ припасахъ послѣдовала, собираются извѣстія; но теперь извѣстно, что всѣ лѣса, кои внѣ амбаровъ лежали, разнесены.

Въ провіантскихъ магазинахъ:

Подмочило нижніе ярусы въ полкуля и утраты будетъ до 300 кулей, да залито мяса до 60 бочекъ.

Поставленной подрядчиками муки, коя еще отдана не была, при магазинахъ потонуло 4 барки, числомъ до 2,000 кулей.

Въ Партикулярной верфи:

Элинги, пристани, черезъ каналы мосты и у строенія крыльца разломало.

Лѣса дубовые и сосновые и доски разнесло.

Въ магазинахъ, въ мастерскихъ и въ свѣтлицахъ полы выломало и заборы поломало.

Печи и у каналовъ каменныхъ берега размыло, провіантъ и пеньку помочило.

Мосты черезъ рѣки всѣ разнесло.

Людей потоплено сколько извѣстно:

Въ Адмиралтейскихъ слободахъ:

Боцманъ 1.
Боцманъ же съ женою 2.

У Коллежскихъ:

У одного подканцеляриста: мать, жена и дѣти.
Да у копіиста жена беременная и дочь.

Въ Галерной гавани:

Каютъ-юнга 1.
Матросскихъ дѣтей 3.
Женщинъ 2.
Да не находится при командѣ:
Квартирмейстеръ 1.
Матросовъ 6.
Плотниковъ 6.

Въ Адмиралтейскихъ слободахъ и въ Галерной гавани не мало партикулярныхъ домовъ, не только разломало, но и совсѣмъ съ мѣста снесло.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ государственной Адмиралтействъ-Коллегіи, главному галернаго флота и порта командиру, оной Коллегіи господину вице-президенту и кавалеру графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. Въ представленіи вашего сіятельства объявлено, что ея императорское величество, по обыкновенному своему вѣрноподданныхъ попеченію, желая, чтобъ въ случаѣ наводненія (отъ котораго впредь да сохранитъ Богъ) всякое зло отъ того произойдти могущее отвращено или уменьшено было, для предувѣдомленія жителей и особливо тѣхъ частей города, которыя болѣе оному подвержены быть могутъ, всемилостивѣйше повелѣть соизволила Адмиралтейской коллегіи учредить въ городѣ знаки и сигналы. По собраннымъ же о водѣ и наводненіи обстоятельствамъ оказалось: ординарная вода въ Адмиралтействѣ по футъ-штоку четыре фута, на большомъ невскомъ фарватерѣ и въ Галерной гавани по футъ-штоку, семь футъ восемь дюймъ, у Подзорнаго дома шесть футъ одиннадцать дюймъ, каналъ въ Адмиралтействѣ, отъ ординарной воды до верху восемь футъ пять дюймъ, Екатерининскій каналъ отъ ординарной воды до верху шесть футъ девять дюймъ. А притомъ, по прежнимъ небольшимъ наводненіямъ примѣчено, что когда вода сверхъ ординарной прибавляться будетъ сверхъ трехъ футъ, тогда вода въ Коломнѣ и по оконечность Васильевскаго острова, т. е. въ слободахъ Галерной гавани, на берега выходитъ; а когда

въ Адмиралтействѣ воды сверхъ ординарной пять футъ шесть дюймъ, тогда въ Коломнѣ вода выходитъ до Полковаго двора, а въ Галерной гавани вся слобода потоплена. Въ нынѣе жъ наводненіе сверхъ ординарной воды было въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футъ-штока десять футъ шесть дюймъ; въ Галерной гавани у футъ-штока двѣнадцать футъ, а въ городѣ, по улицамъ, было четыре фута шесть дюймъ; въ Галерной гавани свѣтлицы матросскія потоплены были на одиннадцать футъ четыре дюйма, какая вода и при оконечности Коломны быть имѣла. Вслѣдствіе котораго имяннаго ея императорскаго величества указа и по сообразнымъ обстоятельствамъ, Адмиралтействъ-Коллегія, помянутые знаки и сигналы учредила нижеслѣдующимъ образомъ: когда въ Коломнахъ и по оконечности Васильевскаго острова (т. е. въ слободахъ Галерной гавани) вода на берега входить начнется, то данъ будетъ сигналъ для Коломенъ изъ Подзорнаго дома, а для Васильевскаго острова въ Галерной гавани, тремя выстрѣлами изъ пушекъ и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ поднятъ будетъ, на шпицахъ, днемъ красный флагъ, а ночью по три фонаря; для жителей въ Коломнахъ учрежденъ будетъ пекетъ у Калинкина моста, отъ котораго по первой пушкѣ пойдетъ барабанщикъ до Алатченина моста [1]) и обойдетъ Коломню бивъ въ барабанъ; то же будетъ сдѣлано и въ Галерной гавани, отъ стоящей близь оной гауптвахты, отъ коей барабанщикъ по слободѣ ходить и въ барабанъ бить будетъ, не для того, чтобъ отъ сей прибыли и въ другихъ частяхъ города опасность отъ наводненія была, но токмо чтобъ обыватели въ оныхъ про то знали и въ Коломнѣ и по оконечности Васильевскаго острова, живущіе въ домы возвращалися; сдѣланъ будетъ сигналъ изъ Адмиралтейства поднятіемъ на шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью по фонарю. Въ случаѣ же возвышенія воды до такого градуса, что можетъ пролиться и внутрь города, тогда для всѣхъ въ ономъ жителей сдѣланъ будетъ сигналъ въ Адмиралтейской крѣпости, пятью выстрѣлами изъ пушекъ и выставлены будутъ на Адмиралтейскомъ шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ днемъ бѣлые флаги, а ночью по два фонаря; то по сей стрѣльбѣ, къ побужденію жителей къ предосторожности, будутъ бить въ Адмиралтействѣ въ колоколъ; но токмо не набатнымъ, но продолжительнымъ звономъ. Къ вящшему спасенію людей содержаны быть имѣютъ при Коломнахъ, въ двухъ мѣстахъ, довольное число гребныхъ большихъ судовъ, а именно: у Алатченина моста и на рѣкѣ Пряжкѣ, которымъ, въ случаѣ наводненія, гдѣ нужда требовать будетъ, подъѣзжать и всякое вспоможеніе чинить повелѣно, что сдѣлано будетъ и отъ Партикулярной верфи. И по указу ея императорскаго величества Адмиралтействъ-Коллегія опредѣлила: 1) о учрежденіи упомяну-

---

[1]) Нынѣшній Аларчинъ; назывался такъ по имени капитана Алатченина.

тыхъ сигналовъ въ главную полицiймейстерскую канцелярiю сообщить съ тѣмъ, чтобъ оное публиковано было, и о напечатанiи въ газетахъ писать въ комиссiю Академiи Наукъ и въ Правительствующiй Сенатъ таковое жъ представить при репортѣ. 2) Для произведенiя оныхъ въ Галерной гавани и въ Подзорномъ домѣ имѣть по три пушки, также красные флаги и фонари во всякое время готовыми; для наблюденiя жъ воды, къ Подзорному дому изъ престарѣлыхъ доброму и исправному штурману и для подъему флаговъ и фонарей матросъ два человѣка, а для пальбы канониръ три человѣка и при нихъ по унтеръ-офицеру, или капралу, коихъ командировать отъ здѣшней корабельной и артиллерiйской командъ. А въ Галерной гавани опредѣлить по разсмотрѣнiю вашего сiятельства, кого разсудите, артиллерiйскихъ же Артиллерiйской экспедицiи. А въ Адмиралтействѣ возвышенiе наблюдать вахтенному совѣтнику. 3) При Подзорномъ домѣ изъ Галерной гавани будущимъ офицерамъ или штурманамъ наблюдать: какъ лишь только вода по футъ-штоку сверху ординарной будетъ возвышаться до трехъ футъ съ половиною, то, въ ту самую минуту велѣть сдѣлать изъ пушекъ по три выстрѣла, и ежели то днемъ случится, то выставить на шпицахъ флаги, а ежели ночью, то фонари. 4) При Калинкиномъ мостѣ поставить футъ-штокъ и учредить пекетъ изъ шести человѣкъ, при одномъ офицерѣ, гдѣ быть и барабанщику, а для наблюденiя воды штурману или подштурману, и, по первой пушкѣ отъ того пекета идти барабанщику до Алатченина моста и обойдти Коломню; то же сдѣлать и въ Галерной гавани: отъ гауптвахты идти барабанщику по слободамъ Галерной гавани и бить въ барабанъ. 5) Въ Адмиралтействѣ вахтенному совѣтнику наблюдать, какъ возвышенiе воды сверхъ трехъ футъ, сверхъ ординарной, такъ и слушать отъ Подзорнаго дому и въ Галерной гавани пальбы и когда оная произведена будетъ, то тотъ же самый часъ на Адмиралтейскомъ шпицѣ днемъ выставить со всѣхъ четырехъ сторонъ красные флаги, а ночью фонари. 6) Тому жъ вахтенному совѣтнику, въ случаѣ возвышенiя воды, накрѣпко и неотходно смотрѣть, что какъ только вода въ Адмиралтействѣ по футъ-штоку будетъ сверхъ ординарной до пяти футъ съ половиною, то ту самую минуту сдѣлать съ крѣпости изъ пушекъ пять выстрѣловъ и выставить со всѣхъ четырехъ сторонъ днемъ бѣлые флаги, а ночью зажженные фонари и бить въ колоколъ, но не набатнымъ, а продолжительнымъ звономъ. 7) Для тѣхъ сигналовъ пушки имѣть всегда заряженныя, а флаги и фонари во всякой готовой исправности, дабы ни одной минуты тѣми сигналами промедлено не было, подъ опасенiемъ неупустительной по законамъ строгости; а экспедицiямъ интендантской и артиллерiйской, какъ пушки съ порохомъ и принадлежностями, такъ флаги и фонари отпустить въ непродолжительномъ времени. 8) Вышеписанные сигналы, на шпицахъ флаги подымать

на самомъ верхнемъ концѣ, а и фонари, конечно, выше бъ какъ на половинѣ подняты были, а особливо на Адмиралтейскомъ шпицѣ. 9) Интендантской экспедиціи для вспоможенія въ случаѣ большого наводненія жителямъ, поставить при Коломнѣ, на Черной рѣчкѣ, при Алатчениномъ мостѣ и на рѣчкѣ Пряжкѣ, по восьми большихъ гребныхъ судовъ и отдать въ вѣдѣніе командира надъ полковымъ дворомъ, которому, какъ только отъ Подзорнаго дому трехъпушечный сигналъ сдѣланъ будетъ, тотчасъ командировать на оныя суда для гребли съ полковаго двора при офицерѣ команду, и приказать, въ случаѣ большого наводненія ѣхать въ Коломнахъ по улицамъ и при случившемся несчастіи забирать людей; сіе самое, что до судовъ принадлежитъ, сдѣлать и въ Партикулярной верфи и имѣть сколько можно въ Фонтанкѣ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ больше наводненіе бываетъ. 10) Вышеписанному наблюденію воды продолжаться доколѣ рѣки льдомъ покроются и тогда всѣхъ, находящихся у Подзорнаго дома и въ Галерной гавани для того наблюденія собрать командамъ и ежегодно продолжать, начиная съ 15 числа августа мѣсяца и все, что къ тому принадлежитъ распоряжать и установлять, а Интендантской экспедиціи и въ Коллегію рапортовать и то дѣлать ежегодно. 11) Для жительства будущей при Подзорномъ домѣ для наблюденія наводненія командѣ, Интендантской экспедиціи построить караульню. О чемъ къ вамъ, господину вице-президенту и кавалеру послать указъ; а таковъ же въ контору Партикулярной верфи посланъ и въ экспедицію о всемъ томъ, а равно и публикаціи въ полиціймейстерскую канцелярію и въ комиссію Академіи Наукъ сообщено, и въ Правительствующій Сенатъ рапортомъ представлено. Сентября 22 дня 1777 года.

	Въ Адмиралтействѣ.		У Калинкина моста.		Въ Галерной гавани.		У Подзорнаго дома.	
	Фут.	Дюйм.	Фут.	Дюйм.	Фут.	Дюйм.	Фут.	Дюйм.
Ординарная вода по футъ-штокамъ	4	—	6	—	7	8	6	11
А когда будетъ . . .	7	—	9	—	10	8	9	11
Тогда въ Коломнѣ вода.								
А когда	9	6	11	6	13	2	12	5
Тогда обѣ Коломни въ водѣ.								
Въ нынѣшнее наводненіе съ 9 на 10 сентября	14	6	16	6	18	2	17	5
Въ наводненіе 25 сентября	8	8	10	8	12	4	11	7
Въ наводненіе 16 октября[1])	9	11	11	11	13	7	12	10

[1]) Судя по этимъ двумъ числамъ можно предполагать, что въ томъ же 1777 году было еще два наводненія.

Ординарная вода:

Въ адмиралтействѣ по футъ-штоку . . .	4 фут.	— д.
На большомъ невскомъ фарватерѣ и въ Галерной гавани по футъ-штоку . .	7 »	8 »
У Подзорнаго дома	6 »	11 »

Примѣчено:

Что когда вода сверхъ ординарной прибавляться будетъ сверхъ 3 футъ, тогда вода въ Коломнѣ и по оконечность Васильевскаго острова, т. е. въ слободахъ Галерной гавани, на берега выходитъ.

А когда воды въ Адмиралтействѣ выше ординарной	5 фут.	6 д.

Тогда вода въ Коломнѣ выходитъ до полковаго двора. А въ Галерной гавани вся слобода потоплена.

Въ нынѣшнее наводненіе сверхъ ординарной воды было:

Въ Адмиралтейскомъ каналѣ у футъ-штока	10 фут.	6 д.
Въ Галерной гавани у футъ-штока . . .	12 »	— »
А въ городѣ по улицамъ было	4 »	6 »
Въ Галерной гавани свѣтлицы матросскія потоплены были на	11 фут.	4 д.

Какая вода и при оконечности Коломны быть имѣла.

Проектъ объявленія отъ полиціи и напечатанія въ газетахъ.

«Ея императорское величество по обыкновенному своему о вѣрноподданныхъ попеченію, имѣя матернее соболѣзнованіе о претерпѣвшихъ въ бывшее наводненіе всемилостивѣйше адмиралтействъ коллегіи повелѣть соизволила, учредить въ городѣ знаки и сигналы, дабы сколь возможно отвратить, или уменьшить сіе зло, предувѣдомленіемъ той части города жителей, которые наиболѣе сему незапному бѣдствію подвержены быть могутъ.

«Когда въ Коломнахъ и по оконечности Васильевскаго острова (т. е. въ слободахъ Галерной гавани) вода на берега выходить начнетъ, то данъ будетъ сигналъ для Коломенъ изъ Подзорнаго дома, а для Васильевскаго острова въ Галерной гавани, тремя выстрѣлами изъ пушекъ и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ поднятъ будетъ, на шпицахъ, днемъ — красный флагъ, а ночью по три фонаря. Для жителей въ Коломнахъ учрежденъ будетъ бекетъ. У Калинкина моста, отъ котораго по первой пушкѣ, пойдетъ барабанщикъ до Алатченина моста и обойдетъ Коломну бивъ въ барабанъ. Тоже будетъ сдѣлано и въ Галерной гавани, отъ стоящей близь оной

гауптвахты, отъ коей барабанщикъ по слободѣ ходить и въ барабанъ бить будетъ.

«Но для того, чтобъ отъ сей прибылой воды и въ другихъ частяхъ города опасность отъ наводненія была; но также, чтобъ обыватели въ оныхъ про то знали, и въ Коломнѣ и въ оконечности Васильевскаго острова живущіе, въ домы возвращались, сдѣланъ будетъ сигналъ изъ Адмиралтейства поднятіемъ на шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью по фонарю.

«Въ случаѣ же возвышенія воды до такого градуса, что можетъ прилиться и внутрь города, тогда для всѣхъ въ ономъ жителей сдѣланъ будетъ сигналъ съ Адмиралтейской крѣпости, пятью выстрѣлами изъ пушекъ и выставлены будутъ на адмиралтейскомъ шпицѣ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, днемъ—бѣлые флаги, а ночью по два фонаря.

«Но какъ ночью не во всякомъ домѣ пальбу слышать можно, то по сей стрѣльбѣ къ побужденію жителей къ предосторожности, будутъ бить въ Адмиралтействѣ въ колоколъ. Но только не набатнымъ, а продолжительнымъ звономъ.

«Къ вящшему спасенію людей содержаны быть имѣютъ при Коломнахъ въ двухъ мѣстахъ, довольное число большихъ гребныхъ судовъ, а именно—у Алатченина моста и на рѣкѣ Пряжкѣ, которымъ, въ случаѣ наводненія, гдѣ нужда требовать будетъ, подъѣзжать и всякое вспомоганіе чинить повелѣно, что сдѣлано будетъ и отъ Партикулярной верфи».

Кромѣ того, послѣ этого наводненія по повелѣнію императрицы, инженеръ-генералъ Бауеръ составилъ гидрографическій планъ Петербурга.

1788.

Исторіографъ Петербургскихъ наводненій В. Н. Верхъ (стр. 77) отмѣтилъ только въ своей сравнительной таблицѣ: «26-го и 27-го числа сентября—высота воды 7 футовъ 5 дюймовъ». Эту коротенькую замѣтку пополняемъ свидѣтельствомъ очевидца. Александръ Васильевичъ Храповицкій [1]) записалъ въ своемъ «Дневникѣ» [2]).

26-го сентября. «Съ десятаго часа вечера до трехъ часовъ за полночь вода возвышалась сверхъ обыкновенной на 8 ф. 4 д. большаго вреда въ городѣ не сдѣлала [3]) и только выходила на улицы въ набережной Милліонной и по берегамъ Мойки и Фонтанной.

---

[1]) Статсъ-секретарь Екатерины II. Родился 7-го марта 1749 года, умеръ 29-го декабря 1801 года.

[2]) Изданіе А. Ѳ. Базунова. Спб. 1874 г. въ 8 д. л., стр. 162.

[3]) Разумѣется, кромѣ несчастной Гавани, Коломни, Екатерингофа, Рѣзваго, Гутуевскаго и прочихъ островов.

27-го сентября. «Разговоръ о наводненіи (съ Екатериною II): «не знаю, не сдѣлалось ли чего съ флотами въ Балтійскомъ и Черномъ морѣ?»

1802.

Годъ замѣчательный вообще въ геологическомъ отношеніи: при наводненіи въ сентябрѣ, вода достигала высоты 7 футовъ 5 дюймовъ. Пострадали, по обыкновенію, низменныя окраины, заселенныя бѣдняками. Смоленское кладбище на три четверти было залито водою; заборы, канавки и могилы потерпѣли значительныя поврежденія. Всѣхъ же наводненій въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ было три, о чемъ Евгеній Болховитиновъ (впослѣдствіи митрополитъ кіевской) писалъ другу своему Василію Игнатьевичу Македонцу [1]) отъ 23-го октября 1802 года:

«У насъ было три наводненія, и первое—ужасное. Мнѣ случилось на ту пору ѣхать въ Пустынь: по всей Коломнѣ ѣхалъ я по водѣ въ пол-аршина, да и по Петергофской дорогѣ верстъ пять то же».

Отъ 15-го ноября того же года. «14-го числа во второмъ часу по полудни доходило и до насъ землетрясенье, но только слабое; что во всемъ Петербургѣ только три человѣка замѣтили оное: 1) англійская посланница, наливавшая въ то время кофе; 2) одинъ пансіонскій учитель, стоявшій прислонясь къ стѣнѣ, въ третьемъ этажѣ дома, да 3) Гамбургскій купецъ, державшій въ рукахъ стаканъ пуншу [2]). Такъ я слышалъ отъ Николая Петровича Румянцова, сочлена нашего въ комитетѣ. Всѣ вышеупомянутые господа не сочли это землетрясеніемъ, а собственнымъ головокруженіемъ. Однакожъ, записали и когда изъ Москвы получены о семъ вѣсти, то они, справясь съ записками, нашли тотъ же самый день и часъ. Въ Москвѣ чувствовано было въ семи мѣстахъ, какъ изъ репорта видно, а въ Кіевѣ минутъ пятнадцать оно продолжалось, съ чувствительнымъ подъ землею шумомъ. Получены также репорты о томъ же изъ Калуги, Тулы, Курска и Бѣлоруссіи. Прошедшею весною въ Перми было еще чувствительнѣе землетрясеніе. И все это въ Россіи дѣло бывалое и прежде, и, слѣдовательно, яко натуральное происшествіе, не можетъ наводить никакого страха. Надобно ожидать какого-нибудь извѣстія объ изверженіи огнедышущихъ горъ. Всѣ другія пророчества излишни. Предъ тѣмъ были у насъ великія отъ моря наводненія».

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1870, стр. 496—516.

[2]) Вѣроятно, подъ его ногами и полъ ходнемъ ходилъ; но едва ли это авторитетъ.

ГРАФЪ ДЕ БОННЕВАЛЬ (ОСМАНЪ ПАША).

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Августа Винда.

дозв. ценз. спб., 25 августа 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ [1].

XXXIV.

Шумскій въ сопровожденіи Квашнина болѣе трехъ часовъ рыскалъ по городу, отыскивая повсюду ненавистнаго улана, и, по мѣрѣ того, что фонъ-Энзе не оказывался нигдѣ, злоба Шумскаго все росла. Они уже были въ двухъ главныхъ ресторанахъ, гдѣ обыкновенно собиралась вся полковая молодежь завтракать и обѣдать. Затѣмъ были въ полку у двухъ-трехъ лицъ, гдѣ фонъ-Энзе бывалъ болѣе или менѣе часто. На квартиру офицера Шумскій ѣхать не хотѣлъ:

— Во-первыхъ,—говорилъ онъ Квашнину,—не скажется дома и не пуститъ, а во-вторыхъ, если и пуститъ, то чортъ его знаетъ, что можетъ произойти. А бить человѣка у него же на дому какъ-то не охота. Ни въ своей квартирѣ не могу я его отдуть, ни въ его собственной.

Но послѣ рысканья по городу, Шумскій, не столько усталый, сколько взбѣшенный, рѣшился сразу на то, что считалъ за минуту невозможнымъ. Такъ всегда бывало съ нимъ.

— Чтожъ дѣлать?—Поѣдемъ къ нему на домъ,—сказалъ онъ.

— Не хорошо,—замѣтилъ Квашнинъ:—пусти меня въ качествѣ секунданта объясниться, а чтожъ такъ поразбойничьи врываться.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 217.

— Не мы разбойники—онъ разбойникъ!—вскрикнулъ Шумскій.

— Ну, нѣтъ, братецъ ты мой, ты такъ судишь, а я сужу такъ, что разбойничаешь-то ты, а онъ защищается.

— Ну, ладно, теперь не время философствовать.

И Шумскій приказалъ кучеру ѣхать къ улану.

— Послушай, Михаилъ Андреевичъ,—выговорилъ Квашнинъ, когда экипажъ полетѣлъ на Владимірскую, гдѣ жилъ уланъ,—уговоръ, пріятель, лучше денегъ. На эдакій ладъ я тебѣ помогать не стану. Ѣхать—поѣдемъ, но если что... Я драться съ нимъ не стану.

— И не нужно—самъ расправлюсь,—отрѣзалъ Шумскій.

— Да я и въ квартиру не войду,—прибавилъ Квашнинъ:—ты затѣялъ поединокъ, тебѣ нуженъ секундантъ—я не отказываюсь и просижу, можетъ быть, изъ-за тебя годъ цѣлый въ крѣпости. Что дѣлать? Попріятельски! Но лѣзть къ человѣку въ квартиру вдвоемъ и колотить его—это, пріятель, по моему и киргизы не дѣлаютъ. И у азіатовъ на счетъ гостепріимства законы и обычаи строгіе.

— Ахъ, отвяжись,—нетерпѣливо вымолвилъ Шумскій:—я ему сдѣлаю мое предложеніе вторично, согласится—разстанемся прилично, не согласится—увижу, что дѣлать. А ты хоть сиди на улицѣ и жди.

— Ладно,—прибавилъ Квашнинъ.

И они замолчали.

Черезъ нѣсколько минутъ рысакъ Шумскаго уже домчалъ ихъ до дома, гдѣ жилъ уланъ. Квашнинъ не двинулся изъ экипажа. Шумскій выскочилъ, сбросивъ почему-то шинель около Квашнина и поднялся по лѣстницѣ въ квартиру улана, гдѣ былъ лишь всего одинъ разъ.

— Не думалъ я тогда, зачѣмъ придется мнѣ сюда пріѣзжать,—пробурчалъ онъ, подымаясь по лѣстницѣ. Чрезъ мгновенье онъ прибавилъ:

— Нѣтъ, пожалуй, могъ думать. Еще съ того разу, въ церкви, на похоронахъ, я почуялъ, что онъ влюбленъ въ нее.

И въ памяти Шумскаго ясно, отчетливо, возстали подробности его первой встрѣчи съ баронессой, какъ онъ былъ сразу пораженъ и плѣненъ красавицей, какъ смущался и краснѣлъ, будто школьникъ, уланъ. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ сколько прошло времени, а дѣла фонъ-Энзе, повидимому, не подвигались впередъ. Онъ только раза два слышалъ объ немъ отъ барона, какъ объ родственникѣ и самъ, однажды, дерзко заговорилъ объ уланѣ съ самой Евой. И послѣ этой роковой дерзости съ его стороны, баронесса прекратила свои сеансы.

Вспоминая и размышляя, Шумскій, отчасти усталый, тихо подымался по лѣстницѣ.

Уланъ, человѣкъ не богатый и вдобавокъ акуратный нѣмецъ,

жилъ не только не выше средствъ, но, напротивъ, занималъ помѣщеніе гораздо болѣе скромное, и вообще жилъ гораздо скромнѣе, нежели могъ бы жить. Хотя квартира его заключалась въ четырехъ комнатахъ, однако, часто бывали въ ней знатные и богатые гвардейцы, извѣстные на весь Петербургъ и любили тутъ засиживаться до полуночи. Вообще все, что было гвардейцевъ въ Петербургѣ, всѣ любили, а главное уважали фонъ-Энзе за что-то, чего они и не могли объяснить. А это была цѣльность натуры полу-нѣмца, полу-русскаго, точность и ровность его поведенія. Фонъ-Энзе былъ всегда одинъ и тотъ же. Всѣ его знавшіе какъ-то безсознательно чувствовали, что могутъ отвѣчать за улана, знать заранѣе, какъ поступитъ онъ въ какомъ обстоятельствѣ. Кромѣ того, всякій зналъ, что такъ, какъ поступитъ уланъ, можетъ и даже долженъ поступить всякій изъ нихъ. Часто случалось, что офицеры, не только сослуживцы фонъ-Энзе, но и другихъ полковъ говорили: «Даже фонъ-Энзе такъ сказалъ!» «Даже фонъ-Энзе такъ думаетъ!» И это заявленіе принималось всѣми въ разсчетъ.

Шумскій позвонилъ у дверей. Ему отворилъ деньщикъ улана—латышъ; на вопросъ офицера, дома ли баринъ, лакей отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Да не врешь ли ты! — вскрикнулъ Шумскій.

— Никакъ нѣтъ-съ, — отозвался латышъ.

Но малый, добросовѣстный до глупости, не могъ согласовать своей физіономіи съ словами. По его лицу Шумскій ясно прочелъ, что фонъ-Энзе не сказывается дома.

— Ты врешь! — вскрикнулъ онъ. — Пусти, я самъ освидѣтельствую.

Онъ отстранилъ, почти оттолкнулъ, деньщика отъ дверей и шагнулъ въ прихожую.

Но въ ту же минуту противуположная дверь отворилась и въ прихожую, притворяя дверь за собою, появился пріятель фонъ-Энзе, офицеръ его же полка, Мартенсъ.

Остановившись предъ дверью, офицеръ сложилъ руки на груди и, откидывая слегка голову назадъ, выговорилъ презрительно:

— Не кричите, какъ пьяный мужикъ, въ чужой квартирѣ, г. Андреевъ!

Шумскій при этой фамиліи измѣнился въ лицѣ, глаза его засверкали бѣшенствомъ. Онъ понялъ сразу, какое огромное значеніе имѣетъ эта фамилія на устахъ улана, котораго онъ видалъ не больше трехъ разъ. Стало быть все многимъ и многимъ извѣстно.

Онъ двинулся къ Мартенсу, уже собираясь броситься на него, какъ звѣрь, но тотъ хладнокровно протянулъ руку впередъ и выговорилъ сильно измѣнившимся, но тѣмъ болѣе твердымъ и энергичнымъ голосомъ:

— Господинъ Шумскій! Хоть вы и флигель-адъютантъ, а я про-

стой офицеръ, тѣмъ не менѣе я не сочту за честь вступить съ вами въ потасовку. Кромѣ того, предупреждаю васъ, какъ честный человѣкъ, что я очень силенъ. Даю вамъ честное слово, что я могу васъ совершенно легко уложить тутъ полумертвымъ при помощи однихъ кулаковъ. Но я не желаю такого состязанія.

— И я не желаю съ вами дѣло имѣть. Мнѣ нуженъ фонъ-Энзе! — закричалъ Шумскій.

— Фонъ-Энзе нѣтъ дома.

— Лжете, онъ тутъ! Онъ прячется!

Мартенсъ разсмѣялся желчно и выговорилъ:

— Такъ какъ я не давалъ честнаго слова съ вами не драться и вы говорите мнѣ дерзости, то имѣю честь объявить вамъ, что сейчасъ же пришлю къ вамъ секунданта.

— Шалишь! — вскрикнулъ Шумскій. — Мнѣ нуженъ фонъ-Энзе. Какъ хитро! Подставлять пріятеля вмѣсто себя. Да кой прахъ мнѣ, если я васъ убью! Мнѣ энтаго паршиваго щенка нужно.

Мартенсъ измѣнился въ лицѣ. Руки его слегка дрожали. Видно было, что онъ дѣлалъ огромныя усилія, чтобы не броситься на Шумскаго.

— Фонъ-Энзе дома нѣтъ. А вамъ я приказываю немедленно выйти отсюда! Или я васъ вытащу за воротъ и спущу вверхъ ногами по всей лѣстницѣ,—выговорилъ Мартенсъ совершенно дрожащимъ голосомъ, но не страхъ, а злоба и необходимость себя сдерживать взволновали его. Шумскій стоялъ передъ нимъ тоже взбѣшенный и готовый на все, но вмѣстѣ съ тѣмъ соображалъ:

«Съ нимъ связываться только дѣло запутывать! Мнѣ того нужно!»

— Ладно, — выговорилъ онъ, — съ вами я могу и послѣ управиться, а теперь мнѣ нужно фонъ-Энзе, и я его достану. Не уйдетъ онъ отъ меня, если только не убѣжитъ изъ Петербурга. Не отвертится!

Шумскій повернулся къ выходной двери, но пріостановился снова и крикнулъ:

— Скажите ему, что я въ свой чередъ даю честное слово, что мы будемъ драться. И драться на смерть!

— Давайте всякія слова,—мѣрно проговорилъ Мартенсъ,—но не честныя. Такихъ у васъ быть не можетъ.

— Большое надо терпѣнье,—отозвался холодно Шумскій,—чтобы мнѣ тебѣ не проломить голову.

— Громадное надо,—отозвался смѣясь Мартенсъ. — Удивляюсь! Но дѣло въ томъ, что оно невозможно.

— Невозможно потому, что я теперь не желаю связываться. По очереди, пожалуй: послѣ фонъ-Энзе отправлю и тебя на тотъ свѣтъ.

Мартенсъ не отвѣчалъ ни слова и только принялся хохотать, уже безъ малѣйшаго оттѣнка гнѣва.

Шумскій быстро спустился по лѣстницѣ и вышелъ на крыльцо. Экипажъ подъѣхалъ. Онъ сѣлъ.

— Ну, что?—выговорилъ Квашнинъ, пристально вглядываясь въ пріятеля.

Ему хотѣлось догадаться по лицу и фигурѣ Шумскаго, что могло произойти въ квартирѣ.

«Какъ будто ничего»,—подумалъ онъ,—«если бы сцѣпились, то, почитай, и мундиръ былъ бы въ безпорядкѣ».

Но на повторенный имъ вопросъ Шумскій не отвѣтилъ ни слова.

— Пошелъ домой! — крикнулъ онъ кучеру.

И, только доѣхавъ уже до Морской, Шумскій вымолвилъ:

— Конечно, дома не сказался, выслалъ своего пріятеля, думалъ, дуракъ, что я съ нимъ сцѣплюсь. Вотъ дураки-то! мнѣ его нужно на тотъ свѣтъ отправить, чтобы отвязаться отъ него, а онъ воображаетъ, что можно себя другимъ замѣнить!

XXXV.

Когда Шумскій уже нѣсколько успокоившійся былъ снова дома, то въ его собственной передней его встрѣтили и Шваньскій и Васька вмѣстѣ. У обоихъ были смущенныя лица и растерянный видъ.

— Что такое?—выговорилъ тревожно молодой человѣкъ.

Шваньскій съёжился, какъ всегда, и развелъ руками по воздуху, какъ бы сопровождая этимъ жестомъ тѣ слова, которыя только предполагалось вымолвить, но на которыя не хватало храбрости.

Копчикъ ловкимъ движеніемъ отошелъ шага на четыре въ сторону. Зная барина хорошо, онъ предпочелъ быть въ резервѣ, чтобы первый взрывъ и первое нападеніе выдержалъ Шваньскій.

— Что такое?—повторилъ гнѣвно Шумскій.

— Авдотья Лукьяновна...—проговорилъ Шваньскій и опять повторилъ тотъ же жестъ.

— Здѣсь!—закричалъ Шумскій.

— Здѣсь,—едва слышно отозвался наперстникъ, струсивъ.

Шумскій понялъ все. Если бы присутствіе Авдотьи въ его квартирѣ было такое же, какъ за день назадъ, то Шваньскій не былъ бы такъ смущенъ. Очевидно, что Авдотья явилась домой при иныхъ условіяхъ.

Шумскій двинулся въ комнаты и крикнулъ на весь домъ тѣмъ своимъ голосомъ, отъ котораго вздрагивала вся его квартира:

— Авдотья! Авдотья!

Мамка, ожидавшая питомца въ его спальнѣ, появилась на порогѣ ея.

— Ну!—вскрикнулъ онъ, подступая.

— Прогнали,—отозвалась Авдотья кратко.

— Что? Кто?—проговорилъ Шумскій тихо и, вплотную приблизившись къ мамкѣ, схватилъ ее за платье, стиснулъ въ кулакѣ нѣсколько складокъ съ ея плеча и пригнулся лицомъ къ лицу женщины.

Казалось, онъ готовъ былъ растерзать ее.

Но Авдотья не испугалась.

— Прогнали,—заговорила она тихо.—Пришла, Пашутка, и у барона побывала. Онъ прибѣжалъ къ намъ и приказалъ мнѣ сбираться, стоялъ надо мной, покуда я узелокъ завязывала, проводилъ меня самъ чуть не до двора и очень трясся. И руки у него и ноги ходуномъ ходили, а самъ бѣлый, какъ смерть.

— А баронесса? Она? Спитъ?..

— Какъ, то-ись?

— Спитъ?.. Проснулась?

— Проснулась во время, вставши ужъ была.

— Ничего съ нею худого не было отъ питья?

— Да, я не поила.

Наступило молчанье.

— Какъ не поила?—выговорилъ, наконецъ, Шумскій едва слышно.

— Да такъ-съ, нельзя было: вѣдь вы же знаете. Платка, какъ было условлено, вы не нашли.

Шумскій вспомнилъ, что, пораженный встрѣчей съ офицеромъ, онъ и не глянулъ на окошко.

— Такъ ты не поила?—повторилъ онъ, помолчавъ снова.

— Нѣтъ-съ.

— Ну, это хорошо,—выговорилъ онъ и какъ бы сразу успокоился.—Это счастливо. Ну, теперь иди, разсказывай, какъ, что было.

Шумскій прошелъ въ свою спальню, усадилъ няньку и заставилъ ее подробно разсказывать все.

Но Авдотьѣ разсказывать было нечего: она кратко повторила то же самое. Въ квартиру явилась Пашута, побывала въ кабинетѣ у барона и затѣмъ тотчасъ же уѣхала. Баронъ пришелъ къ дочери и выгналъ няньку. Что наиболѣе поразило Авдотью во всемъ этомъ, былъ экипажъ, въ которомъ пріѣзжала Пашута.

— Въ каретѣ! На рысакахъ!—повторяла она.

Эта подробность имѣла значеніе и для Шумскаго. Бѣглая, укрывавшаяся въ городѣ горничная, должна была, по мнѣнію Шумскаго, жить и ночевать, скрываясь отъ розысковъ, въ какомъ-нибудь вертепѣ съ бродягами. Какимъ же образомъ явилась она къ барону въ каретѣ? Стало быть, она у кого-либо, кто покровительствуетъ ей во всемъ дѣлѣ.

— Неужто-жъ баронъ ничего не сказалъ тебѣ?—въ десятый разъ спрашивалъ Шумскій.

— Какъ есть—ничего. Вошелъ, трёсся весь, блѣдный, приказалъ собираться и надо мною все стоялъ. Такъ меня если не ручками, такъ глазками, изъ дому вытолкалъ. Такъ и глядѣлъ на меня ястребомъ. Меня эти его глаза будто сзади подпихивали. Выскочила я, себя не помня, спасибо не распорядился. Добрый баринъ! Вѣдь онъ бы меня могъ у себя на конюшнѣ розгами выдрать. Я все та же крѣпостная.

Шумскій махнулъ рукою на мамку и отвернулся.

Женщина поняла движеніе и вышла изъ спальни.

Молодой человѣкъ просидѣлъ нѣсколько минутъ, глубоко задумавшись, затѣмъ пришелъ въ себя и услыхалъ въ гостиной мѣрные шаги ходившаго взадъ и впередъ Квашнина.

— Петя!—крикнулъ онъ,—иди сюда!

Квашнинъ вошелъ своей мягкой походкой и сѣлъ у окна, противъ Шумскаго.

— Ты слышалъ, понялъ?—вымолвилъ этотъ.

— И понялъ, и не понялъ.

— Да вѣдь все пропало,—заговорилъ Шумскій,—ее прогнали. Поганая дѣвка бѣгаетъ и орудуетъ. Пойми ты—все пропало. Теперь мнѣ хоть и фонъ-Энзе убить, то толку не будетъ никакого. Если баронъ прогналъ дуру-мамку, то стало быть знаетъ, кто такой господинъ Андреевъ. Да это что! Мартенсъ и тотъ знаетъ. Стало быть весь городъ знаетъ.

— Не хорошо,—проговорилъ Квашнинъ.

— Что не хорошо? Стыдно! Стыдно, что ли? Охъ, ты...

Шумскій хотѣлъ выговорить «дуракъ», но запнулся. Наступило молчанье. Наконецъ, Шумскій выговорилъ:

— Чтожъ мнѣ теперь дѣлать? Выручи, Петя, скажи, что мнѣ дѣлать.

Квашнинъ развелъ руками.

— Чтожъ я-то могу. Это, голубчикъ, такая путанная исторія, что ее чортъ самъ не распутаетъ. Понятное дѣло, что твоя затѣя не выгорѣла. Ну, чтожъ я скажу? Скажу, слава Богу!

— Слушай. Не говори ты мнѣ такихъ глупостей,—глухимъ голосомъ проговорилъ Шумскій, взбѣсившись снова.

— Не могу я не говорить. Какже не сказать, слава Богу? Изъ любви къ тебѣ говорю. Не могу я желать, чтобы ты въ солдаты попалъ.

Шумскій махнулъ рукой и отвернулся отъ пріятеля. Потомъ онъ всталъ и началъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

Квашнинъ молчалъ; потомъ обратился съ вопросомъ къ пріятелю—уѣзжать ли ему, или обождать, но Шумскій не слыхалъ вопроса. Онъ ходилъ сгорбившись, задумавшись. Выраженіе лица было угрюмое, сосредоточенное. Видно было, что голова страшно работаетъ. Изрѣдка онъ глубоко вздыхалъ.

Прошло около получаса молчанія. Квашнинъ откинулся на спинку кресла и разсѣянно смотрѣлъ на улицу. Онъ сознавался самъ себѣ, что все дѣло Шумскаго приняло благопріятный оборотъ. Какъ тотъ ни хитро затѣялъ, какъ ни дерзко велъ свои подкопы и траншеи, все-таки все раскрылось. И стало быть теперь все обстоитъ благополучно. Единственно, что еще приходится распутать—поединокъ съ фонъ-Энзе, вслѣдствіе котораго ему, Квашнину, придется высидѣть, пожалуй, очень долго въ крѣпости.

«Государь смерть не любитъ этихъ заморскихъ затѣй—драться на смерть другъ противъ друга,—думалъ Квашнинъ.—Хоть онъ и сынъ временщика, а все-таки по головкѣ не погладятъ. Если же его Аракчеевъ упасетъ отъ суда, тогда и мнѣ ничего не будетъ».

— Стой!—вдругъ воскликнулъ Шумскій такъ, что Квашнинъ невольно вздрогнулъ.—Стой! Что же это я? Ахъ ты, Господи!—отчаянно забормоталъ Шумскій.—Что же это я! Вѣдь я дуракъ.

Голосъ его былъ настолько странный, смущенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ оттѣнкомъ какой-то радости, что Квашнинъ невольно уставился на пріятеля глазами.

— Вотъ уже заднимъ умомъ-то крѣпокъ,—проворчалъ Шумскій. — Господи помилуй! Да какъ же я раньше-то? Какъ это я раньше не догадался?!

Онъ подошелъ ближе къ Квашнину, нагнулся къ нему и произнесъ:

— Да вѣдь если она мнѣ наскучитъ, такъ можно отъ нея и отдѣлаться?

Онъ проговорилъ это, какъ аксіому, добытую послѣ упорной работы надъ задачей.

— Я женюсь,—говорилъ онъ, снова нагибаясь къ Квашнину.—И если наскучитъ, ну и похерю—и свободенъ! И какъ мнѣ эдакая глупость на умъ не приходила!

Квашнинъ разинулъ ротъ, опустилъ на колѣни руки, которыя были скрещены на груди и глядѣлъ на Шумскаго недвижно и безсмысленно, какъ истуканъ.

— Что?—едва слышно, тихимъ шопотомъ произнесъ онъ.

— Женюсь, а коли что̀—подсыплю хоть мышьяку и похерю...

— Кого?—прошепталъ Квашнинъ.

— Господи!—Еву!—нетерпѣливо воскликнулъ Шумскій.

Квашнинъ откачнулся на спинку кресла, опустилъ глаза и вздохнулъ. Потомъ онъ заволновался на мѣстѣ, задвигалъ руками, всталъ и не обычной, не мягкой, а какой-то пьяной походкой двинулся изъ комнаты.

— Что ты? куда ты?—удивился Шумскій.

Квашнинъ взялся за киверъ, обернулся къ Шумскому, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ киверомъ и пошелъ.

— Стой! Петя! Куда ты?

— Не могу,—обернулся Квашнинъ,—не могу: я тебя боюсь, ей-Богу, боюсь! Я думалъ, такихъ на свѣтѣ не бываетъ.

— Что ты путаешь?—произнесъ тихо Шумскій.

— Я думалъ... Что же это? Есть предѣлъ! Ну того опоилъ, другого убилъ... Мерзость, гадость, преступленіе всякое легко дается... Набаловался, благо все есть, благо сынъ государева любимца, всесильнаго вельможи. Ну, пакости, пожалуй даже воруй, пьянствуй, убивай. Чтожъ? Благо позволяютъ! Но ее-то, которую сказываешь, любишь, обожаешь—ума рѣшился... Предложеніе ей дѣлать, идти въ церковь, стоять въ храмѣ подъ вѣнцомъ, зная, что ты ее отравишь, когда наскучитъ!..

Квашнинъ быстрыми шагами вышелъ въ прихожую. Не надѣвъ своей шинели, онъ самъ отворилъ себѣ дверь на улицу.

Очутившись на сыромъ воздухѣ, онъ снова снялъ надѣтый киверъ, потеръ себѣ рукой лобъ и, затѣмъ, зашагалъ по тротуару.

Шумскій не остановилъ пріятеля, стоялъ на томъ же мѣстѣ, задумавшись, и, наконецъ, улыбнулся.

— А если онъ правъ?—думалось ему.—Вѣдь вотъ хотѣлъ фонъ-Энзе изъ-за угла убить, а храбрости не хватило, пошелъ на поединокъ. Ну, какъ я въ дуракахъ останусь? Ну, какъ у меня не хватитъ храбрости съ ней покончить потомъ?.. Да перепугъ Квашнина это и доказываетъ. Не хватитъ, не хватитъ храбрости!..

Шумскій постоялъ нѣсколько мгновеній въ той же позѣ середи горницы и прошепталъ, наконецъ, едва слышно:

— Если ужъ очень прискучитъ, то право хватитъ храбрости. Ну, другому поручу, найму... Нѣтъ! Рѣшено! Ѣду и дѣлаю предложеніе! Въ годъ, два не прискучитъ, а тамъ—найму кого-нибудь подсыпать, а самъ и присутствовать не буду. Всякій день такое на свѣтѣ бываетъ! Только объ концахъ думай, только концы умѣй куда слѣдуетъ дѣвать.

Шумскій позвалъ Копчика и сталъ было одѣваться въ статское платье, чтобы ѣхать къ барону, но остановился и выговорилъ:

— Нѣтъ, сегодня поздно. Завтра поѣду.

XXXVI.

На другой день до полудня, Шумскій точно также въ статскомъ платьѣ и на извозчикѣ отправился къ Нейдшильду.

Когда «господинъ Андреевъ» позвонилъ у подъѣзда барона, дверь отворилъ ему тотъ же Антипъ и, увидя его, ахнулъ и сталъ улыбаться во всю рожу. По глупой фигурѣ лакея, выражавшей что-то неопредѣленное, не то насмѣшку, не то глупую радость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то холопское торжество побѣдителя, Шумскій сразу понялъ, что въ домѣ даже людямъ все извѣстно.

Тѣмъ не менѣе фигура лакея раздосадовала его.

— Дома баронъ?—выговорилъ онъ, насупившись.

— Дома-съ,—продолжалъ улыбаться Антипъ,—только они приказали васъ не пущать. А вотъ, пожалуйте, получить... или позвольте, я сейчасъ вынесу. Тутъ пакетъ съ деньгами... Для васъ они передали...

— Съ какими деньгами?—изумился Шумскій.

— А должно быть жалованье.

Шумскій невольно улыбнулся.

Антипъ двинулся было по лѣстницѣ, притворивъ дверь на носъ г. Андрееву, но Шумскій крикнулъ ему вслѣдъ:

— Отдай деньги барону обратно.

Но въ эту минуту онъ невольно схватилъ себя за голову. Если баронъ—человѣкъ благовоспитанный, высылаетъ ему черезъ лакея его жалованье секретаря, то, стало быть, онъ ничего не знаетъ или почти ничего. Онъ не знаетъ, что имѣетъ дѣло съ Шумскимъ. Что же онъ знаетъ? Стало быть, онъ продолжаетъ считать его Андреевымъ? Иначе онъ не прислалъ бы нѣсколькихъ рублей, которые перестаютъ быть долгомъ, если баронъ знаетъ, что все секретарство было—комедіей и переодѣваніемъ.

Въ эту минуту Антипъ уже снова явился на крыльцѣ съ пакетомъ, на которомъ было написано: «Господину Андрееву со вложеніемъ тридцати рублей».

Шумскій стоялъ, размышлялъ и не зналъ, что дѣлать.

— Извольте получить,—говорилъ Антипъ попрежнему, торжественно празднуя какую-то побѣду своего барина надъ этимъ господиномъ секретаремъ.

— Поди, голубчикъ, доложи барону, что я убѣдительно прошу его принять меня, хотя бы на минуточку.

— Какъ можно-съ,—отозвался лакей.—Строго не приказано.

— Ну, сдѣлай милость. На вотъ тебѣ.

Шумскій быстро досталъ какую-то ассигнацію, сунулъ ее въ руку лакею и прибавилъ:

— И еще дамъ. Ты знаешь—я никогда не жалѣю, пакетъ отнеси барону и скажи—я жду и прошу, ради Господа Бога, на одну минуту меня принять.

Лакей поколебался. Ассигнація была для него соблазнительна, и онъ двинулся какъ бы нехотя въ домъ.

Шумскій ждалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ появился снова Антипъ, уже рысью съ тѣмъ же пакетомъ въ рукахъ и не только не улыбаясь, а съ испуганнымъ видомъ быстро заговорилъ:

— Нельзя-съ! нельзя-съ! и вы тоже—меня подвели! я эдакимъ барина и не видывалъ, думалъ—убьетъ. Нáте ваши деньги—ступайте съ Богомъ.

И лакей снова сунулъ пакетъ.

— Ну, ладно. Деньги все-таки отдай барону и скажи ему отъ меня, что завтра будетъ у него флигель-адъютантъ Шумскій по очень важному дѣлу. Эдакъ около полудня. Пускай подождетъ. Понялъ ты?

— Слушаю-съ, а деньги-то какъ же?

— Тьфу ты, Господи!

Шумскій махнулъ рукой, повернулся на каблукахъ и пошелъ съ крыльца.

И снова та же мысль вернулась къ нему и тревожила его.

«Чтожъ Пашута сказала? Что знаетъ баронъ и чего не знаетъ? Знай онъ, что секретарь Андреевъ флигель-адъютантъ Шумскій, онъ не выслалъ бы денегъ. Стало быть, Пашута разсказала только ухищренья г. Андреева и заставила выгнать изъ дому Лукьяновну. Но вѣдь Лукьяновна—мамка Шумскаго: если Пашута и ничего не сказала, то можно догадаться, что между Андреевымъ и Шумскимъ есть нѣчто общее».

—Чортъ его знаетъ, этого стараго дурака,—воскликнулъ Шумскій вслухъ, быстро идя по панели.—Именно чортъ его знаетъ—что онъ могъ понять и чего никогда не сообразитъ... Подлаживаться къ разумѣнію дураковъ—мудреное дѣло.

Вернувшись домой, Шумскій снова потребовалъ мамку къ себѣ.

Авдотья, на его вопросы, снова съ буквальной точностью отвѣчала то же самое.

— Да какъ ты полагаешь, Дотюшка,—стараясь придать нѣжность голосу, говорилъ Шумскій,—догадывается онъ, что я не Андреевъ.

— Не знаю, голубчикъ.

Шумскій отпустилъ мамку и позвалъ Шваньскаго. Когда вѣрный Лепорелло вошелъ къ нему въ спальню, онъ принялъ сурово-гнѣвный видъ. Сѣвъ на кресло Шумскій скрестилъ руки на груди и встрѣтилъ Шваньскаго злобной улыбкой, на этотъ разъ дѣланной ради острастки.

— Ну-съ, Иванъ Андреичъ, какъ вы полагаете: теперь кому камушекъ изъ рѣки вытаскивать?

Шваньскій съёжился, какъ всегда, задвигалъ руками и, отлично понимая вопросъ своего патрона, постарался сдѣлать видъ, что онъ какъ есть ничего не понимаетъ.

— Ты слыхалъ, чучело, пословицу, что одинъ дуракъ въ рѣчку камень броситъ, а семеро умныхъ его не вытащутъ?.. Кто Пашутѣ далъ ножъ? Кто ее выпустилъ?

— Михаилъ Андреевичъ, я же ей-Богу...

— Молчи! Ты все дѣло изгадилъ! Ты меня безъ ножа зарѣзалъ! Можетъ быть и Васька виноватъ. И у него, вижу,—рыло въ пуху. Но все-таки ножикъ ты далъ. Ну, теперь, голубчикъ мой, или ты мнѣ розыщешь въ Питерѣ поганую Пашутку и приволокешь опять

сюда въ чуланъ или—ищи себѣ другое мѣсто. Посмотримъ—кто тебя возьметъ въ адъютанты, да будетъ тебѣ по три и больше тысячъ въ годъ на чаи давать.

— Михаилъ Андреевичъ! Будьте милостивы и справедливы,— заговорилъ Шваньскій.

Лицо его разъѣхалось, сморщилось, и онъ готовился заплакать.

Шумскій сдерживался, чтобы не разсмѣяться при той физіономіи, которая представилась его глазамъ. Шваньскій, смахивавшій всегда на обезьяну, теперь съ слезливымъ и печальнымъ лицомъ, былъ совсѣмъ уморителенъ.

— Будьте справедливы,—заговорилъ снова Шваньскій, утирая пальцами сухіе глаза.—Я вамъ вѣрно служу, всѣмъ сердцемъ какъ рабъ къ вамъ привязанъ. А вы вдругъ эдакое говорите! Не пойду я! Хоть бейте—никуда не пойду. Я помимо васъ на свѣтѣ никого не имѣю. Я сирота.

— Ахъ, скажите на милость! тебѣ и шестьдесятъ лѣтъ будетъ— ты будешь плакаться, что сирота. А ты вотъ что—ты казанскую сироту не представляй, а иди, выдумывай, какъ розыскать Пашутку и приволочь сюда... Вѣстимое дѣло—черезъ полицію. Я тебѣ даю право дѣйствовать при розыскахъ поганой дѣвки отъ имени самого графа. А сейчасъ я напишу ему письмо, и чѣмъ-нибудь напугаю, а чрезъ три дня отъ дрожайшаго родителя получу казенную бумагу къ петербургскому оберъ-полиціймейстеру. Денегъ бери сколько хочешь, слышишь? Ну, пятьсотъ бери... Хоть тысячу дамъ— чортъ возьми! Только розыщи проклятую собаку, которая мнѣ жить не даетъ.

Шваньскій сразу перестахъ хныкать, сразу выпрямился и вздохнулъ свободнѣе. Онъ зналъ, что при возможности—ссылаться нетолько на самого Аракчеева, но хотя бы только на Шумскаго, да еще и при деньгахъ, онъ въ три дня легко найдетъ бѣглянку, а слѣдовательно можетъ и поживиться и примириться съ своимъ патрономъ.

— Я радъ по гробъ служить,—заговорилъ онъ.—Ну, извольте, такъ ужъ и положимъ, что я виноватъ.—Такъ я же свою вину и заглажу. Пожалуйте на первое время записочку вашей руки къ оберъ-полиціймейстеру, что дѣвка графская крѣпостная розыскивается. Да пожалуйте для начала рубликовъ двѣсти, а тамъ видно будетъ.—Можетъ и этого хватитъ.

Но про себя Шваньскій думалъ:

«Нѣтъ ужъ, голубчикъ, что триста рублей мнѣ одному перепадетъ—за это отвѣчаю. Мнѣ кстати скоро жениться».

Шумскій написалъ записку, какъ говорилъ Шваньскій, затѣмъ выкинулъ своему Лепорелло изъ стола двѣ сотенныхъ бумажки и выговорилъ:

— А на словахъ прибавь, что завтра либо послѣ завтра полу-

читъ онъ именной строжайшій приказъ графа объ розысканіи бѣглой дѣвки.

— Слушаю-съ.

И Шваньскій уже сдерживалъ то веселое настроеніе, которое явилось въ немъ при видѣ крупныхъ ассигнацій. Онъ зналъ отлично, что къ вечеру одна изъ нихъ будетъ истрачена на полицію, а другая—въ его карманѣ.

Шумскій, оставшись одинъ, задумался и сидѣлъ, безсознательно глядя на прохожихъ и на проѣзжихъ. Изрѣдка онъ вставалъ, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и снова садился. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что все еще одѣтъ въ сюртукъ, синеватый бархатный жилетъ съ бронзовыми пуговицами, что на немъ шарфъ съ розовенькими разводами и съ англійской модной булавкой, изображавшей голову Веллингтона. И онъ началъ не спѣша и улыбаясь раздѣваться, при чемъ, кладя платье на стулъ, заговорилъ вслухъ:

— Да, представленію конецъ. Больше въ семъ костюмѣ господина секретаря барона Нейдшильда мнѣ не путешествовать. Шабашъ! А главное никакого чорта изъ всего этого не вышло и надобно законнымъ, благопристойнымъ порядкомъ, какъ дураку какому, доставать ее посредствомъ вѣнчанья въ церкви. Что же дѣлать! Ничего! Тамъ послѣ, сказываю, видно будетъ. У самого-то, вѣстимо, духу не хватитъ раздѣлаться, коли надоѣстъ... Поѣдемъ путешествовать на какія-нибудь цѣлебныя воды... Заплатить хорошія деньги, какъ не найти человѣчка, который меня искуснѣйше овдовитъ!

И Шумскому вспомнился пріятель Квашнинъ, пораженный его словами, когда самому ему эта мысль пришла вдругъ въ голову и была какъ откровеніе.

«Да, малый не дуракъ, не глупѣе другихъ,—подумалось ему.— А ошалѣлъ!.. Но всѣ они такъ. Кабы я уродился такой же, какъ они всѣ, такъ—понятное дѣло думалъ бы и жилъ бы иначе. Но когда мнѣ наплевать на весь міръ Божій! Когда я чую, что презираю всѣмъ сердцемъ все—сверху до низу. Все земнородное! А пуще всего людей и ихъ дурацкіе законы! Чтожъ? таковъ уродился! Я знаю, что иной разъ затѣваю «преступленіе», а вдумайся-ко въ это слово, что оно означаетъ? «Преступленіе законовъ»,—значитъ шаганье черезъ законъ. Еслибъ оно было невозможно, было бы сверхъестественно, такъ я бы и не шагалъ. А коли я это могу дѣлать не будучи чародѣемъ, стало быть законы преступать человѣку можно, а если можно, то мнѣ и должно».

—Вонъ какъ,—улыбнувшись, вслухъ прибавилъ Шумскій,—сказываю, какъ по книжкѣ читаю. Вотъ эдакъ-то у насъ въ Пажескомъ корпусѣ профессоръ изъ русскихъ нѣмцевъ иногда толковалъ охотникамъ про одну новую науку, которую мы прозвали песья логика.

Надѣвъ снова мундиръ и приказавъ заложить коляску, Шумскій выѣхалъ къ Квашнину. Онъ хотѣлъ самъ отвезти ему забытую имъ шинель и кстати скорѣе повидаться съ пріятелемъ, такъ какъ они разстались вчера при особенныхъ условіяхъ.

Подозрительный отъ природы человѣкъ, онъ уже начиналъ подозрѣвать и обвинять Квашнина.

«Не хочется ему въ секунданты идти—вотъ онъ сегодня и придрался. Какое ему дѣло—Ева и что съ нею будетъ! Изобразилъ изъ себя обиженнаго да и ушелъ, не прощаясь. Авось молъ отвернусь отъ секундантства».

Но черезъ минуту Шумскій мысленно сознавался, что онъ напрасно клевещетъ на Квашнина.

— А вотъ увидимъ,—рѣшилъ онъ.

Доѣхавъ на Галерную, онъ узналъ отъ той же вѣчно-лохматой кухарки пріятеля, что его нѣтъ дома. Такъ какъ женщина, при всей своей ужасной фигурѣ, была не глупа, то Шумскій объяснилъ ей подробно свое порученіе барину.

— Скажи Петру Сергѣевичу, чтобы онъ непремѣнно былъ у меня завтра утромъ. Да вотъ бери ихъ шинель.

Отъѣхавъ отъ дома пріятеля, Шумскій задумался, куда поѣхать, чтобы найти другого секунданта.

«Нынѣ,—думалось ему,—такая мода пошла—двухъ надо секундантовъ. Скоро дойдутъ до того, что два человѣка будутъ драться, а по цѣлому полку секундантовъ будутъ стоять да смотрѣть. А при эдакомъ людствѣ мудренѣе, конечно, и тайну сохранить».

Перебравъ мысленно всѣхъ своихъ пріятелей, онъ пришелъ къ убѣжденію, что трудно выбрать кого-либо изъ нихъ. Главная бѣда заключалась въ томъ, что онъ съ ними постепенно какъ-то разошелся. Въ прежнія времена, ежедневно бывали въ его домѣ сборища и попойки, и человѣкъ до двадцати жили почти на его счетъ, пили, кутили и брали денегъ взаймы съ отдачей «непремѣнно завтра».—Тогда было возможно кличъ кликнуть: человѣкъ десять предложили бы свои услуги. Теперь же, съ той поры, что онъ, занятый баронессой, пересталъ принимать разношерстную стаю блюдолизовъ, — будетъ нѣсколько мудренѣе. Разумѣется, открой онъ завтра вновь попрежнему трактиръ у себя на квартирѣ — черезъ недѣлю опять всѣ станутъ пріятелями. Но вѣдь секундантъ нуженъ не сегодня завтра.

XXXVII.

Послѣ долгихъ размышленій Шумскій рѣшилъ ѣхать къ капитану Ханенко.

Толстый и добродушный хохолъ тоже давно не бывалъ у Шумскаго, но этотъ не былъ похожъ на остальныхъ. Онъ больше выку-

ривалъ трубокъ, нежели пилъ, бывая у Шумскаго, денегъ никогда у него взаймы не бралъ. Однажды, при внезапномъ предложеніи денегъ со стороны Шумскаго, выпучилъ глаза, разсмѣялся и вымолвилъ, качая головой:

— Вѣдь вотъ доходятъ же люди умные до такого безобразія. Ну, проситъ кто—дѣлать нечего, дашь. И я даю. А какъ же это, сударь вы мой, самому-то взаймы предлагать. Ахъ, вы, аракчеевскій сынокъ!

Конечно, этотъ случай рѣдкій и удивительный расположилъ Шумскаго въ его пользу.

— Поѣду къ хохлу!—рѣшилъ онъ.

Ему казалось, что Ханенко, не смотря на свое добродушіе и хохлацкую лѣнь, разлитую во всей его толстой фигурѣ, будетъ человѣкомъ самымъ подходящимъ. Онъ уменъ, хитеръ, человѣкъ бывалый, даже въ Сибирь ѣздилъ. Квашнинъ все-таки мямля, а этотъ хоть и толстякъ, а когда дѣло касалось до разрѣшенія какого-нибудь спорнаго или мудренаго дѣла, оказывался человѣкомъ хладнокровно и здраво судящимъ и твердо рѣшающимъ.

— Какъ это я раньше объ немъ не подумалъ, перечислялъ всякую шушеру, а объ Ханенкѣ забылъ!—удивлялся онъ.

Капитанъ жилъ тоже на Васильевскомъ островѣ, но въ противуположной отъ барона сторонѣ, на выѣздѣ къ какому-то кладбищу. Человѣкъ почти бѣдный, Ханенко, съ трудомъ содержалъ себя въ гвардіи. Всѣ деньги уходили на поддержаніе офицерскаго гонора, а на квартиру и пропитаніе оставалось очень мало.

Когда Шумскій велѣлъ кучеру ѣхать къ Ханенко, тотъ не сразу вспомнилъ, гдѣ живетъ офицеръ, на столько давно уже не бывалъ тамъ съ бариномъ.

Экипажъ помчался, а Шумскій, раздумывая, началъ тревожиться. Ему начинало казаться, что Ханенко откажется наотрѣзъ. Не такой онъ человѣкъ, чтобы лѣзть въ этакую исторію и пострадать еще по службѣ. Если его исключатъ изъ полка за секундантство, то онъ, дѣйствительно, совершенно пропащій человѣкъ. Предложить ему денегъ хотя бы двѣ-три тысячи—онъ не возьметъ.

— Ну, да увидимъ!—чуть не вскрикнулъ онъ, наконецъ.

Уже на выѣздѣ съ Острова, около какого-то моста, Шумскій подъѣхалъ къ крошечному деревянному домику, покосившемуся набокъ. Появленіе его экипажа произвело на улицѣ извѣстнаго рода переполохъ. Хотя давно не бывалъ онъ здѣсь, тѣмъ не менѣе увидалъ кое-гдѣ знакомыя рожицы мальчишекъ, знакомую фигуру старика не то хозяина, не то дворника сосѣдняго дома, и еще болѣе знакомую фигурку старушки, которая, кажется, была просвирней. Всѣ эти люди не кланялись ему, но улыбались вмѣсто поклоновъ.

Не успѣлъ онъ выйти изъ экипажа, какъ мальчуганъ лѣтъ одиннадцати отворилъ дверь домика и закричалъ:

— Пожалуйте, баринъ откушали, чай пьютъ.

Шумскій двинулся на крылечко и изъ-за фигуры мальчугана увидѣлъ въ сѣняхъ толстаго капитана, идущаго на встрѣчу. Онъ шелъ съ трубкой въ зубахъ, задымивъ всѣ сѣни, переваливаясь, какъ утка, въ темнолиловомъ шелковистомъ, но сильно замасляномъ халатѣ. Халатъ былъ перевязанъ старымъ военнымъ шарфомъ и большія серебряныя кисти его смѣшно болтыхались на животѣ.

— За что жалуете?—заговорилъ онъ басомъ—Что приключилось? Милости прошу...

Будучи не даромъ хохломъ—Ханенко сразу сообразилъ, что если флигель-адъютантъ Шумскій является вдругъ къ нему середи дня, не видавшись очень долго, то очевидно у него есть дѣло или просьба.

— Пожалуйте, пожалуйте. Чтожъ! Рады служить,—заговорилъ Ханенко и, пропустивъ впередъ гостя, переваливаясь, пыхтя и дымя изъ трубки, двинулся за нимъ.

Когда они усѣлись въ крошечной горницѣ съ двумя тоже крошечными окошечками на улицу, Шумскій, нѣсколько смущаясь, Богъ вѣсть почему, заговорилъ о цѣли своего прибытія.

Онъ никогда не могъ понять—почему иногда случалось ему въ жизни смущаться при столкновеніи съ нѣкоторыми личностями. Дерзкій и высокомѣрный отъ природы, презрительно относившійся ко всему и ко всѣмъ, онъ будто самъ конфузился иныхъ людей. И онъ не понималъ причины этого.

А причина была простая, Шумскій слегка смущался, когда ему приходилось имѣть дѣло съ людьми въ высшей степени добрыми и честными.

Таковъ былъ хохолъ Ханенко. Доброта сердца, прямой умъ, честность мыслей и дѣйствій, рѣзко сказывались въ толстякѣ. И вотъ эти свойства Ханенко заставляли Шумскаго смущаться. Онъ будто невольно, инстинктивно, вопреки собственному желанію, чувствовалъ превосходство такихъ людей надъ собой.

Шумскій объяснилъ свое дѣло кратко, а именно разсказалъ, что полу-нѣмецъ фонъ-Энзе, уланъ, оскорбилъ его и что поэтому онъ обязанъ потребовать у него удовлетворенія и драться съ нимъ. И вотъ онъ является къ пріятелю—просить его помощи. Квашнинъ уже далъ свое согласіе, но нуженъ второй секундантъ.

Ханенко пересталъ сосать трубку. Клубы густого дыма разошлись. Онъ опустилъ глаза и лицо его слегка насупилось.

«Откажетъ», подумалъ Шумскій.

Прошло нѣсколько мгновеній молчанія и Шумскій заговорилъ снова:

— Я надѣялся, что вы въ качествѣ моего пріятеля не откажете мнѣ. Отвѣтственности большой не можетъ быть: ну посадятъ въ крѣпость—посидите. А я тогда готовъ многое на себя взять,—нерѣшительно прибавилъ онъ,—чтобы у васъ не было изъ-за меня лишнихъ расходовъ. Да въ крѣпости много чего казеннаго...

— Тоись это какже-съ?—отозвался Ханенко сумрачно,—на вашъ счетъ стало быть я буду въ крѣпости сидѣть?

— Ну да. Чтожъ изъ этого?

— А то изъ этого, Михаилъ Андреевичъ, что за время моего пребыванія въ крѣпости, я преображусь, такъ сказать, въ вашу содержанку? Я сударь мой, хоть и толстъ, а все не дѣвка. Да не въ этомъ дѣло! Прежде, чѣмъ дать свое согласіе, я буду просить васъ объяснить мнѣ главное для меня обстоятельство. Какъ и чѣмъ оскорбилъ васъ господинъ уланъ фонъ-Энзе? За что вы вступаетесь?

Шумскій разинулъ ротъ и отчасти вытаращилъ глаза. Подобнаго вопроса онъ не ожидалъ, а отвѣчать на него было невозможно. И молодой человѣкъ вмѣсто отвѣта вдругъ расхохотался почти добродушно.

Ханенко улыбнулся хитрой улыбкой.

— Что-съ! такъ вотъ извольте мнѣ сказать, чѣмъ онъ собственно оскорбилъ васъ?

Шумскій невольно началъ смѣяться еще больше. Ему казался забавнымъ оборотъ разговора. Какъ же сказать Ханенко, что оскорбленіе фонъ-Энзе заключается въ томъ, что онъ не пустилъ его ночью воровать честь неповинной, предательски опоенной дѣвушки? А помимо этого дѣянія фонъ-Энзе не было ничего.

Шумскій перестаяъ смѣяться и подумалъ:

«Ахъ, чортъ тебя, хохла, подери! Вотъ задачу задалъ».

Лгать Шумскому не хотѣлось. Объяснить все и сказать правду тоже не хотѣлось да было и невозможно. Онъ молчалъ.

— Вы меня извините,—началъ онъ, наконецъ—но мнѣ бы не хотѣлось въ данномъ случаѣ, какъ говорятъ французы, mettre les points sur les *i*—иначе говоря, ставить точки на *i*?

— Это сударь мой, Михаилъ Андреевичъ, можно такъ съ разными точками поступать въ пустякахъ да еще во Франціи,—улыбаясь, произнесъ Ханенко.—Но мы съ вами живемъ въ Россійской имперіи, говоримъ о дѣлѣ серьезномъ, такъ уже вы соизвольте въ этомъ случаѣ словъ точками не замѣнять. Вамъ, конечно, какъ человѣку образованному извѣстно, что, къ примѣру сказать, въ разныхъ, вотъ, романахъ, точками замѣщаются все больше неприличныя происшествія съ героями.

И хохолъ, съостривъ, началъ добродушно смѣяться.

— Приключеніе же ваше, полагаю, не надо точками призакрыть,—прибавилъ онъ.

«Ахъ ты, бестія!»—подумалъ про себя Шумскій и молчалъ окончательно, не зная, какъ ему вывернуться.

— Извольте,—выговорилъ онъ,—я вамъ объясню подробно, въ чемъ заключается оскорбленіе фонъ-Энзе. Оно ни въ чемъ не заключается... но я...

— Вотъ-съ я такъ-то и думалъ,—выговорилъ Ханенко.—Я такъ

и полагалъ, что аккуратный и добропорядочный нѣмецъ не полѣзетъ оскорблять зря аракчеевскаго сынка, какъ васъ прозываютъ. Какая ему охота! А стало быть вы сами тутъ что-нибудь изволили неосторожно сдѣлать.

— Дѣло простое,—заговорилъ рѣшительно Шумскій.—Онъ и я равно влюблены въ одну дѣвушку. Она относится къ намъ обоимъ совершенно одинаково. Одинъ изъ насъ долженъ уступить. На это ни онъ, ни я—не согласны. Слѣдовательно нужно, чтобы одинъ изъ насъ немедленно отправился на тотъ свѣтъ, не мѣшая другому отправляться въ храмъ подъ вѣнецъ.

— Тэ-э-ксъ,—проговорилъ Ханенко.—Ну, чтожъ, это похоже на правду.

И послѣднія слова хохолъ ухитрился сказать такъ, что они прямо значили, по оттѣнку его голоса: «врать-то ты умѣешь».

Тѣмъ не менѣе теперь уже Ханенко былъ въ затрудненіи. Сказать Шумскому, что онъ лжетъ и требовать истины—онъ не могъ. Надо было принять все за правду и дать отвѣтъ.

— Вотъ что, дорогой мой Михаилъ Андреевичъ,—заговорилъ Ханенко.—Я хоть въ обществѣ питерскомъ не вращаюсь—средства мнѣ не дозволяютъ, но я все-таки дворянинъ и въ порядочномъ обществѣ и у себя въ Хохландіи и здѣсь въ столицѣ—бывалъ. Слыхалъ я, что когда приглашаютъ кого въ секунданты, то якобы дѣлаютъ ему честь. Слыхалъ я, что отказываться—считается великой подлостью. Такъ ужъ стало быть люди разсуждаютъ, ну, такъ и мы будемъ говорить, оставя въ сторонѣ собственный способъ зрѣнія. Такъ вотъ стало быть: я не могу отказать вамъ! Только позвольте мнѣ прибавить—вы все-таки власть имущій человѣкъ. Будемъ мы всѣ трое равно виноваты. Васъ, конечно, графъ Аракчеевъ выцарапаетъ изъ бѣды: скажетъ словечко государю—и будете вы чисты и правы, яко агнецъ. Такъ позвольте васъ просить обѣщать, потоварищески, и объ насъ съ Квашнинымъ не забыть. А то, знаете ли, несправедливо будетъ, если вы будете разгуливать по Невскому, а мы двое съ Квашнинымъ сидѣть цѣлый годъ въ казематѣ. Это вѣдь не утѣшеніе, что вы предлагаете насъ за это время, яко бы двухъ дѣвицъ-шведокъ на содержаніе взять.

Шумскій сталъ горячо увѣрять капитана, что онъ почти увѣренъ заранѣе въ благополучномъ исходѣ дуэли, но еще болѣе увѣренъ въ заступничествѣ графа-отца!

— Я знаю навѣрное, что батюшка всячески постарается меня выгородить, а слѣдовательно и моихъ секундатовъ. Такъ по рукамъ, стало быть?

— Извольте-съ... Гдѣ наше не протряхалось... Извольте...

Ханенко уже протягивалъ руку, но вдругъ рука его остановилась на воздухѣ, лицо омрачилось тревожнымъ выраженіемъ, и онъ принялъ руку назадъ.

— Стойте! Хороши мы оба... Ну, а если, добрѣйшій Михаилъ Андреевичъ, нѣмецъ-то васъ, какъ пить дастъ, ухлопаетъ на мѣстѣ. Тогда что? Ась?

Шумскій глядѣлъ въ лицо толстяка съ легкимъ удивленіемъ и тотчасъ же разсмѣялся.

— Вы вовсе объ этомъ не подумали,—сказалъ Ханенко.—Вотъ то-то молодежь. Ну, а извольте разсудить, если вы на мѣстѣ мертвымъ останетесь, то насъ съ Квашнинымъ, живыхъ начальство подъ соусомъ съѣстъ. Тотъ же вашъ батюшка засудитъ и въ Камчатку угонитъ за то, что мы помогли его сынка убить. И я-то, тоже гусь хорошъ, сразу не сообразилъ. Вы-то будете въ обществѣ съ праведниками, а мы-то съ камчадалами.

— Да этого не можетъ быть,—воскликнулъ Шумскій.—Я не буду убитъ. Я знаю...

— Какъ же это такъ? Что же вы заговоренный, что ли? Васъ пуля не беретъ?

— Ну, на это,—рѣшительно выговорилъ Шумскій,—я ничего не могу вамъ сказать. Сами посудите, что если я мертвымъ буду, такъ я ужъ хлопотать объ васъ не могу. Стало быть, какъ знаете. Хотите отказаться—откажитесь. Но этимъ вы меня поставите въ самое затруднительное положеніе.

Наступило молчаніе. Ханенко набилъ трубку, запалилъ ее и, снова задымивъ горницу, заговорилъ изъ облаковъ:

— Вотъ что, Михаилъ Андреевичъ, я человѣкъ пожилой и бывалый, поэтому предусмотрительный. Есть средства. Напишите вы предъ поединкомъ пространное письмо къ вашему родителю, да напишите краткое письмо или докладъ на имя государя императора. Изобразите въ нихъ все, скажите, что Квашнина и меня всячески уговорили, что мы васъ изъ всѣхъ силъ останавливали, ну, и такъ далѣе. Вы человѣкъ умный, знаете, что написать. Вотъ эти два письма вы въ боковой кармашекъ сюртука и положите. Авось, коли васъ пуля прострѣлитъ, такъ въ другое какое мѣсто, а не продырявитъ эти письма,—пошутилъ снова Ханенко.

Эта мысль очень понравилась Шумскому. Онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ крѣпко пожалъ руку толстяку и вышелъ отъ него.

Шумскій вышелъ изъ маленькаго домика и покинулъ хохла, какъ рѣдко случалось ему покидать людей. Обыкновенно разлучаясь съ кѣмъ-либо, онъ презрительно и насмѣшливо относился къ тому, кого покидалъ и къ тому, что̀ отъ него слышалъ. Теперь же, уходя отъ толстяка-капитана, онъ не могъ ничего выискать надъ чѣмъ бы пришлось презрительно издѣваться. Однако, онъ все-таки ворчалъ, садясь въ коляску.

— Туша! Тюфякъ! Славная, однако, природа у него! Добродѣ-

тельный! Людямъ и Богу угодный человѣкъ. Жиру на тѣлѣ много, а все-таки душа-то постная!

Вернувшись домой, Шумскій занялся вопросомъ, что прежде предпринять: заставить фонъ-Энзе драться или дѣлать предложеніе.

— Это зависитъ отъ баронессы Евы,—усмѣхнулся онъ.—Если она улана не любитъ, можно прежде руку и сердце предложить. Если она его любитъ, нужно прежде его убить.

— Но если она его не любитъ, то и драться съ нимъ не нужно?—вдругъ воскликнулъ онъ.—Чортъ знаетъ, какая у меня въ головѣ не разбериха. Третьяго дня рѣшилъ съ нимъ драться на смерть, а вчера порѣшилъ жениться, съ тѣмъ, что похерю, когда наскучитъ... А драться все-таки лѣзу... Да! Безъ этого ни что̀ не выгоритъ!..

Чрезъ часъ размышленій Шумскій думалъ:

«Первое дѣло драться и убить... Второе дѣло жениться и тоже... Ну да это не теперь... Только... вотъ еще какой вопросъ? Что̀, если онъ меня уложитъ на повалъ, женится на Евѣ, и будутъ они вмѣстѣ надо мной подшучивать, покуда я буду лежать, гнить и вонять... Глупо! Такъ глупо, что даже дрожь беретъ и не со страху, а со злости. А можно ли дѣло такъ повести, что глупого конца не будетъ, а умный конецъ будетъ. Конечно, можно. Убить его просто какъ пса, изъ-за угла, самъ цѣлъ будешь... А это изволите видѣть—преступленіе. Стало быть, что глупо, то законно и правильно. А что умно, то неправильно... А разумъ восхваляется людьми, глупость осмѣивается, презирается. Вотъ тутъ и живи, по ихнему... И будучи семи пядей во лбу — все-таки дуракъ будешь. Мнѣ бы надо было жить въ древнѣйшія времена или еще черезъ тысячу лѣтъ, когда люди заживутъ почеловѣчески, а не по книжкѣ... Нѣтъ, какова̀ была скотина тотъ, кто первый выдумалъ—добродѣтель. Весь Божій міръ изгадилъ!»

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

XXXI.

НАСЪ зима жестокая»,—пишетъ Ольга Сергѣевна моему отцу отъ 22-го февраля 1832 года изъ Петербурга,—«и морозы безконечные. Морозы—какъ сказалъ мнѣ Александръ—и въ Псковской губерніи, а ты сообщаешь, что стужа также и въ Польшѣ. Послѣ этого какъ же могу къ тебѣ тронуться отсюда? Мое здоровье далеко не прежнее, и ни за что̀ рисковать имъ не буду; въ противномъ случаѣ отецъ, мать и братъ, не только не постараются облегчить мнѣ затрудненія, то есть сдѣлать мнѣ дорогу болѣе удобной въ матеріальномъ отношеніи, но, напротивъ того, рады будутъ связать мнѣ руки и ноги, лишь бы со мной не разлучаться, а братъ сказалъ, что съ моей стороны — уже не говоря о разлукѣ — сущій вздоръ пускаться въ дальнюю дорогу безъ вѣрнаго попутчика, лишь въ сопровожденіи, готовыхъ со мной ѣхать, глупаго долговязаго камердинера Проньки да шутихи Прасковьи, о которыхъ я же должна заботиться. И въ самомъ дѣлѣ Александръ разсудилъ здраво. Съ какой стати мнѣ разъѣзжать въ трескучіе морозы по непріятельской, хотя и усмиренной чужой землѣ? Того гляди, придется плохо и мнѣ, и Пронькѣ и Прасковьѣ; къ тому же польскаго языка совсѣмъ не знаю; они тоже его не знаютъ.

«Александръ умоляетъ меня и не думать въ этомъ году о Варшавѣ; рисуетъ онъ мнѣ мою будущность въ Польшѣ самыми чер-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 236.

ными красками, а на вопросъ чего боится, отвѣчалъ, что его томятъ какія-то скверныя предчувствія, и что если онъ со мной разлучится, то и его можетъ постигнуть несчастіе. Я сочла эту тираду плодомъ разстроеннаго воображенія (j'ai traité cette tirade comme fruit de son imagination exaltée); какъ бы ни было, я брата успокоила, и мы порѣшили: о Варшавѣ мнѣ въ этомъ году и не думать, а въ маѣ переселиться, если не къ нему на лѣто, то возобновить мою прежнюю дѣвическую жизнь до поры до времени, то есть, отправиться съ моими стариками въ Михайловское, а квартиру сдать, потому что тратить на нее деньги мнѣ не по силамъ. Польши же боюсь хуже огня. Братъ Александръ совершенно входитъ въ мое положеніе, и очень досадуетъ на Сергѣя Львовича, который такъ запуталъ дѣла, что не могъ сдержать обѣщанія отдать мнѣ должное: не получаю отъ отца съ декабря ни полушки, довольствуясь высылаемою тобой частью изъ жалованья, да процентами съ ничтожной суммы, отданной нашему другу Лихардову. По крайней мѣрѣ проценты вѣрны, и эта сумма находится въ рукахъ истинно преданнаго намъ и акуратнаго человѣка, горячо любящаго всѣхъ насъ. Онъ тоже удивляется твоему рѣшенію связать себя съ Варшавой, говоря, что толку большого отъ этого тебѣ ожидать нечего...

... «6-го марта 1832 года. Вчера я показала, или лучше сказать, передала твое письмо Александру, въ которомъ опровергаешь подробно нелѣпую басню о твоей ссорѣ съ Энгелемъ, раздутой до небывалыхъ размѣровъ. Александръ былъ у меня сегодня, и сказалъ, что прочелъ его Сергѣю Львовичу отъ доски до доски. Мой дражайшій родитель, повидимому, очень былъ радъ, и безпрестанно прерывалъ чтеніе брата словами: «Dieu, Dieu merci, que la volonté du ciel soit faite!» Не напиши ты этого подробнаго письма Александру, то первому твоему письму дражайшій бы и не повѣрилъ— доказательства были довольно въ немъ слабы,—и сплетня пошла бы гулять по всѣмъ знакомымъ, значитъ по всему Петербургу, при помощи одной изъ твоихъ недоброжелательницъ; не назову ее,— самъ знаешь. Впрочемъ, и кромѣ нея, у тебя есть недоброжелательницы: ты—не въ обиду будь тебѣ сказано—комплименты дамамъ говорить не мастеръ, а всегда ухитряешься съ ними быть въ размолвкахъ, отпуская имъ рѣзкости, если онѣ въ разговорахъ тебѣ противурѣчатъ...

«Невѣстка моя—Наташа сдѣлается скоро матерью, и будетъ, увѣряю тебя, самой нѣжной и примѣрной матерью. Жаль только, что теперь не бережетъ здоровья. По ея словамъ, она принуждена чуть ли не всякій вечеръ являться на спектакли и вечера, значитъ проводить безсонныя ночи. Александръ мечетъ противъ этого громы и молніи (Alexandre jette feu et flamme), но выбранившись хорошенько, всегда уступаетъ ея убѣжденіямъ, что выѣзжать необходимо, и отправляется съ женой вмѣстѣ, зѣвая на балахъ во

всю мочь (il y baille à gorge déployée). Я совѣтывала ему тоже плясать, и танцами лѣчить скуку; припомнила брату, какъ онъ, бывало, любилъ быстрое движеніе, бѣганье и особенно живую пляску— свойственную нашей африканской крови; братъ увѣряетъ, что хотя ему и тяжело насиловать природу, но строго слѣдовать ей, въ его лѣта и положеніи, смѣшно! А какія же его лѣта? Вообразилъ себя старикомъ—вотъ и все. Правда, непріятностей у него бездна съ этимъ сладчайшимъ Б. (avec ce doucereux de B.) [1]). Сладчайшій готовъ, на словахъ, умереть за Россію, а на дѣлѣ русскихъ ненавидитъ, и выбралъ моего брата—русскаго до конца ногтей (qui est russe jusqu'au bout des ongles)—козлищемъ отпущенія (en qualité de bouc émissaire). Б. послалъ ему непріятную рацею (une harangue bien desagreable) за то, что братъ напечаталъ стихи не по его вкусу и вздумалъ читать ему нравоученія, которыя подъ стать бывшимъ его гувернерамъ—французу Руслё и нѣмцу Гауеншильду. Александръ отвѣчалъ Б. съ достоинствомъ, какъ подобаетъ стариннному русскому дворянину (comme un gentilhomme russe, et gentilhomme de vieille souche), и безподобно сдѣлалъ. Онъ умнѣе господина Б. во сто разъ, а преданъ царю и отечеству болѣе чѣмъ этотъ господинъ въ миліонъ разъ. Наконецъ, у брата борода слишкомъ густа, чтобы съ нимъ поступали какъ со школьникомъ (à la fin des fins mon frère a trop de barbe au menton pour être écolier). Знаетъ, слава Богу, какъ писать, и что писать...

«Эта исторія очень возмутила брата, который мнѣ признался, что его вырвало желчью. Очень, очень понимаю. (Je le comprends on ne peut mieux).

«А что братъ Левъ? И на него сплетни. Носятся слухи, будто бы онъ у васъ въ Варшавѣ напроказилъ по своему (on prétend, qu'il a fait des siennes); хотя онъ ничего, Боже сохрани, противъ чести и нравственности не сдѣлалъ, но, какъ говорятъ—помѣстилъ, въ послѣднее время, столько денегъ въ желудки своихъ товарищей по полку, нагружая оные устрицами и шампанскимъ, что, въ концѣ концовъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ долгу довольно почтенному; остается узнать, кто этотъ долгъ заплатитъ. Надѣюсь, что ты тутъ не при чемъ (mais dernièrement, à ce qu'on dit, il a mis tant d'argent dans les estomacs de ses camarades de régiment, en les bourrant d'huîtres et de champagne, qu'à la fin des fins il a été obligé de contracter une dette assez respectable. Reste à savoir, qui payera les

---

[1]) Ольга Сергѣевна всегда была крайне осторожна въ письмахъ, а потому не выставляла фамилій цѣликомъ, но какъ можно догадаться, тутъ рѣчь идетъ о недоброжелателѣ Пушкина, Бенкендорфѣ, и нанесенной этимъ послѣднимъ первому непріятности, въ видѣ письменнаго запроса, вслѣдствіе напечатанія безъ предварительнаго разрѣшенія стихотворенія «Древо яда» («Анчаръ») въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» на 1832 годъ, изданномъ Пушкинымъ въ пользу родныхъ барона А. А. Дельвига. Л. П.

pots cassés; j'espére que vous n'y êtes pour rien). Объ этомъ долгѣ разблаговѣстили Сергѣю Львовичу; онъ прослезился и запѣлъ свой романсъ «Que la volonté du ciel soit faite», но умоляетъ меня спросить у тебя по секрету: правда ли это, и сколько Леонъ задолжалъ? Александру ничего еще неизвѣстно, но и онъ, вѣроятно, услышитъ отъ добрыхъ людей означенную (la susmentionnèe) новость. Если же Леонъ отъ тебя скрываетъ истину, то можешь провѣдать обо всемъ у его пріятеля Алексѣя Николаевича Вульфа. Онъ и Левъ неразлучны, но Вульфъ и съ тобой откровененъ.

«Имъ обоимъ очень кланяется (приказываетъ тебѣ передать этотъ поклонъ) Анетъ Кернъ (Annette Kern). Она здѣсь, и просидѣла у меня третьяго дня весь вечеръ. Такая же веселая, какъ и была, и, какъ говоритъ Александръ, попрежнему такъ же добра какъ хлѣбъ, который ѣдятъ (tout aussi bonne, comme du pain que l'on mange); поручила тебѣ передать Лелькѣ безпутному, хотя и храброму капитану, (quoi qu'au vaillant capitaine), что она бережетъ свой альбомъ какъ глазъ, такъ какъ храбрый капитанъ нацарапалъ туда порусски свои стихи въ ея честь: «Какъ можно не сойти съ ума»,[1]) не смотря на то, что опасный соперникъ Леона—души впрочемъ въ «капитанѣ» нечающій — (догадываешься, что этотъ соперникъ братъ Александръ)—когда-то посмѣялся надъ стихами Льва, сказавъ о поэзіи Лельки: «хочетъ меня перещеголять, помимо пословицы: «куда конь съ копытомъ мчится, туда ракъ съ клешней тащится». А я-то и боюсь; что Леонъ—если расказанные его подвиги (ses hauts faits) не сплетня,—въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ».

Не привожу буквально прочихъ писемъ моей матери за апрѣль, въ которыхъ она упоминаетъ о дѣятельности дяди Александра съ января 1832 года, считая совершенно излишнимъ повторять давно уже извѣстное всякому, кто изучалъ труды нашего поэта въ хронологическомъ порядкѣ. Въ моей же хроникѣ, излагающей семей-

---

[1]) Считаю не лишнимъ привести эти стихи дяди Льва:

«Какъ можно не сойти съ ума,
«Внимая вамъ, на васъ любуясь,
«Венера древняя мила
«Чудеснымъ поясомъ красуясь.
«Алькмена, Геркулеса мать,
«Съ ней въ рядъ, конечно, можетъ стать.
«Но чтобъ молили и любили
«Ихъ такъ усердно какъ и васъ,
«Ихъ спрятать нужно имъ отъ васъ,
«У нихъ вы лавку перебили»...

Упоминая о поэтической выходкѣ Льва Сергѣевича, Анна Петровна Кернъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что она дѣйствительно показала дядѣ Александру эту выходку, и онъ, прочитавъ ее, сказалъ обо Львѣ Сергѣевичѣ: «Il a aussi beaucoup d'esprit».

ныя событія Пушкиныхъ и Павлищевыхъ, ограничиваюсь указаніемъ, что Ольга Сергѣевна въ письмахъ къ мужу за апрѣль говоритъ объ усердномъ посѣщеніи братомъ архивовъ какъ инспекторскаго департамента, такъ и другихъ правительственныхъ учрежденій, куда ему, по высочайшему повелѣнію, былъ открытъ безпрепятственный доступъ, для собранія матеріаловъ къ историческимъ трудамъ; въ то же время Пушкину разрѣшенъ былъ и осмотръ библіотеки Вольтера.

Говоритъ Ольга Сергѣевна также, что братъ сообщилъ ей о его намѣреніи написать подробную, вполнѣ безпристрастную, исторію нашего сѣвернаго Аннибала—Суворова, основываясь также и на иностранныхъ источникахъ, и получилъ уже изъ московскаго архива оффиціальныя донесенія знаменитаго полководца о его дѣйствіяхъ противъ французовъ, въ Италіи и Швейцаріи.

Кромѣ того, Ольга Сергѣевна пишетъ, что Пушкинъ приступилъ тогда къ фантастической драмѣ «Русалка», задавшись мыслію перенести на русскую почву преданіе, избранное уже сюжетомъ многихъ иностранныхъ романовъ и даже оперъ—какъ напримѣръ «Le lac des fées» Обера, «La dame du lac» Буальдье и т. д. «Не выйдетъ ли это нѣчто въ родѣ «Ундины» Василія Андреевича?» заключаетъ письмо Ольга Сергѣевна.

Наконецъ, въ письмѣ отъ 28 апрѣля, мать говоритъ о великодушіи брата, издавшаго въ пользу братьевъ Дельвига альманахъ «Сѣверные цвѣты»,—за который Александръ Сергѣевичъ получилъ тоже не мало непріятностей. Сообщаетъ она, между прочимъ, что ея братъ задумалъ приступить къ изданію и ежедневной политической газеты, при чемъ не могу не упомянуть, что Ольга Сергѣевна посмотрѣла на это предпріятіе весьма неблагопріятно. «Mon pauvre frère—пишетъ она мужу—veut se mettre en train de profaner son génie poétique, et de le profaner uniquement pour subvenir à ses besoins materiels; mais, d'après ce qu'il m'a raconté, en m' exposant sa position précaire, il ne saurait faire autrement. (Мой бѣдный братъ готовъ осквернить свой поэтическій геній, и осквернить его единственно для того, чтобы удовлетворить насущнымъ матеріальнымъ потребностямъ; но судя по тому, что онъ мнѣ разсказывалъ, описывая свое ненадежное положеніе, Александръ иначе и поступить не можетъ). Но куда ему, съ его высокой созерцательной идеальной душою, окунуться въ самую обыденную прозу—продолжаетъ Ольга Сергѣевна—возиться съ будничнымъ вздоромъ, прочитывать всякій день полицейскія извѣстія, кто пріѣхалъ, кто уѣхалъ, кто на улицѣ невзначай разбилъ себѣ носъ, кого потащили за уличные безпорядки въ часть, сколько публики было въ театрахъ, какая актриса или актеръ тамъ восторгался, болтать всякій день о дождѣ и солнцѣ (parler quotidiennement de la pluie et du beau temps), а что всего хуже—печатать да разбирать безчисленныя побасенки иностран-

ныхъ лгуновъ, претендующихъ на политическія свѣдѣнія—чортъ съ ними! Гораздо лучше предоставить всѣ эти пошлости Булгарину и Гречу. (Et ce qui est bien pis—c'est d'imprimer et de colporter un million de sornettes, dont les menteurs étrangers nous régalent à tout bout de champs,—menteurs, qui se pavanent de chanter politique, puissent tous les diables les emporter! Il serait bien mieux de mettre toutes ces balivernes aux ordres des messieurs Булгаринъ et Гречъ)».

Упоминая, что дядя Александръ имѣетъ въ виду взять къ себѣ въ помощь, въ качествѣ распорядителя по изданію газеты, Наркиза Ивановича Отрѣшкова, Ольга Сергѣевна разсказываетъ мужу о проектируемомъ сотрудникѣ между прочимъ слѣдующій анекдотъ:

«Наркизъ Ивановичъ прекрасный молодой человѣкъ, такъ что для газеты лучше и не надо; акуратный, честный, работящій, но увы! такъ безнадежно влюбленъ во французскій языкъ, что коверкаетъ его не меньше твоего пана Мицкевича, а слѣдовательно дѣйствуетъ мнѣ на нервы ужаснѣйшимъ образомъ. Поймешь меня, когда тебя спрошу: каково твоему музыкальному уху выносить фальшивыя ноты? Слушая однако намедни, Наркиза Ивановича, я не могла удержаться отъ смѣха. Вообрази, соглашаясь въ серьезномъ разговорѣ съ моимъ мнѣніемъ, онъ пожелалъ отпустить мнѣ комплиментъ, и сказать пофранцузски, что я умная женщина (que je suis une femme sage), да брякнулъ мнѣ какъ разъ наоборотъ; и запѣлъ: Madame, madame, vous êtes une sage femme, une sage femme» (то есть, если перевести порусски: «сударыня, сударыня! вы бабка повивальная, повивальная»). Я—каюсь въ согрѣшеніи—отвѣчала ему на родномъ,—не на французскомъ языкѣ: «а кто вамъ разсказалъ, что я акушерка, Наркизъ Ивановичъ?» Будущій сотрудникъ растерялся, и разсыпался въ извиненіяхъ, но былъ на столько уменъ, что не обидѣлся»...

Мысль моего дяди издавать ежедневную газету не осуществилась. Мать моя сказала «и слава Богу», но Плетневъ и Соболевскій посѣтовали, а князь Петръ Андреевичъ Вяземскій выражаетъ свое объ этомъ соболѣзнованіе въ своихъ воспоминаніяхъ. «Журналъ Пушкина,—пишетъ покойный князь,—не состоится, по крайней мѣрѣ, на будущій годъ; жаль: литературная шайка Грече-Булгаринская остается въ своей силѣ»...

Желаніе князя Вяземскаго объ изданіи Пушкинымъ ежедневнаго печатнаго органа въ столицѣ заявлено, между прочимъ, и въ слѣдующихъ его строкахъ къ И. И. Дмитріеву:

«Молодой или будущій газетчикъ занятъ своей беременностью. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что-нибудь новорожденному на зубокъ... Благословите его на новое поприще»...

Говоря объ этомъ, считаю не лишнимъ замѣтить, что покойный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, во время своихъ частыхъ

посѣщеній моей матери лѣтомъ 1856 года, когда она, живя на дачѣ Лѣснаго института, была близкой его сосѣдкой, высказалъ ей въ одной изъ бесѣдъ—которой я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ,—мысль, что перо Александра Сергѣевича, если бы онъ управлялъ ежедневнымъ печатнымъ органомъ, не замедлило бы облагородить русскую повременную литературу, придавъ ей настоящій, а не фальшивый русскій характеръ, такъ какъ главная газета—«Сѣверная Пчела»—слѣдовательно и другіе журналы, были монополіей корчившихъ изъ себя русскихъ, поляка Булгарина, нѣмца Греча [1]), и исполняли концерты по камертону нѣмца же Бенкендорфа да не совсѣмъ русскаго Дубельта. Гдѣ же тутъ могло настоящей Русью пахнуть?»....

Не приводя подробно сообщеній моей матери за апрѣль 1832 г., извлекаю лишь одну выдержку изъ ея письма отъ 27 числа, послѣ того какъ Александръ Сергѣевичъ, въ одномъ изъ разговоровъ съ нею, выразилъ крайнее свое неудовольствіе, что онъ слыветъ въ большомъ свѣтѣ «единственно» сочинителемъ, вслѣдствіе чего и обозвали его таковымъ, для отличія отъ прочихъ его однофамильцевъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ и т. д.

«Братъ опять сдѣлался уже черезчуръ раздражительнымъ — пишетъ Ольга Сергѣевна—и принимаетъ къ сердцу такія бездѣлицы, которыя надо бы пропускать мимо ушей. Представь себѣ, до сихъ поръ не можетъ переварить (jusqu' à présent il ne peut digérer) разсказъ своего пріятеля [2]),—который, легко можетъ быть и выдумалъ сплетню для краснаго словца,—будто бы при разъѣздѣ съ какого-то бала, когда прислуга закричала «карета Пушкина готова», нѣкто изъ господъ, ожидавшихъ очереди, полюбопытствовалъ спросить: какого Пушкина? и получилъ на этотъ вопросъ отъ кого-то громкій отвѣтъ: «сочинителя!»

«Братъ—продолжаетъ Ольга Сергѣевна—передалъ мнѣ это великое происшествіе съ пѣной у рта (l'écume à la bouche), говоря, что онъ не какъ сочинитель, а какъ столбовой русскій дворянинъ посѣщаетъ открытое для него, какъ и для всякаго подобнаго ему дворянина, высшее общество, и что отнюдь не желаетъ служить предметомъ любопытства, въ качествѣ курьезнаго звѣря, господамъ зѣвакамъ («et ne se soucie d'aucune façon d'être le point de mire, à l'instar d'une bête curieuse, aux messieurs les badauds»). Къ этому Александръ прибавилъ, что если бы въ данномъ случаѣ, да и во всѣхъ другихъ, его называли для отличія отъ однофамильцевъ чи-

---

[1]) Дѣйствительно Гречъ былъ изъ нѣмцовъ, помимо своей русской грамматики. Л. П.

[2]) Фамилія не выставлена. Л. П.

новникомъ иностранной коллегіи Пушкинымъ—ему гораздо было бы пріятнѣе. Въ иностранной коллегіи другихъ Пушкиныхъ нѣтъ».

Высказанную сестрѣ досаду Пушкинъ излилъ,—впрочемъ, тремя годами позже—въ своихъ «Египетскихъ ночахъ», намекая, какъ догадываюсь, на приводимый Ольгой Сергѣевной разсказъ, когда говоритъ, что Чарскаго, имѣвшаго несчастіе писать и печатать стихи, звали въ журналахъ поэтомъ, а въ лакейскихъ—сочинителемъ и излагаетъ затѣмъ слѣдующія мысли, выстраданныя имъ самимъ:

«Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы—пишетъ Александръ Сергѣевичъ—эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. «Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ, и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: «не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго?» Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, или о болѣзни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: «вѣрно что-нибудь сочиняетъ»! Влюбится ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ, и ждетъ уже элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ уже кличетъ своего сынка, и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть ягоды? Чарскій признавался что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣли, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости».

Въ дальнѣйшихъ, слѣдующихъ, строкахъ Пушкинъ очень удачно рисуетъ собственный свой портретъ, начиная съ его отношеній къ свѣту до своей страсти къ печеному картофелю включительно; картофель въ печеномъ видѣ Ольга Сергѣевна всегда приготовляла дядѣ Александру, когда онъ у нея засиживался долѣе обыкновеннаго:

«Чарскій—говоритъ дядя—употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братіи литераторовъ, и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ, но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый, и никогда не касался литературы... Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ радостью и суевѣріемъ молодого москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя:

книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ отличить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей, и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную, торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ, и былъ на всякомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе) [1]), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что тогда только и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: «не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?..»

. . . .

«Сегодня жду къ себѣ мою милую и добрую невѣстку Наташу»— пишетъ Ольга Сергѣева мужу отъ 6-го мая.—«Она готовится сдѣлаться очень скоро матерью, а пока не увижу моего будущаго племянника или племянницу, не хочу и помышлять объ отъѣздѣ не только въ твою «дурацкую Польшу»—не въ огорченіе будь тебѣ сказано (n'en vous déplaise)—о чемъ можешь отложить всякое житейское попеченіе—[2]) но и куда бы ни было изъ Петербурга. Александръ опять сталъ меня убѣждать переселиться къ нему послѣ родовъ жены на все лѣто съ тѣмъ, чтобы няньчиться съ новымъ или новой Пушкиной—кого Богъ ему пошлетъ—но чѣмъ я могу быть полезной? и безъ меня публики у него будетъ довольно.

«Наташа страдаетъ ужасными головокруженіями, но страданія переноситъ безропотно. Она, можно сказать, ангелъ терпѣнія и кротости: отъ нея никто не слышитъ ни досаднаго слова, ни жалобы. Докторъ запретилъ ей выѣзжать на вечера и въ театръ, но совѣтывалъ гулять всякій день по немножку, буде хорошая погода, а Наташа у меня долго не засидится; Александръ за нею пріѣдетъ. Видя ее страдающую, онъ страдаетъ не меньше, чѣмъ она, такъ что я ему

---

[1]) Однажды Ольга Сергѣевна спросила брата, будетъ ли онъ вечеромъ у Талызиныхъ?—Никакъ не могу, такъ какъ чувствую, что сегодня на меня найдетъ дрянь, и буду много писать,—отвѣчалъ Пушкинъ. Л. П.

[2]) Эта фраза написана порусски. Л. П.

сказала въ шутку: «A vous voir, on dirait que ce n'est pas Наташа, mais vous, qui subissez tous les martyrs de l'enfentement». Онъ поручилъ мнѣ тебя извѣстить, что твой пріятель и товарищъ по лицею Дурасовъ сдѣланъ надняхъ камеръ-юнкеромъ. Къ этому Сашка-шалунъ (а онъ шалунъ, когда захочетъ) прибавилъ, что и тебѣ туда же дорога, потому что Паскевичъ, когда съ тобой объясняется, приходитъ отъ тебя въ восторгъ, и при вѣрной оказіи озолотитъ тебя, если не внутри, такъ снаружи; но, сказавъ, что ты у Паскевича на хорошемъ счету, (que tu es en très bonne odeur auprès de Паскевичъ) братъ сообщилъ о тебѣ, увы! и четыре раза увы! (helas, et quatre fois helas!) новую сплетню: дѣло въ томъ, что сюда пожаловалъ изъ Варшавы его знакомый, нѣкто Литке, который ему побожился (qui lui a juré ses grands Dieux), будто бы тебя снабжаютъ жалованьемъ не въ пять тысячъ рублей ассигнаціями, какъ ты писалъ, а въ пять тысячъ злотыхъ—(à raison de cinq mille пятиалтынный, chrétiennement parlant). Александръ этому повѣрилъ, да и написалъ брату Льву, съ тѣмъ однако, чтобы «храбрый капитанъ» тебѣ не проболтался, правда ли это? Оказывается вздоръ, о чемъ Левъ и далъ знать Александру—тоже отъ тебя по секрету. Между тѣмъ, Сергѣй Львовичъ, который было такъ обрадовался, когда я ему говорила о пяти тысячахъ рубляхъ, разсчитывая по этому, что могу обойтись безъ его помощи, впалъ — какъ говорилъ Александръ— въ отчаяніе (est tombé de son haut), когда услышалъ отъ брата новость господина Литке о пяти тысячахъ злотыхъ, и сейчасъ же развязалъ языкъ (il a délié sa langue) передъ матушкой, а она, само собою разумѣется, объѣздила своихъ знакомыхъ подѣлиться соображеніемъ, что если переѣду къ тебѣ въ Варшаву, то познакомлюсь съ одной лишь нетопленной комнатой, да двумя-тремя стульями, совершенно ветхими. Александръ говоритъ, что хотя сплетня и пошла гулять дальше, но онъ бы мнѣ о томъ и не заикнулся, если бы не получилъ опроверженія отъ брата (s'il n'aurait pas reçu un démenti de son frére là dessus).

«Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если и ты письменно подтвердишь Александру неосновательность разсказа Литке, точно такъ же, какъ уже опровергнулъ и пущенные нелѣпые толки о твоей чудовищной размолвкѣ съ Энгелемъ. Александръ, хотя и считаетъ тебя человѣкомъ рыцарски правдивымъ, но мало ли что могутъ ему натрубить, да и меня поставить въ неловкое положеніе; могутъ подумать, что, разсказывая о твоихъ пяти тысячахъ, я хвастунья. Къ счастію Александръ догадался всю эту сплетню распутать».

19-го мая 1832 года у Александра Сергѣевича родилась дочь, названная при крещеніи Маріей, въ честь покойной бабки Пушкина—Марьи Алексѣевны Ганнибалъ. Ольга же Сергѣевна, какъ видно изъ ея письма къ моему отцу, отправленнаго изъ квартиры

дяди Александра, склонясь на просьбу послѣдняго, переѣхала къ нему на короткій срокъ, за нѣсколько дней до появленія на свѣтъ новорожденной. Въ письмѣ отъ 22-го мая, моя мать сообщаетъ, что она «вынуждена была объявить брату напрямикъ о неизбѣжности скораго своего отъѣзда въ Варшаву, не смотря на ея отвращеніе, какъ она выражалась—къ «дурацкой Польшѣ», потому что жить на два хозяйства было немыслимо. Поддержки же отъ Сергѣя Львовича ожидать не предстояло возможности, такъ какъ его казна перешла цѣликомъ въ ящики воровъ-управляющихъ, которые, набивъ себѣ карманы золотомъ, благодушествуютъ и процвѣтаютъ безнаказанно на счетъ стариковъ. (Toute la fortune de mon père, grâce à son inexpérience, est passée dans les tiroirs de ses archivoleurs d'intendants, qui seuls rengorgent d'or et prospèrent impunément, au détriment de nos vieux).

Дядя Александръ—какъ мать, впрочемъ, и ожидала,—возсталъ противъ ея предположенія, говоря сестрѣ, что пока да что, онъ самъ придетъ къ сестрѣ на помощь, съѣздитъ въ Михайловское, и не только прогонитъ оттуда мошенника приказчика, но отдастъ его за воровство подъ судъ, чѣмъ и спасетъ les très chers parents, которые и будутъ выдавать ей правильно проценты съ причитавшейся матери моей суммы, а моему отцу нечего-де связывать себя съ Варшавой; Варшава для русскихъ не постоянное пребываніе, но постоялый дворъ. Такъ дядя и выразился; въ концѣ же концовъ настоялъ, чтобы Ольга Сергѣевна провела лѣто у стариковъ, прибавивъ, что самъ будетъ стараться перевести впослѣдствіи изъ Варшавы сюда Николая Ивановича, если осенью суждено уже будетъ разстаться съ сестрой.

На другой же день послѣ этого разговора, дядя Александръ черкнулъ въ Михайловское приказчику требованіе выслать на его имя немедленно,—подъ страхомъ короткой, но самой безпощадной расправы—часть слѣдуемыхъ Сергѣю Львовичу денегъ. Острастка подѣйствовала: плутъ управляющій струсилъ, и выслалъ если не все требуемое, то часть, которую дядя и вручилъ Сергѣю Львовичу—къ большой радости послѣдняго,—убѣдивъ при этомъ своего отца снабдить сестру извѣстной цифрой, которая могла бы отдалить еще на четыре мѣсяца ея отъѣздъ въ Варшаву.

«По милости моего добраго Александра—пишетъ мать Николаю Ивановичу отъ 30-го мая—можешь мнѣ изъ твоего жалованья за іюнь и іюль выслать меньше. Полученныя отъ отца деньги пойдутъ и на уплату квартиры, и на столъ, и на пару новыхъ для меня скромненькихъ платьевъ. Кромѣ того, Александръ принудилъ меня продать ему мебель, оцѣнивъ ее гораздо выше того, что она стоитъ на самомъ дѣлѣ. Сказалъ, что она ему будто бы необходима, а если ему ее не продамъ, то этимъ его обижу. На эти полученныя отъ него деньги я купила мебель по дешевле, и въ меньшемъ количе-

ствѣ, имѣя въ виду переѣхать осенью къ тебѣ; возьму купленную съ собой. Теперь сижу у брата, и онъ мнѣ объявилъ, чтобы я и не думала отъ него уѣхать раньше субботы. Невѣстка чувствуетъ себя хорошо, а малютка у нея хоть куда; на кого будетъ больше похожа, нельзя сказать, но кажется скорѣе на отца, и выйдетъ такая же крикунья, какъ и онъ, судя по тому, что голоситъ и теперь очень исправно».

Во второй половинѣ іюня старики Пушкины рѣшили ѣхать въ Михайловское, на все лѣто и осень. Хозяйство ихъ шло очень плохо; Александръ же Сергѣевичъ, заботясь о своемъ семействѣ, не могъ заниматься постоянно ихъ просвѣщеніемъ, и сказалъ сестрѣ: «не могу сидѣть надъ моимъ отцомъ съ указкой. Онъ, слава Богу, совершеннолѣтній. Самъ пускай вѣдается, какъ знаетъ!»

Дѣла Сергѣя Львовича не только не улучшились, но произошло и нѣчто худшее: избалованные безпечнымъ бариномъ мужики порѣшили, до будущаго 1833 года, не платить Сергѣю Львовичу оброка, и подкрѣпили такое рѣшеніе поджогомъ своихъ же четырнадцати хатъ, и хлѣба, съ цѣлію получить право на неплатежъ (ils ont résolu — пишетъ Ольга Сергѣевна — se trouvant au cabaret, d'incendier 14 maisons et de brûler le blé, dans l'espoir d'avoir le droit à ne pas le faire). Сергѣй Львовичъ прискакалъ съ Надеждой Осиповной въ Михайловское, велѣлъ «пейзанамъ» собраться у крыльца, затопалъ на нихъ обѣими ногами, предложилъ нѣсколько вопросовъ, въ родѣ слѣдующаго: «когда же сдѣлаетесь людьми, пьяныя свиньи», и... тѣмъ дѣло кончилось.

«Пейзане» почесали покорные затылки, не внесли все-таки ни гроша, а мошенникъ управляющій остался княжить и володѣть еще на четыре года, пока не былъ выгнанъ моимъ отцомъ, о чемъ рѣчь впереди.

Ольга Сергѣевна, выѣхавъ въ половинѣ іюля изъ Петербурга въ Михайловское къ родителямъ, сдала милую ей квартирку въ домѣ Дмитріева, и разсталась съ нею — какъ она мнѣ говорила — заливаясь горькими слезами.

«Покидая мое разоренное гнѣздышко — сообщала мнѣ она — я подчинилась ничѣмъ неодолимому чувству грусти. Предвидѣла я, что не только этотъ любимый мною уютный уголокъ исчезаетъ для меня на вѣки, но и родной мнѣ Петербургъ, къ которому отъ души привязана, въ которомъ родилась, росла, радовалась, страдала — Петербургъ, гдѣ обитаетъ все что близко къ сердцу — долго, а можетъ быть никогда меня не увидитъ. Мнѣ казалось, что комнаты, окна, двери, печки дома Дмитріева говорили мнѣ: «зачѣмъ и на что насъ покидаешь?»

Сопровождая своихъ родителей въ деревню, Ольга Сергѣевна простилась, скрѣпя сердце, съ Александромъ Сергѣевичемъ, но такъ какъ она ему ничего не говорила о принятомъ ею рѣшеніи отпра-

виться изъ Михайловскаго прямо въ Варшаву, увѣривъ, что сдала квартирку изъ экономіи, а мебель беретъ съ собой въ деревню съ тѣмъ, чтобы перевезти ее вновь на другую квартиру, которую непремѣнно найметъ въ Петербургѣ осенью, то Александръ Сергѣевичъ на этотъ разъ, не смотря на свой даръ предчувствія, ей повѣрилъ, и когда сестра, прощаясь съ нимъ и съ невѣсткой, не могла удержаться отъ рыданій, то очень удивился этому, и спросилъ ее о причинѣ ея отчаянія и грусти, которую объяснить себѣ не можетъ, такъ какъ Михайловское не Богъ знаетъ какъ отъ него далеко, а если она уже такъ жалѣетъ его и Наталью Николаевну, то ничто ей не мѣшаетъ пріѣзжать къ нимъ изъ Михайловскаго, да и совсѣмъ къ нимъ переселиться.

«Я должна была выдержать роль до конца»,—говорила мнѣ мать,— «то есть не обмолвиться брату ни единымъ словомъ, что считаю предстоявшую съ нимъ разлуку, если не вѣчной, то очень и очень долговременной».

Привожу затѣмъ ея дальнѣйшія слова—на сколько ихъ помню. Мать разсказала мнѣ объ этой тяжелой для нея минутѣ приблизительно такъ:

«Александръ очень обрадовался моему приходу, и одобрилъ мой планъ ѣхать черезъ нѣсколько дней къ родителямъ, говоря, что лучше ничего и выдумать нельзя; мечтать же о поѣздкѣ въ Варшаву нечего, такъ какъ въ этомъ нѣтъ никакого смысла. Совѣтывалъ онъ мнѣ продолжать въ деревнѣ писать мои воспоминанія, заниматься живописью, и не принимать къ сердцу пустяковъ, помня, что смертные живутъ не два, а одинъ только разъ.

«Невѣстка была особенно ласкова и родственна; опять показала мнѣ новорожденную Машу. Тутъ-то волновавшія меня чувства побѣдили разсудокъ: поцѣловавъ и перекрестивъ малютку, я истерически зарыдала, чему братъ очень удивился. Онъ проводилъ меня на слѣдующій день до Подгорнаго Пулкова, не подозрѣвая, что лишніе его проводы для меня были и лишними, какъ говоритъ пословица—слезами. Но и тутъ о Варшавѣ я ему не заикнулась; однако, благословивъ его, я обняла Александра, мучительно рыдая. Никогда еще я такъ не скорбѣла при прежнихъ съ нимъ разлукахъ; казалось мнѣ, теряю его безвозвратно. Если бы только могла предвидѣть, что во время моего отсутствія созрѣетъ противъ него заговоръ мерзавцевъ, жаждавшихъ его крови, то ни за что на свѣтѣ не удалилась бы изъ Россіи, а во что бы ни стало склонила Николая Ивановича бросить Варшаву, и переѣхать ко мнѣ въ Петербургъ. При всемъ томъ, въ моемъ воображеніи рисовались картины мрачнѣе одна другой.

«Прощаясь со мною, Александръ сказалъ: — Олинька! если такъ тебѣ грустно со мной разставаться, то чтобы не было еще грустнѣе, совѣтую тебѣ не оборачиваться назадъ,

когда твой экипажъ тронется, и на меня не смотрѣть вслѣдъ. Примѣта вѣрная».

«Но совѣту брата, я не послѣдовала, и когда двинулась моя карета, не вытерпѣла, чтобы не обернуться, и еще разъ взглянула на удалявшагося брата»...

. . . .

Итакъ—съ половины іюля до половины октября—Ольга Сергѣевна провела послѣднее время своего пребыванія на русской землѣ — съ которой затѣмъ разсталась на довольно длинный періодъ — у родителей въ Михайловскомъ, посѣщая вмѣстѣ съ ними въ Тригорскомъ своихъ подругъ Вульфовыхъ (братъ ихъ Алексѣй Николаевичъ служилъ въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ тоже въ Варшавѣ), и лежавшія не далеко отъ Михайловскаго вотчины Ганнибаловыхъ, Шушериныхъ, Рокотовыхъ и другихъ знакомыхъ, о которыхъ я упоминалъ уже въ прежнихъ главахъ моей хроники.

Между тѣмъ, отъѣздъ моей матери въ Варшаву къ отцу, гдѣ онъ тогда окончательно устроился и пріискалъ новую квартиру, сдѣлался для Ольги Сергѣевны неизбѣжнымъ, и скрывать этотъ отъѣздъ отъ стариковъ не было уже никакой возможности.

«На той недѣлѣ, — пишетъ она Николаю Ивановичу отъ 6-го августа,—я объявила папà и мамà о твоемъ намѣреніи встрѣтить меня осенью въ Варшавѣ на нанятой уже съ этой цѣлью (dans ce but) тобой квартирѣ, а также и о дальнѣйшей невозможности играть вовсе не присущую мнѣ роль и дѣвушки, и вдовушки, между тѣмъ какъ я ни то, ни другое. Можешь себѣ вообразить, какую я сцену вынесла послѣ этого, и вынесла въ мои-то лѣта! «Дражайшій» изъ себя вышелъ (le дражайшій est sorti hors de ses gonds), мама тоже, оба не понимая никакъ, что я четыре года замужемъ, а въ разлукѣ съ мужемъ гораздо болѣе года, и что не могу же ихъ забавлять моей особой до второго пришествія (et que je ne peux pas les amuser par ma personne jusqu'au jour du jugement dernier) безъ развода съ тобою, а развода совершенно не желаю, къ чему, впрочемъ, кажется, и не предстоитъ ни малѣйшаго повода. Я, по словамъ Александра, Пенелопа второго изданія (moi, au dire d'Alexandre, je suis une Penelope d'une seconde édition), а что касается до тебя, мой дорогой,—сердись или не сердись для меня все равно,—ты, слава Богу, далеко не такъ обворожителенъ, чтобы записаться въ новѣйшіе Донъ-Жуаны, (et à ce qui vous concerne, mon cher, ne vous en déplaise—cela m'est parfaitement égal—vous êtes bien loin d'être séduisant, pour que votre nom soit inscrit au régistre des Dons-Juans modernes), и даже если бы ты не уступалъ въ красотѣ не только Донъ-Жуану, но и самому Нарцису, то и тогда не съумѣлъ бы этимъ качествомъ воспользоваться какъ слѣдуетъ: вести съ дамами интересныя для нихъ бесѣды никакъ не можешь,

а желая отпустить дамамъ сколько-нибудь сносный комплиментъ, попотчуешь ихъ такой — по невинности души твоей — дерзостью, вслѣдствіе которой онѣ рады будутъ съ тобой и не встрѣчаться. Опасенъ, нечего говорить!

«Все это я высказала дражайшимъ, и истощила передъ ними много доказательствъ необходимости переселенія къ тебѣ, помимо моего какого-то непонятнаго отвращенія къ Польшѣ, гдѣ вдали отъ родныхъ рѣдко услышу и родное, русское слово. Моей рѣчью я ихъ повидимому убѣдила: по крайней мѣрѣ «Мольеровскихъ сценъ» послѣ этого уже не было: теперь отецъ ограничивается тѣмъ, что обливаетъ меня слезами, а Вульфамъ, Рокотовымъ и Веніамину Петровичу Ганнибалу проповѣдуетъ мое упрямство. Лучше бы доказалъ иначе, что меня любитъ. Мать же, увѣряя будто бы ты слишкомъ занятъ службой, чтобы обо мнѣ думать,—а въ Варшавѣ у тебя въ свободные часы бездна, дескать, пріятелей вполнѣ меня замѣняющихъ, (каково?!)—твердитъ мнѣ всякій Божій день, что она не можетъ привыкнуть къ моему намѣренію жить съ тобою. Каково мнѣ переносить всѣ ея причитыванія? Еще хорошо, что я упросила родителей ничего пока не писать брату Александру о моемъ рѣшеніи; не то, присоединился бы къ нимъ, и сталъ бы угощать меня тоже, правда, не изустными, но совершенно напрасными письменными сценами, для чего и радъ былъ бы преодолѣть свою лѣнь на переписку,—переписку, которая подѣйствовала бы какъ нельзя хуже на мои нервы. Къ счастію, нервы теперь, у меня окрѣпли, а мой первобытный нравъ опять взялъ преимущество[1]). Я веселѣе и беззаботнѣе чѣмъ всякая другая, которая очутилась бы на моемъ мѣстѣ. Что дѣлать? Стараюсь разсѣяться прогулкою, при хорошей погодѣ, а при дурной—чтеніемъ и живописью; кромѣ того, утѣшаю себя мыслію, что покидая родителей помимо ихъ воли, покидая друзей, мѣста, среди которыхъ провела нѣсколько свѣтлыхъ лѣтъ моей жизни, вновь найду тебя, мой мнимый Донъ-Жуанъ; а ты имѣешь въ виду мое благополучіе, и отъ тебя зависитъ уже затѣмъ всецѣло и мое счастіе».

Привожу затѣмъ нѣкоторыя выдержки изъ писемъ Ольги Сергѣевны къ моему отцу за августъ того же 1832 года, на сколько письма эти касаются Александра Сергѣевича.

Въ одномъ изъ нихъ моя мать, разсказывая о домашнемъ бытѣ своего брата, и упоминая о ея послѣднихъ съ нимъ свиданіяхъ, сообщаетъ уже не пофранцузки, а порусски:

... «Александръ, когда возвращался при мнѣ домой, цѣловалъ свою жену въ оба глаза—считая это привѣтствіе самымъ подходящимъ выраженіемъ нѣжности, а потомъ отправлялся въ дѣтскую, любоваться своей «Машкой», какъ она находится или на рукахъ

[1]) Послѣдняя фраза порусски, и слово «первобытный» подчеркнуто. Л. П.

у кормилицы, или почиваетъ въ колыбелькѣ, и любовался ею довольно долго, часто со слезами на глазахъ, забывая что супъ давно на столѣ.

«Говорилъ онъ мнѣ, что дѣвочку назвалъ Маріей и въ честь бабушки, а отчасти потому, что не хотѣлъ дать дочери другого имени, которое можно было бы коверкать, согласно народной фантазіи, чего и будетъ всегда избѣгать, если Богъ пошлетъ ему дальнѣйшихъ наслѣдниковъ. Братъ увѣряетъ, что ни одинъ народъ такъ не коверкаетъ собственныя имена, какъ мы, русскіе; и, къ сожалѣнію, не одно наше простонародье. Напримѣръ, имена женскія: Евдокія, у насъ—Авдотья, Аквилина—Акулина, Агрипина—Аграфена, Елена—Алёна, Февронія—Хавронья, а мужскія: Іосифъ—Осипъ, Флоръ—Фролъ, Антоній—Антонъ, Парфеній—Парфёнъ, такъ что изъ благозвучныхъ именъ—въ особенности изъ Февроніи и Флора—наши соотечественники возлюбленные ухитрились сотворить уже не имена, а клички, безобразныя для уха». . . . .

. . . .

Въ другомъ письмѣ Ольга Сергѣевна, сообщая мужу о настроеніи духа брата-поэта, и соболѣзнуя о его мнительности, излагаетъ слѣдующія мысли Пушкина, которыя и перевожу, такъ какъ это письмо моей матери—подобно прочимъ—за исключеніемъ предшествововшаго—французское:

... «Александръ мнѣ сказалъ, что не вѣритъ прочности своего семейнаго счастія. Въ своей Наташѣ онъ, правда, видитъ совершенство, и даетъ голову на отсѣченіе (il met sa tête en gage), что она въ отношеніи къ нему всегда пребудетъ чиста и непорочна, и что иначе, при ея христіанскомъ благочестіи и страхѣ Божіемъ, быть не можетъ; быть иначе не можетъ также и потому, что она видитъ передъ собой человѣка, который любитъ ее—сказать лучше влюбленъ въ нее безъ памяти,—предупреждаетъ, какъ можетъ, ея желанія, на сколько они удобоисполнимы,—человѣка, который молитъ Создателя, чтобы всѣ предназначенныя ей свыше невзгоды пали не на нее, а на него. Но, не смотря на свою увѣренность, братъ говорилъ мнѣ, что онъ иногда считаетъ себя самымъ несчастнымъ существомъ (un être des plus malheureux)—существомъ, близкимъ къ сумасшествію, когда видитъ свою жену, разговаривающую и танцующую на балахъ съ красивыми молодыми людьми; одно уже прикосновеніе чужихъ мужскихъ рукъ къ ея рукѣ причиняетъ ему приливы крови къ головѣ (lui fait monter le sang à la tête), и тогда на него находитъ мысль, не дающая ему покоя, что жена его, оставаясь ему вѣрной, можетъ измѣнять ему мысленно (mentalement). На мое замѣчаніе, что онъ сражается съ привидѣніями, Александръ мнѣ сказалъ, что моя мысль несправедлива, и опять повторилъ свое предположеніе о возможности не фактическаго предпочтенія,—которое, по благородству и благочестію Наташи, пред-

полагать въ ней просто грѣшно—но о возможности предпочтенія ею мысленнаго другихъ передъ нимъ. Разговоръ мой съ нимъ происходилъ, разумѣется, съ глазу на глазъ, и онъ молилъ меня Христомъ и Богомъ не упоминать Наташѣ о сказанномъ ни полслова. Признался мнѣ братъ, что онъ во время каждаго бала дѣлается мученикомъ, а затѣмъ проводитъ отъ гнетущей его, тяжелой мысли, безсонныя ночи» [1]).

Какъ видно по напечатаннымъ письмамъ дяди къ Натальѣ Николаевнѣ изъ Москвы—куда онъ ѣздилъ въ концѣ сентября, недѣли на три,—Пушкинъ намекаетъ ей, хотя и въ шуточномъ дружескомъ тонѣ, на то, что ея бесѣды съ посторонними кавалерами ему не совсѣмъ по нутру, а въ письмѣ отъ 27-го сентября говоритъ между прочимъ: «Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать П...а тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ «хоть я въ тебѣ и увѣренъ», но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ». Отъ 30-го числа дядя шутитъ слѣдующимъ образомъ: «Мы (т. е. Пушкинъ и Баратынскій) всякій день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебя мнѣ подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не Мадонны etc. etc. Знаешь русскую пѣсню: «Не дай Богъ хорошей жены, хорошу жену часто въ пиръ зовутъ, а бѣдному-то мужу въ чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ»...

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что по словамъ моей матери, Наталья Николаевна, будучи нрава довольно веселаго, любила

---

[1]) Въ изданной академикомъ Я. К. Гротомъ книгѣ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (стр. 211), напечатанъ одинъ изъ сохранившихся въ бумагахъ П. А. Плетнева списковъ съ автографовъ дяди; въ немъ находится пропущенная въ окончательномъ текстѣ XV и XVI строфа къ VI главѣ Евгенія Онѣгина, въ которой безсмертный поэтъ художественно изображаетъ собственныя свои чувства, упоминаемыя въ вышеприведенномъ письмѣ моей матери:

«Да, да, вѣдь ревности припадки—
«Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
«Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
«Какъ поврежденіе ума.
«Она горячкой пламенѣетъ,
«Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
«Сны злые, призраки свои.
«Помилуй Богъ, друзья мои!
«Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
«Ея терзаній роковыхъ.
«Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
«Тотъ ужъ конечно безъ боязни
«Взойдетъ на пламенный костеръ,
«Иль шею склонитъ подъ топоръ».

Л. П.

иногда подшучивать надъ родными и хорошими знакомыми, и подшучивать надъ ними въ глаза, а никакъ не за глаза, зачастую, впрочемъ, не разбирая въ игривомъ ли расположенін духа ея слушатели или нѣтъ. Она вообще любила, въ веселыхъ бесѣдахъ, ихъ поддразнивать (les taquiner), не думая ихъ обижать. Вѣроятно и вышеприведенные намеки мужа были ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ того же добродушнаго поддразниванія, которое, однако, Пушкинъ терпѣть вообще не могъ, будь подобное поддразниванье словесное или письменное. Короче, покойная моя тетка не поняла мужа съ этой стороны какъ слѣдуетъ, не постигнувъ его до крайности неровный характеръ—характеръ при томъ подозрительный, мнительный. И безъ поддразниваній въ шуточномъ тонѣ, онъ былъ ожесточенъ серьезными поддразниваньями «добрыхъ людей», которые и тогда уже были не прочь утопить Пушкина въ столовой ложкѣ, выжидая только удобнаго для этого случая.

Александръ Сергѣевичъ останавливался въ Москвѣ у своего друга Павла Воиновича Нащокина, посѣщалъ — какъ выше сказано—Сонцовыхъ, Евгенія Абрамовича Баратынскаго, Михаила Петровича Погодина, котораго впослѣдствіи приглашалъ помогать ему въ архивныхъ трудахъ [1]), но занятъ былъ преимущественно исполненіемъ своихъ литературныхъ предпріятій. «Мнѣ пришелъ въ голову романъ (вѣроятно дядя имѣлъ тогда въ виду «Капитанскую дочку»)—пишетъ Пушкинъ Натальѣ Николаевнѣ,—и я вѣроятно за него примусь; но покамѣсть, голова моя кругомъ идетъ при мысли «о газетѣ». Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровья Отрыжкову (такъ дядя прозывалъ всегда Наркиза Ивановича Отрѣшкова, о которомъ я упоминалъ выше); авось вывезетъ».

. . . .

XXXII.

Не распространяясь подробно о томъ, какъ мой дѣдъ и бабка привыкли, въ концѣ концовъ, къ мысли, что разлукѣ съ дочерью рано ли поздно ли имъ не миновать, и не описывая подробно послѣдніе дни пребыванія Ольги Сергѣевны въ Михайловскомъ, скажу, что моя мать покинула родительскій очагъ 6-го октября 1832 года, недѣли за полторы до возвращенія дяди Александра изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ онъ опять перемѣнилъ квартиру, поселившись въ болѣе для него удобной, хотя и болѣе дорогой—на Большой Морской, въ домѣ тогдашняго богача Жадимеровскаго.

---

[1]) Въ слѣдующемъ году, по ходатайству Пушкина, архивы, кромѣ тайнаго, открыты были и Погодину, какъ видно изъ письма къ нему моего дяди отъ 5-го марта слѣдующаго 1833 года. Л. П.

Ольга Сергѣевна выѣхала 6-го октября изъ Михайловскаго во Псковъ, куда ее провожали, кромѣ родителей, и воспѣтыя дядей ея подруги—обитательницы Тригорскаго—Анна Николаевна Вульфъ, сестра ея Евпраксія Николаевна Вревская, ихъ мать Прасковья Александровна Осипова, и кузены Ганнибалы—Семенъ Исаковичъ и Веніаминъ Петровичъ; по милости неизмѣнной веселости всей этой беззаботной компаніи, настроившихъ на мажорный тонъ расположеніе духа какъ стариковъ Пушкиныхъ, такъ и уѣзжавшей, разлука обошлась безъ лишнихъ патетическихъ сценъ со стороны Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны; дѣдъ удалился въ уголъ, и тихо заплакалъ; прослезилась и бабка, послѣ чего оба стали проклинать Варшаву и Польшу. При окончательномъ разставаньѣ, Сергѣй Львовичъ написалъ любезное письмо Николаю Ивановичу, а Надежда Осиповна, не сказавъ о зятѣ, по обыкновенію, ни полслова, вручила дочери только записку Льву Сергѣевичу, и просила ее поклониться брату «Тригорскихъ сосѣдокъ»—Алексѣю Николаевичу Вульфу.

Изъ Пскова Ольга Сергѣевна отправилась въ дальнѣйшій путь на Варшаву—чрезъ Динабургъ, Вильно и Брестъ-Литовскъ—въ сопровожденіи двухъ прислугъ; ѣхала на почтовыхъ, но въ собственной каретѣ, пріобрѣтенной на часть выхлопотанныхъ Александромъ Сергѣевичемъ у Сергѣя Львовича денегъ.

Послѣднее письмо Ольги Сергѣевны Николаю Ивановичу, гдѣ она сообщаетъ ему все изложенное мною выше, помѣчено изъ Динабурга.

По пріѣздѣ Ольги Сергѣевны въ Варшаву открывается постоянная, послѣдовательная съ нею переписка дѣда и бабки. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна сообщаютъ ей въ стройномъ, систематическомъ порядкѣ событія, касающіяся какъ ихъ семейнаго очага, такъ и обстоятельствъ, случившихся съ покойнымъ нашимъ поэтомъ. Переписка эта и послужила мнѣ, главнымъ основаніемъ, при веденіи настоящей хроники съ конца 1832 по 1836 годъ, т. е. до кончины бабки. Разсказы же о событіяхъ 1837 года, заканчивающіе отдѣлъ моихъ воспоминаній, предлагаемыхъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» основаны преимущественно на записанныхъ мною словахъ моихъ родителей, и дополняются какъ изустными сообщеніями лицъ, стоявшихъ болѣе или менѣе близко къ Александру Сергѣевичу, такъ и нѣсколькими письмами остававшагося въ живыхъ Сергѣя Львовича. Передавалъ онъ моимъ родителямъ, кромѣ письменныхъ сообщеній, и изустно не мало фактовъ, слышанныхъ мною отъ Ольги Сергѣевны и Николая Ивановича впослѣдствіи, когда онъ ихъ посѣтилъ въ 1842 и 1846 годахъ.

«Милые безцѣнные мои дѣти, Оля и Леонъ»—пишетъ Надежда Осиповна отъ 20-го октября. «Пишу вамъ въ Варшаву обоимъ: вы теперь вмѣстѣ. Благодарю тебя, Оля, за оба письма изъ Динабурга

и Бреста. Они были мнѣ—хотя и грустнымъ, но все-таки большимъ утѣшеніемъ въ первые дни горькой разлуки съ тобою—отъ которой не могу еще опомниться, а ты, милый Леонъ, будь въ насъ увѣренъ: сдѣлаемъ все, что сочтемъ возможнымъ вывести тебя изъ настоящихъ твоихъ денежныхъ затрудненій, лишь бы ты взялъ себѣ отпускъ, а тамъ совсѣмъ у насъ поселился. Слава Богу, внесъ и ты долю въ безсмертный вѣнокъ послѣднихъ подвиговъ славной русской арміи! Весьма и весьма уже долго ведешь кочующую жизнь безъ опредѣленной до сихъ поръ будущности, и утѣшь насъ, бѣдныхъ твоихъ стариковъ! Александръ возвратился въ Петербургъ, но у насъ въ Михайловскомъ не будетъ. Собственноручныхъ отъ него извѣстій и послѣ нашей съ тобой, Ольга, разлуки отъ него не было — статься можетъ и писалъ, но письма не дошли; свѣдѣнія же о его возвращеніи получили отъ П. А. Осиповой, а она — отъ третьяго лица (par une personne tierce). Такимъ образомъ, мы только отъ нея узнали, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы съ мучительнымъ ревматизмомъ въ правой ногѣ, но не смотря на это, возится съ переборкой на новую квартиру; узнали мы и то, что у его Наташи показались опять нѣкоторые признаки беременности, чему Александръ очень радъ. Лишь бы берегла себя, не то онъ съ ума сойдетъ отъ безпокойства.

«Онъ отъ насъ отрѣзанный ломоть: все равно что въ разлукѣ, а вы, Оля и Леля,[1]) отъ насъ далеко, очень далеко. Такая разлука со всѣми нашими дѣтьми раздираетъ мое сердце (cette séparation avec tous nos enfants me navre le coeur). Какая старость, Боже мой, выпала на нашу долю—проводить послѣдніе дни жизни вдали отъ дѣтей! Отцу вашему,—какъ предчувствую — долго не вынести подобнаго горя: онъ сдѣлался въ послѣднее время такъ хворъ, что мнѣ просто страшно, а на той недѣлѣ очень, кромѣ того, простудился; всякая бездѣлица вызываетъ у него нестерпимые приступы кашля; вчера же приступъ былъ такъ ужасенъ, что его чуть-чуть не задушило (et hier l'accès etait si terrible, que papa a manqué d'être étouffé). Единственнымъ для него лѣкарствомъ—получать отъ васъ извѣстія, какъ можно чаще, и писать вамъ; тогда онъ и чувствуетъ облегченіе. Можешь послѣ этого, милый Леонъ, судить, какъ благотворно подѣйствуетъ на него ожидаемое свиданіе съ тобой! Можешь ли сомнѣваться въ томъ, что съ нашей стороны мы готовы на всѣ жертвы, лишь бы осуществить его? (Juge donc, cher Léon, combien le plaisir de te revoir lui fera du bien, et si nous ne sommes pas capables de faire tous des sacrifices, pour nous procurer cette douce satisfaction?) Ради Бога—не лишай насъ надежды тебя увидѣть еще разъ. Папа поручаетъ тебѣ сказать, что онъ тебѣ сейчасъ выслалъ бы деньги, если бы могъ заложить что-нибудь, но

[1]) Уменьшительныя имена писаны порусски. Л. П.

къ несчастію заложить-то ему теперь нечего! Надо пріискать другой источникъ—короче, во чтобы ни стало (bref, coûte qui coûte), расчитывай всегда на него, и на меня: знаешь мою дѣятельность, когда дѣло касается моихъ дѣтей (tu sais, comme je suis active quand il s'agit de mes enfants).

«Непремѣнно будемъ ожидать тебя, Леонъ, весной, къ маю, послѣ нашего возвращенія сюда въ Михайловское изъ Москвы, а въ Москву—если только папа оправится—непремѣнно должны уѣхать прямо отсюда въ декабрѣ, по дѣламъ о наслѣдствѣ бѣднаго нашего Василія Львовича. Вотъ уже болѣе года, какъ его на свѣтѣ не стало». . . . .

Сергѣй Львовичъ, дѣйствительно, какъ видно изъ послѣдующихъ его писемъ, страдалъ припадками сильнаго кашля, о чемъ и распространяется довольно подробно, а объ Александрѣ Сергѣевичѣ сообщаетъ младшему сыну и дочери слѣдующее:

«Наконецъ, Александръ написалъ, и все что̀ о немъ разсказывали, оказалось сущей правдой. Письмо его о беременности Наташи тоже усилило мою радость: я радъ почти такъ же какъ и онъ, но въ то же время письмо это и огорчило меня, когда прочелъ о его физическихъ страданіяхъ, превысившихъ разсказъ Прасковьи Александровны. Ревматизмъ разыгрался у него въ ногѣ еще до выѣзда изъ Москвы, и, судя по письму, Александръ страдаетъ ужасно (il souffre mort et martyre). Снаружи нога какъ нога: ни красноты, ни опухоли, но адская—поистинѣ адская—внутренняя боль дѣлаетъ его мученикомъ; говоритъ, что боль отражается во всемъ тѣлѣ, да и въ правой рукѣ, почему и почеркъ не твердый и не разборчивый, который насилу изучилъ, читая болѣе часа довольно длинное, не смотря на болѣзнь сына, посланіе. Не можетъ онъ безъ ноющей боли ни лечь, ни сѣсть, ни встать, а ходить тѣмъ болѣе; отлучаться же изъ дома Александръ былъ принужденъ и ради перемѣны квартиры, и ради другихъ дѣлъ, опираясь на палку какъ восьмидесятилѣтній старецъ, (comme un octogenaire). Жалуется, что Наташа дала, во время его отсутствія, слишкомъ большую волю прислугѣ, почему и вынужденъ былъ по пріѣздѣ, не смотря на болѣзнь, поколотить хорошенько извѣстнаго вамъ пьяницу Алешку за великіе подвиги онаго, и отослать его назадъ въ деревню. Алешка всегда пользовался отсутствіемъ барина, чтобы повеселиться посвоему. Мой бѣдный Саша, кромѣ болѣзни и домашнихъ заботъ, имѣетъ непріятности всякаго рода относительно его сочиненій. Бенкендорфъ придирается къ нему неимовѣрно, что̀ и причиняетъ моему сыну ужасное настроеніе духа. Достаточно прочесть его письмо, чтобы это замѣтить. (Benkendorff lui fait des chicanes inouïes, ce qui rend mon fils d'une humeur atroce, dont on s'aperçoit, rien qu'en lisant sa lettre). Александръ говоритъ, что не можетъ, милая Ольга, вспоминать о тебѣ безъ слезъ, и очень сѣтуетъ, что ты скрыла передъ нимъ твой роковой планъ

уѣхать отъ него и отъ насъ въ Варшаву, куда,—если бы Александръ только предвидѣлъ твое намѣреніе—ни за что тебя бы не пустилъ. Говоритъ, что лѣтомъ или тебя къ себѣ выпишетъ, или же—если обстоятельства позволятъ—самъ за тобой въ Варшаву заѣдетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: отчего Сашѣ въ Польшу не прокатиться? Объ этой странѣ (de ce pays) онъ только судитъ по книгамъ, журналамъ, моимъ разсказамъ и разсказамъ знакомыхъ, да по твоимъ, Леонъ, короткимъ письмамъ, а настоящей-то Варшавы и настоящей Польши въ глаза не видалъ; между тѣмъ, и этотъ край могъ бы заинтересовать Александра не менѣе Бессарабіи и такъ же, какъ она, послужить богатымъ предметомъ его поэтическихъ вдохновеній. Наташа вѣрно его отпуститъ на недѣлю, пожалуй на мѣсяцъ, а тамъ и ты бы, Ольга, пріѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Но увы! чувствую, что строю воздушные замки (mais helas! je sens que je fais des chateaux en Espagne), а строить ихъ въ мои лѣта и жалко и грустно... Сынъ очень безпокоится о вашемъ здоровьѣ друзья мои, Леля и Оля, а вмѣсто того, чтобы вамъ писать, проситъ васъ черезъ меня объяснить напечатанную въ газетѣ статью подъ рубрикой «Варшава». Въ статьѣ сказано, что погода въ Варшавѣ хотя и ненастная, но число умирающихъ и больныхъ значительно уменьшается. Слѣдовательно, какъ онъ полагаетъ, у васъ эпидемія, и большая смертность? Отвѣтьте пожалуйста на это и мнѣ и Александру, а на его молчаніе не глядите. Переписывается только съ пріятелями, а переписываться съ нами, родными, не имѣетъ привычки. Если же написалъ мнѣ теперь, то какимъ-то чудомъ. . .

. . . .

... «Александръ очень доволенъ твоей встрѣчей съ Елизаветой Алексѣевной[1]). Воображаю, какъ она тебѣ обрадовалась, не видавши столько лѣтъ! Въ ея гостепріимномъ домѣ опять увидишь все наше русское, родное; не почувствуешь себя, по крайней мѣрѣ, на чужбинѣ (au moins tu n' y sera pas dépaysée), и отведешь съ нею душу, вспоминая о давно минувшемъ твоемъ дѣтствѣ. Всѣ мы поручаемъ себя ея доброй памяти (nous nous vouons tous à son bon souvenir). Передай ей это!» . . . .

. . . .

Въ декабрѣ, какъ видно изъ писемъ, дѣдъ и бабка выѣхали въ Москву по дѣламъ о наслѣдствѣ послѣ Василія Львовича, и останавливались въ Твери на нѣсколько дней, откуда Сергѣй Львовичъ сообщаетъ дочери трагическую смерть А. А. Шишкова въ слѣдующихъ словахъ:

«Здѣсь произошло надняхъ ужасное событіе: молодой Шишковъ,

---

[1]) Супруга фельдмаршала Паскевича, рожденная Грибоѣдова. Съ ея матерью Пушкины состояли въ родствѣ.

прелестный поэтъ (un charmant poète), которому Александръ нѣкогда посвятилъ посланіе, палъ мертвымъ, пораженный кинжаломъ на улицѣ среди бѣлаго дня. Несчастнаго отправилъ на тотъ свѣтъ господинъ Ч—ъ, который уже убилъ на дуэли господина Н—ва. Убійца позволилъ себѣ отозваться, въ присутствіи Шишкова, не совсѣмъ лестно о женѣ послѣдняго. Шишковъ, въ порывѣ негодованія, нанесъ послѣ того наглому клеветнику должное возмездіе. Ч. настоялъ (l'a sommé), что бы Шишковъ слѣдовалъ за нимъ со всѣми наличными свидѣтелями. Всѣ отправились вслѣдъ за враждовавшими въ полномъ—само собою разумѣется—убѣжденіи, что злополучная исторія закончится не иначе какъ поединкомъ не на животъ, а на смерть; но Ч—въ, прежде нежели дойти до своей квартиры, внезапно бросается на Шишкова и зарѣзываетъ его (et l'assassine) нѣсколькими ударами... Затѣмъ отдаетъ самъ себя въ руки правосудія, въ качествѣ убійцы. Можешь себѣ представить, какой въ городѣ произошелъ переполохъ! Александру ничего однако не пишу; не желаю, что бы онъ первый узналъ отъ меня объ ужасной кончинѣ человѣка, къ которому былъ искренно расположенъ. Сообщая тебѣ объ этомъ неслыханомъ злодѣяніи, воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ по этому предмету разсужденій.

«Катастрофа меня поразила.. происшествіе не веселое, нечего сказать, но заставляющее меня не мало призадумываться, и приводящее въ содроганіе (je m'abstiens de faire mes reflexions. Cela m'a terrassé!.. Cela n'est pas gai, il n'y a rien à dire, mais cela me fait penser beaucoup, et me donne la chaire de poule, chaque fois quand j' y songe)».

Считаю не лишнимъ замѣтить, что дядя Александръ дѣйствительно написалъ А. А. Шишкову любезное посланіе, начинающееся слѣдующими строками:

«Шалунъ, увѣнчанный Эратой, и Венерой,
«Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
«Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
«Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
«Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
«Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
«Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
«Твою счастливую качали колыбель.[1])
. . . .

Сергѣй Львовичъ, пріѣхавъ съ женой въ Москву мѣсяца на три, остановился первое время у своего зятя М. М. Сонцова, въ домѣ «Дуракова», на счетъ чего и шутитъ съ дочерью и сыномъ Львомъ, порусски, въ слѣдующихъ строкахъ:

---

[1]) См. соч. Пушкина. Изданіе Суворина, т. III, стр. 42.

«Не могу, милыя мои дѣти, удержаться отъ смѣха, посылая вамъ адресъ съ фамиліей нашего хозяина. Но да утѣшится сей гражданинъ почтенный, сообразивъ, что онъ въ сущности совсѣмъ не то, чѣмъ его всѣ смертные называютъ, а главное—да возвеселится и возрадуется, что съ моимъ пріѣздомъ поселился у него человѣкъ—смѣю васъ увѣрить—подобно моему зятю—не совсѣмъ глупый, съ чѣмъ и можно онаго гражданина поздравить».

Левъ Павлищевъ.

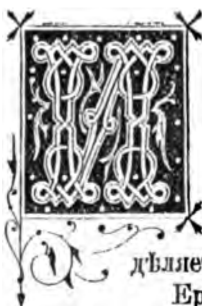
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОКОНСУЛЪ КАВКАЗА[1].

VII.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ I неизмѣнно благоволилъ Ермолову, но, въ особомъ смыслѣ, не довѣрялъ ему. На это много причинъ и главною было различіе характеровъ.

Не смотря на тождество лѣтъ, не смотря на то, что государь цѣнитъ Ермолова, а послѣдній всей душой преданъ государю,—нѣчто внутреннее раздѣляетъ ихъ.

Ермоловъ, по самому темпераменту, чуждъ «міровой скорби» и почти исключительно считается съ фактами практической жизни. Первымъ, по времени, русскимъ Гамлетомъ, первымъ «человѣкомъ сороковыхъ годовъ», первымъ «лишнимъ человѣкомъ» въ Россіи (объ этомъ типѣ см. у Тургенева) былъ Александръ I.

Въ Ермоловѣ, не смотря на высокій постъ, ключемъ бьетъ непосредственность. Какъ только годы утомили кровь, а общее теченіе политической жизни позволило сосредоточиться, весь внутренній бытъ государя обратился въ скорбное чувство неудовлетворенности и безсильной жажды идеала. Государя заѣдала болѣзненная склонность къ выворачиванію всякой изнанки, къ скептическому анализу всякаго факта, всякой идеи.

Ермоловъ, просто «человѣкъ дѣла». При своемъ обширномъ умѣ, государь склоненъ къ доктринерству, къ замѣнѣ дѣйствительности предвзятыми теоріями. Отсюда неисчислимыя противурѣчія.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIII, стр. 258.

Государь былъ либераломъ. Будущее царствованіе не безосновательно подозрѣвало Ермолова въ нѣсколько свободномъ отношеніи къ установившейся рутинѣ. Но либерализмъ государя, благодаря игнорированію «человѣка» со всѣми его хорошими и дурными сторонами, принялъ какую-то неземную оболочку; для населенія его либеральныхъ палестинъ требовались почти ангельскія души.

Идеальныя стремленія Александровской эпохи отразились и на Ермоловѣ; но, въ его лицѣ, они соединились съ русской сметкой. Либерализмъ Ермолова менѣе возвышенъ, но болѣе практиченъ. Не возлагая на человѣческую совѣсть «бремена тяжелыя и неудобоносимыя», онъ приходился по мѣркѣ бо̀льшему числу людей и прилагался къ бо̀льшей массѣ событій.

Назначенный въ 1821 году главнокомандующимъ русской арміи, которую предполагалось послать въ Италію на помощь австрійцамъ, Ермоловъ неохотно принимаетъ начальство и болѣе всѣхъ радуется отмѣнѣ экспедиціи. Могло ли быть иначе? Государь желалъ поддержать этой экспедиціей божественный принципъ, насколько онъ представляется всякой установленной властью, противъ свойственныхъ человѣчеству увлеченій. Гдѣжъ логика! — долженъ былъ подумать Ермоловъ. За что онъ преслѣдовалъ хана шекинскаго? (Вѣдь тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, «установленная власть»). Почему защищаетъ итальянскихъ деспотовъ? (Ужели потому, что они тиранствовали на европейскій ладъ!) При этомъ, какъ практикъ военнаго дѣла, Ермоловъ не могъ игнорировать интриги Австріи и трудность предстоящаго театра войны. Представляясь государю въ Лейбахѣ, Ермоловъ не скрывалъ своихъ мыслей и, кажется, убѣдилъ въ безполезности экспедиціи [1]).

Поднялись греки. Снова появляется на сценѣ «божественный принципъ», на этотъ разъ, въ пользу султана. «Государь часто говорилъ со мною о грекахъ, — пишетъ Ермоловъ, — я утверждалъ о необходимости войны въ защиту ихъ, въ спасеніе! Безуспѣшно! Государь старался доказать мнѣ противное» [2]). Разумѣется тоже безуспѣшно.

Другой случай внутренняго противурѣчія между государемъ и Ермоловымъ представляетъ нѣкто Ванъ-Галенъ. Для Ермолова — это храбрый помощникъ и честный ма̀лый, весьма кстати явившійся въ моментъ осады черкесскаго аула; для государя это испанскій республиканецъ, представитель мятежнаго принципа. Если «проконсулъ» нѣсколько держался взглядовъ запорожскаго атамана Сѣрка: «Помогай чортъ людямъ, то и имъ въ крайности не слѣдуетъ брезгать», то государь выказывалъ иногда излишнюю прямо-

---

[1]) Записки Ермолова, II, 125. Погодинъ, 243.
[2]) Погодинъ, 244.

линейность. Исполняя настойчиво выраженную волю государя, Ермоловъ удалилъ Ванъ-Галена, давъ ему, однако, денегъ на дорогу [1]).

Еще задолго до Ермолова, государь съ недовѣріемъ смотрѣлъ на военную предпріимчивость мѣстнаго начальства. Издали казалось, что не черкесы насъ вызываютъ, а мы ихъ вызываемъ. Читая великолѣпныя реляціи Ртищева, государю не разъ приходило въ голову: не предприняты ли многіе наши походы въ горы только ради отличія и добычи. Незнакомство петербургскихъ сферъ съ мѣстными условіями заходило такъ далеко, что однажды, всего за годъ до Ермолова, прочитавъ донесеніе Ртищева объ экспедиціи князя Эристова въ Чечню, государь выразилъ свое неудовольствіе и рекомендовалъ водворять спокойствіе на кавказской линіи дружелюбіемъ и ласковымъ снисхожденіемъ, какъ это удалось относительно киргизовъ, населяющихъ сибирскую линію [2]).

И вдругъ, та система открытаго вызова, тѣ пріемы войны, которые только прорывались при Циціановѣ и Ртищевѣ, взяты Ермоловымъ въ основаніе кавказской политики! Конечно, Ермоловъ убѣдилъ государя въ томъ, что заискиваніе дружбы и добраго сосѣдства съ черкесами ни къ чему хорошему не ведетъ; но математика не всегда рѣшаетъ вопросы жизни. Прямое требованіе подданства, съ захватами лучшихъ земель, пожарами ауловъ и казнями мятежниковъ, глубоко противурѣчили натурѣ императора.

Будучи увѣренъ въ безграничной преданности, благоразуміи, прямодушіи, талантахъ, честности и безкорыстіи Ермолова, государь не могъ, однако, кое-что забыть изъ исторіи 1812 года.

— Какъ поступить съ плѣнными?—спрашиваетъ Ермолова партизанъ Фигнеръ.

— Вступившимъ съ оружіемъ въ русскую землю — смерть! — отвѣчаетъ Ермоловъ [3]).

— Noir comme le diable,—отозвался государь,—mais tout autant de moyens [4]).

«Homme aux grands moyens», — прозвали Ермолова въ войну 1812 года [5]).

Читая красиво изложенныя, неотразимо логичныя, но грозныя по смыслу соображенія Ермолова, государь не разъ думалъ: «горе черкесамъ!» Кто знаетъ, не къ одной ли изъ такихъ минутъ относится посмертная записка государя, въ которой онъ упрекаетъ себя въ лѣности, когда другіе бѣдствуютъ [6]).

Какъ всегда бываетъ съ людьми противъ воли принимающими

---

[1]) Записки Ванъ-Галена, «Истор. Вѣстн.» 1884 г., іюнь, 651.
[2]) Зиссерманъ, I, 328.
[3]) Фигнеръ, Партизанъ Фигнеръ. «Истор. Вѣстн.» 1884 г., ноябрь, 140.
[4]) Записки де-Санглена, «Рус. Стар.» 1883 г., мартъ, 551.
[5]) Погодинъ, 138.
[6]) «Рус. Стар.» 1883 г., декабрь, 658.

извѣстный принципъ, государь, уступая въ главномъ, тѣмъ упорнѣе отстаивалъ свой взглядъ въ мелочахъ. Представленные Ермоловымъ доводы въ пользу наступательной политики были убѣдительны. Человѣкъ такого обширнаго ума, какъ государь, не могъ не согласиться. Тѣмъ настойчивѣе порицалъ онъ всякое дѣйствительное или кажущееся увлеченіе на этомъ пути.

Однимъ изъ такихъ случаевъ былъ отказъ въ наградѣ князю Бековичу-Черкасскому. Безъ артиллеріи и пѣхоты, съ одними казаками, онъ прошелъ въ горы, внезапно напалъ на кабардинскіе аулы, разгромилъ измѣнившихъ намъ князей и узденей, и выказалъ чрезвычайную распорядительность. Но предпріятіе не понравилось государю, подозрѣвавшему здѣсь безцѣльное молодечество и жестокость. По этому поводу онъ высказалъ Ермолову совершенно вѣрную общую мысль: истребленіе ауловъ только озлобляетъ; военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена противъ вооруженнаго непріятеля и соединена съ дисциплиной, дающей возможность, въ минуту побѣды, пріостановить мщеніе. Князю Бековичу-Черкасскому отказано въ георгіевскомъ крестѣ.

Взглянемъ на дѣло безпристрастно. Скептицизмъ Александра I по отношенію къ рѣшительному направленію, данному Ермоловымъ, имѣетъ подъ собой не только нравственно-законную, но и практическую почву. Ермоловъ стоялъ слишкомъ близко къ цѣли, лично рисковалъ, былъ человѣкъ изъ плоти и крови, являлся почти заинтересованной стороной, чтобы быть вездѣ умѣреннымъ и безпристрастнымъ. Систематическій контроль государя всегда напоминалъ ему о великодушіи даже къ непобѣжденному врагу. Допускаемъ, что для самого Ермолова подобный контроль былъ лишнимъ. Но кто поручится, что онъ не имѣлъ значенія по отношенію къ сотнямъ и тысячамъ подчиненныхъ Ермолова. Разоряя аулъ, они должны были думать о томъ, чтобы не разорить его болѣе, чѣмъ необходимо и что за суровымъ «проконсуломъ», который, можетъ быть, на многое посмотритъ съ римской точки, стоитъ еще императоръ Александръ I, который навѣрно такъ не посмотритъ.

Можно думать, что если бы надъ герцогомъ Альбою и генераломъ Ѳези былъ такой контроль, не было бы ни отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи, ни краснорѣчивыхъ реляцій, представлявшихъ наши неудачи на Кавказѣ, въ видѣ пожара ауловъ, гибели жителей въ пламени ихъ обиталищъ и проч., заставившихъ, наконецъ, императора Николая написать барону Розену — одному изъ предмѣстниковъ Ермолова на Кавказѣ: «впредъ повелѣвается доносить только правду, а не вымыслы...»[1]).

Какъ бы то ни было, въ Петербургѣ знали объ инстинктивномъ

[1]) Зиссерманъ, II, 73.

нерасположеніи государя къ рѣшительнымъ мѣрамъ Ермолова на Кавказѣ, и часто пользовались этимъ нерасположеніемъ. Исходившія отъ Ермолова представленія къ наградамъ встрѣчали въ Петербургѣ сильное противудѣйствіе. Даже оберъ-священникъ отказалъ въ наградѣ протоіерею тифлисскаго госпиталя[1]). Подобное отношеніе тѣмъ болѣе раздражало Ермолова, что прежде, напримѣръ, въ Отечественную войну, его голосъ имѣлъ большой вѣсъ при наградахъ отличившимся. Чтобы выйти изъ этого, для начальника довольно страннаго, положенія, Ермоловъ былъ вынужденъ жаловаться государю на несправедливость къ служащимъ на Кавказѣ. «Къ милостямъ вашимъ императорскимъ величествомъ изливаемымъ, — заключаетъ Ермоловъ свой всеподданнѣйшій рапортъ, — присовокупите, государь, и то, чтобы могъ я достойнымъ обѣщать достойное воздаяніе»[2]).

VIII.

Ермоловъ имѣлъ одно изъ тѣхъ лицъ, которыя, увидѣвъ разъ, не забываютъ. Улыбка не шла къ нему; крупныя черты, благодаря сдвинутымъ бровямъ, легко принимали суровое выраженіе; небольшіе, огненные, сѣрые глаза блестѣли изъ-подъ шапки стоящихъ дыбомъ волосъ. Но онъ былъ истинно прекрасенъ, когда задумается. Опредѣленный, строгій взглядъ, высокій ростъ, богатырское сложеніе—все свидѣтельствовало объ умѣ, физической и нравственной силѣ. Находили, что въ общемъ, эта своеобразная красота имѣетъ въ себѣ нѣчто львиное.

Ермолову ничего не стоило провести нѣсколько мѣсяцевъ въ горахъ; послѣ утомительнаго перехода, до глубокой ночи заниматься дѣлами; съ зарей, прежде сигнальнаго выстрѣла, произвести осмотръ лагеря[3]).

Однажды, въ Тифлисѣ, Ермолову, во время утренней прогулки, подаютъ прошеніе старуха-грузинка и ея красавица-дочь. Ермоловъ, всегда цѣнитель красоты, не остался равнодушенъ, но счелъ долгомъ овладѣть собою. «Прошеніе беру, — сказалъ онъ черезъ переводчика,—и сдѣлаю по немъ все, что могу, но приказываю въ другой разъ не попадаться на глаза; иначе вышлю изъ города». «Вотъ прошеніе, — обратился онъ къ секретарю Устимовичу, — не знаю отъ кого оно; прошу тебя дать по немъ полнѣйшее удовлетвореніе и затѣмъ объявить просительницѣ, чтобы она избѣгала со мной всякой встрѣчи»[4]).

[1]) Погодинъ, 257.
[2]) Акты, VI, ч. I, № 25.
[3]) Записки Ванъ-Галена, «Истор. Вѣстн.» 1884 г., іюнь, 662.
[4]) Верже, А. П. Ермоловъ и его кебинныя жены, «Рус. Стар.» 1884 г., сент., 524.

Свою нравственную силу Ермоловъ умѣлъ передать подчиненнымъ. Слова «Алексѣй Петровичъ приказалъ, Алексѣй Петровичъ послалъ» имѣли магическое дѣйствіе. Исчезали горы и пропасти; забывались опасности. Изъ массы начальствующихъ, Ермоловъ выдѣляется умѣніемъ одушевить исполненіе служебнаго долга. Каждый изъ его подчиненныхъ чувствовалъ себя не только чиновникомъ или офицеромъ, связаннымъ со службой уголовной отвѣтственностью и получаемымъ жалованьемъ, но членомъ великой русской семьи, обязаннымъ защищать и возвышать ее всѣми силами ума и оружія (не говоримъ объ исключеніяхъ). Какъ и лучшіе люди Екатерининскаго вѣка, всѣ они, отъ начальниковъ частей до послѣдняго писца и новобранца, носятъ въ себѣ гордое сознаніе національной задачи и государственной чести. «Никогда неразлучно со мной чувство, что я россіянинъ»[1],—говоритъ Ермоловъ. Тоже, хотя въ менѣе латинской формѣ, сказали бы о себѣ его многочисленные сослуживцы даже не русскаго происхожденія.

Въ походѣ Ермоловъ позволялъ себѣ почти товарищескую фамильярность и этимъ путемъ ознакомился со всѣми офицерами своего корпуса[2]). На дисциплину это не только не имѣло вреднаго вліянія, но позволяло Ермолову иногда потребовать отъ человѣка бо́льшаго, чѣмъ простое исполненіе обязанностей. «Ты не менѣе каждаго дѣлаешь по должности,—пишетъ онъ князю Мадатову,—и не мало еще сдѣлаешь по дружбѣ и давней свычкѣ»[3]).

Чувство дружбы связывало его съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ. Назовемъ Ховена, Вельяминова, Мадатова... Другіе, преимущественно молодежь, смотрѣли на него съ почтительнымъ удивленіемъ. Мы уже назвали Муравьева...

Узнавъ, что хорошій офицеръ намѣренъ оставить кавказскій корпусъ, Ермоловъ, «побуждаясь пользой, которую онъ можетъ доставить службѣ его императорскому величеству», удержаніемъ способныхъ людей, не стѣсняясь, письменно, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, просить остаться въ полку. «Служба ваша,—говорится въ концѣ одного изъ такихъ приглашеній,—въ командованіе мною корпусомъ, не останется безъ особеннаго вниманія, ибо я умѣю цѣнить заслуги товарищей моихъ по службѣ»[4]).

Вліяніе Ермолова на подчиненныхъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что, обыкновенно, болѣе любятъ щедрыхъ начальниковъ; Ермоловъ же былъ скупъ какъ на казенныя деньги, такъ и на награды. Представленіе дѣлалось послѣ нѣсколькихъ отличій[5]) и потому

---

[1]) Записки о посольствѣ въ Персію, 73.
[2]) Сочин. Давыдова, II, 91, 98.
[3]) Погодинъ, 285.
[4]) Записки Ермолова, II, прил. 150, 385.
[5]) Давыдовъ, II, 91.

всякая награда, исходатайствованная Ермоловымъ не только цѣнилась высоко, но характеризовала человѣка и не могла быть дѣломъ случая.

Но умѣя отдать должное заслугамъ, Ермоловъ былъ безпощаденъ, когда ему приходилось карать нерадѣніе, трусость и корыстолюбіе ... «Изъ мыслей вашихъ подчиненныхъ,—писалъ онъ командиру полка, не рѣшившемуся отбить русскихъ плѣнныхъ у шайки кабардинцевъ, — нельзя изгнать, что вы были или подлый трусъ или измѣнникъ... Прошу васъ успокоить ихъ поспѣшнымъ отъѣздомъ въ Россію. Я принялъ мѣры, чтобы, проѣзжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сдѣлалъ не для спасенія труса, но сохраняя нѣкоторое уваженіе къ носимому вами чину»[1]).

«Такого-то маіора,—объявляется въ приказѣ по поводу отогнанныхъ девяти лошадей, — я потому не удостоиваю наказанія, что уже нѣтъ большаго, какъ быть пренебрежену хищниками и мнѣ остается только остеречь его, чтобы самого когда-нибудь не утащили»[2]).

Ермоловъ запретилъ изнурять войска фронтовыми ученіями, увеличилъ мясную и винную порцію, собственною властью дозволилъ носить вмѣсто касокъ папахи, вмѣсто ранцевъ холщевые мѣшки[3]) и, вдобавокъ къ шинелямъ, ввелъ овчинные полушубки. Послѣднее случилось такимъ образомъ. При обозрѣніи края въ 1816 и 1817 годахъ, нѣкоторые ханы, по восточному обычаю, дарили Ермолову лошадей, збрую, оружіе, шали и прочія вещи. «Не хотѣлъ я,—объясняется въ приказѣ по корпусу,—обидѣть ихъ отказомъ принять подарки; неприличнымъ почиталъ воспользоваться ими; потому, вмѣсто дорогихъ вещей, согласился принять овецъ (отъ разныхъ хановъ 7,000). Сихъ дарю я полкамъ; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службѣ, видѣли сколько пріятно мнѣ стараться о пользѣ ихъ...» Далѣе приказываетъ, чтобы «въ первый годъ овецъ въ пищу не употреблять, а стараться разводить. Впослѣдствіи времени будутъ и мясо и полушубки, которые сберегутъ дорогое здоровье солдата, а полушубки, сверхъ того, сохранятъ и амуницію...»[4]).

Такимъ образомъ Ермоловъ, безъ всякаго обремененія казны, совершилъ подвигъ, о которомъ напрасно мечтаютъ гуманисты и знатоки военнаго дѣла. (Напримѣръ, покойный генералъ Фадѣевъ).

Безкорыстіе Ермолова переходило въ страсть къ сохраненію казеннаго интереса. Однажды, замѣтивъ, что расходъ (29 р. 25 к.),

---

[1]) Погодинъ, 320. Зиссерманъ, I, 374.
[2]) Записки Ермолова, II, Прил. 393.
[3]) Погодинъ, 336.
[4]) Записки Ермолова, II, Прил. 377.

выведенный бакинскимъ казначействомъ на упаковку 6,650 червонцевъ, много превышаетъ дѣйствительную стоимость холста, Ермоловъ потребовалъ для осмотра самые мѣшки [1]. Его скупость на казенные деньги часто очень стѣсняла подчиненныхъ.

Исторія съ солдатскими полушубками составляетъ ничтожную часть сдѣланныхъ Ермоловымъ сбереженій казеннаго расхода. По возвращеніи изъ Персіи имъ представлено 100,000 руб., оставшіеся отъ суммъ отпущенныхъ на содержаніе посольства. На эти деньги построены тифлисскій госпиталь и комиссаріатскія зданія [2]. Нѣсколько рескриптовъ императоровъ Александра и Николая свидѣтельствуютъ о милліонныхъ остаткахъ по кавказскому казначейству, которые должны быть отнесены «единственно къ неутомимымъ трудамъ и благоразумнымъ распоряженіямъ Ермолова».

Отъ аренды для себя Ермоловъ отказался. Люди, видѣвшіе дурную сторону во всемъ, что ни дѣлалъ Ермоловъ, объясняли отказъ желаніемъ впослѣдствіи получить болѣе. «Какъ жаль, — говоритъ Ковалевскій по адресу этихъ критиковъ,—что сами они, въ этомъ случаѣ, не послѣдовали примѣру Ермолова. Отъ этого наши финансы, конечно, много бы выиграли».

Десятилѣтнее управленіе Ермолова положило неизгладимый отпечатокъ на весь строй кавказской жизни. Мы даже не пытаемся перечислить все сдѣланное имъ для устройства гражданственности на Кавказѣ. Два фоліанта «Актовъ собранныхъ кавказской археологической комиссіей» заставляютъ удивляться не тому, что въ дѣятельности Ермолова, касающейся самыхъ разнообразныхъ предметовъ, среди массы полезнаго, встрѣчаются ошибки, а тому, что европеецъ и военный—спеціальность котораго, до сихъ поръ, была одинаково чужда проведенію дорогъ, восточной дипломатіи, медицины [3], горному дѣлу, минеральнымъ водамъ, колонизаціи и т. д. и т. д.,—человѣкъ ежеминутно отрываемый многочисленностью своихъ обязанностей—умѣлъ такъ скоро разобраться въ этомъ хаосѣ.

Сознавая въ себѣ недостатокъ свѣдѣній по гражданской части, Ермоловъ не только любилъ выслушивать мнѣнія подчиненныхъ, но, что рѣдко случается съ людьми въ положеніи Ермолова, любилъ приписывать все хорошее, сдѣланное въ этомъ отношеніи, своимъ болѣе опытнымъ помощникамъ. Однажды былъ такой случай. Вслѣдствіе настояній изъ Петербурга, Ермоловъ былъ вынужденъ послать туда свое мнѣніе объ устройствѣ калмыцкаго народа; запоздавшее же мнѣніе астраханскаго губернатора Бухарина послалъ особо съ объясненіемъ, что считаетъ его несравненно основательнѣй и полезнѣй своего [4].

---

[1] Акты, VI, ч. I, № 72.

[2] Записки Ермолова, II, 73. Давыдовъ, II, 90.

[3] Санитарная часть — предметъ особыхъ попеченій Ермолова.

[4] Давыдовъ, II, 75.

Понятно, что, подъ начальствомъ Ермолова, каждый работалъ за двоихъ и всю душу вкладывалъ въ исполненіе порученнаго дѣла. Дибичъ, по возвращеніи изъ Грузіи, свидѣтельствуетъ, что онъ нашелъ тамъ войска одушевленныя духомъ временъ Екатерины и Суворова. Пѣхота дѣлала по 50 верстъ въ сутки, въ особенности когда ею предводительствовалъ Ермоловъ. Даже впослѣдствіи, когда Ермоловъ уже не стоялъ въ рядахъ арміи, одно его появленіе среди войскъ, въ особенности тамъ, гдѣ были его старые подчиненные, попрежнему возбуждало неимовѣрный и безграничный восторгъ.

Давыдовъ пишетъ, что у него хранятся копіи писемъ къ Ермолову отъ подчиненныхъ; нѣкоторыя писаны на смертномъ одрѣ, когда человѣкъ говоритъ одну истину; многіе оканчиваются мыслью: «да продлитъ Богъ и благословитъ его жизнь и командованіе»[1].

IX.

Смерть императора Александра надолго измѣнила судьбу Кавказа, навсегда—судьбу Ермолова.

По складу ума императоръ Николай не былъ расположенъ пускаться въ отдаленныя области мистицизма и морали. За то онъ могъ отлично разсмотрѣть близко стоящіе предметы. На міръ онъ смотрѣлъ проще покойнаго государя. На сколько колебанія были въ характерѣ Александра I, на столько же они противурѣчили болѣе простому міровоззрѣнію императора Николая. Такая законченность жизненной задачи, въ данную минуту, вовсе не была дурнымъ качествомъ. Николаевское міровоззрѣніе имѣло большой смыслъ, какъ противудѣйствіе увлеченіямъ и нѣкоторой распущенности Александровской эпохи. Если Александръ будилъ мысль, то Николай, прежде всего, умѣлъ комбинировать общественныя силы. Къ этому надо прибавить замѣчательную силу воли, жажду дѣятельности, доходящій до самопожертвованія патріотизмъ, идеально-честное отношеніе къ тому, что онъ считалъ своей обязанностью и вѣрность данному слову. Извѣстно, что, не смотря на антипатію къ конституціонному режиму, императоръ Николай сохранилъ конституцію Финляндіи и сохранилъ бы польскую конституцію, если бы сами поляки не заняли вызывающее положеніе. Вообще, духъ рыцарства былъ въ характерѣ Николая, какъ и прочихъ членовъ семьи, не исключая императора Павла.

Между братьями болѣе общаго, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Оба считали себя охранителями легитимизма въ Европѣ[2], оба, во

---

[1]) Давыдовъ, II, 98, 102.

[2]) Разница только въ томъ, что Александръ, до конца жизни оставаясь сто-

имя доктрины, защищали Турцію и Австрію, оба, въ духѣ своего времени и народа, увлекались милитаризмомъ [1]), наконецъ, оба неясно понимали простую сѣрую жизнь [2])... Указавъ нарядъ паралельныхъ недостатковъ, мы могли бы дополнить сравненіе рядомъ паралельныхъ добродѣтелей. Александръ и Николай любили искренность и прямодушіе. Необходимо даже замѣтить, что въ характерѣ послѣдняго было несравненно болѣе этихъ элементовъ, нежели въ характерѣ старшаго брата. Какъ «человѣкъ дѣловой», императоръ Николай представляетъ даже несомнѣнныя преимущества...

Откуда же громадная разница въ общемъ направленіи, внутреннемъ и внѣшнемъ содержаніи обоихъ царствованій? Почему эта разница не въ пользу эпохи Николая?

Весьма значительная доля непрактичности въ характерѣ Александра I смягчалась свойственной ему широтой взгляда и гуманизмомъ. Поэтому все, что было въ его время талантливаго и свѣтлаго, само собою является корективомъ его царствованія. Императору Николаю не доставало только широты взгляда и это тѣмъ хуже, что, въ его лицѣ, односторонность міросозерцанія соединялась съ желѣзной рукой. Поэтому все, что было тупого и узкаго въ русскомъ характерѣ той эпохи, всплываетъ на поверхность и, ничѣмъ не сдержанное, занимаетъ сцену. Какъ-то такъ случилось, что Александру говорили правду, Николаю только то, что ему нравилось.

Александра, съ широкими планами и идеализмомъ, понимали, можетъ быть, два десятка образованныхъ русскихъ людей его времени. Геній Николая общедоступнѣй, болѣе по мѣркѣ среднему русскому человѣку того времени. Онъ болѣе удовлетворялъ если не истиннымъ потребностямъ Россіи, то ея общественному мнѣнію. Николай гораздо болѣе былъ сыномъ своего вѣка, чѣмъ Александръ

ронникомъ свободныхъ учрежденій, требовалъ только, чтобы «они были прочны правильностью способа ихъ установленія «(Соловьевъ, императоръ Александръ I, 187), Николай же видѣлъ зло въ самихъ либеральныхъ учрежденіяхъ.

[1]) Но Александръ, послѣ Аустерлица, убѣдился въ томъ, что не рожденъ полководцемъ (Соловьевъ, 177). Николай же, съ непонятнымъ ослѣпленіемъ до самой Крымской кампаніи, принималъ фрунтовую выправку заготовность къ мобилизаціи. Въ 1841 году, государь, начальникъ кавказскаго корпуса Головинъ и начальникъ отдѣльнаго отряда Граббе составляютъ каждый но запискѣ о способахъ умиротворенія Кавказа (Зиссерманъ, II, 204—216). Повидимому никто не догадывался, что война не направляется по волѣ бюрократіи.

[2]) Чрезвычайно отдаленнымъ отношеніемъ къ жизни отзывается слѣдующая революція императора Николая по поводу двухъ евреевъ, нарушившихъ карантинныя правила: «виновныхъ прогнать сквозь 1,000 человѣкъ 12 разъ. Слава Богу смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить». («Рус. Старина» 1883 г. декабрь, 660).

Но, съ основательностью можно предположить, что и императоръ Александръ I имѣлъ не совсѣмъ отчетливое представленіе оцѣнности денежной единицы. (Воспоминанія кн. Горчакова).

своего; онъ чувствовалъ за собой «всю Россію». Роковое совпаденіе вкусовъ, приведшее къ разочарованіямъ Крымской кампаніи!

Если даже теперь многіе поклоняются узкой самоувѣренности Николаевскаго царствованія, то, что сказать о поколѣніи менѣе опытномъ и развитомъ, чувствовавшемъ еще болѣе отвращенія къ обязанностямъ самоуправленія и кругомъ опутанномъ крѣпостными идеями и отношеніями!

Итакъ, мы безусловно далеки отъ мысли возлагать на императора Николая отвѣтственность за общее направленіе русской жизни его времени. Но «прикажи русскому человѣку погрозить, онъ побьетъ». Императору Николаю стоило только дать намекъ; менѣе того, въ минуту безпечности, положить въ сторону просвѣщенные и гуманные принципы брата, для того, чтобы получился другой тонъ, вышло другое освѣщеніе. Въ незамкнутую дверь, сами собой, выступаютъ невѣжество и обскурантизмъ. Разъ выпущенное на эту наклонную плоскость, общество падаетъ все ниже и ниже. Дошло до отрицанія необходимости ума и таланта, чтобы быть хорошимъ слугою царю [1]). Оффиціально говорится: «наука въ военномъ дѣлѣ не болѣе, какъ пуговица къ мундиру» [2]).

Въ человѣкѣ есть способность становиться въ уровень своего положенія. Если общій тонъ не хорошъ, то частныя подробности невольно принимаютъ окраску общаго тона. Поэтому—происходитъ автоматическое пониженіе характеровъ. Не только государственные таланты не возникаютъ въ эпоху Николая, но сами собой меркнутъ старыя свѣтила. Даже немногіе выдающіеся люди прошлаго царствованія, сохранившіе подъ собою почву, мельчаютъ и размѣниваются на мелочь. Нессельроде весь ушелъ на изысканія лучшаго слога для своихъ депешъ; Сперанскій, отложивъ попеченіе о принципахъ, занялся юридической компиляціей; Киселевъ посвятилъ себя живому дѣлу, но даетъ ему исключительно бюрократическую окраску... Быстрота сочиненія оффиціальныхъ бумагъ—единственный гражданскій талантъ цѣнимый высшими сферами Николаевскаго времени.

Г. Филипповъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о князѣ Паскевичѣ, съ неподражаемой наивностью, разсказываетъ о томъ, какъ герой Карса, Эрзерума и Эривани разсылаетъ во всѣ управленія главнаго штаба ярлычки съ какимъ-то образцовымъ почеркомъ [3]). Вотъ до чего сила обстоятельствъ, вѣтеръ общаго теченія, могутъ разжаловать даже очень выдающійся талантъ!

Итакъ, масса обстоятельствъ обусловливала появленіе новой фор-

---

[1]) Стоюнинъ, Консерваторы сороковыхъ годовъ («Истор. Вѣст.» 1882 г. январь, 17).

[2]) «Рус. Архивъ», 1875 г., I, 219.

[3]) «Древняя и Новая Россія», 1878 г., I, 82.

мацiи должностныхъ лицъ и личный характеръ новаго государя былъ только каплей, переполнившей чашу. На берегахъ Невы должно было утвердиться новое поколѣнiе, а старое или поддѣлаться къ нему или сойти со сцены.

Никогда не имѣя сильныхъ связей въ Петербургѣ, Ермоловъ, за время кавказской службы, что называется, окончательно отсталъ отъ Петербурга. О немъ разсказывали анекдоты, читали его письма, хвалили его распорядительность или порицали его жестокость и интриги, но, въ итогѣ, смотрѣли какъ на провинцiала и немного чудака. Еще за нѣсколько лѣтъ до кончины Александра I, Ермоловъ былъ силенъ въ Петербургѣ только личнымъ благоволенiемъ государя.

Собственноручная записка найденная въ кабинетѣ государя проливаетъ свѣтъ на какой-то подкопъ противъ Ермолова еще при Александрѣ. Сначала говорится о томъ, «что пагубный духъ вольномыслiя или либерализма разлитъ между войсками». Далѣе слѣдуетъ перечисленiе именъ и во главѣ ихъ Ермоловъ. Замѣчанiй и отмѣтокъ нѣтъ при фамилiяхъ; но, вообще, перечень, поставленный въ связь съ началомъ записки, получаетъ неблагопрiятный для Ермолова оттѣнокъ [1]).

По смерти Александра I, Кавказъ, какъ и вся Россiя, присягнулъ сначала Константину, потомъ Николаю. Но, въ послѣднемъ случаѣ была сдѣлана декоративная ошибка: присяжные листы посланы съ обратнымъ фельдъегремъ, а не съ особымъ чиновникомъ или адъютантомъ. Мелочь объясняемая тѣмъ, что манифестъ засталъ Ермолова на походѣ въ Чечню; однако, на нее обратили вниманiе въ Петербургѣ. Къ этому надо прибавить, что въ числѣ арестованныхъ по дѣлу 14-го декабря было много друзей и знакомыхъ Ермолова, что одному изъ арестованныхъ, знаменитому автору «Горе отъ ума», Грибоѣдову, служившему въ это время на Кавказѣ, Ермоловъ далъ возможность сжечь компрометирующiя бумаги и что вслѣдствiе неимѣнiя священника въ станицѣ Червленой и необходимости посылать за нимъ въ Кизляръ, присяга, въ главной квартирѣ, замедлилась на три дня [2]).

Короче. Слава либерала предшествовала Ермолову въ то время, когда прошла мода на либерализмъ; случайное совпаденiе мелочныхъ обстоятельствъ бросало на него тѣнь излишней преданности цесаревичу и, наконецъ, всей своей нравственной фигурой, онъ представлялъ диссонансъ съ новыми людьми и новымъ направленiемъ. Строго говоря «пѣсня Ермолова была спѣта».

Но даже не благоволя къ Ермолову, даже расходясь съ нимъ во взглядахъ, государь почтилъ бы въ немъ представителя слав-

---

[1]) «Русская Старина», 1883 г., декабрь, 658, 659.

[2]) Шимановскiй. «Русскiй Архивъ», 1875 г., II, 339.

ной эпохи, неутомимаго слугу покойнаго брата и искренняго патріота. По всей вѣроятности, онъ далъ бы ему понять, что именно не нравится ему въ кавказскомъ корпусѣ и удержался бы отъ дальнѣйшаго выраженія неудовольствія. Но для этого надобно было или нормальное положеніе вещей или несомнѣнная, непрерывная удача ермоловской системы на Кавказѣ. Къ сожалѣнію, именно въ это время случилось нѣчто дискредитировавшее Ермолова въ глазахъ новаго государя.

Наши отношенія къ Персіи давно были неудовлетворительны. Эта страна потеряла слишкомъ много отъ усиленія русскаго вліянія на Кавказѣ, но еще не вполнѣ увѣрилась въ своемъ безсиліи. Ермоловъ разрушилъ планы наслѣдника престола Абасъ-Мирзы, мирнымъ путемъ возвратить хотя часть утраченнаго по гюлистанскому договору. Между тѣмъ измѣнники, въ особенности царевичъ Александръ, поощряли попытку снова утвердиться на Кавказѣ. Сочувствіе магометанскаго населенія не подлежало сомнѣнію. Кстати, въ Персіи, около этого времени, завелась кое-какая регулярная армія. Она была «выдумана на наше счастье», по выраженію Муравьева [1]), но невѣжество персіянъ позволяло принять ее за нѣчто серьезное.

Ермоловъ неоднократно предупреждалъ правительство о неизбѣжности разрыва съ Персіей. Что-то трагическое — точно тѣнь предчувствія—въ его послѣднемъ донесеніи императору Александру. Обидно показалось Ермолову подозрѣніе въ желаніи вызвать войну съ Персіей. Ему ли, ученику Кутузова, Багратіона, Суворова, Зубова и Наполеона искать случая украситься дешевыми лаврами! [2]) Чтобы доказать отсутствіе личныхъ видовъ, онъ предлагаетъ, на случай войны, назначить другого начальника, а, въ ожиданіи ея, имѣть въ Персіи независимаго отъ него дипломатическаго агента [3]).

По приказанію императора Александра Ермолову отвѣтили, что давно толкуютъ о враждебномъ настроеніи Персіи, между тѣмъ все обстоитъ благополучно. «Да и въ самомъ дѣлѣ—прибавляетъ отъ себя министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде—трудно представить, чтобы персіяне были такъ глупы: начали войну, когда мы въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ» [4]).

«Ваше сіятельство,—возражаетъ Ермоловъ,—не изволите отвергнуть основанной на опытѣ истины, что, для избѣжанія войны, нерѣдко есть вѣрнымъ средствомъ самая къ войнѣ готовность» [5]).

---

[1]) Записки Муравьева, «Русскій Архивъ», 1886 г., апрѣль, 480.

[2]) О персіянахъ онъ писалъ около этого времени. «Бога самого беру во свидѣтели, что Онъ не создавалъ ничего презрительнѣйшаго». Зиссерманъ, I, 418.

[3]) Донесенія 12-го іюля 1825 г. Записки Ермолова, II, Прилож. 117.

[4]) Ibid. 198.

[5]) 10-го декабря 1825 г., ibid. 199.

Какъ бы то ни было, вѣроломство персіянъ превзошло своей неожиданностью даже предусмотрительность Ермолова. Князь Меншиковъ, посланный въ Персію съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ императора Николая и подтвержденіемъ гюлистанскаго мира, отлично тамъ принятый, готовъ на всевозможныя уступки; Ермоловъ, парализованный желаніемъ нашей дипломатіи доказать миролюбіе персіянамъ, лишенъ возможности принять какія-либо мѣры на персидской границѣ; работы по укрѣпленію пограничнаго поста «Микракъ» остановлены по требованію русскаго посланника... Вдругъ получается извѣстіе, что 16-го іюля 1826 года паша Эриванскій нападаетъ именно на микракскій постъ; наслѣдникъ престола Абасъ-Мирза, съ большими силами переходитъ черезъ Араксъ и, истребивъ слабый русскій отрядъ, осадилъ крѣпость Шушу; тотчасъ возмутились южныя, пограничныя Персіи ханства; курдская конница, прорвавшись въ Грузію, разорила нѣмецкую колонію въ шестидесяти верстахъ отъ Тифлиса; изъ роты, прикрывавшей провіантскій транспортъ и окруженной враждебными полчищами, спаслось 38 человѣкъ; вездѣ показались признаки мятежа.

Успѣхи персіянъ на этомъ остановились. 20-го августа Ермоловъ уже доноситъ государю: «Непріятель далъ время собрать войска; дѣла приняли другой видъ» [1]). Тотчасъ началось движеніе отрядовъ; 2-го сентября князь Мадатовъ разбилъ персіянъ при Шамхорѣ; 4-го имъ же, безъ выстрѣла, занятъ Елисаветполь; часть магометанъ высказалась за насъ; общее направленіе кампаніи было обезпечено по плану Ермолова [2]). Но роковое для него впечатлѣніе на императора уже совершилось.

Не надо забывать, что, при тогдашнихъ средствахъ сообщенія и отсутствіи телеграфовъ, государю не легко было составить вѣрное представленіе о положеніи театра войны. Во всякомъ случаѣ ему не понравилось, во-первыхъ, что Ермоловъ ведетъ оборонительную войну, во-вторыхъ, что онъ не самъ выступилъ противъ персіянъ, а послалъ князя Мадатова. Отсюда нѣсколько строгихъ предписаній дѣйствовать «непремѣнно наступательно» [3]) и рескриптъ 11-го августа, которымъ, «для предупрежденія всякаго недоразумѣнія», разрѣшается Ермолову «въ случаѣ нездоровья или какого другого непредвидимаго препятствія, ввѣрить начальство надъ корпусомъ генералъ-адъютанту Паскевичу, какъ старшему послѣ васъ» [4]).

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что образъ дѣйствія императора Николая въ настоящемъ случаѣ не представляется чѣмъ-то

---

[1]) Записки Ермолова, II, Прилож., 273.
[2]) Ibid. 286.
[3]) Ibid. 212, 214, 216, 218.
[4]) Ibid. 218.

исключительнымъ въ исторіи этого государя, — личнымъ относительно Ермолова. Гораздо позднѣй, именно въ 1844 г., послѣ цѣлаго ряда неудачъ на Кавказѣ, когда, очевидно, оставалось только одно средство — смѣнить слабаго Нейдгарта и предоставить болѣе обширныя полномочія его преемнику, государь самъ, въ своемъ петербургскомъ кабинетѣ, составилъ планъ будущей кампаніи и, сдѣлавъ старику Нейдгарту весьма не косвенный выговоръ за прежнія неудачи, прибавляетъ: «невозможнаго я не требую ни отъ тебя, ни отъ войскъ; но требую откровеннаго отвѣта, берешься ли сіе исполнить какъ непремѣнную мою волю?» [1]) Далѣе, отношенія, созданныя въ 1841 году между Головинымъ — начальникомъ края и Граббе — начальникомъ отдѣльнаго отряда, были буквальнымъ повтореніемъ отношеній, установленныхъ, имъ между Ермоловымъ и Паскевичемъ. Очевидно, присылка такихъ «помощниковъ», какъ Паскевичъ и Граббе, входила въ систему; это было проявленіе своего рода гуманизма государя къ генераламъ, которыхъ онъ считалъ неспособными, но, въ то же время, не желалъ обезкуражить прямымъ отозваніемъ съ занимаемаго поста.

Читая выговоры и строгія предписанія Ермолову въ первые дни персидской кампаніи, невольно вспоминаешь писанное когда-то Потемкинымъ Екатеринѣ. «Матушка родная, избавь меня отъ досадъ; опричь спокойствія, нужно мнѣ имѣть свободную голову» [2]).

Но не напрасно Жиркевичъ называетъ Ермолова человѣкомъ «необыкновеннаго ума... въ сраженіяхъ примѣрно хладнокровнымъ» [3]). «Стараться буду—отвѣчаетъ онъ на категорическій приказъ государя дѣйствовать наступательно — во всемъ выполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь, не увлекаясь неумѣстной опрометчивостью; дѣйствія мои, сколько умѣю, подвергаю разсчетамъ правдоподобнымъ и гнусные поступки персіянъ не выведутъ меня изъ терпѣнія». Далѣе объясняетъ почему, въ данную минуту, возможны только оборонительныя дѣйствія и что, для наступательныхъ, настанетъ время послѣ совершеннаго освобожденія нашихъ земель отъ непріятеля и обезпеченія продовольствія арміи [4]). Государь согласился [5]).

Отношеніе Ермолова къ Паскевичу представляется глубоко патріотическимъ. Симпатизировать ему онъ не могъ. Тѣмъ не менѣе, не только поручаетъ ему отрядъ уже организованный подъ начальствомъ Мадатова для освобожденія Шуши, но даетъ ему въ помощники Вельяминова — знатока Кавказа и кавказской войны. «Сими свѣдѣніями можетъ онъ быть для васъ полезнымъ» [6]).

---

[1]) Зиссерманъ, II, 352.
[2]) «Русскій Архивъ», 1865 г., стр. 770.
[3]) Записки Жиркевича, «Русская Старина»; 1874 г., т. X, 635.
[4]) Записки Ермолова, II, Прилож., 272.
[5]) Ibid. 224.
[6]) Изъ инструкціи Паскевичу, idib., 283.

Въ побѣдѣ Ермоловъ увѣренъ и только старается смягчить для Мадатова лишеніе команды, согласное съ волей государя, но обидное съ точки зрѣнія военнаго честолюбія. «Не оскорбитесь ваше сіятельство, что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предлежитъ ему назначеніе блистательное. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы безъ сомнѣнія успѣете показать, сколько... можете принести пользы службѣ государя» [1]).

Съ своей стороны, мы увѣрены, что Паскевичъ, безъ помощи Ермолова, умѣлъ бы оріентироваться и побѣдить персіянъ 13-го сентября при Елисаветполѣ; но было бы несправедливостью промолчать, что Ермоловымъ сдѣлано все для предупрежденія ошибки Паскевича и обезпеченія побѣды за Россіей.

Намъ остается объяснить, почему Ермоловъ во всю эту кампанію, сдѣлалъ только небольшое, но крайне трудное и необходимое движеніе изъ Тифлиса на казахскую дистанцію, помѣшавшее лезгинамъ соединиться съ Абасъ-Мирзою? Почему, вмѣсто посылки Паскевича, онъ самъ не принялъ начальства надъ дѣйствующей арміей, на что имѣлъ право даже по смыслу рескрипта 11-го августа?

Двѣ причины. Во-первыхъ, изъ Тифлиса онъ имѣлъ подъ рукой Дагестанъ, спокойный въ данную минуту, но ежеминутно готовый запылать. Изъ центра позиціи онъ могъ направлять силы туда, гдѣ онѣ окажутся болѣе необходимыми [2]).

Во-вторыхъ, Ермоловъ зналъ сомнительное состояніе умовъ на Кавказѣ. Жители Тифлиса, въ ожиданіи персіянъ, зарывали въ землю свои сокровища; грузинъ, маіоръ князь Челокаевъ, прежде участвовавшій въ восстаніи противъ насъ, по порученію своихъ единомышленниковъ, пріѣхалъ изъ Кахетіи въ Тифлисъ разузнать положеніе дѣлъ; вездѣ признаки волненій или та грозная тишина, которая имъ предшествуетъ.

Ермолову, прежде всего необходимо было замаскировать малочисленность войскъ. (Въ Тифлисѣ оставалось только 400 человѣкъ гарнизона и одна батарея вскорѣ отправленная въ армію). Онъ достигаетъ этого своимъ театральнымъ спокойствіемъ. Ежедневно,

---

[1]) Погодинъ, 371.

[2]) Можно указать нѣсколько аналогическихъ распоряженій Ермолова изъ эпохи далеко предшествовавшей вторженію персіянъ. Напримѣръ, 27-го мая 1819 года ... «Опасаясь, чтобы жители владѣній Андреевскихъ, Аксаевскихъ и Костековскихъ не поколебались въ вѣрности (вслѣдствіе измѣны «народовъ Дагестана») по легкомыслію своему, отправилъ я начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора Вельяминова, на Кавказскую линію... Самъ я остался въ Грузіи, дабы видѣть, что предпримутъ сосѣдственные оной горскіе народы, отъ которыхъ посланные приняты въ Тавризѣ сыномъ шаха Абасъ-Мирзою весьма благосклонно». Акты VI, ч. II, № 16. Даже князь Циціановъ,—въ важныхъ случаяхъ посылалъ иногда подчиненныхъ, на которыхъ могъ вполнѣ разсчитывать.

будто въ веселомъ расположеніи, онъ совершаетъ обычную прогулку по городу и будто серьезно занимается грузинскимъ ополченіемъ. Князь Челокаевъ повѣрилъ наружному спокойствію Ермолова и принялъ его за дѣйствительную силу; грузинское дворянство увлеклось ополченіемъ и забыло царевича Александра... а, между тѣмъ, князь Мадатовъ съ Паскевичемъ сдѣлали свое дѣло. Общій взрывъ былъ отклоненъ.

Ермоловъ зналъ, что личныя обстоятельства требуютъ отъ него чего-нибудь блестящаго, громкаго. Онъ предпочитаетъ спокойствіе ввѣреннаго ему края, своей славѣ. Давъ Паскевичу своихъ лучшихъ сподвижниковъ и отправивъ его на вѣрную побѣду, Ермоловъ не только остается въ тѣни, не только рискуетъ карьерой, но даже принимаетъ на себя обидныя нареканія. «Это безпримѣрное самопожертвованіе—говоритъ Давыдовъ—переносящее насъ въ лучшія времена Рима, было оцѣнено лишь самымъ органиченнымъ числомъ людей, а большинство ставитъ этотъ великій подвигъ въ важнѣйшую ошибку въ жизни этого человѣка, подвигъ, который, не смотря на многіе другіе совершенные имъ въ теченіе жизни, составляетъ едва ли не самый блестящій алмазъ въ его славномъ вѣнцѣ» [1]).

Понятны обстоятельства вызвавшія въ государѣ преувеличенное представленіе объ опасности вторженія персіянъ. При этихъ условіяхъ, инстинктивное нерасположеніе къ системѣ Ермолова легко могло превратиться въ недовѣріе къ его способностямъ. Но, когда обстоятельства выяснились, слѣдовало или, возвративъ Ермолову все довѣріе, отозвать Паскевича или, въ противномъ случаѣ, отозвать Ермолова. Вмѣсто этого государь пытается отыскать середину въ той берлогѣ, въ которой, по народнымъ примѣтамъ, два медвѣдя не уживаются. Безсознательно создается порядокъ вещей, при которомъ на Ермолова возлагаются всѣ выговоры, практически невыполнимыя распоряженія и отвѣтственность, а честь и довѣріе остаются за Паскевичемъ. Ермоловъ, не смотря на опалу, вовсе не выказываетъ той уступчивости, которою отличился, напримѣръ, Кутузовъ при Аустерлицѣ и крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ общее руководство дѣйствіями. Донося о намѣреніи Паскевича, послѣ сраженія при Елисаветполѣ, преслѣдовать персіянъ за Араксъ, онъ прямо говоритъ: «я воспретилъ сіе движеніе» [2]) и весьма настойчиво указываетъ на причины, заставившія его на время отложить наступленіе: недостатокъ войска, природу страны, а, главное, недостатокъ продовольствія. Паскевичъ принимаетъ это за желаніе отнять лишній лавръ. Для объясненій Ермоловъ посылаетъ къ нему князя Долгорукова. [3]) Но давно извѣстно: когда люди органически

---

[1]) Сочиненія, II, 73.
[2]) Записки Ермолова, II, Прил. 289.
[3]) Погодинъ, 350.

неспособны другъ друга понять, всякія объясненія порождаютъ новыя недоразумѣнія. Для разбора пререканій на Кавказъ посылается Дибичъ. Въ рескриптѣ по этому поводу сказано, что ему подробно извѣстны намѣренія государя и что онъ уполномоченъ «на всѣ мѣры» [1]).

Не касаясь Дибича-полководца, скажемъ о немъ только какъ о начальникѣ императорскаго штаба. Ему не доставало той стойкости убѣжденій, того гражданскаго мужества, для которыхъ, говоря правду, было мало мѣста въ царствованіе Николая.

Еще задолго до персидской кампаніи, по требованію Ермолова, государемъ сдѣлано распоряженіе объ откомандированіи на Кавказъ 20 пѣхотной дивизіи [2]). Уже то обстоятельство, что эта дивизія, не смотря на настояніе Ермолова, пришла только въ декабрѣ 1826 года, т. е. черезъ годъ, [3]) должно быть поставлено насчетъ штаба. Но еще болѣе относится къ нему частное распоряженіе, сопровождавшее присылку подкрѣпленій. Въ видахъ акклиматизаціи на театрѣ дѣйствія, государь предписываетъ размѣстить войска 20 дивизіи по мелкимъ крѣпостямъ кавказской линіи, а 22 дивизію, занимавшую до сихъ поръ эти мѣста, употребить на усиленіе дѣйствующей противъ персіянъ арміи. Ермоловъ поставленъ въ необходимость объяснять «чрезвычайное неудобсто» этого распоряженія (потребуется много времени пока вновь пребывшія войска размѣстятся по постамъ «на большомъ пространствѣ разсыпаннымъ»; смѣнившіяся войска должны будутъ проходить черезъ горы въ глубокую зиму; начальникамъ новыхъ войскъ будетъ незнакомъ характеръ горной войны) и проситъ разрѣшенія оставить полки 22 дивизіи на старыхъ мѣстахъ [4]).

Та же исторія повторилась съ приказомъ «ни въ какомъ случаѣ» полковъ не раздѣлять. Опять Ермолову представляется надобность въ перепискѣ и опять разрѣшается необходимое раздѣленіе «въ томъ предположеніи, что, при послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ, Ермоловъ не упуститъ случая соединить разрозненныя части [5]).

Государь могъ сдѣлать непрактическое распоряженіе въ спеціально-военномъ вопросѣ; это не его спеціальчость. Но умѣнье распоряжаться практически и, гдѣ надо, подсказать государю принципъ независимости дѣйствующей арміи отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ канцелярій, обязательно для начальника императорскаго штаба.

И такъ,—если Дибичу извѣстны желанія государя, то не онъ станетъ имъ противурѣчить. Зная это, слѣдовало ожидать, что, прі-

---

[1]) Рескриптъ 8-го февраля 1827 года. Записки Ермолова, II, Прилож. 241.

[2]) Записки Ермолова, II, Прилож. 200.

[3]) Погодинъ, 351.

[4]) Записки Ермолова, II, Прил. 211, 268.

[5]) Ib. 229, 237.

ѣхавъ въ Тифлисъ, Дибичъ не пойдетъ противъ теченія. Будь Ермоловъ десять разъ правъ,—Дибичъ не рѣшится открыто стать на его сторону.

Изъ нѣкоторыхъ намековъ оффиціальной переписки можно заключить, что Дибичъ понималъ Ермолова, что у нихъ былъ подробный разговоръ о положеніи, которое императоръ Николай, конечно, неожиданно для него самаго, создалъ на Кавказѣ и что они согласились съ однимъ фельдъегеремъ, каждый отъ себя, писать государю. Но старый левъ не захотѣлъ тянуть агонію своей власти на Кавказѣ. Вмѣсто объясненія, Ермоловъ подалъ слѣдующее прошеніе объ отставкѣ:

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность В. И. В., долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить В. В. мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку неимѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности В. И. В. поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя бы природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается той мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю Вашу, всемилостивѣйшій государь.

«Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣя однако же просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ, можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не считаю непреодолимыми; но устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить В. И. В. мѣру сію, какъ согласную съ пользой общей, которая всегда была главною цѣлью моихъ дѣйствій»[1]).

Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что, при отправленіи Дибича изъ Петербурга, судьба Ермолова была отдана въ его полное распоряженіе, но мнѣніе будто Ермоловъ Дибичемъ уволненъ отъ службы неосновательно. Свидѣтельство князя Варшавскаго въ этомъ дѣлѣ уясняетъ очень много. Устами г. Филиппова, своего военнаго секретаря, онъ положительно говоритъ, что всѣ симпатіи Дибича были на сторонѣ Ермолова, что онъ всячески упрашивалъ его остаться на Кавказѣ; но Ермоловъ былъ непреклоненъ въ своей рѣшимости удалиться, и Дибичъ былъ вынужденъ дать ходъ рескрипту о назначеніи Паскевича главнокомандующимъ кавказскаго корпуса. Паскевичъ ошибается только въ мотивахъ поведенія Дибича. «Ермоловъ былъ уже старъ и слѣдовательно не могъ быть опасенъ Дибичу; а на меня онъ завистливо смотрѣлъ какъ на своего соперника; я былъ однихъ съ нимъ лѣтъ и заявилъ уже свой военный та-

---

[1]) Записки Ермолова, II, Прил. 244.

лантъ» [1]). Для «Ермоловыхъ» сорокъ девять лѣтъ—еще далеко не предѣлъ годности таланта.

Ермоловъ во-время понялъ, что люди способные внести творческую мысль, взять на свою отвѣтственность, самостоятельно обдумать и рѣшить—вышли изъ моды. На смѣну генераловъ Александровской эпохи, смотрѣвшихъ на парадъ какъ на праздничную декорацію, идетъ поколѣніе видѣвшее въ парадѣ главную задачу жизни. Настала эпоха бумажной дѣловитости. Не могъ же онъ, съ наивностью тогдашняго благонамѣреннаго чиновничества, не чувствовать себя лишнимъ въ этой атмосферѣ тупой бюрократіи и высокопоставленнаго невѣжества. Онъ самъ сошелъ со сцены.

Нѣсколько мелкихъ непріятностей при сдачѣ управленія. Въ простой кибиткѣ, десять лѣтъ тому назадъ, Ермоловъ пріѣхалъ въ Тифлисъ; такимъ же способомъ теперь покинулъ его навсегда. Забыли дать конвой, и онъ рисковалъ попасть въ руки чеченцевъ.

По дорогѣ въ Россію, Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ «единственно для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ—записано въ его дневникѣ—похоронено и мое счастье».

«Какая тишина послѣ шумной жизни! Какое уединеніе послѣ всегдашняго множества людей!» [2]).

Впереди лежало тридцать пять лѣтъ вынужденной праздности!

X.

Ермоловъ имѣлъ горячихъ сторонниковъ, но и непримиримыхъ враговъ.

Говорили, что онъ честолюбивъ.

Есть пошлый и низкій видъ честолюбія, стремящійся увеличить свою личную власть и богатство. Послѣ знакомства съ біографіей Ермолова, едва ли кто станетъ отрицать возвышенныя цѣли въ его честолюбіи. Такое честолюбіе, если оно не соединено съ преступными и пошлыми средствами—законное право таланта, единственное ручательство человѣческаго прогресса. Притча о талантѣ, пущенномъ въ обращеніе, приложима къ честолюбіямъ въ родѣ Ермоловскаго.

Далѣе. За Ермоловымъ крѣпко утвердилась репутація интригана. Чтобы судить о причинахъ, надо возвратиться далеко назадъ, къ эпохѣ 12-го года.

Въ Отечественную войну, государь не только сдѣлалъ ошибку, противупоставивъ Наполеону двухъ лицъ съ неясными предѣлами

---

[1]) «Древняя и Новая Россія», 1878, I, 84.

[2]) Погодинъ, 353, 354.

власти и взаимнаго подчиненія, но, согласно привычкѣ никому вполнѣ не довѣрять, счелъ нужнымъ имѣть изъ арміи извѣстія помимо главнокомандующихъ и, именно, на Ермолова возложилъ обязанность частно извѣщать обо всемъ происходящемъ на театрѣ войны. Впослѣдствіи, отправляя Кутузова для принятія начальства надъ всей арміей, чтобы лучше оріентировать его, государь передаетъ ему личныя донесенія Ермолова. Поступокъ, въ данномъ случаѣ, можетъ быть и полезный для дѣла, объясняемый не одной забывчивостью государя, но несомнѣнно вредный для Ермолова. Новый главнокомандующій легко могъ предположить возможность новыхъ личныхъ, неизвѣстныхъ ему, донесеній Ермолова? Кутузовъ прежде до того благоволившій къ Ермолову, что послѣдняго, въ кампанію 1805 года, называли l'enfant gâté du général, теперь холодно отнесся къ нему. Исторія съ письмами этимъ не оканчивается. Если свѣдѣнія Давыдова и самого Ермолова вѣрны, по смерти Кутузова, письма перешли къ Барклаю-де-Толли и, легко представить удовольствіе съ какимъ послѣдній читалъ разсказъ о своихъ ошибкахъ, о недовѣріи къ нему войскъ и о необходимости единоначалія въ арміи! [1])

Неправда ли, какая богатая канва для репутаціи интригана! Но не забудемъ, что обязанности вѣрноподданнаго выше всякаго житейскаго этикета. Событія шли съ захватывающею быстротой. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Россія, никто,—тѣмъ болѣе лицо, которому самъ государь приказалъ немедленно себя извѣщать,—не имѣлъ права не только скрывать отъ него истину, но на минуту замедлить попытку открыть глаза государя на дѣйствительное положеніе арміи.

Ермолова можно упрекнуть въ томъ, что, отлично понимая слабую сторону каждаго, онъ, совершенно сознательно, пользовался этой слабой стороной для того, чтобы вести человѣка по дорогѣ общественной пользы; его можно упрекнуть въ нѣкоторой склонности оправдать цѣль средствами (на сколько это допускается въ обыденной жизни), но отъ этого до интриги неизмѣримое разстояніе.

Современники даже изъ самыхъ расположенныхъ къ нему, напримѣръ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ—замѣчая привычку Ермолова управлять за кулисами, прозвали его «патеромъ Груберомъ» (имя извѣстнаго въ то время петербургскаго іезуита). Но уже то обстоятельство, что они называли его открыто и въ шутку, нисколько не прерывая съ нимъ наилучшихъ отношеній [2]), достаточно убѣждаетъ въ томъ, что именно «іезуитизма» не было въ характерѣ Ермолова.

---

[1]) Записки Ермолова, I, 224; Погодинъ, 123; Дубровинъ, «Военный Сборникъ», 1869, XI, 42.

[2]) Записки Ермолова, II, Прилож, 28, 37.

Не видимъ «интриги» и въ привычкѣ Ермолова откровенно говорить о службѣ своихъ предшественниковъ и современниковъ.

«Нашелъ многихъ частей безпорядокъ, — доноситъ онъ императору Александру,—превышающимъ мои ожиданія; вижу, однако же, что постояннымъ упражненіемъ и временемъ могу возстановить уничтоженный и учредить доселе не введенный порядокъ» [1]). «Равнодушіе (къ государственному интересу) многихъ изъ начальниковъ на линіи допустило чеченцевъ поселиться на Терекѣ» [2]). «Но не мое дѣло разсуждать о томъ, что упущено; я обязанъ представить средства, какъ впредь поступать надлежитъ» [3]). «Если бы обстоятельства мнѣ одному грозили лишеніемъ репутаціи, умѣлъ бы я заставить молчать частныя мои выгоды; но когда затмѣвается слава оружія нашего и не въ приличномъ видѣ является могущество и величіе русскаго государя, репутація моя перестаетъ быть достояніемъ частнымъ и не должна терпѣть или отъ неблаговоленія ко мнѣ лично министра (графа Нессельроде) или отъ совершеннаго невѣжества его относительно дѣлъ здѣшней страны и состоянія Персіи» [4]). Въ донесеніи государю о необходимости ограничить ханскую власть Ермоловъ извиняетъ князя Циціанова. («Необходимость вырвала у него въ пользу хановъ трактаты снисходительные»). Но о Гудовичѣ сказано, что онъ «безъ всякой нужды» вызвалъ бѣжавшаго хана; о Ртищевѣ — и того хуже: онъ призвалъ явнаго измѣнника, неоднократно водившаго персидскія войска въ наши предѣлы и истребившаго батальонъ русскихъ войскъ [5]).

Чтобы надлежащимъ образомъ цѣнить отзывы Ермолова о другихъ, слѣдуетъ, во-первыхъ, принять во вниманіе его отзывы о своихъ ошибкахъ (приведенный выше случай съ мнѣніемъ астраханскаго губернатора Бухарина), во-вторыхъ, его взглядъ вообще на общественные интересы и государственную службу.

Строгій къ себѣ, Ермоловъ могъ ли слабо относиться къ другимъ? Самъ неутомимый, безкорыстный, весь отданный интересамъ общественной пользы, могъ ли онъ вообще допускать распущенность по службѣ? Весь проникнутый античнымъ взглядомъ на государство, какъ силу поглощающую человѣка, станетъ ли онъ входить въ разсчеты обыкновеннаго житейскаго кумовства? Гдѣ требованія государства, тамъ «по Ермолову», отступаютъ на второй планъ личныя соображенія, деликатность, даже гуманизмъ. Если онъ не жалѣлъ черкесовъ, почему же станетъ онъ жалѣть тѣхъ, которые, косвенно, были причиной черкесскихъ иллюзій?

---

[1]) Записки Ермолова, II, Прил. 41.
[2]) Ib. 66.
[3]) Ib. 65.
[4]) Ib. 257.
[5]) Ib. 34.

Не только мы не видимъ «интриги» въ характерѣ Ермолова, но, напротивъ, когда онъ называетъ свою службу «простодушной» и простосердечной» [1]), то это не риторическая фигура, а названіе вещи ея именемъ.

Еще упрекаютъ Ермолова въ «панибратствѣ съ молодыми офицерами, посредствомъ котораго онъ (будто бы) старался пріобрѣсти и, дѣйствительно, пріобрѣлъ себѣ такую огромную популярность» [2]).

«Ищетъ популярности» и, вдругъ, такая требовательность по службѣ, какую видимъ у Ермолова! «Желаетъ нравиться молодымъ офицерамъ» и — какъ никто — скупъ на казенныя деньги и награды!.. Очевидно, упрекъ основанъ на какомъ-то недоразумѣніи.

Для того, чтобы съ горстью войска, дѣлать то, что дѣлалъ Ермоловъ, мало одной мишурной популярности. Но давно извѣстно, что истинная популярность не пріобрѣтается съ умысломъ, а приходитъ сама собой, какъ дань истинному достоинству.

Не «популярность» нужна была Ермолову, а «душа» подчиненнаго ему корпуса офицеровъ. Считая нужнымъ предоставлять иногда начальникамъ частей большую самостоятельность, разсчитывая на ихъ дѣйствія «по собственному усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами», Ермоловъ, понятно, долженъ былъ держать человѣка на уровнѣ его отвѣтственности. Простой фрунтовой субординаціи здѣсь уже мало; мало казенныхъ отношеній генерала къ маіорамъ, поручикамъ и т. д. Надо лично узнать человѣка и нравственно поднять его. Отсюда необходимость извѣстнаго сближенія не только съ молодыми офицерами, но даже съ нижними чинами.

Манера Ермолова не могла нравиться высшему начальству эпохи Николая Павловича; но это была манера Багратіона, Кутузова и многихъ генераловъ Екатерининскаго вѣка. Ермоловъ только довелъ ее до совершенства, но и это не по предвзятому плану, а потому, что добродушіе, простота и безукоризненная вѣжливость были въ его природѣ и, сами собой, проявлялись всякій разъ, когда онъ не считалъ нужнымъ казаться грознымъ или парировать высокопоставленную заносчивость или бездарность.

По словамъ Погодина, Ермоловъ каждому старался сказать что-нибудь лестное и пріятное, и въ этомъ отношеніи иногда «лито было черезъ край, что впрочемъ замѣчалось только впослѣдствіи» [3]).

«Вѣжливость—давалъ онъ отеческій совѣтъ молодому Фигнеру—есть самая дешевая монета, но всегда въ хорошемъ курсѣ. Я поставилъ себѣ за правило никогда не отдавать поклонъ сидя. Я всегда передъ каждымъ прапорщикомъ вставалъ» [4]).

---

[1]) Записки Ермолова, II, Прил. 181, 259.
[2]) Слова в. кн. Михаила Павловича. Погодинъ, 443.
[3]) Погодинъ, 449.
[4]) «Историческій Вѣстникъ» 1881, I, 149.

Кстати замѣтимъ, что съ прислугой Ермоловъ «жилъ поотечески. Ласка, забота о довольствѣ, о семействахъ, желаніе доставить удовольствіе обнаруживалось при всякомъ случаѣ». Его управитель Кириллъ Максимовичъ жилъ у него 45 лѣтъ [1]).

Дѣйствительнымъ недостаткомъ Ермолова является, во-первыхъ, его неправильное отношеніе къ Кутузову.

Тактика престарѣлаго главнокомандующаго, оставившаго французовъ ихъ собственной участи, на жертву морозовъ, голода и болѣзней, имѣла, съ внѣшней стороны, мало блестящаго и потому понятно чувство молодежи, у которой, такъ сказать, изъ рукъ вырывали случай отличиться. Молодые генералы, послѣ бѣгства французовъ изъ Москвы, плохо слушали Кутузова, и Ермоловъ, къ сожалѣнію, не былъ исключеніемъ.

«Фельдмаршалъ—признается Ермоловъ въ своихъ запискахъ—приказалъ идти впередъ, но отнюдь не далѣе Днѣпра... Не выходя изъ комнаты фельдмаршала, рѣшился я, выискавъ пристойный предлогъ, перейти Днѣпръ» [2]).

Принимая во вниманіе одинаковость шансовъ и при способѣ Кутузова и при болѣе дѣятельномъ преслѣдованіи непріятеля, надо предпочесть первый уже въ силу принципа единононачалія въ дѣйструющей арміи, который, въ эпоху разлада между Багратіономъ и Барклаемъ, такъ энергично отстаивалъ Ермоловъ.

Болѣе серьезнымъ недостаткомъ является самонадѣянность Ермолова. Говоримъ о томъ сравнительно незначительномъ количествѣ войска, съ которымъ онъ предпринялъ и надѣялся совершить покореніе Кавказа.

Отговариваться незнаніемъ театра войны Ермоловъ не могъ, да и не сталъ бы. Еще при Зубовѣ онъ основательно познакомился съ Кавказомъ. Честолюбивая мысль когда-нибудь повелѣвать въ этихъ горахъ, тогда еще запала въ его душу. Ранней опытностью въ кавказскихъ дѣлахъ объясняется, почему, вступивъ въ управленіе краемъ, Ермоловъ тотчасъ угадываетъ вѣрную дорогу и, безъ малѣйшихъ колебаній, идетъ къ опредѣленной цѣли. Почему же только въ вопросѣ о числѣ войскъ онъ выказываетъ положительную непредусмотрительность.

Отъ отвѣтственности въ этомъ случаѣ Ермолова повидимому освобождаетъ то, что почти ежегодно (хотя часто безуспѣшно) онъ обращается за подкрѣпленіями. Но, еще вопросъ, былъ ли онъ довольно настойчивъ въ этихъ требованіяхъ? Столь убѣдительный во всѣхъ другихъ случаяхъ, почему онъ не постарался быть убѣдительнымъ только въ вопросѣ о количествѣ войска, необходимаго для покоренія Кавказа?

---

[1]) Погодинъ, 449.

[2]) Погодинъ, 163. Записки Ермолова, I, 256.

Однажды самъ государь обратилъ вниманіе на непослѣдовательность Ермолова въ этомъ вопросѣ. «Какъ согласить,—спрашиваетъ государь,—просьбу о прибавкѣ къ грузинскому корпусу 26,000, съ прежнимъ увѣреніемъ, что три полка,—все чего желаетъ Ермоловъ и «бóльшее число было бы излишкомъ» [1]). Вообще энергическія настоянія о присылкѣ войскъ начинаются только за годъ до персидской войны.

Чтобы вполнѣ оправдать Ермолова, надобенъ, съ его стороны, ясный и подробный разсчетъ военныхъ силъ, дѣйствительно необходимыхъ для покоренія Кавказа. Но таковаго, не смотря на обширныя теоретическія и практическія познанія Ермолова въ военномъ дѣлѣ, нигдѣ не находимъ, а напротивъ, существуютъ признаки, что онъ не прочь начать завоеваніе Закаспійскаго края съ 1,000 человѣкъ пѣхоты! [2])

Ермоловъ, конечно, зналъ, что въ Петербургѣ всякое комплектованіе кавказскаго корпуса будетъ принято крайне неохотно. Но, познакомившись съ его характеромъ, читатель вѣроятно допуститъ, что не въ желаніи подлаживаться къ кому бы то ни было находится причина умѣренности въ вопросѣ о числѣ войскъ.

Въ настоящемъ случаѣ Ермоловъ едва ли не дѣйствуетъ какъ тотъ русскій мастеровой, который, разсчитывая на свою ловкость, хочетъ обойтись однимъ топоромъ. Инструментъ былъ плохъ въ томъ отношеніи, что отличное войско было малочисленно. До нѣльзя ограничивая окупаціонный корпусъ, Ермоловъ надѣялся на свою личную энергію, усердіе и талантъ и основательно полагался на несравненныя качества русскихъ войскъ. Но качество не безпредѣльно можетъ замѣнять количество. Кромѣ ума, въ самыхъ распоряженіяхъ, необходима достаточная сила для ихъ осуществленія.

Съ этой точки, на Ермолова падаетъ отвѣтственность не только за неудачный ходъ нашихъ операцій въ началѣ персидской кампаніи, но и за самую медленность покоренія Кавказа. Если бы Ермоловъ, вскорѣ по вступленіи въ управленіе краемъ, испросилъ столько войска, сколько дѣйствительно необходимо, не было бы надобности въ грозномъ языкѣ его приказовъ горцамъ, въ казни аманатовъ и экзекуціяхъ. Начавъ наступленіе съ небольшими силами, самъ онъ ежеминутно могъ очутиться въ положеніи близкомъ къ самооборонѣ. Отсюда крайнее напряженіе въ лагерѣ побѣдителей и «горе побѣжденнымъ».

Когда покореніе страны рѣшено, достаточное количество войска нравственно обязательно для завоевателя; оно—долгъ гуманизма; всякая скупость въъ этомъ отношеніи, если только она не предписывается безусловной необходимостью, просто безчеловѣчна.

---

[1]) Записки Ермолова, II, Матер. 87, 92.

[2]) Записки Ермолова, II, Прил. 121, 123. См. также выше л. 28 на об.

XI.

Ермоловъ сначала поселился около Орла, въ с. Лукьянчиковѣ, имѣніи его отца. «Собираюсь заниматься хозяйствомъ, о которомъ пресмѣшныя имѣю понятія,—пишетъ онъ отсюда своему другуХовену.—Но не такъ велико состояніе и не такъ многосложно управленіе, чтобы, наконецъ, и я не сдѣлался экономомъ» [1]. Сельскимъ хозяиномъ онъ однако не сдѣлался, а продалъ Лукьянчиково, купилъ деревянный домъ въ Москвѣ тысячъ въ пятнадцать «и, съ этого времени, какъ Магометъ съ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считаетъ дни своей мудрости» [2].

Прошли года. Неблаговоленіе государя смѣнилось знаками расположенія. Не было недостатка въ попыткахъ возвратить Ермолова на колею общественной дѣятельности. «Я хочу васъ всѣхъ стариковъ собрать около себя и беречь какъ старыя знамена»,—сказалъ однажды государь [3]. Послѣдовало назначеніе въ члены государственнаго совѣта.

Фактъ несомнѣнный—Ермоловъ оказался негоднымъ для государственнаго совѣта той эпохи. «Никто, никогда не слышалъ его голоса—говоритъ современникъ—и даже большую часть времени онъ проводилъ въ полудремотѣ или, по крайней мѣрѣ, съ закрытыми глазами, не обращая повидимому ни малѣйшаго вниманія на все, что докладывалось; когда же, при встрѣчавшихся разногласіяхъ, секретари подходили спрашивать о его мнѣніи, обыкновенный отвѣтъ его былъ: «съ тою стороной, на которой окажется больше голосовъ». По одному дѣлу (кажется Строгоновыхъ съ Всеволожскимъ) очень сложному и запутанному, онъ просто сказалъ, что не можетъ произнести никакого мнѣнія, потому что «не понимаетъ этого дѣла». Когда же тогдашній предсѣдатель графъ Новосильцевъ возразилъ, что не считаетъ себя въ правѣ принять такой отзывъ, какъ неумѣстный со стороны члена государственнаго совѣта, то послѣ довольно продолжительнаго уклоненія, возвратился къ стереотипному своему отвѣту: «съ большинствомъ голосовъ» [4]. Въ совѣтъ онъ не ѣздилъ подъ различными предлогами. Въ Петербургѣ начали говорить, что онъ смѣется надъ совѣтомъ [5]. Го-

---

[1]) «Русская Старина», 1876, т. XVI, 230.

[2]) Погодинъ, 403.

[3]) Ib. 399.

[4]) Погодинъ, 402. Кстати замѣтимъ, что хотя верхняя палата англійскаго парламента считается судебной инстанціей, но, по издревле сложившемуся обычаю, лорды не-юристы уклоняются отъ подачи голоса по вопросамъ чисто-юридическимъ. По этому, 4-го сентября 1844 года, дѣло О'Конеля разсматривалось только пятью лордами и было рѣшено въ пользу О'Конеля большинствомъ только одного голоса, не смотря на то, что въ этой же залѣ парламента находилась масса перовъ, не расположенныхъ къ ирландскому агитатору.

[5]) Погодинъ, 377.

сударь былъ недоволенъ этимъ уклоненіемъ. Но, вмѣсто того, чтобы, присоединясь къ общему хору, сдѣлать по крайней мѣрѣ видъ «дѣловего человѣка»», Ермоловъ началъ проситься въ Москву. Желанное разрѣшеніе наконецъ получено, но, подъ предлогомъ «чрезмѣрно усилившихся занятій», государь не принялъ Ермолова передъ отъѣздомъ [1].

Такъ какъ никто не повѣритъ, чтобы у Ермолова не хватало способностей для занятій въ государственномъ совѣтѣ, то остается предположить, въ самомъ устройствѣ, въ самой роли этого государственнаго учрежденія (того времени), нѣчто мѣшавшее Ермолову серьезно къ нему отнестись. Въ исторіи уклоненія Ермолова отъ занятій государственнаго совѣта повторяются мотивы заставившіе его, вопреки настояніямъ Дибича, удалиться съ Кавказа. Другіе могли принять мишуру за дѣло; но Ермолову, созданію эпохи русской инициативы и александровскаго идеализма, уже нельзя было довольствоваться пережовываніемъ крошечныхъ идеекъ, съ которыми носились корифеи тогдашней правительственной сферы. Гордость же и «простосердечіе» не позволяли лавировать между противуположными убѣжденіями.

Къ этому надо прибавить, что, въ періодъ занятій Ермолова въ совѣтѣ, его, случайно или съ умысломъ, назначали въ комитеты не имѣвшіе отношенія къ его прошедшей дѣятельности и обходили при назначеніяхъ въ комитеты военнаго характера, хотя ихъ предсѣдатели, не имѣя нужныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, частнымъ образомъ, обращались къ Ермолову съ вопросами [2]. Однажды Ермоловъ прямо заявилъ государю, что онъ военный и что всѣ возлагаемыя на него порученія не соотвѣтствуютъ его свѣдѣніямъ и опытности. Но государь отвѣтилъ комплиментомъ: «вѣрно ты слишкомъ любишь отечество, чтобы желать войны; намъ нуженъ миръ для преобразованій и улучшеній; но, вслучаѣ войны, я употреблю тебя» [3].

Ермолову предложили мѣсто предсѣдателя въ генералъ-аудиторіатѣ. Онъ далъ такой отвѣтъ. «Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня привязанность войска; готовъ принять всякую должность, которую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ» [4].

Сдержанность Ермолова тѣмъ болѣе понятна, что, среди знаковъ вниманія, выпадавшихъ иногда на долю, попадались прямыя оскорбленія. То созданный имъ въ Тифлисѣ Ермоловскій проспектъ переименуется въ Головинскій [5]) то историку Устрялову поручатъ

[1]) Погодинъ, 401.
[2]) Ibid. 397, 399.
[3]) Ibid. 399.
[4]) Ib. 397; 399.
[5]) Ib. 439.

написать о «недостаткѣ способностей» у Ермолова [1]), то на оффиціальномъ пріемѣ заставятъ ждать нѣсколько часовъ. Въ тяжелый годъ Крымской войны московское дворянство избрало Ермолова начальникомъ своего ополченія; москвичи поздравляли другъ друга, какъ съ одержанной побѣдой; но выборы не были утверждены.

Итакъ, Ермолову осталось только печальное сознаніе таланта безполезнаго въ землѣ своей. Онъ зарылся въ антресоляхъ своего московскаго дома, писалъ и переписывалъ воспоминанія, переплеталъ книги, сблизился съ небольшимъ кружкомъ понимавшихъ его людей и осыпалъ сарказмами бездарныхъ представителей тогдашней администраціи. Вообще, нѣтъ ни одного свидѣтельства, чтобы Ермоловъ, еще недавно колоссальная рабочая сила, сдѣлалъ попытку снова выдвинуться и занять положеніе соотвѣтственное его заслугамъ и таланту.

Можно сказать—Ермоловъ учился всю жизнь. Въ Петербургѣ, молодымъ офицерамъ, онъ бралъ уроки математики; сосланный въ Кострому, основательно изучилъ латинскій языкъ. Къ своимъ учителямъ Гайму, Груздеву, Лясковскому всегда писалъ дружеское расположеніе [2]). Сослуживцамъ Ермолова въ Тифлисѣ были одинаково доступны: его домъ, столъ и библіотека [3]).

«Библіотека его, говоритъ Погодинъ, была отборная, особенно что касается до военнаго дѣла, до политики и вообще исторіи. Онъ выписывалъ и получалъ тотчасъ все примѣчательное преимущественно на французскомъ языкѣ. Значительная часть книгъ испещрена его примѣчаніями на поляхъ» [4]).

Въ походѣ возилъ за собою книги и нерѣдко устраивалъ литературные вечера [5]). Представимъ: возстаніе въ Чечнѣ; идетъ Ермоловъ; кружокъ близкихъ людей раздѣляетъ его походную трапезу; послѣ обѣда Грибоѣдовъ читаетъ нѣсколько явленій изъ «Горе отъ ума», тогда только-что оконченной [6])...

Шумъ битвы, лагерная жизнь и серьезность общественной роли, выпавшей на его долю, не изсушили сердца, не заглушили струю поэзіи. «И вашу прелестныя женщины, вспоминаетъ онъ о Вильнѣ, испыталъ я очаровательную силу; вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами» [7]).

Былъ женатъ три раза на черкешенкахъ Сюйда, Татай и Султанумъ [8]).

---

[1]) Погодинъ, 378, 406.
[2]) Ibid. 12, 15.
[3]) Записки Ванъ Галена, «Истор. Вѣст.» 1884 г., іюнь, 672.
[4]) Погодинъ, 448.
[5]) Записки Муравьева, «Рус. Архивъ» 1886 г., № 4, стр. 496, 518.
[6]) Шимановскій, «Рус. Архивъ» 1875 г., II, 338.
[7]) Записки Ермолова, I, 6.
[8]) Верже, А. П. Ермоловъ и его кебинныя жены на Кавказѣ, «Рус. Старина», 1884 г., сентябрь.

Хорошіе, дышавшіе искреннимъ вдохновеніемъ, стихи оживляли его даже въ глубокой старости. Благородство чувства и возвышенность мыслей въ «Оссіанѣ» сдѣлали для него пріятнымъ чтеніе этой поэмы въ прозаическомъ переводѣ Кострова [1]). Какъ хорошъ былъ сѣдовласый герой Кавказа,—вспоминаетъ г. Бартеневъ,—когда онъ говорилъ, что поэты суть гордость націи. Съ какимъ сожалѣніемъ онъ выразился о ранней смерти Лермонтова [2]).

Слогъ Ермолова блещетъ силой и латинизмами. Тяжелая екатерининская конструкція придаетъ ему своеобразную красоту. Это готическая стрѣлка въ сочетаніяхъ современнаго зданія. Неправильность формы легко забывается, благодаря нравственной высотѣ облекаемой ею мысли. На каждой страницѣ остроты, меткія, нерѣдко злыя характеристики, оригинальные обороты. Между строкъ чувствуется какъ бы присутствіе Курбскаго. Многіе боялись оффиціальной переписки Ермолова. «Во что обмакиваете вы перо ваше,—писалъ ему Давыдовъ,—потому что съ него стекаютъ не чернила, а желчь» [3]).

Къ сожалѣнію, не только до сихъ поръ не существуетъ полнаго собранія сочиненій Ермолова (къ нимъ надо присоединить значительную часть его приказовъ и другихъ оффиціальныхъ бумагъ), но и то изданіе «Записокъ» съ приложеніями, которое имѣется [4]), во всѣхъ отношеніяхъ (отъ нумераціи и брошюровки, до вѣрности текста и варіантовъ) оставляетъ желать лучшаго.

Бережливость, которою Ермоловъ отличался на службѣ, въ интересахъ казны, онъ перенесъ въ свою частную жизнь. «Былъ очень разсчетливъ,—поясняетъ Погодинъ,—но не скупъ». Выѣхавъ изъ Тифлиса въ простой кибиткѣ, съ третнымъ жалованьемъ въ карманѣ, онъ все-таки, въ концѣ концовъ, устроилъ свои дѣла почти съ помощью одной только пенсіи. Проживалъ не болѣе трехъ тысячъ въ годъ [5]).

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, общее вниманіе Россіи привлекалъ, жившій въ Москвѣ, почти никуда не выѣзжавшій, старый генералъ, заживо сдѣлавшійся полумиѳической личностью. Большинство повторяло о немъ массу анекдотовъ, но знало достовѣрно только то, что, въ 12-мъ году, онъ оказалъ большія услуги государству; онъ же усмирилъ Кавказъ и, съ его удаленіемъ, здѣсь начался рядъ неудачъ, поставившій русское владычество въ этомъ краѣ въ весьма двусмысленное положеніе. О причинахъ отставки говорили темно и различно. Цензурныя условія не позволяли разъяснить вопросъ.

---

[1]) Фигнеръ, «Истор. Вѣст.» 1881 г., I, 152.
[2]) «Рус. Архивъ» 1863 г., стр. 859.
[3]) Погодинъ, 7.
[4]) Два тома, Москва, 1865—1869 г.
[5]) Погодинъ, 450.

Знаменитый обитатель Москвы, казалось, весь ушелъ въ прошедшее, но жизнь страстно искала его. «Представьте, — разсказывалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, — только-что провѣдали (на Кавказѣ), что ѣдетъ сынъ Ермолова (выпущенный изъ кадетскаго корпуса), народъ сталъ сбѣгаться на почтовую дорогу и встрѣчать его на станціяхъ торжественными привѣтствіями» [1]).

Когда плѣннаго Шамиля спросили: что онъ прежде всего хочетъ видѣть въ Москвѣ? Онъ отвѣчалъ: «Ермолова». Студенческая молодежь ловила рѣдкій случай появленія бывшаго «проконсула». Портретъ его, вышедшій въ это время, раскупался также быстро, какъ и портретъ тогдашняго «героя дня» Гарибальди. Толпа собиралась у подъѣзда дома, въ которомъ ожидали Ермолова. Былъ такой случай: въ общественномъ собраніи прекратились танцы, когда пронесся слухъ: кто этотъ сѣдой генералъ въ черномъ фракѣ [2]).

Пушкинъ посвятилъ Ермолову страницу своей поэтической прозы; Белинсгаузенъ назвалъ его именемъ островъ на Тихомъ Океанѣ; онъ вдохновилъ Лермонтову одно изъ лучшихъ стихотвореній; немногіе избранные съ трепетомъ входили въ скромно обставленный кабинетъ, «гдѣ никнулъ головой лавровой» нѣкогда грозный полководецъ.

Ермоловъ скончался 12 апрѣля 1861 года, спокойно сидя въ креслѣ, 84-хъ лѣтъ отъ роду. Незадолго передъ смертью онъ продиктовалъ письмо къ министру путей сообщенія Чевкину, въ которомъ убѣждалъ не продавать иностранцамъ варшавскую желѣзную дорогу и графинѣ Блудовой, прося ее передать князю Горчакову какое-то политическое замѣчаніе.

Ѳ. Уманецъ.

Погодинъ, 448.
Ib. 441.

МОРСКОЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ ВЪ 1823—1828 ГОДАХЪ.

(Изъ воспоминаній генералъ-маіора Петра Васильевича Митурича).

I.

ЯТАГО СЕНТЯБРЯ 1822 года, въ квартирѣ отца моего, въ домѣ Румеля, на углу Средняго проспекта и 14-й линіи Васильевскаго острова, происходило маленькое семейное торжество, по случаю имянинъ матушки. Отецъ мой, Василій Павловичъ Митуричъ, служилъ въ департаментѣ народнаго просвѣщенія и очень незадолго передъ тѣмъ получилъ мѣсто начальника отдѣленія, что дѣлало его и матушку въ этотъ день особенно счастливыми. Собралось много гостей, большею частію сослуживцевъ отца по департаменту и по морскому корпусу, гдѣ онъ также служилъ преподавателемъ. Были и многіе родные, въ числѣ которыхъ—Маркъ Филиппов. Горковенко, инспекторъ классовъ морского кадетскаго корпуса.

Вечеромъ, когда сѣли играть въ бостонъ, Маркъ Филоппович позвалъ меня въ другую комнату и велѣлъ мнѣ принести какую-нибудь книгу. Я былъ тогда мальчуганомъ, удивительно маленькимъ для своихъ почти девяти лѣтъ, но тотчасъ сообразилъ, что мнѣ предстоитъ нѣчто въ родѣ экзамена, и подалъ любимыя мои «Сказки Эмина». Маркъ Филиппович, увидя, что я очень бойко читаю, сказалъ:

— Ну, братецъ, эти сказки ты, кажется, наизусть знаешь! Нѣтъ, дай-ко мнѣ другую книжку?

Отецъ, услышавши это, подалъ ему только-что полученный, новый номеръ «Вѣстника Европы».

— Вотъ,—говоритъ Горковенко,—тутъ ты покажешь мнѣ свою прыть!

Я взялъ книгу и съ указаннаго мѣста прочиталъ ему половину страницы также бойко, какъ и «Сказки Эмина». Затѣмъ, по приказанію его, прочиталъ Символъ Вѣры и довольно хорошо отвѣчалъ ему на нѣсколько вопросовъ изъ таблицы умноженія.

— Недурно!—продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу.—А что, Василій Павловичъ, хотите его отдать теперь? У меня въ ротѣ есть вакансія, а съ новаго года мы его и совсѣмъ зачислимъ?

Матушка, услыхавши это, стала просить оставить меня дома, хоть до новаго года, ссылаясь на то, что мнѣ еще въ октябрѣ только минетъ девять лѣтъ.

— Ну, какъ хотите,—сказалъ Горковенко,—пожалуй оставьте до новаго года, а я все-таки его зачислю, а то, до новаго года, можетъ случиться, что всѣ казенныя вакансіи будутъ разобраны.

Такимъ образомъ, участь моя была рѣшена, и съ этого дня матушка стала смотрѣть на меня, какъ на самаго дорогого гостя. Четыре мѣсяца промелькнули счастливо, и незамѣтно приблизилось 8-е января 1823 года. Послѣднее время матушка, да и я, глядя на нее, сильно грустили, хотя только-что сдѣланная мнѣ кадетская форма меня нѣсколько утѣшала. Въ то время, поступавшіе въ корпусъ должны были обмундировываться на собственный счетъ.

Утромъ 8-го января, послѣ чая, матушка велѣла мнѣ надѣть кадетскую форму, и вмѣстѣ съ нею и батюшкой мы отправились на Псковское подворье. Тамъ, послѣ литургіи, знакомый намъ іеромонахъ, отецъ Василій, отслужилъ молебенъ, благословилъ меня съ приличнымъ наставленіемъ, и надѣлъ мнѣ на шею образокъ, чтобъ я не забывалъ его словъ и какъ можно чаще обращался съ молитвою къ Богу. Затѣмъ, благословила меня матушка и, со слезами простившись со мной, отправилась домой, а мы съ батюшкой — прямо въ корпусъ къ Марку Филипповичу. Его мы застали въ полномъ мундирѣ и уже въ прихожей, собравшимся уходить, однакожъ онъ воротился въ свой кабинетъ, написалъ коротенькую записку и, отдавая ее отцу, сказалъ:

— Ну, Василій Павловичъ, извините, я тороплюсь къ директору,—потрудитесь сами сдать его дежурному офицеру.

Пришедши въ 4-ю роту, батюшка представилъ меня по принадлежности, и я, простившись съ нимъ, отправился въ 1-е отдѣленіе съ братомъ моимъ старшимъ Павломъ, который уже второй годъ былъ кадетомъ.

Надо сказать, что въ то время всѣхъ ротъ въ корпусѣ было

пять, и въ каждой изъ нихъ имѣлось по четыре большихъ дортуара, называвшихся отдѣленіями. Въ нихъ помѣщалось до тридцати человѣкъ, въ числѣ коихъ было пять гардемариновъ. Старшій гардемаринъ завѣдывалъ отдѣленіемъ.

У насъ былъ старшимъ гардемаринъ Кадниковъ. Онъ назначилъ мнѣ столъ и кровать возлѣ брата, за тѣмъ заставилъ меня читать порусски и пофранцузки, спросилъ изъ ариѳметики и изъ молитвъ, какія я зналъ, потомъ велѣлъ мнѣ продекламировать какое-нибудь стихотвореніе, но такъ какъ басенъ и стиховъ я зналъ много, то онъ выбралъ изъ нихъ стихотвореніе Шишкова: «Красны какъ пришли денечки»... и проч.

Декламація моя до того восхитила Кадникова, что онъ, позвавъ своихъ товарищей, заставилъ меня повторить. Все въ отдѣленіи притихло и взоры всѣхъ обратились на меня. Воодушевленный такимъ вниманіемъ, я прочиталъ стихотвореніе во второй разъ съ бо̀льшимъ еще чувствомъ, громко и отчетливо.

Послѣ этого, какъ со стороны гардемариновъ, такъ равно и кадетъ, послѣдовали громкіе аплодисменты. Нѣкоторые пожелали было, чтобъ я сказалъ еще какое-нибудь стихотвореніе, но въ это время гардемарину Ограновичу принесли пирогъ отъ корпуснаго повара, чѣмъ ежедневно награждались дежурные по корпусу, а потому всѣ старшіе обратились къ Ограновичу, или, лучше сказать, къ пирогу, кусочекъ котораго перепалъ и на мою долю.

— Ну, Петръ,—сказалъ мнѣ братъ, когда я подошелъ къ нему, чтобы подѣлиться съ нимъ моею добычей,—ты теперь неуязвимъ!

— Какъ неуязвимъ, что это значитъ?—спросилъ я его.

— А это значитъ,—отвѣчалъ онъ,—что тебя теперь никто не тронетъ, не то, что меня, въ началѣ, бывало калачивали до синяковъ ни за что, ни про что; не только отнимутъ все принесенное изъ дома, но за сопротивленіе еще отколотятъ, а на твоей сторонѣ теперь гардемарины и всѣ эти большаки,—увидишь, что до тебя ни одинъ негодяй не посмѣетъ коснуться.

Вскорѣ пришелъ Маркъ Филипповичъ и, потребовавъ Кадникова и меня, спросилъ перваго относительно моихъ познаній, а потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ты будешь во второмъ классѣ. Табель выдастъ тебѣ старшій отдѣленія... совѣтую учиться прилежно.

Тутъ забилъ барабанъ и насъ повели въ столовую залу. Не видавши никогда такой огромной залы, я пришелъ въ величайшій восторгъ. Дѣйствительно, зала эта была едва ли не единственная въ Петербургѣ. Ширина ея позволяла развернутому кадетскому дивизіону проходить церемоніальнымъ маршемъ и по сторонамъ оставалось еще довольно мѣста для начальства и музыкантовъ, длина же ея такова, что, стоя на одномъ концѣ, при хорошемъ только зрѣніи, можно было узнать лицо на другомъ концѣ залы,

а, между тѣмъ, въ ней не было ни одной колонны, такъ какъ потолокъ держится на винтахъ, подвѣшенныхъ къ стропиламъ. Въ мое время, въ этой залѣ обѣдали заразъ всѣ пять ротъ, а также корабельное училище и морская гимназія, имѣвшія тогда помѣщеніе въ зданіяхъ морского корпуса.

Когда всѣ заняли свои мѣста, то по барабану прочитана была молитва и по барабану же мы сѣли и принялись за обѣдъ. Обѣдъ состоялъ, какъ и обыкновенно въ будни, изъ трехъ блюдъ: щей, или супу, соуса и жаркого. Чаще впрочемъ, вмѣсто соуса, котораго вообще кадеты не любили, давали кашу. Въ воскресенье и праздники подавалось еще пирожное и на хорахъ играла музыка. Ужинъ былъ постоянно изъ двухъ блюдъ: горячаго и каши, или, вмѣсто каши, говядина подъ соусомъ. Вообще столъ былъ простой, но сытный; недовольны были воспитанники одной только «говядкой», какъ они называли жаркое, порціи котораго были дѣйствительно до того миверны, что большинство кадетъ проглатывало ихъ цѣликомъ.

По возвращеніи изъ залы, Кадниковъ, вручая мнѣ табель, то есть недѣльное расписаніе класныхъ занятій, сказалъ:

— А чтобы ты не запутался, отыскивая классы, я назначилъ твоего одноклассника Янышева руководить тебя на первое время.

Такая предосторожность была отнюдь не лишней, ибо классныя комнаты принадлежали не какому-нибудь классу, а преподавателямъ, которые постоянно занимались въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ, такъ что намъ, во время каждой перемѣны, приходилось кочевать, или изъ одной амфилады классовъ въ другую, или изъ одного этажа въ другой. Впрочемъ, я скоро изучилъ этотъ порядокъ и твердо зналъ въ какомъ этажѣ и въ какой комнатѣ училъ каждый изъ преподавателей нашего класса.

Въ два часа, по повѣсткѣ барабана, мы отправились въ классы. Янышевъ привелъ меня въ самый отдаленный классъ верхняго этажа, куда войти надо было поднявшись на три ступеньки и говоритъ:

— Ну, вотъ, помни, въ понедѣльникъ и въ среду надо въ эти часы приходить сюда, — это классъ учителя русскаго языка, Севастьяна Тимоѳеевича Ф....а, а послѣ обѣда въ другіе дни недѣли тутъ бываетъ черченіе и рисованіе...

Едва успѣлъ онъ это проговорить, какъ закричали «Марко, Марко!..» и всѣ бѣгомъ бросились на мѣста. Вошелъ Маркъ Филипповичъ, а за нимъ и учитель.

— Вотъ, даю вамъ еще одного ученика, новичка,—сказалъ Горковенко, указывая на меня учителю, — прошу любить да взыскивать, чтобъ вышелъ добрый малый,—и приказалъ мнѣ занять мѣсто возлѣ Янышева.

Севастьянъ Тимоѳеевичь Ф....ъ былъ небольшого роста старичекъ, весь сѣдой. Знанія его, какъ я узналъ впослѣдствіи, были весьма

ограничены. Уроковъ онъ намъ никогда не объяснялъ, а цѣлый классъ,—тогда лекціи были по два часа,—или спрашивалъ, или заставлялъ насъ писать подъ диктовку, но самъ тетрадей нашихъ никогда не просматривалъ, а поручалъ просмотръ ихъ четверымъ кадетамъ, оставшимся въ этомъ классѣ на второй годъ, которые и сами не отличались въ правописаніи. Вообще воспитанники не любили этого учителя, и другого названія ему не было, какъ: «Савоська—пьяная моська». Бывало онъ, только придетъ въ классъ, сейчасъ же выложитъ на столъ свою огромную табакерку, которая многихъ избавляла отъ записи лѣнивыми,—и начинаетъ вызывать учениковъ.

— Что, знаешь сегодняшній урокъ?—Отвѣчай!..

— Не совсѣмъ хорошо, Севастьянъ Тимоѳеевичъ,—говорилъ обыкновенно вызванный, и, между тѣмъ, преспокойно вынималъ изъ кармана грошъ и клалъ въ табашный сундукъ учителя.

— Ну, смотри у меня, въ слѣдующій классъ знать!.. Непременно спрошу!—обыкновенно говаривалъ тотъ. Но и въ слѣдующіе разы маневры продолжались тѣ же и Ф....ъ уходилъ изъ класса всякій разъ очень довольный, ибо тавлинка его всегда наполнялась грошами и пятаками. Мы тогда считали эту методу преподаванія русскаго языка отличною, потому что и овцы были цѣлы и волки—сыты.

Въ перемѣну классовъ Янышевъ привелъ меня въ средній этажъ, въ классъ географіи. Тутъ учитель былъ молодой человѣкъ М....ъ, только-что вышедшій изъ морской гимназіи. Это былъ господинъ, слѣдовавшій во всемъ современности и въ преподаваніи придерживавшійся новаго метода. Тогда только-что вошло въ употребленіе изучать географію пѣніемъ, и хотя новатору очень трудно было ввести эту методу, по особому взгляду на нее инспектора классовъ, однакожъ его настойчивость восторжествовала въ концѣ концовъ. Получивъ желанное разрѣшеніе, онъ вооружился огромною палкою и велѣлъ намъ пѣть тѣ рѣки и горы, на которые будетъ указывать.

Съ перваго раза пѣніе наше какъ-то не ладилось, но потомъ пошло отлично. Кадеты сами раздѣлились на голоса и, слѣдуя палкѣ учителя, орали на все зданіе:

«Обь съ Иртышемъ,
«Тазъ, Енисей,
«Лена, Тана, Яна,
«Индигирка и Колыма
«Протe-ка-каютъ по Россі-ій-и»!..

Случалось, Марко Филипповичъ, запыхавшись, влетитъ къ намъ въ классъ и начнетъ насъ бранить и болванами, и дураками, и олухами за нашъ ревъ, который не даетъ возможности заниматься другимъ учителямъ; но такъ какъ мы нисколько не унимались,

то географію съ пѣніемъ перевели въ отдѣльную залу танцованія, гдѣ мы могли уже свободно задавать какіе угодно концерты.

Не знаю насколько полезна эта метода, но помню очень хорошо, что когда меня спрашивали назвать отдѣльно указанную рѣку, то я долженъ былъ пропѣть въ умѣ всю пѣсню, начиная съ Оби, и только попавши въ тактъ вѣрно называлъ указанное.

По возвращеніи изъ классовъ, намъ роздали по булкѣ изъ муки второго сорта, величиною съ блюдечко; такую же булку мы получали и по утрамъ, съ тою только разницею, что тогда она была нѣсколько мягче, чѣмъ вечеромъ. Не вкусенъ показался мнѣ этотъ хлѣбецъ.

— А что,—спросилъ я брата,—даютъ здѣсь когда-нибудь чаю?

— Какъ же,—отвѣчалъ онъ,—поди въ умывальную, тамъ стоитъ курганъ съ водой, — почерпни ковшемъ и пей сколько душѣ угодно, вотъ тебѣ и чай! Другого намъ не даютъ.

Но, видя, что глаза мои полны слезъ, онъ прибавилъ:

— Э, милый Петя, полно горевать! Черезъ недѣлю привыкнешь и забудешь объ чаѣ.

Слова его меня мало утѣшили, мнѣ неудержимо хотѣлось плакать и, чтобъ не замѣтили другіе, я вышелъ въ стеклянную галлерею-корридоръ, соединявшій роты и тамъ, на какой-то рухляди, какъ Марій на развалинахъ Кароагена, принялся оплакивать свое горе. Однакожъ, морозъ заставилъ меня вскорѣ вернуться въ роту' но въ то время какъ я только подходилъ къ двери, оттуда вышелъ Липкинъ, кадетъ пятаго класса, и замѣтивъ, при свѣтѣ фонаря, мое измазанное лицо, спросилъ:

— Митуркинъ, о чемъ ты плачешь? Вѣрно тебя кто-нибудь поколотилъ?

— Нѣтъ, такъ, скучно! — отвѣчалъ я.

— Ну, скажи мнѣ правду! — продолжалъ онъ... Липкинъ этотъ былъ добрѣйшій души воспитанникъ; обласкавъ меня, онъ заставилъ открыть ему настоящую причину моихъ слезъ и сказалъ:

— Такъ пойдемъ со мною! правда, у меня нѣтъ чаю, но есть молоко, которымъ я съ тобой подѣлюсь.

Я ужасно обрадовался и сейчасъ же юркнулъ за нимъ въ людскую подвальнаго этажа. Комната, въ которую мы вошли, не смотря на тяжелый воздухъ, пропитанный запахомъ кожи, сала и какимъ-то особеннымъ казарменнымъ смрадомъ, показалась мнѣ тогда раемъ.

— Осипъ Зыковъ,—вскричалъ Липкинъ,—давай молока!

— Сейчасъ, сударь,—отвѣчалъ кто-то, и тутъ только я разглядѣлъ человѣка, занимавшагося сапожнымъ мастерствомъ, сидя какъ на тронѣ, на двухъ поставленныхъ другъ на другѣ табуретахъ, чтобы быть поближе къ огарку на высокомъ подоконникѣ. Онъ быстро спустился, и я увидѣлъ пребезобразную фигуру, которую, какъ я послѣ узналъ, кадеты прозвали Іосифомъ Прекраснымъ.

Подавъ Липкину молоко, онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вашъ тятенька нанялъ меня къ вамъ въ дядьки, а потому, сударь, не безпокойтесь: къ побудкѣ завсегда ваше платьице и сапожки будутъ вычищены и починены.

Утоливъ здѣсь свой голодъ и жажду, и поблагодаривъ Липкина, я отправился въ роту, гдѣ уже строились къ ужину.

На другой день первые утренніе часы мы сидѣли въ классѣ дьякона П—о, извѣстнаго своею необыкновенною силою. Онъ легохонько ломалъ пополамъ пятаки и гривны, свертывалъ въ узлы кочерги, и относительно его силы въ корпусѣ ходили безчисленные анекдоты. Но, какъ учитель, онъ былъ такой же, какъ и Ф—ъ, заставлялъ насъ также долбить и также никогда ничего не объяснялъ, ссылаясь обыкновенно на руководство. «Краткая священная исторія церкви Ветхаго и Новаго завѣта, изданная для народныхъ училищъ» была такъ, по его мнѣнію, хороша и понятно изложена, что всякое толкованіе было излишне.

Съ лѣнивыми онъ большею частію расправлялся самъ, говоря:

— Вотъ, какъ я дамъ тебѣ тумака, такъ ты улетишь у меня на небеса и сотворишь тамъ чудеса! и «тумакъ» его каждой спинѣ былъ очень долго памятенъ. Мною онъ былъ постоянно весьма доволенъ, ибо врядъ ли кто зубрилъ такъ усердно, какъ я, за то священная исторія до такой степени впилась въ мою память, что могу и теперь проговорить ее на память отъ начала до конца.

Вторые часы была у насъ ариѳметика; преподаватель — Шишкинъ, отличный математикъ, превосходно объяснялъ свой предметъ, но былъ къ намъ необыкновенно строгъ и взыскателенъ. Онъ рѣдко записывалъ лѣнивыхъ, а, по тогдашнему общему обычаю, расправлялся съ ними самъ. За каждую ошибку полагалась «кокоска» въ затылокъ, принаровленная такъ ловко, что получившій ее непремѣнно стукался лбомъ въ классную доску. Такіе удары, отъ коихъ заразъ выростали двѣ шишки, кадеты называли обыкновенно дуплетами. Мнѣ тоже одинъ разъ выпала на долю подобная «кокоска», при отысканіи общаго наибольшаго дѣлителя, но дуплетъ не удался, вѣроятно изъ снисхожденія къ моимъ лѣтамъ и росту. Впрочемъ, благодаря гардемаринамъ нашего отдѣленія, которые усердно занимались со мною ариѳметикой, я сталъ вскорѣ у Шишкина четвертымъ ученикомъ по классу.

Въ первые послѣобѣденные часы мы были на чистописаніи у самаго свирѣпаго учителя, семидесятилѣтняго З—а, вооруженнаго оселкомъ, на которомъ онъ обыкновенно точилъ свой перочинный ножикъ. Этотъ учитель не столько обращалъ вниманіе на чистописаніе, сколько на порядокъ и тишину въ классѣ, а потому, какъ только нарушалось спокойствіе, онъ тотчасъ же награждалъ шалуновъ своимъ оселкомъ, которымъ и гвоздилъ по головамъ направо и налѣво, приговаривая свою обычную поговорку: «грѣшнымъ дѣ-

ломъ, прости Господи!» и эти «загвоздки» надолго оставались въ памяти удостоившихся ихъ получить.

Послѣдніе часы была исторія; учитель, старикъ В—ъ, очень любилъ разсказывать, но говорилъ такъ вяло и монотонно, что его почти никто не слушалъ, при томъ же онъ былъ къ намъ весьма снисходителенъ, а потому наша «краткая русская исторія» шла до крайности плохо.

Въ среду преподаватели были тѣ же, что и въ понедѣльникъ, но едва только роздали намъ вечернія булки, какъ закричали: «строиться!» и повели насъ въ залу танцованія. Тутъ я увидѣлъ учителя М—скаго, тоже старика лѣтъ шестидесяти, который едва волочилъ ноги, а припрыгивать уже никакъ не могъ. Занятія его состояли въ выправленіи нашихъ ногъ и въ указаніи намъ шасе впередъ и назадъ, и глиссе въ бокъ. Для выправленія ногъ, онъ изрядно шлепалъ по колѣнамъ, такъ что мои товарищи помельче сильно морщились и чуть не плакали. Видя это, и желая избѣжать шлепковъ, я надумалъ самъ, глядя какъ учили ихъ, выправлять свои ноги. И вотъ я началъ развертывать свои носки все болѣе и болѣе, въ мѣрѣ приближенія моей очереди предстать предъ учителемъ. Наконецъ, я растопырился до того, что едва держался на ногахъ. Подошедши ко мнѣ учитель сказалъ: «прекрасно!» закричалъ музыкантамъ: «играй перегурдимъ!» и, взявъ меня за руки, повлекъ за собою шасе впередъ. Но, отъ неестественнаго положенія ногъ, я съ перваго же шага повалился, и, конечно, ударился бы объ полъ, ежелибъ учитель не поддержалъ меня. Всѣ засмѣялись и даже музыка стихла. М—скій, поставивъ меня снова въ надлежащую позицію, взялъ за руки, и мы съ нимъ, при звукахъ перегурдима, опять начали шасе. На этотъ разъ оно сошло сносно, но глисе никакъ не удавалось, а потому учитель, позвавъ всезнающаго Янышева, приказалъ ему учить меня отдѣльно, мнѣ же сказалъ: «надѣюсь, г. Митуричъ, что вы, при вашемъ желаніи и стараніи, скоро догоните насъ!» Это непривычное «вы» повліяло на меня такъ сильно, что черезъ нѣсколько же классовъ я уже отплясывалъ не хуже Янышева и получилъ отъ учителя похвалу.

Въ четвергъ я былъ въ первый разъ въ классѣ французскаго языка. Преподаватель, Чижовъ, мужчина среднихъ лѣтъ, съ самыми изящными манерами и чрезвычайно деликатный, благородный человѣкъ. Его такъ любили воспитанники, что даже самые отъявленные лѣнтяи, которые у прочихъ преподавателей ровно ничего не дѣлали, ему исправно готовили уроки. Занятія наши состояли въ чтеніи и переводѣ французскихъ анекдотовъ, въ изученіи словъ и начальныхъ грамматическихъ правилъ. Все это я проходилъ уже дома и здѣсь мнѣ пришлось только повторять старое.

Нерѣдко въ началѣ занятій Чижова въ корпусѣ, учителя-товарищи упрекали его въ томъ, что онъ никого не записываетъ за лѣность.

— Да, помилуйте, господа, кого же я буду записывать, когда всѣ воспитанники готовятъ мнѣ исправно уроки! — отвѣчалъ онъ.

— Да, знаемъ мы ихъ, — говорили всѣ, — вотъ посмотрите, на экзаменѣ они исправно провалятъ васъ, а вы не имѣете даже и оправданія, ибо журналъ вашъ чистъ...

Однакожъ, ожиданія ихъ не исполнились: на годовомъ экзаменѣ, послѣ математики, французскій языкъ въ двухъ младшихъ классахъ, гдѣ только и преподавалъ Чижовъ, сошелъ лучше всѣхъ прочихъ предметовъ.

Всѣ прочіе преподаватели иностранныхъ языковъ въ корпусѣ были иностранцы: нѣмцы, французы и англичане, коверкавшіе русскій языкъ на разныя манеры. Замѣчательно, что съ перваго урока, нѣкоторые изъ нихъ становились потѣхою для воспитанниковъ, въ то время, какъ другіе, также съ перваго же разу, умѣли поставить себя такъ высоко во мнѣніи кадетъ, что никому даже и въ голову не приходило сыграть съ ними какую-нибудь штуку, какъ ни было это легко при ихъ незнаніи русскаго языка.

Въ пятницу у насъ былъ рисовальный классъ; учитель, нѣкто А—ъ — идіотъ, или, лучше сказать, полуумный господинъ. Онъ страшно боялся кадетъ, и чего только они съ нимъ не выдѣлывали. Бывало рисовальную кисточку вымажутъ перцомъ, нюхательнымъ табакомъ, словомъ, всякой гадостью, а онъ, по привычкѣ своей, обмакнетъ ее въ воду и оближетъ. И ничего, развѣ ужъ очень горько покажется,—выплюнетъ и что-то проворчитъ про себя. Если, случалось, зашумятъ въ классѣ, а онъ закричитъ «тише!» — бѣда ему неминуемая. Всѣ сейчасъ набрасываются на него:

— Ахъ, ты сапожникъ! это на дворянъ-то ты такъ смѣешь кричать, пошелъ вонъ!...

И онъ, безъ всякаго возраженія, собираетъ всѣ рисунки, запираетъ въ шкафъ и смиренно уходитъ въ табельную, ждать тамъ окончанія класса. Разъ, наконецъ, и онъ вошелъ въ азартъ, хотѣлъ жаловаться инспектору классовъ, но его за эту продерзость прокатили по лѣстницѣ съ третьяго этажа, послѣ чего онъ уже и не являлся въ классы. Мѣсто его заступилъ г. Погонкинъ, очень хорошій художникъ и человѣкъ съ характеромъ, державшій классъ въ строгой дисциплинѣ, но занимавшійся только съ тѣми, кто имѣлъ способности и охоту учиться искусству рисованія.

II.

Проходили дни за днями, недѣли за недѣлями, и я все болѣе и болѣе свыкался съ корпусною жизнію. Наконецъ, наступили и каникулы. Гардемарины и старшихъ классовъ кадеты отправились въ плаваніе, въ походъ, а младшіе классы были отпущены по домамъ. Тѣ кадеты, которые, за неимѣніемъ родныхъ, оставались въ

корпусѣ, были отправлены на лѣто въ Ораніенбаумъ. Эти два мѣсяца я провелъ дома очень весело; впрочемъ, въ будни мы почти ежедневно занимались съ отцомъ повтореніемъ пройденнаго, а по утрамъ ходили съ братомъ къ учителю математики М. Н. Божерянову, жившему очень близко отъ насъ и котораго отецъ взялъ преимущественно для брата, чтобы тотъ повторилъ геометрію. На этихъ урокахъ и я ознакомился съ началами этой науки и это предварительное знакомство съ предметомъ оказалось мнѣ въ послѣдствіи настолько пригоднымъ, что у Шишкина по геометріи я сдѣлался первымъ ученикомъ.

По окончаніи каникулъ, когда пришло время являться въ корпусъ, я-таки порядкомъ поплакалъ и съ грустію въ сердцѣ отправился съ братомъ въ свою роту.

Скоро однакожъ все вошло въ свою обычную колею и скучать было некогда, потому что весь день былъ занятъ: въ пять часовъ насъ будили, въ семь—вели въ классы, откуда въ одиннадцать часовъ, послѣ двухъ утреннихъ лекцій, приходили въ роты и сейчасъ же начиналось фронтовое ученье. Черезъ полчаса послѣ ученья—обѣдъ, а послѣ него въ два часа—опять въ классы, на двѣ вечернія лекціи. Въ шесть часовъ, послѣ раздачи булокъ было: одинъ разъ въ недѣлю танцованіе, одинъ разъ—гимнастика, то есть лазанье по вантамъ на мачту, и одинъ разъ—баня. Въ восемь часовъ шли опять въ столовую къ ужину, такъ-что едва поспѣвали приготовлять уроки, и зачастую готовили ихъ послѣ ужина.

6-го ноября, въ день исповѣдника Павла, былъ храмовой корпусный праздникъ. Въ этотъ день, во-первыхъ, насъ разбудили въ семь часовъ; послѣ молитвы дали по булкѣ изъ бѣлой муки; потомъ въ девять часовъ повели къ обѣднѣ, гдѣ послѣ литургіи были проповѣдь и молебенъ; послѣ церковной службы всѣ офицеры и учителя отправились къ Марку Филипповичу на пирогъ, куда потребовали и насъ съ братомъ. Въ столовой залѣ, за обѣдомъ, былъ супъ съ пирожками, вмѣсто говядины на жаркое—телятина съ огурцами, а взамѣнъ обыкновеннаго пирожнаго—торты съ вареньемъ, изъ коихъ каждая была разрѣзана на двѣнадцать довольно порядочныхъ порцій. На хорахъ гремѣла музыка. Говорю: гремѣла, потому-что, на этотъ разъ, участвовалъ полный хоръ корпусныхъ музыкантовъ, въ промежуткахъ же между пьесами пѣли пѣвчіе,—хоръ корпусныхъ кантонистовъ. Тогда кадетъ не заставляли пѣть, а потому во всѣхъ церковныхъ службахъ участвовали кантонисты, считавшіеся тогда лучшими пѣвчими на всемъ Васильевскомъ островѣ. Въ шесть часовъ вечера насъ снова привели въ столовую залу для танцевъ. Тогда не было еще обычая приглашать на вечера постороннихъ, и даже корпусныя дамы не являлись на этотъ праздникъ. Присутствовали только: дежурный капитанъ, пять дежурныхъ офицеровъ и учитель танцованія М......ій, но тутъ онъ уже

не шлепалъ по колѣнамъ, а съ пріятною улыбкою составлялъ пары и распоряжался танцами. Танцы продолжались до девяти часовъ вечера и въ продолженіе ихъ намъ роздали по яблоку, по нѣскольку грецкихъ орѣховъ и по горсти изюму, а по окончаніи ихъ дали намъ ужинать, чѣмъ и заключился праздникъ.

Около половины ноября начались экзамены. Первымъ, и самымъ главнымъ былъ—изъ математики. Экзаменаторами были корпусные офицеры. Я назначенъ былъ къ лейтенанту Ю.....у, который призывалъ меня къ себѣ на квартиру три раза и больше поилъ чаемъ и кормилъ лакомствами, нежели экзаменовалъ. Тогда баллов еще не употребляли, а замѣняли ихъ простыми отмѣтками: весьма хорошо, очень хорошо, хорошо, изрядно, посредственно и худо. Ю.....ъ далъ мнѣ отмѣтку весьма хорошую.

По прочимъ же предметамъ экзаменовали насъ учителя, которые имѣли обыкновеніе не показывать своихъ отмѣтокъ, а потому узнать ихъ мы не могли ранѣе, какъ послѣ святокъ, при выпускѣ и переводѣ воспитанниковъ изъ класса въ классъ.

Святки я провелъ дома и, разумѣется, очень весело. Явившись въ корпусъ, я получилъ новую табель, въ которой мнѣ были поставлены отмѣтки изъ всѣхъ предметовъ хорошія, и я былъ переведенъ въ 3-й классъ восьмымъ ученикомъ. По этой табели, какъ предметы преподаванія, такъ и учителя, остались прежніе.

Въ февралѣ насъ посѣтилъ директоръ корпуса, полный адмиралъ Карцевъ, старикъ лѣтъ семидесяти, человѣкъ больной, рѣдко выходившій изъ своей квартиры. Къ его приходу готовились такъ, какъ бы ждали самаго почетнаго гостя. Всѣ учителя и офицеры были въ полныхъ мундирахъ; въ ротахъ все было вымыто и вычищено; одѣяла на кроватяхъ были положены новыя; насъ также нарядили въ праздничное платье. Ждали его въ классы, однакожъ онъ пришелъ только къ обѣду и обошелъ роты. Всѣ мы стояли у кроватей. По нашему отдѣленію онъ проходилъ, ни къ кому не обращаясь, но, увидя меня, сказалъ:

— Какой малютка! что ты скучаешь здѣсь?

— Нѣтъ, не скучаю,—отвѣчалъ я.

— А хочешь домой?

— Очень бы желалъ, да вѣдь до субботы не отпустятъ!..

— Ну, отпустите его до понедѣльника!—вымолвилъ директоръ, обращаясь къ ротному командиру.

Затѣмъ, повели насъ въ столовую, гдѣ былъ улучшенный противъ обыкновеннаго столъ. Директоръ попробовалъ пробу, которая была, конечно, еще лучше нашего обѣда и, поблагодаривъ начальство за порядокъ, простился съ нами. Такимъ образомъ, я видѣлъ директора, во всѣ два съ половиною года пребыванія моего при немъ въ корпусѣ, одинъ только разъ. Послѣ обѣда я явился съ Іосифомъ Прекраснымъ домой, къ великому удивленію родителей.

Въ апрѣлѣ случилось со мною печальное приключеніе.

Въ классахъ какъ-то нечаянно разбили мою аспидную доску, а потому, послѣ фронтового ученья, я отправился въ табельную, чтобы взять новую.

Надо сказать, что тогда всякій, кто терялъ какую-либо книгу, или разбивалъ доску, могъ безпрепятственно получить новую, росписавшись въ табельной книгѣ, а потомъ, при выпускѣ, все сосчитывалось вмѣстѣ и заразъ вычиталось. То же самое было и въ ротахъ: кто разобьетъ, напримѣръ, стекло,—роспишется только въ книгѣ, и такъ какъ за это никакого взысканія не полагалось, то считалось стыдомъ утаить это отъ начальства. Чаще, впрочемъ, богатые воспитанники принимали это на себя и расписывались въ книгѣ за бѣдныхъ.

Получивъ новую доску, я спокойно возвращался въ роту, какъ вдругъ бѣжавшій по коридору гардемаринъ третьей роты, желая задержать другого, догонявшаго его, толкнулъ меня на него, а тотъ со всего разбѣга швырнулъ меня въ сторону и я затылкомъ такъ ударился объ стѣну, что тутъ же растянулся. Возвращаясь назадъ, эти господа увидѣли, что я лежу въ безчувственномъ состояніи, тотчасъ подняли меня и принесли въ роту, гдѣ приняли во мнѣ полное участіе наши отдѣленные гардемарины: послали сію же минуту за фельдшеромъ, а сами, между тѣмъ, безпрестанно прикладывали мнѣ къ головѣ холодные компресы. Пришелъ, наконецъ, старшій фельдшеръ, но всѣ труды его привести меня въ сознаніе остались тщетными. Всѣ пошли обѣдать, а бѣдный братъ мой до того былъ огорченъ, считая меня почти умершимъ, что не пошелъ къ столу, и, сидя около меня, горько плакалъ, но послать къ родителямъ не смѣлъ. Ему это строго запретили старшіе, чтобы даромъ не пугать отца и мать,—увѣряя, что я очнусь и все пройдетъ.

Однакожъ, всѣ вернулись изъ залы, а я все лежалъ, какъ пластъ. Тогда гардемарины уговорили кадета Забудскаго послать за его братомъ, который считался хорошимъ медикомъ и жилъ подлѣ корпуса. Сначала Забудскій, какъ посторонній медикъ, положительно отказался прійти, говоря, что не имѣетъ никакого права распоряжаться въ корпусѣ, гдѣ есть свои врачи; но, по усиленной просьбѣ всѣхъ, пришелъ, велѣлъ фельдшеру принести мушку и горчичники, и самъ поставилъ мнѣ на спину мушку, а къ ногамъ горчицу. Это подѣйствовало и къ двумъ часамъ я открылъ глаза. Всѣ обрадовались, особенно братъ,—онъ плакалъ, цѣловалъ и обнималъ меня, точно воскресшаго изъ мертвыхъ. Послѣ этого, всѣ ушли въ классы и я остался съ неизмѣннымъ мнѣ Осипомъ Зыковымъ, который по приказанію Забудскаго мѣнялъ у меня на головѣ безпрестанно компресы.

Такъ пролежалъ я въ ротѣ три дня; и странно, никто не за-

мѣтилъ моего отсутствія на занятіяхъ, даже въ классномъ журналѣ я не былъ помѣченъ больнымъ. Послѣ этого невольно вѣрится, что нѣкоторые воспитанники уходили изъ корпуса на цѣлые дни и это проходило имъ безнаказанно. При этомъ нельзя не отмѣтить, какъ велика была сила товарищества въ корпусѣ: ни я, ни братъ, не говорили дома ни слова о случившемся, и родители узнали объ этомъ приключеніи со мною только въ каникулы, и то случайно отъ Осипа Зыкова.

Корпусный праздникъ этого года прошелъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и предыдущій. Мы веселились напропалую, не предчувствуя, какая гроза готовилась разразиться на завтра.

Чуткія уши нѣкоторыхъ воспитанниковъ слышали еще ночью пальбу и утромъ сообщили намъ объ этомъ. Мы всѣ знали, что пушечные выстрѣлы означаютъ прибыль воды, но такъ какъ подобныя явленія въ Галерной гавани случались не рѣдко, то особеннаго вниманія на это никто не обратилъ.

Однакожъ, когда разсвѣло, и мы, придя въ классы, бросились къ окошкамъ, выходившимъ на набережную, то увидѣли зрѣлище необычайное: наша величественная рѣка бушевала страшно; по ней ходили морскія волны съ барашками и вода была значительно на прибыли.

— Господа!—сказалъ какой-то кадетъ, войдя въ классъ,—мостъ разведенъ и перевозы прекращены, значитъ—«язычники не будутъ». Язычниками воспитанники звали преподавателей иностранныхъ языковъ, которые большею частію жили на той сторонѣ Невы.

Потомъ кто-то еще сообщилъ, что въ табельной нѣтъ ни одного учителя,—даже и свирѣпаго старика З......а. Всѣ эти вѣсти расположили насъ съ какой-то особенной веселости.

Мы не мало шутили надъ проходившими и проѣзжавшими, съ которыхъ жестокій вѣтеръ срывалъ шляпы, шапки, плащи и салопы. Но вотъ изъ-за рѣшетокъ начала выступать на мостовую вода.

Съ моря дулъ настоящій ураганъ, который и останавливалъ теченіе рѣки; наконецъ вода стала быстро заливать мостовую и разливаться по набережнымъ Невы, Фонтанки и всѣхъ каналовъ.

Въ одну минуту сўда и барки очутились на улицахъ и площадяхъ. И это казалось тѣмъ ужаснѣе и страшнѣе, что случилось, можно сказать, мгновенно и неожиданно. Огромныя бѣдствія причиненныя этимъ наводненіемъ хорошо извѣстны. Въ гавани, на Васильевскомъ островѣ, на Петербургской сторонѣ и въ Коломнѣ они были особенно значительны. Сотни людей потеряли въ этотъ день почти все имущество; иные лишились половины своего семейства, другіе получили смертельныя болѣзни; наконецъ, были и такіе, которые не находились въ это время въ столицѣ и, возвратясь, не нашли и слѣдовъ жилищъ своихъ, унесенныхъ волнами.

Всѣ катера адмиралтейскіе и дворцовые были пущены въ ходъ по повелѣнію императора для спасенія несчастныхъ. Одинъ изъ такихъ катеровъ на нашихъ глазахъ съ величайшимъ трудомъ присталъ къ избѣ, несомой волнами и снялъ съ крыши нѣсколько человѣкъ. Эти несчастные давно уже кричали и простирали руки, моля о помощи.

Видя такую ужасную картину, какое сердце не дрогнуло бы и не пожелало бы отъ души скорѣйшаго прекращенія этого бѣдствія! Но... въ насъ не было сострцаданія къ ближнему, мы, напротивъ, желали, чтобы вода все возвышалась, чтобы намъ, подобно кадетамъ пятой роты, пришлось перетаскивать въ верхній этажъ самимъ свои столы и кровати. Въ этой заботѣ мы сновали безпрестанно, то къ окнамъ, мимо которыхъ быстро проносились: мебель, бревна, дрова, ладьи, платформы, городскія будки, словомъ, все плавающее, то бѣжали на галлереи любоваться дворами, по которымъ плавали корыта, ушаты, швабры, боченки, бочки. Нѣкоторые кадеты начали даже устраивать плотъ для катанья, но это предпріятіе, къ сожалѣнію ихъ, разрушилъ дежурный по корпусу капитанъ.

Не знаю, какимъ образомъ уцѣлѣлъ нашъ обѣдъ, ибо кухня была затоплена водою; насъ, однакожъ, въ обычный часъ накормили по положенію. При этомъ, къ чести кадетъ, не могу умолчать, что во время стола каждый изъ насъ удѣлялъ изрядную часть своей порціи, чтобы отдать дѣтямъ нашихъ служителей, которыя сидѣли на галлереяхъ съ матерями около своего скарба, дрожащія отъ холода и совершенно голодныя, такъ какъ изъ подвальнаго этажа едва только кое-что успѣли спасти.

Вечернихъ классовъ не было, и всѣ, съ этой радости, бѣгали, то любоваться рѣкою, то разливомъ воды на дворахъ. И я, безумецъ, радовался вмѣстѣ съ другими и ни разу не подумалъ о родителяхъ, которые были, можно сказать, на волосокъ отъ смерти. Никогда не прощу себѣ этой моей безпечности и глупѣйшаго забвенія.

Надо сказать, что мѣстность Средняго проспекта Васильевскаго острова гораздо ниже набережной, такъ что, въ то время, когда около корпуса самое большое возвышеніе воды не достигало и семи футовъ,—у дома Румеля вода была девять футовъ.

Изъ разсказа батюшки я узналъ слѣдующее: въ этотъ день онъ, по обычаю, отправился въ должность, въ девять часовъ утра, но, дойдя съ большимъ трудомъ, по причинѣ сильнаго вѣтра, до набережной, увидѣлъ, что переправа черезъ рѣку невозможна, а между тѣмъ изъ мостовыхъ рѣшетокъ вода стала уже понемногу пробиваться на улицу. Это заставило его поспѣшить домой. Кое-какъ дошелъ онъ до Большого проспекта, далѣе же пришлось ему идти по водѣ, которая около дома доходила ему почти по колѣна. Онъ

засталъ мать въ большомъ испугѣ. Она была одна: кухарка не возвратилась еще съ рынка, а горничная ушла куда-то безъ спросу. Но приходъ отца оживилъ ее; она тотчасъ побѣжала на кухню, чтобъ захватить чего-нибудь съѣстного, потомъ бросила нѣсколько подушекъ и одѣяло на высокую лежанку, находившуюся въ спальной, хотѣла еще кое-что захватить, но вода стала уже вливаться въ комнаты, а потому, отецъ и мать вмѣстѣ съ маленькимъ моимъ братишкою взмостились на лежанку. Между тѣмъ, вода прибывала все болѣе и болѣе. Бревна и доски, разбивъ рамы, врывались въ комнату и ломали въ ней столы, стулья, комоды и прочія вещи. Наконецъ, вода до того возвысилась, что до поверхности лежанки оставалось не болѣе вершка. Мать въ ужасномъ страхѣ стала молить Господа о помилованіи, отецъ, въ отчаяніи, придумывалъ средства къ спасенію. Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ отецъ, поймавъ подплывшую къ самой лежанкѣ доску, составилъ планъ добраться на этой доскѣ, черезъ открытыя двери сѣней на чердакъ и тамъ проломать возлѣ лежанки потолокъ. Онъ хотѣлъ уже приводить этотъ планъ въ исполненіе, какъ вдругъ онъ и мать услышали надъ своими головами шорохъ, будто кто-то отгребалъ песокъ на чердакѣ. Отецъ съ радостью закричалъ:

— Спаситель!

— Живы ли вы, Василій Павловичъ?—отвѣчалъ голосъ нашего рисовальнаго учителя Погонкина, который, не смотря на страшную бурю, пробрался изъ противуположнаго фаса дома на нашъ чердакъ съ топоромъ и ломомъ.

— Прикажете ломать потолокъ? — спросилъ онъ.

— Ломайте! — отвѣчалъ отецъ.

Но, какъ только онъ началъ дѣйствовать топоромъ, штукатурка посыпалась такими кусками, что мать въ отчаяніи закричала:

— Остановитесь, ради Бога, вы убьете ребенка!

Однако, онъ отбилъ уже настолько доски, что могъ просунуть къ отцу ломъ и топоръ.

— Вы отбивайте покуда сами штукатурку, вамъ это удобнѣе, а я пойду за ручной пилой, — сказалъ онъ.

Но теплая молитва матери была услышана...

Отецъ, сидѣвшій съ краю лежанки, увидѣлъ первый, что вода начала сбывать, и сообщилъ объ этомъ матушкѣ. Можно себѣ представить, какъ они обрадовались и какъ горячо благодарили Бога!

Когда вернулся Погонкинъ съ пилою, вода сбыла уже болѣе фута, поэтому вскрытіе потолка было отложено, тѣмъ болѣе, что и въ небольшую, пробитую скважину дуло неимовѣрно. Такъ отецъ съ матерью просидѣли на лежанкѣ всю ночь до разсвѣта.

Утромъ вѣтеръ до такой степени стихъ, что мостъ на Невѣ былъ уже наведенъ къ девяти часамъ. Въ десять часовъ пріѣхалъ къ отцу его родственникъ Кирѣевъ съ шестью подводами, чтобы

перевести ихъ къ себѣ; но нагружать подводы оказалось почти нечѣмъ. Вся мебель была до того исковеркана, что ее пришлось бросить; набралось вещей всего на двѣ подводы, и то больше подмоченныя книги, огромный шкафъ съ которыми, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ.

Черезъ два дня послѣ этой катастрофы насъ отпустили, и батюшка, по желанію моему, пошелъ показать намъ полное разрушеніе нашего прежняго жилища.

Подходя къ Среднему проспекту, я переставалъ даже узнавать столь знакомую мѣстность: ни одного забора, ни однихъ воротъ не уцѣлѣло, все было снесено, а дома стояли съ выбитыми, или разбитыми рамами,—нѣкоторые съ сорванными крышами,—другіе въ развалинахъ,—точно послѣ пожара.

Грустно было смотрѣть на эту картину разрушенія и мы поспѣшили ее оставить.

Въ домѣ Кирѣевыхъ, гдѣ помѣщались теперь мои родители въ отдѣльной, небольшой квартирѣ, вода произвела также разрушеніе въ подвальномъ этажѣ, гдѣ находились кухня и прачешная хозяина, но мы нашли ихъ почти уже исправленными, между тѣмъ, какъ бѣдному Румелю трудно было поправиться и въ нѣсколько лѣтъ. Въ особенности жалѣлъ старикъ своего сада, въ конецъ загубленнаго водою.

III.

Изъ полученной 8-го января табели на 1825 годъ, я узналъ, что переведенъ въ четвертый классъ, четвертымъ по успѣхамъ ученикомъ. Преподаватели остались прежніе, за исключеніемъ Ѳ......а, мѣсто котораго по русскому языку заступилъ статскій совѣтникъ Г.....въ. Этого учителя всѣ называли Тредьяковскимъ, вѣроятно потому, что говорилъ онъ всегда на распѣвъ. Въ отвѣтъ ему и воспитанники чуть не пѣли.

— Ѳедоръ Васильевичъ, здравствуйте, здравствуйте! — стройнымъ хоромъ встрѣчалъ его весь классъ.

— Шильнички, мыльнички, здравствуйте, здравствуйте!—отвѣчалъ онъ на это привѣтствіе.

Теперь, получивъ вмѣстѣ съ чиномъ генеральскую витушку, онъ очень былъ доволенъ, когда кадеты величали его превосходительствомъ.

Мы проходили у него синтаксисъ, но какимъ-то особымъ образомъ. Напримѣръ, онъ спрашивалъ:

— Ну, милый мой, скажи мнѣ, какъ древніе опредѣляли добродѣтель?

— Проведутъ прямую линію, окраятъ ее съ обѣихъ сторонъ и полагаютъ на одномъ ея концѣ скупость, а на другомъ — глу-

пость,—то средняя точка этой линіи представить добродѣтель,—отвѣчаетъ вызванный.

— Прекрасно,—говоритъ Г....ъ,—а почему же это такъ?

— Кто равно удаляется отъ скупости и глупости вашего превосходительства, тотъ есть добродѣтельный человѣкъ,—поясняетъ ученикъ.

— Чудесно!—вотъ тебѣ, милый мой, и заключеніе силлогизма,—добавляетъ учитель.

Такими-то мудрыми и поучительными примѣрами напичканы были наши тетради.

У этого преподавателя была еще одна слабость: онъ чуть ли не родился въ корпусѣ, а потому очень любилъ разсказывать исторію этого заведенія. Отъ воспитанниковъ другихъ классовъ мы уже знали его разсказы о томъ, что на мѣстѣ корпуса прежде былъ сахарный заводъ, за какую цѣну онъ былъ купленъ казною при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и какъ основанъ былъ тутъ потомъ морской кадетскій корпусъ.

Пользуясь этимъ, одинъ изъ коноводовъ класса, нѣкто Воейковъ, и говоритъ разъ:

— Господа, надѣюсь, что силлогизмы всѣмъ надоѣли,—будемъ его занимать сами? Во-первыхъ, если онъ придетъ къ намъ въ ударѣ, то есть въ хорошемъ расположеніи духа, — начнемъ деликатнымъ образомъ съ сахарнаго завода, а если нѣтъ,—то я первый подаю ему свое сочиненіе въ стихахъ; разборъ ихъ займетъ съ полчаса, ну, а потомъ кто?

— Я,—откликнулся Безумовъ, — онъ задалъ мнѣ басню Крылова,—надѣюсь угостить его минутъ на двадцать.

— А у меня сочиненіе въ прозѣ,—говоритъ Саломахинъ, — да такое, что онъ его и въ часъ не раскуситъ.

Приходитъ Г......ъ, явно не въ духѣ. Должно-быть шильнички-мыльнички сильно огорчили его въ первые часы. О сахарномъ заводѣ нечего было и вспоминать...

— Ваше превосходительство, вы приказали мнѣ написать сочиненіе,—говоритъ Воейковъ,—и я написалъ, въ стихахъ...

— Вотъ ужъ стишковъ-то вашихъ я сильно не долюбливаю,—морщится Г......ъ, однако беретъ тетрадь и читаетъ громко:

«Вѣтеръ дуетъ мимо классовъ,
«Соловей свиститъ дугой,
«По тропинкѣ дѣдка Власовъ
«Бредетъ къ рѣчкѣ за водой»...

— Что за дичь написалъ ты, неразумная голова! Какъ же вѣтеръ-то у тебя дуетъ мимо классовъ?

— Да такъ, Ѳедоръ Васильевичъ,—вотъ мы сидимъ теперь въ классѣ, а вѣтеръ дуетъ вдоль набережной,—отвѣчалъ Воейковъ.

— Очень разумно!—продолжалъ Г......ъ,—ну а соловей-то—«свиститъ дугой»?

— Подыметъ голову и свиститъ, а звуки, по тяготѣнію земли, принимаютъ фигуру дуги—параболы...

— Глупая ты голова! Вотъ, какъ покажу я эти твои стишки Марко Филипповичу, такъ онъ такую тебѣ выпишетъ параболу, что до выпуска не забудешь. Чтобы писать стихи, надо имѣть для этого особый даръ, а кто, не имѣя его, пописываетъ ихъ, тотъ все равно, что попиваетъ, сирѣчь пьянствуетъ. Пошелъ, возьми свою тетрадь! Да и впредь прошу всѣхъ не подавать мнѣ стиховъ!..

Выходитъ Безумовъ.

— Вы приказали мнѣ,—говоритъ онъ, — приготовить басню Крылова.

— Такъ, ну, говори!

— Бѣда, коль пироги начнетъ печи пирожникъ, а сапоги точать сапожникъ...

— Врешь!—кричитъ Г......ъ,—вотъ я скажу, такъ будетъ бѣда,— и онъ начинаетъ басню самъ.

— Да, вѣдь, и я тоже говорю, — ваше превосходительство,— говоритъ Безумовъ.

— Нѣтъ, безумная голова, у тебя нѣтъ бѣды!.. Ну, говори?

Безумовъ опять по своему. Начинается хохотъ. Г......ъ опять съ жаромъ декламируетъ, а время между тѣмъ идетъ и обѣщанныя десять минутъ Безумовъ дѣйствительно утягиваетъ.

Наконецъ Саламаховъ подаетъ сочиненіе. Г......ъ читаетъ:

— «Исторія Морского кадетскаго корпуса, написанная съ разсказа товарища, который слышалъ ее отъ очевидца основанія этого заведенія его превосходительства Ѳедора Васильевича Г......ва».

— Да ты, мой милый, хронологіи-то, какъ видно, совсѣмъ не знаешь? Ну, какъ же могъ я быть очевидцемъ, какъ это событіе было болѣе чѣмъ за семьдесятъ лѣтъ назадъ, а мнѣ теперь всего только пятьдесятъ пять лѣтъ отъ роду?

Подобныхъ закорючекъ Саламаховъ надѣлалъ много, и вѣрно достигъ цѣли: съ сочиненіемъ его Г......ъ провозился до окончанія класса...

Но довольно о преподаваніи и преподавателяхъ моихъ классовъ. Въ остальныхъ, за немногими исключеніями, было то же самое, ибо всѣ учителя, кромѣ иностранныхъ языковъ и закона Божія, были воспитанники одной и той же морской гимназіи, которая снабжала корпусъ хорошими математиками и весьма плохими словесниками. Неуспѣхъ происходилъ еще и отъ того, что корпусное начальство, по причинѣ весьма ограниченнаго учительскаго пенсіона, держало учителей на службѣ до глубокой старости, или до самой смерти. Такое же состраданіе оказывалось и взрослымъ воспитанникамъ. Такъ, напримѣръ, со мною въ классѣ было до пяти кадетъ, кото-

рые по три раза «оставались въ точкѣ», по корпусному выраженію, т. е. сидѣли по три года въ классахъ. Они давно уже брили бороды и каждому было не менѣе двадцати лѣтъ, а, между тѣмъ, они-то и были главными коноводами во всѣхъ дурныхъ предпріятіяхъ.

Взысканія полагались: за лѣность въ математикѣ—розги, а, по прочимъ предметамъ, оставляли въ обѣдъ на хлѣбѣ и супѣ, ставили за «голодный» столъ, гдѣ пищею служилъ только хлѣбъ съ водою, вписывали на черную доску, сажали на праздники въ карцеръ, и, наконецъ, надѣвали сѣрую арестантскую куртку. Но всѣ эти наказанія мало дѣйствовали, ибо стыдъ и совѣсть были сильно забиты, а физически никто не страдалъ: всѣмъ этимъ лѣнтяямъ товарищи ихъ по классу исправно выносили изъ-за стола части своихъ порцій; кромѣ того, кто имѣлъ деньги, могъ свободно купить себѣ, чего пожелаетъ, а неимущихъ кормили богатые.

Физическое воспитаніе кадетъ было чисто спартанское. Не говоря уже о ротномъ командирѣ, каждый отдѣленный офицеръ имѣлъ право сѣчь, сколько душѣ его было угодно, и при этомъ со стороны воспитанника считалось позоромъ просить прощенія или кричать отъ боли. Иной выдержитъ двѣсти розогъ, всѣ пальцы себѣ искусаетъ, но ни разу не пикнетъ. Гардемарины за провинность били, большіе кадеты колотили и обижали маленькихъ, словомъ въ полной мѣрѣ преобладало кулачное право. Жаловаться было еще хуже,—отколотятъ вдвое.

Отдѣленные офицеры, обязанные дежурить по лазарету и по корпусу, дежурили въ ротѣ по недѣлямъ, а потому въ роту являлись только утромъ, чтобы разбудить кадетовъ и отправить въ классы, потомъ приходили къ обѣду и, наконецъ, къ ужину и перекличкѣ. Съ уходомъ офицера, послѣ девяти часовъ вечера, уходили и кадеты, охотники до приключеній,—одни домой, другіе въ театръ, а нѣкоторые «на фуражировку». «Фуражиры» имѣли даже свои костюмы, напримѣръ: баринъ, барыня и лакей идутъ на Невскій въ магазинъ и пока барыня выбираетъ и торгуется, баринъ и лакей весьма ловко воруютъ.

Драки между кадетами случались нерѣдко. Иногда дрались между собою цѣлыя роты, а разъ даже была генеральная драка двухъ корпусовъ: Морского и Горнаго. Какъ-то случилось, что воспитанниковъ обоихъ заведеній привели въ одно время играть на Смоленское поле. Дѣло начали маленькіе, затрогивая другъ друга. Наши кричали:

— Горные, задорные!

А тѣ имъ:

— Морскіе, воровскіе!

Пошла перепалка. За маленькихъ вступились большіе и, такимъ образомъ, произошла общая свалка, которую офицеры ни коимъ образомъ остановить не могли, пока сами кадеты не прекратили ее.

Съ этого побоища многіе вернулись съ пробитыми головами и разными ушибами, но никому, никогда—ни полслова! все было шито-крыто.

Одѣвали насъ въ куртки такого сукна, которое съ ворсомъ было не менѣе полутора пальца толщины; и эта одежда служила намъ одинаково, и лѣтомъ, и зимою. Ежедневное же наше платье было всегда въ лохмотьяхъ и заплатахъ, кромѣ тѣхъ воспитанниковъ, которые носили собственное платье.

Существовали различныя и своеобразныя моды. Напримѣръ, «старины», т. е. тѣ, которые сидѣли въ корпусѣ по десять, или около того лѣтъ, разставляли свои брюки внизу клиньями, такъ, чтобы ими были закрыты носки сапоговъ; кромѣ того, у каждаго изъ нихъ былъ кожанный поясъ съ бронзовыми левиками и цѣпочкою. Другіе же, вмѣсто прямыхъ бортовъ пуговицъ, нашивали ихъ, какъ у гвардейцевъ на лацканахъ, и на все это самодурство никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Въ залу, въ классы, и особенно въ баню, не смотря на значительное разстояніе, водили зимою по дворамъ и открытымъ галереямъ безъ шинелей, которыя берегли и выдавали только увольнявшимся въ отпускъ. Извѣстныя мѣста отстояли отъ ротъ довольно далеко, и для этого, зимою, въ ночное время валялись въ прихожихъ нѣсколько старыхъ, холодныхъ шинелей, до того изорванныхъ и испачканныхъ, что не только надѣть, но и взглянуть на нихъ было тошно.

Фронту учили старые кадеты, возведенные въ званіе ефрейторовъ, которые, согласно тогдашнимъ военнымъ обычаямъ, колотили учащихся вдоволь, и по щекамъ, и по зубамъ, и всѣ смотрѣли на это, какъ на самое необходимое при обученіи фронту.

Я описалъ всю черную сторону нашего заведенія, которое считалось первокласнымъ, и по своимъ финансовымъ средствамъ было далеко выше второкласныхъ или, такъ называемыхъ, — среднихъ учебныхъ заведеній. Что же было тогда у нихъ, трудно даже себѣ и представить! Помню только одно; когда въ 1826 году всѣ наши «старины», отъявленные лѣнтяи, были переведены въ Дворянскій полкъ, то большая часть изъ нихъ сдѣланы были тамъ учителями!

Но, довольно объ этомъ!

IV.

Въ день апостола Марка, 25-го апрѣля, отецъ пошелъ поздравить Марка Филипповича Горковенко съ днемъ его ангела. У него засталъ онъ много гостей, въ числѣ коихъ былъ и Николай Бестужевъ. Съ этимъ послѣднимъ отецъ часто встрѣчался и у Завальевскихъ, и у Носковыхъ, а потому они сошлись, какъ знако-

мые, и Бестужевъ, поздоровавшись, сказалъ, указывая на Горковенко:

— Что это, Василій Павловичъ, вы не жените этого лысаго? Вѣдь онъ скоро останется совсѣмъ безъ волосъ!

— Намъ съ вами нечего объ немъ хлопотать,—отвѣчалъ отецъ,—онъ уже самъ позаботился о себѣ.

— Какъ, у него ужъ есть невѣста, ахъ онъ лысый! Пойду сейчасъ разбраню его!.. а вѣдь мнѣ, своему пріятелю и товарищу,—ничего не сказалъ.

— Нѣтъ, — продолжалъ отецъ, — теперь не говорите, сконфузите: онъ разговариваетъ съ княземъ Шихматовымъ.

— Какъ, опять новость!.. Такъ неужели онъ посватался на княжнѣ?

— Да,—отвѣчалъ отецъ.

Тутъ разговоръ прекратился потому-что пригласили всѣхъ къ столу. Послѣ закуски, или, лучше сказать, послѣ цѣлаго обѣда, когда всѣ стали откланиваться, Маркъ Филипповичъ сказалъ отцу:

— Останьтесь, Василій Павловичъ, на пару словъ.

По уходѣ гостей, онъ пригласилъ батюшку въ кабинетъ и говоритъ:

— Мнѣ давеча Бестужевъ предложилъ по секрету: не хочу ли я быть членомъ комиссіи для улучшенія государственныхъ дѣлъ, куда предварительно приглашаются лица желающія и могущія принести пользу. Впослѣдствіи, говоритъ онъ, эта комиссія раздѣлится на комитеты, въ коихъ, по его предположенію, я могу быть полезенъ по части учебной и педагогической. Заручившись моимъ согласіемъ, онъ обѣщалъ внести имя мое въ общій списокъ уже многихъ лицъ, туда вписавшихся.

— Да какъ же это,—сказалъ отецъ,—составляется такая важная комиссія безъ высочайшаго указа?.. Тутъ что-нибудь не такъ и вы напрасно дали свое согласіе на внесеніе вашего имени въ списокъ. Ходятъ темные слухи о какомъ-то тайномъ будто бы заговорѣ,—не знаю въ какой степени эти справедливо,—но, мнѣ кажется, надо во всякомъ случаѣ быть осторожнымъ.

— Да, вѣдь покуда не обозначится эта комиссія явно, я, конечно, не буду участвовать ни въ какихъ собраніяхъ,—сказалъ Горковенко.

На этомъ разговоръ кончился, но не прошло и года, какъ Маркъ Филипповичъ чувствительно поплатился за то, что его имя стояло во главѣ списка. Конечно, онъ оправдался, но внезапный арестъ и осмотръ квартиры жестоко его взволновали; тѣмъ болѣе, что не задолго до этого онъ только-что женился на княжнѣ Шихматовой.

Къ отцу въ домъ иногда захаживалъ іеромонахъ Невской Лавры Меѳодій, приходившійся матушкѣ какъ-то родственникомъ,—чело-

вѣкъ очень ученый и краснорѣчивый. Впослѣдствіи онъ былъ архимандритомъ и ректоромъ, кажется, псковской семинаріи. 5-го сентября онъ также пришелъ поздравить мать съ днемъ ея ангела и, говоря о бывшемъ въ прошломъ году наводненіи, разсказалъ намъ:

— Масса народа суевѣрно думаетъ, что такое страшное несчастіе посѣтило столицу не даромъ, и что оно предвѣщаетъ какую-нибудь бѣду, еще бо̀льшую. Старики при этомъ вспоминаютъ 1777 годъ, въ который, передъ самымъ рожденіемъ государя, Петербургъ потерпѣлъ также сильное наводненіе; это наводненіе повторилось, хотя и въ меньшей степени, въ годъ его восшествія на престолъ. Эти-то почти забытые случаи и внушаютъ народу тревожное ожиданіе какой-то печальной перемѣны въ судьбахъ Того, въ комъ привыкъ онъ видѣть хранителя своихъ судебъ. Кажется, это мнѣніе народа раздѣляетъ и самъ императоръ: какъ бы въ предвѣдѣніи какого-то несчастія, всѣ мысли его получили грустное направленіе, которое еще болѣе поддерживается въ немъ болѣзнью супруги. Доктора, истощивъ всѣ пособія медицины, не находили для императрицы Елисаветы Алексѣевны другого средства поправленія здоровья, какъ южный климатъ, и мѣстомъ пребыванія ея избрали Таганрогъ. Императоръ, желая лично обозрѣть, что сдѣлано для спокойствія его супруги, назначилъ на 1-е сентября свой отъѣздъ изъ столицы. Вмѣсто Казанскаго собора, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе молиться передъ отъѣздами изъ Петербурга, онъ, на этотъ разъ, назначилъ Невскую Лавру и еще 30-го августа, посѣтивши монастырь, сказалъ митрополиту, что 1-го сентября, въ четыре часа утра, желаетъ отслужить молебенъ предъ гробницею св. Александра Невскаго. Онъ пріѣхалъ къ намъ, дѣйствительно, ровно въ четыре часа утра безъ всякой свиты. Я участвовалъ въ служеніи съ другими іеромонахами и не могъ не видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ молился государь, стоя почти весь молебенъ на колѣняхъ. Во время чтенія евангелія онъ приказалъ положить оное къ нему на главу. На другой день утромъ, когда я былъ у митрополита по дѣламъ службы, пріѣхалъ флигель-адъютантъ и вручилъ владыкѣ 500 рублей, присланные государемъ для братіи. На вопросъ высокопреосвященнаго: въ какомъ состояніи оставилъ онъ его величество? посланный отвѣчалъ: «Въ весьма грустномъ. Всю дорогу былъ печаленъ и молчаливъ. На Пулковской горѣ приказалъ остановиться, и стоя въ коляскѣ на ногахъ, долго и уныло смотрѣлъ на столицу, какъ бы навѣки прощаясь съ нею».

Такъ кончилъ Меѳодій свою рѣчь и слова его глубоко запечатлѣлись въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ этого отецъ прочиталъ въ газетахъ о путешествіи императора по Крыму и о возвращеніи его величества въ Таганрогъ съ лихорадочными припадками, которые съ 6-го ноября стали постепенно увеличиваться.

Въ исходѣ ноября, какъ теперь помню, сидѣли мы въ рисовальномъ классѣ, когда пришелъ дежурный по корпусу офицеръ Шпицбергъ и увлекъ съ собою учителя нашего Погонкина. Всѣ мы видѣли, какъ сгруппировались преподаватели въ одномъ изъ классовъ и о чемъ-то говорили, должно быть печальномъ, потому что многіе изъ нихъ даже плакали. Это, однакожъ, осталось для насъ секретомъ, но на другой день и намъ сообщена была горестная новость, что 19-го ноября не стало всѣми любимаго монарха.

Послѣдовала присяга императору Константину, его отреченіе и присяга вновь императору Николаю I. Наступило и 14-е декабря.

Въ этотъ день отецъ, по обычаю, пошелъ въ свой департаментъ, но, дойдя до Петровской площади, увидѣлъ тамъ гвардейскіе полки и множество народа. Это заставило его вернуться назадъ и обойти площадь Адмиралтейскимъ и Крюковымъ каналами и Большою Морскою, но, выйдя на Вознесенскій проспектъ, ему вздумалось пойти опять на площадь, чтобъ взглянуть, какъ онъ полагалъ, на парадъ. Съ трудомъ пробрался онъ сквозь густую толпу народа впередъ. Это было въ тотъ самый моментъ, когда императоръ передавалъ своего царственнаго сына, будущаго наслѣдника, на сохраненіе вѣрнымъ ему преображенцамъ. Видя это и слыша разговоры толпы, отецъ понялъ въ чемъ дѣло, и ему невольно пришла на мысль комиссія для улучшенія государственныхъ дѣлъ и Бестужевъ. А потому, по добру, по здорову, поспѣшилъ онъ тѣмъ же путемъ къ дому, и выйдя уже на Галерную улицу слышалъ пушечные выстрѣлы.

Вѣсть о бунтѣ дошла и до нашего корпуса. И вотъ, вся мелкота нашей роты, не понимая даже слова «бунтъ», со страхомъ и трепетомъ направилась къ канцеляріи, посмотрѣть, какъ бунтуетъ стоявшій тамъ всегда гвардейскій часовой. Мы подкрались къ корридору, гдѣ стоялъ павловецъ, и изъ-за угла стали пристально смотрѣть на него...

— Что вы на меня такъ воззрились,—вскричалъ вдругъ солдатъ,—вотъ я васъ!.. и стукнулъ объ полъ прикладомъ...

Мы во всю мочь пустились бѣжать въ роту, гдѣ и увѣряли всѣхъ, что солдатъ до того разбунтовался, что чуть не убилъ насъ прикладомъ.

V.

Весною 1826 года, когда я былъ уже въ пятомъ классѣ, не помню хорошенько, но кажется въ апрѣлѣ, пріѣхалъ къ намъ въ первый разъ государь императоръ. Не будучи ни кѣмъ узнанъ, онъ поднялся по парадной лѣстницѣ во второй этажъ и прошелъ въ пріемную залу. Тамъ дежурный сержантъ, то есть гардемаринъ въ тесакѣ и фуражкѣ, встрѣтилъ его величество и спросилъ:

— Кого вамъ угодно видѣть, ваше превосходительство?

— Я хочу видѣть классы,—сказалъ императоръ.

Изъ этой залы двое дверей вели въ двѣ отдѣльныя амфилады классовъ. Сержантъ отперъ одну изъ нихъ и государь услышалъ шумъ, крикъ, гвалтъ, увидѣлъ бѣганье по столамъ, игру въ чехарду, драки,—словомъ остановился пораженный и съ гнѣвомъ спросилъ:

— Гдѣ же ваши учителя, гдѣ офицеры?

Въ эту минуту запыхавшись вбѣжалъ помощникъ директора И. С. Сульменевъ и началъ рапортовать его величеству о благополучіи заведенія.

— Вижу, вижу,—сказалъ государь,—въ какомъ благополучіи вы пребываете!

Затѣмъ явились и дежурные: ротный командиръ и офицеръ, а за ними и инспекторъ классовъ. Учителя также пробрались въ классы и успѣли предупредить воспитанниковъ о прибытіи въ корпусъ его величества. Это было уже болѣе какъ въ четверть третьяго часа, тогда какъ классы должны начинаться ровно въ два часа, но преподаватели наши имѣли привычку сидѣть въ табельной минутъ пятнадцать, двадцать, а иногда и цѣлыхъ полчаса. Надобно сказать, что въ это время, на мѣсто адмирала Карцева, назначенъ былъ директоромъ корпуса вице-адмиралъ Рожновъ, но такъ какъ онъ былъ командированъ осмотрѣть корабельные лѣса въ Архангельской губерніи, то заведеніемъ временно управлялъ И. С. Сульменевъ.

Когда все пришло въ порядокъ, его величество пошелъ по классамъ. У насъ не было учителя исторіи Струковскаго, который умеръ еще въ январѣ мѣсяцѣ, а потому на вопросъ императора:

— Чей это классъ?

Кадетъ Исевичъ, длинный, высокій, худой, отвѣчалъ:

— Покойника Струковскаго, ваше императорское величество!

Государь улыбнулся и сказалъ:

— А, здѣсь и покойники учатъ!

Въ слѣдующемъ классѣ его величество обратилъ вниманіе на одного изъ нашихъ «старинъ» съ ремнемъ, левиками и разставленными внизу брюками. Онъ вызвалъ его впередъ и въ удивленіи воскликнулъ:

— Это что за форма?

Далѣе попался на глаза его величеству одинъ воспитанникъ въ заплатахъ и лохмотьяхъ, и онъ при этомъ изволилъ замѣтить:

— Такъ не одѣваютъ и арестантовъ!

Прошедши весь рядъ классовъ, императоръ спросилъ:

— А тамъ что?

Сульменевъ отвѣчалъ:

— Танцовальный классъ, ваше величество!

Но когда отворили дверь, то государь увидѣлъ тамъ священника и сказалъ:

— Такъ у васъ священники учатъ танцовать?

Ошибка эта случилась оттого, что не успѣли предупредить его величество, что танцовальный урокъ бываетъ всегда послѣ вечернихъ классовъ, а по утрамъ здѣсь постоянно занимается священникъ съ двумя параллельными классами, для которыхъ нѣтъ другого достаточно вмѣстительнаго помѣщенія, кромѣ этой залы.

Осмотрѣвъ музеумъ и библіотеку, государь обошелъ роты и тамъ нашелъ много безпорядковъ. Сбросивъ тюфякъ съ одной кровати, онъ увидѣлъ хранившіеся подъ нимъ: сало, свѣчи, коньки, веревки, гвозди и бутылку съ ваксой, хорошо еще, что не съ виномъ, а то и это по временамъ бывало. На все это его величество только указывалъ, говоря:

— Это что?.. Это что?

Проходя обратно черезъ столовую залу и музеумъ, императоръ, дойдя до конференцъ-залы, спросилъ приказную книгу и собственноручно написалъ приказъ. Къ сожалѣнію, я помню только окончаніе его:

«...одѣть и обуть прилично, вымыть, выстричь, выбрить, дать бодрую осанку и молодецкій взглядъ».

На другое утро послѣ этого у насъ въ корпусѣ явились уже новые порядки: намъ роздали праздничное платье для вседневнаго употребленія и были сняты мѣрки для постройки новаго.

Дежурство по корпусу было отмѣнено, а взамѣнъ того дежурство по ротамъ установлено было, вмѣсто недѣльнаго, ежедневное, такъ что офицеръ обязывался безотлучно быть при воспитанникахъ цѣлыя сутки. Такимъ образомъ, за порядкомъ въ классахъ стали слѣдить всѣ пять дежурныхъ офицеровъ. Учителя, къ нашему сожалѣнію, стали являться въ классы по барабану. Покойники замѣнены были живыми преподавателями. Наши «старины» должны были проститься навсегда съ своими ремнями и левиками. Всѣхъ насъ буквально вымыли и выстригли, а рослыхъ и выбрили. Въ ротахъ и классахъ явилась чистота, какой прежде не бывало. Строго, подъ угрозой сотни розогъ, наказано было подъ тюфяки ничего не класть и въ столахъ, кромѣ казенныхъ вещей, ничего не имѣть. Сапоги даже выдали новые, такъ что ножныхъ пальцевъ теперь ни у кого не было видно. Словомъ, громъ грянулъ!..

Для обученія фронту прислали солдатъ-саперовъ, народъ молодой, изъ кантонистовъ, грамотный, который выражался всегда учтиво и фигурально, напримѣръ:

— Господа-съ, не резонировать, не фантазировать, и черезъ то порядка службы не нарушать!—Господинъ Вороновъ-съ,—не толкаться! Вы толкнете сего, сей толкнетъ онаго, и черезъ это повалится весь родъ человѣческій!

Или:

— Господа-съ, старайтесь подаваться корпусомъ впередъ, но не упираясь на оное!.. Какъ можно, господа-съ, во фронтѣ смѣяться!— Это величайшій грѣхъ и преступленіе противъ дисциплины и военнаго порядка!

И преступники, дѣйствительно, строго наказывались за этотъ грѣхъ, но не смотря на это, при слѣдующемъ ученьи, снова впадали въ то же преступленіе. Впрочемъ, надо отдать справедливость этимъ солдатамъ: мастера своего дѣла! Въ короткое время они такъ искусно насъ выправили, что въ слѣдующемъ году на майскомъ парадѣ мы были нисколько не хуже другихъ корпусовъ, и во время церемоніальнаго марша заслужили отъ императора похвалу:

— Хорошо, моряки!

Въ этотъ годъ, по случаю большого ремонта корпуса, каникулы начались въ половинѣ мая и я былъ отпущенъ домой до 1-го сентября. Гардемарины и кадеты, которымъ некуда было ѣхать въ отпускъ, переведены были въ особо для того нанятый огромный домъ между 9-й и 10-й линіями по Большому проспекту. Я очень сожалѣлъ, что не попалъ въ кампанію, впрочемъ нашъ пятый классъ весь остался, только шестой и гардемарины отправлены были въ началѣ іюня въ море, кадеты въ Маркизову лужу, какъ называли тогда моряки часть Финскаго залива отъ устьевъ Невы до Кронштадта, а гардемарины—на эскадру, назначенную для крейсерства въ Балтикѣ.

Каникулы я провелъ дома очень пріятно, но они были такъ продолжительны, что я, наконецъ, радъ былъ ихъ окончанію. Явившись въ корпусъ, я узналъ много новаго: директоромъ корпуса, вмѣсто вице-адмирала Рожнова, который получилъ другое назначеніе, опредѣленъ былъ извѣстный кругосвѣтный плаватель И. Ѳ. Крузенштернъ. Морская гимназія уничтожена. Корабельное училище переведено отъ насъ въ зданіе адмиралтейства, гдѣ и поставлено во главѣ вновь сформированнаго учебно-рабочаго экипажа. Всѣ наши роты переформированы, гардемарины назначены въ одну роту подъ названіемъ гардемаринской, кадеты распредѣлены были въ три роты по классамъ и возрастамъ, и, наконецъ, самые маленькіе были отдѣлены въ 4-ую роту, подъ названіемъ «резервной» или малолѣтней. Туда, по моему малому росту, назначили и меня съ званіемъ фельдфебеля. Малолѣтняя рота въ зданіе корпуса еще не переводилась и пока оставалась въ наемномъ домѣ.

Когда я явился туда, то дежурный офицеръ объявилъ, что мнѣ дозволено посѣщать классы моихъ товарищей, но не иначе, какъ тогда, когда рота перейдетъ въ зданіе корпуса, а до тѣхъ поръ, около двухъ мѣсяцевъ, я долженъ заниматься одинъ, чтобъ не отстать отъ товарищей.

Исполнить это было бы для меня очень трудно, если бы въ ротномъ командирѣ малолѣтней роты князѣ Сергѣѣ Александровичѣ Шихматовѣ не нашелъ я второго отца и превосходнаго руководителя моихъ занятій. Онъ былъ капитанъ 2-го ранга гвардейскаго экипажа и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, но и по выходѣ изъ него мичманомъ въ 1800 г. продолжалъ неусыпно заниматься науками и иностранными языками. Онъ достигъ того, что свободно владѣлъ, какъ новѣйшими языками: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ, такъ и древними—греческимъ и латинскимъ. Въ глубокомъ же знаніи славянскаго языка, котораго постигъ всѣ тонкости, могли съ нимъ сравниться, развѣ только немногіе изъ тогдашнихъ филологовъ. Онъ рано возымѣлъ склонность къ поэзіи и стихи его удостоены были лестнаго вниманія блаженной памяти императора Александра I, выразившагося въ пожалованіи ему пенсіи по 1500 р. въ годъ съ переводомъ его въ гвардейскій экипажъ. Въ 1809 году Россійская Академія избрала князя дѣйствительнымъ членомъ, а въ 1811 году, при учрежденіи «Бесѣды любителей русскаго слова», онъ поступилъ и въ это общество съ тѣмъ же званіемъ. Въ томъ же году, при учрежденіи императорскаго Царскосельскаго лицея, князь былъ приглашенъ занять мѣсто инспектора этого заведенія, но уклонился отъ такой чести и остался въ прежнемъ званіи ротнаго командира морского корпуса. Впослѣдствіи Академія, въ вознагражденіе его литературныхъ трудовъ, присудила ему большую золотую медаль съ надписью: «Отличную пользу Россійскому слову принесшему». Наконецъ, въ 1824 году онъ былъ высочайше назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ, съ составленіемъ при прежнихъ должностяхъ. Такая награда, при его чинѣ капитанъ-лейтенанта, въ тогдашнее время была безпримѣрна.

Князь Сергѣй Александровичъ былъ самый ревностный христіанинъ; онъ не скрывалъ, въ угожденіе міру, своей привязанности къ церкви и уважалъ лицъ духовнаго, и въ особенности монашескаго, званія. Для дѣтей своей роты онъ былъ отличнѣйшій воспитатель, наставникъ и педагогъ; дѣятельность его была по истинѣ изумительна: съ утра до вечера онъ былъ съ своими питомцами, или въ ротѣ, или въ классахъ; въ концѣ каждаго мѣсяца онъ экзаменовалъ всю роту, зналъ недостатки каждаго воспитанника и старался исправить ихъ; онъ руководилъ преподаваніемъ учителей и занятіями воспитанниковъ; онъ научилъ насъ молиться. Каждую субботу онъ спрашивалъ слѣдующее воскресное евангеліе и объяснялъ намъ его значеніе; молитвъ церковныхъ мы изучили много и умѣли перевести каждую изъ нихъ на русскій языкъ. Ежедневно утромъ и вечеромъ читались вполнѣ всѣ утреннія и вечернія молитвы, которыя, по истеченіи года, почти всѣ воспитанники знали наизусть. Въ праздничные дни, передъ обѣднею, читались

акаѳисты Спасителю, или Божьей Матери; они и до сихъ поръ остались твердо въ моей памяти.

И замѣчательно, что все это дѣлалось, не то, чтобы по приказанію и съ неохотою, а напротивъ, всѣ наперерывъ старались угодить тому, кого любили и уважали, какъ отца, и князь дѣйствительно довелъ свою роту до того, что она во всѣхъ отношеніяхъ была образцовая.

По воскресеньямъ князь приходилъ въ роту къ чтенію акаѳиста, а потому я обязанъ былъ въ этотъ день являться къ нему послѣ утренняго чая съ рапортомъ и всегда заставалъ въ его обширной прихожей множество всякаго народа, получавшаго отъ него вспомоществованіе. Занятіе нѣсколькихъ должностей и пенсія давали ему въ годъ до семи тысячъ рублей, которые, при готовомъ казенномъ помѣщеніи, при скромной жизни, и при самомъ строгомъ соблюденіи постовъ, употреблялись преимущественно на дѣла благотворительности и на дѣтей его роты. Такъ, въ праздничные дни, лѣтомъ, онъ водилъ воспитанниковъ гулять по островамъ и тамъ угощалъ ихъ чаемъ и лакомствами; кромѣ того, покупалъ и дарилъ имъ мячи, коньки, серсо, лото и другія игрушки.

Ходилъ я въ классы этой роты и занимался продолженіемъ курса моихъ товарищей подъ руководствомъ самого князя, который тотчасъ же увидѣлъ, что кромѣ математики, во всѣхъ прочихъ предметахъ я очень слабъ, а потому занялся со мною и повтореніемъ. Имѣя такого руководителя, я удвоилъ стараніе и въ два съ половиною мѣсяца, которые провели мы въ наемномъ домѣ, пріобрѣлъ несравненно болѣе знаній, чѣмъ во всѣ предъидущіе года. Много занималъ меня князь также чтеніемъ, которое, при его поясненіяхъ, принесло мнѣ не малую пользу и развило большую охоту къ ученью.

Наконецъ, мы перебрались въ корпусъ. Рота наша была отдѣлана, какъ игрушечка, а когда я пошелъ въ классы къ своимъ товарищамъ, то не нашелъ ничего похожаго на прежнее: корридоры всѣ крытые, теплые, вездѣ паркетъ, чистота всюду необыкновенная! И куда дѣвались всѣ наши старички!.. ни одного не осталось: изъ тридцати пяти бывшихъ моихъ товарищей по классу я нашелъ только двадцать пять. Порядки совсѣмъ другіе, учителя почти всѣ новые и при томъ лучшіе преподаватели того времени: русской словесности—Плаксинъ, исторіи—извѣстный исторіографъ Шульгинъ, географіи—Максимовичъ, начертательной геометріи—Остроградскій, Закона Божія—священникъ Березинъ, академикъ и прекраснѣйшій человѣкъ, котораго всѣ кадеты любили и уважали.

При поступленіи моемъ въ классъ, каждый изъ этихъ преподавателей старался испытать меня, чтò я знаю и на чемъ хромаю, и тутъ я вполнѣ уразумѣлъ насколько обязанъ занятіямъ со мною князя Сергѣя Александровича, ибо это испытаніе показало, что я

нетолько не отсталъ отъ класса, но и развитъ болѣе своихъ товарищей. Директоръ корпуса, справившись обо мнѣ, спросилъ меня: «самъ ли я готовился, или занимался кто со мною?» Я, разумѣется, объяснилъ ему, кто былъ моимъ руководителемъ, и на это онъ мнѣ сказалъ, что я долженъ усердно благодарить Бога за своего наставника, который, при многихъ своихъ обязанностяхъ, нашелъ еще время отдѣльно заниматься со мною.

Осматривая въ свободное время классы и залы, я не мало подивился: въ прежнее время, бывало, послѣ ремонта недѣли черезъ двѣ, много черезъ три, нельзя было порядочнаго человѣка ввести въ классъ,—все уже было испачкано, изрѣзано, исцарапано; между тѣмъ какъ теперь, прошла цѣлая треть, а все выглядѣло, какъ новое. Всѣ одѣты чисто, платье и обувь приличныя, всѣ умыты и причесаны, выглядятъ весело. Вотъ какую огромную перемѣну произвела могучая воля того, кто вытащилъ насъ изъ грязи и направилъ такимъ путемъ, чтобы мы могли быть впослѣдствіи полезными сынами отечеству.

Передъ Рождествомъ государь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ малолѣтнюю роту. Князь по обычаю былъ съ нами и встрѣтилъ императора. Мы встали, каждый у своей кровати. Войдя, его величество сказалъ:

— Бѣгомъ всѣ ко мнѣ!

Всѣ окружили его и весело смотрѣли ему въ глаза, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Эта наивность ему понравилась, и онъ многихъ потрепалъ по щекамъ. Потомъ велѣлъ одному раздѣться тотъ живо это исполнилъ, и, само собою разумѣется, что все на немъ оказалось чисто и опрятно, такъ какъ князь ежедневно наблюдалъ за этимъ.

За тѣмъ его величество осмотрѣлъ подробно всѣ отдѣленія и цейгаузъ, обратилъ вниманіе на большія гравированныя картины, изображающія разныя сцены изъ морскихъ битвъ, которыми увѣшана была рекреаціонная зала, и, уходя, обнялъ и поцѣловалъ князя, сказавъ, что пришлетъ къ нему директоровъ другихъ корпусовъ для осмотра порядка, какой онъ нашелъ у него.

— А твоимъ дѣтямъ,—прибавилъ императоръ,—я пришлю гостинца.

Въ первое же воскресенье мы удостоились получить по полуфунту царскихъ конфектъ на каждаго.

Въ праздникъ Рождества, я, по обычаю, долженъ былъ на третій день явиться въ роту для перемѣны бѣлья и получилъ приказаніе остаться до прихода князя и отпустить провожатаго, такъ какъ домой меня проводитъ потомъ казенный служитель. Всѣхъ насъ оставленныхъ было восемь кадетъ и къ намъ присоединились

еще четыре гардемарина, бывшіе воспитанники князя. Когда роту увели въ залъ обѣдать, пришелъ князь и приказалъ намъ надѣть шинели въ рукава и наушники, потомъ разсадилъ насъ на наемныхъ извозчиковъ. Мы отправились въ 17-ю линію на Малый проспектъ и остановились у одного стараго дома, въ залѣ второго этажа котораго было собрано до семидесяти нищихъ. Тутъ князь, проведя насъ въ сосѣднюю комнату, сказалъ:

— Друзья мои, по слову евангельскому, мы всѣ должны служить убогой братіи, а потому прошу каждаго изъ васъ быть на этотъ разъ слугою и съ христіанскимъ смиреніемъ угостить ихъ тѣмъ, что найдете въ сосѣдней комнатѣ.

За тѣмъ онъ назначилъ каждому дѣло, и, вошедши снова въ залу, мы всѣ принялись усердно отправлять возложенныя на насъ обязанности: накрыли столы, разставили посуду, гардемарины рѣзали пироги, мясо и раздавали горячее.

Между тѣмъ, нищіе, приглашенные къ столу, спросили князя:

— За кого же, благодѣтель, прикажешь намъ молиться?

— Молитесь за нихъ,—сказалъ онъ, указывая на насъ.

За обѣдомъ мы сами подавали имъ кушанье, а по окончаніи его, четыре гардемарина стали у выходныхъ дверей съ мѣшками мѣдныхъ денегъ, и, согласно приказанію князя, одѣляли каждаго гривною. При этомъ нѣкоторые изъ нищихъ обращались еще къ князю, прося его щедротъ для ихъ убогихъ дѣтей, и тогда онъ самъ, изъ своего мѣшка, добавлялъ, кому гривну, кому и двѣ.

Когда проводили гостей, князь далъ намъ позавтракать и строго наказалъ объ угощеніи не говорить никому. Возвратившись тѣмъ же порядкомъ въ роту, мы были еще на четверть часа задержаны пригонкою новаго платья, а потомъ были отпущены съ казенными служителями по домамъ. Эта пригонка платья и должна была служить всѣмъ объясненіемъ задержанія насъ въ корпусѣ.

На такомъ же пиру и такимъ же дѣятелемъ былъ я и на Пасхѣ 1827 года.

Послѣ святокъ классныя наши занятія пошли съ бòльшимъ успѣхомъ, ибо лекціи, вмѣсто 2-хъ, сдѣланы были 1½ часовыя, слѣдовательно, для приготовленія уроковъ мы имѣли утромъ и вечеромъ по часу лишняго времени; кромѣ того, все намъ обстоятельно объяснялось, а чего не понимали, то съ охотою повторялось учителемъ, по первому обращенію къ нему воспитанника. Наконецъ, по просьбѣ преподавателей, Маркъ Филипповичъ, чтобъ вознаградить потерянное, особенно по русскому языку, время, нашелъ возможнымъ увеличить число уроковъ по нѣкоторымъ предметамъ насчетъ искусствъ, которыми въ этотъ годъ мы почти совсѣмъ не занимались. Не смотря, однакожъ, на всѣ эти льготы, зна-

чительно помогавшія нашимъ занятіямъ, князь и тутъ не оставлялъ руководить меня по всѣмъ предметамъ, во все время, до самыхъ каникулъ.

VI.

Въ каникулы 1827 года я назначенъ былъ въ кампанію на бригъ, или, лучше сказать, на яхту «Князь Пожарскій» для плаванія въ Маркизовой лужѣ. Здѣсь изучилъ я на практикѣ много словъ изъ лексикона морскихъ терминовъ, научился лазать по вантамъ, подыматься и спускаться по одной веревкѣ; ознакомился съ компасомъ и лагомъ, а главное съ моремъ и съ окрестностями Петербурга. Былъ нѣсколько разъ въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Ораніенбаумѣ и въ Кронштадтѣ. Впрочемъ, постоянная наша якорная стоянка была подъ Петергофомъ, особенно во время пребыванія тамъ царской фамиліи.

Однажды командиръ нашего брига, вернувшись съ берега, приказалъ мнѣ сейчасъ же отправиться въ Петергофъ и явиться къ князю Шихматову, котораго я найду въ нижнемъ этажѣ дворца, въ генералъ-адъютантскихъ комнатахъ. Съ радостью отправился я на берегъ, отыскалъ князя и былъ имъ очень обласканъ. Послѣ завтрака онъ велѣлъ мнѣ идти къ малолѣтней ротѣ, которую привели изъ Ораніенбаума, и сопровождать ее, вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ, во время гулянья по Петергофскому саду. Исполняя приказаніе князя, я встрѣтилъ роту, уже идущую на прогулку, и примкнулъ къ ней. Долго бродили мы изъ одной аллеи въ другую, какъ вдругъ неожиданно встрѣтили государя.

Поздоровавшись съ нами, онъ сбросилъ съ себя сюртукъ и приказалъ дѣтямъ валить его на траву. Кадеты кинулись стремительно, схватили его, кто за ноги, кто за руки, смѣльчаки взобрались даже его величеству на плечи, но ничего не могли сдѣлать,—всѣ валились съ него, какъ мухи. Потомъ государь приказалъ слѣдовать за нимъ и, когда подошли къ главному каскаду, скомандовалъ:

— Бѣгомъ наверхъ! и кто первый подымется, тому фунтъ конфектъ!

Маневръ этотъ повторялся нѣсколько разъ. Разумѣется, многіе поскальзывались въ водѣ, падали и скатывались по водѣ внизъ, другіе съ разбѣгу попадали прямо въ хорошенькую куртинку наверху и всю ее измяли. Въ это время проходила императрица и, увидя свою куртину измятою, сказала:

— Экія глупыя дѣти!

— Хорошенько, хорошенько ихъ,—замѣтилъ государь,—и меня, какъ главнаго зачинщика!

Императрица улыбнулась и пошла далѣе, а намъ приказано было бѣгомъ отправляться на пристань, куда мы успѣли прибѣ-

жать прежде его величества, догонявшаго насъ верхомъ. Здѣсь государь отпустилъ насъ, а самъ на катерѣ отправился на бригъ «Пожарскій».

Вскорѣ Петергофъ опустѣлъ. Царская фамилія переѣхала въ Царское Село, мы становились на якорь уже подъ Кронштадтомъ.

Здѣсь-то, пользуясь отпускомъ, узналъ я, какая гроза разразилась недавно надъ этимъ городомъ; но, прежде чѣмъ приступить къ описанію ея, долгомъ считаю сказать въ какомъ состояніи находился нашъ флотъ при бывшемъ министрѣ маркизѣ-де-Траверзе.

Маркизъ былъ того мнѣнія, что для Россіи флотъ вовсе не нуженъ,—лишняя трата денегъ, которыя могли бы идти на предметы болѣе полезные для государства. Задавшись такою мыслію, онъ мало обращалъ вниманія на флотъ и привелъ его почти къ нулю. Правда въ гавани стояло до двадцати кораблей, но изъ нихъ въ море могли выйти не болѣе пяти, остальные же были негодны, да и не имѣли вооруженія, которое большею частію было расхищено. Контроль былъ до того слабый, что транспортныя и другія мелкія суда, пользуясь этимъ, принимали провизію на одну и ту же кампанію два раза, и въ Ревелѣ, и въ Кронштадтѣ. Портовые магазины свободно продавали жителямъ города и иностранцамъ, по дешевой цѣнѣ, разные матеріалы и вещи, такъ что въ Кронштадтѣ не было дома, въ которомъ бы не нашлось во вседневномъ употребленіи вещей съ казенными клеймами.

Между тѣмъ, офицеры не получали жалованья по цѣлымъ третямъ и жили кое-какъ, перебиваясь изо дня въ день. Многіе не имѣли даже вовсе мундира, и начальство поневолѣ смотрѣло на это сквозь пальцы. Вступали въ караулъ въ сюртукахъ и тамъ уже надѣвали казенный мундиръ, единственный и общій для всѣхъ офицеровъ.

Разсказывали мнѣ анекдотъ, что, по случаю ожидавшагося въ Кронштадтъ прибытія какого-то важнаго лица, комендантъ осматривалъ всѣ гауптвахты. Въ одной изъ кордегардій онъ нашелъ офицера такого маленькаго роста, что рукава мундира почти волочились по землѣ и никакъ не позволяли ему отсалютовать саблею. Тотчасъ было написано въ экипажъ форменное отношеніе о томъ, чтобы назначили другого офицера «собразно мундира», что и было исполнено.

Въ канцеляріяхъ и штабахъ было также не мало злоупотребленій. Для примѣра скажу, что многіе получали крестъ св. Георгія за 16-ть шестимѣсячныхъ кампаній, вмѣсто 18-ти установленныхъ закономъ. Я самъ впослѣдствіи служилъ на фрегатѣ «Александръ Невскій» подъ командою капитана 2-го ранга И—а, который мнѣ говорилъ, что и ему этотъ крестъ достался такимъ же образомъ за сто рублей.

Императоръ Николай Павловичъ, при вступленіи своемъ на престолъ, зналъ уже всѣ эти злоупотребленія, а потому и пожелалъ вырвать ихъ съ корнемъ. И вотъ въ одно прекрасное утро прибыли въ Кронштадтъ два полка и слѣдственная комиссія. Къ вечеру гостинный дворъ, биржа и почти всѣ улицы были обставлены цѣпью солдатъ.

Разнесся слухъ, что назавтра будутъ осматривать всѣ дома и лавки. Господи, какой паническій страхъ напалъ на всѣхъ!.. Лишь только стемнѣло, начали выносить изъ домовъ разныя казенныя мѣдныя и желѣзныя вещи и бросать въ адмиралтейскій каналъ, но, увы! всего не вынесешь. Въ концѣ концовъ, все-таки, на другой день, при осмотрѣ, нашлось въ каждомъ домѣ казенное, начиная съ крыши, покрытой желѣзными листами съ казеннымъ клеймомъ, отъ комнатъ, обитыхъ казенною парусиною, и до кухни, гдѣ также конфисковывалось не малое количество кочерегъ, щипцовъ, топоровъ, подсвѣчниковъ и проч.

Въ гостинномъ дворѣ, въ нѣкоторыхъ лавкахъ, за полками съ краснымъ товаромъ, найдены были цѣпи, якоря, блоки и другія портовыя принадлежности. Когда же дѣло дошло до биржи, гдѣ была, можно сказать, самая суть, то въ ночь, наканунѣ осмотра, произошелъ пожаръ, истребившій всѣ биржевыя лавки и весь складъ лѣса, приготовленнаго къ отпуску за границу.

Складъ лѣса представлялъ изъ себя квадратную площадь, по полуверстѣ въ каждой сторонѣ, которая, кромѣ двухъ перекрестныхъ дорогъ, была вся завалена пилеными досками, сложенными въ видѣ треугольниковъ на нѣсколько саженъ высоты. Лѣсъ былъ все сухой, выдержанный, и когда все это запылало, то образовалась такая страшная пещь огненная, отъ которой въ городѣ во многихъ домахъ перелопались стекла. Жаръ былъ до того нестерпимый, что тушить пожаръ не представлялось никакой возможности, а потому все вниманіе было обращено на гавань, къ которой лѣсная биржа примыкала одной стороной своего квадрата. Тамъ стояло до пяти сотъ купеческихъ судовъ и переполохъ былъ ужасный. Каждый командиръ заботился о своемъ кораблѣ, желая какъ можно скорѣе выбраться на рейдъ. Суда сталкивались, ломались, шумъ, крикъ, брань на разныхъ языкахъ оглашали гавань, пароходовъ же для вывода судовъ изъ гавани явилось на этотъ разъ только два. Но, благодаря Бога, сгорѣло, какъ мнѣ говорили, не болѣе трехъ судовъ, такъ какъ вѣтеръ былъ не прямо на гавань.

Этотъ огонь окончательно искупилъ всѣ кронштадтскія прегрѣшенія, и хотя много народа пострадало за казнокрадство, но за то зло было дѣйствительно вырвано съ корнемъ. Впослѣдствіи, не разъ случалось мнѣ видѣть, что матросы, неся изъ порта на корабль какія-нибудь вещи, обронятъ нечаянно одну какую-нибудь

изъ нихъ на улицѣ, и изъ проходящихъ никто, не только не коснется ея, но всякій обходитъ, какъ зачумленную.

Съ того времени и флотъ нашъ, да и самый Кронштадтъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлались неузнаваемы.

Кронштадтъ двадцатыхъ годовъ былъ грязный, болотистый городишка, съ полуразвалившимися отъ осѣданія почвы домами, съ самою плохою защитою съ моря. Крѣпости и стѣнки гаваней были больше деревянныя и сгнившія, а, между тѣмъ, онъ считался главнымъ портомъ Россіи. При императорѣ Николаѣ городъ принялъ совсѣмъ другую физіономію: болота исчезли, улицы и площади распланированы и обставлены прекрасными зданіями, городъ обнесенъ съ трехъ сторонъ оборонительной стѣной и превосходнѣйшими казармами, выстроенъ новый, первоклассный госпиталь, съ моря встали на стражѣ каменныя твердыни, выстроенъ новый докъ, весь изъ гранита, взглянувъ на который невольно скажешь, что это игрушечка изъ англійскаго магазина.

Остальныя двѣ недѣли кампаніи нашей мы провели на бригѣ «Пожарскій», большею частію подъ парусами. Утромъ насъ учили примѣрному заряжанію орудій, а также отдачѣ и уборкѣ парусовъ (брамселей), послѣ же обѣда, — поворотамъ брига, при чемъ командовали кадеты подъ непосредственнымъ надзоромъ вахтеннаго лейтенанта. Погода въ это время стояла чудесная, вѣтеръ тихій. Бывало, идетъ бригъ самымъ малымъ ходомъ подъ всѣми парусами; отъ одного поворота до другого времени проходитъ 1½ часа и въ этотъ промежутокъ гвардейскіе пѣсельники, собравшись на шкафутъ (около середины судна) поютъ свои молодецкія пѣсни. Порой весельчаки пускаются и въ плясъ, выдѣлывая ногами такія колѣнца, которымъ позавидовалъ бы любой балетмейстеръ. Я же съ четверыми товарищами удалялся, обыкновенно, въ это время на бокъ (носовая часть судна), гдѣ мы съ упоеніемъ слушали разсказы унтеръ-офицера Постникова, большого начетчика священнаго писанія. Онъ отлично, словно по книгѣ, повѣствовалъ намъ о жизни и мученическихъ страданіяхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Онъ насъ впервые познакомилъ съ исторіею церкви и мы не мало дивились его памяти. Мы обстоятельно узнали отъ него о всѣхъ гоненіяхъ на христіанъ: при какомъ императорѣ было каждое изъ нихъ, сколько времени продолжалось, и кто именно, и какъ пострадалъ во время его за вѣру. Онъ также довольно подробно объяснилъ намъ съ какою цѣлью собирались вселенскіе соборы и кто изъ отцовъ и пастырей церкви были на каждомъ изъ нихъ главными дѣятелями.

Конечно, трудно было ожидать отъ нижняго чина такихъ обширныхъ знаній, но ларчикъ просто отпирался, — черезъ три мѣсяца послѣ кампаніи я случайно спросилъ нашего каптенармуса, который также былъ прежде унтеръ-офрцеромъ гвардейскаго эки-

пажа, о Постниковѣ и онъ мнѣ разсказалъ всю его біографію. Оказалось, что Постниковъ въ 1812 г. окончилъ съ отличнымъ успѣхомъ курсъ с.-петербургской семинаріи и предполагалъ идти въ духовную академію, но патріотизмъ, охватившій тогда всѣхъ, заставилъ и его, не дождавшись экзаменовъ, оставить семинарію и поступить вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Во время Отечественной войны онъ получилъ за отличіе знакъ военнаго ордена и званіе унтеръ-офицера. По возвращеніи же гвардіи въ Петербургъ, онъ, согласно своей просьбѣ, переведенъ былъ въ гвардейскій экипажъ, гдѣ, окончивъ узаконенный срокъ службы, отказался отъ офицерскаго чина и остался въ прежнемъ званіи еще на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого времени выйти въ чистую отставку съ пенсіономъ.

— Но,—продолжалъ мой разсказчикъ,—человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ,—судьба не судила ему дождаться отставки и 2/3 прапорщичьяго жалованія: недавно онъ заболѣлъ и надняхъ мы его схоронили.

Послѣ этого не мудрено, что онъ насъ такъ увлекалъ своими разсказами изъ предмета, изученнаго имъ спеціально.

Ровно въ полдень 1-го августа бригъ «Пожарскій» вошелъ въ Неву и мы ошвартовались у пристани противъ нашего корпуса.

Явившись въ роту послѣ трехъ-дневнаго отпуска, я узналъ весьма печальную новость: князь подалъ въ отставку, чтобы удалиться въ монастырь. Всѣ горевали, теряя въ немъ добраго начальника и самаго попечительнаго отца; но грустнѣе всѣхъ, конечно, было мнѣ. Взысканный его милостями, любившій его всѣмъ сердцемъ, я лишался въ немъ добраго совѣтника, руководителя и наставника въ то именно время, когда переходилъ на высшій курсъ, гдѣ его указанія и совѣты были бы для меня неоцѣненны. Не мало было пролито мною слезъ, но что дѣлать, судьбы Божіи неисповѣдимы, надо было покориться Его святой волѣ.

22-го октября, князь въ послѣдній разъ отпраздновалъ съ нами ротный праздникъ. Послѣ молебна онъ многимъ воспитанникамъ роздалъ подарки и мнѣ достался самый дорогой: книжка его стихотвореній съ собственноручною его надписью въ весьма лестныхъ для меня выраженіяхъ. Эта книжечка и теперь хранится у меня, какъ драгоцѣнный памятникъ о моемъ незабвенномъ благодѣтелѣ.

Въ этотъ же день нашъ ротный офицеръ А. А. О....ъ, котораго всѣ очень уважали, предложилъ мнѣ составить на прощаніе князю рѣчь отъ имени роты, и далъ мнѣ идею, какъ долженъ я написать ее. Дня черезъ четыре я показалъ ему свое произведеніе и онъ его одобрилъ, однакожъ взялъ къ себѣ на исправленіе. На другой день онъ возвратилъ мнѣ рѣчь, чтобы переписать ее на-

чисто, выучить и въ началѣ ноября сказать ему наизусть. Тутъ только увидѣлъ я, что сюжетъ остался мой, но куда дѣвались всѣ мои слова и выраженія?..»

А. А. такъ искусно все это обработалъ, что рѣчь вышла прекрасная.

Наконецъ, 7-го ноября, послѣ классовъ, князь пришелъ проститься съ ротой. Мы всѣ были собраны въ рекреаціонномъ залѣ. Сказавъ намъ прощальное слово, въ которомъ онъ преподалъ въ послѣдній разъ свои отеческія наставленія, князь поклонился намъ и хотѣлъ идти, какъ въ это время А. А. О....ъ заявилъ ему, что фельдфебель проситъ позволенія сказать слово отъ имени роты. Князь видимо былъ этимъ тронутъ. Болѣе половины рѣчи я сказалъ громко и отчетливо, но, когда дошелъ до самаго чувствительнаго мѣста, всѣ воспитанники заплакали и самъ князь прослезился. Тутъ уже я не могъ продолжать, будучи отъ природы нервнаго темперамента,—просто сталъ захлебываться отъ слезъ. Видя это, князь подошелъ ко мнѣ, обнялъ, поцѣловалъ, и, взявши рѣчь мою, сказалъ, что дочитаетъ ее дома и оставитъ на память. Затѣмъ, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ за любовь къ нему, онъ окончательно простился съ нами и болѣе мы его уже не видѣли.

Долго, долго вспоминали мы князя; впрочемъ, любя его искренно, я не могъ отъ него отрѣшиться и постоянно собиралъ о немъ свѣдѣнія.

Ротнымъ командиромъ, вмѣсто князя, назначенъ былъ капитанъ 1-го ранга А. А. К....й, человѣкъ очень добрый. Онъ любилъ дѣтей, много о нихъ заботился, и всѣми силами старался сохранить бывшій до него порядокъ, но все же вполнѣ замѣнить своего предшественника онъ не могъ.

Въ декабрѣ шли у насъ экзамены обычнымъ порядкомъ и уже подходили къ концу, какъ вдругъ мы получили описаніе Наваринской битвы. Записку эту каждый изъ насъ обязанъ былъ переписать для себя, ибо въ слѣдующемъ году мы должны были проходить морскія эволюціи и сраженія. Тутъ мы почти забыли наши экзамены; читали и перечитывали эту записку до того, что, наконецъ, заучили ее. Чертили наизусть диспозиціи эскадръ, знали мѣсто и названіе каждаго корабля во время боя и съ гордостію разсказывали всѣмъ, что нашъ флотъ, ни на ученьи, ни въ эволюціяхъ, ни даже во время боя, ни въ чемъ не уступалъ ни англійскому, ни французскому.

Фактъ историческій, но давно минувшій!.. [1]).

Подходили праздники; я рвался поскорѣе домой, и какъ нарочно, встрѣтилось препятствіе: два офицера нашей роты заболѣли

[1]) Воспоминанія писаны въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

и мнѣ пришлось дежурить за нихъ. Такъ я долженъ былъ пробыть въ корпусѣ даже рождественскій сочельникъ и только въ первый день праздника, послѣ обѣдни, могъ отправиться домой. Братъ былъ давно уже дома и сообщилъ тамъ, что оба мы переведены въ гардемаринскій курсъ и я—третьимъ въ успѣхахъ по обоимъ нашимъ классамъ. Разумѣется, я былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями и никогда не видѣлъ еще я батюшку такимъ довольнымъ и веселымъ. Мы отправились вмѣстѣ съ нимъ съ визитами къ нашей роднѣ и вездѣ онъ рекомендовалъ насъ «молодыми гардемаринами, окончившими кадетскій корпусъ съ отличнымъ успѣхомъ».

Наканунѣ новаго 1828 года, гостей у насъ было не много. Въ полночь, когда подавали шампанское, налили и намъ, какъ гардемаринамъ, по полному бокалу. Мы поздравили дорогихъ родителей съ новымъ годомъ, а батюшку еще и съ днемъ его ангела. Онъ обнялъ насъ, поцѣловалъ и подарилъ каждому по прекраснѣйшему чертежному инструменту, вещь необходимую на гардемаринскомъ курсѣ.

Такъ весело и съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ окончилъ я 1827 годъ.

П. Митуричъ.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БЛАГОДАРНАЯ РОССІЯ.

Ъ КІЕВѢ воздвигнутъ памятникъ гетману Богдану Хмельницкому. Исторія этого памятника, въ прямомъ смыслѣ слова, «темна и запутанна». Заглядывать въ эту исторію мы не станемъ — да и не можемъ, по неимѣнію матерьяла — хотя предполагаемъ, въ ней очень много любопытнаго и поучительнаго. Не коснемся мы и мутной исторіи постройки памятника, въ которой также не мало загадочнаго, страннаго, и даже совсѣмъ непонятнаго... Мы, въ настоящей замѣткѣ нашей, обратимъ вниманіе только на тѣ надписи, которыми съ двухъ сторонъ украшенъ памятникъ знаменитаго гетмана. Надписи эти чрезвычайно любопытны и замѣчательны сами по себѣ, и служатъ прекрасною характеристикою для переживаемой нами эпохи...

На одной сторонѣ памятника Хмельницкому видимъ извѣстное рѣшеніе Переяславской рады (6 января 1654 года), по которому Малороссія окончательно присоединилась къ Россіи. Народъ, на вопросъ Хмельницкаго, къ кому хотятъ козаки поступить въ подданство,—къ хану ли Крымскому, султану ли Турецкому, королю Польскому или православному государю великой Россіи—отвѣчалъ знаменитыми, историческими словами: «волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!» Эти слова прекрасно выразили то глубокое убѣжденіе народнаго множества, которое, уже и за двадцать лѣтъ до появленія Хмельницкаго, видѣло единственный путь къ спасенію въ присоединеніи къ «великой православной Россіи». На основаніи этого именно воззрѣнія, козачество толпами переселялось съ лѣвой

стороны Днѣпра на правую, изъ польскихъ областей въ русскія, и занимало тѣ земли, которыя отводило переселенцамъ Московское государство. Въ этомъ крикѣ толпы на Переяславской радѣ выразился именно тотъ «гласъ народа», противъ котораго Богдану Хмельницкому никакъ нельзя было идти, не отказавшись отъ той исторической роли народнаго вождя, которую онъ на себя «volens-nolens» принялъ... Этому «гласу народа», конечно, умѣстно было явиться въ надписи на памятникѣ Хмельницкаго, потому что главная заслуга его въ исторіи нашего отечества заключается исключительно въ томъ, что онъ повиновался «гласу народа». И если бы строители памятника ограничились только этою надписью, то показали бы, что они понимаютъ историческую роль Богдана Хмельницкаго и воздвигаютъ памятникъ не ему лично, а той знаменательной эпохѣ, когда разрозненныя части Руси соединились во-едино по естественному влеченію однородности. Памятникъ, воздвигнутый въ память возсоединенія Малороссіи съ «великою Россіею», могъ бы увѣнчиваться статуею Богдана Хмельницкаго, какъ вождя, стоявшаго во главѣ анти-польскихъ стремленій козачества, какъ характернаго, типическаго представителя той кровавой и бѣдственной эпохи... И только!

Но строители, къ сожалѣнію, не удовольствовались одною надписью. Воздвигая памятникъ Богдану Хмельницкому, они захотѣли во что бы то ни стало возвеличить его, возвести его въ герои, а всю его дѣятельность представить себѣ въ видѣ ряда подвиговъ, совершонныхъ на пользу и благо Россіи (о которой онъ менѣе всего заботился!). Въ виду всего этого, они рѣшились, кромѣ первой надписи, поставить на памятникѣ козацкому гетману еще и другую, которая должна несомнѣнно приводить въ недоумѣніе каждаго русскаго человѣка, знакомаго съ исторіею своего отечества не по учебникамъ, не по дѣтскимъ книжкамъ, а по источникамъ, изображающимъ историческихъ дѣятелей въ видѣ живыхъ и яркихъ образовъ... Это вторая надпись гласитъ: «Богдану Хмельницкому великая недѣлимая Россія». Кому принадлежитъ основная идея этой курьезной надписи? Кому мы обязаны окончательной ея редакціей? Кто рѣшился говорить отъ лица «великой, недѣлимой Россіи» и отводить ея признательности мѣсто на пьедесталѣ памятника Богдану Хмельницкому?—Мы не знаемъ. Если вѣрить свидѣтельству г. Микѣшина, то эта надпись была придумана членами Кіевской думы, которые будто бы особенно хлопотали о ея измышленіи. Но, кто бы ни придумалъ эту странную надпись, кому бы ни принадлежала честь ея изобрѣтенія и помѣщенія на памятникѣ Хмельницкаго, она всегда будетъ свидѣтельствовать только о глубокомъ незнаніи русской исторіи со стороны тѣхъ, кто эту надпись измыслилъ и со стороны тѣхъ, кто ее допустилъ. «Великая недѣлимая Россія», положительно, ничѣмъ не обязана Богдану Хмельниц-

кому, и потому не можетъ воздвигать ему памятниковъ. Можно сказать даже болѣе: Богданъ Хмельницкій обязанъ великой Россіи своимъ спасеніемъ, потому что не могъ справиться съ движеніемъ, которое было имъ вызвано въ козачествѣ; и если бы царь Алексѣй Михайловичъ не внялъ мольбамъ его и всего малороссійскаго народа и не принялъ бы Малороссію подъ свою «высокую руку» — Богданъ не сносилъ бы головы! Онъ самъ ясно видѣлъ и понималъ, что долженъ будетъ пасть жертвою того сильнѣйшаго революціоннаго движенія, которымъ пользовался, какъ орудіемъ противъ Польши; самъ не дерзалъ поощрять дальнѣйшее развитіе этого движенія, и даже вынужденъ былъ противъ него бороться, принимая мѣры къ его усмиренію. А между тѣмъ, раздражаемыя, разжигаемыя Богданомъ Хмельницкимъ народныя страсти не могли умиротвориться результатами, достигнутыми путемъ трактатовъ и соглашеній съ Польшею... Борьба козачества съ Польшей достигла уже такого апогея взаимной ненависти, такъ усложнилась всякими вопросами соціальными и религіозными, пріобрѣла такой ужасный, неумолимый «характеръ борьбы за существованіе во что бы то ни стало»,—что, въ дальнѣйшемъ развитіи, эта борьба должна была бы окончиться несомнѣнною и полною гибелью козачества, которому не подъ силу было тягаться съ Польшею и ея союзниками. Умиротворить Малороссію могла только «великая Россія», достаточно сильная для того, чтобы бороться съ Польшею безъ всякой посторонней помощи, а главное—безъ возбужденія тѣхъ опасныхъ инстинктовъ народной массы, которыми долгое время успѣшно пользовался Хмельницкій. Великая Россія приняла на себя борьбу съ Польшею,— борьбу долгую и трудную — отвлекла главныя силы Польши отъ Малороссіи, избавила козачество отъ позорной необходимости союза съ татарами, ввела миръ и порядокъ въ управленіе разворенною страною, и доставила возможность Богдану Хмельницкому умереть въ почетѣ и богатствѣ, умереть въ постели, а не на плахѣ... За все это «великая Россія» воздвигла памятникъ Хмельницкому!

Но логика лапидарнаго вдохновенія на этомъ не остановилась:— оно къ одному крупному абсурду прибавило другой, вѣроятно для того, чтобы первый былъ еще болѣе очевиденъ и осязателенъ. Авторы надписи, выступившіе отъ лица «великой Россіи», рѣшились еще добавить «великая и недѣлимая Россія», т. е. — другими словами: «великая Россія, обязанная своею недѣлимостью» Богдану Хмельницкому, воздвигла ему памятникъ въ честь оказанной имъ незабвенной услуги. Если бы не это имѣлось въ виду, то, конечно, не было бы ни малѣйшей надобности прибавлять лишнее прилагательное къ существительному «Россія»! Если же это прилагательное было поставлено именно съ тою цѣлью, которую мы указываемъ (а другой цѣли и быть не могло!), то наивные измыслители пресловутой надписи на памятникѣ Хмельницкому въ одномъ

этомъ прилагательномъ дали новое и блистательное доказательство своего глубочайшаго историческаго незнанія, или, лучше сказать,— своего полнаго пренебреженія къ знанію русской исторіи.

«Недѣлимая» Россія была бы еще обязана поставить памятникъ Богдану Хмельницкому, если бы онъ (хотя и по нуждѣ примкнувъ къ Московскому государству) служилъ вѣрою и правдою царю Алексѣю Михайловичу, заботился о закрѣпленіи тѣсной связи между Малороссіей и «великой Россіей» и также честно и правдиво отстаивалъ, съ оружіемъ въ рукахъ, «недѣлимую» Россію отъ ея враговъ, какъ царь Алексѣй Михайловичъ отстаивалъ Малороссію отъ Польши. Но что же мы видимъ? Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, протекшихъ отъ Переяславской рады, до смерти Хмельницкаго (27 іюля 1657 года), знаменитый гетманъ малороссійскій заботится исключительно о своихъ личныхъ выгодахъ и всѣми мѣрами охраняетъ отдѣльность Малороссіи отъ Московскаго государства и въ церковномъ, и въ административномъ, и въ военномъ отношеніи. Этого мало: Богданъ Хмельницкій «не помогаетъ, а мѣшаетъ» дѣйствіямъ московскаго войска въ войнѣ, начатой царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ за освобожденіе Малороссіи отъ польскаго владычества; а въ то время, когда война съ Польшею осложняется для Московскаго государства войною шведскою, Богданъ дѣйствуетъ уже прямо какъ измѣнникъ, какъ нарушитель данной имъ присяги и тѣхъ условій, на основаніи которыхъ совершилось принятіе Малороссіи въ подданство Московскому государству. Богданъ не только открыто сносится, какъ самостоятельный и независимый владѣтель, съ государствами иноземными (Венгріей, Молдавіей и Валахіей), съ которыми онъ не могъ сноситься безъ вѣдома великаго государя, но даже и съ прямыми врагами «великой Россіи»—со шведами, даже и съ крымскимъ ханомъ, съ которымъ онъ не имѣлъ право входить, помимо Москвы, ни въ какія сношенія.

Но, можетъ быть, дѣйствія московскаго государя и его воеводъ давали поводъ Хмельницкому къ такому мелочному предательству и къ прямымъ нарушеніямъ обязанностей вѣрноподданнаго, подтвержденныхъ присягою? Нѣтъ; и царь, и воеводы, и бояре московскіе— выполняли съ буквальною точностью всѣ принятыя ими на себя обязательства и относились къ зазорнымъ и незаконнымъ дѣйствіямъ Хмельницкаго не только снисходительно, но даже и черезчуръ мягко. Да Хмельницкій вовсе и не выжидалъ важныхъ и серьезныхъ поводовъ для отпаденія отъ «великой Россіи» и для прямой измѣны Московскому государю... Достаточно было, чтобы до него дошла какая-нибудь польская сплетня [1]), совершенно нелѣпая, не-

[1]) Казаки, пріѣхавшіе изъ Вильны, доносили гетману: «Ляхи намъ сказывали, что царскіе послы постановили договоръ по Поляновскимъ статьямъ, и войску Запорожскому со всею Малороссіею быть въ королевской сторонѣ по прежнему».

сообразная ни съ какой логикой, и гетманъ уже поднимался и кричалъ во всеуслышанье полковникамъ: «Надобно отступить отъ царской руки; а пойдемъ гдѣ Великій Владыко повелитъ быть, — не подъ христіанскимъ государемъ, такъ подъ бусурманомъ!» По счастію, гетманъ ничего не могъ сдѣлать безъ полковниковъ, а «полковники гетману отказывали впрямь, что они отъ государя не отступятъ и по всему свѣту измѣнниками слыть не хотятъ».

Чрезвычайно любопытно то, что Богданъ коварствовалъ и лукавилъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и съ его посланными съ самаго перваго момента поступленія Малороссіи въ подданство «великой Россіи» — и до послѣдняго издыханія... Онъ, и по отношенію къ Московскому государю, оставался постоянно тѣмъ же хитрымъ и вѣроломнымъ Запорожскимъ гетманомъ, котораго такъ искусно и послѣдовательно вскормила и воспитала себѣ на гибель польско-іезуитская почва. Но на дѣлѣ выяснилось, что именно тѣ орудія интриги, коварства, обмановъ и вѣроломствъ, которыя такъ успѣшно примѣнялъ Хмельницкій въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ—оказывались совершенно непригодными при сношеніяхъ съ Москвою, потому что Москва дѣйствовала съ полнымъ сознаніемъ своего значенія, своего могущества, и своего достоинства, и не признавала никакихъ уступокъ и отступленій отъ единожды принятаго обычая и установленнаго обряда.

Коварства гетмана начались съ перваго же дня его вступленія въ подданство «великой Россіи». Тотчасъ послѣ того, какъ народъ на Переяславской радѣ провозгласилъ знаменитое: «волимъ подъ царя восточнаго, православнаго!» — гетманъ поѣхалъ съ бояриномъ Василіемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ въ соборную церковь. Тамъ онъ долженъ былъ присягнуть на вѣрность и подданство царю Алексѣю Михайловичу передъ архимандритомъ, священниками и дьяконами, пріѣхавшими изъ Москвы. Присягу приходилось произносить по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы. Гетманъ тотчасъ же слукавилъ и попытался уклониться отъ присяги: онъ потребовалъ, чтобы бояринъ Бутурлинъ «присягнулъ за государя, что ему казаковъ польскому королю не выдавать, за нихъ стоять и вольностей не нарушать». Бутурлинъ, какъ настоящій московскій бояринъ и вѣрный царскій слуга, отвѣчалъ: «Въ Московскомъ государствѣ того, чтобы за великаго государя присягать, никогда не бывало и впередъ не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ непристойно, потому что всякій подданный повиненъ присягнуть своему государю». Гетманъ отозвался тѣмъ, что долженъ посовѣтоватся съ полковниками и вышелъ изъ собора; а бояринъ съ московскимъ духовенствомъ долго дожидались его въ церкви. Гетманъ попыталъ подослать къ боярину двухъ полковниковъ съ подговорами и тѣ дерзнули замѣтить, что «Польскіе короли подданнымъ своимъ всегда присягаютъ». Но Бутурлинъ на это прямо отрѣзалъ: «Польскіе короли поддан-

нымъ своимъ присягаютъ, но этого въ образецъ ставить непристойно, потому что это короли не вѣрные и не самодержцы— на чемъ и присягаютъ, на томъ никогда въ правдѣ своей не стоятъ». Такъ полковники ничего и не могли сдѣлать, и гетманъ, послѣ разныхъ колебаній и увертокъ, вынужденъ былъ присягнуть государю за себя и за все войско Запорожское, при чемъ Бутурлинъ ему и полковникамъ напомнилъ, что «великій государь изволилъ ихъ принять подъ свою высокую руку по ихъ челобитью и имъ его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радѣть и всякаго добра хотѣть».

Послѣ такого начала, продолженіе отношеній Хмельницкаго къ Москвѣ, какъ мы уже замѣтили выше, было еще хуже:—это былъ рядъ неблаговидныхъ поступковъ, рядъ нарушеній присяги и обязанностей подданнаго, рядъ дѣйствій, которыми гетманъ и другимъ подавалъ примѣръ къ своеволію и неисполненію прямыхъ обязанностей по отношенію къ Московскому государю [1]).

Этотъ способъ дѣйствій нисколько не мѣшалъ однакоже Богдану Хмельницкому писать великому государю медорѣчивыя заявленія о своей преданности къ престолу и безпрестанно напоминать о своихъ заслугахъ. Но провести Москву на этихъ льстивыхъ писаніяхъ не удавалось. Въ Москвѣ, лучше, чѣмъ въ Варшавѣ, умѣли отличать правду отъ лжи, и гораздо болѣе вѣрили дѣламъ, нежели словамъ. Въ отвѣтъ на сладкія рѣчи, царь напоминалъ Богдану о неисполненіи имъ прямыхъ обязанностей. Прослышавъ о томъ, что Богданъ сдалъ, за старостью и болѣзнью, гетманство сыну своему, Юрію—царь Алексѣй Михайловичъ писалъ старому гетману: «Вамъ бы, гетману, сыну своему Юрію приказать, чтобы онъ намъ, великому государю, служилъ вѣрою и правдою; а мы, увидя его вѣрную службу и въ цѣлости сохраненную присягу, стали бы держать его въ милостивомъ жалованьи».

Для того, чтобы дать полное и вѣрное понятіе о значеніи Богдана Хмельницкаго для «великой и недѣлимой Россіи», мы не станемъ входить въ разборъ длиннаго ряда отношеній его къ Московскому государю (для этого пришлось бы изложить весь ходъ войны Россіи съ Польшею и Швеціею); мы обратимъ вниманіе только на тѣ переговоры, которые Богданъ Хмельницкій велъ съ московскими боярами въ послѣдніе дни жизни. Эти переговоры превосходно характеризуютъ и ту, и другую сторону, и слишкомъ хорошо выясняютъ все, что сдѣлано было Богданомъ на пользу «недѣлимости» Россіи.

---

[1]) Такъ напр. онъ прямо защищалъ Кіевскаго митрополита, когда тотъ самовольно не допускалъ постройки крѣпости въ Кіевѣ, государевымъ служилымъ людямъ не давалъ никакого пристанища, и даже открыто отказывался отъ принесенной имъ присяги на вѣрность государю.

Въ апрѣлѣ 1657 года къ Хмельницкому былъ отправленъ изъ Москвы окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ для разбора жалобъ, приходившихъ изъ Малороссіи «на гетманово злодѣйство и неправду», а также и для уясненій самовольныхъ сношеній гетмана съ сосѣдними государствами, и многихъ другихъ его дѣйствій, на которыя великій государь рѣшился, наконецъ, обратить серьезное вниманіе.

Богданъ не на шутку опасался этого посольства и очень хорошо понималъ, что онъ не можетъ дать никакого правильнаго объясненія на запросы Бутурлина. Поэтому, онъ употребилъ всевозможныя уловки и хитрости, чтобы, по возможности, оттянуть время свиданія съ посланнымъ Московскаго государя. Сначала онъ отказалъ за болѣзнью принять Бутурлина, потомъ, даже и принявъ его у себя, за болѣзнью же отказался слушать «рѣчи посольскія о великихъ государскихъ дѣлахъ», и просилъ ихъ отложить до другого раза. Между тѣмъ, по его порученію, хитрая лиса, войсковой писарь Иванъ Выговскій, пытался отвести глаза Бутурлину льстивыми и совершенно-безсмысленными рѣчами. Страшными клятвами убѣждая Бутурлина въ томъ, что «Хмельницкій и все войско Запорожское великому государю во всемъ истинные слуги и подданные безо всякой шатости», Выговскій въ то же время чрезвычайно курьезно объяснялъ, что «съ Шведскимъ королемъ, съ Рагоци (венгерскимъ владѣтельнымъ княземъ), съ Молдаванами и Волохами гетманъ соединился не для чего иного, только на славу, честь и хвалу великому государю».

Но, конечно, москвича мудрено было провести этими дѣтскими побрякушками. Бутурлинъ въ отвѣтъ на льстивыя и заискивающія рѣчи пана писаря, отвѣчалъ просто и прямо: «намъ въ великое подивленіе, какими мѣрами то чинится, что у гетмана и войска Запорожскаго съ непріятелемъ царскаго величества, Шведскимъ королемъ, ссылка и соединеніе, и всякое доброхотство отъ великаго государя переносится на Шведскаго короля да на Рагоци Венгерскаго, и войско Запорожское, всякое вспоможеніе чинитъ непріятелямъ царскаго величества безъ воли и повелѣнія великаго государя. Дѣлаете вы это, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, данное предъ св. Евангеліемъ. Блюдитесь, чтобы вамъ за такія неправды не навести на себя гнѣвъ Божій!»

Тѣ же самыя рѣчи, немного складнѣе высказанныя и приправленныя цвѣтами краснорѣчія, Бутурлинъ услыхалъ и отъ самого гетмана, который добавилъ къ нелѣпымъ доводамъ войскового писаря, только еще одно очень неудачное объясненіе; оправдывая свой совершенно незаконный союзъ съ Швеціей, Молдавіей и Валахіей, Богданъ говорилъ: «еслибъ я не соединился со Шведами, Венграми, Молдаванами и Волохами, то соединились бы съ ними Поляки». (!?)

Отвѣтъ Бутурлина на эти іезуитскіе парадоксы звучалъ негодованіемъ и съ начала до конца былъ проникнутъ такою суровою правдою, противъ которой не сильна была никакая іезуитская казуистика. Приводимъ его здѣсь почти дословно:

«Гетманъ!» сказалъ Бутурлинъ,—«стыдно тебѣ говорить такія непристойныя слова. Надобно бы тебѣ помнить Бога и присягу свою; надобно было тебѣ помнить царскаго величества милость и отъ непріятелей оборону... Когда побѣдою царскаго величества поляки учинились безсильны, то на раззореніе и на грабежъ много у васъ друзей стало; а какъ непріятели ваши, польскіе и литовскіе люди, вамъ были страшны и сильны, то освободиться отъ нихъ никто вамъ не помогъ, только одинъ великій государь... Тебѣ самому памятно, какъ приходилъ я со многими ратными людьми тебѣ на помощь противъ поляковъ и крымскихъ татаръ: въ то время ты былъ очень низокъ, а къ намъ держалъ любовь большую. Носи платье разноцвѣтное, а слово держи одинаковое». Назиданіе этой рѣчи была такъ неотразимо, что гетманъ ужъ ничего не могъ противъ нея высказать и только сталъ увѣрять, что «онъ вѣрный подданный царскаго величества и никогда отъ его высокой руки не отлучится» и т. д. Затѣмъ, ссылаясь на свою болѣзнь, просилъ дать ему время на отвѣты по государевымъ запросамъ.

Это говорилось 9-го іюня, а 18-го явилось налицо живое доказательство вѣрноподданнической преданности Богдана: пріѣхали къ нему шведскіе и венгерскіе послы. На строгій вопросъ Бутурлина: «зачѣмъ пріѣхали послы?» Богданъ опять сталъ льстить и лукавить и прибѣгать къ дѣтскимъ уловкамъ. Убѣждая Бутурлина всякими клятвами въ томъ, что «ни онъ, никто изъ живущихъ въ Малой Россіи, отъ высокой руки царскаго величества не отступенъ», старый гетманъ далъ еще новое, третье (за одну недѣлю!) объясненіе поводовъ къ заключенію союза съ Швеціей и Венгріей. «Что мы прибрали къ себѣ въ товарищество Шведа и Рагоци, не обославшись съ великимъ государемъ, — сказалъ гетманъ, — то это сдѣлали мы изъ страха, потому что Ляхи задаютъ фантазіи великія, и подъ клятвою утверждаютъ, что царское величество насъ отдало имъ».

Бутурлинъ даже ничего не отвѣтилъ на этотъ сумбуръ противурѣчивыхъ оправданій и перешелъ къ требованію объясненій другимъ предосудительнымъ поступкамъ гетмана, а также и къ требованію отвѣтовъ на царскіе запросы по поводу избранія на гетманство Юрія Хмельницкаго и постройки крѣпости въ Кіевѣ. И на всѣ эти запросы и требованія объясненій, гетманъ опять лукавилъ, хитрилъ, отказывался отвѣчать, просилъ отложить рѣшеніе дѣла, ссылаясь на болѣзнь, слабость, старость и такъ далѣе. А писарь Выговскій и есаулъ Ковалевскій «по гетманскому приказу» (какъ они въ томъ сами сознались Бутурлину) кричали и говорили такія «шумныя» и «развратныя» рѣчи, что Бутурлинъ

былъ вынужденъ нѣсколько разъ ихъ останавливать, при чемъ онъ говорилъ имъ:

«Вамъ, писарю и есаулу, приставать къ гетмановымъ словамъ непригоже и говорить шумно не годится: это обычай негодныхъ людей. Какъ вы Бога не боитесь и стыда не имѣете: это ли братская любовь?» [1]).

Эти переговоры происходили ровно за полтора мѣсяца до смерти Богдана Хмельницкаго, который съумѣлъ-таки добиться того, что сынъ его, Юрій, не присягнулъ царю при жизни отца. Сѣмяна, посѣянныя Богданомъ Хмельницкимъ, оказались, къ сожалѣнію, всхожими. Результаты его лукавой политики сказались въ двоедушіи его сына и во всей послѣдующей горестной исторіи Малороссіи, отъ смерти Богдана до измѣны Мазепы. Замѣтимъ кстати, что и въ послѣднемъ случаѣ, Малороссія была спасена отъ конечной погибели только здравымъ смысломъ малороссійскаго народа и спокойною, твердою политикой Московскихъ государей. Но всѣ эти соображенія были, очевидно, чужды тѣмъ, кто рѣшился на памятникѣ Хмельницкаго воздавать честь и хвалу его памяти, отъ имени «великой, и недѣлимой Россіи»!

Въ заключеніе всего сказаннаго нами, добавимъ только, что еще ни одинъ изъ русскихъ народныхъ героевъ—даже такихъ, какъ Мининъ и Пожарскій — не былъ удостоенъ на своемъ памятникѣ надписью въ родѣ той, какую мы читаемъ на памятникѣ Богдана Хмельницкаго. А, между тѣмъ, подобная надпись, по нашему глубокому убѣжденію, могла бы явиться только на памятникѣ царя Алексѣя Михайловича, который одинъ на своихъ плечахъ вынесъ всѣ тягости возсоединенія Малороссіи съ великой Россіей, принявъ ее въ подданство. На памятникѣ царю Алексѣю Михайловичу, въ барельефахъ пьедестала, Богданъ Хмельницкій могъ бы занять подобающее ему мѣсто. Мы думаемъ, что только царю Алексѣю великая Россія и обязана своею недѣлимостью—и никому болѣе.

П. Полевой.

---

[1]) Такіе укоры со стороны русскаго посла, ясно указывающіе на спокойствіе и достоинство его поведенія и образа дѣйствій, не мѣшаютъ покойному Н. И. Костомарову говорить неоднократно въ своей книгѣ «Богданъ Хмельницкій» о какой-то «грубости» московскихъ пословъ и бояръ въ сношеніяхъ съ Хмельницкимъ и казацкою старшиной. Еще курьезнѣе его отзывъ о послѣднихъ переговорахъ гетмана съ Москвою (на стр. 269 т. III той же книги):

«Въ этомъ объясненіи Москвичей съ украинскимъ гетманомъ высказалось наглядно (?) различіе Юга и Сѣвера Руси. Раздѣленныя въ теченіе многихъ вѣковъ половины русскаго міра не могли, при одинаковыхъ цѣляхъ и стремленіяхъ, скоро сойтись и понять другъ друга. А главное, Москва не могла понять, что можно быть истинно русскимъ и вмѣстѣ свободнымъ человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ государя — и говорить правду (!?)». Къ сожалѣнію, почтенный историкъ, очень напоминающій намъ въ этихъ разсужденіяхъ Богдана Хмельницкаго, не объяснилъ намъ:—что онъ разумѣлъ подъ правдой, не объяснилъ и того, какъ можно оставаться вѣрноподданнымъ, и нарушать присягу.

ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КАТЕНИНЪ.

(Біографическій и историко-литературный очеркъ).

РЕДИ НАШИХЪ писателей первой половины нынѣшняго столѣтія есть не мало лицъ, почти забытыхъ исторіей литературы, но въ свое время имѣвшихъ несомнѣнное, и иногда не малое, значеніе; ихъ извѣстность и при жизни ихъ меркла, конечно, передъ славой литературныхъ корифеевъ въ родѣ Пушкина, но ихъ все-таки читали, о нихъ судили въ журналахъ, и произведенія ихъ не оставались безъ вліянія на публику. Изученіе дѣятельности этихъ писателей, рядомъ съ изученіемъ геніальныхъ вождей литературнаго движенія въ ту или другую эпоху, существенно необходимо для того, чтобы можно было болѣе или менѣе полно судить о данномъ времени въ отношеніи его литературнаго значенія. Къ числу такихъ личностей въ нашей литературѣ принадлежитъ и Павелъ Александровичъ Катенинъ.

Родился онъ 11-го декабря 1792 года въ родовой деревнѣ своего отца, въ Костромской губерніи; мать его была гречанка, дочь генерала Пурпуры. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ домѣ своихъ родителей и очень рано началъ служить. До 18-тилѣтняго возроста онъ находился въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а въ 1810 году поступилъ въ Преображенскій полкъ портупей-прапорщикомъ. Наступившая вскорѣ Отечественная война 1812 г. дала ему возможность отличиться въ нѣсколькихъ сраженіяхъ: при Бородинѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ, что повело за собой быстрое повышеніе служебнаго положенія Катенина.

Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ склонность къ поэзіи и началъ писать стихи, первые печатные опыты которыхъ относятся къ 1810 г. въ «Цвѣтникѣ» Бенитцкаго и Измайлова. Піесы его помѣщались въ тогдашнихъ журналахъ и альманахахъ и вначалѣ представляли, главнымъ образомъ, переводы и подражанія (изъ Виргилія, Оссіана, Гесснера) эпическаго и лирическаго характера. Но особенную любовь имѣлъ Катенинъ къ драмѣ и уже въ 1811 году былъ поставленъ на сценѣ его переводъ трагедіи Корнеля «Аріадна». Въ то время Катенинъ, живя въ Петербургѣ, вошелъ въ очень близкія сношенія со всѣми выдающимися петербургскими литераторами, между прочимъ съ Жуковскимъ, Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ. Знакомство Катенина съ послѣднимъ относится къ 1818 г., когда, по словамъ Анненкова [1]), геніальный поэтъ, уже тогда пользовавшійся значительной извѣстностію, пришелъ однажды прямо въ квартиру Катенина, съ которымъ до того времени не былъ знакомъ, и, подавая ему свою трость, сказалъ: «я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей, но выучи!» «Ученаго учить—только портить», отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ дружескія связи ихъ не прерывались.

Работая для театра (въ 1816 г. вышелъ въ Петербургѣ его переводъ трагедіи Расина «Эсѳирь»), Катенинъ писалъ въ это время и въ иномъ родѣ—главнымъ образомъ баллады: «Наташа» (1814 г.), «Убійца» (1815 г.), «Лѣшій» (1816 г.) и сдѣлалъ переводъ Бюргеровой «Леноры» подъ названіемъ «Ольга». По поводу этого послѣдняго произведенія, напечатаннаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1816 г. № 9 и въ «Сынѣ Отечества» того же года № 24, появилась въ «Сынѣ Отечества» 1816 г. № 27 статья «О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады «Ленора», принадлежавшая Гнѣдичу, который подписался подъ ней псевдонимомъ «Житель Тентелевой деревни». Въ этой статьѣ Гнѣдичъ осуждаетъ переводъ Катенина и противопоставляетъ ему гораздо лучшій, по его мнѣнію, переводъ этой баллады, сдѣланный Жуковскимъ; но въ № 30 этого же журнала за Катенина вступается тогда еще мало извѣстный А. С. Грибоѣдовъ въ статьѣ «О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады «Ленора» и весьма остроумно отражаетъ нападки Гнѣдича (упрекавшаго Катенина, главнымъ образомъ, въ нарушеніи правилъ грамматики и логики), выставляя на видъ, что въ переводѣ Катенина сохраненъ болѣе характеръ народности. Позднѣе, въ «Вѣстникѣ Европы» 1823 г. № 3 въ анонимной статьѣ «О стихотвореніяхъ г. Катенина» (продолженіе которой было обѣщано, но не появлялось) въ доказательство несправедливыхъ нападокъ современной критики на Катенина припоминается и эта полемика по поводу «Ольги»; въ этой статьѣ, между прочимъ, авторъ выска-

[1]) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи, стр. 50.

зываетъ такое сужденіе о Катенинѣ: «ни одинъ изъ современныхъ намъ стихотворцевъ не былъ такъ часто и такъ несправедливо критикованъ» (стр. 193); «уже въ первыхъ опытахъ (Катенина) видно было дарованіе, которое обѣщало современемъ хорошаго поэта. Языкъ оныхъ благороденъ, приличенъ описываемымъ предметамъ, пріятенъ для слуха; но онъ не имѣлъ еще той силы, которая, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, составляетъ особенное достоинство стиховъ г. Катенина» (стр. 194). Полемика по поводу «Ольги» интересна какъ эпизодъ изъ исторіи тогдашнихъ литературныхъ направленій и вкусовъ.

Стоявшій въ очень близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему театральному міру [1]), Катенинъ имѣлъ очень большое вліяніе на развитіе знаменитаго Вас. Андр. Каратыгина [2]). Послѣдній познакомился съ нимъ у князя Шаховскаго, собиравшаго у себя большое общество театраловъ и извѣстныхъ литераторовъ. Каратыгинъ учился у Шаховского декламаціи и подъ его руководствомъ готовился для сцены; но знакомство съ Катенинымъ, который вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ и нѣкоторыми другими ясно понималъ и нерѣдко высказывался объ излишней рутинѣ въ преподавательскихъ пріемахъ князя Шаховского, побудило его перейти подъ новое руководство. Съ этого времени (въ 1816—1817 г.) и до первыхъ твердыхъ шаговъ Каратыгина на сценѣ Катенинъ съ любовію посвящалъ немало труда и времени на усовершенствованіе таланта будущаго артиста.

Страстное участіе, которое принималъ Катенинъ въ театральныхъ дѣлахъ, доставило ему и весьма значительную непріятность:

---

[1]) Въ первый же годъ своего знакомства съ Пушкинымъ Катенинъ помирилъ послѣдняго съ княземъ А. А. Шаховскимъ, извѣстнымъ комикомъ; онъ самъ привезъ къ нему А. С—ча, и ласковый пріемъ, сдѣланный хозяиномъ, надолго установилъ между Пушкинымъ и княземъ Шаховскимъ дружескія отношенія (Анненковъ, Матеріалы, 50). Онъ же помирилъ Пушкина и съ артисткой А. М. Колосовой (впослѣдствіи Каратыгиной), первые дебюты которой Пушкинъ, какъ поклонникъ К. С. Семеновой, игравшей въ тѣхъ же роляхъ, въ которыхъ выступила и Колосова, встрѣтилъ рѣзкой эпиграммой (см. соч. Пушкина, изд. Литер. Ф., I, 213), а черезъ два года, въ 1821 г., поэтъ уже писалъ Катенину граціозное посланіе: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ, черты волшебницы прекрасной»... (Соч., I, 240—241), гдѣ извиняется въ своемъ несправедливомъ поступкѣ относительно Колосовой. 11 мая 1826 г. Катенинъ писалъ изъ Петербурга Пушкину: «меня просила Колосова непремѣнно въ первомъ къ тебѣ письмѣ сказать за нее пропасть хорошихъ вещей; только гдѣ я ихъ возьму? Положимъ, что онѣ сказаны, и твоя очередь отвѣчать»... (А. С. Пушкинъ, I, М. 1881 г., стр. 62—63). Въ письмѣ отъ 6 іюня того же года Катенинъ извѣщаетъ Пушкина, что поклонъ его А—рѣ М—нѣ переданъ (тамъ же, 63).

[2]) Въ письмѣ къ Пушкину отъ 24 ноября 1825 г. Катенинъ говоритъ: «читалъ (въ театрально-литературномъ комитетѣ трагедію «Андромаха», которую представилъ туда Катенинъ, желая, чтобы она была поставлена на сценѣ) мой ученикъ Каратыгинъ, какъ видно, весьма хорошо, ибо трагедія понравилась, и ее опредѣлили принять»... (А. С. Пушкинъ, I, 59).

7 ноября 1822 г. состоялось распоряженіе о высылкѣ его изъ Петербурга за шиканье въ театрѣ артисткѣ К. С. Семеновой, находившейся въ то время подъ покровительствомъ петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича [1].

О послѣднихъ дняхъ этой печальной исторіи такъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» братъ артиста, Петръ Андр. Каратыгинъ, также артистъ и также пользовавшійся совѣтами и указаніями Катенина въ дѣлѣ сценическаго искусства:

«Въ одно «прекрасное утро» (и именно 7-го ноября) я пришелъ къ Катенину часовъ въ 11-ть и просилъ прослушать меня въ какой-то новой роли; онъ занялся со мною, — вдругъ входитъ слуга и докладываетъ, что пріѣхалъ полицiймейстеръ Чихачевъ. Катенинъ очень удивился.

— Это что за посѣщеніе? Что ему отъ меня надобно [2]?—сказалъ Катенинъ, велѣлъ его пригласить въ гостиную и вышелъ къ нему.

Я остался одинъ въ кабинетѣ и вскорѣ услыхалъ оттуда довольно крупный разговоръ; хотя словъ я не могъ разслышать, но по тону Катенина ясно было, что съ нимъ творится что-то недоброе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ кабинетъ съ воспаленнымъ лицомъ и въ сильномъ раздраженіи.

— Ну, поздравь меня, Петруша; меня высылаютъ изъ Петербурга!

— За что?

— Не знаю.

— Когда же?

— Сію минуту; мнѣ не даютъ даже законныхъ 24-хъ часовъ; Чихачеву приказалъ графъ Милорадовичъ теперь же вывести меня за заставу: онъ тамъ ждетъ; я сейчасъ долженъ дать ему форменную подписку—не въѣзжать въ обѣ столицы.

Говоря это, онъ сѣлъ къ письменному столу.

— Прощай,—сказалъ онъ, поцѣловавъ меня,—кланяйся брату и всѣмъ своимъ».

---

[1]) Объ этомъ такъ говоритъ въ своемъ дневникѣ знакомый близко съ этой исторіей отецъ артиста, Андр. Вас. Каратыгинъ: «1822 г., сент. 18. Поликсена, трагедія В. А. Озерова (Агамемнонъ — Брянскій, Пирръ — В. Каратыгинъ, Гекуба—Семенова, Поликсена—Азаревичева). Пріемъ Василія (Каратыгина) въ роли Пирра былъ чрезвычайный. Это породило зависть въ г-жѣ Семеновой. которая обратила свое мщеніе на П. А. Катенина, будто бы онъ при вызовѣ ея кричалъ: не надо. Она сама неправильно поступила, выведя за собою на сцену свою ученицу Азаревичеву, которую хотя и вызывали, но очень слабо.., и г. Катенину запрещено было ѣздить въ театры. Ноября 7. Сего числа въ 11 час. утра П. А. Катенинъ высланъ изъ города, съ подпискою его руки, дабы не въѣзжать ни въ одну столицу». (См. статью «Русскій театръ въ царствованіе Александра I» въ «Русск. Старинѣ», т. XXIX, 1880 г., стр. 272—278).

[2]) До того Катенину было объявлено только запрещеніе ѣздить въ театры.

Далѣе авторъ «Записокъ» передаетъ, что Катенинъ, тотчасъ же выѣхавши за заставу столицы, остановился на нѣкоторое время въ одномъ изъ трактировъ на Петергофской дорогѣ, чтобы устроить свои хозяйственныя дѣла съ квартирой, экипажами, лошадьми, библіотекой и проч. Передъ отъѣздомъ въ этомъ трактирѣ («Красный Кабачокъ») былъ устроенъ прощальный обѣдъ, на которомъ присутствовали литературные, театральные и военные друзья Катенина. Отецъ артиста, Андрей Вас. Каратыгинъ, желая выразить Катенину свою признательность за занятія съ сыновьями, рѣшился сопровождать его въ деревню. По словамъ того же П. А. Каратыгина, всѣ, конечно, были изумлены такой строгостью наказанія: «впослѣдствіи я слышалъ отъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, что его подозрѣвали принадлежавшимъ какому-то тайному обществу, что многіе были уже на замѣчаніи у правительства и что Александръ I, не желая дѣлать огласки и наказывать явно опасныхъ либераловъ, далъ секретное предписаніе петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ—слѣдить за ними и при случаѣ дозволялъ имъ, придравшись къ этимъ господамъ, высылать ихъ немедленно изъ столицы» [1]). Разумѣется, это соображеніе нуждается въ провѣркѣ, и едва ли оно имѣетъ мѣсто по отношенію къ Катенину, который до того пользовался благосклонностію императора, какъ хорошій служака и талантливый писатель.

Катенинъ уѣхалъ въ свою деревню Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда и прожилъ тамъ почти десять лѣтъ. Въ 1819 году былъ написанъ имъ драматическій отрывокъ «Пиръ Іоанна Безземельнаго». Въ 1821 году въ Петербургѣ вышла его передѣлка комедіи Грессè «Le méchant» подъ названіемъ «Сплетни»; въ 1822 году напечатанъ былъ его переводъ «Сида» Корнеля, въ стихахъ. Въ деревнѣ Катенинъ продолжалъ заниматься переводами и сочиненіемъ оригинальныхъ піесъ для театра; между первыми можно назвать «Обманъ въ пользу любви», комедія Маривò (Les fausses confidences), 1827 г.; между послѣдними—«Андромаха», трагедія въ 5 д., Спб. 1827 г. и другія, частію оставшіяся неизданными; въ это же время написано имъ немало и мелкихъ эпическихъ и лирическихъ стихотвореній. Но главнымъ занятіемъ Катенина въ деревнѣ было основательное изученіе иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, классиковъ, чтò для Катенина, владѣвшаго нѣсколькими иностранными (и между ними однимъ древнимъ—латинскимъ) языками, не представляло трудности; плодомъ этихъ занятій явился рядъ статей, напечатанныхъ въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига 1830 г. подъ заглавіемъ «Размышленія и разборы».

Какова была для Катенина, привыкшаго къ шумной столичной жизни, деревенская обстановка, видно изъ письма его къ Пуш-

[1]) Записки Петра Андреевича Каратыгина. Спб. 1880 г., стр. 91—94.

кину (высланному въ то время съ юга въ село Михайловское отъ 9 мая 1825 г. изъ Кологрива: «сдѣлай одолженіе, извѣсти меня обо всемъ (т. е. о новой ссылкѣ поэта); ты пересталъ ко мнѣ писать такъ давно; я самъ два года съ половиной живу такъ далеко отъ всего, что не знаю: ни гдѣ ты, ни что̀ дѣлалъ, ни что̀ съ тобой дѣлали; а коли ты мнѣ все это разскажешь, ты удовлетворишь желаніе истинно-пріятельское. Отъ меня не жди новостей: живу я въ лѣсу, въ дичи, въ глуши, въ одиночествѣ, въ скукѣ и стиховъ рѣшился не писать: carmina nulla canam» [2])... На это письмо Пушкинъ отвѣчалъ изъ Михайловскаго, отъ 14 сентября 1825 года: «ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію, общую нашу любовницу... Послушайся, милый, запрись да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софьи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности и никто болѣе тебя того не достоинъ» [3])... Впрочемъ, и раньше Пушкинъ не забывалъ своего друга. Еще до высылки Катенина въ деревню Пушкинъ въ письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу изъ Кишинева, отъ 27 іюня 1821 г., между прочимъ, спрашиваетъ: «что дѣлаетъ Катенинъ» [4]). Въ посланіи къ Я. Н. Толстому изъ Кишинева отъ 26 сентября 1822 г. Пушкинъ спрашиваетъ и о Катенинѣ [5]); въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 27 сентября 1822 г. поэтъ пишетъ: «Катенинъ писалъ мнѣ; не знаю, получилъ ли мой отвѣтъ» [6])...

31 декабря 1820 г. была представлена въ Петербургѣ упомянутая (тогда еще не напечатанная) передѣлка Катенина «Сплетки», гдѣ въ тирадахъ Зельскаго нѣкоторые находили намеки на Пушкина. Вскорѣ послѣ этого появилось посланіе Пушкина къ Чаадаеву, въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. № 35, гдѣ въ стихѣ: «И сплетней разбирать игривую затѣю» Катенинъ увидѣлъ неблагопріятный намекъ на свою комедію. Услыхавъ объ этомъ, Пушкинъ писалъ Катенину отъ 19 іюля 1822 г. изъ Кишинева: «ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ: «И сплетней разбирать игривую затѣю». Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты

---

[1]) Изъ своего изгнанія Пушкинъ спрашивалъ объ этой исторіи съ Катенинымъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Кишинева, отъ 5-го апрѣля 1823 г.: «Правда ли, что̀ говорятъ о Катенинѣ? Мнѣ никто ничего не пишетъ» (Соч., VII, 49).

[2]) А. С. Пушкинъ, I, 58.

[3]) Соч., VII, 153, 154.

[4]) Тамъ же, 22.

[5]) Тамъ же, 40.

[6]) Тамъ же, 42.

не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ, такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельскій; можетъ быть—да, вѣроятнѣе—нѣтъ...» [1]), а черезъ два дня Пушкинъ писалъ объ этомъ и брату: «если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чаадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: «И сплетней разбирать игривую затѣю»; я получилъ отъ него полу-кислое письмо... [2]).

Поневолѣ оторванный отъ столь привычной ему театральной и литературной среды въ Петербургѣ и перенесенный въ совершенно иную обстановку, Катенинъ, однако же, глубоко оскорбленный не справедливымъ поступкомъ съ нимъ, не добивался особенно своего возвращенія. Объ этомъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ къ нему его ученика В. А. Каратыгина, отъ 20 янв. 1825 г.: «Жаль, очень жаль, что Васъ нѣтъ здѣсь; Вы бы полюбовались на дѣло рукъ Вашихъ [3]); но это отъ Васъ зависитъ, Павелъ Александровичъ. Примите совѣтъ всѣхъ, Васъ истинно-любящихъ: если, какъ Вы писали и какъ я слышалъ отъ другихъ, Государь заѣзжалъ къ Вамъ нарочно и спрашивалъ хозяина, стало-быть онъ хотѣлъ посѣтить Васъ, то, мнѣ кажется, Вашъ долгъ есть благодарить его за это и вмѣстѣ съ тѣмъ сказать слова два о Вашемъ возвращеніи; по всему видно, что онъ только этого ждетъ... Что для Васъ значитъ написать десять строкъ? Неужели Вамъ не надоѣло жить съ медвѣдями? А иначе это не можетъ кончиться; неужели я съ Вами не увижусь болѣе? Это горько! Но, впрочемъ, Вы лучше знаете, что Вамъ должно дѣлать; я писалъ это, слѣдуя единственно сердцу» [4]).

Въ 1832 г. Катенинъ снова переѣзжаетъ на постоянное жительство въ Петербургъ; въ этомъ году его пріятель Н. Бахтинъ издалъ въ 2-хъ частяхъ «Сочиненія Катенина, писанныя въ стихахъ»; въ концѣ второй части къ нимъ было присоединено, по желанію П. А—ча, нѣсколько стихотвореній его друга кн. Николая Голицына. Въ это изданіе вошло не все, написанное Катенинымъ—даже изъ мелкихъ его вещей, не говоря о крупныхъ, вышедшихъ ранѣе отдѣльно; первая часть посвящена оригинальнымъ произведеніямъ, вторая переводамъ. Издатель предпослалъ первой части предисловіе, въ которомъ говоритъ о несправедливости русской критики къ

---

[1]) Соч., VII, 85.

[2]) Тамъ же, 86.

[3]) Т. е. на успѣхъ, который незадолго до этого имѣлъ Каратыгинъ въ «Семирамидѣ».

[4]) «Русск. Старина», т. XXIX, 286—287.

поэтической дѣятельности Катенина и опредѣляетъ главныя черты Катенина, какъ писателя. Изданіе было привѣтствовано въ «Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду» 1833 г. № 26 весьма сочувственнымъ отзывомъ Пушкина, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «что касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а, во-вторыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, чтѣ и какъ ему было угодно...» [1]. Въ слѣдующемъ 1833 г., 7 января, Катенинъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, въ дѣйствительные члены Россійской Академіи [2], и, вѣроятно, къ этому времени относится записка Катенина къ Пушкину, не отмѣченная годомъ, а только числомъ (8 февраля,—д. б. 1833 г.), въ которой онъ говоритъ: «какъ думаешь, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ: не лучше ли вмѣсто отчета о полвѣкѣ Академіи, который былъ бы приличнѣе старому служивому, написать мнѣ къ великому дню 21 октября «Обзоръ русской словесности въ осьмнадцатомъ столѣтіи?» Онъ можетъ, кажется, выйти и для пишущаго и для служащихъ пріятнѣе. Хотѣлось бы посовѣтоваться съ тобой насчетъ источниковъ, пособій и проч.» [3]. Намъ не извѣстно, исполнилъ ли Катенинъ это свое намѣреніе. На первыхъ же порахъ по вступленіи въ Академію Катенинъ не поладилъ съ нѣкоторыми изъ членовъ, чтѣ видно изъ письма его отъ 1 мая 1833 г. къ секретарю Академіи П. И. Соколову; дѣло въ томъ, что на засѣданіи 29 апрѣля 1833 г. при обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся академическаго Словаря, Соколовъ сдѣлалъ замѣчаніе Катенину, будто онъ чрезмѣрно кричитъ въ засѣданіи; это замѣчаніе было поддержано другимъ членомъ (прот. Мысловскимъ), который, впрочемъ видя, что такое настроеніе къ Катенину не раздѣляется собраніемъ, съ гнѣвомъ оставилъ засѣданіе. Въ письмѣ къ Соколову Катенинъ выражаетъ желаніе и надежду, что такой случай болѣе не повторится [4].

Не долго однако пришлось Катенину оставаться въ Петербургѣ: въ мартѣ 1834 г. онъ отправляется на Кавказъ, назначенный туда въ Эриванскій карабинерный полкъ, о чемъ извѣщаетъ Пушкина запиской отъ 10 марта 1834 г.: «одолжи меня своимъ посѣщеніемъ

[1]) Соч., V, 192.

[2]) См. некрологъ Катенина, составленный П. А. Плетневымъ въ «Отчетахъ Импер. Акад. Наукъ по Отдѣл. русск. языка и словесности» за 1852—1865 гг., стр. 59—62.

[3]) А. С. Пушкинъ, I, 65.

[4]) *М. И. Сухомлиновъ*, «Исторія Россійской Академіи», вып. VII, 1885, стр. 89—91, 495.

въ понедѣльникъ вечеромъ; во вторникъ по утру я отправляюсь въ далекій путь въ Грузію...» [1]). На Кавказѣ онъ не покидалъ занятій поэзіей и живо интересовался ходомъ современной литературы, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣсколько писемъ его къ Пушкину изъ Ставрополя [2]). Въ 1836 г. Катенинъ назначенъ былъ комендантомъ крѣпости Кизляръ, а черезъ два года онъ, въ чинѣ генералъ-маіора, вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ свою деревню, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни, предаваясь занятію литературой въ своей прекрасно-составленной библіотекѣ. Онъ умеръ 23 мая 1853 г.

Дружба къ Катенину Пушкина составляетъ, конечно, одну изъ свѣтлыхъ чертъ жизни и поэтической дѣятельности перваго. Доказательства этой дружбы мы видѣли выше; вотъ еще нѣсколько данныхъ для этого, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненій великаго поэта. 4 декабря 1825 г. Пушкинъ пишетъ Катенину изъ Михайловскаго: «какъ бы хорошо было, если бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества [3]). Участникомъ—ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ, Богъ вѣсть... Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія «Андромахи» [4]). Въ письмѣ отъ 3 февраля 1826 г. Катенинъ спрашиваетъ Пушкина: «къ какому К—ну ты пишешь нѣчто о Колосовой [5])? Многіе думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книгѣ. Ты часто изволишь ставить начальныя буквы таинственно» [6]). Пушкинъ на это вскорѣ (въ февралѣ же) отвѣчалъ: «стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ...» и далѣе въ томъ же письмѣ читаемъ: «душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что̀? Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edinburgh Rewiew? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣсть кромѣ тебя нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бы согласился ты сло-

---

[1]) А. С. Пушкинъ, I, 66.

[2]) Тамъ же, 66—73.

[3]) Въ это время предстояло первое представленіе «Андромахи», трагедіи Катенина, которая уже, какъ мы видѣли выше, была сдана въ театръ и получила одобреніе комитета.

[4]) Соч., VII, 167.

[5]) Вышеупомянутое посланіе: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ...»

[6]) А. С. Пушкинъ, I, 60.

жить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности...» [1]). Въ томъ же 1826 г., въ началѣ іюня, Пушкинъ писалъ къ кн. П. А. Вяземскому: «жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь, а для журнала онъ—находка» [2]). О критическомъ пониманіи Катенина Пушкинъ такъ выразился въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 7 января 1831 г., послѣ выхода своего «Бориса Годунова»: «любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло...» [3]). Въ предисловіи къ отдѣльному изданію послѣдней главы Онѣгина Пушкинъ, по поводу пропущенной главы этого романа, въ которой описывалось путешествіе Онѣгина, говоритъ: «П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтическій талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однакоже плану цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны уѣздной барышни, къ Татьянѣ знатной дамѣ становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ—замѣчаніе, обличающее опытнаго художника» [4]).

Уважая Катенина, какъ критика, Пушкинъ цѣнилъ его и какъ поэта; это видно столько же изъ послѣдней приведенной замѣтки, сколько и изъ другихъ мѣстъ его сочиненій. Въ первой главѣ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ говорилъ, перебирая русскихъ поэтовъ:

«... Нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый» [5]).

«Андромаху» его Пушкинъ склоненъ былъ считать «лучшимъ произведеніемъ нашей драмы, по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому» [6]) и, набрасывая планъ своего сочиненія «о драмѣ» (1830), не забылъ въ немъ Катенина [7]). Въ 1828 г. Катенинъ написалъ, съ посвященіемъ Пушкину, стихотвореніе «Старая быль», въ которомъ расказываетъ, что князь Владиміръ на пиру у себя, гдѣ состязались два пѣвца, грекъ и русскій, подарилъ первому коня и латы, а второму—кубокъ, данный Свято-

---

[1]) Соч., VII, 175.
[2]) Тамъ же, VII, 181.
[3]) Тамъ же, VII, 256.
[4]) Соч., III, 406. А вотъ отзывъ Катенина о второй пѣсни Онѣгина въ письмѣ къ Пушкину: «Деревенскій бытъ въ ней такъ же хорошо выведенъ, какъ городской въ первой. Ленскій нарисованъ хорошо, а Татьяна много обѣщаетъ. Замѣчу тебѣ однако (ибо ты меня посвятилъ въ критики), что по сіе время дѣйствіе еще не началось; разнообразность картинъ и прелесть стихотворенія, при первомъ чтеніи скрадываютъ этотъ недостатокъ; но размышленіе обнаруживаетъ его; впрочемъ, его уже теперь исправить нельзя, а остается тебѣ другое дѣло: вознаградить за него вполнѣ въ слѣдующихъ пѣсняхъ» (А. С. Пушкинъ, I, 61, отъ 14 марта 1826 г.).
[5]) Соч., III, 241.
[6]) Тамъ же, V, 144.
[7]) Тамъ же, V, 141.

славу Цимисхіемъ [1]). Пушкинъ отослалъ это стихотвореніе въ «Сѣверные Цвѣты». Затѣмъ, въ томъ же году Катенинъ написалъ посланіе къ Пушкину, въ которомъ говоритъ, что завѣтный кубокъ не пропалъ:

«Изъ рукъ онъ въ руки попадался
«И даже часто не впопадъ:
«Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
«Но къ настоящему поэту
«Пришелъ однако на житье.
«Ты съ нимъ, счастливецъ, проживаешь;
«Въ него ты черезъ край вливаешь
«Свое волшебное питье,
«Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
«Румяный, сочный, вкусный плодъ
«Растворенъ свѣжестію чистыхъ,
«Живительныхъ кастальскихъ водъ» [2]).

На это Пушкинъ отвѣтилъ Катенину посланіемъ, въ которомъ отказывается отъ подносимаго кубка, заканчивая посланіе такими стихами:

«Останься ты въ строяхъ Парнаса,
«Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
«И лавръ Корнеля или Тасса
«Одинъ съ похмелья пожинай» [3]).

Катенинъ не сочувствовалъ тому романтическому направленію поэзіи, вожакомъ и лучшимъ представителемъ котораго въ то время у насъ былъ Пушкинъ; однако, природное поэтическое чутье давало ему способность чувствовать и восторгаться красотами пушкинской поэзіи: будучи чистымъ классикомъ по своимъ литературнымъ склонностямъ, Катенинъ уважалъ и цѣнилъ въ лицѣ Пушкина чистую поэзію, независимо отъ направленія. Пушкинъ, съ своей стороны, не могъ не оцѣнить въ Катенинѣ широкаго литературнаго образованія, вѣрный вкусъ, способность понимать изящное и прямую, открытую стойкость теоретическихъ воззрѣній; онъ уважалъ его за самостоятельность мнѣнія, хотя бы и не согласнаго съ его собственнымъ; объ этой чертѣ характера Катенина Пушкинъ такъ говоритъ въ упомянутой статьѣ по поводу выхода въ свѣтъ сочиненій Катенина: «... онъ (Катенинъ) даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введши въ кругъ

[1]) Соч. П. Катенина, I, 84—97.
[2]) Соч., I, 99.
[3]) Соч., II, 45.

возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первымъ отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія» [1]). Дружба Пушкина къ Катенину сохранилась до послѣднихъ дней жизни великаго поэта, о которыхъ весьма обстоятельно, по живымъ слухамъ, сообщилъ Катенину В. А. Каратыгинъ въ письмѣ отъ 19 марта 1837 г. [2]).

Нельзя, разумѣется, всѣмъ похваламъ, обращеннымъ Пушкинымъ къ Катенину, особенно въ письмахъ, придавать значеніе категорической оцѣнки литературнаго достоинства послѣдняго; многія изъ нихъ порождены были дружбою и сердечнымъ расположеніемъ, иныя имѣли свою причину въ свѣтской деликатности поэта; но нѣтъ основанія думать, чтобы все благопріятное, что высказалъ Пушкинъ о Катенинѣ, какъ поэтѣ и критикѣ, было лишено со стороны перваго серьезнаго и безпристрастнаго признанія. Съ мнѣніями Пушкина о Катенинѣ не всегда были согласны литературные друзья великаго поэта. Такъ, кн. П. А. Вяземскій смѣялся надъ увѣренностью Катенина въ своемъ драматическомъ талантѣ, и полагаютъ, что именно противъ Катенина направлены были слѣдующіе стихи кн. Вяземскаго въ посланіи къ Дмитріеву:

«... Иль утромъ возмечтавъ, что комикомъ рожденъ,
«На скуку вечеромъ сзываетъ городъ онъ,
«Иль, и того смѣшнѣй, любовникъ краснощекій
«Блѣднѣетъ на стихахъ въ элегіи: къ жестокой»... [3]).

Вѣроятно, по поводу этихъ стиховъ Пушкинъ писалъ къ Вяземскому въ 1820 г.: «Катенинъ стòитъ чего-нибудь получше и позлѣе. Онъ опоздалъ родиться и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та же авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи» [4]). Эти строки указываютъ на то, что еще въ самомъ началѣ своего знакомства съ Катенинымъ Пушкинъ хорошо видѣлъ его слабыя стороны. Другого, подобнаго этому по рѣзкости, отзыва Пушкина о Катенинѣ мы не встрѣчаемъ, и можно думать, что въ приведенномъ находится, по крайней мѣрѣ, такая же доля преувеличенія, какъ и въ позднѣйшихъ—съ характеромъ противоположнымъ; можетъ быть, тѣсная дружба съ Вяземскимъ также не осталась безъ вліянія на этотъ отзывъ, когда, по собственному заявленію Пушкина, онъ далеко не свободенъ былъ отъ односторонности и рѣзкой крайности въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ.

---

[1]) Соч., V, 192—193.

[2]) «Русск. Старина», т. XXIX, стр. 288—289.

[3]) Соч., кн. П. А. Вяземскаго, III, 295.

[4]) Соч., VII, 7. Что и позднѣе кн. Вяземскій не измѣнилъ своего мнѣнія о Катенинѣ, видно изъ одного мѣста въ письмѣ къ послѣднему (отъ 1825 г.) В. А. Каратыгина («Русская Старина», т. XXIX, стр. 287).

Послѣдними словами умиравшаго В. Л. Пушкина, по словамъ его знаменитаго племянника въ письмѣ къ Плетневу отъ 9-го сентября 1830 г., были: «какъ скучны статьи Катенина!» [1]. А. А. Бестужевъ также не сочувствовалъ литературнымъ мнѣніямъ Катенина, и 21-го марта 1825 г. Пушкинъ писалъ къ нему: «надѣюсь, что, наконецъ, отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію» [2].

Все это ясно показываетъ, что Пушкинъ не только дорожилъ дружбой Катенина, какъ человѣка, но и отдавалъ справедливость его литературнымъ мнѣніямъ, не смотря на несочувствіе послѣднимъ большей части молодыхъ представителей тогдашней русской литературы, рѣшительно ставшихъ подъ знамя романтическаго направленія; великій умъ Пушкина не далъ ему быть одностороннимъ и въ этомъ случаѣ и дозволилъ выдѣлить въ Катенинѣ среди отсталаго и слабаго черты, достойныя признанія и уваженія.

Въ тѣсныхъ дружескихъ сношеніяхъ былъ Катенинъ и съ другимъ геніальнымъ поэтомъ нашимъ, А. С. Грибоѣдовымъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣсколько писемъ Грибоѣдова къ Катенину [3].

Съ Грибоѣдовымъ Катенинъ познакомился еще ранѣе, чѣмъ съ Пушкинымъ, между 1815 и 1817 годами: въ 1815 г. Грибоѣдовъ вступилъ въ кружокъ петербургскихъ литераторовъ, въ которомъ вращался и Катенинъ, и весьма вѣроятно, что ихъ знакомство относится ко времени ранѣе 1817 г., такъ какъ въ 1816 г., какъ мы видѣли, Грибоѣдовъ вступается въ «Сынѣ Отечества» за Катенина противъ нападокъ на него Гнѣдича; въ 1817 г. ихъ отношенія были настолько тѣсны, что они вмѣстѣ сочиняютъ комедію въ трехъ дѣйствіяхъ «Студентъ», еще и теперь вполнѣ не напечатанную [4]; къ 1817 году (19-го октября) относится и письмо Грибоѣдова къ Катенину при посылкѣ ему рукописнаго экземпляра сатирическаго стихотворенія «Лубочный театръ»; стихотвореніе написано было въ отвѣтъ на замѣчанія Загоскина въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» на грибоѣдовскій переводъ пьесы «Молодые супруги»,

---

[1] Соч., VII, 236.

[2] Тамъ же, 118.

[3] Три изъ нихъ напечатаны въ изданіи Евгр. Серчевскаго «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія», Спб. 1858, стр. 37—46; одно г. Майковымъ въ «Сборникѣ, издаваем. студентами Импер. Спб. Университета», вып. 2-й (Спб. 1860), стр. 240—242 и одно въ «Всемірномъ Трудѣ» 1868, № 2; послѣднее, какъ весьма важное для исторіи «Горя отъ ума» было нѣсколько разъ перепечатываемо: въ «Русск. Библіотекѣ» М. Стасюлевича, т. V («А. С. Грибоѣдовъ, Спб. 1875), стр. 229—232, въ «Русск. Архивѣ» 1886, № 11, стр. 287—288 и въ иллюстрированномъ изданіи «Горя отъ ума» (приложеніе къ журн. «Будильникъ»), М. 1887 подлинникъ его хранится въ театрѣ Корша, въ Москвѣ.

[4] Свѣдѣнія о ней имѣются въ статьѣ г. Майкова «Замѣтки объ А. С. Грибоѣдовѣ» въ «Сборникѣ студентовъ Спб. Универс.», II, 234—240.

и невозможность напечатать эту пародію тогда же въ одномъ изъ журналовъ побудила Грибоѣдова распространять ее между пріятелями въ спискахъ. Письмо начинается такъ: «Что ты, душа моя Катенинъ, надѣюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, такъ сдѣлай одолженье—перестань. Ты знаешь, какъ я много, много тебя люблю...» Далѣе передаются извѣстія о литературныхъ новостяхъ и общихъ друзьяхъ, между которыми упоминаются: Чепеговъ, Жандръ [1]), Бѣгичевъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1818 г. Грибоѣдовъ отправился изъ Петербурга въ Персію. Въ февралѣ 1820 г. онъ пишетъ изъ Табриза къ Катенину: «Я очень давно не писалъ къ тебѣ. Не извиняюсь, потому что знаю, какъ это неизвинительно. Прости, не пеняй въ уваженіе прежней и, дастъ Богъ, всегдашней нашей дружбы. Мнѣ дали извѣстіе о смерти Дарьи Андреевны. Кому не жаль матери. Но, можетъ статься, ты уже утѣшенъ» [2]). Въ письмѣ изъ Табриза къ неизвѣстному лицу отъ 17-го ноября 1820 г. Грибоѣдовъ разсказываетъ, какъ видѣлъ во снѣ Катенина—лишнее свидѣтельство живой памяти о другѣ, оставшемся въ Петербургѣ [3]). Слѣдующія два письма къ Катенину, напечатанныя Серчевскимъ въ изданіи сочиненій Грибоѣдова, не отмѣчены годомъ; но можно заключать, что они написаны Грибоѣдовымъ уже изъ Петербурга, куда онъ пріѣхалъ въ 1824 г. и когда уже Катенина тамъ не было. Въ первомъ изъ нихъ, отмѣченномъ 14-го февраля, читаемъ: «братъ твой былъ у меня и очень обрадованъ разсказами о тебѣ, какъ ты веселишься и танцуешь въ Костромѣ» и далѣе: «ты требуешь моего мнѣнія о твоихъ «Сплетняхъ» и «Сидѣ» [4]). «Сплетни», сколько я помню, не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія; онѣ не веселы, и слогъ не довольно натураленъ, хотя и есть иные стихи превосходные. Въ «Сидѣ» есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена и читана мною и перечитана сто разъ публично и про себя. Это встрѣча Дига съ Родригомъ, въ домѣ Хилоны, не помню, въ концѣ ли 3-го или 4-го акта; ее безъ слезъ читать нельзя; вообще, весь переводъ тебѣ приноситъ много чести, но также попадаются и небрежности въ слогѣ, жесткости и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ); точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ «Андромахи», не въ мнѣніи безпристрастныхъ цѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на по-

---

[1]) Въ «Сынѣ Отечества» 1816, № 1 есть письмо Катенина (отъ 2-го января 1816 г.), которымъ онъ сопровождаетъ отрывокъ изъ перевода «Гоѳоліи» Расина, сдѣланный А. А. Жандромъ, при чемъ хвалитъ этотъ переводъ и рекомендуетъ его редактору.

[2]) А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Изд. Е. Серчевскаго, стр. 37.

[3]) Тамъ же, стр. 47.

[4]) Первая пьеса издана въ 1821 г., вторая—въ 1822.

прищѣ трудовъ и славы. Зачѣмъ ты не даешь сыграть «Андромахи» [1])? Семенова душою этого желаетъ; соединеніе такихъ двухъ талантовъ, какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается; можетъ быть, онъ въ чужіе края отправится [2]), и тогда трагедія твоя опять будетъ лежать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ» [3]). Въ другомъ письмѣ, помѣченномъ 17-го октября и относящемся, вѣроятно, къ этому же времени, Грибоѣдовъ пишетъ: «жаль, что не могу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь. Но мнѣ есть утѣшеніе: коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто и съ тѣми даже, съ кѣмъ ты не знакомъ и кто тебя не стоитъ. Надняхъ все какъ-будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ. Люди менѣе несправедливы на твой счетъ; стало, и объ нихъ можно передать тебѣ вѣсти. Чаще прежняго произносятъ твое имя Андромахи, которая должна явиться въ альманахѣ; въ Парижѣ вышли о тебѣ отзывы, исполненные уваженія; въ театрѣ превозносятъ Каратыгина и тебѣ приписываютъ развитіе его дарованія. Мы помѣнялись ролями. Бывало, получу отъ тебя нѣсколько строкъ, и куда Востокъ дѣнется; не помню, гдѣ, съ кѣмъ, въ Тавризѣ воображу себя вдругъ между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко и предаю себя на волю Божію. Но я былъ добровольнымъ изгнанникомъ, а ты!.. Милый, любезный другъ, не тужи,—право, не о чемъ и не о комъ. Тебѣ грустить не должно; всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь...» Письмо оканчивается такъ: «Еще разъ прощай и полюби меня постарому. Обнимаю тебя отъ души. Ей Богу, готовъ бы сейчасъ въ ссылку, лишь бы этимъ тебѣ купить облегченіе жестокой и незаслуженной судьбы» [4]).

Но самымъ извѣстнымъ, по своей важности для исторіи русской литературы, памятникомъ, свидѣтельствующимъ о близкихъ отношеніяхъ къ Катенину творца «Горя отъ ума», является упомянутое и нѣсколько разъ напечатанное письмо Грибоѣдова къ Катенину въ защиту знаменитой комедіи. Авторъ послѣдней, отвѣчая на письмо Катенина о «Горѣ отъ ума», даетъ хотя краткую, но весьма выразительную и драгоцѣнную характеристику тѣхъ теоретическихъ воззрѣній, которыхъ онъ держался въ своей поэтической дѣятельности. Катенинъ отнесся къ комедіи своего друга съ точки зрѣнія классической теоріи, которую считалъ единственно справедливой; усмотрѣвъ въ «Горѣ отъ ума» уклоненія отъ этой

---

[1]) «Андромаха» сдана была на театръ въ концѣ 1825 г.

[2]) Въ письмѣ къ Катенину отъ 20-го января 1825 г. В. А. Каратыгинъ извѣщаетъ его, что графъ Милородовичъ очень настаиваетъ на томъ, чтобы онъ (Каратыгинъ) отправился за границу и особенно въ Парижъ. («Русск. Старина», т. XXIX, стр. 287).

[3]) А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, стр. 41—42.

[4]) А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, стр. 43—46.

исповѣдуемой имъ теоріи, онъ нашелъ въ ней много погрѣшностей, о которыхъ и высказался въ письмѣ къ Грибоѣдову; письмо это до сихъ поръ неизвѣстно, и о возраженіяхъ Катенина узнаемъ мы лишь изъ отвѣтнаго письма Грибоѣдова. Катенинъ находилъ неудачнымъ самый планъ комедіи; связь отдѣльныхъ сценъ между собою находилъ произвольною, характеры комедіи—портретными и, вообще, видѣлъ въ ней болѣе дарованія автора, чѣмъ необходимаго по его мнѣнію, знакомства съ теоретическими требованіями этого рода поэтическаго творчества. Грибоѣдовъ отвѣчаетъ на эти упреки, и вотъ главнѣйшія изъ его возраженій. Планъ своей комедіи онъ находитъ «простымъ и яснымъ по цѣли и исполненію». Относительно произвольной связи сценъ въ комедіи Грибоѣдовъ замѣчаетъ: «такъ же, какъ и въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ; чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство». О портретности характеровъ онъ говоритъ: «портреты, и только портреты, входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ есть однако черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому—на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій...» На упрекъ въ томъ, что въ комедіи обнаружилось болѣе дарованія, нежели искусства, Грибоѣдовъ замѣчаетъ: «самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли я?..» По отношенію къ Катенину это письмо къ нему важно потому, что даетъ понятіе и о собственной поэтической его теоріи, о которой мы скажемъ подробнѣе ниже; кромѣ того, оно еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ уваженіи, съ которымъ относился творецъ «Горя отъ ума» къ литературнымъ вкусамъ Катенина: «критика твоя, хотя и жестокая и вовсе несправедливая, принесла мнѣ истинное удовольствіе тономъ чистосердечія, котораго я напрасно буду требовать отъ другихъ людей; не уважая искренности ихъ, негодую на ихъ притворство.! Чортъ ли мнѣ въ ихъ мнѣніи?» и въ другомъ мѣстѣ: «ты воленъ просвѣтить меня, и коли вздумаешь, я позаймусь отъ тебя съ благодарностію. Вообще я ни передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю, что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ...»

Обращаемся теперь къ краткому обзору литературной дѣятельности Катенина. Въ исторіи нашей литературы онъ болѣе важенъ какъ критикъ, чѣмъ какъ поэтъ, хотя въ послѣдней области онъ написалъ гораздо больше, чѣмъ въ первой.

О «поэтикѣ» Катенина можно уже отчасти судить по тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ, которыя мы сообщили выше объ отношеніяхъ его къ нѣкоторымъ представителямъ русской поэтической литературы того времени; но довольно подробно изложилъ образъ своихъ литературныхъ мнѣній и самъ Катенинъ въ упомянутомъ рядѣ статей, напечатанныхъ въ «Литературной Газетѣ» бар. Дельвига

1830 г. подъ заглавіемъ: «Размышленія и разборы». Въ этихъ статьяхъ авторъ даетъ немало соображеній о поэзіи вообще и дѣлаетъ очеркъ поэзіи еврейской, греческой, латинской и ново-европейской; послѣдняя изъ статей посвящена спеціально театру.

Катенинъ того мнѣнія, что въ дѣлѣ изящной литературы одни теоретическія разсужденія не принесутъ большой пользы, а гораздо важнѣе образцы, на внимательномъ изученіи которыхъ и должно быть основано изученіе законовъ поэтическаго творчества: «физика стала наукою дѣльною съ той только поры, когда откинули всѣ умствованія, системы и догадки, чтобы заняться единственно наблюденіемъ и испытаніемъ природы: не пора ли взяться за то же въ эстетикѣ?» («Литерат. Газ.», I, 29). Слишкомъ большое разногласіе въ пониманіи достоинствъ и недостатковъ въ поэзіи объясняетъ Катенинъ тѣмъ, что въ области поэзіи всякій считаетъ себя въ правѣ судить, иногда совершенно не будучи для этого подготовленъ, тогда какъ, напр., въ живописи или ваяніи судятъ лишь знатоки и вообще люди, понимающіе дѣло; а это въ свою очередь объясняетъ онъ тѣмъ, что поэзія болѣе, чѣмъ другіе виды искусства, связана съ умомъ и разсудкомъ, присущими несравненно большему кругу людей, чѣмъ пониманіе изящнаго въ живописи или ваяніи. Переходя къ собственно поэзіи, Катенинъ указываетъ на нелѣпость современнаго ему дѣленія ея на классическую и романтическую: «раздѣленіе совершенно вздорное, ни на какомъ ясномъ различіи не основанное. Спорятъ, не понимая ни себя, ни другъ друга; со стороны примѣтно только, что, на языкѣ нѣкоторыхъ, классикъ педантъ безъ дарованія, на языкѣ другихъ романтикъ шалунъ безъ смысла и познаній» (I, 30). Но, отвергая такое раздѣленіе въ принципѣ какъ неосновательное, Катенинъ мирится съ фактомъ и пользуется установившимися терминами «классика» и «романтика» для опредѣленія двухъ важнѣйшихъ направленій въ современной ему русской и отчасти западно-европейской поэтической литературѣ. Самъ Катенинъ, какъ сказано уже, рѣшительнымъ образомъ примыкаетъ къ «классикамъ». Отсюда вытекаетъ его рѣзкое нерасположеніе къ Шлегелю, какъ главѣ романтической школы въ Германіи; называя его то «раскольникомъ Шлегелемъ», то «хитрымъ Шлегелемъ», онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о немъ: «сей Августъ Вильгельмъ Шлегель, о которомъ я принужденъ такъ часто упоминать, какъ объ основателѣ новой вѣры въ литературѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ отважныхъ и въ счастіи своемъ увѣренныхъ людей, которые не боятся ничего, что̀ другимъ бы непремѣнно во вредъ обратилось. Онъ противорѣчитъ себѣ безпрестанно и вездѣ правъ въ глазахъ своихъ поклонниковъ; большая часть изъ нихъ не замѣчаетъ противорѣчій, ловко разставленныхъ; другіе видятъ и зажимаютъ глаза; можетъ быть, иные ломаютъ голову надъ соглашеніемъ ихъ и радуются, коли

имъ хоть отчасти удастся запутать такъ, что не вдругъ распутаешь» (II, 260). Осуждая «романтическія затѣи» Шлегеля, Катенинъ все-таки не отказываетъ ему въ умѣ и дарованіяхъ; съ иными сужденіями его онъ даже согласенъ, напр., объ Эврипидѣ: «нашего времени романтики, признающіе нѣмецкаго критика (т. е. Шлегеля) своимъ учителемъ и славою, хорошо бы сдѣлали, если бы, прочитавъ со вниманіемъ замѣчанія его (объ Эврипидѣ), употребили въ наставленіе себѣ». Но это согласіе Катенина съ мнѣніемъ Шлегеля объясняется тѣмъ, что и въ Эврипидѣ Катенинъ видитъ своего рода «романтика», обнаружившаго «неуваженіе къ славнымъ предшественникамъ и иногда насмѣшки надъ нимъ, желаніе прежде всего понравиться и попасть на вкусъ современниковъ, угожденіе чувственнымъ наклонностямъ и временнымъ прихотямъ насчетъ непремѣнныхъ правилъ искусства, истины, простоты и приличія; предпочтительный выборъ предметовъ новыхъ, неслыханныхъ, невѣроятныхъ, любопытныхъ и т. п. замашки»; въ параллель современнымъ «классикамъ» и «романтикамъ» Эврипиду-романтику въ древности соотвѣтствовалъ классикъ-Софоклъ. Эврипида,—говоритъ иронически Катенинъ,—«безгрѣшный Аристотель (Шлегель того времени) провозгласилъ торжественно всѣхъ болѣе трагикомъ; позднѣе потомство едва ли уже не перерѣшило» (I, 87). Насколько сходится Катенинъ съ Шлегелемъ въ сужденіяхъ объ Эврипидѣ [1]), настолько же порицаетъ онъ его за поклоненіе Шекспиру. Считая Шекспира гораздо ниже французскихъ классиковъ (Расина, Корнеля и др.), Катенинъ такъ выражается объ отношеніи Шлегеля къ великому англійскому поэту: «(Шлегель) напалъ на французовъ всѣми силами, не жалѣя въ рѣшительномъ бою никакого оружія: ни лукавыхъ намековъ, ни двусмысленныхъ изложеній, ни мелочныхъ придирокъ, ни пошлыхъ насмѣшекъ; не щадилъ ничего, не пренебрегъ ничѣмъ для одержанія временной побѣды и принесенія цѣлаго театра, справедливо во всѣхъ отношеніяхъ слывущаго первымъ въ Европѣ, въ жертву своему полубогу Шекспиру, имъ на нѣмецкій языкъ переведенному. Опасаясь однако укорить за пристрастіе личное, скрылъ его таинственнымъ, никому по сіе время непонятнымъ словомъ: романтическое и окружилъ своего любимца дружиною англичанъ, испанцевъ и нѣмцевъ...» (II, 260). Справедливо говоря въ одномъ мѣстѣ, что «чѣмъ ближе поэтъ новый, нашъ, обработывая предметъ древній или чуждый, подойдетъ къ свойству, быту или краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, тѣмъ превосходнѣе будетъ его произведеніе» (I, 30),

---

[1]) Къ Эврипиду Катенинъ вообще относится очень неблагосклонно, и въ одномъ мѣстѣ говоритъ о немъ даже съ нѣкоторой страстностью, понятной лишь въ полемикѣ съ современникомъ: «воля его (т. е. Эврипида), но одна сцена, давшая названіе «Коэфорамъ» (трилогіи Эсхила) во сто разъ дороже всей его трагедіи («Электра») (I, 87).

Катенинъ именно этой черты и не понялъ въ творчествѣ Шекспира, о которомъ, между прочимъ, говоритъ: «у него жители юга всѣ напитаны ростбифомъ и пудингомъ, и даже ученые нѣмцы, современники наши, не могутъ похвалиться ни одной драмой, гдѣ бы краска времени и мѣста была точно на лицѣ дѣйствующихъ французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, русскихъ и проч.» (II, 283). Эти достоинства находитъ онъ только у французскихъ классиковъ, и особенно въ «Гоѳоліи» Расина.

Страстный поклонникъ классицизма въ литературѣ, Катенинъ образцомъ поэтовъ считаетъ Гомера, котораго и ставитъ на недосягаемую высоту. Мы видѣли, что ему нравится Эсхилъ; сочувственно говоритъ онъ о Теокритѣ, о Виргиліи; преклоняется передъ Дантомъ и единственно за уваженіе къ послѣднему Боккачіо онъ мирится съ итальянскимъ новеллистомъ, котораго во всемъ остальномъ порицаетъ онъ, какъ литературнаго реформатора; по той же причинѣ неблагосклонно говоритъ онъ и о Петраркѣ, которому, кромѣ того, въ особую вину ставитъ неуваженіе къ Данту. Достойно вниманія, что высказавшись такъ противъ Боккачіо и Петрарки, Катенинъ высоко ставитъ, какъ поэтовъ, Лаврентія Медичи и Поліціана.

Поклоняясь «классикамъ», Катенинъ, разумѣется, сильно порицалъ «романтиковъ»; это послѣднее имя было для него синонимомъ литературнаго реформатора и противника классицизма вообще; такъ онъ называетъ романтикомъ итальянскаго поэта XVI вѣка Жиральди Чинтіо, который не шелъ по слѣдамъ древнихъ. Катенина тревожилъ сильный успѣхъ романтическаго направленія въ современной ему русской литературѣ; онъ нападаетъ на «моду романтизма», которая «отвлекаетъ всѣхъ отъ чтенія классиковъ» (I, 89) и такъ говоритъ о русскомъ романтизмѣ: «любопытно знать, почему наши такъ прилѣпились къ романтизму... Россія искони не имѣла ничего общаго съ Европою западной; первыя свои познанія, художества и науки получила она вмѣстѣ съ вѣрой православною изъ Царь-града, всѣмъ рыцарямъ ненавистнаго, ими коварно завоеваннаго на время, жестоко и безумно разграбленнаго. Въ нашихъ церквахъ со слезами и въ черныхъ ризахъ умоляли на милость гнѣвъ Божій, когда крестовики въ своихъ пѣли торжественные молебны. Правда, Петръ Первый много ввелъ къ намъ нѣмецкаго, но ужели, перенимая полезное, должны мы во всемъ обезьянить и утратить всѣ родовыя свойства и обычаи? По счастію, это невозможно, и одна вѣра своя предостережетъ насъ отъ конечной ничтожности. Сверхъ того, все близкое въ исторіи нашей едва ли годно въ поэзію, а старина наша отнюдь не романтическая; прибѣгать же, какъ многіе дѣлаютъ съ отчаянія, къ Лифляндіи, Литвѣ, Польшѣ, Украйнѣ, Грузіи, мужествомъ предковъ или современниковъ пріобрѣтеннымъ, значитъ уже слишкомъ дешево мѣ-

нять святую Русь» (I, 151—152). Ясно, конечно, что въ увлеченіи своемъ Катенинъ зашелъ тутъ слишкомъ далеко и не замѣтилъ, что защищаемый имъ классицизмъ едва ли не болѣе чуждъ нашей старинѣ и народности, чѣмъ ненавистный ему романтизмъ, воспитавшій въ колыбели своей чисто-народную музу Пушкина.

Главнымъ образомъ вооружается противъ романтизма Катенинъ въ томъ отдѣлѣ своихъ разсужденій, гдѣ говоритъ о литературѣ драматической, съ которой онъ наиболѣе былъ знакомъ (II, 259 и сл.). Мы не станемъ передавать этихъ возраженій, не заключающихъ въ себѣ ничего особенно любопытнаго и во многомъ намѣченныхъ въ предшествующемъ нашемъ изложеніи. Между прочимъ, одному вопросу въ этой борьбѣ романтизма съ классицизмомъ Катенинъ придавалъ большое значеніе: это — соединеніе трагическаго и комическаго. «Достойнѣйшая вниманія разница двухъ нынѣ состязающихся системъ есть смѣшеніе важнаго и смѣшного въ одной, рѣзкое раздѣленіе ихъ въ другой. Защитники трагикомическаго долго опирались на то, что въ самомъ дѣлѣ часто смѣхъ и горе въ одно время бываютъ; имъ давно возразили, что искусство не обязано списывать съ натуры цѣликомъ, что оно въ правѣ откидывать лишнее и должно удовлетворять жаркое чувство изящнаго, а не холодныя изслѣдованія любопытства. Самъ Шлегель принужденъ прибѣгать къ инымъ началамъ; онъ утверждаетъ, что сосѣдство низкаго усиливаетъ впечатлѣніе высокаго; можетъ быть — иногда, но гораздо чаще вредитъ ему... Въ содержаніи истинно-трагическомъ я не знаю, кому и надъ чѣмъ забавляться; но въ содержаніяхъ полу-трагическихъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть дѣло перемѣшано съ бездѣльемъ; только искусство потребно, чтобы переходъ отъ одного къ другому и въ дѣйствіи и въ разговорѣ былъ непримѣтенъ...» (II, 283); поэтому къ причинамъ, почему не нравится ему Шекспиръ, Катенинъ прибавляетъ еще ту, что у него иногда двѣ половины, благородная и каррикатурная, почти безъ связи между собою» (II, 284).

Какъ рѣшительный классикъ, Катенинъ предпочитаетъ «комедію интригъ» «комедіи нравовъ», находя въ первой больше «истинно-драматическихъ достоинствъ» (II, 291); эта же теорія привела его и къ убѣжденію въ неумѣстности изображенія низшихъ слоевъ общества на сценѣ: «мужики едва ли (исключенія въ сторону) идутъ на комическую сцену; въ ихъ жизни слишкомъ много нуждъ, трудовъ и скорбей, чтобы оставалось довольно мѣста для смѣха» (II, 292). Но здравый умъ и природный вкусъ иногда спасали Катенина отъ крайнихъ увлеченій этой теоріей: онъ, напр., не одобряетъ мнѣнія «ультра-классиковъ», возстававшихъ совершенно противъ такъ называемой драмы, середины между трагедіей и комедіей, онъ совѣтуетъ только употреблять для нея не прозу, а стихи (II, 285); въ комедіи же допускаетъ онъ и стихи, и прозу: «одни педанты мо-

гутъ еще спорить о томъ: чѣмъ писать комедіи, прозой или стихами. Ясно, что и тѣмъ и другимъ, сообразжаясь съ предметомъ» (II, 292). Вообще же онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ романтизма, о которомъ говорилъ, что надобно «бѣлый свѣтъ пересоздать, чтобы оправдать парадоксы новыхъ эстетиковъ» (II, 284).

Вотъ бѣглый обзоръ тѣхъ литературныхъ мнѣній, которыя высказалъ Катенинъ въ упомянутомъ рядѣ своихъ статей. Его собственная поэтическая дѣятельность сосредоточилась, главнымъ образомъ, на театрѣ, который онъ хорошо зналъ и горячо любилъ. Сюжеты для своихъ оригинальныхъ драматическихъ произведеній (очень не многихъ, такъ какъ въ этой области онъ гораздо болѣе переводилъ и передѣлывалъ) Катенинъ бралъ изъ чужой, классической («Андромаха») или западно-европейской («Пиръ Іоанна Безземельнаго», «Вражда и Любовь»), исторіи; въ произведеніяхъ же лирическихъ и эпическихъ гораздо охотнѣе обращался онъ къ русской жизни и русской старинѣ («Старая быль», «Пѣвецъ Усладъ», «Мстиславъ Мстиславичъ»); изображенію послѣдней посвятилъ онъ и цѣлую большую поэму свою (названную имъ «сказкой») «Милуша» (Спб. 1834), которую очень хвалилъ Пушкинъ, что̀ видно изъ письма къ послѣднему Катенина отъ 16 мая 1835 г.: за «Милушу» (т. е. отзывъ о ней) благодарю, хотя не вполнѣ согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, яко бы оно мое лучшее твореніе [1]). Въ поэмѣ этой, состоящей изъ четырехъ пѣсенъ, Милуша является дочерью вел. кн. Владиміра отъ жены его Любеды, сестра которой Провѣда прежде любившая Владиміра и хотѣвшая выйти за него замужъ, является въ сказкѣ колдуньей. Содержаніе всѣхъ четырехъ пѣсенъ наполнено описаніемъ испытаній, которыя производитъ Провѣда надъ молодымъ воиномъ Всеславомъ, женихомъ Милуши, чтобы рѣшить, достоинъ ли онъ такой невѣсты, при чемъ силою своего колдовства обращается то въ русалку, то въ красавицу-царевну, то въ бабу-ягу; въ концѣ концовъ она остается довольной Всеславомъ, и поэма оканчивается свадьбой его съ Милушей. Въ этомъ произведеніи, какъ и въ другихъ болѣе мелкихъ, гдѣ Катенинъ обращается къ русской старинѣ, народнаго колорита очень мало, хотя стремленіе къ нему автора довольно очевидно. Классическія симпатіи Катенина выразились и тутъ очень ясно въ постройкѣ одного изъ стиховъ поэмы:

«Власть слушать, власть не слушать; я пою!» (стр. 87).

Нелюбимый же романтизмъ тутъ, напротивъ, не избѣжалъ насмѣшливаго намека: описывая прибытіе Всеслава ко двору Владиміра, авторъ замѣчаетъ:

---

[1]) А. С. Пушкинъ, стр. 67—68.

«Кавказскія заоблачныя горы
«Проѣхалъ онъ въ опасныхъ хлопотахъ,
«Затѣмъ что тамъ издревле жили воры.
«Теперь у насъ ихъ славятъ сплошь въ стихахъ,
«Но романтизмъ не вѣдомъ былъ Всеславу...» (стр. 57).

Въ образецъ лирической поэзіи Катенина приведемъ его стихотвореніе «Любовь»:

«О чемъ, о чемъ въ тѣни вѣтвей
«Поешь ты ночью, соловей?
«Что пѣснь твою къ подругѣ милой
«Живитъ огнемъ и полнитъ силой,
«Колеблетъ грудь, волнуетъ кровь?
«Живущихъ всѣхъ душа: любовь.

«Не сѣтуй, дѣвица-краса!
«Дождешься радостей часа.
«Зачѣмъ въ лицѣ увяли розы?
«Зачѣмъ изъ глазъ лiются слезы?
«Къ веселью душу приготовь;
«Его даритъ тебѣ: любовь.

«Покуда дней златыхъ весна,
«Отрадой намъ любовь одна.
«Ловите, юноши, украдкой
«Блаженный часъ, часъ нѣги сладкой;
«Пробьетъ... любите вновь и вновь;
«Земного счастья верхъ—любовь! [1])

Мы не останавливаемся долго на дѣятельности Катенина въ области поэтическаго творчества, такъ какъ тутъ онъ не внесъ ничего существенно важнаго, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ, и его произведенія въ этомъ родѣ являются иллюстраціями уже отжившихъ и въ свое время его теоретическихъ воззрѣній. Впрочемъ, сравнительно съ другими представителями классической теоріи въ нашей литературѣ, нельзя не выдѣлять въ Катенинѣ указаннаго весьма замѣтнаго стремленія къ народности, хотя осуществленіе такого стремленія и оказывалось слабымъ вслѣдствіе недостатка у Катенина непосредственнаго поэтическаго дарованія. Этимъ стремленіемъ къ старинѣ и народности должно, кажется, объяснять и сочувствіе Катенина А. С. Шишкову, проскользнувшее въ одномъ изъ писемъ перваго къ Пушкину: «мнѣ его (т. е. Шишкова) одобреніе (перевода Расинова «Баязета», сдѣланнаго Катенинымъ) тѣмъ пріятнѣе, что я съ нимъ не знакомъ; стало, онъ судитъ просто по своему вкусу, а вкусъ его не терпитъ дурного...» [2]).

Что Катенинъ дорожилъ своими не только переводными, но и оригинальными поэтическими произведеніями, на это указываетъ

---

[1]) Соч., I, 25.
[2]) А. С. Пушкинъ, I, 62.

одно изъ замѣчаній его на «Опытъ краткой исторіи русской литературы» Н. Греча, помѣщенныхъ въ видѣ письма къ издателю «Сына Отечества» (самому Гречу) [1]); тутъ, между прочимъ, Катенинъ упрекаетъ Греча, почему онъ причислилъ его самого къ переводчикамъ, хотя онъ писалъ и оригинальныя вещи.

Таковъ передъ нами П. А. Катенинъ въ фактахъ его жизни и литературной дѣятельности. Какъ ни отрывочны свѣдѣнія, относительно его жизни, которыя могли мы имѣть въ своемъ распоряженіи, однако образъ этого человѣка и писателя представляется довольно яснымъ. Классикъ по своимъ литературнымъ симпатіямъ, онъ обладалъ природнымъ вкусомъ изящнаго и хотя не понималъ Шекспира, но видѣлъ красоты Пушкина и Грибоѣдова, представителей (на первыхъ порахъ) романтической школы въ нашей литературѣ. Начитанность его въ образцовыхъ произведеніяхъ изящной литературы давала его голосу вѣсъ, помимо всякой школы или направленія. Открытый характеръ Катенина, иногда увлекавшагося до энтузіазма, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сторонами его природы, доставилъ ему дружбу лучшихъ современныхъ ему писателей. Изъ отношеній его къ послѣднимъ и изъ наличныхъ фактовъ въ литературной дѣятельности надо выводить, что взглядъ Катенина, какъ критика и знатока литературы находили распространеніе и оказывали вліяніе болѣе изустнымъ путемъ, при личныхъ сношеніяхъ, чѣмъ въ печати. Въ собственныхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ Катенинъ является довольно слабымъ сравнительно съ такими своими современниками, какъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ, но не хуже многихъ изъ остальныхъ писателей, трудившихся въ одно время съ нимъ на литературномъ поприщѣ. Переводы его для исторіи литературы важнѣе произведеній самостоятельныхъ.

Е. Пѣтуховъ.

[1]) «С. О.», 1822, ч. 76, стр. 249—261.

ИРИНАРХЪ ИВАНОВИЧЪ ВВЕДЕНСКІЙ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

ъ 1843 ГОДУ я читалъ пробную лекцію для поступленія преподавателемъ въ Дворянскій полкъ. Чтеніе такихъ вступительныхъ лекцій происходило обыкновенно въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, при первомъ кадетскомъ корпусѣ; но мнѣ почему-то назначено было читать въ самомъ заведеніи, куда я желалъ поступить. Поэтому мой дебютъ не отличался никакой парадной обстановкой. На лекціи присутствовали только начальникъ Дворянскаго полка, генералъ Н. Н. Пущинъ, инспекторъ классовъ Д. М. Павловскій, учителя, классные офицеры и воспитанники старшихъ классовъ. Чтеніе мое приняло поэтому болѣе характеръ простой бесѣды по предмету русскаго языка и литературы. Обмѣнъ мнѣній вызывали своими вопросами и замѣчаніями двое изъ преподавателей, В. В. Дерикеръ и И. И. Введенскій, съ которыми я до тѣхъ поръ не былъ совсѣмъ знакомъ. Послѣ лекціи оба они выразили мнѣ теплое товарищеское сочувствіе. Когда мы вышли вмѣстѣ изъ корпуса, по дорогѣ къ Тучкову мосту, Введенскій тутъ же съ свойственной ему простотою и задушевностью пригласилъ насъ къ себѣ пить чай. Онъ жилъ у самаго моста, на углу Средняго проспекта. Мы зашли и втроемъ провели вечеръ въ непринужденной бесѣдѣ, какъ будто уже цѣлые годы были знакомы.

Дерикеръ преподавалъ въ Дворянскомъ полку теорію словесности въ среднихъ классахъ и въ то же время участвовалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», какъ ближайшій помощникъ О. И. Сен-

ковскаго по редакціи журнала. Но онъ потомъ оставилъ эти занятія, посвятилъ себя исключительно медицинѣ и впослѣдствіи пользовался авторитетомъ, какъ одинъ изъ извѣстныхъ врачей-гомеопатовъ. При его постоянныхъ работахъ и значительной практикѣ мы видались уже не часто. Но знакомство мое съ И. И. Введенскимъ утвердилось прочно и продолжалось до самой его кончины.

Это былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Сынъ бѣднаго сельскаго священника, Введенскій прошелъ всѣ ступени длинной учебной лѣстницы съ пензенскаго духовнаго училища и саратовской семинаріи до московской духовной академіи и Петербургскаго университета, откуда и вышелъ кандидатомъ философскаго факультета. Тяжело было ему пройти этотъ долгій путь, который онъ началъ восьмилѣтнимъ ребенкомъ и окончилъ на двадцать восьмомъ году возроста. Иринархъ Ивановичъ не любилъ говорить объ этомъ, но въ рѣдкія минуты полной откровенности разсказывалъ нѣкоторые эпизоды своей школьной и студенческой жизни, изъ которыхъ можно было видѣть, сколько страшныхъ лишеній перенесъ онъ въ лучшіе годы своей молодости и какимъ упорнымъ, непрерывнымъ трудомъ добылъ себѣ обширныя познанія. Между тѣмъ, его разносторонняя образованность и знаніе древнихъ и новыхъ языковъ и литературъ до поступленія въ Дворянскій полкъ едва доставляли ему возможность перебиваться уроками и переводами. Только съ полученіемъ постояннаго мѣста въ корпусѣ онъ могъ посвятить себя тому труду, который былъ ему по душѣ. Познакомясь съ нимъ, я удивлялся разнообразію его занятій. Кромѣ ежедневныхъ уроковъ въ Дворянскомъ корпусѣ и Артиллерійскомъ училищѣ, онъ составлялъ обширныя записки для воспитанниковъ по теоріи словесности и исторіи русской литературы, готовилъ магистерскую диссертацію въ видахъ занятія профессорской каѳедры въ Петербургскомъ университетѣ, переводилъ статьи для журналовъ и работалъ по критикѣ и библіографіи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ». Не говорю уже о томъ, что при такихъ обширныхъ трудахъ онъ успѣвалъ слѣдить за всѣмъ сколько-нибудь замѣчательнымъ въ русской и иностранныхъ литературахъ. У него всегда можно было найти новую дѣльную книгу, едва только она появлялась въ свѣтъ и черезъ день или два была уже прочитана имъ, и прочитана такъ, что онъ могъ вполнѣ передать ея содержаніе и мѣтко опредѣлить ея достоинства или недостатки. Скоро Введенскій напалъ на занятіе, которое и доставило ему особенную извѣстность въ нашемъ образованномъ обществѣ: это были переводы Диккенса, Купера, Теккерея и другихъ англійскихъ романистовъ, до тѣхъ поръ едва извѣстныхъ у насъ по именамъ. Мнѣ хорошо памятны первые шаги его въ этомъ дѣлѣ.

Однажды мы съ Введенскимъ читали Байронова «Сарданапала». Чтеніе это въ своемъ родѣ было довольно курьезно: оба мы познакомились съ англійскимъ языкомъ самоучкою, безъ учителя, съ помощію только грамматики и лексикона, а потому совсѣмъ не знали живого выговора, произносили слова по приблизительному указанію словаря Уокера и потому понимали другъ друга только тогда, когда читали глазами, смотря одновременно въ книгу. Мы смѣялись, думая, что если какой-нибудь англичанинъ полюбопытствуетъ послушать наше чтеніе, то едва ли скоро узнаетъ въ немъ свой родной языкъ, что вскорѣ и оказалось на дѣлѣ.

— А что,—сказалъ Введенскій,—не приняться ли серьезно за англійскій языкъ? Вѣдь выговора у насъ совсѣмъ нѣтъ, да и въ фразировкѣ-то мы еще далеко не сильны. Надобно взять учителя. Хочешь вмѣстѣ брать уроки: у меня есть на примѣтѣ подходящій джентельменъ.

Я согласился. Условились, что заниматься будемъ въ квартирѣ Введенскаго по два раза въ недѣлю. Къ намъ присоединился еще одинъ товарищъ, учитель нѣмецкаго языка въ томъ же Дворянскомъ полку, Е. Э. Краузольдъ, столько же знавшій по-англійски, какъ и мы. Вскорѣ въ назначенный день явился и англичанинъ. Это былъ мистеръ Гильмаръ, преподаватель англійскаго языка въ Высшемъ Коммерческомъ пансіонѣ, помѣщавшемся въ 1-й линіи Васильевскаго острова. Заведеніе это, устроенное на счетъ петербургскаго биржевого купечества, существовало недолго: большинство воспитанниковъ въ немъ были англичане, и въ началѣ Крымской войны пансіонъ закрылся. Гильмаръ прежде всего спросилъ, читаемъ ли мы по-англійски, и когда мы прочли по нѣскольку строкъ, онъ съ видомъ крайняго недоумѣнія заявилъ, что ничего не понимаетъ. Но еще больше удивился онъ, когда мы вслѣдъ затѣмъ сказали ему, что читаемъ Байрона въ оригиналѣ и въ доказательство перевели небольшіе отрывки по его указанію. Онъ замѣтилъ, что не встрѣчалъ еще такихъ странныхъ учениковъ. Уроки наши, понятно, начались чтеніемъ. Черезъ нѣсколько времени Введенскій какъ-то спросилъ меня:

— Не думаешь ты извлечь изъ англійскихъ уроковъ матеріальную выгоду?

— Какую же выгоду?

— А переводить для журналовъ. Теперь хорошій англійскій переводъ съ удовольствіемъ вездѣ возьмутъ. Пора намъ бросить эту Жоржъ Зандъ, которая всѣмъ ужъ надоѣла съ своей бабьей эмансипаціей. Давай-ка переводить Диккенса! Вотъ посмотри, я взялъ ливрезоны его романа... Какая прелесть!

— Мнѣ не совладать съ нимъ.

— Ну вотъ еще... работай и набьешь руку.

Но я рѣшительно отказался, какъ потому, что не находилъ въ

себѣ достаточно силъ для передачи такого своеобразнаго писателя, такъ и отъ того, что въ это время занятъ былъ работою надъ первымъ моимъ литературнымъ трудомъ: «Очеркъ исторіи русской поэзіи». Эта книжка такъ занимала меня, что не хотѣлось отрываться отъ нея для другой работы. Когда я прочелъ Иринарху Ивановичу первыя главы моего сочиненія, онъ самъ настойчиво началъ совѣтовать мнѣ заняться исключительно этимъ трудомъ. Когда книжка моя явилась въ печати, онъ далъ о ней подробный и весьма лестный отзывъ въ «Современникѣ», редакторомъ котораго тогда былъ, если не ошибаюсь, А. В. Никитенко. Но Введенскій не отказался отъ своей мысли познакомить русскую публику съ Диккенсомъ, и вскорѣ въ томъ же журналѣ началъ печататься его переводъ романа «Домби и сынъ», встрѣченный читателями съ большимъ участіемъ. Затѣмъ начали появляться одинъ за другимъ романы «Давидъ Копперфильдъ», «Замогильныя записки Пиквикскаго клуба» и т. д. Можно положительно сказать, что Введенскій познакомилъ наше общество съ современной англійской литературой и заставилъ полюбить ее. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ упрекали его за то, что онъ въ своихъ переводахъ замѣнялъ англійскія народныя выраженія чисто русскими пословицами и идіотизмами. Но что же оставалось дѣлать, когда своеобразный языкъ Диккенса и его неуловимый юморъ при точномъ переводѣ утрачивали свой колоритъ и даже могли казаться непонятными? Стоитъ прочесть романъ «Домби и сынъ» въ другомъ переводѣ, который печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ», чтобы оправдать Введенскаго въ мнимомъ злоупотребленіи руссизмами. Если его переводъ отдаляется иногда отъ оригинала по внѣшней передачѣ фразы, то онъ вполнѣ близокъ къ нему по духу.

Трудолюбіе и энергія Введенскаго были поразительны: занятый цѣлый день уроками въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ проводилъ ночи за чтеніемъ и журнальной работой. При всемъ томъ онъ вовсе не былъ какимъ-нибудь нелюдимомъ и находилъ время для удовольствій и общества. Правда, онъ не любилъ театра, но зато лѣтомъ позволялъ себѣ прогулки и поѣздки за городъ, а зимою каждую недѣлю собирались у него по пятницамъ пріятели, и самъ онъ бывалъ у меня раза два въ мѣсяцъ по вторникамъ, когда приходили общіе знакомые. На вечерахъ у Введенскаго чаще другихъ бывали Владиміръ Дмитріевичъ Яковлевъ, авторъ имѣвшей въ свое время большой успѣхъ книги «Италія», Григорій Евлампьевичъ Благосвѣтловъ, впослѣдствіи редакторъ журнала «Дѣло», и Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, издатель «Общезанимательнаго Вѣстника». Нѣсколько позже сталъ посѣщать эти вечера Н. Г. Чернышевскій, тогда еще молодой человѣкъ, скромный и даже нѣсколько застѣнчивый. Въ немъ особенно выдавалось противорѣчіе между его мягкимъ, женственнымъ голосомъ и рѣзкостью мнѣній, нерѣдко очень

оригинальныхъ по своей парадоксальности. Иногда заѣзжалъ и Дерикеръ. Предметомъ разговоровъ были преимущественно литературныя новости, но часто затрогивались и вопросы современной политики. Въ 1847—1848 годахъ политическія событія въ Европѣ сдѣлались даже главною, почти исключительною, темою бесѣдъ, какъ и въ другихъ кружкахъ тогдашней петербургской молодежи. Иностранныя газеты, хотя сильно кастрируемыя цензурой, читались съ жаднымъ любопытствомъ. Реформы Пія IX и народное движеніе въ Италіи, а затѣмъ февральская революція въ Парижѣ и отголоски ея почти во всей западной Европѣ отодвинули литературные интересы на второй планъ и обратили общее вниманіе на современныя политическія событія. Съ этимъ связывались, конечно, и вопросы соціальные, и сочиненія Прудона, Луи Блана, Пьера Леру, нерѣдко вызывали обсужденія и споры. Впрочемъ, горячихъ почитателей соціализма въ этомъ кружкѣ не было.

Какихъ же взглядовъ держался Введенскій? Нѣкоторые изъ его знакомыхъ считали его крайнимъ либераломъ, а М. П. Погодинъ, у котораго онъ во время своихъ московскихъ скитаній жилъ въ домѣ и работалъ для «Москвитянина», называлъ его, говорятъ, родоначальникомъ нигилистовъ. Это, по моему мнѣнію, несправедливо. Что у Введенскаго были убѣжденія, которыя по тому времени многимъ должны были казаться слишкомъ несогласными съ авторитетно-консервативными взглядами, а протестъ противъ рутинныхъ мнѣній въ наукѣ и литературѣ высказывался имъ смѣло и рѣзко, этого отвергать нельзя. Правда и то, что изъ-подъ тяжелаго гнета тогдашней духовной школы, съ ея подавляющимъ режимомъ и схоластикой, онъ вынесъ взглядъ далеко не согласный съ принятыми вѣрованіями, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ своихъ личныхъ воззрѣній. Нигилистомъ же его никакъ нельзя назвать. Можетъ ли это понятіе примѣняться къ человѣку, который горячо любилъ искусство, восхищался Байрономъ и Шекспиромъ и посвятилъ самые сердечные свои труды переводу на русскій языкъ такихъ писателей, какъ Диккенсъ и Куперъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни того грубаго реализма, какимъ отличались всѣ вожделѣнія нашихъ нигилистовъ? Кто былъ свидѣтелемъ его литературныхъ сужденій и слышалъ, какъ мало придавалъ онъ значенія тенденціи въ искусствѣ и какъ живо чувствовалъ эстетическую сторону художественнаго произведенія, тотъ, конечно, никогда не причислилъ бы его къ школѣ нашихъ поклонниковъ утилитаризма. Онъ интересовался радикальными мнѣніями въ литературѣ и политикѣ, но не раздѣлялъ ихъ.

Въ 1848 году Иринархъ Ивановичъ женился на Александрѣ Ивановнѣ Кубасовой, сестрѣ одного изъ своихъ сослуживцевъ по Дворянскому полку. Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Жена его была энергическая женщина, столько же трудолюбивая, какъ

и онъ, и вполнѣ раздѣлявшая его вкусы и убѣжденія. Она, по желанію мужа, начала учиться англійскому языку и вскорѣ такъ овладѣла имъ, что начала помогать мужу въ переводахъ. При этомъ въ ней не было нисколько педантизма, присущаго многимъ женщинамъ, прикосновеннымъ къ литературѣ. Введенскій перебрался на другую квартиру въ томъ же домѣ, болѣе помѣстительную, и вечера у него по пятницамъ продолжались, не теряя прежняго характера пріятельской бесѣды, но еще болѣе оживились вліяніемъ умной и любезной хозяйки. Служебное и матеріальное положеніе Введенскаго начало мало-по-малу улучшаться. Не смотря на то, что онъ не получилъ профессорской каѳедры въ университетѣ, хотя и выдержалъ магистерскій экзаменъ, педагогическая дѣятельность его расширилась. Начальникъ военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевъ оцѣнилъ знанія и энергію Введенскаго, и онъ былъ назначенъ главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ русскаго языка и словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было составленіе руководствъ по предмету теоріи прозы и поэзіи. Онъ принялся за это дѣло съ обычнымъ трудолюбіемъ и настойчивостью.

Въ эту пору удалось ему, наконецъ, осуществить давно занимавшую его мысль съѣздить за границу. Всего болѣе привлекала его Англія, и пробывъ нѣсколько недѣль въ Германіи и Франціи, онъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Тамъ, между прочимъ, посѣтилъ онъ Диккенса и представилъ ему свои переводы его произведеній. Введенскій любилъ потомъ разсказывать объ этомъ своемъ визитѣ любимому писателю, который сначала принялъ его сдержанно, но послѣ довольно продолжительной бесѣды объ англійской литературѣ, отнесся къ нему съ теплымъ участіемъ. Диккенса, по словамъ Иринарха Ивановича, интересовало и положеніе русской литературы, и онъ выразилъ сожалѣніе, что при незнаніи языка не можетъ съ нею ознакомиться. И, повидимому, эти слова не были простымъ комплиментомъ вѣжливаго иностранца.

— Два часа, проведенные у Диккенса, — говорилъ Иринархъ Ивановичъ,—останутся навсегда мнѣ памятными, какъ лучшія минуты въ моей жизни.

По возвращеніи изъ-за границы, Введенскій опять принялся за свои разностороннія работы—чтеніе лекцій, составленіе руководствъ для военно-учебныхъ заведеній и переводы. Но ему готовился ударъ, который онъ самъ давно уже предвидѣлъ. Отъ напряженныхъ письменныхъ занятій, въ особенности по ночамъ, при одной свѣчѣ, у него мало-по-малу слабѣли глаза, и не смотря на помощь окулистовъ, онъ, наконецъ, совсѣмъ потерялъ зрѣніе. Понятно, какое это было страшное несчастіе для человѣка, для котораго чтеніе составляло такую-же потребность какъ насущный хлѣбъ, и который жилъ преимущественно своимъ литературнымъ перомъ. Не смотря на то

Введенскій не прекращалъ ни педагогической, ни литературной дѣятельности. Я. И. Ростовцевъ разрѣшилъ ему продолжать читать лекціи. Наканунѣ урока Александра Ивановна прочитывала мужу то, что по его указанію нужно было для полнаго объясненія предмета, и благодаря счастливой памяти онъ запоминалъ не только факты и хронологическія цифры, но и довольно обширныя цитаты въ прозѣ и стихахъ. Утромъ лакей провожалъ слѣпца въ корпусъ и доводилъ въ аудиторіи до самой каѳедры. Введенскій читалъ лекцію, и какъ воспитанники, такъ и дежурившіе въ классахъ офицеры говорили, что чтеніе профессора отличалось такою же полнотою и занимательностью, какъ и въ прежніе годы. Объ этомъ можно было судить и по разговорамъ съ нимъ, когда въ обычную свою пятницу, сидя въ креслѣ и бесѣдуя съ посѣщавшими его попрежнему пріятелями, онъ высказывался по какому-нибудь научному или литературному вопросу. Въ то же время И. И. Введенскій горячо трудился надъ составленіемъ руководства по теоріи словесности: почти каждый день жена писала подъ его диктовку. Не знаю, далеко ли подвинулась эта работа и что съ нею сталось послѣ его смерти.

Лѣтомъ въ послѣдніе годы жизни Введенскій жилъ на дачѣ то въ Лѣсномъ Институтѣ, то въ Старой Деревнѣ. Любимымъ его удовольствіемъ послѣ прогулокъ было купанье, къ которому онъ привыкъ еще съ дѣтства. Съ ранней весны и до осени рѣдкій день пропускалъ онъ безъ того, чтобы не выкупаться утромъ или вечеромъ. Потеря зрѣнія не мѣшала этому удовольствію. Какъ отличный пловецъ, онъ особенно любилъ купаться въ открытомъ и глубокомъ мѣстѣ. Однажды я пріѣхалъ къ нему на дачу въ Старую Деревню и встрѣтилъ его въ дверяхъ. Онъ совсѣмъ уже лишился зрѣнія и лакей велъ его подъ руку.

— А я, братъ, собрался купаться, — сказалъ онъ.

— Гдѣ же у васъ ванна? — спросилъ я.

— Какая ванна! я купаюсь тутъ, въ устьѣ Невы.

— И не боишься въ твоемъ положеніи?

— Вотъ еще! Проводи-ка меня: посмотришь, какъ слѣпой плаваетъ, а тамъ воротимся и будемъ чай пить.

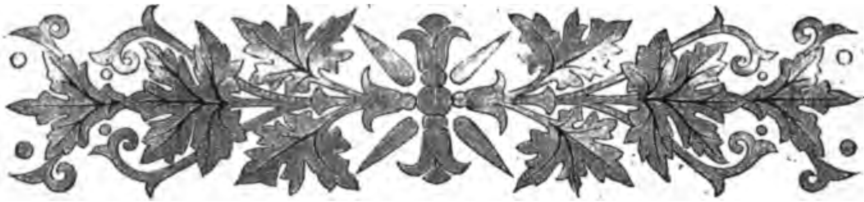
Я согласился. Мы пришли почти къ самому взморью. Лакей раздѣлъ его, пристегнулъ ему около поясницы кожаный поясъ съ мѣднымъ кольцомъ, въ которое продѣлъ и завязалъ концомъ длинную бичевку, смотанную въ клубокъ. Я тоже хотѣлъ раздѣться, чтобы при случаѣ чѣмъ-нибудь помочь слѣпому купальщику, но онъ отклонилъ это. По его словамъ, ему не нужна была никакая помощь: по теченію онъ хорошо зналъ, въ какомъ направленіи плыть, а бичева нужна для того только, чтобы лакей подалъ ему предостерегательный знакъ, еслибы пловцу встрѣтился на пути яликъ или почему-нибудь другому слѣдовало бы воротиться. По

мѣрѣ того, какъ слѣпецъ удалялся отъ берега, лакей разматывалъ и отпускалъ бичевку, а затѣмъ при возвращеніи купальщика собиралъ ее, и, такимъ образомъ, Введенскій переплылъ на привязи взадъ и впередъ черезъ Невку. Плавалъ онъ размашисто, безъ всякихъ школьныхъ правилъ, какъ говорится саженками, и нисколько, повидимому, не утомился.

Крымская война сильно волновала Введенскаго, и въ особенности возмущало его то, что въ числѣ нашихъ враговъ были англичане, которыхъ онъ такъ прославлялъ послѣ своей поѣздки въ Лондонъ. Послѣдній разговоръ нашъ съ нимъ былъ о томъ, можно ли примирить уваженіе къ націи, породившей Шекспира и Байрона, съ чувствомъ негодованія къ современной политикѣ Англіи. Лѣто 1855 года я провелъ у родныхъ въ Москвѣ, и тамъ въ іюлѣ мнѣ подали однажды письмо изъ Петербурга, въ которомъ извѣщали меня, что Иринархъ Ивановичъ Введенскій скончался.

А. Милюковъ.

НОВАЯ ИСТОРІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ.

ЗНАЧЕНІИ крестьянскаго вопроса во внутренней жизни русскаго государства въ послѣднія два столѣтія было говорено такъ много, что распространяться о немъ вновь было бы повтореніемъ давно извѣстныхъ истинъ. Скажемъ только, что изъ внутреннихъ вопросовъ это былъ наиболѣе важный вопросъ, основной, касавшійся самыхъ устоевъ русской жизни, а, между тѣмъ, не смотря на такую его важность, мы до сихъ поръ не имѣемъ полной его исторіи. Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени не было отдѣльнаго труда, обнимающаго исторію крестьянскаго вопроса въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣковъ. Первую попытку представить очеркъ исторіи вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи крѣпостного права до вступленія на престолъ императора Александра II сдѣлалъ г. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ сочиненіи: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права». Того же вопроса касается г. Энгельманъ въ своей книгѣ «Die Leibeigenschaft in Russland», отдѣльныя стороны его затрогивали въ своихъ трудахъ гг. Мулловъ, Ходневъ, Иконниковъ, Вешняковъ, Заблоцкій-Десятовскій и др. Задачу прослѣдить исторію вопроса во всемъ его объемѣ, какъ онъ отражался въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ, въ литературѣ, наукѣ, въ общественныхъ кружкахъ, взялъ на себя В. И. Семевскій, авторъ извѣстнаго труда: «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». Результатомъ его многолѣтнихъ работъ былъ цѣлый рядъ статей въ «Русской Мысли» и «Русской Старинѣ», составив-

шихъ вышедшее недавно обширное двухтомное сочиненіе: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка».

Сочиненіе это составлено въ значительной степени на основаніи источниковъ неизданныхъ, хранящихся въ слѣдующихъ архивахъ: Вольно-Экономическаго Общества (отвѣты на задачи общества въ XVIII и первой четверти XIX вѣка, журналы и протоколы общества), министерства государственныхъ имуществъ (преимущественно дѣла бывшаго V отдѣленія Собственной его величества канцеляріи), кодификаціоннаго отдѣленія государственнаго совѣта (документы Екатерининской законодательной комиссіи и дѣла бывшаго II Отдѣленія Собственной его величества канцеляріи), Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (преимущественно переписка князей А. Д. и А. М. Голицыныхъ и нѣкоторыя рукописи библіотеки архива), рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки, Румянцовскомъ музеѣ и собраніи рукописей редакціи «Русской Старины», а также на основаніи принадлежащихъ автору рукописей (преимущественно копій съ дѣлопроизводства нѣсколькихъ секретныхъ комитетовъ въ царствованіе императора Николая по крестьянскому вопросу). Если къ этимъ матеріаламъ прибавить множество печатныхъ сочиненій, изученныхъ авторомъ, то получится чрезвычайно обширный кругъ источниковъ, и намъ станетъ понятна та полнота, которой авторъ достигъ въ своемъ изслѣдованіи.

Прежде чѣмъ познакомить читателей съ результатами труда В. И. Семевскаго, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его отношеніи къ своему предмету. Мы не можемъ отнестись иначе, какъ съ большимъ сочувствіемъ, къ объективности автора: представляя два общественныхъ направленія въ разбираемомъ имъ вопросѣ, консервативное и либеральное, авторъ проявляетъ далеко не заурядное безпристрастіе. Не смотря на свое сочувствіе либераламъ, стремившимся къ освобожденію крестьянъ, авторъ указываетъ многія слабыя стороны ихъ проектовъ, происходившія частью отъ незнанія русской жизни, частью изъ эгоистическихъ побужденій, неоднократно высказываетъ мысль, что осуществленіе нѣкоторыхъ изъ ихъ проектовъ вмѣсто улучшенія крестьянскаго положенія должно было бы повести къ его ухудшенію, и признаетъ несомнѣнную заслугу за нѣкоторыми представителями консервативнаго направленія. Заслуга ихъ состоитъ въ томъ, что они удержали правительство отъ нѣкоторыхъ поспѣшныхъ шаговъ въ освобожденіи крестьянъ и указали, что освобожденіе не можетъ быть произведено безъ надѣла крестьянъ землею и безъ сохраненія общиннаго устройства, тогда какъ проекты нѣкоторыхъ либераловъ вели прямо къ обезземеленію крестьянъ и къ разрушенію общины. Такая объективность позволила автору глубже вникнуть во многія стороны разбираемаго предмета и значительно увеличила цѣнность его труда. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы находимъ у автора рѣз

кіе диссонансы съ общимъ тономъ произведенія: авторъ иногда не удерживается на почвѣ историческаго изслѣдованія и начинаетъ судить о близкой къ намъ современности, проводитъ параллели между старымъ и новымъ. Такъ, напримѣръ, изложивъ мнѣнія масона Поздѣева, отрицавшаго необходимость для крестьянъ свободы и требовавшаго отъ нихъ «предварительно освобожденія внутренняго, освобожденія отъ слабостей и пороковъ», авторъ замѣчаетъ: «Какъ напоминаетъ взгляды тѣхъ нашихъ современниковъ, которые такъ усердно кричатъ, что дѣло не въ общественныхъ реформахъ, а въ необходимости нравственнаго возрожденія людей, забывая, что извѣстный строй общества можетъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на его членовъ, и что при этихъ условіяхъ проповѣдывать одно самоусовершенствованіе значитъ умышленно отвлекать вниманіе отъ настоятельной, необходимой и плодотворной работы». Послѣ этой тирады авторъ сравниваетъ мнѣнія Достоевскаго о современныхъ общественныхъ потребностяхъ со взглядами Поздѣева и Карамзина на крестьянскій вопросъ и продолжаетъ свою филиппику такимъ образомъ: «Этими указаніями мы хотимъ только побудить современныхъ защитниковъ общественнаго застоя поискать какихъ-нибудь новыхъ аргументовъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а не повторять затасканныхъ мнѣній Поздѣева, Карамзина и т. п. Если же они примыкаютъ къ нимъ въ одной части ихъ ученія, то для послѣдовательности слѣдовало бы принять и другую, т. е. объявить, что крѣпостное право было уничтожено преждевременно, и что если многіе освобожденные крестьяне находятся въ положеніи печальномъ, то это объясняется не недостатками самой реформы, не причинами экономическими, а нравственнымъ безобразіемъ народа, его наклонностью къ пьянству и другими пороками, получившими полный просторъ съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти. Только недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ провести далѣе эту поучительную параллель между крѣпостниками первой четверти нынѣшняго столѣтія и современными намъ защитниками общественнаго квіетизма». Все это разсужденіе представляется чрезвычайно слабымъ и натянутымъ, опровергать его положительно не стоитъ труда, и мы очень довольны, что «недостатокъ мѣста» помѣшалъ автору внести еще нѣсколько страницъ, которыя могли бы только портить его книгу.

Отмѣтимъ еще одно мѣсто, въ которомъ авторъ также отступаетъ отъ своего предмета, и также не совсѣмъ удачно. Объяснивъ роль славянофиловъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, авторъ обращается къ современному славянофильству и говоритъ: «Преемники стараго славянофильства должны были бы проявить уваженіе къ его принципамъ, употребивъ всѣ свои силы и способности на изученіе того народа, который такъ высоко ставили ихъ учителя. Но, за немногими исключеніями, они предпочли повторять

общія отвлеченныя формулы славянофильства, не влагая въ нихъ новаго, живого содержанія, не примѣняя ихъ яснѣе къ потребностямъ жизни и иногда даже прямо игнорируя самыя настоятельныя народныя нужды (напомнимъ, напримѣръ, отношенія «Руси» къ вопросу о крестьянскомъ малоземельи). А въ то же время люди съ совершенно инымъ міровоззрѣніемъ, написавшіе на своемъ знамени «служеніе народу», положили много труда на изученіе русской народной жизни; теперь можно уже сказать безошибочно, что послѣдователямъ этихъ людей, а не недостойнымъ своихъ лучшихъ учителей эпигонамъ славянофильства принадлежитъ будущее». Рѣшительно не понимаемъ, къ чему понадобилось автору нападать на современныхъ славянофиловъ и даже обращать свой взоръ въ будущее, къ чему повторилъ онъ эти черезчуръ шаблонные и невѣрные упреки по адресу «эпигоновъ славянофильства». Вѣдь повторять такіе упреки, уничтожать однимъ почеркомъ пера цѣлое міросозерцаніе очень легко, но при томъ и не очень ли легкомысленно? Полагаемъ, что тирады, подобныя приведеннымъ, умѣстны развѣ только въ устахъ какой-нибудь милой, нервной барыни, но никакъ не на страницахъ основательнаго, ученаго труда, какимъ является сочиненіе В. И. Семевскаго, и да не посѣтуетъ на насъ авторъ, если мы скажемъ, что подобныя мѣста въ его книгѣ производятъ самое непріятное впечатлѣніе. Но къ счастію такихъ мѣстъ очень немного и они искупаются выдающимися достоинствами изслѣдованія, съ результатами котораго постараемся познакомить читателей въ настоящемъ очеркѣ.

Первая мысль объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи принадлежитъ извѣстному любимцу царевны Софьи, кн. В. В. Голицыну, который въ разговорѣ съ иностранцемъ Невилемъ высказалъ мнѣніе о необходимости «поставить Россію на одну доску съ другими государствами и первымъ средствомъ для этого считалъ «освобожденіе крестьянъ и предоставленіе имъ тѣхъ земель, которыя они обработываютъ». Однако, Голицынъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу крестьянъ и первыя попытки остановить развитіе крѣпостнаго права относятся уже къ царствованію Петра Великаго. Петръ дозволилъ дворовымъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина; крестьянамъ, производившимъ торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ и противъ желанія помѣщика; имѣнія помѣщиковъ, разворяющихъ своихъ крестьянъ, приказано было отдавать въ управленіе родныхъ владѣльцевъ; сенату было повелѣно изыскать мѣры къ ограниченію продажи людей безъ земли. Но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что крѣпостное право усилилось при Петрѣ въ томъ отношеніи, что кабальные холопы, прежде освобождавшіеся со смертью владѣльца, были лишены этого права. При преемникахъ Петра

крѣпостное право усиливалось и распространялось безъ всякихъ ограниченій: увеличилась численность крѣпостныхъ посредствомъ приписки по ревизіямъ и пожалованія населенныхъ имѣній, и кромѣ этого при императрицѣ Елисаветѣ помѣщикамъ предоставлено было право отправлять своихъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Крѣпостное право казалось помѣщикамъ явленіемъ вполнѣ нормальнымъ, такъ какъ они сами были закрѣпощены государству вслѣдствіе обязательности службы; но манифестъ Петра III о вольности дворянства уничтожилъ это основаніе бытія крѣпостного права, и съ царствованія императрицы Екатерины II начинается рядъ мѣръ и проектовъ объ ограниченіи и окончательномъ упраздненіи зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ царствованію Екатерины II, скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу до-екатерининской литературы. Объ ограниченіи помѣщичьей власти говорилъ одинъ Посошковъ: онъ желалъ точнаго опредѣленія платежей и повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и отдѣленія крестьянской земли отъ помѣщичьей. Татищевъ касался крестьянскаго вопроса только мимоходомъ, при чемъ отзывался, что уничтоженіе крѣпостного права «съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно». Кантеміръ въ своихъ сатирахъ только изрѣдка говоритъ объ угнетенномъ положеніи крестьянъ. У Ломоносова мы находимъ только одну фразу, которой онъ упоминаетъ о «помѣщичьихъ отягощеніяхъ крестьянъ».

Обратимся къ императрицѣ Екатеринѣ, которая, какъ говоритъ В. И. Семевскій, «повидимому, была самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы, если не довести до конца, то, по крайней мѣрѣ, начать измѣненіе быта крестьянъ». Еще будучи великой княгиней, она писала: «противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными». Она предполагала уничтожить крѣпостное право постепенно, освобождая крестьянъ при переходѣ имѣній въ руки новыхъ владѣльцевъ; такое уничтоженіе рабства, по ея мнѣнію, должно было совершиться въ теченіе ста лѣтъ. Либеральныя вѣянія проявились сильнѣе всего въ началѣ царствованія Екатерины. По примѣру императрицы, а отчасти и по ея побужденію, крестьянскимъ вопросомъ стали заниматься въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Являются проекты ограниченія крѣпостнаго права (напр. П. И. Панина) и даже окончательнаго его упраздненія. Такъ нашъ посланникъ въ Парижѣ, кн. Д. А. Голицынъ, предлагалъ утвердить за крестьянами ихъ движимое имущество, дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ и даже даровать имъ личную свободу, безъ земли, при чемъ инціатива такого освобожденія должна была прежде всего явиться въ дворцовыхъ имѣніяхъ; вся земля, по его предположеніямъ, должна была остаться за помѣщикомъ, крестьянинъ же обра-

щался въ арендатора; конечно, такой либерализмъ былъ очень опасенъ: положеніе крестьянъ, если бы принять проектъ кн. Голицына, стало бы вполнѣ невыносимымъ. И. П. Елагинъ предлагалъ уступить крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣръ ихъ платежей и работъ, но при этомъ онъ считалъ возможнымъ искусственно устроить дворы по 4 работника въ каждомъ, чѣмъ разрушалась крестьянская община. Не довольствуясь этими записками, императрица обратилась къ только-что основавшемуся тогда вольному экономическому обществу съ вопросомъ объ устройствѣ крестьянской собственности. Общество объявило въ печати задачу на соисканіе преміи. Тема была поставлена такимъ образомъ: «что полезнѣе для общества,—чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то и другое имѣніе простираться должны?» На эту задачу было прислано 162 отвѣта, изъ нихъ 7 русскихъ. Первую награду получилъ французъ Беарде-де-Лабей; онъ совѣтовалъ дать крестьянамъ личное освобожденіе и движимое имущество, земельный же надѣлъ, имъ предложенный, слишкомъ малъ и обращаетъ крестьянина въ арендатора помѣщичьей земли. Наиболѣе либеральнымъ оказывается сочиненіе Граслена, который считалъ извращеніемъ естественнаго порядка какъ рабство, такъ и то положеніе вещей, когда правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкой. Изъ русскихъ сочиненій укажемъ мнѣніе Полѣнова: онъ отнесся критически къ существовавшимъ отношеніямъ между помѣщиками и крѣпостными, требовалъ предоставленія крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе, прекращенія продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденія отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точнаго опредѣленія его повинностей и предоставленія права выкупа на волю за опредѣленную сумму, хотя и ставилъ введеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія помѣщиковъ. Сочиненіе Полѣнова оставалось не напечатаннымъ до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, такъ какъ критика современнаго строя отличается въ немъ большою рѣзкостью; напечатано было сочиненіе Беарде-де-Лабея.

Но прежде, чѣмъ рѣшено было печатать это произведеніе, крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Изложенію преній Комиссіи предпошлемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ крестьянскому вопросу «Наказа» императрицы Екатерины. «Наказъ» составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ Монтескье, а у него мы находимъ такую фразу: «не должно вдругъ и черезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ»; поэтому и въ «Наказѣ» рѣчь идетъ не объ освобожденіи крестьянъ, а объ улучшеніи ихъ быта; главныя измѣненія, которыя требуются въ «Наказѣ»—были: опредѣленіе повинностей крестьянъ

закономъ, огражденіе ихъ правъ на имущество, свобода ихъ браковъ и наказаніе помѣщиковъ, мучающихъ крестьянъ.

Обратимся къ Комиссіи для составленія новаго уложенія. Въ ней крестьянскій вопросъ возбудилъ сильнѣйшія пренія. Депутаты разныхъ сословій просили о разрѣшеніи владѣть крѣпостными и не дворянамъ, но эти притязанія встрѣтили энергическій отпоръ, какъ со стороны дворянства, такъ и со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ не дворянъ; такъ напр., сильно возражалъ противъ нихъ депутатъ хоперской крѣпости Алейниковъ. «Мы видимъ цѣлую Европу, — говорилъ онъ, — которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не будетъ ли предосужденія всѣмъ гг. депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда по окончаніи сей высокославной комиссіи узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами». Противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ раздавалось въ комиссіи не мало протестовъ, но дворяне отнеслись сочувственно только къ требованію запретить продажу людей по одиночкѣ. Особенно много возбудили споровъ предложенія депутата Коробьина: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ, и 2) дать имъ право собственности на имѣніе. Въ предложеніи Коробьина была нѣкоторая неопредѣленность во второмъ пунктѣ, было не ясно, что понимаетъ онъ подъ «правомъ собственности на имѣніе»; нѣкоторые депутаты поняли его предложеніе такимъ образомъ, что онъ хочетъ отдать крестьянамъ въ собственность землю, и возстали противъ этого. Коробьинъ отвѣчалъ уклончиво, что въ его словахъ нѣтъ прямого требованія надѣлить крестьянъ землей, но все-таки не формулировалъ опредѣленно своихъ желаній. Сущность возраженій противъ перваго пункта предложенія Коробьина сводится къ тому, что невозможно опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Весьма важно было, что противники Коробьина указывали на вредъ, могущій произойти отъ предоставленія земли въ собственность крестьянамъ, съ правомъ ея отчужденія, — въ этихъ возраженіяхъ было указаніе на пагубность безземельнаго освобожденія.

Но каковъ же былъ результатъ всѣхъ этихъ записокъ, сочиненій на премію, разсужденій въ законодательныхъ комиссіяхъ? Результатъ былъ болѣе отвлеченный, теоретическій:—крестьянскій вопросъ былъ поставленъ въ первый разъ, — практическихъ же послѣдствій, какого-либо облегченія въ судьбѣ крѣпостныхъ, не было никакихъ. Тяжесть крѣпостнаго права вызывала среди крестьянъ сильное броженіе, а отъ теоретическихъ разсужденій имъ не становилось легче. Весьма возможно, что до нихъ доходили слухи о предполагаемыхъ реформахъ, и нетерпѣніе ихъ должно было еще болѣе разростаться. «Въ бывшей Комиссіи о сочиненіи уложенія»,

говоритъ авторъ одного изъ консервативныхъ разсужденій по крестьянскому вопросу, «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли сію заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и тщетно многими лучшими сынами отечества испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лѣкарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разъѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли». Но «злыя сѣмена» дали себя почувствовать только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда вспыхнула пугачевщина. Пугачевъ приманилъ къ себѣ крестьянъ обѣщаніемъ земли и свободы, чего не давала имъ императрица. Бибиковъ прекрасно понималъ значеніе Пугачева, говоря: «не Пугачевъ важенъ—важно общее негодованіе». Я. Е. Сиверсъ, представляя по окончаніи бунта государынѣ свои предположенія, что слѣдуетъ дѣлать, писалъ: «я позволю себѣ сказать, что неограниченное рабство погубитъ государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабское иго главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги». Но авторъ упомянутаго разсужденія не смущался такими соображеніями и полагалъ, что «за таковое всеобщее преступленіе слѣдовало бы крестьянъ, если бы и не были рабами, предать въ рабство, дондеже искоренятся злыя сѣмена въ сердцахъ ихъ».

Въ обсужденіи крестьянскаго вопроса при Екатеринѣ II не малую роль играли литература и журналистика. Обличенія злоупотребленій помѣщиковъ встрѣчаются въ сатирическихъ журналахъ, комедіяхъ императрицы, Фонъ-Визина и Княжнина, стихотвореніяхъ и прозаическихъ статьяхъ Сумарокова, особенно же въ «Почтѣ духовъ» и «Зрителѣ» Крылова. Но не всегда такія обличенія проходили свободно: такъ не была напечатана ода Катенина «На рабство», а Радищевъ жестоко поплатился за свое «Путешествіе». Замѣтимъ еще, что рядомъ съ обличеніями мы встрѣчаемъ иногда идеализацію быта крѣпостныхъ подъ управленіемъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ.

Но, не смотря на всякія либеральныя вѣянія, подводя итоги сдѣланному въ пользу крестьянъ при Екатеринѣ, мы видимъ, что положеніе ихъ не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Въ пользу ихъ было принято правительствомъ нѣсколько весьма несущественныхъ мѣръ (продажа людей безъ земли запрещена была только при продажѣ имѣній съ аукціона, запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощаться и др.), но за то было дозволено помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ пра-

вомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію, крѣпостное право введено въ Малороссіи и Слободской Украйнѣ, роздана масса населенныхъ имѣній. Однако, какъ замѣчаетъ В. И. Семевскій, «если необходимо признать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограниченія, нельзя не считать ея большою заслугою, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Кратковременное царствованіе императора Павла ознаменовалось главнымъ образомъ неумѣренной раздачей казенныхъ крестьянъ [1]). Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической. Въ литературѣ крестьянскій вопросъ за это время находился подъ запретомъ. Однако же на дѣлѣ были приняты нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ: въ Малороссіи было запрещено продавать ихъ безъ земли, и для всей Россіи опредѣленъ размѣръ барщины, въ количествѣ трехъ дней въ недѣлю. Относительно послѣдней мѣры надо замѣтить, что она мало исполнялась, а для Малороссіи являлась повышеніемъ крестьянскихъ повинностей,—такъ тамъ установилась барщина двухдневная.

Восшествіе на престолъ императора Александра I было встрѣчено съ самыми радостными надеждами, ожидалось между прочимъ и облегченіе участи крестьянъ. Императоръ имѣлъ въ этомъ отношеніи весьма благія намѣренія. Его воспитатель Лагарпъ въ своемъ историческомъ курсѣ старался внушить ему очень высокое мнѣніе о крестьянствѣ, какъ о сословіи, наименѣе испорченномъ и наиболѣе приносящемъ пользы; Лагарпъ съ сочувствіемъ разсказывалъ о возстаніяхъ рабовъ и гладіаторовъ, онъ говорилъ: «по какому праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій? Жестоко было бы зажимать ротъ страдальцамъ, чтобы не слышать ихъ криковъ и рыданій, и въ высшей степени неблагоразумно доводить людей до отчаянія съ его гибельными послѣдствіями». Кружокъ, сгруппировавшійся около молодого императора тоже весьма сочувственно относился къ крестьянству. Наиболѣе консервативнымъ изъ его членовъ былъ Новосильцовъ, но и онъ возставалъ противъ злоупотребленій помѣщиковъ. Дальше всѣхъ въ своихъ нападеніяхъ на крѣпостное право шелъ гр. П. А. Строгоновъ, онъ доказывалъ, что дворянъ нечего бояться. «Чего не было сдѣлано, говорилъ онъ, въ прошедшее царствованіе противъ этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся

---

[1]) Объ этомъ смотри нашу статью: «Къ характеристикѣ императора Павла» «Истор. Вѣстникъ» 1888, № 6, стр. 641—658.

поводъ бояться чего-либо, то именно въ эту эпоху. Пришло ли имъ это на мысль? Напротивъ, всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительной точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодѣ и чести сословія». Если бояться неудовольствія или возстанія, то его нужно, по мнѣнію гр. Строгонова, ожидать не со стороны дворянъ, а со стороны крестьянъ, которые «съ самаго дѣтства преисполняются ненавистью къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ». «Народъ всегда преданъ правительству: онъ вѣритъ, что императоръ готовъ его защищать, и если является какая-нибудь стѣснительная мѣра, то ее приписываютъ не государю, а министрамъ». Опасность заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія. Подобныя рѣчи не проходили безслѣдно для молодого императора, онъ самъ разъ высказалъ, что «слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и сознавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною». Но не смотря на либерализмъ окружающихъ, не смотря на собственныя либеральныя мечтанія, императоръ сдѣлалъ для крѣпостныхъ чрезвычайно мало. Причиною этого въ первую половину царствованія являлась крайняя нерѣшительность императора, составлявшая одно изъ постоянныхъ свойствъ его характера, а во вторую половину преобразовательное движеніе было заторможено недовѣрчивостью, подозрительностью, постояннымъ опасеніемъ революціи, которыя развились въ императорѣ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ западныхъ консервативныхъ политическихъ дѣятелей.

Нерѣшительность Александра въ крестьянскомъ дѣлѣ обнаружилась съ самыхъ первыхъ шаговъ. Уже въ 1801 году онъ высказалъ желаніе, чтобы была прекращена продажа людей безъ земли, но вмѣсто того, чтобы настоять на своемъ желаніи, онъ уступилъ мнѣнію совѣта, отклонившаго эту мѣру. Все дѣло ограничилось именнымъ указомъ президенту Академіи Наукъ, барону Николаи, о непринимaніи ни отъ кого объявленій для помѣщенія въ вѣдомостяхъ о продажѣ людей безъ земли. Указъ не достигъ цѣли. Приличіе было соблюдено, и вмѣсто прежнихъ объявленій появились новыя, что такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, а это значило, что они попрежнему продавались. Вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли возбуждался еще разъ въ 1820 г., но опять безуспѣшно. Характеренъ фактъ, что императоръ, когда ему до этого вторичнаго обсужденія вопроса доложили о случаѣ продажи крестьянъ безъ земли, забылъ, что она не отмѣнена и сильно разсердился; такимъ образомъ, не смотря на сильное желаніе уничтожить продажу людей безъ земли, императоръ оба раза оказался крайне нерѣшительнымъ.

Одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ въ пользу крестьянъ при

Александрѣ I было учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Оно явилось по инициативѣ гр. С. П. Румянцова, который предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею; государь отнесся весьма сочувственно къ этой мысли и въ 1803 г. появился указъ, по которому помѣщикамъ было дозволено заключать съ крестьянами троякаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) когда при увольненіи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами. Въ этомъ законѣ было одно неудобное условіе: помѣщикъ дѣлилъ землю на участки и каждый крестьянинъ получалъ опредѣленный надѣлъ съ планомъ на него,—такимъ образомъ, общинное землевладѣніе обращалось въ подворное. Однако, это условіе обыкновенно не исполнялось и въ царствованіе Николая I было отмѣнено. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ произвелъ цѣлую бурю въ тогдашнемъ обществѣ, инициатора его гр. Румянцова вездѣ поносили, взводили на него разныя клеветы и инсинуаціи. Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ своему другу Циціанову: «Румянцову вѣрно захотѣлось или въ четвертый разъ въ службу или двухъ аршинъ голубой ленты. Но увы! отправленъ съ табакеркой! Ты представить себѣ легко можешь, что за волненіе въ Москвѣ все сіе произвело: и ефимоны перестали читать, чтобы бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т. е. Сергѣя Петровича». Державинъ взвелъ на Румянцова чистѣйшую небылицу, будто крестьяне, отпущенные имъ на волю, были не крѣпостные его, а вольные, поселенные его отцомъ, фельдмаршаломъ, «на его земляхъ, вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ».

Важность закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ заключалась въ томъ, что онъ отнималъ у помѣщиковъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. А, между тѣмъ, опасность обезземеленія крестьянъ въ эпоху Александра была довольно велика: при немъ совершилось безземельное освобожденіе въ Остзейскомъ краѣ, это было плохимъ прецедентомъ, и мысль о выгодности такого освобожденія для землевладѣльцевъ могла бы очень легко распространиться среди нашего дворянства. Поэтому весьма важны были протесты противъ безземельнаго освобожденія, исходившіе отъ такихъ вліятельныхъ людей, какъ Сперанскій.

Изъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ царствованіе Александра для улучшенія быта крѣпостныхъ, отмѣтимъ слѣдующія: было прекращено пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность, хотя раздавались аренды; уничтожено правило: «по холопу раба»;

запрещено запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещенъ торгъ крѣпостными на ярмаркахъ, уничтожено право помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ каторжную работу.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе на положеніе крестьянскаго вопроса въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; посмотримъ, какую роль въ его обсужденіи при Александрѣ играли литература и наука. Вольное Экономическое Общество принимало въ разработкѣ вопроса постоянное и дѣятельное участіе; оно предложило цѣлый рядъ задачъ, рѣшеніе которыхъ должно было уяснять крестьянское дѣло: въ 1803 г. оно предложило тему о поднятіи трудолюбія въ нижнихъ состояніяхъ людей, въ 1804 г.—о причинахъ дороговизны на съѣстные припасы, въ 1809 г. о сравнительной выгодѣ для помѣщиковъ и крестьянъ барщиннаго и оброчнаго хозяйства, въ 1812 г. двѣ задачи: 1) о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда и 2) объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ. Всѣ эти задачи вызывали много отвѣтовъ самаго разнообразнаго направленія и весьма любопытныхъ. Наиболѣе интересными представляются отвѣты профессора харьковскаго университета Якоба.

Въ литературѣ крестьянскій вопросъ затрогивался Батюшковымъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, Грибоѣдовымъ, Нарѣжнымъ и Державинымъ. Не будемъ излагать взглядовъ этихъ писателей, они большей частью извѣстны; скажемъ нѣсколько словъ о цензурныхъ стѣсненіяхъ, которыя имъ приходилось испытывать: не могли появиться въ печати «Уединеніе» Пушкина и многія стихотворенія кн. Вяземскаго, «Горе отъ ума» явилось въ свѣтъ въ слѣдующее уже царствованіе и то съ урѣзками. Серьезные научные труды пропускались съ большими препятствіями; книга Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» была запрещена во второмъ изданіи, диссертацію Кайсарова о крѣпостномъ правѣ нельзя было перевести съ латинскаго языка, курсъ политической экономіи Шторха, читанный великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, не могъ появиться на русскомъ языкѣ, профессора петербургскаго университета Арсеньевъ и Германъ были удалены отъ службы за то, что задѣвали въ своихъ лекціяхъ крѣпостное право. Относительно журналовъ въ 1818 г. состоялось слѣдующее распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицына: «обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства».

Цензура препятствовала гласному обсужденію крестьянскаго вопроса, но не могла остановить множества рукописныхъ мемуаровъ, посвященныхъ ему. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ записокъ.

Сперанскій желалъ постепеннаго уничтоженія крѣпостного права, при чемъ настаивалъ на надѣлѣ крестьянъ землею,—однако, надо замѣтить, что онъ болѣе думалъ о политическомъ преобразованіи Россіи. Мордвиновъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостного права и желалъ созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи. Карамзинъ, Шишковъ и масоны, всѣ со своихъ особыхъ точекъ зрѣнія, защищали крѣпостное право, при этомъ масонъ Поздѣевъ высказывалъ замѣчательное презрѣніе къ русскому народу, рекомендуя «экзекутнымъ духомъ» искоренять въ немъ «духъ иллюминатскій». Н. И. Тургеневъ полагалъ, что «недозволительно думать о политической свободѣ» тамъ, гдѣ несчастные крестьяне «не знаютъ и простой свободы», и тѣмъ давалъ отличный отпоръ теоретикамъ въ родѣ Мордвинова и Сперанскаго. Одинаковыхъ взглядовъ въ этомъ отношеніи съ Тургеневымъ держался и Пушкинъ.

Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ занималъ видное мѣсто въ планахъ декабристовъ: о немъ упоминается въ «конституціи» кн. Трубецкаго, Пестель предполагалъ дать крестьянамъ надѣлъ, Рылѣевъ стоялъ за надѣленіе крестьянъ не только огородной, но и пашенной землей, временное правительство должно было выработать основныя начала освобожденія крестьянъ. Но декабристы были побѣждены, и новому императору пришлось взять на себя рѣшеніе части той задачи, которую они себѣ поставили, т. е. выработать основанія для освобожденія крестьянъ.

Императоръ Николай сознавалъ всю важность крестьянскаго вопроса, всю настоятельность возможно быстраго его рѣшенія. Эта мысль внушалась ему еще его преподавателемъ политической экономіи Шторхомъ, хотя надо замѣтить, что въ проектахъ Шторха было много неопредѣленности, что происходило отъ незнанія условій русской жизни и поземельныхъ отношеній. Императоръ неоднократно имѣлъ случай высказывать свои освободительныя стремленія. Въ 1834 г. онъ объявилъ гр. Киселеву: «Мы займемся этимъ (т. е. крестьянскимъ вопросомъ) когда-нибудь. Я знаю, что могу разсчитывать на тебя: ибо мы оба имѣемъ тѣ же идеи, питаемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ, и который ихъ пугаетъ. Видишь ли, здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ государь высказалъ Киселеву свои намѣренія еще опредѣленнѣе: «Я говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ, и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые были совершенно противны; не смотря на то, я учредилъ комитетъ изъ 7 членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По

отчету твоему о княжествахъ[1]) я видѣлъ, что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положилъ основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразованія; помогай мнѣ въ дѣлѣ, которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли, которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу». Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого государь произнесъ рѣчь о крестьянскомъ дѣлѣ въ государственномъ совѣтѣ. «Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ онъ, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ. Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ коего въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. Я также никогда на сіе не рѣшусь: если время, когда можно будетъ къ тому приступить, вообще еще весьма далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства. Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ достигнуть буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь точно также будетъ предметомъ особенной и съ Божіей помощью успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда. Но если настоящее положеніе таково, что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо по крайности пріуготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и, не устрашаясь передъ всякой перемѣной, хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать вольности, но должно открыть путь къ другому, переходному состоянію, связавъ съ нимъ ненарушимое право вотчинной собственности на землю. Я почитаю сіе священною своею обязанностью и обязанностью преемниковъ своихъ на престолѣ». Изъ всѣхъ приведенныхъ словъ императора мы видимъ, что онъ прекрасно понималъ ненормальность крѣпостного права, называлъ его «рабствомъ», искренно желалъ его уничтоженія, но разными обстоятельствами, вѣроятнѣе всего, противодѣйствіемъ, встрѣченнымъ имъ въ близкой ему средѣ, вы

---

[1]) Молдавіи и Валахіи, которыми Киселевъ управлялъ въ теченіе 5 лѣтъ съ 1829 г.

нужденъ былъ отложить тотъ процессъ, который намѣревался вести противъ него, призналъ уничтоженіе крѣпостнаго права преждевременнымъ и своею задачей сталъ считать его смягченіе и подготовку средствъ къ совершенію великаго дѣла для своего сына.

Обратимся теперь къ лицамъ, окружавшимъ императора. Изъ нихъ наиболѣе выдается гр. Киселевъ. Онъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостного права, но не обращенію его въ регулированное закономъ прикрѣпленіе къ землѣ. Въ 1840 г. онъ представилъ государю слѣдующую программу улучшенія быта крестьянъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 3) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для прочихъ сословій; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными сельскаго управленія, съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста. Изъ этихъ предположеній, одобренныхъ государемъ, исполнены были очень немногія, да и то въ искаженномъ видѣ. Киселеву приходилось иногда вступать въ бурныя пренія съ своими противниками. Въ 1847 г., возражая гр. Уварову, онъ такъ характеризовалъ тактику своихъ оппонентовъ: когда защитники ограниченія крѣпостного права выставляютъ общее положеніе, то имъ возражаютъ, что внезапный переворотъ опасенъ и что нужно частями и послѣдовательно исправляетъ зло, отсѣкая его при каждомъ удобномъ случаѣ; а когда такой случай представляется, то находятъ, что текущее дѣло не можетъ возбуждать столь важныхъ сужденій. «Подобная теорія, говорилъ Киселевъ, ведетъ прямо къ тому, чтобы оставаться въ неподвижности и ожидать кровавыхъ событій, могущихъ вынудить правительство согласиться на то, въ чемъ отказать уже будетъ не въ силахъ». Дѣятельность Киселева возбуждала противъ себя неудовольствіе, про него пускали въ ходъ разныя клеветы, въ родѣ того, что онъ очень выгодно продалъ въ казну свое имѣніе въ Харьковской губ., хотя такого имѣнія у него вовсе и не было; сотрудникъ Киселева, Заблоцкій-Десятовскій, по проискамъ кн. А. С. Меншикова, былъ забаллотированъ въ англійскомъ клубѣ.—Изъ другихъ приближенныхъ императора въ пользу крестьянъ высказывался гр. Бенкендорфъ. Онъ говорилъ: «при постоянныхъ опасеніяхъ ни до чего нельзя достигнуть. Причины взрыва, которыя во время отклонить можно, не уничтожаются нерѣшимостью, а лишь укрѣпляются, и чѣмъ позднѣе будетъ сей взрывъ, тѣмъ сильнѣе и опаснѣе». Гр. Левашевъ полагалъ, «что въ дѣлѣ, такъ близко связанномъ съ интересами двухъ противоположныхъ сословій, лучше дѣйствовать рѣшительно; всякія полумѣры безполезны и даже вредны». Кн. Чер-

нышевъ, Волконскій, Меншиковъ, Васильчиковъ, Орловъ стояли за сохраненіе status quo. Особенно энергичнымъ противникомъ Киселева выступалъ кн. Меншиковъ, допускавшій впрочемъ безземельное освобожденіе крестьянъ и ратовавшій при этомъ противъ общиннаго землевладѣнія. Безземельное освобожденіе допускалось и въ запискѣ Сперанскаго, поданной императору еще въ началѣ царствованія. Къ счастію противъ безземелья высказались при императорѣ Николаѣ такіе авторитетные люди, какъ Киселевъ и Перовскій, хотя послѣдній и держался консервативнаго образа мыслей въ отношеніи къ крѣпостному праву. Наконецъ, упомянемъ, что въ консервативномъ смыслѣ высказывался въ это время и наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ: онъ былъ недоволенъ дѣятельностью Бибикова относительно введенія инвентарей въ Западномъ краѣ, въ комитетѣ 1848 г. онъ высказался за отмѣну закона, дарующаго крѣпостнымъ право выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона. Однако, мы должны оговориться, что взглядъ цесаревича въ этотъ періодъ и мотивы, руководившіе его дѣйствіями, далеко еще не выяснены, и считать его направленіе вполнѣ консервативнымъ мы никакъ не можетъ; быть можетъ заявленія его въ консервативномъ смыслѣ получатъ другую окраску, когда мы лучше ознакомимся съ обстоятельствами его жизни въ это время.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ окружавшихъ императора лицъ многія соглашались на ограниченіе крѣпостного права, но были у нихъ и противники, да и среди нихъ самихъ не было единогласія по вопросу о томъ, что считать наиболѣе полезнымъ и своевременнымъ: мѣра, предложенная однимъ, обыкновенно, встрѣчала противодѣйствіе со стороны другихъ. Съ начала царствованія императора Николая, мы видимъ, что учреждается цѣлый рядъ комитетовъ, спеціально занятыхъ крестьянскимъ дѣломъ; но результатъ работы этихъ комитетовъ оказывается весьма незначительнымъ: всему мѣшало указанное разногласіе приближенныхъ государя, входившихъ въ составъ комитетовъ. Ни одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ комитетомъ, вполнѣ разрѣшенъ не былъ. Не смотря на весьма обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о запрещеніи продажи людей безъ земли, полнаго ея запрещенія не послѣдовало, и только не было позволено разлучать при этомъ членовъ семейства и запрещено покупать ихъ безъ земли иначе, какъ съ припискою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ опредѣлены были только въ Западномъ краѣ, благодаря энергической дѣятельности Д. Г. Бибикова. Вопросъ о запрещеніи перевода крестьянъ съ пашни во дворъ былъ рѣшенъ отрицательно, и дворовымъ было позволено заключать договоры съ помѣщиками о своемъ увольненіи. Размѣръ выкупа при отпускѣ на свободу опредѣленъ не былъ. Въ 1847 г. на всю Россію было распространено право гру-

зинскихъ крестьянъ выкупаться на волю при продажѣ имѣній съ аукціона, но черезъ два года оно было отмѣнено. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, имѣлъ мало значенія.

Неуспѣхъ правительственной дѣятельности по крестьянскому вопросу въ эту эпоху объясняется отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что разбираемый вопросъ составлялъ нѣчто въ родѣ канцелярской тайны. Комитеты, его обсуждавшіе, были секретные, келейные; гласность не допускалась. Печать была устранена отъ этого вопроса, она была не менѣе стѣснена, чѣмъ при Александрѣ I. Извѣстны тѣ цензурныя стѣсненія и искаженія, которымъ подвергались произведенія Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Некрасова, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ затрогивались помѣщичьи злоупотребленія. Сравнительно большая свобода выпала на долю И. С. Тургенева, но и ему пришлось поплатиться за «Записки охотника». Журналистика должна была избѣгать упоминаній о крѣпостномъ правѣ. Принимая въ мартѣ 1848 г. депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ сказалъ: «нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впредь этого не будетъ». Въ 1850 г. было постановлено, чтобы «сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа. Несчастная боязнь революціонныхъ движеній, обуявшая наше правительство въ послѣдніе годы царствованія Николая, до чрезвычайности усилила этотъ цензурный гнетъ: профессорамъ на лекціяхъ было запрещено «въ неумѣренныхъ выраженіяхъ изъявлять сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ», въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ защиту крѣпостного права приводились тексты изъ священнаго писанія.

Но вся эта «келейность» и «секретность», весь этотъ цензурный гнетъ, не могли заглушить въ обществѣ живѣйшаго интереса къ крестьянскому вопросу: литературу нельзя было заставить совсѣмъ молчать, освободительныя стремленія въ ней продолжали высказываться, университетская наука въ лицѣ нѣкоторыхъ профессоровъ не щадила крѣпостного права, общественные кружки славянофиловъ, Герцена, Бѣлинскаго, Петрашевскаго, однимъ изъ первыхъ пунктовъ своей программы ставили освобожденіе крестьянъ. По свидѣтельству Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія сдѣлался «однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ». Къ скорѣйшему рѣшенію вопроса побуждало и усиленіе

протестовъ крестьянъ противъ помѣщичьей власти: особенно серьезно было обширное волненіе крестьянъ въ Витебской губ. въ 1847 г. и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г., послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

Вопросъ требовалъ разрѣшенія, но императору Николаю не суждено было его покончить. Черезъ годъ послѣ его смерти его преемникомъ сказаны были знаменитыя слова московскому дворянству: «Существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу». Въ этихъ словахъ было повтореніе мыслей, высказанныхъ при Александрѣ I гр. Строгановымъ, при Николаѣ I гр. Бенкендорфомъ, Киселевымъ и Левашовымъ, но теперь эти слова привели къ 19 февраля, когда былъ положенъ конецъ всякой нерѣшительности и всякимъ полумѣрамъ.

А. Вороздинъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ХЕРСОНЕСА И ЕГО УЧАСТІЕ ВЪ КРЕЩЕНІИ РУСИ [1].

РЕДСТАВИТЕЛЬ одного изъ младшихъ русскихъ университетовъ, житель младшаго изъ большихъ городовъ русскихъ, я позволяю себѣ привѣтствовать въ этомъ священномъ мѣстѣ глубокую сѣдую древность одной изъ важнѣйшихъ окраинъ обширнаго царства русскаго. Одесса еще не дожила до своего столѣтняго юбилея, а городъ Херсонесъ, на землѣ котораго мы стоимъ теперь, могъ бы праздновать свой тысячелѣтній юбилей чуть не за 500 лѣтъ до крещенія Руси. Херсонесъ на 2,200 лѣтъ старше Петербурга, болѣе, чѣмъ на 1600 лѣтъ древнѣе Москвы. Его обширныя бухты пестрѣли своими и иностранными судами, онъ жилъ полною культурною жизнію, былъ богатъ и славенъ въ то время, когда на мѣстѣ древнѣйшихъ изъ городовъ русскихъ рыскали стада дикихъ звѣрей. Эта земля есть единственный уголокъ Россіи, хорошо извѣстный древнимъ историкамъ.

Я напомню вамъ въ главныхъ чертахъ судьбы Херсонеса съ древнѣйшихъ временъ и потомъ съ большей подробностью остановлюсь на томъ моментѣ въ его исторіи, священную память котораго мы нынѣ празднуемъ.

Во времена императора Августа всѣ берега Чернаго и Азовскаго морей были усѣяны греческими колоніями, принадлежащими, конечно, римлянамъ, которымъ принадлежалъ тогда весь извѣстный міръ: у подошвы кавказскихъ горъ лежали Фазисъ, Діоскаріасъ,

---

[1]) Рѣчь, читанная 15 іюня 1888 г. въ Херсонесѣ, при празднованіи 900-лѣтія крещенія Руси.

Питіонтъ, у пролива Эникальскаго Пантикапея и Фанагорія; у устьевъ Дона — Танаисъ, у Днѣпра и Буга — Ольвія и Оденъ, у Днѣстра Тирасъ; на берегу малоазійскомъ—Синопъ, Трапезунтъ и множество др.; на южномъ берегу Крыма—Херсонесъ и Ѳеодосія; отъ Дуная до Босфора тянулся почти непрерывный рядъ купеческихъ конторъ. Изъ европейскихъ колоній важнѣе всѣхъ были— Пантикапея, нынѣшняя Керчь, и Херсонесъ.

Когда именно былъ основанъ Херсонесъ, съ точностью неизвѣстно; надо думать, что столѣтій за пять до того времени, во время славной борьбы грековъ съ персами и освобожденія малоазійскихъ греческихъ городовъ отъ персидскаго ига. Основали его выходцы изъ Гераклеи Понтійской, которая въ свою очередь была колоніей извѣстной Мегары. Херсонесъ погречески значитъ: полуостровъ; этимъ словомъ съ присоединеніемъ прилагательнаго — Таврическій назывался сперва весь Крымъ; потомъ это имя пріурочилось, какъ собственное, къ лучшему городу полуострова [1]). Первоначально Херсонесъ, какъ думали до послѣдняго времени, былъ основанъ на томъ полуостровѣ, гдѣ нынѣ находится херсонесскій маякъ, въ мѣстѣ, очень укрѣпленномъ природою, но несовсѣмъ удобномъ для житья, близь того мыса Дѣвственницы, къ которому прикрѣпилось трагическое сказаніе объ Ифигеніи; впослѣдствіи, когда городъ разбогатѣлъ и усилился, когда окрестныя страны и самое море уже не представляли ему такихъ опасностей, онъ постепенно былъ перенесенъ на нѣсколько верстъ сѣвернѣе. Я сказалъ: «какъ думали до послѣдняго времени» потому, что нынѣ производимыя раскопки могутъ измѣнить это убѣжденіе, обоснованное не особенно прочно.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что лѣтъ за 100 до Р. Х. Херсонесъ стоялъ тамъ, гдѣ мы теперь его знаемъ, между Стрѣлецкой бухтой на востокѣ и Карантинною на западѣ, подлѣ нынѣшняго Севастополя и отчасти даже на его мѣстѣ. Послѣ паденія независимости Греціи, онъ долго оставался болѣе или менѣе свободнымъ: какъ мелкая политическая единица, онъ часто не имѣлъ другого средства отдѣлаться отъ тѣснящихъ его варваровъ, какъ поддаться другимъ, менѣе грубымъ.

Лѣтъ за 80 до Р. Х. херсонесцевъ тѣснитъ скиѳскій царь Скилуръ; они обратились за помощью къ знаменитому уже въ то время Митридату, который началъ войну съ Скимуромъ и побѣдилъ его, но херсонесцевъ, конечно, подчинилъ своей власти. Впрочемъ, онъ былъ по отношенію къ нимъ господиномъ кроткимъ и милостивымъ, благоустроилъ и укрѣпилъ ихъ городъ. Скоро область Херсонеса стала театромъ войны между Митридатомъ и его сыномъ,

[1]) Херсонесъ носилъ также имя Магарики, которое указывало на его происхожденіе изъ Мегары.

а потомъ—между Митридатомъ и римлянами. Митридатъ, какъ извѣстно, погибъ, и Херсонесъ достался римлянамъ.

Римляне, понимавшіе его важное значеніе, тоже оказались для Херсонеса владыками снисходительными; они, впрочемъ, и не могли иначе относиться къ нему, такъ какъ Пантикапея и другія колоніи, вошедшія въ составъ Босфорскаго царства, все болѣе и болѣе поддавались варварству, тогда какъ Херсонесъ все еще представлялъ сравнительно чистый типъ эллинской цивилизаціи. Римляне держали здѣсь свой гарнизонъ, который не отягощалъ херсонесцевъ, но избавлялъ ихъ отъ необходимости самимъ защищаться отъ враговъ. Сюда, вслѣдствіе отдаленности мѣстъ, римское правительство ссылало людей, почему-либо ему неугодныхъ. Такъ, напримѣръ, сюда былъ сосланъ Траяномъ св. Климентъ, и здѣсь онъ работалъ въ Инкерманскихъ каменоломняхъ; здѣсь же онъ въ 94 г. былъ сброшенъ въ море. Сюда же была сослана Флавія Домитилла, племянница Домиціана.

Въ спокойныя для этого уголка міра времена имперіи, Херсонесъ богатѣлъ и развивался. Когда Адріанъ вывелъ отсюда, какъ и изо всѣхъ другихъ городовъ Тавриды римскій гарнизонъ, Херсонесъ оказался въ состояніи охранять себя собственными силами. Онъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ римлянами и охотно платилъ имъ подати; онъ былъ въ мирѣ и съ Босфорскимъ царствомъ и усиливался по мѣрѣ его ослабленія. Имперія не только не оказывала ему военной помощи, но сама пользовалась таковою съ его стороны. Такъ при Діоклетіанѣ Херсонесъ велъ за римскіе интересы войну съ сарматомъ Крискономъ и побѣдилъ его, за что и былъ награжденъ, сверхъ элевтеріи (вольности), которой онъ уже давно пользовался, еще ателіей, т. е. свободой отъ податей. Немного позднѣе херсонесцы помогаютъ императору Константину въ его войнѣ противъ скиѳовъ, за что получаютъ статую императора и другія награды. Потомъ они ведутъ счастливыя войны съ сарматами и Босфоромъ, распространяютъ свои владѣнія до Ѳеодосіи и даже далѣе; но главнымъ нервомъ ихъ жизни попрежнему остается торговля.

Одинъ путешественникъ (Діонъ Хризостомъ, посѣтившій Ольвію во времена Домиціана) даетъ намъ любопытную картинку жизни греческихъ городовъ, стоявшихъ на границѣ варварскихъ странъ и исполнявшихъ великую миссію распространенія цивилизаціи посредствомъ торговли; эти купцы-воины въ костюмѣ на половину варварскомъ, на половину греческомъ, всегда были готовы бросить свои лавки и конторы, чтобы вскочить на коня и скакать на битву; но матеріальные интересы не поглощали ихъ всецѣло: они любили слушать ораторовъ, поэтовъ, да и въ сраженіе шли съ пѣснями Гомера. Также жили и херсонесцы; сравнительно съ другими они чувствовали себя безопаснѣе за своими крѣпкими стѣнами, защи-

щавшими не только городъ, но и его прекрасно обработанныя окрестности (непрерывная линія укрѣпленій тянулась отъ Инкермана до Балаклавы).

Кромѣ выгоднаго географическаго положенія и искусно построенныхъ укрѣпленій, богатству и силѣ Херсонеса не мало способствовало его превосходное политическое устройство. Нѣтъ сомнѣнія, что въ главныхъ чертахъ оно было таково же во время Константина Великаго, какимъ мы его знаемъ документально въ эпоху византійскую. Въ немъ соединялись монархія съ аристократіей и демократіей. Во главѣ общины стояли протевонъ (πρωτεύων, безъ сомнѣнія выборный), облеченный такою властію, которая очень походила на царскую [1]; но при немъ состоялъ совѣтъ такъ называемыхъ «отцовъ города»—это принципъ аристократическій. Что собраніе всѣхъ гражданъ имѣло не маловажное, а, напротивъ, первенствующее значеніе, видно изъ формы императорскихъ посланій и рескриптовъ, которые обращаются не къ протевону и не къ сенаторамъ города, а къ «любезнымъ херсонесцамъ». Всѣ три власти уравновѣшивали другъ друга во времена мирныя. На войнѣ протевонъ, разумѣется, распоряжался самостоятельно.

Подвиги херсонесскихъ протевоновъ въ войнахъ съ варварами и босфорцами становились сюжетами народныхъ сказаній, можетъ быть, даже перелагались въ пѣсни. Часть этихъ сказаній дошли до насъ черезъ посредство византійцевъ. Таковы разсказы Константина Багрянороднаго о протевонѣ Фарнакѣ, сынѣ Фарнака, который побѣдилъ въ единоборствѣ вождя савроматовъ, хитростію заставивъ его обернуться назадъ, и разсказъ о Гикіи, дочери протевона Ламаха, которая, пожертвовавъ мужемъ и домомъ, спасла родной городъ.

Послѣднее сказаніе такъ характерно, что я позволю себѣ привести его въ извлеченіи.

Между босфорцами и херсонесцами былъ миръ, но со стороны первыхъ неискренній; побѣжденные въ предыдущей войнѣ, они задумали овладѣть Херсонесомъ посредствомъ хитрости. У херсонесскаго протевона Ламаха, перваго богача города, была одна только дочь Гикія. Босфорцы попросили руки ея для одного изъ сыновей своего царя Асандра II, безъ сомнѣнія, надѣясь такимъ образомъ отыскать себѣ точку опоры въ самомъ Херсонесѣ, чтобы потомъ овладѣть имъ. Херсонесцы согласились, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы будущій мужъ Гикіи совсѣмъ переѣхалъ въ ихъ городъ и далъ обѣщаніе не ѣздить домой даже въ случаѣ смертельной болѣзни своего отца. Босфорцы приняли условіе, и сынъ Асандра переселился въ Херсонесъ. Скоро послѣ этого Ламахъ умеръ, оставивъ

---

[1]) Говоря про этихъ протевоновъ, Константинъ Багрянородный постоянно употребляетъ выраженіе: στεφανηφορεῖν, носить корону.

всѣ богатства свои зятю и дочери. Гикія совершила по немъ великолѣпныя поминки, на которыхъ угощались всѣ граждане города, и дала обѣтъ поминать его ежегодно такимъ же образомъ. Мужъ ея рѣшилъ воспользоваться однимъ изъ этихъ празднествъ, чтобы овладѣть городомъ. Онъ снесся съ отцемъ своимъ, и тотъ сталъ почасту присылать къ нему вѣрныхъ и сильныхъ людей, подъ предлогомъ извѣщеній о здоровьѣ, которые тайно отъ Гикіи и херсонесцевъ оставались въ городѣ. Надо сказать, что обширный дворъ Ламаха имѣлъ свой особый выходъ къ морю черезъ городскую стѣну и Суэскую бухту. Босфорцы пріѣзжали въ гавань Символонъ (Балаклаву), шли сухимъ путемъ къ городу, потомъ черезъ нѣсколько дней, на глазахъ у всѣхъ, будто бы снова уходили въ море. Но на самомъ дѣлѣ корабль ихъ отплывалъ безъ пассажировъ, а вѣрный человѣкъ ночью впускалъ ихъ черезъ вышеупомянутую калитку изъ Суэской бухты, и они прятались въ домѣ. Черезъ два года набралось такимъ образомъ 200 молодцовъ, готовыхъ воспользоваться предстоящими поминками Ламаха и вполнѣ естественной въ такой день безпечностью херсонесцевъ. Но въ самый день праздника утромъ въ чемъ-то провинилась одна изъ любимыхъ служанокъ Гикіи; ее заперли въ комнату, которая какъ разъ находилась надъ тѣмъ укромнымъ покоемъ, гдѣ прятались босфорцы. Служанка занялась пряжей и уронила веретено; оно закатилось въ щель пола; чтобы достать его, служанка вынула камень и въ образовавшееся такимъ образомъ отверстіе увидала босфорцевъ и услышала ихъ рѣчи. Едва ее выпустили, она поспѣшила предупредить госпожу свою; та собрала старшинъ города, открыла имъ замыселъ мужа и присовѣтовала пока не подавать виду, что они знаютъ о приготовляющемся нападеніи, и готовиться къ празднику по обыкновенію, а къ ночи натаскать къ ея дому хворосту и дровъ и быть наготовѣ поражать босфорцевъ, когда они будутъ пытаться спастись. Къ вечеру Гикія постаралась напоить мужа (который не рѣшился отказываться отъ вина, чтобы не подать повода къ подозрѣнію), сама же пила только воду изъ цвѣтного сосуда; когда мужъ, отягченный виномъ, легъ спать, она велѣла слугамъ вынести изъ дома все, болѣе дорогое, вышла сама и вывела своихъ людей, а херсонесцы сожгли до тла ея домъ и перебили босфорцевъ.

Благодарные сограждане предложили Гикіи выстроить на общественный счетъ новый домъ, но она не только отказалась жить на мѣстѣ, оскверненномъ измѣной, а еще приказала бросать на пепелище всякій мусоръ. Награду же себѣ она выпросила еще прежде, когда открывала замыселъ мужа старѣйшинамъ: она взяла съ херсонесцевъ обѣщаніе похоронить ее, въ противность обычаю, внутри города.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Желая узнать, сдержатъ ли херсонесцы свое обѣщаніе, Гикія притворилась умершей. Посовѣтовав-

шись между собою, граждане, хоть и чувствовали къ ней большую благодарность, рѣшили похоронить ее на общемъ кладбищѣ. Но когда Гикію принесли къ могилѣ, она встала и осыпала херсонесцевъ упреками. Пристыженные сограждане подтвердили свое прежнее обѣщаніе клятвою, и чтобы Гикія не сомнѣвалась въ ея исполненіи, приготовили ей мавзолей, гдѣ она желала, и украсили его ея статуей. Кромѣ того, ей еще прежде были поставлены двѣ мѣдныя статуи, изображавшія ее въ разные моменты ея подвига; на базисѣ одной изъ статуй было вырѣзано описаніе послѣдняго.

Эпизодъ о похоронахъ Гикіи и общій тонъ разсказа свидѣтельствуютъ, что дѣйствіе происходило еще во времена языческія. Начало христіанства въ Херсонесѣ относится еще къ періоду апостольскому: по преданію, Андрей Первозванный пріѣхалъ въ Херсонесъ изъ Синопа и отсюда отправился на сѣверъ. Свѣтъ новой вѣры распространялся здѣсь постепенно и не безъ противодѣйствія толпы народной, которая между прочимъ замучила еп. Василія. Съ конца III вѣка число новообращенныхъ значительно увеличивается, а со времени Константина Великаго они пользуются полнымъ спокойствіемъ. На вселенскихъ соборахъ херсонесскіе епископы занимаютъ довольно видное положеніе.

Наступила печальная для цивилизаціи пора передвиженія народовъ, театромъ котораго была прежде всего нынѣшняя южная Россія. Роскошная природа Таврическаго полуострова привлекала толпы разноплеменныхъ варваровъ. На немъ побывали Готы, часть которыхъ и осталась здѣсь навсегда, потомъ явились страшные Гунны, потомъ Авары; за ними Турки, потомъ Булгары, Узы, Хазары, Печенѣги. Подъ такими ударами пали всѣ когда-то славныя греческія колоніи при Черномъ морѣ; устоялъ только одинъ Херсонесъ. «Можетъ быть, говоритъ Рамбо, [1]) ни одинъ городъ не имѣетъ болѣе славной исторіи», онъ одинъ устоялъ среди глубокаго варварства, далеко отброшенный отъ центровъ цивилизаціи, съ своими стѣнами изъ тесанаго камня, съ своими мраморными храмами, іоническими колоннами. «Онъ показалъ, что̀ можетъ сдѣлать греческая раса, если она не подавлена римскимъ деспотизмомъ».

Когда хаотическое состояніе юговосточной Европы стало замѣняться нѣкоторымъ порядкомъ, Херсонесъ, пользующійся автономіей попрежнему, оказался аванпостомъ византійской цивилизаціи и однимъ изъ лучшихъ перловъ въ коронѣ византійскихъ императоровъ.

Онъ соединялъ торговлей варваровъ, населявшихъ Россію, сношенія съ берегами малоазійскими и самимъ Константинополемъ; онъ служилъ базисомъ для всѣхъ сношеній съ народами такъ называемой Скиѳіи; на его площадяхъ толпились представители самыхъ разнооб-

---

[1]) L'empire grec au X-me siècle etc. Paris. 1870 стр. 487.

разныхъ націй; въ немъ воспитывались дипломаты, оберегавшіе своимъ искусствомъ имперію отъ страшныхъ сосѣдей (таковъ былъ тотъ Калокиръ, который убѣдилъ Святослава воевать болгаръ и тѣмъ, можетъ быть, спасъ имперію отъ преждевременной гибели); въ немъ миссіонеры, дѣятельность которыхъ для имперіи тоже имѣла важное политическое значеніе, отправляясь и къ сѣвернымъ варварамъ, учились языкамъ ихъ (такъ св. Кириллъ здѣсь учился похазарски).

Византійскіе императоры съ свойственною имъ дальновидностью цѣнили по достоинству значеніе Херсонеса и хотя вообще больше любили получать деньги изъ отдаленныхъ провинцій, нежели давать имъ, для Херсонеса не жалѣли ни средствъ, ни усилій. Не одинъ разъ они исправляли на свой счетъ его стѣны; помогали ему войскомъ—когда только могли, долго давали ему постоянную субсидію, оберегали его въ договорахъ съ варварами; короче сказать, хранили его, какъ зеницу ока.

Тѣмъ возмутительнѣе представляется намъ поступокъ одного императора, который своимъ неистовствомъ заставилъ миролюбивыхъ купцовъ херсонесскихъ не только возмутиться, но даже вмѣшаться въ дворцовую политику Константинополя.

Херсонесъ, по своей отдаленности, попрежнему служилъ мѣстомъ ссылки для политическихъ преступниковъ. Въ 704 г. сюда былъ присланъ низверженный императоръ Юстиніанъ II, прозванный впослѣдствіи Ринотметомъ по тому случаю, что ему при низверженіи отрѣзали носъ. Онъ не терялъ надежды возвратить себѣ престолъ и довольно громко говорилъ о своихъ планахъ. Херсонесцы преслѣдовали его бранью и насмѣшками и собирались донести о его проискахъ императору Тиверію. Узнавъ объ этомъ, Ринотметъ бѣжалъ; при содѣйствіи друзей, онъ пробрался сперва въ Доросъ Готскій, женился на сестрѣ кагана хазарскаго, потомъ ушелъ къ болгарамъ и при ихъ помощи возвратилъ себѣ престолъ. Говорятъ, онъ грозилъ жестоко отплатить херсонесцамъ. Херсонесцы просили помощи у хазаръ, но вмѣсто арміи получили только намѣстника, который, разумѣется, не могъ защитить ихъ. Городъ жестоко пострадалъ отъ одной императорской арміи; но Ринотметъ не удовольствовался этимъ и выслалъ другую, которая должна была разворить его до тла. Херсонесцы въ отчаяніи прибѣгли къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ: они и усилили свои укрѣпленія, и вызвали хазарское войско, и наконецъ провозгласили своего императора, тоже одного ссыльнаго Вардана, котораго при помощи хазаръ и измѣнившей Ринотмету арміи имъ и удалось возвести на престолъ Константинопольскій подъ именемъ Филепика. Ринотметъ былъ вторично низверженъ и казненъ. Будь хазары дальновиднѣе, они могли бы завладѣть за это время Херсонесомъ, но ихъ тянуло на

востокъ, въ степи, и каганъ ихъ думалъ только о томъ, какъ бы поддержать дружескія отношенія съ имперіей.

Черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ этихъ событій, въ 831 г. византійскій вельможа Петронасъ, шуринъ императора Ѳеофила, отправился черезъ Херсонесъ къ Хазарамъ, чтобы по просьбѣ ихъ кагана построить для него Саркелъ. Возвратившись въ 834 г. назадъ въ столицу, онъ между прочимъ сообщилъ императору свое мнѣніе о томъ, что Херсонесъ слишкомъ ужъ слабо связанъ съ имперіей; чтобы закрѣпить за нею этотъ важный пунктъ, надо послать туда намѣстника. Императоръ согласился съ его доводами и, возведя самого Петронаса изъ спаѳарокандидатовъ въ протоспаѳоріи, послалъ его въ Херсонесъ въ званіи стратега; такимъ образомъ здѣсь рядомъ съ туземною и выборною властью протевона оказалась власть назначенная—стратега. Херсонесцы подчинились новому порядку вещей, повидимому, безъ всякаго сопротивленія. Правда, при Львѣ Мудромъ (886—912 г.) они возмутились противъ своего стратега Симеона и даже убили его, но это не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій: очевидно, причиной возмущенія были личныя неудовольствія противъ Симеона, а въ подобныхъ случаяхъ византійское правительство часто смотрѣло сквозь пальцы на самосудъ провинцій.

Положеніе Херсонеса относительно центральной власти и его торговое значеніе всего лучше можно опредѣлить по совѣтамъ, которые Константинъ Багрянородный даетъ своимъ наслѣдникамъ на тотъ, очевидно, возможный и не бывалый случай, если херсонесцы откажутся повиноваться приказамъ императорскимъ.

Тогда византійское правительство велитъ захватить всѣ херсонесскіе суда, какія только окажется возможнымъ, привести ихъ съ грузомъ въ Константинополь, и матросовъ, и херсонескихъ пассажировъ посадить въ тюрьмы. За тѣмъ 3 императорскіе корабля будутъ отправлены, одинъ къ берегу Ѳэмы арменійской, другой къ побережью Пафлагонскому, третій къ Букелларійскому, и запретятъ всѣмъ этимъ мѣстностямъ торговать съ Херсонесомъ. Константинъ при этомъ замѣчаетъ, что Херсонесъ не можетъ существовать, если онъ не будетъ получать изъ азіатскихъ провинцій съѣстныхъ припасовъ и продавать тамъ товары, которые доставляются ему съ сѣвера.

За тѣмъ рекомендуется третья мѣра, всего яснѣе доказывающая какъ мало тяготились херсонесцы пребываніемъ въ ихъ городѣ стратега и вообще своимъ подчиненіемъ имперіи: стратегъ конфискуетъ 12 литровъ, которые херсонесцы получаютъ отъ правительства, и уѣдетъ изъ Херсонеса въ другой городъ.

Какъ справедливо замѣчаетъ Рамбо [1]), эти слова Константина

[1] L. c. стр. 491.

ясно показываютъ, что херсонесцы были скорѣе вассалами или подчиненными союзниками, нежели подданными Византіи. Не такъ распорядилось бы ревнивое къ своей власти византійское правительство, еслибъ ему отказалъ въ повиновеніи болѣе близкій и менѣе важный городъ. Да и то неизвѣстно, подѣйствовали ли бы на херсонесцевъ и такія, сравнительно кроткія, репрессаліи: если имперія могла грозить имъ захватомъ судовъ и отъѣздомъ стратега, они могли угрожать ей тѣмъ, что подчинятся кому-нибудь изъ варварскихъ сосѣдей и тѣмъ значительно усилятъ его на счетъ имперіи. Не всякій изъ этихъ сосѣдей былъ бы такъ близорукъ, какъ каганъ хазарскій.

Въ X столѣтіи хазары теряютъ свое прежнее политическое значеніе на югѣ Россіи, и начинается борьба о первенствѣ между печенѣгами и даровитымъ, энергичнымъ народомъ русскимъ. Но печенѣги-дикари, кочевники, не индоевропейскаго племени: не имъ принадлежало будущее.

Русскіе скоро входятъ въ постоянныя сношенія съ имперіей и выказываютъ замѣтное желаніе овладѣть Херсонесомъ. VII статья договора Игоря съ греками говоритъ, что русскій князь не долженъ присвоивать себѣ власти надъ Корсунемъ — Херсонесомъ и его городами, а въ IX статьѣ византійцы оберегаютъ отъ русскихъ херсонесцевъ, которые занимались рыболовствомъ въ устьѣ Днѣпра. Святославъ, съ которымъ русскіе выходятъ на поприще всемірной исторіи, не трогалъ Корсуня, потому что былъ занятъ другими важнѣйшими предпріятіями. Но этотъ городъ не миновалъ рукъ его сына Владиміра, который вошелъ въ него грубымъ завоевателемъ, а вышелъ изъ него христіаниномъ и равноапостольнымъ просвѣтителемъ Руси.

Я не буду приводить прекрасной легенды объ испытаніи вѣръ и крещеніи Руси: въ эти дни священной памяти событія она читается во всякой избѣ, гдѣ только есть грамотный человѣкъ. Уже довѣрчивый Карамзинъ признавалъ ее только в ѣ р о я т н о ю и говорилъ, что лѣтописецъ д о г а д ы в а л с я о рѣчахъ пословъ. Современная, болѣе строгая критика не оставила въ ней, какъ извѣстно, камня на камнѣ [1]). Сокрушаться и жалѣть объ этомъ нечего: принятіе христіанства—такой важный и многознаменательный фактъ, что онъ д о л ж е н ъ былъ уже въ памяти ближайшихъ поколѣній облечься въ поэтическіе образы. Не то же ли самое находимъ мы

[1]) Проф. московской Дух. Ак. Голубинскій въ I т. своей исторіи Русской Церкви (М. 1880) доказываетъ, что «дѣло невозможное, чтобы Владиміръ выбиралъ вѣру и для этого посылалъ пословъ къ народамъ» (стр. 102); возможно, что къ нему приходили послы, но и этого не было на самомъ дѣлѣ (103); что Владиміръ крестился за 2 года до взятія Корсуня (стр. 113), вѣроятно, въ Василёвѣ и тайно отъ народа (стр. 115); разсказъ о крещеніи Владиміра въ Корсуни сочиненъ какимъ-нибудь грекомъ, незнавшимъ дѣла (116—117) и т. д.

у англосаксовъ, у франковъ, у всѣхъ западныхъ народовъ, относительно Константина, крещеніе котораго переносится въ Римъ и обставляется романическими подробностями? Строгая фактичность разсказа о крещеніи Руси доказала бы или недостатокъ воображенія у нашихъ предковъ или слабость ихъ религіознаго чувства, въ которой заподозрить ихъ было бы крайне несправедливо.

Я не буду разбирать всѣхъ пунктовъ легенды, а остановлюсь на томъ, что непосредственно касается Херсонеса. Въ этомъ мѣстѣ основа легенды, при настоящихъ данныхъ, по моему убѣжденію, смѣло можетъ выдержать самую строгую критику.

«Память и похвала князю рускому Володимеру», на которой опираются тѣ, кто считаетъ Владиміра христіаниномъ до его похода на Корсунь, документъ, несомнѣнно, подлинный и во многихъ отношеніяхъ очень важный. Но это не повѣствованіе о событіи, а реторически украшенное слово, не обращающее вниманія на послѣдовательность упоминаемыхъ фактовъ; авторъ нѣсколько разъ переходитъ отъ Владиміра къ Ольгѣ и обратно; обо всѣхъ войнахъ Владиміра онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, и въ войнѣ съ радимичами и болгарами князю русскому «рука Господня помогаше» ему также, какъ и въ войнѣ съ Корсунемъ.

Можетъ ли эта «Память» составить достаточный противовѣсъ обстоятельному лѣтописному повѣствованію, которое даже сравниваетъ преданія, его источнику: Житію Владиміра [1]), и краткому приложному разсказу?

Слишкомъ маловѣроятною представляется война Владиміра съ греками послѣ того, какъ онъ только-что принялъ новую вѣру отъ священниковъ, бывшихъ въ тѣсной связи съ церковью Константинопольскою; тогда какъ его походъ на Корсунь, предшествующій обращенію, мотивируется несравненно легче.

Весьма важное арабское свидѣтельство (Ельмакина) тоже ставитъ въ связь крещеніе Владиміра и его женитьбу на царевнѣ Аннѣ.

Наконецъ за Корсунь внутреннее основаніе и многія параллели.

Новую вѣру гораздо удобнѣе и естественнѣе принять въ такой обстановкѣ, которая гармонируетъ съ нею. Еслибъ Владиміръ крестился въ Кіевѣ, гдѣ существованіе капищъ намъ документально извѣстно, или Василёвѣ, гдѣ мы имѣемъ основаніе предполагать таковыя, горячіе приверженцы старой вѣры легко могли бы нарушить торжественность священнаго акта [2]). Въ Корсунѣ, среди населенія, издавна христіанскаго, при наличности массы духовенства и множества богатоукрашенныхъ церквей, крещеніе Владиміра могло

---

[1]) Трудно согласиться съ проф. Голубинскимъ, чтобы авторъ его былъ грекъ: слишкомъ ужъ не важную роль играютъ въ немъ и херсонесцы и даже императоры.

[2]) Тайное крещеніе я считаю несовмѣстнымъ съ характеромъ князя.

и должно было совершиться съ торжественностью, достойною государя великаго народа, а когда онъ вернулся въ Кіевъ во главѣ побѣдоносной дружины, также окрещенной, съ духовенствомъ, хоругвями, мощами, церковными сосудами, противодѣйствіе новой вѣрѣ могло имѣть мѣсто только въ незначительномъ количествѣ частныхъ случаевъ.

Точно также и король франковъ Хлодвигъ крестился не въ одномъ изъ своихъ обыкновенныхъ становищъ, а въ Реймсѣ, гдѣ обстановка болѣе соотвѣтствовала акту.

Владиміръ пришелъ къ Корсуню съ твердымъ намѣреніемъ принять христіанство и этого намѣренія, конечно, не скрывалъ отъ близкихъ людей [1]).

Почему ему понадобилось предварительно осадить и взять Корсунь, мы навѣрно не знаемъ: можетъ быть, недовѣрчивые греки не хотѣли пустить его, можетъ быть, онъ считалъ не совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ креститься гостемъ, на чужой землѣ.

Разсказъ объ осадѣ Корсуня, за исключеніемъ эпизода о стрѣлѣ Анастаса, представляется вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности, такъ же какъ и грозное посольство побѣдителя въ Константинополь. Императоры въ принципѣ, разумѣется, были противъ брака сестры своей съ варварскимъ княземъ (Константинъ Багрянородный очень логично доказывалъ своимъ потомкамъ вредъ такихъ союзовъ); но нужда законы перемѣнетъ; а императоры если и не очень опасались за судьбу своей столицы, сильно нуждались въ помощи Владиміра противъ бунтовщика Варды Фоки съ товарищами.

Анна пріѣхала и поселилась въ одномъ дворцѣ, тогда какъ Владиміръ жилъ въ другомъ, по другую сторону собора. Легко себѣ представить душевное состояніе князя и его дружинниковъ, какъ бы волшебствомъ перенесенныхъ изъ воинскихъ шатровъ и крытыхъ соломою хижинъ Кіева въ богатый и старый греческій городъ съ его каменными строеніями, мраморными колоннами, изящными портиками, богато украшенными церквами, каменными и мѣдными статуями. Примемъ еще въ расчетъ, что душа Владиміра была размягчена приготовленіемъ къ великому акту, и воображеніе возбуждено блестящей переспективой, которую открывалъ ему, внуку мало кому извѣстнаго князька, бракъ съ сестрою императоровъ. И въ этомъ-то душевномъ состояніи онъ въ первый разъ жилъ вполнѣ культурной жизнью. Понятно, что Корсунь долженъ былъ повліять на Владиміра приблизительно такъ же, какъ на Петра первые города западной Европы, имъ видѣнные, что впослѣдствіи онъ желалъ видѣть въ своихъ городахъ то, что пріятно поразило его въ Корсуни, что этотъ городъ явился, такъ сказать, первобра-

[1]) «Не свѣдуще» легко могли смѣшать намѣреніе съ исполненіемъ.

зомъ нашей цивилизаціи. Не даромъ слово Корсунскій и много позднѣе было синонимомъ заграничнаго, изящнаго.

Мы не знаемъ, почему Владиміръ возвратилъ Корсунь Византіи; трудно думать, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ «вдасть» его «за вѣно царицѣ дѣля». Можетъ быть, таково было условіе временной сдачи города, можетъ быть, примѣръ отца научилъ его, что не слѣдуетъ имѣть владѣній вдали отъ главнаго ядра земли своей. Можетъ быть, его, что называется, ловко обошли искусные дипломаты византійскіе.

Если, какъ это часто бываетъ въ жизни, здѣсь дѣйствовалъ цѣлый рядъ причинъ, между ними не послѣднее мѣсто должна была занимать причина нравственная: Владиміръ дѣйствительно въ крещеніи «совлекъ съ себя ветхаго человѣка» и пересталъ стремиться къ завоеваніямъ. Положимъ, что въ лѣтописномъ разсказѣ объ этомъ перерожденіи Владиміра есть своя доля поэтическаго преувеличенія, все же онъ долженъ имѣть и реальное основаніе: Григорій Турскій имѣлъ такія же причины восхвалять Хлодвига, просвѣтителя франковъ; однако онъ не приписываетъ ему и тѣни подобныхъ добродѣтелей. Замѣчательно, что полстолѣтія спустя, во время войны съ греками 1043 г., внуки Владиміра и его дружинниковъ не тронули купели дѣдовъ своихъ—Херсонеса. Доскажу въ двухъ словахъ его послѣдующія судьбы. Въ XI, XII вѣкахъ Херсонесъ попрежнему оставался полуавтономнымъ, попрежнему служилъ мѣстомъ ссылки; съ русскими, которые по Тмутаракани сдѣлались почти его сосѣдями, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ началѣ XIII вѣка Херсонесъ оказывается подъ властію Трапезунтскихъ императоровъ. Вскорѣ Крымъ былъ занятъ татарами, но Херсонесъ удержался: въ 1253 г. Рубруквисъ видѣлъ его еще вольнымъ. Его погубили генуэзцы, которые утвердились на южномъ берегу Крыма и развили торговлю Судака и Кафы. Въ 1350 г. генуэзцы, распоряжавшіеся по своей волѣ въ ослабѣвшей Византіи, запретили ей торговать съ Херсонесомъ, и городъ, лишенный единственнаго нерва жизни своей, быстро сталъ умирать, такъ сказать, своею смертію. Въ 1475 г., когда Кафа и др. города южнаго берега были заняты турками, о Херсонесѣ уже нѣтъ и рѣчи: его башни, стѣны, мраморныя колонны существовали еще въ 1578 г., но жителей здѣсь не было. Это былъ трупъ, кости котораго медленно, но вѣрно истреблялись временемъ.

Этотъ трупъ былъ вызванъ къ новой жизни тѣми же русскими, предки которыхъ 800 лѣтъ назадъ здѣсь получили свѣтъ вѣры и цивилизаціи. Въ 1783 г. присоединенъ къ Россіи Крымъ, а въ слѣдующемъ 1784 г. близъ развалинъ Херсонеса и отчасти изъ этихъ самыхъ развалинъ стали строить новый большой городъ Севастополь. Отчего не получилъ онъ своего древняго имени?

Самая слава Херсонеса помѣшала ему возродиться съ прежнимъ

названіемъ. За 5 лѣтъ передъ этимъ, Екатерина II, не ожидавшая, что настоящій Херсонесъ или Херсонъ, какъ его сокращали въ періодъ византійскій (отсюда и Корсунь), достанется ей такъ скоро, назвала, ради добраго предзнаменованія, Херсономъ первый большой городъ съ гаванью, который она основала на Черномъ морѣ. Это имя удерживаетъ онъ и доселѣ.

Севастополь не прожилъ еще и полной человѣческой жизни, какъ уже пріобрѣлъ всемірную извѣстность: въ немъ дружина русская получила новое крещеніе — огнемъ и кровію. Городъ обратился въ груду дымящихся развалинъ, но не прошло и 30 лѣтъ, а онъ, какъ фениксъ, возродился еще лучше, еще красивѣе прежняго.

Исторія есть наша общая наставница; изученіе прошлаго есть единственное средство догадываться о будущемъ, направлять его ко благу родины и человѣчества. Изслѣдованіе Византіи, откуда мы получили нашу вѣру, нашу литературу, наше искусство, вообще нашу духовную жизнь, такая важная область исторіи, что ея значеніе нельзя и опредѣлить немногими словами. Къ чести русскаго самосознанія, византологія внушаетъ теперь живѣйшій интересъ не только скромнымъ ученымъ, но и болѣе дальновиднымъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые ясно сознаютъ великія историческія задачи Россіи. Изученіе древностей Херсонеса уже оказало ей важныя услуги, окажетъ, безъ сомнѣнія, и еще большія. Вмѣстѣ съ тѣмъ исторія Византіи, такъ дѣятельно теперь разработываемая, будетъ дѣлать для насъ все яснѣе и яснѣе судьбы Херсонеса.

Но уже и теперь всякому понятно, что славное прошлое Херсонеса, оторваннаго отъ Византійской имперіи, частью которой считался онъ, одиноко стоявшаго среди племенъ варварскихъ, на краю цивилизованнаго міра, подаетъ благія надежды молодому, но уже созрѣвшему въ страданіяхъ и борьбѣ Севастополю, тѣсно сплоченному съ могущей державой русскою. Мы твердо вѣримъ: его грядущее будетъ достойно той священной земли, на которой стоитъ онъ.

А. Кирпичниковъ.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА.

I.

Казненная тетрадка.

Въ КОНЦѢ марта 1756 года, въ Архангельскѣ, на площади противъ губернской канцеляріи, толпы народа, собравшіяся вокругъ воздвигнутой висѣлицы, съ живымъ нетерпѣніемъ ожидали казни. Но чьей казни? Закоренѣлаго ли убійцы, великаго ли государственнаго преступника, вора ли и грабителя?... Ничуть не бывало: казнить должны были тетрадку. Пользуясь архивными дѣлами прошлаго столѣтія, мы воспроизведемъ предъ читателями случай, финаломъ котораго былъ этотъ странный, по современнымъ понятіямъ, фактъ казни неодушевленнаго предмета.

Въ морозное утро 4-го декабря 1755 года солдатскій сынъ Васька Рудный, пятнадцати лѣтъ, идя въ существовавшую въ то время въ Архангельскѣ школу солдатскихъ дѣтей, случайно нашелъ на дорогѣ, противъ дома пробирнаго мастера Соколова, завернутую въ бумагу тетрадку. Заинтересованный находкой, онъ развернулъ ее и тутъ же на улицѣ принялся просматривать, но малограмотность помѣшала ему не только понять, но даже и разобрать написанное. Завернувъ тетрадку снова въ бумагу и положивъ ее въ карманъ, школьникъ продолжалъ свой путь въ храмъ науки.

Придя въ школу, Васька Рудный раздѣлся и повѣсилъ свой полушубокъ въ прихожей, упустивъ совершенно изъ виду, что школьный его учитель, солдатъ Иванъ Волковъ, имѣетъ привычку

обыскивать на досугѣ верхнее платье учениковъ своихъ, вынимать и оставлять себѣ на память все мало-мальски цѣнное, что случайно найдется въ ученическихъ карманахъ; забылъ Васька, что не далѣе какъ дней пять тому назадъ, и онъ самъ лишился при такомъ обыскѣ своихъ трехъ копѣекъ, которыя попали въ загребистыя руки солдата-учителя и безвозвратно для Васьки погибли въ нихъ...

Между тѣмъ, дѣйствительно, гроза учениковъ, солдатъ Иванъ Волковъ, пользуясь временемъ, когда они послѣ урока играли, тщательно обыскивалъ карманы зимнихъ ихъ одеждъ, въ ожиданіи, не найдется ли тамъ опять какой монеты... Въ Васькиномъ карманѣ попалъ въ его руку свертокъ съ тетрадкой; развернувъ его, солдатъ полюбопытствовалъ взглянуть въ самую тетрадь; взглянулъ, прочиталъ нѣсколько строкъ и обомлѣлъ.

— Эге! тутъ дѣло государственное!—воскликнулъ онъ.—Нужно объявить по начальству, а не то, пожалуй, и самъ ни за что сгинешь.

Не теряя времени, онъ отправился къ начальнику своему, прапорщику Елагину, и предъявилъ найденную имъ тетрадку. Разсмотрѣвъ ее, прапорщикъ нашелъ, что въ ней написаны рѣчи, противныя христіанской религіи, и потребовалъ къ себѣ немедленно злополучнаго владѣльца этой тетрадки, несчастнаго Ваську Руднаго. Явился предъ грозныя очи прапорщика школьникъ; цвѣтущій румянецъ исчезъ съ лица его, онъ былъ блѣденъ и трясся, какъ въ лихорадкѣ: видно былъ ему страшенъ этотъ грозный прапорщикъ.

— Ахъ, ты щенокъ!—обратился къ нему Елагинъ.—Да я тебя сгною въ желѣзахъ! Противъ Бога идешь, тетрадки богохульныя заводишь! Розогъ сюда!...

Ваську растянули и привязали къ скамейкѣ. Два профоса, ставшіе по сторонамъ скамьи съ лозами въ рукахъ, дали ему по одному удару каждый. Взвизгнулъ несчастный Васька, и допросъ начался.

— Откуда взялъ тетрадь эту?

— Не знаю.

Послѣдовало еще два удара и вопросъ былъ снова повторенъ. Васька видитъ, что дѣло совсѣмъ плохо, нужно говорить. «Совру», быстро промелькнула у него мысль.

— Кто тебѣ далъ ее?

— Посадскій человѣкъ, — стонетъ Васька подъ крѣпкими ударами розогъ.

— Какой посадскій человѣкъ?

— Семенъ Никитинъ, а чей—не знаю и прозвища его не вѣдаю.

Этого признанія для прапорщика было довольно; давъ еще нѣсколько ударовъ Васькѣ, онъ прекратилъ допросъ, отправилъ его подъ караулъ, а самъ написалъ въ Архангелогородскую губернскую канцелярію доношеніе о происшедшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ туда же и богохульную тетрадку.

Прошелъ послѣ этого мѣсяцъ, въ теченіе котораго арестованный школьникъ безвыходно сидѣлъ подъ карауломъ, ожидая рѣшенія своей участи, а дѣло о немъ, лежа въ канцеляріи, не подвигалось впередъ. Наконецъ, вспомнили и о немъ, позвали въ канцелярію.

Здѣсь, 12-го января 1756 года, послѣдовалъ новый допросъ его «подъ лозами» и при этомъ допросѣ пятнадцатилѣтній мальчикъ разсказалъ, гдѣ, когда и какимъ образомъ была имъ найдена тетрадка, что онъ ея «не читалъ и никакого по ней дѣйствія не производилъ; показалъ же при допросѣ прапорщикомъ Елагинымъ, что-де взялъ ее у посадскаго человѣка Семена Никитина, ложно, дабы избѣжать наказанія, и что теперь при допросѣ онъ показываетъ сущую правду».

Записали показаніе Васьки, дали ему подписаться и снова препроводили подъ караулъ, но не надолго: чрезъ нѣсколько часовъ Васька опять былъ доставленъ въ губернскую канцелярію и опять «подъ битьемъ лозами» допрашиванъ о томъ же. Подтвердивъ вполнѣ свое предыдущее показаніе, Васька былъ отправленъ обратно подъ караулъ.

Дѣло о немъ снова остановилось; тогда не особенно торопились дѣлопроизводствомъ, руководствуясь истиной: «дѣло лежитъ—ѣсть не проситъ». Запертый въ тѣсной и грязной секретной каморѣ, заключенный въ мучительно тяжелыя и неудобныя желѣзныя колодки, полуголодный, вдали отъ родныхъ, въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ за свою судьбу, въ ежеминутномъ ожиданіи, что сейчасъ потребуютъ къ допросу, а главное, къ поркѣ—Васька изстрадался. Здоровый цвѣтъ лица исчезъ; полныя румяныя щеки ввалились; онъ сдѣлался не похожъ на самого себя. Прошелъ январь, вслѣдъ за нимъ минулъ и февраль. Мученія Васьки продолжались. Неизвѣстность хуже пытки; онъ уже согласенъ на какое угодно наказаніе, лишь бы прекратить эту страшно мучительную неизвѣстность. Напряженныя мысли его теряютъ логичность, послѣдовательность; по временамъ онъ впадаетъ въ изступленіе, бьется о каменныя стѣны своей темницы, молитъ Бога о смерти... Результатъ такой пытки не замедлилъ послѣдовать: съ Васькой сдѣлалась жестокая нервная горячка.

Караульный офицеръ сообщилъ въ губернскую канцелярію о болѣзни «колодника Василья Руднаго»; канцелярія, 6-го марта, препроводила его для излѣченія болѣзни въ архангелогородскій полковой госпиталь, гдѣ несчастный мученикъ чрезъ два дня «волею Божіею умре отъ горячной болѣзни и крѣпчайшаго запиранія въ груди».

Дѣло о тетрадкѣ съ богопротивными рѣчами послѣ смерти Васьки значительно упростилось: осталась одна лишь тетрадка, изъ-за которой загорѣлся весь сыръ-боръ; съ нею нужно было поступить по

закону; другихъ же обвиняемыхъ по этому дѣлу болѣе никого не было.

Подканцеляристъ губернской канцеляріи долго искалъ справку въ законахъ, какъ поступить съ этой тетрадкой, и, наконецъ, нашелъ слѣдующее; въ военномъ уставѣ 1716 года въ артикулахъ 149 и 150 сказано: «Кто пасквили или ругательныя письма сочинитъ, прибьетъ и распространитъ и тако кому непристойнымъ образомъ какую страсть или зло причтётъ, чрезъ что его доброму имени нѣкакой стыдъ причиненъ быть можетъ, онаго надлежитъ наказать такимъ наказаніемъ, каковою страстію онъ обруганнаго хотѣлъ обвинить; сверхъ того, палачъ такое письмо имѣетъ сжечь подъ висѣлицею. Ежели невозможно увѣдать пасквиланта, однакожъ надлежитъ пасквиль отъ палача сожженъ быть подъ висѣлицею, а сочинителя онаго за безчестнаго объявить».

Подведя подъ эти статьи закона дѣло о богохульной тетрадкѣ, губернская канцелярія приказала сжечь на публичномъ мѣстѣ тетрадь и, такимъ образомъ, закончить всякія разсужденія по этому поводу.

Дѣйствительно, 29-го марта 1756 года, подъ устроенной висѣлицей былъ разложенъ костеръ изъ дровъ, около котораго находился палачъ. Собравшемуся народу прочитали «публикацію» изъ архангелогородской губернской канцеляріи, которая во всенародное извѣстіе объявляла, что найденная у умершаго школьника Василья Руднаго тетрадка за богопротивныя рѣчи, въ ней находящіяся, предается сожженію. Палачъ положилъ ее на пылающій костеръ, и чрезъ нѣсколько минутъ отъ нея не осталось ничего, кромѣ пепла, развѣяннаго вѣтромъ. Обрядъ казни былъ оконченъ.

Народъ, удовлетворенный любопытнымъ зрѣлищемъ, разошелся по домамъ, забывъ вскорѣ о существовавшемъ какомъ-то школьникѣ Васькѣ Рудномъ, и только у отца и матери его до конца ихъ жизни осталась въ сердцѣ глубокая скорбь о безвинно-погибшемъ сынѣ...

II.

Мечты канцеляриста.

Утромъ, 10-го сентября 1767 года въ одной изъ комнатъ обширной Архангелогородской губернской канцеляріи, въ числѣ прочихъ канцелярскихъ служителей, за длиннымъ столомъ, сидѣлъ копіистъ Петръ Бутусовъ и выводилъ съ видимымъ удовольствіемъ, вниманіемъ и прилежаніемъ на листѣ бумаги какія-то непонятныя слова. При этомъ, онъ поминутно заглядывалъ въ лежавшее у него подъ лѣвой рукою дѣло. Еслибы кто-нибудь присмотрѣлся къ работѣ Бутусова, то убѣдился бы, что всѣ его росчерки, штрихи и завитки

обладали близкимъ и несомнѣннымъ сходствомъ съ такими же произведеніями калиграфіи, какія находились въ концѣ страницы, на которой было раскрыто дѣло.

Весь погруженный въ свое странное занятіе, молодой копіистъ мечталъ о томъ, что когда-нибудь наступитъ блаженное время, когда онъ будетъ важнымъ начальникомъ. Одна его подпись, съ безчисленнымъ множествомъ росчерковъ, составлявшихъ моду того времени, будетъ наводить на подчиненныхъ страхъ и трепетъ. И вотъ теперь онъ изучаетъ и копируетъ подписи начальниковъ своихъ. Въ мысляхъ онъ рѣшилъ, что непремѣнно будетъ подписываться подъ бумагами такъ же, какъ подписывается самый важный начальникъ, какого онъ знаетъ,—губернаторъ Головцынъ, подпись котораго внушаетъ ему невольное уваженіе и почтеніе.

И Бутусовъ выводитъ подпись за подписью. Сходство его запутанныхъ росчерковъ все ближе и ближе подходитъ къ оригиналу. Чтобы нѣсколько разнообразить свое упражненіе, онъ пробуетъ копировать не только губернаторскую подпись, но вычерчиваетъ и росчеркъ прокурора и завитки секретаря, снисходитъ даже до подписи канцеляриста. Онъ весь углубился въ свою работу, не замѣчая ничего, что происходитъ около него, не обращая вниманія на смѣхъ, шутки и громкій говоръ своихъ товарищей канцеляристовъ, разсказывающихъ другъ другу разныя городскія сплетни.

Вдругъ водворилась полная тишина; смѣхъ и говоръ внезапно стихли. Бутусовъ поднялъ глаза отъ бумаги и увидалъ въ трехъ шагахъ отъ себя самого прокурора. Молодой копіистъ сразу пришелъ въ себя; всякія начальственныя поползновенія вылетѣли изъ головы; въ мысляхъ предстало лишь крайне опасное его положеніе. Что дѣлать? Прежде всего, разумѣется, нужно спрятать, скрыть отъ взора прокурора обличающую бумагу съ подписями. И не долго думая, съ поспѣшностью, обнаруживающею его провинность, Бутусовъ комкаетъ бумагу и засовываетъ къ себѣ въ карманъ. Но недремлющее око прокурора все видитъ; онъ направляется прямо къ струсившему юношѣ и спрашиваетъ его:

— Ты что тутъ дѣлалъ?

Бутусовъ растерялся окончательно; ему ужъ кажется, что начальство не только видѣло, что̀ онъ писалъ, но даже проникло въ его сокровенныя и горделивыя мысли и мечты, которыми онъ сопровождалъ свою забаву. Нужно повиниться... И неожиданно для всѣхъ копіистъ бросился въ ноги прокурору.

— Виноватъ! Помилуйте и простите!

Но начальство всегда начальство. Прежде чѣмъ простить, ему любопытно знать, за что человѣкъ проситъ прощенія. Потому и прокуроръ поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло и что-такое запрещенное писалъ копіистъ, если падаетъ на колѣна. Вытащивъ изъ кармана виновника бумагу, прокуроръ развернулъ ее и уви-

далъ, что въ губернской канцеляріи завелся поддѣлыватель подписей. Дѣло серьезное, важное; его такъ оставить нельзя; на то онъ и прокуроръ.

Приказавъ взять Вутусова подъ караулъ, прокуроръ удалился въ свою комнату, чтобы на свободѣ сообразить, подъ какой законъ подвести вину копіиста и какому наказанію его подвергнуть. И вотъ предъ глазами его замелькали самыя разнообразныя преступленія и наказанія, за нихъ налагаемыя.

«Кто протоколы или другіе документы, читалъ прокуроръ, переправитъ фальшиво и прочее въ такихъ причинахъ подобное учинитъ, таковымъ за преступленіе, какъ высшимъ, такъ и низшимъ, чинить смертную казнь или вѣчную на галеры ссылку, съ вырѣзаніемъ ноздрей»...

— Гмъ! глубокомысленно сообразилъ прокуроръ, не подходитъ этотъ законъ: въ семъ дѣлѣ виновный документовъ фальшиво не переправлялъ. А жаль. Слѣдовало бы его, негодяя, упечь на галеры. Какъ же! мою фамилію подъ мою руку подписалъ, да еще какъ похоже—точно я самъ писалъ.

И опять представитель правосудія углубился въ свое чтеніе.

«Кто явно прибитые указы и повелѣнія нарочно и нагло раздеретъ и отброситъ, и вычеркнетъ... на каторгу... или смертію»...

— Но вѣдь онъ, засунувъ въ карманъ, разорвалъ простую бумагу, а не указъ какой. А тоже хорошій законъ... Взгляну-ка въ морской уставъ, тоже строгій, тамъ нѣтъ ли чего надлежащаго.

«Кто отъ лѣности, глупости или медленіемъ, однако, безъ упрямства, злости и умыслу оное не управитъ, что ему отъ начальника повелѣно, оный имѣетъ... отъ чина вовсе или на довольное время отставленъ быть»...

— Можно бы наказать его по этому закону; онъ не дѣломъ въ канцеляріи занимался, а потому и не могъ управить повелѣннаго ему; но наказаніе мало; поищу другого, покрѣпче.

И долго еще рылся прокуроръ въ своихъ фоліантахъ, но точнаго закона для наказанія за такое, не бывалое еще въ его практикѣ, преступленіе, какое учинилъ Вутусовъ, не находилось. Прямого закона не было; нужно поискать хотя косвеннаго. Наконецъ, попался на глаза прокурора сенатскій указъ отъ 22-го августа 1746 года, въ которомъ онъ прочиталъ слѣдующее:

«Правительствующій Сенатъ приказали: присланнаго изъ Новоладожской воеводской канцеляріи, при доношеніи, канцеляриста Каргополова, за чинимыя имъ въ той воеводской канцеляріи продерзости и безмѣрное пьянство, написать вѣчно въ напольніе полки въ солдаты... а ежели впредь таковые жъ подозрительные канцелярскіе служители явятся, то съ оными поступать по силѣ указовъ и генеральнаго регламента».

— По силѣ указовъ, по силѣ указовъ, задумался прокуроръ.

И такъ по силѣ этого указа Бутусовъ подозрителенъ и его надлежитъ за то написать въ солдаты. Это вѣрно. Такъ можно и репортовать губернатору.

Бутусова оставили подъ карауломъ. Допросовъ ему никакихъ не дѣлали. Да и о чемъ было его спрашивать? Просто человѣкъ подозрительный во мнѣніи начальства; вотъ и вся вина его. Этому «колоднику» только объявили 29 октября слѣдующее губернаторское опредѣленіе:

«Хотя оный Бутусовъ таковыя подписанія чинилъ и не подъ письмами какими, но на простой бумагѣ, однако по сходству на тѣ руки видится для будущаго времени въ приказномъ чинѣ крайне сумнителенъ. И въ разсужденіи сего надлежитъ наказать его продерзости, по молодости лѣтъ, написать въ солдаты. А чтобъ отъ такихъ продерзостей другіе приказные служители впредь могли воздержаться, о томъ имъ объявить съ подпискою».

Такъ мечты Бутусова были разбиты суровою дѣйствительностью. Изученіе подписей съ росчерками, устрашающими подчиненныхъ, привело къ совершенно противоположнымъ результатамъ: несчастному копіисту пришлось тянуть лямку солдатской службы, болѣе чѣмъ трудной и тяжелой по условіямъ того времени.

III.

Преступная описка.

Въ 1771 году секретарь архангельской губернской канцеляріи поручилъ повытчику Телешову переписать набѣло ордеръ къ оберъ-коменданту Архангельска генералъ-маіору Ганзеру. Засѣлъ повытчикъ за переписку. Человѣкъ онъ былъ опытный и привыкъ писать; на службѣ находился тридцатый годъ. Какія бумаги проходили чрезъ его руки, и все—ничего, благополучно, иногда даже похваливали. И началъ онъ выписывать, тщательно свѣряясь съ подлинникомъ:

«Ордеръ господину оберъ-коменданту.—Сего марта 30-го дня при рапортѣ отъ вашего превосходительства подано ко мнѣ слѣдственное дѣло о перваго баталіона бѣгломъ солдатѣ Иванѣ Рѣпуховѣ»...

Все шло, по обыкновенію, благополучно: перо не мазало, буквы ложились на бумагу правильными строками, описокъ не было, подчистокъ не приходилось дѣлать. Однимъ словомъ, дѣло шло настолько хорошо, что довольный Телешовъ не торопился окончаніемъ его, прерывая свою работу частыми понюшками табаку и не только изъ своей табакерки, но и изъ табакерокъ ближайшихъ сосѣдей своихъ, съ которыми онъ, пользуясь случаемъ, вступалъ

въ бесѣду. Но не смотря на эти перерывы переписка ордера приходила къ концу, оставалось написать всего строчки четыре. Захотѣлось Телешову сдѣлать болѣе продолжительный отдыхъ. Заложивъ перо за ухо, онъ отправилъ хорошую понюшку табаку въ свой сизый носъ, крякнулъ, громогласно высморкался и, обратившись къ сидѣвшему противъ него молодому подканцеляристу, спросилъ его, чтобы поговорить о чемъ-нибудь:

— Прокофьевъ, когда дадутъ тебѣ чинъ?

— Да пожалуй, что и никогда. Вонъ и вы тридцать лѣтъ на службѣ маетесь, а все въ повытчикахъ состоите.

— Я, братъ, другое дѣло: я-то на службу неграмотный еще поступилъ, а ты въ школѣ обучался, далеко пойдешь, вы-со-ко-благородіемъ будешь, попомни мое слово.

— Ужъ гдѣ мнѣ, Аѳанасій Ивановичъ. Далеко кулику до Петрова дня!

— А вотъ увидишь—подзадоривалъ юношу повытчикъ—будешь высокоблагородіемъ. Не забудь и насъ грѣшныхъ тогда,—шутя поклонился онъ въ поясъ подканцеляристу.

Окружающіе засмѣялись.

— Вотъ вы смѣетесь, Аѳанасій Ивановичъ, надо мною, а я самъ знаю, что гдѣ ужъ мнѣ въ люди выйти; останусь вѣкъ подканцеляристомъ.

— А ты, ваше высокоблагородіе, не скромничай!

На этотъ разъ разговоръ продолжался не долго. Вошелъ секретарь и спросилъ у Телешова бумагу.

— Не кончилъ еще? Вѣдь я приказалъ тебѣ скорѣе переписать!

— Сейчасъ кончу, Порфирій Семенычъ, сейчасъ кончу. Четыре строки осталось переписать.

— Ну, такъ пиши скорѣй. Ордеръ посылать надо. Губернаторъ спрашиваетъ.

При напоминаніи о губернаторѣ, рука повытчика ухватилась за перо, торчащее изъ-за уха, и принялась строчить.

Но предшествовавшій ли разговоръ не выходилъ у него изъ головы, или мысли его подавляло поднявшееся со дна сердца его, вызванное этимъ разговоромъ, горькое чувство сознанія, что какъ ни старайся, какъ ни работай онъ, не пойти ему далеко, придется до конца жизни остаться повытчикомъ; а, между тѣмъ, сколько этихъ мальчишекъ прошло мимо его въ высокоблагородія... Говоря короче, мысли старика были далеки отъ переписываемой бумаги и вращались около соблазнительнаго для каждаго маленькаго чиновника высокоблагороднаго титула.

Результатъ такой разсѣянности повытчика оказался для него весьма плачевнымъ. Дописывая послѣднюю строку ордера: «того ради благоволите, ваше превосходительство, учинить по сему не-

укоснительно», Телешовъ вмѣсто «превосходительство» написалъ вертѣвшееся въ его головѣ «высокоблагородіе».

Дописавъ бумагу, онъ передалъ ее для подписи секретарю; затѣмъ, ордеръ этотъ былъ подписанъ губернаторомъ и отправленъ къ оберъ-коменданту. Ошибки никто не замѣтилъ.

Аккуратный нѣмецъ Ганзеръ осторожно вынулъ полученный документъ изъ конверта, внимательно прочиталъ его и грозно сверкнулъ очами.

— Какъ! я высокоблагородіе? Этого не бывать; это дерзость!

И, приказавъ запречь лошадь, отправился къ губернатору.

— Почему, Егоръ Андреевичъ, вы меня называете высокоблагородіемъ? Я, вѣдь, моей государыни генералъ-маіоръ.

— Я васъ не называю высокоблагородіемъ.

— А это что?—спросилъ комендантъ Ганзеръ и торжественно подалъ губернатору ордеръ, указавъ на немъ ошибочное «высокоблагородіе».

— Я считаю себѣ это въ крайнюю обиду,—продолжалъ онъ,— и требую сатисфакціи. За что мнѣ сдѣлана такая убавка по чину?

— Но, господинъ комендантъ, я не могу читать самъ всѣхъ исходящихъ бумагъ, да и по регламенту не обязанъ. А потому въ сей убавкѣ виновенъ не я, а секретарь и повытчикъ, за рукою которыхъ писанъ ордеръ; я же вашему превосходительству всякую сатисфакцію окажу; будьте покойны.

Удовлетворенный въ своей гордости комендантъ, простившись съ губернаторомъ, уѣхалъ домой.

На другой день всѣ служащіе въ губернской канцеляріи были собраны въ присутственномъ залѣ и съ недоумѣніемъ ожидали разъясненія, зачѣмъ ихъ собрали. Всякій опасался за себя. Видимо, что кто-то изъ нихъ провинился и теперь имъ придется слушать это дѣло изъ устъ начальства. Но кто именно провинился? вотъ вопросъ.

Наконецъ, явился самъ губернаторъ. Воцарилась мертвая тишина. Долго онъ говорилъ объ обязанностяхъ подчиненныхъ и о той отвѣтственности, которой они подвергаются за небрежное и невнимательное отношеніе къ своему дѣлу. Нетерпѣніе узнать, въ чемъ дѣло и страхъ за себя все болѣе и болѣе возростали среди его слушателей.

— Не я ли попался?—пробѣгало въ мысли каждаго.

Долго и внушительно говорилъ губернаторъ. Наконецъ, перешелъ къ сути дѣла, всѣхъ интересовавшей.

— По генеральному регламенту,—раздавался его голосъ—повелѣно секретарямъ и служителямъ всѣ дѣла, исполненія требующія, прилежно разсматривать и къ отпуску чинить, дабы въ нихъ не малаго упущенія и просмотру не учинилось. Вчерашняго числа отъ меня былъ посланъ ордеръ господину оберъ-коменданту Ганзеру...

Дѣло начало разъясняться. Лица секретаря и повытчика покрылись мертвенною блѣдностью.

— И въ ономъ ордерѣ,—продолжалъ губернаторъ,—изображено было въ обращеніи къ нему — ваше высокоблагородіе вмѣсто превосходительства, и тѣ выраженія онъ, господинъ комендантъ, себѣ за немалую обиду принялъ...

Секретарь злобно посмотрѣлъ на повытчика Телешова, который понялъ, въ чемъ дѣло и опустилъ взоръ книзу. Между тѣмъ, губернаторъ продолжалъ:

— Секретарю и повытчику надлежало написать ордеръ безъ всякой убавки по чину, какъ всегда и обыкновенно отъ меня такіе ордеры посылаются, каковую форму они знаютъ. Слѣдственно, обида его, господина оберъ-коменданта, произведена единственно по просмотру секретаря и повытчика, чего ради я приказываю секретарю, отъ котораго изъ экспедиціи тотъ ордеръ писанъ и отправленъ былъ..

Секретарь весь обратился въ слухъ.

— Учинить при всѣхъ репремантъ...

— Ну, слава Богу, выговоромъ отдѣлался,—подумалъ онъ.

— А повытчика на сутки сковать въ желѣза̀ и подтвердить, чтобы они впредь въ таковыхъ отпускахъ осторожнѣе поступали.

Окончивъ свою рѣчь, губернаторъ удалился изъ губернской канцеляріи. На старика повытчика немедленно были надѣты тяжелые ручные и ножные кандалы, въ которыхъ онъ и пробылъ въ канцеляріи, безъ пищи, до слѣдующаго утра. Размышляя о своемъ горестномъ положеніи, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что другихъ за такія провинности наказываютъ и наказывали болѣе жестоко; ему былъ, напримѣръ, извѣстенъ случай, происшедшій въ первый годъ его службы въ той же губернской канцеляріи, похожій на его «преступленіе», но окончившійся гораздо болѣе серьезными послѣдствіями для виновныхъ. Вотъ что онъ вспомнилъ:

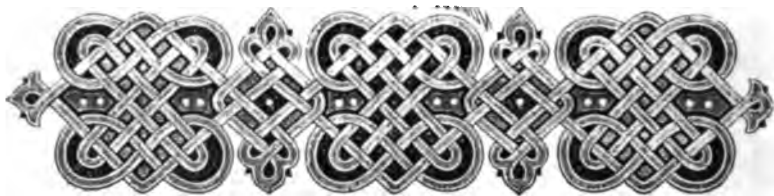
Въ сентябрѣ 1739 года въ Кольскую воеводскую канцелярію поступила «сказка» отъ безграмотнаго каптенармуса Архангелогородскаго гарнизоннаго полка Михайловскаго. Писалъ эту сказку, по просьбѣ Михайловскаго, солдатъ Галуновъ и при перепискѣ ея на бѣло пропустилъ въ титулѣ Ея Императорскаго Величества слово «Величества». Донесли объ этомъ въ губернскую канцелярію и началось слѣдствіе. Къ допросу привлекли не только Михайловскаго и Галунова, но и всѣхъ свидѣтелей, подписавшихся подъ сказкой, въ томъ числѣ и старика священника Андреянова. Надѣли на нихъ, какъ на него теперь, кандалы, посадили ихъ подъ караулъ и пошло слѣдствіе медленнымъ шагомъ впередъ. Почти годъ просидѣли эти узники въ заточеніи; въ 1740 году выпустили ихъ на поруки и, такъ какъ губернская канцелярія не могла сама разрѣшить вопроса о наказаніи ихъ за преступленіе

противъ Ея Величества особы, то и написала въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ запросъ, какъ поступить съ виновными. И пришелъ оттуда отвѣтъ — всѣхъ бить кнутомъ: и солдата-переписчика и свидѣтелей... Не избѣжалъ наказанія и престарѣлый священникъ...

— Да, они болѣе меня претерпѣли, — думалъ старый повытчикъ,—я еще легко отдѣлался. Виноваты же мы въ томъ, что не досмотрѣли. Съ бумагами нужно быть, охъ, какъ осторожнымъ!

Н. Ермиловъ.

ДЕВІЕРОВСКОЕ ДѢЛО.

ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЕ «Девіеровское дѣло» возникло въ 1857 году по обоюднымъ жалобамъ помѣщика села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, графа Александра Петровича Девіера и игуменьи Харьковскаго Хорошевскаго женскаго монастыря Антонины Чубаровой. Не важное по существу своему, это дѣло, постепенно обостряясь и разростаясь, дошло, наконецъ, до такой крайности, что въ формальной просьбѣ графа Девіера взведено было на тогдашняго архіепископа харьковскаго Филарета Гумилевскаго тяжкое обвиненіе въ подкупѣ. Девіеровское дѣло въ свое время было предметомъ общаго вниманія, породило не мало комментаріевъ и сплетенъ въ обществѣ, стоило высокопреосвященному Филарету многихъ огорченій и, наконецъ, прекращено было въ слѣдующемъ 1858 году по высочайшему повелѣнію. Самъ архіепископъ Филаретъ просилъ перевести его въ какую-либо другую епархію и, дѣйствительно, по прекращеніи этого дѣла, переведенъ былъ на Черниговскую каѳедру. Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками часть «Девіеровскаго дѣла» и нѣсколько писемъ высокопреосвященнаго Филарета къ разнымъ лицамъ по поводу этого дѣла и, на основаніи этихъ данныхъ, рѣшаемся познакомить читателей съ главными фазисами его развитія.

Дѣло открывается репортомъ игуменьи Хорошевскаго женскаго монастыря Антонины Чубаровой харьковскому архіепископу Филарету, отъ 31 августа 1857 года, съ жалобою на графа Александра Девіера. «Живущій вблизи Хорошева дѣвичьяго монастыря графъ Александръ Девіеръ, — писала игуменья Антонина, — съ братьями

своими дѣлали и въ прежнее время разныя непріятности монастырю, напримѣръ: куривали сигары и пѣвали пѣсни у ограды, пускали фейерверки. Увѣщанія и просьбы мои не приносили пользы. Въ послѣднее время Александръ Девіеръ довелъ свои неприличные поступки до крайности. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ сманилъ у монахини Рахили племянницу ея, жившую нѣсколько лѣтъ въ кельѣ тетки, мѣщанку Татьяну, не пріукаженную, впрочемъ, къ монастырю. Происшествіе это возбудило въ сестрахъ обители сильную скорбь и смущеніе. Августа 29 числа Девіеръ явился съ одѣтою неприлично, съ открытою таліею, въ свѣтское платье Татьяною въ храмъ обители, тогда какъ въ селѣ Хорошевѣ есть приходскій храмъ. Мы съ казначеею посылали благочинную покорнѣйше просить его выйти изъ храма, такъ какъ стояніе ихъ возмущаетъ сестеръ обители, тѣмъ болѣе, что они стояли неприлично и смѣялись. Но Девіеръ не исполнилъ просьбы и закричалъ на благочинную—«пошла прочь, пошла прочь», послѣ чего мы вынуждены были поставить впереди ихъ рядами монахинь, чтобы закрыть ихъ отъ юныхъ, которымъ не приходилось еще и видѣть подобнаго соблазна. Послѣ литургіи сама я съ казначеею оставались еще въ храмѣ съ нѣкоторыми сестрами, какъ услышали по монастырю крикъ. Татьяна кричала Девіеру: «бей игуменью», а Девіеръ съ палкою въ рукѣ бѣгалъ и спрашивалъ «гдѣ?» осыпая меня и сестеръ бранью. Затѣмъ входитъ къ намъ въ церковь благочинная и говоритъ все происшедшее, и мы съ казначеею принуждены были остаться въ церкви, пока они вышли изъ монастыря. Августа 30-го монахиня Рахиль пришла ко мнѣ со слезами, жалуясь, что Александръ Девіеръ ударилъ ее въ щеку, отъ чего она даже и упала, кричалъ, что будетъ стрѣлять въ монастырскихъ изъ ружья. Это было тогда, когда она шла съ монастырскаго огорода, гдѣ съ Рахилью было нѣсколько послушницъ. Что касается до меня, то по монашеской совѣсти говорю: Господь проститъ его. Но послѣднія происшествія навели ужасъ на всѣхъ, живущихъ со мною въ обители, и онѣ боятся выходить изъ келій, по страннымъ угрозамъ Девіера».

Харьковская духовная консисторія, въ которую сданъ былъ этотъ репортъ, увѣдомила о содержаніи его харьковское губернское правленіе. Послѣднее поручило ассесору своему, Нельговскому, произвести слѣдствіе о поступкахъ графа Девіера; харьковское же епархіальное начальство назначило депутатомъ по сему дѣлу съ духовной стороны члена харьковской духовной консисторіи протоіерея Іоанна Шероцкаго.

Между тѣмъ, коллежскій регистраторъ, графъ Александръ Девіеръ, состоявшій чиновникомъ канцеляріи харьковскаго губернатора И. Д. Лужина, 11-го сентября того же 1857 года, подалъ прошенія и харьковскому губернатору, и въ харьковскую духовную консисторію, съ жалобой на игуменью Хорошевскаго монастыря

Антонину, казначею монахиню Елисавету и благочинную монахиню Арсенію и другихъ лицъ за нанесеніе оскорбленія ему и женѣ его 29-го августа въ Хорошевскомъ монастырѣ. Въ прошеніи своемъ на имя консисторіи графъ А. Девіеръ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: 29-го минувшаго августа я пошелъ съ женою своею въ Хорошевскій женскій монастырь къ обѣднѣ, и едва мы вошли въ церковь и стали на мѣстѣ съ приличнымъ святости мѣста уваженіемъ, какъ казначея этого монастыря монахиня Елисавета, тотчасъ же насъ замѣтившая, стала бранить вслухъ жену мою самыми непристойными словами. Услышавъ это, я долго не вѣрилъ самому себѣ и нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то непонятномъ забвеніи; но потомъ я не могъ не прійти въ себя, когда увидѣлъ, что благочинная монастыря монахиня Арсенія, по приказанію игуменьи Антонины Чубаровой, подошла къ женѣ моей и точно такъ же, какъ казначея Елисавета, начала бранить ее вслухъ. И, не смотря на скромныя просьбы мои отойти, она три раза подходила и снова повторяла свою брань. Послѣ этого, почти безъ промежутка, игуменья и казначея, оставаясь, вѣроятно, недовольными нашимъ наружнымъ спокойствіемъ, сами произвели въ церкви смятеніе и безчиніе, стали собирать нѣкоторыхъ монахинь, простыхъ женщинъ и монастырскихъ заточанокъ, изъ коихъ протянувъ цѣпь впереди насъ, приказали подавать насъ назадъ и всячески стараться вытѣснить насъ изъ церкви, чего, однако же, онѣ не достигнули, потому что мы продолжали стоять и молиться, хотя со всѣхъ сторонъ были тѣснимы. По окончаніи же обѣдни, мы спѣшили выйти изъ церкви, боясь подвергнуться еще какимъ-либо непріятностямъ, между тѣмъ какъ онѣ, т. е. игуменья съ казначеей, не удовольствовавшись обидами, сдѣланными въ церкви, составили къ концу обѣдни новый планъ обидѣть насъ самымъ неслыханнымъ образомъ. Мы, не зная ничего о дальнѣйшихъ ихъ замыслахъ, выйдя изъ церкви, шли къ монастырскимъ воротамъ, за которыми, по приказанію игуменьи, ожидали насъ дворникъ монастырскій и заточанка, съ двумя ведрами помоевъ. Только-что мы приблизились къ воротамъ, и жена моя, шедшая впереди, хотѣла войти въ нихъ, какъ дворникъ подалъ знакъ заточанкѣ, и та изъ ведра обдала жену мою съ головы до ногъ самыми гадкими помоями; а вслѣдъ за нею въ свою очередь подошелъ и я, но былъ облитъ изъ другого ведра такимъ же образомъ. Помои же, которыми насъ обдали, по приказанію игуменьи, составляла въ корпусѣ, въ трапезной кухнѣ, монахиня Олимпіада, которая и учила заточанку, какъ облить насъ оными. Къ концу обѣдни заточанка съ помоями и дворникъ пришли къ воротамъ, гдѣ и ожидали насъ. Тамъ же, подлѣ воротъ, стоялъ мѣстныхъ жителей Тарасенковыхъ кучеръ, который спрашивалъ ихъ, для чего они принесли помои; на что̀ они отвѣчали, что обливать такихъ-то, т. е. насъ, и на во-

просъ его, что не будутъ ли они отвѣчать за это, они сказали, что дѣлаютъ то, что̀ имъ приказано. Это неслыханное оскорбленіе сдѣлано публично, при многихъ свидѣтеляхъ, которыхъ я укажу при слѣдствіи, о назначеніи коего я вошелъ куда слѣдуетъ съ подлежащимъ прошеніемъ». Въ заключеніе графъ Александръ Девіеръ просилъ харьковскую консисторію сдѣлать распоряженіе о немедленномъ удаленіи монахинь Антонины и Елисаветы отъ занимаемыхъ ими должностей, потому, между прочимъ, что,—какъ писалъ онъ,—«безъ удаленія ихъ отъ должностей нельзя надѣяться справедливыхъ показаній отъ подвѣдомыхъ имъ лицъ». Харьковская консисторія возвратила это прошеніе Девіеру, на томъ основаніи, что онъ не только не представилъ надлежащаго доказательства о своемъ бракѣ съ племянницею монахини Рахили, но умолчалъ въ прошеніи и объ имени ея; но, затѣмъ, вслѣдствіе отношенія харьковскаго губернскаго правленія отъ 24 сентября 1857 г., предписала произвести, по жалобѣ Девіера, формальное слѣдствіе члену консисторіи, протоіерею Шероцкому, въ присутствіи депутата съ гражданской стороны.

Такимъ образомъ, почти одновременно возникли два дѣла: одно, по жалобѣ игуменьи Хорошевскаго монастыря Антонины Чубаровой о нанесеніи ей и монастырю оскорбленій графомъ А. Девіеромъ; другое—по жалобѣ графа Девіера на игуменью и другихъ начальствующихъ въ монастырѣ лицъ за нанесеніе ему, Девіеру, оскорбленій. Первое изъ этихъ дѣлъ, не смотря на различныя проволочки, протесты и отводы со стороны графа Девіера, окончено слѣдствіемъ на мѣстѣ и само по себѣ не имѣло положительныхъ результатовъ. Свое обвиненіе противъ графа Девіера игуменья подтверждала свидѣтелями, противъ которыхъ Девіеръ выставилъ своихъ свидѣтелей, доказывавшихъ его невинность. Самъ Девіеръ въ своихъ показаніяхъ сознался только въ томъ, что года три-четыре тому назадъ меньшій, несовершеннолѣтній братъ его дѣйствительно пускалъ ракеты на своемъ дворѣ, въ разстояніи около версты отъ монастыря, и что онъ самъ, Александръ Девіеръ, 30-го августа, т. е. на другой день послѣ происшествія въ монастырѣ, имѣлъ встрѣчу въ селѣ Хорошевѣ съ монахиней Рахилью, которая будто бы обратилась къ его женѣ съ разными дерзкими словами, и вынужденъ былъ отстранить ее, приказавъ ей идти въ свое мѣсто, но не билъ ее. Что же касается другого дѣла по жалобѣ графа Девіера на игуменью Антонину, то оно постепенно осложнялось новыми жалобами и доносами Девіера, и при томъ не на игуменью только Антонину, но и на высокопреосвященнаго харьковскаго Филарета, и перешло, наконецъ, въ высшія инстанціи. На этомъ дѣлѣ собственно мы и остановимся и укажемъ важнѣйшіе его фазисы и внутреннюю его подкладку.

Получивъ свѣдѣніе, что слѣдствіе по жалобѣ на игуменью Ан-

тонину поручено произвести протоіерею Шероцкому, въ присутствіи депутата съ гражданской стороны, мѣстнаго становаго пристава,— графъ Александръ Девіеръ вошелъ въ харьковскую консисторію, отъ 7 октября, съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ, высказывая недовѣріе къ духовному слѣдователю, кто бы онъ ни былъ, просилъ консисторію «сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы слѣдствіе, какъ по его жалобѣ, такъ и по рапорту игуменьи Чубаровой, въ предупрежденіе запутанностей, было произведено одно, двумя слѣдователями вмѣстѣ, т. е. гражданскимъ и духовнымъ, и, для большей строгости и справедливости, при участіи жандармскаго оберъ-офицера. Эта просьба графа А. Девіера не была уважена консисторіей, и началось слѣдствіе, которое съ перваго же разу не предвѣщало ничего неблагопріятнаго для графа Девіера. На первый письменный запросъ слѣдователей игуменья Антонина отвѣчала имъ, что если бы и дѣйствительно нанесена была графу кѣмъ-либо обида, то это сдѣлано совершенно безъ ея вѣдома. При дальнѣйшемъ же ходѣ слѣдствія, свидѣтельскими показаніями подтвердилось, что дѣйствительно графъ Девіеръ и его жена облиты были у монастырскихъ воротъ заточанкою; но по чьему приказанію это сдѣлано,— осталось невыясненнымъ. Однако, графъ Девіеръ, не дожидаясь результатовъ слѣдствія, подалъ въ св. Сvнодъ два прошенія, изъ коихъ въ одномъ, отъ 13 ноября 1857 г., жаловался на харьковскую консисторію за возвращеніе ею его просьбы съ надписью, безъ удовлетворенія, а въ другомъ, отъ 20-го того же ноября, просилъ св. Сvнодъ постановить опредѣленіе какъ о соединеніи въ одно двухъ слѣдствій по обоюднымъ жалобамъ его графа на игуменью Антонину и этой послѣдней на него графа, такъ и о командированіи къ этому слѣдствію жандармскаго офицера, равно и объ удаленіи игуменьи и казначеи изъ монастыря на время производства слѣдствія. Эти прошенія, при указахъ св. Сvнода отъ 31 декабря того же года, препровождены были къ высокопреосвященному харьковскому Филарету, для доставленія, по содержанію ихъ, надлежащихъ свѣдѣній св. Сvноду. Независимо отъ сего, графъ А. Девіеръ 11-го декабря того же года обратился съ просьбой къ г. шефу жандармовъ князю Долгорукову о назначеніи къ слѣдствію жандармскаго офицера, при чемъ приложилъ къ просьбѣ особую секретную записку. Шефъ жандармовъ назначилъ корпуса жандармовъ генералъ-маіора Богдановича состоять при означенномъ слѣдствіи и просилъ харьковскаго губернатора допустить г. Богдановича къ сему слѣдствію. Но Богдановичъ, кажется, ограничился только ознакомленіемъ съ дѣломъ и не участвовалъ въ дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія. Не получая никакого свѣдѣнія по сему предмету ни отъ св. Сvнода, ни отъ оберъ-прокурора св. Сvнода, архіепископъ Филаретъ молчалъ нѣкоторое время по полученіи сообщенія губернскаго правленія о прикомандированіи генерала Богдановича къ слѣдствію и затѣмъ

написалъ къ харьковскому губернатору, что безъ разрѣшенія Сvнода консисторія затрудняется допустить, кромѣ депутата, еще жандармскаго чиновника при производствѣ слѣдствія надъ духовными лицами. На домогательство г. Богдановича, чтобы оба дѣла соединить при слѣдствіи, харьковская консисторія подтвердила свое прежнее постановленіе, что противно законамъ соединять два дѣла, разныя по предмету и подлежащія разбирательству двухъ разныхъ начальствъ, и, наконецъ, чрезъ высокопреосвященнаго Филарета представила этотъ вопросъ на разрѣшеніе св. Сvнода.

Между тѣмъ, графъ А. Девіеръ 14-го февраля 1858 года подалъ въ харьковскую консисторію прошеніе о прекращеніи заведеннаго по его жалобѣ на игуменью Антонину слѣдствія. «Сомнѣваясь въ томъ,—писалъ графъ Девіеръ,—что обида нанесена мнѣ съ вѣдома игуменьи, не желаю продолжать эту тяжбу, почему всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было прошеніе сіе принять и заведенное мною по вышеозначенному предмету дѣло по жалобѣ моей производствомъ прекратить и предать его вѣчному забвенію, такъ какъ я обиду свою прощаю и вести далѣе искъ не намѣренъ». Консисторія постановила прекратить дѣло по жалобѣ Девіера, вслѣдствіе мировой его сдѣлки; но оставалось для консисторіи въ происшествіи Хорошевскомъ разсмотрѣть и обсудить нравственное значеніе происшествія, тѣмъ болѣе, что 4-го февраля 1858 года получена была высокопреосвященнымъ Филаретомъ отъ г. губернскаго предводителя дворянства секретная записка, поданная ему тѣмъ же графомъ Девіеромъ, о совершающихся злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ игуменіею Хорошевскаго монастыря Антониною и казначеею Елисаветою. По поводу этой записки, высокопреосвященный Филаретъ предписалъ члену консисторіи протоіерею Голяховскому и благочинному Люботинскому Григорію Томашевскому «сдѣлать строжайшее и самое безпристрастное дознаніе по всѣмъ пунктамъ сей записки и провѣрить свѣдѣнія записки справками съ документами и вѣрными свѣдѣніями, гдѣ бы они ни были; что окажется,—писалъ высокопреосвященный Филаретъ,—донести мнѣ безъ всякой утайки, не принимая ни на совѣсть, ни на честь свою ничего. Такъ какъ пунктъ о приписываемомъ злоупотребленіи суммами требуетъ немедленнаго освидѣтельствованія, то о. протоіерей Голяховскій немедленно отправится въ монастырь, не ожидая прибытія благочиннаго изъ села Люботина, который въ свое время дополнитъ повѣрку».

Мы не имѣемъ подъ руками секретнаго дознанія протоіерея Голяховскаго и благочиннаго Томашевскаго о злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ игуменіи Антонины и казначеи Елисаветы; но изъ черновыхъ писемъ высокопреосвященнаго Филарета можно видѣть, что взводимыя на нихъ обвиненія не были совершенно неосновательны. Къ тому же и оскорбленіе, нанесенное графу Девіеру въ

монастырѣ, къ тому времени уже достаточно подтвердилось слѣдствіемъ. «Что касается до Хорошевскаго монастыря,—писалъ высокопреосвященный Филаретъ къ одному изъ членовъ св. Сѵнода,—старался я дѣйствовать на него для спасенія душъ. Теперь вижу, что игуменія не стоила того довѣрія, которымъ пользовалась; но довѣрялъ ей по тѣмъ убѣжденіямъ совѣсти, какія имѣлъ, а не въ оскорбленіе совѣсти. Гдѣ же найти людей, которые, по сознанію или и безъ сознанія, не обманывали бы болѣе или менѣе довѣріе начальствъ?» Въ другомъ письмѣ своемъ къ синодальному же члену высокопреосвященный Филаретъ писалъ слѣдующее: «По всѣмъ свѣдѣніямъ, формальнымъ и частнымъ, экономическое устройство обители и въ частности общежитія, при всей скудости средствъ, въ примѣрно-исправномъ состояніи. Бывшіе нравственные безпорядки, особенно своевольныя отлучки изъ монастыря молодыхъ послушницъ и монахинь, рѣдкое посѣщеніе ими богослуженія, частый пріемъ въ кельи свѣтскихъ лицъ, заставляли ее быть строгою. Поелику же посыланныя мною въ монастырь довѣренныя лица увѣрились, что игуменія Антонина, при всей своей благонамѣренности, не оказывала материнской мягкости въ обращеніи съ сестрами и болѣе дѣйствовала властію; то считаю должнымъ удалить ее отъ управленія обителію, помимо дѣла о Девіерѣ». И, дѣйствительно, «распоряженіемъ отъ 27-го февраля монахини Хорошевскаго монастыря Антонина и Елисавета уволены отъ должностей игуменіи и казначеи и имъ назначено жить до времени въ Верхо-харьковскомъ Николаевскомъ монастырѣ», въ 50 верстахъ отъ Харькова.

Но въ то время, какъ, повидимому, улегалась буря, поднятая Хорошевскимъ происшествіемъ, и принимала болѣе мирный и, такъ сказать—домашній характеръ, — графъ Девіеръ снова и съ большимъ ожесточеніемъ возбудилъ дѣло, имъ самимъ прекращенное, и на этотъ разъ бросилъ рѣшительное обвиненіе и на самого высокопреосвященнаго Филарета. 20-го февраля, 1858 года, графъ А. Девіеръ подалъ въ Харьковскую духовную консисторію прошеніе о возобновленіи слѣдствія по жалобѣ его и жены его на игуменію Антонину и казначею Елисавету, при чемъ обвинялъ въ подкупѣ высокопреосвященнаго Филарета. «Нѣсколько дней назадъ,—писалъ Девіеръ въ этомъ прошеніи, — прибылъ ко мнѣ въ домъ одинъ извѣстный мнѣ человѣкъ, котораго въ случаѣ необходимости поименую, съ убѣдительными, по его понятію, предложеніями отъ имени здѣшняго г. архіепископа Филарета—кончить миромъ заведенное мною дѣло о жестокихъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ мнѣ и женѣ моей игуменіею Хорошевскаго женскаго монастыря Антониною и казначеей Елисаветой. Но, такъ сказать, вѣнецъ убѣжденія былъ не въ устахъ посредника, а въ тысячѣ пяти стахъ рубляхъ серебромъ, которые онъ и предложилъ отъ имени его высоко-

преосвященства». Выразивъ свое согласіе на мировую и принявъ предлагаемыя деньги,—такъ какъ «пріятно воспользоваться ошибкою противника, употребивъ ее на что либо благое»—графъ А. Девіеръ, однако же, просилъ консисторію продолжать начатое по его жалобѣ дѣло, на томъ основаніи, что 1) дѣла о предосудительныхъ и уголовныхъ поступкахъ монашествующихъ лицъ, на основаніи 919 статьи по 6-му продолженію XV тома свода законовъ уголовныхъ, не прекращаются даже послѣ заключенія мировыхъ сдѣлокъ; 2) что онъ Девіеръ могъ помириться только за себя, а за жену свою не имѣетъ права и не желаетъ, и 3) сдѣланное ему, Девіеру, предложеніе ясно доказываетъ вину и отвѣтственность игуменіи и казначеи и особенное покровительство имъ мѣстнаго архіепископа. «Впрочемъ,—прибавлялъ графъ Девіеръ,—если г. архіепископу Филарету угодно будетъ находящіяся у меня принадлежащія ему полторы тысячи рублей серебромъ употребить по собственному усмотрѣнію, то я обязуюсь представить ихъ при особомъ прошеніи въ духовную консисторію». Единовременно съ симъ и жена графа Девіера подала въ консисторію прошеніе о продолженіи дѣла и заявляла, что она съ своей стороны, будучи такъ же обижена, какъ и мужъ ея, не только своей законной претензіи не прекращаетъ, но напротивъ того возобновляетъ ее съ самымъ твердымъ, ничѣмъ непоколебимымъ намѣреніемъ никогда не прекращать миромъ, «на что даже,—писала она,—лишаю себя права, такъ какъ сдѣланныя мнѣ оскорбленія до того велики, что даже лишили меня здоровья».

Оба эти прошенія, очевидно, направлены были уже не столько противъ игуменьи Антонины и казначеи Елисаветы, сколько противъ самого высокопреосвященнаго Филарета, такъ какъ судьба игуменьи и казначеи во время подачи этихъ прошеній уже предрѣшена была, и черезъ недѣлю онѣ уже уволены были отъ должностей своихъ, и слѣдовательно искъ Девіеровъ долженъ бы прекратиться самъ собою, если бы онъ имѣлъ въ виду только этихъ двухъ монахинь. Внутренній, тайный смыслъ этихъ прошеній хорошо поняли какъ харьковская духовная консисторія, такъ и высокопреосвященный Филаретъ. Консисторія возвратила Девіеру прошеніе, «какъ наполненное поносительными и укорительными словами», а высокопреосвященный Филаретъ увидѣлъ въ этомъ прошеніи тяжкую для себя обиду и оскорбленіе и просилъ защиты и у харьковскаго губернатора, и у оберъ-прокурора св. Сѵнода графа А. П. Толстого, и у членовъ св. Сѵнода и особенно с.-петербургскаго митрополита Григорія.

Впрочемъ, въ извиненіе графа Девіера нужно замѣтить, что тайною пружиною всего дѣла былъ не онъ самъ, а отставной чиновникъ Наполовъ, на котораго собственно и жаловался, высокопреосвященный Филаретъ. «Несомнѣнно,— писалъ владыка—что г. Девіеръ, какъ малограмотный, не въ состояніи былъ сочинить

хитросплетенной бумаги съ оскорбленіями для моей личности; увѣренъ и въ томъ, что Девіеръ самъ по себѣ не злой человѣкъ, но при слабости своей послушное оружіе другого. Этотъ другой—никто другой, какъ отставной чиновникъ Наполовъ, бывшій подъ судомъ, не принадлежащій Харьковской губерніи, человѣкъ, какъ знаю его и по дѣламъ консисторіи о сестрахъ его и по личному сношенію, бывающій по временамъ вовсе исступленнымъ и полусумасшедшимъ, но постоянно злобный и съ страстію къ ябедничеству, готовый всегда только на то, чтобы возмущать край злыми толками и ябедами. Отъ него терплю я уже пятый годъ всякаго рода оскорбленія только потому, что по изступленной злобѣ мститъ онъ за сестеръ своихъ, жившихъ въ Хорошевѣ монастырѣ, о которыхъ производилось дѣло въ консисторіи. Еще два года тому назадъ жаловался я на Наполова мѣстному жандармскому офицеру и, подробно объяснивъ дѣла Наполова, просилъ оградить меня отъ злобнаго кляузника; но г. Богдановичъ, насказавъ много обѣщаній, не сдѣлалъ ничего». «Въ августѣ прошлаго года,—писалъ архіепископъ Филаретъ митрополиту Григорію,—случилось несчастное происшествіе въ Хорошевѣ монастырѣ. Нѣкто графъ Девіеръ, живущій въ хуторѣ близь Хорошева монастыря, сманилъ изъ монастыря послушницу мѣщанку и, женившись на ней въ другой губерніи, явился съ бывшею послушницею въ монастырскомъ храмѣ, а при выходѣ изъ монастыря былъ кѣмъ-то облитъ помоями. Оскорбленный Девіеръ началъ процессъ объ обидѣ. Это дѣло въ порядкѣ. Девіеръ самъ по себѣ не злой, да и малограмотный. Наполовъ съ изступленною злостію взялся вести и ведетъ за него дѣло. Мало и того. Къ формальной бумагѣ, поданной въ Петербургѣ, приложена,—какъ теперь слышу,—записка съ гнусными клеветами и противъ меня. Девіеръ, помимо вѣдѣнія Наполова, подалъ мировое прошеніе въ консисторію. Наполовъ, узнавъ о томъ, заставилъ Девіера подать просьбу о продолженіи иска, съ оскорбленіями и противъ меня. За что дѣло о монастырѣ опрокидывается противъ меня, право, не понимаю. Въ дѣлѣ объ обидѣ консисторія употребляетъ стараніе вести его законно и безпристрастно. Св. Сѵнодъ можетъ видѣть, вытребовавъ все дѣло на свое усмотрѣніе. Если дѣло длится шесть мѣсяцевъ; то это только къ скорбямъ моимъ и уже вовсе не пожеланію моему. Оно запутывается болѣе и болѣе отъ разныхъ просьбъ Девіера. Для Девіера лично не дѣлалъ я непріятнаго. Онъ подавалъ ко мнѣ просьбу, прося разрѣшенія жениться на бывшей послушницѣ. Но я ему объяснилъ лично, что такъ какъ бывшая послушница не была даже пріуказана къ монастырю, то не имѣетъ нужды въ моемъ разрѣшеніи на вступленіе въ бракъ, если желаетъ вступить».

Во всякомъ случаѣ, высокопреосвященный Филаретъ видѣлъ въ прошеніи Девіера крайнюю дерзость и тяжкое оскорбленіе себѣ,

справедливо опасался подрыва своего авторитета въ епархіи и потому рѣшился предпринять противъ клеветника рѣшительныя мѣры. 21-го февраля, 1858 г., секретно и конфиденціально онъ просилъ харьковскаго губернатора употребить зависящія отъ него мѣры къ обузданію и огражденію его личности отъ столь наглыхъ оскорбленій, и именно: 1) допросить г. Девіера, кто сочиняетъ и пишетъ ему просьбы; 2) допросить чиновника уголовной палаты Богуславскаго, писавшаго просьбу о прекращеніи иска,—какъ происходило дѣло примиренія, кто участвовалъ въ немъ; 3) если возможно, секретнымъ распоряженіемъ чрезъ довѣреннаго чиновника, но никакъ не жандармскаго, отобрать всѣ (ябеднические) бумаги у отставнаго чиновника Наполова, писанныя имъ за Девіеровъ, и затѣмъ поступить по усмотрѣнію. По секретному дознанію г. губернатора открылось, что примиреніе Девіера совершалось помимо всякаго участія архіепископа Филарета. «По секретному разслѣдованію губернатора дознано,—писалъ высокопреосвященный Филаретъ митрополиту Григорію,—кто давалъ деньги, кто и кѣмъ былъ посыланъ къ Девіеру, «что ни въ томъ, ни въ другомъ дѣлѣ вовсе не былъ я причастнымъ». Получивъ частнымъ образомъ извѣстіе о результатахъ разслѣдованія, высокопреосвященный Филаретъ секретно и конфиденціально просилъ харьковскаго губернатора, не найдетъ ли онъ возможнымъ, «по правамъ начальника губерніи, секретнымъ распоряженіемъ немедленно удалить Наполова изъ Харьковской губерніи, какъ непринадлежащаго къ ней и зловреднаго для спокойствія» ввѣренной его смотрѣнію губерніи. Но харьковскій губернаторъ отъ 28-го февраля 1858 года увѣдомилъ высокопреосвященнаго Филарета, что «такъ какъ назначеніе формальнаго разслѣдованія по дѣламъ такого рода не зависитъ непосредственно отъ мѣстнаго начальства, а отъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ сношеніи онаго съ св. Сѵнодомъ, то о таковомъ ходатайствѣ вашемъ мною донесено г. министру внутреннихъ дѣлъ и сообщено г. оберъ-прокурору св. Сѵнода графу Толстому на зависящее распоряженіе».

Такой оборотъ дѣла еще болѣе смутилъ высокопреосвященнаго Филарета, такъ какъ дѣло доводилось до высшаго начальства и могло быть представлено въ неблагопріятномъ для высокопреосвященнаго свѣтѣ. Съ этого времени начинается оживленная переписка высокопреосвященнаго Филарета съ членами и оберъ-прокуроромъ св. Сѵнода поэтому дѣлу. Приводимъ изъ нея два отрывка изъ писемъ архіепископа Филарета къ оберъ-прокурору св. Сѵнода, графу А. П. Толстому.

Въ письмѣ, писанномъ послѣ 22-го февраля 1858 года, высокопреосвященный Филаретъ, сообщивъ объ отношеніи своемъ къ харьковскому губернатору съ просьбой сдѣлать дознаніе по поводу взведенной на него клеветы,—писалъ далѣе слѣдующее: «О семъ ва-

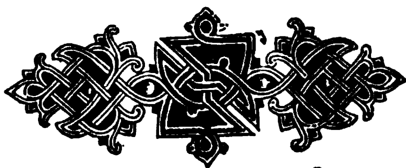
шему сіятельству за долгъ считаю сообщить и усерднѣйше прошу вашего содѣйствія къ огражденію меня отъ насилій злобы. Не могу объяснить себѣ наглой клеветы, взведенной на меня въ формальной бумагѣ, чѣмъ-либо инымъ, какъ домогательствомъ нѣкоторыхъ, особенно же отставного чиновника Наполова, дѣлающаго всѣ дѣла за Девіера и злобствующаго противъ меня за дѣло о сестрахъ его, производившееся въ консисторіи, какъ бы то ни было очернить меня предъ высшимъ начальствомъ и тѣмъ вытѣснить меня изъ харьковской епархіи. По совѣсти, какъ предъ Господомъ говорю, что для епархіи всѣми силами старался я быть полезнымъ. Какіе получаю я доходы, употребляю то на духовное дѣвичье училище, то на общежитіе Хорошевскаго монастыря, то на странноприимный домъ, то на домъ архіерейскій, такъ что, если бы пришлось мнѣ завтра выѣзжать изъ Харькова, мнѣ не съ чѣмъ было бы выѣхать. Много скорбей стоило мнѣ устроить общежитіе въ Хорошевѣ монастырѣ, и вотъ года три все было пришло въ порядокъ и настала тишина. Но случилось это несчастное дѣло объ оскорбленіи Девіера, и тотъ, кто давно ждалъ подобнаго случая, ухватился за него всѣми силами. Теперь и въ монастырѣ, чѣмъ болѣе длится дѣло объ обидѣ, тѣмъ болѣе все разстроивается. И меня лично это несчастное дѣло до того, наконецъ, отяготило и разстроиваетъ здоровье души и тѣла, что не былъ бы недовольнымъ, если бы назначена была мнѣ другая епархія. Жаль только того, что учрежденія мои, стоившія мнѣ много трудовъ и заботъ (дѣвичье училище, общежитіе хорошевское, странноприимный домъ) могутъ остаться безъ прежняго призора любви. Да будетъ воля Божія во всемъ! Ходъ всего хорошевскаго дѣла, дошедшаго, наконецъ, до такой крайности, подробно излагаетъ для вашего сіятельства секретарь консисторіи. Съ своей стороны за долгъ считаю присовокупить, что г. жандармскій генералъ-маіоръ Богдановичъ дѣйствуетъ съ очевиднымъ пристрастіемъ къ Девіеру и съ очевиднымъ нерасположеніемъ къ Хорошевскому монастырю. Еще до начала несчастнаго дѣла объяснялъ я ему, каковы дѣла Наполова по Хорошеву монастырю, и просилъ возможной защиты его отъ Наполова; но и послѣ того, хорошо зная то, что Девіеръ—не болѣе, какъ орудіе Наполова, онъ не только вѣритъ Девіеру, но домогается достигать всего того, чего пожелаетъ Девіеръ, или, точнѣе, Наполовъ. Потому ваше сіятельство оказали бы великое благодѣяніе для харьковской консисторіи, если бы благоволили употребить свое ходатайство объ уклоненіи генералъ-маіора Богдановича отъ присутствія при слѣдствіи о хорошевскомъ происшествіи. И это было бы, какъ думаю, согласно и съ ходомъ дѣла. Г. Богдановичъ прикомандированъ къ слѣдствію по жалобѣ Девіера на личную свою обиду. Искъ удовлетворенія за личную обиду прекращается мировою сдѣлкою. Остается для консисторіи въ происшествіи хо-

рошевскомъ разсмотрѣть и обсудить нравственное значеніе происшествія; но это уже дѣло консисторіи, до котораго нѣтъ дѣла Девіеру, а слѣдовательно и г. Богдановичу. Какъ вслѣдствіе сей просьбы, такъ и по многимъ другимъ свѣдѣніямъ, посылаемы были мною и духовныя и разныя другія лица, для дознанія и увѣщаній. И послѣ того не остается сомнѣнія, что главною причиною безпокойствъ и нестроеній монастыря есть медленность дѣла, начавшагося по жалобѣ г. Девіера на монастырь, дающая просторъ возмутительнымъ толкамъ злонамѣренныхъ и легкомысленныхъ людей. Предлагаю консисторіи: а) предписать, дабы слѣдователь немедленно отправился для собранія свѣдѣній, не достающихъ къ дѣлу по жалобѣ Девіера на совершившіяся будто бы преступленія въ монастырѣ, при чемъ имѣлъ бы въ виду, что дѣло о личной обидѣ г. Девіера и жены его окончено мировою просьбою его о прекращеніи иска за обиду, почему всякое вмѣшательство его, какъ обиженнаго, не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ; б) просить губернское правленіе, дабы предписало своему депутату немедленно явиться для участія при производствѣ слѣдствія о преступленіяхъ, соединенныхъ съ обидами Девіера и жены его; в) такъ какъ по слѣдственному дѣлу, представленному протоіереемъ Шероцкимъ въ копіи, видно, что г. Девіеръ то уклонялся отъ отвѣтовъ, то вовсе не являлся къ слѣдствію, такъ что отъ того происходила проволочка и остановка дѣла, и на него же протоірей Шероцкій уже предъявлялъ жалобу слѣдователю, что онъ въ отвѣтахъ своихъ помѣщаетъ много неотносящагося къ дѣлу; то просить губернское правленіе, дабы учинено было должное распоряженіе и по симъ поступкамъ г. Девіера». Въ другомъ письмѣ своемъ къ сунодальному оберъ-прокурору, писанномъ, вѣроятно, послѣ 28-го февраля 1858 года, высокопреосвященный Филаретъ просилъ его употребить свое ходатайство, гдѣ слѣдуетъ, объ удаленіи Наполова изъ харьковской епархіи, или же о перемѣщеніи самого высокопреосвященнаго на другую епархію. «Господа ради прошу ваше сіятельство,—писалъ архіепископъ Филаретъ,—или избавить харьковскую епархію отъ Наполова, или безъ промедленія времени указать мнѣ другое мѣсто служенія, но не оставлять меня безъ защиты и на поруганіе злымъ людямъ, отъ которыхъ и безъ того много терпѣлъ я безвинно».

Въ Петербургѣ дѣло восходило на высочайшее усмотрѣніе государя императора, который высочайше повелѣть соизволилъ—дальнѣйшее производство слѣдственныхъ дѣлъ, возникшихъ по обоюднымъ жалобамъ графа Девіера и игуменьи Хорошевскаго монастыря прекратить, съ тѣмъ, чтобы онъ, Девіеръ, какъ подававшій оскорбительныя на высокопреосвященнаго Филарета бумаги и собственнымъ сознаніемъ уличенный въ оклеветаніи высокопреосвященнаго Филарета, по усмотрѣнію начальника губерніи, высланъ

былъ изъ губерніи на три мѣсяца, или обязанъ былъ, въ теченіе этого времени, не выѣзжать никуда изъ харьковскаго своего имѣнія, и 2) чтобы игуменья Хорошевскаго монастыря Антонина, хотя и не обнаруживается вполнѣ ея виновности во всѣхъ жалобахъ, поданныхъ графомъ Девіеромъ, но такъ какъ самые поводы къ жалобамъ симъ, при потребномъ со стороны ея благоразуміи, не могли бы имѣть мѣста, устранена была отъ должности и переведена на жительство въ другой монастырь. Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія и относящихся къ сему предмету дѣлъ канцеляріи св. Сѵнода, св. Сѵнодъ, между прочимъ, постановилъ: «устраненныхъ отъ должностей игуменью Антонину и казначею Елисавету, такъ какъ первая изъ нихъ обличается въ излишней строгости съ сестрами Хорошевскаго монастыря и въ весьма скудномъ содержаніи ихъ столомъ, обѣ же въ неправильномъ веденіи отчетности въ монастырскихъ суммахъ и въ частыхъ отлучкахъ изъ монастыря,—то, отрѣшивъ ихъ вовсе отъ означенныхъ должностей, съ тѣмъ, чтобы онѣ и впредь къ таковымъ не были опредѣляемы, предоставить имъ, монахинямъ Антонинѣ и Елисаветѣ, избрать для жительства какіе-либо иные монастыри внѣ Харьковской губерніи». Объ этомъ дано было знать высокопреосвященному Филарету указами св. Сѵнода отъ 30-го мая 1858 г., за № 4703, и отъ 29-го ноября того же года, за № 1523. Самъ высокопреосвященный Филаретъ, по прекращеніи дѣла, вызванъ былъ въ С. Петербургъ для присутствованія въ св. Сѵнодѣ и затѣмъ уже перемѣщенъ былъ на Черниговскую епархію.

П.

ОДИНЪ ИЗЪ АВАНТЮРИСТОВЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

ВЪ ДЕКАБРѢ 1878 года, ко мнѣ въ гостинницу «Bysance» въ Константинополѣ зашелъ старый турокъ, Хаджи-Османъ, съ которымъ я познакомился въ Филиппополѣ, у Измаилъ-бея [1]), и предложилъ свои услуги для осмотра достопримѣчательностей города. Онъ говорилъ порусски и объяснилъ, что зналъ бѣлаго русскаго генерала, т. е. М. Д. Скобелева, котораго не разъ сопровождалъ въ его экскурсіяхъ по Константинополю. На мосту, въ Стамбулѣ, возвращаясь изъ турецкаго квартала, мы встрѣтили дервиша съ войлочнымъ колпакомъ на головѣ, и Османъ предложилъ мнѣ осмотрѣть текке (монастырь) вертящихся дервишей въ Перѣ. — «Мы тебѣ покажемъ гробницу Ахмета-паши», сказалъ онъ.

Я пожелалъ узнать, кто такой Ахметъ-паша и мои спутники объяснили мнѣ, что онъ былъ родомъ франкъ, принялъ исламъ и долго жилъ въ Стамбулѣ и служилъ султану Махмуду. Ахметъ-паша давно умеръ, но его и теперь помнятъ многіе турки, потому

---

[1]) Измаилъ-бей, нынѣ умершій, одинъ изъ меттевели В. Румеліи, т. е. крупныхъ землевладѣльцевъ этой области, владѣвшихъ въ ней обширными землями на феодальномъ правѣ. Эти меттевели потомки турецкихъ завоевателей края и болгарскихъ бояръ, принявшихъ тогда исламъ. До послѣдней войны меттевели взимали десятину, т. е. десятую часть продуктовъ съ жившихъ на ихъ землѣ болгаръ. По органическому статуту 1879 года десятина была замѣнена выкупомъ, а Измаилъ-бей былъ назначенъ нашимъ гражданскимъ управленіемъ сословнымъ представителемъ верховнаго суда области. Измаилъ-бей считалъ долгомъ оказывать всѣмъ русскимъ, какъ завоевателямъ края, знакъ величайшаго почтенія.

изъ арміи въ Парижъ, Бонневаль не только прожигалъ жизнь въ кутежахъ, но и давалъ волю своему острому языку; его эпиграммы ходили по всему Парижу, а въ нихъ онъ не разъ задѣвалъ всесильную тогда г-жу де-Ментенонъ. Это не прошло ему даромъ. Въ своихъ мемуарахъ, присланныхъ уже изъ Константинополя версальскому кабинету, Бонневаль говоритъ, что онъ былъ своимъ человѣкомъ у герцога Орлеанскаго, вслѣдствіе чего его считали при дворѣ короля за развратника (libertin) и, не смотря на военныя заслуги, обошли чиномъ. Обиженный такой несправедливостью, Бонневаль написалъ военному министру Шамильяру, котораго онъ считалъ за выскочку, что если ему, Бонневалю, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не дадутъ удовлетворенія, то онъ перейдетъ на службу къ германскому императору, военные министры котораго люди хорошаго круга (gens de qualité), умѣющіе цѣнить «равнаго себѣ». Шамильяръ былъ человѣкъ не знатнаго происхожденія, сдѣлавшій себѣ карьеру не на войнѣ, а въ военной канцеляріи.

Не дожидаясь отвѣта на это письмо, Бонневаль бѣжалъ за границу, именно въ Вѣну, гдѣ его встрѣтили весьма благосклонно. Благодаря покровительству принца Евгенія Савойскаго, онъ былъ принятъ генералъ-маіоромъ въ имперскую армію и участвовалъ съ ней въ войнѣ противъ французовъ въ Италіи и въ походѣ въ Провансъ и Дофинэ.

Военный судъ заочно осудилъ его за дезертирство. Но послѣ заключенія Раштатскаго мира, онъ такъ отличился подъ знаменами принца Евгенія въ войнѣ съ турками, что герцогъ Орлеанскій, благоволившій къ нему, пользуясь благопріятнымъ для Бонневаля настроеніемъ общественнаго мнѣнія, настоялъ на отмѣнѣ тяготѣвшаго надъ нимъ приговора военнаго суда.

Въ турецкомъ походѣ принца Евгенія Бонневаль игралъ очень видную роль и проявилъ замѣчательную храбрость и военныя дарованія—это признаютъ даже нѣмецкіе историки. Въ сраженіи при Петервардейнѣ 5-го августа 1716 года онъ былъ отрѣзанъ отъ главной арміи превосходными силами непріятеля, окружившими его отрядъ со всѣхъ сторонъ. Съ бѣшенной отвагой онъ пробился черезъ густыя массы янычаръ и соединился съ принцемъ Евгеніемъ—принявъ самое дѣятельное участіе въ рѣшительной побѣдѣ имперской арміи. Этотъ день покрылъ его славой и ранами. Его подвиги въ этомъ сраженіи были воспѣты въ стихахъ Жанъ-Жакомъ Руссо.

Амнистія открыла ему двери Франціи, куда онъ пріѣхалъ въ слѣдующемъ 1717 году и здѣсь женился на княжнѣ Шарлотѣ Биронъ, увлекшейся его приключеніями, ранами и боевыми подвигами. По отзыву современниковъ и между прочимъ извѣстнаго герцога Сенъ-Симона, Бонневаль обладалъ большимъ апломбомъ, даромъ слова, рѣдкимъ остроуміемъ и невольно подчинялъ себѣ всѣхъ

окружающихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, Бонневаль неожиданно бросилъ боготворившую его жену и Францію, которая такъ снисходительно простила ему его прежнія вины, и возвратился на службу къ императору.

Но здѣсь положеніе его измѣнилось. Война съ турками была кончена. Австрія находилась въ мирѣ со всѣми сосѣдями. Императоръ Карлъ VI благоволилъ попрежнему къ Бонневалю, но принцъ Евгеній, который цѣнилъ Бонневаля на войнѣ, считалъ его человѣкомъ совершенно непригоднымъ въ мирное время. Кромѣ того, принцъ желалъ возстановить строгую субординацію въ арміи и былъ крайне недоволенъ слишкомъ фамильярнымъ съ нимъ обращеніемъ Бонневаля. Императоръ, опасаясь крупнаго между ними столкновенія, поспѣшилъ удалить Бонневаля изъ Вѣны—онъ получилъ военный постъ въ австрійскихъ Нидерландахъ, именно въ Брюсселѣ. Здѣсь и произошла исторія, разорвавшая навсегда связи Бонневаля съ имперіей.

Жена императорскаго намѣстника въ Брюсселѣ маркиза де-Пріэ, на оффиціальномъ пріемѣ, отозвалась неблагопріятно для испанской королевы о причинахъ ея размолвки съ мужемъ. Королева была французская принцесса, дочь регента герцога Орлеанскаго. Бонневаль счелъ долгомъ заступиться за честь своей родственницы королевы и сдѣлалъ это столь рѣзко, что былъ посаженъ подъ арестъ въ брюссельскую цитадель.

Сидя подъ арестомъ, онъ усердно раздувалъ этотъ инцидентъ и писалъ письма не только къ императору, но и къ представителямъ Франціи и Испаніи, требуя увольненія и преданія суду намѣстника де Пріэ, жена котораго позволила себѣ публично оскорбить честь и достоинство королевскаго дома Бурбоновъ.

Старанія Бонневаля придать этому случаю политическій характеръ и вызвать дипломатическое вмѣшательство Мадридскаго и Версальскаго кабинета сильно встревожили Вѣну. Императоръ по настоянію принца Евгенія вызвалъ Бонневаля, выпущеннаго на свободу и уѣхавшаго въ Гагу, къ отвѣту передъ наряженнымъ надъ нимъ военнымъ судомъ. Узнавъ, что принцъ Евгеній открыто держитъ сторону его врага намѣстника, Бонневаль вызвалъ принца на дуэль и тѣмъ не менѣе поѣхалъ въ Вѣну, надѣясь добиться своей цѣли путемъ личнаго объясненія съ императоромъ; но его не допустили до этого, арестовали на пути и отвезли въ моравскую крѣпость Шпильбергъ, гдѣ собрался военный судъ для разсмотрѣнія его проступковъ. Напрасно протестовалъ онъ противъ состава суда, состоявшаго изъ его личныхъ враговъ; судъ приговорилъ его къ лишенію чиновъ и должностей и къ годовому заключенію въ крѣпости Шпильбергъ. Императоръ послѣ довольно долгихъ колебаній подписалъ этотъ приговоръ и Бонневаль отсидѣлъ указанный срокъ въ крѣпости. Затѣмъ его отвезли въ Тироль до границы и отпу-

стили на свободу, воспретивъ ему когда-либо возвращаться въ предѣлы имперіи.

Глубоко оскорбленный такимъ образомъ дѣйствій, Бонневаль, какъ онъ писалъ въ своихъ мемуарахъ, поклялся отомстить вѣроломной Австріи, которая за его боевыя заслуги и кровь, пролитую имъ на поляхъ сраженій подъ ея знаменами, заплатила ему тюрьмой, оскорбленіями и ссылкой.

Поселившись въ Венеціи и зная близко военную и политическую организацію Австріи, онъ, побуждаемый жаждой мщенія, весь отдался составленію плана ея разгрома. Съ этой цѣлью онъ вступилъ въ дѣятельныя сношенія со всѣми враждебными имперіи элементами въ Венгріи, Трансильваніи, Валахіи и даже въ Польшѣ.

Онъ составилъ подробный планъ разчлененія Австріи, исполненіе котораго должны были принять на себя путемъ формальнаго союзнаго договора Франція и Порта; ихъ войска должны были поддержать народное возстаніе въ не нѣмецкихъ областяхъ имперіи, которое брался организовать Бонневаль. Изъ этихъ областей должно было образоваться особое вассальное княжество подъ верховной властью султана. Царство Османовъ, писалъ Бонневаль Версальскому кабинету, представляетъ крупную матеріальную силу, которою Франція можетъ и должна воспользоваться въ своей вѣковой борьбѣ съ германской имперіей, въ видахъ поддержанія равновѣсія въ Европѣ.

Онъ полагалъ, что его политическая программа будетъ благопріятно принята французскимъ посломъ въ Константинополѣ и рѣшился пробраться въ Константинополь для того, чтобы личнымъ участіемъ подвинуть дѣло.

Проѣхать прямо въ Константинополь моремъ ему было трудно; за нимъ слѣдили въ Венеціи и сеньорія республики не пропустила бы такого безпокойнаго человѣка на берега Босфора. Поэтому онъ пробрался на маленькомъ суднѣ съ небольшимъ числомъ старыхъ боевыхъ товарищей черезъ Адріатическое море въ Рагузу. Послѣдняя была тогда независимой республикой и изъ нея верхомъ по горнымъ дорогамъ можно было безпрепятственно достигнуть Сераева въ Босніи, что Бонневаль и сдѣлалъ, написавъ изъ Рагузы длинныя посланія французскому послу Вильневу и великому визирю съ изложеніемъ своихъ плановъ.

Въ Сераево у мѣстнаго паши Бонневаль встрѣтился случайно съ австрійскимъ офицеромъ, присланнымъ для переговоровъ изъ Бѣлграда. Офицеръ поспѣшилъ объяснить пашѣ, что его гость человѣкъ опасный, который можетъ возбудить войну между Портой и Австріей. Паша не далъ Бонневалю пропуска и просилъ его остаться въ Сераевѣ до полученія приказаній отъ султана. Представитель императора въ Константинополѣ г. Тимманъ напрягъ всѣ усилія, чтобы не пускать Бонневаля въ Константинополь. Виль-

невъ же, связанный инструкціями своего кабинета, формально воспретившаго ему входить въ сношенія съ такимъ неблагонадежнымъ человѣкомъ, какъ Бонневаль, оставилъ его письмо безъ отвѣта, а ходатайство о пропускѣ въ Константинополь безъ поддержки.

Покинутый всѣми и преслѣдуемой враждой Австріи и Венеціи, которая считала появленіе Бонневаля на Балканскомъ полуостровѣ крайне вреднымъ для ея интересовъ, Бонневаль оказался въ весьма затруднительномъ положеніи; хотя турки относились къ нему дружелюбно, но султанъ предписалъ не выпускать его изъ Сераева, назначивъ ему при этомъ пенсію.

Мечтавшій дѣйствовать на Балканскомъ полуостровѣ, въ качествѣ самостоятельнаго политическаго дѣятеля, негласнаго посредника между Портой и Франціей, онъ долженъ былъ теперь искать милости султана.

Ради этого, онъ рѣшился принять исламъ и стать подданнымъ султана, сдѣлавшись изъ французскаго графа Бонневаля, родственника Бурбоновъ, турецкимъ пашей. «Я надѣваю чалму и принимаю исламъ, объяснилъ онъ мулламъ, потому что мнѣ было откровеніе свыше, что я, командуя турецкимъ отрядомъ, возьму въ плѣнъ принца Евгенія и отрѣжу ему уши», разсказывалъ Бонневаль въ письмѣ къ Вольтеру, описывая свое ренегатство.

Но перемѣна вѣры не сразу открыла ему доступъ въ столицу правовѣрныхъ; ему прибавили пенсію, но продолжали держать въ Сераевѣ, гдѣ онъ прожилъ около двухъ лѣтъ и, кажется, сблизился съ мѣстнымъ мусульманскимъ населеніемъ, которое тогда, какъ и теперь, ненавидѣло швабовъ и поэтому симпатизировало гонимому ими Бонневалю. Онъ тогда не зналъ еще потурецки и объяснялся съ мѣстными жителями черезъ своего каваса.

Потурецки говорить онъ выучился позднѣе, а писать научился передъ заключеніемъ Бѣлградскаго мира, находясь во временной ссылкѣ въ Кастумани въ Малой Азіи.

Живя въ Босніи и получивъ право разъѣзжать по ней съ приставленными къ нему кавасами, Бонневаль основательно изучилъ топографію этой страны, осмотрѣлъ и составилъ планъ обороны ея крѣпостей и, наконецъ, на счетъ турецкой казны сдѣлалъ опытъ разработки ея минеральныхъ богатствъ. Но, вмѣсто искомаго золота, онъ нашелъ каменный уголь, которому турки не придавали никакой цѣны; работы были прекращены, а открытыми имъ копями воспользовались много лѣтъ спустя его злѣйшіе враги австрійцы, занявшіе Боснію послѣ Берлинскаго конгресса.

Продолжительное пребываніе въ Сераевѣ, повергавшее Бонневаля въ глубокое отчаяніе, однако спасло ему жизнь. Государственная инквизиція Венеціи признала пребываніе его въ Константинополѣ опаснымъ для республики и секретно приговорила его къ смертной казни черезъ наемнаго убійцу, о чемъ и былъ посланъ

приказъ венеціанскому баилу, т. е. послу въ Константинополѣ Даніилу Дольжини [1]).

Уличная революція въ Константинополѣ, 1730 года, низвергшая съ престола миролюбиваго султана Ахмета, выдвинула Бонневаля. Новый султанъ Махмудъ и его визирь Топаль (т. е. хромой) Османъ паша желали возстановить славу турецкаго оружія и поспѣшили вызвать Бонневаля въ столицу. Онъ былъ сдѣланъ трехъ бунчужнымъ пашой и ему было поручено обученіе вновь сформированнаго отряда турецкаго регулярнаго войска, при чемъ на него было возложено спеціально обученіе турецкой артиллеріи.

Бонневаль занялся обученіемъ турецкаго войска съ великимъ рвеніемъ и достигъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ результатовъ. Онъ пріучилъ турокъ маневрировать разсыпнымъ строемъ, настоялъ на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ ихъ тактикѣ и вооруженія и значительно улучшилъ турецкую артиллерію. По его указанію часть турецкой пѣхоты была вооружена длинными пиками для отраженія кавалерійскихъ атакъ.

Маневры въ Скутари на азіатскомъ берегу организованнаго имъ регулярнаго войска производили сильное впечатлѣніе какъ на турокъ, такъ и на европейскихъ резидентовъ при дворѣ султана. Нашъ представитель Вешняковъ доносилъ отъ 30-го апрѣля 1735 года изъ Константинополя императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ: «Нельзя безъ ужаса смотрѣть на слѣдствія этого дѣла для всего христіанства и особенно для сосѣднихъ съ Турціей державъ. Одно средство помѣшать дѣлу—это удалить Бонневаля съ двумя его товарищами изъ Турціи, сдѣлать же этого иначе нельзя, какъ если бы одна изъ христіанскихъ державъ перезвала ихъ къ себѣ на выгодныхъ условіяхъ. Бонневаль сильно жалуется, что несчастіе и французскій посолъ (Вильневъ) довели его до такой напасти противъ его желанія и намѣренія, сильно тяготится онъ, что будучи человѣкомъ такихъ великихъ способностей и достоинствъ находится между такими варварами и совершенно несвѣдущими скотами. (Соловьевъ «Исторія Россіи» т. XX стр. 80)». Наши представители при Высокой Портѣ Неплюевъ и Вешняковъ не разъ предлагали императрицѣ войти въ сношеніе съ Бонневалемъ черезъ голландскаго посла и дать ему убѣжище для общаго блага.

Когда началась война между Турціей съ одной стороны, Россіей и Австріей съ другой—турецкіе военачальники приняли планъ кампаніи, составленной Бонневалемъ. По его совѣту и указанію, турки направили свои усилія главнымъ образомъ противъ австрійцевъ и оттѣснили ихъ къ Дунаю прежде, чѣмъ русская армія подъ командой Миниха достигла этой рѣки.

---

[1]) Переписка о Бонневалѣ, хранящаяся въ секретномъ архивѣ Венеціи, опубликована A. Baschet въ его Archives de Venise и В. И. Ламанскимъ «Secrets d'etat de Venise».

«Имперцевъ надо во что бы то ни стало отбросить за Дунай, русскія побѣды въ Крыму и Бессарабіи вслѣдствіе отдаленности театра ихъ дѣйствій отъ центра жизненныхъ силъ Порты пока для нея не опасны», твердилъ Бонневаль, въ совѣтахъ султана, куда его постоянно приглашали и гдѣ его мнѣнія пользовались вѣсомъ.

Побѣды турокъ въ Босніи и Сербіи и Бѣлградскій миръ оправдали предположеніе Бонневаля—успѣхи Австріи на Балканскомъ полуостровѣ были остановлены на сто слишкомъ лѣтъ. Послѣ заключенія Бѣлградскаго мира вліяніе Бонневаля ослабло, хотя онъ получалъ щедрую пенсію отъ султана—ему давали 45,000 голландскихъ флориновъ, въ годъ, что равняется 100,000 франковъ. Кромѣ того, онъ получалъ субсидіи отъ разныхъ европейскихъ дворовъ, преимущественно отъ Версальскаго кабинета. Бонневаль жилъ въ Перѣ весьма пышно, отличался благотворительностью и нисколько не стѣснялся соблюденіемъ мусульманскихъ обрядовъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ въ своихъ мемуарахъ Казанова, посѣтившій его въ Константинополѣ.

Въ запискахъ по политическимъ вопросамъ, которые Бонневаль представлялъ султану и Версальскому кабинету, онъ обнаружилъ тонкій умъ и недюжинную политическую дальновидность. Россія была тогда въ дружбѣ и союзѣ съ Англіей, но Бонневаль въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка указывалъ на неизбѣжность ихъ столкновенія на Востокѣ и утверждалъ, что въ Восточномъ вопросѣ скорѣе возможно соглашеніе Россіи съ Франціей, чѣмъ съ Англіей.

Послѣ смерти Бонневаля, команда надъ сформированными имъ бомбардирами перешла къ его пріемышу Солейману-агѣ, также ренегату, родомъ изъ Милана, а по мнѣнію нѣкоторыхъ его незаконному сыну.

Мечта Бонневаля, создать турецкое войско, обученное всѣмъ необходимымъ пріемамъ европейской тактики, снабженное хорошимъ оружіемъ и офицерами, и разгромить этимъ войскомъ австрійскую имперію, не осуществилась.

«Турецкіе солдаты, писалъ Бонневаль, превосходный боевой матеріалъ, если имъ дать хорошихъ офицеровъ и оружіе; ихъ побѣда снова заставитъ трепетать Европу».

Но какъ Бонневаль, такъ и другіе европейскіе инструкторы, занимавшіеся этимъ дѣломъ, означенной цѣли не достигли и не создали такую турецкую армію, которой страстно желалъ этотъ горячій туркофилъ.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что турки своими побѣдами надъ австрійцами въ 1737—39 годахъ много обязаны Бонневалю.

П. М.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Сочиненіе профессора А. Риля. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Корша. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

Ъ ОСОБЕННЫМЪ удовольствіемъ мы встрѣчаемъ на вновь переведенной книжкѣ имя одного изъ старѣйшихъ русскихъ литературныхъ дѣятелей, чуть ли не единственнаго оставшагося въ живыхъ сотрудника и друга Герцена, Грановскаго и др., члена того вѣчнопамятнаго ученолитературнаго московскаго кружка, который въ тяжелое время сороковыхъ годовъ усиленно раздувалъ слабый свѣточъ русской мысли. Сколько съ тѣхъ поръ мы пережили! Сколько хорошихъ людей потеряли мы! страшно и подумать. Сколько интереснаго и поучительнаго могъ бы разсказать современному поколѣнію Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ, еслибъ захотѣлъ онъ! И мы надѣемся, что когданибудь и разскажетъ: «не даромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь его поставилъ и книжному искусству вразумилъ». Теперь же мы рады и тому, что онъ все еще работаетъ и служитъ дѣлу, которому служилъ и 50 лѣтъ назадъ.

Алоизій Риль одинъ изъ самыхъ выдающихся и солидныхъ такъ называемыхъ ново-кантіанцевъ. Вотъ что говоритъ о значеніи этой его книги почтенный переводчикъ:

«Фрейбургскій профессоръ Риль еще въ 1876 г. началъ издавать свое сочиненіе: «Философскій критицизмъ и его значеніе для положительной науки», а кончилъ его только въ 1887 г. тѣмъ именно любопытнѣйшимъ отдѣломъ, который мы предлагаемъ читателю, какъ существенный, послѣдній результатъ многолѣтней работы автора, и какъ замѣчательный выводъ изъ

всего, что сдѣлано по части философскаго критицизма въ наше время и другими. Всего важнѣе тутъ цѣлостность общаго взгляда, соединенная съ необыкновенной точностью изслѣдованія частныхъ вопросовъ, умѣнье тонко различать, отнюдь не разрывая той жизненной связи, которая такъ безцѣнна для здраваго, то есть всегда вѣрнаго коренной природѣ своей, ума, и которая однакожъ такъ часто ускользаетъ изъ виду у многихъ, остроумныхъ впрочемъ изыскателей, какъ идеалистической, такъ и позитивистской школы. Умъ нашъ, правда,—чистая всеразличительность, но онъ вмѣстѣ и единъ, а при томъ мысленное различеніе вовсе вѣдь не разрывъ всегда и вездѣ также единой въ себѣ жизни. Нигдѣ завершеніе ея человѣческимъ чувствомъ и умомъ и тѣсная ихъ связь между собою не разъяснены съ такой послѣдовательной выдержкой, нигдѣ не устранено такъ много общепринятыхъ отчасти теоретическихъ недоразумѣній, какъ у Риля. При томъ, всѣ главные процессы постепенно развивающейся мысли и ея вліяній классифицированы и разсмотрѣны у него такъ, что даютъ возможность дѣйствительно опредѣлить по нимъ культурный уровень какъ отдѣльной личности, такъ, пожалуй, и цѣлаго народа. Замѣчателенъ также и вполнѣ достоинъ подражанія истинно-критическій пріемъ его—напоминать изъ исторіи философіи исключительно лишь то, что пригодно для лучшаго пониманія современныхъ ея положеній, никогда не заведетъ онъ васъ, какъ многіе другіе, въ неисходный лабиринтъ тѣхъ идеалистическихъ подробностей, которыя часто такъ неопредѣленны такъ плохо намъ переданы изъ десятыхъ рукъ и такъ вообще мало извѣстны, что каждый любитель готовъ смѣло толковать ихъ на свой ладъ».

Книга Риля распадается на 2 отдѣла; первый изъ нихъ, озаглавленный авторомъ: «Задачи теоріи науки вообще», заключаетъ въ себѣ 4 главы. Первая называется: «Философія, какъ проблема» и оканчивается такимъ выводомъ: «по двойственному ея пониманію, философія есть общое ученіе о наукѣ и о практической мудрости». Вторая говоритъ «о предѣлахъ и предпосылкахъ знанія (авторъ признаетъ предѣлы наблюденія, но не знанія: гдѣ кончается познаваніе «естествовѣдное», тамъ начинается психологическое). Третья: «о началѣ и понятіи опыта» (авторъ держится средняго взгляда, по которому опытъ есть важное, но не единственное орудіе познанія, по его убѣжденію раціонализмъ и сенсуализмъ должны быть соединены другъ съ другомъ); къ ней слѣдуетъ добавленіе: «дарвинизмъ и трансцендентальная философія». Глава четвертая говоритъ о метафизической и научной постройкѣ системъ (авторъ убѣжденъ въ невозможности системы метафизической, но надѣется, что сами точныя науки сдѣлаются болѣе философскими); за ней слѣдуетъ небольшой полемическій экскурсъ противъ ненаучности Гегелевой философіи природы.

Второй отдѣлъ книги озаглавленъ: «Метафизическія проблемы»; онъ состоитъ изъ пяти главъ, первая: «реальность внѣшняго міра и идеалистическія теоріи», оканчивается такимъ характернымъ выводомъ: «Бытіе внѣшняго міра есть необходимая предпосылка его подмѣчаемости». Глава вторая говоритъ «объ отношеніи психическихъ явленій къ матеріальнымъ процессамъ»; въ третьей—авторъ высказываетъ свой взглядъ на трудный вопросъ о детерминизмѣ воли и практической свободѣ, въ четвертой разбираетъ космологическую проблему безконечнаго; въ пятой, наконецъ, говоритъ о необходимости и цѣлесообразности, первую онъ признаетъ принципомъ теоретическаго взгляда, а вторую принципомъ практическаго обсужденія фактовъ.

Разбирать теорію Риля по существу въ «Ист. Вѣст.» неумѣстно; мы хотѣли только указать на фактъ появленія интересной книги.

Изложеніе автора, на нашъ взглядъ,—среднее: оно не такъ живо и общедоступно, какъ у Гартмана или многихъ позитивистовъ; но несравненно яснѣе и понятнѣе всѣхъ философовъ идеалистической школы.

Говорить о вѣрности и солидности перевода Е. Ѳ. Корша по малой мѣрѣ излишне. Къ сожалѣнію, у него тоже что и двадцать лѣтъ назадъ, стремленіе сочинять новыя слова (нагнетъ, предпосылка, обосновка, животпенный, побуда, затреба и пр. и пр.); между ними есть и удачныя; но большое количество ихъ безполезно развлекаетъ читателя. А. К.

Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ В. И. Модестовымъ. Полное изданіе (три курса въ одномъ томѣ). Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1888.

Г. Модестовъ въ предисловіи такъ объясняетъ исторію появленія этого почтеннаго тома: «Выпускомъ въ свѣтъ предлагаемой книги заключается изданіе, которое давно уже ожидало окончанія. Первый курсъ лекцій, обнимавшій римскую литературу отъ начала до эпохи Августа и печатавшійся сначала въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», вышелъ въ Кіевѣ отдѣльною книгой въ 1873 г. Черезъ два года тамъ же появился второй курсъ, посвященный исключительно вѣку Августа. Въ слѣдующемъ, т. е. въ 1876 году, я выпустилъ новое изданіе перваго курса въ С.-Петербургѣ. Къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ совершенно исчезло изъ продажи и первое изданіе второго курса. Между тѣмъ, третій курсъ, долженствовавшій обнять литературу имперіи, все еще не появлялся на свѣтъ: разныя другія работы, обнародованіе которыхъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ казалось мнѣ болѣе настоятельнымъ, отвлекали меня отъ окончанія труда, на который были потрачены мною лучшія силы въ самую цвѣтную пору моей жизни. Когда же, наконецъ, явилась возможность взяться за изданіе третьяго и послѣдняго курса, то самъ собою возникъ вопросъ о томъ—слѣдуетъ ли ограничиться его изданіемъ, или необходимо вмѣстѣ съ нимъ и издать вышедшій изъ продажи второй курсъ. Съ этимъ вмѣстѣ возникъ новый вопросъ: выпуская въ свѣтъ второй и третій курсъ, — разумѣется, въ обновленномъ видѣ противъ того, какъ эти курсы были читаны въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Кіевѣ,—можно ли оставлять не обновленнымъ первый курсъ, хотя уже подвергшійся обновленію во второмъ изданіи? Такимъ-то образомъ явилась мысль издать всѣ три курса разомъ и, въ видахъ удешевленія изданія, соединить ихъ въ одной книгѣ, напечатанной болѣе убористымъ шрифтомъ». Изъ дальнѣйшаго объясненія автора оказывается, что обновленіе курсовъ главнымъ образомъ заключалось въ пополненіи столь важной въ такомъ дѣлѣ библіографіи, которая и доведена, «можно сказать, до послѣдняго дня».

Подо всѣмъ тѣмъ, что говоритъ г. Модестовъ въ томъ же предисловіи о паденіи филологическаго образованія въ нашихъ университетахъ за послѣднее время и о причинахъ этого паденія, о неумѣстности въ университетахъ перевода на латинскій языкъ исторіи г. Иловайскаго или даже Ка-

рамзина и, вообще, школьнаго метода преподаванія, всякій, кому дѣйствительно дороги интересы русской науки и кто не страдаетъ грамматическимъ или какимъ инымъ фанатизмомъ, разумѣется, подпишется обѣими руками (надежда автора, что «дѣйствующій теперь учебный планъ... можетъ быть измѣненъ и даже въ самомъ скоромъ времени» невольно приводитъ на мысль печальную пословицу: «пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ»); но не всякій согласится съ г. Модестовымъ, что исторія греческой и римской литературы не должны читаться болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю и что чтеніе ихъ должно продолжаться, по крайней мѣрѣ, 4 семестра, т. е. два года. Къ чему такая строгая регламентація? Ужели учебный планъ заразилъ страстью къ ней и г. Модестова? Рецензентъ однажды слушалъ въ Германіи курсъ по одному часу въ недѣлю въ лѣтній семестръ, заключавшій въ себѣ обзоръ всей исторіи искусства (отъ Востока до XIX вѣка включительно) и нѣсколько разъ тамъ же слыхалъ или посѣщалъ курсы по разнымъ отдѣламъ исторіи по 5, по 6 часовъ въ недѣлю; и краткій курсъ былъ полезенъ слушателямъ, такъ какъ его читалъ профессоръ опытный и даровитый, и подробные курсы при такихъ же условіяхъ приносили пользу соотвѣтственно затраченному на нихъ времени. Г. Модестовъ говоритъ: «Читающій четыре лекціи въ недѣлю по такому предмету, какъ исторія римской (или греческой) литературы, профессоръ не имѣетъ возможности углубиться въ предметъ, не въ состояніи пересмотрѣть передъ лекціей сочиненія того писателя, о которомъ онъ долженъ говорить». Но кто же ему мѣшаетъ приготовить свой курсъ лѣтомъ, и необходимо ли хоть бы, напр., г. Модестову пересматривать Тацита для общаго курса, гдѣ этому Тациту нельзя посвятить болѣе одной лекціи? Да и работающій студентъ, спеціально занимающійся въ этомъ семестрѣ исторіей литературы, можетъ безъ особаго труда слѣдить за общимъ курсомъ, хотя бы онъ читался даже не 4, а 5 и 6 часовъ въ недѣлю. Академическая свобода воли, что солнце, подъ лучами котораго возросла филологическая наука въ Германіи; изъ школы Лахмана выходили хорошіе филологи даже тогда, когда онъ читалъ одного Проперція, а бездарный или формально относящійся къ дѣлу преподаватель при самомъ лучшемъ планѣ преподаванія только вобьетъ въ голову слушателей нѣсколько сотенъ фактовъ, которые останутся мертвымъ капиталомъ.

Но мы вполнѣ согласны съ г. Модестовымъ, что исторіи литературы, какъ греческой, такъ и римской, слѣдуетъ придавать «центральное значеніе», между всѣми классическими штудіями университета, въ особенности русскаго, принимающаго въ себя молодыхъ людей, которымъ въ гимназіяхъ классицизмъ являлся съ наименѣе привлекательной стороны своей. Если греческая словесность важна для всѣхъ по своему художественному богатству и полной самостоятельности, литература римская представляетъ для насъ особый интересъ по многимъ параллелямъ съ литературой русской. Мы, какъ и римляне, заимствовали литературныя формы, а отчасти и содержаніе своей словесности; какъ и римляне, мы постепенно освобождались отъ подражательности, и путь нашъ и ихъ былъ одинъ и тотъ же. У насъ, какъ и у нихъ, первые литераторы, давшіе нѣсколько образцовъ въ разныхъ видахъ «поэзіи», такихъ образцовъ, которые обратили на себя вниманіе только потому, что были первыми въ своемъ родѣ (подобно тому, какъ первыя ягоды лѣтомъ цѣнятся, какъ бы онѣ ни были кислы) понимаютъ о себѣ очень вы-

соко и настойчиво требуютъ себѣ безсмертія[1]). Наша литература, какъ и римская, прежде всего проявила свою самостоятельность и силу въ сатирѣ и комедіи характеровъ и нравовъ. Это послѣднее обстоятельство только отчасти обусловлено заимствованіемъ литературныхъ формъ, отчасти же зависитъ отъ несомнѣннаго сходства въ характерахъ обоихъ народовъ, о причинахъ котораго было бы слишкомъ долго говорить. Это сходство обусловливаетъ многія параллели въ древне-русской и древне-римской словесности: такъ у насъ, какъ и у римлянъ національная религія очень скоро уступила иноземной, оставивъ въ словесности только крайне слабые слѣды; у насъ, какъ и у римлянъ, въ письменности развитіе прозы далеко опередило развитіе поэзіи, стихъ долго остается свободнымъ отъ всякихъ внѣшнихъ украшеній въ родѣ аллитераціи, ассонанса или риомы и т. д. и т. д.

Въ виду всѣхъ этихъ параллелей и въ виду основного педагогическаго закона, одинаково обязательнаго какъ для низшей, такъ и для высшей школы, что неизвѣстное хорошо усвоивается только тогда, когда оно связывается съ извѣстнымъ, исторія римской литературы посредственнаго достоинства, но составленная русскимъ, будетъ болѣе полезной для русскихъ студентовъ, нежели прекрасная книга такого же содержанія, переведенная съ нѣмецкаго или съ англійскаго. Но книга г. Модестова—результатъ многолѣтнихъ трудовъ солиднаго спеціалиста, опытнаго профессора и человѣка съ незауряднымъ литературнымъ талантомъ. Поэтому никто не удивится, если появленіе ея насъ болѣе радуетъ, нежели обрадовало бы появленіе въ русскомъ переводѣ всѣхъ лучшихъ университетскихъ учебниковъ, составленныхъ въ Германіи.

Г. Модестовъ удержалъ въ своей книгѣ форму лекцій; эта форма представляетъ нѣкоторыя выгоды, такъ какъ оживляетъ изложеніе, но имѣетъ и дурныя стороны: читателямъ нисколько не будутъ назидательны указанія на латинскихъ авторовъ, недавно прокомментированныхъ на параллельномъ курсѣ, и многія повторенія и резюме окажутся излишними. Но авторъ защитилъ себя отъ нареканія, заявивъ въ предисловіи, что первоначальная выработка этихъ лекцій стоила ему слишкомъ большого труда для того, чтобы измѣнять ихъ форму. Составъ книги таковъ: первыя 8 лекцій посвящены начаткамъ самостоятельной римской литературы; до 16-й лекціи идетъ исторія подражательной римской литературы до Гракховъ; отъ 16-й до 32-й лекціи—литература отъ Гракховъ до Августа, отъ 32-й до 46-й—вѣкъ Августа, отъ 4-й до 56-й включительно литература при императорахъ до Адріана; затѣмъ отъ 740 стр. до конца книги идетъ краткое (признаться сказать, слишкомъ краткое и конспектообразное) обозрѣніе послѣдующихъ судебъ римской литературы. Больше всего труда положено и больше всего проявляется самостоятельности въ первомъ отдѣлѣ; интереснѣе всего для чтенія отдѣлы третій и четвертый; авторъ справедливо гордится богатствомъ библіографическаго отдѣла въ своей книгѣ, въ которомъ, дѣйствительно, трудно найти хотя одинъ существенный недосмотръ. Авторъ приводитъ массу отрывковъ, какъ прозаическихъ такъ и поэтическихъ, послѣдніе почти всегда въ стихо-

---

[1]) Ср. извѣстное самомнѣніе Сумарокова съ тѣмъ, что г. Модестовъ говоритъ на стр. 89 объ Энніи. Это общее явленіе подражательныхъ литературъ, также Петрарка, какъ авторъ Африки, мнилъ себя равнымъ Виргилію, Готшедъ—равнымъ Буало и т. д.

творныхъ переводахъ, иногда въ своихъ собственныхъ, большею частью довольно удачныхъ (какъ на исключеніе укажемъ на переводъ изъ Эннія на стр. 89); не понимаемъ только, почему оставлены безъ перевода цитаты изъ Персія, Марціала и другихъ поэтовъ имперіи. Изложенія содержанія крупныхъ произведеній составлены очень обстоятельно и ясно.

Съ оригинальной ореографіей римскихъ именъ въ родѣ: Кесарь, Кирке, волей неволей приходится помириться, но Миоридатъ, понтификъ нѣсколько непріятно рѣжутъ глаза. Но это и нѣкоторые мелкіе недосмотры такія ничтожныя пятнышки, что они не могутъ портить книги г. Модестова, которой желаемъ отъ всей души полнаго успѣха. А. К.

Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Н. Ө. Сумцова. Кіевъ. 1888.

Стремленіе дополнить библейскія и церковныя свѣдѣнія о разныхъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ создало обширный отдѣлъ народной литературы, такъ называемые апокрифы. По замѣчанію проф. Порфирьева, «съ литературной точки зрѣнія апокрифическія сказанія составляютъ обширную область богатаго религіознаго эпоса, въ которомъ среди заблужденій встрѣчается много замѣчательныхъ идей, смѣлыхъ и оригинальныхъ мотивовъ, много въ высшей степени трогательныхъ и поэтическихъ картинъ. Потому эти сказанія были всегда любимы, переходили отъ одного народа къ другому, проникали въ искусство и литературу, доставляли, особенно въ древніе и средніе вѣка, сюжеты для духовной поэзіи, живописи и скульптуры и вообще имѣли огромное вліяніе на складъ тѣхъ религіозныхъ народныхъ понятій, которыя еще до сихъ поръ существуютъ въ народныхъ массахъ». Изученіе апокрифовъ необходимо и для словесниковъ, и для историковъ, и для этнографовъ,—оно много уясняетъ въ народной психологіи, въ особенностяхъ народныхъ воззрѣній и быта. Г. Сумцовъ поставилъ себѣ задачей разобрать апокрифы, встрѣчающіеся въ южной Руси, изслѣдовать ихъ происхожденіе и составъ, сдѣлать сводъ того, что собрано было по этому предмету гг. Чубинскимъ, Драгомановымъ, Кулишемъ, Новосельскимъ, Калитовскимъ и др. Въ южной Руси апокрифы нашли благопріятныя условія для своего развитія и распространенія. Они проникали туда изъ Византіи и Болгаріи, преимущественно въ XI — XV ст., и изъ Польши, въ XVI — XVII ст., во-первыхъ, путемъ устной передачи отъ грековъ и болгаръ, посѣщавшихъ Русь и отъ русскихъ странниковъ-богомольцевъ, ходившихъ въ Константинополь, на Аөонъ и въ Палестину; во-вторыхъ, черезъ византійскія сочиненія апологетическія, экзегетическія и историческія, преимущественно черезъ Палеи и Хроники, и черезъ польскія схоластическія проповѣди, и въ-третьихъ, непосредственно въ формѣ апокрифическихъ книгъ. Въ народной памяти, по замѣчанію г. Сумцова, сохранились наиболѣе апокрифы византійскаго и болгарскаго источниковъ; въ рукописяхъ сохранились сказанія, проникшія въ Галицію изъ Польши. Передавая апокрифы въ Великороссію, Малороссія получила нѣкоторые изъ нихъ обратно въ великорусской обработкѣ, напримѣръ, сказанія и пѣсни о 12 пятницахъ. Апокрифы оказывали сильное вліяніе на народную словесность, изъ нихъ возникли многіе духовные стихи и другія народныя устныя произведенія. Г. Сумцовъ указываетъ, какъ церковно-апокрифическіе мо-

тивы въ такихъ произведеніяхъ тѣсно иногда переплетаются съ древнѣйшими миѳическими. Разбирая отдѣльныя апокрифическія сказанія, г. Сумцовъ прибѣгаетъ часто къ сравненіямъ южно-русскихъ сказаній съ великорусскими, западно-славянскими и византійскими, и почти постоянно старается прослѣдить указанное вліяніе ихъ на устныя созданія народа. Всего въ книжкѣ разобрано 46 апокрифовъ, сводъ сдѣланъ очень обстоятельный и подробный, хотя изслѣдованіе далеко не вездѣ, (особенно въ вопросахъ общихъ), отличается самостоятельностью. В.

Краткій хронологическій очеркъ исторіи города Смоленска, его достопримѣчательности, учебныя заведенія, благотворительныя и общественныя учрежденія. Изданіе Смоленскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Смоленскъ. 1888.

Книжка эта обязана своимъ появленіемъ на свѣтъ Божій особому случаю, именно посѣщенію города Смоленска великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, который былъ здѣсь недавно проѣздомъ изъ Варшавы. Отсюда вытекаетъ и прямое назначеніе книжки—служить указателемъ и путеводителемъ при обозрѣніи смоленскихъ достопримѣчательностей и разныхъ мѣстныхъ учрежденій. Задача, конечно, узкая, но если вспомнить, что большинство нашихъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ не даютъ даже и такихъ книжекъ и въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ спятъ непробуднымъ сномъ, заставляя забывать о самомъ существованіи ихъ,—то нельзя не отнестись одобрительно къ смоленскому статистическому комитету и за эту работу.

Большая часть книги составляетъ работу компилятивную. Только глава о Свирской церкви въ Смоленскѣ представляетъ самостоятельный трудъ и выгодно выдѣляется среди другихъ главъ книги новизною сообщаемыхъ фактовъ. Свирскій храмъ, построенный около 1180 года смоленскимъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, въ 1611 году, по взятіи г. Смоленска поляками, былъ обращенъ въ костелъ и оставался въ такомъ видѣ до 1655 года. Польская эпоха оставила глубокіе слѣды какъ въ живописи, такъ и въ архитектурѣ церкви. «Мѣстные» образа въ иконостасѣ почти всѣ польскаго письма и имѣютъ польскія или латинскія надписи. Ликъ св. Николая чудотворца—настоящій портретъ польскаго магната XVII стол., съ смѣлымъ презрительнымъ взглядомъ и длинными усами, опущенными внизъ, какъ это дѣлалось у поляковъ и малороссовъ. Стѣнное писаніе также частію принадлежитъ польской эпохѣ. Такъ, на одной изъ переднихъ колоннадъ храма изображенъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ и подъ нимъ подпись: «Ecce homo!», на другой Матерь Божія съ надписью: «Mater dolorosa». Здѣсь же, въ Свирской церкви, находится гробница смоленскаго князя Давида Ростиславича († 1197 г.), вытесанная изъ бѣлаго известняка. Гробница эта была найдена въ развалинахъ смоленскаго Борисоглѣбскаго монастыря, гдѣ былъ похороненъ упомянутый князь.

Замѣчательно, что, не смотря на краткость книги и ея, такъ сказать, конспективный характеръ, она расходится въ Смоленскѣ, какъ мы слышали, весьма успѣшно, хотя и цѣна на нее назначена довольно высокая—1 рубль за 99 страничекъ in octavo. Фактъ этотъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что публика нуждается въ подобнаго рода изданіяхъ. Нужно

удивляться поэтому, отчего наши статистическіе комитеты или хотя бы частныя лица въ провинціи такъ мало проявляютъ свою дѣятельность въ области печатнаго слова... Н. Д—скій.

Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію григоріанскій календарь. Н. Θ. Сумцова. Кіевъ. 1888.

Главною причиною недовольства православныхъ реформою календаря, произведенною папой Григоріемъ XIII, являются соображенія каноническія, которымъ новый календарь не могъ удовлетворить: новое времясчисленіе произвело перемѣну въ праздновавіи Пасхи, такъ что христіанская Пасха иногда совпадаетъ съ еврейской или даже бываетъ ранѣе ея, а это противорѣчитъ постановленію Никейскаго вселенскаго собора. Вмѣстѣ съ этимъ православные видѣли въ григоріанскомъ календарѣ одно изъ новыхъ проявленій самовластія католической церкви и рѣшительно его отвергли. Календарь сдѣлался однимъ изъ необходимыхъ аттрибуновъ римской церкви, и при своей пропагандѣ въ Южной и Западной Россіи католики усиленно настаивають на его принятіи.Обвору этой пропаганды и того противодѣйствія, которое ей весьма энергично оказывали южно-руссы, посвящена разсматриваемая книжка г. Сумцова. Кромѣ указанныхъ выше, у южно-руссовъ были свои спеціальные мотивы противодѣйствія календарю: католики сразу стали вводить его насильственнымъ путемъ и, разумѣется, этимъ только вооружили противъ него православныхъ. Защита стараго календаря стала символомъ борьбы съ полонизмомъ и латинствомъ, и это сознавалось южно-русскими полемистами. Особенно сильно велась полемика въ XVI вѣкѣ, къ которому относятся наиболѣе замѣчательныя сочиненія противъ новаго календаря, а именно «Ключъ царства небеснаго» Герасима Смотрицкаго, «Книжица» Василія Суражскаго, сочиненія Стефана Зиванія, Христофора Филалета и Льва Мамонича. Въ произведеніяхъ этихъ полемистовъ высказаны всѣ существенныя научныя, каноническія и практическія возраженія противъ григоріанской реформы, дальнѣйшая полемика ничего новаго къ нимъ не прибавила и даже, по замѣчанію г. Сумцова, въ ней замѣтенъ упадокъ, между тѣмъ какъ пропагандистскія стремленія католиковъ стали въ XVII вѣкѣ гораздо сильнѣе. Г. Сумцовъ довольно подробно анализируетъ сочиненія католиковъ, особенно Саковича, Брожека, Дубовича и Рутки, отмѣчаетъ, что въ научномъ отношеніи они стоятъ выше предшествующихъ трудовъ и даютъ католикамъ перевѣсъ надъ православными. Однако, не смотря на это оживленіе, въ XVII вѣкѣ споръ о календарѣ замираетъ и возобновляется только въ наше время въ Галиціи. Агитація началась со стороны поляковъ: въ 1882 г. нѣкто A. Z. выпустилъ брошюру: «Polityka nerwów», въ которой предлагалъ русинамъ отказаться отъ кириллицы и стараго календаря, въ замѣнъ чего обѣщалъ согласіе поляковъ на умноженіе русскихъ школъ въ краѣ и признаніе края польско-русинскимъ. Энергичными пропагандистами новаго календаря выступаютъ, кромѣ A. Z., помѣщикъ Поляновскій и ксендзъ Стояновскій. Но всѣмъ этимъ попыткамъ въ органахъ мѣстной печати дается посильный отпоръ. Особенно выдаются статьи газеты «Дѣло», въ которой пишетъ извѣстный галицко-русскій публицистъ и историкъ Стефанъ Качала. Разборомъ статей г. Качалы и «Дѣла» г. Сумцовъ заключаетъ свой интересный очеркъ. А. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Славянскіе отголоски о русскомъ праздникѣ 15-го іюля. — Русская литература въ оцѣнкѣ англійскаго журнала.—Славянское движеніе и его враги.—Брошюра противъ короля Милана.—«Политическій гаремъ», сербскій памфлетъ. — Обиліе брошюръ противъ австрійской политики.— Брошюры Грегра, Вашатаго, Нейварта. — Протестъ Ригера. — Брошюра сербскаго профессора Стретьковича и статья русскаго профессора. — Преслѣдованія славянскихъ школъ въ Австріи.

ЕДИНОДУШНОЕ и торжественное празднованіе на всей Руси годовщины ея девятисотлѣтняго существованія какъ державы христіанской не могло не отозваться и въ средѣ европейскихъ народовъ, раньше насъ принявшихъ ученіе Христа. Но, при тѣхъ враждебныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находится теперь противъ Россіи почти вся Европа, нельзя было и ожидать, чтобы она сочувственно встрѣтила чисто русское, національное торжество. Нѣмецкая печать не перестаетъ кричать о панславизмѣ, понимая подъ этимъ словомъ — стремленіе Россіи уничтожить европейскую цивилизацію и замѣнить нѣмецкое преобладаніе — славянскимъ. Напрасно докторъ Живный объяснялъ нѣмцамъ, къ какого рода панславизму стремятся славянскія племена, закабаленныя Австріею. Германія только и твердитъ, что ее сбирается поглотить Россія. Объ этомъ толкуютъ и англійскія и итальянскія газеты, а польскія стараются даже доказать, что князь Владиміръ не сдѣлалъ ничего особеннаго, крестивши Русь, такъ какъ въ его время въ Кіевѣ было уже много христіанъ. Только славянскіе періодическіе органы оцѣнили, какъ должно, значеніе празднованія 15-го іюля. Галицкія, чешскія, моравскія газеты взываютъ къ культурному единенію славянъ, «къ организаціи славянскаго дѣла». Онѣ съ грустью вспоминаютъ также о славянской разрозненности, о тѣхъ родственныхъ племенахъ, которыя погибли для славянскаго міра, поглощенныя нѣмецкимъ элементомъ, какъ полабы или по-

моряне, населяющіе нынѣшнюю Померанію. «Нужно желать, говорятъ «Кромержскія Новины», чтобы свято-владимірское торжество сообщило вѣрнымъ славянскимъ силамъ побужденіе къ напряженному, энергическому труду съ цѣлью установленія одинаковаго письменнаго языка, одной народной церкви. Ни одинъ народъ не отстоялъ себя даромъ безъ борьбы, и славянамъ западнымъ и южнымъ также предстоитъ отстаивать себя противъ нѣмецкаго вліянія путемъ скорѣйшей, внутренней, культурной организаціи, не ожидая внѣшняго воздѣйствія. Въ другихъ странахъ, подъ ногами распространителей христіанства, падали народы, теряли самостоятельность, раздавались крики горя и боли, а надъ берегами сребросруйнаго Днѣпра, безъ насилій, безъ мученій, добровольно народъ идетъ на зовъ своего мудраго властителя и охотно принимаетъ крещеніе, какъ при Ростиславѣ моравскомъ. Разсвѣтъ просвѣщенія у трона славнаго Симеона болгарскаго скоро нашелъ отголосокъ и между славянами приднѣпровскими. Русскій народъ принявъ христіанство, заслонилъ собою большую часть Европы отъ господства ислама». «Червонная Русь» газета г. Маркова привѣтствуетъ «народъ умѣющій уважать свое прошлое, свою исторію, чтить своихъ героевъ. Будущность такого народа вѣчна». Газета «Великая Сербія» выражаетъ желаніе, чтобы опять заблисталъ крестъ на церкви св. Софіи и чтобы надъ градомъ св. Константина русскій орелъ двуглавый расширилъ свои мощныя крылья.

— Въ іюльскомъ нумерѣ «Атенеума» появился неожиданно «обзоръ континентальной литературы отъ іюля 1887 года до конца іюня 1888 (Continental litterature, July 1887 to Juny 1888). Прежде подобные обзоры являлись въ первомъ или послѣднемъ нумерѣ каждаго года и намъ не разъ приходилось давать объ нихъ отчетъ. Обыкновенно, обзоры русской литературы выходили довольно слабы, хотя и были подписаны, на ряду съ вовсе неизвѣстными именами какъ Ачкинадзе, иногда именами профессоровъ, какъ г. Николая Стороженко. На этотъ разъ отчетъ о тринадцати европейскихъ литературахъ составленъ довольно обстоятельно, лицами, знакомыми съ дѣломъ. О бельгійской литературѣ писали даже двое — извѣстный публицистъ Э. Лавеле и П. Фредерикъ, послѣдній, впрочемъ, только о книгахъ на фламандскомъ языкѣ. О Франціи далъ отчетъ Ж. Леваллуа, о Германіи профессоръ Циммерманъ, объ Италіи Борги, объ Испаніи Ріаньо, о Швеціи, Норвегіи и Даніи Анфельдъ Іегеръ, и Петерсенъ, о Голандіи Ван-Кампенъ, Венгріи Вамбери, Греціи Ламбросъ, Польшѣ Адамъ Вельциковскій, Россіи шесть столбцовъ посвятилъ П. Кропоткинъ. Началъ съ потери Гаршина, критикъ вспоминаетъ о смерти Надсона, въ прошломъ году, но придаетъ слишкомъ много значенія молодому поэту, говоря, что онъ «обѣщалъ занять мѣсто, оставленное вакантнымъ Лермонтовымъ, или, по крайней мѣрѣ, очень близко сравняться съ нимъ». Оцѣнка Гаршина, «напоминающаго въ его военныхъ разсказахъ лучшія страницы Л. Н. Толстого и Тургенева»—вѣрна. Г. Короленко расхваленъ за его разсказы о Сибири, хотя сибирская жизнь гораздо лучше очерчена въ повѣстяхъ гг. Мачтета и Мамина. О первомъ изъ нихъ критикъ отзывается, впрочемъ, съ похвалою. Послѣднему роману Н. Д. Хвощинской «Обязанности» отдана должная похвала, но напрасно упоминается о г-жѣ Шабельской, о талантѣ которой говорить еще рано, такъ же какъ о г-жѣ Дмитріевой, Коронинѣ, Вольскомъ, Щегловѣ, Линевѣ, Муравлинѣ и «миссъ Крестовской» (не псевдонимъ). Гг. Саловъ, Чеховъ, Немировичъ-Данченко, гр. Саліасъ, г. Ясинскій заслуживаютъ упоминанія такъ же какъ г. Минскій

за его «Геесиманскую ночь», но ужъ ни какъ не г. Антокольскій, мемуары котораго ставятся чуть не на ряду съ «воспоминаніями» И. А. Гончарова. Отдается также справедливость запискамъ гр. Сологуба, Полевого, Гилярова-Платонова, письмамъ Крамского, изданнымъ г. Стасовымъ, Кавелина—изданнымъ г. Корсаковымъ, но гдѣ критикъ прочелъ мемуары г. Данилевскаго? По части критики съ похвалою упоминается о «Русскихъ писателяхъ» О. Ѳ. Миллера (разборъ соч. Аксакова, Мельникова и Островскаго) о критическихъ этюдахъ гг. Арсеньева, Пыпина, Тимооеева (о Шекспирѣ). Щедрину и Глѣбу Успенскому воздается, конечно, должная хвала. Изъ серьезныхъ сочиненій упоминается о разборѣ профессоромъ Карѣевымъ «Войны и Мира» съ точки зрѣнія философіи исторіи; о двухъ томахъ изслѣдованія «Слово о Полку Игоревѣ» г. Барсова, сборникахъ бѣлорусской старины гг. Шейна и Романова, исторіи среднихъ вѣковъ г. Стасюлевича, казанскаго университета—профессора Булича, исторіи Сибири—г. Андріевича, трудамъ гг. Сухомлинова, Татищева, Трачевскаго. Изъ философскихъ трудовъ названы «Исторія Мысли» П. Л. Лаврова, «Задачи этики» Кавелина, изслѣдованія г. Пругавина о расколѣ; по археологіи работы гр. Бобринскаго, г. Пташицкаго, по законовѣдѣнію г. Таганцева. Статья оканчивается упоминаніемъ о смерти въ прошломъ году, Каткова, П. Анненкова, Бородина и Розенгейма, поэзія котораго названа «изумительною и возвышенною» (admirable poetry of a higher style), что уже слишкомъ сильно сказано, хотя авторъ «Ѳедоры» заслуживаетъ и добраго слова и безпристрастной оцѣнки.

— Славянское движеніе все разростается, не смотря на всѣ старанія нашихъ враговъ затормозить его. И между ними злѣйшіе враги не нѣмцы, старающіеся окатоличить сербовъ Босніи и Герцоговины, даже не мадьяры, свирѣпствующіе въ земляхъ населенныхъ хорватами, сербами, словенцами, румынами,—это православный король Сербіи Миланъ, озлобленный ненавистникъ всего славянства и своихъ подданныхъ за то, что они не хотятъ «холопствовать» передъ Австріей по примѣру своего монарха. (Замѣтимъ, что это нисколько не дипломатическое выраженіе употребилъ серьезный «Times», упрекая Бисмарка за то, что канцлеръ сталъ совершенно на сторону Россіи. Это было, правда, завѣщано умирающимъ Вильгельмомъ I, но «можно было соблюсти интересы Россіи и не холопствуя передъ нею»). У Милана, однако, его подчиненіе интересамъ Австріи дошло до того, что сербамъ прежде чѣмъ думать объ избавленіи отъ австрійскаго ига, слѣдуетъ позаботиться о томъ, какъ бы избавиться отъ этого австрійца въ славянской шкурѣ, готоваго содрать шкуру съ своихъ подданыхъ, чтобы подослать ее подъ ноги своего апостолическаго и католическаго милостивца. Въ прошломъ мѣсяцѣ даже въ Сербіи, возмущенной послѣднимъ скандаломъ Милана, прогнавшаго свою жену, вышла брошюра, передающая его подвиги. Начинается она разсказомъ о томъ, какъ этотъ король милостію Франца-Іосифа и волею Европы вознегодовалъ на своихъ министровъ за то, что они не позволили ему произнести, при открытіи скупщины, рѣчь, оскорбительную для Россіи. Онъ не хотѣлъ прогнать ихъ тотчасъ же за такую продерзость, надѣясь, что скупщина, не раздѣляющая взглядовъ радикальной партіи, дастъ ему возможность избавиться отъ нея, какъ онъ уже избавился отъ либераловъ и Ристича. Но вопреки его ожиданіямъ, палата, выбранная законнымъ путемъ и безъ насилій, оказалась вполнѣ солидарна съ министерствомъ. Она утверждала всѣ предлагаемыя имъ мѣры и приняла, между прочимъ, законъ объ оставленіи даннаго отъ

казны оружія у резервистовъ собранныхъ на маневры. Подозрительный Миланъ, власть котораго поддерживается только регулярною арміею, вѣрною солдатской дисциплинѣ и чуждою патріотизма, объявилъ Груичу, что скупщина замышляетъ низвергнуть его съ престола и потому ее надо распустить. Премьеръ отвѣчалъ, что въ конституціонномъ правленіи не распускаютъ палатъ, принимающихъ всѣ правительственные проекты, и что скорѣе министерство подастъ въ отставку.—Такъ я увольняю министерство!—вскричалъ король и тотчасъ же послалъ за своимъ старымъ клевретомъ Христичемъ, памятнымъ народу страшными жестокостями, съ какими онъ усмирилъ въ 1883 году Зайчарское возстаніе. Въ новый кабинетъ вошли—Міатовичъ, бывшій министромъ при Гарашанинѣ, Георгіевичъ, сдѣлавшійся изъ атеиста и революціонера — послушнымъ слугою Милана, и другія такія же личности. Они тотчасъ же закрыли только-что выбранную скупщину и назначили новые выборы, но чтобы набрать въ новую палату приверженцевъ правительства, объявили, что открытъ большой заговоръ и начали захватывать всѣхъ либераловъ и радикаловъ, чтобы помѣшать ихъ избранію въ члены скупщины. Понятно, что отъ Христича Миланъ перейдетъ къ своему возлюбленному Гарашанину и въ Сербіи начнется прежнее австрійское правленіе и гоненіе на все славянство, ненавидимое ренегатомъ Миланомъ. И теперь уже Груичъ, выходя въ отставку, прямо объявилъ, что министерство низвергнуто по приказанію Австріи, заявившей кромѣ того требованія, чтобы эмигранты, вернувшіеся въ отечество вслѣдствіе амнистіи, были снова прогнаны и всѣ либеральныя газеты запрещены. Миланъ, не замедлилъ, конечно, исполнить это приказаніе.

— Да и мыслимы ли въ австрійской провинціи, какою сдѣлалась Сербія, такіе органы общественнаго мнѣнія какъ «Велика Србиіа», такія статьи какъ «Политическій гаремъ». (Брошюру противъ Милана приписываютъ той же газетѣ). Въ статьѣ, вышедшой и отдѣльно, говорится, что Австрія во чтобы то ни стало старается доказать, будто ея сердце пылаетъ пламенною любовью къ балканскимъ народамъ. Она безпрестанно кокетничаетъ съ черногорцами, албанцами, македонцами, болгарами, даже съ турками, и не находя удовольствія въ союзѣ съ мадьярами, рѣшается на политическую поліандрію, то есть на федерацію, желая подражать въ многобрачіи туркамъ. Ей мало босняковъ и герцеговинцевъ, она обѣщаетъ принести въ приданое черногорцамъ—Герцеговину и Далмацію, сербамъ—Боснію и старую Сербію, болгарамъ — Ѳракію и Македонію, грекамъ — Эпиръ и Ѳессалію, албанцамъ — Охриду и земли по Дрему, лишь бы только они согласились заключить союзъ съ престарѣлой имперіей, думающей обновить свои одряхлѣвшія силы въ соединеніи съ молодыми народами. Она согласна даже на равноправную федерацію этихъ народовъ, только подъ ея гегемоніей. Она, правда, стара и отвратительна, но любитъ переодѣваться и, въ настоящую минуту, щеголяетъ въ полутурецкомъ и полуболгарскомъ костюмѣ. Умѣя торговаться, она купила на дипломатическомъ рынкѣ въ Берлинѣ совсѣмъ за безцѣнокъ Боснію и Герцеговину, не желая при этомъ ни обмановъ, ни плутней, а теперь собирается, вѣроятно, по той же цѣнѣ купить даже Царьградъ и подарить его святому отцу, въ награду за то множество благословеній, которыя онъ въ теченіе полутораста лѣтъ посылалъ австрійскимъ арміямъ, хотя единственнымъ результатомъ этихъ благословеній было то, что черно-желтыя войска побивались на каждомъ шагу. Въ замѣнъ такого подарка папа, конечно,

развелъ бы Австрію съ мадьяромъ, и разрѣшилъ ей многомужіе съ балканскими народами, которыхъ осчастливили бы католицизмомъ, воздвигнувъ на святой Софіи вмѣсто полумѣсяца—папскую тіару. Какъ бы хорошо зажили тогда паписты, отодвинувъ назадъ слишкомъ далеко уже ушедшую впередъ европейскую цивилизацію. Такой «политическій гаремъ» подъ именемъ федерацій Австрія желаетъ завести на Балканскомъ полуостровѣ и играть въ немъ роль «султанши Валиде». «Неужели сербы,спрашиваетъ брошюра, дадутъ себя увлечь обѣщаніями такого предмета, какое Австріи и принадлежать не можетъ? Вѣдь это было бы гибелью свободы, народной жизни и православной вѣры». Могъ ли Миланъ, уже вступившій въ этотъ «политическій гаремъ», допустить въ печати такое оскорбленіе австрійскаго величества?..

— Австрійской политикѣ, въ послѣднее время, сильно доставалось и отъ самихъ австрійскихъ подданныхъ. Передъ закрытіемъ рейхстага громили ее не только славяне, но и нѣмцы. Затѣмъ, появилось множество политическихъ брошюръ, а не двѣ какъ въ Сербіи. Вся сущность ихъ сводится къ обвиненіямъ въ антинаціональной политикѣ. Вождь младочеховъ Грегръ прямо обвинилъ министра Таафе въ томъ, что онъ не сдержалъ обѣщаній, данныхъ имъ самимъ и короною. Не только не были удовлетворены желанія чеховъ, относительно самоуправленія въ чешскомъ королевствѣ и коронованія императора чешскимъ королемъ въ Прагѣ, но самая конституціи, гарантирующая гражданскія права чеховъ нарушена правительствомъ во всѣхъ статьяхъ. Свобода печати сдѣлалась фикціею вслѣдствіе систематической и неутомимой конфискаціи чешскихъ газетъ, осмѣливающихся высказывать сужденія, неугодныя правительству. Свобода сходокъ и ассоціацій уважается также мало, какъ и свобода печати. Сходки избирателей поминутно и произвольно запрещались и хотя имперскій судъ отмѣнялъ постановленія мѣстныхъ властей, но тогда уже когда выборы были произведены и лица, непріятныя администраціи, не могли высказать на сходкахъ своихъ программъ. Развѣ такой макіавелизмъ приличенъ уважающему себя правительству? Особенно возмутителенъ, продолжаетъ Грегръ, образъ дѣйствій правительства, запретившаго, по проискамъ мадьяръ, празднованіе въ Вѣнѣ юбилея хорватскаго епископа Штросмайера. Теперь его обвиняютъ въ томъ, что онъ прислалъ поздравленіе съ празднованіемъ крещенія Руси. «Въ Вѣнѣ очевидно забыли, что въ борьбѣ съ мадьярской революціей помощь столицы пришла отъ хорватовъ. Славяне никогда не забудутъ историческое изреченіе о благодарности австрійскаго дома. Это запрещеніе служитъ печальнымъ доказательствомъ того, какъ низко пала имперія подъ давленіемъ мадьярской тираніи». Далѣе Грегръ доказываетъ, что уровень народнаго благосостоянія въ Австріи быстро понижается; крестьяне и ремесленники разорены и, не смотря на то, что налоги возросли до 120 милліоновъ гульденовъ, государственный долгъ, увеличился на 521 милліонъ. Чехи, постоянно обманываемые правительствомъ, честно поддерживали его въ теченіе девяти лѣтъ, но оно не сдѣлало для нихъ ничего. «Зато повсемѣстно общее обѣдненіе, усиливающееся недовѣріе. Не откуда почерпнуть того энтузіазма, который по теоріи Бисмарка необходимъ для веденія побѣдоносной войны. Пока народы, входящіе въ составъ государства, видятъ въ немъ лишь смирительный домъ, отъ нихъ трудно ждать энтузіазма для защиты страны отъ враговъ».

— Другой младочехъ Вашатый говоритъ въ своей брошюрѣ о внѣшней политикѣ Австріи. Эта политика «не соотвѣтствуетъ, ни интересамъ имперіи,

ни интересамъ подданныхъ, ни даже интересамъ династіи. Австрогерманскій союзъ полезенъ лишь для Германіи, тылъ которой Австрія обязана прикрывать на случай войны съ Франціей. Говорятъ, что договоръ заключенъ для охраненія мира. Хорошъ миръ, для поддержанія котораго требуются многолѣтнія и усиленныя вооруженія! Наши сѣверные и южные сосѣди были всегда нашими злѣйшими врагами. Германія, пользуясь вліяніемъ Россіи, и теперь можетъ дать Австріи такой же толчокъ, какимъ наградила ее въ 1866 году за услуги, оказанныя ей въ 1864-мъ. Для Австріи только одинъ путь обезпечить себя въ будущемъ—это союзъ съ Россіей. Съ нею Австрія сталкивается лишь на Балканскомъ полуостровѣ, но тамъ Россія пріобрѣла вліяніе такими огромными жертвами, что уничтожить его нельзя никакими средствами. Она никогда не воевала съ Австріей и даже спасла ее отъ мадьяръ, при Вилагошѣ, а чѣмъ отплатила ей за это Австрія? Новое пораженіе Франціи было бы бѣдствіемъ для Европы и окончательнымъ подчиненіемъ ея Германіи».

— Нѣмецкій депутатъ, Нейвартъ, профессоръ политической экономіи, говоритъ о непомѣрныхъ вооруженіяхъ Австріи. Напомнивъ, что военный бюджетъ, простиравшійся въ десятилѣтіе до 1877 года до 1,090 милліоновъ гульденовъ, а къ 1887 году возросшій до 1,384 милліоновъ, поглощаетъ теперь уже почти половину дохода гражданъ, Нейвартъ спрашиваетъ: для чего и противъ кого мы вооружаемся, не смотря на плачевное положеніе нашего народнаго хозяйства? Мы вызываемъ на войну Россію изъ-за Балканскаго полуострова, но какіе же у насъ на немъ интересы, требующіе кровавыхъ жертвъ? Было бы безуміемъ если бы два государства, обладающіе расшатанной валютой и финансы которыхъ такъ плохи, вздумали бы напасть другъ на друга. «Министръ финансовъ Дунаевскій, возражая Нейварту, доказывалъ, что условія въ которыхъ живетъ Австрія, требуютъ не жалѣть ничего для усиленія боевой готовности, что упадокъ финансовъ войнѣ не помѣшаетъ: въ пятидесятыхъ годахъ подтверждали, что Россія не въ состояніи вести войну, а передъ 1870-мъ годомъ, писали, что и Германія не имѣетъ средствъ двинуть такія огромныя массы войска во Францію, а между тѣмъ обѣ эти державы нашли нужные имъ милліарды для веденія войны. Ригеръ въ своей газетѣ «Politik», органѣ старочеховъ, говоритъ, что изъ всѣхъ народовъ Австріи войны желаютъ, только мадьярскіе шовинисты.

— И они, дѣйствительно, обрушились на австрійское правительство за его слабость и неумѣнье подавлять стремленія, враждебныя дуалистической системѣ. Органъ министра Тиссы, газета «Nemzet» совѣтуетъ императору «покончить съ гнилою машиною цислейтанскаго парламентаризма». Другая офиціальная газета «Egyertetes» потребовала для Венгріи отдѣльной арміи: «При нынѣшней организаціи арміи, говоритъ газета,—она прямое орудіе абсолютизма. Благодаря этому орудію, императорская власть, если пожелаетъ, можетъ возстановить централизацію и уничтожить конституцію. Это мечъ, направленный прямо противъ венгерскаго народа, это учрежденіе, полное духа, враждебнаго мадьярамъ. Мадьярскаго языка въ арміи не признаютъ, офицерамъ приказываютъ говорить понѣмецки даже въ частныхъ бесѣдахъ. Арміей управляетъ, даже не военное министерство, а лица прямо подчиненныя императору. Большая часть главныхъ начальниковъ—эрцгерцоги, которыми руководятъ исключительно династическіе интересы. Пора позаботиться объ отвращеніи опасности и замѣнить эту организацію—венгерскою арміею, не-

посредственно подчиненною пештскому кабинету». По распоряженію прокурорскаго надзора былъ конфискованъ нумеръ газеты «Nemzet» со статьею, порицавшею правительство за предоставленіе слишкомъ большой свободы славянскимъ національностямъ. Министръ-президентъ Таафе раздраженнымъ тономъ объявилъ въ рейхстагѣ, что онъ никогда не допуститъ, чтобы иностранныя государства, какъ Венгрія,вмѣшивались во внутреннія дѣла Австріи. Въ палатѣ поднялся шумъ: мадьяры и стоящіе за нихъ нѣмцы стали кричать, что Венгрія не иностранное государство. Министръ утверждалъ, что словъ его не разслышали и что онъ говорилъ: «Венгрія и иностранныя государства». Въ то же время онъ намекнулъ, что для Австріи желательно устройство ея на болѣе широкихъ федеративныхъ началахъ. Это еще болѣе озлобило мадьяръ, набросившихся теперь не на австрійскія, а на германскія газеты, также возставшія на «непомѣрныя притязанія этого азіатскаго народца, расположившагося лагеремъ посреди европейскихъ народовъ». «Kreuzzeitung» предложилъ предать суду за оскорбленіе величества всѣ мадьярскія газеты, обвиняющія не только императора, но и папу въ явномъ поощреніи сепаратистскихъ стремленій австро-венгерскихъ славянъ. Льва XIII мадьяры упрекаютъ за то, что, не смотря на всѣ ихъ интриги, онъ принялъ Штросмайера и хорватскихъ паломниковъ, отправившихся въ Римъ поздравить папу съ его юбилеемъ. Онъ разрѣшилъ имъ также представить не только свои религіозныя, но и политическія желанія и, по желанію папы, кардиналъ Хрополовичъ отслужилъ въ часовнѣ Кирилла и Меѳодія обѣдню на хорватскомъ языкѣ.

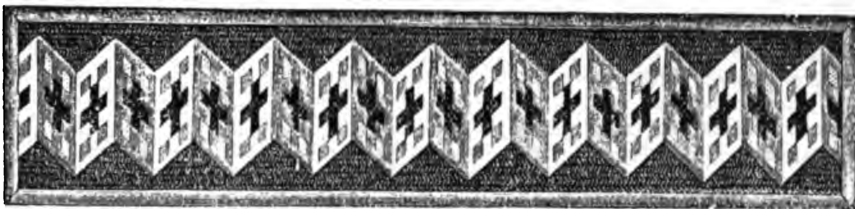
— Сербскій профессоръ П. Стретьковичъ развилъ въ своей брошюрѣ подробную программу славянскаго объединенія, возбудившую сильное впечатлѣніе. Вотъ ея главныя основанія. Всѣ славянскія племена, въ силу начала народности, подобно нѣмцамъ и итальянцамъ, имѣютъ право освободиться отъ чужеземной тираніи и жить независимо, исповѣдуя какую угодно вѣру, говоря своимъ языкомъ, не теряя свою народную самобытность. Всѣ славяне составляютъ одну общую, славянскую «задругу», подобную солнечной системѣ, въ которой Россія занимаетъ мѣсто солнца, а остальныя славянскія племена—мѣсто планетъ. Международный языкъ между ними—русскій; во внѣшнихъ сношеніяхъ, для всѣхъ обязательно защищать славянство общими силами, но, на основаніи равноправности, жить въ мирѣ со всѣми другими народами. Такіе акты, какъ уступка части Польши нѣмцамъ, Босніи и Герцеговины австрійцамъ—большая ошибка. Дипломатія не должна была вводить иноплеменниковъ въ славянскій споръ. Освобожденіе славянъ и соединеніе ихъ въ небольшія государства, въ родѣ Швейцаріи или Баваріи, должно необходимо повести ихъ къ объединенію подъ главенствомъ Россіи. Почтенный профессоръ нѣсколько увлекается, указывая на то, что у славянъ прежде чѣмъ у западныхъ народовъ были такія учрежденія какъ судъ присяжныхъ во всѣхъ дѣлахъ, вѣче, княжескіе съѣзды, русскіе соборы, польскіе сеймы, «жупная правда», «Нѣманичевы зборови». Были, но не удержались, тогда какъ западныя учрежденія развиваются и укрѣпляются. Но въ то время, когда даже благоразумные нѣмцы допускаютъ законность стремленій славянъ къ единенію, у насъ русскій профессоръ В. И. Ламанскій исключаетъ вовсе изъ славянской семьи одно изъ самыхъ образованныхъ племенъ—чеховъ. Признавая, что «пятимилліонный чешскій народъ упорно не желаетъ онѣмечиться, усердно стремится къ общенію съ роднымъ славянствомъ и тяготѣетъ къ

Россіи», профессоръ все-таки находитъ, что чехи должны быть включены, вмѣстѣ съ австрійской Цислейтаніею, въ составъ новой «Соединенной Германіи», гдѣ могутъ играть роль оппозиціи вмѣстѣ съ эльзасцами и датчанами въ парламентѣ и стараться расторгнуть эту соединенную Германію на сѣверную—протестантскую и южную—католическую. Поэтому г. Ламанскій великодушно отдаетъ нѣмцамъ, уже поглотившимъ полабскихъ и балтійскихъ славянъ, еще семь милліоновъ славянъ (со словенцами) для того только, чтобы нѣмцы отреклись отъ восточной половины Австріи—на что они, конечно, никогда не согласятся и уже теперь открыто заявляютъ свои притязанія и на Балканскій полуостровъ. Г. Ламанскій утверждаетъ даже, что чехи неспособны къ какому-нибудь политическому существованію, потому что старой чешской аристократіи больше нѣтъ и ея конфискованными имѣніями владѣютъ теперь до двухсотъ семействъ нѣмецкаго происхожденія. Сверхъ того, живущіе по окраинамъ королевства чехи совсѣмъ онѣмечены, а рабочій классъ заботится только о своихъ матерьяльныхъ, но не политическихъ, интересахъ. Странно слышать подобные аргументы отъ русскаго профессора и еще считающагося выдающимся славистомъ. И изъ-за двухсотъ, выродившихся аристократическихъ семей, да изъ-за беземельныхъ жителей окраинъ, между которыми два процента жидовъ, г. Ламанскій отрекается отъ цѣлаго племени, несправедливо обвиняя его рабочіе классы, ничего не говоря объ его интеллигенціи. Неужели профессора ничему не научила тысячелѣтняя исторія родины Жижки, Гусса, Іеронима Пражскаго? Огражденные горами отъ нѣмцевъ, чехи не только успѣли отстоять свою національность, но и остались народомъ, у котораго было блестящее прошлое и которое можетъ надѣяться на государственную будущность. Вѣдь и Болгарія черезъ пять вѣковъ пріобрѣла свою независимость. Если Аксаковъ не признавалъ чеховъ братьями изъ религіознаго фанатизма, то политическій фанатизмъ г. Ламанскаго еще менѣе заслуживаетъ одобренія. Въ послѣднее время что-то ужъ слишкомъ часто приходится отмѣчать странныя выходки нашихъ профессоровъ. То одинъ изъ нихъ является защитникомъ болгарскихъ палочниковъ, то другой, объявляя, что въ Россіи все гниль и прахъ, видитъ ея спасеніе въ одномъ католицизмѣ, то, наконецъ третій предлагаетъ благодушно и безъ всякаго повода онѣмечить семимилліонное славянское племя... И какъ будто мало у славянъ враговъ, кромѣ русскихъ профессоровъ! Да у тѣхъ же словенцевъ, которыхъ г. Ламанскій сбирается выдать головою нѣмцамъ, вмѣстѣ съ чехами есть господа Вотпяки, Клюпы, Хрены, Пфейферы, распинающіеся за Австрію Есть редакторъ газеты «Slovenzki Narod» Поклюкеръ, котораго, на придворномъ балу, Францъ Іосифъ упрекнулъ въ руссофильствѣ и доброавстрійскій редакторъ началъ съ тѣхъ поръ осыпать клеветами Россію въ своей газетѣ. На юбилеѣ Штросмайера въ Вѣнѣ, гдѣ были даже поляки и старочехи, не было ни одного словенца. Имъ, конечно, неловко было явиться съ придворнаго бала на праздникъ къ старому епископу. Но по счастію славянская интеллигенція и славянскій народъ далеко не одно и то же. Тамъ гдѣ ихъ стремленія сходятся, правительственныя мѣры встрѣчаютъ сильный отпоръ и осужденіе.

— Такъ, по словамъ брошюры Ригера, въ засѣданіи австрійскаго рейхсрата младочехъ Герольдъ и старочехъ Ригеръ, выразили энергическое порицаніе дѣйствіямъ министра народнаго просвѣщенія Гауча и разбили всѣ доводы его защитника, барона Думрейха, старавшагося оправдать притѣсненія, какимъ подвергается школьное дѣло въ славянскихъ провинціяхъ Австріи.

Герольдъ привелъ рядъ неопровержимыхъ фактовъ, доказывающихъ, что онѣмеченіе чешскихъ школъ принимаетъ колоссальные размѣры. Ригеръ заявилъ, что правительство, поддерживающее министра на этомъ пути, прямо нарушаетъ конституцію. «Не забывайте, прибавилъ Ригеръ, что Австрія состоитъ изъ отдѣльныхъ національностей и каждая изъ нихъ имѣетъ право отстаивать свой языкъ, свое племя. Неужели вы не сознаете, сколько безсмыслія, сколько противорѣчія въ вашихъ мѣрахъ? Вы постоянно твердите о свободѣ и конституціи и, между тѣмъ, хотите, чтобы меньшинство поглотило большинство. Если хотятъ возвратиться къ политикѣ германизаціи и централизаціи временъ Маріи Терезіи, то придется прежде истребить всѣ славянскіе народы имперіи». Ригеръ осуждалъ также правительственную политику въ Босніи и Герцеговинѣ и стремленіе онѣмечить ихъ называлъ нелѣпымъ. Симпатію этихъ провинцій можно пріобрѣсти только уважая ихъ національность. Притѣсненіямъ славянской школы необходимо положить конецъ. Правительство должно имѣть настолько мужества, чтобы—или не признавать конституціи, или управлять согласно съ конституціей. «Мы не расположены долѣе терпѣть беззаконія, закончилъ онъ. Народъ нашъ всегда дорожилъ своей школою. Изъ жертвъ, какія онъ приноситъ школьному дѣлу, вы можете понять, что онъ придаетъ огромное значеніе національному воспитанію. Мы отлично понимаемъ, что отъ этого зависитъ вопросъ о самомъ существованіи чешскаго народа; знаемъ, что иначе чехи будутъ осуждены на вымираніе, а потому будемъ энергически отстаивать право подростающаго поколѣнія на народную школу. Мы не хотимъ ни отъ кого никакихъ милостей, мы требуемъ только того, что намъ предоставляетъ законъ и конституція». Рѣчь эта произвела сильное впечатлѣніе и даже болѣе честные нѣмецкіе органы заговорили о справедливости чешскихъ требованій и о необходимости убрать изъ кабинета не въ мѣру усерднаго министра просвѣщенія, имя котораго съ презрѣніемъ и негодованіемъ произноситъ вся Чехія. Впрочемъ, правительство найдетъ конечно средство отстоять этого министра народнаго отупѣнія. Прусскія газеты, говоря о разграниченіи сферы вліянія Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ и признавая, что русская дипломатія сдѣлала огромную ошибку, купивъ передъ войною нейтралитетъ Австріи, уступкою ей Босніи и Герцеговины, совѣтуетъ однако не обременять эти провинціи непомѣрными налогами и не стараться онѣмечить ихъ. Иначе народъ возненавидитъ австрійское правительство, какъ ненавидятъ его въ Сербіи, отданной въ кабалу вѣнскихъ кредитныхъ учрежденій. Оттого тамъ массы все болѣе и болѣе тяготѣютъ къ Россіи. Эти тяготѣнія нѣмецкія газеты признаютъ и въ Румыніи, хотя въ ней и сидитъ Гогенцоллернъ, не сумѣвшій пріобрѣсти любовь народа. Такими сужденіями очень недовольны вѣнскія газеты, обвиняющія Германію въ томъ, что она поддерживаетъ, въ политикѣ русскіе интересы.

СМѢСЬ.

ТКРЫТІЕ ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Въ Томскѣ, 22-го іюля, торжественно открытъ университетъ. Послѣ молебствія, въ университетской церкви и слова, произнесеннаго епископомъ, присутствующіе перешли въ актовый залъ университета, гдѣ попечитель прочелъ высочайшее повелѣніе объ открытіи медицинскаго факультета томскаго университета и объявилъ университетъ открытымъ. Громкое «ура» огласило залу. Послѣ народнаго гимна, попечитель произнесъ рѣчь о значеніи университетской науки вообще и о задачахъ томскаго университета. Рѣчь была покрыта дружными рукоплесканіями. Затѣмъ попечитель прочелъ привѣтственныя телеграммы, присланныя университету великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, министрами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, университетами и учеными обществами. Вновь назначенный профессоръ Маліевъ сказалъ рѣчь о необходимости поддержки университетской работы мѣстнымъ обществомъ. Правитель канцеляріи попечителя прочелъ историческую записку о возникновеніи и осуществленіи мысли объ университетѣ въ Сибири. Предсѣдатель медицинскаго общества въ Тобольскѣ сказалъ привѣтственное слово университету. Хоръ пѣвчихъ исполнилъ молитву и актъ кончился. Вечеромъ состоялся обѣдъ по подпискѣ, а въ военномъ лагерѣ народное гулянье съ фейерверкомъ. Зданіе открытаго университета и университетскій садъ были иллюминованы. Многія зданія, домъ городской думы, присутственныя мѣста, контрольная палата и частныя квартиры увѣшаны гирляндами и флагами. Въ Омскѣ, въ тотъ же день, въ залѣ военно-окружнаго суда происходило торжественное засѣданіе омскаго отдѣла географическаго общества по случаю открытія сибирскаго университета. На засѣданіи были прочитаны адресъ отдѣла и рѣчь о задачахъ образованія въ Сибири. По окончаніи засѣданія предсѣдатель отдѣла, выразилъ благодарность Державному Покровителю народнаго просвѣщенія въ Россіи, явленную въ отдаленной окраинѣ. Единодушное «ура» присутствовавшихъ было покрыто народнымъ гимномъ.

Древнія фрески, открытыя въ Кіевѣ. Въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ открыты древнія фрески. 22-го іюня, когда сняты были верхніе ярусы иконостаса Святополкова храма, на крестообразныхъ столбахъ, составляющихъ основаніе алтарной арки, подъ слоемъ обвалившейся по мѣстамъ штукатурки, обнаружена живопись. Настоятель монастыря немедленно увѣдомилъ объ этомъ профессора А. В. Прахова, который въ тотъ же день, прибывъ на мѣсто, констатировалъ, что открытая живопись — фрески. Тогда настоятель послалъ въ Франценсбадъ обер-прокурору синода телеграмму объ открытіи, проф. же Праховъ приступилъ къ дальнѣйшему изслѣдованію царской арки. Съ 23-го іюня пошли непрерывныя работы: вызваны рабочіе занимавшіеся тѣмъ же дѣломъ въ Кирилловской церкви и, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ профессора Прахова, снимаютъ тупыми ножами позднѣйшіе слои штукатурки, освобождаютъ фрески. Къ вечеру 24-го іюня обнаружена площадь фресокъ въ 226 кв. аршинъ. Освобождаются отъ позднѣйшей штукатурки сначала западныя стороны обоихъ столбовъ алтарной арки, то-есть тѣ именно, которыя были заставлены иконостасомъ. Открытыя фрески несомнѣнно современны постройкѣ храма, сооруженнаго, какъ извѣстно, въ 1108 году великимъ княземъ Кіевскимъ Святополкомъ-Михаиломъ Изяславичемъ, правнукомъ Владиміра святаго. Стиль ихъ, насколько можно судить по открытымъ немногимъ изображеніямъ, занимаетъ средину между фресками Кіево-Софійскаго собора и Кирилловской церкви, что соотвѣтствуетъ и эпохѣ построенія храма. Надписи чисто греческія: къ концу слова ἅγιος не приставленъ Ъ, какъ во фрескахъ переходной эпохи, когда работавшіе ихъ русскіе мастера писали погречески.

Стосемидесятилѣтіе Пантелеймоновской церкви. 27-го іюля, въ день великомученика Пантелеймона, Пантелеймоновская церковь праздновала свой храмовой праздникъ. Въ этотъ день исполнилось ровно сто семьдесятъ лѣтъ со дня построенія означенной церкви Петромъ Великимъ въ 1718 году. Церковь эта сооружена въ память побѣды, одержанной Петромъ Великимъ надъ шведами при Гангутѣ, 27-го іюля 1714 года. Сначала церковь была деревянная, но, затѣмъ, когда въ то же число, 27-го іюля 1720 года, одержана была новая побѣда надъ шведами при Гренгаммѣ, то морскимъ вѣдомствомъ было постановлено, въ знакъ своего усердія къ памяти великомученика, дважды покровительствовавшаго русскимъ войскамъ въ морскихъ битвахъ со шведами, — соорудить новое каменное зданіе храма. 27-го іюля 1739 года состоялось освященіе каменнаго храма. До 1783 года при Пантелеймоновской церкви существовала другая, деревянная, во имя великомученицы Екатерины, но въ 1783 году по высочайшему повелѣнію была упразднена и вмѣсто ея устроенъ придѣлъ въ каменномъ зданіи.

Смоленскій музей. Въ зданіи смоленской городской думы открылся для публики археолого-историческій музей. Основаніе ему было положено еще годъ назадъ, по почину городского головы А. Н. Энгельгардта, который убѣдилъ думу дать для музея безплатное помѣщеніе и самъ первый внесъ въ него, въ видѣ пожертвованій, много старинныхъ вещей: пушекъ, ядеръ каменныхъ и чугунныхъ, монетъ различныхъ эпохъ, предметовъ курганныхъ раскопокъ и т. п. Пожертвованія потекли въ музей изобильно. Теперь многія коллекціи музея (какъ, напр., коллекція монетъ, рукописей, старинныхъ изразцовъ и т. п.) отличаются замѣчательной полнотой и систематичностью и могутъ оказать мѣстной исторіи серьезную услугу. Образовательное значеніе музея, впрочемъ, значительно уменьшается тѣмъ, что за входъ въ него назначена плата, правда, очень небольшая, всего 10 коп. съ посѣтителя, но все-таки дѣлающая музей доступнымъ далеко не для всѣхъ. Музей открытъ для публики два дня въ недѣлю — въ воскресенье и среду, съ 12 до 3 час. пополудни.

Орловская архивная комиссія. Что иногда самыя лучшія намѣренія могутъ привести къ самымъ плачевнымъ результатамъ, доказательствомъ можетъ служить мѣстная ученая архивная комиссія. Основанная болѣе трехъ лѣтъ назадъ покойнымъ Н. В. Калачовымъ, она до сихъ поръ не только не заявила себя какими-либо серьезными трудами, но даже и до настоящаго времени не выработала программы занятій, не усвоила себѣ метода разбора древностей и ограничивается принятіемъ къ свѣдѣнію сообщаемаго ей кѣмъ-либо изъ членовъ того или другого факта, случайно выхваченнаго изъ давно прошедшихъ воспоминаній, и «любезно преподносимаго комиссіи» (изъ рѣчи товарища предсѣдателя, сказанной въ засѣданіи комиссіи 1-го декабря прошлаго года). Странно, что многіе члены комиссіи давно сознавали всю безполезность существованія этого учрежденія, но никто изъ нихъ не рѣшался высказывать этого вслухъ, пока, наконецъ, самъ товарищъ предсѣдателя комиссіи, П. П. Шеншинъ, не высказалъ нѣсколько горькихъ истинъ по поводу дѣятельности архивной комиссіи. Вотъ что говорилось въ этой рѣчи. «Открытіе покойнымъ Н. В. Калачовымъ въ Орлѣ ученой архивной комиссіи имѣло, конечно, цѣлью розысканіе, а слѣдовательно и разумное сохраненіе разнаго вида памятниковъ глубокой старины. Открывая комиссію, Н. В. высказалъ убѣжденіе, что въ недалекомъ будущемъ скажутся результаты трудовъ комиссіи и что общество, сознавъ ихъ полезность и даже необходимость, съ благодарностію отнесется къ нимъ. Со времени открытія комиссіи прошло болѣе трехъ лѣтъ; число членовъ увеличилось съ 15 на 64; но, къ сожалѣнію, труды комиссіи не только не приводятъ къ желаемымъ и ожидаемымъ результатамъ, но даже не получили того систематически правильнаго направленія, которое тамъ необходимо во всѣхъ занятіяхъ, даже и менѣе серьезныхъ. Правда, въ дѣятельности орловской архивной комиссіи былъ проблескъ разумной и кипучей жизни; знатоки и любители архивнаго дѣла составили изъ себя подкомиссію, дѣятельно принялись за разработку древностей... но увы! горячая ихъ дѣятельность, по странному стеченію обстоятельствъ, на первыхъ же порахъ была встрѣчена какимъ-то непонятнымъ, холоднымъ равнодушіемъ комиссіи... дѣятельные члены съ горемъ махнули руками на подобное отношеніе и перестали совершенно заниматься! Для усиленія денежнаго фонда комиссія установила членскіе взносы, но и этотъ сборъ остается отчасти еще нѐ собраннымъ, отчасти же непочатымъ, въ видѣ непроизводительнаго сбереженія. При подобномъ направленіи или, лучше сказать, способѣ веденія дѣла, конечно, архивная комиссія никогда не достигнетъ намѣченныхъ ея основателемъ цѣлей и никогда не станетъ на ряду съ комиссіями, подобными тамбовской и тверской». Далѣе товарищъ предсѣдателя высказалъ пожеланіе, чтобы трехлѣтній опытъ послужилъ хорошимъ урокомъ для комиссіи и чтобы послѣдняя, при добромъ желаніи и твердой волѣ своихъ дѣятелей дала, наконецъ, правильное теченіе своему дѣлу. Результатомъ этой рѣчи было, между прочимъ, возстановленіе распавшейся было подкомиссіи въ прежнемъ ея составѣ; но прошло уже почти четыре мѣсяца со времени послѣдняго засѣданія, а ни комиссія, ни подкомиссія попрежнему ничѣмъ себя не заявляютъ. Интереснымъ, только съ другой стороны, представляется и то, что въ послѣднемъ засѣданіи постановили, «для большаго распространенія свѣдѣній о дѣятельности комиссіи», печатать журналы и труды комиссіи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, которыхъ никто не читаетъ, кромѣ волостныхъ писарей. Нѣкоторые мѣстные педагоги еще года два назадъ были избраны въ члены комиссіи, но до сихъ поръ не получали изъ комиссіи увѣдомленія объ этомъ и въ засѣданія не являлись; поэтому, на послѣднемъ собраніи они были предложены во второй разъ и, конечно, не забаллотированы, но извѣщены ли они объ этомъ — можетъ быть, опять нѣтъ.

Отчетъ о дѣятельности Прибалтійскаго Православнаго Братства Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери, за 1887 годъ. По баллотировкѣ, произведенной въ засѣданіи совѣта, личный составъ его, на основаніи устава, образовался на отчетный годъ изъ 18-ти лицъ: предсѣдатель М. Н. Галкинъ-Враской, товарищъ предсѣдателя Н. Н. Колесовъ, дѣлопроизводитель Г. А. Тройницкій, казначей Л. А. Артамоновъ, бухгалтеръ Е. П. Никольская, и 13 членовъ. Въ теченіе года состоялось три общихъ собранія. Совѣтъ братства имѣлъ въ отчетномъ году 11 засѣданій, причемъ имъ было разрѣшено 135 разнаго рода вопросовъ, заявленій и ходатайствъ, а также составлены отчетъ братства за 1886 г. и проектъ смѣты на текущій 1888 г. Въ качествѣ мѣстныхъ органовъ, способствующихъ ближайшему осуществленію задачъ братства, было въ отчетномъ году шесть отдѣленій: Эстляндское въ г. Ревелѣ, основанное въ 1883 г. Гривское, въ м. Грива, Иллукстскаго уѣзда, Курляндской губ., возникшее въ 1884 г. Гольдингенское, въ г. Гольдингенѣ, Курляндской губ., учрежденное въ 1886 г. Отдѣленіе это предназначено ближайшимъ образомъ завѣдывать братскими учрежденіями и его недвижимостью въ Гольдингенѣ и въ окрестностяхъ. Феллинское, открытое въ концѣ 1886 г., въ раіонѣ феллинскаго благочинія. Іеввенское, въ м. Іевве, Эстляндской губ., учрежденное 1-го февраля отчетнаго года. Дѣйствуя въ предѣлахъ той же губерніи какъ и эстляндское-ревельское отдѣленіе и преслѣдуя общія цѣли братства, новооткрытое іеввенское отдѣленіе постановило себѣ ближайшею цѣлью призрѣніе и воспитаніе сиротъ женскаго пола, а также оказаніе медицинской помощи мѣстному эстонскому населенію; и Вольмарское-Сергіевское, въ г. Вольмарѣ, Лифляндской губ., открытое въ половинѣ отчетнаго года и начавшее свои дѣйствія лишь съ 1-го октября. Отдѣленіе это заботится главнѣйше о нуждахъ вольмарскаго православнаго прихода. Сверхъ того, 1-го іюля минувшаго года, учреждено еще одно, седьмое мѣстное отдѣленіе — Вольмарское, завѣдующее раіономъ вольмарскаго благочинія. Всѣ поименованныя отдѣленія братства, управляясь въ сферѣ предначертанной имъ общимъ братскимъ уставомъ, располагаютъ собственными спеціальными средствами, составляющимися изъ членскихъ взносовъ, мѣстныхъ пожертвованій и т. п., имѣютъ право пріобрѣтать недвижимости и вообще дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи на правахъ самостоятельныхъ юридическихъ лицъ. Къ числу мѣстныхъ братскихъ органовъ относится также учрежденный въ Ригѣ строительный комитетъ по возобновленію якобштадтскаго храма. Комитетъ этотъ нынѣ уже закончилъ свои занятія. Въ Прибалтійскомъ краѣ, рядомъ съ мѣстными отдѣленіями Прибалтійскаго православнаго братства, но независимо отъ нихъ, дѣйствуютъ также существующія уже около двухъ десятилѣтій и болѣе отдѣльныя православныя же братства, задачи коихъ вполнѣ тождественны съ соединеннымъ братствомъ, таковы братства: Рижское — Петропавловское, Эзельское — Свято-Николаевское, Венденское — Спасо-Преображенское, Либавское — Николаевское и Тукумно-Тальсенское — Свято-Николаевское. Со всѣми этими братствами совѣтъ Прибалтійскаго братства поддерживаетъ сношенія и обмѣнивается годовыми отчетами.

Къ 1-му января 1887 г. капиталовъ братства оставалось, въ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ,—247,761 р. 49 к., изъ нихъ—191,009 р. 99 к. составляли неприкосновенный капиталъ (общій и спеціальный), а 56,751 р. 50 к.— расходную сумму. Въ 1887 г. поступило доходовъ всего 24,105 р. 95 к., и произведено расходовъ 41,423 р. 71 к. Превышеніе расходовъ надъ доходами на 17,317 р. 76 к. объясняется, затратами на устройство и обстановку якобштадтскаго храма, на что въ 1887 г. употреблено 20,690 р. 76 к., тогда какъ спеціальнаго сбора поступило въ теченіе года лишь 1,731 р. 25 к. Но, выдѣляя особо обороты суммъ по якобштадтскому храму, получается въ итогѣ по прочимъ статьямъ братскаго бюджета: доходовъ — 22,374 р. 70 к. и расхо-

довъ — 20,732 р. 95 к. Членскихъ взносовъ поступило 929 р., но, во всякомъ случаѣ, такъ мало сравнительно съ числомъ состоящихъ по спискамъ братчиковъ, что совѣтъ братства, послѣ неоднократно повторявшихся имъ просьбъ о болѣе акуратномъ доставленіи членскихъ взносовъ, вынужденъ былъ, къ сожалѣнію, сознать недостаточность и даже безполезность подобныхъ напоминаній, и постановилъ нынѣ обратиться къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ и необходимымъ въ интересахъ братства способамъ пріема таковыхъ взносовъ.

Весьма значительную доходную статью составили, по примѣрамъ прошлыхъ лѣтъ, денежныя пожертвованія и разныя случайныя поступленія, коихъ собрано 9,568 р. 91 к., т. е. почти вдвое болѣе противъ смѣтнаго предположенія.

† Въ Барнаулѣ (Томской губ.), на 44-мъ году **Александръ Александровичъ Вагановъ**, одинъ изъ энергичныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Первоначально А. А., окончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, поступилъ въ лейб-гусары, но оставался въ военной службѣ недолго. Затѣмъ, 13 лѣтъ, съ 1869 г. по 1882 г., А. А. служилъ по судебному вѣдомству въ качествѣ участковаго мирового судьи во Псковѣ, гдѣ оставилъ по себѣ самую лучшую память. Состоя затѣмъ до конца жизни, въ званіи почетнаго мирового судьи, А. А. былъ въ 1882 г. командированъ на Алтай въ составѣ отправившейся туда комиссіи, а съ 1883 г. былъ назначенъ на должность помощника Алтайскаго горнаго округа по земельной части. Послѣднія 5 лѣтъ жизни А. А. весь отдался земельному и крестьянскому дѣлу на Алтаѣ съ беззавѣтною преданностью. Каждый крестьянинъ, нуждавшійся въ его совѣтѣ или указаніи, могъ быть увѣренъ, что найдетъ въ А. А. самаго внимательнаго руководителя и совѣтника. Многія тысячи крестьянъ помянутъ его добромъ.

† **Василій Петровичъ Поливановъ**. По окончаніи курса на математическомъ факультетѣ Ришельевскаго лицея, онъ былъ командированъ, въ составѣ ученой экспедиціи академика Шренка, на устье Амура въ половинѣ 1853 года. Экспедиція вышла изъ Кронштадта на фрегатѣ «Аврора». Въ только-что возникшемъ тогда Николаевскѣ она пробыла два года и возвратилась чрезъ Сибирь въ 1856 г. въ Петербургъ, съ массой новыхъ матеріаловъ по фаунѣ, флорѣ и этнографіи изслѣдованной ею страны. Труды этой экспедиціи изданы Академіею Наукъ. По возвращеніи изъ экспедиціи, покойный В. П. принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ археографической комиссіи. Изъ многихъ трудовъ покойнаго замѣчательна историческая разработка документовъ по стрѣлецкому бунту: «Дѣло Шакловитаго».

† Лекторъ нѣмецкаго языка при петербургскомъ университетѣ, переводчикъ на нѣмецкій языкъ «Записокъ Охотника» Тургенева, «Ревизора» Гоголя и пѣсенъ Кольцова, — **Александръ Өедоровичъ Видертъ**. Родомъ москвичъ, А. Ө. получилъ первоначальное образованіе въ Москвѣ, и, поступивъ затѣмъ въ харьковскій университетъ, пріобрѣлъ тамъ ученую степень кандидата по историко-филологическому факультету. Въ Москвѣ Видертъ былъ близокъ съ Катковымъ, Грановскимъ, Кудрявцевымъ, Шестаковымъ, Буслаевымъ, во время пребыванія въ Петербургѣ — съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Плетневымъ, Никитенко. Съ 1852 по 1856 г. Видертъ пробылъ за границей, гдѣ занимался преимущественно въ Берлинѣ, и знакомилъ нѣмецкую публику съ произведеніями нашихъ писателей, какъ въ печатныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ публичныхъ чтеніяхъ. Въ 1858 г. Видертъ поступилъ на службу преподавателемъ нѣмецкаго языка въ 3-ю московскую гимназію, а въ 1864 г. занялъ мѣсто лектора нѣмецкаго языка въ харьковскомъ университетѣ, откуда былъ приглашенъ лекторомъ въ петербургскій историко-филологическій институтъ. Съ 1852 г. онъ былъ сотрудникомъ нашихъ и весьма многихъ нѣмецкихъ повременныхъ изданій, помѣстивъ въ нихъ бо-

лѣе 30-ти критическихъ статей, не говоря о письмахъ изъ-за границы, о литературѣ, театрѣ, искусствѣ, и вообще умственной жизни въ Германіи, печатавшихся въ «Московскихъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» съ 1852 до 1856 г. Въ 1854 г. вышелъ нѣмецкій переводъ «Записокъ Охотника» И. С. Тургенева, подъ заглавіемъ: «Aus dem Tagebuch eines Iägers»; въ 1857 г. этотъ переводъ напечатанъ вторымъ изданіемъ. Въ томъ же году появился переводъ «Ревизора», затѣмъ переводъ пѣсенъ Кольцова — Alexei Kolzov's «Russische Lieder» въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Германіи. Наконецъ статьи энциклопедическаго словаря Брокгауза (10-е изд.) о русскихъ писателяхъ — Гоголѣ, Кантемирѣ, Кольцовѣ, Козловѣ, Лермонтовѣ, Ломоносовѣ, Пушкинѣ, Жуковскомъ, Тургеневѣ принадлежатъ Видерту.

† 2-го іюня, послѣ продолжительной болѣзни, **Александръ Васильевичъ Яковлевъ**. По своей разнообразной, выдающейся служебной, литературной и общественной дѣятельности покойный пользовался большою извѣстностью не только въ своемъ родномъ городѣ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Почти всею своею дѣятельностію А. В. Яковлевъ принадлежалъ прошлому царствованію, во многихъ событіяхъ котораго онъ принималъ болѣе или менѣе, близкое участіе. Съ 60-хъ годовъ А. В. съ особеннымъ усердіемъ занимался экономическими и финансовыми вопросами, работая въ этомъ направленіи теоретически, въ журналахъ, брошюрахъ, и т. п., и практически; его излюбленною спеціальностью былъ народный кредитъ, организація и распространеніе общедоступныхъ кредитныхъ, ссудосберегательныхъ и другихъ учрежденій. Въ послѣдніе годы онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ въ извѣстной кахановской комиссіи. Покойный издалъ въ 1868 г. капитальное сочиненіе «О народномъ кредитѣ», потомъ написалъ рядъ статей и брошюръ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, вмѣстѣ съ княземъ Васильчиковымъ издалъ извѣстное сочиненіе «Мелкій земельный кредитъ» и др.; имъ же былъ выработанъ нормальный уставъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и другихъ сельскихъ кредитныхъ учрежденій.

† Въ Клараисѣ, въ Швейцаріи, 18-го іюня, послѣ тяжкой болѣзни, извѣстный русскій публицистъ, профессоръ сравнительной географіи и статистики въ невшательской академіи **Левъ Ильичъ Мечниковъ**. Онъ былъ и политическимъ дѣятелемъ. Въ 1860 году онъ участвовалъ въ экспедиціи Гарибальди противъ неаполитанскихъ Бурбоновъ. Въ 1863 г. принималъ участіе въ польскомъ возстаніи, затѣмъ сражался въ Испаніи въ 1868 году. Имъ написана по-французски «Исторія Японіи». Въ настоящее время печатается въ Парижѣ новый трудъ его по географіи.

† 30-го іюня, въ Царскомъ селѣ, скромный труженикъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, **Николай Петровичъ Животовскій**. По окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ по физико-математическому факультету, Н. П. поступилъ на службу въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, а когда въ 1871 г. положено было начало постоянной комиссіи педагогическаго музея, онъ перешелъ въ нее въ качествѣ секретаря и завѣдующаго музеемъ. Онъ неутомимо работалъ въ теченіи почти 17 лѣтъ и въ эти годы, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи генераломъ В. И. Коховскимъ, ими организованы всѣ разнообразные виды дѣятельности педагогическаго музея, который пріобрѣлъ заслуженную извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. На ряду съ этимъ дѣломъ, Н. П. 1872 г. издалъ «Стѣнной естественно-историческій атласъ», получившій одобреніе учебнаго комитета народнаго просвѣщенія въ Брюсселѣ. Затѣмъ имъ изданы: «Стѣнныя таблицы по физикѣ», «Картины для нагляднаго преподаванія физической географіи», нѣсколько народныхъ чтеній, произнесенныхъ въ аудиторіи педагогическаго музея, «Таблицы (20) по математической географіи», составленныя въ сотрудничествѣ съ Я. И. Ковальскимъ, и, наконецъ, «Учебный ботаническій атласъ», въ двухъ выпускахъ. Въ 1883 г. Н. П. осуществилъ свою завѣтную

мысль объ устройствѣ учебнаго ботаническаго сада при педагогическомъ музеѣ (на частныя средства). Садъ этотъ существуетъ и въ настоящее время и содержитъ до 400 видовъ растеній. Кромѣ того, Н. П. принималъ дѣятельное участіе въ усовершенствованіи и удешевленіи картинъ на стеклѣ для волшебнаго фонаря, изготовлявшихся въ фотографіи его жены, стоимость которыхъ, благодаря этому, теперь значительно понизилась. Чрезмѣрныя занятія надломили здоровье Н. П—ча, и въ 1886 г. онъ вынужденъ былъ покинуть педагогическій музей. Но, не смотря на быстро развивавшійся недугъ (чахотка), онъ, все-таки, продолжалъ руководить исполненіемъ его работъ (второй выпускъ «Учебнаго ботаническаго атласа» вышелъ въ прошломъ году). Силы его угасали постепенно, и онъ скончался тихо, оплакиваемый родными. Въ частной жизни Н. П. былъ неизмѣннымъ другомъ и пріятелемъ каждаго, кто имѣлъ съ нимъ какое-либо дѣло. Ему не было еще сорока лѣтъ.

† 12-го іюля въ Самарѣ, **Петръ Александровичъ Гедримовичъ**, одинъ изъ весьма дѣятельныхъ сотрудниковъ петербургскаго юридическаго общества. Еще на студенческой скамейкѣ, покойный обратилъ на себя вниманіе разсужденіемъ подъ заглавіемъ: «О договорѣ между отсутствующими». Въ 1873 г. П. А. кончилъ курсъ кандидатомъ правъ и за свои успѣхи былъ оставленъ при петербургскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ приглашенъ въ Александровскій лицей, на каѳедру римскаго и гражданскаго права, гдѣ проявилъ несомнѣнный лекторскій талантъ. Строгое исполненіе преподавательскихъ обязанностей, въ связи съ весьма дѣятельнымъ участіемъ, которое принималъ покойный въ комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія въ конецъ подорвали и безъ того расшатанныя силы молодого ученаго и привели къ роковой развязкѣ. Покойный умеръ отъ скоротечной чахотки на 38 году.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Переяславскій ботикъ Петра Великаго.

Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ отдѣлѣ «Смѣсь» въ статьѣ «ботикъ Петра Великаго» сообщаются свѣдѣнія о небрежномъ храненіи ботика «Фортуна». Свѣдѣнія эти заимствованы изъ корреспонденціи газеты «Новое Время» № 4,395. Своевременно въ газету «Новое Время» мною послано опроверженіе этой корреспонденціи, которое и было пропечатано въ первыхъ числахъ іюня.

Очевидно, составитель отдѣла «Смѣсь» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» пропустилъ мое опроверженіе и потому въ интересахъ справедливости я считаю нужнымъ вновь повторить, что свѣдѣнія о храненіи ботика, сообщенныя какъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» такъ и въ корреспонденціи, помѣщенной въ № 4,395 газеты «Новое Время» не вѣрны.

Ботикъ Петра Великаго «Фортуна» охраняется весьма тщательно и заботливо. Зданіе, въ которомъ онъ помѣщенъ, каменное, крытое желѣзомъ, стѣны его внутри и снаружи, какъ и потолокъ, оштукатурены и выкрашены, полъ тоже выкрашенъ. Зданіе это содержится въ полномъ порядкѣ и всякое малѣйшее поврежденіе въ немъ своевременно исправляется. Въ видахъ сбереженія отъ гніенія, ботикъ Петра I-го поставленъ на нарочито сдѣланной на полу площадкѣ, возвышающейся надъ поломъ на 3/4 аршина.

Всѣ вещи, оставшіяся отъ флотиліи Петра I-го и принятыя владимірскимъ дворянствомъ, сохраняются по описи и всѣ налицо, — помѣщены на сдѣланныхъ для того полкахъ по нумерамъ, одна отъ другой отдѣльно, при каждой вещи имѣются нумеръ и печатное названіе ея. Слѣдовательно, какъ ботикъ, такъ и музей далеко не въ заброшенномъ видѣ. Если на ботикѣ

«Фортуна» и есть какія поврежденія отъ гніенія, то они образовались до 1803 года, т. е. тогда, когда ботикъ не былъ принятъ на храненіе дворянствомъ, а хранился въ заброшенномъ видѣ въ деревянномъ балаганѣ.

Яхты, фрегаты, галеры и ботики, о которыхъ упоминается въ указѣ Петра І-го и которыхъ нѣтъ налицо, не были приняты дворянствомъ для храненія и они, по преданію, сгорѣли во время бывшаго въ Переяславлѣ пожара, когда ботикъ и другія вещи сохранялись въ Переяславлѣ. Что касается до слуховъ о продажѣ одного изъ зданій на сломъ, то слухи эти основательны. Дѣйствительно, предполагалось продать домъ, находящійся въ сторонѣ отъ зданія ботика, безъ всякаго назначенія, и къ ботику не имѣющій совершенно никакого отношенія, а, между тѣмъ, требующій значительнаго ремонта, но и то вслѣдствіе моего заявленія на бывшемъ очередномъ дворянскомъ собраніи 18-го января настоящаго года, дворянство единогласно постановило: домъ не продавать и ремонтировать его изъ суммъ ежегодно отпускаемыхъ на содержаніе ботика. Затѣмъ, всѣ другія зданія какъ-то: домъ для сторожа съ хозяйственными службами и ротонда—лѣтнее помѣщеніе для посѣтителей—содержатся въ полномъ порядкѣ, при постоянной поддержкѣ. Даже и сады при ботикѣ, такъ какъ это есть мѣсто постояннаго помѣщенія лѣтомъ жителей Переяславля для гулянья, содержатся въ чистотѣ и порядкѣ: дорожки усыпаются пескомъ, надѣланы лавочки, столы и проч.

Охрана ботика и наблюденіе за содержаніемъ зданій поручена дворянствомъ переяславскому уѣздному предводителю. При ботикѣ имѣется постоянный сторожъ обязательно изъ отставныхъ матросовъ, на обязанности коего подъ личной отвѣтственностью лежитъ слѣдить за цѣлостью вещей по описи.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что ботикъ императора Петра І-го не нуждается и въ средствахъ для сохраненія. Для этого у дворянства есть особый капиталъ, такъ называемый Веськовскій, образовавшійся изъ выкупной ссуды за надѣлы крестьянъ села Веськова, процентовъ съ коего вполнѣ достаточно для поддержанія необходимыхъ для ботика зданій: музея и сторожки. Достаточно сказать, что отъ прошлаго трехлѣтія изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе зданій при ботикѣ, за ремонтомъ трехъ зданій при ботикѣ и за удовлетвореніемъ содержаніемъ сторожа, мною сдѣлано сбереженіе въ суммѣ 446 рублей.

Переяславскій уѣздный предводитель дворянства **П. Самсоновъ.**

Поправка къ „Семейной хроникѣ" г. Павлищева.

Въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1888-го года, въ статьѣ Л. Н. Павлищева «Изъ семейной хроники», сказано, что «Пушкинъ поручилъ Плетневу предложить баронессѣ Софьѣ Михайловнѣ Дельвигъ купить у нея свой портретъ, писанный Кипренскимъ, по заказу барона Антона Антоновича Дельвигъ, на что Софья Михайловна и изъявила согласіе, продавъ его Пушкину за 1000».

Портретъ, о которомъ говоритъ г. Павлищевъ, былъ дѣйствительно заказанъ отцомъ моимъ, барономъ Антономъ Антоновичемъ Дельвигъ, Кипренскому, но мать моя, Софья Михайловна Баратынская, бывшая баронесса Дельвигъ, никогда не продавала его Пушкину, а вотъ какъ это было: Пушкинъ, когда былъ женихомъ, пріѣхалъ къ моей матери и сталъ ее просить продать ему этотъ портретъ, желая подарить его своей невѣстѣ. Мать моя, разумѣется, не согласилась продать его, но, наконецъ, должна была уступить настоятельной просьбѣ Пушкина и подарила ему портретъ, которымъ очень дорожила.

Этотъ разсказъ я часто слышала отъ моей матери, скончавшейся 4-го марта 1888 года, на 82-мъ году своей жизни.

Баронесса **Елизавета Дельвигъ.**

1822.

Достопамятный годъ въ лѣтописяхъ Петербурга; подобнаго не бывало донынѣ, т. е. въ теченіе ста восьмидесяти пяти лѣтъ и едва ли скоро дождутся подобнаго жители нашей сѣверной столицы. Нева вскрылась 6-го марта, застыла 10-го ноября: навигація продолжалась девять мѣсяцевъ и четыре дня. Въ первый день Пасхи (2-го апрѣля) женщины ходили въ кисейныхъ платьяхъ, мужчины въ однихъ сюртукахъ; лѣто было неизмѣнно самое благодатное и урожайное.

Но самое начало года было ознаменовано наводненіемъ. В. Н. Берхъ пишетъ (стр. 78): «Наводненіе было 23-го января 1822 года въ полночь; но объ этомъ не дошло до насъ никакого письменнаго свѣдѣнія».

По журналу, веденному въ Галерной гавани, видно, что вода возвышалась тамъ ночью въ это число до 8 футовъ и 5 дюймовъ.

У Аларчина моста выступила вода изъ канала и покрыла улицы фута на полтора. На театральной площади лежало множество льда, вынесеннаго водою изъ канала. Наводненіе это продолжалось два или три часа и причинило только не значительный вредъ жителямъ Галерной гавани.

1824.

Очевидцы наводненія 1777 года увѣряли своихъ дѣтей, что оно было гораздо бѣдственнѣе, нежели наводненіе 1824, а, между тѣмъ, это послѣднее гораздо глубже врѣзалось въ память петербургскихъ жителей, на много лѣтъ оставивъ по себѣ неизгладимые, печальные слѣды. Напоминанію о немъ способствовали, быть можетъ, донынѣ сохранившіяся помѣтки на стѣнахъ домовъ, въ видѣ жестяныхъ, а кое-гдѣ и мраморныхъ, досчечекъ съ надписью: 7-го ноября 1824 года; развороченныя плиты набережной Фонтанки, Мойки, Екатерининскаго и Крюкова каналовъ, выровненныя и перемощенныя лишь десять лѣтъ тому назадъ; наконецъ, множество страшныхъ эпизодическихъ разсказовъ и преданія о таинственной связи этого наводненія съ жизнію императора Александра I: оно двѣнадцатью мѣсяцами и двѣнадцатью днями предшествовало его кончинѣ, а наводненіе 10-го сентября 1777 года—тремя мѣсяцами и двумя днями—его рожденію.

Извѣстно, что рѣзкимъ атмосферическимъ перемѣнамъ, помимо барометрическихъ колебаній, предшествуютъ многія предзнаменованія въ видѣ явленій, повидимому, не могущихъ имѣть никакой связи съ перемѣнами погоды. Люди ученые смѣются надъ этими народными примѣтами, не удостоивая изслѣдовать ихъ научнымъ

путемъ, можетъ быть, потому, что и наука не могла бы дать прямого отвѣта на вопросъ: почему это такъ?

Катастрофѣ 7-го ноября 1824 года было немало предвѣстниковъ еще мѣсяца за четыре до этого рокового дня.

Лѣтомъ, камень, лежащій близь берега Каменнаго острова, былъ весь покрытъ водою, что по примѣтѣ старожиловъ предвѣщало необыкновенное повышеніе воды къ осени.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ [1]), одинъ изъ исторіографовъ наводненія, говоритъ въ своихъ письмахъ, что одна знакомая ему дама, въ августѣ 1824 года, гуляя на Петровскомъ островѣ, замѣтила, что муравьи необыкновенно высоко устроили свои склады зимнихъ запасовъ, именно на верхней перекладинѣ воротъ.

— Что это значитъ?—спросила она стараго начальника брандвахты, Лебедева, прогуливавшагося съ нею.

— Это весьма дурно, сударыня,—отвѣчалъ старикъ,—въ тотъ годъ, когда быть наводненію, муравьи всегда дѣлаютъ свои гнѣзда на мѣстахъ возвышенныхъ. Въ нынѣшнемъ году быть большой водѣ: совѣтую вамъ поселиться какъ можно выше.

За нѣсколько дней до наводненія, извѣстный физикъ и механикъ Роспини (жившій на углу Вознесенскаго проспекта и Офицерской улицы) замѣтилъ, что его барометры упали такъ низко, какъ онъ еще никогда не видывалъ. Это обстоятельство до того его встревожило, что онъ едва не помѣшался.

Были проявленія и предчувствій. Такъ аптекарь Имзенъ (противъ Казанскаго собора) за два дня до наводненія перебрался изъ нижняго этажа въ верхній. Въ отвѣтъ на шутки пріятеля надъ этимъ переселеніемъ онъ отвѣчалъ: «я буду смѣяться, когда вы всѣ будете плакать!»

Еще того удивительнѣе были примѣры проявленія предчувствія въ инстинктѣ животныхъ. Наканунѣ наводненія кошка въ одномъ домѣ перетащила своихъ котятъ на ту ступеньку лѣстницы, до которой не достигла вода. Во многихъ домахъ крысы и мыши изъ подваловъ перебрались на чердаки.

Къ сожалѣнію, наука не обращаетъ должнаго вниманія на подобныя явленія; чаще всего она доискивается причинъ по послѣдствіямъ, т. е. послѣ совершившихся событій. Такъ юстиція всего чаще караетъ преступленія, нежели предупреждаетъ ихъ; такъ медицина—анатомируетъ трупъ умершаго отъ болѣзни, отъ которой она не въ состояніи была излѣчить больного.

Ровно черезъ сорокъ дней послѣ наводненія, ученый академикъ

[1]) Профессоръ, эллинистъ, переводчикъ греческихъ классиковъ, еще того болѣе извѣстный, какъ человѣкъ доброй и благороднѣйшей души. Скончался 20-го октября 1833 года, погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Шубертъ [1]), по просьбѣ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ высочайше утвержденнаго комитета для пособія пострадавшимъ отъ наводненія, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующую записку: «О причинахъ наводненія 1824 года» [2]).

«Ваше превосходительство выразили желаніе, чтобы я письменно изложилъ то, что имѣлъ честь вамъ доложить на вашъ вопросъ касательно наводненія. Весь Васильевскій островъ благословляетъ имя лица, которому я теперь пишу, и каждый считаетъ себя осчастливленнымъ его порученіями. И такъ, я спѣшу съ истиннымъ удовольствіемъ исполнить приказаніе вашего превосходительства, хотя я и не могу сообщить много свѣдѣній, да и тѣ, можетъ быть, подвергнутся порицанію.

«Намъ не только задолго впередъ извѣстно, что̀ происходитъ на небѣ, мы даже можемъ съ математическою точностью опредѣлить физическую причину, которая производитъ всякое движеніе, или его останавливаетъ. Напротивъ того, то, что̀ происходитъ гораздо ближе къ намъ, въ атмосферѣ и во внутренности земли, намъ очень мало извѣстно. Природа какъ будто не допускаетъ слишкомъ точныхъ наблюденій надъ собою и скрываетъ отъ насъ частности своей мастерской, или, скорѣе всего, мы до того дальнозорки, что не можемъ ясно видѣть происходящаго вблизи надъ нашей головой или подъ нашими ногами. Мы не знаемъ «откуда приходитъ и куда направляется вѣтеръ», т. е. намъ неизвѣстна ни точка, откуда онъ начинается и гдѣ онъ перестаетъ, ни причина того и другого. Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій мы ведемъ споры о силѣ, колеблющей землю подъ нашими ногами, и объ аэролитахъ, падающихъ намъ на голову, и безуспѣшны до сихъ поръ были всѣ наши изслѣдованія о томъ, окружены ли полюсы твердой землею, вѣчнымъ льдомъ или открытымъ моремъ, хотя намъ и извѣстна всякая гора на лунѣ, и мы распознаемъ образованіе и таяніе льда у полюсовъ Марса. Физика земного шара осталась далеко позади этой высшей физики, которая принадлежитъ къ области астрономіи, и успѣхи были сдѣланы только въ томъ ея отдѣлѣ, который основывается на астрономіи и математикѣ, какъ, напримѣръ, теорія радуги, приливовъ и отливовъ и т. д. При наступленіи извѣстнаго періода, какъ, напримѣръ, при приливѣ, повторяющемся ежедневно два раза, открывается обширное поле для вычисленій математиковъ и на этой почвѣ они стоятъ твердо. Но неправильныя перемѣны погоды, не подчиняющейся, повидимому, законамъ опредѣленныхъ сроковъ, не дозволяютъ математикѣ стѣснить ихъ своими оковами, и это

---

[1]) Фридрихъ-Теодоръ (Ѳедоръ Ѳедоровичъ) Шубертъ, родился въ Гольмштадтѣ 19/30-го октября 1758, умеръ въ Петербургѣ 9/21-го октября 1825.

[2]) «Русская Старина», изд. 1877 г., т. XX. стр. 708—712.

убѣждаетъ меня, что небесныя тѣла, отдаленныя на огромное пустое пространство отъ нашей атмосферы, не имѣютъ на ея состояніе никакого вліянія, и что перемѣна нашей погоды не имѣетъ ничего общаго съ астрономіей.

«Такъ какъ луна, безъ сомнѣнія, къ намъ ближе всѣхъ остальныхъ небесныхъ тѣлъ, то послѣ того, какъ астрологи перестали справляться съ положеніемъ планетъ для того, чтобы разъяснить происходящее на землѣ, мы думали сдѣлать исключеніе для луны и даже математики рѣшили: «если луна ежедневно два раза поднимаетъ воду въ океанѣ, то какъ же ей не произвести того же дѣйствія въ болѣе легкомъ воздушномъ пространствѣ?» Но на это, повидимому, правдоподобное предположеніе, по моему мнѣнію, легко отвѣчать слѣдующимъ образомъ. Приливъ и отливъ распространяются только на нѣсколько футовъ подъ поверхностью воды, но на днѣ морскомъ ни тотъ, ни другой не ощутительны, и если бы тамъ были обитатели, то они не имѣли бы понятія ни о приливѣ, ни объ отливѣ. Точно также дѣйствіе луны можетъ касаться только поверхности нашей атмосферы, простирающейся, можетъ быть, верстъ на сто надъ нами. Она тамъ, можетъ быть, и поднимается и опускается ежедневно по два раза на нѣсколько футовъ, но мы, живущіе на днѣ этого воздушнаго океана, ничего въ этомъ отношеніи не замѣтимъ, и перемѣны въ нашей погодѣ, происходящія здѣсь внизу, нисколько не будутъ зависѣть отъ луны. О другихъ планетахъ не можетъ быть и рѣчи, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной отдаленности. Но, однако, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что приливъ и отливъ, а слѣдственно косвеннымъ путемъ и луна, могутъ имѣть вліяніе на наводненія, о которыхъ здѣсь собственно и идетъ рѣчь.

«Наводненія, опустошавшія нынѣшнею осенью (1824 г.) часть Германіи и Франціи, происходятъ не отъ тѣхъ причинъ, какъ наши. Рейнъ, Мозель, Рона, стекающіе съ Швейцарскихъ горъ, обыкновенно весною выступаютъ изъ своихъ береговъ, когда таютъ снѣга на этихъ горахъ; осенью вода въ нихъ незначительно прибываетъ отъ частыхъ дождей; въ этотъ же разъ и та и другая причина оказали свое дѣйствіе. Осень была обильнѣе чѣмъ когда-либо грозами и проливными дождями; морозъ въ сентябрѣ покрылъ необыкновенно рано Альпы снѣгомъ, который, растаявши въ концѣ октября подъ вліяніемъ оттепели, стекалъ съ горъ, такъ что въ этотъ разъ осень и весна оказывали свое дѣйствіе въ одно и то же время. Къ этому присоединились еще землетрясенія, которыя выгнали рѣки изъ береговъ и образовали новые источники.

«Такъ какъ Нева не стекаетъ съ горъ, но спокойно выходитъ изъ Ладожскаго озера, то наводненіе здѣсь можетъ быть только слѣдствіемъ засоренія устья, или отъ западныхъ бурныхъ вѣтровъ: это послѣднее и было причиною наводненія 7-го ноября. При на-

водненіи все зависитъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ направленія, силы и продолжительности вѣтровъ. Не могу предположить, чтобы приливъ воды въ Финскомъ заливѣ или въ Балтійскомъ морѣ былъ въ состояніи одинъ произвести такое дѣйствіе, какъ оказалось 7-го ноября. Нужно искать причины болѣе отдаленной, въ Сѣверномъ морѣ или Атлантическомъ океанѣ. Тамъ должны были нѣсколько дней свирѣпствовать бури съ западнымъ вѣтромъ, которыя гнали воды Сѣвернаго моря чрезъ Скагерракъ. Дѣйствіе ихъ должно еще увеличиться, когда сѣверный вѣтеръ въ Каттегатѣ прогоняетъ воды чрезъ Зундъ и Бельты въ Балтійское море. Здѣсь же, чтобы произвести наибольшее дѣйствіе, должны свирѣпствовать южныя или юго-западныя бури; иначе наводненіе коснулось бы только береговъ Пруссіи и Курляндіи. Наконецъ, для того, чтобы наводненіе дошло до С.-Петербурга, необходимо, чтобы въ самомъ Финскомъ заливѣ были бури съ запада. Чтò, дѣйствительно, въ Атлантическомъ океанѣ и Сѣверномъ морѣ передъ 7-мъ ноябремъ свирѣпствовали бури, доказываютъ намъ кораблекрушенія у береговъ Великобританіи, Германіи и Скандинавіи, и на это, вѣроятно, луна имѣла, хотя косвенное и незначительное, вліяніе.

«Извѣстно, что приливы и отливы обусловливаются притягательною силою солнца и луны, особенно послѣдней. Слѣдовательно, эта сила увеличивается: 1) когда солнце и луна дѣйствуютъ взаимно, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать другъ другу; 2) когда сила каждаго изъ этихъ небесныхъ тѣлъ, въ особенности луны, сама по себѣ значительна. Первое бываетъ, когда солнце и луна идутъ по одному направленію или стоятъ одинъ противъ другого, что случается при новолуніи или полнолуніи. Второе же бываетъ, когда солнце, въ началѣ весны или осени, проходитъ чрезъ экваторъ, въ особенности же при наибольшей близости луны къ землѣ, потому что ея притягательная сила увеличивается въ вдвое большей мѣрѣ соразмѣрно отдаленію ея отъ земли. Такъ какъ всякое физическое дѣйствіе требуетъ времени для своего проявленія, то вслѣдствіе того сильнѣйшій приливъ бываетъ три или четыре дня по новолуніи или полнолуніи осенью, чтò почти совпадаетъ съ временемъ наибольшаго приближенія луны къ землѣ. 7-й ноябрь случился наканунѣ новолунія и четыре дня спустя послѣ наибольшаго приближенія къ землѣ луны—и дѣйствіе луны было, поэтому, неощутительно.

«Совпаденіе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ бываетъ такъ рѣдко, что, по всей вѣроятности, пройдутъ многіе годы, можетъ быть, даже полстолѣтія, прежде чѣмъ Провидѣніе дозволитъ совершиться подобному несчастію. Все это время, вѣроятно, употребится съ пользою разумнымъ правительствомъ и будутъ приняты всѣ мѣры къ уменьшенію вреда отъ будущихъ наводненій. Хотя никакія человѣческія усилія не могутъ измѣнить направле-

ніе или силу бурь, но существуютъ мѣстныя обстоятельства, увеличивающія зло, отстранить которыя и было бы весьма полезно. Сюда принадлежатъ мелководія, мели и наносы, находящіеся какъ въ Невѣ, такъ и въ ея каналахъ, и, не будучи уничтожены заблаговременно, увеличивающіеся съ каждымъ годомъ. Эти засоренія не только все болѣе и болѣе затрудняютъ плаваніе между Петербургомъ и Кронштадтомъ, но и увеличиваютъ всякое наводненіе, не только потому, что они дѣлаютъ болѣе узкимъ русло Невы, но и потому еще, что они уменьшаютъ силу ея теченія; это, по моему мнѣнію, объясняется слѣдующимъ образомъ.

«Если бы Нева не вливалась въ море, то бури съ запада въ Финскомъ заливѣ произвели бы только движенія воды къ востоку, не поднимая уровня воды, какъ это и бываетъ въ океанѣ при буряхъ, продолжающихся нѣсколько дней и по одному направленію. Тутъ всегда бываетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, связь съ теченіемъ по противоположному направленію, вслѣдствіе чего вода снова уходитъ. Поэтому всякое препятствіе, затрудняющее это теченіе, измѣняетъ дѣло: у береговъ и подводныхъ камней образуется прибой волнъ и т. д. Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій служитъ рѣка, изливающаяся въ море по направленію, противоположному натиску воды. Слѣдствіемъ этого бываетъ, конечно, борьба двухъ враждебныхъ силъ, и вода, будучи тѣснима съ противоположныхъ сторонъ, такъ сказать, сдавляется въ срединѣ и образуетъ возвышенность, съ вершины которой она, вслѣдствіе своей тяжести, стекаетъ во всѣ стороны. Этотъ высшій пунктъ находится теперь между Петербургомъ и Кронштадтомъ и, можетъ быть, достигалъ 7-го ноября высоты болѣе 20-ти футовъ, но онъ, конечно, не остается постоянно на одномъ мѣстѣ. При ослабленіи, отъ какой бы то ни было причины, одной изъ борющихся силъ, другая въ той же мѣрѣ увеличивается и, пріобрѣтая перевѣсъ, отодвигаетъ высшую точку воды, отъ которой и бываетъ наводненіе къ болѣе слабой сторонѣ; къ этой послѣдней поэтому и образуется наибольшій стокъ воды. Это очевидно примѣняется къ отмелямъ Невы, которыя не только затрудняютъ, слѣдовательно и ослабляютъ теченіе рѣки, но и содѣйствуютъ наводненію, препятствуя стоку воды на извѣстную глубину, о чемъ выше изложено. Этимъ самымъ, высшая точка воды, которую можно назвать средоточіемъ наводненія, подвигается все болѣе и болѣе къ Петербургу; поднимаясь на водяную гору, мы тѣмъ самымъ погружаемся болѣе въ глубину и находимся при этомъ въ положеніи, далеко не въ томъ, въ которомъ былъ Магометъ: не мы подвигаемся къ горѣ, а гора приближается къ намъ. Лучшимъ средствомъ противъ этого зла, которое подобно раку, незамѣтно все болѣе и болѣе проявляющему свою разрушительную силу, служатъ: постепенное возвышеніе береговъ Невы и низменныхъ частей города,

происходящее само собою отъ построекъ и дѣйствія растительности; устройство новыхъ каналовъ, особенно же очистка Невы, которая оказала бы самое благодѣтельное вліяніе на судоходство и торговлю. При этомъ рождается другой вопросъ: почему Нева, съ того злополучнаго дня, почти ежедневно, даже при умѣренномъ вѣтрѣ, прибываетъ фута на четыре. Причиною этому служитъ частью то, что съ 7-го ноября господствовали сильные западные вѣтры съ столь малымъ исключеніемъ, что вѣтеръ одного дня былъ какъ бы продолженіемъ вѣтра предъидущаго дня, и Нева едва находитъ время понизиться до своего нормальнаго уровня. Еще есть, можетъ быть, и другая причина, о которой мы здѣсь почти ничего не знаемъ, а именно: можетъ быть, на моряхъ Балтійскомъ и Сѣверномъ все еще продолжаются бури съ запада, чему естественнымъ послѣдствіемъ является то, что вода, скопившись въ закрытомъ водоемѣ Балтійскаго моря, не могла еще излиться обратно черезъ Зундъ и поэтому прибываетъ въ Неву при каждомъ западномъ вѣтрѣ.

«Пользуюсь этимъ случаемъ увѣрить ваше превосходительство, и проч. Θ. Θ. Шубертъ».

С.-Петербургъ, 17-го декабря, 1824 года.

Къ диссертаціи ученаго академика считаемъ не лишнимъ присоединить замѣтку ученаго гидрографа В. Н. Берха [1]).

«Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ, что ноября 7-го и 10-го чиселъ, было въ Сан-Франциско, что въ Калифорніи, весьма высокое наводненіе при S. W. (Ю. З.) штормѣ, каковаго старожилы не запомнятъ. Приключеніе сіе доказываетъ намъ, какою неимовѣрною силою двинуты были воды океана: ибо дѣйствовали одинаково при берегахъ Швеціи, Франціи и Россіи.

«С.-Петербургъ находится въ 59° 56′ сѣверной широты; С.-Франциско въ широтѣ 37° 48′ 30″. Географическое разстояніе между сими двумя мѣстами 10.538 верстъ».

Впрочемъ, болѣе или менѣе, ошибочныя догадки о причинахъ наводненія, теорія приливовъ и отливовъ, законы штормовъ и т. п. не входятъ въ программу нашихъ лѣтописей. Перейдемъ къ повѣствованіямъ современниковъ, пытавшихся, въ одной общей картинѣ, изобразить всѣ ужасы катастрофы; затѣмъ, перейдемъ къ отдѣльнымъ, эпизодическимъ разсказамъ очевидцевъ о наводненіи въ различныхъ частяхъ города.

Первымъ бытописцемъ страшнаго дня 7-го ноября 1824 года—былъ извѣстный въ свое время писатель и публицистъ Θ. В. Булгаринъ [1]).

---

[1]) «Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ Санктпетербургѣ». Спб. 1826, въ 8 д. л., стр. 61—62.

[1]) «Литературные листки 1824 года» №№ XXI и XXII.

«День 6-го ноября, предшествовавшій наводненію, былъ самый непріятный. Дождь и пронзительный холодный вѣтеръ съ самаго утра, воздухъ съ сыростью. Къ вечеру вѣтеръ усилился и вода значительно возвысилась въ Невѣ. Въ семь часовъ я уже видѣлъ на Адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря: сильные порывы юго-восточнаго [1]) вѣтра потрясали кровли и окна. Стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали по дневныхъ трудахъ, не обращая вниманія на буйство стихій. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появились на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами; но около 10 часовъ утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастія и съ любопытствомъ смотрѣли на сей грозный феноменъ природы, уже низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Галерной гавани, Канонерскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго чугуннаго завода близь Екатерингофа, терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ сіе время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ погибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противу теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя безпрестанно увеличивались, наконецъ, яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ строеній, подверженныхъ первымъ ударамъ и сильному напору огромной массы воды, не могли противустоять, поколебались въ своемъ основаніи и съ трескомъ обрушились. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе домы, на бревнахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ; нѣкоторые лишились жизни при семъ случаѣ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли. Вода безпрестанно прибывала, вѣтеръ усиливался и, наконецъ, возвышеніе воды въ Финскомъ заливѣ простерло бѣдствіе на цѣлый городъ. Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи и не могши излиться въ море, возросла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и чрезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась чрезъ края набережныхъ изъ рѣки и всѣхъ кана-

[1]) Грубѣйшая ошибка: вѣтеръ былъ юго-западный, гнавшій Неву вспять; при вѣтрахъ восточномъ и юго-восточномъ вода бываетъ на убыли.

ловъ и наводнила улицы. Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ, что̀ могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые, при спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ. Между тѣмъ, толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ домы, другіе поспѣшили въ свои жилища; но прибывшая вода принудила ихъ спасаться, гдѣ кто̀ могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу пополудни весь городъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской частей) залитъ былъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, и въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ напримѣръ, на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенской улицъ, у Каменнаго моста) болѣе нежели на полторы сажени. Видъ съ бельведера дома Котомина былъ ужасный и величественный. Разъяренные волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, излившееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ и соединилась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами, покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ г. военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на двѣнадцати-весельномъ катерѣ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько малыхъ лодокъ проѣхало по Морской и большой катеръ съ нѣсколькими людьми различнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, сперва приставалъ къ нашему дому, а послѣ того остановился возлѣ дома Косиковскаго. На другой день этотъ катеръ стоялъ въ Морской улицѣ на мели.

«Но бѣдствія на Адмиралтейской сторонѣ (кромѣ Коломны) не были столь ужасны, какъ въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ на берегу Финскаго залива, въ поперечныхъ линіяхъ Васильевскаго острова, близь Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, заселенныхъ деревянными строеніями. Тамъ большая часть домовъ повреждена; иные смыты до основанія; всѣ заборы ниспровергнуты и улицы загромождены были лѣсомъ, дровами и даже хижинами. На многихъ улицахъ, во всѣхъ низкихъ частяхъ города, лежали изломанныя барки и одно паровое судно огромной величины съ завода г. Берда очутилось въ Коломнѣ возлѣ сада митрополита римскихъ церквей Сестренцевича Богуша [1]). На Невѣ всѣ пловучіе мосты сорваны, исключая Сам-

---

[1]) Примѣчаніе В. Н. Верга (стр. 66—67). Надобно воздать особенную благодарность г. флота генералъ-интенданту Василію Михайловичу Головнину († 1831).

соньевскаго и прелестнаго моста, соединяющаго Каменный островъ съ Петербургской стороною. Всѣ чугунные и каменные мосты уцѣлѣли; но гранитная набережная Невы поколебалась и многіе камни, особенно на пристаняхъ, сдвинуты съ мѣста.

«Въ третьемъ часу по полудни вода начало сбывать; въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ, и тротуары во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совершенно очистились отъ воды, которая снова подчинилась своимъ законамъ теченія, оставивъ плачевные слѣды своего кратковременнаго буйства».

Александръ Павловичъ Башуцкій[1]) описалъ день наводненія болѣе прочувствованно и не менѣе правдиво, хотя въ указаніи направленія вѣтра впалъ въ ту же ошибку какъ и Булгаринъ.

«День 6-го ноября былъ нѣкоторымъ образомъ предвѣстникомъ будущаго несчастія: дождь шелъ съ самаго утра, вѣтеръ былъ рѣзокъ, холоденъ и дулъ съ чрезвычайною силой; къ ночи вода уже значительно возвысилась. Жители города, отвыкшіе отъ наводненій, безпечно отдавали вечеръ разсѣянію, и ночь спокойно провели въ отдыхѣ; самые осторожные полагали, что случайное возвышеніе воды, по обыкновенію, сбудетъ къ утру; къ несчастью, не такъ было. Въ ночь поднялся свѣжій вѣтеръ съ юго-востока; порывы его, съ часу на часъ усиливаясь, превратились въ ужасную бурю. Къ исходу десятаго часа послѣ полуночи, я вышелъ на берегъ Невы противъ Зимняго дворца; толпы народа стояли на гранитной набережной, о которую съ шумомъ разбивались волны, безпрерывно гонимыя бурею; выраженіе какого-то недоумѣнія, удивленія или любопытства, замѣняло на лицахъ зрителей страхъ или робость: такъ мало предвидѣли они мѣру близкаго и неотразимаго несчастія. Вскорѣ вода брызнула изъ подземныхъ трубъ, потомъ хлынула чрезъ гранитные затворы рѣкъ и каналовъ, и съ смутнымъ шумомъ, широкими волнами полилась по улицамъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской частей). Я не могъ уже пройти въ Большую Морскую, въ домъ военнаго генералъ-губернатора, но изъ оконъ Зимняго дворца попеременно видѣлъ ужасныя дѣйствія разъяренной стихіи, на площади противъ дворца, на Невѣ, въ Большой Миліонной, и на сторонѣ, къ Адмиралтейству обращенной.

за благовременное поднятіе камелей на берегъ. Ежели бы сіи два огромные ковчега оставались еще на рѣкѣ, то 7-го ноября сорвало бы ихъ съ якорей, понесло бы между 7-ю и 8-ю линіями, куда вѣтеръ и теченіе стремились съ великою силою и сокрушило бы большую часть домовъ по сей улицѣ находящихся. Не говорю, во чтобы стали разломка и новая постройка, ибо стащить ихъ на воду едва ли возможно было.

[1]) Умеръ въ исходѣ 1860 годовъ, даровитый и трудолюбивый писатель, въ 1847—1848 г. редакторъ «Иллюстраціи», въ 1824 г. былъ адъютантомъ графа М. А. Милорадовича.

Зрѣлища сего описать невозможно. Зимній дворецъ, какъ скала, стоялъ среди бурнаго моря, выдерживая со всѣхъ сторонъ натискъ волнъ, съ ревомъ разбивавшихся о крѣпкія его стѣны, и орошавшихъ ихъ брызгами почти до верхняго этажа; на Невѣ вода кипѣла какъ въ котлѣ, и съ неимовѣрною силой обратила вспять теченіе рѣки; набережные домы казались парусами кораблей, нырявшихъ среди волнъ; всѣ мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелыя флашкоута сѣли на гранитный парапетъ противу Лѣтняго сада; барки и другія суда съ быстротою молніи неслись какъ щепки вверхъ по рѣкѣ; отчаянные люди, съ распростертыми руками, въ оцѣпенѣніи ожидали неминуемой гибели; огромныя массы гранита были сдвинуты съ мѣста или вовсе опрокинуты.

«На площади противъ дворца другая картина: подъ небомъ, почти чернымъ, темная зеленоватая вода вертѣлась какъ въ огромномъ водоворотѣ; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкіе листы желѣза, сорванные съ крыши новаго строенія Главнаго штаба: буря играла ими какъ пухомъ; два длинные деревянные тротуара, поперегъ между заборовъ недоконченнаго зданія сдѣлали плотину, на которую волны упирали съ ревомъ и, достигнувъ высоты ея, полились въ Малую Миліонную. Въ Большую Миліонную чрезъ узкій переулокъ, выходящій на Неву, вдвинуло водою огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водою, лѣзли въ окна, на фонари, цѣплялись за карнизы и балконы домовъ, прятались на вершинахъ деревъ, посаженныхъ вкругъ бульваровъ, садились на имперіялы каретъ; лошади тонули въ запряжкѣ. По Невѣ плыли брусья краснаго дерева, ящики и тюки съ товарами; у 1-го Кадетскаго корпуса стояла барка съ сѣномъ, возлѣ зданія 12 Коллегій такихъ же двѣ. По линіямъ разметаны были барки съ дровами и угольемъ; къ балкону одного дома прибило два большія транспортныя судна, два таковыя же внесло въ переулокъ; часть разбитаго сельдянаго буяна занесена была бурею изъ 4-го квартала Васильевской части на Петербургскую сторону, гдѣ, близь Троицкой церкви, стояло нѣсколько барокъ съ огромнымъ грузомъ: по улицамъ 1-й Адмиралтейской части плавали могильные кресты, занесенные съ кладбищъ, на чрезвычайно далекомъ разстояніи расположенныхъ!..

«Но что значили бѣдствія Адмиралтейской стороны (кромѣ Коломны) въ сравненіи съ зарѣчными частями города, близко къ заливу лежащими, или съ мѣстами, по берегамъ онаго расположенными, гдѣ вода доходила до 16 футъ! Здѣсь не предвидѣли еще грозной опасности, а тамъ—въ Гавани, на Канонерскомъ и Гутуевскомъ островахъ, въ Екатерингофѣ, въ деревняхъ Тентелевой, Емельяновкѣ, Афтовой, и на Чугунномъ заводѣ, терпѣли бѣдствіе, при одномъ воспоминаніи котораго сердце невольно содрогается!!

Зрѣлища уничтоженія и гибели были наиболѣе ужасны на Чугунномъ заводѣ: съ самаго начала наводненія, рабочимъ позволено было возвратиться въ свои жилища, отдѣльно отъ завода расположенныя; но быстрота прибывавшей воды уже препятствовала имъ достигнуть до оныхъ; спасая собственную жизнь на крышахъ и въ верхнемъ жильѣ завода, сіи несчастные должны были видѣть потерю своей собственности и—что еще ужаснѣе!—смерть женъ и дѣтей, гибнувшихъ почти передъ ихъ глазами, не имѣя возможности подать имъ какую-либо помощь!

«Въ два часа с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на 12-весельнемъ катерѣ появился на Невскомъ проспектѣ; многіе частные люди на лодкахъ выѣхали на улицы, по коимъ несчастные были спасаемы ими. Въ началѣ третьяго, вода пошла на убыль, а къ ночи улицы совершенно освободились отъ оной».

Самуилъ Ивановичъ Аллеръ [1]), какъ житель Смольнаго монастыря не можетъ назваться очевидцемъ наводненія: онъ только компилировалъ разсказы другихъ, или пользовался оффиціальными документами. Тѣмъ не менѣе его нельзя миновать при выдержкахъ изъ разсказовъ о 7-го ноября 1824 года.

«Еще 6-го ноября, особенно къ вечеру, сильный юго-западный вѣтеръ, вздымавшій ужасными порывами своими воду въ рѣкахъ и каналахъ Петербурга, до самыхъ береговъ, казалось предвѣщалъ столицѣ грозное бѣдствіе. Но большая часть оной, какъ юные воины на полѣ брани, не испытавъ еще опасности, оставались спокойными зрителями, тѣмъ больше, что къ ночи вѣтеръ сталъ нѣсколько утихать; не смотря на то, однакожъ, зажженные фонари, для означенія необыкновеннаго возвышенія воды, съ Адмиралтейской башни не были снимаемы и пушечные выстрѣлы слышны были неоднократно въ продолженіе ночи. 7-го числа рано по утру, вѣтеръ сильно началъ увеличиваться, а въ 10 часу превратился въ ужасную бурю, которая не токмо срывала крыши съ домовъ и вырывала большія деревья съ корнями, но даже обратила естественное теченіе самой Невы въ противную сторону. Въ то время было до 6 град. тепла по Реомюрову термометру; барометръ опустился чрезвычайно низко, почти до 27 д., а воздухъ сдѣлался весьма густъ.

«Въ 10 часовъ вода начала выступать изъ береговъ, а въ началѣ 12 часа наводнились уже двѣ трети города, и только большая половина Литейной и Московской части, также Каретная и Рождественская, кромѣ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстъ, оставались незалитыми водою. Такимъ образомъ, вода съ чрезмѣрною скоростью возвышалась до 3 часа. Между тѣмъ, не многіе пред-

---

[1] Родился въ 1788, умеръ въ ноябрѣ 1860 года, авторъ первой книги посвященной описанію наводненія.

видѣли предстоявшее несчастіе; иные смотрѣли съ любопытствомъ, какъ вода изъ рѣшетокъ подземныхъ трубъ била фонтанами; другіе, примѣчая постепенное возвышеніе оной, вовсе не заботились о спасеніи собственности и даже жизни своей, пока, наконецъ, вдругъ въ улицы со всѣхъ сторонъ не хлынула вода, которая заливала экипажи, потопила нижнія жилья домовъ, ломала заборы, разрушала мостки, крыльца, фонарные столбы и несущимися обломками выбивала не только стекла, но даже самыя рамы, двери, перилы, ограды и проч. Тогда всеобщее смятеніе и ужасъ объяли жителей. Никто не зналъ за что взяться: ибо рѣдкій находился тамъ, гдѣ ему надлежало быть. Въ полдень улицы представляли уже быстрыя рѣки, по коимъ носились барки, гальоты, гауптвахты, будки, крыши съ домовъ, дрова, всякій хламъ, трупы домашняго скота и проч.

«Среди порывовъ ужасной бури, повсюду слышны были крикъ отчаянный людей, ржанье коней, мычаніе коровъ, вой собакъ. Въ сіе самое время изъ средины города придворные конюхи и служители частныхъ людей спѣшили въ бродъ на возвышенную часть онаго для спасенія сихъ животныхъ. Многіе, особенно пріѣзжіе, извозчики, торгующіе крестьяне и прочаго званія люди, бывъ застигнуты внезапнымъ наводненіемъ на улицахъ и площадяхъ и не знавъ высшей части города, стремились для спасенія себя и лошадей своихъ туда, гдѣ вода по низости мѣста была гораздо выше и гдѣ они дѣлались жертвою яростныхъ волнъ. Домашній скотъ, преимущественно лошади, находясь на волѣ не на привязи, спасался самъ, гдѣ только могъ примѣтить возвышеніе, напротивъ того бывшій въ конюшняхъ и хлѣвахъ, коего не успѣли изъ сего заключенія освободить, большею частью погибъ, особенно отъ того, что повсюду полы, не прибитые гвоздями, были силою воды подняты и несчастныя животныя проваливались. Во многихъ домахъ вторые и третьи этажи представляли конюшни.

«Вскорѣ люди начали ѣздить по улицамъ на шлюпкахъ, лодкахъ, катерахъ и даже плотахъ для спасенія утопавшихъ; но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что собственная ихъ жизнь была въ опасности, и они сами принуждены были искать спасенія на дворахъ, изъ коихъ нѣкоторые, будучи окружены большими строеніями и находясь въ защитѣ отъ вѣтра, служили имъ какъ бы гаванью. По разлитіи воды Исаакіевскій мостъ, представлявшій тогда крутую гору, былъ силою бури разорванъ на части, которыя понеслись противъ теченія рѣки въ разныя стороны, такъ что нѣсколько плашкотовъ онаго съ находившимися въ то время на нихъ людьми, взошли на возвышенный берегъ Адмиралтейства. Большая часть прочихъ мостовъ не устояли также противъ ужасной бури.

«Нева разъяренная представляла страшную и плачевную картину. По ней неслись съ Васильевскаго острова къ Охтѣ барки съ сѣномъ, дровами, угольями, плоты бревенъ, гальоты, разныя

суда и обломки строеній, на коихъ погибавшіе съ распростертыми руками молили о спасеніи. Даже по нѣкоторымъ улицамъ видны были подобныя суда съ грузомъ; плывшіе по онымъ дрова, бревна, доски и прочіе строительные матеріалы покрывали въ иныхъ мѣстахъ всю поверхность воды. Самое же ужаснѣйшее зрѣлище было въ Галерной гавани и на казенномъ чугунномъ заводѣ. Въ гавани многіе домы могли бы еще устоять противъ ярости волнъ и вѣтра, еслибъ не претерпѣли величайшаго вреда отъ большихъ судовъ, носившихся тамъ съ такою быстротою, что и твердые домы, на кои они находили, мгновенно разрушались, и многіе люди, коихъ жилища такимъ образомъ сносились, спасали жизнь свою на тѣхъ же самыхъ судахъ, отъ которыхъ претерпѣвали толь ужасное бѣдствіе. Однакожъ, тѣ домы, кои были подъ защитою большихъ деревьевъ, уцѣлѣли наружностію своею болѣе нежели другіе, стоявшіе на открытыхъ мѣстахъ. Отъ купеческой биржи и другихъ торговыхъ мѣстъ плыли брусья краснаго дерева, бочки и тюки съ товарами. Съ Смоленскаго кладбища, гдѣ были разрушены самые твердые памятники съ желѣзными оградами, неслись во множествѣ деревянные кресты съ могилъ и проч.

«И такъ вода прибывала до 2 часовъ и каждымъ дюймомъ увеличивала отчаяніе устрашенныхъ жителей, какъ вдругъ барометръ неожиданно поднялся до 30 д. и вода пріостановилась на четверть часа; а въ четверть третьяго начала вдругъ сбывать гораздо съ большею скоростію, нежели съ какою прибывала. Нельзя описать чрезвычайной радости жителей, они возносили однѣ теплыя молитвы ко Всевышнему за его милосердіе.

«Вслѣдъ за симъ настигла ночная темнота, и въ тотъ вечеръ невозможно было еще узнать о всѣхъ бѣдствіяхъ сего памятнаго и роковаго дня, кои представлялись жителямъ не столь ужасными, каковыми они были на самомъ дѣлѣ. Едва, однакожъ, уменьшилась нѣсколько вода, какъ возникло, не смотря на темноту, сообщеніе по улицамъ; тѣ, коихъ вода застигла на дорогѣ или кои принуждены были искать спасенія своего въ незнакомыхъ домахъ, отправились еще по поясъ въ водѣ къ жилищамъ своимъ, чтобы обрадовать домашнихъ своихъ, или пѣшкомъ или на такихъ экипажахъ, какіе только могли найти по дорогѣ. Но что было вѣрнѣе и безопаснѣе идти пѣшкомъ по водѣ или ѣхать на чемъ-нибудь? Улицы были завалены всякимъ хламомъ, плававшимъ по водѣ, а среди самыхъ мостовыхъ у рѣшетокъ надъ подземными трубами сдѣлались прососы, въ кои проваливались экипажи съ лошадьми... При томъ не было никакой возможности засвѣтить по улицамъ фонари: ибо тѣ изъ нихъ, кои были прикрѣплены къ стѣнамъ домовъ, повредились отъ вѣтра, а другіе, находившіеся на особыхъ деревянныхъ столбахъ, были или опрокинуты или даже снесены водою.

«На другой день рано по утру народъ уже толпился по тѣмъ

улицамъ, гдѣ взорамъ онаго представлялись слѣды столь разрушительнаго и ужаснаго дня. По всѣмъ сторонамъ видны были кружки людей, внимательно съ сокрушеніемъ слушавшихъ извѣстія о всѣхъ злосчастіяхъ послѣ наводненія. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что наиболѣе потерпѣли: большая часть Васильевскаго острова, Коломна, Екатерингофъ... Почти во всѣхъ сихъ мѣстахъ остались только коегдѣ заборы; строенія же, какъ жилыя, такъ и нежилыя, почти всѣ повреждены болѣе или менѣе, смотря по мѣстному ихъ положенію, а нѣкоторыя изъ нихъ даже совсѣмъ не найдены на мѣстахъ. Конечно, въ Адмиралтейскихъ частяхъ и вездѣ, гдѣ строенія каменныя, сіе наводненіе не имѣло столь пагубныхъ послѣдствій, однако, потопленіе всего нижняго жилья, разнаго рода магазиновъ, лавокъ, лабазовъ и погребовъ, изъ коихъ не было возможности въ столь короткое время спасти товары и запасы, нанесло несмѣтныя потери въ торговомъ и хозяйственномъ отношеніи.

«На другой день Галерная гавань представляла видъ ужаснѣйшихъ развалинъ: тамъ большія суда и гальоты лежали во множествѣ по улицамъ и дворамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ были ряды домовъ, сдѣлались площади, поперекъ улицъ стояли и лежали снесенные домы и крыши; разными обломками и домашнею утварью была большая часть улицъ такъ завалена, что почти не было возможности пройти, со всѣхъ сторонъ подъ грудами развалинъ видны были трупы людей и домашняго скота. Множество животныхъ лежали полумертвыми отъ усталости послѣ борьбы съ волнами. По всѣмъ линіямъ разбросаны были заборы, палисады, мостки и даже въ нѣкоторыхъ брусья краснаго дерева; берега же Невы были завалены судами, будками и разнымъ хламомъ... Въ Чекушахъ, гдѣ снесено множество домовъ, преимущественно повреждены были кожевенные заводы. Въ иныхъ мѣстахъ сдѣлалась такая перемѣна, что трудно было узнать и самую знакомую улицу, даже мѣсто жительства своего. Тамъ люди принуждены были спасаться на плотахъ, кои сколачивали они изъ обломковъ строенія»...

Слѣдующій разсказъ одного изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ [1]) изображаетъ намъ страданія и личныя впечатлѣнія императора Александра I.

«Нева, выступивъ изъ береговъ, разлилась по улицамъ и площадямъ столицы, угрожая людямъ, нарушившимъ тишину и необитаемость ея негостепріимныхъ береговъ, всеобщимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ. Обломки деревянныхъ домовъ и утвари носились по улицамъ; катера спасали людей. Населеніе было въ страшной агоніи; видѣли ясно, что если морской вѣтеръ продолжится еще часа два, то городъ погибъ. Провидѣніе, на этотъ разъ, отклонило гибель; вѣтеръ началъ стихать и перемѣнять на-

---

[1]) Е. П. Ковалевскій, «Графъ Блудовъ и его время». Спб. 1866, стр. 150—152.

правленіе: вода убыла; но бѣдствія, которыя она оставила за собой, были огромны.

«Государь, въ порывѣ своей сострадательной души, работалъ неусыпно, какъ во время наводненія, такъ и послѣ него, посѣщая жилища бѣдняковъ и принося имъ помощь вещественную и утѣшеніе. Едва вода на столько стекла, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную. Тутъ страшная картина разрушенія предстала передъ нимъ. Видимо пораженный, онъ остановился и вышелъ изъ экипажа; нѣсколько минутъ стоялъ онъ непроизнося ни слова; слезы медленно текли по щекамъ; народъ обступилъ его съ воплемъ и рыданіемъ: «за наши грѣхи Богъ насъ караетъ»,—сказалъ кто-то изъ толпы.—«Нѣтъ, за мои!»—отвѣчалъ съ грустію государь; самъ распорядился о временномъ пріютѣ и пособіи пострадавшимъ, оставивъ для исполненія и наблюденія одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, и отправился на Литейный заводъ. Онъ подъѣхалъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпился народъ, и, вошедши въ него, увидѣлъ другого рода картину: на полу и нарахъ лежали двѣнадцать или болѣе труповъ, иные уже въ гробахъ, другіе ожидали еще своего вѣчнаго помѣщенія. Государь и тутъ нѣсколько времени оставался. Онъ какъ будто намѣренно пыталъ себя этимъ зрѣлищемъ, чтобы внутренними муками искупить тотъ грѣхъ, который созидало его мрачное воображеніе. Какъ бы то ни было, но народъ опять увидѣлъ въ немъ прежняго своего Александра; подавленная любовь выразилась съ новой силой.

«Двѣ эпохи въ жизни Александра особенно способствовали къ тому, чтобы соединить существованіе его съ существованіемъ народа и утвердили многочисленныя связи ихъ сопрягавшія. Эпохи сіи суть—событія въ 1812 и бѣдствіе Петербурга въ 1824 г. Тутъ онъ является героемъ своего отечества, мужественнымъ защитникомъ своего народа, его подпорою и спасителемъ». Эти слова принадлежатъ С. С. Уварову, который былъ однимъ изъ исполнителей воли Александра во время бѣдствій 1824 года.

«На воспріимчивую душу Александра это событіе имѣло важное вліяніе; въ ней долженъ былъ совершиться переломъ къ прежней энергіи, которая уже и начала было проявляться. Къ несчастію, оно не осталось также безъ послѣдствій на его здоровье; не смотря на крѣпость свою, оно не могло безъ ущерба выдержать столько потрясеній нравственныхъ, такихъ трудовъ и усилій физическихъ».

И. И. Мартыновъ, въ письмахъ своихъ о наводненіи, разсказывая о посѣщеніи государемъ Чугуннаго завода, говоритъ:

«Какими потоками слезъ орошалъ ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружавшихъ его несчастливцевъ, переживишихъ наводненіе; какъ онъ утѣшалъ ихъ—самъ неутѣшный!..»

Александръ смотрѣлъ на ужасы наводненія съ балкона Зимняго дворца и такъ изобразилъ его Пушкинъ:

«И въ думѣ, скорбными очами,
«На злое бѣдствіе глядѣлъ:
«Стояли стогна озерами
«И въ нихъ, широкими рѣками
«Вливались улицы. Дворецъ
«Казался островомъ печальнымъ...»

Сохранилось преданіе будто мимо дворца неслись по волнамъ колыбель съ плачущимъ младенцемъ и гробъ (быть можетъ пустой). Это было какъ бы напоминаніемъ императору о таинственной, пророческой связи наводненій съ его рожденіемъ и кончиною. Благодаря энергическимъ распоряженіямъ графовъ Милорадовича, Комаровскаго, Бенкендорфа, и другихъ административныхъ лицъ, усердно исполнявшихъ повелѣнія императора, много было спасено несчастныхъ отъ неминуемой смерти. Личное участіе Александра въ поданіи помощи погибавшимъ было бы напраснымъ рискомъ здоровья и собственной его жизни: главнокомандующій не дерется съ непріятелями наряду съ солдатами... Но со слѣдующаго же дня, цѣлую недѣлю, государь посѣщалъ мѣста раззоренныя наводненіемъ, утѣшая пострадавшихъ и помогая имъ. О впечатлѣніяхъ своихъ императоръ передавалъ самъ графу Евграфу Ѳедотовичу Комаровскому [1]), временному генералъ-губернатору Петербургской части и одному изъ главныхъ дѣятелей въ выдачѣ пособій и облегченія участи пострадавшимъ.

«8-го ноября,—разсказываетъ онъ,—на другой день наводненія, я получаю записку отъ бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба его величества генералъ-адъютанта Дибича, чтобы я въ три часа послѣ обѣда явился въ комнаты государя. Послѣ меня пріѣхали генералъ-адъютанты: Депрерадовичъ и Бенкендорфъ. Насъ позвали немедленно въ кабинетъ императора. Государь намъ сказалъ: «Я призвалъ васъ, господа, чтобъ вы подали самую скорую и дѣятельную помощь несчастнымъ, пострадавшимъ отъ ужаснаго вчерашняго происшествія», — и у него примѣтны были слезы на глазахъ. «Я увѣренъ, что вы раздѣляете мои чувства состраданія»,— и продолжалъ говорить съ такимъ чувствительнымъ краснорѣчіемъ, что мы сами были чрезвычайно тронуты. «Я назначаю васъ, — присовокупилъ императоръ,—временными военными губернаторами зарѣчныхъ частей города, что вы увидите изъ сегодняшняго приказа. Вотъ вамъ инструкція наскоро составленная; сердца ваши ее дополнятъ. Поѣзжайте отсюда прямо къ министру финансовъ, который имѣетъ повелѣніе выдать каждому изъ васъ по 100.000

[1]) «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 1296—1299. Графъ родился 18-го ноября 1769, скончался 18-го октября 1848 года.

рублей на первый случай». Мы вышли изъ кабинета государя восхищенные тѣмъ, что слышали и сказали: «жаль, если разговоръ сей не сохранится для потомства, ибо онъ изобразилъ бы императора Александра таковымъ, каковъ онъ точно есть и послужилъ бы лучшимъ панегирикомъ его небесной души; но останется памятникомъ начертанная собственною его величества рукою инструкція, государемъ намъ данная, въ коей видна его нѣжная и отеческая попечительность о несчастныхъ, пострадавшихъ отъ наводненія и въ коей ничего не было упущено къ услажденію ихъ плачевной участи.

«Генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Выборгскую часть, я — на Петербургскую сторону, а Бенкендорфъ—на Васильевскій островъ. Мы въ тотъ же вечеръ получили опредѣленную сумму. Мое мѣстопребываніе было назначено въ домѣ коменданта крѣпости, куда я и отправился ночевать. Мы подчинены были военному генералъ-губернатору графу Милорадовичу, которому и должны были дѣлать наши донесенія; но находящаяся мѣстная полиція и квартировавшія въ этой части города войска состояли подъ непосредственнымъ нашимъ начальствомъ.

«Между тѣмъ, учреждены были и на адмиралтейской сторонѣ частные комитеты, которыхъ предсѣдателями были гг. сенаторы. Эти комитеты были подчинены центральному комитету подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Мы также учредили при себѣ комитеты изъ особъ, пользующихся наиболѣе уваженіемъ обывателей той части города.

«На другой день моего пріѣзда на Петербургскую сторону, къ которой присоединены были Каменный и Аптекарскій острова, я поѣхалъ осматривать оную, и никакъ не могъ представить себѣ такого опустошенія, каковое я нашелъ повсемѣстно. Всѣ заборы были снесены, всѣ мосты, даже черезъ канавы, раздѣляющіе улицы, сорваны, такъ что никакого сообщенія между ними не было; множество фонарей и нѣсколько будокъ были истреблены водою. По сдѣланному послѣ счету до 160 барокъ разной величины и нѣсколько галіотовъ находились на улицахъ. Извѣстно, что на Петербургской сторонѣ, всѣ почти обывательскіе дома деревянные въ одинъ этажъ, кромѣ Большого проспекта, во всѣхъ этихъ домахъ вѣтромъ разбило стекла, а вода разрушила печи, особенно въ слободкѣ называемой Колтовской; на берегу взморья вода была вышиною въ три аршина. Тамъ многіе ветхіе дома совсѣмъ были снесены. Жителей, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Петербургской сторонѣ до 90 душъ обоего пола. Я не зналъ сначала за что приняться. Пріѣхавъ въ Колтовскую и увидя множество жителей безъ пріюта и безъ пищи, я приказалъ, на первый случай, кое-какъ ихъ размѣстить по сосѣдямъ, и роздалъ лично болѣе нуж-

дающимся до 2,500 рублей; призвалъ къ себѣ священниковъ и церковныхъ старостъ и далъ имъ деньги, чтобы по ихъ усмотрѣнію, они подавали всякій день милостыню бѣднымъ и нищимъ; послалъ отыскать стекольщиковъ и печниковъ, но, къ несчастію, какъ оно было уже въ глубокую осень, и всѣ мастеровые разошлись по своимъ деревнямъ, то и посланы были нарочные, чтобы воротить ихъ всѣхъ назадъ, и въ нихъ уже не было болѣе недостатка. Комитетъ, при мнѣ находившійся, состоялъ изъ шести членовъ: четверо было изъ дворянъ, а двое купцовъ. Петербургская сторона раздѣлена (была) на четыре квартала, первый кварталъ порученъ былъ сначала коллежскому асессору Львову, а потомъ, Мельяну; второй—коллежскому совѣтнику Агаѳонову; третій—купцу Шубину; четвертый—купцу же Шульгину. Дѣйствительному статскому совѣтнику Кермпковскому пор官чаны были Каменный и Аптекарскій острова, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагода находился въ комитетѣ и получалъ отъ меня иногда особыя порученія. Сверхъ того, въ каждомъ кварталѣ учреждены были особыя комитеты, въ которыхъ члены находились извѣстные своимъ хорошимъ поведеніемъ изъ мѣщанъ и изъ ремесленниковъ. Эти квартальные комитеты назначены были въ помощь члену частнаго комитета, которому ввѣренъ былъ кварталъ. Изъ обывателей избраны были надежные и честные люди, которые раздавали въ каждомъ кварталѣ пищу, состоявшую въ скоромные дни изъ щей съ говядиной, а въ постные изъ кашицы со снѣтками, гречневой каши и хлѣба съ солью. При всякомъ изъ сихъ раздателей находился офицеръ внутренней стражи, съ двумя рядовыми, для порядка. Сначала раздавалось ежедневно пищи до 2,000 порцій, а когда устроены были печи въ домахъ бѣдныхъ, то отпускали имъ дрова и муку. При гарнизонномъ баталіонѣ, расположенномъ на Петербургской сторонѣ, учреждена была швальня, въ которой шили: армяки, тулупы и раздавалась также прочая одежда и обувь, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Этимъ завѣдывалъ баталіонный командиръ, полковникъ Елистратовъ. Строительная часть поручена была находившемуся при штабѣ моемъ квартирмейстерской части подпоручику барону Корфу и архитектору Беретти, жившему на Петербургской сторонѣ. Возстановленіе фонарей, будокъ и заборовъ возложено было на находившагося при мнѣ по особымъ порученіямъ майора Кельчевскаго. Канцеляріею моею управлялъ штабъ-офицеръ майоръ Репешко; равно и адъютанты мои Жеребцовъ, графъ Толстой и Варонковскій были употреблены по разнымъ предметамъ. Обязанность членовъ комитета была: всякой день обходить по утру и во всякомъ домѣ осматривать поврежденія сдѣланныя водою; войти въ состояніе хозяина дома, а также находившихся въ ономъ жильцовъ и, соразмѣрно потери ихъ, назначать вспомоществованія, сначала самыя необходимыя, ибо эти вспо-

4*

моществованія возобновлялись нѣсколько разъ, соразмѣрно суммѣ находившейся въ распоряженіи комитета. Всякое послѣ обѣда всѣ члены собирались у меня и мы, въ общемъ засѣданіи, разсматривали представленные членами комитета списки и назначали денежныя пособія, которыя члены получали подъ свои росписки тотчасъ и на другой день раздавали по принадлежности, и, такимъ образомъ, это повторялось каждый день. Мнѣ казалось, что это былъ наиуспѣшнѣйшій способъ доставлять пособія. На третій день моего на Петербургской сторонѣ пребыванія, 10-го ноября, посѣтилъ меня государь. Наканунѣ того дня присланы были дрожки въ одну лошадь съ кучеромъ съ императорской конюшни, чтобъ находиться въ нанятой у самого перевоза квартирѣ. Я встрѣтилъ государя, какъ онъ изволилъ выходить изъ катера. Его величество началъ расказывать мнѣ, что наканунѣ былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. На четвертой верстѣ петергофской дороги находился казенный литейно-чугунный заводъ, состоявшій у самаго взморья; деревянныя казармы были построены для жительства рабочихъ людей, принадлежавшихъ къ заводу. Въ девять часовъ утра 7-го ноября, вѣтеръ сталъ подниматься, вода прибывать; ударили въ колоколъ, чтобъ распустить съ работы людей; всѣ бросялись къ своимъ жилищамъ, но уже было поздно,—вода, съ такою скоростью прибывала, что этимъ несчастнымъ невозможно было достигнуть казармъ, гдѣ находились ихъ жены и дѣти, и, вдругъ, большую часть сихъ жилищъ понесло въ море. Каково же было положеніе этихъ бѣдныхъ людей, видящихъ ихъ семейства погибающими и не имѣющихъ способовъ подать имъ малѣйшую помощь,—примѣтно было, что государь внутренно страдалъ, разсказывая объ этомъ ужаснѣйшемъ происшествіи и присовокупить изволилъ: «Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, и видалъ мѣста послѣ битвы, покрытыя бездушными трупами, слышалъ стоны раненыхъ, но это неизбѣжный жребій войны; а тутъ, увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать, осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ». Потомъ, государь, сѣлъ на дрожки и я поѣхалъ впередъ. Сначала я повезъ его величество къ Тучкову мосту; тутъ, посреди проспекта стоялъ преогромный галіотъ, такъ, что мы принуждены были сойти съ дрожекъ и идти пѣшкомъ. Государю хотѣлось видѣть второй кадетскій корпусъ, но когда мы вышли на берегъ Невы, то все парадное мѣсто покрыто было барками, бревнами и такимъ множествомъ дровъ, что и пѣшкомъ шагу впередъ было сдѣлать невозможно. Между тѣмъ, императоръ у меня спрашивалъ, что я успѣлъ сдѣлать въ это короткое время, и, кажется, отвѣтомъ моимъ былъ доволенъ; приказывалъ, чтобъ я ничего не щадилъ для призрѣнія бѣдныхъ. Потомъ, кое-какъ, мы пробрались на Каменноостровскій проспектъ; тутъ открылось намъ необозримое поле ого-

родовъ, и мы могли доѣхать только до Карповки, ибо мостъ черезъ оную былъ сорванъ; но Бетанкуровъ мостъ на Каменный островъ уцѣлѣлъ. Государь сошелъ съ дрожекъ и сказалъ мнѣ: «Какое ужасное опустошеніе. Ну, братъ, тебѣ предстоитъ много труда. Я почти не узнаю»,—продолжалъ его величество,—«проспектъ, по которому я столько лѣтъ безпрестанно ѣзжалъ!». Что болѣе всего удивило государя, это двѣ преогромныя барки съ углями, въ коихъ находилось нѣсколько тысячъ четвертей онаго (?), приведенныя за нѣсколько дней до наводненія, для Монетнаго двора. Эти барки стояли подлѣ ограды деревянной церки св. Троицы, и вышиною своею равнялись почти съ нею. Государь, осыпавъ меня, по обыкновенію, милостивыми привѣтствіями, изволилъ на катерѣ возвратиться во дворецъ, обѣщавъ еще скоро меня посѣтить. Мнѣ сказывали послѣ, что священникъ служилъ обѣдню въ церкви св. Троицы, при чемъ находилось и нѣсколько молельщиковъ; когда вѣтеръ усилился и понесло барки съ углями прямо на ограду, вдругъ сдѣлалось темно; между тѣмъ, вода начала входить въ церковь. Священникъ предложилъ всѣмъ находившимся въ оной исповѣдаться и причаститься, полагая, что эти барки, ударясь о церковь разрушатъ ее, и что смерть ихъ неизбѣжна; но, къ счастію, въ оградѣ было нѣсколько большихъ березъ, которыя, вѣроятно, остановили стремленіе барокъ до тѣхъ поръ, какъ начала вода убывать».

Страшно было на Петербургской сторонѣ, но на долю Васильевскаго острова досталась чаша горя переполненная черезъ край; здѣсь, богачи-негоціанты и биржевики теряли милліоны въ видѣ товаровъ, хранившихся въ биржевыхъ сараяхъ, кладовыхъ и въ таможенныхъ пакгаузахъ; бѣдняки лишались послѣдняго имущества! Наводненіе не пощадило даже «послѣднихъ жилищъ» и съ особеннымъ неистовствомъ свирѣпствовало на Смоленскомъ кладбищѣ. Приводимъ разсказъ о томъ о. С. И. **Златовича** изъ его историческаго очерка[1]).

«Со страшною силою вода хлынула на кладбище и поднялась надъ нимъ почти на 10 футовъ. Всѣ кладбищенскіе заборы были снесены, мосты и мостки уничтожены; кресты съ могилъ унесены на Выборгскую сторону, гдѣ, въ морскомъ госпиталѣ всю зиму крестами топили печи. Земляныя насыпи на могилахъ смыты; каменныя и металлическія надгробныя плиты сдвинуты съ мѣста и занесены землею. Даже большая часть памятниковъ была свалена, частію напоромъ волнъ, частію паденіемъ вырванныхъ съ корнемъ и сломанныхъ деревьевъ. Деревянная церковь Архистратига Михаила, въ 1818 году совершенно перестроенная духовникомъ госу-

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1873 г., т. VIII, стр. 190—191.

даря протопресвитеромъ Криницкимъ[1]), была размыта до такой степени, что послѣ наводненія служить въ ней не было возможности. Въ большой церкви вода влилась въ подвалъ и уничтожила хранившіеся тамъ церковныя книги, документы и подняла полъ[2]). Вода прошла и въ богадѣльню и затопила ее. Три старушки думали спастись на печкѣ и потонули[3]). Другіе убѣжали на чердакъ и тамъ спаслись; но ихъ убогіе пожитки всѣ унесены водою. Въ богодѣльнѣ вода сломала деревянную галлерею, размыла печи, испортила полы. Внѣ кладбища всѣ заборы, сараи, деревянныя избушки для огородниковъ—были размыты, сломаны, унесены. Унесло водою и траурное заведеніе: поплыли дроги, плащи, шляпы, попоны... Въ сѣверной сторонѣ одного каменнаго дома образовались трещины и самая стѣна отъ дома отдѣлилась. Вообще, послѣ наводненія, все Смоленское представляло картину полнаго разрушенія»...

Государь посѣтилъ Смоленское кладбище на четвертый день послѣ наводненія, о чемъ сохранился въ церковныхъ книгахъ слѣдующій рапортъ къ благочинному:

«Сего ноября 11 числа въ четвертомъ часу по полудни, его императорское величество всемилостивѣйшій нашъ государь императоръ Александръ Павловичъ, обозрѣвая водою разворенныя жилища, благоволилъ всемилостивѣйше посѣтить и наше кладбище. Взошедъ въ церковь, помолился иконамъ, оглянулъ церковь и, въ болѣзни сердца, поклонился покойникамъ и изволилъ выйдти вонъ. Прошедъ за колокольню, посмотрѣлъ тамъ и пошелъ назадъ при богадля[4]) у богадѣленокъ спросилъ. «Какъ велика была вода?» Тѣ отвѣтствовали. Послѣ изволилъ сказать, чтобы онѣ много не скорбѣли: «Я вашъ покровитель»; изъ насъ же ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ. О семъ вашему преподобію репортую. Протоіерей Георгій Петровъ[5]). Ноября 15 дня, 1824 года».

Помимо опустошеній и разореній на кладбищѣ и въ домахъ ему принадлежавшихъ, наводненіе оставило по себѣ на немъ неизгладимые слѣды въ отношеніи нравственномъ: «оно усилило и увеличило нищенство и бродяжничество, по городу вообще, по Смо-

---

[1]) Павелъ Васильевичъ Криницкій скончался на 84 году 6-го декабря 1835 года. Погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ придѣлѣ св. Сергія и Вакха.

[2]) Уцѣлѣли церковныя и метрическія книги съ 1785 года, хранившіяся на колокольнѣ.

[3]) Не три а пять богадѣленокъ утонуло: Татьяна Иванова Бабина, Дарья Иванова Ведина, Анна Θедотова Боброва, Соломонида Савельева и Матрена Тимоѳеева. Полуистлѣвшіе останки Вединой найдены были въ маѣ 1825 года.

[4]) Это не описка: богадля встарину говорилось вмѣсто богадѣльня, что гораздо яснѣе передаетъ мысль о пріютѣ для Бога.

[5]) Первый настоятель Смоленскаго кладбища, скончался 84 лѣтъ 28-го іюля 1825 года.

ленскому кладбищу въ особенности. Говоримъ не объ истинной нищетѣ, но о тѣхъ обоего пола пролетаріяхъ, которые создали себѣ изъ недавняго наводненія доходную статью. Они, какъ будто, родились изъ ила, нанесеннаго волнами взморья и Невы. Эти люди инфузоріи Божью ниву избрали для своей жатвы. Каждый, или каждая изъ нихъ, приставая къ посѣтителямъ, импровизировали или повторяли затверженные разсказы о понесенныхъ ими страданіяхъ, опасностяхъ, убыткахъ и утратахъ. По ихъ словамъ каждый, или каждая изъ нихъ, и всѣ поголовно овдовѣли, либо осиротѣли. Эти легенды были такъ правдоподобны, и мрачная обстановка раззореннаго кладбища съ размытыми могилами и перекосившимися памятниками такъ гармонировала съ ними, что даянія слушателей сыпались щедрою рукою. Тонъ и характеръ просьбъ измѣнялись по мѣрѣ отдаленія отъ церкви: робкіе, приниженные въ первыхъ разрядахъ, оборванцы и салопницы становились дерзче и наглѣе на окраинахъ кладбища.:. И пять, и шесть, и десять лѣтъ прошло со времени наводненія, но нищенство продолжалось, хотя рѣже и рѣже звучали разсказы о погибшихъ 7-го ноября женахъ, мужьяхъ и дѣтяхъ...»

Мы еще возвратимся въ эту «юдоль плачевную», но теперь перейдемъ къ разсказамъ эпизодическимъ о страшномъ наводненіи, людей разныхъ возростовъ и званій.

Замѣшанный въ декабрьскую смуту Александръ Петровичъ Бѣляевъ 2-й, въ эпоху наводненія юноша двадцати одного года, посвящаетъ ему слѣдующія страницы своихъ воспоминаній [1]).

«Наводненіе 1824 года 7-го ноября началось въ ночь съ 6-го на 7-е. 6-го числа былъ сильный западный вѣтеръ, который затѣмъ превратился въ страшную бурю, такъ что теченіе Невы остановилось и вода стала заливать берега. Въ вечернемъ приказѣ я былъ назначенъ дежурнымъ по баталіону, а братъ мой дежурнымъ на императорскій катеръ, стоявшій противъ дворца у дворцовой набережной. Когда я шелъ отъ Калинкина моста, гдѣ мы жили, въ казармы, по набережной Мойки, то едва не былъ сбитъ съ ногъ силою урагана, такъ что, державшись только за перила изо всей силы, могъ подвигаться. Вода уже била фонтанами изъ всѣхъ водосточныхъ трубъ, заливая улицы и захватывая всѣхъ пѣшеходовъ, которые должны были по водѣ спѣшить къ своимъ домамъ или своимъ должностямъ. Всего болѣе было жаль бѣдныхъ дамъ, захваченныхъ этимъ внезапнымъ разливомъ. По мѣрѣ подъема воды стали показываться по улицамъ лодки, и одна изъ нихъ съ флигель-адъютантомъ Германомъ направилась въ наши ворота и этимъ проливомъ пристала къ каменной лѣстницѣ, гдѣ вода стояла уже на 5-й ступени изъ нижняго въ верхній этажъ. На этой лодкѣ

[1]) «Русская Старина», изд. 1881 г., т. XXX, стр. 15—18.

отправилось нѣсколько матросовъ съ офицерами для подания помощи въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Невѣ вода поднялась уже выше набережной; ураганъ страшно свирѣпѣлъ, волненіе на Невѣ сдѣлалось громаднымъ; плыть внизъ по рѣкѣ уже не было возможности, все несло вверхъ противъ теченія. Когда противъ дворца показалась сѣнная барка, уже вполовину затопленная и люди кричали и просили помощи, государь, увидѣвъ ихъ изъ окна бѣдствующихъ, послалъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, который въ этотъ день былъ дежурнымъ, приказать катеру снять этихъ несчастныхъ. Генералъ передалъ приказаніе брату моему, командиру катера, который, сѣвъ на казачью лошадь, располагалъ подъѣхать къ катеру, такъ какъ у дворца вода была выше пояса; но когда онъ увидѣлъ, что генералъ тоже располагаетъ направиться къ катеру, то соскочилъ въ воду и они оба по поясъ въ водѣ, страшно холодной, достигли катера и взошли въ него. Барка уже много подалась вверхъ противъ теченія, и, когда люди были спасены, катеръ поворотилъ ко дворцу, такъ какъ ему приказано было снять только этихъ людей. Но когда 18 человѣкъ силачей гребцовъ начали грести, то катеръ не подавался ни на шагъ. Братъ мой, управлявшій рулемъ, крикомъ поощрялъ гребцовъ навалиться (терминъ морской), но всѣ ихъ усилія были тщетны, и когда уже сломалось нѣсколько веселъ, и катеръ, не смотря на всю силу 18 могучихъ веселъ, несло вверхъ противъ теченія, братъ доложилъ генералу, что внизъ они уже плыть не могутъ, а надо поворотить по вѣтру и гдѣ будутъ погибающіе, то подать имъ помощь. Генералъ долженъ былъ согласиться съ этимъ доводомъ, не смотря на то, что былъ въ одномъ мундирѣ, такъ же какъ и братъ, и что они промокли до костей. Если они спаслись отъ смертельной простуды, то обязаны были этимъ, конечно, сильному нервному возбужденію и физическимъ усиліямъ при удержаніи катера, когда онъ долженъ былъ останавливаться для снятія погибавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ имъ посчастливилось спасти нѣсколько человѣкъ на сальномъ буянѣ, на Петербургской сторонѣ. Не видя уже болѣе утопавшихъ или бывшихъ въ опасности, они рѣшились дать отдохнуть отъ чрезмѣрныхъ усилій матросамъ и дать обсушиться какъ себѣ, такъ и имъ, потому что одежда ихъ была такъ мокра, что какъ будто они сейчасъ только вытащены были изъ глубины. Брызги валовъ, безпрестанно вершинами своими поддававшихъ въ катеръ и обливавшихъ людей съ головы до ногъ, не давали возможности даже бурному вѣтру хоть сколько-нибудь просушить ихъ. Они подъѣхали къ одному дому на Петербургской сторонѣ, котораго верхній этажъ былъ еще свободенъ отъ затопленія; но какъ входа въ домъ нигдѣ не было, то генералъ разрѣшилъ выбить одно изъ оконъ. Толстую доску, называемую сходней, которая кладется съ катера на берегъ, для входа, нѣсколько разъ раскачали матросы

и такъ сильно ударили ею въ окно, что обѣ рамы съ трескомъ вылетѣли въ комнату. Квартира эта принадлежала одному очень милому, по отзывамъ брата, семейству, сколько помнится, Огаревыхъ. Они приняли ихъ, конечно, съ большимъ радушіемъ и самымъ нѣжнымъ участіемъ; снабдили сухимъ бѣльемъ, халатами, такъ какъ мундиры ихъ были совершенно мокры, напоили чаемъ съ ромомъ, а также команду и спасенныхъ людей. Къ утру буря стихла и они отправились во дворецъ. Когда генералъ Бенкендорфъ доложилъ государю обо всемъ, что было ими сдѣлано и отозвался съ похвалою о мужествѣ и распорядительности брата, какъ командира катера, государь приказалъ тотчасъ же надѣть на него орденъ Владиміра 4-й степени. Братъ, 18 лѣтній юноша, никакъ не хотѣлъ надѣть крестъ, отговариваясь, безъ сомнѣнія отъ искренняго сердца, что ничего не сдѣлалъ достойнаго такой награды, но генералъ сказалъ: «не ваше дѣло, молодой человѣкъ, разсуждать, когда государю угодно васъ наградить». Помнится, что Бенкендорфъ получилъ табакерку съ портретомъ государя и разсказывали, не знаю правда ли, что ему зачтенъ какой-то значительный казенный долгъ. Когда же братъ вернулся съ караула, съ какимъ восторгомъ я и всѣ товарищи узнали о его подвигѣ и наградѣ, но когда мы со службы пришли домой, то въ квартирѣ своей нашли страшное опустошеніе: мебель, платье, бѣлье, все было почти уничтожено. Не смотря на то, мы посовѣстились записаться въ списокъ пострадавшихъ отъ наводненія, которымъ повелѣно было выдать пособіе, соотвѣтственно потери каждаго. Сколько было несчастныхъ, которые болѣе насъ нуждались въ пособіи отъ казны. Списки составлялись по всѣмъ пострадавшимъ частямъ города; такъ какъ мы жили у Калинкина моста въ низовьяхъ рѣки, то вода въ нашихъ комнатахъ стояла выше роста человѣка; фортепьяно нашего товарища Бодиско обратилось въ лодку, потому что плавало въ комнатѣ со всѣмъ тѣмъ, что на немъ стояло.

«У многихъ домовъ, какъ оказалось утромъ, фундаменты были подмыты и еслибъ это наводненіе продолжилось дня два или три, то можно было ожидать страшнаго паденія многихъ зданій. Бертовскій пароходъ чуть ли не первый и не единственный въ то время, перевозившій пассажировъ въ Кронштадтъ, занесенъ былъ на Царицынъ лугъ и тамъ обмелѣлъ[1]).

«На другой день были назначены команды изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ при офицерахъ убирать расплывшіеся лѣса и другой хламъ, занесенный на улицы. Особенно пострадала Галерная

---

[1]) Ничего этого не было, на Царицыномъ Лугу обмелѣла одна только сѣнная барка.

Замѣтка очевидца, смотрѣвшаго на наводненіе, со времени его начала до убыли воды изъ оконъ Мраморнаго дворца.

гавань, гдѣ жители низкихъ домиковъ и подвальныхъ квартиръ сдѣлались первыми и самыми многочисленными жертвами. Грустно было смотрѣть, когда попадались трупы утопленниковъ, а также видѣть несчастныхъ бѣдняковъ, оставшихся въ живыхъ и потерявшихъ все свое скудное имущество. Государь самъ ѣздилъ по всѣмъ наводненнымъ мѣстамъ, утѣшалъ пострадавшихъ, обѣщая имъ помощь и поистинѣ уподоблялся ангелу утѣшителю. Какъ ни клеветала на него злоба людей, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ его стремленія были возвышенными стремленіями, что сердце его было полно любви къ человѣчеству, а недостатки и слабости, какіе онъ могъ имѣть какъ человѣкъ и промахи или фальшивыя убѣжденія въ управленіи,—съ избыткомъ искупались прекрасными, высокими качествами его благороднѣйшей души. Онъ умеръ въ вѣрѣ, съ покаяніемъ и любовью къ Господу, прижавъ къ сердцу животворящій крестъ Господень.

«Я не говорю уже о его мягкомъ и очаровательномъ обращеніи со всѣми. Когда онъ увидѣлъ моего брата съ командой матросовъ на работахъ, онъ съ улыбкой спросилъ, сейчасъ же узнавъ его:—«А почему ты безъ креста?» Братъ, растерявшись отъ неожиданной встрѣчи, отвѣчалъ:—«Не успѣлъ надѣть, ваше величество!» На работы съ командою офицеры выходили въ старыхъ мундирахъ и запросто, не ожидая встрѣтиться лицомъ къ лицу съ государемъ».

Придворный протоіерей Іоаннъ Виноградовъ (въ эпоху наводненія діаконъ 24-хъ лѣтъ) разсказываетъ въ своихъ запискахъ [1]) объ ужасахъ во время катастрофы на Васильевскомъ островѣ.

«Ноября 7-го того же 1824 года, въ началѣ 12 часа по полуночи, долготерпѣливый, но праведный Богъ посѣтилъ Петербургъ, а паче нашъ островъ неслыханнымъ наводненіемъ. Кратко было оное, но ужасно и гибельно. Съ означеннаго часа до двухъ пополудни вода, вышедшая изъ береговъ своихъ за день ранѣе, лилась быстро съ обильнымъ потокомъ во дворы, по улицамъ, въ нижніе этажи и покрыла весь островъ на весьма высокую мѣру. У насъ, въ соборномъ дворѣ [2]), было оной до цѣлой печатной сажени; между тѣмъ какъ 1747 (вѣроятно 1777?) года наводненіе помнившіе увѣряли, что тогда въ семъ дворѣ воды было менѣе $^1/_4$ аршина. Комнаты нижняго этажа, гдѣ я квартировалъ были залиты оною до двухъ аршинъ; въ обѣихъ церквахъ полы покрыты были вершковъ на 5. Правду сказать, ужасно и вспомнить о семъ событіи. Какъ съ горы вода катилась во всѣ мѣста,—большія барки съ грузомъ своимъ плыли по проспектамъ острова, дрова и бревна очень скоро наполнили дворы,—лошади тонули съ упряжью и экипажами, куры, коровы—все гибло въ сіи страшныя минуты; а люди, не успѣвшіе

---

[1]) «Русская Старина», изд. 1878 г. Томъ XXII стр. 571—574.

[2]) Св. Андрея Первозваннаго, по шестой линіи.

укрыться куда-нибудь, цѣпляясь по проспектамъ за вѣтви деревъ и висѣли, пока могли, а тамъ или, при помощи, спасались, или падали въ воду. Двѣ лошади выпряженныя приплыли къ намъ во дворъ; долго плавали по оному и, наконецъ, какимъ-то истинктомъ попали на довольно высокое церковное крыльцо и тутъ нашли исканное спасеніе. Корова, вѣроятно, желая спастись отъ смерти, подымалась на высокое сквозное крыльцо; но вода залила сіе бѣдное животное, морозъ окостенилъ ее и въ такомъ положеніи я видѣлъ ее висящую. Домы и колокольни были наполнены застигнутыми водою. Добрые жители острова, на проспектахъ живщіе, выкидывали изъ оконъ веревки и втаскивали погибавшихъ.

«Вода оставила по себѣ много странныхъ и смѣшныхъ слѣдовъ своего посѣщенія, не говоря о плачевныхъ и достойныхъ сожалѣнія. Напримѣръ: всѣ книги мои, брошенныя въ торопяхъ на кухонную печь, съ сею печью упали въ воду, только библія, въ четырехъ томахъ, раскиданная по разнымъ мѣстамъ сей печи, уцѣлѣла, какъ бы на устроенныхъ для каждаго тома столбикахъ. Ломберный столъ—выѣхалъ изъ зала чрезъ три комнаты въ спальню, съ салфеткою, которая какъ-то въ безпорядкѣ на немъ лежала, но не мокрая; а бочка съ квасомъ изъ закрытаго подпола, выплывъ въ цѣлости, угнѣздилась въ спальнѣ на кровати! У меня и вездѣ печи попадали отъ воды, но только тѣ, которыя въ тотъ день были топлены.

«На третій день послѣ наводненія сердце мое повлекло меня въ 17-ю линію и ея окрестности. Тамъ я видѣлъ добрѣйшаго императора—утѣшителя несчастныхъ подданныхъ и съ нимъ графа Мих. Андр. Милорадовича. Послѣдній спросилъ у меня: «что батюшка! отпѣвать кого пришли?» «Я пришелъ, в. с—во, поплакать объ участи согражданъ»,—отвѣчалъ я. «Да, и мы затѣмъ же пришли съ государемъ», кончилъ Милорадовичъ—и оба поднялись они по линіи на превысокую дровяную гору, пробираясь по среднему проспекту. Не могу и теперь безъ слезъ разсказывать плачевныхъ картинъ, водою начертанныхъ. Улица у 17-й линіи, направо, идущая къ Смоленскому кладбищу, наполнена была могильными крестами, которые водою снесены съ своихъ мѣстъ сюда. Не подалеку отъ сихъ могильныхъ памятниковъ подошелъ я къ прешірокому черному гробу: плачущая при немъ женщина стала просить меня отпѣть покойницъ, на что я извинился ей моимъ саномъ діакона; напослѣдокъ она раскрыла гробъ, и что представилось очамъ моимъ, мало зрѣвшимъ отъ множества слезъ? Довольно пожилая мать съ дочерью, зрѣлыхъ лѣтъ дѣвицею, одѣтыя въ шелковые зеленаго цвѣта капоты, руками и ногами крѣпко обнявшіяся, лицомъ къ лицу! Ихъ такъ нашли въ лодкѣ, въ 17-й линіи; а домъ, гдѣ жили онѣ, изъ 21-й линіи переплылъ въ 14-ю. По сей линіи вообще у каждаго дома почти готово было домовище (гробъ); ибо каждый по-

чти домъ вмѣщалъ въ себѣ мертвеца, или извлеченнаго изъ развалинъ, или только освобожденнаго оттуда. Другія линіи были также непроходимы отъ нанесенныхъ домовъ, барокъ, бревенъ дровъ и пр. Недѣли времени и тысячи людей нужны были, чтобы очистить и привести въ порядокъ нашъ островъ... О Васильевскій островъ! я сказываю только частицу. Прочіе предметы горести сокрыты были отъ взора моего, да и не достало бы силы описывать все. Бѣдная гавань, Черная рѣчка, Чекуши—что потеряли! Дѣти, отцы, матери, кровные, сосѣди—они передадутъ потомству неописуемыя утраты.

«Можно ли при семъ съ душевною благодарностію не вспомнить о милосердіи государя Александра? Не говоря о томъ, что онъ личностію своею утѣшалъ несчастныхъ, въ самую грозу переплывъ Неву, и жилъ на островѣ около четырехъ сутокъ; по мановенія его явились средства къ облегченію участи разорившихся. Паперти церковныя сдѣлались мѣстомъ раздаянія царевой милостыни, у насъ на острову открылись дома для пріюта и питанія; Адмиралтейская сторона безостановочно подавала заневской сторонѣ хлѣбъ и другіе припасы; устроились комитеты. Родительница Александра I-го, мать всѣхъ бѣдныхъ — императрица Марія — открыла новыя убѣжища подъ кровомъ своимъ для воспитанія дѣтей, потерявшихъ въ наводненіи родителей или воспитателей».

Прибавлю нѣсколько анекдотовъ относящихся къ 7-му ноября 1824 года, слышанныхъ отъ достовѣрныхъ людей.

Покойникъ, похороненный за два дня до наводненія на Смоленскомъ кладбищѣ, въ день потопа приплылъ въ гробѣ въ свою квартиру, гдѣ жилъ [1]).

На чердакѣ дома плававшаго по взморью найдены два младенца въ люлькѣ, преспокойно спящіе [2]).

Діаконъ Александръ Андреевичъ Голубевъ, чтобы спастись отъ воды, коею былъ захваченъ въ своей квартирѣ, головой сахарной пробилъ потолокъ и прошелъ туда (?) съ женою, гдѣ и дождался убыли водной.

Не лишены интереса воспоминанія о наводненіи петербургскаго старожила О. А. Пржецлавскаго [3]), писавшаго подъ псевдонимомъ «Ципринуса». Онъ описываетъ бѣдствіе на мѣстѣ своего жительства—въ Галерной улицѣ. Этотъ разсказъ, чуждый фразерства и всякихъ вычуръ пополняетъ наши выписки изъ сказаній о страшной катастрофѣ.

---

[1]) Это былъ, вѣроятно, тотъ неугомонный вдовецъ о которомъ въ своихъ записках упоминаетъ П. А. Каратыгинъ (см. ниже).

[2]) Трогательно, но неправдоподобно! Вой и ревъ бури, шумъ и плескъ волнъ, самая качка дома носящагося по нимъ должны были разбудить младенцевъ.

[3] «Русская Старина», изд. 1874 г. Том. XI, стр. 671—673.

«Вечеръ 6-го ноября 1824 г. я провелъ на балѣ въ одномъ домѣ у Семеновскаго моста, гдѣ пробылъ до поздней ночи. Возвращаться домой было далеко, мы жили тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ Коммерческаго общества, на углу Замятина переулка. Дулъ очень сильный сѣверо-западный вѣтеръ; онъ то нагонялъ, то разрывалъ и разгонялъ темныя осеннія тучи, такъ что звѣздное небо поминутно то прояснялось, то опять затемнялось. Проѣзжая черезъ Екатерининскій каналъ и Мойку, я замѣтилъ, что вода стоитъ необыкновенно высоко. Имѣя спѣшную работу, я, на другой день, собрался рано ѣхать въ канцелярію, которая была въ домѣ Галошевской, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста. Ровно въ 9-ть часовъ я съ портфелемъ вышелъ чрезъ нашъ дворъ на набережную, думая найти тамъ извозчика. Но, взглянувъ на Неву, я остановился, пораженный неожиданнымъ, ужасающимъ зрѣлищемъ. Вся набережная, по самые края гранитныхъ плитъ парапета, была полна, какъ полный сосудъ, и вода брызгала уже чрезъ край на троттуары. Рѣка, какъ глазомъ завидѣть, состояла изъ бѣлоснѣжной пѣны, по которой неслись и кружились сотни разныхъ судовъ, множество сѣна и дровъ изъ разбитыхъ барокъ. Исаакіевскаго флаушкотнаго моста не было и слѣда. На улицахъ изъ водосточныхъ трубъ били фонтаны. Нельзя было и подумать ѣхать куда-нибудь. Я насилу пробрался домой чрезъ дворъ, наполовину уже залитый водою изъ подземной трубы. Между тѣмъ, одинъ, гостившій у насъ, пріѣзжій изъ провинціи, видя что̀ дѣлается, успѣлъ сбѣгать въ булочную и колбасную и возвратился съ запасомъ провизіи дня, по крайней мѣрѣ, на четыре.

«Я не стану описывать подробностей наводненія 7-го ноября, довольно всѣмъ извѣстныхъ, но разскажу одинъ эпизодъ этого страшнаго дня, происходившій въ нашемъ домѣ. Въ немъ, съ Замятина переулка, ведущаго къ Невѣ, въ нижнемъ этажѣ, возвышавшемся надъ уровнемъ улицы едва на нѣсколько ступеней, была большая зала. Тамъ въ послѣднее время учредили безплатную Ланкастерскую школу взаимнаго обученія, для чего и застроили всю залу скамейками, возвышавшимися амфитеатромъ почти до самаго потолка. Тутъ обучалось много дѣтей обоего пола. Уроки начинались очень рано, такъ что въ день наводненія всѣ дѣти были уже налицо, когда Нева начала выступать изъ береговъ. Изъ родителей этихъ дѣтей нашлась всего одна мать настолько умная, что около 9-ти часовъ заѣхала въ училище и увезла свое дитя. Всѣ прочіе остались одни, такъ какъ никто изъ учителей не пришелъ. Въ половинѣ 10-го часа переулокъ былъ уже залитъ и вскорѣ вода стала пробираться въ залу. Къ счастію были скамейки, постепенно возвышающіяся, и дѣти спасались на нихъ по мѣрѣ того, какъ вода возвышалась. Вода, какъ извѣстно, съ девяти часовъ утра постоянно прибывала до 2-хъ часовъ пополудни и весь Петербургъ

былъ въ паническомъ страхѣ; никто не могъ предвидѣть, когда и на чемъ прибыль остановится. Въ Галерной улицѣ и въ переулкѣ вода достигла высоты порядочнаго человѣческаго роста. Дѣти, собравшіеся на верхнихъ скамейкахъ, вели себя сначала смирно, и мы въ домѣ даже не знали, что они тутъ. Но, послѣ полудня, когда вода не переставала возвышаться, страхъ и голодъ заставили дѣтей сперва плакать, потомъ отчаянно кричать. Хотя мы жили безъ всякаго сообщенія съ залой со стороны Галерной, но вопли несчастныхъ дѣтей, сквозь толстыя стѣны, слышались во всемъ домѣ. Это было невыразимо грустно, можно было думать, что дѣти тонутъ и взываютъ о помощи, а подать ее не было никакой возможности. Мудрый законъ Петра I, требующій, чтобы во всѣхъ домахъ были лодки, по славянской безпечности обветшалъ и ни въ одномъ домѣ лодки не было. Жалобный, раздирающій душу, хоръ на минуту умолкалъ, потомъ возобновлялся съ новой силой и это продолжалось цѣлый день. Въ два часа пополудни вода пошла на убыль; она шибко понижалась и къ 6-ти часамъ улицы были уже свободны отъ воды. Тогда только отцы и матери стали съѣзжаться и развезли дѣтей по домамъ. Если бы въ домахъ были лодки, то родители, конечно, явились бы ранѣе.

«Наводненіе 7-го ноября 1824 года было явленіе исключительное, а въ лѣтописяхъ мѣстной навигаціи—единственное. Сѣверо-западный вѣтеръ, остановившій теченіе Невы, дулъ постоянно и съ одинаковою силою цѣлыхъ 12-ть часовъ по одному румбу, безъ малѣйшаго уклоненія. Какъ только онъ своротилъ немного къ сѣверу, то вода стала шибко убывать. Замѣчательно, что извѣстія о наводненіи не были напечатаны ни въ одной газетѣ, дѣлали тайну изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Только черезъ годъ позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, напечатать брошюру съ описаніемъ подробностей наводненія, а немного ранѣе воспѣвалъ ихъ въ напечатанномъ диѳирамбѣ графъ Хвостовъ:

«... свирѣпствовалъ Борей,
«И сколько въ этотъ день погибло лошадей!
«Тамъ множество различныхъ кравъ
«Лежало кверху ноги вздравъ!» [1]).

---

[1]) Графъ Хвостовъ, дѣйствительно поспѣшилъ воспѣть ужасное событіе столь же ужасными стихами, однако же не на другой день наводненія. Пушкинъ по обыкновенію, издѣваясь надъ горемычною музою графа Хвостова, сказалъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ»:

«... Съ дворовъ
«Свозили лодки. Графъ Хвостовъ,
«Поэтъ любимый небесами,
«Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
«Несчастье Невскихъ береговъ».

Извѣстный въ свое время авторъ и переводчикъ многихъ водевилей и комическій артистъ Петръ Андреевичъ Каратыгинъ [1]) (въ годъ наводненія девятнадцатилѣтній воспитанникъ театральнаго училища), вспоминая о наводненіи, ровно чрезъ полвѣка послѣ катастрофы, разсказываетъ многія любопытныя о ней подробности, которыхъ былъ очевидцемъ, или основываясь на городскихъ слухахъ того времени. Живость и юморъ изложенія, до нѣкоторой степени, искупаютъ многія неточности, могущія ввести въ заблужденіе довѣрчиваго читателя или историка бѣдствія Петербурга. Уваженіе къ исторической правдѣ и къ памяти покойнаго заставило насъ, въ выноскахъ, на основаніи самыхъ достовѣрныхъ и компетентныхъ свидѣтельствъ, исправить нѣкоторые промахи и недоглядки его разсказа.

«Грозное 7-е ноября 1824 г. живо въ моей памяти, хотя уже полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ.

«Еще ночью, наканунѣ того злополучнаго дня, мы слышали въ просонкахъ бурное завываніе вѣтра, отъ сильныхъ порывовъ котораго дрожали рамы въ нашей спальнѣ; но петербургскимъ жителямъ такая музыка въ привычку,—она съ малолѣтства зачастую насъ убаюкивала.

«Поутру, въ обычный часъ, собрались мы въ залѣ на молитву и тутъ, подойдя къ окнамъ, увидѣли необыкновенное возвышеніе воды въ Екатерининскомъ каналѣ: барки съ дровами готовы были вылѣзть за перела, изъ подземныхъ трубъ били на улицу фонтаны. Насъ это сначала очень забавляло; съ иныхъ прохожихъ срывало вѣтромъ шляпы и фуражки въ канаву, и они напрасно хлопотали достать ихъ оттуда, что возбуждало у насъ общій смѣхъ; мы еще никакъ не предполагали, что черезъ нѣсколько часовъ разъиграется такая страшная драма! Въ то время учители не пришли къ намъ въ классы и мы не отходили отъ окошекъ. Между тѣмъ, буря ежеминутно усиливалась и вода мутными волнами хлестала черезъ край за рѣшетку изъ канавы. Наконецъ, съ шумомъ хлынула на улицу и черезъ нѣсколько мунутъ передъ нашими глазами образовалось широкое озеро. Весь нашъ дворъ залило водою. Кто-то изъ моихъ товерищей посадилъ въ корыто кошку и пустилъ ее плавать по двору. Молодежь наша все еще легкомысленно забавлялась, не предчувствуя близкой опасности. Но вскорѣ мы смекнули, что дѣло идетъ не на шутку. На улицѣ, мимо нашихъ оконъ, неслись будки часовыхъ, бревна, дрова, разбитыя лодки, барки и разный хламъ. Кое-гдѣ виднѣлась утопающая лошадь или собака; люди спасались на заборахъ, на крышахъ одноэтажныхъ домовъ; общее

---

[1]) Родился 29 іюня 1805 г., скончался 24 сентября 1879 г., погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. «Записки» его были изданы въ 1880 г. (Спб., 336 стр., въ 8 д. л.). О наводненіи, см. стр. 120—126.

бѣдствіе начало намъ представляться въ страшныхъ картинахъ; тогда лица нашихъ балагуровъ и смѣльчаковъ вытянулись и поблѣднѣли. Густыя, сѣрыя тучи быстро неслись по небу; изрѣдка выглядывало солнце, чтобъ освѣтить всеобщую гибель и разрушеніе. Нашъ домовый священникъ, отецъ Петръ, жилъ тогда въ нижнемъ этажѣ; къ нему побѣжали нѣкоторые изъ воспитанниковъ и просили его пойти въ церковь и отслужить молебенъ о прекращеніи бури; но онъ, бѣднякъ, былъ тогда въ страшныхъ попыхахъ и, совсѣмъ растерявшись, махнулъ намъ рукой и отвѣчалъ:

— «Послѣ, послѣ, а теперь лучше помогите мнѣ вытаскивать мои пожитки и мебель въ верхній этажъ!..»

«И они начали помогать ему выбираться изъ его квартиры, на четверть залитой уже водою.

«Другіе воспитанники бросились въ кухню, которая тоже находилась внизу, и спасали хлѣбъ и съѣстные припасы.

«Воспитанницы помѣщались въ третьемъ этажѣ и безпрестанно высовывались въ форточки. Бѣдная кошка все еще плавала въ корытѣ и неистово мяукала. Воспитанница Прилуцкая, за которой тогда ухаживалъ покойный Григорьевъ (Петръ Ивановичъ), со слезами всѣхъ упрашивала спасти ея любимую кошку! Григорьевъ, въ угоду своей Дульцинеѣ, порыцарски рѣшился на отважный подвигъ. Тогда съ двухъ сторонъ нашего двора помѣщались дрова! Онъ вскочилъ на нихъ и началъ перебѣгать изъ стороны въ сторону, стараясь ухватить корыто. Но въ это самое время вода подмыла дрова, они расплылись и притиснули его; онъ очутился посреди двора, погорло окруженный дровами, и хотя онъ отлично плавалъ, но тутъ не было ему никакой физической возможности выкарабкаться на верхъ.

«Въ третьемъ этажѣ послышался ужасный визгъ, плачъ, крикъ и стонъ. Разумѣется, Прилуцкая кричала больше всѣхъ. Могла ли она не сострадать отважному рыцарю, который для ея любимой кошки рѣшился на такое самоотверженіе! Гдѣ-то достали длинную, толстую веревку и бросили ему съ крыльца, онъ кое-какъ ухватился за нее, и мы всѣ притянули его къ крыльцу. Его тотчасъ раздѣли, уложили въ постель, вытерли виномъ и напоили горячимъ чаемъ съ ромомъ, который принесъ ему нашъ инспекторъ. Благодаря молодости и необыкновенно-крѣпкой его натурѣ, никакихъ дурныхъ послѣдствій съ нимъ не было; онъ проспалъ до утра и всталъ, какъ встрепанный. За то прелестная его Дульцинея вполнѣ оцѣнила его рыцарское мужество и самоотверженіе и сдѣлалась съ тѣхъ поръ вдвое къ нему благосклоннѣе. Но, увы! школьная любовь такъ же, какъ и дружба, непрочна; первая любовь, какъ первый блинъ, бываетъ зачастую комомъ!

«По выходѣ изъ училища, Прилуцкая вышла замужъ за другого, а Григорьевъ женился на другой.

4710 11

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts

1995

3 2044 022 705 818

